

802-11
225

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И
СЪВЕРХНІЙ АРХИВЪ.

ЖУРНАЛЪ
СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

8 и 6. Января

ИЗДАШЕ

книгопродавца *Александра Смирдина.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1853.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
И
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СУДЬБА ВАВИЛОНА.

(Исаи XIV. ст. 4—28).

Ужь-ли твой прешла гордыня?
Ты-ль сокрушень, народовъ страхъ,
И мрачна легла пустыня
Въ твоихъ разрушенныхъ стѣнахъ?
Несытый яростью строптивой,
Ты-ль палъ, тиранъ въ любовной?

Ликуй, Ливанъ! Воимъ встань
Его сѣкира не коснется!

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1837 года,
Декабря 30 дня.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*
Ценсоръ *А. Крыловъ.*

И по невѣдомымъ морямъ
Твой сирый кедръ не понесется!
Замолкъ веселья дикій кликъ
И царь земли къ земль поникъ.

И се — во адовой утробѣ
Его рабовъ срѣгаетъ стонъ:
• И ты погибъ, богатый въ злобѣ,
Ты намъ подобенъ, Вавилонъ!
Покровъ твой — червь, твой одръ — гниенье,
И гдѣ же, гдѣ твое владычье?» —

Не ты ли рекъ: «Подобно Богу,
Превыше звездъ мое чело;
Мой судъ богатъ и убогу,
А мнѣ безвѣстно будетъ зло.
Земли свѣтлая денница
Моя безмѣрная столица!»

Ты пусты положилъ вселенну,
Разсыпалъ грады, на людей
Ты цѣпь сковалъ окровавленну,
Ты былъ не царь — ты былъ злодѣй,
И будетъ гадъ и змѣй обителъ,
Гдѣ обиталъ земли властитель.

Почиютъ мирно во гробахъ
Тобой погубленны народы,
Ихъ не коснется ада страхъ,
Надъ ними тихо мчатся годы —
Прощенье имъ — твой судъ градеть.
Иди же, стань и дай отвѣтъ!

Ты разорилъ совѣты Бога,
Слѣпой кумиръ владыкъ земли!
Ни крѣпость стѣнъ, ни блескъ чертога
Тебя отъ мести не спасли.
Рабы твои бѣжали въ страхъ,
И ты лежишь челою во прахъ.

Л. Н.

СЦЕНА ПОСЛОВЪ

ИЗЪ ТРАГЕДІИ:

ГЕНЕРАЛЬ-ПОРУЧИКЪ ПАТКУЛЬ.

(эскизъ).

=

Декорация: Троицкая Площадь на Петербургской Сторонѣ. Кромѣ
домика Петра Великаго не видно еще ни одного зданія. Церковь
и крѣпость едва поднимаются. На площади глубокая грязь.

—

ВЫХОДЪ III.

ГРАФЪ ГОЛОВИНЪ, ВЕЛИКІЙ АДМИРАЛЪ И А. Д. МЕНШИКОВЪ, ПОРУЧИКЪ-
ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРЪ И ГРАФЪ ИМПЕРСКІЙ.

.....
.....

МЕНШИКОВЪ.

Послы уже у берега...

ГОЛОВИНЪ.

Останься!

Пускай выходятъ; тайный ихъ совѣтъ
Еще не конченъ. Паткуль горючитъ,
А староста Мозырскій панъ Халецкій
О хитростяхъ толкуеть не хитро...

МЕНШИКОВЪ.

Какъ, графъ? И вамъ извѣстно все впередъ?

ГОЛОВИНЪ.

Поставь себя за правдою: врагамъ
Не вѣрять никогда — и не обмануть.

МЕНШИКОВЪ.

Но Паткуль...

ГОЛОВНИЙ.

Паткуль? Шведъ по воспитанью;
Линдландецъ по рожденю; стало быть
Умень хотя горячь, упрямя, да честень...

МЕНШИКОВЪ.

Графъ, вы людей читаете какъ книгу!

ГОЛОВНИЙ.

Прибавь: какъ старую. Не мало лѣтъ
Съ людьми различныхъ націй я водился;
Изъ Пекина пришелъ я подъ Азовъ,
Изъ подъ Азова въ Амстердамъ и Гагу.
Тамъ въ Лондонѣ. По пословицѣ: что городъ,
То воровъ. Да! А мирные трактаты...
Трактатъ, какой бы ни былъ: на рѣкъ
Устроить перевозъ или паромъ;
Межу на сажень отодвинуть; квасу
Кувшинъ перевезти черезъ границу —
Три жизни проживешь, пока окончишь!....
А сила въ чемъ? Не въ томъ, какъ должно кончить,
А кто кого перехитритъ въ рѣчахъ,
Запутаетъ противника въ бумагахъ;
Кто — бродь рѣчной, гдѣ курамъ по колѣни,
Умомъ — умомъ раскинетъ въ море-Окіанъ! —
Чѣмъ болѣе въ трактатѣ оговорокъ,
Неясности, загадокъ, исключеній,
Тѣмъ лучше... Вотъ, послы идутъ. Смотри,
Учись! Хитра посольская наука...
Еще они възъжали на границу,
А я ужъ зналъ все тайны ихъ наказа...
Что жъ должно дѣлать? Должно притвориться
Незнающимъ; запутаться въ сѣтяхъ,
И по-маленьку пробовать, гдѣ тило;
Когда ихъ сѣть придетъ къ концу, — рвануться
И сѣть свою на хитрецовъ набросить.
Одно.... не опоздать!....

Не опоздаемъ!....

ВЫХОДЪ IV.

ТАЖЕ И САКСО-ПОЛЬСКІЕ ПОСЛЫ: МИХАЙЛО ВЪЛОЗОРЪ; МИХАЙЛО ХА-
ЛЕЦКІЙ, СТАРОСТА МОЗЫРСКІЙ; ЗЫГМУНДЪ ХРЖАНОВСКІЙ, ЧЕСНИКЪ;
ЛЯД ДОВРОВСКІЙ, ВИЛЕНСКІЙ ПОДКОМОРИ, И ІОАННЪ РЕЙНГОЛЬДЪ
ПАТКУЛЬ, САКСО-ПОЛЬСКІЙ ДИПЛОМАТЪ (съ трудомъ пробираясь по грязи).

ВЪЛОЗОРЪ (съ досадою).

Да гдѣ же городъ, улицы, дворець,
Парадные посольскія кареты?
Неужели намъ по-грязи идти?
И сколько миль еще итти осталось?....
Варваріа! — Навстрѣчу ни солдата!

ГОЛОВНИЙ.

Великій адмиралъ на встрѣчу посланъ.

ВЪЛОЗОРЪ.

Да гдѣ же онъ, великій адмиралъ
Рыбачьихъ лодокъ, барокъ дровиныхъ!
Онъ могъ бы за великими послами
Прислать хотя порядочную лодку.

ГОЛОВНИЙ.

Не сдѣлали еще! Намъ не до лодокъ
Для перевозки незваныхъ гостей.
Вся лодка въ морь... корабли берутъ.

А ежели великіе послы

Изволни пожаловать въ столицу
По доброй волѣ (ихъ не приглашали);
Такъ пусть потерпятъ нужду по неволѣ...
Самъ Государь еще на новосельѣ...

ВЪЛОЗОРЪ (съ истерическимъ).

Да гдѣ же вашъ великій адмиралъ?....

ГОЛОВНИЙ.

Онъ передъ вами...

ВСЯ.

Какъ? Графъ Головинъ?....

ГОЛОВНИЙ.

Флотъ строится, онъ дѣйствуетъ на сушѣ...
Столица — эта площадь, а дворець
Вотъ эта будка! Можетъ быть, вамъ стыдно
Съ такой имперіей вступать въ союзы.

халецкій.

Графъ ясновсвѣщенный, извините!
 Погода, снѣгъ съ дождемъ, и холодъ утра
 Досадой огуманили глаза. —
 Мы не узнали славнаго министра,
 Который удивлялъ двѣ части свѣта...

паткуль (въ сторону).

О низость!

меншиковъ (также).

Ловко! Нечего сказать!

влозоръ.

Панъ графъ! я счастью моему не вѣрю!
 Такъ неожиданно свести знакомство
 Съ правителемъ политики Московской!

чесникъ.

Позвольте вамъ, панъ графъ, себя припомнить...
 Имѣлъ я честь и счастье въ Амстердамъ
 Между послами вмѣстѣ съ вами кушать.

головинъ.

Панъ Сигизмундъ Хржановскій, чесникъ! Вы ли?
 Позвольте васъ обнять! Знакомство ваше,
 Панъ Бьлозоръ и панъ Халецкій, слишкомъ
 Мнѣ дорого, но я не заслужилъ
 Тѣхъ лестныхъ отзывовъ...

халецкій.

Графъ тонко шутить.

меншиковъ (въ сторону).

Пусть тонко; только, кажется, не шутить...

халецкій.

Панъ графъ насъ знаетъ всѣхъ!....

головинъ.

По громкой славы,
 По перепискъ, по рассказамъ...

влозоръ.

Графъ,

Я радъ, что васъ нашель при Государь;
 Вы намъ поможете трактатъ окончить,
 Столь выгодный для Русскаго Царя!....
 Внучать трактаты — это ваше дѣло!....

головинъ.

Не знаю я условій и статей,
 По вашему столь выгодныхъ Россіи.
 Хотя мое содѣйствіе ничтожно,
 Не я — великій канцлеръ, такъ; однако жъ
 Я радъ стоять за Короля и Польшу,
 Онъ намъ естественный другъ и союзникъ,
 А Карлъ Двѣнадцатый намъ непріятель
 Въ самомъ себѣ и въ предкахъ и въ потомкахъ...
 Мы безъ трактатовъ дѣйствуемъ согласно;
 Инфлянты всѣ, до Риги и Черновы,
 Прошелъ огнемъ фельдмаршалъ Шереметевъ;
 А противъ цѣлой Швеціи, Инфлинговъ,
 Всѣхъ Шведскихъ силъ морскихъ и сухопутныхъ
 Мы ставимъ здѣсь, въ болотъ, — батарею.

халецкій (съ улыбкою).

Не Петербургъ ли?

головинъ.

Именно.

халецкій.

Быть можетъ...

А между тѣмъ Карлъ царствуетъ въ Варшавѣ,
 Назначилъ въ Дрезденъ, въ Вильно гарнизоны,
 Всю Бѣлоруссію, Смоленскъ и Кіевъ
 Въ приказахъ объявилъ за новой Польшей
 На вѣки вѣчные, — и на предѣлахъ
 Готовится Россію подавить...
 Мы — защищали добраго сосѣда;
 Ити врагу на Русь — не позволимъ;
 Подъ Пултускомъ, мы принесли на жертву
 Всѣ наши войска, пушки и снаряды,
 Ужъ не для Августа, а для Россіи,
 Надѣясь, что въ степяхъ ея безмръныхъ,
 Орды воинственныя соберутся
 И Шведа множествомъ своимъ подавятъ.
 Мы думали, что Царь, по крайней мѣрѣ,
 Пришлетъ намъ вспомогательное войско,
 Дастъ денегъ... Для кого же мы воюемъ? —
 А онъ какъ будто Карла не боится! —
 На верфяхъ тешетъ дѣсь собственноручно,

Куеъ жельзо, борода стрижеть,
 Дворянство по-Немецки одъваетъ,
 Рядить ихъ въ маски, праздники даеъ,
 Миллионы сожигаетъ въ феерверкахъ,
 Миллионы топить на чужихъ болотахъ,
 И строить бесполезную столицу
 Подъ пушками и подъ глазами Карла
головиць.
 Пусть смотритъ Карль; замѣнитъ и поправитъ;
 Онъ, говоря, ученъ въ военномъ дѣлѣ...
халецкій.
 Смѣется онъ...

головиць.
 Тѣмъ хуже для него;
 А мы его совѣты свято чтимъ, —
 И Петербургъ не будетъ Копенгагенъ!
 Пусть онъ управится съ Варшавскимъ сеймомъ;
 Запасы съестъ, обезоружитъ Польшу.
 Тогда на смѣну мы пойдемъ: кормить,
 Чѣмъ Богъ послалъ, непрошеннаго гостя;
 Удастся, мы домой его погонимъ;
 А не удастся — сами отойдемъ. —
 Мы можемъ отстунать хоть до Китая...
 Пускай догонитъ... По Руси ходитъ
 Не то, что на конькахъ кататься по льду...
 Да будемъ откровенны, панъ Халецкій! —
 Вѣдь Польша насъ не отстоитъ въ нуждѣ;
 Его Величество Король и Курфирстъ
 Самъ насъ продастъ за Польскую корону. —
 Рѣнь эта не обидна... Есть примѣры... —
 Когда и насъ и васъ Карль подъ Митавой
 Побилъ на голову, — что дѣлалъ Августъ,
 Его Величество Король и Курфирстъ?
 Оставилъ насъ, и собрался мириться;
 Да миръ, благодаря упрямству Карла,
 Отвергнуть, — Августъ снова нашъ союзникъ... —
 И вы, какъ дани, требуете денегъ,
 Какъ должнаго, снарядовъ, пушекъ, войска?
 А вы въ Инфлянтахъ помогали Русскимъ
 Однимъ грошемъ или однимъ солдатомъ?

Спокойно сидъ на Варшавскомъ сеймѣ,
 Вы, какъ на зрѣлище, на насъ смотрѣли.
 Удача, вы друзья... а неудача...

взлосоръ.
 Графъ, вы несправедливы; мы пришли
 Царя увѣрить въ искренности нашей;
 И прочному союзу дать начало...

головиць.
 Какъ Государь рѣшить. — А мой совѣтъ
 Далекъ отъ вашего союза; войско
 Намъ нужно для защиты государства...
 И войска добраго у насъ немного, —
 А недруговъ, вы знаете, не мало.
 Тутъ Шведъ и день и ночь въ глаза глядитъ:
 Вздремнуть нельзя; тамъ буйная Литва
 Волнуется по вѣтру обстоятельствъ;
 Тамъ Турокъ спитъ, но Русскія победы
 Гнетутъ его въ тревожныхъ сповиднѣяхъ;
 Тамъ Персія на Каспій согнала
 Разбойниковъ со всѣхъ концовъ Востока;
 Тамъ дикія орды, безмѣрной цѣпью,
 Щекочутъ насъ до самаго Китая...
 Чего! въ Архангельскъ Шведскій флотъ ходитъ;
 Да рыбаки ихъ на мель посадили... —
 Мы справимся со Шведомъ у себя,

А молодое войско посылать
 Не на ученіе, а на убой — грѣшно!
 А денегъ — право, не за что давать;

Какъ будто Государь нашъ казначей
 Республики! Вы за свои права,
 За Короля, за цѣлость государства
 Стоите? Такъ ли? И за это все
 Неужели должна платить Россія?

Богата наша славная держава,
 Ни слова; денегъ куры не клюютъ!
 Тамъ за Ураломъ вплоть до Окiana,
 У насъ копаютъ золото, какъ землю;
 Амазъ по косограмъ собираютъ
 И ловить жемчугъ на Байкаль. Такъ!
 Да Богъ, по нуждамъ, подаетъ богатство. —

Намъ надо корабельный флотъ построить
 На четырехъ моряхъ, и въ два три года
 Вооружить, снабдить людьми и къ Шведамъ
 Послать на смотръ. — Намъ надо судоходство
 По рѣкамъ завести, копать каналы;
 Поставить крѣпости по всемъ границамъ;
 Мануфактуры, фабрики устроить;
 Отнять изъ рукъ невѣжества дѣтей;
 На царскій счетъ воспитывать Россію...

чесникъ.

Напрасный трудъ! Нельзя и во сто лѣтъ
 Ее поставить паравиъ съ Европой;
 Вы можете усилить ваше войско,
 Построить флоты, крѣпости, столицы,
 Но нравственно образовать Россію...

головины.

Панъ чесникъ! Не въ общу вамъ сказать,
 Я спорилъ съ вами, кажется, объ этомъ.
 Французы, Англичае, Италианцы,
 Испанцы, Нѣмцы и Голландцы, съ нами
 Поперемьно спорить начали.
 Вы помните, на каждомъ языкѣ
 Имъ Русскій отвѣчалъ, какъ на своемъ.
 Мнѣ кажется, панъ чесникъ, вы остались
 Не побѣдителемъ.

чесникъ.

И мнѣ не стыдно:

Мой побѣдитель былъ Графъ Головинъ.
 Для тебя нѣтъ вѣка и отчизны,
 Онъ всеобъемлющимъ уже родился.
 Я вообще о націи сказала.
 Обмыть, обстричь, одѣть въ другое платье,
 Учитъ насильно многимъ языкамъ,
 — Понятія тянуть, не развивать, —
 Не доведетъ все это къ просвѣщенію.
 И эта мысль такая же ошибка,
 Какъ мысль построить новую столицу....
 Ужъ если нуженъ портъ, возьмите Ревель,
 Другую пристань, тамъ ужъ все готово;
 И безопаснѣе....

головины.

Советъ прекрасный!

Но Государь не строить только портъ;
 Нѣтъ, на всю Русь училище. — Въ Москвѣ
 Онъ поражалъ насмѣшкой предразсудки,
 Указами учиться заставлялъ;
 Наградами, благоволеніемъ личнымъ
 Встрѣчалъ успѣхъ, желаніе успѣха;
 Онъ женщинъ свободу возвратилъ
 И сдѣлалъ половиной человека;
 Завелъ увеселительныя игры,
 По образцу народовъ Европейскихъ....
 Что жъ? Во дворцѣ, подъ пѣсенку Царя,
 Усердно пляшеть старъ и младъ; болре,
 Простые люди, дѣвушки, старухи
 Не сводятъ глазъ со старыхъ образцовъ,
 И подражаютъ словно обезьяны.

Пришли домой.... и съ зверскимъ фанатизмомъ.

Въ куски Нѣмецкія одежды рѣжутъ
 И куколь одѣвая, заставляютъ
 Ихъ по-Нѣмецки говорить. — Какъ дѣти,
 Кораблики сосновые спускаютъ
 И заговаривать велѣтъ старухамъ. —
 Пока старуха дуетъ и бормочетъ,
 Бояринъ и боярыня, и дѣти
 Свекрови, тещи, тетки и золовки
 Вся челядь дворская затянутъ пѣсно;
 Я эту пѣсню знаю наизусть:

«Сгнѣ пропади, хитрость бусурманская,
 «Не носи ты къ намъ нечистыхъ обычаевъ;
 «Что четыре стѣны вокругъ дома стоятъ;
 «То четыре моря вокругъ насъ лежатъ,
 «Что змѣя въ стѣнѣ точитъ дороженьку,
 «То на Русь плыветъ нехристъ въ тихомолочку;
 «Ой, вы, грозы, грозы, грозы молодецкія!
 «Аль заснулъ ты вѣтеръ, вѣтеръ богатый?
 «Понеситесь, грозы, въ море къ Новугороду,
 «Кинься въ носъ ты нехристю вѣтеръ богатый....

И прочая. — Старуха замолчала —
 И всѣ молчатъ, зажмуривши глаза

Всѣ крадутся къ корабликамъ съ лучинкой;
Зажгли . . . и пляска, хохоть и пѣнство
До самаго утра, а утромъ снова
Невѣжество въ заморскихъ парикахъ
Идетъ на службу съ радостной улыбкой . . .

Опалы, ласки, рѣчи и указы
Не выжили упрямства изъ Москвы.
Что жъ оставалось? . . .

Строить новый городъ . —
Въ избѣ сырой и ветхой таракановъ —
Не выведешь ни порошкомъ, ни зельемъ; —
Строй новую избу! . . . —

А въ Ревель или Ригу
Московскихъ баръ нельзя переселять.
Умрутъ отъ ужаса, пока добудутъ.
Упрямство до отчаянiя дойдетъ.

А здѣсь, шути; ихъ отъ Москвы отрѣжемъ,
Отъ тетушекъ, отъ бабушекъ, золовокъ,
Отъ дѣвичей, отъ сна, пуховниковъ,
Отъ крѣпкихъ разрушительныхъ напитковъ,
Отъ соколиной и псовой охоты,
Отъ узкихъ окопъ, низкихъ, темныхъ комнатъ . . .

Какъ вѣчно просидѣвшихъ въ мракѣ ночи
Мы освѣщать ихъ станемъ постепенно;
Прозрять — и стыдъ докончить остальное.
халецкій.

Расчетъ хороше, но только этотъ городъ
Врагами окруженъ, водой и Шведомъ;
Помилуетъ одинъ, другой разрушитъ.
головины.

Вода уйдетъ, такъ Государь сказалъ . . .
Моря, — вы знаете, — по книгамъ сохнуть;
Гдѣ есть жилища, тамъ и земля ростетъ;
Вода уйдетъ, а Шведа мы прогонимъ. —
И если годъ, другой промеднитъ въ Польшѣ,
Такъ въ Петербургъ не застанетъ Русскихъ
Мы будемъ у него въ гостяхъ, въ Стокгольмѣ . . .
Вамъ кажется, я хвастаю. Ни чуть!
Веду расчетъ по пальцамъ. Одного
— Боюсь . . .

вѣлозоръ.
Чего же, графъ?
головины.
Союза съ вами! . . .

Послать немного войска къ Королю,
Какъ мухъ побьютъ; а много, чтожъ оставить
Намъ у себя, и какъ кормить солдатъ?
халецкій.

Все продовольствiе мы принимаемъ . . .
головины.

Да это на словахъ. У васъ нѣтъ денегъ . . .
Пожалуй, можно бѣ вамъ и денегъ дать,
Да сколько нуждъ у васъ самихъ. Невольно
Нашъ Русской хлѣбъ кормить Саксонцевъ будетъ.
Тогда намъ содержанiе солдатъ,
Жидовскимъ счегомъ, вдвое обойдется . . .
халецкій.

Графъ! это все обидныя слова . . .
Что двадцать тысячъ войска — для Россiи?
Что сорокъ тысячъ талеровъ? бездѣлка!
Мы выкупимъ ихъ на границахъ Русскихъ
Могучею побѣдой; а солдаты
Не за свою ль отчину будутъ драться?
головины.

Вотъ что! и правда, двадцать тысячъ войска
И сорокъ тысячъ талеровъ Россiи
Не разорять. — Но эти сорокъ тысячъ
Куда пойдутъ?

халецкій.
На содержанье Русскихъ . . .
головины.

Гмъ! Государь, какъ Государь, а я
Какъ гость, не какъ хозяинъ говорилъ;
Въ политку мнѣ нечего мѣшаться;
Я старъ. Отсталъ. Домашнiя запятя
По крѣпостямъ, по кораблестроеню,
Меня отъ дѣлъ посольскихъ отвлели! . . .
Ужъ я теперь соображаю плохо,
И даже что: совѣтовать боюсь.

Вы дипломаты; вамъ дѣла Европы
Извѣстны, какъ покой вашихъ замковъ;
Вы въ нихъ, слѣпые, можете ходить.
И я во время оно былъ искусень;
Да поотсталъ... что Зотовъ не идетъ!
Сходи-ко, генералъ мой губернаторъ,
Спроси у Государя позволенья
Посламъ великимъ предъ него предстать...

(тихо).

Прибавь, да такъ, чтобы не слышалъ Зотовъ,
Старикъ-де Головинъ сказалъ, что сладить...

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

ПОСВЯЩЕНИЕ

ИЗЪ ФАУСТА.

Со мной опять воздушный рой видный,
Ихъ образы я снова познаю,
Но удержу ль таинственныхъ тѣни,
Приму ли вновь ихъ на душу мою?
Все ближе онъ, мой давній, милый геній;
Отъ грустныхъ думъ я снова встаю;
Какъ прежде, грудь живымъ огнемъ согрѣта
Отъ дивнаго, волшебнаго привѣта.

О прежнихъ днѣхъ ко мнѣ мечта нисходитъ
И милая я вижу тѣни вновь;
На память мнѣ, какъ будто сонъ, приходитъ
И первый другъ и первая любовь;
И снова грусть въ сѣдую даль заводитъ,
Бѣлые дни напоминаетъ вновь,

И въ счастьи обманутыхъ могилкой
Моихъ друзей сзываетъ образъ милый.

Они не слышатъ новыхъ пѣснопѣній,
Кто первыхъ пѣсень принялъ робкій звукъ;
Замолкъ привѣтъ сердечныхъ одобреній,
Моихъ друзей разсыпавъ тѣсный кругъ.
Чужой народъ свидѣтель огорченій —
И страшно мнѣ вѣнка изъ этихъ рукъ!
Кто мнѣ внималъ, кто радовался лирѣ,
Въ чужихъ странахъ, въ иномъ блуждаетъ мирѣ.

И я стремлюсь печальною мечтою
Въ завѣтный край невидимыхъ духовъ,
И въ робкій звукъ надъ трепетной струною
Слилася пѣснь; я полонъ смутныхъ сновъ;
Слеза въ очахъ смѣняется слезою;
Для новыхъ чувствъ уста не имутъ словъ...
Все близкое въ туманъ исчезаетъ,
Все прежнее яснѣе оживаетъ!

ЭДУАРДЪ ГУБЕРЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

«КАЛЪЯНЧИ».

(А. С. Грнездова).

(Путешественникъ въ Персїи встрѣчаетъ прекраснаго отрока, который подаетъ ему камень. Странникъ спрашиваетъ, кто онъ, откуда. Отрокъ рассказываетъ ему свои похождения, объясняетъ, что онъ Грузинъ, вѣкогда житель Кахетин.)

Въ какомъ раю ты, стройный, посажденъ?
Какую влагу пилъ? Какой весной обвѣянъ?

Эйзедомъ ли ты свѣтлымъ порождень,
 Питомецъ Перн, или Джинисемъ взлелѣянь?
 Когда, заботамъ ввѣренный твоимъ,
 Приносишь ты сосудъ водовмѣщальный,
 И сквозь него проводишь легкой дымъ,
 Воздушной пѣною темнѣть токъ кристалльный,
 И ропотомъ манить къ забвенью, какъ ручья
 Гремучаго потокъ въ зеленой чащѣ!
 Чинара трость творить жасминовой длань твоя

И сахарныя трости слаще,
 Когда палимаго Ширазскаго листа
 Глотаютъ чрезъ нее мглу алья уста,
 Густѣетъ воздухъ, напоенной
 Алоэ запахомъ и амброй драгоцѣнной!

Когда жъ чарующей наружностью своей
 Собраніе ты осветишь людей —
 Во всѣхъ любовь!.... Дервишь отбросишь чотки,
 Примрачный видъ на радость обмѣнишь:
 Не ты ли въ немъ возжегъ огонь потухшихъ силъ?

Не отъ твоей ли то походки
 Его распрявлены морщины на лицѣ,
 И заиграла жизнь на бывшемъ мертвецѣ?
 Властитель твой — онъ сталъ лишь самозванцемъ,
 Онъ уловленъ стыдливости румянцемъ,
 И кудрей кольцами, по высотѣ раменъ
 Влекущихся, связавшихъ душу въ плѣно,

И груди пѣжной близкою,
 И жилкомъ, шелкомъ свитыхъ, бирюзною,
 Твоими взглядами, подъ свѣсомъ томныхъ вѣждъ,
 Движеньемъ устъ твоихъ невиннымъ, миловиднымъ,
 Твоей нескрытою покровами одеждъ,
 Джейрана легкостью, и станомъ пальмовиднымъ.

Въ какомъ раю ты, стройный, насаждень?
 Эдема ль влагу пиль, дыханьемъ розъ обвянь?
 Скажи: или отъ Перн ты рождень,
 Или благодатнымъ Джинисемъ взлелѣянь?

«На Ріона берегахъ,
 Въ дальнихъ я рождень предѣлахъ,
 Гдѣ горитъ огонь въ сердцахъ
 Тверже скалъ окаменѣлыхъ;
 Рость — едва не изъ пеленъ,
 Матерью, отцомъ, безвинный,
 Въ чужу проданъ, обмѣненъ
 За сосудъ цѣнный!»

«Чужой человекъ! скажи: ты отецъ?
 Имѣлъ ли ты чадо отъ милой подруги?
 Кормилъ ли дороже намъ съ сыномъ разлуки?
 Отвержегъ ли враномъ невинный птенецъ?»

«Караванъ съ шелками шелъ,
 Съ нимъ ага мой. Я, рабочій,
 Глазъ я долго не отвелъ
 Съ мѣсть, видѣлся гдѣ кровь огній;
 Съ кровомъ онъ слѣлся небесъ;
 Вечерью. Сномъ боримы,
 Сталъ станомъ. Темень лѣсъ.
 Вкругъ огня леги мы.»

«Курись, огонекъ! свѣтись, огонекъ!
 Такъ свѣтитъ надежда огнемъ намъ горящимъ!
 Пылай ты весельемъ окрестъ присѣдичимъ,
 Шокуда спалишь ты послѣдній пенекъ!»

Спать л. Вдругъ взываютъ: «бой!»
 Въ ста мѣстахъ сверкаетъ зелье;
 Сѣчей, свистомъ пуль, пальбой
 Огласилось все ущелье.
 Притаился въ глубь межн
 Я, и въ ту да жъ влекутся.
 Слышно — кинулись въ пожи —
 Безотвязно бьются!

Затихло смѣтенъ — сѣчь конецъ.
 Вблизи огня брошенъ былъ трупъ, обезглавленъ,
 На взоръ его мертвый былъ взоръ мой уставленъ,
 И чья же глава та?.... О. горе!.... Отецъ!....

«Но могучею рукой
 Быль оторванъ я отъ тѣла.
 «Будь онъ проклятъ, кровный твой!»
 Въ слухъ мнѣ клятва загремѣла —
 «Твой отецъ разбойникъ былъ»....
 И въ бодѣ, ремнемъ увитомъ,
 Казнь сулятъ, чтобъ слезъ не лилъ
 По отцѣ убитомъ!

«Заря занялася. Я въ путь увлеченъ.
 Родитель, ударомъ поибѣишъ безславнымъ,
 Лежать остается — онъ выпрямъ дубравнымъ,
 Орламъ плотояднымъ на снѣдъ обреченъ!

«Вышли мы на широту
 Изъ тѣснинъ, гдѣ шли досель,
 Всю творенья красоту
 Въ пышной обрѣли Картвели.
 Вкругъ излучистой Куры
 Яснымъ днемъ страна согрѣта,
 Всѣ разсыпаны цвѣты
 Щедростію лета....

К — МУ.

Бодро выставь грудь младую,
 Мощь и крѣпость юныхъ плечъ,
 Облегись въ броню стальную,
 Прищепи булатный мечъ;
 Сердцемъ, преданнымъ надеждѣ,
 Въ даль грядущаго взгляни,
 И о томъ, что было прежде,
 Мнѣ собой напомини!

Да, всплнить фіалъ заздравный,
 И привѣтъ странъ родной,
 Нашей Руси православной,
 Бранноносицѣ стальной.
 Широка она, родная,
 Ростомъ — міру по плечо,
 Вся одежда ледяная —
 Только сердце гордичо.
 Чуть зазнала пиръ кровавый,
 И — разсыпались враги,
 Высоко шумить двуглавый,
 Землю топчутъ Русской Славы
 Семиверстные шаги!

Новый ратникъ! стань подъ знамя —
 Вѣрность въ душу, сталь во дань!
 Юной жизни жаръ и пламя
 Сладко несть отчизнѣ въ дань.
 Ей, да служить въ охраненье
 Этотъ мечъ головосѣкъ;
 Ей сердце кипучихъ рвенья
 И небесъ благословенье
 Нынѣ, присно и вовѣкъ!

В. ВЕНЕДИКТОВЪ.

ПѢСНЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Помнишь-ли храмъ,
 Древній, великій,
 Гдѣ по стѣнамъ
 Темные лики?
 Сумрачный сводъ,
 Въ златѣ иконы,
 Клиръ, и народъ,
 Лампы, колонны?

Помнишь-ли храмъ,
Гдѣ своды святыя:
Тебя я тамъ
Узрѣла впервые!

Вспыхнула грудь
Пламенемъ новымъ...
Страшно вздохнуть —
Взглядомъ, или словомъ
Тайну открыть...
Пламень сердечный
Не истребить —
Вѣчный огъ, вѣчный!...

Вкусилъ юный духъ
Отраднaго хлѣба —
О, вѣрь, милый другъ,
Любовь — отзывъ неба...

Помнишь-ли ты
Зелень и воды,
Лилы, цветы,
Царство свободы?
Блескъ голубой,
Звѣзды съ луною,
Роскошь, покой,
Садъ подъ росого?

Тотъ помнишь-ли садъ,
Эдемъ упованья?
Тамъ свѣтъ, аромать,
Тамъ мѣсто свиданья!

Тамъ, межъ вѣтвей,
Листьевъ и мрака,
Пѣль соловей —
Ждалъ ты и — плакалъ!
Друга шага
Сердце вѣщало —
«Время! бѣги» —
Я умоляла —

«Медлительный лѣдъ
До мига свиданья!...»
Дней горестныхъ рядъ,
Любовь — ты страдаешь!

Помнишь-ли: вдругъ
Мѣдъ зазвучала —
Срочный намъ звукъ
Башня сказала —
Полночи гулъ...
Ели вздрогнули,
Мѣсяцъ мелькнулъ,
Вѣтры заснули...

Тотъ помнишь-ли звукъ?
Лечу я стрѣлою,
И снова, о другъ,
Съ тобою, съ тобою...

Вмѣстѣ сердца!...
Мракъ вождельный,
Длисъ безъ конца —
Медли, свѣтъ денный!
Стой надъ главою,
Куполъ стозвѣздный —
Вѣкъ будь со мной,
Образъ любезный!

Забвеніе мукъ,
Забвеніе разлуки —
О милый, о другъ!
Гдѣ прошья муки?

Гдѣ-же теперь
Нашъ мѣръ необятный
Счастья, потерь
И слезъ благодатныхъ,
И думъ неземныхъ,
Вздоховъ, моленій,
Жалобъ пѣмыхъ,
Любви упоеній —

Ахъ! гдѣ этотъ мѣръ?
Напрасны рыданья —
Разбить нашъ кумиръ
Надеждъ, упованья!

Стонеть въ поляхъ
Сирая птица —
Въ хладныхъ стѣнахъ
Плачетъ дѣвица.

Жалостный вопль...
 Буря не внемлетъ,
 Каменный гробъ
 Слезь не приемлетъ!

И бдствій гроза,
 Блаженства мгновенье,
 Улыбка, слеза,
 Любовь — сновиднье...

Е. ВЕРНЕТЪ.

ПЛОВЦЫ.

По рѣкѣ внизъ, по широкой,
 По легищей быстринѣ,
 Изъ отчизны, въ край далекой,
 Ъдетъ странникъ по рѣкѣ,

И тоскующему мнится:
 Милый берегъ, какъ мечта,
 Въ даль туманную все мнится
 И уходитъ навсегда...

По рѣкѣ широкой жизни
 Смертнѣй къ вѣчности плыветъ,
 И съ слезами укоризны
 Время быстрое кланетъ.

Другъ! напрасно. Черезъ кормило
 Посмотри на бѣгъ рѣки:
 Время тамъ-же, гдѣ и было,
 А уходимъ — только мы...

ТИМОФЕЕВЪ.

П Р О З А.

ОПЫТЪ

ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗСКАЗА О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ *.

Совершилось двадцать пять лѣтъ царствованія Царя Алексія Михайловича. Еще далеко недостигнувшій преклонной старости, Алексій, Царь съ юношескаго возраста, казался утомленъ своимъ долговременнымъ владычествомъ. Бурно было оно, и не оправдало тѣхъ великихъ надеждъ, какія подавалъ нѣкогда Алексій, юный, но смѣлый и мудрый. Война Россіи съ Польшею передала Русскимъ Кіевъ и Смоленскъ, утвердила ихъ за Россіею, но изнурила государство, кончилась безъ славы, и показала грозныя еще силы Польскаго Королевства, не погибшаго при соединенныхъ усиліяхъ Швеціи, Россіи, Турціи и Ка-

* Представляя суду соотечественниковъ бѣдный трудъ мой, я долженъ признаться, что мысль, написать Исторію Петра Великаго, издавна была самою очаровательною моею мечтою. Вижу всю несбыточность этой мечты, соображая величіе предмета и слабость силъ моихъ. Пусть же этотъ *опытъ начала Исторіи Великаго* будетъ лептою, которую подвергаю я въ сокровищницу благоговѣйныхъ воспоминаній каждаго Русскаго о Великомъ Преобразителѣ Россіи: *такъ* хотѣлъ я изобразить всю жизнь его, говоря въ изложеніи Русскому сердцу читателей, и полагая въ основаніе обширную идею, которую постараюсь когда нибудь изложить отдѣльно для другихъ. Имѣя множество матеріаловъ, я могъ-бы подтвердить каждую подробность моего разсказа ссылками, но почелъ ихъ не нужными въ томъ видѣ моего «опыта,» въ какомъ онъ теперь является публикѣ. *Прим. Сок.*

заковъ. Только слабость владѣтелей Польши безопасила Россію, когда ненадежный миръ съ Швеціею, послѣ несчастной войны и уступки родныхъ областей, возбуждалъ между тѣмъ опасенія Русскихъ. Не менѣе тревожно было внутреннее состояніе Русской Земли. Подданство Малороссіи, за обширный, но малолюдный участокъ земель казацкихъ по берега Днѣпра, занятой полукочевыми притонами и городами казацкими, сблизило Россію съ новымъ, могущимъ непріятелемъ, Турціею. Бунтъ Разина, едва только потушенный; раздоры вельможъ и духовенства; судъ и сверженіе патріарха Никона, нѣкогда друга и совѣтника царскаго; расколы и ереси, возбужденныя необдуманною ревностью Никона; печаль при Дворѣ послѣ смерти Царицы — таковы были мрачныя тучи, облакавшія престоль Русскій въ послѣдніе годы царствованія Алексія. Совѣтъ его, сонмъ бояръ и царедворцевъ не представлялъ вельможъ, ни съ дарованіями людей государственныхъ, ни съ доблестями воеводъ мужественныхъ. Званіе патріарха было передано, послѣ Никона, старцу слабому и дряхлomu. Крамола и мѣстничество волновали умы окрестъ Царя; строгій законъ не былъ исполняемъ въ судахъ; нововведенія Европейскія возбуждали ненависть къ нимъ народа и вельможъ; начало морскихъ силъ было уничтожено буйствомъ Донскихъ казаковъ; бѣдные остатки регулярныхъ Немецкихъ войскъ были смѣшаны съ нестройными полками стрѣльцовъ, войска осѣдлаго въ Москвѣ, богатаго, своевольнаго, грознаго самой царской власти. Торговля оставалась въ рукахъ немногихъ, огражденныхъ исключительными правами, богачей и сановниковъ; казна государственная была истощена, хотя недавніе бунты показывали нестерпимую тягость податей, переносимую народомъ.

Такова была Россія. Но она казалась великою и грозною: двуглавый орелъ ея видѣнь былъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Сибири, на берегахъ Чернаго, Бѣлаго и Каспійскаго Морей. Европа съ удивленіемъ смотрѣла на Русскихъ, чаще прежняго являвшихся при Дворахъ Европейскихъ Государей, съ любопытствомъ слушала рассказы пословъ, посѣщавшихъ Москву, и выходцевъ, искавшихъ въ Россіи счастья и богатства, какъ другіе искали ихъ въ тоже время въ Индіи и Новомъ Свѣтѣ. Самовидцы повѣствовали диковинки о безмѣрной столицѣ Русской, Азіатскомъ великолѣпнѣй царскаго Двора, безмолвномъ благоговѣннѣй людей, окружающихъ тронъ царскій, безчисленномъ войскѣ Русскомъ. Европа и Россія еще не понимали, едва знали другъ друга, и дивились другъ другу. Ихъ раздѣляли исторія, вѣра, языкъ, нравы, обычаи, политика, устремленная на отдѣльные предметы. Европу увлекали въ это время замыслы Лудовика XIV, могущаго своимъ геніемъ, слабостью Императора Леопольда, безпечностью Карла Англійскаго, неспособностью Карла Испанскаго и безсиліемъ Папы. Россія, едва кончившая борьбу за свою государственную самобытность, за шестьдесятъ только лѣтъ видѣвшая Новгородъ въ рукахъ Шведовъ, и Короля Польскаго подъ Москвою, казалась сосредоточенною только въ отношеніяхъ къ Польшѣ, Швеціи, Турціи, Восточной Азій, при смитеніяхъ своего внутренняго устройства. Послѣднія войны ея съ Польшою и Швеціею какъ будто доказывали, что періодъ Европейскаго бытія для нея еще далеко не наступилъ, и всѣ покушенія ея перешагнуть въ образованіе и политику Европы будутъ бесполезны.

Только мира, тишины, покоя желалъ Алексій. Онъ забылъ о своихъ обширныхъ предпріятіяхъ, и оставилъ всѣ нововведенія, нѣкогда столь сильно увле-

кавшія его, при содѣйствіи, предприимчиваго Никона. Казалось, онъ искалъ только отдыха въ дворскихъ весельяхъ, соколиной охотѣ, великолѣпнн Двора своего. Крамола и раздоры дворскіе трепетали его взора, умѣвшаго быть грознымъ; жестокаго наказанія непокорнымъ, милость послушнымъ водворяли окрестъ престола временное спокойствіе. Россія была тиха и безмолвствовала. Но безпокойная тревога мрачила для подданныхъ Алексія думу о будущемъ. Здоровье Царя, тучнаго тѣломъ, но часто больного, не обещало долговѣчія. Семейство его, послѣ смерти Царицы, составляли два сына, Царевичи *Теодоръ* и *Іоаннъ*, и шесть Царевенъ. Старшему Царевичу были десять лѣтъ, младшему четыре года. Десятилѣтній Теодоръ долженствовалъ наследовать престолъ отцовскій. Отличаясь умомъ и добрыми расположеніями къ ученью, онъ былъ здоровья слабаго, нрава смирнаго и набожнаго. Младшій, Іоаннъ, дитя подслеповатое, болное, косноязычное, былъ вовсе несопособенъ ни къ наукѣ, ни къ дѣлу государственному. И такимъ преемникамъ должно было передать тронъ Русскій, котораго не могли укрѣпить страхомъ извне и спокойствіемъ внутри ни умъ, ни двадцать пять лѣтъ царствованія Алексія!

Среди сомнительнаго состоянія Двора и государства, нечаянное событіе изумило всѣхъ.

Въ числѣ царедворцевъ Алексія находился одинъ, не знатный чиновъ, но отличавшійся умомъ и удостоенный дружбы Царя, до такой степени, что нерѣдко, вопреки обычаямъ дворскимъ, Алексій запросто посещалъ домъ его, просияживалъ съ нимъ вечера, оставался у него ужинать, казался семейнымъ, забывалъ царское величіе. Этотъ любимецъ царскій былъ *Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ*. Не родовою и незнатный, онъ отличался храбростью въ по-

ходахъ, ловкостью въ сношеніяхъ съ иностранцами и необыкновеннымъ просвѣщеніемъ между другими. Но онъ, казалось, удалялся отъ государственныхъ дѣлъ, не тѣснился въ Думу боярскую, не хотѣлъ оскорблять гордости знатныхъ. Подъ его вѣдѣніемъ были царскія забавы, представленія *комедій* и *Нѣмецкая музыка*. Развлекая грусть о недавней потерѣ супруги, Алексій чаще прежняго бывалъ съ Матвѣевымъ, и однажды, оставшись у него запросто ужинать, потребовалъ, чтобы все семейство его явилось къ ужину безъ чиновъ. По волю Царя, вышли жена, сынъ Матвѣева и молодая дѣвушка, скромная, прекрасная собою. Царь изумился ея повлеченію, спросилъ объ ней своего любимца, и узналъ, что дѣвушка эта дальняя его родственница, *Наталья Нарышкина*, дочь бѣднаго дворянина *Кирилы Нарышкина*. Царь былъ необыкновенно веселъ, шутилъ, общалъ прискать жениха Наталью; дума объ ней глубоко запала въ душу его; черезъ нѣсколько дней, онъ объявилъ Матвѣеву, что избираетъ Наталью своею невѣстою. Нежданная честь даже испугала любимца царскаго, предвидѣвшаго всѣ ужасы крамолы, дотоле щадившей его. Воля царская была непреминна. Матвѣевъ просилъ, по крайней мѣрѣ, не оскорблять знатныхъ нарушеніемъ обрядовъ, какіе соблюдались при царскихъ свадьбахъ. Собрано было шестьдесятъ дѣвицъ въ царскіе чертоги; въ числѣ ихъ находилась Наталья Нарышкина — выборъ палъ на нее. Января 22-го, 1671 года, тихо отпраздновали царскую свадьбу, и вскорѣ Царь былъ обрадованъ беременностью молодой Царицы. Утромъ, Мая 30-го, 1672 года, въ день Св. Ісаакія Далматскаго, Царица родила сына; его назвали *Петръ* — имя дотоле небывалое въ царскомъ родѣ, и данное по особеннымъ предзнаменованіямъ, какъ увидимъ далѣе.

Въ радости сердца, Царь отправилъ немедленную вѣсть къ боярамъ и окольничимъ, ближнимъ, именитымъ людямъ, гостямъ купечествующимъ. Кремль и дворець наполнились народомъ и царедворцами. Царь шествовалъ въ Успенскій Соборъ, слушалъ объдно и благодарственный молебенъ, молился потомъ въ Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ Соборахъ, въ Чудовомъ и Вознесенскомъ Монастырѣ, подчивалъ водкою и фряжскими винами бояръ, вельможъ, стрѣльцовъ, въ своихъ царскихъ чертогахъ. Черезъ три дня былъ во дворець домашній родильный обѣдъ, «безъ зову и безъ мѣсть.» Юня 29-го, въ день Св. Апостоля Петра и Павла, Царевичъ Петръ былъ окрещенъ въ Чудовомъ Монастырѣ, передъ гробницею Чудотворца Алексія. Воспріемниками его были Царевичъ Феодоръ и тетка его, мудрая Царевна Ирина Михайловна. Богатые родильные столы открылись на другой день у Царя и у Царицы. Духовенство поднесло новорожденному образа и дары. Царевичи Грузинскій, Касимовскій, Сибирскій, бояре и именитый человекъ Григорій Строгановъ явились «съ подносами.» Подъ великолюпнымъ обѣдомъ, въ Грановитой Палатѣ, гдѣ Царь угощалъ духовныя власти, Царевичей, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, ломились столы, заставленные сто двадцатью золотыми и серебряными блюдами, кружками и братниками, двупудовыми сахарными лебедями и орлами, сахарнымъ Кремлемъ, «съ людьми конными и пѣшими и всякими узорочьями.» Царь жаловалъ гостей своихъ виномъ, сахарами и овощами. Народу объявлены были благостыни — прощены преступники, возвращена милость опальнымъ, разданы подающія нищимъ и убогимъ, отпущены заключенные. Юля 4-го, въ Грановитую Палату Царь пригласилъ пиро-

вать избранныхъ на «крестильный» столъ, и новыя милости объявлены были всей Землѣ Русской.

Радость исполнила сердца народа. Чудныя вѣсти пересказывали по Москвѣ. Говорили, что мудрый наставникъ Царевича Феодора, «великій богословъ и звѣздочетъ,» Симеонъ Полоцкій разсматривалъ звѣзды, за девять мѣсяцевъ до рожденія Царевича, увидѣлъ свѣтлую звѣзду близъ планеты Марса, и на другой день возвѣстилъ Царю, что въ минувшую ночь зачался Царевичъ, имя котораго будетъ *Петръ*. «И не будетъ въ лѣтахъ его подобныхъ ему,» говорилъ Симеонъ, «ублажать его народы вѣщими похвалами и славу къ славі сътяжатъ онъ имѣеть; будетъ чудный побѣдоносець, смирить враждующихъ сосѣдей, падуть многіе отъ меча его; свѣтлыя побѣды паче предковъ содѣетъ онъ; увидятъ его дальнія страны, и страхъ его будетъ на многихъ.» Царь усомнился, помысливъ, отъ Бога ли такое предвѣщаніе. Долго бесѣдовалъ онъ съ Симеономъ, увидѣлъ, что предреченія его были по мудрому вѣдѣнію, и приказалъ ему являться къ своему царскому столу. Мая 30-го, рано утромъ, явился Симеонъ во дворець, и увидѣлъ Царя въ великой скорби. Уже третьи сутки истекали, какъ Царица Наталья мучилась, и Богъ не разрѣшалъ ея муки. Въ соборномъ храмѣ Успенія велью было служить молебны. Симеонъ сталъ на колѣни передъ образомъ и молилъ — да продолжится болѣзнь Царицы. «О чемъ ты молишь, безумный?» съ гнѣвомъ сказалъ ему Царь. «Уже супруга моя почти мертва!» — Молю, да продолжится болѣзнь ея, хоть еще полчаса: тогда Царевичу опредѣлено жить до семидесяти лѣтъ, и только пятьдесятъ лѣтъ, если онъ родится въ сію минуту! — Въ это мгновеніе пришли къ Царю съ извѣстіемъ, что «Богъ простилъ Царицу» и поздравили его съ

рожденіемъ сына. Исполняя предрѣченіе Симеона, радостный Царь наименовалъ новорожденнаго *Петръ*, и спѣшилъ благословить его отцовскимъ и царскимъ благословеніемъ. Послали въ соборъ служить молебень о здравіи Петра. — Имя это было уже произнесено на ектеніи въ соборѣ прежде царскаго извѣстія. Геродиаконъ неожиданно провозгласилъ имя *Петра*, вмѣстѣ съ именами Θεодора и Іоанна. Архіерей, служившій въ соборѣ, призвалъ его и выговаривалъ ему за странное прибавленіе, но Геродиаконъ клялся, что ему вельшь кто-то помянуть Царевича Петра. Всѣ признали здѣсь таинственное внушеніе Божіе, и донесли изумленному Царю. Но еще гораздо прежде, Царь былъ вразумленъ предвѣщеніемъ какого-то юродиваго мужа, которому былъ дозволяемъ свободный входъ въ царскіе чертоги. Онъ явился во дворецъ въ самый Новый годъ, и засталъ вмѣстѣ Царя и Царицу. Наталія протянула ему поцѣловать свою руку; юродивый отвергъ ее и говоритъ: «Хочу цѣловать Царя Великаго!» — Вотъ Царь — говорила Наталія, указывая на супруга своего. — «Знаю — сказалъ юродивый — но тотъ Царь, который теперь въ утробѣ твоей, побольше этого!» — Алексій позволилъ старцу поцѣловать Царицу и спрашивалъ потомъ: «Равнъ онъ знаетъ, что Царица беременна и родитъ великаго Царя?» — Да — вскричалъ юродивый — родится у тебя Нахомъ, будетъ владѣть большимъ костьюлемъ и всѣ его бояться будутъ! — «Чѣмъ же онъ будетъ меня больше?» спрашивалъ еще Царь. — Тѣмъ, что вышиной въ 53 сажени, да пошире тебя гораздо! — Все это рассказывали по Москвѣ такъ гласно, что бывший тогда въ Россіи Голландскій посланникъ Гейнль писалъ объ этомъ къ другу своему, Гревію, въ Утрехтѣ, и къ удивленію получилъ отвѣтъ, что та-

мошніе астрологи совершенно согласны съ предвѣщеніями Русскихъ звѣздочетовъ, предвѣщаютъ въ новорожденномъ Царевичѣ государя войнолюбиваго и страшнаго врагамъ, прибавляя новое предзнаменованіе будущей славы его: въ день его, рожденія, Король Французскій перешелъ Рейнъ и захватилъ четыре области Голландскія, а Султанъ Турецкій переступилъ за Дибиръ, и завоевалъ Подолію у Поляковъ.

Такъ молва народная облекала рожденіе Петра вѣрою въ великую участь его, и любовь народная лелѣяла колыбель его, своими надеждами. Царь не слыхалъ души въ юной супругѣ и новорожденномъ Царевичѣ, и Петръ радовалъ родителя совершенно противоположною съ старшими братьями. Онъ былъ здоровое, прекрасное, темнорусое дитя, отличался живымъ, рѣзвымъ нравомъ, необыкновенными по лѣтамъ понятіямъ, и особливо отъ самой колыбели страстью къ воинскимъ забавамъ. Три года было Петру, когда какой-то купецъ поднесъ ему дѣтскую саблю. Царевичъ расцѣловалъ купца; просилъ у родителя ему награды. Царь пожаловалъ купца гостемъ. Духовникъ царскій прочелъ молитву, и Царевича «препоясали подареннымъ мечемъ.» После того не могли уже отнять сабли у Царевича; нерѣдко онъ засыпалъ съ нею. Царь собралъ для забавы его дѣтей царедворскихъ, одѣлъ ихъ повониски, вооружилъ, и Царевичъ заплакалъ отъ радости, увидя свою избранную дружину. Безпрестанно игралъ после того съ нею въ войну, и заставлялъ съ удивленіемъ говорить: «что изъ него будетъ, когда онъ возмужаетъ?» — Любовь Царя къ супругѣ умножилась еще болѣе рожденіемъ двухъ дочерей, *Наталии* и *Θеодоры*.

Можетъ быть, только семейныя радости и счастливили въ это время Русскаго Царя. Дѣла государ-

ственныя не приносили ему ни счастья, ни утѣхи. Алексій былъ обманутъ въ намѣреніи своемъ возвести Царевича Феодора на Польскій престолъ, и къ досадѣ своей увидѣлъ, что мѣсто слабаго Короля Михаила Вишневецкаго заступилъ въ Варшавѣ мужественный воевода Іоаннъ Собѣскій, обѣщавшій возобновить въ себѣ для Россіи грознаго Стефана Баторія. Царь поспѣшилъ укрѣпить дружбу его миромъ, но былъ вовлеченъ въ войну съ Турціею, обманутъ казаками, видѣлъ кровавыя смятенія въ Малороссіи. Воеводы его повсюду дѣйствовали неудачно. Здоровье Алексія между тѣмъ болѣе и болѣе ослабвало, и тайная крамола дворская ожила — дерзко зашипила окрестъ престола умирающаго Царя.

Бракосочетаніе Алексія съ Наталіею было неожиданнымъ ударомъ для тогдашнихъ временщиковъ придворныхъ. Во главѣ другихъ царедворцевъ стояли *Милославскіе*, родственники первой супруги Алексія. Жадные власти и богатствъ, они умѣли подчинить себѣ другихъ вельможъ, и уже разсчитывали на неограниченную власть при слабомъ наследникѣ Алексія. Съ новымъ супружествомъ Царя, въ среду бояръ втѣснились новые сановники, Нарышкины. Друзья и родственники ихъ овладѣли чинами и богатствами. Матвѣевъ перенесовалъ въ царскихъ совѣтахъ. Любовь Царя къ супругѣ и новорожденному сыну увеличивала опасенія Милославскихъ и друзей ихъ, и вскорѣ узнали, что Царь думаетъ и колеблется, не передать ли ему самое наследіе престола Царевичу Петру, опредѣливъ Матвѣева правителемъ государства. Кроткій Феодоръ былъ готовъ уступить младшему брату, за котораго стояли любовь Царя и надежды народа. Въ новый 1673 годъ, Феодоръ, двѣнадцати-лѣтній былъ «объявленъ» народу; но это еще не означало рѣшенія воли царской на

передачу ему наследія. Милославскихъ и друзей ихъ всего болѣе страшило то, что многіе изъ старыхъ бояръ, не терпя власти ихъ, радовались ихъ униженію, и подкрѣпляли собою Матвѣева и Нарышкиныхъ. Хотѣли знать мнѣніе Симеона Полоцкаго, владычнаго умомъ Царевича Феодора, и узнали, что честолюбивый инокъ таитъ обширныя, вовсе неожиданныя замыслы. Воспитаникъ Іезуитовъ видѣлъ передъ собою примѣръ Никона, и хотѣлъ поставить власть еократіи надъ вельможескою и царскою. Взоры его обращались на неукротимаго въ самомъ изгнаніи, низверженнаго патріарха. Съ возведеніемъ Феодора на престолъ, власть могла перейти въ руки Симеона. Скрывалъ еще свои замыслы, но ихъ проникли, и Милославскіе увидѣли здѣсь новую опасность. Избранный въ 1674 году патріархъ Іоакимъ, іерархъ добрый, не ученый, но твердый духомъ и врагъ всякихъ нововведеній, а что всего было важнѣе — личный врагъ Никона, готовъ былъ скорѣе согласиться на воцареніе Петра, нежели допустить Симеона, съ воцареніемъ Феодора, къ исполненію его неслыханныхъ предпріятій. И патріархъ явно склонялся къ Матвѣеву, избѣгая опасности отдаленной.

Такъ дѣлялись дворскія крамолы, когда, въ началѣ 1676 года, Царь внезапно сдѣлся боленъ, слегъ въ постелю, и вскорѣ увидѣли безнадежность жизни его. Толпа вельможъ и царедворцевъ наполнила чертоги царскіе. Съ безпокойнымъ, тревожнымъ чувствомъ ждала Москва рѣшенія судьбы государства, но все безмолвствовало. Окрестъ смертнаго одра Алексіева находились юная супруга его, патріархъ, дѣти, участники всѣхъ партій, и никто не смѣлъ начать дерзкаго слова. Царь былъ еще живъ, не изрекалъ своего рѣшенія; привычное благоговѣніе удерживало

живало умы самых дерзких царедворцевъ. Единому Богу было вѣдомо, какія думы наполняли тогда душу Царя. Царица Наталья, кроткая, благочестивая, мать сиротъ и бѣдныхъ, дышала только любовью къ супругу и дѣтямъ, но не ей было принять начальство надъ крамолою въ эту рѣшительную минуту, и думать о царствѣ близъ одра умирающаго супруга. Не смѣлы и робки были Нарышкины и друзья ихъ. Смерть неумолимо близилась къ властителю Россіи. Милославскіе и патріархъ успѣли наконецъ согласиться между собою, удалить Царицу, Матвѣева, Нарышкинскихъ, въ минуту приближенія кончины Царя, и когда владыка Церкви напомнилъ ему близкій часъ смерти, Алексій благословилъ на царство Феодора. Потомъ потребовалъ онъ напутствованія святыхъ таинъ, и соборовался. Отворили дверь въ комнату умирающаго Царя. Онъ звалъ къ себѣ супругу, дѣтей, вельможъ, вельзь патріарху читать отходныя молитвы, благословилъ Феодора крестомъ, увѣщевалъ его быть Царемъ добрымъ и прощался со всѣми. Горестно и любовно лобызалъ онъ Петра, умолялъ Феодора быть его отцемъ, чтить Наталію, какъ мать и Царицу. Онъ подозвалъ къ одру своему старика Кирила Нарышкина, Князя Петра Прозоровскаго, Феодора Головина, Гаврила Головкина, и поручилъ имъ блюсти Петра, «яко зѣницу ока своего.» Наталія въ слезахъ упала на колѣни передъ Царемъ и супругомъ. «Что-же приказываешь ты мнѣ и сыну моему?» говорила она. Алексій вельзь приподнять себя, поднести къ нему Петра, положили ему на голову хладившую руку свою. Языкъ его коснѣлъ — слышали только, какъ говорилъ онъ: «Не плачь — ему суждено быть Царемъ . . .» Миръ не существовалъ бо-

лѣе для Алексія, и въ осьмомъ часу вечера, 29 Января 1676 года — Алексій скончался.

Объявили Москвѣ печальную вѣсть, и съ тѣмъ вмѣстѣ вельзи присягать юному Царю Феодору. Народъ, войско, столица, города повиновались повелѣнію. Со слезами проводивъ въ могилу гробъ родителя, Феодоръ являлся тихимъ, кроткимъ, милостивымъ. Нищю братію угощали столами и награждали милостынею. Июня 16-го совершилось торжественное коронованіе Феодора въ Успенскомъ Соборѣ. Все казалось тихо и спокойно.

И въ самомъ дѣлѣ, не было ни казней, ни явныхъ опалъ. Но уже все измѣнилось между тѣмъ при Дворѣ, едва не стало Алексія. Царь, немедленно по кончинѣ родителя, призвалъ къ себѣ Матвѣева, и вельзь ему ѣхать на воеводство въ Сибирь. Это назначеніе казалось милостивымъ удаленіемъ единственнаго челоуька, который могъ противиться Милославскимъ; его только боялись они, и едва отправился Матвѣевъ, начались тайныя доносы и розыски. Нарышкины были смѣнены со всѣхъ значительныхъ мѣстъ, ими занятыхъ. Милославскіе заступили ихъ всюду. Новые временщики окружили Царя: *Хитровы*, родственники няньки царской, Иванъ *Языковъ*, Князь *Василій Голицынъ*, двое *Стрѣльневыхъ*, Князья *Хованскіе*, *Вольинскій*, Князья *Долгорукіе*. При коронованіи Феодора они несли его корону, скипетръ, державу. И еще прежде нежели Феодоръ вѣнчался на царство, Матвѣевъ былъ уже тайно отправленъ въ ссылку: его остановили на Волгѣ, близъ Ланшева, строго обыскивали, допрашивали о злоумышленіяхъ, и подъ стражею отвезли въ Казань. Здѣсь, безъ суда, безъ разсмотрѣнія, онъ былъ лишенъ боярскаго сана, и отправленъ съ семействомъ своимъ въ Пустозерскъ. Богатое имѣніе его все ото-

брали на Царя. Тогда же гоненіе постигло Никона: его перевезли въ Кирилло-Бѣлозерскій Монастырь и стѣснили тамъ крѣпкою стражею. Видно было, кого бояться любимцы новаго Государя.

Но Ѳеодоръ, добрый и милосердый, не хотѣлъ казней. Преслѣдованія прекратились. Милославскіе предоставили остальное времени. Противники ихъ трепетали.

Правленіе Ѳеодора казалось вначалѣ продолженіемъ царствованія Алексѣева. Онъ подтвердилъ миръ съ Польшею и Швеціею, продолжалъ начатую войну съ Турціею, и поспѣшилъ заключить миръ, едва предложили ему честныя условія. Казалось, сначала, что Ѳеодоръ не мыслитъ о нововведеніяхъ. Но вскорѣ любимцы царскіе успѣли перессориться. Хованскіе и Милославскіе возненавидѣли другъ друга. Хитрый Симеонъ Полоцкій снова овладѣлъ умомъ большаго и слабаго Царя, ученика своего, и его замыслы могли наконецъ осуществиться. Здоровье Ѳеодора заставляло временщиковъ помышлять о наслѣдникѣ, и взоры многихъ обращались не на Иоанна, а на Петра. Ѳеодоръ явно началъ благоволить болѣе младшему брату, свято сохраняя завѣтъ отцовскій въ отношеніи вдовствующей Царицы Наталіи. Удаливъ отъ Двора Нарышкиныхъ, изгнавъ Матвѣева, Ѳеодоръ оставилъ при Наталіи всѣхъ ея царедворцевъ, называлъ ее матерью, не слушалъ на нее наговоры, и оставилъ ее жить въ Кремлевскомъ Потѣшномъ Дворцѣ, гдѣ часто самъ посѣщалъ ее, и ласкалъ юнаго Петра.

Необыкновенныя способности Царевича раскрывались съ каждымъ годомъ. Пять лѣтъ было ему, когда рѣшились учить его грамотѣ. Бояринъ Соковнинъ указалъ Царю на отличнаго грамотѣя, дѣла Зотова. Самъ Ѳеодоръ и Симеонъ испытывали

Зотова въ чтеніи и письмѣ, и послали къ Царицѣ. Зотовъ со страхомъ и со слезами усьмьшалъ свое назначеніе въ учителя Царевичу, а на другой день прочиталъ молитву предъ начатіемъ ученія, и Петра посадили за азбуку, 12 Марта 1677 года. Вскорѣ началъ онъ читать скоро и бѣгло, сдѣлался страстнымъ охотникомъ до чтенія, наизусть выучилъ Евангеліе и Апостоль. Добрый Зотовъ былъ достоинъ своего назначенія. Онъ вразумлялъ ученика въ истины Закона Божія, читалъ съ нимъ книги, перебиралъ рисунки, велѣлъ изобразить главнѣйшія событія Русской Исторіи въ картинахъ, и развѣсилъ ихъ по стѣнамъ. Въ часы отдыха, онъ указывалъ Царевичу на великія дѣянія Святослава, Владиміра, Александра Невскаго, Димитрія Донскаго, двухъ Иоанновъ, Михаила, Алексія. Въ картинахъ представлены были взятіе Казани, Куликовская битва, весь воинскій артикулъ изъ ученія ратнаго дѣла, знатнѣйшіе «Европскіе» города, изображенія кораблей и воинскихъ орудій. Скоро недоставало уже познаній Зотова на удовлетвореніе всѣхъ вопросовъ, какіе предлагали ему любопытство ученика и страстное желаніе его все знать. Воинскія игры Царевича съ избранными сверстниками продолжались безпрерывно. Вниманіе Царя, умъ и дарованія Царевича, и мало по малу измѣнявшееся положеніе дѣлъ при Дворѣ, подъ вліяніемъ Симеона Полоцкаго, начали тревожить Милославскихъ, когда необыкновенный характеръ юнаго Петра безпрерывно открывался въ словахъ и поступкахъ, а добродѣтель и тихая жизнь, благотворительность и благочестіе Наталіи заставляли Ѳеодора имѣть къ ней истинно сыновнее почтеніе. Рѣшились удалить Наталію и сына ея отъ лица Государева. Бояринъ

Языковъ предложилъ ей переселиться въ одинъ изъ отдаленныхъ отъ Кремля дворцовъ, подь предлогомъ тѣсноты. Наталиа почла такое предложеніе изъясненіемъ воли царской, и горестно заплакала. Петръ вспыхнулъ гнѣвомъ, увидѣвъ слезы матери, и съ учителемъ своимъ побѣжалъ къ Царю. «Государь, братъ мой!» сказалъ онъ, со слезами на глазахъ, «жалуюсь тебѣ на Языкова. Онъ хочетъ выгнать меня съ матерью изъ твоего дворца, какъ Годуновъ выгнать нѣкогда Царевича Дмитрія. Но гдѣ ты, тамъ и я, и развѣ уже я не сынъ царскій, что мнѣ въ отцовскомъ домѣ угла не дають?» Теодоръ обнялъ юнаго брата, самъ поспѣшилъ къ Наталиа, увѣрялъ ее, что ничего не приказывалъ Языкову, и головой выдавалъ ей дерзкаго боярина. Наталиа успокоилась, но тревога временниковъ-царедворцевъ умножилась, и тѣмъ болѣе, что вскорѣ Царь совсѣмъ пересталъ слушаться ихъ совѣтовъ.

Теодоръ не былъ одаренъ воинскими способностями, но онъ любилъ науки и познанія, окружилъ себя латинщиками и учеными людьми. Страніемъ Симеона Полоцкаго въ Москвѣ основана была тогда духовная академія, для изученія Греческаго и Латинскаго языка; начали переводить книги; вмѣсто столпового пѣнія, введено было партесное, и вскорѣ Царь обратилъ особенное вниманіе на изгнанника Никона. Ему позволили возвратиться въ Воскресенскій его Монастырь, вопреки сопротивленію и спору патріарха. Никонъ возвращался изъ ссылки, какъ страдалецъ, какъ святой человекъ въ глазахъ народа. Но онъ не доѣхалъ до Москвы, и скончался на пути. Царь съ честью встрѣтилъ гробъ его, присутствовалъ при его погребеніи, самъ пѣлъ на клиросѣ съ пѣвчими, и испросилъ разрѣшеніе Восточныхъ патріарховъ, по которому Никонъ призна-

ваемъ былъ въ патріаршемъ санѣ, а осужденіе его уничтожалось. Иоакимъ долженъ былъ уступать волю Царя, хотя явно порицалъ и проклиналъ Симеона Полоцкаго, зачинщика всему злу. Теодоръ изъяснилъ не менѣ твердости, предписывая уменьшеніе роскоши при Дворѣ, въ одеждахъ и нарядахъ вельможъ и народа, устанавливая строгое правосудіе въ приказахъ, и наконецъ исполнивъ такое дѣло, на которое не рѣшался родитель его, даже во дни славы своей: онъ собралъ при Дворѣ соборъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, предложилъ ему вредъ и гибель почета по родамъ, необходимость лучшаго устройства воинскихъ силъ Россіи, и важность истребленія всѣхъ разрядныхъ книгъ и споровъ о мѣстахъ. Никто не противорѣчилъ. Разрядныя книги были принесены и сожжены въ присутствіи всего собора, съ наложеніемъ церковнаго проклятія и царскаго гнѣва на всякаго, кто дерзнетъ вспоминать о прежнихъ мѣстничествахъ. Царь утвердилъ потомъ новое расписаніе войска по ротамъ, установленіе поручиковъ, ротмистровъ, капитановъ и полковниковъ, вмѣсто сотниковъ и головъ. Гордость вельможъ подрыва была въ основаніи, и вскорѣ Теодоръ не сталъ уже скрывать своего явнаго намѣренія передать наследство престола младшему брату. Готовились важныя перемены. Матѣевъ переведенъ былъ изъ отдаленнаго мѣста ссылки въ ближайшее. Царь изъяснялъ ему милость свою.

Среди сихъ событій скончался душа царскаго содѣла, Симеонъ Полоцкій, и Теодоръ снова подпалъ неограниченной власти Милославскихъ. Они не хотѣли уже уступать никому, и начали дѣйствовать рѣшительно. Отъ Петра немедленно былъ удаленъ добрый учитель его; его послали, вмѣстѣ съ другими, для утвержденія мирнаго договора съ Ханомъ

Крымскимъ. Не опровергая предположеній Царя о наслѣдствѣ, убѣдили его вступить въ супружество. Теодоръ избралъ дочь незнатнаго дворянина, Симео-на Грушецкаго, Агаѳю. Бракъ былъ совершенъ 18 Июля 1680 года, и черезъ годъ Царица родила сына. Его назвали Ильею; черезъ четыре дня Агаѳя скончалась; Царевичъ пережилъ мать только недѣлю. Теодоръ тяжело скорбѣлъ, слабѣлъ здоровьемъ, молился, болѣе помышлялъ о жизни за гробомъ, нежели о земномъ величїи. Но еще разъ убѣдили его совѣты любимца Языкова, уже возведеннаго въ бояре послѣ смерти старика Милославскаго. Молодой Иванъ Милославскій пожалованъ боярствомъ еще съ 1677 года. Вопреки совѣтамъ докторовъ, Теодоръ, черезъ полгода послѣ кончины первой супруги, вступилъ во второй бракъ. Невѣстою его была молодая дѣвица, Марѳа, сирота, дочь воеводы Матвѣя Апраксина. Въ половинѣ Февралѣ 1682 года смиренно праздновали царскую свадьбу, а черезъ два мѣсяца Теодоръ былъ на смертномъ одрѣ.

Его не беспокоили спорами о наслѣдствѣ, не хотѣли даже знать его рѣшенія; престоль безспорно слѣдовалъ Царевичу Иоанну. Казалось, никто не рѣшится предложить на мѣсто его десятилѣтняго Петра. Теодоръ скончался 27-го Апрѣля 1682 года, въ пять часовъ пополудни. Патріархъ, бояре, военные, гражданскіе сановники были во дворцѣ. Народъ и войско наполнили Кремль, едва успѣли о кончинѣ добраго Царя. Всѣ нетерпѣливо ждали извѣщенія боярской думы, и — къ ужасу Милославскихъ, Хованскихъ, Языковыхъ, мгновенная, твердая рѣшительность другихъ вырвала у нихъ власть и могущество, когда они уже не сомнѣвались въ успѣхъ. Патріархъ вышелъ въ переднюю комнату передъ Грановитую Палату. Здѣсь собралось по-

четное духовенство и всѣ знатнѣйшіе люди, Одоевскіе, Рѣшныи, Голицыны, Долгорукіе, Ромодановскіе, Черкасскіе, Шереметевы, Куракины, Лыковы, Урусовы, Троекуровы. На Верхнемъ Дворѣ, подлѣ Спаса за Золотою Рѣшеткою, стояли столтники, стряпчіе, дьяки, жильцы, дворяне, гости. Милославскіе изумлены были неожиданнымъ вопросомъ патріарха: «кому быть теперь Царемъ Россіи?» — Собраніе безмолвствовало; одни испуганные опасеніемъ, другіе не смѣя начать, иные недоумѣвая, что значить вопросъ святителя. «И такъ, да будетъ великое дѣло рѣшено самими наслѣдниками царскаго престола,» возгласилъ патріархъ — «Богъ да разумитъ ихъ на благо людей!» Оба юные Царевича немедленно были введены въ Грановитую Палату. Шестнадцатилѣтній Иоаннъ робко отвѣчалъ, что онъ Царемъ быть не желаетъ, «поступается брату наслѣдствомъ», чувствуя свое нездоровье и сиротство, когда у брата его, Петра Алексѣевича, здравствуетъ еще мать, Царица Наталія Кириловна. Едва произнесены были сіи слова, своды палатныя огласились кликами: «Быть Царемъ Петру Алексѣевичу! Да здравствуетъ Царь Петръ Алексѣевичъ!» Нетерпѣливая толпа, собранная на Верхнемъ Дворѣ, спѣшила узнать причину восклицаній, повторила ихъ и передала толпѣ народа и войска, собравшейся въ Кремль. Едва только выпили спросить у тѣхъ и другихъ, согласны ли они на желаніе Царевича Иоанна уступить престоль младшему брату, имя Петра раздалось по Кремлю. Спѣшили воспользоваться народнымъ восторгомъ. Немедленно поставлены были наои съ крестами и Евангеліями, во дворцѣ и въ Успенскомъ Соборѣ, и народъ началъ присягать новому Царю, въ присутствїи двухъ бояръ, Князя Одоевскаго и Салтыкова. Вельможи и царедворцы

спѣшили потомъ «цѣловать руку» юнаго Царя, и поклониться его матери, которую общій голосъ утвердилъ правительницею государства. Москва радовалась. Безъ всякаго волненія совершена была присяга по Стрѣлецкимъ Слободамъ и въ Нѣмецкой Слободѣ.

Такъ неожиданно, такъ внезапно совершилось все, такъ явно обнаружилась притомъ скрытная ненависть другихъ вельможъ къ Милославскимъ, Хованскимъ, Языковымъ, что изумленные любимцы умершаго Царя не смѣли противорѣчить даже единымъ словомъ. Они видѣли, что многіе изъ враговъ ихъ прѣвхали во дворецъ въ панцѣрахъ, съ оружіемъ, скрытымъ подъ боярскими одеждами. Вражда дѣлила ихъ между собою, ничего не было ими приготовлено, и неизбежныя слѣдствія ихъ паденія оказались немедленно. Немилость царская объявлена была имъ въ тотъ же день. Казалось, что Милославскіе уничтожились навсегда — объ нихъ не думали болѣе, ихъ забыли, и эта безпечная довѣренность быстро передала имъ снова власть и силу.

На другой день совершились похороны добраго Царя Θεодора. Покрытый золотымъ бархатомъ, гробъ его, на рукахъ стольниковъ, перенесенъ былъ въ Архангельскій Соборъ, черезъ Красное дворцовое Крыльцо. Патріархъ шелъ впереди гроба; вдову, Царицу Марю, несли въ саняхъ, обитыхъ чернымъ сукномъ. Правительница государства, Царица Наталія, и юный Царь Петръ слѣдовали за гробомъ, сопровождаемые сигклитомъ и царедворцами, «въ смиренныхъ платьяхъ.» Царевича Іоанна не было. Наталія и Петръ простились съ умершимъ Царемъ, и спѣшили воротиться во дворецъ.

Петръ царствовалъ. Города Россіи и Сибири, Малороссія и Донъ присягнули ему на вѣрность. «Нѣсть

на семь свѣтъ ничто же, что бы вѣчно продолжаться могло,» говорилъ Гетманъ Малороссіи казакамъ своимъ — «вся дѣла измѣняются временемъ, а особливо родъ человѣческій. Кто изъ живущихъ не знаетъ смерти? Такъ совершилось и съ Царемъ Θεодоромъ — будемъ же вѣрны новому Царю Петру.»

Но кому слѣдовало «править государствомъ» отъ имени десятилѣтняго отрока? Наталія знала только одного — друга Алексіева, благодѣтеля своей юности, уже пять лѣтъ страдавшаго въ тяжкой ссылке. Объявлено было при Дворѣ, что, по волѣ Государя Царя Петра Алексіевича, возвращается царская милость и боярскій санъ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву. Стольникъ Алмазовъ былъ немедленно отправленъ звать его въ Москву «съ великимъ поспѣшеніемъ.»

Счастливое избраніе Петра было слѣдствіемъ скрытной борьбы различныхъ страстей. Милославскихъ и другихъ любимцевъ Θεодора не терпѣли царедворцы за ихъ гордость и властолюбіе, не терпѣли патріархъ и духовенство, думая, что они «попачкали» всѣмъ нововведеніямъ Θεодора, не терпѣлъ народъ: имъ приписывалъ утѣсенія и тягости, наконецъ не терпѣли стрѣльцы, подчиненные новымъ, болышею частью иноземнымъ полковникамъ, по новому установленію Θεодора, не находя себѣ правосудія на жадныхъ чужестранцевъ. И все согласно сливалось въ желаніе переменъ при новомъ Царѣ.

Съ Іоанномъ Милославскіе и друзья ихъ становились уже неограниченными правителями Двора и государства. Избранъ Петръ — враги Милославскихъ торжествовали. Но имъ предстояли подвиги не малые: слѣдовало успокоить страсти, умирить ихъ умѣренностью и безпристрастіемъ, и обрадовать народъ правосудіемъ и милостью. Объ этомъ не ду-

мали окружавшіе Наталію. Прежде всего Милославскіе, Хованскіе, Языковы низвергнуты съ мѣсть своихъ; мѣста ихъ заступили Нарышкины, Одоевскіе, Долгорукіе, но они помышляли только о дѣлѣхъ власти и доходовъ, и на другой же день явлено оказались робость и слабость новаго правительства.

Еще въ послѣдніе дни болѣзненной жизни Теодора, стрѣльцы не захотѣли болѣе сносить корыстолюбія и притѣсненій своихъ новыхъ начальниковъ. Они рѣшились своевольно искать правосудія. Апрѣля 25-го 1682-го года, избранный отъ нѣсколькихъ полковъ, стрѣлецъ явился съ просьбою въ Стрѣлецкій Приказъ, и подалъ се дьяку. «Кто подалъ?» въ гнѣвъ воскликнулъ Князь Юрій Долгорукій, человекъ старый и суровый, вмѣстѣ съ Языковымъ управлявшій тогда Приказомъ. «Шельный стрѣлецъ какой-то, и говорилъ притомъ наглыми рѣчи,» отвѣчалъ дьякъ. Долгорукій велѣлъ схватить стрѣльца-жалобщика, если онъ прійдетъ за отвѣтомъ, и вывѣчь его кнутомъ передъ Приказомъ, въ примѣръ другимъ. Жалобщикъ явился на другой день, былъ схваченъ и выведенъ передъ Приказъ. Здѣсь прочитали ему приговоръ отъ имени царскаго. «Ребята!» завопилъ несчастный, «не за всѣхъ ли васъ, не съ общаго-ли согласія подавалъ я просьбу? Чтожь вы меня выдаете!» Начался шумъ. Стрѣльцы бросились толпою, и отняли товарища изъ рукъ палачей. Дьякъ, испуганный, убѣжалъ опростетью, не смѣлъ даже донести о своевольствѣ стрѣльцовъ. Всѣ Болре спѣшили между тѣмъ во дворецъ — тамъ умиралъ Теодоръ.

Въ ночь передъ его кончиною, тяжкую и тревожную для Двора и Москвы, замѣтно было волненіе во всѣхъ слободахъ стрѣлецкихъ. Стрѣльцы со-

бирались въ «круги,» толковали, шумѣли, положили добиться правосудія, во что бы то ни стало, обще требовать наказанія своихъ полковниковъ. Къ утру мятежники разошлись. Теодоръ скончался. Въ толпахъ народа, наполнявшаго Кремль, были стрѣльцы; они присягнули новому Царю. Болре слышали о Стрѣлецкихъ сходбищахъ, но думали, что волненія не будетъ, особливо, когда стрѣльцы тихо пропустили день погребенія Царя Теодора. Горестъ народная казалась священною стрѣльцамъ, буйнымъ, но еще не преступникамъ. Утромъ, на другой день, 28 Апрѣля, толпа стрѣльцовъ явилась передъ Кремлевскимъ Дворцомъ. Испуганная Царица Наталія выслала спросить у нихъ о причинѣ прихода. Стрѣльцы подали просьбу, и требовали наказанія своихъ полковниковъ. Ихъ увѣрили въ правосудіи, но медлили исполненіемъ. Головы мятежниковъ разгорячились. Сходки у Стрѣлецкаго Приказа и съѣзжихъ избъ возобновились и людяли безпрерывно.

Что же сдѣлало новое правительство? Покорилось требованію своевольной толпы. Вѣлно было собрать всѣхъ стрѣлецкихъ полковниковъ, и безъ суда выдать ихъ на наказаніе и «доправу убытковъ» по просьбѣ стрѣлцкой. Но еще день прошелъ въ нерышительности. Патріархъ послалъ отъ имени своего представить стрѣльцамъ милость царскую, обнадежить ихъ наградами, и за то требовать, чтобы они милосердовали надъ своими притѣснителями и простили ихъ. Стрѣльцы изъявили усердіе къ Царю, клялись быть вѣрными, но наказанія требовали непременно, и — оно началось 30 Апрѣля.

Двадцать полковниковъ выведено было передъ Стрѣлецкій Приказъ, по указанію стрѣльцовъ. Каждому читали указъ царскій: «Были на тебя челомъ рядовые, что дѣлаешь ты обиды и тягости, берешь

взятки, отнимаешь имѣніе, употребляешь служивыхъ на свои работы, за деньги не держишь очереди по службѣ, и за то Царь Государь указалъ и бояре приговорили: отнять у тебя чинъ, имѣніе отписать, убытки людямъ съ тебя доправить, а за вины бить тебя батогами.» Каждый изъ осужденныхъ былъ послѣ того съченъ розгами безопадно. Деньги и имѣніе ихъ безъ разбора раздавали стрельцамъ, всякому, кто сколько показывалъ убытка. Все это произвело шумную радость; начались буйство и пьянство. Правительство не принимало ни какихъ предохранительныхъ мѣръ. Смѣнивъ Языкова, Стрѣлецкій Приказъ поручилъ молодому Ивану Кирилловичу Нарышкину. Ему было 23 года отъ роду. Казалось, ожидали порядка и устройства только отъ прибытія Матвѣева. Въ самомъ дѣлѣ смятеніе могло кончиться тишиною, но ненависть партій и оскорбленное властолюбіе упавшихъ временщиковъ увидѣли въ немъ послѣднее отчаянное средство, и употребили его на пагубу враговъ своихъ, на достиженіе властолюбивой цѣли.

По кончинѣ Феодора оставались шесть Царевнѣ сестеръ его, равно не терпѣвшихъ Наталіи, равно оскорбленныхъ избраніемъ Петра, мимо старшаго Іоанна. Онѣ всѣ роптали, но двѣ старшія Царевны, Евдокія и Марѣа, благочестивыя и набожныя, при немолодыхъ своихъ лѣтахъ, не думали вмѣшиваться въ земское дѣло. Не такова была третья Царевна, *Софія Алексѣевна*, дѣвица 24 лѣтъ, умная, прекрасная собою, гордая, начетчица книгъ, краснорѣчивая и смѣлая. Когда все преклонилось передъ Петромъ, Софія осмѣлилась призвать къ себѣ патріарха и бояръ, и спрашивала ихъ, «какою властью дерзнули они возвести на престолъ младшаго брата, вопреки правамъ старшаго.» Ей отвѣчали, что

Іоаннъ самъ отрекся отъ престола. «Вы избрали Петра только вашею думою, и не спросили народа» — возражала Софія. Народъ изъявилъ свое согласіе, отвѣчали ей. Софія предлагала уничтожить опредѣленіе, возвести на престолъ обонхъ братьевъ. Патріархъ отвѣчалъ, что двоєвластіе будетъ пагубно государству. «Но развѣ лучше власть вельможъ, которые стануть теперь править государствомъ отъ имени Царя-отрока?» возразила Софія. Ее просили не нарушать избранія Божія и народнаго. Она умолкла.

Можетъ быть, Софія не думала возставать явно, не видѣла даже возможности къ сопротивленію, но когда ея требованію противопоставили холодную невнимательность, когда къ ней приближалъ опасный Милославскій, когда новое правительство, оказало съ перваго дня пристрастіе, дерзительность, слабость, хитрый умъ Софіи вспыхнулъ обширными, кровавыми замыслами. Погубить враговъ, схватить власть, и въ себѣ явить новую Ольгу, новую Елену — таковы были замыслы Софіи. Милославскій еще не находилъ средствъ — Софія уже нашла ихъ: она указала ему на стрельцовъ.

Направить неопредѣленно шатавшееся своеволіе мыслей ихъ къ извѣстной цѣли; возбудить гордость ихъ мольбою — быть заступниками правъ утѣсненнаго Царевича Іоанна; уничтожить боязню мятежа обѣщаніемъ награды; возбудить опасеніе противъ новаго правительства — таковы были предначертанія Софіи и Милославскаго. Бунтъ и убійство не казались имъ страшными. Къ дѣлу приступили тайно, смѣло, поспѣшно. Софія смиренно укрывалась въ своемъ теремѣ. Милославскій притворился больнымъ, остался дома, лечился. Тайными сообщниками Софіи были люди не знатные, но умные и смѣлые:

дьякъ Шекловитый, два брата Толстые, нѣсколько стрѣльцкихъ начальниковъ. Постельница Софія, Теодора Семенова, переносила вѣсти.

Уже и безъ того, въ буйныхъ кликахъ стрѣльцовъ вырвались слова, что они «знаютъ теперь, какъ управиться имъ съ своими злодѣями, и скоро доберутся до всѣхъ измѣнниковъ.» Вскорѣ по Москвѣ разнеслись слухи и толки, что Иоаннъ обойденъ неправедно; что Матвѣевъ, извѣстный любитель Нѣмцовъ, сдѣлается теперь правителемъ; что Князь Долгорукій обѣщаетъ кончить дѣло съ стрѣльцами по своему. Умы взволновались, страсти расшевелились, искра брошена была удачно, и вскорѣ клеветы начали умножать: представляли стрѣльцамъ гореніе на бѣднаго Царевича Иоанна и сестеръ царскихъ, опалу старыхъ бояръ, самую опасность Вѣры Православной. Присягалъ Петру, дворянинъ Сунбуловъ уже осмѣлился громко говорить на Красной Площади, что Иоаннъ обойденъ неправильно. Онъ остался ненаказанъ. Избраннымъ стрѣльцамъ изъясняли тайно, что если при благочестивомъ Теодорѣ было самовластіе боярское, что же будетъ теперь, при Царь-младенцѣ; что правленіе должно вручить крѣпкой рукѣ, и говоря такъ, указали имъ на мудрую Царевну Софію. Сходбища Стрѣльцовъ начались снова; старшіе воспаляли рядовыхъ. Нѣкоторые изъ стрѣльцкихъ полковъ колебались, но только одинъ полкъ, Сухаревскій, отказался отъ совѣщаній рѣшительно, благодаря усердію своего сотника; всѣ остальные готовы были итти, куда имъ велѣтъ, дѣлать, что имъ прикажутъ; вино и деньги рѣшили однимъ; другіе обѣщали не выдавать товарищей.

Мрачная туча мятежа тяжелѣла болѣе и болѣе надъ Москвою, а правительство знало и молчало,

бездѣйствовало — нетерпѣливо ждали Матвѣева, и безъ него, какъ будто потеряли умъ. Матвѣевъ спѣшилъ въ Москву, слышалъ на дорогѣ страшныя вѣсти, но не боялся ихъ.

«Уйму смятеніе или положу голову мою!» говорилъ онъ. У Троицы-Сергія встрѣтилъ его съ поздравленіемъ думный дворянинъ Юрья Лотухинъ; въ Братовщинѣ привѣтствовалъ его братъ Царицы Наталіи, Аванасій Кириловичъ. Всѣ вельможи явились къ нему въ боярскій домъ его, когда онъ пріѣхалъ въ Москву, 10-го Мая. Во дворцѣ встрѣтили его какъ спасителя отечества. Немедленно приступили къ дѣламъ.

Матвѣевъ не одобрялъ медленности правительства, но прошло еще четыре дня, и ничего не рѣшили. Поспѣшнѣе, емѣлье дѣйствовали между тѣмъ Милославскіе и Софія. Средства къ возбужденію мятежа довели до грубой нелѣпности — Софія знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Наканунъ, нѣсколько переодѣтыхъ людей начали ѣздить по Москвѣ, забирать стрѣльцовъ, бить, съечь ихъ, приказывая имъ уняться. Говорили, что какой-то молодой человекъ, называя себя Иваномъ Нарышкинымъ, ѣздитъ по стрѣльцкимъ слободамъ, и грозитъ истребить стрѣльцовъ до конца. Нечистая совѣсть буйныхъ мятежниковъ казалась для нихъ мѣрою опасности, имъ угрожавшей. Они приступили къ рѣшительной мѣрѣ. Ночью на 15е Мая, ударили сборъ по всѣмъ сѣвѣжымъ избамъ стрѣльцкимъ, Толстые, Сунбуловъ, Озеровъ скакали повсюду, съзвали стрѣльцовъ, крича, что измѣнники болѣе хотѣтъ приступить къ изслѣдованію всего, что дѣлали стрѣльцы; что это былъ первый совѣтъ, была первая дума Матвѣева, стараго измѣнника и вора; что Иванъ Нарышкинъ, начальникъ стрѣльцовъ,

не знает мѣры гордости, щиплетъ за бороды старыхъ бояръ, а вчера съѣлъ на царскій тронъ, надѣлъ на себя царскій венецъ и похвалялся: «не правда-ли, что никому такой нарядъ не пригодится такъ, какъ мнѣ доброму молодцу?» Его едва согнали съ престола Царица Марѳа Матвѣевна и Царевна Софія Алексѣевна, но только Богъ вѣдаетъ, какіе у него замысли. Разъяренные мятежники всему повѣрили, особливо при доказательствахъ виномъ и деньгами. Они принялись за оружіе, раздавали приказы. Видя ночное волненіе и тревогу, слыша набатъ и буйный шумъ мятежниковъ, рано утромъ 15-го Мая, бояре спышили совѣщаться въ Кремль, а по стрѣлецкимъ слободамъ мгновенно раздали клики: «Спышите, добрые люди — совершилось злодѣйство — Иоаннъ убитъ — Иванъ Нарышкинъ задушилъ его. Спасайте царскую кровь!» Звѣрскіе вопли были отвѣтомъ. Набатъ загудѣлъ по церквамъ, забили въ барабаны. «Въ Кремль! Иоанна убили Нарышкины!» раздавалось всюду. Другіе говорили, что и добрый Феодоръ былъ отравленъ, и что въ этомъ подозрѣваютъ царскаго врача, Нѣмца Гадепа. «Гадень отравилъ Феодора! Матвѣевъ собираетъ дѣтей боярскихъ, холопей и народъ, хочетъ итти на стрѣльцовъ, перебить ихъ всѣхъ! Смерть измѣнникамъ!» вопили стрѣльцы. Поспѣшно раздали имъ списки тѣхъ, кого надобно было истребить. Имя Матвѣева стояло впереди всѣхъ; за нимъ были имена Нарышкиныхъ; лѣтя мятежникамъ, прибавили имена даже нѣсколькихъ друзей Милославскаго, ненавистныхъ стрѣльцамъ — Языкова, и Лихачевыхъ. Поздно было теперь разбирать, обдумывать, даже управлять мятежемъ. Съ копьями, съ бердышами, отовсюду побѣжали стрѣльцы въ Кремль; другіе собрались толпами, пришли въ Знаменскій

Монастырь, служили тамъ молебень, взяли иконы; третьи выступили изъ слободъ своихъ стройно, везя двѣ пушки, съ распущенными знаменами.

Матвѣевъ собрался ѣхать домой послѣ совѣта, успокоилъ Царицу, и шелъ по маленькой лѣстницѣ къ своей каретѣ, когда на встрѣчу ему бросился Князь Феодоръ Урусовъ, извѣстивъ о бунтѣ, и о томъ, что стрѣльцы уже перешли Бѣлый Городъ. Матвѣевъ поспѣшно воротился въ дворецъ; у Царицы Наталіи сошлись еще кое-кто изъ бояръ, трепетали, совѣтовались, не знали что дѣлать, рѣшились запереть ворота Кремлевскія. Но въ это время барабанный бой, крикъ, и страшный набатъ на Иванъ Великомъ возвѣстили о приходѣ мятежниковъ. Они ломали кареты бояръ, стоявшія около дворца; едва успѣли запереть отъ нихъ деревянную рѣшетку на Красномъ Крыльцѣ. — Стрѣльцы притащили лѣстницы, стали взбираться наверхъ. Среди смятенія и крика нельзя было вначалѣ распознать, чего хотятъ они. Къ умноженію страха, прекрасный майскій день вдругъ измѣнился: небо обложилось тучами, поднялись страшный вѣтръ и вихрь. Многіе со страхомъ вспоминали, что 15-е Мая былъ несчастный для Россіи день убіенія Димитрія Царевича. Выслали спросить у мятежниковъ, чего хотятъ они. «Нарышкины убили Царевича Иоанна! Отдайте намъ измѣнниковъ и нашихъ злодѣевъ!» кричали стрѣльцы. Слова были переданы Царицѣ. Бояре уговаривали ее выйти на площадку передъ Краснымъ Крыльцомъ, и показать Царевича Иоанна и Царя Петра. Наталія съ трепетомъ исполнила совѣтъ. Она, Петръ, Иоаннъ, патріархъ, Матвѣевъ, бояре вышли къ стрѣльцамъ; ихъ привѣтствовали смятенымъ воплемъ и проклятіями. «Вотъ Царевичъ Иоаннъ!» говорила Наталія — васъ обманули — онъ живъ!»

Стрѣльцы не вѣрили. Иоаннъ увѣрялъ, что онъ точно Иоаннъ Царевичъ. «Насъ обманули!» заговорили многіе. Смятеніе стало утихать, но его умѣли подкрѣпить снова. «Сегодня не убить Иоаннъ, такъ убьютъ его завтра!» раздались вопли — «выдѣйте намъ измѣнниковъ, злодѣевъ нашихъ, Нарышкинскихъ, Языковыхъ, Матвѣева!» Матвѣевъ безтрепетно стоялъ подлѣ Царицы. «Я не измѣнникъ, — воскликнулъ онъ — я иду къ вамъ! Послушайте моего добраго совѣта, или возьмите мою съдую голову, если она вамъ надобна!» Не смотря на сопротивленіе другихъ, онъ велѣлъ отворить рѣшетку, сошелъ внизъ съ крыльца, и съ нимъ сошелъ гнѣвный Князь Юрій Долгорукій. Матвѣевъ началъ говорить съ митрежниками, кротко, но смѣло, излагалъ имъ всю нелѣпость обвиненія и требованія; общалъ судъ царскій и милость, еще столь недавно показанную, припоминалъ свои съ ними походы, услугу ихъ во время Коломенскаго бунта. Стрѣльцы остановились, стали мириться, не спорили. Долгорукій уничтожилъ доброе начало своею горячностью. Какъ старшій начальникъ стрѣльцовъ, онъ началъ порицать, бранить ихъ, грозить имъ наказаніемъ. «Слышите-ли, какъ поговариваютъ бояре?» воскликнули многіе — они хотятъ улестить и обмануть насъ — рассчитаемся ихъ головами за наши. Бей! Любо!» и Долгорукій палъ произенный нѣсколькими копьями. Хотѣли вырвать изъ рукъ убійцъ Матвѣева. Но кровь уже отуманила митрежниковъ; воротиться имъ было нельзя послѣ страшнаго начала. Напрасно самъ владыка патріархъ бросился на встрѣчу стрѣльцамъ, бѣжавшимъ на Красное Крыльцо. «Не требуемъ ни чьихъ совѣтовъ — кричали ему стрѣльцы — сами разберемъ, кого намъ надобно!» — толкали, чуть не сбили съ ногъ владыку, и склонивъ копьѣ впе-

редь, ворвались во дворецъ. Царица Наталія схватила на руки Петра, и со слезами убѣждала въ Грановитую Палату. Крикъ: «Любо!» ознаменовалъ смерть Матвѣева; его схватили, бросили внизъ съ крыльца, приняли внизъ на копьѣ, разрубили бердышами на части. Только Князь Михайло Черкасскій, личный врагъ его, оказалъ мужество въ минуту ужаса: онъ ухватился за Матвѣева, не отдавалъ его; на Черкаскомъ изорвали платье, отнимая бѣдную жертву. Всѣ другіе бояре ужаснулись, бѣжали, скрывались отъ гибели, кто куда успѣлъ и могъ. Стрѣльцы побѣжали по царскимъ чертогамъ, искали Нарышкинскихъ, ворвались даже въ терема Царевенъ, разбивали тамъ ящики, шкапы, переворачивали постели. Имъ попался навстрѣчу молодой Салтыковъ; его почли Иваномъ Нарышкинымъ; въ испугъ потерявъ языкъ, Салтыковъ трепеталъ и не могъ промолвить слова — его убили; убили еще дьяка Василя Иванова, полковниковъ Горюшкина и двухъ Юреневыхъ. Наконецъ, въ церкви Воскресенія на сѣняхъ, найденъ былъ Аванасій Нарышкинъ. Царицынъ карло Хомякъ указалъ убѣжище несчастнаго, и его зарѣзали «между церковью и алтаремъ.» Старшій вовода, бояринъ Григорій Ромодановскій, спѣшили уѣхать домой; его остановили между Иваномъ Великимъ и Чудовымъ Монастыремъ. «Бей злодѣя! Онъ мучилъ насъ въ Чигиринскомъ походѣ!» кричали одни. «Любо!» и смерть Ромодановскаго была отвѣтомъ другихъ.

Когда въ Кремль начались убійства, отдѣльные толпы Стрѣльцовъ бросились въ дома Нарышкинскихъ, убили стольника И. О. Нарышкина, не нашли другихъ, разграбили, опустошили ихъ дома, рвали, бросали на улицу драгоценныя одежды и утвари. Никто ничего не бралъ себѣ. Стрѣльчихи были съ

мужьями, съ воплемъ и хохотомъ кидали въ грязь драгоценности, и топтали ихъ ногами, но нѣсколько человекъ стрѣльцовъ было даже убито товарищами за то, что хотѣли утаить разныя дорогія вещи. Только вину не давали пощады — разбивали бочки, пили за-мертво; забирали еще деньги въ общую казну, чтобы раздѣлить ихъ потомъ въ кругахъ. Домъ доктора Гадена былъ опустошенъ; взяли жену его, увели ее въ Кремль; захватили еще сосѣда Гаденова, доктора Гутменша, крича: «Ты знаешь, гдѣ Гаденъ?» Дьяка Ларіона Иванова убили за то, что нѣкогда былъ онъ въ Стрѣльцкомъ Приказѣ; дьяка Аверкія Кирилова истерзали, обвиняя его въ накладкахъ на соль.

Тѣла убитыхъ волокли на площадь къ Лобному Мѣсту, съ воплемъ, хохотомъ. На трупъ Ларіонова положили сушеную каракатицу, найденную въ домѣ его; убійцы думали, что это змѣя, высушенная и приготовленная на отраву добрыхъ людей.

Смигеніе въ Кремль утихло. Стрѣльцы обставили караулами дворецъ и поставили стражу у всѣхъ воротъ Кремлевскихъ. Но въ городѣ волненіе еще долго не утихало. Трупъ убитаго юноши Салтыкова привезли къ отцу, извиняясь, что убили сына его ошибкою. Боясь смерти, отецъ не сговаривалъ, угощая убійцъ виномъ, извинялъ ошибку ихъ и уцѣлѣлъ. Другая толпа стрѣльцовъ явилась въ домъ Долгорукихъ, и также извинялась передъ отцомъ въ смерти сына, который самъ пошелъ на ссору, начавъ позорить ихъ, грозить имъ, и привелъ ихъ въ ярость. Восьмидесяти лѣтъ, дряхлый старикъ, Долгорукій большой лежалъ въ постели, не спорилъ съ убійцами, подчивалъ ихъ, далъ имъ денегъ. Едва оставили они домъ его, жена убитаго сына его заплакала, зарыдала. «Не плачь!» говорилъ ей

старикъ — «Богъ отмститъ за насъ; шука умерла, да зубы остались живы — висѣтъ имъ всѣмъ, измѣнникамъ и злодѣямъ, на висѣлицѣ!» Слова старика были подслушаны и пересказаны стрѣльцамъ невѣрнымъ холопомъ; въ бышенствѣ воротились они въ домъ Долгорукаго; за сѣдые волосы стащили старца съ кровати, убили, терзали трупъ его и потащили къ Лобному Мѣсту. Между тѣмъ вездѣ искали Гадена и Языкова, нагло осматривали дома и жилища иностранцевъ, и всюду требовали вина и денегъ.

Настала ночь. Во дворцѣ царскомъ собралось тайно нѣсколько бояръ и духовенства, и никто не зналъ что начать. Можно было видѣть, что народъ не раздѣляетъ преступнаго неистовства стрѣльцовъ; можно было догадываться, что есть тайные умышленники бунта, и даже кто они. Но чего хотѣли эти зачинщики мятежей? Софія и Милославскій укрывались отъ дѣйствій. Усмирить стрѣльцовъ, при всеобщемъ недоумѣніи народа, при небольшомъ числѣ Нѣмецкихъ солдатъ, трепетавшихъ за жизнь свою въ отдаленной Нѣмецкой Слободѣ, когда 14,000 вооруженныхъ бунтовщиковъ владѣли Кремлемъ, не было возможности. Думали, что слѣдующій день не будетъ уже, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ кровавыхъ позорищъ; стрѣльцы опомнятся; начальники ихъ выскажутъ, чего хотятъ они. Но злоба и мщеніе тѣхъ, кто назначалъ жертвы убійцамъ, еще не насытились, и на другой день бунтъ явился тѣмъ опаснѣе, что уже не былъ онъ безотчетнымъ порывомъ слѣпнаго бышенства.

Пока однѣ толпы мятежниковъ, съ самаго утра, опять отправились съ обыскомъ по домамъ, другіе окружили дворецъ, и хладнокровно требовали Нарышкиныхъ и Гадена. Напрасно уговаривали, умо-

ляли ихъ. Убийцы согласились наконецъ — можетъ быть, имъ вѣрно было согласиться — пощадить Нарышкиныхъ и не обречь ихъ на общую смерть, если только выдадутъ имъ главнаго злодѣя ихъ *Иоана Нарышкина*, а всѣхъ другихъ просто удалять отъ Двора. Иванъ Нарышкинъ, юный, смѣлый, вѣроятно, страшилъ враговъ своихъ — другихъ они не боялись. Царица ужаснулась, безмолвно плакала. Время протекало, и непрерывно приходили отвсюду ужасныя вѣсти. Болрина Языкова нашла наконецъ въ церкви Николы въ Хлыновѣ, убили, и утащили на Лобное Мѣсто. Вскорѣ притащили въ Кремль изъ Нѣмецкой Слободы сына Гаденова, свели его на очную ставку съ матерью и Гутменшемъ, и спрашивали объ отцѣ. Несчастный клялся, что ничего не знаетъ; его сбросили съ копья; вслѣдъ за нимъ сбросили Гутменша; принимались уже за жену Гадена, и напрасно Царица Марѳа выслала просить ей пощадить. Несчастная ждала смерти — но крикъ: «Нашли Нарышкина!» остановилъ убійство. Этотъ Нарышкинъ былъ однако жъ не Иванъ Кириловичъ, но молодой родственникъ Царицы Наталіи. Его убили, и тѣмъ неумолимѣе требовали брата ея.

Насталъ третій день. Беззащитно предана была Москва скопищу злодѣевъ, какъ будто въ Русской столицѣ вовсе не было правительства. Бунтъ становился ужаснѣе. Дерзость стрѣльцовъ переходила всѣ предѣлы. Стрѣльцы начали грабежъ, драки съ народомъ; народъ грозилъ имъ, собирался толпами; посланные отъ разныхъ сословій Москвы тайно являлись во дворецъ, вызываясь на защиту Царя. Разъяренные стрѣльцы бросились въ Холопій Приказъ, изорвали тамъ крѣпости, записи, объявили свободу холопамъ. Никто не принялъ страш-

наго дара. Но что могло быть далѣе? Этого содрогнулась, можетъ быть, и сама Софія. Надобно было кончить страшное дѣло — и Софія явилась среди царедворцевъ и бояръ.

Она не хотѣла смерти Петра — въ этомъ соглашались потомъ самые враги ея, но сначала она присуждала престоль *однолу Иоанну* — въ этомъ также нѣтъ сомнѣній. Вѣримъ, что Софію ужасало проклятіе народа, страшилъ гнѣвъ Божій за братоубійство и цареубійство — можетъ быть, она боялась даже, что руки злодѣевъ не подымутся на державнаго отрока. Но почему вздумала она разделить престоль Иоанна съ Петромъ? Дѣло поясняется противоборствомъ множества царедворцевъ и мнѣніемъ народа, который не хотѣлъ играть своего клятвою. Уступая здѣсь, являясь усмирительницею кроваваго смятенія, Софія всего ожидала въ будущемъ. Побѣда досталась ей тяжкою цѣною совѣсти. Ей надобно было еще страшное доказательство силы — на доказательство это обрела она голову Ивана Нарышкина. Тогда хотѣла она примириться.

Соблюдая все хладнокровіе ума, Софія призвала къ себѣ патриарха, и совѣтовала ему созвать бояръ и избранныхъ изъ народа, положить конецъ смятенію, и «установить государское дѣло.» Патриархъ согласился въ мудрости совѣта. Сошлись болре многіе. Отправили посланныхъ по всей Москвѣ, звать другихъ. Софія обратилась къ трепещущей Наталіи. «Развѣ не видишь ты», говорила она, «тебѣ не спасти своего брата или ты погубишь отца, себя и всѣхъ насъ! Покорись волѣ Божіей, отдай брата стрѣльцамъ — мы постараемся уговорить ихъ не казнить его!» Совѣтъ Царевны подтвердили бояре, извѣщая, что стрѣльцы теряютъ терпѣніе, хотѣтъ зажечь дворецъ, если Иванъ Нарышкинъ не будетъ

имъ выданъ. Тщетно еще противилась Наталія. Безсильная, оставленная Совѣтомъ и Думою, три дня трепетавшая за жизнь всего, что только было ей мило и дорого на свѣтъ, она была уже не Царица, но слабая, беззащитная вдова, мать Царя сироты, и со слезами согласилась на всѣ требованія. Извѣстили стрѣльцовъ, что выдадутъ имъ Нарышкина, если они перестанутъ бунтовать и не требуютъ болѣе никого. «Только Гадена еще!» заревѣли они. «Злодѣй отравилъ Θεодора! Въ домъ у него нашли моченыхъ и сушеныхъ змѣй и гадювъ! Онъ колдунъ!» — Гадена нѣтъ во дворцѣ — отвѣчали имъ, и наконецъ сторговались на жизни одного Ивана Кириловича. Стрѣльцы обѣщали прекратить волненіе, довольные тѣмъ, что злодѣи ихъ были истреблены, что Іоаннъ живъ, что Нарышкины лишены всякой власти; они соглашались предать все дальнѣйшее рѣшеніе судьбы государства на волю Болрской Думы. Наталія покорилаь страшной необходимостію...

Отецъ Наталіи, старикъ Кирила Полуехтовичъ, Иванъ Кириловичъ, трое братьевъ его, несовершеннолѣтнихъ, нѣкоторые родственники ихъ, и сынъ Матвѣева Андрей, были скрыты во дворцѣ. При первомъ нападеніи стрѣльцовъ спрятали ихъ по разнымъ угламъ; потомъ свели въ теремъ Царевны Маріи Алексіевны, уважаемой всѣми за ея благочестіе; постельница Царевны, Клушина, обстригла несчастнымъ волосы, и спрятала всѣхъ въ чуланъ, заваленный пуховиками. Сына Матвѣева взялся вывести изъ Кремля карло Комаровъ, и благополучно, переодѣтаго, свезъ его къ своему родственнику, а Нарышкины не смѣли оставить царскаго дворца и двое сутокъ провели въ смертномъ страхѣ. Нѣсколько разъ слышали они, какъ мятежники хо-

дили мимо нихъ, и даже кололи копьями въ пуховики, подъ которыми были они укрыты. Откуда вывели теперь несчастнаго старца Кирилу Полуехтовича и дѣтей его, и провели въ церковь Спаса за Золотою Рѣшеткою. Тамъ объявили Ивану Кириловичу страшное рѣшеніе. Софія сказала ему, что это необходимо. Всѣ плакали. «Или думаешь ты, Царевна Софія Алексіевна, что я боюсь смерти?» отвѣчалъ Иванъ Кириловичъ. «Пусть только головою моею сохранятся другіе!» — Онъ исповѣдался, приобщился Св. Таинъ, взялъ въ руки икону. Вопль убійць, требовавшихъ его, проникалъ сквозь стѣны тѣснаго и затвореннаго храма Божія. «Что медлишь, Иванъ!» говорилъ старшій болринъ Князь Яковъ Одоевскій. «Иди скорѣе, спасай всѣхъ насъ, а тебѣ, Государыня Царица, сколько ни держать брата, а выдать надобно!» Наталія сама повела Ивана Кириловича на площадку подлѣ дворца; онъ несъ въ рукахъ икону Богоматери. За ними влачился отецъ. Какъ звѣри лютые, устремились на нихъ яростные стрѣльцы. Наталія упала передъ убійцами на колѣни — ее грубо оттолкнули, вырвали изъ рукъ ея брата и поволокли его внизъ. Клики на Красномъ Крьльцѣ возвѣстили новое торжество убійць: привели несчастнаго доктора Гадена. Два дня скрывался онъ въ лѣсу, и измученный голодомъ, рѣшился наконецъ пробраться въ городъ, былъ узнанъ, не смотря на нищенскія рубища, и притащенъ въ Кремль. Не легкая смерть, но страшное истязаніе готовилось Нарышкину и Гадену. Ихъ потащили въ Константиновскій застѣнокъ, жгли, пытали, мучили, допрашивали. Гаденъ наскзал на себя все, что ему подсказали. Нарышкинъ былъ твердъ, и, истязуемый, клялся въ своей невинности. Полуживыхъ, истерзанныхъ притащили ихъ

обоихъ къ Лобному Мѣсту, изрубилъ въ куски, топтали останки ихъ ногами. Несчастному старцу Кирилу Полуехтовичу суждено было пережить двухъ юныхъ сыновей. Стрѣльцы сдержали слово, не убили его, но пока одни терзали Ивана Кириловича, другіе отвели родители Царицы въ Чудовъ Монастырь. Тамъ постригли его насильно, и подъ именемъ *старца Киріана*, отправили въ простой телѣгъ въ Кириловскій-Бѣлозерскій Монастырь, гдѣ суждено было ему вскорѣ успокоиться въ могилѣ, испытать тамъ величіе и превратность земнаго счастья.

Между тѣмъ Софія величаво вышла къ стрѣльцамъ, окружавшимъ дворецъ, и ласково уговаривала ихъ успокоиться; благодарила за вѣрную службу, за любовь къ Царскому Дому; объявляла, что начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа будетъ отнынѣ Князь Иванъ Хованскій; что всемъ стрѣльцамъ въ награду будетъ раздано по десяти рублей на челоуѣкѣ, и все прежнія службы ихъ будутъ разсмотрѣны; смерть бояръ и другихъ людей не причтется имъ въ вину, и за похвальную службу ихъ будутъ они наименованы «надворною пѣхотою,» и подвигъ ихъ, на память грядущимъ родамъ, написанъ будетъ на каменныхъ столпахъ, складенныхъ на Красной Площади, и подъ смертною казнью запрещено будетъ называть ихъ бунтовщиками и измѣнниками.

Стрѣльцы отвѣчали радостными восклицаніями. Софія подчивала ихъ водкою, допустила къ рукъ, просила чтобы они не препятствовали похоронить тѣла убитенныхъ, уже по три дня заражающія воздухъ гніеніемъ, а «объ государскомъ дѣлѣ положились бы на ея и боярское попеченіе.» Софія просила, мятежниковъ «быть на службу Государеву готовыми, но за оружіе не приниматься.»

Вечеромъ, 17 Мая, умоляли набатъ, вопли, бара-

банный бой. Стрѣльцы шировали побѣду, ходили по улицамъ пьяные, хвастали, бунили, но не препятствовали подбирать тѣла убитыхъ. Никто не осмѣлился до того времени прикоснуться къ нимъ, кромѣ одного вѣрнаго слуги. Это былъ Арапъ, холопъ Матвѣева; онъ явился къ Лобному Мѣсту еще въ первый день бунта, собралъ въ коверъ растерзанныя части тѣла своего господина, положилъ ихъ въ гробъ, отвезъ въ приходскую церковь Николы въ Столпахъ, и честно похоронилъ тамъ. Благодарный сынъ Матвѣева наградилъ потомъ вѣрнаго слугу, велѣлъ похоронить его въ той же палаткѣ, гдѣ была гробница Артемона Сергѣевича, и гдѣ назначалъ онъ мѣсто и для своей могилы.

Софія являлась теперь неограниченного повелительницею государства. Но она легко замѣтила всю опасность своего новаго положенія. Ей повиновались, но ужасы трехъ минувшихъ дней исполняли сердца негодованіемъ, и только что минулъ страхъ смерти, никто не скрывалъ чувства, возбуждаемаго дѣлами Софій, друзей ея и свирѣпыхъ помощниковъ. Власть Наталіи была уничтожена, но едва собрались во дворецъ бояре, думные и духовные люди, едва предложили имъ рѣшить «Государское дѣло,» множество голосовъ заговорило, что дѣло рѣшено, въ Россіи есть Царь, и они не могутъ нарушить избранія Петра. Не смотря на то, собранію предложили избрать Иоанна вмѣстѣ съ Петромъ. Большинство голосовъ согласно объявило, что такого примѣра въ Россіи не бывало, и не слыхано на свѣтѣ, чтобы правилъ государствомъ два Царя. Напрасно возражали другіе, что тѣмъ прочнѣе будетъ государство; что когда одинъ Царь пойдетъ на войну, другой останется править судомъ и правосудіемъ; что такъ было при Θεодосіи Великомъ, когда Ар-

кадѣй и Гонорій правили вмѣстѣ; такъ было въ Египтѣ при Фараонѣ и Иосифѣ. Съ безпокойствомъ и гнѣвомъ Софія видѣла упорное сопротивленіе. Совѣтъ разошелся безъ рѣшенія; Москва томилась ожиданіемъ.

Но на другой день въ совѣтъ споры усилились; на третій разгорѣлись они еще болѣе. Софія увидѣла необходимость напомнить о кровавой грозѣ, едва протѣвшею надъ головами. Противники ея забывали, что по первому удару набата тысячи стрѣльцовъ опять явятся въ Кремль, и — она напомнила забывчивымъ боярамъ, что не время «совѣтовать,» когда надобно «исполнить приказъ.» Малъ 23, пришли во дворецъ избранные стрѣльцы, почтительно спросили о здравіи, извѣстили, что у нихъ по полкамъ все мирно. Но «знаютъ они,» прибавили избранные, «что Царевичъ Іоаннъ объ утратѣ престола болѣзнуетъ, а думные люди о томъ не думаютъ, и желаютъ они, стрѣльцы, чтобы Іоаннъ былъ поставленъ въ Цари, вмѣстѣ съ братомъ, а не согласятся думные люди, быть опять мятежу немалому, и готовы они, стрѣльцы, опять прійти на Государское дѣло.»

Ласково выслушали и отпустили стрѣльцовъ, передали слова ихъ думѣ боярской и народной. Рѣшеніе послѣдовало немедленное. Опредѣлили избрать Іоанна, такъ же Царемъ, какъ избранъ Петръ, царствовать имъ вмѣстѣ, и предварительно спросить у стрѣльцовъ и у народа, довольны ли они такимъ рѣшеніемъ.

«Нѣтъ!» отвѣчали стрѣльцы, являсь на другой день, извѣщая, что у нихъ все мирно и спрашивая о царскомъ здравіи — «нѣтъ, этому не бывать: Іоаннъ, какъ старшій братъ, да будетъ первымъ Царемъ, а Петръ, какъ младшій, вторымъ.»

Новый споръ былъ слѣдствіемъ такого предложенія. Малъ 25 стрѣльцы явились еще разъ, и требовали, чтобы «имъ самимъ позволено было видѣть царскія очи.» Князь Иванъ Хованскій ввелъ просителей во дворецъ, гдѣ увидѣли они Царевича Іоанна, Царицу Марю и Царевну Софію. Почтительно, допущенные къ цѣлованію руки, стрѣльцы повторили требованіе. «Дай Богъ смиреніе другимъ,» отвѣчала Софія, «а я съ вашею рѣчью согласна.» Іоаннъ возразилъ, что онъ не хочетъ двоцарствія. «Если такъ угодно Богу и народу,» отвѣчала Софія, «ты долженъ повиноваться волѣ Божіей. Развѣ они сами отъ себя говорятъ? Богъ внушаетъ имъ рѣчи ихъ!» Іоаннъ умолкъ. На другой день повѣстили всей Москвѣ собираться въ Кремль, и слушать рѣшеніе земской думы. Стрѣльцы, выборные люди, чернослободцы были призваны въ Грановитую Палату. Патріархъ предсталъ предъ ними, и говорилъ: «Вѣдомо имъ, что по кончинѣ Царя Θεодора, Царевичъ Іоаннъ престоломъ брату своему, Царю Петру, поступился, и присягнули всѣ они на вѣрность Петру единому, а потомъ учинилась о томъ Россійскаго Царствія въ народахъ распря, и били они, патріархъ и бояре, челомъ Царевичу Іоанну, да благоволитъ онъ милостиво въ бѣдность народа вступиться, и принять престоль вмѣстѣ съ братомъ своимъ, на что онъ, Іоаннъ, благоизволилъ, и нынѣ учинились на престоль *Цари и Великіе Князья Іоаннъ и Петръ.*» Громкіе клики: «Станемъ имъ Великимъ Государямъ служить и радѣть, добра хотѣть и за нихъ головы свои полагать!» были отвѣтомъ. Патріархъ прочиталъ молитву; поставили напой съ крестомъ и Евангеліемъ; всѣ стѣснили присягать. Объявили радостную вѣсть народу; за-
благовѣстили въ большой колоколъ; Іоаннъ и Петръ,

тихо и важно, шли рядомъ въ Успенскій Соборъ, среди стеченія безчисленной толпы народной. Патриархъ служилъ тамъ молебень, «да будетъ въ Россійскомъ Государствѣ усмиренье и всякое благодѣйствіе.» Провозгласили многолѣтіе Царямъ и привѣтствовали ихъ. Они возвратились во дворець при кликахъ и благословеніяхъ народныхъ.

Черезъ три дня опять было во дворцѣ многочисленное собраніе чиновъ и народа. Патриархъ объявилъ, что Цари Іоаннъ и Петръ совѣтовали съ Царицею Наталіею Кириловою и съ своими тетками и сестрами, «вида свое малолѣтство, и въ великомъ ихъ государствѣ долженствующее ко всякому устройству многое правленіе, и изволили, великаго своего и преславнаго Россійскаго Царствія, всякихъ государственныхъ дѣлъ правленіе вручить сестрѣ своей, благородной Царевнѣ Софіи, и просили ее о томъ, но она, Царевна, не соглашается, и о томъ молить ее, Царевну, положили всѣмъ боярскимъ и святильскимъ сиглитою.» Собраніе отправилось въ теремъ Софіи, поверглось передъ нею, молило ее низойти на прошеніе братьевъ. Долго отрицалась Софія — кончила согласіемъ, объявила, что «принимаетъ правленіе, дозволяетъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ видѣть всегда свои государскія очи, и обо всѣхъ дѣлахъ ей докладывать, а за дѣлами сама она будетъ съ боярами сидѣть въ палатѣ.» Но она не согласилась помѣщать имени своего въ царскихъ грамотахъ; велѣла только означать имя свое въ приговорахъ послѣ имени Царей, передъ словами: «и Бояре приговорили.» Поздравленіями Царевнѣ заключился день. Славилъ ее мудрость и смиренномудріе. Москва отдохнула. Дѣла приняли обыкновенный порядокъ. Всюду посланы были указы о присягѣ Петру и Іоанну, и распо-

рядки о титулѣ ихъ. Потомъ посѣщили коронаваніемъ Царей. Надобно было сдѣлать два вѣнца, два скипетра, двѣ державы, двои бармы, двойной тронъ. Іюня 25 праздновано было торжество коронаванія. Іюля 15 юные Цари отправились на богомолье въ Троицкій Сергіевъ Монастырь.

Совершилось важное государственное событіе, и несмѣханное позорище увидѣла Россія: на престолѣ возсѣдали два Царя, государствомъ правила дѣвица, сестра ихъ, засѣдая въ думѣ боярской, распорядяя войскомъ и казною — примѣръ небывалый въ Россіи! Софія умѣла побѣдить предразсудокъ, осуждавшій Русскихъ женщинъ на затворническую жизнь въ теремахъ; кровью достигла она престола: ей надобно было оправдать себя мудростью правленія. Тяжкое бремя налагала на рамена свои честолюбивая дочь Алексія: управить сомнительными дѣлами вѣшними, поддержать величіе царскаго престола внутри, удержать власть свою надъ братьями, укротить дворскія крамолы....

Н. ПОЛЕВОЙ.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ТЕАТРЫ.

(Письмо къ А. М. Геденову).

Предъ отъездомъ изъ Петербурга, даль я вамъ слово написать о заграничныхъ театрахъ, которые мнѣ удастся видѣть, и не прежде возвращенія на родимое пенелитце, могу исполнить свое обѣщаніе. Въ дорогѣ, посреди непрерывно новыхъ, безконечно различныхъ впечатлѣній, трудно написать что нибудь связанное, цѣлое. Теперь, послѣ кратковременнаго отдохновенія, разнообразныя явленія страннической жизни, пріятныя и непріятныя впечатлѣнія чужбины, улегаются въ памяти по своимъ мѣстамъ, и воображеніе, нащитанное существованіемъ, даетъ каждому изъ нихъ тѣло, оживляетъ каждое собственнымъ его духомъ. Но кто дерзнетъ подумать, что онъ въ состояніи осуществить словами, и болѣе еще того на бумагѣ, эти впечатлѣнія излщнаго, которыя, оковавъ наши чувства въ настоящую минуту наслажденія, затанваются въ ней невыразимыми, неосвязаемыми образами? Передамъ ли я вамъ очаровательные тоны несравненнаго Рубини, невообразимую прелесть движеній Таліони, дѣйствіе шестидесятилѣтнихъ глазъ вѣчноюной Марсъ, которал, какъ Архимедъ, поднявъ взоры, возбуждаетъ общій восторгъ въ зрителяхъ, а опустивъ, исторгаетъ у нихъ

невольные вздохи? Могу ли разсмѣшить васъ разсказами о замысловатыхъ приѣмахъ и умномъ протодушій Арналя? Могу ли дать понятіе о классической игрѣ славныхъ Германскихъ артистовъ Эслера, Зейдельмана, Аншюца, Лѣве, Герцфельда, дѣвицы Мюллеръ, Г-жѣ Шредеръ, Реттихъ, объ уморительныхъ фарсахъ Вьнскаго Потье, Шольца! Довольствуйтесь безжизненными очерками. Предо мною лежитъ изображенная контурами копія Разоренія Трои, фреска Корнелиусова, которымъ я любовался въ Мюнхенѣ. Я показываю его пріятелямъ своимъ, толкую, радуюсь, восхищаюсь. Они отдаютъ справедливость искусной композиціи, правильному рисунку, но остаются холодными: въ копіи нѣтъ красокъ, нѣтъ души! И древяля Гекуба, и юная Поликсена, и убитый Пріамъ, и убивающій Неоптолемъ, равно безцвѣтны и безжизненны. Богъ создалъ солнце, создалъ и око человеческое. Бумагу дѣлаютъ на фабрикѣ, и писать начинаютъ почти всѣ стальными перьями.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Пребываніе въ заключеніи, на пароходѣ, и страданіе морскою болѣзнію не могли развлечь меня, не могли прояснить мрачныхъ мыслей. Шумный, пріятный, добрый Гамбургъ нѣсколько меня разсѣялъ. Я рѣшился даже пойти въ театръ, послушать музыки: въ Петербургѣ я не бывалъ въ театрѣ съ перваго представленія Жизни за Царя. На мое счастье давали Моцартова Донъ-Жуана, по моему мнѣнію и вкусу, превосходнѣйшую изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ оперъ, и давали очень хорошо. Восхитительные звуки перенесли меня въ міръ *надзвездный*. Остановлюсь на этомъ словѣ. Замѣчали ль вы достойное вниманія соотношеніе земной музыки съ таинствами мірозданія? Не останавливались ли

надъ выраженіемъ: *музыка небесныхъ сферъ?* Я нахожу много сходнаго между міромъ свѣтилъ и міромъ звуковъ. Тотъ и другой, давалъ намъ чувствовать существованіе инаго міра, возвышеннаго надъ здѣшнимъ, приводитъ въ изумленіе и восторгъ сына земли, прикованнаго къ безжизненной, неподвижной массѣ. Тотъ и другой, возбуждалъ чувственное вниманіе въ органахъ необразованнаго дѣтища природы, въ то же время составляютъ предметъ изученія величайшихъ умовъ, составляютъ загадку для временъ настоящихъ и грядущихъ. И теченіе свѣтилъ небесныхъ въ глазахъ нашихъ, и теченіе звуковъ въ нашемъ слухѣ, производить въ чувствахъ и въ душѣ безотчетное удовольствіе, между тѣмъ какъ то и другое основано на строжайшихъ математическихъ законахъ, съ трудомъ дознанныхъ величайшими умами. И это сочетаніе прелести, обворожающей слухъ, съ наблюденіемъ строгихъ правилъ математики, составляетъ, по мнѣ, главное достоинство твореній Моцарта. Нѣжа слухъ переливами тоновъ, онъ въ то же время удовлетворяетъ въ насъ и требованіямъ какого-то внутренняго чувства соразмѣрности, соответствія и порядка. Кажется, это должно быть такъ, а не иначе. Кажется, сама природа сочинила эти мелодіи, какъ она сочиняетъ ихъ въ слухъ и устахъ музыкальныхъ народовъ, и уронила листокъ съ нотами, а простодушный Моцартъ нашель и разыгралъ ихъ. И въ нѣкоторыхъ людяхъ, отличныхъ умомъ и чувствомъ, замѣчалъ я это совокупленіе поэтическаго, несоездаемаго, съ положительнымъ, математическимъ. Таковъ, напримѣръ, Графъ Поццо ди Борго. Но куда занесло меня! Я хотѣлъ говорить о театрахъ. Извините, впрочемъ въ партеррѣ.

Черезъ три дня отправился я въ Лондонъ, и при-

былъ туда въ самый разгаръ свѣтскаго времени года. Въ Италіи самое богатое зрѣлищами и увеселеніями время есть карнаваль, или конецъ зимы; въ другихъ земляхъ городскія удовольствія также сосредоточиваются въ дурную погоду и въ холодное время. Въ Англіи, напротивъ: лѣтомъ живутъ и веселятся въ городѣ; осенью и зимою наслаждаются сельскою природою. Я засталъ въ Лондонѣ прекраснѣйшую въ Европѣ Италіанскую оперу, которая съ Октября по Апрель играетъ въ Парижѣ, а въ остальное время года, въ Лондонѣ. Въ одномъ изъ писемъ моихъ, помѣщенныхъ въ Сѣверной Пчелѣ, далъ я подробный отчетъ объ этомъ спектаклѣ. Наслажденіе несравненное — слушать Италіанскіе голоса — эти серебристые звуки сопрана, эти бархатистые тоны теноровъ, эти почти видимыя вибраціи басовыхъ струнъ! На Англійскихъ театрахъ не было въ это время ни какихъ достойныхъ вниманія представленій. Я видѣлъ нѣсколько нелѣпыхъ фарсовъ на Дрюриленскомъ Театрѣ, даванныхъ, вмѣсто антрактовъ, между пніемъ Г-жи Шредеръ-Девриентъ и танцами Таліони. Въ это время были въ Англіи и Французскія представленія, на небольшомъ, прекрасномъ Театрѣ Геймаркетскомъ. Главныя роли играли славная Парижская актриса Жени-Верире и очень хорошій актеръ Лафонъ, котораго я потомъ видалъ въ Парижѣ. Лондонскіе театры, Италіанскій и Французскій, страждутъ отъ расчетовъ и корыстолюбія вольныхъ содержателей. Эти люди совершенно чужды всему изящному, великому, благородному: они знаютъ одинъ тонъ, производимый удареніемъ гиней о гиней. Предпринимая открыть театръ, они вызываютъ одного или двухъ хорошихъ артистовъ, печатаютъ на афишѣ ихъ имена предлинными буквами, заманиваютъ тѣмъ публичку, а всѣ остальные роли обставляютъ

хористами и статистами. Тутъ нѣтъ ни цѣлаго, ни связнаго: одинъ актеръ или актриса приносятъ публикѣ удовольствіе, прочіе возбуждаютъ смѣхъ и негодованіе. Да, если бѣ содержатели еще платили и хорошимъ артистамъ! Г-жа Таліони не получила, кажется, и половины выговоренной платы. Г-жа Шредеръ-Девриентъ также уѣхала изъ Лондона съ пустыми руками, но, сказываютъ, успѣла потѣшиться, обратясь ими прямо къ лицу обманщика-импрезарія.

Проживъ двѣ недѣли въ Лондонѣ, отправился я во Францію, страну драматическую по превосходству, въ которой театры составляютъ существенную часть общественнаго быта, которая сама есть театръ всенародныхъ игрницъ, то смѣшныхъ, то кровавыхъ. Не дивитесь скудости моей драматической жатвы въ Парижѣ: во-первыхъ, лѣтнее время не благоприятно для театра; лучшіе актеры (Г-жа Дорваль, Буффе и др.) были въ отсутствіи; новыя и хорошія пьесы отложены до осени и т. д. Во-вторыхъ, я былъ въ Парижѣ не веселъ и не расположенъ къ забавамъ. вмѣсто того, чтобъ сидѣть въ душномъ театрѣ, я прохаживался по садамъ и бульварамъ; вмѣсто того, чтобъ бесѣдовать съ вѣтренными музами, я проводилъ время въ обществѣ друзей-земляковъ, которые меня понимали и раздѣляли мои сердечныя чувства. Между тѣмъ мнѣ удалось видѣть нѣсколько интересныхъ представлений.

Въ Большой Оперѣ видѣлъ я Гугенотовъ, Мейсера, спектакль, удивительный красотой и великолѣпьемъ. Музыка оригинальная, выразительная и ученая. Но въ душѣ моей не оставила она ни одного сильнаго или пріятнаго впечатлѣнія — вѣроятно отъ того, что я слышалъ ее только однажды, и не успѣлъ разгадать. Но отъ чего жь я постигаю

Моцарта, Россини, Беллини — съ перваго разу? Отъ чего въ Жизни за Царя, въ самое первое представленіе, затвердилъ мелодіи, которыя донинѣ отзываются у меня и въ слухѣ и въ сердцѣ? Говорятъ, что въ Гугенотахъ прекрасно то явленіе, въ которомъ гимнъ убиваемыхъ за сценою протестантовъ умолкаетъ мало по малу, по мѣрѣ умерщвленія покоющихъ. Не знаю, но по мнѣ, и сюжетъ имѣетъ вліяніе на то дѣйствіе, которое производится музыкою. Здѣсь же я видѣлъ представленіе католическаго духовенства въ самомъ ужасномъ видѣ: монахи на сценѣ сговариваются перебить певинныхъ иновѣрцевъ. А Католическая Религія есть господствующая во Франціи! Мнѣ скажутъ: да это было на самомъ дѣлѣ. Мало ли чего было гнуснаго и ужаснаго въ исторіи человечества! Но зачѣмъ выказывать именно черныя ея страницы? Зачѣмъ растравлять раны, едва закрывшіяся? Театръ долженъ быть орудіемъ образованія, усовершенія народнаго, а не распаленія низкихъ страстей, или представленія предметовъ священныхъ въ превратномъ видѣ. Теперь славится на театрѣ Большой Оперы пѣвецъ Дюпре, и по справедливости: голосъ его вѣрный, чистый, сильный теноръ, разумѣется не Италіанскій, но прекрасный, выразительный. Хороша также пѣвица, Г-жа Фальконъ. Я видѣлъ на этомъ театрѣ еще одну оперу: Страделла. Сюжетъ пошлый, музыка мозаическая, набранная изъ разныхъ композиторовъ, но спектакль изящный; поетъ Дюпре, и публика довольна. Балетъ Большой Оперы занимаетъ также почетное мѣсто. Спектакль сего рода завести легче, нежели всякій другой: въ тапцовщикахъ исчезаетъ различіе націи. Вестрисъ и Таліони, Дидло и Эслеръ, все говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Нынѣ восхищаетъ Парижскую

публику знаменитая Вьнская танцовщица Фанни Эслеръ. Торжество ея есть Испанскій народный танецъ каучуча (cauchucha), очаровательный, несравненный, и мелодіею музыки и прелестію исполненія со стороны танцовщицы. Я видѣлъ въ этомъ танцѣ, въ Лондонѣ, дѣвицу Дюверне: она танцуетъ прекрасно, но далеко не производить такого дѣйствія, какъ несравненная Фанни Эслеръ. Каучуча сдѣлалась любимою мелодіею во всѣхъ городахъ, гдѣ танцовала Эслеръ: въ Вьнѣ, напримѣръ, сочинено на ея мотивъ множество вальсовъ, кадрилией, галоповъ. Вьнскій комикъ Шольцъ танцуетъ каучучу въ женскомъ платьѣ, сшитомъ на покрой костюма Эслеръ, и по окончаніи присѣдаетъ предъ рукоплещущею публикою, съ обыкновеннымъ комплиментомъ торжествующей артистки: Ich werde Sie nie vergessen! Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ, въ Петербургѣ, каучуча сдѣлается народною, лишь только прелестный ножки протанцуютъ подъ этотъ милый, привлекательный мотивъ. Впрочемъ, по единогласному сужденію знатоковъ и любителей оперы и балета, эти спектакли клонятся въ Парижъ къ совершенному упадку. Появленіе Дюпре, оживившаго дряхлую сцену, есть счастливый случай, который въ другой разъ не встрѣтится. Старики сходятъ со сцены, а молодыхъ подростковъ нѣтъ. То же и въ балетѣ: одна Таліони поддерживала его своимъ единственнымъ талантомъ. Эслеръ есть явленіе многолетнее. Прочіи танцовщицы, равно какъ и танцовщики, не выше посредственности. Упадокъ этотъ происходитъ отъ недостатка школы. Начальство оперы, имѣя въ виду только настоящій успѣхъ, не радить о будущемъ. Хоры и корь-де-балла наполняются вольнонаемными крикуньями и прыгуньями, которые желаютъ выказать себя предъ публикою. Парижскіе

балетмейстеры и другіе знатоки дѣла утверждаютъ, что Петербургская сцена, если будетъ итти нынѣшнимъ ходомъ, непременно и въ скоромъ времени опередитъ Парижскую.

Французская Комическая Опера оживлена была въ нынѣшнемъ году оперою Обера, любимаго моего композитора изъ Французовъ: *Посланица* (L'Am-bassadrice). Главную роль играетъ въ ней Г-жа Даморо-Чинти. Впрочемъ и здѣсь одна ласточка, а лѣта нѣтъ. Прочіе актеры и пѣвцы посредственны.

Во Французскомъ Театрѣ видѣлъ я два интересныя представленія: во-первыхъ, игру актрисы Марсъ, во-вторыхъ новую, прекрасную піесу. Несравненную жрицу Французской Таліи видѣлъ я въ *Fausse Confidences*, Мариво. Прочитавъ ея имя на афишкѣ, я успѣшилъ взять мѣсто въ первомъ ряду кресель. Выходить на сцену дѣвица, по движеніямъ и пріемамъ не старѣе двадцати лѣтъ, по одеждѣ и всѣмъ примѣтамъ, простенькая, застѣнчивая — и это Марсъ. Вглядѣвшись въ нее, видишь, что это лице не XIX вѣка, что ей приличнѣе было бы играть старушкѣ, но лишь только она заговоритъ, и притомъ взглянуть, то есть, взглянуть — право не знаю, какъ иначе сказать — исчезаютъ всѣ сомнѣнія, и очарованіе становится совершеннымъ. И она одна занимаетъ первую степень: всѣ прочіе актеры не могутъ стать и у подножія ея трона. Говорятъ, что Г-жа Дорваль хороша въ роляхъ патетическихъ: не знаю, я не видалъ ея. Нѣкоторыя выѣзжія изъ Франціи актрисы называютъ самихъ себя подражательницами и близкими копіями дѣвицы Марсъ: онѣ похожи на нее, какъ Сибиряковъ на Каратыгина. Больше всѣхъ приближается къ ней Г-жа Гайдингеръ: эта актриса также обманула время, и оно въ очарованіи потеряло счетъ ея лѣтамъ.

Новая пьеса, видная мною на Французскомъ Театрѣ, была драма: *Le chef d'œuvre inconnu* (*Неизвестное произведение гения*), сочиненная Карломъ Лафонтонъ, который написалъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ драму: *Семейство Моронвалъ*, возбуждавшую вниманіе къ его талантамъ. Дѣйствіе новой его драмы происходитъ во Флоренціи, въ XV вѣкѣ, въ мастерской молодого ваятеля Роллы, бѣднаго, неизвѣстнаго, но воспламененнаго страстью къ своему искусству, дарованіемъ и любовью. Для снисканія себѣ пропитанія, Ролла принужденъ былъ раздѣлить свое искусство на двѣ части: одну посвящать ремеслу, другую художеству. Онъ изготовляетъ статуйки, и продаетъ ихъ, за безцѣнокъ, при помощи жида Стефано. Въ то же время трудится онъ тайно надъ статуею святой Цециліи — вотъ неизвѣстное произведеніе гения! Сколько перенесъ онъ труда, усилій, тягостей, досадъ, оскорбленій, чтобъ создать эту статую! Сколько она стоила ему бессонныхъ ночей, размышлений, мечтаній, надеждъ и разочарованій! Эта статуя есть выраженіе всего гения, всѣхъ страданій, всей любви юнаго художника. Но какъ успѣлъ Ролла сохранить свѣжесть своего дара и воображенія при ежедневной борьбѣ съ тягостными нуждами житейскими? Какъ умѣлъ питать въ душѣ священный огонь гения, когда тѣлесный его составъ терзаемъ былъ нуждою? Отвѣтъ не затруднителенъ: Ролла влюбленъ. Ролла любитъ Леонору, такъ же какъ любитъ свое искусство. Его статуя есть изображеніе Леоноры: это ея ангельскія черты, ея красота тихая и возвышенная. Рѣзецъ его неволью создалъ то, что занимало все его воображеніе. Ролла думалъ творить, и только повторялъ затаившаяся въ глубинѣ его души. И Леонора любить Роллу, но любовь ихъ безнадежна. Она дочь

богатаго Маркиза Строцци, и не можетъ быть женою бѣднаго художника. Она одна видѣла его произведенія, и воспламененная удивленіемъ и благодарностію, говорить Роллѣ: «Пошли статую къ Великому Герцогу; сегодня присуждаютъ золотую вѣтвь за лучшее произведеніе искусствъ; если ты ее получишь, и ты получишь ее навѣрное, отецъ мой тронется твоею славою.» Но Ролла, какъ всѣ великіе артисты, самъ не вѣрить своему таланту, находить недостатки въ статуѣ, и не имѣетъ духу коснуться ея, не имѣетъ духу состязаться для полученія награды. Одно обстоятельство производитъ счастливую перемѣну: Стефано, продавая статуйки Роллы, встрѣтился съ какимъ-то добрымъ старичкомъ, который купилъ весь его товаръ, и хочетъ узнать художника. Онъ входитъ въ мастерскую Роллы, въ его отсутствіе; съ любопытствомъ разсматриваетъ картины и льняныя работы молодого человека; спрашиваетъ Стефано, и узнаетъ, что Ролла тщательно скрываетъ лучшее свое произведеніе. Старикъ отдергиваетъ завѣсу, и видитъ святую Цецилію. «Удивительно! несравненно! восклицаетъ онъ; но рука не хороша, ее надобно поправить!» Онъ беретъ рѣзецъ и передѣлываетъ руку. Ролла, воротясь домой, взглядываетъ на статую, и бросается предъ нею на колѣни: старикъ этотъ былъ Микель-Анджело. Другъ Микель-Анджела, любимый Леонорою, Ролла могъ бы быть счастливъ, могъ бы представить свѣту свое произведеніе. Но онъ въ самомъ дѣлѣ несчастіе, нежели когда нибудь. Отецъ Леоноры, узнавъ о ихъ страсти и о сходствѣ статуи съ его дочерью, умоляетъ Роллу спасти честь его фамиліи, и не открывать свѣту любви, которая, по его словамъ, осрамить ихъ. И такъ Ролла долженъ отказать отъ всего, отъ славы, отъ любви, отъ

счастія — отъ самой жизни. Великій Герцогъ присылаетъ за статуею. Ролла отвѣчаетъ, что не выдастъ ея. Приказаніе повторяется: хотѣть вѣтъ статую, во что бы ни стало, не добромъ, такъ силою. Испуганный Ролла пробирается за завѣсу, и разбираетъ статую. Бѣдный художникъ! И въ ту самую минуту является Микель-Анджело съ золотою вѣтвию, отъ Великаго Герцога. Отецъ Леоноры, обезоруженный удивленіемъ, соглашается увѣнчать любовь его. Но уже поздно. Страданія убили его: Ролла умираетъ, какъ Тасеъ, за минуту до торжества. — Простота и естественность содержанія, вѣрность характеровъ, быстрый ходъ и до конца возрастающій интересъ составляютъ достоинство этой драмы. Разыграна она была прекрасно. Фирменъ (въ роли Роллы), и Жоанни (Микель-Анджело), хорошо поняли и удачно представили главные характеры*. Но и Французскій Театръ клонится къ закату. Если хотѣть похвалить нынѣшнихъ актеровъ, говорятъ, что они въ этотъ вечеръ напоминали *прошедшее*. Въ числѣ ихъ есть люди съ дарованіями, образованные опытомъ, примѣромъ и ученіемъ, но уже нѣтъ тѣхъ великихъ артистовъ, которые изъ своего генія извлекали правила игры, и осуществляли на самомъ дѣлѣ то, что безсмертные поэты созидали своимъ воображеніемъ. Одна Марсъ составляетъ исключеніе; но это Филопемень Французскаго Театра — послѣ нел, трава не рости.

Еще смотрѣлъ я съ большимъ удовольствіемъ игру Арналя, на Водевильномъ Театрѣ. Онъ молодой человекъ, не отличной, даже не слѣшкомъ благородной наружности, но очень хорошъ и оригиналенъ въ роляхъ комическихъ. Онъ вышелъ на сцену, и

* Эта пѣса переведена на Русскій языкъ П. В. Кукольникомъ.

еще не сказалъ ни слова, а зрители уже видятъ характеръ его роли, званіе и ремесло представляемаго имъ лица. Дѣйствіе происходитъ на балѣ, въ домѣ богатаго банкира; разряженные франты и щеголихи расхаживаютъ въ глубинѣ театра; на авансценѣ красуются знатные господа и барыни. Входитъ Арналь, въ черномъ фракѣ, какъ и всѣ, рачительно завитой и причесанный, погираетъ руки какъ бы размазывал помаду, засучиваетъ рукава, размахиваетъ правою рукою, какъ бы охлаживал щипцы, смотритъ дамамъ не въ лице, а на голову, и приподнимается на цыпочки, какъ бы для того, чтобъ поправить ихъ прическу. это парикмахеръ! И онъ производитъ эти движенія такъ просто, такъ непринужденно, какъ будто бы вѣкъ работалъ въ мастерской Мишалона. Другой прекрасный актеръ на этомъ театрѣ Лафонъ. Онъ очень хорошъ собою, высокъ, статенъ, съ выразительнымъ лицомъ. Мнѣ понравился онъ чрезвычайно въ забавномъ водевилѣ: Отецъ и сынъ. Одинъ богатый Нѣмецкій скотопродавецъ вздумалъ дать своему сыну ученое образованіе; но сынъ, какъ часто случается, сдѣлался докторомъ не философіи, а шалостей, знакомился съ негодяями, мотаетъ, влюбляется, а о наукахъ и о дѣлѣ не мыслитъ. Отецъ ищетъ его по всей Германіи, находитъ, узнаетъ о его подвигахъ, и отсылаетъ домой пасти воловъ. Дѣйствіе водевила расположено такъ, что отецъ съ сыномъ не встрѣчаются на сценѣ: Лафонъ играетъ обѣ роли, и обѣ съ удивительнымъ искусствомъ. Видишь родственное сходство лицъ, слышишь похожіе звуки голоса, но одинъ изъ нихъ старикъ, простой, твердый, упрямый; другой — вѣтренникъ, легкомысленный, шалунъ. Старикъ говоритъ положительно, ясно; сынъ пришептываетъ, и это превращеніе дѣлается въ нѣсколько

Т. I. — Отд. I.

секундъ. Мнѣ сказывали, что Лафонъ прежде сего пѣлъ очень хорошо, но теперь онъ спалъ съ голоду, видно отъ того, что слишкомъ часто играетъ роли негодяевъ. Вообще, мнѣ кажется, что многие Французскіе водевильные актеры могли бы съ честью и славою подвизаться на Большомъ Французскомъ Театрѣ, если бъ взялись за свое дѣло посерьознѣе. Теперь они расточаютъ свои таланты на второстепенной сценѣ, довольствуются платою, а не славою, и небрегутъ о самомъ искусствѣ. Деньги, деньги сдѣлались нынѣ движителемъ большей части дѣйствій и предпріятій во Франціи. Прибавьте къ нимъ еще пріемъ мелкаго тщеславія, и вы будете имѣть всѣ элементны характеры большей части нынѣшнихъ Французовъ, найдете разгадку многихъ вопросовъ. Всенародныя дѣла, подкупная молва, переменчивость общаго мнѣнія до того надѣли большей части изъ нихъ, что всякъ старается какъ нибудь, не мытьемъ, такъ катаньемъ, составить себѣ состояніе, и жить въ независимости. Поспѣшность, съ какою стараются обезпечить свое состояніе, не позволяетъ быть разборчивыми въ средствахъ. «Не понимаю, какъ можно не нажить двадцати тысячъ франковъ ежегоднаго дохода!» сказалъ директоръ Большой Оперы одному писателю, который жаловался, что ему жить не чѣмъ.

Я посѣщала нѣкоторые изъ малыхъ театровъ Парка des Variétés, Gymnase Dramatique, au Palais-Royal, но не нашелъ на нихъ ни хорошихъ піесъ, ни отличныхъ актеровъ. Многие водевили представляются на нашемъ Петербургскомъ Французскомъ Театрѣ несравненно лучше, особенно теперь, когда мы пріобрѣли Г-на и Г-жу Алланъ.

Переправимся въ Германію. Я посѣщала театры

въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Прагѣ, въ Мюнхенѣ и въ Вѣнѣ.

О Берлинскомъ Театрѣ писалъ я уже въ 1835 году. И нынѣ находилъ я въ немъ много хорошаго, видѣлъ игру умную, одушевленную, основанную на глубокомъ изученіи драматическаго искусства, но знаменитые корифеи Берлинскаго Театра мало по малу оставили и сцену и свѣтъ. Въ нынѣшнемъ году умеръ Леммъ, актеръ классическій и незамѣнимый. Но самую чувствительную потерю претерпѣла Берлинская сцена уже въ 1832 году, смертію Лудвига Девриента, о которомъ любители театра вспоминаютъ безпрерывно, который испортилъ ремесло всѣмъ своимъ преемникамъ и последователямъ. Является хорошій актеръ, возбуждающій восторгъ и рукоплесканіе во всей Германіи. Берлинцы глядятъ на него, пожимаютъ плечами и говорятъ: нѣтъ! это не Девриентъ. И, что всего прискорбнѣе — Девриентъ умеръ на сорокъ осмьюмъ году, не отъ болѣзни, не отъ несчастнаго случая: онъ спился! Пьяное воображеніе, неистовыя страсти, страданія въ младенчествѣ, несчастія въ молодости, довольство въ средній лѣта, все соединилось на его пагубу. Онъ ежедневно сидѣлъ до шести часовъ въ трактирѣ, и пилъ безпрерывно. Въ назначенное время являлся на сценѣ, и восхищалъ всю публику. Одинъ пріятель нашелъ его однажды, въ три четверти шестаго, въ любимомъ пріютѣ, почти безъ движенія. Девриентъ узналъ его. «Другъ мой!» сказалъ онъ ему, «я сегодня неосторожно подпился; ноги не движутся; доведи меня до театра.» — А что жъ будетъ потомъ? — спросилъ пріятель. «Ничего,» отвѣчалъ Девриентъ; «только бы стать на сцену, и дѣло пойдетъ своимъ чередомъ.» Пріятель исполнилъ требованіе артиста, а самъ пошелъ въ кресла, съ трепетъ

нымъ ожиданіемъ какой нибудь бѣды. Поднимается завѣса, и Девріентъ выступаетъ на сцену какъ будто бѣ не выкинулъ и стакана пива. Такая жизнь мало ио малу истощила его здоровье. Въ послѣдній разъ сыгралъ онъ (въ Ноябрь 1832) любимую свою роль (Шевы въ комедіи Жидъ), слышалъ послѣднія рукоплесканія восхищенной публики, воротился домой, слегъ и чрезъ два дня умеръ. Мѣсто его остается незанятымъ. Впрочемъ Берлинская труппа достойна всякаго уваженія: Ротгъ, Рютлингъ, Шнейдеръ, молодой Кригеръ (отецъ совершенно разстроился въ здоровьѣ); актрисы: Шарлотта Гагнъ, Креплингеръ, двѣ сестры Штихъ, съ честью ее поддерживаютъ. Берлинскіе артисты занимаютъ своимъ дѣломъ усердно и добросовѣстно: собираются въ извѣстные дни, бесѣдуютъ о своемъ искусствѣ, сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія, читаютъ критическія статьи въ журналахъ и новыя пьесы, спорятъ, сердятся, мирятся, и потомъ — играютъ прекрасно. Въ одно изъ этихъ собраній былъ введенъ нашъ молодой актеръ Максимовъ. Корифеи Нѣмецкаго Театра приняли его ласково и дружелюбно, просили прочитать имъ нѣсколько монологовъ и сценъ изъ пьесъ, извѣстныхъ на Нѣмецкомъ языкѣ, и съ удовольствіемъ отдали справедливость его таланту. — Опера въ Берлинѣ все еще не можетъ подняться: тамъ ишь играла Вѣнская пѣвица Лѣве. Воля ваша, нѣтъ не умбеть! Что дѣлать! Злодѣйка Гризи избаловала меня, какъ Девріентъ Берлинскую публичку. Балеты Берлинскіе лучше всѣхъ Германскихъ, но съ Парижскими и Петербургскими не могутъ войти въ сравненіе. Я былъ раза два и въ Кенигсштадтскомъ народномъ Театрѣ, видѣлъ игру знаменитаго комика Бекмана, но не нашелъ большаго тамъ удовольствія. Надобно совершенно знать

простонародный языкъ Берлинскаго нарѣчія; надобно понимать мѣстныя поговорки, преданія, повѣрья, анекдоты, чтобъ наслаждаться подобными зрѣлищами. Притомъ и народность Берлинская есть что-то искусственное, новоспеченое, набранное мозаикой: это не то, что народность Вѣнская, самобытная, оригинальная, простодушная. И этотъ театръ лишился перваго своего актера, Шмельки, который тридцать лѣтъ составлялъ его славу и наполнялъ кассу. Если бѣ онъ попалъ на другой театръ, если бѣ рукоплесканія безсмысленнаго партера, составленнаго изъ знатоковъ послѣдняго класса, его не избаловали, онъ сдѣлался бы однимъ изъ первыхъ артистовъ Германіи. Онъ хотѣлъ забавлять толпу, хотѣлъ нравиться *своимъ* зрителямъ, и выпускалъ изъ виду достоинство искусства. Последнее время своей жизни провелъ онъ въ деревнѣ близъ Берлина, не видя никого кромѣ своей вѣрной подруги, и рѣдко выходилъ на сцену. Достоинно замѣчаніе, что онъ въ молодости своей былъ акробатомъ, и танцую на канатѣ, пріобрѣлъ необыкновенную ловкость и подвижность, которыя въ послѣдствіи были ему очень полезны на сценѣ, особенно когда приблизились лѣта старости. Нашъ Шмелька вѣчно останется молодымъ! съ гордостью говорили Берлинскіе любители театра. По смерти его распространился слухъ, что онъ, на смертномъ одрѣ, сдѣлалъ важныя открытія. Дотоль, сказываютъ, онъ не открывалъ ни мѣста, ни года своего рожденія; но почувствовавъ приближеніе смерти, объявилъ, что зовутъ его не Шмелькою, что онъ законный потомокъ одной древней баронской фамилии; въ молодости, почувствовавъ непреодолимую страсть къ театру, бѣжалъ изъ дому, перемѣнилъ имя, и никогда въ томъ не раскаивался. Хотѣли узнать

настоящую его фамилию, но онъ объявилъ, что не хочетъ обижать этимъ открытіемъ родныхъ своихъ, и унесъ тайну съ собою въ могилу. Нѣкоторые утверждаютъ, что все это было не иное что, какъ бредъ умирающаго.

Въ нынѣшнее пребываніе мое въ Берлинѣ познакомился я съ однимъ отличнымъ артистомъ и необыкновеннымъ человѣкомъ: это комическій актеръ Шнейдеръ. Онъ играетъ очень искусно и умно характерныя роли въ комедіяхъ, особенно простаковъ и шалуновъ; самъ пишетъ презабавныя пьесы, и ставитъ на сцену хорошія старья, забытыя публикою комедіи, припоровляя ихъ нынѣшнимъ требованіямъ и господствующему вкусу. Онъ просилъ одного моего пріятеля познакомить его со мною, и въ первую минуту изумилъ меня чрезвычайно, заговоривъ со мною по-Руски. Вообразите: не бывавши никогда въ Россіи, онъ выучился Русскому языку, посредствомъ книгъ и бесѣдъ съ немногими Русскими; понимаетъ все, что читаетъ, очень хорошо переводитъ наши пьесы на Нѣмецкій языкъ, и говорить препорядочно. Онъ перевелъ (въ прозѣ) Горе отъ ума, и напечаталъ, извиняясь въ предисловіи, что нѣтъ возможности передать, по-Нѣмецки, всѣ красоты оригинала, всѣ неуловимыя тонкости Русскаго языка! Повѣрю! Въ печатномъ экземплярѣ этой комедіи нашель я многое, достойное подражанія: тамъ показаны въ точности костюмы всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, (у Фамусова не забыто и пряжки съ цифрою XV), исчислены вещи (у насъ такъ называемыя *бутафорскія*, какъ-то: колокольчикъ, письмо, салопа и пр.), которыя нужны при представленіи; показано, сколько времени продолжается представленіе; выписаны всѣ неизвѣстныя Нѣщамъ Русскія слова, съ истолкованіемъ, и съ по-

казаніемъ ихъ произношенія и ударенія. Эти замѣчанія чрезвычайно полезны при поставленіи на Нѣмецкую сцену Русскихъ пьесъ. На многихъ Нѣмецкихъ театрахъ, Русскіе нынѣшнлаго вѣка выходятъ на сцену въ костюмѣ время Царя Ивана Васильевича или въ Польскихъ кунтушахъ. — Шнейдеръ не ограничивается драматическимъ искусствомъ: онъ преподаетъ Русскій языкъ въ Берлинскихъ военныхъ училищахъ, и издаетъ газету: *Солдатскій Другъ*: въ ней помѣстилъ онъ между прочимъ и переводъ солдатской пѣсни, сочиненной на смотрѣ въ Калишѣ, нашимъ унтеръ-офицеромъ.

Проживъ десять дней въ Берлинѣ, отправился я въ Дрезденъ, и былъ введенъ въ тамошній драматическій міръ памятною Петербургскою публикѣ артисткою Каролиною Бауэръ, которая, занимая первое мѣсто въ числѣ актрисъ Дрездена, пользуется тамъ общимъ уваженіемъ. Зданіе Дрезденскаго театра ветхо и некрасиво. Зала не уютная, тѣсная, темная; декорации бѣдныя; но труппа прекрасная, и представленія тамошнія считаются классическими во всей Германіи, уступая только Вѣнскимъ. Я разумью то, что собственно составляетъ національный театръ, т. е. трагедію и комедію. Эти части въ Дрезденѣ состоятъ въ вѣдѣніи перваго изъ нынѣшнихъ писателей Нѣмецкихъ, Лудовика Тика: онъ выбираетъ пьесы, распредѣляетъ роли, прослушиваетъ актеровъ, помогаетъ имъ совѣтами и уроками. Самъ онъ первый декламаторъ въ Германіи, и можетъ учить актеровъ, а они слушаются его тѣмъ охотнѣе, что онъ имъ не товарищъ, слѣдственно не руководствуется личностями. Дрезденскій театръ славится отличными талантами своихъ артистовъ. Я видѣлъ здѣсь прекрасныя представленія нѣсколькихъ трагедій и комедій. Актеры Юлій Девриентъ, Порть,

Паули, актриса Бауэръ и пр. исполняли свое дѣло съ умомъ, искусствомъ и талантомъ. Здѣсь видѣль я представленіе знаменитой Раупаховой драмы: Исидоръ и Ольга, взятой изъ Русскаго быта, но не совсѣмъ сходной съ Русскими нравами. Въ ней отличный актеръ Паули съ необыкновеннымъ искусствомъ и успѣхомъ игралъ роль Осипа, умнаго дурака, котораго, подъ личиною глупости и шутовства, мстить своимъ злодѣямъ, между тѣмъ какъ чувствительность своенная память о невѣстѣ, отнятой у него и изнывшей отъ горести въ бракѣ съ другимъ, просвѣчиваютъ сквозь оболочку дурачества и злобы. Это лице составляетъ главный интересъ драмы: лучшіе актеры Германіи изучаютъ его рачительно, и стараются представить во всей точности. — Другой актеръ, Порть, отличался въ роли Тартюфа. Юлій Девриентъ прекрасно игралъ въ старинной комедіи: *Stille Wasser sind tief*. — Нынѣ строятъ въ Дрезденѣ новый театръ, и съ окончаніемъ его возобновлена и еще пополнена будетъ тамошняя труппа. Доходы Королевскаго Дома нынѣ до того ограничены, что Двору трудно поддерживать театръ; между тѣмъ дѣлаютъ все, что можно въ пользу благороднаго и нравственно-полезнаго увеселенія. Опера Дрезденская посредственна, но и на ней есть прекрасные таланты. Впрочемъ, сказать ли однако правду, или то, что *лишь* правдою кажется? Въ Германіи музыка процвѣтаетъ: ея композиторы стоятъ на первой степени; исполнители инструментальные также мало находятъ себѣ подобныхъ; есть прекрасные голоса, раченіе въ постановкѣ и исполненіи оперъ примѣрное, но пѣть Нѣмцы и Нѣмки вообще не умѣютъ *. Уфъ, выговорилъ!

* Исключаю изъ этого только Г-жу Шредеръ-Девриентъ. Она такъ

Терзайте вы меня,
Безжалостныя души,
Жестокія сердца!

Италія, Италія есть отечество пѣнія. Помните ли вы, мои сверстники, дѣвицу Фодоръ, которая лѣтъ за тридцать пѣвала у насъ въ Петербургѣ въ частныхъ концертахъ; потомъ явилась на сценѣ подъ именемъ *Фодоровой*, и не произвела ни какого эффекта. Она вышла за Французскаго актера Менвісла, и, по увольненіи здѣшней Французской труппы, въ 1812 году, уѣхала съ нимъ въ Италію: поучилась года два, вышла на сцену сперва въ Миланѣ, потомъ въ Неаполѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, и заняла въ поющемъ мірѣ первое мѣсто послѣ единственной Кагаланни! И еще недавно, лѣтъ за шесть предъ сѣмь, давала у насъ концерты Финляндская уроженка, дѣвица Шульцъ: голосъ ея былъ чистый, сильный, но она вовсе не умѣла имъ владѣть. По совѣту добрыхъ людей, она поѣхала за Альпы, узнала силу своего таланта и искусство употреблять его, и прямо поступила на Парижскую Оперу, въ помощь первой пѣвицѣ Малибранъ. — Въ Дрезденѣ слышалъ я и на театрѣ и въ частныхъ домахъ пѣвицу съ необыкновеннымъ дарованіемъ, Каролину *Подгоржскъ* (какъ пишутъ имя ея: *Podgorschek*). Что за контральто! Густой, сильный! пріятный, нѣжный! Теперь она играетъ и поетъ только въ самыхъ ничтожныхъ роляхъ, и не поднимется выше, доколѣ останется при нынѣшнихъ урокахъ и примѣрахъ.

Kennst du das Land, wo die Citronen blühen!
говорила я ей неоднократно: *dahin! dahin!* Если она

же принадлежитъ къ Дрезденской труппѣ, но такъ раздражена была мщенничествомъ содержателя театра въ Лондонѣ, что, воротясь въ Дрезденъ, не хотѣла выйти на сцену: поселилась въ садовой бесѣдкѣ трактира Городъ Вѣна, въ которомъ я жилъ, и закалалась играть до зимы.

послѣдуетъ моему совѣту, то чрезъ нѣсколько времени всѣ дирекціи наперерывъ будутъ стараться о приобрѣтеніи ея для своего театра. И я совѣтую имъ сдѣлать это особенно въ хозяйственномъ отношеніи: у Каролины Подгоржекъ такіе прекрасные черные глаза, что при появленіи ея на сценѣ, можно зажигать только половину лампъ.

Въ Прагѣ зданіе театра довольно хорошее, но труппа и драматическая и оперная, очень посредственная. На мое счастье, сцена оживлена была игрою Зейделя, одного изъ первыхъ нѣмѣцкихъ актеровъ Германіи. Онъ служилъ въ Штутгардѣ актеромъ и режиссеромъ, и имѣть позволеніе ежегодно лѣтомъ ѣздить куда ему вздумается. Нынѣ онъ былъ въ Берлинѣ, и на обратномъ пути далъ нѣсколько представлений въ Прагѣ. Я видѣлъ его въ роляхъ Осипа (въ трагедіи: Исидоръ и Ольга), Шейлока (въ трагедіи Шекспира: Венеціанскій купецъ), Шевы (въ комедіи: Жидъ), Вателли и м. др. Игра его принесла мнѣ большое удовольствіе: умная, обдуманная, отчетливая, разнообразная; но въ роли Осипа Дрезденскій актеръ Паули, по моему мнѣнію, игралъ лучше. — Нѣмецкіе критики, кромѣ нѣкоторыхъ пристрастныхъ крикуновъ, ставятъ Зейделя въ роляхъ трагическихъ и комическихъ, на одну степень съ великими своими артистами минувшаго вѣка, Шредеромъ, Флекомъ, Ифландомъ. Я жилъ съ Зейделемъ въ одной гостиницѣ, познакомился съ нимъ за общимъ столомъ, и нашелъ въ немъ чело- вѣка умнаго, образованнаго и чрезвычайно скромнаго. Блѣдное, задумчивое лице, милое простодушіе и какая-та умѣренность во всѣхъ приемахъ, вовсе не отличаютъ въ немъ чело- вѣка, который чрезъ нѣсколько часовъ выйдетъ на сцену, и приведетъ игрою своею въ трепетъ всю публику. Наслышавшись о

Россіи, о великолѣпіи нашихъ театровъ, о поощреніи, съ какимъ принимаютъ у насъ хорошихъ артистовъ, онъ намѣренъ пріѣхать лѣтомъ въ Петербургъ, и дать нѣсколько представлений. Я старался утвердить его въ этой мысли, и увѣрилъ, что онъ найдетъ у насъ просвѣщенныхъ и знающихъ цѣнителей таланта. — Однажды, въ представленіи Жиды, случилось мнѣ сидѣть подлѣ двухъ юныхъ, но брадатыхъ жрецовъ литературы. Они много толковали о Зейделемъ, превозносили игру его, и жаловались только, что ему играть нечего. Изъ ихъ рѣчей узналъ я, что ему отъ роду сорокъ два года, что онъ родился въ Силезіи и учился въ Глацкой гимназіи. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ пристрастился онъ къ театру, и никакъ не хотѣлъ заниматься юриспруденціею, къ которой его готовили. Читая по ночамъ трагедіи, онъ чуть было не сжегъ родительскаго дома. Въ 1813 году пошелъ онъ въ Прусское ополченіе: напитавъ душу великими происшествіями того времени, не могъ воротиться къ жизни прозаической, и пошелъ въ актеры. Онъ не учился теоріи драматическаго искусства, но былъ образованъ ученіемъ и обращеніемъ съ умными и просвѣщенными людьми. Сначала игралъ онъ въ Бреславлѣ, Грецѣ и Ольмюцѣ, на театрахъ провинціальныхъ, гдѣ талантамъ нѣтъ нищизни, ни простору. Наконецъ вышелъ онъ на сцену въ Прагѣ; его узнали, оценили, и слава разнесла его имя по всей Германіи. Онъ былъ украшеніемъ театровъ въ Кассель и Дармштадтѣ, а съ 1829 года принятъ на всю жизнь на Штутгардскій театръ, съ значительнымъ содержаніемъ. Въ 1831 году игралъ онъ на придворномъ театрѣ въ Вѣнѣ, съ величайшимъ успѣхомъ: тамошняя дирекція предлагала ему большое жалованье, но изъ Штутгарда его не уволили. Король Виртем-

бергскій увеличилъ его содержаніе, и позволялъ ему отлучаться въ отпускъ. — «Да что все это значить?» сказали одинъ изъ собесѣдниковъ. Хвала и честь цѣнителямъ и покровителямъ дарованій. Они дѣлаютъ все что могутъ. Но этого для истиннаго артиста — слишкомъ мало. Его награда не въ каскѣ дирекціи.» — «Что жъ дѣлать?» возразилъ другой: «такова судьба драматическихъ артистовъ: они дѣйствуютъ для толпы, большею частію безсмысленной; ограничиваются славою настоящею, и въ потомствѣ живутъ однимъ воспоминаніемъ, а не дѣлами своими; поэты, ваятели, композиторы счастливѣе ихъ.» — «Нѣтъ!» сказалъ первый съ жаромъ: «поприще и слава актера не ограничиваются его жизнью. Приобрѣтая вліяніе на современную литературу, онъ сильно дѣйствуетъ и въ потомствѣ. Мы не знаемъ, какъ игралъ Гаррикъ, но память его для насъ священна: онъ воскресилъ Шекспира; онъ свергъ съ трона Французскую трагедію, натянутую, неестественную. Основаніе его игры истинное, великое, не ограничивалось вечеромъ представленія. Личныя достоинства его исчезли: великая идея осталась. Что Гаррикъ сдѣлалъ для Англіи, то для насъ сдѣлалъ Шредеръ. Мы не понимаемъ, чѣмъ восхищаются дѣды наши, рассказывая о его игрѣ, но знаемъ, что онъ создалъ героевъ на нашей сценѣ: онъ былъ предвѣстникомъ твореній Герстенберга, Лейзевица, Лессинга и Гёте. Флѣкъ давно скончался; мы холодно слушаемъ хвалы ему изъ устъ Берлинскихъ критиковъ; но у насъ остался Шиллеръ, остался Валленштейнъ, и память Флека намъ дорога тѣмъ, что дѣйствіе его таланта живетъ въ нашей литературѣ. Ифландъ старался дѣйствовать временно, но онъ въ то же время писалъ драмы: въ нихъ мы видимъ вѣрную картину тогдашнихъ нравовъ, которую онъ дорисовывалъ своею гениальною игрою.

Теперь имѣемъ мы великаго актера въ Зейдельманъ: онъ не подражаетъ другимъ, не слѣдуетъ преданіямъ, творить самъ, по идеаламъ, возникающимъ въ душѣ его. Но нынѣшняя литература его не поддерживаетъ. Онъ играетъ прежнихъ героевъ, возобновляетъ ихъ въ нашемъ воображеніи, но не находитъ новыхъ, современныхъ лицъ, которыя онъ, постигнувъ мысль поэта, могъ бы передать потомству. Гдѣ достойное его поприще? гдѣ литература, которая бы поддерживала, питала его гений? Теперь у насъ все обветшало и ослабло. Поэзія улетѣла отъ скрипа политики; театръ лишился своего достоинства. Онъ остался забавою праздноя публики въ долгіе вечера: это уже не пантеонъ отечественныхъ искусствъ и славы! Отъ того происходитъ и уныніе Зейдельмана, которое просвѣчивается горькою улыбкою на блѣдномъ лицѣ его.» — «Но вы не можете, сказалъ я, жаловаться на недостатокъ драматическихъ талантовъ въ Германіи.» — «Правда, сударь, сказалъ онъ: талантовъ у насъ много, но они разсыпаны по разнымъ странамъ нашего отечества. Если бѣ они имѣли одно средоточіе, какъ напримеръ у Французовъ, въ Парижѣ, то далеко бы превзошли все, что есть изящнаго и великаго во всѣхъ прочихъ странахъ Европы. Меня занимаетъ и восхищаетъ одна мысль. Вы конечно знаете о музыкальныхъ торжествахъ, на которыя собираются артисты и любители тысячами, которыя имѣютъ самое сильное вліяніе на распространеніе и усовершеніе музыки во всѣхъ сословіяхъ народа. Для чего не сдѣлать бы намъ въ Германіи того же для искусства драматическаго? На что машины, декорации, освѣщеніе? Греки этого не знали. Не зналъ и Шекспиръ. Гдѣ являются на сценѣ великіе таланты, тамъ остальное дополняется воображеніемъ зрителей. У

насть, напримеръ, въ укромномъ углу отечества нашего, въ долину Баварскихъ горъ, есть театральная сцена, созданная самою природою. Тамъ, въ присутствіи многихъ тысячъ зрителей, представляютъ игрища, взятая изъ католическихъ легендъ. Одинъ изъ нашихъ отличныхъ писателей (Левальдъ) присутствовалъ при такомъ народномъ представленіи, и былъ имъ восхищенъ до крайности. Онъ предлагаетъ завести тамъ драматическія сѣзды, ежегодно, весной и осенью. Должно будетъ написать пьесы, удобныя къ представленію на открытомъ мѣстѣ, и заблаговременно разослать роли къ первымъ актерамъ Германіи, которые захотятъ въ томъ участвовать, и могутъ получить отпускъ. Сцена, среди бѣлаго дня, на возвышенномъ холмѣ, безъ дальнихъ украшеній. Зала — просторная равнина, на которой могутъ помѣститься тысячи зрителей, собравшихся изъ всѣхъ краевъ Германіи. Великіе предметы, достойное изложеніе поэтами, достойное представленіе актерами — все это возвысило бы духъ народа, облагородило бы его сердце. Можно было бы сѣзжаться въ разныхъ мѣстахъ, только не въ закопченныхъ нашихъ театрахъ, при тускломъ свѣтѣ лампъ, гдѣ ложь и глупость спорятъ между собою. Нѣтъ сомнѣнія, что Государи Германскіе одобрили бы эту мысль. — «Оно такъ,» сказала другой, «однако» — въ это мгновеніе взвилась завѣса. Показался на сценѣ Зейдельманъ, и бесѣда кончилась.

Одинъ обычай въ Пражскомъ театрѣ до чрезвычайности неспосенъ: это вызовы хорошихъ актеровъ, не послѣ представленія, не въ антрактахъ, а послѣ каждаго явленія. Человека унесутъ со сцены мертво пьянаго, а иногда и убитаго, и онъ, по требованію публики, чрезъ минуту долженъ явиться предъ нею, какъ листъ передъ травой! Театраль-

ное очарованіе совершенно исчезаетъ. Сверхъ того и вызовы, отъ частаго ихъ повторенія, не только терпятъ всю свою цѣну, но и становятся въ тягость вызываемымъ.

Въ Мюнхенѣ выстроены, въ 1825 году, прекрасный театръ, лучший изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною въ Германіи. Онъ возвышается великолѣпнымъ фасадомъ на прекрасной площади, украшенной статуею покойнаго Короля Максимилиана. Зала просторна и отдѣлана великолѣпно. Сцена имѣетъ всѣ удобства, и снабжена превосходными машинами. Декорации прекрасныя. Въ оперѣ Вильгельмъ Телль, напримеръ, представляется прелестнѣйшій сельскій видъ въ горахъ, озаренный томными лучами луны. Она мало по малу исчезаетъ, и занимается заря утренняя: сначала позлащаются верхи горъ, потомъ освѣщается вся сцена съ удивительною, восхитительною вѣрностью. Въ Робертѣ постановка такова, что и послѣ Петербургской, можно смотрѣть эту оперу съ удовольствіемъ. Театръ Мюнхенскій, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, славился и красовался многими первостепенными талантами. Теперь поотсталъ отъ другихъ, между тѣмъ имѣетъ нѣсколько отличныхъ артистовъ. Первое мѣсто принадлежитъ Эслеру (Esslair). Мнѣ удалось его видѣть однажды, въ комедіи: Der Puls. Онъ человекъ лѣтъ шестидесяти пяти, высокій, худощавый; жестока бользни, претерпѣнная имъ въ послѣдніе годы, оставили глубокіе слѣды, но только въ физическомъ его составѣ. Душа его свѣтла и молода; игра его простая, благородная, увлекательная. Онъ не можетъ учить новыхъ ролей, и довольствуется старыми: охотнѣе всего играетъ въ драмахъ Ифланда и Коцебу. Истина и естественность составляютъ главное его достоинство. Кажется, Эслеръ не играетъ на сценѣ, а

дѣйствуетъ въ настоящей жизни; кажется, всякій сыгралъ бы точно такъ, какъ онъ. Прекрасно! удивительно! — Эслеръ страстно любитъ свое искусство, и никакъ не хочетъ сойти со сцены. Недавно былъ онъ боленъ при смерти. Король уволилъ его отъ службы со всѣмъ содержаніемъ, но онъ принялъ царскую милость только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ему позволено было играть, когда захочется. Въ комедіи отличается на Мюнхенскомъ театрѣ, очень хорошая актриса Госпожа Данъ (Dahn). Опера Мюнхенская одна изъ лучшихъ въ Германіи. Прима-донна госпожа Фанъ-Гассельтъ, пѣвцы Дицъ и Пеллегрини очень хороши. — Въ Мюнхенѣ долгое время существовала Италіанская опера: слѣды ея видны. Пеллегрини выучился по-Нѣмецки, и остался въ Мюнхенѣ, по отъѣздѣ своихъ товарищей.

Въ Вѣнѣ посѣщала я театры чаще нежели гдѣ нибудь. Во-первыхъ, они тамъ въ самомъ дѣлѣ достойны вниманія въ разныхъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, наступало осеннее время, благоприятное для удовольствій комнатныхъ: зеленый лугъ и темная дубрава лишились своихъ прелестей. — Въ Вѣнѣ находятся собственно національные Нѣмецкіе театры, которымъ въ другихъ городахъ Германіи только подражаютъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. На этихъ театрахъ говорятъ не тѣмъ Нѣмецкимъ языкомъ, который употребляется въ книгахъ и людьми хорошаго общества, а Вѣнскимъ нарѣчіемъ: оно жестко, грубо, не слишкомъ понятно для иностранцевъ, но забавно и пріятно своею выразительностью и простодушіемъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Вѣнскихъ фарсовъ былъ издавна Касперле, то же, что у Французовъ Жокрисъ, слуга или оруженосецъ, лѣннвецъ, трусь, обжора; притомъ хитрый и замысловатый. Въ этихъ роляхъ отличались осо-

бые актеры, въ послѣднее время Шустеръ и Раймундъ, но по смерти ихъ, исчезло со сцены и лице Касперле: имъ подражаютъ, но не очень удачно. Теперь въ Вѣнѣ три народные театра, въ предмѣстяхъ: на берегу Вѣны (an der Wien), Леопольдштатскій и Гозефштатскій. Первый изъ нихъ просторнѣе всѣхъ Вѣнскихъ театровъ, и держится игрою славнаго комика Шольца, который въ самомъ дѣлѣ очень смѣшонъ въ роляхъ простаковъ. Другой актеръ этого театра, Нестрой, (вѣроятно Богемецъ) также искусный, забавный, занимается сочиненіемъ театральныхъ пьесъ, низшаго комическаго рода, которыя съ успѣхомъ представляются на всѣхъ площадныхъ Нѣмецкихъ театрахъ. На Леопольдштатскомъ Театрѣ, въ мое время, играли пантомимы, пѣнія и конныя. На Гозефштатскомъ же народные водевили, и въ томъ числѣ пьесу: *Расхотитель* (der Verschwender), сочиненную актеромъ Раймундомъ не задолго предъ несчастною его кончиною: онъ былъ укушенъ собакою, и вообразивъ, что она бѣшена, съ отчаянія застрѣлился! Въ этой пьесѣ актеръ Валнеръ, игравшій, и очень удачно, главную роль, пѣлъ стихи въ память Раймунда. Увлеченная горестнымъ воспоминаніемъ, публика заставляла нѣсколько разъ повторять ихъ. Въ народныхъ и даже площадныхъ театрахъ южной Германіи, одна вещь всегда хороша — это инструментальная музыка. Въ Прагѣ, въ Мюнхенѣ, въ Вѣнѣ, даже во всѣхъ уѣздныхъ городкахъ, слышишь очень хорошихъ музыкантовъ. Но если эти театры иногда славятся своими актерами, то актрисами рѣдко похвалиться могутъ: онѣ всѣ ниже посредственности, и недостатокъ таланта стараются замѣнить отвагою и смѣлостью.

Оперныя представленія происходятъ въ Вѣнѣ на Театрѣ близъ Каринтійскихъ Ворота (am Kärnthner-
Т. I. — Отд. I.

thor), въ самомъ городѣ. Весною, съ Марта до Мая мѣсяца, играетъ здѣсь труппа Италіанская, какъ я слышалъ, очень посредственная; въ остальное время Нѣмецкая. Я ожидалъ отъ Вѣнской оперы гораздо болѣе. Здѣсь хорошъ только одинъ пѣвецъ, Вильдъ, первый теноръ Германіи, но онъ ужъ устарѣлъ: я слышалъ его за двадцать лѣтъ предъ симъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Хороша пѣвица госпожа Луцеръ; но этого мало для такой музыкальной публики, какова Вѣнская, на порогѣ Италіи! Балеты плохи. Я видѣлъ свинцовую Сильфиду, видѣлъ неповоротливыхъ танцовщицъ, въ длинныхъ, тяжелыхъ юпкахъ, съ самыми правоучительными лицами. Стыдно не набрать двадцати четырехъ порядочныхъ фигурантокъ въ Вѣнѣ, гдѣ изъ ста тысячъ женскаго населенія, девяносто девять тысячъ девять сотъ красавицъ или, по крайней мѣрѣ, хорошенькихъ. Постановка балетовъ и оперъ скучная, безвкусная. Декораціи бѣдны; костюмы изношены. Зала театра не красивая; сцена тѣсная. Это особенно поражаетъ путешественника, который прибылъ изъ Мюнхена.

Но лучший театръ въ Вѣнѣ, лучший въ Германіи и едва ли не во всей Европѣ, есть Императорскій Придворный Театръ (das kaiserl. königl. Burgtheater). Онъ помѣщается въ самомъ городѣ, въ особомъ неважномъ снаружи зданіи, близъ Императорскаго дворца. Зала его не очень удобна: она слишкомъ длинна, и изъ боковыхъ ложъ худо видишь. Въ нынѣшнемъ году ее поисправили и разукрасили: она выкрашена бѣлымъ цвѣтомъ, съ золотыми карнизами и красными подушками (какъ нашъ Большой Театръ). Ложы внутри обиты свѣтлыми обоями. Партерръ и кресла, (какъ во всѣхъ театрахъ, кромѣ Русскихъ), тѣсные и неудобные. Кресель собственныхъ нѣтъ: вмѣсто ихъ, такъ называемыя запер-

тыя мѣста (Sperrsitze), въ которыя, по поднятіи завѣсы, попасть очень трудно. Одинъ обычай пріятенъ въ Германіи: въ партерръ и въ кресла ходятъ порядочныя дамы. Не бойтесь, чтобъ онѣ шляпками заслоняли сцену: каждая дама, занявъ свое мѣсто, снимаетъ шляпку, и прикалываетъ ее къ спинкѣ переднихъ кресель. Пользуясь правомъ чловѣка, который уже перевалился за пятидесятилѣтіе, я вступалъ въ бесѣды съ сосѣдками, получалъ учтивые отвѣты, узнавалъ отъ нихъ подробности театральнаго быта и закулисные анекдоты, и иногда находилъ болѣе удовольствія въ антрактахъ, нежели во время представленія. На Придворномъ Театрѣ играютъ только трагедіи и комедіи, оригинальныя и переводныя: этотъ театръ въ Германіи то же, что въ Франціи le théâtre français. Актеры и актрисы превосходные. Лучшая похвала актеру Нѣмецкому, когда онъ игралъ на Вѣнскомъ Придворномъ Театрѣ: Комплектъ артистовъ самый полный; для каждаго амплуа есть по два и по три. Вообще если бы на Парижскомъ Театрѣ не было госпожи Марсь, которая вѣнъ всякаго сравненія, то можно бы было сказать, что Вѣнская трагедія и комедія первыя въ Европѣ. На другихъ театрахъ стараются имѣть одного, двухъ, много трехъ отличныхъ актеровъ; прочіе играютъ кое-какъ. Здѣсь этого нѣтъ: здѣсь всѣ актеры и актрисы хороши по своей части, разумѣется, болѣе и менѣе. Дирекція, поставляя славу свою въ томъ, что Вѣна по театру своему должна быть дѣйствительною столицею Германіи, всюду ищетъ достойныхъ талантовъ, даетъ артистамъ хорошее содержаніе, обращается съ ними какъ съ людьми благородными, и обезпечиваетъ ихъ судьбу на всю жизнь. За то Вѣнскій театръ полонъ каждый вечеръ, и вліяніе изящнаго театра ощутительно въ образованіи

публики и въ успѣхахъ литературы, которая въ Вѣнѣ разростается съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе. Странно только, что и здѣсь господствуетъ недостатокъ, общій всѣмъ Нѣмецкимъ театрамъ: суфлеръ говорить иногда громче дѣйствующаго на сценѣ.

На Придворномъ Театрѣ, во время моего пребыванія въ Вѣнѣ, играли трагедіи: *Лиръ*, *Марія Стюартъ*; драмы: *Маріанна*, *Ночь на Рождество* (die Christnacht), *Примиреніе* (die Sühnung); комедіи: *Товарищество* (la Samariterie), *Опасная тетюшка*, *Дневникъ* (das Tagebuch), *Странная любовь*, *Испытаніе званій* (die Standesprobe), *Опекуны*, (die Vormundschaften), *Мирандолина*, и м. др. Лира игралъ Аншоуцъ, актеръ, преисполненный дарованій, которыя онъ усовершенствовалъ размышленіемъ, ученіемъ и искусствомъ. Корделія была прекрасная Фурнье. Елисавета Англійская, великая актриса Шредеръ, впрочемъ для этой роли немного устарѣлая. Въ драмѣ: *Маріанна*, переведенной съ Англійскаго, главную роль (*Піерра*) игралъ Леве, одинъ изъ лучшихъ актеровъ Германіи въ роляхъ молодыхъ героевъ. — Небольшая драма *Ночь на Рождество* сыграна была превосходно. При поднятій завѣсы, видимъ молодую жену лѣсничаго, у постельки больнаго дитяти. Мужъ отправился въ ближній городъ, по дѣламъ своимъ. Маленькая дочка ихъ между тѣмъ опасно занемогла. Бѣдная мать тоскуетъ и предается отчаянію; посылала за докторомъ, да его не нашли дома. Къ ней приходитъ старушка сосѣдка, и рассказываетъ, что въ ближнемъ лѣсу, неподалеку отъ дороги, на холмѣ, растетъ дивная трава, которая исцѣляетъ отъ всякой болѣзни; только должно нарвать ея изъ-подъ снѣгу въ полночь, и притомъ не вымолвить ни слова; въ противномъ случаѣ, она лишится всей своей цѣлеб-

ной силы. Бѣдная мать рѣшается пойти за травою, поручаетъ ребенка попеченію старушки, надѣваетъ бѣлую шубу и уходитъ. Во второмъ актѣ представляется лѣсъ, въ бурную зимнюю ночь. Лѣсничій возвращается домой: онъ сбился было съ дороги, и спѣшитъ обрадовать жену, которая, конечно, встревожена его продолжительнымъ отсутствіемъ. Вдругъ видитъ онъ, что-то бѣлется на холмѣ, между кустами. Онъ останавливается, окликаетъ. Какая-то фигура поднимается и машетъ рукою. Онъ окликаетъ вторично: нѣтъ отвѣта. Въ третій разъ — все молчитъ. Лѣсничій, полагая, что это разбойникъ или и самъ нечистый духъ, прицѣливается, стрѣляетъ. Неизвѣстный упадаетъ, не произнеся ни малѣйшаго звука. Лѣсничій бѣжитъ на холмъ, поднимаетъ убитаго, приноситъ на авансцену, и приставивъ къ лицу фонарь, съ ужасомъ узнаетъ, что застрѣлилъ жену. Но она только ранена. На выстрѣлъ прибѣгаетъ старушка, и объявляетъ, что между тѣмъ явился докторъ, и спасъ ребенка. Лѣсничаго игралъ Аншоуцъ, жену его госпожа Реттихъ: съ неописаннымъ искусствомъ и разительною истиною представила она торжество материнской любви надъ сохраненіемъ собственной жизни. — Въ драмѣ: *Примиреніе*, отличалась госпожа Шредеръ, тѣмъ болѣе, что играла роль женщины не молодой. — Комедіи представляются на Вѣнскомъ театрѣ, также съ большимъ успѣхомъ. Лучшие актеры суть: Карлъ Ла-Рошъ, въ роляхъ стариковъ, интригантовъ, и т. п.; Герцфельдъ, въ молодыхъ комическихъ роляхъ, отличный артистъ; Фихтнеръ въ тѣхъ же роляхъ, превосходенъ въ *Gamin de Paris*; Корнъ, въ роляхъ первыхъ любовниковъ; роли матерей играетъ извѣстная драматическая писательница Вейсентурнъ; госпожи: Фихтнеръ, молоденькая, хорошенькая женщина, Пеше-

Вильдауеръ, Аншоць, Писторъ, особенно же, преимушественно милая, ловкая, умная актриса, въ роляхъ кокетокъ, дѣвица Мюллеръ. Нѣмцы вообще лучше играютъ въ драмахъ: *Herzlichkeit, Gemüthlichkeit* — ихъ достоиніе. Трудно найти въ Германіи актрису, которая бы хорошо представляла знатную, свѣтскую даму, умную кокетку: въ этомъ онѣ должны уступить Француженкамъ; но у нихъ есть и блистательныя исключенія. Едва ли кто, послѣ госпожи Марсъ, сыграетъ главную роль въ *École de Viellards*, какъ госпожа Гайцингеръ, и врядъ ли найдется въ роляхъ молодыхъ кокетокъ соперница дѣвицъ Мюллеръ. Я видѣлъ ее, между прочимъ, въ забавной комедіи: *die gefährliche Tante*. Одинъ степной помѣщикъ, узнавъ, что племянникъ и наследникъ его влюбился въ актрису и хочетъ на ней жениться, прѣзжаетъ въ столицу, идетъ къ актрисѣ, чтобъ принудить ее отказаться отъ правъ на руку племянника, и вмѣсто актрисы, находитъ ея тетку, самъ въ нее влюбляется, и наконецъ узнаетъ, что тетка и племянница — одно и то лице. Въ этотъ вечеръ вся зала была наполнена дядями и племянниками. Дѣвица Мюллеръ очень миловидна и пріятна на сценѣ, но вблизи, говорятъ, не хороша собою. По этой причинѣ она никакъ не соглашается, чтобъ выгравировали ея портретъ въ галереѣ Вѣнскихъ артистовъ. — Я слыхкомъ заговорился о Вѣнскомъ театрѣ. Извините — это дѣйствіе благодарности за наслажденіе истинно изящнымъ, которое находилъ я въ немъ неоднократно.

Никогда не забуду я удовольствія, съ какимъ посѣщаль хорошіе театры за границею; но, воротившись домой, разсѣвшись привольно въ креслахъ милаго, свѣтлаго, уютнаго Михайловскаго Театра, увидѣвъ благородную игру Каратыгина и Сосницкаго, услышавъ

умилительный голось Петровой, и звуки волшебнаго смычка Бема, взглянувъ на очаровательную декорацию Роберта, и восхитясь великолѣпною постановкою Жидовки, я забылъ чужое. Прибавьте къ тому прекрасную игру господина и госпожи Алланъ, танцы единственной на Земномъ Шарѣ Маріи Талліони, и вы повторите невольно слова — надписи надъ воротами памятнаго Петербургскимъ жителямъ гульбища: Зачѣмъ ходить далеко? Ей ей, и здѣсь хорошо!

НИКОЛАЙ ГРЕЧЪ.

КОДУНЯ

и

ДВѢНАДЦАТЬ ДОЧЕРЕЙ.

—
 МОСКОВСКАЯ БЫЛЬ.
 =

Москва — бьется ли у васъ сердце при этомъ словѣ? рисуется ли вамъ воображеніе исчезнувшія поколѣнія, соорудившія нашу славу, трудившіяся для нашей народности, выразившіяся въ этой Москвѣ, въ этомъ городѣ, которому нѣтъ равнаго по красотѣ?

Москва, съ ея Кремлемъ, монастырями, церквями, гульбищами городскими и окрестными, рынками, клубами, бульварами, дворцами, невѣстами, романами, историческими пожарами — не могла быть сооружена ни однимъ народомъ въ мірѣ, исключая Русскаго.

Москва — это проявленіе силъ народа нашего, это городъ Царей, какъ Фениксъ, умиравшій много разъ, но всегда возраждавшійся въ прелести новой и невыразимой, это священнѣйшій храмъ, гдѣ нѣкогда одному вѣщему Князю запала на сердце мысль о необходимости *самодержавія*, и гдѣ Богъ, милостивѣйшій къ народу Русскому, благословилъ эти святые помыслы — Москва, привольная, добрая, гостеприимная Москва! Бьется ли у васъ сердце, ко-

гда вамъ говорятъ о нашей первопрестольной, маститой старушкѣ?

О, какъ трепещетъ мое сердце, каждый разъ, когда я подъѣзжаю къ Москвѣ! А я подъѣзжалъ къ ней много разъ, и, казалось бы, что можно уже быть равнодушнымъ къ этимъ громадамъ камней, къ этимъ толпамъ народа, къ этимъ обширнымъ садамъ, къ этой рѣчкѣ, столь обыкновенной....

Такъ — но формы камней слились съ народными воспоминаніями; но эти толпы народа, лучше всѣхъ тѣхъ, какія встрѣчалъ я на Рейнѣ, на Дунаѣ, на Эльбѣ и на Майнѣ; но эти вѣковыя сѣни насажены задолго до дня моего рожденія и всегда напоминаютъ мнѣ о доблести какого нибудь историческаго Русскаго лица; наконецъ, сколько необыкновенныхъ событій, совершившихся на берегахъ этой обыкновенной рѣчки, наша замѣчательная, дивная исторія записала въ вѣчныя свои скрижали?

Но, я люблю Москву и по сердечнымъ воспоминаніямъ. Не рассказываю объ этихъ воспоминаніяхъ, потому, что исторія сердца священная тайна, которую рассказываютъ только испытанной дружбѣ, дружбѣ сочувствующей, и которой внимаютъ, какъ будто изъ состраданія, только холодные читатели, даже въ самыхъ вдохновенныхъ признаніяхъ поэтовъ, этихъ простосердечныхъ болтуновъ, гордивыхъ міра, владычествующихъ дивною тайною высказывать свои печали, выражать вопль души своей, полноту живыхъ чувствъ своихъ рѣчью, исполненною музыки, рѣчью, столь похожею на гармоническія пѣсни соловья!

Взвращаясь я изъ-за границы, я подъѣзжалъ къ Москвѣ Смоленскою дорогою, и увидѣлъ ее съ *Поклонной Горы*. Солнце встало на безоблачное небо; пробудившаяся столица роскошно лежала

на холмахъ, и опускалась въ долины; на золотыхъ куполахъ монастырей и церквей, этомъ драгоценномъ ея уборѣ, играли желтые солнечные лучи и вокругъ нея разстилались, будто ложе изъ зеленого бархата, необозримые луга... Я былъ очарованъ, восхищенъ городомъ, и когда П***, цѣлуя меня, спросилъ, что видѣлъ я лучшаго въ моемъ странствованіи? я отвѣчалъ ему: «Мадонну Рафаэля, Ариадну Даннекера, Альпы и—Москву съ Поклонной Горы...»

Наконецъ, я люблю Москву и по нравамъ ея обитателей, по ихъ привычкамъ, по ихъ обыкновеніямъ: въ ней на всѣхъ лежитъ печать Русскаго духа; вездѣ виднѣются Русскій умъ, Русское чувство, Русское воззрѣніе на предметы. Москва, какъ и другіе города, измѣнилась временемъ, но эти измѣненія далеко несходны съ измѣненіями въ другихъ городахъ: они производились особенными причинами; они шли своимъ особеннымъ путемъ. Москва Великихъ Князей, Москва Царей Романовыхъ, Москва первыхъ Императоровъ, Москва Екатерины, Москва 1812 года и Москва нынѣшняя — все это разныя картины, но всѣ одного большаго цѣлага.

Разсматривая Москву съ сей стороны, можно бы было написать о ней многіе томы, томы не только драгоценныя, для насъ, Русскихъ, но любопытныя и для иностранцевъ. Вѣдь мы читаемъ же съ удовольствіемъ бѣглыя статьи Жанена о Парижѣ? Подобное сочиненіе не должно быть ученымъ, не должно пугать системою: въ немъ надлежало бы соединить какъ можно болѣе чувства, какъ можно болѣе подробностей, какъ можно болѣе осуществленія исторіи частной, какъ можно болѣе рассказовъ мѣстныхъ и занимательныхъ анекдотовъ; это сочиненіе должно бы составить нѣчто въ родѣ «Записокъ» чуждыхъ политики — ибо политика была бы ана-

хронисмомъ въ книгѣ о Москвѣ—нѣчто въ родѣ поэтическихъ картинъ, основою которыхъ были бы попеременно, то исторія, то преданія, то повѣрья... Но, чтобы когда нибудь была написана подобная книга, надобно прежде приготовить матеріалы, надобно начать рассказывать о Москвѣ всѣ анекдоты, которые, будучи частными, извѣстны немногимъ. Я знаю нѣсколько случаевъ изъ частной Московской жизни, и расскажу теперь одинъ изъ нихъ, который болѣе помню.

Анекдотъ, который я расскажу, случился давно, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда никто не предугадывалъ ни войны отечественной, ни пожара Московскаго, когда великолѣпные дворцы боярскіе не обращались въ общественныя помѣщенія, когда аристократическое народонаселеніе Москвы, тихо и важно, соблюдала коренныя обыкновенія, доживало на Пречистенкѣ и на Поварской, въ Басманной и на Никитской, на Мясницкой и на Арбатѣ, когда Земляной Валъ, какъ поясъ обвивалъ Москву, и когда, какъ и нынѣ, она не читала...

Это было давно, очень давно, да, какъ весело жила тогда Москва! Это веселье было не шумною оргіею новаго студента, но безпечною радостью добраго Русскаго старичка... Сбирались повеселиться, безъ особенныхъ цѣлей, безъ *agtière-pensées*; всѣ, какъ прозаисты, были довольны по горло настоящимъ, и никому не думалось мучить себя несбыточными надеждами и желаніями...

Конечно, въ Москвѣ не было тогда ни оперы, ни блестящаго балета, но за то были добрыя Русскія щи, славныя кувеляки и вино, не хуже чѣмъ теперь. Одно, что связывается съ Москвою старою и новою, что всегда при ней, какъ неотвязчивый обожатель, какъ заимодавецъ — это неизмѣняющій-

ся, вѣчный кашей ея — Англійскій клубъ, и спасибо старушкѣ, что хоть его сберегла она при себѣ, растерявши и эту простосердечную *наивность* стараго времени, и это хлѣбосолюбство, и это радушіе къ гостямъ, и своихъ богатыхъ невѣсть, и своихъ отставныхъ вельможъ, бывшихъ живыми *ле-муарами* стараго времени, потому что въ благодатномъ Московскомъ климатѣ, кажется, всѣ обречены были жить Маусайловы годы... Теперь не поѣдешь въ Москву, какъ въ прежнее время на отдохновеніе — вездѣ шумъ и гамъ отъ паровыхъ машинъ, вездѣ кипитъ мануфактурная промышленность, и всѣ стараются *нажить копѣйку*, какъ бывало *проживали рубли...*

Я никогда не могу наговориться о Москвѣ — это моя слабость, мой недостатокъ, но что дѣлать! Къ тому же я пишу не повѣсть, не романъ, а только выписываю нѣсколько замѣчаній о Москвѣ изъ моей памятной книги, безъ всякой *претензіи* на авторство, что легко увидѣть изъ подписи подъ статью, подписи неизвѣстной между блестящими литературными именами... Обращаюсь къ дѣлу.

Въ то время былъ въ Москвѣ оберъ-полицмейстеромъ одинъ изъ Русскихъ людей, съ умомъ замѣчательнымъ, образованіемъ Европейскимъ, обычаями нашихъ стариковъ, человекъ, снискавшій въ послѣдствіи Европейскую извѣстность, занимавшій блестящее и почетное мѣсто, и никогда неизмѣнявшійся. Я узналъ его года за два до его смерти; ему было тогда давно за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ такъ же дѣятеленъ въ этомъ возрастѣ жизни, какъ и въ своей молодости, такъ же любезенъ, какъ и всегда; онъ любилъ свое семейство съ теплою сердца, свойственною добрымъ образованнымъ людямъ, любилъ его патриархально, наслаждался весельемъ чле-

новъ своего многочисленнаго семейства, и старался доставлять имъ наслажденія, если не дорого покупаемая, то всегда нечаянная, часто даже ничтожная, по цѣнѣ употребленныхъ денегъ, но дорого цѣнимыя въ семействѣ, по вниманію и употребленію на нихъ времени.

Однажды въ домъ его, готовились праздновать два замѣчательныя событія: именины старшей его сестры и рожденіе его — то и другое приходилось въ одинъ и тотъ же день. На празднество, по обыкновенію хозяина, приглашены были только родные и ближніе знакомые; между послѣдними находился молодой артиллерійскій полковникъ, особенно любимый хозяиномъ.

Полковникъ вздумалъ сдѣлать *сюрпризы* хозяйевамъ. Въ двухъ лучшихъ оранжереяхъ купилъ онъ превосходныхъ цвѣтовъ — въ одной отъ имени оберъ-полицмейстера, которые приказалъ отнестъ въ его домъ и поставить во время обѣдни въ комнатахъ его сестры; въ другой отъ ея имени, и этими въ то же время приказалъ украсить комнаты ея брата. Все было исполнено, какъ нельзя лучше, и когда хозяева возвратились домой, они были изумлены неожиданностью подарковъ, но еще болѣе заинтересовались ими, когда объяснилось, что третье лице дѣйствовало за нихъ въ этой шуткѣ.

Трудно было отгадать это загадочное лицо, но хозяинъ дома, въ оставшіеся до обѣда три часа, двинулъ всѣ средства свои, чтобъ открыть его.

Наступило время обѣда. Гости съѣзжались; наконецъ всѣ собрались и сѣли за столъ, шути и теряясь въ догадкахъ, кто бы это сдѣлалъ сюрпризъ.

Хозяинъ, ни словомъ, ни взглядомъ не показывалъ, что онъ почитаетъ полковника виновникомъ дѣлу. Онъ былъ веселъ, словоохотенъ, внимателенъ

къ гостямъ — къ Полковнику не болѣе, какъ къ другимъ. И въ то время уже личный свидѣтель многихъ замѣчательныхъ происшествій, онъ занималъ собою любопытство своихъ гостей, и рассказывалъ въ продолженіе обѣда, какъ Императрица Екатерина Великая изволила приказать однажды ему, камеръ-пажу, спросить отъ Ея имени о здоровьѣ И. И. Бецкаго.

«Ивану Ивановичу,» говорилъ онъ, «было въ то время давно за восемьдесятъ лѣтъ; онъ почти не вѣзжалъ изъ дому и мало занимался дѣлами. Я прѣхалъ къ нему въ домъ, на Мойкѣ, близъ Полицейскаго Моста; обо мнѣ доложили, какъ о камеръ-пажѣ, присланномъ Императрицею, и я былъ немедленно введенъ въ кабинетъ. Въ вольтеровскихъ креслахъ сидѣлъ благообразный старичекъ, небольшого роста, и прежде чѣмъ я успѣлъ подойти къ нему, онъ сказалъ мнѣ: «Вы посланы всемилостивѣйшею моею Государынею Екатериною Алексѣевною, и васъ выслушать я долженъ бы стол, но ноги мнѣ не служить — прошу васъ, молодой человѣкъ, прежде сѣсть въ эти кресла, а потомъ объявить мнѣ повелѣніе Ея Величества. Это мѣсто,» присовокупилъ онъ, «самое почетное въ моемъ кабинетѣ, потому, что на немъ сиживалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.»

Сколько знаменитыхъ именъ въ этомъ небольшомъ рассказѣ? Екатерина II, Шуваловъ, Бецкій! Екатерина — благотворительница Россіи; Шуваловъ — Ломоносова; Бецкій — несчастныхъ дѣтей, которымъ не суждено знать родителей своихъ! Сколько сладостныхъ думъ вызвалъ этотъ рассказъ у собесѣдниковъ! Сколько воспоминаній отраднѣхъ пронзю въ нихъ воображеніи при этомъ повѣствованіи!

Наконецъ отобѣдали. Благоуханный кофе заклю-

чилъ трапезу хлѣбосома-хозяина, и Полковнику досталось сѣсть за зеленый столъ съ тремя почтенными дамами — онъ взялъ карту, и съ нею обязанность первой сдачи.

Едва успѣлъ онъ вскрыть козыря, какъ человѣкъ подалъ ему небольшое письмецо съ надписью: «*нужное.*» Дамы позволили ему прочитать письмо прежде игры.

Каково было его удивленіе, когда, распечатавъ записку, онъ увидѣлъ, что искренній пріятель его В. писалъ къ нему о сорѣ своей съ женою, и просилъ, оставивъ все, немедленно посѣтить его, В. писалъ, между прочимъ, что ему необходимы совѣты его, и что онъ теперь же долженъ опредѣлить поведеніе, которому долженъ слѣдовать въ отношеніи своей жены, послѣ непредвидѣннаго и непріятнаго сегодняшняго происшествія....

Полковникъ, искренно любившій В., объявилъ дамѣ, что непріятное извѣстіе требуетъ немедленнаго его отъѣзда, что онъ полагаетъ свое отсутствіе непродолжительнымъ, и проситъ дозволить отлучиться съ поля предстоящей битвы...

Пріятель, другъ полковника былъ несчастливъ. Понимаете ли, мой благосклонный читатель, состояніе нашего артиллериста? Угадываете ли томленіе этой благородной души, неравнодушной даже къ несчастію простаго знакома?... Чтобы вполнѣ выразить его тоску, надобно имѣть друга, надобно самому осуществить, возлѣгать медленно, развивать продолжительно это чувство чистое, эту связь въковую, ибо нѣтъ дружбы на годъ, на мѣсяцъ, на недѣлю, нѣтъ дружбы съ перваго дня знакомства, съ перваго мгновенія, какъ любви, или ненависти, совершенно ей противоположныхъ. Если вы одинъ изъ тысячи читателей этой статьи, то, почти на-

вѣрное думаю, вы не имѣли друга; если вы одинъ изъ десяти, двадцати тысячъ читателей моихъ, то благо мнѣ, какъ автору, и благо вамъ, какъ человѣку, потому что тогда, можетъ быть, вы называете, или называли, одну душу на этомъ обширномъ свѣтѣ — другомъ. Тогда вы знаете, что такое другъ — это другое, эта записная книга сердца чистаго и благороднаго, потому что нечестно и неблагородное неспособно питать чувствованія дружбы — повторяю — вы знаете эту памятную заветную книгу, въ которую вносятся лучшія надежды, радости, сомнѣнія и мысли сердца, исполненнаго высокыхъ идей Христіанскаго ученія. И отъ того-то люди гениальны часто имѣли друзей, потому, что гений есть проявленіе чистоты внутренней, для которой зрѣеть изящный плодъ дружбы, недоступный людямъ нечистымъ.

Мой выводъ математически вѣренъ. Чистота нравственная принадлежность гения; дружба требуетъ чистоты нравственной; человѣкъ съ дурнымъ сердцемъ никогда не произведетъ высокыхъ, вѣчныхъ созданій, и не заставитъ благороднаго сердца, которому чужды всѣ выгоды житейскаго расчета, любить себя. Повѣрьте слова мои на опытѣ, и вы убѣдитесь въ ихъ истинѣ: тысячи друзей предъ вашимъ наблюденіемъ, какъ предъ волшебнымъ зеркаломъ, превратятся въ льстецовъ, и десятки гениевъ-поэтовъ въ обыкновенныхъ писакъ... Подобные люди обманываютъ только недальновиднаго наблюдателя, который находится вблизи къ этимъ современнымъ свѣтиламъ, и потому ослѣпляется ихъ мишурнымъ свѣтомъ — потомства они не обмануть, да, я думаю, въ душѣ своей они и не думаютъ о потомствѣ...

У подъѣзда ждала полковника карета его пріятеля;

ля; онъ съѣлъ и помчался по Московской мостовой... Фонари мелькали передъ нимъ; думы тѣснились, смѣнялись одна другою; въ груди было тяжело... Еще вчера обѣдалъ онъ у В., еще вчера наслаждался онъ его счастьемъ, и готовый сдѣлать признаніе дѣвушкѣ милой, страстно имъ любимой, онъ еще вчера теплою молитвою просилъ и себя у Бога подобнаго счастья. А теперь? Боже милосердый! Что такое человѣческое счастье? Минутное видѣніе, обманчивый сонъ, благодатный день сѣвернаго лѣта, между двумя холодными и дождливыми недѣлями, хороший стихъ въ бессмысленномъ омутѣ нескладныхъ и бессмысленныхъ стиховъ, которыми исполнены поэмы одного поэта... Боже милосердый! А семейное счастье еще лучшее изъ всѣхъ родовъ земнаго счастья! Что же такое другія счастья? Счастье богатства, почестей, учености? Что же счастье сутяги, этого *бретера* гражданской палаты; или вѣстовщика, этой паровой машины словъ и фразъ; или журналиста, этого распорядителя грязной литературной кухни, который иногда изготавляетъ вкусныя блюда, но за то бываетъ загрязненъ по самому роду своего мастерства? Въ чемъ же, наконецъ, заключается счастье фельетониста, этого поваренка особенной стряпни, этого человѣка, который выставляется смышленнымъ журналистомъ, попеременно, то какъ цѣль для желчнаго, умнаго эпиграмматиста, то какъ пугало для воробьиной стаи ничтожныхъ писачекъ!

Все это передумалъ полковникъ въ полчаса ѣзды, все это онъ перечувствовалъ дорогою, и потому никто не удивится, что не прежде, какъ всходя на великолѣпное крыльцо, замѣтилъ онъ, что пріѣхалъ въ незнакомый домъ, и на вопросъ, сдѣланный имъ объ этомъ, лакѣй, за нимъ слѣдовавшій, отвѣчалъ.

что В. переехалъ, по известному обстоятельству, въ домъ, принадлежащій одной дальней его родственницѣ, и здѣсь его ожидаетъ.

Офиціантъ, богато одѣтый, повелъ гостя чрезъ рядъ прекрасно убранныхъ и хорошо освѣщенныхъ комнатъ, и растворивши двери въ гостиную, почтительно поклонился. Полковникъ вошелъ и увидѣлъ на диванѣ старушку, почтенной наружности, раскладывающую грандъ-пассіансъ. Полковникъ, полагал, что онъ ошибкою введенъ къ хозяйкѣ дома, хотѣлъ было возвратиться, но старушка встрѣтила его просьбою дождаться ея родственника. Между ними завязался обыкновенный разговоръ, и хоти полковникъ привыкъ скрывать свои чувствованія за былымъ свѣтскимъ разговоромъ, рѣдко освѣщаемымъ идеями, или глубиною чувства, и потому такъ удобнымъ для всякаго, но на этотъ разъ его наука свѣтскаго челоуѣка была недѣйствительна. Несчастіе пріятеля, странность настоящаго положенія, наконецъ дамы, оставшіяся ждать его за вистомъ, все это вмѣстѣ придавало лицу полковника какую-то заботливость, разговору какое-то развлеченіе: и то и другое не укрылись отъ хозяйки дома.

«Васъ что-то особенно занимаетъ,» сказала она, «и я почти не дивлюсь этому, но, по обязанности своей, мнѣ надобно занять васъ, какъ умью, до пріѣзда В. Вотъ въ старыя годы, я хорошо разгадывала жребій людской на картахъ — попробую испытать мое мастерство на васъ, любезный полковникъ. Не хотите ли?»

И не ожидая отвѣта, она стасовала колоду, предложила полковнику снять, и разложивъ карты, продолжала: «Вы будете счастливы, полковникъ. Вы любите червонную даму, и она искренно рас-

положена къ вамъ; ея родные ждуть только вашего предложенія. Не медлите — вы крадете у себя счастливые дни.» Старушка, какъ будто желая возбудить довѣріе полковника, описывала червонную даму, ея родныхъ, сказала, когда съ нею познакомился полковникъ, гдѣ, какимъ образомъ; напомнила два, три случая, только ему и немногимъ известныя. Однимъ словомъ, ворожея раздражила его любопытство, и искусно дала другое направленіе его мыслямъ.

Но полчаса прошло въ гаданьѣ, и какъ ни сладостны были теперь мечтанія полковника, но уступили чувству сильнѣйшему — горести объ участи его пріятеля, о странности его продолжительнаго отсутствія. Слова таинственной Пиюи не производили на него магнетическаго дѣйствія первыхъ мгновеній; онъ видѣлъ въ ней только смышленную женщину, которая умѣла *добывать лъязыки* во всѣхъ залахъ порядочнаго общества, во всѣхъ полусвѣтлыхъ гостинныхъ средняго состоянія, даже въ тѣсныхъ уголкахъ холостыхъ людей... Нетерпѣливое ожиданіе выразилось въ полковникѣ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе было оно до того времени подавляемо. Тутъ хозяйка встала съ дивана, подала гостю руку, и редложила ему познакомиться съ ея семействомъ. Она позвонила въ колокольчикъ. Дверь налѣво отъ дивана отворилась, и они вошли въ освѣщенную залу, гдѣ не было ни одного челоуѣка. Многоцвѣтныя люстры и жирандоли были унизаны восковыми свѣчами; ароматное куреніе нѣжило обоняніе; прекрасная живопись, пластика, богатая мебелировка, вездѣ богатство и роскошь — изумили полковника. Едва съѣлъ онъ — всѣ двери въ залу отворились, и съ разныхъ сторонъ вошли двѣнадцать воздушныхъ, прекрасныхъ дѣвшекъ,

одѣтъхъ съ самою изысканною изящностью. «Это мои дочери,» проговорила старушка, «онѣ займутъ любезнаго гостя и отгонятъ отъ него скуку нетерпѣливаго ожиданія.»

Музыка, самая восхитительная, самая отчетливая, заиграла на хорахъ, и дѣвушки, въ обворожительныхъ группахъ, понеслись по гладкому паркету — этотъ домъ, показался послѣ того полковнику очарованнымъ, дѣвушки феями, владѣтельница всемогущею чародѣйкою! Музыка, танцы, пѣніе — занимали его болѣе часа. Офиціанты носили между тѣмъ питье, фрукты, закуски — это было угощеніе, приготовленное съ заботливостію для сотни посѣтителей, а всѣ гости ограничивались однимъ. Полковникъ не зналъ, что думать.

Наконецъ, по знаку хозяйки, музыка умолкла, танцы прекратились. Она подошла къ полковнику, и сказала ему: «Любезный мой гость — вотъ записка, которую сей часъ получила я отъ В.; и вы можете ее прочитать.» Она подала полковнику записку. «Дѣло, какъ вы видите, конечно — все уладилось, какъ нельзя лучше, и отъ этого непріятнаго происшествія осталась въ выигрѣншѣ одна я, потому что имѣла удовольствіе познакомиться съ вами. Я знаю, Николай Петровичъ, что васъ ждутъ у Г. оберъ-полицеймейстера дамы, доиграть вашъ вистъ — теперь я не держу васъ.» Она поклонилась. У подъѣзда ждала полковника уже его собственная карета.

Когда возвратился онъ въ гостиную оберъ-полицеймейстера — дамы, по прежнему, сидѣли на своихъ мѣстахъ. Ходъ былъ сдѣланъ. — «Вамъ, Н. П., бросить карту,» сказала одна изъ дамъ — и, право, неучтиво заставляя такъ долго ожидать себя, и навѣрное по какимъ нибудь пустякамъ! — Безко-

нечно виновать, сударыни — отвѣчалъ полковникъ, — но если бѣ вы знали обстоятельства, по которымъ я такъ долго промедлил, то, право, вы меня не такъ бѣ винили!

«Увидимъ. Скажите причины вашего отсутствія — проговорило нѣсколько голосовъ: быть можетъ, онѣ уважительны....»

Полковникъ разсказалъ свои необыкновенныя похожденія.

«О, вы шутите! Вы это выдумали! Въ Москвѣ, во время ранняго вечера — нѣтъ! этому быть нельзя — проговорили многіе, дослушавъ разсказъ до конца.

— Клянусь! Я говорилъ вамъ сущую правду!

«Но мы сейчасъ повѣримъ васъ — сказалъ хозяинъ дома — выходи въ другую комнату — вѣдь В. не за горами: онъ здѣсь и играетъ въ вистъ. Я приведу его поставить съ вами на очную ставку.

В. пришелъ. Полковникъ долженъ былъ повторить ему все, прежде имъ разсказанное. В. засмѣялся и обращаясь къ собранію объявилъ, что хотя онъ точно имѣлъ надобность писать къ своему пріятелю сегодня, но вспомнивши, что вечеромъ можетъ увидѣться у генерала, не писалъ. «Ты знаешь мою руку, и записка моя должна быть у тебя,» присовокупилъ В. «Покажи ее.»

— Не одну, а двѣ записки — проговорилъ полковникъ, опуская руку въ карманъ, и — не находя записокъ, въ смущеніи объявилъ, что вѣроятно, онъ у него похищены. Выронить ихъ было невозможно. «Но я убѣжденъ,» сказалъ онъ, «обращаясь къ В., «что записка была писана твоею рукою.»

— Прекрасная выдумка! Да, это волшебная сказка! Колдунья и двѣнадцать прекрасныхъ дочерей!

Для чего вы не пишете повѣстей, г. полковникъ! Эти замѣчанія продолжались почти весь вечеръ, пока полковникъ игралъ въ вистъ, и хотя онъ игралъ превосходно, но на этотъ разъ дѣлалъ ошибку за ошибкою, ренонсъ за ренонсомъ и—проигрался.

«Ничего, батюшка,» говорила ему почтенная дама, получая отъ него выигранныя деньги — «не счастье въ картахъ, счастье въ любви.»

— Благодарю васъ, любезный полковникъ, за *стор-призь!* — сказалъ ему, прощаясь, хозяинъ дома.

А. КОНЧЕОЗЕРСКИЙ.

ХАРАКТЕРЪ ПЕТЕРБУРГА.

(ЮМОРИСТИКА.)

=

I

Зимнее утро *.

— «Утро вечера мудренѣе.»

РУССКАЯ ПОГОВОРКА.

— «Morgenstunde hat Gold im Munde.»

НѢМЕЦКАЯ ПОГОВОРКА.

Русскія пословицы, право не хуже афоризмовъ семи мудрецовъ Греціи. Ничего нѣтъ справедливѣе пословицы: «*что городъ, то порозъ; что деревня, то обывай.*» Ступайте, пѣшкомъ, отъ Сѣвернаго Мыса, до Мыса Сентъ-Винченца, наблюдайте нравы жителей во всѣхъ городахъ и деревушкахъ, и вы удостоверитесь, что не взирая на общій лакъ Европейской образованности, на единство языка, вѣры и законовъ, люди отличаются между собою, образомъ жизни, на каждой квадратной милѣ. Каждый населенный уголокъ Земнаго Шаря, есть особенный міръ, или скромнѣе сказать, *улей*, въ которомъ люди имѣютъ свои особенныя привычки, свой взглядъ на предметы, свои мѣстныя страсти. Отъѣнки эти не каждый замѣчаетъ, потому что не каждый обращаетъ на нихъ вниманіе. Такъ, напримѣръ, Лифляндія

* Отрывокъ изъ небольшого сочиненія, находящагося еще въ рукописи, въ которомъ Петербургъ изображенъ во все четыре времени года и въ четыре поры дня.

въ сравненіи съ Россіей, есть вовсе другая планета. Но какъ же намъ знать Лифляндію, когда мы даже не обращаемъ вниманія на нашъ прелестный Петербургъ? А что такое Петербургъ? Точно также *особый міръ, особая планета*, и притомъ планета самая оригинальная. Изъ всѣхъ столицъ Европейскихъ, Петербургъ оригинальнѣе прочихъ, потому именно, что въ немъ находятся всѣ оригинальности не только другихъ столицъ, но и второстепенныхъ городовъ Россіи, Англіи, Франціи и Германіи, и что эти оригинальности не сливаются, а напротивъ, резко обозначены. Кромѣ того, Петербургъ имѣетъ такую выразительную черту въ своей фізіономіи, которой нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, ни въ одномъ городѣ на Земномъ Шарѣ. Догадаетесь ли что это такое? Вотъ оно!

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, даже въ Стокгольмѣ и въ Дронгтеймѣ есть люди и цѣлыя семейства, которые живутъ тамъ *безъ всякаго дѣла*. Во всѣхъ столицахъ вы найдете множество семействъ и одинокихъ людей, которые пріѣзжаютъ туда *нарочно* для того, чтобъ *ничего не дѣлать*, чтобъ *отдохнуть*, *пожить весело*. Богатые помѣщики, заводчики, фабриканты и даже купцы пріѣзжаютъ въ другія столицы изъ провинцій, для того только, чтобъ людей посмотреть и себя показать, полюбоваться диковниками, хлѣбнуть столичной роскоши, окунуться въ утонченности общежитія, и возвратиться во своиси, съ пустыми карманами и запасомъ новыхъ понятій. Путешественники тянутся, цѣлыми веренищами, по морямъ и по сушѣ, въ Парижъ, Лондонъ, Лиссабонъ, Вѣну, Берлинъ, въ города Италіи, въ Константинополь, Смирну и проч. и проч., чтобъ пожить, посмотреть, поболтать и воротиться домой ни съ чѣмъ, а много съ картономъ модъ, съ портфелемъ, наполненнымъ гравюра-

ми, рисунками, замѣтками. Въ Петербургъ, напротивъ того, никто не пріѣзжаетъ *безъ дѣла*. Въ Петербургѣ всѣ живутъ *по дѣламъ*, а если кому, вздумается пріѣхать къ намъ *безъ дѣла*, то онъ, напившись нашимъ дѣловымъ воздухомъ, заражается, въ самомъ скоромъ времени, *дѣловою страстью*, и часто противу воли, становится *дѣловымъ* человекомъ. Наши Русскіе дворяне, переселясь въ Петербургъ, тотчасъ входятъ въ подряды, въ откупа или, *скуки ради*, приписываются куда нибудь, чтобъ считаться въ службѣ. Полякъ, за чѣмъ бы ни пріѣхалъ, превращается, мимовольно, въ *хозяина по дѣламъ*, потому что родные и сосѣди его не дадутъ ему покоя, ни въ сей жизни, ни въ будущей, если онъ откажется хлопотать по ихъ дѣламъ. Нѣмецъ, если не служитъ, то спекулируетъ, потому что онъ не можетъ оставаться празднымъ. Изъ иностранцевъ въ намъ пріѣзжаютъ: малое число купцевъ, множество странствующихъ купеческихъ прикащиковъ (*commis voyageurs*), и несмѣтное число искателей счастья, такъ называемыхъ *промышленниковъ, безъ именной промышленности*, которые, съ быстротою шуки, суются изъ одного угла Европы въ другой, ища поживы. Путешественники *безъ дѣла*, безъ особаго порученія, у насъ такъ же рѣдки, какъ ясные, теплые дни. Вы можете счесть всѣхъ путешественниковъ, по пальцамъ, въ теченіе двадцати лѣтъ! Даже Англійскіе *туристы*, которые мечутся, какъ угорьляе, повсюду, гдѣ только есть трактиры, дилижанцы, пароходы и такъ называемая *природа*, т. е. горы, водопады и необитаемыя мѣста, даже Англійскіе туристы, говорю я, завертываютъ къ намъ изрѣдка, особенно зимою, вѣроятно потому, чтобъ холодностью своего характера и пріемовъ не заморозить нашей зимы. Впрочемъ страхъ, кажется, во-

все напрасный! Наши философы замѣтили, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Петербургѣ прибываетъ Нѣмецъ, холодъ у насъ, въ атмосферѣ, уменьшается: закону природы, что однородныя силы сосредоточиваются притяженіемъ, холодъ нашъ сосредоточился въ холодныхъ сердцахъ Германскихъ переселенцевъ, а климатъ сдѣлался теплѣе. Какъ бы то ни было, но туристы не забываютъ къ намъ, а съ тѣхъ поръ, какъ благодаря Бога, политическіе эмигранты перестали къ намъ ѣздить, съ запада ѣдутъ къ намъ теперь одни дѣльцы, которые, по новѣйшей Французской модѣ, хотѣтъ разбогатѣть *дешевыми средствами и въ скорѣйшее время*. Постоянные же жители Петербурга *все дѣловой народъ*: чиновники, всѣхъ разрядовъ, купцы, ремесленники, промышленники, слуги и работники. Праздныхъ людей у насъ нѣтъ. Предчувствую, что мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, и захотятъ уличить въ *неспринности показанія*! «А развѣ у насъ нѣтъ людей,» скажутъ мнѣ: «которые ничего не дѣлаютъ, кромѣ того, что играютъ въ карты, съ полдня, до другаго утра?» — Есть! но развѣ это не *дѣловые люди*. Ихъ игра — не забава, — а работа, спекуляція, торговля. А если разсудить, чѣмъ они притомъ *рискуютъ*, то право ихъ работа *опаснѣе* морскаго плаванія. У этихъ господъ и *личность* и вещественность въ непрерывной опасности, какъ у корсаровъ. Скажутъ мнѣ еще: «есть у насъ люди, которые ничего не дѣлаютъ во всю жизнь, какъ только шаркаютъ и кланяются. Неужели и это люди дѣловые?» — И очень! Они болѣе вышаркиваютъ головою и руками, и дѣло шаркателей весьма не легкое! Исчислено, что каждый шаркатель прошаркиваетъ, напаркетахъ, по 14 верстѣ въ сутки, и дѣлаетъ, круглымъ числомъ,

по 280 поклоновъ, что составитъ въ годъ: 4,110 верстѣ и 102,200 поклоновъ. Слѣдовательно господъ шаркателей нельзя назвать людьми *праздными*! Они трудятся въ потъ чела, соединяя въ себѣ притомъ свойства лошади и паровой машины. А неужели вы назовете праздными этихъ бульварныхъ франтовъ, въ причесѣ *à la moujik* (т. е. мужицкой) и съ рыльцемъ *à la Jean Shogar**? Вы думаете, что они ничего не дѣлаютъ, потому что нигдѣ не служатъ? Ошибаетесь! Они служатъ, хотя и не въ государственной службѣ, но служатъ и даже называются *покорными слугами*, когда идетъ дѣло о томъ, какъ бы добыть денегъ на фраки, на экипажъ, на устрицы и на шампанское. Другихъ нуждъ нѣтъ у нихъ, и они не знаютъ неспривности разсчитываться, въ концѣ года, съ книгопродавцами. Словомъ, у насъ всѣ люди *дѣловые*, и если вы мнѣ даже представите исключенія изъ правила, то и объ этомъ я готовъ спорить съ вами до завтра!

Но какъ дѣла и занятія жителей Петербурга весьма многообразны, и какъ каждый, по роду своихъ занятій и по бюджету, живетъ въ особой части города, то въ Петербургѣ не *одно* утро, а множество. *Первое утро* начинается въ питейныхъ домахъ и харчевняхъ, которые открываются на зарѣ, для вѣрныхъ и неутомимыхъ поклонниковъ Бахуса и для рабочаго народа. Порядочные люди не знаютъ, что такое *Русское похмѣлье*. Это вовсе не жажда, не вкусъ къ хмѣльному, а пламя, которое пожираетъ внутренность и гонитъ несчастнаго съ его постели, къ дверямъ питейнаго дома, не взирая на стужу или ненастье. Здѣсь, въ ожиданіи, пока заскрипятъ запоры, толпа блѣдныхъ,

* Имя разбойника, въ повѣсти Карла Нодде.

красноносых похмѣльщиковъ, съ исключенными волосами, небритыхъ, въ фризовыхъ шинеляхъ съ трепетомъ и содроганіемъ переминаются съ одной ноги на другую, и щёлкаютъ зубами, пока новый приливъ водки не оживитъ ихъ горестнаго существованія. Отвращаю взоры отъ этой картины униженнаго человечества! Въ харчевнѣ, другое дѣло. Тамъ кипятъ самовары, туда уже просвѣщеніе бросило свой косвенный лучъ. Въ харчевнѣ есть уже стулья, столы, заркала, часы, фарфоровый чайный приборъ. Здѣсь уже собираются люди, чтобы подкрѣпить силы, нужныя для работы: извозчики, которые пропиваютъ, на чаѣ, деньги полученныя на водку; дворники, лакеи и кучера, которыхъ содержатъ въ должной субординаціи; словомъ, люди холостые, большою частью захожіе или заѣзжіе. Здѣсь встрѣчаются съ земляками, и вспоминаютъ о родинѣ, о матушкѣ Волгѣ и Камышевкѣ, объ Ярославѣ и Костромѣ! Особенно знамениты харчевни на Сѣнной и близъ нея, въ которыя собираются стекельщики, штукатуры, печники и всякаго рода *земліе рабочіе*, изъ которыхъ большая часть обитаетъ въ этой части города. Однако жъ и въ харчевняхъ начинаютъ уже поклоняться Бахусу, съ *перваго утра!* Но это уже исключеніе изъ правила. Этотъ расколъ производятъ только *богачи*: содержатели извозничьихъ лошадей, люди женатые и семейные, которые имѣютъ собственный самоваръ, а пьютъ въ харчевнѣ чаекъ, съ *кизляроткой*, только для *кампаньи*; писцы нижнихъ городскихъ инстанцій, исправляющіе должность доверенныхъ секретарей (*secrétaires intimes*) у захожихъ людей. Эти секретари пишутъ имъ письма на родину, и читаютъ получаемыя съ родины. Здѣсь же укрѣпляютъ свои силы, тѣмъ же напиткомъ, подмастерья, изъ Чухой-

цевъ, полуобрусѣлые; трубочисты, для которыхъ отводится особенная каморка, называемая *комнатой*, и всякой народъ, почитающій себя *превыше поденщика*. Въ это же *первое утро* приходятъ изъ за города возы съ сѣномъ, съ соломою, съ угольемъ, съ сѣльникомъ и можжевелиникомъ и со всякою величюю, останавливаясь на Сѣнной, Конной, на Андреевскомъ рынкѣ и на всѣхъ пунктахъ, назначенныхъ для этого городскимъ начальствомъ. Питейные дома и харчевни наполняются. Становится тѣсно. Являются блюстители порядка, городовые. Наступаетъ *другое утро, утро свѣтлое*. Встаютъ отъ сна люди, которые вѣрнутся въ полдень, и которые должны уже быть на своихъ мѣстахъ со свѣтомъ. На Выборгской и на Петербургской сторонахъ, въ Галерной Гавани, въ Коломнѣ, въ Ямской, у Таврическаго Сада, проблескиваетъ свѣтъ въ окнахъ, кипятъ самовары. Откуда пахнетъ жаренымъ кофеемъ — тамъ живетъ Нѣмецъ или Русскій Европеецъ. Гдѣ только слышенъ запахъ угля, тамъ живетъ Русакъ. Маленькія служаночки и оборванные мальчики перебѣгаютъ чрезъ улицу, за булками и сухарями. Въ мелочныхъ лавочкахъ разливается тусклый свѣтъ лампы (не вечерней лампы), при которомъ молодые лакеи-вертопрахи куртизируютъ рзвѣвыхъ горничныхъ, прибѣжавшихъ за сливками. Скрипятъ перья чиновниковъ, готовящихся къ докладу или переписывающихъ на срокъ. Грызетъ перо литераторъ, припоминая, что семья его хочетъ перекусить что нибудь, получше пера! Подаютъ чай. Слава Богу! Это *семейный праздникъ* бѣдныхъ людей! Какими огненными взорами поглядываютъ дѣтки на сахарницу, на сливочникъ, на корзинку съ булками и сухарями! Радость! Мать раздала дѣтямъ порціи; отецъ закурилъ свою трубочку. Вносятъ

дрова. Есть тѣмъ затопить печи. Слава Богу! Нако-
нецъ чиновники собираются къ должности, литера-
торы собираются съ мыслями, а между тѣмъ у куп-
цевъ, дымъ клубомъ и самоварная работа только
что въ развалѣ. Въ потѣ чела дождій хозяйинъ лавки
допиваетъ двадцать восьмую чашку чаю, а прика-
щики его, изъ *реце-моннѣ*, выпили только по девят-
надцати. Добрая хозяйюшка, деликатная особа, въ-
сомъ съ Городскую Думу, изволила выкушать толь-
ко четырнадцать чашечекъ чайку, въ прикусочку,
потому что она бережетъ свой апетитецъ на *кофеекъ*,
котораго будетъ испито четыре кофейничка, когда
хозяйинъ отправится въ лавку. Въ этомъ домѣ встаютъ
рано не съ бѣды, а чтобъ спозаранку побольше
выторговать и пораньше замѣсить тѣсто на пироги.
Во всѣхъ мастерскихъ уже работаютъ, но мастеръ
Нѣмецъ спитъ крѣпкимъ сномъ, возвратясь поздно
изъ биргеръ-клуба или съ *бала*! Изъ чего ему хлопотать?
Для него работаютъ Русскіе мужички. Его
дѣло *заказывать* и *получать деньги*, по счетамъ.
Ему не изъ чего даже ломать голову на выдумки!
Это принадлежность Парижа, Лондона, Вѣны и Бер-
лина. Чухонскій подмастерье самъ разбираетъ рису-
нокъ и модель, а дѣло хозяина только выписывать
ихъ. Александръ Македонскій, завидуя Діогеновой
бѣдности, сказалъ: «Если бъ я не былъ Александромъ,
то желалъ бы быть Діогеномъ.» — Я не завидую
богатству нашихъ Нѣмецкихъ ремесленниковъ, но
скажу:—«Если бъ я не былъ Русскимъ дворяниномъ
и писателемъ, то хотѣлъ бы быть или Нѣмецкимъ
каретникомъ или столяромъ. Объ аптекаряхъ уже не
говорю! Фармація не есть ремесло, хотя она и не тор-
говля. Но что за блаженство, быть Нѣмецкимъ масте-
ромъ столярнаго или каретнаго искусства! Положение
этихъ *лейтъ-герровъ* можно сравнить только съ участью

тѣхъ счастливицевъ, которыхъ покойный А. Е. Из-
майловъ характеризовалъ однимъ превосходнымъ
стихомъ:

— «Блаженствуютъ въ отставкѣ, подъ судомъ!»

Нѣмецкій мастеровой живетъ бариномъ, не зная
непріятностей барскаго состоянія; торгуетъ, не под-
вергаясь заботамъ и опасностямъ купческаго со-
словія; не пишетъ ничего, а только подписываетъ
счета! Всѣ люди въ міръ теряютъ что нибудь —
а Нѣмецкій ремесленникъ *никогда ничего* не тер-
яетъ, а безпрестанно приобретаетъ. У него, какъ и
у всѣхъ, берутъ въ долгъ товары — и не платятъ;
но у него такъ все рассчитано, что за одного об-
манщика или банкрота, платятъ, вдесятеро, чести-
ные покупщики. Напримѣръ, если изъ пятнадцати
проданныхъ каретъ, за пять не будетъ заплачено,
или изъ двѣнадцати дюжинъ креселъ четыре дюжи-
ны взяты на *фуфу*, то цѣна остальныхъ вознагра-
ждаетъ потерю, и притомъ всегда почти вдвое. И
такъ Нѣмецкіе мастерские спятъ спокойно, въ то
время, какъ *Русскіе работники* дѣлаютъ для насъ
Нѣмецкую работу, а для своихъ хозяевъ куютъ и
пилятъ матеріалы на дома, дачи, шампанское и
модные чепцы. *Schlafen Sie wohl, meine Herren!*—А
между тѣмъ толпы бѣдныхъ чиновниковъ бѣгутъ,
по всѣмъ направленіямъ, къ должности, натыкаясь
иногда, въ раздумьѣ, на заступы дворниковъ, скре-
бущихъ тротуары. Но кто это катитъ, такъ рано?
Докторъ, и какой! Честный, добрый, человѣколю-
бивый, который спѣшитъ присутствіемъ своимъ
утѣшить семейство, пролить надежду въ душу страж-
дущаго. Для модныхъ докторовъ теперь еще ночь.
Ваперы, мигрени, спазмы, истерики и нервные при-
падки, составляющіе ихъ команду — спятъ еще, по-
слѣ бала, ужина, чувствительныхъ мечтаній и ка-

призовъ. И вотъ наступаетъ *третье утро* — свѣтъ Божій! Въ дальнихъ частяхъ города, въ предмѣстьяхъ нашихъ, уже позавтракали; лавки въ Гостиномъ Дворѣ и въ *Русскихъ* магазинахъ уже отворяются. Хозяйки и кухарки идутъ и ѣдутъ въ рынки. На улицахъ появляется народъ, мелькаютъ извозчики, но нѣтъ еще каретъ. Кое-гдѣ простучить карета хлопотуна, который спышитъ къ дѣльцу, чтобъ застать его предъ докладомъ. Но это не въ счетъ. Въ *это утро*, вообще, нѣтъ каретъ, даже на биржахъ. Въ это утро встаютъ отъ сна люди, завѣдывающіе какою нибудь частью, хоть бы эта часть была не болѣе наперстка. Встаютъ журналисты, т. е. литературные, а не канцелярскіе, которые уже на мѣстахъ. Въ типографіяхъ шумъ и стукъ, въ канцеляріяхъ скрипъ перьевъ и легкій говоръ, до прихода начальниковъ. Рассказываются новости, и предлагаются догадки. Солдаты идутъ на ученье бодро и весело, а молодые офицеры разговариваютъ между собою о вчерашнемъ балѣ, о Французскомъ спектаклѣ, о чудныхъ лошадяхъ въ оперѣ: *Жидовка*, и о г-жѣ Тальони, въ балетѣ *Сильфиды*. Встаютъ наконецъ, начальники, отъ которыхъ зависитъ судьба многихъ семействъ, благоденствіе цѣлыхъ провинцій, т. е. зависитъ не отъ ихъ воли, но отъ ихъ взгляда на дѣла, отъ ихъ понятія о предметахъ. Законъ въ цѣломъ мірѣ, не въ одной Россіи, мертвъ, и потому-то, его толкуютъ живые люди. Дай Богъ, чтобъ эти *живые люди*, не въ одной Россіи, но въ цѣломъ мірѣ, вставали съ постели *правого ногою*, съ здоровымъ желудкомъ и свѣжею головою! Всѣ мы *человѣчки* *смы!* Сколько разъ въ жизни мы портимъ собственныя дѣла наши, ниспровергаемъ счастье нашего семейства, отъ того именно, что въ рѣшительныя, въ гамлетовскія

минуты: *быть или не быть* — нашъ желудокъ, слѣдовательно и голова были не въ порядкѣ! Это я знаю, можетъ быть, лучше другихъ! И такъ, дай Боже добраго здоровья, всѣмъ тѣмъ, которые занимаются дѣлами, и дай Боже здраваго разсудка всѣмъ тѣмъ, которые любятъ дѣла. О людяхъ и дѣлахъ надобно судить *по-человѣчески*, и помнить крѣпко, что въ Англіи и во Франціи живутъ *тѣ же люди*, съ тѣми же слабостями. Превосходно, т. е. всегда хорошо, тамъ только, *едъ насъ нѣтъ*. Это подтвердилъ даже и Грибоедовъ. Будемъ же снисходительны и покоримся общей участи челоѣчества!

Эта общія участь челоѣчества есть та, что въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, точнехонько какъ и у насъ, и какъ на всемъ Земномъ Шарѣ, важнѣйшая минута для челоѣчества есть пробужденіе начальниковъ. Это *самое важное утро* изъ всѣхъ Тутъ начинаются доклады предварительныя, которые потомъ поступаютъ къ главнымъ начальникамъ, въ началѣ *четвертаго утра*. Я никогда не предполагаю въ людяхъ дурнаго намѣренія, желанія вредить другому, но долженъ сознаться, что есть исключенія изъ правила. Не дай Богъ, никому, попасться къ этимъ господамъ, составляющимъ исключеніе изъ общаго правила — und damit Basta! —

Вотъ катятъ, на извозникахъ, *продавцы партей* (*marchands de participes*); портные съ огромными узлами, болѣею частью въ собственныхъ и прелестныхъ экипажахъ; ходатаи по дѣламъ, которые спышати въ канцеляріи, пронюхати о ходѣ дѣла своего вѣрителя, чтобъ составить для него цѣлый романъ, къ первой почтѣ, романъ дорогой, какъ сочиненія Валтера-Скотта. Вотъ толпа Петербургскихъ подьячихъ, *здѣшнихъ старожиловъ*, и готовыхъ свидѣтелей валитъ къ дверямъ магистрата и губернскихъ

мѣсть, позавтракавъ въ Новомосковскомъ трактирѣ или въ городѣ Лиссабонѣ! Эти толпы ужаснѣе безсмертной Македонской фаланги! Попадись къ нимъ въ руки, справа или слѣва, какъ истецъ или какъ отвѣтчикъ — *капуть!* Прихлопнуть такъ, что и не опомнишься! Это отставные писцы, отставленные, *по сильному подозрѣнію*, повѣтчики, вольноотпущенники, занимавшіеся господскими разстроенными дѣлами, или, по Замосковному нарѣчію, народъ казенный, дѣловой! — Этотъ народъ докажетъ вамъ, что дважды два — пять, что часть равна цѣлому, что параллельныя линіи сходятся, и словомъ все, что мы почитаемъ невозможнымъ. Но всего убѣдительнѣе они докажутъ вамъ, что *вашъ* искъ есть *ихъ* собственность! Избави насъ Боже, отъ заразы, голода, огня, нашествія непріятеля и отъ помощи этихъ пріятелей! —

Кареты и возки начинаютъ появляться на улицахъ, и число ихъ безпрестанно умножается. Не только иностранные магазины, но и купеческія канторы уже отперты. Въ Петербургѣ полная дѣятельность — игроки ложатся спать.

Четвертое утро еще важнѣе! Въ немъ рѣшатся окончательные доклады, слушаются дѣла, приготавлиются спекуляціи, производится торгъ и расчеты, послѣ вчерашней биржи. Маклеры, адвокаты, ходатаи, спекулянты, прикащики и артельщики на ногахъ, на ходу и за крѣпкой работой. Милые всѣхъ, такъ называемый купецъ, разумѣется изъ Нѣмцевъ, (ибо Русскому это не удается), который, не имѣя *малѣйшаго гроша* въ капиталѣ, содержитъ *контору*, принимаетъ заказы изъ Англии или Америки на Русскій товаръ, получаетъ задатки, заказываетъ товаръ на будущую весну. Русскимъ капиталистамъ, и пользуется десятью, двадцатью, а иногда и пяти-

десятью процентами за то только, что Англичанину и Американцу надобно *купить*, а Русскому *продать!* Эти господа конторщики суть костилю Русской торговли. Русскій купецъ не можетъ ходить *безъ помощи*. Ему надобно, непременно, обратиться на Нѣмца. Въдъ и въ торговлѣ нельзя обойтись безъ *Нѣмецкой работы!* Это *утро* есть дипломатическое и литературное. Въ это время обдѣлываются важнѣйшія дѣла, пишутся лучшія вещи, разсматриваются обширнѣйшіе проекты, представленія, дѣлаются отмычки, принимаются просители и подчиненные изъ губерній, желающіе представиться, возвращаются доклады въ свои канцеляріи, разсылаются курьеры, собирается народъ въ почтамтъ. Это *утро*, по Русской поговоркѣ, *мудреніе вечера*, а по Нѣмецкой: *хватаетъ зубами золото* — а игроки спятъ!

Надобно было бы написать Иліаду, правильнѣе: Утріаду, въ 24 пѣсняхъ, семимильными эксаметрами или составить огромную книгу, въ родѣ Памятника Событій, написанную *среднимъ* слогомъ, какой советуютъ наши риторы употреблять въ историческихъ сочиненіяхъ *, чтобъ изобразить это утро, со всеми его отбѣнками и блестками. Весь Петербургъ можно уподобить бѣлкѣ, прыгающей въ своемъ колесѣ. Все въ Петербургѣ вертится, движется, дѣйствуетъ, мыслить (т. е. о себѣ), обучаетъ и учится. Во всѣхъ домахъ брячатъ на фортепіанѣ, поютъ, рисуютъ и спрыгаютъ по-Английски. Это время частныхъ уроковъ для дѣвицъ достаточныхъ родителей. Прикащики, метръ-дотели, дворецкіе, новара сводятъ свои счета, которые должны перейти въ кабинетъ, *для форны*. На дамской половинѣ являются модныя

* См. сочиненіе Г. Георгіевскаго: Руководство къ изученію Русской Словесности и проч., и критики Г. Турунова, въ Сѣверной Пчелѣ, выступавшаго только въ *болшихъ оказіяхъ*.

торговки съкартонами, и магазинные прикащики съ товарами. Швейцары спорятся съ поставщиками и Русскими мастерскими, которые, не взирая на то, что счеты их написаны по системѣ Г.-на Лажечникова и *Литературныхъ Прибавлений къ Русскому Иностранцу* *, не могут вручить ихъ въ собственныя руки барина, а барину право нѣкогда! Онъ разсчитываетъ, сколько можно выиграть на акціяхъ, и читаетъ Journal des Débats, въ которомъ, какъ сказано въ стихахъ, на открытіе кондитерской Вольфа и Беранже: «*Европы всей открыта намъ судьба ***». Этотъ журналъ, для многихъ умовъ, слывающихъ глубокими, есть то же, что *много для часовъ*. Journal des Débats заводитъ головы! Почтовый день есть *день улыбки*. Въ этотъ день, весьма многие говорятъ умно, въ вечернихъ собраніяхъ, приготовляясь къ этому съ утра. Тѣ, которые не могутъ имѣть журналовъ дома, заводитъ свои головы въ кондитерскихъ Вольфа и Амбеля. Настоящіе любители новостей питаются ими въ Справочномъ Мѣствѣ. Но мудрость легче пріобрѣтается въ кондитерскихъ, потому, что при пособіи ликера, быстрее переносится въ голову. Въ Парижѣ, какъ вы знаете, кофейныя дома (cafés) суть средоточіе биржевыхъ, политическихъ и литературныхъ новостей, которые въ просторѣчій называются *слухами* и *ложью*. У насъ, въ кондитерскихъ, вы также можете услышать весьма занимательныя новости, а именно, сколько градусовъ мороза, съ которой стороны вѣтеръ, сколько

* Г. Лажечниковъ совѣтовалъ писать, какъ говорятъ: *моя*, вмѣсто *моего*, *твоего*, вмѣсто *твоего* и т. п. Въ Лит. Приб. къ Русскому Иностранцу пишутъ Петербургскій; вмѣсто Петербургскій, и исключаютъ почти всѣ *предлоги*, т. е. *въ*, *съ*, и т. п. Лавочкинъ наши предпредили этихъ господъ литераторовъ, и давнымъ давно пишутъ такъ!

** Эти шуточныя стихи были напечатаны въ Северной Пчелѣ: забавно, что многие приняли ихъ за серьезные.

ко бригадировъ и какіе именно выѣхали въ Ростовъ *, и гдѣ былъ вчера балъ. Въ этихъ суетахъ наступаетъ *четвертое утро*, а между тѣмъ жители предмѣстій и купцы обѣдаютъ. Игроки опять играютъ!

Въ лучшихъ частяхъ города, почти у каждаго подъѣзда стоятъ по нѣскольку каретъ, четверней. Это время визитовъ и прогулки по магазинамъ, двухъ главнѣйшихъ и важнѣйшихъ занятій, послѣ искусства принимать гостей къ своему *салонѣ* (т. е. гостиной). Если числомъ подписчиковъ измѣряется достоинство журнала, а числомъ посѣтителей бенефиса талантъ актера, то гораздо вѣрнѣе, что числомъ визитовъ можно опредѣлить важность чело-вѣка. Ловкая дама чрезвычайно искусно управляетъ этою частью! При ннхъ рѣдкихъ визитахъ (*visites de convenance*), она всегда извиняется *слабостью здоровья*, материнскою нѣжностью и подобною небывальщиною, а при другихъ, *нужныхъ визитахъ*, она извиняется, что часто посѣщаетъ, приписывая это непреодолимому влеченію, потребности сердца и другимъ подобнымъ небывальщинамъ же! Связи женъ укрѣпляютъ союзы мужей. Это великая аксіома въ житейской политикѣ! Не думайте, чтобъ визиты были пустое дѣло! Подслушайте разговоръ на двухъ, трехъ визитахъ, и вы узнаете положеніе каждаго семейства, въ обществѣ. Въ самомъ лучшемъ положеніи тотъ чело-вѣкъ, чью жену, или дочерей критикуютъ, разумѣется *заочно*, *entre amis*, т. е. которыми завидуютъ. Плохо тому, чью жену или дочерей хвалятъ, и о которыхъ *сожалѣютъ*. При визитахъ позволено *засиживаться* только тогда, когда хозяйка желаетъ этого, и когда хозяйка *имѣетъ*

* Эпиграмма, въ формѣ Эпитаціи, соч. И. П. Дмитриева.

на то право. Въ такомъ случаѣ визитъ, какъ говорится, *не потерянъ*. Дѣлавшая визитъ рассказываетъ вечеромъ, торжественно, что она у такой-то *засидѣлась*, и пропустила важныя дѣла. На другихъ визитахъ извиняются этимъ. Мужскіе визиты, въ дни обыкновенные, не праздничные замѣняются карточками. Въ какомъ-то Нѣмецкомъ городкѣ и въ Сѣверной Америкѣ, учредилось общество, для уничтоженія визитовъ карточками, для сбереженія лишнихъ расходовъ. У этихъ добрыхъ людей видно мало денегъ, и много лишняго времени, а еще болѣе пустословія. Визитныя карточки должно почитать столь же благотвительно выдумкою, какъ и желѣзныя дороги, потому что онѣ сберегаютъ время и избавляютъ насъ отъ принужденія. Странствіе по магазинамъ — другое дѣло! Это не потребность, не расчетъ политическій, какъ визиты, а просто *страсть*. Наблюдайте покупателей въ модныхъ магазинахъ, особенно въ Англійскомъ: вы узнаете характеръ каждаго, въ четверть часа. Смотрите, кто покупаетъ *уютно-покойное* (comfortable), и кто покупаетъ *блистательное*. Тутъ все сказано! Когда фундаментъ сердца составляетъ *тщеславіе*, ни сердце ни умъ никогда не произведутъ ничего полезнаго и великаго. Негритянка продаетъ собственное дѣтище, за двадцать четыре нитки стеклярусу, а Madame la marquise N N, en Europe, покупаетъ ночную лампу за тысячу рублей, въ долгъ, который придется платить ея дѣтямъ, вмѣстѣ съ пятьюстами тысячъ подобныхъ долговъ. Спрашиваю: какаядразница между Негритянкою и Европейскою маркизою? Есть разница — но небольшая! Продать дѣтей или лишить ихъ дѣдовскаго наслѣдія и пустить по міру, для удовлетворенія прихотей — почти одно и то же. Но я прощаю женщинамъ — а что ска-

зать о мужчинахъ, которые платять по 500 рублей за *песочницу* (разумѣется, въ долгъ), тогда, какъ еще не уплачены счета поставщикамъ мяса, дичи, зелени, овса и сѣна! Это не мужчины или, по крайней мѣрѣ, не *мужи*, по древнему смыслу слова. Каждый разъ, входя, по необходимой надобности, въ магазинъ, я благословляю судьбу, что въ немъ находится такъ много вещей, которыхъ мнѣ вовсе не надобно, и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалью о тѣхъ, которымъ всѣ эти вещи надобны! Вы знаете, что въ магазинахъ не торгуются. Взглянуть или осматривать и сказать: «*Envoyez moi cela!*» (т. е. пришлите мнѣ это). Иные посылаютъ *инимъ*; другіе говорятъ *другимъ*, что это уже *продано*, и покупатели отправляются дальѣ! Превеселая прогулка! Жаль, что это комическое вступленіе имѣетъ всегда мелодраматическій конецъ! На наличныя деньги покупаютъ только профаны, наша братья, бѣдняки, и разбогатѣвшіе спекуляторы, нѣчто въ родъ Мольерова *Мъщанина во дворянствѣ*. Не быть вписаннымъ въ долговую книгу Англійскаго магазина — значитъ: *mauvais ton et mauvais genre!* Слава Богу, что я принадлежу къ этому *mauvais ton et mauvais genre!*

Книжныя лавки и книжныя магазины давно уже открыты, но движеніе въ нихъ настаетъ съ той поры, когда начнется прогулка по тротуару Невскаго Проспекта, разумѣется въ хорошую погоду и когда чиновники выходятъ изъ канцелярій. Каретъ не видно передъ книжными лавками. Дамы берутъ обыкновенно *погитать* у знакомыхъ новыя произведенія Балзака, Гюго и Ламартина. Дѣтскія книги покупаютъ гувернеры. За Русскими книгами приходятъ пѣшкомъ или посылаютъ лакеевъ. Бѣдныя Русскія книги! на что бы вы годились, если бы вами нельзя было измѣрять умственнаго и нрав-

ственнаго состоянія нашего общества! — Нѣтъ, не вы виноваты, если вы не лучше книгъ Французскихъ и Англійскихъ, и не тѣ, которые васъ стрлапаютъ и читаютъ, а виноваты тѣ, которые васъ вовсе не читаютъ, и, что болѣе, презираютъ. Взгляните на эти полки! Что было бы, если бы всѣ эти книги *ожили*, и превратились въ головы? Глупѣйшія изъ этихъ книгъ съли бы на плечи тѣмъ Русскимъ мудрецамъ, которые не знаютъ своего природнаго языка, и еще гордятся этимъ, а самыя умныя книги услыхъ бы на плечахъ тѣхъ, которые не только покупаютъ Русскія книги, но даже читаютъ ихъ, не взирая на то, что знаютъ почти всѣ Европейскіе языки и заняты дѣлами. Да есть ли Русскія умныя книги? спросятъ меня, наши Русскіе *монъ-шеры* и *лашерочки*. Скажу въ отвѣтъ: нашъ Русскій умъ хотя не появляется въ книгахъ въ такомъ прелестномъ, модномъ *дезабиллѣ*, какъ умъ Французскій и Англійскій; хотя нашъ Русскій умъ ужасно скупъ, не расточаетъ своего золота, а бережетъ его въ сундукахъ и въ подвалахъ, но все таки онъ проглядываетъ въ книгахъ, не какъ въ окно, а какъ въ форточку. Но за то, при всей своей расточительности и легучести, чужой умъ не научить насъ знать мать нашу, святую Русь! — Въ этомъ отношеніи неученый и простодушный Голиковъ, выше остроумнаго и ученаго Эверса, и *Капитанская Дочка*, покойнаго А. С. Пушкина, выше романа Вальтеръ - Скотта. Ей Богу, въ нашихъ книжныхъ лавкахъ много драгоценныхъ Русскихъ камней, хотя по большей части въ чугуиной и оловянной оправѣ! Но, по несчастью, у насъ именно тѣ умѣютъ цѣнить нашъ Русскій умъ, у которыхъ болѣе ума и патріотизма, нежели денегъ, а тѣмъ, которые могутъ выдать нѣсколько тысячъ рублей въ

годъ, на книги, деньги нужны на вистъ, на устрицы и на шампанское. Отъ этого порядка дѣлъ происходитъ то, что чѣмъ менѣе расходуется Русскихъ книгъ, тѣмъ менѣе появляется умныхъ книгъ, и Русскій умъ, не находя, по Русской пословицѣ, простору въ Русской литературѣ, прячется въ канцеляріяхъ — а тамъ... и поминай какъ звали.

Свѣтитъ солнце, не въ литературѣ, а на лѣвой сторонѣ Невскаго Проспекта, на нашемъ Риджентстритѣ, и превращаетъ въ алмазы иней на брововыхъ воротникахъ нашихъ щеголей и на опушкахъ перлинь и теплыхъ мантилій дамъ, прогуливающихся между 3-мъ и 4-мъ часами. Премилое зимнее гульбище! Съ одной стороны изукрашенные блестящими товарами окна магазиновъ; съ другой первая въ свѣтъ улица, на которой быстро мчатся, или стоятъ на мѣстѣ богатые экипажи. Одинъ пріѣзжій Французъ, прошедъ нѣсколько разъ по тротуару, вѣтшавшись въ толпу, воскликнулъ, въ удивленіи: «*Mais c'est la France, mon Dieu!*» Не мудрено было ошибиться Французу. Одежда Французская, языкъ Французскій, манера Французская, словомъ, какъ сказалъ Грибоѣдовъ: *Ни Русскаго лица, ни Русскаго слога*, потому что готическое рыльце, т. е. бородака съ усиками и прическа à la Моуѣк, руки въ карманъ, носъ вверхъ, лорнетъ, придержаемый бровью и въ комъ, совершенно измѣняютъ Русскую физиономію. Жаль, что во время гулянья носильщики и вообще чернѣйшій народъ не избираетъ для своей дѣловой ходьбы другой стороны Невскаго Проспекта, чтобъ не подвергать опасности блестящихъ дамскихъ уборовъ и не припоминать своими Русскими *бородами* готическимъ *бородакамъ*, что мы не во Фран-

ции! Какъ въ высшей атмосферѣ, т. е. за облаками, жизнь человѣческая подвержена другимъ условіямъ, по увѣренію воздухоплателей, такъ и въ обществѣ человѣческомъ, на поверхности земли, вверху не то, что внизу. Наши предки прогуливались и гуляли только въ праздники, а современники посѣщаютъ бульваръ Петербургскій только въ дни будніе. Въ Воскресенье на бульварѣ другія лица, другіе люди, другіе наряды. Гулянье начинается раньше, и кончится благовременно. Въ этотъ день геройствуютъ на бульварномъ турнирѣ другіе рыцари, сидѣльцы иностранныхъ магазиновъ, конторщики иностранныхъ конторъ, и богатствомъ своихъ бекешей, ловкостью приемовъ и даже храбростью взглядовъ помрачаютъ совѣстниковъ своихъ, мелкихъ чиновниковъ. Правду сказать, есть для чего и похрабриться взглядами! Что за миленькія личици, что за талии, что за привлекательная, наивная физиономія у этихъ Нѣмочекъ, Голландочекъ, Швейцарочекъ, которыя, отслушавъ службу Божію въ четырехъ храмахъ, находящихся на Невскомъ Проспектѣ, почитаютъ долгомъ пройти разъ по бульвару, съ маменьками или тантинками. Нѣтъ силъ! Мирюсь съ Нѣмецкими ремесленниками, магазинщиками и конторщиками, ради ихъ милыхъ женъ и дочекъ! Готовъ охотно переплачивать лишнее въ магазинахъ на капоты и шляпки этимъ женамъ и дочкамъ, съ условіемъ, чтобъ онѣ не слишкомъ потупляли взоры на бульварѣ, не закрывались вуалями и чтобъ почаще показывались въ будніе дни, отложивъ на сторону вязанье (Stricken) и вышиванье. Но обращаюсь къ буднишнему дню, къ дню дворянскому. Въ концѣ гулянья, вы увидите отличныхъ рысаконъ, чудныхъ иноходцевъ, кучеровъ, съ лицомъ

Юпитера Олимпійскаго, въ Русскихъ шубахъ тонкаго сукна, съ бобровою опушкою. Русскіе купцы, иностранные гости и конторщики, т. е. содержатели конторъ (см. выше) вдутъ на биржу. Я на биржу не пойду, потому что мнѣ тамъ дѣлать нечего. У меня нѣтъ товаровъ на продажу; у меня есть на продажу книги, а книги, какъ всѣмъ извѣстно, не товары и даже не принимаются въ залогъ, въ Коммерческомъ Банкѣ. Уголь, песокъ, известь — *товарь*, а книги — не *товарь*! Да притомъ же, что у меня за книги? *Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*, т. е. Исторія, Географія, Статистика и Исторія Русской Литературы, въ одномъ сочиненіи, въ 12 томахъ; все, что надобно знать образованному чловѣку; и что не научаетъ разбогатѣть *скорыми и легкими средствами*! Развѣ такія книги *товарь*? Конечно нѣтъ! *товарь мѣсяцословъ, календарь*, которые всѣмъ *нужны*, а *моя книга* не имѣетъ курса на биржѣ, гдѣ извлекаютъ выгоды тѣ только, которые съ роду не слышали о Русской Исторіи, Статистикѣ, Географіи и Литературѣ! Не пойду я на биржу и за тѣмъ, что если мнѣ надобно непременно ломать шапку и простуживаться, обнажая голову на открытомъ воздухѣ, въ 30 градусовъ мороза, то я лучше готовъ простудится, ломая шапку передъ *человѣкомъ*, нежели передъ *булажникомъ*, передъ *историческимъ именованьемъ*, нежели передъ *et Compagnie*, потому что изъ всѣхъ родовъ гордости и чванства самая несносная есть гордость денежная. Изъ всѣхъ родовъ идолопоклонства, самое глупое, было поклоненіе *златому тельцу* — въ пустыни!

Но соловья баснями не кормятъ! я уже сказываю

валъ вамъ, что могъ бы говорить до завтра, объ одномъ зимнелъ утръ и не зная, расположены ли вы выслушать даже то, что я здѣсь сбилъ въ кучу — иду обѣдать.

ОАДДЕЙ ВУЛГАРИНЪ.

годъ, на книги, деньги нужны на вистъ, на устрицы и на шампанское. Отъ этого порядка дѣлъ происходитъ то, что чѣмъ меньше расходуется Русскихъ книгъ, тѣмъ меньше появляется умныхъ книгъ, и Русскій умъ, не находя, по Русской пословицѣ, простору въ Русской литературѣ, прячется въ канцелярѣяхъ — а тамъ.... и поминай какъ звали.

Свѣтитъ солнце, не въ литературѣ, а на лѣвой сторонѣ Невскаго Проспекта, на нашемъ Риджентстритѣ, и превращаетъ въ алмазы иней на бобровыхъ воротничкахъ нашихъ щеголей и на опушкахъ пелеринъ и теплыхъ мантий дамъ, прогуливающихся между 3-мъ и 4-мъ часами. Премилое зимнее гульбище! Съ одной стороны изукрашенные блестящими товарами окна магазиновъ; съ другой первалъ въ свѣтъ улица, на которой быстро мчатся, или стоять на мѣстѣ богатые экипажи. Одинъ прѣзжій Французъ, прошедъ нѣсколько разъ по тротуару, вмѣшавшись въ толпу, воскликнулъ, въ удивленіи: «*Mais c'est la France, mon Dieu!*» Не мудрено было ошибиться Французу. Одежда Французская, языкъ Французскій, манера Французская, словомъ, какъ сказала Грибоѣдовъ: *Ни Русскаго лица, ни Русскаго слова*, потому что готическое рыльце, т. е. бородка съ усиками и прическа à la Moujik, руки въ карманъ, носъ вверхъ, лорнетъ, придерживаемый бровью и въ-комъ, совершенно измѣняютъ Русскую физиономію. Жаль, что во время гулянья носильщики и вообще чернѣй народъ не избираетъ для своей дѣловой ходьбы другой стороны Невскаго Проспекта, чтобы не подвергать опасности блистательныхъ дамскихъ уборовъ и не припоминать своими Русскими *бородками*, что мы не во Фран-

ціи! Какъ въ высшей атмосферѣ, т. е. за облаками, жизнь человѣческая поддержана другимъ условіемъ, по увѣренію воздухоплатателей, такъ и въ обществѣ человѣческомъ, на поверхности земли, вверху не то, что внизу. Наши предки прогуливались и гуляли только въ праздники, а современники посѣщаютъ бульваръ Петербургскій только въ дни будніе. Въ Воскресенье на бульварѣ другія лица, другіе люди, другіе наряды. Гулянье начинается раньше, и кончится благовременно. Въ этотъ день геройствуютъ на бульварномъ турнирѣ другіе рыцари, сидѣльцы иностранныхъ магазиновъ, конторщики иностранныхъ конторъ, и богатствомъ своихъ бекешей, ловкостью приѣмовъ и даже храбростью взглядовъ помрачаютъ совѣтниковъ своихъ, мелкихъ чиновниковъ. Правду сказать, есть для чего и похрабриться взглядами! Что за миленькія личичи, что за талии, что за привлекательная, наивная физиономія у этихъ Нѣмочекъ, Голландочекъ, Швейцарочекъ, которые, отслушавъ службу Божию въ четырехъ храмахъ, находящихся на Невскомъ Проспектѣ, прочитають долгомъ пройти разъ по бульвару, съ маменьками или тантинками. Нѣтъ силъ! Мирюсь съ Нѣмецкими ремесленниками, магазинщиками и конторщиками, ради ихъ милыхъ женъ и дочекъ! Готовъ охотно переплачивать лишнее въ магазинахъ на капоты и шляпки этимъ женамъ и дочкамъ, съ условіемъ, чтобъ онѣ не слишкомъ потупляли взоры на бульварѣ, не закрывались вуалями и чтобъ почаще показывались въ будніе дни, отложивъ на сторону вязанье (Stricken) и вышиванье. Но обращаюсь къ буднишнему дню, къ дню дворянскому. Въ концѣ гулянья, вы увидите отличныхъ рысаковъ, чудныхъ иноходцевъ, кучеровъ, съ лицомъ

Юпитера Олимпійскаго, въ Русскихъ шубахъ тонкаго сукна, съ бобровою опушкою. Русскіе купцы, иностранные гости и конторщики, т. е. содержатели конторъ (см. выше) ѣдутъ на биржу. Я на биржу не поѣду, потому что мнѣ тамъ дѣлать нечего. У меня нѣтъ товаровъ на продажу; у меня есть на продажу книги, а книги, какъ всемъ известно, не товаръ и даже не принимаются въ залогъ, въ Коммерческомъ Банкѣ. Уголь, песокъ, известь — товаръ, а книги — не товаръ! Да притомъ же, что у меня за книги? *Россия въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*, т. е. Исторія, Географія, Статистика и Исторія Русской Литературы, въ одномъ сочиненіи, въ 12 томахъ; все, что надобно знать образованному человѣку; и что не научаетъ разбогатѣть *скорыми и легкими средствами!* Развѣ такія книги товаръ? Конечно нѣтъ! товаръ *мѣсяцесловъ, календарь*, которые весьма нужны, а *моя книга* не имѣетъ курса на биржѣ, гдѣ извлекають выгоды тѣ только, которые съ роду не слышали о Русской Исторіи, Статистикѣ, Географіи и Литературѣ! Не пойду я на биржу и за тѣмъ, что если мнѣ надобно непременно ломать шапку и простуживаться, обнажая голову на открытомъ воздухѣ, въ 30 градусовъ мороза, то я лучше готовъ простудиться, ломая шапку передъ *человѣкомъ*, нежели передъ *булажникомъ*, передъ *историческимъ именованіемъ*, нежели передъ *et Compagnie*, потому что изъ всѣхъ родовъ гордости и чванства самая несносная есть гордость денежная. Изъ всѣхъ родовъ идолопоклонства, самое глупое, было поклоненіе *златому телѣцу* — въ пустынь!

Но соловья баснями не кормить! я уже сказываю

валъ вамъ, что могъ бы говорить до завтра, объ одномъ *зямнелъ утрь* и не знаа, расположены ли вы *выслушать* даже то, что я здѣсь сбиль въ кучу — иду *объдать*.

САДДЕЙ ВУЛГАРИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРАВДА НА СУДЪ.

(Премудр. Соломон. Глава I).

Правду, правду возлюбите, суди земли!
 Мудрствуйте, крѣпкіе святой благодатью,
 Но сердцемъ простымъ призывайте ее;
 Тотъ лишь будетъ мудръ, кто вѣрою полнъ;
 Благо тому, кто Творца искушать не дерзаетъ:
 Мысль строптивая Богу противна;
 Безумень, кто силу Его искусить возмечтаетъ!
 Въ душу злохудожну не сидеть премудрость,
 И въ тѣлѣ грѣховномъ жилища ей нѣтъ.
 Лести бѣжить благодать, помышлений
 Отъемется живыхъ, неправдѣ
 Вѣчно не будетъ подругой она.
 Духъ премудрости вмѣстѣ любовь всеблагая;
 Она отвергнетъ ложью горящи уста —
 Испытатель сердець — неправду на сердцѣ
 Видитъ она, и ложь обличитъ на устахъ.
 Тотъ ли, Кто всю наполняетъ вселенну,
 Тотъ ли сердець глубины не познаетъ?
 Нѣтъ! тайной предъ нимъ не будетъ неправда,
 И судъ Господень не сокрушитъ!
 Злоба порока судомъ обличится.
 Роптанье молвы не укроется втайнѣ.

Т. I. — Отд. I.

Шадите людей от клеветъ: тяжки онъ,
 И словомъ усть вашихъ душу погубятъ.
 Бойтесь смерти въ грѣхахъ, съ помышленьями злыми.
 Гибели вашей не хочетъ Господь —
 Всѣхъ васъ на жизнь Онъ создалъ и спасенье:
 Правдой безсмертны вы будете — правду блюдите.
 Образъ смерти неправда, и грѣшникъ,
 И клеветникъ въ животъ своемъ — мертвецъ!

Н. Л.

БУРЯ НА БАЛТИЙСКОМЪ МОРѢ.

Волны гложутъ грудь утеса,
 Въ морѣ ходитъ гулъ глухой,
 Солнце тонетъ, и завѣса
 Кроетъ все свинцовой мглой.

Ночь задвинула все небо;
 Тучи плещутъ, какъ валы,
 А валы, какъ духъ Эреба,
 Съ воплемъ бьются о скалы.

Вихрь спираль горами тучи
 И волну на волны гналъ,
 Лишь порою огонь летучій
 Мракъ змѣною разсѣялъ.

И корабль, что конь въ отвагъ,
 То мелькалъ, то исчезалъ,
 По горамъ коварной влаги,
 Словно бышennyй, скакалъ.

Вотъ — все небо огонь багровый
 Край изъ края вмигъ разсѣкъ,
 Озарилъ корабль весь снова —
 Близъ руля былъ человекъ.

Онъ спокойно, величаво,
 Бурю взорами слѣдилъ;
 На челъ горѣла слава —
 Онъ былъ полонъ Божьихъ силъ.

Снова огонь, какъ водопадомъ,
 Мореходцевъ окатилъ —
 Человекъ же гордымъ взглядомъ,
 Мнилось, бурю изумилъ!....

Пала буря. Нѣтъ волненья.
 Блещетъ небо, какъ алтарь.
 Кто-жъ корабль спасъ отъ крушенья?
 ПЕТРЪ, РОССІИ ГОСУДАРЬ.

Л. ЯКУВОВИЧЪ.

ХУДОЖНИКУ.

Какъ хороша, въ красъ священной,
 Мадонна дивная твоя!
 Живымъ искусствомъ упоенный,
 Дивилось, художникъ вдохновенный,
 Твоей высокой мысли я!

Она, незрима браннымъ окомъ,
 Въ святой, завѣтной тишинѣ,

Спала въ бездѣйствіи глубокомъ,
По вдругъ взвилась живымъ потокомъ
И разлилась на полотнѣ.

Гордись! Потомокъ благодарный
Тебя оцѣнить и пойметъ,
И тщетный гнѣвъ толпы бездарной,
Устами зависти коварной,
Твоей картины не сотретъ.

Но пѣть, художникъ вдохновенный,
Ты все славою не гордись,
И надъ толпой непосвященной,
Насмѣшкой дерзкой и надмѣнной,
На краткій мигъ не возноси!

Бѣги, ремесленникъ ничтожный,
Склони во прахъ свое чело!
Твоя картина очеркъ ложный
Съ мечты для кисти невозможной,
Твое искусство — ремесло!

Забудь торжественные звуки,
Разбей холодную скрижаль!
Иль нарисуй намъ лепетъ муки:
Надъ гробомъ Бога вздохъ разлуки —
Невыразимую печаль!

Иль жизнь вдохни въ ея страданье,
Подслушай тайный вздохъ ея,
Молитву слезъ и упованье,
И перелей ея дыханье
Въ живыя краски бытія!

Но пѣть! ты ихъ создать не можешь!
Ты бросилъ кисть, поникъ головой:

Ты черни грубой не встревожишь
И въ дикомъ гнѣвѣ уничтожишь
Бездушный, блѣдный снимокъ свой!

Не подходи къ своей картинѣ;
Къ ней холодной черни не зови —
Остановись на половинѣ
И полотню по серединѣ
Съ насмѣшкой горькой разорви!

ЭДУАРДЪ ГУВЕРЪ.

БАЛЪ.

(Посвящено отсутствующей).

*A la beauté brillante il faut un diadème,
Il faut une voile à la douleur....*

(M-me DESBORDES-VALMORE).

Печальна, пасмурна, бользненно-блѣдна
Явилась я на пиръ и роскошный, и шумный,
Стыдись передъ толпой своей тоски безумной
И думъ роковой безспорно предана.

Все ликовало, забавлялось,
Все радостью дышало вокругъ меня,
Но я всеобщаго веселія чуждалась,
Но имъ оскорблена была душа моя.
И шумъ, и свѣтъ, и блескъ, все тамъ меня дразнило,
Все издѣвалось нарочно надо мной;
Волнение бала шевелю
Во мнѣ мечты поры былой;

Напѣвы музыки мнѣ сердце раздирали,
 Какъ похоронный плачь они мнѣ завывали:
 Казалось, прошлаго я откликъ въ нихъ нашла,
 Казалось, скорбь они въ градущемъ предвѣщали
 И ихъ гармонія противна мнѣ была.
 Какъ пляшутъ отъ души красавицы младыя,
 Какъ весело, какъ любо имъ!....
 И дымки легкія, и розы вышисныя,
 Все занимаетъ ихъ. Балъ волшебствомъ своимъ
 Околдовалъ умы, зажегъ живые взоры,
 Далъ волю рѣзвости, движеньямъ и стопамъ,
 И вотъ вскружился вальсъ.... и вотъ по всѣмъ угламъ
 Пошли шептанья, разговоры.

Межъ-тѣмъ одна лишь я задумчива была,
 Одну меня улыбки миновали;
 Разказы, говоръ, смѣхъ, какъ дальній гулъ звучали —
 Я въ нихъ не вслушалась, я ихъ не поняла.
 Мнѣ лѣстивые привѣты докучали,
 Двухъ словъ имъ на отвѣтъ собрать я не могла,
 Я нехотя, небрежно танцовала,
 И казнью танцы были мнѣ.
 Невольно я всѣмъ сердцемъ тосковала
 И мыслила о милой старинѣ.
 Я вспоминала все, — и дни уединенья,
 И кругъ моихъ друзей, и ихъ пріемъ простой,
 И счастья быстрый сонъ — и чары вдохновенья,
 И все, что нѣкогда любимо было мной....
 Я вспоминала ихъ, мечтала и грустила,
 Но грусть мою старалася скрывать....
 Я знала, какъ смѣшно на праздникѣ скучать —
 Холодная толпа надъ мною бы шутила;
 Счастливицы не могли-бъ прискорбную понять!....

ГР. Е. Р.

Москва,

14 Февраля 1831.

НАЯДА.

=

Въ серебрѣ живомъ каскада,
 Жемчугъ сыпала наяда
 На волшебныя красы,
 И съ коварною улыбкой
 Подала мнѣ локонъ зыбкой
 Изъ разсыпанной косы.
 Къ красотамъ ея прикованъ,
 Я стоялъ, какъ очарованъ,
 При серебряной лугѣ....
 Но она, въ свой плащъ пѣзъ пѣны,
 Завернула быстро члены
 И пропала въ глубинѣ....

П. АЛЕКСѢЕВЪ.

ЗВѢЗДЫ.

=

Звѣзды, искорки святыя,
 Звѣзды, зерна золотыя
 На лазурномъ неба днѣ —
 Кто, рукою изъ зенра,
 На сапфирный черепъ міра
 Васъ рассыпалъ въ глубинѣ?
 Дщери пламенной денницы!
 Кто соткалъ вамъ багряницы?
 Кто васъ бросилъ въ океанъ?
 Хоръ вашъ ясный, хоръ летучій

Застылают часто тучи,
И на васъ лежить туманъ;
Но когда, во мгль пестря,
Вы, лампы эмпирей,
Запылаете свѣто —
Какъ младенецъ, наше око
Смотрите робко и высоко
На небесное чело...

П. АЛЕКСѢЕВЪ.

ЭЛЕГІЯ.

Не вѣрю больше я надеждъ,
Но въ сердцѣ та же все любовь,
И то, что волновало прежде,
Меня взволнуетъ нынѣ вновь!

Прошли, какъ дымъ, мечты и счастье,
На мнѣ легла судьбы рука —
Души исчезло сладострастье,
Осталась мнѣ одна тоска!

Къ чему жъ пустое сожалѣнье?
Что ужъ прошло, то не прійдетъ...
Но сердца муки и волненье
Едва ли время унесетъ!

Д. СУШКОВЪ.

ПѢСНЬ МАТЕРИ.

(Подражаніе Итальянскому).

=

Краса луговъ, краса природы,
Въ тѣни деревьевъ ручей течеть;
Сребристыя роскошно воды
Онъ, извиваясь, несетъ;
Въ воздушной синевѣ надъ нами
Плывутъ угрюмо сонмы тучъ,
Подъ голубыми небесами
Онъ скрываютъ солнца лучъ.

Такъ облака текутъ уныло,
Струится рѣзвый такъ ручей...
Засни, дитя; спи, отрокъ милый,
Въ объятяхъ матери своей!

Весною тихою все дышитъ,
И нѣжно волнами потокъ,
Какъ бы ласкаясь, колышетъ
Прибрежный, милый стебелекъ.
Проснись, цвѣтокъ, проснись на радость
И листья пышные раскрой;
Вкуси въ водахъ прохладныхъ сладость,
Прельсти весь берегъ красотой!

И влаги благотворной силой
Цвѣтокъ раскрылся, сталъ милый...
Засни, дитя; спи, отрокъ милый,
Въ объятяхъ матери своей!

Но вотъ — сошлись туча съ тучей,
Загрохоталъ небесный громъ,

И быстро изъ руки могучей
 Блеснула молнія огнемъ...
 Взвизавъ пѣль суровый вътеръ,
 Какъ славу счастья порывъ...
 А что цвѣтокъ? Онъ въ тотъ же вечеръ
 Упалъ, красу уныло скривъ...

И потопилъ цвѣтка могилу
 Струею хладною ручей...
 Засни, дитя; спи, отрокъ милый,
 Въ объятяхъ матери своей!

Н. ПАЧИМАДИ.

АДЛЕРСКАЯ ПѢСНЯ.

(На голосъ: Какъ по камышкамъ чиста рѣченька
 плыветь).

=

Плыветъ по морю флотъ кораблей,
 Словно стадо лебедей, лебедей.

Ахъ! жги, жги, жги, говори!
 Словно стадо лебедей, лебедей.

Волны по морю кипятъ и шумятъ,
 Межъ собою такъ рѣчь говорятъ:

Ай! жги, жги, жги, говори,
 Межъ собою такъ рѣчь говорятъ.

«Ужъ зачѣмъ это наши корабли,
 Какъ щетинною, штыками поросли?»

Ай! жги, жги, и проч.

Ужъ не будетъ ли Турецкая кровь
 Насъ румянить по старому вновь?

Ай! жги, жги, и проч.

Тучи по небу летятъ и шумятъ,
 Межъ собою онъ рѣчь говорятъ:

Ай! жги, жги, и проч.

«Для чего полны солдатомъ корабли,
 У орудій курится фитиль?»

Ай! жги, жги, и проч.

Ужъ не даромъ слетаются орлы,
 Какъ на пиръ, на Черкесскія скалы.

Ай! жги, жги, и проч.

Паруса надуваются, шумятъ,
 Что на палубахъ солдатушки сидятъ.

Ай! жги, жги, и проч.

Имъ сѣрейторы дѣлають нарядъ,
 Усачи молодцамъ говорятъ:

Ай! жги, жги, и проч.

«Эй вы, гой еси, Кавказцы, молодцы,
 Удальцы, Государевы стрѣльцы.

Ай! жги, жги, и проч.

«Посмотрите: Адлеръ мысъ недалеко —
 Намъ забрать его и славно и легко.

Ай! жги, жги, и проч.

«Каждый гоголемъ встряхнись, встрепенись,
Осмотри ружье, да въ шляпочки садись.

Ай! жги, жги, и проч.

«Съ кораблей врагамъ пару поддадутъ,
Черезъ головы намъ лдра заревутъ.

Ай! жги, жги, и проч.

«А чуть на мель — мы впередъ, усади!
Сумы въ зубы, въ воду по поясъ скачи.

Ай! жги, жги, и проч.

«Вражгихъ пуль не считай, не зъвай:
Мигомъ стройся, да команды ожидай.

Ай! жги, жги, и проч.

«И придетъ намъ потышиться пора —
Дрогнетъ Адмеръ отъ солдатскаго ура.

Ай! жги, жги, и проч.

«Бѣлымъ шагомъ на заваль, на заваль!
Тому честь и крестъ, кто первый добъжалъ.

Ай! жги, жги, и проч.

«Въ рукопашную пали и коли,
И валя, и усами шевели.

Ай! жги, жги, и проч.

«Намъ похвально, гренадеры, егеря!
Молодцами умирать за Царя.

Ай! жги, жги, и проч.

Намъ не диво, гренадеры, егеря!
Пить побѣдную чару за Царя.

Ай! жги, жги, жги, говори!
Пить побѣдную чару за Царя!

44-хъ пушечный фрегатъ Анна.

5 Июня 1837 года.

ПАМЯТИ ДЕЛЬВИГА.

Блаженъ, кто съ пылкою душою
Въ себѣ даръ неба сочелъ,
Кто сталъ высоко надъ толпою,
Ея не требуя похвалъ!
Блаженъ, кто сердцемъ неподкупнымъ
Умѣлъ прекрасное цѣнить,
Умѣлъ кто свято сохранить,
Въ душѣ пороку недоступной,
Свой рѣдкій вдохновенъ даръ!
Кто чувствъ божественный пожаръ
Не угашалъ для выгодъ свѣта;
Кто на землѣ здѣсь исполнялъ
Вполнѣ призваніе поэта,
И за восторгъ святой привѣта
Кто отъ людей не ожидалъ!
Блаженъ, кого вѣнцомъ лавровымъ
Творецъ достойно наградилъ,

Чей геній, тверческій и новыи,
 Онъ благодатью осынилъ!
 Блаженъ, кто здѣсь стезей тернистой
 Прошелъ чрезъ жизненную степь,
 Кто несъ покорно жизни цѣпь,
 Врагомъ былъ зависти нечистой,
 Любилъ въ тиши добро творить,
 Прощать гоненя и обиды,
 Кто жилъ, пороками забытый,
 Чтобы врагамъ благотворить!
 Но тотъ блаженный, кто душою
 Ему бывъ равенъ, какъ собратъ,
 Читъ память дружно слезою;
 Въ чьемъ сердцѣ вѣчно говорятъ
 О другѣ чувства съ юной силой,
 Кому онъ живъ и за могилой;
 Кто читъ съ святѣею наравнъ
 Высокій даръ, тотъ даръ безцѣнный;
 Кто самъ, тѣмъ даромъ вдохновенный,
 Подъ часъ пролетѣть наединѣ
 Слезу на память брата, друга,
 Пѣвца восторженный полетъ
 Съ душою собственной сольетъ,
 И въ дивныхъ, безотчетныхъ звукахъ
 Поэта стихъ передаетъ....

1838 года 6 Января.

ЛЪНЬ.

(Притча).

У богача въ дому
 Всѣхъ славныхъ славностей безъ счета было,
 Но отъ безпечности нерѣдко приходило
 Взаимы просить ему

У бѣднаго сосѣда,
 Для пира, или для обѣда
 Необходимыхъ мелочей,
 И смѣсю роскоши съ ничтожнымъ недостаткомъ
 Смѣшнить людей.
 Ну, чтобъ ему, распорядясь порядкомъ,
 Имѣя кучу серебра,
 Изъ своего жъ добра
 Обзавестись чинъ чиномъ
 И жить ужъ прямо господиномъ?
 Да, пагубница лѣнь
 Родилась прежде насъ! Мы только Бога просимъ,
 Чтобы какъ нибудь пронесъ онъ *этотъ* день,
 А *завтра* — на авось все бросимъ!

* * *

Конечно — Русское авось
 На штурмъ — чудеса, а ужъ въ дому — хоть брось!

КНЯЗЬ А. ШАХОВСКОЙ.

МОГИЛЬНЫЕ ЦВѢТЫ.

=

Взгляни: надъ свѣжею могилой,
 На эти пышные цвѣты:
 Какою жизненною силой
 Раскрылись полные листы?

Не другъ печальный ихъ посылъ
 На память горести своей,
 Не онъ ихъ втайнѣ возлелѣлъ
 Надъ прахомъ тлѣющихъ костей;

И не любовь ихъ поливала
 Своей живительной слезой,

И не она ихъ укрывала
Подъ разъяренною грозой.

Какой же творческою силою
Они такъ пышно разцвѣли,
Надъ безъименною могиллою,
На почвѣ смерти возрасли?

Не гробъ ли мрачный въ нихъ дышаеъ
Благоуханіе весны?
Не смерть ли жизни питаеъ
Среди могильной тишины?

Они надъ пепломъ разрушенья,
На человѣческихъ гробахъ,
Растутъ залогомъ воскресенья
Въ другихъ невѣдомыхъ странахъ!

ВЪДУРАДЪ ГУБЕРЪ.

ДУМА.

=

Какъ безмолвна она — неба черная мгла!
На свинцовомъ коврѣ ночь огни развела
И въ эфирныхъ струяхъ спитъ небесъ глубина;
Какъ серебряный серпъ, на востокъ луна.
Я уныло глжу на небесную даль,
И въ груди, какъ змѣя, шевелится печаль;
Какъ живой Прометей на Кавказской скалѣ,
Я прикованъ стою на печальной землѣ,
И не коршуна клювъ, и не когти орла —
Раздираетъ мнѣ грудь грядущая мгла.....

П Р О З А.

ЧИНЫ и ДЕНЬГИ.

C'est toujours une histoire bien simple que
celle d'un coeur passionné.

Альбер, де Виньи.

=

I.

Письмо Вадима Сви́рскаго къ его сестрѣ.

С. Петербургъ, 14 Февраля 18.. г.

Сестра! какая мысль родилась въ твоёмъ воображеніи? Откуда любопытство въ этомъ воображеніи всегда спокойномъ, безпристрастномъ, холодномъ, какъ ледъ, покрывшій теперь мои окна?..... Чего хочешь ты отъ меня? Ты хочешь, чтобы я разсказалъ тебѣ, и подробно и откровенно, все, что было со мною въ эти *четыре мѣсяца*, проведенные мною въ Москвѣ!.....

Но для чего-жь не просишь ты восторженного употребителя опиума, чтобы онъ повѣдалъ тебѣ о тысяцѣ волшебныхъ приключеній, въ часы искусственного сна, съ нимъ бывшихъ? Почему не требуешь ты, чтобы онъ передалъ тебѣ въ словахъ земныхъ, въ словахъ человѣческихъ тѣ радости, тѣ чувства, тѣ ощущенія внѣ предѣла бытія нашего, которыя посылаетъ ему упопительная сила употребляемаго имъ напитка?.....

Т. I. — Отд. I.

12

Другъ мой! чары любви, какъ чары опіума — понятны только тѣмъ, кто испыталъ ихъ! Непосвященнымъ не дано проникнуть въ ихъ загадочную по-вѣсть, и голосъ страстей всегда останется дикимъ и чуждымъ для безстрастія. А ты — что можешь быть невиннѣе и безгрѣшнѣе твоей души, тихо раз-вившейся въ тѣсномъ мірѣ домашней жизни, въ уединеніи и молитвѣ? Горлица хочетъ извѣдать сти-хію саламандра! И какъ рассказать, и какъ описать мнѣ огненные порывы моего сердца, знойные дни моего счастья? Предпріятіе безумное! Языкъ чело-вѣческой слишкомъ бѣденъ, слишкомъ ничтоженъ — не ему выражать богатства нашего сердца, и раз-скалъ любви, какъ портретъ красавицы, вѣчно оста-нется неудовлетворительнымъ, неполнымъ.

Видно впрочемъ, что ты не любила! Иначе, ты не говорила - бы такъ просто: *«Хочу, мой Вадимъ, хочу знать, кто эта огаровательница, отлившая у насъ лучшую часть твоего сердца, и для которой такъ безсовѣстно укоротилъ ты свое пребываніе у насъ, свиданіе, вълюленное многолѣтними желаніями стараго отца и бѣдной, одинокой твоей сестры? Опиши же мнѣ, гдѣ и какъ ты съ ней познако-мился, какъ вы сошлись, какъ объяснились, какія надежды теперь ты имѣешь — словомъ, все, да, все, что относится до поѣздки твоей въ Москву, что было съ тобою, ежедневно, ежеминутно...»*

Признаться, другъ Катя, эти строки показались мнѣ такъ странны, что я придумать не могъ, какъ мнѣ на нихъ отвѣчать! Если-бы не тѣсная дружба отъ младенчества насъ связавшая, если-бы не все-гдашняя снисходительность твою, снискавшая вполнѣ мою довѣренность — я не рѣшился-бы подѣлиться завѣтной тайной моего сердца, первыми порывами *первой, но — вѣчной* любви. Не уважить твоего же-

ланія была-бы неблагодарность, и я попытаюсь — слышишь, сестра — *попытаюсь* высказать въ мер-твыхъ словахъ мои живыя чувства.

Мы росли вмѣстѣ, и ты знаешь, какимъ свѣтлымъ мечтаніямъ я предавался, рисуя мысленно черты и прелесть женщины monkъ безотчетныхъ грезъ; ты знаешь, какими восторгами пылала душа моя заранѣе для чистаго идеала отроческихъ дней — но ты не знаешь, но ты не можешь понять, какъ жестоко существенность разбила эти надежды, эти сны, какъ страдалъ я, когда безпрестанные опыты приводили меня къ новымъ обманамъ, и каждая встрѣча отни-мала у сердца моего по заблужденію, у души моей по вѣрованію. Я долженъ былъ признаться себѣ, что *воображаемая* была слишкомъ не-земна, что мнѣ не найти ея на землѣ — и пламенное изсту-пленіе, для нея приготовленное, замѣнилъ я пошлыми впечатлѣніями, столь же легко забываемыми, какъ сны съ пробужденіемъ. Мнѣ жаль было отдать мое сердце, *все сердце* той, которая не могла его по-нять. И я дробилъ его на мелкія искры неполныхъ чувствъ. И я оставался равнодушнымъ къ деревен-скому кокетству нашихъ сосѣдокъ, и къ гордой неприступности Петербургскихъ красавицъ. Никогда голосъ страсти не пробуждалъ моей души, никогда умиленіе не повергало меня въ прахъ передъ милымъ существомъ! Я насильно забиралъ себѣ въ голову двухъ-дневную фантазію — но только для того, чтобы слѣдовать обычаю, чтобы не отставать отъ рѣзвыхъ товарищей моей молодости. Разсудительно и медленно обдумывалъ я свои планы; холодно при-ступалъ къ ихъ исполненію; систематически бралъ кольца, ленты, волосы; спокойно, раскуривая трубку, писалъ письма, дышавшій страстью; получалъ запи-сочки на атласистой бумажкѣ, и отправлялъ въ

огонь всё эти трофеи моих шалостей, когда арсенал мой ими наполнялся. Но при всемъ этомъ, сердце мое билось такъ же ровно, какъ въ дѣтствѣ за геометрическимъ чертежемъ, и въ моей душѣ было пусто, какъ въ глуши степной...

Однако, что-жъ дѣлало оно, это сердце, рожденное для жаркихъ страстей? Чѣмъ жило это воображеніе, тревожное и алчное, привыкшее питаться восторгомъ и мечтами?... О! они не участвовали въ жизни суетностей; они жили въ другой сферѣ — они все болѣе и болѣе жаждали любви и счастья, просили высокыхъ чувствъ и высокой цѣли; они томили меня, какъ лишняя ноша; они преслѣдовали меня въ этомъ разсыянномъ быту, куда я погружался, чтобы заставить ихъ забытья... И въ часы уединенія, по прежнему, вымалывалъ я у непреклонной судьбы исполненія моихъ раннихъ думъ, олицетворенія моихъ юныхъ сновъ! Но нигдѣ, нигдѣ не находилъ я суженой для моей взыскательной мечты! Я задумалъ невозможное, искалъ высоко и далеко, и обыкновенное меня не удовлетворяло, сердце мое оставалось безъ кумира, и я былъ одинокъ...

Одна послѣ другой, женщины мелькали передъ моими глазами, были въ моихъ объятіяхъ, не оставялъ себѣ ни тѣни завѣтнаго воспоминанія, ни минуты сожалѣнія. Чѣмъ болѣе хотѣлъ я совершенствъ, тѣмъ строже судилъ недостатки. Въ одной мнѣ надѣдала пошлая нежность безъ характера и безъ страсти: она любила не *меня*, но любила *кого-нибудь*, перваго, приведеннаго къ ней случаемъ, потому, что она думала, будто ей *должно было* любить. Въ другой меня ужасалъ легкомысленное забвеніе всѣхъ законовъ, всѣхъ святыней, всѣхъ правилъ: она ни одной слезы раскаянія, ни одной борьбы съ совѣстью не принесла мнѣ въ жертву, а мѣ,

мужчины, мы хотимъ дорого стоить женскому сердцу, хотя и не многіе изъ насъ знаютъ цѣну женской преданности. Въ третьей главной причинѣ забывчивости была пылкость воображенія, безпокойнаго и непостояннаго, а сердце ея всегда отставало отъ головы. — Тутъ, умъ безъ сердца — тамъ, кокетство и себялюбіе; далѣе... О, далѣе хуже всего — развратъ, холодный, рассчитывающій развратъ, который, забывъ всю стыдливость, всю скромность женщины, подобно намъ, повѣсамъ, приготовляеть заранѣ свои связи, и падаетъ съ сознаниемъ и паденія, и вины!

Вотъ чему научился я съ годами, и вотъ что нашла я, преслѣдуя созданіе моихъ думъ! Судя же, какова была моя опытность, и какова должна быть та, которая примирила меня съ женщиною, которая осмыслила для меня и свѣтъ, и жизнь, которая познакомила меня съ обезумляющимъ счастьемъ! Но при мысли о *ней* все мѣшается, все кружится около меня — дамъ пройти этой бурѣ воспоминаній, и потомъ опять примусь рассказывать тебѣ, какъ должно

Когда я оставилъ васъ, батюшку и тебя, спѣшна изъ стараго нашего Уютова хлопотать въ Москвѣ по дѣлу моего пріятеля, я твердо намѣренъ былъ возвратиться черезъ нѣсколько недѣль, и посвятить вамъ всѣ дни моего отпуска. Я хотѣлъ только удовлетворить давнишнее желаніе мое — посмотреть на древною столицу, куда до тѣхъ поръ не заносила меня недвижная звѣзда моего жребія. Двойная занимательность манила меня къ берегамъ Москвы рѣки, но сильнѣйшею было побужденіе священное: хотѣлось Русскому сердцу подышать Русскою стариною, ея преданьями и воспоминаньями, названными славою, духомъ народнымъ, безпредѣльною любовью къ отечеству! Меня влекло неодолимое желаніе помолить-

ся въ соборахъ, гдѣ молилась Москва 12-го года; полюбаваться тѣмъ Кремлемъ, отъ котораго не разъ бѣгали, и дикія толпы сыновъ Чингиса, и рати Поляковъ, тѣмъ Кремлемъ, что былъ предѣломъ всепоглощающаго исполина, роковымъ камнемъ преткновенія на пути завоевателя полувселенной, тѣмъ Кремлемъ, съ оградъ котораго ни одинъ зубецъ не палъ передъ вражьиимъ насилиемъ! Меня порывало вступитъ въ это сердце Россіи, въ городъ, пережившій все событія отечественной исторіи, бывшій многовѣчнымъ свидѣтелемъ всѣхъ ея переворотовъ. Мнѣ хотѣлось отыскать, осмотрѣть послѣднія развалины, гдѣ, гдѣ оставшіяся среди воскреснувшей Москвы гордымъ памятникомъ единственнаго въ мірѣ самоотверженія — этого добровольнаго пожара, который не имѣлъ примѣра и вѣрно не будетъ имѣть его въ лѣтописяхъ міра. Надобны сердца и патріотизмъ, совершить такое дѣло, а у другихъ народовъ остались только промышленность и рассчетъ. Москвичи! вы зажгли свои дома, дома, гдѣ родилось, гдѣ жило столько вашихъ предковъ, дома, гдѣ столько поколѣній оставили свои воспоминанія, гдѣ таились и ваши собственныя — вы принесли ихъ въ жертву за родину, и жертва ваша не осталась безъ мести. Кровавое зарево предсказало паденіе Непобѣдимому, и не стало того, кого девятнадцатый вѣкъ, глаголомъ порабожденной Германіи, въ страхъ и трепетъ называлъ *der Mann des Schicksal's* (мужъ судьбы)!

Таковы были мысли мои на пути въ Москву, и сообщивъ ихъ тебѣ, долженъ-ли я еще упомянуть о второй причинѣ моей поѣздки? Признаться-ли, что моя память была полна разсказами нашихъ гвардейцевъ о привѣтливой гостепріимности Москвичей и миловидности Москвитянокъ; что я желалъ имѣть понятіе по опыту о веселомъ житьѣ залетной

молодежи Петербурга на рубежъ устарѣвшей и радужной Москвы?... Къ этимъ описаніямъ, существовавшимъ взялась прибавить убѣжденія, и я не рѣдко могъ повѣрять ихъ, любуясь прелестными образцами, которые Петербургъ присвоилъ себѣ, и что, мимоходомъ сказать, немало дразнило коренныхъ приневскихъ красавицъ. Неоднократно бывалъ я скромнымъ повѣреннымъ любви моихъ пріятелей къ очаровательнымъ переселенкамъ изъ Москвы, и у меня въ ушахъ звенѣло похвалою Москвичамъ, панегириками вздыхателей, даже ревнивыми пенями отверженныхъ и жалобами завистливыхъ. Все это образовало въ моихъ мысляхъ какое-то пристрастіе къ согражданамъ этихъ милыхъ существъ, столь обожаемыхъ, столь бранимыхъ Москвитянокъ!

Не описываю тебѣ, какимъ пылкимъ мечтателемъ подвѣзжалъ я къ бѣлокаменной, какимъ възыскательнымъ пилитримомъ озирался я на улицы и дома, едва проѣхавъ заставу, и жаждая уже той старинны, той оригинальности, которыхъ ожидалъ. Не рассказываю и того, какимъ фанатикомъ *Среднихъ стокко* проводилъ я дни и ночи въ Кремль, въ соборахъ, передъ церковью Василія Блаженнаго, излщнымъ произведеніемъ забытаго теперь зодчества — все это дѣло стороннее. Скажу только, что когда я насмотрѣлся, находилъ, утолялъ свою душу, мнѣ стало пусто и дико въ мѣстахъ, гдѣ я былъ одинокъ, какъ будто съ неба упавшій. Я переглядѣлъ все, что манило воображеніе, все, что привлекало душу, и наконецъ, нѣмая бесѣда съ нѣмыми камнями мнѣ надоѣла.

Я вздумалъ обѣгать гульбища: всѣ они были пусты. Сады и бульвары безмолвствовали, какъ-будто приговоренные къ торжественной тишинѣ Египетскихъ развалинъ, а если кое-гдѣ и показывались на нихъ два,

три лица, то и они скорѣе напоминали Египетскихъ мумій въ распешренныхъ нарядахъ, или даже почтеннаго аписа, съ крокодилами и луковницами, чѣмъ свѣжія, молодыя личики, мною отыскиваемыя. Со вздохомъ вспомнилъ я нашъ шумный проспектъ, гдѣ ежедневно роятся разнообразныя толпы, гдѣ каждое утро пирь глазамъ, выставка тонкихъ становъ и стройныхъ ножекъ.

Я бросился въ театръ, и нашелъ мракъ, темнѣе осенняго, пару кресель, занятыхъ почтенными фигурами съ того свѣта, и одну полную ложу, гдѣ грызли орѣхи. Я высидѣлъ до конца спектакля, потому, что спалъ непробудно. Наконецъ, досадуя на мои неудачи, я прибѣгнулъ къ моему единственному знакомцу въ цѣломъ городѣ, къ рыжему Нѣмцу, содержателю гостиницы, гдѣ я остановился, и сталъ его спрашивать: куда дѣвались жители Москвы? Мой Нѣмецъ растолковалъ мнѣ, что всѣ они еще разсыяны по дачамъ и помѣстьямъ; что лѣтомъ и осенью городъ почти пустъ, и что Московская зима, пора жизни, движенія, веселости, начинается не прежде поры снѣговъ, около Ноября.

А тогда кончался только Сентябрь, и дожидаться Ноября значило потерять даромъ время отпуска. Я задумалъ о возвратѣ къ вамъ, окончили успешно порученное мнѣ дѣло, и съ дорожною въ карманѣ пошелъ въ послѣдній разъ побродить по улицамъ.

Ты не можешь себя вообразить, что такое значить сиротство въ пустынь большого города: это чувство самое тягостное, самое грустное; я испыталъ его вполне, провелъ нѣсколько дней самыхъ неприятныхъ, и между тѣмъ, мнѣ было жаль покинуть Москву! Я мечталъ найти въ ней что-то особенное, и неисполнившіяся мечты упали на душу какъ обманъ. Мнѣ не хотѣлось уѣзжать въ этомъ

расположеніи. Я былъ въ какомъ-то непонятномъ ожиданіи, и дорого-бы далъ, чтобы какое нибудь обстоятельство вывело меня изъ него. Судьба на этотъ разъ упредила мое желаніе. Нечаянно встрѣтилъ я добраго знакомаго моего, Л., подобно мнѣ забѣгаго изъ Петербурга, и котораго никакъ не полагалъ я найти такъ близко подлѣ себя. Послѣ изъявленій взаимной радости пошли распросы, тоже взаимные, и Л. объявилъ мнѣ, что я могу поздравить его женихомъ. «Завтра моя свадьба» сказалъ онъ мнѣ — женись на дочери богатѣйшаго и счастливѣйшаго откупщика; беру изрядную невесту и красивый миллионъ въ придачу! Какъ видишь — не дурно?» Я прежде поздравлялъ съ невестою — тутъ долженъ былъ поздравить съ миллиономъ, который, казалось, несравненно болѣе занималъ Л. Онъ сообщилъ мнѣ свои планы для будущаго. «Долой мундиръ, поселюсь здѣсь, буду себя жить на волю, да возить жену по баламъ и давать ей праздники!» сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ. Но вдругъ вспомнилъ онъ, что прежде исполненія этихъ замысловъ ему надлежало позаботиться о обстоятельствѣ, гораздо ближе предстоящемъ. Его невеста, желая блеснуть всеми средствами, настоятельно требовала, чтобы у него были на свадьбѣ два шафера, и одинъ непременно гвардеецъ. Разсвѣянный женихъ не подумалъ заранѣе, какъ это сдѣлать, и зная, что никого изъ его товарищей не было въ Москвѣ, находился теперь въ крайнемъ затрудненіи. Услужливая судьба, которая рѣшилась не отпускать меня въ дорогу, свела его со мною; чтобы разомъ удовлетворить всему, Л. убѣдительно просилъ меня держать надъ нимъ вѣнецъ, и за троихъ танцевать на балѣ, который онъ намѣренъ былъ дать черезъ нѣсколько дней. Я охотно

общаясь то и другое, и въ тотъ же вечеръ былъ представленъ въ семью откущика.

Тутъ нашелъ я толпу женщинъ, и молодыхъ и старыхъ, но ни тѣни той образованности, тѣхъ ловкихъ приемовъ, которые ожидалъ найти. Я былъ въ замѣшательствѣ. «Видно», думалъ я, «что Москвичи, какъ заговоренный кладъ, не даются моему любопытству!»..... Л..... пришелъ мнѣ на помощь. «Не удивляйся — сказалъ онъ — это все *замосквортыге*, знакомые и родня твоя, которыхъ никогда не увидишь ты въ хорошемъ обществѣ. Но мать моей невесты изъ знатныхъ; у нея много тетусекъ и *кузинъ* совсѣмъ другаго разбора. Къ нимъ посланы приглашенія, и всѣ онѣ съѣдутся къ моему балу. Тогда, *mon cher*, тогда посмотришь....»

И я въ самомъ дѣлѣ — *посмотрѣлъ!* Въ день бала, огромный домъ, занимаемый молодыми, наполнился женщинами, изъ которыхъ самыя *посредственныя* могли быть названы *хорошенькими* въ другомъ мѣстѣ, не столь богатомъ красавицами. Но тутъ красавицы развлекали взоры, дробили вниманіе, не давали разглядѣть себя поодиночкѣ — такъ много было ихъ въ большой залѣ. Тутъ увидѣлъ я, что ни какіе рассказы не были увеличены. Первые минуты бала я провелъ въ чадѣ, въ волненіи страстнаго любителя живописи, котораго заставили-бы пробѣжать галереи del palazzo Pitti, не давъ ему остановиться ни передъ одной картиной, и въ воображеніи котораго все видѣнное мелькомъ долго рисуется въ фантастическомъ безпорядкѣ. Неотвязчивый Л..... не позволилъ мнѣ пропустить ни одного контраданса, и я едва успѣвалъ приглашать дамъ. Но скоро глаза мои остановились на моемъ *vis-à-vis*, восемнадцати-лѣтнемъ личикѣ, въ которомъ нашелъ я что-то столь пѣвнито-пѣвнито, что оно неволь-

но заставило меня забыть всѣхъ другихъ. Стройна, ловкая, съ благородною поступью богини, съ улыбкой граціи — она не касалась пола, она порхала какъ сифида, скрадывая всѣ движенія ногъ подъ небрежною пріятностью своихъ остановокъ. Она не танцевала — она мѣняла мѣста и тѣлодвиженія. — Черты правильныя и тонкія, черные глазки, полные смѣшленности и выраженія, изящная головка съ темно-русыми кудрями, которые такъ мило, такъ игриво отгъивались подъ розовымъ выномъ; блѣлое, прозрачное платье, которое такъ легко обвивалось около нея. . . . Мои взоры, какъ околдованные, не могли съ ней разстаться. — Сестра! сердце мое было ново: когда я увидѣлъ *Вгору* — я почувствовалъ, что ему наступило совершеннолѣтіе!.....

Знакомство началось вальсомъ; потомъ я просилъ на контрадансъ; наконецъ робко позвалъ и на мазурку. Съ коварною улыбкой сказали мнѣ: *да*, и въ послѣдствіи — въ дни взаимной откровенности, очаровательница призналась мнѣ, что она въ этотъ же вечеръ замѣтила и преслѣдованіе моихъ жадныхъ взоровъ, и неловкую нетерпѣливость моихъ частыхъ приглашеній....

Говорятъ, у каждой изъ васъ есть что-то въ родѣ *чутья*, что васъ тотчасъ извѣщаетъ о новой побѣдѣ вашей, даже часто прежде нежели она совершена, такъ, что вы предвидите поклонника, когда онъ самъ еще не знаетъ о своемъ порабоженіи. Въ этотъ разъ чутье не обмануло моей красавицы!.....

Я ждалъ перваго звука благодѣтельной мазурки, какъ Римъ ждетъ перваго удара колокола, возвѣщающаго ему окончаніе конклава. Мнѣ было самому странно и смѣшно неукротимое волненіе моего сердца, до сихъ поръ столь чуждаго бальной суеты, что оно и не подозрѣвало поэзи заветнаго танца! Я

не понималъ себя, но впервые былъ увлеченъ и не противился увлеченію. Наконецъ первый смѣчекъ коснулся первой скрипки, оркестръ залился громкимъ триллеромъ, и кавалеры бросились въ другія комнаты за стульями. Всякая пара хлопотала о своемъ мѣстѣ; зала оглушилась тревогою, толкотнею, шарканьемъ, словомъ — всѣмъ безпорядкомъ, предшествующимъ водворенію порядка, этому расположенію на зимнихъ квартирахъ — мазуркѣ, которую самъ чортъ выдумалъ нарочно, чтобы бѣсить ревнивыхъ мужей и заботливыхъ матушекъ! Мазурка — это душа бала, цѣль влюбленныхъ, телеграфъ толковъ и пересудовъ, почти провозглашеніе о новыхъ свадьбахъ — мазурка, это два часа, высчитанные судьбою своимъ избраннымъ въ задатокъ счастья всей жизни...

Я выбралъ мѣсто между двухъ колоннъ, гдѣ нескромные сосѣды не могли мѣшать мнѣ свободнѣе налюбоваться своею дамою и вдоволь съ нею наговориться. Я ужъ желалъ отстранить ее отъ толпы; я ужъ начиналъ испытывать то исключительное чувство, которое стремится отнять у цѣлаго свѣта любимый предметъ, чтобы никто не могъ — ни словомъ, ни же взоромъ — встревожить его ревниваго созерцанія, раздѣлить его недѣльных наслажденій!

Какъ быстро пролетѣли вы, первыя минуты новорожденной любви и разсвѣтающаго счастья, минуты, которыми рѣшилась загадка жизни, которыми довершилось очарованье непокорнаго!!.....

Веселая, непринужденная, моя волшебница съ первыхъ словъ обошлась со мною безъ всякихъ ужимокъ, и въ четверть часа мы ознакомились совершенно. Разговоръ ея, кипящій остроуміемъ и умомъ, показалъ мнѣ вмѣстѣ и отличное воспитаніе и рѣд-

кія дарованія природы. Дѣтская шаловливость сливалась въ ней съ восхитительною скромностью, а между тѣмъ, глаза ея, безъ ея вѣдома, обѣщали всѣ сокровища чувства и высказывали душу необыкновенную. Не могу объяснить почему, но мы сблизились мечтами, какъ-будто пророческіе сны и ее ранѣе ко мнѣ приучили, какъ-будто и ея душа, подобно моей, ждала, искала и нашла. Къ концу бала я былъ влюбленъ безъ памяти, и, скажу откровенно, я могъ надѣяться, что Вѣра не совсѣмъ ко мнѣ равнодушна...

Разумѣется, что я спѣшилъ развѣдать, кто она, и гдѣ и какъ можно съ нею встрѣтиться. Узнавъ, что ея родные живутъ открыто, и принимаютъ въ положенные дни, немедленно былъ я имъ представленъ. Клирмовыхъ посѣщало лучшее общество, и домъ ихъ считался хорошимъ и пріятнымъ. Меня встрѣтили очень благосклонно, пригласили *бысть за просто*, и скоро я сталъ всѣдневнымъ гостемъ.

Тогда наступила новая эра моему существованію, эра восхитительная, незабвенная, эра пылкихъ радостей, волшебныхъ грёзъ, невыразимыхъ ощущений! Среди шумной толпы, я не видалъ ничего кромѣ Вѣры, я слышалъ ее одну, не отходилъ отъ нея, и длинныя сердечныя бесѣды часъ отъ часу сближали насъ. Я читалъ въ ея впечатлительной душѣ всѣ чувства, которыя пробуждалъ въ ней, всѣ чувства, которыхъ до меня она не знала. Съ неописанной гордостью слѣдилъ я за постепенными успѣхами моими въ ея довѣріи, въ ея привязанности. Я видѣлъ, какъ отъ ребячливой суетности, она переходила къ женской чувствительности; какъ образъ мой заслонялъ ее отъ всѣхъ искушеній тщеславія; какъ возраждалась и какъ развивалась ея страстная душа, теперъ знакомая со всѣми возвышенными вдохнове-

ниями истинной любви. Я видѣлъ, что она платила мнѣ любовью за любовь, что ея сердце стало вѣрнымъ отголоскомъ моего собственнаго.

Когда, бывало, въ длинной гостиной, во всѣхъ углахъ возникали группы разговаривавшихъ, сходились, расходились, мѣшались, Вѣра, съ изобрѣтательностію, достойною своей цѣли, занявъ искусно тѣхъ изъ подругъ своихъ, которыхъ личное участие не занимало, умѣла расположиться такъ, что мнѣ всегда оставалось мѣсто возлѣ нея, и она казалось исполнявшюю всѣ обязанности хозяйки дома, между тѣмъ, какъ только на мнѣ одномъ сосредоточивалось все ея вниманіе... Тогда — мы находились среди людей, но были не *ихъ міра*, но дышали этою жизнью *одвоель*, въ которой одни мы понимали другъ друга, въ которой каждое слово, промолвленное украдкой, становилось безцѣннымъ залогомъ, каждый взоръ отрадою сердца. Волненье неизвѣстности насъ тревожило; но что можетъ быть сладостнѣ этой тревоги, въ которой такъ много упований? Что можетъ быть восхитительнѣ этихъ первыхъ дней взаимности, которые дышатъ трепещущимъ очарованіемъ таинственности, такъ, что едва ли ихъ можно промѣнять на спокойное обладаніе самымъ счастьемъ, на тихую увѣренность признанной любви?.....

Мы еще не высказали роковаго признанья, когда наши сердца уже перешептались и сговорились. Другъ мой!... о, какъ все переинилось, и во мнѣ и кругомъ меня!.... Какъ полна стала моя жизнь, до той поры истомленная безжизненностію! Какъ страстно привязывался я къ милому существу, которое съ каждымъ часомъ узнавалъ лучше, цѣнилъ выше! Въ такихъ годахъ, съ душой столь новой, она была дитя во всѣхъ мысляхъ своихъ, когда онѣ не каса-

лись меня, но въ отношеніяхъ нашихъ, она показывала всю нравственную силу женщины, всѣ богатства любви неистощимой, глубокой, гордчей.

Какъ мучилъ я ее своею ревностію, своими причудами, своимъ воображеніемъ, пугливымъ и раздражительнымъ! Она поетъ прекрасно, а я не могъ терпѣть, чтобы ея голосъ служилъ забавой цѣлому обществу равнодушныхъ, чтобы его звуки терялись въ невнимательныхъ ушахъ, когда они приносили мнѣ небесное удовольствіе. Вѣра перестала пѣть на своихъ вечерахъ; она бросила къ ногамъ моимъ любимую добычу женскаго тщеславія, груду лесты, похвалы, рукоплесканій. И каждый разъ, когда непреклоннымъ отказомъ отвѣчала она на просьбы дилеттантовъ, ея долгій взоръ робко останавливался на мнѣ, сверкая самодовольствіемъ ея, что она могла *лишь* угодить. Вѣра страстно любила танцы, а я не могъ видѣть, какъ другой — другой, а не я — дерзновенно обхвативъ ея легкой станъ, похитивъ ея руку, стремился съ нею въ головокружной быстротѣ вальса — и Вѣра перестала вальсировать, со всѣми — кромѣ меня. Напрасно умоляли ее кавалеры, напрасно молоденькія и пожилыя дѣвушки съпали коварныя замѣчанія и значительныя улыбки. Отъ первыхъ отдѣлывалась она гордою неприступностію; отъ другихъ отпучивалась мѣткими колкостями собственныхъ наблюденій и доказательствомъ неумолимой прозорливости. О! она знала науку свѣта!.... За то, какимъ подобострастіемъ окружалъ я ее, какою любовью была она любима! Я сдѣлался для нея необходимымъ цѣнителемъ ея красоты, ея ума, ея души. Одинъ я умѣлъ понять ее, такъ, какъ она хотѣла быть понятою; одинъ я любилъ ее такъ, какъ женщины желаютъ быть любимыми — съ пристрастнымъ поклоненіемъ раба, съ деспотисмомъ

повелителя, съ нежною заботливостью друга, съ безумными порывами ревнивца! Долго еще длилось для насъ это положеніе полусогласія, подъ покровомъ котораго каждый малѣйшій случай бываетъ поводомъ безконечныхъ толковъ, мечтаній, недоразумѣній, ссоръ, примиреній, каждое событіе, или наводитъ мучительный страхъ, или оставляетъ по себѣ упительную надежду. Но вся неловкость моя и вся робость Вѣры не устояли противъ возраставшей силы нашихъ чувствъ: увлеченныя ими, мы объяснились, и я услышалъ отъ нея это волшебное слово, за каждую букву котораго я готовъ заплатить цѣною тысячи жизней!

Дни и недѣли шли непримѣтно. Половина отпуска моего скоро миновалась, и я хотѣлъ возвратиться къ вамъ, милая сестра! Но Вѣра не пустила меня, и ея слезы и ея просьбы заглушили голосъ долга, голосъ семейныхъ привязанностей. Тогда написалъ я къ батюшкѣ это письмо, столь темное, столь несвязное, которое изумило васъ, не объяснивъ вамъ ничего. Но кроткій, святой старикъ нашъ поинилъ сердцемъ то, что умалчивало сердце сына; онъ отвѣчалъ родительскимъ благословеніемъ и позволеніемъ слѣдовать моей судьбѣ, хотя не зналъ, въ чемъ она состояла.

«Моей судьбѣ!..» Это слово пробудило меня отъ обалюющаго сна, который въ то время такъ заколдовалъ всѣ способности души моей, что мысль о будущемъ совершенно исчезла въ прелести настоящаго, и мнѣ не приходило на умъ заглянуть въ даль жизни. Внезапно понялъ я изъ письма батюшки, что я, какъ безумный, поймавъ одну тѣнь счастья, и позабывъ о самомъ счастіи, заснулъ спокойно, не чуя, что малѣйшее облачко могло похитить у меня эту тѣнь, такъ доврчиво присвоенную. Я понялъ, что

обладалъ сердцемъ Вѣры, я ровно ничего не имѣлъ предъ глазами свѣта; я понялъ, что мое счастье непрочное, пока моя участь не связана неразрывною цѣпью съ участью Вѣры; я понялъ, что взаимность любви есть такое благо, которое одинъ священнѣйшій обрядъ закона можетъ оградить отъ покушеній человѣческихъ. Мысль о бракѣ впервые проникла въ мою душу, но она тотчасъ завладѣла ею совершенно, изгнана безпечность, покой и непредвидящую радость, которыя такъ сладко меня усыпили.

Быстрымъ взглядомъ обилгъ я все свое существованье. Я спросилъ себя: какими выгодами могу оправдать свои притязанья? Я вспомнилъ требованія общественныхъ приличій, вспомнилъ законъ свѣта: *«Илищюцелю дастся!»* и содрогнулся, расчисливъ, разсмотрѣвъ, что по этому закону, по этимъ требованіямъ — неизмѣримая бездна отстраняла меня отъ Вѣры! Она богата — у меня только честное имя, да любящее сердце! Ахъ! какое адское страданіе вгрызлось въ душу съ этими мыслями! Сколь несчастливѣмъ почувствовалъ я себя, измѣривъ всю даль до этого счастья, еще недавно почитаемаго столь близкимъ, столь вѣрнымъ! Какія муки вытерпѣла моя гордость, когда мнѣ представились неминуемые сужденія свѣта, когда я подумалъ о неизбѣжимомъ обвиненіи въ расчетѣ, которое должно осквернить святѣйшію моихъ чувствъ, покрыть гнусностью сребролюбивыхъ видовъ привязанность безкорыстную и невольную, какъ всякое влеченіе сердца, о которомъ голова и рассудокъ еще не провѣдали! Расчетъ? Съ моей стороны? Но, великій Боже! я любилъ Вѣру еще не зная, кто она; я могъ-бы любить ее всю жизнь, не спрашивая о ея богатствѣ вещественномъ, не требуя ничего, кромѣ ея ублажающаго сочувствія, кромѣ раздѣла съ нею всѣхъ радостей, всѣхъ думъ моихъ, и если-бы я

имѣлъ право не разставаться съ нею, я не подумалъ бы требовать ея руки! Однако жъ, свѣтъ воленъ мнѣ не повѣрять, воленъ перетолковать, переназначить по своему чувства, которыхъ не дано ему понять — и я долженъ былъ приготовиться къ его сужденіямъ и подозрѣніямъ.... При одномъ воспоминаніи объ нихъ, все сердце вздрагивало негодованіемъ.

Долго боролся я съ этими противорѣчащими страстями — самолюбивою гордостью и пламенною любовью. Наконецъ, любовь превозмогла — я рѣшился презрѣть молвою и объясниться съ Вѣрой о нашей будущности.

Но каково было мое удивленіе, когда эта дѣвушка, столь откровенная, столь пламенная въ выраженіи своей любви, при первомъ намѣкѣ о *залужестот* оробѣла, смѣшалась, и отвернувъ съ досадою прелестную головку свою, ни слова мнѣ не отвѣчала! Въ недоумѣніи, я колебался, приписать-ли эту странность дѣвической стыдливости, или внезапному пробужденію разсудительнаго разсчета? Такая неизвѣстность не могла продолжиться. Мнѣ необходимо надобно было знать рѣшеніе Вѣры — я настаивалъ.... Но холодное принужденіе овладѣло ею, и я не могъ добиться отвѣта. Мысль, что я ошибся въ ней — была мнѣ нестерпима. Гнѣвъ и страхъ волновали меня; я проговорилъ нѣсколько словъ съ горячностью неудовольствія. Вдругъ слезы блеснули на искрометныхъ глазахъ Вѣры, и она прошептала отрывистымъ, глухимъ голосомъ: «Ради Бога оставьте меня!.... Это не мое дѣло. Скоро будетъ сестра Софья..... Говорите съ нею!.....»

Въ эту минуту, я былъ совершенно озадаченъ, и недоверіе долго меня мучило. Но теперь я знаю, почему Вѣра такъ странно обошлась со мною. Вѣрь съ раннихъ лѣтъ, было внушено, что замужество

предметъ, о которомъ ей неприлично говорить и думать. Замужество для нея было дѣною неизмѣнно-соблюдаемыхъ обрядовъ. Церемоніальный прїѣздъ жениха съ предложеніемъ; форменное сообщеніе отъ родителей; отговорки, слезы, и наконецъ согласіе; потомъ шумъ и тревога въ домѣ, ежедневныя проповѣди и наставленія отъ матери, поздравленія старыхъ тетюшекъ, приправленныя совѣтами, распросы кузинъ о женихѣ, а болѣе о жениховыхъ подаркахъ, чинная помолвка, поѣздки безъ отдыха въ лавки и магазины, и въ довершеніе всего — турецкая шаль, и право безобразить милое личико уродливымъ чепцомъ и тяжелымъ токомъ! Такъ большая часть семей пріучастъ судить бѣдныхъ дѣвушекъ о важнѣйшемъ дѣлѣ жизни, о священнѣйшихъ обязательствахъ. И вотъ почему такъ много неудачныхъ браковъ....

Вѣра насмотрѣлась всѣхъ этихъ хлопотъ и глупостей, когда сестру ее выдавали замужъ, и потому, когда молодое сердце познало высокіе порывы благородной любви — свѣтлый разумъ ея не могъ согласить величія этихъ чувствъ съ мелкими и смѣшными обрядами общезжитія. Она привыкла со мною къ простому изъявленію своихъ чувствъ, не разбирая, что оно было мнѣ подразумѣваемымъ общаніемъ. Она отдала мнѣ все сердце, всю душу, ни разу не подумавъ, что ей слѣдуетъ присоединить къ нимъ и руку свою. Я былъ избранный ею другъ, но никогда не воображала она, что я могъ ей быть женихомъ. Словомъ, не въ примѣръ другимъ, она любила и не думала; ея голова не мѣшалась въ дѣла сердца. Я ждалъ сестры ея съ возрастающимъ безпрерывно нетерпѣніемъ. Не разъ случалось мнѣ быть свидѣтелемъ, когда Клирмова говорила о своей дочери, «Княгини Софьи», и я сообразилъ (по важности, съ которою имя ея принималось ко всѣмъ собы-

тіамъ, ко всѣмъ разговорамъ), что она играетъ значительную роль въ семьѣ. Я былъ очень любопытенъ видѣть эту *Княгиню Софью*, отъ которой отчасти зависѣла судьба моя. — Она пріѣхала наконецъ, и я нашель въ ней разительнѣйшую противоположность Вѣрѣ. Холодна и молчалива, кротка и разсудительна, Софья обдумывала каждое слово, каждое движеніе. Она казалась отжившей и безучастной, когда все жило и волновалось вокругъ ея. Привычная задумчивость оставалась въ ней послѣдствіемъ какого-то горя. Она никогда не говорила о себѣ, но нужны ли были ей пени, чтобы ее понимали?..... Кто-бы не угадалъ, что она не надѣлена счастіемъ, тогда, какъ отсутствіе всякой одушевленности, не радніе въ поступи и какое-то сокрушеніе во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ, даже въ самомъ голосѣ ея — все въ ней выражало душу убитую и совершенную ничтожность воли, слишкомъ много разъ, слишкомъ жестоко переломленной. Не многими годами была она старѣе сестры своей, но опередила ее цѣлою молодостью, цѣлымъ цвѣтомъ жизни. Она была добра и ласкова ко всѣмъ, но любила-ли она кого? Богъ вѣсть!

Однако сестры были дружны, и Княгиня съ нѣжною снисходительностью приняла признаніе дрожащей Вѣры. Но когда я сталъ объяснять свое положеніе, свои надежды, когда я сталъ просить ея ходатайства передъ родными, Княгиня примѣтно испугалась. «Послушайте,» сказала она, «Вѣра вложила въ мое сердце искреннее уваженіе къ вамъ, и я — видить Богъ — отъ души желаю вамъ обоимъ счастья, но я боюсь предвѣщать вамъ его! Есть неодолимое препятствіе, о которомъ никто изъ васъ не подумалъ: вы не богаты, вы не въ чинахъ, monsieur Свирскій. Я знаю батюшку и матушку; знаю ихъ мнѣ-

ніа о бракѣ; они никогда не примуть вашего предложенія, хотя-бы это стоило жизни нашей Вѣрѣ. Они захотятъ ее *пристроить*, такъ какъ меня, по своимъ разсчетамъ. Не могу роптать на свою участь — Князь человекъ добрый и почтенный — я уважаю его — но когда меня сговорили, я въ глаза его не видывала, я никогда не слыхала о немъ. Онъ всего одинъ только разъ былъ въ домѣ нашемъ, на большомъ балѣ, гдѣ замѣтилъ меня, когда я проходила мимо стола, за которымъ онъ игралъ въ вистъ. Судите, каково было мнѣ выходить замужъ, не зная за кого? Хорошо, что слѣпой выборъ палъ на Князя, что мнѣ не довелось проклинать мое супружество — но могло быть иначе, и тогда родители мои.... Но, вѣдь имъ нѣтъ дѣла до счастья нашего! Они ищутъ одной знатности, одной мишурѣ.... Бѣдная Вѣра!»

Въ эту минуту, равнодушная Княгиня одушевилась воспоминаніемъ собственной скорби; что-то похожее на негодованіе отразилось на ея лицѣ. Но слѣдующее мгновеніе истребило въ ней послѣдніе признаки чувства, и она снова сидѣла передо мной съ обычнымъ холодомъ своимъ. Несчастна! можетъ быть, мое участіе было живѣе ея оставшихся сожалѣній....

Понимаешь ли ты, какъ быстро исчезли всѣ мои надежды? Какъ онѣ, подобно мыльному пузырю, лопнули при одномъ словѣ Княгини? Всѣ преграды, всѣ невозможности предстали моему воображенію, и я едва не лишился разсудка, при убійственной мысли, что Вѣра можетъ *не быть моею!*

Объясненіе плановъ и видовъ Клармовыхъ не подавало мнѣ возможности ожидать ихъ одобренія моему искательству. Я содрогнулся предъ тайнами семейнаго быта, котораго наружность, полная блеска и весе-

ля, общала такъ много согласія, такъ много радости! Я остолебенья предъ этимъ себялюбіемъ, продающимъ на весь золота и счастье и жизнь своихъ дѣтей! Конечно, Книгиня не разъ говорила и разсуждала съ Вѣрою о всехъ подробностяхъ нашего положенія, потому что Вѣра ознакомилась съ мыслью о будущности и не отказывалась болѣе вникнуть со мною въ мои надежды, въ мои намѣренія. Лишь только она узнала, какія причины могутъ навѣки разлучить насъ, все благородство души ея открылось въ мужество и твердости, съ которыми она спѣшила успокоить меня. Произвольно и настойчиво захотѣла она, чтобы прежде всего взаимные обѣты укрепили своего святостью нашу любовь. Она требовала моего слова; она заставила меня принять свое; она поклялась мнѣ, что ничто въ мірѣ не разрушитъ нашей связи! Тщетно старался я представить ей неосторожность подобныхъ обѣщаній; тщетно уклонялся я предъ отвѣтственностью — ввести дочь въ неповиновеніе роднымъ; ея воля была обдумана, непреклонна — я уступилъ, убѣдился, что съ характеромъ Вѣры, съ ея душою, она должна остаться побѣдительницей въ борьбѣ любви съ расчетами.

Она еще не совсѣмъ вѣрила, чтобы Климровы отвергли меня за одинъ недостатокъ богатства; она, она не умѣла расголковать себѣ расчета и честолюбія; она полагалась на привязанность родныхъ къ себѣ. Она хотѣла, чтобы я объяснился, не самъ, а черезъ Книгиню Софью. Мнѣ самому было душно и тягостно въ ложномъ, неопредѣленномъ положеніи нашемъ, и я горѣлъ нетерпѣньемъ узнать рѣшительно, до какой степени я могъ надѣяться. — Мы просили Книгиню быть посредницей моего сватовства. Она отказалась, боясь гнѣва Климровыхъ. Но сердце ли ея было втайнѣ вооружено противъ раз-

счета, горькій-ли отзывъ былъ благо внушалъ ей сочувствіе къ намъ, она наконецъ дала намъ слово вывѣдать отъ матери, какъ-бы я былъ принятъ въ случаѣ предложенія. Болѣе этого не внушилъ ей ничего нравъ робкій и характеръ недѣятельный.

Еще нѣсколько недѣль прошло — и день отъѣзда наступилъ для меня, а мы все жили еще волненіемъ, перемежающимся страхомъ и довѣріемъ.

Мечты и планы, воздушные замки и тревожныя ожиданія смѣнялись въ душѣ моей, мелькали передъ воображеніемъ чарующею фантазмагорією, и порою мнѣ удавалось выманить у Вѣры умильную улыбку, или слово, полное одушевленнаго одобренія, когда я съ жаромъ высказывалъ ей все мои бредни о будущемъ. Я пересоздавалъ постепенно ея понятія о жизни, дотолъ ни чѣмъ попеченіемъ неруководимыя. Я представлялъ ея неопытности всю суетность сужденій, въ которыхъ ее взрастили, всю неосновательность, всю пустоту ея жизни, единственно посвященной свѣтскимъ требованіямъ, свѣтскимъ отношеніямъ. Я направилъ ея врожденныя свойства къ цѣли, ихъ достойной. Я поселилъ въ преданную мнѣ душу надежды, согласныя съ моими надеждами, желанія, соответствующія моимъ желаніямъ.

Вѣра слушала съ восторгомъ повесть драгоцѣнныхъ воспоминаній моего дѣтства, спрашивала съ участіемъ о малѣйшихъ подробностяхъ нашего семейства, нашей домашней жизни. Она научилась отъ меня почитать, обожать лучшаго, добрейшаго изъ отцовъ. Она умѣла представить себѣ его сѣдую голову, его черты, на которыхъ отпечатана вся жизнь добродѣтели, его безмѣнное спокойствіе, его патриархальную важность и кроткую мудрость. Она всею душою полюбила тебя, мою Катиньку, до нея моего лучшаго друга, взросшую со мною, чтобъ быть мнѣ

подпорой и наперсницей во всѣхъ переворотахъ моего жребія. Она искренно желала сойтись съ вами, заслужить вашу дружбу, тебѣ быть сестрою, бабушкой дочерью, столько же преданною, какъ ты. Мы то-есть, она и я, два существа съ одною волею, съ однимъ помышленіемъ, мы рѣшили, что я оставлю службу, привезу ее къ вамъ, и поселюсь съ вами.

Ты знаешь, что это было всегда моимъ любимымъ мечтаньемъ, что всегда желала я осуществить чары счастья въ тѣсномъ кругу моихъ. Мнѣ кажется, я неохотно бы расстался съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ провѣлъ хоть нѣсколько дней благополучія; мнѣ жаль было-бы покидать предметы, сроднившіеся съ моими воспоминаніями, и потому я пожелаю-бы провести весь вѣкъ мой подъ однимъ кровомъ, чтобы при старости все около меня было населено *лигушиями*, чтобы ни одно событіе, ни одно впечатлѣніе не было потеряно мною на перекресткахъ житейскаго пути, чтобы около себя находилъ я всѣ напоминанія того, что было и осталось мнѣ дорого.

Я любилъ говорить съ Вѣрою о прѣздѣ нашемъ въ Уютово, о встрѣчѣ ея съ вами, о нашемъ тихомъ житьѣ въ дому отцовскомъ. Мы оба представляли себѣ, какъ она, объ-руку со мною, вступить въ старую гостиную, какъ она приметъ первое благословеніе нашего старика, какъ она будетъ раздѣлять съ тобою хозяйственные заботы и назидательныя занятія. Какъ блаженствовала я, находя въ ней такую готовность — быть счастливою тѣмъ, что должно самого меня осчастливить! Съ какимъ умиленіемъ смотрѣлъ я на эту царницу баловъ, на эту красавицу, рожденную и воспитанную въ суетѣ и шумѣ, которая такъ охотно, такъ безоглядно готовилась отречься отъ свѣта, отъ всѣхъ наслажденій женской гордости, и сама не догадывалась, что дѣлаетъ жертву,

потому, что любовь изменяла изъ ея сердца все, что было въ немъ посторонняго! Вѣра была искренна, когда говорила, что хочетъ жить *только для меня*, только *однимъ мною*; я слишкомъ хорошо ее знаю, и не могу сомнѣваться въ чувствахъ, столь рѣдкихъ въ другихъ. И ты увидишь, сестра, что я вполне награжденъ ею за всѣ неудачи прошлыхъ дней; ты будешь утѣшаться нашимъ благополучіемъ, ты будешь любить мою, нѣтъ — *нашу* Вѣру, ты отдашь справедливую дань всѣмъ качествамъ, всѣмъ совершенствамъ ея. Но скоро-ли? скоро-ли? Когда сбудется эта мечта, эта надежда — *первая и послѣдняя* въ моей жизни!..... Я предаюся всей сладости моихъ воспоминаній, я переписываю мое счастье, а между нами даль, между нами цѣлый длинный годъ разлуки! И сколько горя предстоитъ еще намъ, пока доживемъ мы до отраднаго свиданія, пока снова будемъ *влюблены!*

Ты видишь, сестра, что мой несвязный 'разсказъ безпрестанно прерывается. Избытокъ чувствъ увлекаетъ меня. Но что жъ мнѣ дѣлать, если, говоря объ ней, ежеминутно нахожу я въ извибахъ сердца моего новыя черты, ея украшающія?..... Пусть перо мое повинуется страстнымъ думамъ, когда ихъ невозможно удержать, а ты пойми мое сердце въ темнотѣ моихъ мыслей и выраженій. Возвращаюсь къ своему разсказу.

Однажды Вѣра явилась на балъ вся разстроенная, съ заплаканными глазами, а Княгиня Софья еще задумчивѣе, еще безжизненнѣе обыкновеннаго. Мнѣ немудрено было догадаться, что ихъ смятеніе касалось меня. Я сталъ спрашивать и узналъ, что опасенія Софьи оправдались, что мать была совершенно противъ мысли отдать за меня Вѣру. Въ немногихъ словахъ, Княгиня сказала мнѣ о неуспѣхѣ своемъ,

прибавляя, что она осторожно вывѣдала мнѣніе своей матери, не пробудила въ ней ни какого подозрѣнія о моихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ, а слѣдственно, и не испортила намъ настоящаго, хотя не могла обнадежить въ будущемъ. Я желалъ знать подробности совѣщанія. Книгиня отговорила ихъ незначительностью. Но я видѣлъ, что она бережетъ меня, что она не говоритъ всей правды, и прибѣгнувъ къ отчаянной Вѣрѣ. Хотя давно уже Вѣра не имѣла для меня тайнъ, но съ трудомъ рѣшилась сообщить мнѣ рѣчи, которыя залегли въ душу ея негодоваменяніемъ и оскорбленіемъ. Она страдала и обижалась за И точно, Клармова, не пощадилась меня. Опишу тебѣ ея поступки и выраженія, чтобы ты могла познать, каково было бѣднѣйшимъ дочерямъ, при ихъ образованности, выслушивать и выносить такія рѣчи. Вообрази, что на этотъ разъ она была еще въ веселомъ духѣ, то есть, употребила только цветы своего краснорѣчія, не прибѣгая къ выразительнѣйшимъ выходкамъ своего гнѣва!

И между тѣмъ, эта женщина въ свѣтъ сохраняетъ всѣ признаки благовоспитанности, всю наружность аристократизма и свѣтскаго обращенія?

Сцена происходила тамъ, гдѣ обыкновенно происходятъ подобныя сцены, за чайнымъ столомъ, судилицемъ злорѣчія, домашнею управою благочинія.

Видя мать свою хорошо расположенною, Книгиня слегка упомянула ей объ успѣхахъ Вѣры на паркетномъ поприщѣ, и спросила: не жаль - ли будетъ матери, если Вѣрѣ случится скоро выйти замужъ. Она знала, что мать любитъ вывозить ихъ для собственного самолюбія. «Конечно, матушка,» отвѣчала Клармова — «жаль будетъ! Для кого тогда и балы давать и къ людямъ на балы ѣздить. Но если Вѣрочкѣ судьба, то не опредѣлять-же мнѣ ее въ ста-

рыя дѣвки!» — Но какъ-же, маменька, хотѣли-бы вы ее пристроить? — «Ужъ извѣстное дѣло, какъ можно лучше! Она, благодаря Бога, не безприданница: есть на что польститься женишкамъ. Ну, ужъ я то себя на-умъ — за выскочку не отдамъ! Ей партія тотъ, кто знатенъ, кто въ чинахъ, да въ лентахъ, или тотъ, кому состояніе дастъ въ свѣтъ приличное мѣсто.» — А если, маменька ей придется по сердцу человѣкъ съ хорошимъ именемъ, съ личнымъ достоинствомъ, но небогатый? — «И полно, полно, матушка, завралась! Смѣтъ ли нищему подумать объ моей дочери? Если бы случилось такъ, что тутъ долго толковать! Отказъ ему безъ фасоновъ, да и долой со двора! Да, и слыхано ли, чтобы порядочной, воспитанной дѣвушкѣ поправился человѣкъ ничтожный?» — (Эти слова были выговорены crescendo, съ примѣсью гнѣва). Клармова развязала свой чепчикъ и оттолкнула чашку. Книгиня оробѣла. Вѣра, пожатиемъ руки, просила сестру продолжать. Сама она держала книгу, притворяясь занятою Английскимъ романомъ, а не разговоромъ. — Такъ вы полагаете, матанъ, что сестрѣ не довольно собственного богатства, и не позволите ей быть счастливою, выйдя по любви? — «А ты, сударыня, какъ шла? По любви что-ли? И не благодаришь ты меня теперь за то, что я не послушалась твоихъ глупыхъ слезъ? Чего тебѣ не достаетъ: и сѣтельная ты, и вся въ брилліантахъ, и вездѣ ты принята, какъ нельзя лучше, а у мужа то и дѣло ломбардные билеты прибавляются!»

Тутъ пошла переборка всѣмъ *женишкамъ*, то есть, всѣмъ молодымъ людямъ, которые были тогда *налицо* въ Москвѣ, всѣмъ думающимъ и недумающимъ о Вѣрѣ. Какъ всегда водится, о послѣднихъ Клармова думала гораздо болѣе. Она включила въ свой списокъ не только всѣхъ богатыхъ вдовцовъ и ста-

риковъ, но даже — двухъ сенаторовъ, часто прѣзжавшихъ къ ней на вистъ, которые, по дряхлости своей, заранѣе заказали себѣ могилы на знаменитыхъ кладбищахъ. Клирмова многимъ отпѣла приговоры не совсѣмъ ласковыя; нѣкоторыхъ оставила подь сомнѣнемъ; объявила достойными двухъ, или трехъ, въ число которыхъ попался и одинъ изъ сенаторовъ, имѣвшій до пяти тысячъ незаложенныхъ душъ. Насъ-же, *бездушныхъ*, почитала она нужными въ мѣръ единственно для того, чтобы умножать толпу на балахъ, предоставляя намъ только право вальсировать съ ея дочерью.

Клигина нашлась наконецъ, и успѣла сказать что-то про нѣкоторыхъ «бездушныхъ» — уловка удалась — дошли до меня....

«Ну, вотъ,» провозгласила Клирмова, «малый хоть куда! И собой не гадокъ, и обращеніемъ не противень, а что въ немъ толку? Ни кола, ни двора да нимъ».... Тутъ Вѣра, собравъ всѣ силы свои, удерживая дыханіе, чтобы не дать предательному румянцу выступить на пылающихъ щекахъ, рѣшилась на послѣднюю смѣлость и спросила голосомъ равнодушной шутки: «Такъ Свирскій вамъ нравится, маменька?» — Да, ужъ я говорю, что онъ малый — бы хорошій, да только тебѣ не пара! — «А что-жъ бы вы сказали, маменька, если бы онъ мнѣ также понравился?» — Ахъ! съ нами сила крестная! Да какъ бы смѣть тебѣ подумать о комънибудь, не спросивъ меня? Случись такой грѣхъ, такъ я тебя скорѣй въ Москву рѣку брошу, скорѣй въ землѣ захочу увидѣть, чѣмъ тебя отдать за нищаго, за дрянъ, за недоднаго мальчишку....

Эти нѣжности были прокликнуты съ такимъ жаромъ, что обѣ сестры прекратили разговоръ. Имъ ясно было, что нѣчего болѣе ждать, кромѣ неспрїят-

ностей и совершеннаго прекращенія всякаго знакомства со мною, если бы Клирмова возымѣла малѣйшее подозрѣніе о нашихъ замыслахъ. Вѣра проплакала весь день, и выѣхала только для того, чтобы свидѣться со мной и сообщить мнѣ роковой ударъ нашимъ упованіямъ. Она была внѣ себя. Выраженія ея матери произвели въ ней отчаяніе; любовь ея усилилась, встрѣтивъ себя препитствіе. Такъ пожаръ страстей, какъ пожаръ вещественный, возрастаетъ, пышитъ, и вдругъ разгарается необъятымъ пламенемъ, когда человѣкія руки хотятъ его потушить....

Ты можешь понять, какъ взбѣшено я былъ, внимая разсказу Вѣры, хотя она старалась смягчить все обидное въ отвѣтахъ ея матери выраженіемъ собственннхъ чувствъ. — Не говорю о самолюбїи — но личность моя, но любовь, но честь, все, что только есть дорогаго у челоуѣка, все было во мнѣ оскорблено, уничтожено! Не мнѣніе Клирмовой цѣнилъ я — и есть ли мнѣніе у подобныхъ ей? — но мнѣ было нестерпимо, что дочь свою обидѣла она въ лицѣ моемъ, но я не могъ привыкнуть къ мысли, что Вѣра такой женщины обязана жизнью, и что она поминутно можетъ быть подвергнута такому гнѣву! Еще бѣсило меня криводушїе этой Клирмовой, доказанное похвалою ея, когда она судила меня, какъ сторонняго, какъ чужаго, и бранью, когда ей представили возможность найти во мнѣ избраннаго ея дочери! Вѣра старалась разсѣять черную тучу, налетѣвшую на меня; она повторила мнѣ всѣ клятвы, всѣ обѣщанія, данныя прежде; она показала мнѣ такую глубокую преданность, такую безпредѣльную любовь, что ей удалось изгладить въ сердцѣ моемъ почти всѣ непрїятныя впечатлѣнія этого вечера.

Сестра! мы съ тобой нашли въ отцѣ снисходительнѣйшаго, нѣжнѣйшаго изъ друзей; мы воспитаны одною ласкою, однимъ довѣремъ его. Какими глазами должны мы смотрѣть на поступки, мною описанные!

Однако жъ я не довольствовался этимъ полубоязненнымъ, но хотѣлъ открыться отцу Вѣры, отъ котораго ожидалъ, по крайней мѣрѣ, поступковъ челоувѣка благовоспитаннаго. Мнѣ было и неловко и мучительно оставаться при своемъ недоумѣніи, быть тайнымъ виновникомъ семейнаго раздора, когда передо мной не закрылась еще возможность вступить въ эту семью съ честью. Я чувствовалъ, что если Клирмовъ также отвергнетъ меня, то мнѣ будетъ легче идти открыто наперекоръ ему. Я почиталъ низкимъ для себя — вкрадываться, какъ тать, въ его домъ, съ намѣреніемъ вооружить дочь противъ ея родителей. Мнѣ необходимо было знать своихъ друзей и своихъ недоброжелателей, чтобы безъ злѣйшія совѣсти противиться послѣднимъ. И былъ твердо намѣренъ просить свиданія у Клирмова, когда Вѣра и сестра ея приступили ко мнѣ, умоляя меня оставить такое предпріятіе. Онѣ увѣрили меня, что открыть тайну нашу отцу, значило бы только — запретить мнѣ навѣки домъ ихъ, полученіемъ рѣшительнаго отказа, потому что Клирмовъ совершенно былъ согласенъ съ женою въ планахъ и видахъ ея для Вѣры, а въ добавокъ, онъ такъ повиновался женѣ, что не смѣлъ ни въ чемъ обнаружить разнаго съ нею мнѣнія. Объ сестры, особенно Княгини, боялись самыхъ несчастныхъ послѣдствій отъ моего сватовства. Онѣ просили дать имъ время приготовить по-одиначкѣ отца и мать. Но время не было въ моей власти — я не могъ отсрочить своего отъѣзда. Что мнѣ оставалось дѣлать? Какъ заста-

вить судьбу мою рѣшиться? Какъ иггти на объясненіе противъ воли Вѣры? Къ тому-жъ, я самъ боялся неудачнымъ исканьемъ погубить настоящее мое счастье, и увеличить затрудненія для будущаго. Я уговаривалъ Княгиню Софью вступиться откровенно за сестру, полагаясь на любовь, которую отецъ и мать оказывали ей. Но, что? За кого могла заступиться Княгиня, когда она сама несла тяжкую участь; ей казалось очень естественнымъ, чтобы и другіе также терпѣли

И вотъ я долженъ былъ отложить рѣшеніе моей участи, предоставляя времени и настойчивости твердости Вѣры убѣдить мать ея въ силѣ нашей любви и нашего единодушія. — Вѣра и я, мы предначертали себѣ путь къ достиженію нашей цѣли; мы обдумали все средства, все дѣйствія наши. Она должна была молчать, пока я въ Москвѣ, но послѣ моего отъѣзда объявить постепенно роднымъ, во первыхъ свою любовь, потомъ откровенность отношеній нашихъ, и наконецъ невозвратный обмѣнъ нашихъ клятвъ. Она должна была, не прекословя имъ напрасно, не вынуждая ихъ согласія, ожидать въ спокойной непоколебимости, чтобы чувства родительскія взяли верхъ надъ расчетами и тщеславіемъ. Годъ назначили мы срокомъ нашему ожиданію и нашей разлукѣ. Послѣ года я долженъ былъ возвратиться, и просить руку Вѣры у родныхъ ея. Остальное поручено было произволу обстоятельствъ, то есть, должно было зависѣть отъ отвѣта Клирмовыхъ. Вѣра въ душѣ своей положила, черезъ годъ она *моя жена*, во что-бы то ни стало!

Намъ оставалось принести еще жертву необходимости: мы условились не писать другъ къ другу. Малѣйшая неосторожность, малѣйшая неудача могли погубить насъ, могли дать случай Клирмовой об-

рушить свой гнѣвъ на Вѣру, а мы хотѣли ея согласіе получить терпѣніемъ. Я хотѣлъ, чтобы Вѣра была безукоризненна посреди своихъ, и какъ больно мнѣ ни было — я отказался отъ переписки съ нею . .

Что болѣе всего служило намъ успокоеніемъ, это была увѣренность, что ни какое другое предложеніе не будетъ поводомъ раздора въ домъ, и не воспламенить высокоумныхъ домогательствъ Кирмовой. Благодаря моему ревности, ни одинъ искатель не ухаживалъ за Вѣрою, ни одинъ поклонникъ не являлся. Она дала мнѣ слово и безъ меня держать молодыхъ людей въ почтительномъ отдаленіи, а безучастіемъ своимъ въ свѣтъ не подавать надеждъ ни кому. О, въ этомъ намъ нѣчего учить женщинъ! Не всякая любить, не всякая можетъ любить, но если найдется женщина съ горячимъ и преданнымъ сердцемъ, то вѣрно въ ней довольно генія, чтобы угадать и пощадить всѣ шекотливости наши, и для той, кому дорогъ *одинъ*, всѣ другіе становятся ненавистны и ничтожны!.....

Грустно провели мы послѣдніе дни моего отпуска. Мысль о предстоящей разлукѣ отравляла свѣтлые часы свиданія. Необходимость скрывать всѣ наши чувства, дѣлать съ мелочами свѣта отсчитанныя мгновенья любви, умалчивать искреннее слово, опускать въ землю сердечный взглядъ, удерживать горячую слезу — необходимость удвоить осторожность, все это мучило и терзало насъ. Какъ ни страдалъ я самъ, но мнѣ пришлось утѣшать бѣдную Вѣру. Она совсѣмъ теряла присутствіе духа; она ежеминутно была готова измѣнить себя безумнымъ взрывомъ горести. Я долженъ былъ отыскать въ душѣ остатки моего мужества, чтобы поддержать это созданіе, столь сильное своей любовью, столь слабое въ его несчастіяхъ.

Я примирился въ эти дни съ безхарактерностью Книгини Софьи. Она, какъ ангель хранитель, стерегла и спасала насъ. Она за насъ помнила, что свѣтъ присутствуетъ съ нами, и покорная всѣмъ его приличіямъ, она не дала намъ навлечь на себя его опалу. Ея участіе, ея попечительность удаляли отъ Вѣры все, что могло поколебать бѣдную слишкомъ сильно — и вопросы о моемъ отъѣздѣ, и замѣчанія объ ея невеселости. Не знаю, знала-ли прежде Книгиня борьбу страсти, но для сестры она пріучилась предчувствовать всѣ ея движенія и угадывать всѣ ея порывы. Словомъ, она не была сильною подпорою, не могла дать защиты, но она была другомъ нѣжнымъ и внимательнымъ, — она давала что могла, свои утѣшенія, свои слезы....

У Книгини простились мы. Благодаря ей, мы, хоть въ послѣдніа, горестныа минуты разставанья могли предаться влеченію чувствъ безъ принужденія, безъ опасенія свидѣтелей. Избавь меня отъ описанія невыразимыхъ мученій этого прощанья... Я оставилъ Вѣру безъ памяти — я вырвался изъ Москвы, обезумѣвъ отъ горя....

Вотъ болѣе мѣсяца этому ужасному дню разлученья, и все та же скорбь въ душѣ моей, и сердцу все также больно! Я не зналъ, я не подозрѣвалъ, какъ далеко простирается въ насъ способность страдать... Изумительно! Дай Богъ, чтобы ты никогда не дошла до этого убійственнаго познанія, моя милая и равнодушная Катинька!

Всѣ свѣтъ опустѣлъ для меня, съ тѣхъ поръ, какъ ея нѣтъ со мною. Служба, товарищи, занятіе, всѣ подробности жизни стали мнѣ тягостны и ненавистны. Не знаю, не придумаю, чѣмъ скоротать всѣ эти дни, съ безконечными ихъ часами, которые тянутся для меня медленно, нежели для от-

верженныхъ душъ ада ихъ несмѣнная вѣчность! Мнѣ кажется, что подобно имъ, я нахожу роковое немолимое *всегда* на своихъ часахъ, потерявшихъ для меня все свое значеніе, всю цѣль свою. Встаю утромъ изнеможенный, безъ бодрости, безъ цѣли—ложусь вечеромъ отчаянный, убитый скорбью. Ничто не можетъ вывести меня изъ моего каталепсическаго забытья, ничто не можетъ прервать моихъ мрачныхъ раздумьевъ, потому, что ничто не приноситъ мнѣ вѣсти о Вѣрѣ и отъ Вѣры! Всѣ силы мои, всѣ твердости исчезли. Буря страстей опустошила мою душу, и если отсутствіе охолодило, оковало ея порывы, то ихъ смѣнила тоска, тяжелая и удушливая, какъ сонъ могильный...

Какъ мучительно оно, это *исбытіе*, слѣдующее за сильнымъ волненіемъ, за знойною порою любви! Какъ трудно возвращаться къ вялой всеневности послѣ тревожныхъ, но обворожительныхъ часовъ упительнаго блаженства! Какъ вся жизнь кажется буднична, когда сердце знало свѣтлые праздники! Одни воспоминанія согрѣваютъ мою озлбнувшую душу лучшемъ протекшихъ радостей. Мечтаю о ней, привожу себѣ на память ея рѣчи, ея взоры—все, все, что очаровало меня... И когда, погруженный въ думу минувшаго, я теряю чувство настоящаго—тогда только свинцовая рука тоски отлегаеь отъ осиротѣвшаго сердца. *Она, она! Къ ней! къ ней!*—вотъ все, что могу сообразить взволнованною, убитою душею!

Недавно, открывъ нечаянно какой-то Французскій *кисекъ*, я попалъ на слѣдующіе стихи:

Un souvenir, une espérance,
Voilà le passé, le présent...

И эти слова такъ кратко, такъ хорошо выражающія мое положеніе, глубоко врезались въ моей па-

мяти. Да, *воспоминаніе* и *надежда*—вотъ что поможетъ мнѣ дожить, домаяться до конца этого сслочнаго года...

Но не взирая на всѣ мученья мои, я не промѣнялъ-бы моего нынѣшняго положенія на спокойную безпечность моего прежняго равнодушія. Не мнѣ-ли любовь ея, любовь, которая озарила меня небеснымъ свѣтомъ—ея сердце, которое обѣщаетъ мнѣ такъ много радостей на поприщѣ бытія? Не принадлежитъ ли мнѣ она, исполнительница всѣхъ моихъ мечтаній?

Сестра! я жду и надѣюсь, и ты жди и надѣйся со мною...

=

II.

Отрывки изъ дневника Вадима.

Черезъ годъ, или два, я снова
Въ край родимый свой приду,
И въ объятіяхъ другава,
Можеть, милую найду....

Клязь С. Голицынъ.

И если встрѣтима съ тобою,
Ты спросишь: «какъ меня зовутъ?»

Москва 8 Января, 18... г. Полночь.

Москва! Я опять въ Москвѣ, опять на своемъ любимомъ мѣстѣ, въ этомъ незабвенномъ городѣ... Здравствуй, Москва! Я опять дышу твоимъ упительнымъ воздухомъ, не этимъ вещественнымъ воздухомъ, что глотаютъ безотчетно всѣ и каждый, но воздухомъ твоего радушнаго гостепрѣимства, твоей привольной, непринужденной жизни, и грудь моя, долго стѣсненная, съ восторгомъ вдыхаетъ просторъ и радость!

Москва! не ты мнѣ жизнь дала, не тебя впервые встрѣтили мои младенческіе взоры, когда они

любопытно стали озираться на Божій свѣтъ, и спрашивали у всего окружающаго новыхъ мыслей, невѣдомыхъ впечатлѣній; но ты родина моего сердца, но ты меня усыновила, прекрасная, но въ дочеряхъ твоихъ нашелъ я осуществленіе моей мечты, и вѣчную благодарность пробуждаетъ во мнѣ твоё заветное имя! Такъ, вотъ они, мѣста, гдѣ мнѣ блеснулъ лучъ неизвѣданнаго дотогдѣ счастья! Какъ здѣсь хорошо! Какъ легко жить здѣсь!

Счастіе?... Что такое счастье? Уже-ли я еще помню что оно? уже-ли слѣды его во мнѣ не попросили терніемъ, съ тѣхъ поръ, какъ его смѣнили разлука и страданіе? И точно-ли счастье озаряетъ теперь мою душу? Что значитъ оно, это неполное, съ горечью перемѣшанное чувство, которое такъ смутно волнуетъ мои думы, такъ сильно бунтуетъ въ моей груди? О нѣтъ! это еще не само счастье, это только прообразъ его, только предсказанье объ немъ! Это только, надежда, возможность близкаго счастья. Но эта надежда, не есть-ли она сама восхитительное ощущеніе, не есть-ли она величайшее благо, когда она завѣряетъ мнѣ все будущее?

Будущее — тому годъ, оно было свѣтлою точкою, затерянною въ неизмѣримой мглѣ, невѣрнымъ болотнымъ огнемъ, ведущимъ бѣднаго путника къ обману — статься можетъ, даже къ смерти, а теперь оно ясная, блестящая звѣзда, разливающая лучи теплой отрады, многообѣтнѣе, многодающая! Черные дни прошли — спасаемый любовью, я пережилъ срокъ разлуки, срокъ испытаній; теперь я здѣсь, и скоро, скоро Вѣра *моя*, не только сердцемъ, но всеми узами неба и земли!...

Но зачѣмъ же этотъ невольный страхъ, порою такъ неотразимо обвивающій мое сердце? Какой черный демонъ нашептываетъ мнѣ слова сомнѣнія,

слова отрицанія?... И — «Что будетъ съ тобой, что ждетъ тебя здѣсь?» говорить онъ, и дрожь бѣжитъ у меня по всемъ членамъ.

Прочь, прочь, духъ злобнаго подозрѣнія! — Я не слушаю твоихъ намековъ, я глухъ къ твоему навяту, я хочу внимать одному доверію, одной радости — я доволенъ — я счастливъ — я близко отъ нее!

Нѣтъ! она не перемѣнилась — она не должна, не можетъ перемѣниться — она знаетъ всю любовь мою — знаетъ?... Безумный! Но когда и гдѣ, какими словами могъ ты выразить ей ту необъятную страсть, которая горитъ въ тебѣ такъ жарко, которая такъ тѣсно сплелась съ раскаленнымъ твоимъ сердцемъ? Откуда взялъ ты пламя, чтобы описать пламя? Какъ успѣлъ ты облечь убѣжденіемъ любовь, дошедшую до невѣроятности?... О, если бы мнѣ было можно, хоть на мигъ, вынуть изъ груди мое сердце, и бросить къ ея ногамъ, чтобы она сама въ немъ прочитала.... Но она можетъ понять меня, можетъ, если любить — не говорю наравнѣ со мною, потому, что я недостойнъ, я не долженъ быть любимъ, какъ любима она — а въ любви ея, мнѣ-ль сомнѣваться, мнѣ-ль знавшему все изгибы ея чистаго, пламеннаго сердца, испытывавшему такъ часто ее самоотвергающую душу? Я вѣрую въ нее.... я вѣрю ей, и счастьемъ, и всему.... въ моей душѣ столько радости, что въ ней нѣтъ мѣста холодному подозрѣнію!

Какъ медленно бѣгутъ часы.... Только четверть третьяго!... И еще цѣлый кругъ равнодвижущейся стрѣлки на неумолимомъ циферблатѣ, пока намъ позволено будетъ свидѣться!... Время, время! не можешь-ли ты, хоть разъ, исполнить мольбу чело-вѣка и пожертвовать ему эти ночныя минуты, кото-

рья недвижимый сонъ и безъ того отнимаетъ у твоей власти?

Вотъ цѣлый годъ, что мы не видались, годъ, въ которомъ каждый день, каждый часъ, каждое мгновеніе пересчиталъ я страданіями, порывами мятежной тоски, нападеніями неотразимой скуки, годъ, который показался мнѣ вѣчностью, и—что-жь? Его угрюмое воспоминаніе почти совсѣмъ исчезло, при мысли о скорой встрѣчѣ съ нею.... Да, память мрачныхъ дней ненастья, какъ поздній снѣгъ при блескѣ солнца, таетъ и терлется, когда засіяетъ свѣтило радости. Ждетъ-ли она меня? Но какъ ей не ждать, когда у нея залогомъ возврата моего не только всѣ поруки любви, но и клятва, страшная клятва, священнѣйшая всѣхъ — *кестное слово* чловѣка, всю жизнь свою боготворившаго честь, и который никогда не позволялъ себѣ упоминать о чести въ легкомысленныхъ обещаніяхъ прежнихъ шалостей! — Да, съ самодовольствомъ слышу я свидѣтельство моей совѣсти: она говоритъ мнѣ, что во всѣхъ будущарныхъ приключеніяхъ, во всѣхъ котильонныхъ страстяхъ, я сохранилъ уваженіе къ самому себѣ, и не унижилъ всеу слова *гость*. Я лгалъ, и обманывалъ единственно тѣхъ, которые хотѣли быть обмануты, но никогда клятва не подтверждала моихъ рѣчей, и тайный голосъ предчувствія всегда берегъ чистоту моихъ обѣтовъ, для чистыхъ признаній любви истинной. Вѣра, первая Вѣра услышала отъ меня эти обѣты, эти клятвы — ни одна другая не слыхала ихъ.... И вотъ, я выручилъ мое слово, и вотъ я возвратился, и не безъ пожертвованій! Надлежало проститься навсегда, и съ Петербургомъ, и съ друзьями, и съ блестящими надеждами службы, надлежало отказаться отъ всякой будущности—отъ всего—кромя любви. Я сдѣлалъ это, и

не тужу о покинутомъ — я *здѣсь* — и буду жить ея рабомъ, ея послушникомъ!...

Боюсь одного: что, ежели Вѣра найдетъ меня перебившимся не *къ лицу*? Ежели ей не понравится мой новый видъ? Я прежде мало думалъ о щегольствѣ, даже въ безсмыслии первой молодости я не занимался собою, а теперь я отдаюсь бы нѣскольکو лѣтъ жизни, чтобы только быть въ глазахъ ея и лучше и краше всего міра — я желалъ бы, да, я желалъ бы, чтобы никто достойнѣйшій меня не обрѣталъ ни малѣйшей доли ея вниманія, ни искры ея уваженія.... Она ужъ выучила меня быть ревнивымъ — уже-ли придется мнѣ теперь узнать и самую зависть?

Вѣра, Вѣра! въ тревожныхъ смутахъ моей души одна мысль о тебѣ остается свѣтлою, отдѣльною, неизмѣнною, восхитительною—я твержу безпрестанно твое имя, милое, заветное имя — я нахожу въ немъ всю гармонию Итальянскаго, все краснорѣчіе моего отечественнаго языка. Для меня это имя отголосокъ неба, залогъ всѣхъ земныхъ радостей—для меня оно, таинственное, всемогущее слово волшебства, отверзающее рай, привлекающее на землю свѣтила неба! Но какъ сладко задрожитъ оно въ устахъ моихъ, когда шопотомъ будетъ сказано ей самой!... И подумать, что она, она, по собственному влеченію, дала мнѣ право такъ звать ее—что это право принадлежитъ мнѣ исключительно — что я, *л одинъ* могу произнести: «Вѣра», и прибавить—*моля*, не опасаясь отрицанья отъ нея.... Они исчезли между нами, докучливыя приличія, стѣсняющія формы условныхъ выраженій — межъ нами свѣтъ не существуетъ—мы стоимъ одинъ, рука въ руку, предъ лицомъ Провидѣнія. Наши рѣчи просты и задушевны, какъ наша любовь.

Зарей заблѣлѣнъ дальнѣ край небосклона.... Скоро разсвѣнетъ — и не только на небѣ, но и въ моемъ сердцѣ.... День свиданья! зажгись скорѣ... и ее увижу—я ее увижу....

9 Января, 2 часа пополудни.

Уѣхали въ Троицкую Лавру.... молиться.... всѣмъ домою....

Что это значитъ? Странно!

Въ эту пору, среди блестящей зимы, Клирмова вздумала ѣхать на богомолье.... она, готовая поднять дочь съ смертнаго одра, чтобы нарядить ее къ балу—она уѣхала отъ баловъ, отъ свѣта?

Это не даромъ, это не можетъ быть даромъ — конечно что нибудь необыкновенное произошло въ ихъ семьѣ.... Что бы такое?

И Вѣра, Вѣра не могла отговориться отъ этой повѣдки, зная, что я долженъ скоро быть!

«Они не возвратятся прежде завтрашняго вечера.» —Какъ равнодушно, какъ безжалостно, этотъ проклятый швейцаръ выговорилъ эти слова, которые сердце мое бросили въ холодъ....

Гдѣ же ты, моя давшія радость?...

Куда ушло желаемое свиданіе?

Еще дожидаться почти двое сутокъ, когда каждая минута уноситъ часть моего благополучія.... Какое мученье! какал неудача!

Послѣ такой долгой разлуки, еще отерочка, еще томленья!

Что дѣлать до завтра? Чѣмъ унять безумное волненіе сердца?

Узнаю, здѣсь ли Лавровскій.

Тотъ же день, вечеромъ.

Я недоѣхалъ до Лавровскаго. Совершенно преданный своему разумью, своимъ мечтамъ, что сталъ бы я отвѣчать на его распросы? Я изумилъ-бы то-

варища своимъ явленьемъ, и не могъ-бы объяснить, зачѣмъ! я въ Москвѣ, не подавъ ему подозрѣній. Я такъ разстроень, такъ трепещу, что одинъ видъ мой долженъ возбудить догадки и любопытство.

Къ тому же, я не соберу духа видѣться съ кѣмъ нибудь, прежде чѣмъ съ нею—не хочу слышать ни чьихъ рѣчей, прежде чѣмъ ея голосъ не коснется моего жаднаго слуха.... Кому надобно знать меня теперь? Что мнѣ сказать другимъ? Не все-ли для меня чужіе?

10 Января, вечеромъ.

Какъ длиненъ, какъ скученъ день! Мнѣ кажется, чтъ съ прїѣзда моего каждое мгновенье тянется долѣе года, а нетерпѣнье мое съ каждымъ мгновеньемъ возрастаетъ. Сегодня бродилъ я часа два около ея дома, смотрѣлъ на окна ея—но, пустота и безмолвіе, какъ камень, пали мнѣ на душу! Мнѣ больно стало видѣть мертвую безжизненность тамъ, гдѣ я находилъ жизнь, столь полную, столь страстную. Я не могъ вынести непривѣтливаго зрѣлища затворенныхъ воротъ въ томъ домѣ, гдѣ мнѣ думалось найти привѣтъ и радушіе. Какое-то темное предчувствіе вгрызлось мнѣ въ сердце.... Мнѣ грустно.... Мнѣ страшно!... Потому я былъ у заставы; я надѣялся ихъ встрѣтить. Взоры мои стремились вдоль снѣжной дороги, но однообразіе ея ничего отраднаго не показывало. Все было тихо, уединенно. Я ждалъ долго. — Наконецъ серебристая пыль взвилась въ дали.... сердце стукнуло въ груди моей... вся жизнь моя перешла въ глаза.... посылались шаги лошадей.... паръ отъ нихъ валилъ клубомъ.... дорожные все ближе.... я различилъ огромную карету.... я едва устоялъ на ногахъ... карета подъѣхала.... промчалась.... то были не они — Вѣры тутъ не было! Мнѣ стало дурно. Голова моя за-

кружилась: нѣсколько минутъ я не переводилъ дыханія — но я остался, я еще ждалъ. Тянулись обозы, пролетѣлъ курьеръ, проскальзывали сани, повозки, кибитки — потемнѣло, и морозъ принудилъ меня уйти домой. Но болѣе всего озлоблѣ мое сердце, и ему не согрѣться, пока разлука не минула, пока мы не вмѣстѣ....

Mais reviens, et qu'à ton retour
Chagrin, souci, crainte et souffrance,
Comme un nuage aux feux du jour,
Tout se dissipe à ta présence....

Эти слова — она пѣвала ихъ, когда мы одинъ день проводили не выдавшись — эти слова невольюно приходятъ мнѣ теперь на умъ, и я нахожу какое-то облегченіе, повторяя ихъ послѣ нея — пора, пора ей быть! Моя твердость истощена прежними страданьями, и я чувствую, что силъ моихъ не станеть для новыхъ.

41 Января, утромъ.

Нѣтъ! вѣрно всѣ демоны злобы вооружились противъ меня, что я такъ несчастливъ.... Вѣрно, судьба нарочно меня испытываетъ! Какъ? Я здѣсь, и она тоже — мы въ одномъ городѣ, подъ однимъ небомъ, мы могли-бъ быть вмѣстѣ, а препятствія все еще насъ разлучаютъ, а мнѣ все еще не удаеться достичь до нея! Я сей часъ отъ подъѣзда Клирмовыхъ — они возвратились, но *не принимаютъ!*... Когда можно будетъ ихъ видѣть — я не могъ узнать. У нихъ въ домъ такъ что-то суматошно; люди мечутся какъ угорьлые; никто не можетъ отвѣчать на вопросы.... О, что бы это все значило?...

По крайней мѣрѣ, она увидитъ мои визитныя карточки, узнаеть, что я пріѣхалъ... Вѣра, Вѣра! если мы съ равнымъ нетерпѣніемъ ждемъ свиданья, если радость наша будетъ одинакова, боюсь, что твое

слабое, женское сердце не перенесеть этого перелома, боюсь, чтобы оно не замерло въ твоей встревоженной груди въ минуту первой встрѣчи!

Восемь часовъ вечера.

Не утерплю! Попытаюсь еще разъ съѣздить къ Клирмовымъ. Быть можетъ, теперь меня примутъ, и тогда.... тогда....

Часъ пополуночи.

Боже мой! ее ли я видѣлъ?... Точно-ли *Вѣра* представилась глазамъ моимъ?... Мечты моего сердца, мечты о свиданіи, гдѣ вы? какъ сбылись вы? Это свиданье, это первое свиданье послѣ долгой, безмолвной, безотрадной разлуки.... такимъ-ли я желалъ его, такимъ-ли снилось оно мнѣ въ дни мятельныхъ страданій?... Я не знаю, что съ моею душою, что со мною! То, что я чувствую, такъ неясно, но такъ мучительно, что я какъ избавителя принялъ бы того, кто-бы могъ меня увѣрить, что я еще *не видалъ* Вѣры, что нынѣшній вечеръ сновидѣнье, пустая греза безпокойнаго воображенія.... Къ несчастью, это слишкомъ вѣрно: я *былъ съ нею*.... и въ первый разъ разстался недовольный — оскорбленный!

Радость неполная, радость отравленная сто разъ хуже настоящей скорби, скорби, которой помочь нечѣмъ, къ которой сердце успѣло уже примѣниться, которую привычка и покорность помогаютъ перенести. Но когда сердце предается самой сладкой надеждѣ, когда оно растворяется теплѣйшимъ довѣріемъ, задушевнымъ удовольствіемъ, какъ больно ему вдругъ стѣсняться нежданномъ отливомъ несбывшихся, убитыхъ упований! Его мечты, его порывы, какъ безкрылыя голубицы летятъ къ родимому гнѣзду — возвращаются по одиночкѣ, растерзанные, раненые, и всѣ вопли его сливаются въ мрачный

воплъ отчаянья — Ахъ! это было моею участію сегодня!

Этотъ степенный кругъ старухъ и родныхъ, это торжественное молчанье, которымъ ее окружали — все это обдало меня могильнымъ холодомъ! Я едва могъ найти ее среди этого чиннаго собранія, засѣдающаго неприступно.... Горе! не обмѣниться ни однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ, смотрѣть издали на нее, на мою *Вгору*, не слышать отъ нея ни единого привѣта, быть приняту ею съ равнодушіемъ, какъ посторонній — кто-бы предсказалъ мнѣ это! Мнѣ-ль было ожидать, что я проведу такимъ образомъ первыя минуты соединенья, минуты, долженствовавшія быть счастливейшими моею жизни?...

Но не она, вѣрно не она виновата въ этомъ уничижительномъ приѣмѣ! Вѣрно ей, какъ мнѣ самому, притворство было хуже смертной казни, вѣрно ей сердце рвалось и билось въ пылающей груди, вѣрно въ восторги присутствія волновали ее душу — но приличія — эта язва чувства, эта гибель необнародованной любви — приличія были между нами — и женщина, раба всѣхъ условій, должна была имъ покориться! Бѣдна, конечно, она изстрадалась въ этотъ вечеръ, и теперь, какъ я, тоскуетъ и томится въ одинокой своей комнатѣ!

Мнѣ кажется, она еще больше похорошѣла; выразительность ее лица стала ощутительнѣе, опредѣлительнѣе; черты ее освобождаются отъ оболочки дѣтской безхарактерности; головка ее дышитъ жизнью, мыслью, чувствомъ; прежній румянецъ, примѣта беззаботливости, смѣненъ прозрачными отблесками блѣдной бѣлизны, которые могли придать ей одной развитіе души! Видно, что она сдѣлала шагъ въ жизни сердца, видно, что она любитъ, что

она страдала. И кто лучше меня можетъ замѣтить и опѣнить измѣненія красоты ея, особенно, когда они свидѣтельствуютъ мнѣ о чувствахъ, мною внушенныхъ, о слезахъ, по мнѣ выплаканныхъ!...

Однакожь сегодня, изумленный ея прелестями, я долженъ сознаться, что въ ней пробивалось что-то странное, принужденное, неловкое. Кака-то холодность оковывала ее движенія, взвѣшивала ее слова — она не была самой-собою — я могъ сказать объ ней:

Sotto duo negri e sottilissimo archi!
Son duo negri ochi, auri duo chiari soli,
Pietosi a riguardar....

И къ сожалѣнію, долженъ былъ съ поэтомъ договорить:

A mover parchi! *

Ее глаза избѣгали моихъ — конечно, ими управляла робость? Ее взоры молчали — конечно, чтобы не сказать слишкомъ много! О, я понимаю, что ей душно было при всемъ этомъ народѣ свидѣтелей, но я, я хотѣлъ видѣть въ ней отблескъ ее тайныхъ чувствъ, я былъ-бы счастливъ уловленнымъ взоромъ взаимности, двусмысленнымъ словомъ, котораго никто-бы не понялъ, кромѣ меня, но которое за то я такъ хорошо уразумѣлъ-бы.

Непереводимыя прихотливости любви!... Какъ ни остался я недовольнымъ нашей встрѣчей, какъ ни темно у меня на душѣ, однако жъ, думая о Вѣрѣ, я оживлялось небесною отрадою, чуднымъ проясненіемъ моихъ мыслей, и я готовъ заочно повергнуться на колѣни предъ ея возлюбленнымъ образомъ, и выскazać безъ нея гимнъ страсти и радости, котораго не могъ излить у ногъ ея!

* Подъ двумя черными, лѣнзительными дугами сіяютъ, какъ два солнца, черныя очи, умилительныя взорами — скуны рѣчами!

Постараюсь отдохнуть. Холодное зимнее утро занимается на востокъ. Что скажетъ, что принесетъ мнѣ этотъ новый день, который я встрѣчаю съ такимъ волненьемъ, въ бессонницѣ сожалѣній, надеждъ, ожиданья?

12 Января, рано утромъ.

Съ вчерашняго вечера, съ этого вечера, столь томительнаго и столь сладостнаго, сердце мое до сихъ поръ не перестаетъ биться судорожною тревогою, но голова моя приходитъ въ порядокъ, и я въ состояннн дать себѣ отчетъ, что видѣлъ, что замѣтилъ. Я вспоминаю, что Книгиня Софья поблѣднѣла, когда я вошелъ въ гостиную ея матери, что она съ большимъ смятеніемъ отдала мнѣ мой поклонъ, и потому весь вечеръ убѣгала меня. Вчера я былъ занятъ одною Вврою, но нынѣ привожу я себѣ на память все, что можетъ имѣть вліяніе на мою участь; я стараюсь сообразить все, что предвѣщаетъ мнѣ пріемъ обвнхъ сестеръ — и предчувствіе, которое схватило мою душу на порогѣ дома, при первомъ неудачномъ посѣщеніи, предчувствіе все внятіе говорить сердцу, что оно слишкомъ рано запаслось брачною ризою упованія. Быть можетъ, Вврѣ не удалось склонить мать къ согласію. Но если-бы Климмова знала что нибудь, и противилась-бы дочернннмъ желаніемъ, меня не приняли-бы? Такъ, видно, онѣ не смѣли открыться матери и робѣютъ теперь, боясь семейныхъ распрей... такъ видно ... Нѣтъ! полно, не хочу придумывать ничего мрачнаго, ничего огорчительнаго — поживемъ, посмотримъ — одно у меня неотъемлемо — это любовь моей Ввры! Все прочее одолѣю, или — презрю!

Тотъ же день, послѣ обѣда.

Приглашенье отъ Клирмовыхъ на сегодняшнннй вечеръ! Приглашенье по карточкамъ, какъ на боль-

шой праздникъ; и разсылается за нѣсколько часовъ передъ баломъ, и вчера ни слова о предположенномъ балѣ, ни слова, чтобы позвать меня? Какъ все это странно, необыкновенно, несогласно съ ихъ привычками — соблюдать всѣ закоренѣлые обряды свѣтскости! Какое чудо могло разстроить заведенный порядокъ чиннаго дома Клирмовыхъ?

Но мнѣ все равно. Богъ съ ними и съ ихъ причудами! Меня этотъ вечеръ невыразимо радуетъ: въ плумъ раута мнѣ удобнѣе будетъ наговориться съ Вврою — мы по прежнему ускользнемъ отъ вниманья, мѣшались съ пестрою толпою; мы будемъ свободны, мы насладимся всѣми благополучіями настоящаго, всѣми надеждами на будущее; мы условимся, какъ приготовить, какъ ускорить это желанное будущее! Мы... но зачѣмъ опережать мечтою эти блаженныя часы? Каждый восторгъ, каждая мысль, нераздѣленная съ ней, я краду ихъ у нее, и я ничего болѣе не хочу чувствовать, пока не начну чувствовать и думать *пополалъ* съ нею!

До вечера, возлюбленная всей жизни, всего сердца! До вечера, моя Ввра, моя неотъемлемая, *my own* Ввра!!.....

III.

Tout tremble dans cette âme...
Il n'attendit pas un second avenir,
Il ne languit pas de doute en espérance,
Et ne disputa pas sa vie à la souffrance,
Il but d'un seul trait le vase de douleur,
Dans sa première larme il noya son coeur...
ЛМАРТИНЪ, HARMONIES.

И кто изъ васъ не грѣшитъ, да броситъ въ него первый камень....

Такъ прерывается дневникъ Вадима. Почему? То знаетъ нѣжная сестра; да зналъ бѣдный отецъ; да,

можетъ быть, отгадывало *гдѣ-то* сердце, сердце привыкшее понимать Вадима!

Лавровскій, этотъ товарищъ, у котораго на свадебномъ балѣ Вадимъ и Вѣра познакомились, Лавровскій находился на вечерѣ Климровыхъ, и былъ свидѣтелемъ всѣхъ подробностей этого вечера.

Когда Вадимъ подъѣхалъ къ яркосвѣщенному дому, когда онъ вступилъ въ блестящую залу, лицо его горѣло всею радостью его сердца. Онъ былъ веселъ, онъ проходилъ поспѣшно передъ рядами дамъ, раскланиваясь на всѣ стороны и отыскивая молодую хозяйку; но тѣсныя группы гостей, набившія всѣ углы дома Климровыхъ, останавливали его на каждомъ шагу, и нетерпѣливый любовникъ долго бродилъ не видя Вѣры. Вдругъ сама Климрова, зашита въ блондахъ, разубранная въ перьяхъ и брилліантахъ, загородила ему дорогу, и привѣтствовала его съ ласковѣйшею изъ всѣхъ ласковыхъ улыбокъ, расточаемыхъ ею всѣмъ встрѣчнымъ, всѣмъ проходящимъ.

«Ахъ! Вадимъ Николаичъ! Очень вамъ рада!» сказала она—вы, конечно, удивились нашей *инициации* не въ пору, но мы и всѣхъ также звали. Балъ устроился тайно и нечаянно, для пышнѣйшей радости! Поздравьте-же насъ: мы давеча помолвили свою Вѣрочку. А вотъ, позвольте мнѣ познакомить васъ и съ женихомъ, съ будущимъ зятемъ моимъ, генераломъ Барономъ Гохбергомъ.» Въ эту минуту къ окостенѣлому Вадиму подвинулся мужчина зрѣлыхъ лѣтъ, въ огромныхъ эполетахъ, съ множествомъ орденовъ, наружности самой обыкновенной, и съ покровительственною вѣжливостью пожалъ его холодную руку. Судорожное движеніе пробѣжало по членамъ молодого человека, но прежде чѣмъ онъ опомнился, веселый женихъ, съ своей побѣдвидной тещей,

— «Въ Германію, къ минеральнымъ водамъ, генераль-маіоръ Баронъ Гохбергъ, съ супругою, Баронессою Вѣрою Григорьевною Гохбергъ, урожденною Климровою.»

==

Тринадцатое января 18 .. года, въ зимней церкви . . . монастыря служили обѣдно заупокой, и полумогильные голоса отшельниковъ пѣли своимъ чуднымъ, раздрающимъ напѣвомъ, *sotto voce*, умилительные стихиры смерти, между тѣмъ, какъ диаконъ звучнымъ басомъ провозглашалъ: «Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего боярина Вадима!»

Наканунѣ, отъ двухъ разныхъ домовъ, и въ разное время, прислали просить объ отправленіи обѣдни съ панихидою по Вадимѣ Свирскомъ, погребенномъ въ оградѣ монастыря. Посланные умолчали имена своихъ господъ. Заботливый казначей боялся, чтобы изъ этого двойнаго заказа, не вышло неприятностей, которыя ему трудно было-бы отвратить...

Длинная церковь была почти пуста. Противъ прѣдѣла, въ которомъ совершались молитвы, у ближняго простѣнка, стояли двѣ дамы, обѣ въ черномъ. Одна, пожилая, всею наружностью своею высказывала, что она такъ называемая *колпационка*, то есть, что обстоятельство и недостатокъ принудили ее подѣ старость лѣтъ вѣсть чужой хлѣбъ и жить по чужой волѣ. Она стояла, ни позади своей спутницы, ни рядомъ съ нею, а какъ-то косвенно, и смотрѣла на нее съ подобострастіемъ, крестилась вслѣдъ за нею, творила земные поклоны, ко-

гда та тихо наклоняла голову, и слѣдовала взорами за ея глазами. Что-то унылое поражало въ этомъ бѣдномъ существѣ, тѣмъ болѣе, что ея черты не изобличали чувствъ подлыхъ и низкихъ, а только покорность беззащитности. Она была жалка на видъ но, къ счастью, рассмотрѣвъ ту, которой она принадлежала, можно было поручиться, что она не жалка на дѣлъ, что участь ея въ рукахъ добротворительныхъ и кроткихъ.

Дама, подлѣ нея стоявшая, казалась лѣтъ около двадцати семи, и была-бы вовсе не замѣчательна, если бы лице ея не отгѣнялось двумя господствующими выраженіями: привычкой тихой скорби и ангельскимъ смиреніемъ. Весь нарядъ ея свидѣтельствовалъ о совершенномъ нерадѣніи: платье ея обвисло и прилипло около стана, довольно благороднаго; шляпка была оставленнаго всѣми фасона и не приноровлена къ фізіономіи; старинная Турецкая шаль неловко закутывала ее, и вся наружность соотвѣтствовала такому пренебреженію. Больно было смотрѣть на нее; разочарованіе и пустота жизни отпечатались на ней; очевидно было, что она, добровольно или нѣтъ, отказалась отъ всѣхъ прелестей молодости, отъ драгоценнѣйшихъ правъ женщины: права нравиться и права быть любимой. Но когда она возводила глаза къ небу, сожалѣніе умолкало и смѣнялось уваженіемъ, потому что спокойствіе и благодать разливались во всѣхъ чертахъ ея, и она забывала утраты земныя, наслаждалась надеждою обрѣсть вознагражденіе въ небесахъ.

При этихъ дамахъ находился старикъ слуга, безъ ливреи; онъ всю обѣдно простоялъ на колѣняхъ, рыдалъ громко и вслухъ повторялъ молитвы. Нищѣ, наполнявшіе паперть, замѣтили, что когда онъ высаживалъ барынь изъ ветхой кареты, то

не умѣлъ ни растворить дверецъ, ни разложить подножки, и чуть было не уронилъ старшей изъ барынь, стараясь ее поддержать. Впрочемъ, онъ не привыкъ стоять за каретою, и въ этотъ день исполнялъ не свою должность. Впрочемъ, его взяли только ради его усердія. Статься можетъ, не хотѣли, чтобы другой былъ равнодушнымъ свидѣлемъ печальныхъ обрядовъ. Истинная горестъ любить окружать себя одними тѣми, кто ее понимаетъ.

Поодаль отъ этой группы, такъ приспособленной къ случаю и мѣсту, въ крайнемъ углу церкви стояла еще женщина, представляющая разительную противоположность двумъ первымъ. Эта пріѣхала въ богатомъ экипажѣ, съ гербомъ и позолотою; ее сопровождалъ широкоплечій лакей, обшитый золотымъ позументомъ, одѣтый въ блестящую ливрею, Дама эта во многихъ возбудила бы зависть своими нарядами, если бы тутъ было кому заняться ея нарядомъ. Розовый атласный плащъ, на пушистомъ собольемъ мѣху, блондовый вуаль, на щегольской утренней капоткѣ, означали аристократку моднаго свѣта. Правда, зоркій взоръ праздно наблюдательницы могъ бы и тутъ замѣтить нерадѣнье, но это было нерадѣнье въ другомъ родѣ: дама въ черномъ собрала все, что у нее было траурнаго, хотя не имѣла ни вкуса, ни желанья придумать, какъ бы ея трауръ отвѣчалъ требованіямъ щегольства; дама въ розовомъ надѣла что ей подали, что она носила за-просто. Она была разсѣяна, когда одѣвалась, или слишкомъ занята своими думами. Ея черты были правильны, привлекательны, благородны, но такъ измучены страданьемъ и усталостью жизни, она была такъ худа, такъ блѣдна, что молодость ея дѣлалась загадочною. Глаза ея были черные и большіе, но безъ

огни, безъ жизни, безъ взгляда. Она слушала божественную службу съ алчнымъ и нетерпѣливымъ вниманіемъ; во время пѣнія, она плакала долго и горько, но слезы ея не струились, а засыхали на воспаленныхъ вѣкахъ; нервическое трепетаніе овладало ею; рыданья волновали грудь ея: то были рыданья сухія, судорожныя. Горесть ея была горесть смутная, тревожная, полная истомы и ожесточенія, не умягченная, ни покорностью, ни душевнымъ миромъ. Пылькость нрава и живость страстей рѣзко означались во всемъ существѣ ея; она не просила ни отрады, ни подкрѣпленья, ни надежды — нѣтъ! она оплакивала земное, она чувствовала по-земному! И не одно горе ее изсушило: это горе походило на раскаяніе. Женщина въ траурѣ казалась испытанною и примиренною; нарданая женщина казалась сокрушенною, но мятежною.

Обѣдня отошла; началась паннихида, и при торжественномъ: «*со солтыми упокой,*» священники, клиросъ, монахи и всѣ предстоящіе, со свѣчами и символическою кутьею, пошли на могилу Вадима. Дама въ черномъ медленно и тихо приблизилась къ надгробному кресту, и опустилась на колѣни подлѣ него. Дама въ розовомъ плащѣ, какъ изступленная, поверглась ницъ на холодный камень.

Обѣ онѣ продолжали плакать и молиться по окончаніи паннихиды, когда церковный причетъ удалился. Холодный снѣгъ, сравнявшійся съ краями камней, начиналъ таять, разогрѣтый жаркимъ дыханіемъ; мерзлый иней опуталъ ихъ шубы и леденилъ ихъ слезы — когда шумъ каретъ вывелъ ихъ изъ горестнаго забвенія; обѣ встали почти вмѣстѣ, и впервые замѣтили одна другую. Ихъ взоры быстро встрѣтились въ любопытномъ вопросѣ, со всею пронизательностью женской смѣтливости. Обѣ оста-

новились. Удивленіе и недоумѣніе отразились на лицахъ ихъ. Себялюбивая ревность глубокой привязанности зажглась въ ихъ глазахъ. Ревнуя за могилу, каждая была готова присвоить ее себѣ, и спросить, по какому праву другая къ ней приблизилась. Каждая съ недоумѣніемъ ждала чтобы другая удалась. Онѣ стояли неподвижны. «Катерина Николавна, матушка, пожалуйста, пора намъ!» произнесъ дряблый голосъ старика слуги.

«Карета Баронессы Гохбергъ!» громко возопилъ лакей въ богатой ливрѣ.

У обѣихъ сердца забились, у обѣихъ вырвался знакъ сильнаго изумленія. Одну минуту. Въра колебалась, не подойти ли ей къ сестрѣ Вадима? Сочувствіе общей утраты влекло ее, но голосъ-ужоритель возсталъ въ ея сердцѣ — она зарыдала, она пошла съ пониженою головою. Катерина съ ужасомъ смотрѣла ей въ слѣдъ, и отступила къ памятнику, какъ будто прося его защиты. Ее уведла компаніонка.

За оградой монастыря кареты разъѣхались. Ихъ путь былъ такъ же различенъ, какъ участь и чувства увозимыхъ ими.

Катерина Свирская прѣвѣжала въ Москву посѣтить последнее жилище брата, обожаемаго и во гробѣ; но дѣла ее задержали, и она принуждена была пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ городѣ, гдѣ все было ей ненавистно, потому, что все напоминало ей повѣсть благо-утраченнаго. Весною, возвращаясь въ свою деревню, она захотѣла проститься съ могилою брата, и отправилась въ монастырь, съ обычными спутниками своими. У воротъ обители ее долго задержали пышныя похороны, туда входившія. Множество священниковъ въ присутствіи архіерея, выборъ пѣвчихъ, факелы и черныя пла-

щи, все показывало роскошь и тщеславие, все свидетельствовало о знатности и богатстве умершаго. Въ двухъ шагахъ отъ Катерины пронесли малиновый, бархатный гробъ, подъ балдахиномъ и парчю. Толпа дамъ и людей всѣхъ званий слѣдовала потомъ, и множество каретъ осталось на полѣ.

«Кого это хоронять?» спросила Катерина, у челоука съ бѣлыми нашивками, принадлежавшаго къ церемоніи.

— Генеральшу Баронессу Гохберхъ.

=

Катерина живетъ въ своемъ уединеніи, съ одной вдовой изъ бѣднаго дворянства, которую взяла для приличія. Она не вышла замужъ. Не мудрено!... Она нехороша собою, она безъ приданаго, она безъ знатнаго родства. Кому дѣло знать, что въ ней таятся душа ангела и любящее сердце, съ умою и правомъ женщины превосходной? Въ свѣтъ мила красота, и нужно золотого!

ЛСНОВИДЯЩАЯ.

=

КАРТОЧНАЯ ИГРА.

=

Игра! Она обвиняется законами, осуждается строго нравственностью, не извиняется игроками — *игроки* объ ней молчатъ!

Одни называютъ ее порокомъ, другіе слабостью; у однихъ она вкусъ, у другихъ занятіе; у нѣкоторыхъ привычка, у многихъ страсть.

Одни убиваютъ ею только праздное время; другіе отрываются для нея отъ всѣхъ дѣлъ.

Однимъ она забава, другимъ промыселъ. Но всѣ соглашаются признать ее вредною, и — не взирая на такой единодушный приговоръ, нѣтъ общества, гдѣ бы она не существовала, гдѣ бы не поднимала она своего надмѣннаго чела, заклеяннаго презрѣніемъ и терпимаго людскимъ потворствомъ.

Очаровательная, роскошная и своенравная, игра не скрываетъ сътей своихъ. Армида новая! огонь въ глазахъ, змѣя въ улыбкѣ — съ тайнымъ хладомъ въ душѣ и льной насмѣшкой, утренняя въ могущество прелестей, она на виду считаетъ свои обреченныя гибели жертвы!

Кого не запятнала она мощнымъ перстомъ своимъ? Дикій, въ неизмѣримыхъ степяхъ Америки, на берегахъ своихъ широкихъ рѣкъ, обороняя жизнь и насущную пищу оружіемъ — проигрываетъ свой лукъ и стрѣлы!

Общество образованное безъ игры обойтись не можетъ. Мужчины и женщины, молодые и старые, дворяне и разночинцы ей предаются.

Ни трудолюбіе, ни познаніе, ни гений не спасаютъ отъ сей слабости или страсти. Бенжамень-Константъ, свѣтильникъ своего вѣка, обожавшій славу — проводилъ вечера въ игорныхъ домахъ; Мирабо, буйный трибунъ древняго, развратнаго Рима, ожившій на гибель людскую въ XVIII вѣкѣ, и его современникъ, гениемъ равный, но душою превъшавшій Мирабо — добродѣтельный Фоксъ — забывали судьбу міра за картами.

Самыя карты были изобрѣтены, какъ говорятъ, для одного изъ королей Французскихъ, впрочемъ далеко не гениальнаго, а слабоумнаго и празднаго.

Республика Венеціанская, уже дряхлѣющая, своимъ фаро обыгрывала нѣкогда богачей всей Европы, привлекаемыхъ карнаваломъ и таинственными гондолами.

И новая Франція не стыдилась удерживать игру, какъ отрасль государственнаго дохода. Отъявленные игроки, подобные Герцогу Граммонту и Казановѣ, были съ радостью принимаемы въ знатнѣйшихъ Европейскихъ домахъ.

Игра въ чертогахъ, игра въ гостинныхъ, игра въ лакейскихъ, игра въ шинкахъ, въ казармахъ, на площади, на биржѣ!

Но гдѣ она всего ужаснѣе, отвратительнѣе, безобразнѣе и — всего привлекательнѣе — это на минеральныхъ водахъ! Въ этихъ благотворныхъ, природоустроенныхъ больницахъ, куда стекается страждущее человечество, люди, забывшіе, повидимому, все земное, соединяемые опасеніемъ и тяжкими недугами, въ этомъ преддверіи Долины Иосафатовой, люди кажутся все братья одной семьи. Въ нихъ усыплено честолюбіе, затихла корысть, присмирѣла ревность, замерла любовь — вся жизнь, какъ вода въ болотѣ, заглохла и заплесневѣла.

торжественно шествовали далѣе, собирая поздравленія и поклонны.

Свирскій остался на своемъ мѣствѣ. Голова его кружилась — въ глазахъ меркло; онъ былъ не въ силахъ сдѣлать шагъ впередъ, выговорить слово. Безчувственный, самъ не зная что дѣлаетъ, приникъ онъ къ близъ стоявшей мраморной полуколоннѣ. Д. шелъ мимо, увидѣлъ его, и обрадованный его прїездомъ, подбѣжалъ къ нему, со всѣми выраженіями искреннаго удовольствія. Онъ говорилъ тицетно. Вадимъ отвѣчалъ безсмысленною улыбкой, но память, но душа его — до нихъ не дошли слова радушнаго собрата; онъ были мертвы, мертвы, какъ все упованія несчастнаго. Свирскій былъ оглушенъ громовымъ заключеніемъ своей судьбы. Онъ самъ еще не понималъ, ни слышаннаго извѣстія, ни собственныхъ чувствъ.

Вдругъ — онъ вздрагиваетъ нервическимъ потрясеніемъ . . . что-то знакомое, тѣсносвязанное съ его бытіемъ поколебало воздухъ около него. Близость любимаго предмета возвратила ему самопознаніе. Голосъ дрожащій, разбитый сильнымъ волненіемъ, прерывисто ронцетъ чуть вытнныя слова. Вадимъ приходитъ въ себя. Онъ поднялъ глаза — возлѣ него Вѣра.

Она? — Одѣта, разукрашена съ изысканнымъ, обдуманымъ вкусомъ, свѣжа, какъ первая любовь поэта, хороша, какъ счастливая невѣста, съ изычной ловкостью совершеннаго спокойствія, она стоитъ передъ пораженнымъ Вадимомъ — и ничто, ничто не измѣнилось въ ней, и никто, вида ея столь веселою, столь блистательною, никто не можетъ подозревать малѣйшаго горя въ ея душѣ, малѣйшаго облака надъ ея жизнію.

Правда, необыкновенный, лихорадочный румянецъ
Т. I. — Отд. I. 15

пылалъ неровно на щекахъ ея; правда, глаза ея, то сверкали яркимъ огнемъ безумія, то блуждали, туманны и безвзорны, но улыбка, приросшая къ устамъ ея, была достаточною вывѣскою для увѣренія свѣта въ ея счастья, и Вадимъ, одинъ Вадимъ могъ послѣднею вспышкою сочувствія угадать бурю въ ея сердцѣ, узнать страданіе подъ усмѣшкою и трауръ души подъ праздничною обновою...

«Прости меня, прости меня, Вадимъ! я люблю тебя попрежнему — нѣтъ! больше прежняго, больше чѣмъ когда нибудь! но я не могла противиться — мнѣ грозили деревней, Костромой, заточеньемъ — Богъ знаетъ чѣмъ! — Я знала: ты былъ потерянъ для меня — я знала, что насъ разлучать навѣки — я рѣшилась спасти мою любовь, жертвуя счастьемъ — я повинуюсь, но...»

Ее прервалъ адъютантъ Гохберга, съ приглашеніемъ на вальсъ; женихъ и мать показались въ дверяхъ залы. Вѣра бросила на Вадима невыразимый взглядъ; ласковымъ наклономъ головы отвѣчала адъютанту, и — вихрь вальса умчалъ ее! Вадима кольнуло въ сердце, какъ будто острымъ кинжаломъ. Боль возвратила ему окованныя силы его. Онъ оторвался отъ колонны, и скорыми шагами выбѣжалъ изъ шумнаго бала, изъ освѣщеннаго дома...

=

На слѣдующій день, въ одной изъ гостиницъ на Тверской замѣтно было странное волненіе. Прислуга бѣгала изъ этажа въ этажъ, изъ номера въ номеръ. Содержатель былъ разстроенъ и въ испугѣ. Молодые люди, его жильцы, сошлись въ общую комнату, болѣе или менѣе пораженные чѣмъ-то печальнымъ, и всѣ, знакомые и незнакомые, подъ вліяніемъ

емъ общаго участія, говорили вмѣстѣ шопотомъ, какъ будто совѣщались о чемъ нибудь. На лестницахъ и въ прихожихъ суетились доктора, полиція и проч. и проч. — Въ одной изъ занятыхъ комнатъ, у дверей плакалъ старый слуга, бывший прежде дядькою, потомъ камердинеромъ Вадима Свирскаго; далѣе плацъ-маіоръ и частный докторъ казались занятыми значительнымъ дѣломъ, а Л....., весь встревоженный, хлопоталъ, ухаживалъ около нихъ, съ жаромъ упрасывая о чемъ-то, то одного, то другаго. Старый слуга старался слезами подтверждать его убѣжденія, а на диванѣ — лежалъ недвижный трупъ. Исторія Вадима была кончена. Онъ оставилъ полу-пройденное поприще; онъ не перенесъ переворота своей любви, погибели своихъ надеждъ, своихъ вѣрованій...

Онъ палъ — онъ палъ душою предъ искушеньемъ отчаянія; онъ сталъ виновенъ въ тяжкомъ грѣхѣ предъ лицомъ Всевышняго Судьи, всегда имъ чтимаго; но предъ людьми, предъ людьми? Вед жизнь его говорить за него. Не осуждайте Вадима! Приблизься, человекъ, выскажи надъ нимъ слово отверженія — приблизься тотъ, кто пребылъ твердъ, кто мужался, кто не ропталъ, когда съ высоты блаженства, однимъ махомъ рока былъ онъ свергаемъ въ бездну всѣхъ страданій человечества!

По всѣмъ строгимъ и законнымъ изслѣдованіямъ докторовъ, покойникъ показанъ былъ покусившимся на жизнь свою въ припадкѣ бѣлой горячки. Старый слуга клялся, что его баринъ на пути изъ Петербурга былъ боленъ и бредилъ всю дорогу, и — онъ не лгалъ. Любовь Вадима была сумашествіемъ. Тѣло Вадима предано землѣ съ христіанскою почестью.

Л..... собралъ бумаги своего друга; камер-

диреръ отвезъ ихъ Катеринѣ Свирской, сестрѣ усопшаго.

Въ Москвѣ около недѣли толковали объ этомъ происшествіи. Мнѣнія и слухи были разногласны. Въ Англійскомъ Клубѣ увѣрили, что Свирскій промоталъ, а, можетъ быть, и проигралъ, казенныя деньги. Въ гостиныхъ, въ обществахъ утверждали, что ему отказала богатая невѣста. Въ казармахъ полагали, что его обошли чиномъ. Ультра-романтики, прозябавшіе въ кандитерской Педотги, въ кабинетахъ, посвященныхъ жалобамъ на вселенную, со вздохомъ твердили, что Вадиму наскучила тодольная жизнь, вялая, безчарная, безсвязная.

Въ домѣ Клирмовыхъ менѣ всего заботились о Вадимѣ. Не доставало времени подумать объ немъ—шли приданое будущей Баронессѣ, да готовили праздники и балы къ ея свадьбѣ. Княгиня Софья дня съ два не выходила изъ своей комнаты, сказавшись нездоровою. Невѣста . . . но вѣдь невѣсты, обыкновенно, сидятъ съ женихами, говорятъ съ женихами, и, по принятому порядку, должны думать объ однихъ только женихахъ. Вѣра исполнила всѣ условія своего новаго сана. Было-ли что нибудь сверхъ-обычное въ ея душѣ? Кто узнаетъ что на умѣ, или на сердцѣ у женщины, когда она хочетъ молчать! Баронъ Гохбергъ жалѣлъ о потерѣ молодого человѣка, который былъ красивъ собою, и безъ сомнѣній, ловко лаялся на ординарцы.

Старикъ Свирскій не долго оплакивалъ сына. Преклонныя лѣта и горе свели его въ могилу.

=

Спустя три мѣсяца, читали въ Московскихъ вѣдомостяхъ, подъ рубрикою: *Отъѣзжающіе за границу*

Но *игра* вѣдрилась въ сіи бродящія развалины, и все встрепенулось, вспыхнуло, ожило, закипѣло. Какъ острый ядъ, какъ опиумъ Азіятцевъ, употребительный, смертоносный, но плѣнительный, игра сосредоточила всѣ силы ослабленныхъ болѣзнью и бѣдствіемъ, и жизнь излилась кипящей, бурной и мучительной волною страстей, желаній и восторговъ!

И холодный расчетъ ума, и таинственный трепеть страсти, и суевѣрное предчувствіе, и хитрость соображений, и страхъ и надежда во всѣхъ видахъ, и уныніе сожалѣній, и бышенство раскаянія, и упоеніе торжества, и надмѣніе гордости, все стеклось на позорище, на тѣсномъ поприщѣ дѣятельности человѣческой — на аршинъ зеленого сукна! И смѣхъ, и вой, и вопль, и стоны, и скрежеть—все здѣсь, какъ будто въ адскомъ Пандемоніумѣ!

Но зачѣмъ съ излишкомъ нападать на игру? Она, особенно какъ страсть, имѣетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, свою добрую сторону, и хотя дѣйствуетъ какъ ядъ, но приноситъ человѣчеству, разумѣется, по его несовершенству, весьма существенную пользу. Міръ нашъ, бранный, грѣшный, состоитъ изъ непостижимой смѣси добра и зла. Пора намъ къ этому привыкнуть, и стараться изъ всего существующаго излекать всевозможную пользу. Какая же польза въ игрѣ?

Къ бѣдамъ и горестямъ человѣкъ привыкъ. Ожидай ихъ, или не думай объ нихъ, бѣги и не бѣги отъ нихъ — онѣ тебя настигнутъ, падутъ на тебѣ, какъ снѣгъ на голову, убьютъ твои волосы, проведутъ на лицѣ твоемъ морщины, искрошатъ твои зубы и растерзаютъ твое сердце!

Гдѣ жизненный путь человѣка не усыпанъ терніемъ? Какаѣ радости вознаграждали искателей за

труды достижения? Снискавший славу военную — считает свои раны; богатый гремит деньгами, назначенными удовлетворить всё его желанія, но — желанія его притупили; счастливый любитель красоты — награжденъ изобилою, осыпанъ насмѣшками; вельможа утомленъ завистью людей; ученый умираетъ въ слѣдствіе своей рабочей жизни....

Все земное *забыть любовью, или обхватить игрою!* Но любви краткое время, и развѣ одна ненависть можетъ наполнить сердце, изрытое ея огненнымъ слѣдомъ. А игра? Какое блаженство, въ одно мгновеніе, безъ опасности, безъ труда, безъ приуготовленій, сдѣлаться изъ неизвѣстнаго славнымъ, изъ неученаго ученымъ, изъ слабого сильнымъ, изъ гонимаго любимымъ, потому только, что вдругъ сталъ изъ бѣднаго богатымъ! И это блаженство, верхъ человеческого счастья, даетъ — игра. Суета міра, своимъ блестящимъ вихремъ, объемлетъ и уноситъ игрока выигрывающаго.

Увѣщанія престарѣлаго Цинелъ юному Пирру, мечтающему покорить раждающійся Римъ и богатый Карфагенъ; кроткій голосъ Каллисена сыну Олимпіи, торжествующему въ Вавилонѣ, съ Геркулесовою чашею въ рукахъ, покореніе Азіи; эпиграмма Талерана, на развалинахъ Смоленска стоящему, безродному Корсиканцу — вотъ совѣты благоуміа игроку счастливому!

Великъ человекъ, отражающій всѣ нападки непріязненнаго рока, смѣющійся его гоненію, презирающій его сильныя и вѣрные удары, человекъ свѣтлый и твердый на развалинахъ своего благосостоянія — великъ! Таковъ игрокъ несчастный. Твердая увѣренность въ своемъ, уже испытанномъ мужествѣ, успокоительная бодрость души, что-то громко въ тебѣ говорящее, что ты не сосудъ скудельный,

замѣняють съ избыткомъ и пышность, и нѣгу, и сладострастіе, и всѣ удовольствія свѣта, которыми, за минуту передъ тѣмъ, прельщала и манила тебѣ очаровательница игра!... И оборотъ медали не со всемъ дурень.

Въ счастіи все относимъ мы къ соображеніямъ своего расчета, упиваемся до пресыщенія въ широкой чашѣ самолюбія; въ несчастіи же все сложить на своенравную фортуны и имѣть случай вернуть всю крѣпость духа, что можетъ быть увлекательнѣе!

Человекъ выигрывающій сживется съ игрою для удобностей жизни вышней, вопли ея доставляемыхъ, сживется, какъ съ женою кроткою, благоразумною, всегда покорною — часто скучною, но за то бережливую и терпѣливую! Много есть людей женатыхъ для чайнаго столика — много играющихъ изъ бутылки шампанскаго!

Игрокъ несчастный находитъ въ игрѣ любовницу, бѣшеную, роскошную, прелестную, разнообразную. Она терзаетъ его ревностью, осыпаетъ ласками; мучить холодною, и язвить любовью, и убиваетъ жестокостью! То жертвуетъ жизнью, проливаетъ слезы, обвиваетъ жаркимъ лобзаньемъ; то нагло надъ нимъ смѣется, и равнодушно считаетъ раны его сердца! Кто *разлюбилъ* подобное существо, тотъ можетъ *отстать* отъ игры.

Игра не создана для людей благоразумныхъ, нашедшихъ во всемъ златую Гораціеву, а не нынѣшнюю середину; они одарены счастливымъ равновѣсіемъ способностей души и чувствъ; умѣренныя желанія умѣренно они выполняютъ; ничего не теряютъ, хотя медленно, но всегда вѣрно, они приобретаютъ; ихъ продолжительный, однообразный и несильный трудъ всегда съ избыткомъ награжденъ;

страсти знают они только по слуху — изъ лексикона, и смотреть на нихъ какъ на Китайскія тѣни, довольно занимательныя, иногда съ состраданіемъ, рѣдко съ участіемъ, и никогда съ сочувствіемъ. Они не холодны — но и не горячи, а теплы, какъ парное молоко, и такъ же приторны, хотѣ и питательны.

Но кто страдалъ любовью, кому измѣняли друзья, въ комъ бушевалъ ядъ честолюбія; кто испыталъ минуты мучительныя, палящія, томительныя, когда чувствуешь огонь адскій въ груди и все безсиліе жизни; кто въ подобныя минуты ненавидѣлъ ближнихъ, и ими оставленный, жертва страданій неизлечимыхъ, утративъ надежду, проклиналъ часъ рожденія, призывалъ смерть, тотъ развлекается игрою!

Она одна перераждаетъ все вокругъ него, создаетъ міръ новый, блистательный, обворожительный. Игрива, какъ змѣистая молнія, роскошна какъ природа юга, привлекательна, воздушна — она волшебною рукою исторгаетъ несчастливца изъ юдоли плача и терзаній жизни, и переноситъ его въ страну надеждъ и свѣтлыхъ призраковъ. На долго ль? Хотя бы на минуту!

Сколько людей, смѣлыхъ духомъ, могучихъ волей, съ страстями кипящими, готовыми излиться, благотворнымъ или гибельнымъ, но всегда, стремительнымъ потокомъ на прозябающее человѣчество, сколько этихъ людей, останавливаемыхъ законами, или опутанныхъ мелкою, но частою сѣтью обычаевъ, суевѣрій, удержанныхъ ветхою плотиною предразсудковъ, Наполеоновъ безъ войска, картинъ безъ рамы, сколько ихъ сѣдаютъ себя сами, или браздятъ тѣсный кругъ своею огненною душою и волканическими взрывами! Для нихъ игра, сосредоточивая и отражая все волненіе страстей, есть отрада,

отдушникъ въ паровомъ котлѣ. Безъ игры что имъ дѣлать? Чѣмъ имъ быть? Во Франціи они бываютъ демагоги, въ Италіи бандиты, въ Англіи контрабандисты, въ Испаніи гверильясы — позвольте жъ имъ лучше играть!

Должно замѣтить, что тамъ, гдѣ ходъ и дѣйствіе ума человѣческаго стѣснены неразрывными путями излишнихъ условій, тамъ неминуемо игра должна свирѣпствовать со всею своею силою и прелестью, и противъ игры должна быть тамъ устремлена все строгость бдительнаго закона.

Люди страстные къ игрѣ, для которыхъ превратилась она въ потребность, предаются ей со всею необузданностью сильной воли. Сбросивъ бремя заботъ и трудовъ по обязанности, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидаются они часа игры — часъ замедленнаго любовнаго свиданія неопытному юношѣ не столь медлительнъ! Малѣйшее препятствіе приводитъ ихъ въ бѣшенство. Но они за столомъ, и — лице оживляется весельемъ, и цѣль достигнута! Карты въ рукахъ, золото блещетъ, скользятъ, переходить; шансы множатся, разнообразятся, то польстятъ, то обманутъ — положеніе нерышительное, скучное! Наконецъ повернулось противъ. Деньги, кредитъ, честное слово — все въ ходу! Ядъ въ крови, въ глазахъ туманъ, въ головѣ вертижъ! Смутное ожиданіе разоренія, позора, гибели — онъ стоитъ надъ бездною! Вся надежда на одной картѣ! Окаменѣлое лице подернуто зеленоватымъ покровомъ желчи, глазъ углубленъ, неподвиженъ и горитъ, дыханіе сперлось, и вотъ — онъ стихъ и будто равнодушенъ! Спросите: сколько въ эту четверть часа изжилъ онъ жизни? Такъ играютъ люди прензбыточные силою, которымъ жизнь бремя; имъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ пулю въ лобъ.

или имѣше на столѣ: они предпочитаютъ послѣднее, и — весьма благоразумно!

Въ Среднихъ Вѣкахъ, во время непросвѣщенія и варварства, эти люди погрузились бы во мракъ и безмолвіе пустыни, и въ созерцаніи вѣчности, гдѣ всѣ жертвы не безъ наградъ, всѣ страданія съ возмездіемъ, гдѣ одно отчаяніе смертный грѣхъ — они усмирили бы свой бурный духъ.

Нашъ математическій вѣкъ, вѣкъ положительностей и промышленности, желѣзныхъ дорогъ и паровъ, замѣнилъ любовь шалостью, рыцарство артиллеріею, хлѣбосоельство роскошью, привѣтливость вѣжливостью, патриотисмъ филантропіею и созерцаніе — игрою, и неужели не скажете, что чело-вѣчество усовершенствовалось?

Люди такого разбора суть нравственные самоубійцы. Притупивъ всѣ чувства, они ищутъ сотрясеній сильныхъ и черствыхъ. Они играютъ не для того, чтобы *проиграть*, еще менѣе для того, чтобы *выиграть*, но для того только, чтобы *играть*. Они чужды всякаго расчета и соображенія; они въ игрѣ не забавляются, не работаютъ — но мучатся — и минута самозабвенія, упительнаго небытія, восторженнаго ничтожества, составляетъ ихъ блаженство, и невѣстную, но постоянную цѣль, къ которой они безпрестанно стремятся.

Что же касается до личной нравственности этой категоріи играющихъ, то объ ней, ни худаго, ни добраго, ничего заключить нельзя: они могутъ равно быть и злы и добры, и честны и безчестны. Хладнокровные ко всему остальному, какъ будто въ пылу торячки предавшись игрѣ, они на то время забываются и совершенно на себя похожими не бываютъ. Вельможа забываетъ свой санъ и всякое приличіе; женщина врожденную стыдливость и

кокетство; чадолюбивый отецъ не помнить о семействѣ. Это сатурналія!

Вообще же можно сказать, что чувство, одушевляющее сихъ людей есть наслажденіе личной независимости, удовольствіе играть своею силою, свободою, и состояніемъ посреди разнородныхъ случайностей свѣта и жизни; радость дѣятельности безъ работы и трудолюбія; вкусъ въ жизни неопредѣленной, безъ будущности, безъ предусмотрительности, исполненной нечаянностей, странности, неровности и опасности: таково обыкновенное положеніе души страстнаго игрока. Впрочемъ игроки никому не опасны своею странностью, ибо они сами первыя ея жертвы. Но облагораживая игру, они вредны примѣромъ, и еще тѣмъ, что становясь метою, они раждаютъ въ игрѣ презрѣнную промышленность.

Есть другаго рода играющіе, самые многочисленнѣйшіе, повидимому, самые безвинные и ничтожныя, но въ существѣ своемъ самые вредные. Люди, этотъ кругъ игры составляющіе — все общество, гдѣ играютъ для препровожденія времени, для забавы, изъ приличія. Такая игра производится въ высшихъ кругахъ общества, въ раззолоченныхъ гостиныхъ, нынѣ на сукнѣ, встарину на бархатѣ! Вѣжливость требуетъ поднять карту; вѣжливость запрещаетъ отъ нея отказаться. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти люди, собранные, не знаю для чего, вмѣстѣ, опасаясь сосѣда въ бесѣдѣ своей, одаренные языкомъ для сокрытія своей мысли, многіе безъ свѣдѣній, безъ познаній, съ чванствомъ, рабы условій и этикета, которымъ дома тошно, а въ гостяхъ скучно, всѣ эти люди — что дѣлать съ ними въ ожиданіи ужина — безъ картъ?

Растворены всѣ двери, затоплены каминны, зажже-

ны тысячи свѣчъ, разставлены столы; послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, въ родѣ поклоновъ, ловкая, привѣтливая хозяйка всѣхъ надѣлила картами — и съѣла съ избранными — отдыхать! Какое прекрасное угощеніе, какое гостепріимство, какое общежитіе! Какое невинное и пріятное препровожденіе времени! Какая славная выдумка! Что можетъ быть лучше картъ и утонченнѣе образованнаго общества? Но тутъ-то заражается игра, растетъ, усиливается, украшается и превращается, изъ занятія праздности, въ губительную страсть, или въ презрѣнный промыселъ!

Среди столь большаго и отличнаго общества, этого собранія пріятностей, вкуса и приличій, всегда находятся люди расчетливые, *дельовые*, люди безъ предразсудковъ, съ узкимъ карманомъ и тугучею совѣстью, любители положительнаго, существеннаго, люди благоразумные, моты на чужія деньги, экононы на свое время. Эти люди, сообразивъ и взвѣсивъ, и страсть нѣкоторыхъ, и охоту многихъ, и общественныя приличія, и частныя слабости, не за грѣхъ сочтутъ собирать добровольный оброкъ съ ищущаго забавъ и разсѣянія свѣтскаго стада. Они игрой займутся какъ наукой; разочтутъ математически всѣ шансы выигрыша и проигрыша; приведутъ въ систему, составятъ теорію и приложить ея къ практикѣ. Игра въ ихъ глазахъ торговля, какъ и всякая другая торговля, промышленность, какъ и всѣ прочія промышленности, гдѣ трудъ, время и благоразуміе вознаграждаются.

Правда, что эта промышленность основана на чужой слабости; торговля эта выгодна, и ее можно производить безъ капиталовъ на разореніе ближняго — однимъ словомъ: игра дѣло не совсѣмъ нравственное въ отношеніи частномъ, и вредное въ

общемъ, ибо не только разрушаетъ и безпрестанно колеблетъ состоянія, но и отторгаетъ капиталы отъ промышленности производительной, и выводитъ ихъ изъ общепользнаго оборота, предаеть въ жертву алчности, мотовства, и питаетъ ими самыя постыдныя страсти и вкусы.

Взгляните на игроковъ всѣхъ сословій, отъ Герцога Граммонта до жиды съ ремешкомъ на Бердичевской ярмаркѣ, и разберите ихъ нравственность. Всякій изъ нихъ, въ своемъ кругу, съ образованіемъ, съ свѣдѣніями, и всѣ они въ обхожденіи люди ловкіе, отъ природы часто добрые, готовые на всякую услугу, и даже на благодѣаніе; во всѣхъ взаимныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, они люди довольно честные, хорошіе пріятели, друзьями никогда и быть не обѣщаются, рѣдкіе отцы семейства — но не играйте съ ними въ карты! Тутъ, въ систему обращенный игрецкій расчетъ, по привычкѣ, обратится противъ всякаго — тутъ нѣтъ ближняго! Вы имѣете деньги въ вашемъ карманѣ — они должны быть въ моемъ, потому только, что вы имѣете въ рукахъ карты.

Если обыкновеннаго расчета мало, то прибѣгаютъ къ другому: вмѣсто математическаго употребляютъ игрецкій. Если не могутъ выиграть, то стараются взять даромъ. Средствъ для этого придуманы тысячи; всякій играющій ихъ знаетъ; всякій игрокъ въ нихъ искусенъ. Ежели осторожность, или другія какія причины, не позволяютъ употреблять ихъ самому, то игрокъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи агентовъ, всегда готовыхъ дать урокъ своенравной фортуны. Игроки составляютъ, какъ будто какое-то общество — вездѣ себя знаютъ, вездѣ друга поддерживаютъ, имѣютъ свои начальства, своихъ головъ, своихъ ученыхъ, своихъ механиковъ,

своих исполнителей, своих путешествующих комиссионеров и соглadataевъ, свою іерархію и свою субординацію.

Направляя всѣ свои способности и способы на карманъ сосѣда, неразборчивые въ средствахъ, обильные въ вымыслахъ, въ игрѣ съ доброю нравственностью, въ разводѣ съ совѣстью, подъ гнетомъ законовъ, въ презрѣніи общества, въ разладѣ съ полиціею, всегда готовой ихъ предать, они чутки, осторожны, бдительны, дѣятельны, проницательны, то робки, то нахальны— глядя по обстоятельствамъ. Обязанные, для пользы своей игры, и отчасти по вкусу, жить роскошно и пускать пыль въ глаза, они мотоваты и хвастливы: гдѣ не помогаютъ правда, тамъ прикрашиваютъ ее краснымъ словомъ. Подобно Іезуитамъ — лисій хвостъ и волчій ротъ ихъ неизмѣнное правило.

Щедрость — скупость, дружба — вражда, состраданіе — безпечность — они спекулируютъ на все; чувства самыя благородныя и низкія приведены ими въ расчетъ — и дождь и навозъ равно полезны плодотворной землѣ игрока! И вотъ общал ихъ логика: «Если позволяеть мнѣ общественная нравственность деньги другаго присвоить себѣ за то, что я въ игрѣ его искуснѣе, то почему не взять мнѣ ихъ, потому что я умнѣ его? Почему не употребить искусства рукъ, когда позволено употребить тонкость ума? Проворство всякаго рода похвально, и къ тому же благоразумный человекъ избираетъ кратчайшій путь къ своей цѣли — а моя цѣль — выиграть! Не знаю, почему нравственность беретъ на себя трудъ назначить средство. Кто проигралъ — тотъ зналъ что дѣлалъ — онъ заплатилъ за приятно-проведенное время, а въ противномъ случаѣ онъ безразсуденъ — за что и наказывается. Если бы

не игра, онъ изобрѣлъ бы другой способъ разоренія; за чѣмъ же оставлять другому, что fortuna посылаетъ тебѣ? Она богиня и женщина — гнѣвить и отвергать ее опасно. Мнѣ душевно жаль проигравшагося, но своя рубашка къ тѣлу ближе, и зачѣмъ онъ не за свое дѣло беретъ! Впрочемъ, для несчастныхъ есть филантропы и филантропія, а мое дѣло жить и веселиться!»

И роскошь пируетъ въ бесѣдахъ игроковъ, и золото блещетъ, и вино пѣнится, и кружатся быстрые вальсы, и время проходитъ въ упоеніи, въ радости... а карты мелькаютъ, а кости стучатъ... бѣснуются гости, неподвиженъ банкерь!

Ходъ и свойство игры вездѣ одинаковы, но она измѣняется въ приложеніи народнымъ характеромъ. Въ Англии, гдѣ играютъ явно, безданно и безпошлинно, проигравшійся оканчиваетъ игру пистолетомъ, какъ оканчиваются и многія другія Великобританскія забавы. Тамъ много людей страстныхъ къ игрѣ и игорныхъ мошенниковъ, но общество занимается игрою мало, ибо, по своему образованію и по обширному кругу общественной дѣятельности, есть множество занятій и разсѣяній другаго рода, которыя и пріятнѣе и полезнѣе.

Во Франціи, нѣкогда все предавалось игрѣ; всѣ, дворъ, дворянство, духовенство, всѣ играли. Проигрывали деньги, имѣніе, кредитъ, достояніе дѣтей, питомцевъ, приданое жены, проигрывали женъ, любовницъ — самихъ себя. Лудовикъ XIV не считалъ грѣхомъ обыгрывать свое дворянство. Регентъ съ Лавомъ играли на всю Францію, и проиграли бы ее, но, по счастью, никого не нашлось, чтобы ее выиграть. Въ то время всему смѣялись во Франціи, и ханжеству престарѣлаго балетнаго Аполлона, и семидесятилѣтнимъ любовницамъ, и молодымъ ми-

нистрамъ, и разврату Регента Филиппа, и побѣдамъ Виллара, и торжеству Дюбарри, и Вольтеру, и Руссо, и Монтескье, и проч. и проч. Тогда мода требовала при совершенномъ разореніи улыбнуться, и такъ велось долго.

Началась другого рода игра—но все игра: играли благосостояніемъ народа, существованіемъ государства, судьбою міра; козыряли картечью, расплачивались головами; плаха и поле битвъ служили зеленымъ сукномъ. Выступили на поприще затажные игроки. Банкъ метали Англія и Питтъ, а загибалъ пароли на пароли Корсиканскій понтеръ!

Послѣ ресторации игра возвратила права свои, но такъ какъ не было блестящаго двора и богатаго народа, который не зналъ куда дѣвать свои деньги и время, да и Французы умирали притомъ съ голода, то игра утратила свою мнѳологическую прелесть разврата, свои порывы, свое очарованіе. Она сдѣлалась просто вкусомъ, довольно безвиннымъ, какъ охота Англичанъ напиваться до-пьяна послѣ объѣда. На этомъ вкусѣ, во Франціи основались значительная отрасль дохода, и Парижъ наполнился игорными домами на откупъ, отъ щегольского *salon des étrangers*, гдѣ играла Европейская аристократія, и отъ роскошнаго Фраскати до 54 Но въ *Palais royal*. гдѣ могъ вдоволь наиграться скромный поденщикъ. Для черни же, считающей свои приходы копѣйками, заведена лотгеря. Какъ было не постараться о расширеніи столь пріятнаго вкуса! Откущики игры ничего не рискуютъ, ибо въ большемъ объемѣ шансы не обманчивы, а собираемые доходы идутъ на дѣло. Защитники такого порядка вещей, на который нападали Бенжаменъ-Констанъ, Лафиттъ и Фуа, говорили между прочимъ, что посредствомъ открытой игры, играющіе, платя наличныя деньги, менѣе

подвергаются опасности разоренія, а у игроковъ отнято орудіе мошенничества.

Въ Германіи играютъ вяло, слабо, даже безъ расчета, и — почти честно.

Въ Италіи играютъ много, робко и — навѣрную. Въ Россіи игра запрещена.

Л. САВУРОВЪ.

МОЛДАВСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

—
ДА Б И Ж А.

МОЛДАВСКАЯ БЫЛЬ XVII-ГО ВѢКА.

Шгау зис Дука, с'ей априндем каса,
Кьнд ва пьсе Домница ла маса...
«И сказалъ Дука, зажжемъ дворець,
Когда княжна съедеть за столъ.»
Изъ Молдавской пьсни.

Слышали ль вы, добрые люди, двойчаткою вашихъ ушей про славу Господаря Истрата * Дабужи? Конечно слышали! если мать не родила васъ на свѣтъ глухими и если вы не оглохли отъ грому Святаго Ильи. ** Но сами видали ль вы, добрые люди, двойчаткою вашихъ глазъ, славу Господаря Истрата Дабужи?...

Если вы бывали заводою Прутомъ, то вѣрно видали его дворець: какъ красеный мѣсяць, какъ ясеный мѣсяць, такъ свѣтелъ, такъ блещеть дворець Господаря Истрата.

Если вы бывали на Кимпулунгъ Русскомъ, *** то вѣрно видали его стадо: какъ на небѣ звѣздочки свѣтелочки, такъ стадо Господаря Истрата пасется по волѣ.

Дворецъ Господаря Истрата, не то, что дворцы... Въ комнатахъ полъ вымощенъ Ляшскимъ битымъ серебромъ, потолокъ слѣпленъ изъ Венгерскихъ ду-

* Истратъ, т. е. Евстратій Дабужа подписывался первымъ именемъ.

** Св. Илья, въ понятяхъ Молдавскаго народа приписывается сильное вліяніе на громъ и молнію.

*** См. Историко-Критическое описаніе Молдавіи Д. Кантемира.

катовъ, стѣны сложены изъ зеркаль Нѣмецкихъ, окна прозрачно стекляныя, ставни раскрашенныя какъ иконостасъ Трехъ - Святителей, * двери тисовыя да кедровыя, съ задвижками золотыми, а кровля вся расписана, зеленая, зеленая какъ весна молодая... На службѣ его не Арнауты и Цыганы, а бояре и дѣти боярскіе, въ сапогахъ Болгарскихъ, въ шелковыхъ платьяхъ, золотомъ шитыхъ, въ шубахъ собольихъ, собольихъ, въ шапкахъ высокыхъ, высокыхъ, съ перьями всякаго цвѣту — какъ на кукъ Господарской... На стражѣ его не Дарабаны и Чогодары, а Фальгинскіе Кодряне, ** какъ земля вѣрные, какъ вода сильныя, какъ огонь скорые... Дворецъ Господаря Истрата не то, что дворцы.

Стадо Господаря Истрата, не то, что стада... Ярочки его и козочки какъ дѣвушки ходятъ, вымытые, бѣленькіе какъ въ праздникъ Леди-Маріи, *** руно въ кудри завито, какъ коса до вѣнца у невѣсты, а мягонько — мягонько какъ шелкъ-сыровецъ... На лугахъ его трава шолковалъ, узорченная цвѣтами душистыми, душистыми какъ ладонь церковный, въ колодахъ вода сладкая да прохладная, а при колодахъ поило высѣчено изъ тесанаго камня, изъ заморскаго камня, стойло какъ домъ боярскій, обширное и чистое, вымощенное и покрытое... Пастухи его одѣты поверхъ въ бунды сальныя, но подъ бундами носятъ парчу золотую, на ногахъ будто окинки да постолы **** но подъ окинками да постолами желтые башмаки, въ рукахъ чомаги толстыя, но въ чомагахъ

* Соборная церковь Трехъ - Святителей, построена Господаремъ Василемъ Лунуломъ, находится въ Яссахъ.

** Лесь Фальгинскій лежитъ въ уездѣ того же имени; тамошніе жители называются Кодряне, т. е. лѣсные.

*** Богоматери.

**** Окинки, ошонки; постолы, лапти.

полно червонцевъ набито... Стадо Господаря Истрата не го, что стада.

Славень Господарь Истратъ Дабижя; славень и дворець его, и стадо его; но славнѣ есть у него одинъ камень дорогой, жемчужная одиночка — Домница * Дафна.

Богатъ и великъ Господарь Истратъ Дабижя: но онъ богатъ не золотомъ Венгерскимъ и не серебромъ Ляшскимъ, какъ Василій Лупула, а богатъ дочерью Домницею Дафною; но онъ великъ не Дворомъ многочисленнымъ, какъ Александръ Добрый, и не войнами за Дунаемъ и Нистромъ, ** какъ Стефанъ Великій, а славень дочерью Домницею Дафною.

У Господаря Истрата была одна дочь; одна, какъ одно солнышко бѣлымъ днемъ, какъ одинъ мѣсяць черной ночьюю. И прекрасна была дочь его, Домница Дафна, прекраснѣ брындуши ***, развивающаяся раннею весною, прекраснѣ яблока Домнинскаго, **** созрѣвающего поздною осенью. Станъ ея былъ такъ строенъ, какъ Одобешская лоза ***** или какъ Византійская тополь, возвышающаяся надъ берегами Днѣстра. Глаза у ней были голубые, словно лице неба, а брови черныя, словно крыло ворона. Свѣтлые русые волоса, словно золото, носимое на волнахъ рѣки золотой Быстрицы, ***** вились узорчатыми локонами около шеи ея, бѣлой какъ грудь Дунайскаго лебедя. Какъ Домница Дафна, другой подобной не

* Титуль дочери Господарской, соответствующій Русскому слову Княжна.

** Молдавское имя Дивстра.

*** *Primula veris*. Linn.

**** *Malus pumila*. Въ переводѣ съ Молдавскаго: Кляжеское яблоко.

***** Одобешскія виноградныя лозы считаются лучшими въ Молдавіи.

***** Рѣка, въ коей отыскивается золото.

бывало въ землѣ Молдавской, съ тѣхъ поръ, какъ не стало Русанды. *

И Магнаты Венгерскіе, и Пань Ляшскіе, и Господарь Мунтянскій и Воевода Ардлѣскій искали родства съ Господаремъ Истратомъ. Ни въ странѣ Унгурлѣнской, ** ни въ землѣ Ляшской, ни между Мунтянами, *** ниже между Арделянами, **** не было жениха, достойнаго прекрасной Домницы. Домница Дафна пѣнилась гордостію, какъ пѣнится молодое вино, заключенное въ сомкнутыхъ сосудахъ. Трудно было получить слово ея, еще труднѣе руку, и еще труднѣе сердце.

При пшншомъ Дворѣ Господаря Истрата служилъ молодой Арнаутъ, Каминарь Домницы, Василій Дука, любимецъ Князя и Думы. Хитрымъ обращеніемъ онъ умѣлъ облагородить низкое происхожденіе, а тонкимъ умомъ приобрести любовь и уваженіе.

Пламенный, какъ лѣтнее небо его отечества, и предприимчивый какъ страшное оружіе Арнаутское, Каминарь Дука не могъ смотрѣть равнодушно на прекрасную Домницу, которой служилъ, а неравнодушный, онъ не могъ таить любви своей, какъ малую искру, покрытую громадою золы, еще не испепелившейся, но уже неспособной загорѣть безъ свѣта и воздуха.

Дука полюбилъ Домницу, но какое чрезвычайное расстояние между бѣднымъ Каминаремъ и единственною дочерью богатаго и славнаго Господаря!

А Домница? Она не любила Дуки. Его большіе косые глаза, его густыя мрачныя брови, его грубый,

* Дочь Господаря Василія Лупула, доселѣ считается преданіемъ за первую красавицу.

** Въ Венгріи.

*** Волохи.

**** Трансильванцы.

дикій окладъ лица возбуждали невольное движеніе страха.

Его обращеніе и его умъ восхищали всѣхъ; но онъ не могли восхитить одной Княжны, любившей прекрасное въ прекрасномъ.

«Домница меня не любитъ!» сказалъ однажды Дука, сѣдя самъ, погруженный въ глубокія думы, среди сильныхъ волненій сердца. «Домница меня не любитъ, но она должна быть моею, или да не назовусь я сыномъ славныхъ Горъ Балканскихъ!»

Шумъ и пириество господствовали во дворцѣ Господаря Дабижн; гремѣла народная музыка, гремѣли народныя пѣсни: настала послѣдній день общаго веселія въ столицѣ, ибо послѣдній разъ приняла въ ономъ участіе Домница Дафна.

Старый Князь, нисходя упорному желанію дочери поступить въ святой монастырь и сочетаться съ Вврою, Надеждою и Любовію предъ алтаремъ Спасителя и Пречистой Дѣвы, далъ въ дворѣ своемъ общій вечерній пиръ для всѣхъ жителей столицы, на которомъ имѣла присутствовать и Домница; въ послѣдній разъ въ богатомъ свѣтскомъ уборѣ; въ послѣдній разъ на веселомъ мірскомъ собраніи.

На другой день уже никто не могъ бы узнать въ Домницѣ ту, которая на канунъ того плѣняла всѣхъ. Она имѣла быть уже облечена въ черную шерстяную мантию, покрыта густою черною шафрамою * и носить черныя четки въ рукахъ.

Въ послѣдній разъ Домница Дафна казалась прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, такъ прекрасна, какъ прекрасенъ первый день весны, когда дѣвушки Молдавіи составляютъ волшебный хороводъ на берегу тихаго озера, подъ сѣнію липъ и ясеней, при народныхъ звукахъ цимбалъ.

* Покрывало.

Уже пиръ приближался къ концу; уже раздавались послѣдніе звуки музыки, уже были слышны послѣднія народныя пѣсни. Выступила Домница, послѣдній лучъ угасавшаго свѣтила веселостей придворныхъ, и въ сопровожденіи шести боярскихъ дѣвицъ, при унылыхъ отгласахъ ары, плѣла любимую пѣсню Молдавскаго народа, которая заключаетъ праздникъ свадьбы:

Прощай, мой ясный свѣтъ,
Въ которомъ долго веселилась,
И вы, подружки юныхъ лѣтъ,
И домъ, въ которомъ я родилась!
Теперь чужая я для васъ,
Пора мнѣ съ вами распрощаться,
И васъ обнять въ послѣдній часъ,
Какъ тяжело съ милыми расстаться!

Мрачнѣе всѣхъ на пириествахъ былъ Каминарь Дука: онъ былъ подобенъ черной тучѣ, взшедшей на небосклонъ, среди яснаго солнечнаго сіянія, готовой грянуть и разразиться повсемѣстно, и чернымъ покровомъ своимъ повить ясное лице неба.

Дука не принималъ участія ни въ пѣсняхъ, ни въ пляскахъ: съ суровымъ видомъ, онъ проходилъ мимо каждаго, наблюдалъ каждаго, но никому ничего не говорилъ, и никому на рѣчи не отвѣчалъ.

Каминарь Василій! сказалъ ласково Господарь, зовя къ себѣ Дуку, ты служилъ Домницѣ вѣрою и правдою; сдѣлай же ей послѣднюю службу «попроси святаго отца Митрополита Досифея и святыхъ Владыкъ Радоуцкаго и Романскаго. Пусть благословятъ Домницу предъ лицомъ всего народа.» Господарь прослезился.

Какъ молнія зміею вьется по облаку, такъ заблестала косою глазь Дуки, взирая, можетъ быть, въ послѣдній разъ на прекрасную Домницу. Онъ низко поклонился Господарю, и вышелъ.

Пожаръ! пожаръ! Дворецъ въ огнѣ! раздались по всей столицѣ крики. Калараши Аджи, * съ огромными бочками воды, уже устремились прямо къ дворцу, со всѣхъ сторонъ облитому пламенемъ.

Но внутри дворца, въ богатыхъ свѣтлицахъ Господарскихъ, никто не зналъ и не чувствовалъ опасности. Великолѣпное освѣщеніе подвора Княжескаго, мѣшалась съ перерывистымъ пламенемъ пожара, представляло зрѣлище вдвойнѣ великолѣпное, удалявшее всякое подозрѣніе о близкой опасности.

Одна Домница, скучая длиннымъ и до излишества шумнымъ пиршествомъ, и желая скорѣе исполнить обрядъ благочестивой души своей, предчувствовала, но темно и неясно, какое-то злое предвѣстіе въ освѣщеніи. Приблизившись съ отцемъ своимъ къ окну, она съ улыбкою ему сказала: «Этотъ излишній свѣтъ, кажется, хочетъ удержать меня для свѣта.»

Наконецъ громкіе крики Каларашей Аджи, и тревожные отгасы бубновъ, и насильственные звоны колоколовъ извѣстили придворное общество о неминуемой опасности: всѣ входы и выходы были уже обхвачены сильнымъ пламенемъ.

Старый Князь въ отчаяніи, прижимая къ сердцу своему единственную дочь, просилъ спасти ее, обѣщая въ награду и Княжество свое и богатства свои.

Молодая Княжна, цѣлуя руки своего отца, просила спасти его, обѣщая въ награду и сердце свое и руку свою.

Боже! Боже! спаси дочь! мою «Боже! Боже! спаси отца моего!» попеременно зывали къ Богу Господарь и Домница. Бояре и другіе молились каждый только о себѣ, и искали спасенія только каждый для себя.

Что это за человекъ, полуобгорѣвшій, съ обо-

* Полція въ столицѣ.

женнымъ лицомъ, черный, какъ угольникъ Фальчійскій, или, какъ смольникъ Кетичскій *. Онъ весь дрожитъ, летитъ чрезъ огонь и пламень, и съ насильемъ рвется во внутренность господарскаго дворца.

«Кого онъ спрашиваетъ?... чего онъ желаетъ?.... жива ли она? уцѣляла ли она? Пустите меня къ ней! отдайте мнѣ ее!»

Печальное появленіе страшнаго чернаго незнакомца въ торжественной залѣ общаго веселія, въ ужасный часъ всеобщаго смутенія, поразило всѣхъ неподвижно присутствовавшихъ въ оной. Суевѣрные старики и старухи начали креститься, класть низкіе поклоны, и громко зывать имя то Св. Іоанна Суаческаго, то Св. Параскевы. Молодежь бросилась за ятаганы и сабли, въ забьги, что спаслись отъ страшнаго незнакомца, который могъ пасть жертвою оружія, не спасутся отъ пламени, презирающаго и ятаганы, и сабли. Робкія дѣвушки начали прятаться въ примезныхъ комнатахъ, издавая вопли и плачевные крики. Господарь и Домница не изълюбили ни какого движенія: они оставались во взаимныхъ объятіяхъ.

Жива! Уцѣляла! Я при ней! Она мол! закричалъ въ восторгъ черный, мигомъ подхватилъ исполнскими руками Господаря и Домницу, и сильно увлекъ ихъ съ собою.

Дворецъ былъ полуспасенъ Аджією; и не многие въ семь сдѣлались жертвою огня. Но гдѣ Князь? Гдѣ прекрасная Княжна?... Быстро въ суевѣрномъ народѣ столицы распространилась той же ночи молва, что Господарь и Домница похищены злымъ духомъ на Мыгуру **, гдѣ и пропали безъ вѣсти; и Бояре

* Дремучій боръ не далеко отъ Берлада.

** Гора, существующая въ одномъ воображеніи суевѣрнаго Молдавскаго простонародія. См. Вѣст. Евр. на 1850 годъ. No. 23 и 24. Повесть Дука.

тогда же начали суетиться и спорить о новомъ вѣборѣ Господаря. Несчастіе меньшее забыто; ибо по вѣрѣ народа уже предостало большее несчастіе. Всѣ ожидали мудренаго утра.

На второй день рано, раздался первые громогласные колокольные звоны въ Св. Монастырѣ Форманскомъ; * тошною спѣшили народъ со всѣхъ концевъ столицы въ церковь святой дѣвичьей обители; ибо первый ранній звонъ предвѣщала имъ или общую благовѣсть радости, или злую благовѣсть радости, или злую вѣсть общенародной печали.

Посреди церкви былъ поставленъ богато убранный наложъ, на немъ два вѣнца, а на землѣ драгоценный коверъ.

Медленными шагами выступилъ изъ алтаря Митрополитъ Досіеѣй, сопутствуемый двумя владыками и многочисленнымъ клиромъ, приблизился къ наложу, и позвалъ Домницу Дафну и Каминаря Дуку, возведеннаго уже Господаремъ въ санъ Великаго Вистерника. Они стали на коверъ. Надъ Дукою держалъ вѣнецъ Великій Логоветъ Сандулаки Бальмъ, а надъ Домницею Агаѳица, жена Великаго Логовета Тодорашки Петричейки.

«Во имя отца и сына и святаго духа, вѣнчается рабъ Божій Василій на рабъ Божіей Дафнѣ!»

Народъ въ умиленіи плакалъ, и въ души своей благословлялъ чету: такъ сильна была его любовь къ своей прекрасной Домницѣ.

Обрядъ вѣнчанія совершился и клиръ запѣлъ: «Да будутъ счастливы подобно Стефану Великому! да будутъ счастливы подобно Александру Доброму! Аминь! Аминь!» ** повторилъ народъ.

* Т. е. Красномъ. Такъ назывался прежній женскій, а нынѣ уже мужскій монастырь около Ясса.

** Слово сіе народъ Молдавскій всегда употребляетъ въ заключеніе всѣхъ своихъ желаній.

Таково преданіе Молдавскаго народа о началѣ величія Арнаута Василія Дуки! Зажегши дворецъ и спасши во время пожара Князя и Княжну, онъ получилъ въ благодарность руку послѣдней, и тѣмъ проложилъ себѣ путь къ престолу, на который возшелъ по смерти своего тестя, Господаря Истрата Дабижи. Не долго Княжна знала радости брака! говоритъ лѣтописецъ Несторъ Уреке. Дука, получивъ господарство, завелъ у себя гаремъ и держалъ шестерыхъ наложницъ. Отъ брака съ Дафною, онъ имѣлъ только одного сына, Константина, который былъ Господаремъ съ 1693 по 1696 и съ 1701 по 1704 годъ.

=

ГИНКУЛЬ.

Молдавское преданіе XVII вѣка.

Домнулъ вра, Хънкулъ ба.

«Князь хочеть, Гинкуль не хочеть!»

Молдавская пословица.

—

Рожденный въ горахъ Балканскихъ, воспитанный Арнаутскими разбойниками въ ущельяхъ Родобойскихъ *, злодѣяніемъ достигнувъ родственной связи съ княжескимъ домомъ Дабижи, а такимъ образомъ наконецъ по смерти его престола, Дука, сдѣлавшись Княземъ-владѣтелемъ Молдавіи, не умѣлъ сочетаться любовію и благодѣяніями съ своимъ народомъ. Молдавія представлялась ему поприщемъ самовластныхъ разбоевъ и грабежей.

Непомѣрные налоги и подати обогащали его казну, а чрезвычайныя жестокости поселяли въ наро-

* Горы въ Турціи. Арнаулы называются Родобой, т. е. рады бою.

*

дѣ страхъ и презрѣніе къ нему. Народъ искалъ, но не видѣлъ въ средѣ своей мстителя. Природная добродѣтель увидала подъ тяжестью желѣзнаго жезла, а жизнь и сила тосковали за предводителемъ, который, сосредоточивъ все въ одномъ подвигѣ, могъ бы возбудить общенародную дѣятельность и утвердить свободу и волю опять въ обществѣ; мужественно противопоставъ злодѣяніямъ губителя. *

Въ княженіе Дуки главною жертвою его свирѣпостей и притѣсненій были Армяне. Они вошли въ Молдавію и поселились въ оной еще во время Господаря Александра Добраго, и тогда, по княжескому повелѣнію, имъ были отведены для жительства города Сучава, Ясеы, Романъ, Хотинъ, Васлуй и Дорогой. Съ тѣхъ поръ они здѣсь жили, занимаясь разнаго рода промыслами и торговлею. По сильному духу и опытному искусству въ торговлѣ, они успѣли въ короткое время стяжать несметныя богатства и сокровища, и, пользуясь льготою съ давняго времени, они навѣкли къ свободѣ и нѣкоторой самостоятельной независимости.

Дука первый рѣшился нарушить спокойное пребываніе Армянъ. Когда они отказались отъ платежа непомѣрныхъ даней, ссылаясь на права и вольности, дарованныя имъ прежними Господарями, то Дука велѣлъ насильственно отнимать у нихъ дома и грабить всѣ ихъ богатства, далъ волю вѣшать, рвать, топить знатнѣйшіе Армянскіе дома. Народъ, особенно торговый, завидуя Армянамъ и не имѣя способности сравниться съ ними, съ удовольствіемъ исполнялъ приказанія Господаря. Такимъ образомъ настало общенародное гоненіе на Армянъ, означенное чрезвычайными примѣрами жестокостей и преслѣдованій.

* Такъ называется въ народныхъ лѣтописяхъ Дука.

Въ то время жилъ въ Яссахъ Армянинъ Ованесъ * Пасхалисъ, родственникъ дома Патріарховъ Эчміадзинскихъ, человекъ чрезвычайно богатый, пользовавшійся титуломъ княжескимъ отъ своихъ соотечественниковъ. На него взирали всѣ Армяне, съ любовью и надеждою, какъ бы ожидая рѣшенія своей судьбы. Довольно было одного слова его, чтобы всѣ Молдавскіе Армяне или общимъ сонмомъ двинулись въ предѣлы другаго государства, кинувъ страну неблагодарную, или, принявшись за оружіе, крѣпко стали противъ гонителей, защищая права своей пріобрѣтенной собственности. Но Князь Эчміадзинскій, такъ по большей части называли Ованеса, оставался спокоенъ, какъ-будто не замѣчалъ, или не предугадывалъ желаній своихъ соотечественниковъ. Многие даже начинали подозрѣвать его, основываясь на томъ, что среди общихъ преслѣдованій, въ грозную бурю общаго разрушенія въ Молдавіи Армянскаго общества, онъ оставался цѣль и невредимъ, какъ твердая скала на морѣ, въ часъ повсемѣстнаго волненія. Но Ованесъ былъ вѣренъ и своей вѣрѣ, и своимъ соотечественникамъ: онъ ожидалъ только удобнаго времени и случая, и для вѣрнѣйшаго успѣха, притворялся холоднымъ зрителемъ и наблюдателемъ несчастнаго положенія своихъ соотечественниковъ; впрочемъ въ душѣ его сильно горѣла любовь къ нимъ, и еще сильнѣе горѣла страсть мести, — вполнѣ природная выходцамъ пламеннаго Востока.

У Князя Ованеса была дочь, въ коей щедрая рука природы сосредоточила всѣ тѣ прелести, кои можно находить только въ Азій, первородной колыбели красоты и человечества. Волоса ея были такъ черны, какъ оленовое драгоцѣнное дерево, такъ мягки, какъ шелкъ Персидскій; такъ кудрявы, какъ ло-

* Иванъ.

конь матери Евы *; брови ея вились радугою надъ прекрасными глазами, въ коихъ спорилъ день съ ночью, переливаясь въ волшебномъ тмо-свѣтѣ. На щекахъ ея цвѣли розы Кашемирскія, двѣственныя, какъ вершина Арарата, нетронутая стопою ни одного смертнаго. Губы ея казались изваянными изъ чистѣйшаго молока и крови голубиной **. Грудь ея воздымалась такъ легко и свободно, какъ пухъ, носимый на крыльяхъ тихаго весенняго воздуха. Станъ ея былъ такъ гибокъ и строенъ, какъ кедръ на вершинѣ Ливанской. Дочь Князя Ованеса, Ганка, была прелестнѣе всѣхъ прелестей и красивѣе всякой воображаемой красоты; и Князь Ованесъ гордился своею дочерью, болѣе чѣмъ Дука своимъ княжествомъ и безчисленными богатствами. Ганкѣ, казалось старику, было опредѣлено быть Эсфирью Армянскаго народа, и не такъ пламенно мечтаютъ Жиды о своей Мепіашѣ ***, какъ Ованесъ мечталъ о своей Ганкѣ.

Тѣмъ же, что для Армянскаго племени былъ Князь Эчміадзинскій, Ованесъ Пасхалисъ, а для Ованеса его прелестная, ни съ чѣмъ несравненная Ганка, для Молдавскаго народа казался великій Хатманъ **** Тоница Гинкуль. Гинкуль происходилъ изъ древняго знаменитаго народа, владѣвшаго нѣкогда многочисленными помѣстьями въ области Седмиградской. Съ быстрымъ пронизательнымъ умомъ онъ соединялъ твердость и непоколебимость воли, и владѣлъ чрезвычайно, удивительно тѣлесною силою, такъ, что одною рукою онъ нерѣдко могъ приостановить движеніе большаго мельничнаго колеса, вращаемаго стремленіемъ самой быстрой воды. Изъ

* Армянское народное выраженіе.

** Сравненіе, заимствованное изъ народныхъ пѣсень.

*** Мессія.

**** Главный полководецъ народнаго войска. Гетманъ.

всѣхъ бояръ, раболѣпствовавшихъ предъ Господаремъ Дукою, онъ одинъ не преклонялся, и упорно противостоялъ всѣмъ княжескимъ намѣреніямъ и повелѣніямъ. Любимый войскомъ, онъ не опасался злонамѣренныхъ ухищреній Дуки. Всегда обремененный въ желѣзную сбрую, онъ нерѣдко держалъ приводить въ страхъ своего Господаря, и въ княжеской думѣ смѣло изрекалъ свои мнѣнія, изъяслялъ свою волю въ противность волѣ княжеской, и называя открыто Дуку наковальнею, * неоднократно ему говорилъ, что онъ будетъ кузнецомъ воли и свободы Молдавскаго народа.

Гинкуль любилъ дочь Князя Ованеса, и, одаренный прекрасною наружностію, знаменитый, богатый, пользовался и ея любовію. Если бы слѣпой, безотчетливый предрасудокъ Молдавскаго народа не запрещалъ брака съ иновѣркою, особенно съ Армянкою Аріанскаго исповѣданія, совершенно презрѣннаго въ Молдавіи, и если бы приверженность Армянъ къ ереси своей не воспрещала ей перемѣны исповѣданія: то давно прекрасные любовники были бы соединены въ неразрывную чету. Гинкуль и Ованесъ были выше предрасудковъ своего времени и народа, но они не могли рѣшительно, прямо, безъ предварительнаго расположенія къ тому мыслей прочаго общества, возстать противъ мнѣнія и обычая, освященнаго давностію времени и закономъ. Гинкуль не могъ даже посѣщать Ованеса, и видѣться съ возлюбленною своею иначе какъ ночью.

На ночныхъ совѣщаніяхъ они положили ожидать благоприятнаго времени и для брачнаго союза, и для освобожденія своихъ соотечественниковъ отъ

(*) Изъ летописи Мирона Костина.

преслѣдованій и угнетеній. Такимъ образомъ въ прекрасномъ лицѣ Ганки соединились тайно надежды двухъ разнотѣрныхъ и разноплеменныхъ народовъ; и въ ихъ взаимной любви сокрылся залогъ возстанія противъ злаго губителя, Арнаута Василія Дуки.

Дука, хищный и вмѣстѣ сластолюбивый, зная о богатствахъ и сокровищахъ Князя Ованеса, и, увидѣвъ однажды на городскомъ гуляньѣ прекрасную дочь его, Ганку, алкалъ и его имѣнїя, и пылалъ страстно къ его дочери. Удаливъ Гинкула изъ Яссы съ цѣлымъ войскомъ подъ предлогомъ опасности нападенія Татаръ Будацкихъ на окрестности Орхей, онъ полагалъ, что не имѣетъ въ столицѣ болѣе врага своимъ кознямъ и наглостямъ, и началъ дѣйствовать рѣшительно.

Разными способами старался онъ чрезъ своихъ клеветниковъ и наемниковъ склонить Ганку на преступленіе, и украсить ею свой гаремъ, обѣщая за то пощадить богатства и сокровища отца ея. Но Ганка была тверда, какъ несокрушимый гранитный камень святой горы Арарата. Всѣ происки были напрасны, и Господарь постановилъ замѣнить хитрость силою.

Уже почти всѣ Ясскіе Армянскіе дома были разрушены до основанія, и всѣ купеческіе дома ограблены. Пришла очередь и на Ованеса. Княжескимъ придворнымъ дарабанамъ было приказано, темною полночью напасть на Ованеса, лишитъ его серебра, золота, драгоценныхъ камней, и того, что было ему дороже и серебра, и золота, и камней, прекрасной дочери, Ганки.

Гинкуль безпокойный, какъ каждый любовникъ, часто оставлялъ военный станъ, не видя ни какой опасности со стороны Татаръ, и тайно посѣщалъ Яссы, гдѣ останавливался прямо у своего друга, Князя

Ованеса, чтобы искуснѣе удалить всякое подозрѣніе о своемъ присутствіи въ столицѣ.

Спокойно расположенный, онъ сидѣлъ на богатомъ Армянскомъ коврѣ съ Княземъ и его дочерью, и курилъ табакъ изъ длиннаго Турецкаго чубука. Разомъ раздался стукъ и крикъ въ подворьѣ, возвѣщавшій о прибытіи какой нибудь вооруженной толпы.

Гинкуль ни мало не перемѣнилъ своего положенія, а Ованесъ, ничего не опасаясь въ присутствіи сильнаго Хатмана, приказалъ отворить домъ и удалиться своей дочери. Съ наглостію и шумомъ вторглись дарабаны, числомъ двѣнадцать человекъ, но примѣтивъ и узнавъ Хатмана, они чинно остановились у порога, съ робкимъ молчаніемъ.

«Чего и отъ кого?» спросилъ ихъ громко Хатманъ, не перемѣняя своего мѣста и не оставляя трубки.

«Марія-са *», прислалъ насъ отнять все имѣніе этого поганого пса **, который имѣетъ счастье сидѣть на коврѣ возлѣ Вашего Государства ***, и представить его поганую дочь, Ганку.»

«Идите, сказала хладнокровно Хатманъ, и скажите Дукѣ, тому извергу Арнаутскому, что Господарь хочетъ, а Гинкуль не хочетъ. Дарабаны низко поклонились и вышли, а Гинкуль съ Ованесомъ и Ганкою, собравъ наскоро знатнѣйшія сокровища, бѣжали черезъ Прутъ въ военный хатманскій таборъ, расположенный недалеко Орхей, при монастырской деревнѣ (нынѣ областномъ Бессарабскомъ городѣ) Кишиневѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Дука слѣдующаго утра,

* Марія са. Такъ величаютъ Молдаване своего Господаря.

** Народное выраженіе.

*** Титуль, даваемый вельможамъ.

чтобы начать свои дѣйствія уже не противъ Ованеса, а противъ мятежнаго Хатмана. На другой день Митрополитъ и соборъ владыкъ и духовенства, по настоянію Князя, издали анаемсу на Гинкула, какъ отступника отъ Вѣры Православной, пріѣвшаго ученіе Арія, и тогда отправлены были послы въ Царь-градъ къ Султану, и въ Краковъ къ Королю Польскому съ извѣстіемъ о возмущеніи, учиненномъ Гинкуломъ-Хатманомъ.

Между тѣмъ Гинкуль, какъ бы желая оправдать анаемсу Собора, сочетался бракомъ съ Ганкою, и укрѣпился въ своемъ станѣ. По мѣрѣ того, какъ распространилась вѣсть о союзѣ Молдавскаго полководца съ дочерью Эмиадзинскаго Князя, со всѣхъ сторонъ толпами собирались къ нему Армяне, вступающая подъ его знамена, а Молдаване, радуясь случаю освободиться отъ губительства Дуки, приняли его сторону, забывъ на тотъ разъ, или же можетъ быть и простивъ ему то, что онъ бракомъ своимъ подтвердилъ анаемсу Собора.

Восемь дней стоялъ Гинкуль безъ дѣйствія. Наконецъ явилось ополченіе княжеское, предводительствуемое самимъ Господаремъ Дукою, и собранное на-скоро изъ поселянъ и разнородныхъ наемниковъ. Не трудно было Гинкулу побѣдить однимъ рѣшительнымъ ударомъ необуценную милицію Дуки! Но Гинкуль ожидалъ начала дѣйствія со стороны пріѣвшаго непріятели.

Минорашко, главный капитанъ и наперсникъ Гинкула, совѣтовалъ прогнать княжеское ополченіе; но Гинкуль всегда ему отвѣчалъ: чего Минорашко хочеть, того Гинкуль не хочеть.

Обиженный отказами своего вожда, Минорашко вступилъ въ тайныя сношенія съ Дукою.

Однажды, 7-го Іюля, онъ явился съ притворнымъ

безпокойствомъ въ палатку Гинкула, которая была довольно удалена отъ прочаго стана, и сказалъ «Хатманъ! разставь вокругъ себя стражу: на тебя могутъ тайно напасть, а ты одинъ въ палаткѣ.»

«Вели вывѣсить снаружи палатки мое ружье, отвѣчалъ Гинкуль, и вели прокричать возлѣ непріятельскаго стана: Гинкуль спитъ одинъ безъ ружья, кто хочеть напасть на него съ ружьемъ?»

Ружье вывѣшено.

Вторично вошелъ капитанъ Минорашко, и подтвердилъ ему свой совѣтъ. Гинкуль опять далъ подобный отвѣтъ, и велѣлъ вывѣсить ятаганъ.

Ятаганъ вывѣшенъ.

Въ третій разъ явился капитанъ Минорашко съ тѣмъ же предложеніемъ. Гинкуль велѣлъ вывѣсить саблю.

Сабля вывѣшена.

Безпечный Гинкуль легъ спать, оставивъ даже палатку свою раскрытою. Тихо вошелъ коварный Минорашко, и выстрѣлилъ въ него изъ его собственного ружья. Гинкуль схватился, хотѣлъ подняться, но упалъ о землю, крѣпко раненный въ оба ноги. Минорашко ударилъ его ятаганомъ прямо въ грудь, и Гинкуль едва успѣлъ сказать: «Другъ! иди и скажи врагамъ, что не они меня убили, а убило меня собственное мое оружіе! Минорашко отрубилъ ему голову его же саблею, и отнесъ ее Дуку, который за то пожаловалъ Минорашко Хатманомъ.

Летять три черныя ворона съ кровавыми носами съ кровавыми когтями, изъ-за Прута, изъ Сердаріи * Оргіевской, отъ побонца Кишеневскаго, отъ лѣсу Бьцкаго, и прилетѣли три черныя ворона къ маткѣ ** Дуная, въ городъ Галацъ, прямо мимо бѣла-

* Сердаріею первоначально назывался округъ, въ коемъ было военное управленіе.

** Устье.

го дворца, гдѣ жила прекрасная жена Гинкула. Вышла Ганка на круглое крыльцо и золотымъ платкомъ начала повѣвать, и бѣлою рукою начала мантию, зовя черныхъ вороновъ въ гости.

«Добро пожаловать, черные вороны! изъ какой вы земли; не изъ-за Прута ли быстро, отъ побойща Кишиневаго? Мимолетомъ видали ль вы бѣлый наметь Хатмана Гинкула; на золотыхъ столбахъ съ бархатнымъ верхомъ, съ шелковыми кистями? Мимолетомъ видали ль вы, какъ онъ, на ворономъ конѣ бѣлоножке, съ звѣздою на лбу, носился среди рядовъ губителя Дуки, и щедрою рукою дарилъ смерть и увѣче неприятелямъ? Мимолетомъ видали ль вы свободное ополченіе Армянское, съ вѣтвію оме-лы *, возвращающееся за Прутъ, съ весельемъ гуломъ пѣней побѣдныхъ, и влекущихъ за собою губителя Дуку и клеветовъ его въ цѣпяхъ и колодахъ?»

«Ой были мы за Прутомъ, ночь цѣлую летимъ отъ страшнаго побойща Кишиневаго. Видѣли мы наметь Хатмана Гинкула, опрокинутый, изорванный: Арнауты Дуки разграбили бархаты, шелкъ и золото. Видѣли мы и его самого, распростертаго на сырой землѣ близъ коня удалаго: мы ислеквали ему грудь и высосали кровь сладкую изъ его сердца. Видѣли мы и ополченіе Армянское, бѣгущее въ разсыяніи безъ пути, и Дуку, возвращающагося въ Яссы съ вѣтвію оме-лы, и пѣвчихъ за нимъ въ цѣпяхъ и колодахъ. Плачь, Ганка, плачь вдвое: уже Гинкула болѣе не увидишь ни живаго, ни мертваго!»

И полетѣли три черныя ворона своею дорогою, а прекрасная жена Гинкула осталась самдругъ съ своею печалію.

* Сіе растеніе имѣеть вообще такое значеніе въ Молдавіи, какъ въ Европѣ лавръ.

Быстро распространилась въ войскѣ молва о буйствѣ Гинкула. Армяне разными путями начали убѣгать, преимущественно въ Трансилванію, а Молдаване — опять принесли повинную голову Дукѣ.

Ганка, съ отцемъ своимъ, сокрылась въ Галицію, гдѣ родила сына Константина Гинкула; по смерти Дуки возвратилась опять въ Молдавію, приняла православіе, и получила все имѣніе своего мужа.

Константинъ Гинкулъ бѣжалъ съ Княземъ Димитріемъ Кантемиромъ въ Россію, и отъ него происходятъ нынѣшніе Гинкуловы въ Херсонской Губерніи.

БОЛЕСЛАВЪ ХИЖДЕУ.

1854.

Село Иновцы.
(Въ Бессарабіи.)

=

МОЙ НАБОРЩИКЪ.

ГЛАВА I.

Только что положилъ я перо, кончивши страницу самаго краснорѣчиваго описанія, о томъ, какъ... да, о чемъ-бы то ни было, но увѣрю васъ, что страница была самая великолѣпная, написанная *высокими* слогомъ, и на ней было счетомъ двѣ дюжины фигуръ самыхъ замысловатыхъ и десятокъ троповъ самыхъ фигурныхъ. Только что положилъ я перо, и думалъ о наслажденіи отдыхомъ — дверь скрипнула... «Кто тамъ?» *воскликнулъ* я, и яркая мысль о суетѣ, врывающейся въ поэтическіе досуги кабинета, сверкнула передо мной фигурою, вылилась въ тропъ, и запрыгала вдохновенною идеею о суетѣ міра, и проч. и проч. — «Это я, сударь» — Кто ты? Но еще не успѣли разлетѣться въ пространство и перейти во время слова мои, какъ взоръ мой распозналъ уже бѣду мою, мое грозное и грязное привидѣніе, моего мучителя, мучителя всѣхъ журналистовъ, всѣхъ литераторовъ — это былъ *наборщикъ!* Если вы не печатали книгъ, то вы не знаете, что такое значить «наборщикъ», это живая машина, этотъ превратитель *письменнаго въ печатное*, это существо всегда замазанное, масломъ и сажей, это чудовище пожирающее вашу рукопись, эта труба, черезъ которую равно льется и глупое, и умное, и смѣшное и печальное, сочиненіе и переводъ, критика и антикритика, и который при

всемъ томъ остается ни уменъ, ни глупъ ни веселъ, ни печаленъ, неизмѣнный, какъ цифра, хладнокровный, какъ рыба, невнимательный, какъ мужъ черезъ годъ послѣ свадьбы... Но я когда нибудь на досугъ передамъ вамъ характеристику *наборщика*.

«За чѣмъ ты?» спросилъ я. — Да, вотъ, сударь, не достаетъ на три полосы оригинала. — «Какъ не достаетъ?» — Такъ, сударь, не достаетъ. — «Да, что же изъ этого слѣдуетъ?» — Не знаю, сударь! — «Какъ, не знаешь? За чѣмъ-же ты пришелъ?» — Да, пожалуйста, сударь, *оригиналу*. — «Но какого-же оригиналу я дамъ тебѣ?» — Не знаю, сударь, а нельзя верстать — только одиннадцать, да двѣ — грехъ не достаетъ. — «Да, развѣ ты думаешь, что я оригиналъ могу тебѣ изъ земли выкопать? Вѣдь оригиналъ значитъ сочиненіе, либо переводъ. Разсуди самъ: для того и для другаго надобно подумать, сообразить, приготовить, обмыслить, написать, почистить написанное. И когда же все это мнѣ сдѣлать? Гдѣ я возьму мысли? И если-бы и нашелъ, какъ мнѣ пригнать мое воображеніе, мою мысль, мою идею въ твои три полосы? Выйдетъ больше, меньше — опять ты явишься меня мучить, и я не въ состояніи буду... Но, довольно — ты долженъ понять меня, и, конечно, самъ согласишься со мною.» — Не знаю, сударь. Пожалуйста оригиналу. — «А, ты, видно, не понимаешь словъ моихъ. Стань же ты на мое мѣсто, и я спрошу тебя, что бы ты сдѣлалъ, если-бы я къ тебѣ пришелъ, и сталъ говорить — пожалуйста оригиналу.» — Я, сударь, дамъ бы оригиналу. — «А гдѣ-бы ты его взялъ, если-бы не было?» — Я бы сдѣлалъ его. — «Но идея, мысль, изложеніе?» — Да, я, сударь, сдѣлалъ бы, да и написалъ. — «Но развѣ ты думаешь, что оригиналъ твой можно дѣлать, какъ лапти

плесть?» — Не знаю, сударь. — «Развѣ ты не видишь, какъ мы его дѣлаемъ?— Вижу. — «Ну, какъ же?» — Сядете, да и напишете. — «Но вѣдь написать, такъ надобно подумать!» — О чемъ-же, сударь, тутъ думать — съли-бы, да ужь давно написали, чѣмъ говорить. Когда надобно оригиналу, такъ, ужь тутъ думать нѣчего. — Онъ замолчалъ, и я началъ размышлять: «Въ самомъ дѣлѣ? неужели всѣ тѣ думали, кто печаталъ и печатаеть? Оригиналъ — буквы. Если онъ набираеть ихъ, не думалъ — почему-же *лишь* не писать ихъ, не думал... Да, что тутъ много толковать? Самъ онъ будетъ мнѣ *оригиналомъ*. Его приходъ, его требованіе, его слова, его видъ — вотъ вамъ и оригиналъ.

«Слушай» — сказалъ я. «Знаешь-ли ты, изъ чего хочу я *сдѣлать оригиналу* на три полосы? Изъ тебя самого составляю я эти три полосы!» — Онъ усмѣхнулся. «Да, пожалуй, сударь, если изволиге — хоть и меня опишите.» — А! какая мысль описать наборщика, сдѣлать изъ него романъ, повѣсть, сказку, статейку; рассмотреть его философически и статистически, юморически и всячески. Рышено — пишу, пишу — и вотъ его приходъ будетъ *первая глава*... А тамъ его очеркъ, его жизнь, его быть, его взглядъ на вещи, его я и не я... я не вижу конца главамъ... Но извините — теперь нѣтъ мѣста: *три полосы* набраны, и я по неволѣ, оканчиваю моего *наборщика* — будетъ ли это романъ, повѣсть... право, и самъ не знаю! Подождите *второй главы*, когда опять не достанетъ оригиналу ..

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛАВИНІЯ.

Записка.

«Вы почти сосватались, Ліонель, и потому, мнѣ кажется, будетъ благоразумно, если мы возвратимъ другъ другу наши старинныя письма и портреты. Теперь сдѣлать это легко. Случай сблизилъ насъ. Послѣ десяти лѣтъ, проведенныхъ нами въ разныхъ сторонахъ, мы опять живемъ только въ несколькихъ миляхъ другъ отъ друга. Мнѣ скзывали, что вы бываете иногда въ Сент-Совѣръ. Я проживу здѣсь не болѣе восьми дней, и надѣюсь, что въ теченіе этой недѣли вы найдете свободную минуту прѣѣхать сюда съ пакетомъ, котораго у васъ требую. Я живу въ домѣ Эстабанета, подлѣ самаго водопада. Вы можете прислать ко мнѣ человека, котораго изберете для такого порученія, и онъ доставитъ вамъ отъ меня пакетъ, уже приготовленный мною.» —

Отвѣтъ на записку.

— Пакетъ, который вы приказываете переслать къ вамъ, готовъ. Не могу не быть благодарнымъ за вашу ко мнѣ довѣренность. Вы не сомнѣвались, что пакетъ этотъ всегда со мною, и что я могу возвратитъ его вамъ, когда-бы вы ни вздумали его потребовать. Но, неужели долженъ я самъ привезти этотъ пакетъ въ С. Совѣръ, для того только, чтобы по-

ручить тамъ доставленіе его другому? Если вамъ не угодно позволить мнѣ насладиться счастьемъ свиданія съ вами, то для чего же ѣхать мнѣ самому, и подвергать себя тяжелой грусти — быть такъ близко подлѣ васъ и не видать васъ? Не лучше ли будетъ поручить пакетъ вѣрному человѣку, который доставилъ бы его къ вамъ прямо изъ Баньера въ С. Совѣръ? . . . Ожидая приказаній вашихъ, и каковы бы они ни были — покориюсь имъ безусловно. —

Еще записка.

«Я знала, что письма мои съ вами, но знала это потому только, что двоюродный братъ мой Генрихъ, видѣвшій васъ въ Баньерѣ, сказывалъ мнѣ, будто слышалъ это отъ васъ самъ. Радуюсь, что Генрихъ, который, какъ въ повѣсьи, часто лжетъ, на этотъ разъ не обманулъ меня. — Прошу васъ самихъ привезти пакетъ въ С. Совѣръ. Такихъ посылокъ нельзя поручать человѣку постороннему, и тѣмъ болѣе здѣсь, въ горахъ, наполненныхъ контрабандистами; они грабятъ все, что попадется имъ подъ руку. — Увѣрена, что вы мужественно защитите ввѣренный вамъ залогъ, и потому могу быть спокойною. Я не предлагала вамъ свиданія: для чего было дѣлать еще болѣе непріятно и безъ того тяжелую обязанность, какую возлагаю на васъ? Но, мнѣ кажется, что вы желаете свиданія со мною, и я охотно соглашаюсь доставить вамъ это, хоть и весьма слабое, вознагражденіе. Болѣе однако жъ лишитъ васъ драгоценнаго времени въ напрасной поѣздкѣ, назначаю вамъ день, когда можете вы застать меня дома: будете въ С. Совѣръ 15 числа, въ 9 часовъ вечера; приходите прямо ко мнѣ и велите моей арапкѣ сказать о вашемъ прибытіи; я немедленно явлюсь. Мой пакетъ будетъ готовъ. Прощайте.»

Эта вторая записка была весьма непріятна Лионелю: она застала его среди приготовленій къ поѣздкѣ въ Люшонъ. Прекрасная миссъ Эллисъ, почти невѣста его, назначала его своимъ провожатымъ. Прогулка обѣщала ему много наслажденій. На водахъ общественныя забавы почти всегда удаются, потому именно, что онѣ составляются скоро

и нѣтъ времени ихъ приготовить. Жизнь пролетаетъ тамъ въ удовольствіяхъ и нечаянностяхъ, а безпрестанное появленіе новыхъ лицъ придаетъ какое-то разнообразіе всѣмъ праздникамъ и собраніямъ.

Лионель весело жилъ на Пиренейскихъ водахъ, такъ весело, какъ только порядочному Англичанину позволено быть веселымъ. Кромѣ того, онъ былъ страстно влюбленъ въ роскошный станъ и богатое приданое миссъ Эллисъ, и теперь, когда миссъ Эллисъ, какъ нарочно выписала изъ Тарба прекраснаго, смирнаго Наваррскаго коня, и хотѣла пощеголять имъ предъ всѣми, отсутствіе его на прогулкѣ могло быть пагубно его выгодному сватовству. Положеніе Лионеля сдѣлалось затруднительно. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, и рѣшился обратиться къ другу своему Генриху.

Стараясь заставить безпечнаго повѣсу выслушать его со вниманіемъ, хоть нѣсколько минутъ, Лионель началъ тѣмъ, что сталъ съ нимъ ссориться.

— Втреникъ, болтунъ, — закричалъ онъ — надобно было тебѣ рассказывать твоей кузинѣ, что письма ея теперь у меня! Ты точно какой нибудь глупый ручей, который разливается при малѣйшей прибыліи воды: — ты бочка Данаидъ, въ которой ничто не можетъ удержаться. . . .

«Прекрасно, Лионель, прекрасно!» вскричалъ молодой повѣса: я люблю видѣть тебя сердитымъ. Гнѣвъ придаетъ тебѣ что-то поэтическое. . . . Въ эти минуты ты настоящій потокъ краснорѣчія, метафоръ, аллегорій. . . .

— Мнѣ вовсе не до смѣха. Знаешь-ли ты, что мы не ѣдемъ въ Люшонъ?

«Не ѣдемъ? Кто это сказалъ?»

— Я говорю тебѣ это. Мы, то есть, я и ты, не поѣдемъ.

«Говори про себя, как тебе угодно, а что касается до меня — я слуга покорный и вѣд.»

— Я не вѣд, и ты не поведешь. Генрихъ, ты сдѣлалъ страшную ошибку и долженъ ее поправить. По твоей милости, я теперь въ хлопотахъ и советъ великъ тебѣ помочь мнѣ. Ты обѣдаешь со мною въ С. Соверъ.

«Ни за что въ свѣтъ!» вскричалъ Генрихъ. «Со вчерашняго вечера, я влюбленъ по уши въ маленькую Провансалку, надъ которой еще вчера поутру такъ жестоко смѣялся; она вѣдетъ на моемъ Типпо-Сайбѣ и заставитъ треснуть съ досады твоего длинную миссъ Маргариту Эллисъ.»

— Послушай, Генрихъ, — сказалъ Ліонель торжественнымъ голосомъ — другъ ли ты мнѣ?

«Разумется, что другъ, да къ чему разнѣживать меня нашею дружбою? Очень хорошо вижу, что это предисловіе.»

— Выслушай меня, Генрихъ. Ты мнѣ другъ, ты радуешься всему, что можетъ мнѣ быть полезно, и я увѣренъ, ты не простишь себя, если причинишь мнѣ какой нибудь вредъ, а еще болѣе, если будешь виновникомъ моего несчастья!

«О, въ такомъ случаѣ, клянусь честью... Да, въ чемъ дѣло?»

— Въ томъ, Генрихъ, что ты, можетъ быть, разстроишь мою свадьбу.

«Полно, что за вздоръ! — Я сказалъ моей кузинѣ, что ея письма теперь съ тобою; она требуетъ ихъ — чтожь за бѣда? — Какое право можетъ имѣть Лавинія на твою участь послѣ десятилѣтняго взаимнаго забвенія? Неужели ты до того самолюбивъ, что думаешь, будто она не утѣшилась еще въ твоей невѣрности? Полно, Ліонель! Повѣрь мнѣ, что

на прошедшее давно уже сыскалось доброе лекарство — время!»

Генрихъ небрежно поправилъ свой галстухъ и мелькомъ взглянулъ въ зеркало. Урокъ въ скромности, отъ шалуна, который былъ гораздо его тщеславнѣе, разсердилъ Ліонеля.

— Я не позволю себѣ подобнаго замѣчанія объ Лавиніи — отвѣчалъ онъ, стараясь скрыть свою досаду: — оскорбленное самолюбіе никогда не заставить меня оклеветать сердца женщины, хотя бы я и не чувствовалъ уже къ ней любви.

«Ты оказываешь большое великодушіе, и, право, Лавинія должна быть тебѣ очень благодарна; но послушай, Ліонель: къ чему мы все это говоримъ, и чего ты отъ меня хочешь? Вчера, казалось мнѣ, ты былъ очень равнодушенъ къ воспоминанію о старинной своей любви; ты стоялъ на колѣняхъ предъ блистательною миссъ Эллисъ. Сегодня совсемъ другое: ты, кажется, не расположенъ шутить прошедшимъ, и вмѣсто того, чтобы вѣхать въ Люшонъ, хочешь отправиться въ С. Соверъ... Скажи мнѣ, сдѣлай милость: которую же ты любишь и на комъ ты хочешь жениться?»

— Я женюсь на миссъ Маргаритѣ Эллисъ, если только это будетъ — тебѣ угодно.

«Мнѣ?»

— Да, тебѣ. Ты одинъ можешь спасти меня. Вотъ, прочти эту записку, которую пишетъ ко мнѣ Лавинія... Прочиталъ? — Теперь, видишь-ли, что я долженъ рѣшиться на что нибудь одно: мнѣ пришлось выбирать Люшонъ или С. Соверъ; дѣвушку, которую я долженъ заставить меня любить, или женщину, которую долженъ утѣшить въ прошедшемъ.

«Извини,» отвѣчалъ ему Генрихъ, «а твое положе-

не совсем не отчаянное. Сто раз говорил я тебе, что Лавиния свежа, как горный цветочек, прекрасна, как роза, жива, как птичка небесная; она весела, любит наряды, не прочь от кокетства, и если она хочет тебя утешить, я согласился бы целую жизнь горевать по твоему?»

— Ты напрасно думаешь расшевелить мое самолюбие, Генрих. Я рад слышать все, что ты скажешь. Но, сделай милость, не можешь ли ты объяснить мне странную прихоть Лавинии: с чего вздумалось ей назначать мне свидание? —

«Тут нечего много ломать голову,» отвечал Генрих. «Разве не видишь, что сам ты во всем виноват? — Лавиния вовсе не требовала свидания с тобою — я в этом уверен, и вот почему: когда я говорил ей о тебе, когда спрашивал, не бьется ли у ней сильнее сердце при встрече на дороге от С. Совера в Баньер кавалькады всадников, в числе которых можешь быть ты, она отвечала мне разъянно — «Да, может быть, сердце мое и забилося бы сильнее, если бы я встретила его.» — И последнее слово этой ласковой фразы было затянато самым поэтическим звонком.

Да, да Лиемель — не кусай себя губы — она звнула, так мило, так очаровательно, а у женщины это почти всегда значит самую верную холодность и самое решительное равнодушие. Вместо того, чтобы воспользоваться таким прекрасным расположением Лавинии, ты не мог отказаться в письме своем от унылой фразы. Верный всегдашней привычке отставленных любовников, хоть и очень доволен такою отставкою, ты пустился в элегию и принялся за плачевный тон — ты прикинулся оплакивающим невозможность видеть ее, вместо того, чтобы сказать ей прямо и откры-

венно, что ты чрезвычайно благодарен ей за это...»

— Таких дерзостей я не позволю себе, да и мог ли я предвидеть, что она примет за чистую монету пустые слова, вынужденные приличием?

«О, я знаю Лавинию — это хитрость в ее роду...»

— Хитрость и злость женщины! Но, нет — Лавиния всегда была самое доброе, самое кроткое создание. Я уверен, что свидание это столь же неприятно ей, как и мне. Послушай, любезный Генрих — спаси нас обоих от этой беды: возьми пакет, поѣзжай в С. Соверь, постарайся разузнать Лавинию, что мне нельзя...»

«Оставлять мисс Эллис накануне свадьбы — не так ли? Прекрасная отговорка для соперницы! Нет, Лиемель, это невозможно — ты сделаешь глупость и должен кончить. Если ты имел неосторожность десять лет собирать портреты и письма оставленной тобою женщины, если ты сказал об этом такому болтуну, как я, и не мог воздержаться от нелепости прикидываться страстным в письме, которое должно было выражать только учтивость и хладнокровие, надобно тебе, волею или неволею, подвергнуться всем последствиям таких дурачеств. До тех пор, пока письма Лавинии в твоих руках, ты ни в чем не можешь отказать ей, и какое бы средство ни избрала она к получению их обратно, ты должен ей покориться... Делать нечего, Лиемель: вели сделать своего Пегаза и отправимся — я еду с тобою. Во всем этом, я также немного виноват, и ты видишь, шучу ли я, когда надобно поправить ошибку. Едемъ.»

Лиемель думал, что Генрих найдет какоенибудь другое средство вывести его из затруднения. Неподвижный, безмолвный сидеть он на своем

мсть, какъ будто прикованный къ нему желаніемъ противиться необходимости. Наконецъ онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты печальный и раздосадованный, сложа на груди руки. Въ дѣлахъ любви, Лионель всегда былъ настоящимъ рыцаремъ. Если сердце его часто бывало виновато въ измѣнѣ, за то его поведеніе никогда не уклонялось отъ правилъ самаго строгаго приличія, и никогда женщина не могла упрекнуть его въ какомъ нибудь поступкѣ, противномъ великодушной снисходительности, служащей лучшимъ доказательствомъ охлажденія, послѣднею данью, какую человекъ свѣтскій можетъ и долженъ принести раздраженной любви. Упорный въ строгомъ исполненіи такихъ правилъ, Лионель всегда былъ спокоенъ совѣстью, и прощалъ себѣ горестъ жертвъ своихъ.

— Я нашелъ средство — кричалъ Генрихъ, догоняя своего друга. — Въдъ здѣсь все рыскаютъ наши милыя соотечественницы, а миссъ Эллисъ и сестра ея важнѣе всѣхъ въ совѣтъ нашихъ Амазонокъ. Надобно уговорить Маргариту, чтобы прогулка въ Люшонъ, назначенная завтра, была отложена еще на день. . . День значить много — я это знаю, но какъ бы то ни было, а надобно выпросить такую отстрочку, и потомъ въ эту же ночь отправиться въ С. Соверъ. Мы приѣдемъ туда послѣ полудня; отдохнемъ до вечера; въ девять часовъ, во время свиданія, я вѣло снова сѣдлать лошадей — думаю, что для размѣна двухъ пакетовъ не надобно болѣе часа — и въ десять часовъ сядемъ мы опять на своихъ скакуновъ, проѣздимъ всю ночь, явимся сюда съ восхожденіемъ солнца, найдемъ прекрасную миссъ Маргариту уже на ея гордомъ конѣ, а хорошенькую маленькую Провансалку на моемъ Тишо-Санбѣ, перемѣнимъ платье и лошадей, и покрытые

пылью, измученные усталостью, пылающіе любовью, блѣдые, интересные, послѣдуемъ за нашими дульдцинеями по горамъ и долинамъ. Если послѣ всего этого усердіе наше не будетъ награждено, то, для примѣра — надобно разлюбить всѣхъ въ мірѣ миссъ Маргаритъ! Такъ-ли?

Лионель бросился обнимать Генриха. Не прошло часа, и Генрихъ воротился. «Бѣдемъ!» сказала онъ — «все устроено, повѣдка въ Люшонъ отложена до послѣ-завтра; но это стоило мнѣ недешево! Миссъ Эллисъ начала было подозрѣвать. Она знаетъ, что моя кузина въ С. Соверѣ, и чувствуетъ къ ней непреодолимое отвращеніе, и удивительно-ли: она слышала о глупостяхъ, какія когда-то дѣлалъ ты для Лавиніи. Искусно отвратилъ я всѣ подозрѣнія; скажаль, что ты ужасно боленъ, что я принудилъ тебя лечь въ постелю. . .»

— Боже мой! я боленъ? Позал неосторожность! Ты совершенно меня погубишь!

«Совѣтъ нѣтъ. Дикъ возьметъ валецъ съ дивана, надвѣнетъ на него калнакъ, уложитъ его на твою кровать, и велитъ приготовить двѣ чашки бузины. Кромѣ того, мы прикажемъ ему взять ключъ отъ твоей комнаты, расположиться у самой двери, сдѣлать самую плаксивую рожу, а главное — не впускать никого, и прибѣгнуть даже къ кулакамъ, если бы кому нибудь вздумалось войти насильно, не включая даже и миссъ Маргариты. . . Вотъ, посмотри: онъ уже нагрѣваетъ твою постель. . . Прекрасно! у него чудная рожа: онъ хочетъ скорчить ее печальною, а она дѣлается глупою! Да, все равно! Пройдемъ черезъ калитку, что подлѣ оврага. Жакъ отвѣдетъ нашихъ лошадей на край долины, а мы сядемъ на нихъ у Лоніюскаго моста. Ну, Лионель, въ нуть. Богъ любви, да покровительствуетъ намъ!»

Быстро проскакали двое друзей пространство, отделяющее Баньерь от дѣпи горъ, и осадили коней своихъ только достигнувши ущелья, которое тянется отъ Пьеррефита до Люза. Мѣсто это, безспорно, самое дикое и самое прелестное въ Пиренеяхъ. Тутъ все принимаетъ какой-то грозный видъ. Горы сближаются; Гава шумитъ подъ сводами утесовъ и подъ лозами дикаго винограда; черные бока скалъ покрываются плющомъ и другими вьющимися растениями, а темно-зеленый цвѣтъ ихъ переходитъ въ синій на отдаленныхъ точкахъ, и въ сѣрый на самыхъ вершинахъ. Отъ того воды потока принимаютъ то зеленый, то синій матовый отблескъ, какъ это бываетъ иногда на морѣ.

Огромные мраморные мосты, образующіе каждую одну арку, перекинуты здѣсь съ горы на гору, надъ глубокими безднами. Ничего не можетъ быть величественнѣе устройства и вида этихъ мостовъ, какъ будто плавающихъ въ бѣловатомъ и сѣромъ воздухѣ, который, кажется, нехотя спускается во рвы и овраги. На пространствѣ четырехъ лье, дорога переходитъ семь разъ съ одной стороны ущелья на другую. Переѣхавши седьмой мостъ, путешественники наши увидѣли, на концѣ ущелья, начинавшагося мало по малу расширяться, восхитительную Люзскую долину, на которую восходившее солнце сыпало лучи свои, между тѣмъ, какъ высокія горы, тянувшіяся по обѣимъ сторонамъ дороги, оставляли еще ихъ въ совершенной тѣни. Крикъ дикаго дрозда не раздавался еще въ высокіхъ камынахъ потока; пѣніи и холодныя воды его съ трудомъ освобождались отъ густой пелены тумана, одѣвавшего ихъ. Около самыхъ горныхъ вершинъ, тонкая полоса свѣта едва позлащала неровную поверхность утесовъ и кудреватую зелень жигучекъ. Но въ глуби-

нѣ этого дикаго пейзажа, за огромными грудями гранита, чернаго, угрюмаго, мрачнаго, какъ утесы на картинахъ Сальватора Розы, прекрасная долина, обитая розовымъ румянцемъ денницы, точно плавала въ потокахъ свѣта, и уподоблялась золотой тканн, вставленной въ черную мраморную раму.

— Какъ это хорошо — вскричала Генрихъ — и какъ я жалю, что ты влюбленъ, Лионель! Ты равнодушенъ ко всемъ этимъ красотамъ, и думаешь, кажется, что самый блистательный лучъ солнца не стоитъ одной улыбки твоей миссъ Маргариты!

«Согласись однако жъ, Генрихъ, что миссъ Маргарита первая красавица во всехъ трехъ Великобританскихъ королевствахъ.»

— Да, если разсматривать ее по теоріи прекраснаго, она совершенная красавица. А мнѣ, такъ это и не нравится. Я желалъ бы, чтобы она была не такъ совершенна, не такъ величественна, не такъ классически хороша, и если бы мнѣ пришлось выбирать между Маргаритою и Лавиніей — я предпочелъ бы мою кузину.

«Полно, Генрихъ,» сказала Лионель улыбаясь; — «тебя ослѣпляетъ фамильная гордость. Всѣ, у кого есть только глаза, скажутъ тебѣ, что Лавинія совсемъ не красавица. Я знаю ее въ лучшіе годы жизни, и могу увѣрить тебя, что ее нельзя даже и сравнивать съ миссъ Маргаритою.»

— Положимъ, что такъ, но за то, какъ прелестна, какъ мила Лавинія! Какіе живые глазки, какіе чудесные волосы, какая очаровательная ножка!..

Лионель нѣсколько времени утыкался похвалами, которыя Генрихъ расточалъ своей кузинѣ. — Находя наслажденіе превозносить предметъ своей страсти

тѣмъ не менѣе однако жъ, по какому-то тайному чувству самолюбія, онъ былъ доволенъ, что слышалъ похвалы той, которую любилъ когда-то. Впрочемъ, это было только минутное тщеславіе. Бѣдная Лавинія никогда не обладала вполнѣ сердцемъ Ліонеля, рано избалованнаго успѣхами въ любви. Для мужчины, ранніе успѣхи часто бываютъ несчастіемъ. Слѣпое предпочтеніе женщинъ, глупая ревность ничтожныхъ соперниковъ, все это даетъ ложное направленіе уму, и портить сердце, не укрѣпленное еще уроками опыта.

Ліонель, до избытка насладившійся въ жизни своей счастіемъ быть любимымъ, истощилъ всѣ силы души своей. Ознакомясь слишкомъ рано съ страстями, онъ никогда уже не могъ испытать истинной, глубокой страсти, и вотъ отъ чего подъ мужественною, прекрасною, полною жизни наружностью, скрывалъ онъ холодное, пресыщенное жизнью сердце старика. —

— Скажи мнѣ, Ліонель, отъ чего не женился ты на Лавиніи, которая, по твоей милости, теперь леди Блэкъ, моя кузина и хорошенъкая вдова послѣ стараго мужа? — Я не защитникъ женщинъ, и въ полной мѣрѣ уважаю нашу привилегію, по которой имѣемъ мы безспорное право дѣлать съ женщинами, что намъ угодно; но, разсматривая все прошедшее, я никакъ не могу оправдать твоего поведенія. Вздыхать цѣлые два года; свести съ ума, какъ только можно сводить съ ума молодую дѣвушку, а это въ нашемъ нравственномъ Албіонѣ не такъ-то легко; заставить ее отвергнуть самыя блистательныя предложенія другихъ, и вдругъ оставить ее, и для чего же? Для того, чтобы скакать за Италіанской пѣвицей, которая, право, этого вовсе не стоила! Скажи, развѣ Лавинія не хороша, не умна? Развѣ

она не дочь Португальскаго банкира, котораго, правда, изъ жидовской породы, но за то и богать какъ жидъ? Развѣ партія эта была не хороша для тебя? Развѣ Лавинія не любила тебя до безумія?

«Ахъ, Генрихъ! въ томъ то и было все затрудненіе: она любила меня такъ, что я не могъ рѣшиться назвать ее моею женою. Каждый здравомыслящій человекъ согласился, что жена должна быть подругою кроткою и тихою, какъ всѣ наши Англичанки. Бѣшенная любовь должна быть ей незнакома, такъ же какъ и ревность. Она должна спокойно сидѣть и пить по нѣскольку разъ въ день зеленый чай. А эта уроженка Португаліи, дѣвушка съ пламеннымъ сердцемъ и съ пылкимъ характеромъ, рано приученная къ дѣятельной сердечной жизни, къ свободѣ обращенія, ко всѣмъ опаснымъ идеямъ, которыхъ женщины набираются кружась по свѣту — она сдѣлала бы меня самымъ несчастнымъ, если не самымъ смѣшнымъ изъ всѣхъ мужей въ Англии. Пятнадцать мѣсяцевъ не вѣрилъ я неизбѣжнымъ несчастіямъ, какія приготовляла мнѣ эта любовь и былъ такъ молодъ тогда — мнѣ было только 22 года, вспомни объ этомъ, Генрихъ, и не обвиняй меня. Наконецъ я открылъ глаза, въ ту самую минуту, когда былъ уже почти готовъ сдѣлать величайшую изъ глупостей — жениться на женщинѣ, до сумасшествія въ меня влюбленной! Я остановился на краю пропасти, и бѣжалъ, чтобы убѣжать отъ своей несчастной судьбы...»

— Лицемеръ! Лавинія рассказывала мнѣ вашу исторію совсѣмъ иначе. Кажется, что задолго до жестокаго рѣшенія, заставившаго тебя ѣхать въ Италію съ Анжелой, бѣдная Лавинія надѣла тебѣ, и ты слишкомъ явно давалъ ей чувствовать скуку, тяготившую тебя съ нею. Когда Лавинія гово-

рить о тебѣ, въ ней не замѣтно ни малѣйшей на тебѣ злобы; она признается въ своемъ несчастіи и въ твоей жестокости съ такою простодушною скромностью, какой я никогда еще не замѣчалъ въ другихъ женщинахъ. У нея есть какал-то особенная, ей только свойственная манера говорить простыя слова: «Чтожь дѣлать! я надоѣла ему!» Право, Ліонель, если бы ты слышалъ эти слова, какъ она умѣетъ сказать ихъ, съ выраженіемъ какой-то добродушной грусти — совѣсть замучила-бы тебя — я увѣренъ въ этомъ...

«А развѣ она мало меня мучила!» сказалъ Ліонель печально. «Что болѣе всего отучаетъ насъ отъ женщины, которую мы некогда любили? Странаніе, какое чувствуемъ мы за нее, разставшись съ нею; тысячи упрековъ самому себѣ, преслѣдующихъ насъ при воспоминаніи объ ней; голосъ свѣта, который безтолково гремитъ противъ насъ проклятіями; угрызеніе собственной нашей совѣсти; нѣжныя и жестокия жалобы оставленной, долетающія до насъ со всѣхъ сторонъ... Повѣрь мнѣ, Генрихъ, я не знаю ничего скучнѣе и несноснѣе состоянія счастливаго любовника!»

— Кому ты это говоришь? — отвѣчалъ Генрихъ важнымъ тономъ и съ насмѣшливою улыбкою, которая очень шла къ нему.

Ліонель не удостоилъ его отвѣтомъ, ѣхалъ шагомъ, опустивъ поводья своего коня, и пробѣгая усталыми взорами чудную картину Пиренейской долины, разстилавшейся у ногъ его. Небольшой городокъ Люзъ находится не далѣе одной мили отъ С. Совера. Наши денди остановились здѣсь. Ничто не могло заставить Ліонеля ѣхать далѣе, до самаго мѣста жительства Лавиніи. Онъ расположился въ

гостинницѣ, и бросился на кровать, въ ожиданіи часа, назначеннаго для свиданія.

Климатъ здѣсь не такой жаркій какъ въ Вигорѣ, но день былъ однако жъ утомителенъ и зноенъ. Растянувшись на дурной трактирной постели, Ліонель чувствовалъ родъ лихорадки, и заснулъ наконецъ тяжелымъ сномъ, при жужжаніи насѣкомыхъ, кружившихся надъ его головою въ раскаленномъ воздухѣ. Товарищъ его, не столь лѣнливый и гораздо болѣе его безпечный, осматривалъ между тѣмъ долину, перебывалъ у всѣхъ сосѣднихъ жителей, разсматривалъ на Гаварійской дорогѣ кавалькады посѣтителей, кланялся прекраснымъ Англійскимъ леди, которыхъ встрѣчалъ, дѣлалъ нѣжныя глазки молодымъ Француженкамъ, которымъ отдавалъ онъ рѣшительное предпочтеніе передъ своими соотечественницами, и наконецъ, при наступленіи вечера, возвратился къ Ліонелю.

«Вставай, вставай, лѣнливецъ! Часъ свиданія уже наступилъ!» вскричалъ онъ, отдергивая ситцовыя занавѣсы кровати,

— Какъ? Уже? — проворчалъ Ліонель, благодаря прохладѣ вечера, начинавшій спать тихимъ, спокойнымъ сномъ. — Который же теперь часъ?

Генрихъ отвѣчалъ торжественнымъ голосомъ:

At the close of the day, when the Hamlet is still
And nought but the torrent is heard upon the hill..

— Ахъ! ради Бога, избавь меня отъ твоихъ стиховъ! Вижу, что ночь наступаетъ, тишина настаетъ, и ревъ потока долетаетъ до насъ громче и яснѣе, но въдѣ Лавинія ждетъ меня не ранѣе девяти часовъ, и мнѣ можно еще немного уснуть...

«Нѣтъ, Ліонель, ни одной минуты болѣе! Мы

должны отправиться въ С. Соверъ пѣшкомъ, потому, что я уже приказалъ отвести туда нашихъ лошадей; онѣ устали порядочно. Ну! одѣвайся - же... вотъ такъ, хорошо!... Въ десять часовъ буду я у дверей жилища Лавини, готовый подать тебѣ поволя, точно такъ, какъ бывало дѣлывалъ нашъ славный Вильямъ у дверей театральныхъ, когда принужденъ былъ исполнять должность жокея! Ну, Лионель, скорѣе — вотъ твой бѣлый галстухъ, вотъ помада для усовъ, вотъ твой плащъ... О Боже мой! Какаго небрежность... Какое нетерпѣніе!.. Помилуй, мой другъ! Явиться дурно одѣтымъ къ женщинѣ, которой не любишь — да, это величайшая ошибка! Знай, что ты долженъ предстать къ ней во всемъ блескѣ щегольства, чтобы заставить ее почувствовать всю цѣну того, что она потеряла! — Ну, ну, поправь свои волосы, пригладь ихъ лучше, нежели ты обыкновенно причесываешь ихъ, когда тебѣ надобно открывать балъ съ миссъ Маргаритой. Хорошо. Дай мнѣ смахнуть еще разъ щеткой твой фракъ... Какъ? неужели ты позабылъ взять скляночку съ духами à la tubéreuse, и тебѣ не чѣмъ смочить твоего платка?.. Это вовсе непростительно... Нѣтъ! Слава Богу! вотъ она!.. Ну, Лионель, теперь ты раздущенъ, разодѣтъ, можешь отправиться... Помни, что являясь сегодня въ *последній разъ* передъ Лавиніей, ты долженъ заставить ее пролить послѣ тебя нѣсколько горькихъ слезъ... честь наша этого требуетъ!...

Проходя чрезъ мѣстечко С. Соверъ, гдѣ всего не болѣе пятидесяти домовъ, наши друзья удивлялись, что не видятъ никого ни на улицѣ, ни въ окнахъ. Но они догадались о причинѣ такой странности, когда подошли къ небольшому домику, откуда слышны были звуки скрипки, флажолета и тимпанона —

Пиренейскаго инструмента, похожаго на Французскій тамбуринъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на Испанскую гитару. Шумъ доказывалъ нашимъ путешественникамъ, что балъ здѣсь уже начался, и что вся блистательнѣйшая аристократія Франціи, Англии и Испаніи, собранная въ небольшой залѣ, съ бѣлыми стѣнами, украшенными гирляндами изъ плюща и буковаго дерева, танцовала подъ звуки самой проницательной и самой несносной музыки, которая только когда либо раздирала уши порядочныхъ людей.

Многія группы посѣтителей здѣшнихъ водъ, изъ числа тѣхъ, которымъ неблистательное состояніе, или дѣйствительно разстроенное здоровье не давало возможности принять участіе въ удовольствіяхъ вечеринки, толпились около оконъ, стараясь другъ изъ-за друга взглянуть, съ любопытствомъ, или съ насмѣшкой, на балъ, и сдѣлать какое нибудь язвительное замѣчаніе, въ ожиданіи времени, когда деревенскій колоколь прозвучитъ часъ. Тогда каждый большой долженъ отправляться спать подъ опасеніемъ лишиться всѣхъ выгодъ курса, если останется долѣе.

Въ ту самую минуту, когда наши путешественники проходили мимо этой толпы, въ ней сдѣлалось какое-то особенное движеніе — всѣ бросились ближе къ окнамъ. Генрихъ, вмѣшавшійся въ толпу, услышалъ слова: «Скорѣе, скорѣе! Лавинія Блэкъ станетъ танцовать! Говорятъ, что во всей Европѣ нѣтъ женщины, которая танцовала бы лучше!»

— Поди сюда, Лионель — говорилъ Генрихъ — посмотри, какъ хорошо одѣта моя кузина, и какъ она мила. —

Но Лионель дернулъ его за руку, и съ досадою и нетерпѣніемъ оттащилъ отъ окна, не удостоивши
Т. I. — Отд. II. 2

танца даже и однимъ взглядомъ. «Пойдемъ,» сказали онъ, «мы пришли сюда не затѣмъ, чтобы смотрѣть, какъ прыгаютъ другіе!»

Онъ не могъ однако жъ удалиться такъ скоро, чтобы другое замѣчаніе, сдѣланное къ-то въ толпѣ зрителей, не долетѣло до его слуха:

— А, это нашъ красавецъ, графъ де-Моранжи. Онъ будетъ танцевать съ нею...

«Кому же и танцевать съ нею, если не ему?» — отвѣчалъ кто-то. «Говорять, что онъ безъ ума отъ нея» — прибавилъ третій. «Онъ загналъ уже для нея трехъ лошадей, и измучилъ всѣхъ своихъ жокеевъ»...

Самолюбіе самое странное чувство, и по его милости, намъ сто разъ въ день приходится противорѣчить самимъ себѣ. Ліонель былъ радъ узнать, что Лавинія, по новымъ связямъ своимъ, находилась въ такомъ положеніи, которое упрочивало ихъ взаимную отдѣльность и независимость, и не смотря на то, мысль, что Лавинія до такой степени, такъ рѣшительно могла забыть прошедшее, показала Ліонелю чѣмъ-то обиднымъ, и онъ съ трудомъ могъ скрыть свою досаду...

Генрихъ, хорошо знавшій мѣстность, проводилъ его на конецъ деревни, къ домику, гдѣ жила Лавинія, и оставилъ его тамъ.

Домикъ этотъ былъ нѣсколько удаленъ отъ другихъ. Съ одной стороны примыкалъ онъ къ горѣ, съ другой стороны его были овраги. Въ трехъ шагахъ, быстрый потокъ шумно падалъ въ разсѣлину утеса, и домикъ, оглушенный этимъ дикимъ шумомъ, дрожалъ отъ рева водопада, и казалось, былъ готовъ ринуться вмѣстѣ съ нимъ въ пропасть. Нельзя было найти мѣста живописнѣе, и въ выборѣ Лавиніею

жилица, Ліонель узналъ романическое и всегда странное направленіе ея ума.

Старая арапка отворила двери въ небольшую залу, въ нижнемъ этажѣ. Едва только свѣтъ отразился на ея черномъ, лоснящемся лицѣ, какъ Ліонель не могъ удержаться отъ крика удивленія: передъ нимъ была Пенпа, старая кормилица Лавиніи, та старуха, которую Ліонель цѣлые два года видалъ каждый день, вмѣстѣ съ своею, тогда обожаемою Лавиніею! Неожиданная встрѣча съ этою старухою возбудила въ немъ память всего прошедшаго, и смѣшала на минуту всѣ его мысли. Онъ едва не бросился на шею къ Пенпѣ, едва не назвалъ ее *кормилицей*, какъ бывало это въ дни его юности и счастья. Онъ хотѣлъ расцѣловать ее, какъ стараго друга, но Пенпа отступила три шага назадъ, и глядѣла на Ліонеля съ удивленіемъ. Она не узнала его.

— Ахъ! — подумалъ онъ — видно, что я очень перемѣнился!

— Меня пригласила леди Лавинія — сказали онъ смущеннымъ голосомъ — развѣ она не предупредила тебя?

«Какъ же, милордъ,» отвѣчала арапка, «миледи теперь на балѣ, и приказала мнѣ принести къ ней вѣрѣ, въ ту минуту, когда вы явитесь... Подождите здѣсь — я побѣгу сказать ей...»

Старуха стала искать вѣра. Онъ лежалъ на марморномъ столикѣ, подлѣ Ліонеля. Ліонель взялъ его, чтобы передать арапкѣ, и руки его, даже по уходѣ Пенпы, сохранили благоуханіе, которымъ была напитана эта бездѣлка.

Этотъ ароматъ произвелъ въ немъ волшебное дѣйствіе; какое-то невольное электрическое сотрясеніе проникло къ его сердцу, и онъ задрожалъ — духи эти были тѣ самые, которые Лавинія всегда пред-

почитала всѣмъ другимъ; это были какія-то Индѣйскія ароматическія травы, и спиртомъ ихъ имѣла она привычку прыскать свои платья и мебели. Этотъ ароматъ *паули* былъ цѣлымъ міромъ воспоминаній, цѣлою жизнью любви — онъ какъ будто составлялъ что-то нераздѣльное съ первою женщиною, которую любилъ Ліонель! Глаза Ліонеля помрачились, кровь взволновалась въ жилахъ; ему казалось, что передъ нимъ опускается какое-то облако, и въ этомъ облакѣ мелькаетъ молодая, 16-ти лѣтняя дѣвушка, смуглая, стройная, живая, пламенная, нѣжная... словомъ, Лавинія, предметъ первой его страсти. Онъ видѣлъ, какъ она, подобно рѣзвой газели, бѣгаетъ по травѣ, едва касаясь мягкой муравы парка, и пустивши во всю прыть, по болотамъ и полямъ, своего чернаго иноходца, рѣзвая, пламенная, неуловимая, прихотливая, будто Диана Вернонь, или веселья феи зеленѣющей Ирландіи...

Скоро однако жъ ему стыдно стало своей слабости; онъ вспомнилъ о сукъ, слѣдовавшей за этою страстью и послѣ того за многими другими. Онъ обратилъ печально-философическій взглядъ на эти десять лѣтъ разочарованія, которыя отдѣляли его отъ поэтическихъ дней юности. Потомъ сталъ онъ вызывать будущее — славу парламентскую и блескъ политической жизни, подъ фирмою *лиссъ Маргариты Элиссъ*, и ея богатаго приданого — и наконецъ началъ ходить по комнатамъ, бросалъ вокругъ себя холодные взгляды разочарованнаго любовника и пожилаго человѣка, занятаго мыслью только о жизни существенной.

На водахъ Пиренейскихъ живутъ вообще очень просто, но благодаря лавинамъ и потокамъ, которые каждую зиму опустошаютъ дома, уборка ихъ возобновляется съ каждою весною. Домикъ, на-

нимаемый Лавиніею, былъ выстроенъ изъ неполированного мрамора, и внутри отдѣланъ деревомъ. Дерево это, раскрашенное бѣлою краскою, имѣло какой-то особенный блескъ и лоскъ. Тростниковая, разноцвѣтная цыновка, Испанской работы, служила вмѣсто ковра. Окна были до половины закрыты занавѣсами изъ бѣлой кисеи, на которую густые кипарисы, освѣщенные тусклымъ сіяніемъ мѣсяца и качаемые ночнымъ вѣтромъ, набрасывали черную тѣнь свою. Маленькіе горшки, изъ полированнаго маслячнаго дерева, были наполнены красивыми горными цвѣтами. — Лавинія набрала сама, въ самыхъ дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ долины и на вершинахъ горъ, эти *белладоны*, облитыя пурпурнымъ румянцемъ, эти лазуревые *колокольчики*, этотъ бѣлый и красный *шиповникъ*, нѣжные листья которыхъ подернуты матомъ, эти розовыя *валерьяны*, эти душистые *ландыши* — всѣхъ этихъ дикихъ дѣтей пустыни, столь свѣжихъ, столь ароматныхъ, что даже дикая коза боится измять ихъ, и едва касается ихъ въ быстромъ своемъ бѣгѣ.

Комнатка уединенная, раздушенная ароматами, какъ будто нехотя манила къ сердечному упоенію; но она казалась и святилищемъ чистой дѣвственной жизни. Восковыя свѣчи изливали слабый свѣтъ; цвѣты скромно прятали свои головки въ зелень своихъ листьевъ; ни какая женская одежда, ни какой уборъ кокетства не были забыты на стульяхъ — только букетъ увядшихъ незабудокъ и бѣлая разорванная перчатка лежали, забытыя, на каминѣ. Влекомый непобѣдимою силою, Ліонель схватилъ перчатку и измялъ ее въ рукахъ своихъ...

Движеніе это было подобно судорожному, холодному объятію послѣдняго прощанія. Онъ взялъ увядшій букетъ, посмотрѣлъ на него съ минуту, срав-

нилъ мысленно поблекшіе цвѣты его съ минувшимъ, и бросилъ его далеко отъ себя. Ему вдругъ пришло въ голову, не нарочно-ли оставила Лавинія этотъ букетъ, чтобы возбудить въ прежнемъ своемъ любовникѣ сожалѣніе и грустныя воспоминанія. О, если такъ, то это ей не удалось! Ліонель хладнокровно подошелъ къ окну, и разсѣянно отдернулъ занавѣсы, чтобы видомъ спящей природы развлечь тяжкія думы, начинавшія одолевать его. Картина волшебная поразила его взоры. Домикъ, примкнутый къ утесу, стоялъ на краю гигантской и совершенно отвѣсной гранитной стѣны, у подножія которой плескалась Гава. Направо низвергался водопадъ, съ оглушающимъ шумомъ; нѣскольکو огромный дубъ склонялся надъ бездною, а вдали, въ туманѣ, разстилалась долина, посеребренная лучами мѣсяца. Большое дикое лавровое дерево, выросшее въ разсѣлинѣ скалы, простирало свои длинныя, гладкіе листья до самаго окна, и каждый порывъ вѣтра, шедшій ими, казалось, нашептывалъ какія-то таинственныя слова.

Лавинія вошла, когда Ліонель былъ погруженъ въ безмолвное созерцаніе этой картины. Ревъ водопада и шумъ вѣтра помѣшали ему услышать ея шаги. Нѣсколько минутъ стояла она за нимъ, молча, стараясь оправиться и, можетъ быть, спрашивая самое себя: «Точно ли это тотъ самый человѣкъ, котораго нѣкогда она такъ любила?»

Не смотря на предвидѣнную и условленную встрѣчу, ей казалось, будто все это былъ сонъ. Она припоминала то время, когда ей невозможно было не видать Ліонеля двои сутки, и — не умереть отъ горести! И что-же? вотъ теперь, она стояла предъ нимъ, спокойная, тихая, можетъ быть, даже равнодушная...

Ліонель оборотился и увидѣлъ ее. Этого онъ не ожидалъ. Невольный вопль вырвался изъ его груди... Пристыженный такимъ ребяческимъ неприличіемъ и подавленный чувствами, волнованными его, онъ сдѣлалъ невѣроятное усиліе, и успѣлъ поклониться Лавиніи самымъ почтительнымъ и самымъ холоднымъ образомъ.

Но неожиданное смущеніе и непобѣдимое безпокойство, какъ будто оковали все его способности и его быстрый, увертливый умъ. Этотъ умъ, свѣтскій, любезный, богатый на слова, и всегда послушный волю, на сей разъ онѣмѣлъ, и Ліонель ограничился только проницательными взглядами на Лавинію.

Надобно сказать, что онъ не ожидалъ найти ее столь очаровательною. Когда онъ расстался съ нею нѣкогда, она была больна и убита горестью. Въ то время слезы помрачали свѣжесть лица ея, и глаза Лавиніи были всего лишены блеска; станъ ея потерялъ тогда роскошную полноту; она не обращала притомъ ни малѣйшаго вниманія на свою одежду, не заботилась о своемъ уборѣ. Бѣдная Лавинія! она забыла въ то время, что горестъ, терзалъ сердце женщины, лишаетъ ее наружной красоты, а большая часть мужчинъ дорожатъ только этимъ, не признавая въ женщинахъ души, какъ было это рѣшено на какомъ-то совѣщаніи Турецкихъ дервишей...

Теперь Лавинія была во всемъ блескѣ втораго возраста красоты своей, который бываетъ удѣломъ женщины, если сердце ея не было поражено смертельно въ юности. Она была все та же стройная, блѣдная дочь юга, съ лицомъ правильнымъ и смугловатымъ; но ея осанка, взоръ и обхожденіе получили всю привлекательность, всю очаровательную

прелесть Француженокъ. На свѣжемъ, подернутомъ какою-то томностью лицъ ея видно было здоровье. Характеръ ея сохранилъ всю прежнюю живость юности. Ея волосы разсыпались въ густыхъ, роскошныхъ локонахъ по бѣлымъ плечамъ. На ней было бѣлое платье изъ Индѣйской кисеи, и букетъ бѣлыхъ маргаритокъ, небрежно брошенный въ волосы, украшалъ ея голову. Нѣтъ ни одного растенія, которое было бы такъ мило, какъ бѣлыя маргаритки. Видя, какъ онѣ качались своими бѣлыми головками на черныхъ волосахъ Лавини, можно было принять ихъ за нитку настоящихъ жемчужинъ. Этотъ простой уборъ отличался тонкимъ вкусомъ, и обнаруживалъ какое-то невольное, простодушное кокетство, столь свойственное женщинамъ, и столь милое, если въ немъ нѣтъ тяжелыхъ слѣдовъ искусства.

Никогда женщина эта не казалась Лионелю такою очаровательною. Онъ готовъ былъ упасть предъ нею на колѣни, и молить ее о прощеніи, но спокойная улыбка, которую замѣтилъ онъ на лицѣ Лавини, возвратила ему твердость, необходимую для того, чтобы выдержать свиданіе со всеми признаками холоднаго равнодушія. Не зная, какъ начать разговоръ, онъ вынулъ изъ кармана пакетъ, тщательно запечатанный, положилъ его на столъ и сказалъ твердымъ голосомъ:

«Вы видите, Лавинія, что я повинуюсь вамъ, какъ невольникъ. Могу ли надѣяться, что послѣ этого будетъ мнѣ возвращена полная свобода?»

— Мнѣ кажется, Лионель — отвѣчала ему Лавинія весело, хотя въ веселости этой была замѣтна невольная грусть — мнѣ кажется, что и до сихъ поръ свобода ваша не была слишкомъ стѣснена? Неужели во все это время вы были еще закованы

въ мои цѣпи? Признаюсь, этого я никакъ не ожидала!

«О, ради Бога, оставимъ-те всякія насмѣшки!... Минуты нашего свиданія и безъ того слишкомъ для меня тяжелы!»

— Отъ чего же? это надобно было предвидѣть: это условленная развязка, неизбежный конецъ очарованій всякой любви — отвѣчала она. Если бы въ то время, когда люди пишутъ другъ къ другу, они могли разгадать въ будущемъ необходимость потребовать назадъ свои письма недоувѣрчиво и холодно... Но объ этомъ не думаютъ. Въ двадцать лѣтъ, мы пишемъ съ совершенною увѣренностью, что клятвы наши вѣчны; мы трепещемъ отъ негодованія, видя, какъ потухаютъ въ другихъ самыя пылкія страсти, и гордо думаемъ, что только мы одни будемъ исключеніемъ изъ неизбежнаго закона человеческого непостоянства... Прелестное заблужденіе, счастливая увѣренность! вамъ обязаны люди, можетъ быть, самыми усладительными мечтами юности! Не такъ ли, Лионель?

Лионель стоялъ безмолвно, пораженный удивленіемъ. Эти слова, печально-философическія, въ устахъ Лавини казались ему чудовищными, потому, что до сихъ поръ онъ еще никогда не видалъ ея такою. Онъ видѣлъ прежде, какъ она, слабый ребенокъ, предавалась безотчетно всемъ влеченіямъ сердца, всемъ порывамъ пламенныхъ страстей, и даже въ минуту разлуки съ нею, когда она была убита страданіями, даже и тогда слышалъ онъ, какъ она клялась сохранить вѣчную вѣрность къ виновнику своихъ несчастій...

Тяжко, страшно было видѣть и слышать теперь Лавинію, произносящую смертный приговоръ всемъ мечтамъ минувшаго. Женщина эта, пережившая са-

мое себя, не боялась уже говорить надгробное слово всей своей прошедшей жизни. Она заслуживала сожалѣніе, и Ліонель не могъ смотрѣть на нее безъ глубокой горести. Онъ не находилъ словъ для отвѣта. Зная лучше всякаго другаго все, что можно сказать въ подобномъ случаѣ, онъ не имѣлъ однако же довольно мужества, чтобъ поддерживать Лавинію въ ея нравственномъ самоубійствѣ. Встревоженный печальными думами, Ліонель судорожно сжималъ въ рукахъ своихъ пакеты... Лавинія замѣтила это и сказала:

— Вы хорошо меня знаете, и не можете полагать, чтобы я требовала обратно этихъ старинныхъ доказательствъ моей привязанности къ вамъ изъ предосторожности, къ какой нерѣдко прибѣгаютъ женщины, переставшія любить... Если бы вы могли имѣть подобное подозрѣніе, то мнѣ легко было бы оправдаться, напомнивъ вамъ, что мои письма были въ вашихъ рукахъ цѣлыя десять лѣтъ, и я никогда ихъ не требовала. Никогда не рѣшилась бы я на это и теперь, если бы спокойствіе другой женщины не было связано съ существованіемъ нашихъ прежнихъ посланій...

Ліонель быстро взглянулъ на Лавинію, стараясь подсмотрѣть на лицѣ ея хоть какойнибудь признакъ горести или негодованія, при мысли о миссъ Маргаритѣ, но онъ не замѣтилъ ни малѣйшаго смущенія и тревоги, ни въ ея голосѣ, ни во взорахъ. Лавинія казалась совершенно равнодушною.

— Что сдѣлалось съ этою женщиною? — подумалъ Ліонель — она холодна, какъ ледь.

«Вы слишкомъ великодушны, если, въ самомъ дѣлѣ, это былъ единственный предлогъ» — сказалъ онъ, съ насмѣшливою улыбкой.

— Не угодно ли вамъ сказать, Ліонель, какой-же другой предлогъ могла бы я еще имѣть?

«Если бы я осмѣлился сомнѣваться въ вашемъ великодушіи, я могъ бы предположить, что другія причины, лично до васъ касающіяся, заставляютъ васъ требовать обратно этихъ писемъ и этого портрета.»

— О, тогда значило бы спохватиться немного поздно — отвѣчала Лавинія улыбаясь. Право, если бы я дожидалась до нынѣшняго дня «по причинамъ, лично до меня касающимся,» какъ вы говорите, мнѣ надобно-бъ было немного упрекать себя въ забывчивости, — не правда ли?

«Вы приводите меня въ замѣнательство,» сказалъ Ліонель, и слова его были произнесены увѣрительно. Въ эту минуту онъ увидѣлъ, что былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ предвидѣлъ упреки и готовился къ оборонѣ, но не успѣлъ насладиться своимъ торжествомъ. Непрiятель неожиданно перемѣнилъ планъ нападенія.

— Полно-те, любезный Ліонель — сказала Лавинія, улыбаясь и глядя на него спокойно — не бойтесь, чтобы я употребила во зло наше свиданіе. Съ лѣтами сдѣлалась я умнѣе, и уже давно поняла, что вы ни въ чемъ не были передъ мною виноваты. Я одна была виновна предъ собою, предъ обществомъ и — можетъ быть, даже передъ вами. Да, Ліонель, изъ двухъ такихъ молодыхъ любовниковъ, какими были мы тогда, женщинѣ надлежало быть путешественницею мужчины. Въмѣсто того, чтобы увлекать его по невѣрному пути, она должна сохранять его для свѣта, и только на этомъ условіи можетъ привязать его къ себѣ. Я ничего не умѣла дѣлать такъ, какъ было надобно; я вызывала тысячи препятствій счастливой вашей будущности; я была

невольного, но безразсудною причиною криковъ негодования общественнаго, которые преслѣдовали васъ; я испытала ужасное мученіе — видѣть мстителей, которыхъ никто не призываетъ, и которые, тѣмъ не менѣе, угрожаютъ чести и уму человѣка; я была мученіемъ вашей молодости и проклятіемъ вашего юнаго возраста. Простите меня, Ліонель — я слишкомъ дорого заплатила за зло, которое причинила вамъ въ глазахъ общества....

Удивленіе Ліонеля возрастало съ каждою минутою. Онъ пришелъ къ Лавиніи какъ обвиненный, а съ нимъ обращались какъ съ судьей, и оправдывали его съ такою кротостью. Сердце Ліонеля было благородно, и только суетное тщеславіе свѣта накинуло на него жесткую кору. Великодушіе Лавиніи тронуло его, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ къ нему приготовленъ. Пораженный величіемъ характера, какой обнаруживала теперь передъ нимъ Лавинія, онъ преклонилъ передъ нею колѣни.

— Я не понималъ васъ, Лавинія — сказала онъ дрожащимъ голосомъ — не зналъ вамъ цѣны — былъ недостоинъ васъ, и стыжусь самого себя.

«Не говорите этого, Ліонель,» отвѣчала она, спокойно протягивая руку и стараясь поднять его. «Когда вы меня знали, я была не то что теперь. Если бы прошедшее могло возвратиться, если бы теперь сдѣлалась я предметомъ вниманія человѣка, занимающаго въ свѣтѣ такое мѣсто, какое занимаете вы...»

— Лицемерка! — подумалъ Ліонель — самый блистательный изъ свѣтскихъ людей Франціи обожаютъ ее! —

«Если бы отъ меня зависѣла,» продолжала она скромно, «судьба человѣка, мною любимаго, и его положеніе въ обществѣ, можетъ быть, я умѣла бы уве-

личить его счастье, а не старалась бы разрушать его.

— Что это значить? подумалъ Ліонель.

Взволнованный, смущенный, онъ схватилъ руку Лавиніи, и съ жаромъ прижалъ ее къ губамъ своимъ — рука эта была удивительно бѣлая, нѣжная, была така красивая, маленькая. Въ лѣта ранней юности, руки женщинъ обыкновенно бываютъ красны и пухлы, но потомъ становятся онѣ бѣднѣе, продолговатѣе и получаютъ надлежащую форму.

Чѣмъ болѣе смотрѣлъ Ліонель на Лавинію, чѣмъ болѣе ее слушалъ, тѣмъ болѣе находилъ въ ней совершенствъ, какихъ прежде вовсе не замѣчалъ. Она говорила по-Англійски превосходно; странное, неправильное произношеніе, надъ которымъ бывало смѣялся Ліонель, совершенно исчезло, и отъ него сохранилась только какал то милая оригинальность въ выраженіи. Что прежде показывало въ ней что-то гордое, даже дикое, можетъ быть, затаилось теперь во глубинѣ души, но наружность Лавиніи не показывала уже ничего подобнаго. Менѣе странная, менѣе оригинальная, можетъ быть менѣе поэтическая, нежели прежде, Лавинія была теперь въ глазахъ Ліонеля несравненно очаровательнѣе, и принадлежала къ самому высшему, большому свѣту и его понятіямъ о красотѣ.

Что прибавить еще? Едва прошелъ часъ, какъ начался разговоръ, и Ліонель забылъ уже десять лѣтъ, отдѣлвшихъ его отъ Лавиніи, или, сказать вѣрнѣе, онъ забылъ всю прежнюю жизнь свою. Ему казалось, будто передъ нимъ была женщина, которую онъ видитъ и любитъ въ первый разъ. Прошедшее представляло ему Лавинію печальную, ревнивою, взыскательною; оно напоминало ему собственныя его вины, и Лавинія, понимавшая, какъ

тягостны и неприятны были бы для него воспоминания прежнего, была столь великодушна, что едва слегка их касалась.

Они рассказали друг другу, что было съ каждымъ изъ нихъ со времени ихъ разлуки. Лавинія, какъ заботливая сестра, спрашивала Лιονеля о новой его любви, хвалила красоту миссъ Эллисъ, и съ участіемъ освѣдомлялась объ ея характеръ и о тѣхъ выгодахъ, которыя бракъ съ нею могъ принести ея старому другу. Она рассказала ему, съ своей стороны, легко и увлекательно, о своихъ путешествіяхъ, о своемъ замужствѣ съ старымъ лордомъ Блакомъ, о своемъ вдовствѣ, и о томъ, какое употребленіе дѣлала она теперь изъ доставшагося ей богатства, и какъ пользовалась своей свободой. Во всемъ, что говорила она, отсвѣчивалась какал-то умная насмѣшка, и хотя Лавинія отдавала полную справедливость власти разсудка, но слова ея отзывались горечью, которая обнаруживалась только въ видѣ насмѣшки. И между тѣмъ, въ этой душѣ, столь рано отцвѣтшей, доброта, кротость и снисхожденіе пересиливали всѣ другія чувства, придавая ей какое-то величіе, возвышавшее ее надъ всѣми.

Прошло болѣе часа, какъ они были вмѣстѣ. Лιονель не считалъ времени. Онъ предавался своимъ новымъ впечатлѣніямъ съ везаннымъ и упоительнымъ жаромъ, составляющимъ послѣднюю способность любви для сердецъ, пресыщенныхъ свѣтомъ. Онъ старался всѣми возможными средствами оживить разговоръ и заставить Лавинію говорить ему о нынѣшнемъ состояніи ея души, но всѣ его старанія были напрасны: — женщина, Лавинія была осторожнѣе и искуснѣе его. Едва только начиналъ онъ думать, что успѣлъ наконецъ коснуться какой нибудь тайной струны ея сердца, какъ уже долженъ

быть разувраться въ этомъ. Едва надѣялся онъ схватить ея тайную мысль, какъ надежда измѣнила ему, и эта женщина, странная, непонятная, исчезала передъ нимъ будто привидѣніе, дѣлалась неослае-мою, будто воздухъ.

Вдругъ сильно застучали въ дверь. Шумъ потока препятствовалъ разслушать первые удары, и теперь были они повторяемы съ большею силою нетерпѣнія. Лавинія затрепетала.

— Это Генрихъ — онъ пришелъ за мною — сказалъ Лιονель. — Если вамъ угодно подарить мнѣ еще нѣсколько минутъ, я скажу, чтобы онъ подождать. . . Могу ли надѣяться такой милости?

Лιονель приготовлялся настойчиво упрасивать ее, когда въ комнату вошла Пеппа, съ разстроеннымъ и безпокойнымъ видомъ.

— Графъ де-Моранжи хочетъ непременно, васъ видѣть — сказала она по-Португальски своей госпожѣ. — Онъ тамъ, и ничего не слушаетъ. . .

«Ахъ, Боже мой! Онъ такъ ревнивъ!» прошептала Лавинія съ дѣтскимъ простодушіемъ; — «куда мнѣ дѣвать васъ, Лιονель?»

Лιονель стоялъ, будто громомъ пораженный.

— Проси его — сказала съ живостью Лавинія арапкъ. — А вы, Лιονель, потрудитесь выйти на этотъ балконъ. Время прекрасное, и чтобы оказать мнѣ важную услугу, вы согласитесь, думаю, побыть тамъ минутъ пять? —

Поспѣшно толкнула она его на балконъ; потомъ опустила надъ дверью кисейные занавѣсы, и обратилась къ графу, входившему въ эту минуту —

— Что значить такая стукотня, графъ? — сказала она улыбаясь — это настоящій приступъ. . .

«Простите меня, Лавинія!» сказалъ графъ, умоляю васъ объ этомъ на колыняхъ. Вы оставили балъ

нашъ такъ нечаянно, и я подумалъ, что вы больны. Всѣ эти дни чувствовали вы себя не очень здоровою, и я испугался... Простите меня, Лавинія, я сумасшедшій... но я такъ люблю васъ, что не знаю самъ, что дѣлаю!

Пока графъ говорилъ, Ліонель, едва опомнясь отъ удивленія, предавался порывамъ неукротимаго гнѣва.

«Дерзкая насмѣшница! Она заставляетъ меня присутствовать при свиданіи съ своимъ любовникомъ!» думалъ Ліонель. — «О, если это мнѣніе было приготовлено, если она имѣла намѣреніе оскорбить меня, не дешево ей со мною раздѣляться... Но, какая глупость! Если бы я обнаружилъ теперь свою досаду, она стала бы торжествовать... Нечего дѣлать! будемъ свидѣтелями любовной сцены съ хладнокровіемъ истиннаго философа! —

Онъ прислонился къ окну, и концемъ хлыста своего развелъ немного занавѣсы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они соединились. Такимъ образомъ могъ онъ все видѣть и слышать.

Графъ де-Моранжи былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ мужчинъ въ цѣлой Франціи — блѣлокурый, высокій ростомъ, болѣе важной, чѣмъ выразительной наружности, отлично причесанный, словомъ, —настоящій *дэнди*, съ головы до ногъ. Голосъ его былъ нѣженъ и тихъ; говоря, онъ немного картавилъ; глаза его были прекрасны, хоть и безъ огня; ротъ невеликъ и нѣсколько оправленъ насмѣшкою; рука бѣлая, какъ у женщины; нога красивая и обута съ возможнымъ совершенствомъ. Въ глазахъ Ліонели графъ являлся самымъ опаснымъ соперникомъ, и даже для чести Англичанина стоило поспорить съ нимъ.

Графъ говорилъ по-Французски, и Лавинія отвѣ-

чала ему на этомъ же языкѣ, объясняясь такъ же свободно, какъ и по-Англійски. Еще новое дарованіе, котораго прежде не знали Ліонель! Она слушала нѣжности красиваго щеголя съ удивительнымъ снисхожденіемъ. Графъ отпустилъ двѣ, или три страстныхъ фразы, показавшіяся Ліонелю не совсемъ сообразными съ правилами высшаго вкуса, и даже неприличными. Лавинія не разсердилась; въ улыбку ея не было замѣтно ни какой досады. Она только уговаривала графа возвратиться на балъ прежде ея, старалась дать ему почувствовать, что было бы неприлично возвратиться имъ туда вмѣстѣ. Но графъ упорствовалъ, просилъ позволенія проводить ее только до дверей бальной залы, клялся, что войдетъ туда черезъ полчаса послѣ нее. — Говоря все это, онъ схватилъ руку Лавиніи, и она не противилась, съ безпечною томностью позволяя такую вольность.

Ліонель кусалъ себѣ губы отъ досады и нетерпѣнія.

— Какъ я глупъ, что остаюсь свидѣтелемъ этой мистификаціи, когда отъ меня зависитъ выйти отсюда!...

Онъ дошелъ до конца балкона, съ намѣреніемъ удалиться, но балконъ былъ огороженъ, а внизу темнѣлись утесы и бездны. Не смотря на то, Ліонель рѣшился перешагнуть чрезъ рѣшетку. Скоро былъ онъ принужденъ снова остановиться, разглядѣвши, что утесы шли къ низу отвѣсною стѣною, и дикая коза не рѣшилась бы прыгать съ нихъ. Мѣсяць, мелькнувши въ эту минуту изъ-за тучи, освѣтилъ Ліонелю глубину пропасти, отъ которой едва нѣсколько дюймовъ отдѣляли его. Онъ принужденъ былъ зажмурить глаза, спасаясь отъ головокруженія, которое начиналъ чувствовать, и съ труп-

домъ удержался за балконъ. Видя себя безопаснымъ на небольшой площадкѣ балкона, висѣвшаго надъ бездною, онъ долгие былъ за то сдѣлаться нелюбимымъ свидѣтелемъ торжества своего соперника. Вооружась философскимъ терпѣніемъ, Лионель рѣшился хладнокровно слушать всѣ сантиментальныя тирады Графа де-Моранжи.

— Лавинія — говорилъ графъ — пора оставить притворство. Невозможно, чтобы вы не понимали, какъ страстно я васъ люблю; вы обращаетесь со мною такъ жестоко, какъ будто страсть моя ничтожная прихоть сердца, которая родится и умираетъ въ одинъ и тотъ же день! Любовь моя къ вамъ заключаетъ въ себѣ судьбу всей моей жизни, и если вы не примете моего обѣта посвятить вамъ жизнь мою, вы увидите, что и свѣтскій человѣкъ можетъ забыть всѣ приличія и отказаться отъ власти холоднаго разсудка. Не доводите меня до отчаянія, или страшитесь его послѣдствій!

«Вы хотите, чтобы я отвѣчала вамъ рѣшительно?» сказала Лавинія. «Хорошо, я исполню желаніе ваше. Скажите: знаете ли вы мою прежнюю жизнь?»

— Да, Лавинія, я знаю ее. Я знаю, что человѣкъ недостойный, презрѣнный, обманулъ и покинулъ васъ, и состраданіе, какое я чувствую къ вашему несчастію, еще болѣе увеличиваетъ чувство моего сердца. Только одни истинно великія души бываютъ жертвами злобы людей и общественнаго мнѣнія...

«Знайте же, графъ» — возразила Лавинія, «что я умѣла воспользоваться тяжкими уроками судьбы, и теперь, ни мое собственное сердце, ни сердце другаго уже не увлекутъ меня. Я знаю, что не во власти человѣка оставаться всегда вѣрнымъ своимъ клятвамъ, и измѣна часто слѣдуетъ за ними. Не думайте уговорить меня, какъ дитя, и если вы го-

ворили не шутя, вотъ мой отвѣтъ: я не доверюсь теперь ни чьей любви. Женщина, которую судили строго за ошибки ея юности, всегда будетъ окружена щитомъ, крѣпкимъ болѣе самой добродѣтели: это — *недоверчивость!*

— Вы не поняли меня, Лавинія — вскричалъ графъ, бросаясь къ ногамъ ея — будь я проклятъ, если когда нибудь мысль о вашихъ прежнихъ несчастіяхъ могла внушить мнѣ дерзкую мысль — требовать отъ васъ жертвы, несообразной съ вашего благородною гордостью...

«Точно ли вы увѣрены въ себѣ, что никогда не имѣли такой мысли?» промолвила Лавинія съ горькою улыбкою.

— Это ужасно, Лавинія, но, хорошо — я буду откровененъ — сказалъ графъ, голосомъ убѣждающей истины. Можетъ быть, я имѣлъ эту мысль, прежде нежели узналъ васъ лучше, но теперь я отвергаю ее съ негодованіемъ. Лавинія! притворство, съ вами невозможно — вы уничтожаете всякую хитрость, вы подчиняете себѣ волю каждаго. Вы заслуживаете обожаніе. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ васъ, клянусь — любовь моя была васъ достойна! Выслушайте меня, позвольте мнѣ у ногъ вашихъ дожидаться моего приговора. Неразрывными клятвами хочу я связать мою будущность съ вашею. Къ вашимъ ногамъ кладу я мое имя, которое, думаю, довольно значительно, и блестящее состояніе, которымъ, какъ вы знаете, горжусь я очень мало — все у ногъ вашихъ, вмѣстѣ съ сердцемъ, полнымъ безумной къ вамъ любви, сердцемъ, которое дышитъ только вами!

«Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, предлагаете мнѣ вашу руку, графъ?» сказала Лавинія, не показывая обиднаго изумленія. «Примите, прежде всего, мою благо-

дарность за такой знак уважения и привязанности ко мнѣ.»

И она дружески протянула къ нему руку.

— Боже! благодарю тебя! Она соглашается — воскликнулъ графъ, покрывая руку Лавиніи пламенными поцѣлуями.

«Нѣтъ, графъ» — возразила Лавинія — «я прошу васъ — дать мнѣ время на размышленіе...»

— Но могу ли я надѣяться? —

«Не знаю. Вы можете положиться только на мою признательность. Прощайте — возвратитесь на балъ — я этого требую, и буду тамъ черезъ минуту...»

Графъ страстно поцѣловалъ конецъ шарфа Лавиніи, и выпшелъ. Едва только успѣлъ онъ затворить за собою дверь, какъ Ліонель отдернулъ занавѣски, ожидая отъ Лавиніи позволенія войти въ комнату. Но Лавинія сидѣла на диванѣ, оборотясь спиною къ окну. Ліонель видѣлъ лицо ея, отражавшееся въ зеркалѣ, висѣвшемъ напротивъ; глаза ея были устремлены на паркетъ; она сидѣла неподвижно, задумавшись. Погруженная въ глубокую думу, она совершенно забыла о Ліонель, и крикъ удивленія, вырвавшійся изъ ея груди, когда онъ сталъ на середину комнаты, послужилъ ему простодушнымъ признаніемъ въ совершенномъ забвеніи его присутствія.

Ліонель поблѣднѣлъ отъ досады, но пересилилъ себя.

— Признайтесь, Лавинія, что я вполне далъ вамъ время насладиться вашими новыми побѣдами — сказалъ онъ. Мнѣ должно было вооружиться всѣмъ моимъ хладнокровіемъ, чтобы оставаться безмолвнымъ, когда меня оскорбляли, и когда оскорбленіе это было, можетъ быть, приготовлено заранѣе!

«Приготовлено?» повторила Лавинія, взглянувъ на

него сурово. «И вы смѣете такъ думать обо мнѣ? Если таково ваше мнѣніе, оставьте меня — прошу васъ!»

— Нѣтъ, нѣтъ! я не думаю такъ — сказалъ Ліонель, подойдя къ ней съ сильнымъ волненіемъ, и взявъ ее за руку. — Не обращайтесь вниманія на мои слова... Я такъ разстроены... Должно признаться однако жъ, что заставляя меня присутствовать при подобной сценѣ, вы слишкомъ много полагались на мое хладнокровіе...»

— На ваше хладнокровіе, Ліонель?... Я не понимаю васъ. Вы вѣрно хотѣли сказать: на ваше равнодушіе?»

— Смѣйтесь надо мной, сколько вамъ угодно; будьте жестоки, уничтожьте меня, попирайте меня вашими ногами — вы имѣете полное право... Но, я истинно несчастливъ!..

Онъ былъ въ большомъ смущеніи. Лавинія думала, или показывала что думаетъ, будто онъ притворяется.

— Кончимъ наше свиданіе — сказала она вставая — вамъ не худо было бы вспомнить то, что отвѣчала я Графу де-Моранжи, человѣку, котораго любовь никогда не оскорбляла меня. Прощайте, Ліонель! Разстанемся навсегда, но разстанемся безъ оскорбленія, безъ непріятности. Вотъ вамъ портретъ вашъ и ваши письма... Прощайте — пустите мою руку — я должна возвратиться на балъ...»

— Вы должны возвратиться туда, чтобы танцевать съ Графомъ де-Моранжи? Не такъ ли? — сказалъ Ліонель, въ бѣшенствѣ бросивъ пакетъ, отданный ему Лавинією.

— Выслушайте меня — отвѣчала Лавинія спокойно, но только поблѣднѣвши немного. — Графъ де-Моранжи предлагаетъ мнѣ знаменитое имя, кото-

рое возвратить мнѣ полное уваженіе свѣта. Союзъ съ старымъ лордомъ Блакомъ не могъ совершенно смыть съ имени моего тяжкаго пятна, которое всегда лежитъ на имени оставленной женщины. Всѣ знаютъ, что старикъ всегда выигрываетъ въ такомъ случаѣ, но — человекъ молодой, богатый, прекрасный, благородный, любимый женщинами — это другое дѣло и стоитъ вниманія. Признаюсь, Ліонель, я очень рада, что не оттолкнула отъ себя графа совершенною холодностью — я давно угадала благородство его чувствъ...

Лавинія удалилась. — О женщины! суетность никогда не оставляетъ васъ! — вскричалъ Ліонель, оставшись одинъ.

Онъ отправился въ гостиницу, гдѣ Генрихъ уже давно, съ нетерпѣніемъ, ожидалъ его.

— Что за нелѣпости, Ліонель! — закричалъ ему Генрихъ — вотъ слишкомъ часъ, какъ я дожидаюсь тебя! что это такое? Два часа для такого свиданія!.. Ну, на коня и въ путь — дорогой ты расскажешь мнѣ все!

«Прощай, Генрихъ. Скажи миссъ Маргаритѣ, что вальку, который уложили вмѣсто меня въ постелью, сдѣлалось гораздо хуже. Я остаюсь здѣсь.

— Небо и земля! Что я слышу? — вскричалъ Генрихъ — ты не хочешь ѣхать въ Люшонъ?

«Я поѣду туда въ другой разъ, а теперь остаюсь здѣсь.

— Да, это невозможно — ты бредишь! Не помирились ли ужъ вы съ Лавинією?

«Ничего не знаю. Я усталъ — у меня сплینъ — я остаюсь...

Генрихъ не зналъ что думать. Онъ истощилъ все свое краснорѣчіе, стараясь увлечь Ліонеля, но

не успѣвши въ этомъ, слѣзъ съ лошади, и бросивъ конюху поводья, заговорилъ иначе.

— Хорошо — если такъ, то и я остаюсь. Все это кажется мнѣ такъ забавно, что я хочу знать, чѣмъ это кончится. Бросаю всѣ любовныя затѣи Ваньера, мою Провансалку — благородный другъ мой, сирь Ліонель Бриджмондъ, дастъ мнѣ комическое представленіе, и я буду, во что бы то ни стало, его зрителемъ!

Ліонель отдалъ бы все на свѣтъ, чтобы избавиться отъ своего вѣтренаго и веселаго товарища, но это было невозможно.

— Если ты непременно рѣшился остаться со мною, я предупреждаю тебя, что мы сейчасъ отправимся на балъ.

«На балъ?... Прекрасно! Танцы самое лучшее лекарство отъ сплина и усталости.

Черезъ полчаса они были тамъ.

Лавинія танцевала съ Графомъ де-Моранжи. Ліонель никогда еще не видалъ, какъ она танцуетъ. Когда она пріѣхала въ Англію, ей былъ извѣстенъ только одинъ *болеро*, и она никогда не позволяла себѣ танцевать его подъ пасмурнымъ и угрюмымъ небомъ Великобританіи. Въ послѣдствіи выучилась она нашимъ кадрилиамъ, и танцевала ихъ съ пламеннымъ выраженіемъ Испанки, умѣряя роскошь и порывы ея Англійскою скромностью приличій. Многіе становились теперь на стулья, желая лучше видѣть, какъ она танцуетъ. Графъ де Моранжи торжественно втерся въ толпу зрителей.

Суетно, тщеславно сердце человѣческое! Ліонель страдалъ невыразимо. Женщина, столь долго покорная его любви, женщина, нѣкогда принадлежавшая только ему, и которой нѣкогда никто въ мѣръ не осмѣлился бы исторгнуть изъ его объ-

лтей — вотъ она теперь, эта женщина свободна, горда, независима, окружена обожателями, въ каждомъ взорѣ окружающихъ ее встрѣчаетъ награду за прежнія страданія, и, счастливая настоящимъ, жестоко мститъ минувшему. Когда Лавинія возвратилась на свое мѣсто, и графъ отвернулся отъ нея на минуту, Люнель, незамѣтно пробравшись сквозь толпу, поднялъ вѣеръ, нечаянно выпавшій изъ рукъ у Лавиніи. Она не ожидала Люнеля — едва не закричала отъ удивленія, и щеки ея примѣтно заалѣли.

«Боже мой! я думала, что вы уже давно на Баньерской дорогѣ!»

— Не бойтеся ничего, Лавинія, — отвѣчалъ Люнель въ полголоса — я буду остороженъ и не поссорю васъ съ графомъ.

Но онъ не могъ оставить ее рѣшительно, и скоро пришель просить ее танцовать.

Она согласилась.

— Не надобно ли мнѣ попросить на это позволенія Графа де-Моранжи? — сказалъ онъ ей.

Баль продолжался до утра. Лавинія была увѣрена, что балъ этотъ могъ кончиться скорѣе, если бы только ей этого захотѣлось, но она не хотѣла. Благодаря беспорядку, который, мало по малу, обыкновенно распространяется на каждомъ праздникѣ съ наступленіемъ глубокой ночи, Люнель могъ говорить съ Лавиніею. Очарованный ея красотой, разсерженный соперничествомъ графа, возбужденный искательствами толпы, каждую минуту бросающейся между нимъ и Лавиніею, онъ разгарался давно потухшею страстью, и его самолюбіе до того было разтрогано, что онъ возвратился съ бала въ состояніи нервической раздражительности и совершенно вѣтъ себя.

Напрасно старался онъ заснуть — сонъ бѣжалъ

отъ глазъ его. Генрихъ, успѣвшій влюбиться во всѣхъ красивыхъ женщинъ, бывшихъ на балѣ, и не пропустившій ни одной кадрили, храпѣлъ громко. Наконецъ онъ проснулся, протеръ глаза и сказалъ:

«Ну, Люнель, клянусь честью! Эта мировая съ моей кузиной чудная исторія. Не думай обмануть меня; — теперь я знаю твою тайну. Когда мы явились на балъ, Лавинія была печальна, танцевала разсѣянно, и какъ будто нехотя. Едва увидѣла она тебя, глаза ея оживились, улыбка разыгралась на лицѣ, и какъ очаровательна; какъ воздушна была она, когда ты вертѣлся съ нею въ быстромъ вальсѣ! Она летала по паркету, будто легкій пухъ, будто прекрасная мечта. ... Счастливецъ! въ Люшонѣ у тебя красавица невѣста и богатое приданое, а въ С. Соверѣ красавица любовница и торжество!»

— Оставь твои глупости — сказалъ ему Люнель съ досадою.

Генрихъ одѣлся прежде Люнеля. Онъ пошелъ узнавать, что дѣлается, и скоро возвратился, шумя на лестницѣ во всю мочь.

— Помилуй, Генрихъ! Оставишь ли ты когданибудь эту глупую привычку орать во все горло! Право можно подумать, что ты безпрестанно гонимся за зайцами, и принимаешь всѣхъ, съ кѣмъ говоришь, за псарей!

«*Коня миль, коня! Полцарства за моего коня!*» кричалъ Генрихъ. «Лавинія уже готова. Она ѣдетъ въ Жедръ, съ десятью такими же миленькими сумасбродками, какъ она сама, съ цѣлою толпою рыцарей, и съ Графомъ де Моранжи въ головѣ. ... Не думай, чтобы я хотѣлъ сказать, что графъ у нее въ головѣ — нѣтъ! онъ будетъ только въ головѣ кавалькады. ... Понимаешь!»

— Молчи, slow! — закричала Лиюнелъ — лошадей — мы ѡдемъ!

Веселая кавалькада предупредила ихъ. Жедрская дорога, избѣченная въ утесъ, идетъ подлѣ глубокой пропасти, и представляеть лошадямъ непрерывныя трудности, а путешественникамъ безпрестанныя опасности. Лиюнелъ пустилъ лошадь свою во весь галопъ. Генрихъ думалъ, что другъ его рхнулся, но полагая, что честь не позволяла ему отставать, прищипорилъ также свою лошадь и поскакалъ вслѣдъ за Лиюнелемъ. Присоединение ихъ къ кавалькадѣ казалось чудомъ отваги. Лавинія затрепетала при видѣ двухъ безумцевъ, скакавшихъ во весь опоръ по краямъ глубокой бездны. Когда узнала она Лиюнеля и Генриха, смертная блѣдность покрыла ея лицо, и едва не упала она съ лошади. Графъ де-Моранжи примѣтилъ ея испугъ, и не спускалъ съ нея глазъ. Онъ былъ страшно ревнивъ.

Это еще болѣе разгорячило Лиюнеля. Цѣлый день оспаривалъ онъ у графа каждый взоръ Лавини. Трудность говорить съ нею, безпокойство скачки, ощущенiя, раждавшiяся отъ дивной красоты мѣсть, по которымъ они проѣзжали, умные и всегда милые, кроткiе отвѣты Лавини, искусство ея управлять лошадей, ея смѣлость и граціозность въ верховой ѣздѣ, ея замѣчанiя, всегда естественныя, и съ тѣмъ вмѣстѣ очаровательно поэтическiя — все это совершенно рѣшило участь Лиюнеля. Тягостенъ былъ этотъ день для блѣдной Лавини, преслѣдуемой двумя соперниками, изъ которыхъ ни одному не хотѣла она оказать предпочтенiя. Потому съ особеннымъ удовольствiемъ слушала она любовную болтовню своего шаловливаго брата, когда онъ подѣзжалъ къ ней, и избавлялъ ее отъ двухъ

ея обожателей. Люди, подобные Генриху, настоящее золото въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Съ наступленiемъ вечера небо покрылось тучами. Все предвѣщало сильную грозу. Кавалькада ускорила свой обратный поѣздъ, но оставалось еще слишкомъ помили до С. Совера, когда разразилась буря. Глубочайшiй мракъ одѣлъ землю; женщины стали пугаться; лошадь Графа де-Моранжи, закусивъ удила, понесла его во всю прыть; вся кавалькада разстроилась, и только невѣроятныя усилiя проводниковъ, шедшихъ пышкомъ, могли предохранить все общество отъ неминуемой опасности.

Лиюнелъ, окруженный непроницаемою темнотою, принужденный пробираться по краямъ пропасти и тащить за собою свою лошадь, безпрестанно опасаяся обрушиться вмѣстѣ съ нею съ утесовъ, былъ тревожимъ еще другимъ, сильнѣйшимъ безпокойствомъ. Онъ потерялъ изъ вида Лавинию, и уже болѣе четверти часа искалъ ея. Блеснувшая молнiя показала ему какую-то женщину, сидѣвшую на обломкѣ утеса, возвышавшагося надъ дорогомъ. Онъ остановился, сталъ прислушиваться и узналъ Лавинию. Но съ нею былъ какой-то мужчина? Кому же быть другому, кромѣ Графа де-Моранжи! Лиюнелъ рѣшился помѣшать, по крайней мѣрѣ, счастью соперника, и поспѣшно бросился къ сидѣвшей парочкѣ. Какъ велика была его радость, когда онъ увидѣлъ не графа, а Генриха! Добрый другъ, Генрихъ, уступилъ ему свое мѣсто, и даже отошелъ въ сторону, взявшись стеречь лошадей.

Нѣтъ ничего величественнѣе и торжественнѣе грозы въ мѣстахъ гористыхъ! Глухiе раскаты грома, гремя надъ безднами, повторяются нѣсколько разъ въ нѣдрахъ ихъ страшными перекатами; вѣтеръ, качающiй густыя пихтовые лѣса, и преклоняющiй

ихъ къ гранитному подножію утеса, врывается въ ущелья, свиститъ, воеетъ, стонетъ въ нихъ, и по временамъ плачетъ, какъ дитя. Лавинія, погруженная въ созерцаніе этой величественной картины, прислушивалась къ бушеванію грозы, и съ нетерпѣніемъ ждала, чтобы блескъ молніи озарилъ окрестность своимъ голубымъ сіяніемъ. Она содрогнулась, когда молнія освѣтила передъ нею Ліонеля, сидящаго на томъ самомъ мѣстѣ, которое за мину-ту до того занималъ Генрихъ. Ліонель думалъ, что Лавинія была испугана грозою, и взялъ ее за руку, стараясь ее успокоить. Новая молнія показала ему вполнѣ Лавинію. Опершись рукою на колено, съ восторгомъ смотрѣла она на грозное, великое зрѣлище бунтующихъ стихій.

— О, какъ это хорошо! — сказала она, — какъ пылнители этотъ голубой отблескъ! Видѣли ли вы эти зубцы утесовъ, засіявшіе, будто сафиры? Видѣли ли вы эту туманную отдаленность, изъ которой свѣжныя вершины горъ встаютъ, будто при-видѣнія въ бѣлыхъ саванахъ? Замѣтили ли вы, какъ въ быстромъ переходѣ отъ мрака къ свѣту и отъ свѣта къ мраку, все кажется движущимся, трепещущимъ, какъ будто эти горы колеблются въ своемъ основаніи и грозятъ развалиться?

«Я ничего не вижу кромѣ васъ, Лавинія,» сказалъ ей Ліонель, «слышу только вашъ голосъ; воздухъ напитанъ для меня только вашимъ дыханіемъ; всѣ мои мысли, все бытіе мое слились теперь въ одномъ чувствѣ — въ счастіи видѣть васъ... Лавинія! я люблю васъ, люблю до безумія. Вы это знаете, вы слишкомъ хорошо увѣрились въ этомъ сегодня, и, можетъ быть, вы сами того хотѣли... Если такъ, — торжествуйте, Лавинія. У ногъ вашихъ, склоняясь во прахъ, я молю васъ забыть прошедшее и не

отнимать у меня будущаго! Молю васъ объ этомъ, и вы не можете отказать мнѣ, Лавинія. Хочу жить только для васъ, обладать вами, и имѣю на то право.

— Право? — сказала она и отняла у него свою руку.

«Да, Лавинія! Скорбь, какую причинилъ я тебѣ нѣкогда, мое безразсудство, моя вѣтренность, мое преступленіе даютъ мнѣ это право! И если ты любила меня тогда, когда я терзалъ твое сердце, можешь ли отказать мнѣ теперь, когда я хочу вернуть тебя къ счастью и загладить свое проклятое преступленіе?»

Мужчины умѣютъ говорить много и хорошо въ подобныхъ случаяхъ. Ліонель былъ теперь краснорѣчивъ и увлекателенъ. Онъ пылалъ страстью, и не надѣясь побѣдить упорства Лавиніи, если не сравняется въ великодушіи съ своимъ соперникомъ, онъ рѣшился принести ей на жертву все. Онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ Лавиніи свое имя, свою руку, жизнь свою...

«Что вы дѣлаете, Ліонель?» сказала Лавинія съ глубокимъ чувствомъ. «Вы отказываетесь отъ миссъ Эллисъ, отъ вашей невесты, отъ женитьбы, которая почти уже рѣшена?»

— Да — отвѣчалъ онъ, — я рѣшаюсь на поступокъ, который въ свѣтъ найдутъ несправедливымъ, даже оскорбительнымъ. Можетъ быть, мнѣ придется даже омѣть его моею кровью, но я готовъ на все — хочу только обладать вами! Величайшее несчастье моей прошедшей жизни то, что я не умѣлъ оцѣнить васъ, Лавинія, и мой первый долгъ загладить мое преступленіе. Отвѣчайте, отвѣчайте — возвратите мнѣ счастье, котораго я лишился, потерявъ васъ. Теперь я буду умѣть оцѣнить его, потому что я также переѣмился — я уже не тотъ честолюбивый,

безпокойный человекъ, котораго обольщало будущее своими обманчивыми надеждами. Теперь я знаю, что такое жизнь; знаю, чего стоятъ свѣтъ и его ложный блескъ; знаю, что одинъ взоръ вашъ дороже всякихъ другихъ успѣховъ; знаю, что счастье, за которымъ я до сихъ поръ напрасно гонялся, ждетъ меня съ вами... О Лавинія! будь опять моею! Кто будетъ любить тебя такъ, какъ я? Кто лучше меня оцѣнитъ величіе и благородство твоей души!...

Лавинія молчала, но сердце ея билось такъ сильно, что Ліонель не могъ этого не замѣтить; рука ея трепетала въ его рукѣ, но она не отнимала руки своей, такъ-же, какъ и локона волосовъ, отвѣянаго вѣтромъ съ ея чела, и который Ліонель схватилъ и цѣловалъ въ восторгѣ. Ни онъ, ни она не замѣчали дождя, падавшаго на нихъ крупными, холодными каплями. Вѣтеръ между тѣмъ стихалъ; небо нѣсколько прояснилось; Графъ де-Моранжи приблизился къ нимъ такъ скоро, какъ только позволяла ему раскованная и охромѣвшая его лошадь, едва не убившая его, при паденіи вмѣстѣ съ нимъ на край утеса.

Увидѣвъ его, Лавинія поспѣшно оставила Ліонеля. Възбѣшенный приходомъ графа, но полный любви и надеждъ, Ліонель пособилъ Лавиніи сѣсть на лошадь, и проводилъ ее до дверей ея дома. Тамъ остановилась она, и сказала ему вполголоса: «Ліонель! вы сдѣлали мнѣ предложеніе, которое я умѣю цѣнить въ полной мѣрѣ, но я не могу дать вамъ теперь рѣшительнаго отвѣта — мнѣ надобно подумать...»

— О Боже! вы то же самое отвѣчали графу!

«Нѣтъ, нѣтъ — это не то же!» сказала она дрожащимъ голосомъ. «Но ваше присутствие здѣсь мо-

жетъ подать поводъ къ глупымъ толкамъ. Если вы точно меня любите, Ліонель, то поклонитесь мнѣ, что будете мнѣ повиноваться!»

— Клянусь въ томъ Богомъ!

«Поѣзжайте сію же минуту и возвратитесь въ Баньеръ. Въ свою очередь, я клянусь вамъ, что черезъ *сорокъ часовъ* — вы получите мой рѣшительный отвѣтъ...»

— Но что будетъ со мною въ этотъ вѣкъ ожиданія!

«Вы будете *надѣяться*» — отвѣчала Лавинія, затворяя за собою дверь, поспѣшно, какъ будто боялась сказать что нибудь болѣе...

Ліонель ждалъ еще нѣсколькихъ словъ, но ихъ не было. ¶ Последние слова Лавиніи и самолюбіе подерживали его въ упорительной надеждѣ. Быстро скакалъ онъ въ Баньеръ.

— Ты напрасно уѣзжаешь — говорилъ ему Генрихъ дорогою — и я вовсе не понимаю твоихъ поступковъ. Лавинія начинала уже быть любезною и милою. Право, я не узнаю тебя, Ліонель. Тебѣ надобно было остаться, хоть для того, чтобы не уступить поля битвы этому Графу де-Моранжи. Но дѣлать нечего. Вижу, что ты рѣшительно влюбленъ въ миссъ Маргариту, и гораздо болѣе, нежели полагаешь я прежде...

Ліонель былъ такъ занятъ, такъ погруженъ въ смѣщенную думу, что не слыхалъ ничего, говоренаго ему Генрихомъ. Все время, назначенное для ожиданія Лавиніею, провелъ онъ запершись въ своей комнатѣ, и сказывался больнымъ. Генрихъ терялся въ догадкахъ, не понимая, что такое дѣлалось съ его другомъ. Наконецъ пришло письмо Лавиніи.

Вотъ оно:

«Когда вы получите это письмо, и когда Графъ де-Моранжи, котораго отправила я въ Тарбъ дожидаться моего отвѣта, также получитъ письмо, я буду далеко отъ васъ обоихъ. Буду навсегда, и не буду существовать ни для него, ни для васъ.»

«Вы предлагаете мнѣ имя, состояніе, богатство ваше, Лионель, и думаете, что для женщины все это составитъ сильное обольщеніе. По крайней мѣрѣ, не для той, которая презираетъ блескъ и роскошь свѣта, подобно мнѣ. Не думайте, однако же, Лионель, чтобы я пренебрегала жертвою, какуто вы хотѣли принести мнѣ, отказываясь отъ выгодной женитбы, и рѣшаясь навсегда связать свою судьбу съ моею. Вы поняли, какъ оскорбительно для женскаго самолюбія видѣть себя оставленною и покинутою, поняли и то, какое торжество для него снова оковать невѣрнаго и опять привалель его къ ногамъ своимъ! Этимъ торжествомъ хотѣли вы вознаградить меня за все мои прежнія страданія — возвратить вамъ все мое уваженіе — я простила бы вамъ теперь даже все прошедшее, если бы не сдѣлала этого уже очень давно. Но знайте, Лионель, что не въ вашей власти поправить зло минушаго — нѣтъ, это невозможно! Ударъ, сразившій меня, былъ ужасенъ — онъ уничтожилъ во мнѣ навѣки способность любить; онъ лишилъ меня всѣхъ очарованій, разрушилъ всѣ мечты, и теперь жизнь является мнѣ только въ своемъ настоящемъ, сумрачномъ свѣтѣ. Не жаждуся на судьбу мою. Рано или поздно, этому должно было случиться. Мы все живемъ для того, чтобы видѣть, какъ наши радости умираютъ одна за другою... Правда, я была разочарована слишкомъ рано; душа моя ждала еще любви, когда въ ней не было уже вѣры въ любовь. Долго боролась я съ мечтами моею юности, какъ съ непримиримымъ врагомъ, и не была побѣждена. Не думаете ли вы, что эта послѣдняя борьба, это упорство, это усиліе противиться всѣмъ вашимъ просьбамъ и обѣщаніямъ не были для меня ни терзательны, ни страшны? Теперь, когда разлука и бѣгство предохраняютъ меня отъ опасности уступить желніямъ собственнаго моего сердца, теперь могу сказать, что я все еще люблю васъ. Да, я чувствую: впечатлѣніе первой любви никогда не истребляется совершенно; оно только кажется остывшимъ, и мы засыпаемъ въ тихомъ забвеніи бѣды, нами

перенесенныхъ; но пусть только призракъ минушаго мелькнетъ предъ нами; пусть только на мгновеніе прежній идолъ нашего сердца явится глазамъ нашимъ, и мы снова готовы преклонить предъ нимъ колѣни. Прочь отъ меня, все обольстительные призраки! Вы мечта и тѣнь, и если бы осмѣлилась я опять вѣрится вамъ, вы опять навели бы меня на терзанія, и потомъ оставили бы на погибель! Нѣтъ, Лионель, я вамъ не вѣрю. Знаю, что вы не можете располагать будущимъ, и при всемъ благородствѣ вашемъ, непостоянство, вашего сердца заставитъ васъ только лгать и обманывать когда вы отдадите мнѣ ваше будущее безвозвратно... Но смѣю ли обвинять васъ? Нѣтъ! мы все такъ ничтожны и непостоянны. Сама я, развѣ я не была спокойна, равнодушна, когда теперь увидѣла васъ? Развѣ не была я твердо убѣждена, что уже не могу любить васъ? Развѣ не лгала я надеждамъ Графа де-Моранжи? И не смотря на все это, вечеромъ, во время бури, когда вы сидѣли подлѣ меня на утѣсѣ, когда вы говорили со мною такъ страстно, такимъ нѣжнымъ, *прежнимъ* голосомъ, развѣ душа моя не увлеклась счастьемъ и восторгомъ? Да, это былъ голосъ, которымъ вы говорили *никогда* — была любовь дней минувшихъ. Въ этомъ голосѣ, въ этой любви было все — вы, я, юность наша, моя первая любовь, мое погибшее счастье — все, все это ожгло перedo мною...

«Теперь, когда хладнокровіе смѣнило горячку чувствъ, когда смертельная грусть душитъ меня, мнѣ кажется, что все это было только минутный, обманчивый сонъ, что я проснулась теперь, и отъ сна моего остались мнѣ только грусть и сожалѣніе...»

«Простите! Полагаю, что намѣреніе ваше соединить судьбу вашу съ моею осталось бы твердо до самой минуты совершенія священнаго обряда... А, можетъ быть, уже и теперь, въ эту минуту, вы чувствуете, что я поступаю благо-разумно, отказываясь отъ васъ, и что вы сдѣлали бы себя несчастливымъ. Вы увидѣли бы, что свѣтъ, всегда неблагодарный, всегда несправедливый, сталъ бы смотрѣть на вашъ поступокъ, какъ на обязанность, которую вы должны были исполнить, и онъ отказалъ бы вамъ въ удивленіи, котораго, можетъ быть, вы стали бы ожидать отъ него. Вы сдѣлались бы

недовольны самим собою... И, кто знает? может быть, сами вы скоро забыли бы все, что было прекраснаго, благороднаго въ вашей привязанности, и почли бы любовь вашу раскалиемъ. Не станемъ помянуть ничѣмъ немногихъ минутъ довърчивости и восторга, которыми насладились мы такъ недолго; сохранимъ объ нихъ святое воспоминаніе, и не будемъ стараться возвратитъ ихъ опять — онѣ невозвратны.

«Вамъ не надобно имѣть ни какихъ опасеній на счетъ Графа де-Моранжи — я никогда его не любила. Ни онъ и никто другой, кромѣ васъ, не заставлялъ бится моего сердца любовью. Я не хотѣла бы даже быть его женою: человекъ столь знатный, какъ Графъ де-Моранжи, всегда продаетъ слишкомъ дорого все, что уступаетъ другимъ людямъ, ниже его. Притомъ, я боюсь супружества, боюсь людей, не вѣрю имъ, и ненавижу ихъ клятвы и обещанія. Будущность, устроенная нашею слабостью, уселоя на счастье, надъ которыми судьба такъ часто и такъ жестоко надсмѣхается... Нѣтъ, нѣтъ, никогда. Одиночество, путешествіе, уединеніе, тишина... безстрастіе, — иногда шумъ свѣта, для того, чтобы смѣяться надъ шумъ, — поэзія, какъ милый расказчикъ о несбыточномъ счастье — довольно для здѣшняго міра, а — *тализъ*... есть Богъ и жизнь... Прощайте.»

Самолюбіе сира Ліонеля Бриджмонда сильно оскорбилось такимъ письмомъ. Если вы принимаете въ немъ участіе, мы считаемъ обязанностью прибавитъ, что въ сорокъ часовъ, которые пролетѣли отъ разлуки его съ Лавиніею до полученія ея письма, Ліонель много думалъ и передумывалъ. Получивши письмо Лавиніи, онъ хотѣлъ было броситъся на лошадь, слѣдовать за Лавиніею и восторжествовать надъ ея безчеловѣчнымъ разсудкомъ. «Но,» подумалъ онъ, «если она будетъ неумолима?... И въ это время миссъ Эллисъ оскорбится моими поступками»...

Онъ подумалъ еще, и — остался. «Ну, мой милый Ліонель» — сказала ему Генрихъ, видя, какъ онъ, на

другой день, почтительно цѣловалъ ручку миссъ Маргариты Эллисъ, удостоившей его этой милости послѣ довольно жаркой ссоры за его продолжительное отсутствіе — «кажется, что на будущій годъ мы будемъ членами парламента?»

ЖОРЖЪ - ЗАНДЪ.

АКТЕРЬ и ЖУРНАЛИСТЪ.

Быль 1772 года.

=

Я былъ тогда журналистомъ. Всѣ литераторы прошедшаго столѣтія, или начинали, или оканчивали изданіемъ журнала. Журнализмъ былъ тогда главнымъ орудіемъ всѣхъ мнѣній и партій, походомъ противъ Философіи и за Философію, открытымъ полемъ битвы, гдѣ сражались перьями, ловкостью, умомъ, ложью безстыдствомъ—чѣмъ ни пошло. «Быть литераторомъ,» въ то время значило «быть литературнымъ бойцомъ,» присоединиться къ той или другой партіи, сражавшимся одна противъ другой и беспощадно рѣзавшимъ одна другую. Театръ, религія, грамматика, наука, правописаніе, стихи, проза—все было ябломъ раздора для раздражительнаго народа писателей, все закигало войну не короче Троянской. Вольтеръ, въ своемъ Фернеѣ, какъ невидимый волшебникъ, присутствовалъ на всѣхъ битвахъ, шумъ которыхъ отдавался и въ Пруссіи и въ Россіи. Слухи, толки, сплетни кулисъ, академій и кофейныхъ домовъ обращали на себя общее вниманіе Европы. Тогда еще не знали политики.

Признаюсь, такое литературное и ученое разбойничество мало согласовалось съ моими понятіями о литературѣ и ученыхъ трудахъ. Я старался,

сколько могъ, избѣгать всякаго увлеченія партій, хотѣлъ примирить ихъ всѣ въ самомъ себѣ, и не объявлялъ себя ни чѣмъ рѣшительнымъ последователемъ. Между тѣмъ я былъ журналистомъ. И какимъ еще? Однимъ изъ товарищей Фреронова премника.

Знаменитое повременное изданіе Фрерона, его *l'Année littéraire*, достойное своего успѣха, оспорило старинную славу *Французскаго Меркуріа*, и, при бойкомъ и осповательномъ умѣ издателя, было страшнымъ противникомъ тогдашнихъ философовъ и ихъ мнѣній. Я не любилъ философовъ нашихъ, всѣхъ этихъ Даламберовъ и Дидеро, за ихъ гордость, несправедливость, криводушіе, и удивлялся образцовымъ произведеніямъ этой школы нравственнаго разрушенія, не могъ не презирать толпы, влывшейся по слѣдамъ людей, безсовѣстныхъ хотя и отличенныхъ, истиннымъ дарованіемъ. Храня глубокое безпристрастіе, я оставался однако жъ нейтральнымъ между врагами и друзьями, и ограничивалъ свое участіе въ *Литературномъ Ежегодникѣ* только скромными разборами нѣкоторыхъ новыхъ книгъ, краткими замѣчаніями на нѣкоторые предметы историческіе; всего болѣе писалъ я легкія извѣстія о новыхъ театральныхъ пьесахъ.

Мои статейки обращали на себя вниманіе многихъ, можетъ быть, по самой противоположности ихъ съ горячими, желчными статьями главнаго издателя, котораго не побѣдилъ потомъ самъ Жоффруа своимъ фельетономъ. Меня поощряло къ работѣ общее одобреніе, и постоянно посѣщала я Французскій Театръ, гдѣ репертуаръ, актеры и зрители были для меня предметомъ непрерывнаго изученія. Репертуаръ былъ тогда пріятно разнообразенъ, хотя въ годъ являлось не болѣе четырехъ большихъ пьесъ:

старья пьесы постоянно привлекали зрителей, еще неиспытанных бышеннаго разнообразія впечатлѣній, какое встрѣтили они въ послѣдствіи. Актеры того времени смотрѣли на свое занятіе, не какъ на ремесло, но какъ на дѣло искусства. Зрители не отставали въ понятіяхъ отъ сочинителей и актеровъ. Да, всякій дебютъ составлялъ въ то время важную новость и предметъ разговоровъ на нѣсколько дней; литераторы и знать назначали другъ другу свиданіе à la comédie; публика ревностно бросалась въ театръ, и иной драматическій творецъ могъ похвалиться, что въ дверяхъ театра, при первомъ представленіи его пьесы, легло жертвъ не менѣе того, сколько онъ зарѣзалъ и отравилъ на сценѣ.

Декабря 1-го, 1772 года, спокойно занялъ я мѣстечко въ оркестръ Французскаго Театра, который помѣщался въ Тюльерійской залѣ машинъ, съ 23 Апрѣля 1770 года. — Музы были тогда «удостоены чести обитать въ королевскихъ чертогахъ,» по выраженію одного современника.

Вы знаете, что Французскій Театръ, съ самаго начала своего при Карлѣ V находившійся подъ покровительствомъ Королей, долго не могъ пріютиться и помѣститься прочно на какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ. Онъ переходилъ изъ одной части Парижа въ другую, пока съ трупною Молиера остановился на время въ улицѣ Генего, въ 1673 году. Онъ перешелъ потомъ въ воланную залу Звѣзды, въ улицѣ des Fossés-Saint-Germain-des-Près, противъ славной Прокоповой кофейни, гдѣ Ж. Б. Руссо пѣвалъ свои грязныя пѣсни, Пиронъ читывалъ свою безславную оду, а сангедринъ литературный имѣлъ свои зазданія, играя въ шахматы. Бѣдное состояніе залы, устроенной Францискомъ д'Орбе, заставило комедіантовъ искать другаго убѣжища, болѣе близкаго

къ срединѣ города. Придворные господа, которымъ знакомы были les mesdemoiselles (такъ называли тогда актрисъ), склонили г-жу Дюбарри вступить съ ними, и выпросить у Короля позволеніе, въ силу котораго Тюльерійская зала была отдана комедіантамъ, въ ожиданіи устроеніи надлежащаго для нихъ мѣста. Лудовикъ XV ни въ чѣмъ не могъ отказать своей Люсьенской Эгеріи.

Зала эта, совершенно перестроенная и украшенная при Директоріи, испытала два полныя преобразованія еще до 1770 года, и именно, когда Лудовикъ XIV передѣлалъ ее для балетовъ Вигарани, и когда искусный декораторъ Сервандони истощилъ въ ней всѣ чудеса своихъ машинъ, по которымъ получила она имя, la salle des machines.

Главный входъ въ театръ былъ устроенъ въ ней со стороны Карусельной Площади, по маленькой Коношенной Улицѣ, уничтоженной потомъ для увеличенія двора. Проходили также чрезъ садъ, который по тому самому, въ дни спектаклей, не запирался ранѣе полуночи. Узкіе переходы, перебитые углами корридоры, неудобныя лѣстницы, едва освѣщенныя лампами и свѣчами, отъ чего позолота закопчилась и стѣны провоняли масломъ; потому въ самой залѣ три ряда ложъ, окружавшихъ партеръ, поднятый въ видѣ амфитеатра, и гдѣ зрители стояли; оркестръ изъ двадцати четырехъ музыкантовъ, составлявшій отдѣленіе въ срединѣ того, что называлось *оркестромъ*, но было занимаемо зрителями, болѣею частью знатными — незнатныхъ пускали сюда мало — таковъ былъ тогда «Французскій Театръ.»

Зала была глуха, по причинѣ углубленія сцены, на которой видны были изъ задѣйствующихъ лицъ другіе актеры и актрисы, придворные, маркизы,

знатные зрители, толпившіеся подлѣ кулисъ и за кулисами. Украшенія залы и сцены отзывались развратнымъ въкомъ Регента, овладѣвшимъ надолго во Франціи искусствами и нравами. Тутъ ничто не напоминало зрителямъ высокаго предназначенія храма Талин и Мельпомены. Арабески, пастушескія и любовныя сцены, распеорявшія потолокъ залы и самый занавѣсъ сцены, годились скорѣе для какого нибудь будуара «Оленьяго Парка,» нежели для театра.

Въ тотъ спектакль, о которомъ я хочу разсказывать, на афишкѣ назначена была трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Фомы Корнеля: *Графъ Эссексъ*, и при ней давалась еще кака-то маленькая піеска Данкура. Главную роль долженъ былъ занимать Понтёиль, любимый ученикъ Превіля, пансіонеръ театра, и потому стеченіе зрителей было не велико; при томъ же холодное время удерживало дома, подлѣ каминовъ, самыхъ вѣрныхъ любителей театра, записныхъ посѣтителей, абонировавшихъ мѣста, и составлявшихъ всегдашнюю театральную мебель. Вы не забыли, думаю, что тогда всѣ мы носили парики.

Я пришелъ до подбородка закутанный въ свою мѣховую шинель; мимоходомъ раскланялся я съ Монвелемъ, старшимъ тогдашнимъ инспекторомъ, и сѣлъ на свое обыкновенное мѣсто, позади толстяка Дюмона, старшаго егеря королевскаго.

Пока разговаривалъ я съ моимъ сосѣдомъ о новой трагедіи Вольтера: *Минисовы Законы* — ее репетировали тогда наши комедіанты — послышался вѣтво отъ меня хриплый голосъ, произносившій имя Превіля и сопровождавшій его ужасными прилагательными. Оборачиваясь, желалъ узнать, кто былъ этотъ наглець, осмѣлившійся такъ жестоко нападать на украшеніе театра нашего, на великаго

Превіля, и вижу какого-то молодого человѣка. Онъ вертѣлся, подпрыгивалъ, шевелился и держалъ подлѣ рукою претолстую тетрадищу. По среднему росту, но насмѣшливому, улыбающемуся, румяному лицу, по живости и быстротѣ движеній, а особливо по огромной тетради, я тотчасъ узналъ моего стараго товарища, Бильяра, съ которымъ вмѣстѣ учились мы въ коллегіумъ Монтегю.

— Бильяръ! — вскричалъ я — ты ли это, другъ милый? Какъ я радъ, что вижу тебя!

«Боже мой!» воскликнулъ онъ, «мой любезный Жакобъ! *О день трикратъ счастливый!* Ну, знаешь ли ты, что я кончилъ мою комедію? А ты — что ты поддѣливаешь въ Парижѣ?»

— Что? Да, я сдѣлался полу-ученымъ, полукнигопродавцемъ — немного меньше перваго, немного больше втораго: я *библиофилъ* и *журналистъ*.

«Журналистъ? Прекрасно — а, мой милый, ты можешь оказать мнѣ большую услугу, мнѣ, бѣдному драматическому поэту! Ты, думаю, не забылъ еще моего *Обольстителя*, [моей комедіи въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, которую послѣ тебя я совершенно отдѣлалъ и кончилъ?»

Мнѣ не трудно было вспомнить объ этой комедіи, потому, что съ нею связаны были всѣ мои школьныя воспоминанія. Начатая на студенческой лавкѣ, подлѣ меня, эта комедія, плодъ восторга послѣ чтенія Ричардсоновой Клариссы, составила часть бытія Бильярова, связалась съ его существованіемъ и жизнью, Я не могъ вообразить себѣ Бильяра безъ его *Обольстителя*, и вспомнить *Обольстителя* безъ воспоминаній о самомъ Бильярѣ. Это было его единственное дѣлице, результатъ всего ученія, всей жизни его до того времени, влѣдѣланное, вскормленное съ отцовскою нѣжностью, пред-

меть заботь, попечений, надеждь, не смотря на его пошлость, тщедушность и явную недолговѣчность Бильяръ былъ помышанъ на своемъ созданіи. Это была его единственная мысль, его вѣчное помышленіе, и Бильяръ былъ неисцѣлимъ, бредилъ своимъ «Обольстителемъ,» жилъ, дышалъ имъ. Вспоминая школьную жизнь свою, я не могъ не вспомнить Бильяра, его комедіи, и того, какъ онъ читалъ, декламировалъ ее, восхищался ею, обожалъ ее, и какъ всѣ мы надъ нимъ смѣялись. Бильяръ, поэтъ и декламаторъ, былъ первый оригиналъ нашего коллегіума, не смотря на то, что и въ школѣ, какъ въ свѣтѣ, дураковъ бываетъ болѣе, нежели умныхъ: онъ превосходилъ всѣхъ. Всѣ мы хотали надъ его *Обольстителемъ*, всѣ мы знали и пародировали его стихи, и *Обольститель* былъ неистощимымъ источникомъ нашего смѣха и нашихъ шутокъ.

Странно: Бильяръ не только не былъ гений, но даже не имѣлъ ни какого дарованія литературнаго. И кромѣ своей комедіи, причемъ являлся онъ рѣшительнымъ дуракомъ, это былъ славный мальицъ, съ добрымъ сердцемъ, и его нельзя было не любить. Если дѣло не касалось *Обольстителя*, вы смѣло могли положиться на его умъ, слово, дружбу, услужливость.

Мы потеряли другъ друга изъ виду, хотя и клялись быть вѣчными друзьями. Бильяръ возвратился къ своему семейству, въ Нанси, гдѣ отецъ его былъ королевскимъ секретаремъ по сбору податей. Бѣднаго товарища моего вовсе не прельщала надежда сдѣлаться наслѣдникомъ отцовскимъ по его почетной должности; ему хотѣлось бѣжать въ Парижъ, быть драматическимъ писателемъ, жить въ Парижѣ, но отецъ Бильяра, человекъ положитель-

ныхъ понятій о жизни, и твердаго характера, какъ всѣ финансовыя люди, не хотѣлъ слышать о переселеніи сына въ Парижъ, и называлъ нелѣпностью всѣ блестящія мечты его о литературныхъ занятіяхъ.

«Повинуюсь, ѣду» — воскликнулъ Бильяръ, получивъ рѣшительное приказаніе своего отца — «но» — и тутъ онъ поднималъ свою рукопись, какъ жезлъ авгурскій — «но, вопреки всему, отечество, и ты, мой лобезный Жакобъ, вы увидите меня нѣкогда грядущаго въ Капитолію, и публику въ восторгѣ отъ моего *Обольстителя!* . . .»

Мы разстались. Четыре года ничего не слыхалъ я о Бильярѣ. Едва-ли не правда, что разлука родная сестра забвенію, и что отсутствіе похоже на дѣйствіе водяной капли на камень: падала и падала поменьку, она разрушаетъ самыя сильныя чувства и самыя тѣсныя связи. Иногда достаточно возвращенія, чтобы оживить въ одно мгновеніе то, что казалось мертвымъ издавна. Но какъ часто, намъ неловко, даже странно встрѣтиться съ пріятелемъ послѣ долгой разлуки, когда мы разстались еще въ живомъ возрастѣ первоначальныхъ впечатлѣній! Умственное расположеніе перемѣняется съ лѣтами, и часто мы не понимаемъ даже, какъ вновь начать намъ дружбу съ тѣмъ, кто былъ нѣкогда самымъ искреннимъ нашимъ другомъ?

При первомъ взглядѣ, Бильяръ показался мнѣ точно такимъ-же, какимъ остался онъ въ моей памяти. Его миниатюрныя, нѣжныя формы, его сутуловатость, подвижность, кривлянья, все напоминало мнѣ старыя годы. Онъ казался изумленнымъ, замѣчая перемѣну, происшедшую отъ моей рабочей жизни на моемъ лицѣ, блѣдномъ и похудѣломъ. Но я съ прискорбіемъ увидѣлъ, разговаривая съ нимъ,

что его ребяческая глупость усилилась въ немъ съ лѣтами, и сдѣлала его рѣшительно смѣшнымъ и жалкимъ, даже для людей, любящихъ его, какъ челоѵѵка. Авторство стало въ немъ господствующею идеею, и выражалось непрерывно самымъ нелѵпымъ образомъ. Онъ бредилъ своимъ *Обольстителемъ*, какъ залогомъ всѣхъ будущихъ надеждъ своихъ, жизни, счастья, славы. Ему казалось, что свѣтъ созданъ былъ только для того, чтобъ восхищаться его комедіею. Въ припадкѣ своего сумасшествія, бѣдный Бильяръ оставилъ тихонько отцовскій домъ, и уѣхалъ въ Парижъ, не боясь отцовскаго гнѣва, и отказывался отъ всего, жилъ въ Парижѣ, терпѣливо переносилъ бѣдность, и старался только о томъ, чтобы втереть своего *Обольстителю* на театръ, и заставить Парижъ удивляться великому произведенію. Но до сихъ поръ судьба жестоко гнала его: онъ не могъ добиться даже того, чтобы актеры согласились хоть взглянуть на его гениальное созданіе.

— О мой любезный Жакобъ! — печально говорилъ онъ, указывая на роспись новыхъ пѣсень, принятыхъ на театръ, выставленную въ буфетной залѣ, куда мы вышли съ нимъ поговорить на просторѣ — моего *Обольстителю* нѣтъ здѣсь! Нѣтъ его подлѣ этихъ счастливецевъ Бре и Фануильо-де-Фальбера (первый отдалъ тогда на театръ свою *Нарушенную довѣренность*, а другой *Школу правоев*)! Если бъ я увидѣлъ мою комедію хоть на этомъ листѣ — я тотчасъ оставилъ бы Парижъ и поскакалъ бы умилостивить моего отца. Слава оправдала бы меня потомъ! Но, посмотри: *шестнадцать* трагедій, *десять* большихъ комедій, *двадцать одна* маленькихъ пѣсень! Когда-же дойдетъ очередь до моего *Обольстителю*! Несправедливость вопіющая: принять всю эту дрянь, и не обратить ни какого вниманія

на мое великое созданіе! Будь ты самъ судьбою — вотъ она со мной, вотъ моя комедія — послушай...

— Разумѣется, мы прочитаемъ ее — отвѣчалъ я, удерживая Бильяра, который принялся уже развязывать свою рукопись. — Но, послушай: не могу ли я пособить тебѣ какъ нибудь? Мы знакомы немногу съ Превилемъ, и покровительство журналиста можетъ имѣть вліяніе на театральнй комитетъ.

«Превиль? Этотъ тиранъ всѣхъ сочинителей не получившихъ еще извѣстности, этотъ рабъ известной безталанности... О нѣтъ, нѣтъ! Мы съ нимъ въ открытой войнѣ, и этотъ-то гордый Сарданапаль преслѣдуетъ меня и мою бѣдную комедію!»

— Плохо! Ты вѣрно сдѣлалъ какую нибудь глупость по своей живости: ты не хвалилъ, можетъ быть, выбора пѣсень, принимаемыхъ комитетомъ въ репертуаръ; либо аплодировалъ Моле и Бризару; либо назвалъ Рокуръ некрасивою, а жену Превиль прелестною...

«О, ты совсѣмъ не угадываешь начала нашей вражды! Слушай. Едва пріѣхалъ я въ Парижъ, куда пустился по совѣту г-на Бовена, бывшаго профессора военнаго училища. Ты вѣрно знаешь его: отличный знатокъ и авторъ трагедіи *Херуски* — ее освистали, потому что актеры играли ее прескверно, но авторъ ясно доказываетъ, что зрители восхищались его трагедіею, а освистывали актеровъ — вотъ, видишь, едва пріѣхалъ я въ Парижъ, какъ явился къ Превилю. Онъ принялъ меня, будто гордый меценатъ, и наговорилъ мнѣ кучу вздорныхъ словъ и обѣщаній. У него встрѣтилъ я одного изъ его трагическихъ воспитанниковъ, *господина Понтейлло*, самодовольнаго, какъ будто дуракъ какой нибудь, пренесноснаго и надутаго своимъ ничтож-

нимъ дарованіемъ. Этотъ негодяй, воспитанникъ театра, забывъ, что отецъ его былъ булочникъ, а дѣдъ прегадкій писатель — онъ, скотина, онъ такъ гордь... Да, что говорить — по господину слуга: Понтейль стоитъ Превиль!

— Ну, я знаю Понтейля. Онъ сегодня играетъ роль Эссекса, въ первый разъ. Ты, кажется, несправедливъ къ нему. Этотъ молодой актеръ много общается; онъ любитъ свое искусство, и безпрестанно оказываетъ успѣхи послѣ перваго своего дебюта въ *Радалисть*, въ прошедшемъ году.

«И ты это говоришь? ... Но, я не буду спорить; довольно, что я поклонялся ему вѣчною ненавистью, и вотъ причина. Превиль назначилъ мнѣ день и часъ, когда должно явиться къ нему, и читать съ нимъ мою комедію. Понтейлю должно было также присутствовать при нашемъ чтеніи. Въ назначенное время являюсь къ Превилю. Его нѣтъ; я жду, сижу — въ передней! Слуга говоритъ мнѣ, что едва ли господинъ его будетъ сегодня дома ранѣе полуночи, потому что онъ въ гостяхъ у одной красавицы — княгини, герцогини какой-то. Я притворюсь, будто вѣрю удачному волокитству стараго скомороха, который заставляетъ слугъ своихъ разглашать о своихъ успѣхахъ и клеветать грѣхи на свою сѣдину. Но за то поклонялся я поступить рѣшительно.

— Ты напрасно сомнѣвался въ успѣхахъ Превилья. Женщины, въ самомъ дѣлѣ, не считаютъ его инвалидомъ въ любви.

«Да, чортъ съ нимъ и съ его успѣхами — дай мнѣ досказать! На другой день, съ рукописью подъ мышкою, я съ ранняго утра былъ уже опять въ передней Превилья. Его пробужденія дожидались пять или шесть ливрейныхъ лакеевъ, присланныхъ отъ господъ, узнать, каково спалъ г. Превиль. Превиль

долженъ былъ еще отвѣчать на пять, или на шесть раздущенныхъ записочекъ изъ Версаля и Парижа, но онъ спокойно спалъ! Бѣдняки ждали, сидѣли, скучали. Я предложилъ имъ послушать мою комедію; всѣ съ благодарностію согласились. Читаю, и съ восторгомъ замѣчаю прекрасный, природный вкусъ этихъ людей, котораго никогда не соглашусь промѣнять на изысканный, насильшійный вкусъ нашихъ модныхъ остроумцевъ и людей большого свѣта. Повѣришь-ли ты, что они превосходно оцѣнили, не только достоинство моей комедіи, но даже всю прелесть стиховъ?

— И почему-же не такъ? Почему знать, что какаянибудь знаменитая отрасль не скрывалась въ этихъ людяхъ, хоть они и сами этого не знали? Это выдумать не я, а Ришелье.

«Ты смѣешься, а я увѣрю тебя, что никогда не желалъ бы я имѣть критиковъ и цѣнителей умнѣе и справедливѣе. Довольно, что слушатели мои пришли наконецъ въ такой восторгъ, что громко захотали, зашумѣли, и — въ это время дверь отворилась, и голова Понтейля высунулась въ переднюю. Онъ хотѣлъ узнать, что за причина была такихъ громкихъ рукоплесканій и хохота въ передней? Вообрази его удивленіе — я въ восторгъ, ничего не замѣчаю, читаю; рукоплесканія умножаются. Наконецъ я вижу Понтейля, обращаюсь къ нему, и говорю чрезвычайно учтиво: «вы кстати явились М. Г., пожалуйста, пожалуйста — садитесь — я кратко расскажу вамъ содержаніе того, что уже мы прочли.

— Убирайтесь къ чорту съ вашими стихами! — отвѣчалъ онъ мнѣ самымъ — ну, ну, самымъ, самымъ грубымъ образомъ — вы мѣшаете намъ спать! — Ты думаешь что я оскорбился? Совсѣмъ нѣтъ! Учтиво говорю я ему: «Очень жаль, М. Г., но г. Пре-

виль еще болѣе будетъ жалѣть, когда узнаеть, какихъ прекрасныхъ стиховъ не слыхалъ онъ. Спросите у моихъ слушателей.» — Г. Превилью очень лестно подбирать объѣдки лакейскаго завтрака — отвѣчаетъ Понтейль, усмѣхаясь и поправляя галстухъ свой, какъ будто какал важная особа — онъ, этотъ скоморохъ... «Вы, сударь, сумасшедшій — убирайтесь отсюда!» — Я взбѣлся. «Убирайся ты самъ, скоморохъ, болванъ, театральнѣй шутъ!» вскричалъ я — «ты не стоишь такого общества, какое собралось здѣсь.» — Но не стою ли я, по крайней мѣрѣ, того — отвѣчаетъ Понтейль — чтобы завтра же вы потрудились прогуляться въ Елисейскія Поля, ровно въ восемь часовъ утра? — «Охотно явлюсь, и прошу васъ пригласить и Г. Превилья. Тамъ, сперва прочту я вамъ мою комедію, а потомъ, М. Г., если вы не увлечетесь моими стихами и не попросите у меня прощенія — я готовъ на все...»

— Какъ? Ты дрался съ Понтейлемъ? — прервалъ я разсказъ Бильяра. — Когда же это было? И не нелѣпость ли биться безъ причины, отваживая жизнь свою за такой вздоръ?

«Я стану биться съ скоморохомъ? Что за вздоръ ты мелешь! Иное дѣло побить его. Но, слушай далѣе. Превиль приближалъ самъ на нашъ шумъ, и хотѣлъ узнать начало ссоры. Понтейль бѣсился, а я разсказывалъ хладнокровно. Но вообрази ты себѣ, что мерзавецъ Превиль заступился за своего любимца, разбранилъ, разругалъ меня... Они осмѣлились сказать, что моя комедія достойна только чтенія лакеевъ, что моя комедія никуда не годится, никогда ни будетъ принята на театрѣ. Последнее ужасно меня испугало — я унижился, да, я унижился, до того, что просилъ извиненія у этихъ театральныхъ деспотовъ, но они почти прогнали,

почти вытолкали меня, и я разсорился рѣшительно съ театральнымъ комитетомъ...»

— Твое дѣло едва-ли можно поправить, мой любезный Бильяръ. Боюсь, что въ жару гнѣва ты наговорилъ чего нибудь колкаго этимъ людямъ — они не простятъ тебѣ оскорбленія.

«Не простятъ? Да, я и не думаю объ ихъ прощеніи! Вздоръ, вздоръ — публика будетъ моимъ судьей — она разберетъ — передъ нею обвиню я моихъ тирановъ въ послѣдствствѣ на мою славу! Она освищетъ, прогонитъ этого Криспина - Ахиллеса...»

— Дружба пристрастна, и не разбирая, правъ ли ты совершенно или нѣтъ, я готовъ мстить Понтейлю, сколько могу. Ему надобно дать маленькій урокъ, а перо часто колетъ сильнѣе шпаги. Только совѣтую тебѣ быть осторожнымъ: Превиль всемогущъ не менѣе какого нибудь придворнаго аббата; у него есть друзья и покровительницы, и одно *спасибо* его можетъ забросить тебя въ Бастилію. Говорятъ, что онъ въ модѣ у многихъ дамъ, и что да же за Понтейлемъ волочится не одна изъ нихъ.

Но Бильяръ и не думалъ слушать моихъ совѣтовъ. Онъ составилъ самый нелѣпый планъ, и нарочно явился для него въ этотъ день въ театръ. Пока я говорилъ ему, онъ не противорѣчилъ мнѣ, и старался только уйти отъ меня, боясь открыть мнѣ планъ свой, и увѣряясь, что я всячески постараюсь помѣшать ему. Но я догадывался, что Бильяръ затѣваетъ что нибудь глупое. Оркестръ началъ строить инструменты. Ждали трехъ торжественныхъ, утвержденныхъ преданіемъ ударовъ. Бильяръ поспѣшно простился со мною, пожалъ мнѣ руку, и убѣжалъ отъ меня, какъ будто боясь соседства хладнокровнаго разсудка. Напрасно я звалъ его, слѣдовалъ, бѣжалъ за нимъ. Онъ успѣлъ увернуться, и когда я вошелъ въ театръ,

было уже поздно, и я не мог воспрепятствовать самой смѣшной сценѣ, приготовленной Бильяромъ.

Онъ вскочилъ въ оркестръ; движеніемъ руки предписалъ молчаніе музыкантамъ, вспрыгнувъ на какую-то скамейку, и протянулъ руки къ зрителямъ, держа въ одной изъ нихъ свою толстую рукопись. Собраніе въ ложахъ не было ни многочисленно, ни отборно, но партеръ былъ набитъ зѣвальною толпою.

— Мм. Гг. — вскричалъ Бильяръ — вниманія! Суда, суда, Мм. Гг., суда вашего!

Общій крикъ одобренія раздался въ партерѣ. Все обратилось къ Бильяру. Съ раскраснѣвшимися щеками, вдохновеннымъ взоромъ, протянутыми руками, онъ стоялъ на скамейкѣ самымъ карикатурнымъ образомъ.

Движеніе руки. Настало глубокое молчаніе. Бильяръ началъ твердо и громко:

— Мм. Гг., да будетъ вамъ извѣстно, что мое имя *Бильяръ*; я сынъ почтеннаго чиновника, живущаго въ Нанси; увлекаемый страстью къ поэзіи драматической, я все оставилъ и спѣшилъ въ Парижъ, въ это святилище вкуса изучать великія созданія нашихъ поэтовъ, посвятить себя драматической словесности, и какъ свидѣтельство на будущую славу — я привезъ съ собою прекрасную, большую комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ...

«Бильяръ!» кричалъ я ему, стараясь пробиться къ нему сквозь толпу, «что ты дѣлаешь? Ты съ ума сошелъ — тебя посадятъ въ домъ сумасшедшихъ! Пропави твой «Обольститель», твоя глупая страсть къ стихамъ!» — Но мои слова не были слышными среди шума партернаго, и я не могъ пробиться къ Бильяру.

— Вообразите, Мм. Гг. — кричалъ между тѣмъ

Бильяръ — вообразите, что встрѣтило меня въ Парижѣ, въ этомъ святилищѣ вкуса, храмѣ Славы и Музы? — Являюсь къ комедіянтамъ — онъ взмахнулъ рукою — представляю имъ мою комедію... Вамъ должно знать, что моя комедія, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, заслужила самую лестную одобренія г. Бовена, сочинителя трагедіи: *Херуски*, челоуѣка опытнаго, почтеннаго — онъ ручался за ея успѣхъ. Мой *Обольститель* болѣе драма, нежели комедія. Можете вообразить, что можно извлечь изъ этого новаго рода драматическихъ созданій, перешедшаго къ намъ изъ Англій...

«Къ дѣду скорѣе, М. Г.», говорили хладнокровные сосѣди, стоявшіе подлѣ Бильяра — «избавьте насъ отъ вздорныхъ подробностей — уже поздно — скоро начнется увертюра...»

— Не надо увертюры, говори, говори! — кричали другіе, задорливые зрители.

«Я буду говорить, Мм. Гг.», пицалъ Бильяръ, разгорячался болѣе и болѣе — «я привлеку на судъ вашихъ людей недостойныхъ... Да, Мм. Гг., будьте судьями: моя комедія, плодъ шестилѣтнихъ трудовъ, осуждена на забвеніе, безъ участія вашего, не являясь передъ вашъ неумолимый, но справедливый трибуналъ; она уничтожена волею двухъ скомороховъ, завидующихъ будущей славѣ моего дарованія. Ихъ несправедливость, ихъ пристрастіе, ихъ глупость истончили мое терпѣніе — я презираю ихъ — я объявляю имъ открытую войну. Судите, Мм. Гг.!

— *Обольститель!* — кричали буйные посѣтители партера, готовые уцѣпиться за каждый случай, чтобъ пошумѣть и побуяннить. — *(Обольститель!* Не надо *Эссекса*, не надо! *Обольститель!*...)

Понтейль, какъ я уже говорилъ, игралъ на сей разъ роль любовника Елисаветы. Это былъ высо-

кій, стройный, молодой человекъ: онъ оправдывалъ роль свою тѣмъ, что ужасно правился дѣвицы Дюбуа и другимъ ея подругамъ. Въ это время онъ отличенъ былъ особенно вниманіемъ дѣвицы Сенваль. Гордый своими успѣхами въ закулисныхъ сплетняхъ, Понтейль явился на сцену театральнымъ героемъ, и горделиво смотрѣлъ на толпу зрителей и на Бильяра.

«Мм. Гг.», вскричалъ Бильяръ, останавливая на мгновеніе шумъ и волненіе зрителей — «не хочу лишать васъ наслажденія, какого ожидали вы отъ трагедіи Корнели — хочу удвоить его, и пусть это будетъ въ тоже время урокомъ г. Понтейлю, котораго, предъ лицемъ всѣхъ васъ, я объявляю моимъ первымъ и непримиримымъ врагомъ; урокъ ему, и его гордому учителю, г. Превиллю, котораго онъ недостойный ученикъ, и въ игрѣ и въ поступкахъ! — Бильяръ развернулъ свою тетрадь. «Обольститель, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Дѣйствіе въ Англіи...»

— Я заставлю тебя раскаться въ твоихъ дерзостяхъ! — вскричалъ Графъ Эссексъ, потерявши терпѣніе и подходя къ самому краю сцены. — Негодный писака, дрянной стихотворецъ! Посмотримъ, такъ-ли остра твоя шпага, какъ дерзокъ твой языкъ. Мм. Гг.! покорно прошу не вѣрить клеветамъ, какія наставлялъ вамъ обо мнѣ этотъ провинціальный пачкунъ стиховъ; надѣюсь, что глубокое уваженіе мое къ публикѣ защититъ меня отъ его преслѣдованій!

— *Дѣйствіе первое* — провозглашалъ между тѣмъ Бильяръ — *Театръ представляетъ колнату. Явленіе первое. Лордъ Аруидель, одинъ, переписываетъ письмо, которое написалъ. . . .* Да, слушайте же, Мм. Гг.

«Слушайте!» — Становись на колѣни, скоророхъ Понтейль! — «Въ тюрьму его, въ тюрьму Превилля!» — Тите! — «Слушайте!» — Читай!

Такъ вопилъ партеръ, и напрасно Понтейль кричалъ, извинялся самымъ униженнымъ образомъ со сцены; напрасно и Бильяръ начиналъ снова чтеніе и кричалъ во все горло. Ничего нельзя было распознать въ этомъ смѣшеніи голосовъ, воплей, свистковъ, стуканья. Кто спорилъ за одно, кто стоялъ за другое, кто свисталъ, кто хлопалъ, и всѣ хохотали, исключая актера и сочинителя, которыхъ равно не слушали. Наконецъ капралъ королевской гвардіи явился въ театръ, съ десятью солдатами.

— Вы производите здѣсь безпорядки — говорили онъ Бильяру, не перестававшему читать громко свою рукопись — пожалуйста въ караульню — не извольте противиться!

«Мм. Гг.» кричалъ Бильяръ, забывая все за своимъ чтеніемъ — прошу васъ не потворствовать, и награждать меня знакомъ одобренія тогда только, когда я заслужу его...»

— Слышите-ли, сударь — продолжалъ свои увѣщанія капралъ — слышите-ли: пожалуйста въ караульню и не принуждайте меня употребить силу!

Бильяръ ничего не слышалъ. Капралъ удѣлился за его рукопись. Тогда только опомнился сумасшедшій; онъ отчаянно вырвалъ свою тетрадь, хотѣлъ ухватиться за свою шпагу; его обезоружили и потащили вонъ, а онъ отбивая рукопись свою, громко вопилъ: «Мм. Гг., вашему суду предаю себя и свое твореніе...» Напрасно шумѣлъ и гремѣлъ партеръ: Бильяра утащили, и крикъ тогда только замѣнился хохотомъ, когда и на сценѣ явились солдаты и хотѣли вести съ собою Эссекса. Но

нѣкоторые изъ зрителей не довольствовались такимъ мнѣніемъ. «Оставьте его — пусть играетъ — потомъ въ тюрьму!» Солдаты отступили — надобно было начинать трагедію. . . .

Мнѣніе за Бильяра было въ самомъ дѣлѣ ужасно. Понтейль охотно согласился бы итти немедленно въ темницу, и долженъ былъ выдерживать весь шумъ и крикъ партера, въ теченіе пяти дѣйствій! Свистки встрѣчали его при каждомъ выходѣ. Этого мало. Несчастнаго Эссекса осыпали разными насмѣшками, и хохотъ сопровождалъ его даже на эшафотъ, вмѣстѣ съ гнѣвомъ Елисаветы. . . .

Когда самъ Моде явился объявлять о завтрашнемъ спектаклѣ, партеръ во все горло закричалъ: «*Обольстителъ!*» Принуждены были вызвать на сцену королевскаго комиссара, который громко объявилъ, что принудить всѣхъ зрителей разойтись, если публика не прекратитъ своего волненія.

Между тѣмъ, Бильяръ находился на гауптвахтѣ, и въ такомъ бѣшенствѣ, что не могъ ничего говорить, а только что кривлялся. Капралу сказали, что онъ величайшій негодяй. Я хотѣлъ видѣть моего бѣднаго друга; меня не пустили безъ позволенія комиссара, и пока я отправился искать его, говорилъ съ нимъ, Бильяръ былъ отведенъ въ заднюю комнату гауптвахты, гдѣ приставили четверыхъ солдатъ, строжайше стеречь его. Тутъ опомнился онъ отъ своего гнѣва, и прежде всего подумалъ: цѣла ли его рукопись? Види, что сокровище сохранилось невредимо, онъ громко вознегодовалъ на то, что грубый капралъ лишилъ его возможности отплатить столь блестящимъ образомъ завистникамъ и сдѣлать публику судьей его дарованій.

— Господа! — говорилъ онъ солдатамъ — я не бездѣльникъ, не злодѣй; будьте моими судьями и

рѣшите дѣло. Неужели приговоръ негодныхъ скомо-роховъ предпочтете въ благородной увѣренности дарованій? Вы будете столь несправедливы? Никогда — нѣтъ! я этому не вѣрю! Но вы должны поставить себя на надлежащую точку зрѣнія, въ дѣлѣ столь затруднительномъ. Можетъ быть, намъ надобно будетъ долго пробыть вмѣстѣ. Садитесь — станемъ читать — это развлечетъ васъ, это доставитъ вамъ пріятное занятіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ средства показать свой вкусъ, свое безпристрастіе. Прошу вниманія — общаю вамъ каждому по два су въ шесть ливровъ, но — вниманія, господа, слушайте! —

Солдаты усмѣхнулись, и думалъ, что читать арестанту и слушать его не запрещено, согласились, съѣли, надѣясь заработать кстади по 12 ливровъ. Бильяръ сталъ между ними, и громко началъ декламировать *Обольстителъ*.

— Браво! славно! — кричали его слушатели, когда онъ прочелъ первое явленіе, торжественно подперся руками, и смотрѣлъ, какое дѣйствіе произвело на слушателей первое явленіе *Обольстителъ*.

«А, вы чувствуете красоты моего созданія!» восклицалъ онъ — «Да здравствуетъ вкусъ Французскихъ воиновъ! Пусть прійдутъ сюда эти гордые скомо-рохи, и увидятъ, что самыя простыя умы поражаютъ величіе моихъ поэтическихъ созданій! Скажите, господа: какъ вы находите изложеніе? Не правда-ли, что завязка прекрасная? А стихи, стихи? Да, это еще начало — послушайте что будетъ далѣе! Не требую принужденія: говорите гдѣ дурно, апплодируйте, если безпристрастно увидите красоты — прибавляю вамъ еще по шести ливровъ!»

И рукоплесканія и шумъ слушателей такъ усилились, что старшій сержантъ прибѣжалъ узнать, что такое дѣлается въ комнатѣ арестанта.

— Вы не могли явиться болѣе кстати! — восклицалъ Бильяръ, у котораго заблестали отъ радости глаза, при умноженіи числа слушателей — только что начинается завязка! Садитесь, прошу покорно — и вы увидите, что Г. Бовень, сочинитель трагедіи: *Херуски*, не даромъ соединялъ свои одобренія съ общимъ голосомъ другихъ знатоковъ. Съ полною увѣренностью на вашъ просвѣщенный вкусъ, я предаю вамъ мое твореніе, отверженное этими скоморохами!...

«Я собралъ показанія свидѣтелей, М. Г.,» отвѣчала ему сержантъ — «и кажется, вы не дешево расплатитесь за ваше непослушаніе, и за то, что хотѣли обнажить шпагу. Если вы не представите немедленно поручителей, вамъ будетъ плохо, и васъ отвѣдутъ въ Форъ-Левекъ.»

— Куда угодно М. Г., но благоволите принять участіе въ нашемъ чтеніи. Здѣсь начинается самая прелестная сцена.

Коммисарь, котораго напрасно уговаривалъ я принять мое поручительство и отпустить Бильяра, вошелъ въ это время съ другими солдатами. За ними пробрался и я, въ двадцатый разъ возобновляя мою просьбу и изъясняя все дѣло. Коммисарь былъ немолчимъ, увѣрялъ, что арестанта обвиняютъ въ возмущеніи, въ обнаженіи оружія противъ капрала, въ неповиновеніи начальству, въ произведеніи буйства и безпорядка.

— Не могу, не могу отпустить его!

«Но я ручаюсь за него; я говорю вамъ, что онъ сынъ почтеннаго чиновника, честный, добрый молодой человекъ. Мы представимъ вамъ десять поручителей. Дѣло самое вздорное! Г. Сартинъ знаетъ меня и вы можете повѣрить...»

— Г. Бовень, сочинитель трагедіи: *Херуски*, да

будетъ моимъ свидѣтелемъ въ той славѣ, какую доставятъ мнѣ и Франціи мои творенія! — восклицалъ Бильяръ. Радуюсь, что число слушателей умножается — Пожалуйте, пожалуйста, Мм. Гг., покорно прошу! Каждое рукописаніе ваше будетъ пощечиною этимъ негодяямъ скоморохамъ!

«Пускай другіе разберутъ все дѣло, а я не беру ничего рѣшать и не могу отпустить арестанта — говорилъ коммисарь — воля ваша, господа! Чортъ знаетъ, что такое: крикъ, шумъ, драка — сочинитель, актеры, комедіи — воля ваша — темное дѣло! Иные говорятъ, будто это заговоръ противъ Г-жи Дюбарри — чего добраго!»

И бѣднаго Бильяра увели въ Форъ-Левекъ, не смотря на просьбы его — позволить ему дочитать комедію. Онъ утѣшился тѣмъ, что нашелъ слушателей въ своей тюрьмѣ, гдѣ продержали его цѣлыя сутки. По ходатайству, не знаю чьему, Понтейль былъ выпущенъ изъ заключенія въ тотъ же вечеръ. Къ прискорбію моему, я узналъ, что моего бѣднаго безумца изъ тюрьмы отравили на другой день — прямо въ домъ помѣшанныхъ... Что было дѣлать? Мнѣ хотѣлось помочь Бильяру, но я не находилъ ни какихъ средствъ...

Рышительно надобно было приписывать личному мщенію Понтейля несчастіе моего пріятеля. Всѣхъ, до кого касалось дѣло, такъ запросили, что мои просьбы и старанія ничему не помогали. Въ самомъ выборѣ мѣста заключенія видна была злая насмѣшка — поэта посадить въ домъ сумасшедшихъ! Если они и точно бываютъ немножко сумасшедшіе, все однако жъ это ужасно! Г. Сартинъ, съ которымъ я видѣлся, увѣрялъ, что опредѣленіе сдѣлано для блага моего стихотворца, по совѣту врачей. Я побѣждалъ къ Превилю; онъ изъяснилъ сожалѣніе о бѣдномъ

моемъ другѣ, но хотѣлъ оставаться въ сторонѣ при такомъ дѣлѣ, гдѣ было замѣшано его имя. Да и какъ можно было ему идти противъ своего друга и воспитанника? Види, что нигдѣ ничего сдѣлать было невозможно, я рѣшился обратиться къ публикѣ, и — перо мое сдѣлалъ мстителемъ за бѣднаго Бильяра.

Статья, явившаяся черезъ нѣсколько дней въ нашемъ *Année littéraire*, была моя, и должна была произвестъ сильное впечатлѣніе. Разсказавши подробно о событіи въ театрѣ, съ первой выходки Бильяра до свистковъ партерныхъ, я перешелъ къ жестокимъ замѣчаніямъ о самовластїи нашихъ актеровъ, и неблагодарности ихъ къ людямъ, которые ихъ кормятъ — бѣднымъ авторамъ. Исчисливъ старанія Бильяра добиться суда ихъ, я протестовалъ противъ несправедливости его ареста, въ сравненїи съ Понтейлемъ, немедленно отпущеннымъ, и упрекалъ судей, не вникнувшихъ въ дѣло, гдѣ страдала честь всѣхъ литераторовъ въ лицѣ Бильяровомъ. Статья оканчивалась строгимъ, безпристрастнымъ сужденіемъ, и напрасно издатель совѣтовалъ мнѣ смягчить удары, какіе безощадно падали на Понтейля.

«Что касается до г. Понтейля, думающаго изъ воспитанниковъ театра попасть въ театральные короли, онъ долженъ понять нравственную сторону своего паденія и воспользоваться ею, если только истина способна проникать сквозь его мншурную гордость. Свистки были ему добрымъ совѣтомъ, и отъ нихъ не такъ легко ускользаетъ ему, какъ изъ подъ стражи Форъ-Левекской, кто бы ни вызвался ему покровительствовать. Говорятъ, что онъ по страсти принялся за театральное ремесло, что день и ночь старается усовершенствовать себя, и что учитель его, г. Превиль, предсказываетъ ему блестящїе успѣхи. Все это прекрасно и стоитъ ободренія, но всѣ согласны, что онъ поступилъ грубо, нагло и безстыдно съ молодымъ авторомъ, подобно ему начинаю-

щимъ. Это значить уже слишкомъ рано сбиваться на тонъ стараго актера, слишкомъ отважно принимать на себя роль буйнаго Ахилла, не уважать ни публики, ни литераторовъ, ни себя самого. Мы еще свѣжо помнимъ, какъ г. Понтейль прибылъ сюда изъ провинціи, гдѣ онъ раздѣрывалъ роль *Ta-лерлана* подъ свистками неумолимыхъ да-Рошельскихъ матрозовъ, какъ онъ пробился на свой дебютъ, и успѣлъ въ немъ, подкупивши хлопальщиковъ. Партеръ требовалъ школьническаго наказанія г. Понтейлю. Онъ долженъ вспомнить, что бываетъ, если школьники не слушаются — ихъ дерутъ за уши.....

Признаюсь, что все это было сказано слишкомъ запальчиво, а всего страннѣе, что все это не шло къ моимъ краткимъ привычкамъ и миролюбивому характеру. Я уже расканивался, едва только статья моя была напечатана. Но всего хуже, что я не подумалъ о послѣдствїяхъ, и совершенно забылъ объ нихъ, погружаясь въ фоліанты, моего *l'Art de vérifier les dates*, надъ которымъ заснулъ въ тотъ день въ третьемъ часу по полуночи. Моя лампада бодрствовала, какъ будто упрекала меня въ лѣности.

Только что дневной свѣтъ началъ проникать въ мою библиофильскую лабораторію, заваленную книгами въ симметрическомъ безпорядкѣ, развернутыми, полуразвернутыми, поставленными стоймя и складенными на столѣ, на полкахъ, на полу, на стульяхъ, даже на колѣняхъ у меня — вдругъ сильно застучали въ мою дверь.

У меня не было ни слугъ, ни передней — я вскочилъ въ испугъ, и спѣша отворить дверь, пролилъ мою лампаду на одинъ изъ томовъ знаменитой книги: «Историки Галліи и Франціи.» Это несчастіе старался я исправить, слизывая масло языкомъ, а между тѣмъ оно такъ поразило меня, что я оставался передъ моимъ несчастнымъ, замасленнымъ фоліантомъ въ созерцательной горести. Ранній посѣтитель мой учащалъ удары, отъ которыхъ

трещала дверь, как будто оть одной изъ древнихъ воинскихъ машинъ, барана, баллисты, катапульты, описанныхъ О. Даниелемъ, въ его Histoire de la mi-lice française.

«О, какое бѣдствіе неизреченное!» говорилъ я, качая головою. Не для отвращенія ли подобныхъ бѣдствій не смѣлъ я до сихъ поръ заводить ни жены, ни дѣтей, ни кошки, ни собаки, ни даже птички? Теперь эти бѣдные Бенедиктинцы нама-слены, будто сельди, будто дѣлатели фальшивой моне-ты утоплены въ маслѣ! Почтенный Домъ-Буке, Домъ-Пуарье, Домъ-Прессье — misere-re nobis!

— Милостивый государь! — кричалъ мнѣ кто-то сквозь замочную щель — вы послѣ успѣете прочи-тать ваши молитвы и ваши литаніи, если останетесь живы! Вы, конечно, уже ждали меня, и ваши писто-леты и вашъ секундантъ, конечно, уже готовы! —

«Кто бы вы ни были, М. Г.», отвѣчалъ я, иди отворить дверь, «вы причиной самаго печальнаго событія, и лучше бы вы переломили у меня три ребра, чѣмъ замазали такую драгоценность...»

— Въмѣсто реберъ, я намѣренъ проломать вамъ голову, М. Г. — воскликнулъ мой посѣтитель. — *До-вольно странный слухъ достигнулъ до меня* — про-сто: вы негодяй и безстыдникъ!

Такого вступленія достаточно было оглушить, чтобъ библіофила самаго смирнаго. Я забылъ масляное пятно, монихъ Historiens de la Gaules et de le France, Бенедик-тинцевъ и мою врожденную кротость. Приподняв-шись на цыпочки, я схватилъ заржавѣлый бер-дышъ, употребленный нѣкогда на работу въ Варео-ломеевской Ночи. Посѣтитель, встрѣтившій меня такъ неучтиво, былъ не кто другой, какъ г-нъ Пон-тейль, самъ своею высокою театральною особою.

При видѣ его моя журнальная статья тотчасъ пришла мнѣ на память, и я уже ничего не боялся.

Понтейль былъ Ахиллесъ, котораго струсилъ бы Гекторъ поплотнѣе моей сухощавой фигуры. Онъ былъ высокъ, широкоплечъ, ходилъ какъ Римскій консулъ, гордо и величаво, и всему этому былъ одолженъ успѣхами, кромѣ успѣховъ сценическихъ. Онъ являлся закулиснымъ Ришелье, и корчилъ Ба-рона. Прекрасные зубы, прекрасные черные глаза, прекрасные темные волосы, прекрасныя руки — все это было у Понтейля. Въ разгульную бесѣду Суби-зовъ и Лораге приучился онъ къ дерзости, а опыт-ная танцовщица Гимаръ прошла съ нимъ полную школу кокетства и шалостей. Было чѣмъ похва-стать...

«М. Г.», началъ я съ библіофильскою холодною, «этотъ бердышъ, котораго не должно смѣшивать съ аллебардой, и имя котораго (perluisane) значитъ: outil à trouser (орудіе для сверленія дыръ), заржавѣлъ отъ крови Гугенотовъ, убитыхъ въ Парижѣ, въ Августъ 1572 года; но будьте вы тройной еретикъ — я не употреблю противъ васъ ничего, кромѣ палки. Къ кому это относились слова, сказанныя вами при вхо-дѣ вашемъ?»

— М. Г. — отвѣчалъ мнѣ Понтейль, смѣшанный немного моимъ хладнокровіемъ и историческими свѣдѣніями — я пришелъ пригласить васъ немного прогуляться. Думаю, что вы меня понимаете?

«Совершенно. Вы прочитали мою статью въ 39-й книжкѣ «Литературнаго Ежегодника.» Ну, что, м. г.? Какъ она вамъ показалась?»

— Показалась! Вы еще хотите оскорблять меня? Я думаю, что журнальные врали будутъ поосто-рожиѣе, узнавши, что я прочиталъ васъ порядкомъ. Пойдемъ-те, м. г.

«А куда? позвольте спросить. На репетицію «Ми-
носовыхъ Законовъ,» новой трагедіи Вольтера?»

— Въ Елисейскія Поля, если вамъ угодно, а за-
чѣмъ — это лучше покажутъ вамъ, вотъ эти без-
дѣлки! — Онъ вытащилъ изъ подъ плаща двѣ шпа-
ги и два пистолета.

«Какая дрянь! Нѣтъ! въ XVI столѣтіи дѣлали
оружіе лучше. Видали-ль вы работу Бенвенуто Чел-
лини? Вотъ былъ оружейникъ!»

— Что это значить? Развѣ вы хотите меня при-
нудить, чтобы я... Два слова и дѣло кончено: ва-
ша статья оскорбила меня и мы бѣдемся. Если бы
только захотѣлъ я, вы давно сидѣли бы въ Басти-
ли, но я хочу разсчитаться съ вами иначе.

«Развѣ Бастилія феодальное владѣніе вашей коме-
діи? Я васъ понимаю, м. г., но мнѣ хотѣлось дать
времени выпариться вашему гнѣву. И такъ вамъ угод-
но рѣшительно драться, и для этого встали вы
такъ рано, а меня принудили замаслить моихъ Бе-
недиктинцовъ?»

— Я хочу образумить васъ, м. г., и вы должны
понять это!

«Вы хотите сдѣлать со мною то, чего не можете
сдѣлать съ самимъ собою. Вы хотите драться —
извольте! Видно свистки партерные не то, что
пѣнье соловья?»

— Оставьте ваши эпитграммы. За свистки раз-
считываются шпагою. Мнѣ нельзя было вызвать
всего этого глупаго партера, но бѣда тому, кто
освистываетъ меня не на сценѣ!

«Какъ, мой любезный г-нъ Понтейль: вы сознае-
тесь въ невозможности драться съ цѣлымъ парте-
ромъ, а меня заставляете итти противъ цѣлой тол-
пы освистанныхъ комедіантовъ? Что же сдѣлается
послѣ этого съ критикою, а безъ критики что бу-

деть съ искусствомъ? Развѣ, я оскорбляю честь че-
ловѣка, назвавши его плохимъ актеромъ? Развѣ ко-
турны такъ же неприкосновенны, какъ папскія туфли?
Мыщанинъ, цырюльникъ могутъ вамъ свистать, за-
плативши 20 су, а мнѣ, литератору, вы не позво-
лите свиснуть вамъ въ мое перо? Подите, м. г. —
вы меня оскорбили, а не я васъ оскорбляю!

— Такъ что жъ вы думаете: развѣ артистъ ста-
туя, которую можетъ колотить всякій, кому толь-
ко вздумается? Свистки! Да, знаете ли вы всѣ тер-
занія этого адскаго изобрѣтенія? Знаете ли, что
отъ нихъ сердце разрывается болѣе, нежели уши?
Лицо блѣднѣетъ подъ румянами актера, и сто разъ
готовъ онъ броситься на эту свистящую гидру, на
этотъ партеръ, задавить его или погибнуть! И это-
го вамъ еще недовольно? Вы хотите, чтобы послѣ
того мы терпѣли еще журнальныя пощечины? Вы
хотите сдѣлать страданіемъ жизнь человѣка и ху-
дожника? Нѣтъ! ни какой Форъ-Левекъ, ни какал Ба-
стилія не отнимутъ у насъ шпаги! Я страстно
люблю мое занятіе, я выбралъ его по страсти, я
надѣюсь имъ прославиться, вижу искусство тамъ,
гдѣ вы находите только ремесло — или умру, или
заставлю себя рукоплескать; но для того надоб-
но мнѣ переломать всѣ продажныя перья, съ ко-
торыхъ летятъ чернильныя брызги на мое даро-
ваніе!

«Прекрасно! Вы уважаете ваше занятіе, сознаете
ваше дарованіе. Скажите: къ чему же поведетъ васъ
дуэль, который угодно вамъ предложить мнѣ?»

— Къ тому, чтобы убить васъ, м. г., и послѣ
того не посмѣютъ колоть меня вашими журнал-
ными иголками!

«Очень хорошо. Для чего отказывать вамъ въ
невинномъ удовольствіи отправить меня на тотъ

свѣтъ? И такъ вы убьете меня, а что вы тѣмъ докажете? Что плохой актеръ можетъ хорошо владѣть шпагой?»

— Къ чему толковать и медлить? Развѣ, между тѣмъ, вы приказали уже увѣдомить полицію? Но, не теперь, такъ послѣ — я принужу васъ — для чего откладывать?

«Завтра, м. г., я совершенно готовъ къ вашимъ услугамъ, но сегодня не хочу. Этотъ день долженъ я послать на устройство моей бібліотеки, окончаніе моего каталога, на духовную бібліофила, который разстается съ своими сокровищами.»

Понтеилу такъ нетерпѣливо хотѣлось удовлетворенія, что онъ согласился на отсрочку только послѣ продолжительнаго спора, въ которомъ являлся я такимъ же восторженнымъ бібліофиломъ, какъ онъ горячимъ комедіантомъ. Онъ оставилъ меня съ холодною учтивостью, прося помнить мѣсто и время дуэля, хотъ забылъ назначить мнѣ то и другое. Черезъ часъ потомъ получилъ я отъ него записку, гдѣ все это было назначено, безъ малѣйшей прибавки лишннихъ словъ.

«Если литературныя и критическія дѣла будутъ такъ оканчиваться — думалъ я, оставшись одинъ — вѣдь литераторы и ученые могутъ скоро перевестись на свѣтъ!»

Я обратился къ моимъ драгоценнымъ друзьямъ — книгамъ. Цѣлый день оставался мнѣ — привести въ порядокъ мои томы, пересчитать монхъ пыльныхъ овечекъ, вписать разныя desiderata въ мой каталогъ, насладиться еще разъ моими сокровищами, взглянуть на Эльзевира, улыбнуться иному толстяку фоліанту, вздохнуть надъ прелестною книжечкою in 32, пролить слезу надъ Робертомъ Стефанусомъ, Грифусомъ, Долетомъ, Крамуази. Нѣжно разставался я съ

знаменитыми типографщиками, обезсмертившими столько именъ ничтожныхъ — съ одного сметалъ я пыль, у другаго отгибалъ загнутый листокъ — я подражалъ Донъ-Жуану Австрійскому, который, умирая, осматривалъ еще свое любимое войско. Когда переговорилъ я со всѣми, когда поцѣловалъ каждую книгу отдѣльно, когда изъ глубины души помолился, да будутъ онъ послѣ меня собственностью достойнаго чловѣка, не злодѣя, не варвара, не библиомана, не библиотафа, но истиннаго бібліофила.... Ахъ! не говорите, что бібліофила недоступны чувства чловѣческія...

Трогательное исполненіе моей обязанности могло бы занять у меня цѣлые мѣсяцы, годы, если бъ я не сократилъ горестныхъ прощаній. Вечеромъ снова прочелъ я повѣстїи Филиппа Прекраснаго объ обрядахъ дуэлей, Théâtres d'honneur Фавина и Де ла Коломбера, de la Permission des duels, Одигье, пробѣжалъ еще разъ Acta Sanctorum Benedictinorum, и множество книгъ, гдѣ говорится о предметъ, долженствовавшемъ практически занять меня на другой день. Потомъ написалъ я нѣсколько строкъ къ Бильяру, невольной причинѣ моей ссоры, и, можетъ быть, моей смерти. Всѣ дѣла мои были кончены — я былъ готовъ, и увѣрю васъ, спалъ такъ спокойно, видѣлъ такіе сны... Мнѣ грѣзилось даже, что я досталъ совершенно новенькій экземпляръ «Историковъ Галліи и Франціи», вмѣсто моего, запачканнаго масломъ....

Съ разсвѣтомъ всталъ я, и двѣ слезы потекли по щекамъ моимъ, когда взглянулъ я на мою бібліотеку, гдѣ каждый томикъ былъ на своемъ мѣстечкѣ, все было въ такомъ порядкѣ, будто войско, готовое на битву. Невольно взялъ я маленькое in 18, Mémoires sur les duels (Записки о поединкахъ), сочи-

неніе Брантома, *сеньора* Бурдейльскаго, изданіе первое, Кельнь, 1724 года, у книгопродавца Юганна Самбикса, отчасти употреблявшаго буквы Эльзевира. Это былъ драгоценный экземпляръ, можетъ быть единственный, на Голландской бумагѣ, съ широкими полями, автографическою отмѣткою, въ Деромовскомъ переплетѣ... Нѣтъ! я не могъ разстаться съ этимъ сокровищемъ! Мнѣ придумалось, что можетъ быть, надобно будетъ дожидаться Понтейля, и я положилъ за пазуху моего Брантома. Въ разсѣяніи, весьма естественномъ, отдалъ я привратнику нашему, вмѣсто записки къ Бильяру, записку ко мнѣ Понтейлю, прося его отослать по адресу. Добрякъ изумился, замѣтивши шпагу на лѣвомъ боку моемъ, потому, что я никогда ее не нашивалъ.

Первый явился я въ назначенномъ мѣстѣ, въ грязномъ углу подлѣ болота, противъ бастиона du Cours-la-Reine, гдѣ былъ тогда инвалидный перевозъ и Каменные Ворота. Къ счастью не морозило, но нѣсколько дождливыхъ дней до того развели глинистую землю, что я совершенно влязнулъ въ ней. И вотъ, съ поспившими отъ холода носомъ и губами, усѣлся я на бревнѣ, помѣстивъ ноги очень спокойно въ мягкую глину, и началъ бормотать моего Брантома, какъ литанію по умирающему. Мысленно сравнивалъ я себя съ сиромъ де-ла Шатеньере, котораго убилъ Жарнакъ, а между тѣмъ чувствовалъ, что я еще очень живъ: желудокъ, о которомъ забылъ я вчера, слишкомъ неосторожно напоминалъ мнѣ это.

Понтейль заставилъ себя долго ждать, потому что я ошибся часомъ, и когда издали увидѣлъ его въ черномъ бархатномъ одѣяніи, съ двумя секундантами, несущими оружіе, я всталъ и выпря-

мился, но не могъ идти ему на встрѣчу — такъ ослабили меня вчерашнія занятія, голодь и сырость. Понтейль подошелъ ко мнѣ съ комическою важностью, мѣрными шагами, снялъ шляпу, какъ маркизъ, поздравилъ меня съ исправностью, извинился, что не предупредилъ меня, и пародировалъ монологъ Родрига объ обидчикѣ, обиженномъ и обидѣ.

Секундантами были двое молодыхъ, знатныхъ повѣсь. Вотъ они вымѣрили мѣсто, смѣряли шпаги, зарядили пистолеты, и смѣясь осматривали меня потомъ съ ногъ до головы, какъ будто уже мѣряли, сколько надобно было земли для моей могилы.

— М. Г. — сказала мнѣ Понтейль, приготовляясь снять верхнее свое платье — если вы позволите, мы сперва поиграемъ на шпагахъ, а тамъ примемъ за пистолеты, въ пяти шагахъ.

«Можно подумать, что вы готовитесь на рукоплеканіи въ роль Ахилла» — отвѣчала я, застегивая мой кафтанъ, какъ будто кирасу.

— Опять вы? Время ли теперь шутить, г-нъ маркиза журнальный? О, если бы зналъ я имя мерзавца, который проклятымъ заговоромъ убилъ меня вчера въ лучшей моей роли!..

«Такъ васъ опять освистали? А я, право, этого и не зналъ вовсе, потому что вчера не былъ въ театрѣ. Нельзя ли вамъ, какъ дѣйствующему лицу, рассказать мнѣ это повѣрнѣе для описанія въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала?»

— Если только вы доживете до этой книжки, М. Г. — Вотъ что было вчера — я смѣло расскажу вамъ, потому, что потомъ расплачусь съ вами порядкомъ: только что показался я въ «Ифигеніи въ Авлидѣ» въ лучшей роли моей, на которой осно-

вана вся моя слава, кто-то закричал, что я долженъ стать на колѣни, потому что до сихъ поръ не извинился еще передъ публикой. Другіе молчали. Я обращаюсь къ Агамемнону, и провозглашаю: «Къ чему, о Государь! чтить малую побѣду» — и вотъ, изъ оркестра, какой-то Боденъ, авторъ освищенной трагедіи *Херуски*, кричитъ громко: «гдѣ Бильяръ и его *Обольститель?*»

— Тамъ, гдѣ имъ прилично — въ убъжищѣ безумныхъ! — отвѣчаю я, будто говоря Улиссу, и — что-же? Громъ свистковъ и воплей страшно раздается, такъ, что тутъ явно видны были приготовленный планъ. Жду, пока пролетитъ туча. Мнѣ велятъ играть не смотря на ревъ и свистъ этихъ бездѣльниковъ. Повинуясь, чуть не со слезами ярости, и смѣю увѣрить, что никогда еще Ахиллесъ не былъ представленъ съ такимъ бѣшенствомъ, такъ вѣрно... И безчеловѣчные ни чѣмъ не тронулись — я обезславленъ, погибъ... О, за шпагу, М. Г., за шпагу!

«Я слушалъ васъ съ неописаннымъ наслажденіемъ. Прямою Ахиллесъ, вы бились съ тремястами противниковъ, и для чего же вамъ теперь побѣда надъ триста первымъ?»

— Ни слова! Увидимъ, что колетъ лучше, вашъ ли языкъ, или моя шпага. Становитесь! — Да что-жъ вы не сняли кафтана?

«Извините — я и безъ того излѣбъ. Къ вашимъ услугамъ! Вспомните, что въ дуэляхъ я ученикъ.»

— Урокъ будетъ коротокъ — вамъ не быть живому, а мнѣ не возвращаться на сцену... Моя будущность, моя слава—все погибло! Меня освищаютъ, меня гонять со сцены, и я, при моей страсти къ театру, посвятивъ ему мое здоровье, живши только надеждой будущаго горчества... Смерть и адъ! Мщеніе, мщеніе! защищайтесь!...

Последнія слова были произнесены такъ, что заставили меня подумать о неизбежныхъ слѣдствіяхъ битвы, принятой мною слишкомъ скоро и по-рыцарски. Приведенный въ отчаяніе воспоминаніемъ о вчерашнемъ своемъ позорѣ, Понтейль напалъ жестоко, и я едва могъ отскочить въ сторону. Онъ повторилъ нападеніе, и такъ ужасно, что у меня зарыбило въ глазахъ. Двадцать разъ казалось мнѣ, что я уже насквозь проколотъ, и вотъ я отступалъ и отступалъ, пока не стукнулся спиной объ дерево. Въ эту минуту Понтейль, раздраженный моимъ сопротивленіемъ, отбилъ мою шпагу, и навѣрное ударилъ въ меня, такъ мѣтко, что по силѣ удара, мнѣ мерещилось, будто исторія кончена — ребра у меня затрещали; я свалился бы, если бы не удержало меня дерево; холодъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Умиравшій не испытываетъ чувствъ тяжело...

Но я опомнился и машинально старался рукою захватить рану, ощупать ее.... Что за чудеса — я вовсе не раненъ!... Шпага Понтейля изломалась.... Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она воцилась, лежалъ у меня подъ камзолемъ томъ моего милаго Брантома; онъ спасъ мнѣ жизнь и пострадалъ за меня ужасно — страницъ двѣсти было прокслото! Невольно пришла мнѣ мысль, что само небо хранить библиофиловъ, и тихонько благодарилъ я панегириста «Великихъ полководцевъ» за подвиги его, даже и послѣ смерти....

Понтейль съ яростью смотрѣлъ на обломки своей шпаги и продыравленную книгу, предметъ моей скорби. Секунданты наши вовсе не были библиофилы, и угрюмо выговаривали мнѣ за нарушеніе правилъ дуэльных, но я извинился моимъ невѣжествомъ въ такихъ дѣлахъ, и старался изъяснить имъ всю важность увѣчья столь драгоценной рѣд-

кости, каковъ Брантомъ, 1724 года, напечатанный въ Кельнѣ, у....

«Знаете-ли, Мм, Гг,» говорилъ я, «что если бы мнѣ дали на выборъ, проколоть меня самого, или моего Брантома — не знаю, на что согласился бы я скорѣе!

— Ничего спорить — вскричалъ Понтейль — за пистолеты! И хоть засуньте вы подъ камзолъ цѣлую Энциклопедію, пуля ея не побоятся, и просверлитъ и ее и васъ!

«Но, сдѣлайте милость, рассудите, Г-нъ Понтейль; Развѣ этого вамъ мало?» вскричалъ я, подходя къ нему. «Неужели дуэль всегда долженъ походить на бойню?

— Я предупреждалъ васъ, М. Г. что одному изъ насъ должно лечь! Послѣ вчерашней обиды, послѣ мерзкой интриги вашей и друзей вашихъ — мирать!

«Я былъ бы подлець, если бы употребилъ противъ васъ подобное оружіе. Вотъ вамъ мое честное слово, что я ни сколько не участвовалъ во вчерашнемъ происшествіи въ театрѣ, не зналъ ничего и не слыхалъ объ немъ. Если я оскорбилъ васъ моею статьею, вспомните, что это была легкая отплата за ваше преслѣдованіе бѣднаго моего друга. Мы дрались — я чуть не проколотъ, и этого слишкомъ достаточно. Что за радость намъ драться, какъ дрались Скины! У нихъ не было ни типографій, ни журналовъ, ни рѣдкихъ книгъ....

— Нѣтъ, нѣтъ! пока я не доставлю некролога для вашего журнала — драться! Ближе, ближе, чтобы застрѣлить, а не изувѣчить. Нѣтъ! лучше умереть, сто разъ умереть, чѣмъ быть посмѣшищемъ партера и журналовъ!

«Такъ оставьте театр. Убейте меня, да вѣдь этимъ вы не заставите партеръ не свистать, а журналы не говорить, что вы негодный актеръ?»

Такая выходка докончила бѣшенство Понтейля. Онъ размахивалъ своимъ пистолетомъ, пока секунданты отбѣривали шаги, насвистывая какую-то оперную пѣсенку. Положили: стрѣлять въ десяти шагахъ, при третьемъ ударѣ въ ладоши, и секунданты отошли въ сторону, расхваливая чудную мѣткость Понтейля. Онъ не думалъ долго мѣтить, и при данномъ знакѣ, съ бранью спустилъ курокъ. Пуля просвистала мимо.

Я остановился и опустилъ пистолетъ.

— Стрѣляйте! —

«Не хочу.»

— За кого же вы меня принимаете? Я не требую пощадъ вашей — стрѣляйте, и мы начнемъ снова, если вы промахнетесь!

«Нѣтъ! честное слово — я не стрѣляю. Что мнѣ быть вашимъ палачемъ! Вы не имѣете права принуждать меня. Прощайте, М. Г., желаю вамъ успѣховъ и лавровъ, и совѣтую вамъ, прошу васъ, впредь не обижать бѣдныхъ сочинителей, и объ журналистахъ думать лучше.

— Я не пушу васъ отсюда! Вы должны убить меня, или чертъ знаетъ чего не готовъ я съ вамисдѣлать!.....

«Жакобъ, другъ мой Жакобъ!» раздавался издали голосъ, заставившій всѣхъ насъ оборотиться въ ту сторону, откуда летѣли эти возгласы. «Остановитесь, установитесь, ради Бога! Какъ я радъ, что успѣлъ добѣжать вовремя! Уфъ, охъ! задыхаюсь — дайте отдохнуть!»

Это былъ Бильяръ, бѣжавшій во всю мочь, размахивая издали своею рукописью, какъ будто жезломъ судіи турнира. Едва дыша, чуть не плача отъ радости, онъ бросился въ мои объятія, и благодарилъ меня за старанія въ его пользу. Онъ разсказалъ мнѣ наскоро, что г. Сартинъ приказалъ вы-

пустить его изъ Шарантона, и первое дѣло его было бѣжать ко мнѣ. Онъ сказалъ свое имя, хотѣлъ меня видѣть, и привратникъ объявилъ ему о моемъ раннемъ выходѣ, а потомъ показалъ письмо Понтейля, отданное мною по ошибкѣ. Тутъ узналъ Бильяръ о нашемъ дуэли, и кинулся къ намъ на мѣсто битвы. *Обоиститель* былъ перемѣшанъ съ его разсказомъ, и Понтейль узналъ, что передъ нимъ страшный врагъ его, этотъ проклятый сочинитель, начало всему злу.

— Такъ, вотъ вы, г-нъ писака? — сказалъ онъ, толкнувши Бильяра дуломъ своего пистолета въ плечо, и смотря на него свирѣпо. — Видно, васъ навели на умъ, когда выпустили изъ Шарантона?

«М. Г.» отвѣчалъ учтиво Бильяръ, развязывая свою тетрадищу. «Повѣрьте, что обитатели Шарантона разсудительнѣе и умнѣе многихъ.... до имени нѣтъ надобности.... они выслушали мою комедію....»

— А вотъ мы съ вами тотчасъ ее разыграемъ. Позвольте рѣшить сперва маленькій расчетъ съ вашимъ пріятелемъ.

«Разыграть мою комедію? О, такъ сперва выслушайте..... Эти двое господъ не будутъ лишними — продолжалъ Бильяръ, указывая на секундантовъ — я радъ слушателемъ. Повѣрьте, что вы невольно раздѣлите мнѣніе г-на Бовена, сочинителя трагедіи *Херуски*. Ты, мой любезный Жакобъ, также не слыхалъ еще моего «Обоистителя» въ новомъ его видѣ.... Господа! садитесь — прошу вниманія!

— Ты бредишь, Бильяръ — сказала я — убивайся съ твоимъ *Обоистителемъ*! Теперь разрывается нами комедія совсѣмъ другаго рода.

«То есть, вы ссоритесь, но вотъ тутъ-то и торжество мое: я примирю васъ моимъ чтеніемъ, я заставлю

г. Понтейля сознаться въ его несправедливости, и дѣлайте со мной что вамъ угодно, если моя комедія....

— Подите вы къ чорту съ вашей комедіей! — вскричалъ Понтейль. Бери поскорѣе шагу, если ты хочешь доказать, что хоть и дуракъ, такъ, по крайней мѣрѣ, не трусь! Что ты навязываешь намъ твою нелѣпость? Твоя комедія дрянъ — интрига глупая, характеры пошлые, стихи гадкіе, развязка вздорная, сюжетъ краденый....

«Лжешь ты, скоморохъ!» закричалъ Бильяръ. Глаза его выкатились изъ подъ вѣкъ отъ бѣшенства, лице покраснѣло, губы задрожали. «Лжешь ты, карикатура Преврля, кулисная крыса, необтесанный Ахиллесъ!

Онъ кинулся на Понтейля съ кулаками, и едва могъ я удержать его, обхвативши поперегъ тѣла.

— Прочь, не мѣшайте мнѣ! — кричалъ Понтейль, отталкивая своихъ секундантовъ — я уничтожу этого Езопъ, этого....

«Пошелъ, подлый скоморохъ, пошелъ!» восклицалъ Бильяръ, отбиваясь отъ меня. «Тысячу тебѣ свистковъ, щелчковъ, толчковъ, кулаковъ — А! каковы рѣшмы!»

— Понтейль — говорили ему его секунданты — мы не пустимъ тебя драться съ этимъ сумасшедшимъ — ты осрамишь себя и насъ!

«Бильяръ,» говорилъ я — «успокойся, перестань. Ты вѣдь себя — какъ тебѣ драться? Я отищу за тебя и за себя.

— Нѣтъ! не драться — бить его хочу я — кричалъ Бильяръ, скрежеща зубами и выставляя кулаки. — Глупая интрига, пошлые характеры.... лжець!... гадкіе стихи, вздорная развязка.... А почему онъ знаетъ? Вѣдь онъ не читалъ моего «Обоистителя?»

«Вотъ я докажу тебѣ».... восклицалъ Понтейль, отталкивая своихъ секундантовъ. «Я уничтожу тебя, лягушка Парнасская!»

— Краденый сюжет! — кричал Бильяр — о, пистолеты, шпагу, палку, громы, что хотите, только бы убить, истребить этого скомороха, лжеца, клеветника.... — Да, куда же вы бѣжите, Мм. Гг. куда, куда? Сперва драться, потомъ читать, или сперва читать....

«И въ самомъ дѣлѣ, господа, куда вы бѣжите?» сказалъ я, останавливая товарищей Понтейля. «Видите — идетъ полиція. Намъ всѣхъ запрутъ въ Форъ-Левекъ, если вы не объявите вашихъ именъ... Ахъ! Боже мой! Да, различите этихъ сумасшедшихъ!

Въ самомъ дѣлѣ, пока мы успѣли сказать другъ другу по нѣскольکو словъ, Бильяръ и Понтейль, оставшись на свободѣ, уцѣпились другъ за друга. Мы начали растаскивать ихъ, а между тѣмъ стража успѣла подойти и остановила рукопашную битву враговъ. Полицейскій офицеръ подошелъ къ намъ весьма учтиво, извиняясь, что онъ исполняетъ свою должность.

— Графъ де-Лораге извѣстилъ г-на Сартина о вашемъ поединкѣ. Мнѣ приказано развести васъ каждаго въ его жилище, и имѣть полицейскій надзоръ, пока вы не откажетесь отъ нарушенія законовъ о дуэляхъ. А не вы ли Г. Бильяръ?

«Я, и вотъ моя комедія. Позвольте мнѣ....»

— Извините. Вашъ батюшка проситъ поскорѣ прерлатъ васъ въ Нанси. Пожалуйте за мною.

«Этотъ добрякъ Лораге трепеталъ за мою жизнь», сказалъ Понтейль съ довольною улыбкою. «Онъ думалъ, что у меня опасные соперники.»... Заступленіе графа заставляло его гордиться.

— Вы не скажете ничего о вашихъ соперникахъ — возразилъ я — если вспомните, что за вами есть еще моя недоимка.

«Пистолетный выстрѣлъ? Когда угодно вамъ его

получить? — Извините — этотъ провинціальный Триссотинъ сблъ насъ обоихъ съ толку....

Между тѣмъ Бильяръ стоялъ, какъ будто громомъ пораженный. «Въ Нанси!» воскликнулъ онъ наконецъ, всплеснувши руками — «о судьба!.... Вы торжествуете, скоморохи! О мой добрый Жакобъ! что же это такое? Моя комедія....

— Г-нъ «Обольститель», сказалъ Понтейль, смѣясь отъ утихавшей досады — если мнѣ случится прѣхать въ Нанси, вспомните, что намъ надобно будеть кончить наше дѣло.

«Какъ? Вы хотите прослушать тамъ мою комедію?

— «Нѣтъ! Расплатиться съ вами шпагой за обиду, и отправить васъ читать ее Плутону. Прощайте — я вѣчно врагъ вашъ, до гроба и за гробомъ!

«М. Г.,» сказалъ я — «если вы артистъ въ душѣ, вамъ надобно жалѣть о бѣдномъ поэтѣ, котораго увлекаютъ отъ его любимаго занятія, лишаютъ всѣхъ обольщеній надежды....

— А мнѣ развѣ легче? Эти свистки этотъ партеръ.... во всякомъ случаѣ, Г-нъ журналистъ — я врагъ вашъ смертельный, непримиримый!

«Если примѣръ мой не научилъ васъ прощать обиды — можете ненавидѣть меня, какъ вамъ угодно — моя пуля за вами!

Понтейль поспѣшно удалился, а я пошелъ провожать бѣднаго Бильяра. Его тотчасъ посадили въ ночтовую карету. Онъ обнялъ меня, задыхаясь отъ рыданій, протянулъ руку къ фишкѣ театральнѣй, прибитой неподалеку, а потомъ ударилъ себя въ грудь, закрылся своею тетрадью, и не могъ ни одного выговорить слова.

Ни какія покровительства не спасли Понтейля отъ упорнаго ожесточенія партера. Едва явился онъ

опять на сценѣ — его освистали; явился въ другой — освистали; въ третій, освистали! Онъ бѣжалъ со сцены, и ухалъ изъ Парижа....

Черезъ десять лѣтъ, всѣ мы трое, Понтейль, Бильяръ и я, снова увидѣлись въ Парижѣ, и уже не дрались.... Пронсшествіе было любопытное, трогательное, но я расскажу его вамъ когда нибудь особо.....

ЖАКОВЪ ВИНЮФИЛЬ.

СУДЬЯ.

Одна изъ тѣхъ комедій, которыя часто разыгрываются въ общественной жизни.

=

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Судья, изображая собою правосудіе, представляетъ одного изъ дѣйствующихъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на общество.

Цѣль моего отрывка состоитъ въ томъ, чтобы представить идеальную поэзію этихъ грозныхъ дѣйствующихъ, въ противоположности съ прозаическими дѣлами и склонностями нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Родъ *разговорнаго хора*, предшествующаго каждому акту комедіи, показываетъ, какъ должны исполняться великія обязанности судей. Комедія, напротивъ, показываетъ, какъ иногда онѣ исполняются *дѣйствительно*.

И такъ хоръ старается сдѣлать понятнымъ, какъ велики, какъ священны обязанности судейскаго званія, и не только доказать, какъ мало есть людей самыхъ добродѣтельныхъ, которые были бы достойны его, но показать также, какими испытаніями, какими пожертвованіями должны судіи очиститься прежде, чѣмъ будутъ имѣть право на власть нравственную, которая одна должна быть ручательствомъ власти дѣйствительной, предоставляемой имъ правительствомъ и законами.

Комедія, напротивъ, показываетъ, какъ любостя-

жаніе, соединенное съ презрѣнною алчностью, управляетъ поступками одного изъ такихъ дѣйствователей, который въ послѣдствіи, при отправленіи своей должности, по своимъ слабостямъ и порокамъ, не отличается ничѣмъ отъ другихъ людей, оставался между тѣмъ ихъ судьбою.

Конечно, все это слишкомъ обыкновенно въ общественномъ быту; все это было, есть и будетъ, потому, что человѣкъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, всегда будетъ подверженъ неизбежному вліянію страстей и слабости человѣческой; нельзя однако же не сознаться, что бываютъ исключенія, и потому-то противоположность идеальной и положительной стороны дѣйствователей, соединяющихъ въ себѣ жизнь цѣлаго общества, показалаась тому, кто пишетъ эти строки, любопытнымъ предметомъ для изслѣдованія.

Что касается до первой, основной мысли моего сочиненія, то она есть слѣдствіе глубокой скорби, которую всегда чувствовалъ я, слыша мнѣнія людей, слѣдующихъ неосновательному, безнравственному и опасному парадоксу, будто въ частной и публичной жизни человѣка, облеченнаго какою нибудь общественною должностію, можетъ быть допускаемо различіе.

Нѣтъ, для такого человѣка *частная* жизнь не существуетъ: *долгъ его* долженъ быть какъ будто изъ стекла, и важность его публичнаго характера должна быть только неминуемымъ послѣдствіемъ его частныхъ добродѣтелей; безъ того люди будутъ только покоряться *суду*, имъ произносимому — *закону*, имъ издаваемому — *нравственности*, имъ проповѣдуемой, но *вприты* или *не стануть*.

Однимъ словомъ, если тѣ, которые олицетворяютъ собою *правосудіе*, *законъ* и *нравственность*,

и не будутъ заслуживать жизнью безукоризненной, священнаго, религіознаго уваженія, если, вмѣсто того, чтобы свято исполнять свои великія обязанности, они будутъ смотрѣть на нихъ какъ на ремесло, — то не внушать никому ни вѣры, ни довѣренности, и я всегда скажу имъ, что они недостойны своего званія — виновны передъ Богомъ, передъ правительствомъ, передъ обществомъ, передъ своею совѣстью.

ПРОЛОГЪ.

ХОРЪ И ДВА ГОЛОСА.

ХОРЪ. Правосудіе, святое, великое правосудіе, дивный отблескъ Божества! Кто не вострепететь отъ ужаса, вступая въ твои святилище? Кто поиметъ во всей его обширности грозное назначеніе быть истолкователемъ твоихъ вѣдній? Кто безъ страха осмѣлится сказать людямъ: *Внимайте или... се истина!*

Святое, великое правосудіе! Люди, торжественно засѣдающіе въ твоемъ святилищѣ, должны быть мудры и проникательны! Они должны освѣтить частную, свою жизнь чистымъ, религіознымъ лучемъ того торжественнаго званія, къ которому они предназначены, и, подобно тому, какъ величественная одежда ихъ не походить на одежду другихъ людей, такъ и уединенная, созерцательная жизнь ихъ не должна походить на разбѣганную, веселую жизнь другихъ людей!

1-й голосъ. О родитель! душа моя преисполнена неисцѣлимой грусти! Удовольствія, приличныя моему возрасту, не радуютъ меня; часто, вечеромъ, въ нашемъ уединеніи, видѣлъ я тебя задумчивымъ,

озабоченнымъ; ты, склоняся на длинныя страницы книги, погружался въ глубокое размышленіе, и потомъ, устремивъ къ небесамъ свои взоры, съ грустію восклицалъ: *Я человекъ, и долженъ судить другихъ людей! О Боже! просвѣти меня божественнымъ лучемъ твоимъ!*

2-й голосъ. Сынъ мой.... обязанность моя такъ велика, что я иногда не могу быть совершенно спокоенъ, даже и во снѣ.... Жизнь моя чиста и непорочна; я нищу уединенія.... убѣгаю удовольствій и наслажденій свѣта—но все напрасно Слова: *человекъ! ты долженъ судить подобныхъ себѣ людей*—раздаются въ ухахъ моихъ и наводятъ на меня безпрестанный страхъ.... О сынъ мой! какъ велика, какъ мучительна моя обязанность!....

1-й голосъ. О родитель мой! не смотря на горесть, которой ты такъ часто предаешься, наочи, проводимыя тобою безъ сна, въ мучительныхъ размышленіяхъ, на тихое уединеніе, въ которомъ ты живешь вдалекѣ отъ всѣхъ—я почелъ бы себя избранникомъ Бога, если бъ ты призналъ меня когданибудь достойнымъ также быть судьей людей.

2-й голосъ. Бѣдный, тщеславный ребенокъ! знаешь ли ты, чего просишь? Постигаешь ли ты безпрестанныя испытанія, которымъ ты долженъ будешь покориться, лишенія, которыя долженъ будешь переносить? Знаешь ли ты, что тебѣ должно будетъ отказаться отъ всѣхъ радостей свѣта, что человекъ, поставленный такъ высоко посреди себѣ подобныхъ, посреди тѣхъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ только въ дни бѣдствій предъ своимъ грознымъ трибуналомъ, не долженъ никогда вмѣшиваться въ ихъ радостную толпу, ни разделять ихъ веселья? Что бы сказалъ подсудимый, котораго я долженъ обвинить или оправдать, если бъ подъ судейскою

тогою узналъ онъ того, кто вчера еще разделялъ съ нимъ шумныя упоенія праздника? Что бы подумалъ онъ обо мнѣ, видя меня столь строгимъ и важнымъ на моемъ судейскомъ мѣстѣ, когда вчера еще видѣлъ меня безпечнымъ, веселымъ, шаловливымъ? Онъ подумалъ бы, что въ опредѣленные часы, облекаясь моею тогою, я облекаю себя также лживымъ, притворнымъ видомъ.

1-й голосъ. О родитель мой! Подобно тебѣ, буду я убѣгать всѣхъ шумныхъ удовольствій. Я уже сказалъ тебѣ—радости, приличныя моему возрасту, не радуютъ меня; я предпочитаю сидѣть подъ тѣнію нашихъ густыхъ деревьевъ, и въ молчаніи размышлять о святости и великости обязанностей, которыя ты такъ достойно исполняешь.

2-й голосъ. Знаешь ли ты еще, сынъ мой, что тебѣ придется, можетъ быть, убѣгать даже нѣжныхъ изліній дружбы, изъ опасенія, чтобы вліяніе ея не уничтожило хладной и неумолимой справедливости твоего суда. Увы! развѣ не видишь ты, что я почти совершенно одинокъ!

1-й голосъ. Я уже сказалъ тебѣ, о родитель! что одиночество мнѣ нравится; и зачѣмъ желать мнѣ инаго друга, кромѣ тебя?

2-й голосъ. Знаешь ли ты еще, о сынъ мой, что тебѣ придется довольствоваться небольшимъ нашимъ достояніемъ? Званіе наше запрещаетъ намъ думать о благахъ сего міра.

1-й голосъ. Какъ ты, о родитель! буду я довольствоваться малымъ.

2-й голосъ. Знаешь ли ты, сынъ мой, что тебѣ придется посвятить себѣ трудному, долговому ученію, и въ тяжкихъ, скучныхъ занятіяхъ убить лучшіе годы своей юности?

1-й голосъ. Трудъ этотъ прельщаетъ и веселитъ.

лить меня; только посредством его могу я достигнуть цѣли, къ которой стремлюсь такъ пламенно.

2-й голосъ. Я знаю, сынъ мой, что ты прилеженъ и трудолюбивъ; знаю, что въ тебѣ таится зародышъ самыхъ рѣдкихъ и строгихъ добродѣтелей; знаю, что благородныя чувства юной души твоей увлекаютъ тебя къ великому назначенію; но увы! сынъ мой... размысли хорошенько, что тотъ, кто долженъ судить подобныхъ, не насладится никогда утѣшительною, сладостною увѣренностью, что онъ судить справедливо! Тягостное сомнѣніе будетъ всегда его удѣломъ. Онъ будетъ всегда страшиться, не былъ ли умъ его помраченъ какимъ нибудь постороннимъ тайнымъ вліяніемъ и не смѣшала ли онъ праваго съ виноватымъ! О сынъ мой, сынъ мой! Не ужасно ли подумать, что, только въ вѣчности, голосъ Всемогущаго скажетъ намъ, правъ или неправъ былъ судъ, нами произнесенный!

4-й голосъ. Ты пугаешь меня, родитель!... Чувствую, что я не достоинъ еще этого священнаго, великаго сана. Я постараюсь очистить себя еще болѣе, постараюсь пріобрѣсти болѣе мудрости, и можетъ быть, настанетъ день, когда ты признаешь меня достойнымъ великаго назначенія, къ которому я стремлюсь.

Хоръ. Правосудіе, святое, великое правосудіе, дивный отблескъ Божества! и проч. и проч.

КОМЕДИЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АКТЪ I.

Г. ДЕ КЛЕРВИЛЬ, совѣтникъ уголовного суда.
Г-жа ДЕ КЛЕРВИЛЬ, его жена.
ЭПАМИНОНДЪ ДЕ КЛЕРВИЛЬ, ихъ сынъ, сначала студентъ правовѣднія, потомъ судья, и наконецъ совѣтникъ.
МАРСЕЛИНА, ключница.

АКТЪ II.

МАМЗЕЛЬ ФАННИ ДЕЛУ, фигурантка бульварнаго театра.
СИМОНЪ, другъ Эпаминонда.
Г. ДЕ БЛЕНАКЪ, отставной полковникъ.
ПРЕЗИДЕНТЪ.
АДВОКАТЪ.
СТРАЖА.

АКТЪ III.

Г-жа ГРАССЕ.
Г-жа ЖЕРМЕЛЬ.
ПРЕЗИДЕНТЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-нъ и Г-жа ДЕ КЛЕРВИЛЬ.

Г. ДЕ КЛЕРВ. Ну, что, сударыня?

Г-жа ДЕ КЛЕРВ. Нечего дѣлать — ты правъ, другъ мой! Эпаминондъ возвратился вчера домой въ полночь.

Г. де Клерв. (*съ энтомоль*). Чудовище!

Г-жа де Клерв. (*робко*). Другъ мой! можетъ быть, онъ засидѣлся долѣе обыкновеннаго у своего репетитора правъ, чтобы лучше приготовиться къ экзамену.

Г. де Клерв. Да! посмотри-ка, что будетъ, когда настанетъ экзамень.... У своего репетитора! Право? Только подобное твоему ослѣпленіе можетъ этому вѣрить. Готовъ биться объ закладъ, что онъ просидѣлъ въ какомъ нибудь кофейномъ домѣ или трактирѣ, вмѣстѣ съ мерзавцемъ Симоно.

Г-жа де Клерв. (*испуговишись*). Эпаминондъ въ кофейномъ домѣ! въ трактирѣ!

Г. де Клерв. А почему жъ бы и нѣтъ?.... Говорю тебѣ, негодий Симоно вѣрно затащилъ его туда пить пуишъ! курить трубку.... Почему я знаю зачѣмъ?....

Г-жа де Клерв. (*съ ужасомъ всплеснувъ рукави*). Курить трубку.... Эпаминонду курить трубку?.... ему, кого мы такъ воспитали.... Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, это невозможно!

Г. де Клерв. А я такъ повторяю тебѣ, что его на это станетъ. О, ты не знаешь, какъ упрямы и заносчивы этотъ мальчишка!.... Прибавь къ этому еще вліяніе мерзавца Симоно.... Ты увидишь, что онъ его погубитъ. Будущность его страшить меня.

Г-жа де Клерв. Не слишкомъ ли ты увеличиваешь въ умѣ своемъ вліяніе Симоно на Эпаминонда? Они однихъ лѣтъ и товарищи по училищу.... Г. Симоно изъ хорошей фамиліи; семейство, къ которому онъ принадлежитъ, заслуживаетъ уваженія. Чтожъ дурнаго видишь ты въ дружбѣ къ нему Эпаминонда?

Г. де Клерв. Чтожъ дурнаго?.... Тебѣ все

хорошо! Повторяю тебѣ: этотъ Симоно негодяй: вмѣсто того, чтобы учиться живописи, онъ проводитъ цѣлые дни въ праздности, и проматываетъ деньги, которыя родственники присылаютъ ему изъ провинціи! Онъ-то, говорю я вамъ, сударыня, портитъ вашего сына, вбиваетъ ему въ голову тысячи нелюбостей и — я увѣренъ въ этомъ — старается поселить въ немъ отвращеніе къ судейскому поприщу. Но онъ будетъ судьейю, чортъ возьми! или я покажу ему....

Г-жа де Клерв. Послушай, другъ мой, можетъ быть, Эпаминондъ не имѣетъ склонности къ судейскому званію; къ тому же ему только 17 лѣтъ. Чего же ты хочешь отъ него? Для такого возраста приказная служба должна казаться слишкомъ важною.... слишкомъ строгой....

Г. де Клерв. Склонность!... Что такое склонность? Что это значитъ?.... Нужно ли имѣть склонность, чтобы выучиться правамъ, заслужить ученую степень, сдѣлаться прокурорскимъ помощникомъ, прокуроромъ, судьейю, и, можетъ быть, даже совѣтникомъ, съ 12,000 франковъ неотъемлемаго содержанія? Право, сударыня, вы кажется помѣшались! Развѣ я самъ имѣлъ когда нибудь склонность къ приказной службѣ? и развѣ это препятствовало мнѣ добиться всего и сдѣлать себѣ дорогу? Къ тому жъ, развѣ онъ не былъ воспитанъ въ этомъ духѣ? Развѣ онъ не видитъ здѣсь безпрестанно прокуроровъ и судей? Чтожъ въ нихъ страшнаго? Развѣ между нами нѣтъ истинныхъ весельчаковъ? Развѣ надобно быть скучнымъ, какъ ночной колпакъ, потому только, что называешься судьейю? Пусть только наша общественная жизнь будетъ прилична, а до частной никому нѣтъ дѣла; надобно только умѣть сохранить наружную важность, а на такую жертву,

право, можно рѣшиться за 12,000 Франковъ жалованья.... Прошу сказать, гдѣ можно найти подобныя выгоды? Въ жизни прежде всего надобно думать о существенномъ, и потому, съ такою будущностью и съ такимъ состояніемъ, какое мы ему оставимъ, онъ можетъ сдѣлать чудесную партію. Да, сударыня, да! Но вы объ этомъ и не думаете.

Г-жа де Клерв. Ты совершенно правъ, другъ мой; позволь однако же сказать тебѣ, что Эпаминондъ — я не хочу его оправдывать — имѣетъ склонности, приличныя его лѣтамъ; онъ веселъ, живъ; характеръ его не довольно твердъ, не довольно основателенъ, и мнѣ кажется, что онъ вообще слишкомъ вѣтренъ для такого важнаго званія.

Г. де Клерв. Его нельзя уже переменить! Чтожь прикажешь мнѣ дѣлать? Пусть же остается онъ тѣмъ, что онъ есть.

Г-жа де Клерв. (*съ нѣкоторою робостью*). Но если намъ нельзя переменить его характера, то нельзя ли, по крайней мѣрѣ, переменить его будущности, его карьеры?

Г. де Клерв. Переменить его карьеру, сударыня.... переменить?.... Въ умѣ ли вы? А что же я сдѣлаю изъ него, позвольте васъ спросить? Гдѣ найду я все эти удобства открыть ему дорогу, какія имѣю здѣсь? Развѣ мои друзья, мои покровители служатъ не по одному со мною вѣдомству?.... Переменить его карьеру! Да, это такъ глупо, что изъ рукъ вонъ!.... Прошу послѣ этого хлопотать и заботиться о будущности дѣтей — они все поставятъ вверхъ дномъ. Переменить карьеру! И это говорите вы, вы, его мать. Вы, можетъ быть, поддерживаете въ немъ эти мысли?

Г-жа де Клерв. Другъ мой! можешь ли ты это думать?....

Г. де Клерв. Какъ?.... Я хлопоталъ цѣлую жизнь, заводилъ знакомства, составлялъ связи, говорилъ друзьямъ о планахъ моихъ на счетъ сына, и дѣлалъ все это для того только, чтобъ остаться въ дуракахъ? Нѣтъ, сударыня, сынъ мой будетъ приказнымъ — слышите ли вы? Онъ переменить не карьеру, а свой характеръ.... Да, чортъ возьми! или я покажу ему....

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢЖЕ И МАРЦЕЛИНА.

Г. де Клерв. Марцелина! для чего скрываетъ ты отъ меня, что сынъ мой возвратился вчера домой въ 12 часовъ ночи.

Марц. Успокойтесь, сударь — съ нимъ не случилось ничего дурнаго.... Г. Симоно проводилъ его до воротъ и....

Г. де Клерв. (*съ досадой*). Опять этотъ Симоно! Неужели я никогда не отдѣлаюсь отъ этого чловѣка!

Марц. О! Симоно славный, любезный мальчикъ.... И какъ онъ уменъ!.... Представьте себѣ, что вчера, возвращаясь съ Г. Эпаминондомъ, онъ замыкалъ за дверью, да такъ натурально, такъ натурально, ну, что твоя кошка.... Ахъ! Боже мой! ужъ какъ же я смѣлась!....

Г. де Клерв. (*съ важностью*). Марцелина! хоты ты служишь мнѣ уже 40 лѣтъ, но я выгоню тебя изъ дому, за первый разъ, когда тебѣ вздумается

скрыть от меня, въ которомъ часу возвращается домой сынъ мой и потворствовать его шалостямъ.

Марц. Но я говорю вамъ, сударь, что онъ возвратился вмѣстѣ съ Г. Симоно; впрочемъ онъ самъ будетъ отвѣчать вамъ; онъ сию минуту возвратился съ толстыми своими книгами подъ мышкою.... Бѣдный мальчикъ!

Г. де Клерв. *(съ сильными гнѣвомъ)*. А! такъ онъ возвратился!....

Марц. Да, сударь, и я никогда не видала его такимъ веселымъ; онъ поетъ, какъ зябликъ.

Г. де Клерв. А! онъ поетъ хорошо — скажи ему, чтобъ скорѣе ко мнѣ пришелъ. *(Жест)*. Сударыня! прошу васъ, оставить меня одного съ нимъ.....

Г-жа де Клерв. Другъ мой! не будь слишкомъ горяч и не брани его слишкомъ!.... Обойдись съ нимъ ласково; ты знаешь, что это лучшее средство, сдѣлать изъ него все, что захочешь.....

Г. де Клерв. Я знаю, что мнѣ дѣлать, сударыня.

Марц. Вотъ и онъ — слышите ли, какъ онъ распѣваетъ!

(Слышенъ голосъ поощрительный: Станешь пить!.... Г. де Клервиль дѣлаетъ повелительный знакъ и Г-жа де Клервиль съ Марцелиной уходятъ).

Г. де Клерв. Ну! теперь мы потолкуемъ съ вами, господинъ станешь пить!

ЯВЛЕНІЕ III.

Эпаминондъ *(ему 18 лѣтъ, но въ наружности замѣтно школьничество)*.

Г. де Клерв. *(важно садится въ кресла, и съ*

минуту смотритъ на своего сына въ молчаніи). Въ которомъ часу изволили вы, сударь, возвратиться вчера домой?

Эпам. Я пришелъ домой прямо отъ моего репетитора, право, часовъ въ 10, думаю.

Г. де Клерв. Право?... часовъ въ десять?... *(смотритъ на него пристально)*. И ты въ этомъ увѣренъ?

Эпам. Вѣдь я не часы, чтобы могъ сказать о времени минута въ минуту! Но что съ вами? Зачѣмъ вы смотрите такъ на меня? Я сказалъ въ 10 часовъ, потому, что было 10 часовъ.

Г. Клерв. *(съ бѣшенствомъ)*. Ты лжешь!.... Не въ 10, а въ 12 часовъ ночи.... Прощу сказать мнѣ, гдѣ ты былъ, гдѣ могъ остаться такъ поздно? Отвѣчай!....

Эпам. Да я вѣдь ужъ сказалъ вамъ, что возвратился домой прямо отъ моего репетитора.

Г. де Клерв. Я говорю тебѣ, что ты безстыдно лжешь: ты возвратился послѣ полуночи съ этимъ мерзавцемъ Симоно, который погубитъ тебя.

Эпам. Симоно не мерзавецъ; онъ очень хороший живописецъ; семейство его богато, и.....

Г. де Клерв. Здѣсь дѣло идетъ не о семействѣ Г. де Симоно, но о васъ, сударь, о васъ, который позволяете себѣ возвращаться домой въ ночное время, и объ этомъ негодяѣ, который поддерживаетъ въ тебѣ лѣность и расточительность.

Эпам. Напротивъ, онъ даетъ мнѣ хорошіе совѣты.

Г. де Клерв. Да... славные совѣты! Онъ набиваетъ тебѣ голову всеми возможными глупостями.

Эпам. Не за то ли вы сердитесь на него, что онъ сводилъ меня одинъ разъ въ манежъ?

Г. де Клерв. Въ манежъ! а зачѣмъ ходили вы, сударь, въ манежъ? Развѣ въ манежъ должны вы получать свои студентскія степени?....

Э п а м. Чтожъ дурнаго, если я ѣзжу верхомъ?

Г. де Клерв. Верхомъ!... Развѣ судья ѣздитъ когданибудь верхомъ? Развѣ я садился когданибудь, въ цѣлую мою жизнь, на лошадь?... Чтожъ, прекрасно! совѣтую тебѣ явиться въ твою юридическую школу съ хлыстомъ и со шпорами! Верхомъ! Такъ-то думаешь ты отличиться на томъ пути, который ты избралъ.... Отвѣчай!

Э п а м. Позвольте — вы очень хорошо знаете, что не я выбралъ этотъ путь.

Г. де Клерв. Какъ не ты?... Такъ ты теперь жалѣешь уже объ этомъ....

Э п а м. Я не говорю этого; но я хотѣлъ бы лучше быть дипломатомъ, какъ де Вернейль, или артистомъ, какъ Симоно.

Г. де Клерв. Дипломатъ! Артистъ!... Да ты спятилъ съ ума! Развѣ имѣешь ты такое состояніе и такое имя, какъ де Вернейль, чтобы тебѣ быть дипломатомъ? Есть ли въ тебѣ хоть малѣйшая способность сдѣлаться артистомъ?... Славный примѣръ выставилъ ты мнѣ съ своимъ Симоно!... Негодяй! мотыга!

Э п а м. Вы браните Симоно отъ того, что онъ здѣсь нѣтъ, и что онъ не можетъ вамъ отвѣчать....

Г. де Клерв. Молчать, сударь, и не забывать!... Подумай-ка лучше, какъ бы заслужить себѣ прощенье — неблагодарный!

Э п а м. Неблагодарный? Неблагодарный?

Г. де Клерв. Да, конечно, неблагодарный, неблагодарнѣйшій!... Не по моей ли милости, не моими ли стараніями ждешь тебя чудеснѣйшая будущность, которой сталъ бы завидовать всякій?....

Не можешь ты развѣ сдѣлаться когданибудь судьейо, потому совѣтникомъ съ 15, 16,000 франковъ годоваго жалованья, содержаніе несравненно большее того, что получаетъ генераль-лейтенантъ, у котораго ты даже берешь шагъ въ церемоніяхъ; а выгода, судить другихъ, придающая всегда такую важность, внушаетъ такое уваженіе и доставляетъ случай сдѣлать славное знакомство. — Но, нѣтъ, тебѣ ничто не нравится; въ тебѣ нѣтъ ни малѣйшаго самолюбія, ни малѣйшаго желанія выйти въ люди — право, это ни на что не похоже!....

Э п а м. Самолюбія!... Прошу имѣть его, когда придется носить четверугольную шапку, глупую черную мантию и бѣлые брыжи, на манеръ пасторскіихъ.

Г. де Клерв. (*не впрѣя толку что онъ слышитъ*). Глупую черную мантию! пасторскія брыжи!... Господи, Боже мой! что это онъ говоритъ!

Э п а м. Не смѣть носить платье аркихъ цвѣтовъ!

Г. де Клерв. Еще что такое? Цвѣтныя платья!

Э п а м. Что за радость, быть одѣтому всегда въ черное! Мало того, что вы не позволяете мнѣ носить даже сапоговъ.

Г. де Клерв. Нѣтъ, сударь — сапоги имѣютъ видъ воинственный и не приличны судья; пока я живъ, ты не будешь носить сапоговъ (*съ гордымъ и влиять грустныиъ видомъ*); а послѣ моей смерти другое дѣло — тогда ты будешь на своей волѣ.

Э п а м. (*мало тронутый этимъ замѣчаніемъ*). Ахъ, Боже мой!... Можно ли придавать такую важность сапогами.... Предразсудки эти были хороши прежде, а не теперь....

Г. де Клерв. Прежде?... То есть, это значить, что прежде всѣ были дураки — не такъ ли,

сударь? Молчите, вы вольнодумецъ, революціонеръ, а вашъ Г. Симоно настоящій якобинецъ.

Э п а м. Вы только и знаете, какъ бы побранить меня.

Г. де Клерв. Я браню тебя потому, что ты этого заслуживаешь, неблагодарный!

Э п а м. Такъ нѣтъ же — я не заслуживаю брани, и все это мнѣ уже надоело! Чортъ ли мнѣ въ томъ, что я буду судьей! Я вовсе не имѣю охоты судить другихъ... Къ тому же, что за пріятность имѣть всегда дѣло съ мошенниками и ворами! Нѣтъ! это скучно... Судья не можетъ даже наряжаться на святкахъ.

Г. де Клерв. Наряжаться!... О! это вѣрно опять мысль проклятаго Симоно, я въ томъ увѣренъ... Наряжаться, несчастный!

Э п а м. (съ досадою). Вы браните Симоно! Хорошо же... Объявляю вамъ разъ на всегда, что онъ мнѣ другъ, что я считаю его своимъ братомъ, что я не потерплю, чтобы объ немъ отзывались дурно, и если меня стануть мучить, то я мигомъ все порѣшу — я пойду въ солдаты...

Г. де Клерв. А! ты пойдешь въ солдаты!... Прекрасно!... Я самъ помогу тебѣ въ этомъ; отдамъ тебя въ службу; ты будешь ѣсть сухой хлѣбъ, и если не справишься, я отдамъ тебѣ на военный корабль.

Э п а м. Чтожь! лучше быть юнгомъ на военномъ кораблѣ, чѣмъ провести всю юность, всю жизнь въ такомъ несносномъ, такомъ скучномъ, такомъ гадкомъ состояніи, какъ судья!

Г. де Клерв. Въ такомъ гад... (онъ не имѣетъ силы докончить это слово) Вонъ отсюда... Ты неблагодарный сынъ!... Прочь съ глазъ моихъ!...

Э п а м. Какъ вамъ угодно. Я повинуюсь, вамъ

но объявляю торжественно, что ненавижу состояніе, къ которому вы меня назначаете... Да, я его ненавижу, презираю, и никогда не потерплю, чтобы отзывались дурно о Симоно — который мнѣ другъ — слышите ли? — другъ на жизнь и на смерть!...

(Эпаниондъ уходитъ въ сильномъ гнѣвѣ, а Г. де Клервиль остается погруженнымъ въ грустныя размышленія).

Хоръ вмѣсто эпилога.

Правосудіе! Святое, великое правосудіе! Дивный отблескъ Божества! и проч.

АКТЪ ВТОРОЙ.

ПРОЛОГЪ.

Хоръ, и два голоса.

1-й голосъ. Сынъ мой! ты опять такъ угрюмъ и озабоченъ?... Развѣ ты не достигъ цѣли всѣхъ своихъ желаній? Пять лѣтъ тому, ты говорилъ мнѣ: «Я почелъ бы себя избранникомъ Бога, если бъ ты призналъ меня когда нибудь достойнымъ святаго «назначенія защищать невинность и наказывать «преступленіе!» Ты исполняешь теперь это святое назначеніе, сынъ мой!... Чтожь съ тобою? Открой мнѣ свое сердце, раздѣли со мною свои горести!

2-й голосъ. О родитель! душа моя убита горестью и отчаяніемъ! Зачѣмъ не последовалъ я
Т. I. — Отд. II. 9

твоимъ совѣтамъ! Каждый день вижу я, все болѣе и болѣе, какъ тяжела наша обязанность, и какъ мало я достоинъ ея исполненія! Я отказался отъ всѣхъ радостей міра; жизнь моя чиста и непорочна; подобно тебѣ провожу я долгія ночи въ размышленіяхъ надъ вопросами, ожидающими моего непреложнаго разрѣшенія... но все напрасно! Обширная власть, которою я облеченъ, невольно пугаетъ меня, когда я подумаю, что могу смѣшать ложь съ истиной, и тогда, какъ ты, восклицаю я: *Боже! Боже! освяти меня посреди сего мрака лучемъ твоей премудрости!*

Хоръ. Правосудіе, святое, великое правосудіе! если бы тотъ, кто долженъ разрѣшать или связывать, оправдывать, или обвинять себѣ подобныхъ, не возвышался надъ ними всеми чистѣйшими добродѣтелями и жизнью примѣрною, безукоризненною, не могли бы тогда невинные, которыхъ онъ судить, сказать ему: «По какому праву оправдываешь ты насъ?» а виновные: «По какому праву ты осуждаешь насъ? Если ты самъ причастенъ преступленію, то можешь ли судить преступления? О судья презрѣнный и недостойный! можешь ли ты воскликнуть безъ трепета: «Позоръ и казнь предателю!»... когда ты самъ предатель?... «Позоръ и казнь злодѣйству!»... когда ты самъ злодѣй! Виновные не будутъ ли имѣть право сказать тѣбе: «Сообщникъ нашъ! сойди, сойди съ своего судейскаго мѣста, и сядь рядомъ съ нами на скамьѣ позора!»

Хоръ. Правосудіе, святое, великое правосудіе! и проч. и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Дѣйствіе происходитъ въ домъ Эпаминонда де Клериалля. Ему 32 года. Онъ королевскій прокуроръ.)

Чванство и гордость заступили мѣсто юношеской вътречности, а строгая судейская важность, которую онъ обязанъ прикрывать собой, придаетъ ему видъ желанный и лукавый. Спальня его убрана мебелью изъ краснаго дерева. Алебастровыя вазы наполнены искусственными цвѣтами. На стѣнахъ висятъ картины, изображающія Леду и Даная. На пьедесталѣ стоитъ статуя Венеры. Часы показываютъ 10. Эпаминондъ, въ богатомъ халатѣ, сидитъ на полу, на подушкѣ, у ногъ довольно хорошенькой дѣвушки, которой не болѣе 20 лѣтъ. Это Фанни Леду, фигурантка одного изъ бульварныхъ театровъ. Она смугла, жива и весела).

Фанни *(игралъ свѣтлорусыми волосами Эпаминонда, говоритъ, послѣ минутнаго молчанія).* Ахъ Боже мой, Боже мой! какъ смѣюсь я иногда, подумавъ, что ты судья!

Эпам. Что такое?

Фанни. И когда ты, надѣвши свою четвероугольную шапку и черную мантию, грубымъ голосомъ начинаешь проповѣдывать нравственность...

Эпам. Во первыхъ, моя милая, я никогда не говорю грубымъ голосомъ, а во вторыхъ, чтожъ удивительнаго, если я проповѣдую нравственность?

Фанни. Конечно, ничего, но мнѣ это кажется смѣшно.

Эпам. *(съ нѣкоторою досадою).* А я таки не вижу тутъ ничего смѣшнаго.

Фанни. Какъ же не смѣшно, что такой проказникъ, такой милашка, какъ ты, который пересраживаетъ Арналя такъ, что надобно лопнуть отъ смѣха, долженъ каждое утро принимать на себя

степенный, важный видъ, для того, чтобы читать другимъ мораль, и упрекать ихъ въ фарсахъ и шалостяхъ, которыя онъ самъ дѣлалъ сто разъ съ этимъ злодѣемъ Симоно, когда былъ еще студентомъ правъ!

Э п а м. (*стараясь скрыть свою досаду*). Я долженъ замѣтить тебѣ, моя милая, что если я и дѣлалъ то, что ты называешь *фарсали*, такъ это случилось только въ частной моей жизни; чтожъ касается до моихъ публичныхъ обязанностей, узнай развѣ навсегда, что я проповѣдую нравственность не отъ моего имени, а отъ имени общества, а въ этомъ большая разница: я, какъ представитель, какъ органъ общества, призываю его именемъ строгость законовъ на тѣхъ, которые нарушаютъ его спокойствіе.

Ф а н н и. Чтожъ, все это можетъ быть и такъ... ты не можешь однако жъ помѣшать, чтобы это не казалось мнѣ смѣшнымъ!

Э п а м. (*встаетъ, въ иель прилѣтна сильная досада*). Да это такъ!... Человѣкъ всегда человѣкъ, и неужели сдѣлаться ему траппистомъ, отъ того, что онъ судья?

Ф а н н и. Траппистъ!... О! какъ бы я хотѣла посмотреть на тебя, если бъ ты былъ траппистомъ. Бѣдненькой! говорить, что трапписты питаются только одною морковью, и повторяютъ безпрестанно: *Гроть! Гроть!*... Ахъ! Боже мой! какъ это должно быть скучно...

Э п а м. (*съ презрѣніемъ*). Слова твои такъ глупы, такъ глупы, что мнѣ—право, жаль тебя.

Ф а н н и. Чтожъ дѣлать? Я не хвалюсь умомъ, и повторяю то, что мнѣ говорили. Можетъ быть, все это выдумалъ какой нибудь ненавистникъ моркови... Не правда ли?

Э п а м. (*пожимая плечами*). Не знаю, но вотъ уже десять часовъ и мнѣ пора въ палату. Надѣнь свой салопъ, опусти хорошенько вуаль, и пробѣги скорѣе мимо привратника.

Ф а н н и. Ты уже отсылаешь меня? Впрочемъ, ты правъ—часъ твой пробилъ!... (*Цѣлуетъ его насильно*). Ну, ну, милашка, ступай судействовать; надѣнь опять свою четверугольную шапку и свое черное платье. Ахъ! Боже мой, какъ смѣялись мы съ этимъ злодѣемъ Симоно, когда увидѣли тебя въ первый разъ разряженнымъ такимъ образомъ! Шалунъ Симоно дѣлалъ тебѣ гримасы, чтобы разсмѣшить тебя, но ты, гордый, какъ Обранъ, глядѣлъ въ потолокъ, и я думаю, что только это и спасло тебя—ты бы не выдержалъ... Ахъ! Боже мой! какъ-же ты былъ тогда смѣшонъ!

Э п а м. (*съ гнѣвомъ*). Я былъ смѣшонъ!... Смѣшонъ!... У тебя нѣтъ другаго слова.

Ф а н н и. Ну! полно, не хочешь ли ты сердиться?

Э п а м. Нѣтъ, я не сержусь, но что тебѣ за радость говорить объ этомъ безпрестанно, и напоминать мнѣ, что я судья... что у меня черная мантия... Я знаю это и безъ тебя, и для чего безпрестанно повторять одно и тоже?... вѣдь это можетъ наконецъ надоѣсть... Къ тому же, есть и приличія, которыя должно уважать...

Ф а н н и. Ахъ! Боже мой! приличія?... Не хочешь ли ты и мнѣ проповѣдовать нравственность?

Э п а м. Нѣтъ, но я скажу тебѣ однажды на всегда, что если я могъ забытья до того, чтобы познакомиться съ тобою, и продолжать эту связь, то, кажется, собственная твоя выгода заставляетъ тебя стараться не быть мнѣ несносною, потому что....

Ф а н н и. Ну, что же?

Э п а м. Потому, что въ противномъ случаѣ я попрошу тебя—никогда уже ко мнѣ не являться.

Ф а н н и. А, ты хочешь мнѣ *сдѣлать сцену!*... Прекрасно!... То-то мы посмѣемся... Ты будешь чудесенъ, и напомнишь мнѣ Арналя въ *Сварливцы*... Ну, начинай же... Я слушаю (*садится*). Вотъ я на мѣсть...

Э п а м. Я вовсе не расположенъ смѣяться, и попрошу тебя не быть такой скорой на сравненія; но ты хотѣла меня слушать, такъ слушай же: если молодой человекъ подверженъ какимъ нибудь слабостямъ, то долженъ, по крайней мѣрѣ, имѣть столько смѣтливости, чтобы выбирать предметъ ихъ въ такомъ кругу, отъ котораго бы онъ не могъ краснѣть.

Ф а н н и. Да, не въ кругу танцовщицъ бульварныхъ? Не правда ли? Это будетъ гораздо нравственнѣе...

Э п а м. Ты дура!

Ф а н н и. А ты дуракъ! — Впрочемъ, я хотѣла бы знать, въ чемъ можешь ты упрекнуть меня? Правда, я только фигурантка театра *Variétés*, но небольшое мое жалованье для меня достаточно, потому что тѣмъ, что ты даешь мнѣ, нельзя было бы накормить даже злблика — не считя этого за упрекъ — нѣтъ — я люблю тебя не для денегъ, а для тебя самого. Но развѣ это даетъ тебѣ право обращаться со мною такимъ образомъ? ... Къ тому же, ты никогда не ходишь гулять со мною... Съ тѣхъ поръ, какъ мы знакомы, ты еще ни разу не сродилъ меня въ театръ, а вмѣсто всякаго развлечения посылаешь меня только въ палату, гдѣ я должна слушать твои проповѣди и сентенціи... Какъ это весело! Въ первый разъ я смѣялась, потому что это показалось мнѣ довольно смѣшнымъ, но потомъ

увидѣла я, что все это слишкомъ глупо — увѣрю тебя...

Э п а м. (*съ угрюмыми видоли*). Конечно, такаа тварь какъ ты, можетъ ли понимать...

Ф а н н и (*даетъ ему пощечину*). Тварь? Вотъ тебѣ за это!...

Э п а м. (*въ бѣшенствѣ*). Если бъ я только захотѣлъ...

Ф а н н и. Да, тебѣ не достаетъ только одного: прибить меня! Чудовище!... ты никогда болѣе меня не увидишь!

Э п а м. Убирайся въ адъ, и оставайся тамъ навсегда!

Ф а н н и (*съ важностью*). Мы болѣе никогда не увидимся, но я отпущу за себя. Ты злодѣй и кончишь дурно! (*Уходитъ*).

Э п а м. (*одинок*). Она дала мнѣ пощечину! Но все равно, никто этого не видалъ, и я, слава Богу, отдѣлался отъ нее! Какъ мучился я съ нею цѣлые два мѣсяца!... И какъ могъ я переносить все это такъ долго...

(*Симоно входитъ. Ему 25 лѣтъ. Половина лица его закрыта усали и густою бородою. У него въ зубахъ сигара. Шляпа надѣта на бокъ, а руки засунуты въ карманы. Дверь осталась отворенной. Эпалинондъ задумался. Симоно входитъ на цыпочкахъ, подкрадывается къ своему другу, и будучи или невидимъ, наклоняется къ его уху и громко кричитъ. Эпалинондъ вскакиваетъ въ испугѣ*).

С и м. (*густыми басоли*). Здравствуйте, Г. судья!

Э п а м. (*оправясь отъ испуга*). Нѣчего сказать, ты славно испугалъ меня.

С и м. Мнѣ кажется, ты что-то не въ духѣ...

Я встрѣтилъ сію минуту Фанни: она бѣжала отъ тебя, какъ будто бѣсъ гнался за нею по пятамъ — я не могъ сказать ей даже слова — что случилось? Семейная ссора?...

Э п а м. Я выгналъ ее и въ восхищеніи, что могъ отдѣлаться отъ нее. Вотъ и все.

С и м. Чтожъ, вѣдъ ты поступилъ дурно. Фанни добрая дѣвушка; она вѣчно была весела, и что всего лучше, не стоила тебѣ ни одного сантимата; право, не легко найти тебѣ другую такую....

Э п а м. Полно, другъ мой.... очень легко.... чрезвычайно легко найти гораздо лучше....

С и м. Не хочешь ли ты ужъ подняться повыше? Берегись, мой милый! шутки плохія!

Э п а м. Выслушай меня. Сказать между нами, такая женщина, какъ Фанни, не могла ни въ какомъ отношеніи быть меня достойна, но все это было бы еще ничего.... Главная же причина, почему я хотѣлъ разстаться съ нею, состоитъ въ томъ, что я влюбленъ.... влюбленъ до безумія... Тебѣ, другу моего дѣтства, могу я сказать все. Да, я влюбленъ въ Г-жу Грассетъ.

С и м. Г-жа Грассетъ? Жена прокурорскаго помощника? Та жирная блондинка, съ рыбьими глазами.

Э п а м. (обиженный) Жирная блондинка!.... рыбьи глаза! — Ты бы не отказался, если бы такіе глаза посматривали на тебя.... а что главное, она тетка моего президента — это не бездѣлица!

С и м. Точно не бездѣлица!... Ну, Г. судья, слава и честь вашей храбрости! Что такое храбрость воина противъ этой?... вздоръ....

Э п а м. (пожимая плечами.) Съ тобой нѣтъ возможности поговорить ни о чемъ серьезно..

С и м. Хорошо — я скажу тебѣ серьезно — что

эта женщина годится быть, въ одно и тоже время, и твоею матерью и твоею любовницею. Это хорошо, но случается весьма рѣдко.

Э п а м. Правда, что она не совѣтъ же молода, но лѣта ея и даютъ ей именно ту силу, и то вліяніе, которые она имѣетъ надъ своимъ племянникомъ. А чтобы добиться почестей, чтобы выйти въ люди, необходима помощь женщины... Только однѣ женщины могутъ въ этомъ случаѣ сдѣлать все... и следовательно, женщина, которая покровительствуетъ намъ... всегда молода и прекрасна!...

С и м. А! теперь я понимаю!... О! да какой-же ты хитрецъ... какъ все это славно разсчитано... Тетка министра!... Ну, а какъ идутъ ваши дѣла?...

Э п а м. Какъ нельзя лучше!... Когда я бываю у нея, она безпрестанно говорить своему мужу «Боже мой, Боже мой, какъ»... (Входитъ пріятель.)

П р и в р. Какой-то сердитый, господинъ, пріѣхавшій въ кабриолетъ, спрашиваетъ, можетъ ли онъ васъ видѣть... вотъ его карточка.

С и м. (беретъ карточку) Графъ де Бленакъ — написано карандашемъ «по дѣлу Сенъ-Пьерра» Что это за дѣло?

Э п а м. (съ досадой.) Опять это дѣло!.... Нѣтъ ни минуты покою! Это несносно! (приратнику.) Сказалъ ли ты ему, что я дома?

П р и в р. Сказалъ.

Э п а м. Ты вѣчно дѣлаешь глупости. Ну, нѣчего дѣлать — проси этого господина въ мой кабинетъ! (Приратникъ уходитъ.)

С и м. Не хочешь ли ты, чтобы я принялъ его вмѣсто тебя?... То-то было-бы забавно.

Э п а м. Какалъ досада! Мнѣ такъ много надобно говорить съ тобою!... Я хотѣлъ просить тебя от-

правиться съ г. Грассетомъ, въ это воскресенье, въ Монморанси, и чтобы не возбудить подозрѣнїя, я ска- залъ бы, что поѣду съ вами, тогда какъ напро- тивъ.... ты понимаешь....

С и м. Прощу покорно!.. Какой-же онъ Донъ-Жуанъ!

Э п а м. Не правда ли, что эта выдумка не дурна? О, если бы только не проклятое судейское платье.... Но, надобно сказать правду... въ будущемъ у меня много....

С и м. Да, у тебя такое будущее, что чудо. А все скажи спасибо твоему отцу, который теперь не на- радуется, видя твои успѣхи. Съ помощью г-жи Грас- сетъ, ты можешь сдѣлаться совѣтникомъ, а это, обратъ, мѣстечко тепленькое... Но возвратимся къ твоимъ приказамъ. Рѣшено—я беру мужа въ Монморанси; онъ любить покутить и не прочь отъ женщинъ, и такъ я улажу все; во-первыхъ, начну съ того, что навлеку ему на шею Жюстину—ты знаешь ее... эту Данаиду театра *Porte St Martin*—она по плечу Грассету; я по- сажу ихъ на двухъ ословъ, пушу въ галопъ, и руча- юсь тебѣ, что они возвратятся въ Парижъ не прежде полуночи... Ахъ! а тотъ господинъ, который дож- дается тебя...

Э п а м. Время мнѣ думать теперь о немъ!.. Пусть подождетъ.

С и м. И то правда — пусть подождетъ! Ну! го- вори же, какъ идти дѣла твои съ красавицею...

Э п а м. Я сказалъ уже, что при мужѣ своемъ... (*приратникъ входитъ*). Ну, что тебѣ?.. Зачѣмъ ты опять здѣсь? Это ужасъ! Ни минуты покоя!

П р и в р. Да, все тотъ господинъ. Онъ опять со- шелъ ко мнѣ внизъ, и спрашивалъ: точно ли я увѣренъ, что вы дома? Онъ отдалъ мнѣ еще одну карточку, чтобы показать ее вамъ.

Э п а м. Что жъ онъ такъ нетерпѣливъ! Не ду-

маетъ ли, что я долженъ бѣжать къ нему сломя го- лову? (*приратнику*). А всему виновать ты... не могъ сказать, что меня нѣтъ дома! Ну, нечего дѣ- лать, поди скажи ему, что я сію минуту приду. Ахъ! какая скука!.. Послушай Симоно — будь се- годня въ ротондѣ Пале-Рояля; мы поговоримъ обо всемъ — и пусть все эти судейскія дѣла...

С и м. Ну! полно, полно! успокойся, служительъ Оемиды! И такъ до вечера — въ ротондѣ!
(*Уходитъ*).

Э п а м. Да, теперь къ Графу. Прислать двѣ кар- точки, такъ скоро одну за другою, не совсѣмъ вѣжли- во... и я порядкомъ его отдѣлаю... къ тому жъ я такъ сердитъ... Мнѣ надобно было такъ много переска- зать Симоно... Въть охота же имѣть такую страсть мучить людей!... Однако жъ одѣнусь—я не хочу принять его въ халатъ... Надѣнемъ черное платье и придадимъ лицу важность...
(*Одѣвается*).

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Кабинетъ Эпалмонда. На письменномъ бюро видны три алебастровые бюста, изъ которыхъ одинъ изображаетъ Короля, а другіе два Матвѣя Моле и де м'Опиталля. По стѣнамъ висятъ картинки, изо- бражающія Сократа, отказывающагося отъ подар- ковъ Артаксеркса, и проч. Графъ де Бленакъ, въ нетерпѣнїи, ходитъ изъ угла въ уголъ. Ему 50 лѣтъ; онъ отставной кавалерійскій полковникъ. Видъ его суровъ, мужественъ, словомъ онъ настоящій старій солдатъ ерелень Иллиерїи*).

Г р а ф ъ. Что жъ это значитъ? за кого же при- маетъ меня этотъ господчикъ? Вотъ уже я послалъ къ нему вторую карточку, и признаюсь это на- чинаетъ бѣсить меня.... Развѣ въ мои лѣта можно

заставлять меня дожидаться такъ долго... Ахъ! если бы не мой бѣдный Эдуардъ... Но я, можетъ быть, не правъ... Вѣдь не я одинъ проситель на свѣтъ... и господинъ прокуроръ вѣроятно занятъ ихъ дѣлами...

(Эпалимондъ входитъ, одѣтый въ черное платье; видъ его важенъ и озабоченъ; онъ дѣлаетъ знакъ Графу състь.)

Графъ. Я имѣю честь говорить съ Г. де Клервилемъ, Королевскимъ Прокуроромъ?

Эпал. Точно такъ, сударь!

Графъ. *(подавая ему письмо)* Вотъ письмо друга моего де Пертюн, который былъ такъ добръ, что согласился рекомендовать меня вамъ, и принимаетъ живѣйшее участіе въ моемъ молодомъ, несчастномъ питомцѣ, Эдуардѣ де Сень-Пьеррѣ.

(Эпалимондъ кланяется, беретъ письмо, и читая его, бросаетъ по временамъ взгляды на Графа, который въ свою очередь также его разсматриваетъ.)

Эпал. *(Въ сторону.)* Эта грубая фигура мнѣ вовсе не нравится.

Графъ. *(Въ сторону.)* У него такой лукавый взглядъ, какъ у лисицы.

Эпал. *(Прочитавъ письмо.)* Во всякомъ другомъ случаѣ, я былъ-бы совершенно счастливъ, если бы могъ угодить Г-ну Вертюн, но вы знаете, сударь, что судопроизводство должно имѣть свой ходъ. Дѣло подсудимаго Эдуарда де Сень-Пьерра важно, очень важно... Несчастная женщина, съ которою такъ жестоко поступилъ подсудимый, едва не умерла...

Графъ. *(Въ сторону)* Слышать это о моемъ Эдуардѣ, и не имѣть возможности отвѣчать!

Эпал. Однимъ словомъ, несчастная едва только что выздоровѣла.

Графъ. А! этого очень жаль!... она такая мерзавка!...

Эпал. *(Съ важностью)* Государь мой!

Графъ. Простите моей досадѣ—я старый солдатъ, и одно воспоминаніе объ этой женщинѣ выводитъ меня изъ себя. Бѣдный Эдуардъ де Сень-Пьерръ сынъ одного изъ моихъ старыхъ сослуживцевъ, который умеръ на моихъ рукахъ. Я его ошкунъ Г. Прокуроръ, и хотя онъ заключенъ теперь, какъ преступникъ, но не смотря на это, я буду всегда и вездѣ кричать, что онъ честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ.

Эпал. Судь рѣшить все. *(Въ сторону.)* Этотъ человекъ мнѣ рѣшительно не нравится, и кажется, въ его лѣта можно было бы знать, что воркуны вышли уже изъ моды.

Графъ. Да, что тутъ рѣшать—посудите сами, Г. Прокуроръ! Въ 18 лѣтъ Эдуардъ оставляетъ военную школу, имѣя добрыхъ 40 т. франковъ годового дохода; служба кажется ему слишкомъ трудною. и потому, прослуживъ два года въ одномъ кавалерійскомъ полку, онъ подаетъ въ отставку, и живетъ себѣ на свободѣ, какъ ему вздумается. — Будучи молодъ и хорошея собою, онъ, какъ и всѣ молодые люди, начинаетъ волочиться, то за одною женщиною, то за другою, и оканчиваетъ тѣмъ, что влюбляется въ какую-то актрису какого-то театра. Сень-Пьерръ добръ и щедръ; онъ содержитъ свою красавицу очень прилично, и истрачиваетъ тысячи дѣв, или три луидоровъ; но по прошествіи года, видя, что отъ этой связи не остается ничего, ни для сердца, ни для ума, онъ объявляетъ ей, чтобы нога ея никогда уже не была въ его домѣ.

Эпал. Онъ долженъ былъ сдѣлать это гораздо ранѣе. Подобныя связи, постыдныя и преступ-

ныя, строго отвергаются общественною нравственностію.

Графъ. (*Взглянувъ на Эпалинонда*) Что это?... перестаньте!

Эпалм. (*Съ важностію*) Какъ перестаньте?

Графъ. Разумѣется. Вы согласитесь, конечно, между нами только, что молодой человѣкъ, имѣющій лишнія деньги....

Эпалм. Я повторяю вамъ, сударь, что общественная нравственность оскорбляется подобными связями.

Графъ. Да, что же хотите вы чтобъ онъ дѣлалъ?

Эпалм. (*Обиженный.*) Государь мой! всѣ эти разсужденія кажутся мнѣ совершенно излишними, Я опять повторяю вамъ, что общественная нравственность отвергаетъ подобныя связи, и если общество, по несчастію, принуждено переносить ихъ, то оно по крайней мѣрѣ никогда не должно извинять ихъ.

Графъ. Позвольте поговорить съ вами откровенно. Я очень хорошо понимаю, что судья, человѣкъ, обремененный, какъ вы, напримѣръ, какимъ нибудь публичнымъ званіемъ, можетъ имѣть такую строгость правовъ; оно такъ и быть должно;—въ этомъ состоитъ ваша честь, какъ наша въ томъ, чтобы безстрашно подставлять лобъ подъ пулю. Но человѣкъ молодой, богатый, независимый... Это другое дѣло, и я васъ спрашиваю, кому какала надобность, что онъ....

Эпалм. (*Прерывалъ его*) Мнѣніе мое по этому предмету твердо, и вы не успѣете измѣнить его...

Графъ. Ну, какъ вамъ угодно, Г. Прокуроръ! Возвратимся же къ несчастному моему питомцу. Едва только Эдуардъ успѣлъ показать двери своей любви, какъ эта проклятая, изъ корыстолюбія, или

можетъ быть, даже, изъ любви, стала всюду преслѣдовать бѣднаго молодого человѣка, дѣлала ему на улицахъ и на гуляньяхъ самыя ужасныя сцены, такъ, что онъ былъ принужденъ обратиться къ помощи полиціи, и наконецъ, чтобы кончить все, рѣшился уѣхать въ Италію, гдѣ и пробылъ два года. Возвратясь во Францію, и желая устроить свою будущность, сталъ онъ свататься на одной изъ своихъ кузинъ дѣвицъ де Вернонь, прекрасной и доброй, которая теперь въ самомъ жалкомъ состояніи. Наконецъ все уладилось, все устроилось по желаніямъ Эдуарда, какъ вдругъ, въ одинъ день, за мѣсяць до свадьбы, когда Сень-Пьерръ гулялъ на бульварѣ вмѣстѣ съ своею невѣстою и съ матерью, попадаетъ ему прежня его любовница; она подходитъ къ нему, начинаетъ ругать, и принимая, вѣроятно, его невѣсту за свою соперницу оскорбляетъ, ее самымъ подлымъ образомъ и осмѣливается.... Питомецъ мой также горячъ какъ и я, Г. Прокуроръ; онъ схватываетъ свою трость....

Эпалм. И несчастная, обогрелая кровью, падаетъ подъ его ударами; рана, ей нанесенная, въпродолженіе трехъ мѣсяцевъ, не позволяетъ ей встать съ постели, и она едва не дѣлается жертвою жестокаго постука Г. де С.-Пьерра.

Графъ. Да, чортъ возьми! Большое было-бы несчастіе, если бы она околѣла.

Эпалм. По крайней мѣрѣ, большое счастье для Г. С.-Пьерра, что она осталась жива; онъ и безъ того слишкомъ виновень, но....

Графъ. (*Прерывалъ его съ живостію*) Виновень!... Какъ? Эта женщина осмѣливается оскорбить на улицѣ молодую, благородную дѣвушку, которая идетъ рядомъ со мною, и которая должна быть моею

женою, а я долженъ молчать и мнѣ будетъ не позволено . . . Нѣтъ! это ужъ изъ рукъ вонь! . . .

Э п а м. Государь мой! . . . Законъ отмстилъ бы за Г. С.-Пьерра; онъ долженъ бы прибѣгнуть къ его помощи и дожидаться, вмѣсто того, чтобы управлять такъ жестоко самому.

Г р а ф ъ. Какъ? Дождаться, когда кровь кипитъ въ жилахъ, когда обида жжетъ сердце . . . Дождаться! Хотѣлъ бы я, чтобы вы были на его мѣстѣ.

Э п а м. Государь мой! дружба ваша къ Г. де С. Пьерру увлекаетъ васъ слишкомъ далеко — вспомните, съ кѣмъ вы говорите.

Г р а ф ъ. Вы правы, Г. Прокуроръ, простите меня, но я хлопочу о дѣлѣ моего питомца, моего сына, и къ тому же знаю, что говорю съ человѣкомъ благороднымъ, и молодымъ, какъ мой Эдуардъ. — Если важность вашего званія предохраняетъ васъ отъ подобныхъ слабостей, вы можете, по крайней мѣрѣ, жалѣть объ нихъ, и понимать, какъ сильно должно быть чувство негодованія, возбуждаемое такимъ оскорбленіемъ. Къ вашему суду обращаюсь я, и спрашиваю: что бы вы сдѣлали, если бѣ были на мѣстѣ Эдуарда, если бѣ какая нибудь подлая, презрѣнная женщина, въ вашемъ присутствіи, оскорбила вашу невесту? Неужели могли бы вы дожидаться дѣйствія суда, и не растоптали бы ногами несчастную? . . .

Э п а м. Какъ представитель общественной нравственности, я не обязанъ никому отчетомъ въ личныя моихъ чувствахъ. Что же касается до моего званія, оно обязываетъ меня преслѣдовать преступленіе, тамъ, гдѣ оно было сдѣлано.

Г р а ф ъ. Но что бы вы сдѣлали на мѣстѣ Эдуарда?

Э п а м. (съ нетерпѣливостью) Еще разъ повторяю вамъ, государь мой, что здѣсь рѣчь не обо мнѣ. Въ

судѣ два человѣка — человѣкъ частный и человѣкъ общественный; первый можетъ извинять, даже прощать запальчивость, а второй долженъ ее наказывать.

Г р а ф ъ. Слѣдовательно, у человѣка могутъ быть двѣ совѣсти, частная и общественная? . . . Это все равно, если бы вы мнѣ сказали, что солдатъ долженъ быть храбрецомъ только въ мундирѣ, а въ платьѣ обыкновеннаго гражданина ему позволено быть трусомъ!

Э п а м. (несколько обиженный.) Я не стану вдаваться въ разсужденія, и скажу только, что судъ долженъ имѣть свое дѣйствіе.

Г р а ф ъ. Но, Г. Прокуроръ. . .

Э п а м. (встаетъ.) Извините меня — мнѣ время ѣхать въ судъ. Что же касается до дѣла подсудимаго С. Пьерра, я скажу вамъ прямо, что не могу ничего для него сдѣлать. . . Да, сударь, жалѣя о нашемъ питомцѣ, я не могу однако же не сказать, что если бы онъ не покровительствовалъ пороку, если бы не былъ прежде такъ щедръ и великодушенъ къ развратной женщинѣ, то съ нимъ не случилось бы подобнаго несчастія. Вмѣсто того, чтобы расточать такъ постыдно свое богатство, онъ сдѣлалъ бы лучше, если бы оказывалъ помощь несчастнымъ. Но онъ унижилъ и ожесточилъ свое сердце въ обществѣ этихъ презрѣнныхъ тварей, которыя, гордясь своимъ распутствомъ, не знаютъ стыда и возмущаютъ. . .

(За дверью кабинета слышны голоса. Приратникъ кричитъ: «Г-на Прокурора нѣтъ дома.» — Женскій голосъ отвѣчаетъ: «Неправда, я знаю, что онъ дома.»)

Э п а м. (остановясь въ срединѣ своей проповѣди.) Что это такое?

Г р а ф ъ. Кажется, тамъ спорять!

ЯВЛЕНИЕ III.

Тяже, Фанни Лелу и приerratнику. (При видѣ Фанни, лице Эпалимонда покрывается краскою стыда и негодованія.)

ФАННИ. (къ приerratнику, показывая на Эпалимонда.) Видишь ли... Старый осель! онъ дома! Ты дома, мой милашка?

ГРАФЪ. (въ сторону) А! это что-то новое!

ЭПАМ. (старался скрыть свое смущеніе, дѣлаетъ знаки Фанни и обращается къ ней съ важностью.) Что вамъ угодно, сударыня, вы вѣрно оциблесь?

ПРИВРАТ. Ну, такъ и есть — я былъ въ этомъ увѣренъ. Какъ ни твердилъ я этой дамѣ, что васъ нѣтъ дома, она не хотѣла ничего слышать, увѣряя, что сію минуту вышла отъ васъ, и потому знаетъ, что вы у себя.

ЭПАМ. (въ бѣшенствѣ) Пошелъ вонъ!

(Приerratникъ уходитъ.)

ФАННИ. Ну, мой милашка, мой дорогой... Я была виновата; я дала тебѣ пощечину, и прихожу просить прощенія, не откажи въ немъ твоей Нинь! Поцѣлуемся и чтобы все было забыто.

ЭПАМ. (отталкивалъ ее и обращался къ Графу де Бленаку.) Я не понимаю, что все это значить. (дѣлаетъ Фанни знаки.) Она вѣрно ошиблась...

ФАННИ (съ удивленіемъ смотритъ на Эпалимонда). Что это съ тобою, душечка? Зачѣмъ ты мигаешь мнѣ своими прекрасными глазками?... (показывая на Графа де Бленака). Что жъ за бѣда! Мы не дѣлаемъ ничего дурнаго... Вѣдь ты не женатъ, и я не замужемъ... Не правда ли, сударь?

ГРАФЪ (не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, взгляды-ваетъ только презрительно на Эпалимонда).

ЭПАМ. (беретъ шляпу.) Извините меня, сударь... Но, мнѣ пора въ судъ...

ФАННИ (становится передъ дверью.) Нѣтъ, нѣтъ! мы пойдѣмъ судейничать не прежде, какъ помиримся.... Слышишь ли, милашка, не прежде...

(Она беретъ за его платье и закрываетъ дверь.)

ЭПАМ. (въ бѣшенствѣ.) Повторю вамъ еще разъ, сударыня — я не знаю васъ; оставьте сію минуту домъ мой, или я прибѣгу къ помощи полиціи...

ФАННИ. Полиціи!... Посмотрю я на твою полицію! Какое ей дѣло, что ты мой милый? Правда, я была виновата, что поподчивала тебя пощечиною, но я раскаиваюсь и возвращаюсь къ тебѣ; не отвергай той, которая тебя обожаетъ.

ГРАФЪ (тихо Эпалимонду.) Какъ вы думаете, можно ли извинить бѣднаго Сень-Пиерра?

ЭПАМ. Я не понимаю, что вы хотите сказать, я не знаю этой женщины — она сумасшедшая.

ФАННИ. А! ты не знаешь меня, чудовище! Ты презираешь меня при другихъ! Я сумасшедшая?... да, къ несчастію, я точно схожу съ ума по тебѣ!... Хорошо же! (обращаясь къ Графу де Бленаку) Вы все узнаете... Вообразите себѣ, сударь, что я все для него покинула... не корыстолюбіе заставляло меня любить его... нѣтъ, онъ самъ можетъ сказать вамъ, попользовалась ли я чѣмъ нибудь отъ него съ тѣхъ поръ, какъ мы знакомы... да, впрочемъ я и не хотѣла ничего, это такъ натурально — онъ мой милашка, мой...

ЭПАМ. (Хочетъ идти, но Фанни держится за дверь.) Вонъ отсюда, презрѣнная тварь, вонъ!... Государь мой... эта постыдная сцена... я самъ не знаю, что это значить... я такъ смущенъ... простите меня...

ГРАФЪ. Я очень хорошо постигаю ваше смуще-

нѣ, и столько благороденъ, что не могу имъ воспользоваться...

Ф л а н н и. Я презрѣнная тварь? Чудовище! такъ-то принимаешь ты меня, когда я прихожу сознаться въ своей винѣ.

Э п а м. (*въ бѣшенствѣ*). Сію минуту оставь эту дверь и выпусти меня...

Ф л а н н и. Нѣтъ, нѣтъ! обьщай прежде помириться со мною....

Э п а м. (*хватаетъ ее за руку*). Убирайся же отсюда, проклятая!

Ф л а н н и. Помогите! Помогите!

Г р а ф ѣ. (*къ Эпалинонду*). Вспомните, сударь — она женщина.

Ф л а н. Я послѣдую за тобою всюду, даже въ палату.

Э п а м. (*въ бѣшенствѣ, такъ сильно толкаетъ ее, что она падаетъ на полъ*). Убирайся прочь, проклятая тварь!

Г р а ф ѣ. Признайтесь же, что Г. де Сень-Пиерръ не такъ виноватъ?

Э п а м. (*возвращаясь*). Государь мой! вы были свидетелемъ этой, по несчастью, весьма неприличной сцены изъ частной моей жизни, но — человекъ общественный не имѣетъ ничего общаго съ человекомъ частнымъ.

(*Уходитъ*).

Г р а ф ѣ. А, если такъ, то мы увидимъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

(*Зала въ судейской палатѣ. Графъ де Бленакъ, въ сильномъ волненіи, ходитъ изъ угла въ уголъ, съ однимъ адвокатомъ.*)

Адвокатъ. Да, Графъ, дѣйствуя такимъ образомъ, вы не спасете своего питомца, а рискуете

только сами подвергнуться двухъ, или трехъ - мѣсячному заключенію.

Г р а ф ѣ. Какъ? Мой бѣдный Эдуардъ преданъ суду, и будетъ, можетъ быть, обвиненъ по доносу человека, который самъ поступаетъ не лучше его?

Адвокатъ. Но вы знаете, что жизнь частная не можетъ и не должна быть доступна постороннему взору.... Судья заключаетъ въ себя двухъ человекъ: человека частнаго и человека общественнаго; вы никакъ не хотите этого понять.

Г р а ф ѣ. Да, я не понимаю, какъ можетъ человекъ имѣть довольно безстыдства — обвинять другаго въ такой винѣ, какой онъ самъ бываетъ причастенъ.

Адвокатъ. Но съ такимъ образомъ мыслей всякое судопроизводство сдѣлалось бы невозможнымъ.

Г р а ф ѣ. Выслушайте меня... Сію минуту будутъ обсуживать дѣло Сень-Пиерра — не такъ ли?

Адвокатъ. Да.

Г р а ф ѣ. Хорошо — я войду прямо въ палату, и скажу все что видѣлъ.

Адвокатъ. А что вы видѣли?...

Г р а ф ѣ. Я видѣлъ женщину, которая была его любовницей, и которую онъ толкнулъ такъ сильно, что она упала и больно ушиблась.

Адвокатъ. Но принесла ли женщина эта на него жалобу?

Г р а ф ѣ. Не знаю.

Адвокатъ. Если она не жаловалась, то что можете вы сказать?

Г р а ф ѣ. Я скажу, что мой бѣдный Эдуардъ могъ изъ благородной запальчивости сдѣлать то, что судья сдѣлалъ изъ злобы, и такъ, если судъ извинитъ поведеніе судьи, то долженъ будетъ оправдать и Эдуарда, а я только этого и хочу.

Адвок. У васъ странный образъ мыслей! Положимъ, что Гнѣ де Клервилъ дѣйствительно виноватъ, но это не сдѣлаетъ друга вашего невиннымъ. Отъ этого можетъ случиться только то, что вмѣсто одного будетъ двое виновныхъ, и то въ такомъ только случаѣ, если захотятъ васъ выслушать Но вамъ не позволять говорить.

Графъ. Какъ не позволять?

Адвок. По какому праву будете вы говорить?

Графъ. По какому праву?

Адвок. Да.

Графъ. По праву защитника, друга Эдуардова.

Адвок. Хорошо — положимъ такъ, но при первомъ словѣ, которое вы скажете о частной жизни Г. де Клервиля, вамъ зажмутъ ротъ.

Графъ. Мнѣ зажмутъ ротъ? Увидимъ, увидимъ!

Адвок. А если вы будете упорствовать, васъ выведутъ изъ суда, и приговорятъ къ заключенію въ тюрьмѣ на нѣсколько мѣсяцовъ

Графъ. Но это ужасно, это подло! Что жъ значить послѣ того правосудіе?

Адвок. Что жъ дѣлать! Оно не можетъ быть иначе: судья вѣдь также человекъ!

Графъ. Но, въ этомъ званіи не долженъ ли онъ быть безпороченъ, а не то зачѣмъ же соваться въ судьбу?

Незнакомецъ. (Обращаясь къ Графу де Бленаку.) Что жъ вы здѣсь медите? Дѣло друга вашего началось Спѣшите

Адвок. Смотрите, Графъ, не забудьте моихъ совѣтовъ

Графъ. Для того, чтобы не слѣдовать имъ.

Адвок. Въ такомъ случаѣ, дѣлайте что вамъ угодно

ЯВЛЕНИЕ V.

(Внутренность судейской палаты. — Эпаминондъ исполняетъ должность обвинителя. — Эдуардъ де Сень-Пьерръ на скамьяхъ подсудимыхъ. Эпаминондъ читаетъ длинный доносъ на С.-Пьерра, и оканчиваетъ тѣмъ, что именемъ оскорбленной правственности и общества требуетъ лиценіа за жестокость, покушенія на убійство, и прог. и прог. Послѣ него говоритъ адвокатъ дѣвицы Юліи Манже, и требуетъ въ пользу своей клиентки 200,000 франковъ проторей и убытковъ, основываясь на томъ, что она работою своего содержала все свое семейство, и пр. и пр. — Сильный выходка адвоката противъ богачей, которые, не признавая успеховъ вѣка, такъ безразсудны, что считаютъ позволительнымъ оскорблять несчастныхъ дѣвицъ, потому только, что онѣ бѣдны, и принадлежатъ къ низшему классу общества; упоминаетъ иронически о правахъ помещиковъ (droit du seigneur) и прилививъ ихъ къ жестокостямъ Тиверія въ Капретъ, адвокатъ громовымъ голосомъ восклицаетъ объ отжалній несчастной матери Юліи Манже, и призываетъ эту неутѣшную женщину. Она входитъ, но такъ какъ отвѣты ея не совѣтъ ясны — несчастная мать немого сына — то адвокатъ восклицаетъ, что разсудокъ ея пошатнулся отъ несчастія обожаемой дочери, и требуетъ еще 100,000 франковъ съ обвиняемаго, какъ выковника вѣсехъ этихъ несчастій. — Отвѣтъ адвоката Г. де С.-Пьерра. Онъ излагаетъ все существо дѣла. Президентъ спрашиваетъ подсудимаго, не имѣетъ ли сказать чего нибудь въ свое оправданіе. Въ эту минуту Графъ де Бленакъ встаетъ, не смотря на увѣщанія адвоката Г. де С.-Пьерра.

Графъ. Г. Президентъ!... я прошу слова.

Президентъ. Кто вы такой?....

Графъ. Графъ де Бленакъ, отставной полковникъ и опекунъ Г. де Сень-Пьерра.

Президентъ. Что жъ вамъ угодно, сударь!

Графъ. Во-первыхъ, я хочу предупредить этого негодяя (*показываетъ на адвоката Юлий Манже, и грозилъ ему пальцемъ*), который осмѣлился говорить въ такихъ дерзкихъ выраженіяхъ о моемъ другѣ, что онъ будетъ имѣть дѣло со мною, по выходѣ отсюда!....

(*Адвокатъ Юлий Манже записываетъ слова Графа.*)

През. Государь мой! вы забываете уваженіе, которымъ обязаны суду. Будьте осторожныѣ, или я запишу ваши слова.

Графъ. Хорошо (*обращаясь къ адвокату*). Я раздѣляюсь съ тобою послѣ, проклятый болтуны, и ты дешево отъ меня не отдѣлаешься... (*Адвокатъ оплотъ записываетъ*). Во вторыхъ, господа, (*показывая на Эпаллионда*) объявляю вамъ, что этотъ господинъ, обвиняющій другихъ, поступаетъ самъ гораздо хуже!

През. (*Строго*). Замолчите, сударь, и ступайте на свое мѣсто.

Графъ. Какъ!... мнѣ итти на свое мѣсто?

През. Да, сударь! Судъ, изъ уваженія къ участию, которое вы принимаете въ подсудимомъ, и къ тѣмъ заслугамъ, которыя вы, вѣроятно, оказали отечеству, оказываетъ вамъ снисхожденіе. Повторяю вамъ еще разъ, подите и сидѣте на свое мѣсто.

Графъ. Да что за вздоръ такой? За кого же меня принимаютъ.... Я не хочу сѣсть на свое мѣсто, не хочу! — Я повторю вамъ, что Г. де Клервиль, обвиняющій другихъ, виновенъ совершенно въ такомъ же проступкѣ какъ и мой питомецъ,

и если вы обвините моего Эдуарда, то должны обвинить и его.... Если же оставите вы его засѣдать рядомъ съ вами, то должны освободить отъ суда де Сень-Пьерра.... Надѣюсь, что это ясно, и вотъ все, чего я желаю.

Эпалм. (*Встаетъ съ гордою важностью*). Я требую, чтобы судъ записалъ слова этого клеветника. (*Президентъ дѣлаетъ головою утвердительный знакъ*.)

Графъ. А, ты осмѣлился!....

През. Замолчите, сударь. Вы не знаете, чему подвергаете себя. Прошу адвоката подсудимаго Сень-Пьерра для пользы своего кліента растолковать вамъ все это. Судъ оказываетъ вамъ необыкновенное снисхожденіе, не приказывая еще арестовать васъ, въ наказаніе за оскорбленіе, которое вы осмѣлились нанести одному изъ его членовъ.

Графъ. Здѣсь дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ. Я хочу знать, что такое вашъ судъ, и добросовѣстенъ ли онъ или нѣтъ.... Если добросовѣстенъ, то для чего тѣ, которые судятъ....

През. Стражи! выведите его вонъ!....

Графъ. Мы увидимъ, кто на это осмѣлится! Увидимъ!

Унтеръ-офицеръ. Г. Полковникъ.... маршъ отсюда.... да, безъ шума — это будетъ лучше.

Графъ. Но это подло, это ужасно!.... Я видѣлъ у этого негодяя женщину, и....

През. (*Накрываетъ голову*). Суду невозможно переносить такого соблазна! Засѣданіе кончено.

(*Стражи уводятъ Графа де Бленака. Между тѣмъ судъ совѣщается о служившемся происшествіи и приговариваетъ Г. де Бленака къ трехъ-мѣсячному, а Г. Сень-Пьерра къ годичному заключенію*.)

ХОРЪ, вмѣсто эпилога.

Правосудіе, святое, великое правосудіе! Дивный отблескъ Божества! и проч. и проч.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эпаминондъ и Симоно.

Эпаминонду 35 лѣтъ. — Изъ прокурора онъ сдѣлался судьей и видъ его еще горделивъе, прежнего. — Симоно мало перелѣзшился. — Дѣйствіе происходитъ въ спальнѣ Эпаминонда. — Въ глубинѣ алковъ; по сторонамъ стеклянныя двери, закрытыя занавѣсами.

Э п а м. (*въ размышленій*) Главное сдѣлано. Теперь боюсь я только одного . . . ея упрямой головы.

С и м. Послушай меня, другъ мой . . . Это продолжается уже пять лѣтъ . . . А въ ея годы нельзя безъ сожалѣній видѣть себя оставленную, потому, что въ ея годы преемники бывають рѣдки . . . а еще потому, что въ ея годы . . .

Э п а м. (*прерывая его*) Въ ея годы, въ ея годы! . . . Здѣсь рѣчь не о годахъ . . .

С и м. Напротивъ, они - то и играютъ здѣсь главную роль, потому, что еслибы эта бѣдная Г-жа Грасетъ не была такъ богата годами, то нашла бы утѣшителя, который скоро заставилъ бы ея позабыть тебя; но если на плечахъ добрыхъ 50 лѣтъ, то надобно искать утѣшителя, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 10, а тогда, клянусь честью, кажется, будетъ уже поздно . . .

Э п а м. (*прерывая его и пожимая плечами*) Если ты такъ даешь мнѣ совѣты, то я благодарю тебя покорно . . .

С и м. Ну, полно, поговоримъ о другомъ. Что можеть сдѣлать, или сказать эта бѣдная Г-жа Грасетъ? . . . Назвать тебя неблагодарнымъ . . . прекать тѣмъ, что ты сдѣланъ судьей только по ея милости, и по тому вліянію, которое она имѣетъ на своего племянника?

Э п а м. Вотъ что именно меня и затрудняетъ . . . Я не могу не сознаться, что она была мнѣ очень полезна въ этомъ случаѣ . . . и потому-то я бы теперь Богъ знаетъ что далъ, только бы не быть ей ни чѣмъ обязаннымъ.

С и м. Странно! . . . Это всегда такъ бываетъ, если люди, которымъ мы были чѣмъ нибудь обязаны, становятся намъ ненужны.

Э п а м. Да, къ тому же у ней такая упрямая голова! . . .

С и м. А сказать правду — для 50 лѣтней блондинки она черезъ чуръ упряма . . .

Э п а м. Она просто сумашедшая.

С и м. Но если бы она была въ тысячу разъ упрямѣе, что можеть она тебѣ сдѣлать? Она не въ силахъ повредить тебѣ въ мнѣніи того человѣка, на воспитанницѣ котораго ты женишься. Да, и какъ же говорить ей о тебѣ дурно, когда она всегда такъ усердно тебя хвалила? . . . Къ тому же онъ самъ желаетъ этой свадьбы, и вѣрно не станеть слушать крику и укоръ своей почтенной тетушки, если бы даже и вздумала она вредить тебѣ.

Э п а м. Да, это довольно вѣроятно.

С и м. Не вѣроятно, а вѣрно, потому, что эта воспитанница, не имѣющая ни отца ни матери, кажется мнѣ не совсѣмъ чужою твоему покровителю; къ тому же она похожа на него, какъ двѣ капли воды — и такъ же дурна, какъ онъ.

Э п а м. Сказать правду — сиротку трудно назвать

красавицею, но зато приданое ея хорошо. — Дѣло въ томъ, что подписавши контрактъ, я буду тотчасъ же назначенъ совѣтникомъ, съ жалованьемъ по 12,000 франковъ, а это почти то же, что къ приданому ея прибавить еще 200,000 франковъ.

С и м. Рѣшительно то же самое. . . . О! ты родишься быть банкиромъ. . . .

Э п а м. А покровительство также чего нибудь стоитъ, и если бы его даже завтра смѣнили, то онъ все таки будетъ имѣть вѣсъ. Впрочемъ, мѣсто за мной, и я никакъ не могъ надѣяться на такое повышеніе. Довольно было и того, что Г-жа Грассетъ доставила мнѣ мѣсто судьи, и если бы не это одолженіе и ея стараніе, я былъ бы теперь совершенно счастливъ.

С и м. Но чего же можешь ты опасаться?

Э п а м. Сценъ, исторій! Г-жа Грассетъ такого пылкаго нрава. . . .

С и м. II, полно, другъ мой! Вѣдь у тебя нѣтъ уже съ нею свиданій—гдѣ жъ можетъ она сдѣлать тебѣ *сцену*? — вѣрно, не у своего племянника и не на улицѣ, а къ тебѣ она не осмѣлится прѣхать, и впрочемъ, если бы она стала очень надобѣждать тебѣ, то я посовѣтовалъ бы признать ее во всемъ старику. Въ молодости, онъ самъ былъ большой повѣса, и пойметъ всю неприятность твоего положенія; къ тому же главное желаніе его состоитъ въ томъ, чтобы сбить съ рукъ свою племянницу, выдавши ее за тебя; это тебя устраиваетъ—такъ, но и его также, и будь увѣренъ, что онъ не обратитъ вниманія на крики своей старой тетки.

Э п а м. Ты правъ. Такимъ образомъ все скорѣе кончится.

С и м. Надѣюсь, что ты написалъ къ Г-жѣ Грассетъ, и самымъ яснымъ образомъ.

Э п а м. Да, я писалъ ей безъ всякихъ обиняковъ,

что по разнымъ причинамъ долженъ съ нею разстаться. . . .

С и м. II коротко и ясно! А знаетъ ли она о твоей женитьбѣ?

Э п а м. Ничего. Мой благодѣтель сказалъ мнѣ, что никто не долженъ знать о предполагаемой свадьбѣ, потому что тогда будетъ невозможно назначить меня совѣтникомъ — всѣ журналы стали бы кричать о несправедливости и пристрастїи, но когда я буду назначенъ, когда свадьба будетъ уже сыграна, тогда всѣ и каждый могутъ кричать, сколько имъ угодно.

С и м. О, твой будущій тестъ тонкая штука! Онъ дѣлалъ славныя дѣла и тогда уже, когда былъ только адвокатомъ въ своемъ маленькомъ городишкѣ. Между прочимъ есть у него одна преуморительная исторія съ женою какого-то слесаря, у котораго онъ жилъ на хлѣбахъ. Ты скажешь мнѣ, что въ то время никто не могъ предвидѣть, что онъ будетъ когда нибудь великимъ человекомъ? Все это такъ, сознайся однако жъ, что такой верховный представитель правосудія мало дѣлаетъ чести нашей милой Франціи.

Э п а м. Что тутъ страннаго? Каждый прежде всего хлопочетъ о собственныхъ своихъ дѣлахъ. Неужели долженъ онъ пренебрегать малыми своими выгодами, потому только, что онъ судья? Къ тому же, рѣдко случается занимать такое мѣсто, и потому по неволѣ стараешься пристроить своихъ ближнихъ; изо ста человекъ восемьдесятъ, вѣрно, поступили-бы такъ, какъ онъ, и какъ я самъ поступаю.

С и м. Скажи, пожалуйста: не принимаешь ли ты меня за журналъ, полагая, что я могу думать иначе? 80 человекъ! Скажи лучше 99! впрочемъ, чтожь ты сдѣлалъ удивительнаго? Посмотримъ — у тебя была на рукахъ хорошенькая танцовщица, и это

сдѣлалось извѣстнымъ. Что жъ за бѣда? ... Многіе изъ нашихъ собратій дѣлаютъ, имѣли и будутъ дѣлать такія шалости. Потому, когда тебя сдѣлали судьбою, ты — *расторгъ недостойныхъ связи*, завель другія, — и это также случается со многими. Наконецъ теперь, когда ты снова получаешь повышение въ должности, ты совершенно себя устраиваешь, и женишься на воспитанницѣ твоего патрона, молодой, бѣдной сироткѣ. Спрашиваютъ: есть ли во всемъ этомъ что нибудь такое, что могло бы оскорбить нравы? Кто имѣетъ право заглядывать въ твою частную жизнь? Въ свѣтъ ты ведешь себя хорошо и съ достоинствомъ, не играешь въ большую игру, ограничиваешься вальсомъ и кадрилими, не пускаешь въ характерные танцы. Каждый день, отъ 12 до 4 часовъ, дѣлаешься глашатаемъ общественной нравственности и кричишь во все горло, возставая противъ пороковъ и преступленій... Чего же можно еще требовать отъ тебя? ... Ты, рѣшительно, примѣрь всѣхъ слугителей Ѳеиды!

Э п а м. (*охорашиваясь съ самодовольною гордостью.*) Полно — перестань! ... Какой я примѣрь: я какъ и всѣ, и ни въ чемъ не могу особенно упрекнуть себя. За то я и почелъ бы себя совершенно счастливымъ, если бы не страхъ, который внушаетъ мнѣ эта проклятая старуха Эйлалиа...

С и м. Э, братъ — это минутная неприятность, — вотъ и все!

Э п а м. Конечно, однако жъ я все таки опасаюсь (*звонить; ходить слуга.*) Пьеръ! меня нѣтъ ни для кого дома — слышишь ли, рѣшительно ни для кого, исключая одной дамы, старушки, которая должна пріѣхать въ 12 часовъ.

(*Слуга уходитъ.*)

С и м. Кто эта дама?

Э п а м. Ахъ, другъ мой! Самое несноснѣйшее дѣло... Супружеская измѣна! Дама эта мать подсудимой; мнѣ рекомендовали ее только для формы, предупредивъ, чтобы мало объ ней заботиться, а какъ я председательствую въ судѣ, гдѣ это дѣло будетъ разсматриваться, такъ мать, вѣрно, хочетъ просить меня о своей дочери.

С и м. А хороша ли эта дочка!

Э п а м. Говорятъ, что прелесть.

С и м. О плутъ, величайшій изъ всѣхъ плутовъ!

Э п а м. Увѣрю тебя... Я никогда не видалъ ея — у меня и безъ нея хлопотъ довольно.

С и м. Послушай, Эпаминондъ — признайся: вѣдь судить такія преступления, какъ, напримѣръ, нарушение супружеской вѣрности, не можетъ быть для тебя очень приятно?

Э п а м. Почему же?

С и м. Почему?

Э п а м. Да, я спрашиваю.

С и м. Спроси объ этомъ у бѣднаго Грассета — онъ, можетъ быть, скажетъ тебѣ.

Э п а м. Вотъ еще новости!... Ты, кажется, хочешь подражать этому старому дураку де Бленаку? И, полно братъ — какое мнѣ дѣло до частной жизни, когда я принимаюсь судить? Ты не хочешь вспомнить, что во мнѣ два человѣка; тоже самое разумѣется и обо всѣхъ, занимающихъ какія либо общественныя должности; первый дѣйствуетъ отъ 10 до 4 часовъ утра, а другой отъ 4 вечера до 10 утра; поступки одного не имѣютъ никакой связи съ поступками другаго.

С и м. Знаю... но скажи откровенно, неужели не случается тебѣ чувствовать чего нибудь особеннаго, когда ты судишь кой-какія дѣла?...

Э п а м. Рѣшительно ничего.

С и м. Странно!

Э п а м. Вотъ и ты теперь говоришь такъ же, какъ говорила эта дура Фанни.

С и м. Благодарю покорно — это не мѣшаетъ мнѣ однако жъ думать по своему и иногда смѣяться.... Но ты говоришь, что тебѣ надобно работать, и я оставляю тебя.

Э п а м. Да, я здѣсь болтаю, а у меня пропасть работы — я не успѣлъ еще заглянуть въ дѣло о нарушеніи супружеской вѣрности, которое долженъ сегодня судить — женитба моя и Г-жа Грассетъ отняли у меня все время.... Впрочемъ, ты правъ, мнѣ нечего бояться Эйлали.

С и м. Ну, прощай, до свиданья!

Э п а м. Смотри же, будь въ Пале-Рояль—я тебѣ все тамъ разскажу.

С и м. Хорошо, хорошо! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Эпаминондъ (*одинъ, садится къ своему бюро.*)

Симоно совершенно меня успокоилъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать мнѣ Эйлали?... Связи не бываютъ вѣчны.... Да, къ тому же, если она упряма, то я также упряма. Положимъ, что съ виду я не общаю многого, но я себя на умъ: мнѣ только 36 лѣтъ, а я уже *согнатики*! Отъ того-то и не хочу я пожертвовать такимъ выгоднымъ и прочнымъ званіемъ 80 лѣтнимъ прелестямъ Г-жи Грассетъ.... Но, посмотримъ бумаги.... (*пробѣгаетъ связку бумагъ*).... Какъ зовутъ подсудимую?... Ангелика Жермель.... Ангелика! Я очень люблю это имя; надобно только, чтобы та, которая носить его, была очень хороша... Ну, а мужъ, что онъ такое, то есть, какого онъ званія? Посмотримъ: *Дьёдонне Бонневаль, капиталистъ*;.... Я не люблю капиталистовъ; они ни на что негодны.... Ну, а подсудимый, этотъ Донъ

Жуанъ, Ловелась—кто онъ? *Эрнестъ де Сюрвиль?*.... О, это чудесно. Эрнестъ де Сюрвиль, настоящее вдовильное имя, и я готовъ биться объ закладъ, что онъ вѣрно гусарской ротмистръ.... Нѣтъ! также капиталистъ — (*разлишиляетъ*) Капиталисты!.... А что, вѣдь это славное состояніе?.... Что если бы я получилъ вдругъ какое нибудь наследство въ 50,000 франковъ годоваго дохода, я вѣрно тогда не заглянулъ бы въ судейскіе протоколы.... Впрочемъ, если женитба моя уладится, то нельзя будетъ жаловаться. Сочтемъ-ка хорошенько (*беретъ бумагу и карандашъ*) — 12,000 фр. жалованья, да 4,000 фр. отъ теста и 2,400 фр. на туалетъ его воспитанницы (*складываетъ*) — 12 и 4 — 16, да 2 — 18 — 18,400 фр., не считая будущихъ надеждъ, и того что я успѣлъ уже накопить.... Но накопленное мною уйдетъ на свадебные подарки и на обмелбировку. Следовательно, остается выгодъ чистыхъ 18,400 фр. — Конечно, съ этимъ нельзя жить роскошно — можно однако же жить хорошо.... Надобно признаться, что всѣмъ этимъ обязанъ я Эйлали, и если бы я не зналъ ея, то не былъ бы такъ скоро судьей, и не познакомился бы съ ея племянникомъ, и она точно имѣетъ право называть меня неблагодарнымъ... Да, что жъ дѣлать? Не могу жъ я пожертвовать ей всѣмъ?.... Она останется моимъ другомъ, а въ ея лѣта можно ли желать чего нибудь лучшаго?.... Если она точно меня любитъ, то должна радоваться моему счастью, и главное, что всего лучше — она не можетъ мнѣ вредить. Право, я, какъ говорится, родился въ сорочкѣ — по пора за дѣло (*беретъ бумаги*). Дьёдонне Бонневаль просить на Ангелику Жермель, жену свою и Эрнеста де Сюрвиля.... Это негодий! — (*продолжаетъ гитать, напывая сквозъ зубы какую-то пьесу*) Тра, ла, ла, ла.... Эта проклятая арія, кото-

рую слышала я вчера въ театрѣ, не выходитъ у меня изъ головы.... Кажется, мужъ большой чудакъ; но здѣсь я не вижу явныхъ доказательствъ.... А, письма... письма — О, я обожаю письма (*беретъ пакетъ маленькихъ записочекъ.*) Вотъ, клянусь честью, самый милый женскій почеркъ... Ловелась... Какъ это мелко... А слогъ (*перелистывая*) — вотъ это писано при началѣ связи... *Сударыня! Сударыня!....* Вотъ здѣсь уже нѣтъ *сударыни* — есть только *вы*.... вотъ просто *Ангелика*... О, о!.... дѣло идетъ своимъ порядкомъ... Вотъ ужъ *моя Ангелика!*.... Вотъ *мой ангель!*.... Однако же здѣсь нѣтъ еще *ты*.... Странно! они не пишутъ другъ другу *ты*....

(*Входитъ слуга.*)

Слуга. Старушка дама, о которой вы приказывали....

Эпам. (*не обращившись*) Проси ее (*слуга уходитъ*).

Эпам. Ну! теперь начнутся просьбы и слезы... Посмотримъ, какъ зовутъ ее — А! Г-жа Жермень... мать подсудимой....

Пьер. (*докладывая*) Г-жа Грассетъ....

Эпам. (*вскрикиваетъ со стула*). Меня нѣтъ дома, меня нѣтъ дома!

Г-жа Грассетъ. Вы не ожидали меня, сударь?.. (*Слуга уходитъ*).

Эпам. (*въ сторону*). И я имѣлъ глупость сказать этому ослу, чтобы онъ впустилъ только старуху, позабывши, что онъ не знаетъ г-жи Грассетъ, и что она тоже старуха... (*эроико*). Ахъ! сударыня! что это вы дѣлаете?.. Какая ужасная неосторожность!..

Г-жа. Право? Вы думаете?..

Эпам. Эйлали! умоляю васъ, не оставяйтесь ни одной минуты болѣе; я ожидаю сюда одну особу....

Г-жа Грассетъ. (*съ гнѣвомъ*). Соперницу? — Я была въ томъ увѣрена!

Эпам. Клянусь вамъ, что эта особа рекомендована мнѣ....

Г-жа Грассетъ. Ты лжешь — это соперница! И такъ вотъ причина, заставившая тебя написать ко мнѣ такое ужасное письмо!..

Эпам. Клянусь вамъ, что вы ошибаетесь, и еще разъ умоляю уйти отсюда. Помните, что я ожидаю сюда одну особу...

Г-жа Грассетъ. (*садится*). Для того-то именно я и остаюсь....

Эпам. Но вы губите себя — эта особа, рекомендованная мнѣ — и она, можетъ быть, знаетъ васъ... а мое званіе... мои обязанности...

Г-жа Грассетъ. А, теперь вы вспомнили объ нихъ!.. Какъ вы мнѣ жалки... я остаюсь однако жъ, я такъ же хочу поговорить вамъ кое о чемъ...

Эпам. (*пораженный*). Что вы хотите сказать?

Г-жа Грассетъ. Я все знаю!

Эпам. Что, что такое вы знаете?

Г-жа Грассетъ. Повторяю вамъ, что я все знаю, но женитба эта не состоится. А, вы думали, что можете воспользоваться вліяніемъ другихъ, чтобы возвыситься, и чтобы послѣ ихъ же принести въ жертву, съ такою черною неблагодарностью! Нѣтъ, нѣтъ! благодаря Бога я еще не совсѣмъ безсильна... и женитба эта не состоится — слышите ли вы — не состоится — я вамъ это говорю....

Эпам. (*съ нетерпѣливостью*). Сударыня!..

Г-жа Грассетъ. О! вы не испугаете меня вашимъ грознымъ тономъ!.. Я остаюсь здѣсь, я хочу видѣть эту женщину, потому что я увѣрена, что найду въ ней соперницу....

Эпам. Клянусь вамъ....

Г-жа Грасс. Такъ для чего же вы принимаете ее здѣсь...

Э п а м. Потому что кабинетъ мой переправляется — вы можете сами въ этомъ убѣдиться — вотъ единственная причина...

Г-жа Грасс. Въ такомъ случаѣ, я спрячусь за эту дверь, и увижу, ждете ли вы или нѣтъ.

Э п а м. Но, вспомните, что слуга мой видѣлъ, какъ вы вошли; вводи другую, и не види васъ здѣсь, что онъ подумаетъ?

Г-жа Грасс. Пошлите куда нибудь вашего слугителя — вы сами можете отворить дверь вашей прекрасной просительницы.

Э п а м. Но я повторяю вамъ, что эта прекрасная просительница женщина старая, которая придетъ сюда хлопотать о своей дочери...

Г-жа Грасс. Ну, такъ я увижу ее, потому что не выйду отсюда... Къ тому-же мнѣ надобно съ вами поговорить — я знаю, что вы будете всячески избѣгать встрѣчи со мною, и рѣшась на смѣлый, неосторожный поступокъ, я хочу, по крайней мѣрѣ, воспользоваться этимъ, чтобы высказать вамъ все, чего заслуживаетъ ваше подлое поведеніе...

Э п а м. Сударыня... Эйлалія! умоляю васъ!...

Г-жа Грасс. Отговорки не послужатъ ни къ чему — я сказала, что остаюсь и останусь — вы знаете меня.

Э п а м. (въ бѣшенствѣ). Да я знаю, что вы упрямы, какъ...

Г-жа Грасс. Такъ вотъ благодарность за все, что я для васъ сдѣлала...

Э п а м. Сударыня!...

Г-жа Грасс. Осмѣнитесь ли вы сказать, что не мнѣ обязаны вы всѣмъ, что вы теперь?

Э п а м. Вы попрекаете меня...

Г-жа Грасс. Да, я попрекаю васъ, и имѣю на то полное право, потому, что ваши поступки со мною ужасны — вы разстаетесь со мною такъ... (слышится звонокъ).

Э п а м. Слышите ли? Вѣдь я говорилъ вамъ... Ради Бога! спрячьтесь сюда и не шевелитесь...

Г-жа Грасс. Берегитесь!.. меня не обманете безнаказанно... (входитъ въ боковую комнату).

Э п а м. О, если бы я могъ всѣхъ просителей и просительницъ... Я такъ взбѣшонъ!... (идетъ отворить дверь).

ЯВЛЕНИЕ III.

Г-жа де Жерм. и Эпаминондъ. (Г-жа Жермель женщина 50 лѣтъ; она одѣта въ черное платье; сѣдые волосы ея завиты; лице благородное, кроткое и печальное).

Э п а м. (съ досадою, которой не можетъ скрыть.) Прошу садиться, сударыня.

Г-жа Жерм. (трепещущимъ голосомъ и со слезами на глазахъ). Я имѣю честь говорить съ г-мъ де Клервилемъ?

Э п а м. (отрывисто). Да, сударыня.

Г-жа Грасс. (сильно встревоженная). Вотъ письмо...

Э п а м. (кланяется и читаетъ). Позвольте... (въ сторону). Такъ точно — росчеркъ подписи съ кричкомъ, а это значитъ оставить рекомендацію безъ вниманія — я былъ въ томъ увѣренъ. Отдѣляемся отъ нея поскорѣе. Какая скука!... (ураливо и холодно). Сударыня, я всегда почту за особенное счастье сдѣлать угодное, если только должной и справедливости это позволять...

Г-жа Жерм. Ахъ, сударь, я прошу только спра-

ведливости для моей дочери, только одной справедливости, и ничего больше!

Э п а м. И только одна строгая справедливость рѣшить участь вашей дочери; но я долженъ вамъ признаться, сударыня, что прочитавъ еще разъ, съ величайшимъ вниманіемъ, все дѣло — мнѣ кажется, что преступленіе очень важно — письма доказываютъ самую преступную короткость и совершенное забвеніе самыхъ священнѣйшихъ обязанностей...

Г-ж а Ж е р м. Ахъ сударь!.. не вѣрьте этому. Въ этихъ письмахъ и заключается вся вина моей дочери... Если бы вы знали всѣ обстоятельства, она, можетъ быть, показалась бы вамъ не столь виновною!.. (*съ робостію*). Но я боюсь быть вамъ въ тягость...

Э п а м. (*холодно*) Сударыня, я долженъ знать всѣ подробности дѣла, которое буду судить, и потому слушаю васъ. (*съ стороны*) Ну, теперь придется мнѣ страдать, по крайней мѣрѣ, часть.

Г-ж а Ж е р м. (*трепещущимъ голосомъ, отирая свои слезы*). Узнайте же, сударь, что дочь моя вышла за г. Бонневаль, пять лѣтъ тому, еще при жизни моего покойнаго мужа, который — да судить его Богъ — принудилъ дочь къ этому замужству, и бѣдная дѣвушка должна была принести себя въ жертву. Г. де Бонневаль былъ слишкомъ вдвое старше моей дочери; его нравъ, его привычки, все это ни мало не согласовалось съ ея характеромъ; но она покорила своей участи, и отказавшись отъ надеждъ, слишкомъ драгоценныхъ ея сердцу, и нѣкогда согласныхъ съ желаніемъ отца, безусловно исполнила волю отцовскую. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы, Г. Бонневаль объявилъ женѣ о желаніи своемъ, чтобы она зиму и лѣто жила въ деревнѣ; дочь моя согласилась, и мы отправи-

лись въ помѣстье, принадлежащее мнѣ и лежащее въ двухъ миляхъ отъ Парижа. Г. Бонневаль прѣзжалъ къ намъ раза по два въ недѣлю; потомъ посѣщенія его стали рѣже, и наконецъ мы не видали его мѣсяца по три...

Э п а м. Можетъ быть, дѣла его требовали этой жертвы...

Г-ж а Ж е р м. Его дѣла? Нѣтъ, сударь — онъ не имѣлъ дѣла. Его состояніе и состояніе моей дочери позволяютъ ему жить самымъ богатымъ и независимымъ образомъ, но его удерживала старинная связь — да, сударь, вотъ причина, удалявшая его отъ молодой, прекрасной и добродѣтельной жены.

Э п а м. Но есть ли въ процессѣ ясныя этому доказательства?

Г-ж а Ж е р м. Бываютъ такіа семейственныя тайны, которыя стыдно обнаруживать предъ свѣтомъ; но если Г. де Бонневаль сталъ упорствовать въ своемъ обвиненіи, то, поставляя главнѣйшею обязанностью оправдать бѣдную дочь мою, я не буду колебаться, и представлю доказательства, какъ бы позорны они для него ни были... однимъ словомъ, мы жили въ совершенномъ забвеніи. Дочь моя не жаловалась, но терзаемая горемъ, она примѣтно ослабѣвала въ здоровьѣ, и такъ прожила три года. Вблизи нашего помѣстья былъ загородный домъ, въ которомъ жилъ когда-то Г. де Сюрвиль, одинъ изъ нашихъ старинныхъ друзей; союзъ между его сыномъ и моею дочерью былъ уже почти рѣшенъ, когда важныя обстоятельства заставили мужа моего перемѣнить свои намѣренія. Эрнестъ де Сюрвиль, мучимый горестію и отчаяньемъ, отправился путешествовать. Между тѣмъ отецъ его умеръ, и Эрнестъ, послѣ трехлѣтняго отсутствія, возвратился во Францію; дѣла по имѣнію заставили его прѣхать

въ наше сосѣдство... онъ постигъ насъ... Конечно, я сдѣлала большую ошибку не попросивъ его прекратить свои посѣщенія, какъ это было въ послѣдствіи, но что дѣлать? Я была, и даже теперь такъ увѣрена въ нравственности моей дочери — мы жили такъ уединенно — Эрнестъ былъ почти намъ родной, будучи воспитанъ вмѣстѣ съ Ангеликой...

Э п а м. Вы весьма виноваты, сударыня. Вамъ должно бы знать, какъ бываетъ слаба юность; вы могли бы предвидѣть, что эта страсть, еще не совершенно потухшая, превратится наконецъ въ любовь преступную и заставитъ дочь вашу нарушить обѣтъ супружеской вѣрности!

Г-ж а Ж е р м. Нѣтъ, сударь, я не могла этого предвидѣть, не могла считать дочери моей способною измѣнить своимъ обязанностямъ, и она не имъ измѣнила.

Э п а м. (съ нетерпѣливостью). Но, письма, приложенныя къ дѣлу, доказываютъ противное?

Г-ж а Ж е р м. Прочтите ихъ, сударь, прочтите! Ихъ представили, какъ обвинительныя доказательства противъ моей дочери, но они-то ее и оправдаютъ... Правда, они выражаютъ самую нѣжную привязанность, но привязанность чистую, непорочную.

Э п а м. Если эти письма и таковы, какъ вы объ нихъ отзываетесь, то они все таки преступны... Это первый шагъ къ пороку, и судъ принимаетъ подобныя переписки, какъ непреложное доказательство вины.

Г-ж а Ж е р м. Но это невозможно! Я обращаюсь къ благородству души вашей, къ убѣжденію вашему, къ сердцу, къ просвѣщенному уму вашему, ко всему, что есть священнаго и великаго въ званіи, которыми вы облечены. Умолю васъ — прочтите еще разъ эти письма, и вы увидите, что они не заклю-

чаютъ въ себѣ даже ни одной преступной мысли. Ахъ! когда дѣло идетъ объ имени женщины и ея семейства, судья долженъ взвѣсить не только каждое слово, но общій смыслъ подобной переписки, и я вызываю кого угодно — найти въ этихъ письмахъ хоть одну строчку, которая могла бы свидѣтельствовать противъ моей дочери и служить доказательствомъ нарушенія ея долга... Ахъ, сударь, вѣрьте въ этомъ случаѣ сердцу матери! Если бы дочь моя была виновна, я плакала-бы вмѣстѣ съ нею, и старалась-бы ее утѣшить (съ гордымъ величіемъ), но никогда не унизилась бы до лжи и моленій...

Э п а м. Я знаю свои обязанности, сударыня, и никогда не измѣнялъ имъ... Я прочиталъ письма съ величайшимъ вниманіемъ, и если они наполнены, какъ вы говорите, только излияніями нѣжной привязанности, то можно подозрѣвать преступный смыслъ въ самыхъ ничтожныхъ выраженіяхъ. Къ несчастію, нынѣ священные законы нравственности все болѣе и болѣе пренебрегаются, развратъ распространяетъ повсюду свои постыдныя завоеванія, и общество, оскорбляемое въ священнѣйшихъ своихъ уставахъ, громко требуетъ наказанія виновныхъ.

Г-ж а Ж е р м. Но, Боже мой! дочь моя невинна... повторяю вамъ, она невинна — перечитайте эти письма, хоть изъ жалости, и вы увидите...

Э п а м. Судь рѣшить все, сударыня, но долгъ моего званія обязываетъ меня сказать вамъ, что такое опасное преступленіе, какъ нарушеніе супружеской вѣрности, остается, по несчастію, слишкомъ часто ненаказаннымъ, и украшенное всеми обольщеніями, всеми соблазнами порока, оно подрываетъ общество въ самыхъ его основаніяхъ, а часто случается, что люди не столь виновные наказываются гораздо строже (разгораясь) — да, сударыня, ремеслен-

никъ, мучимый голодомъ и рѣшающійся на воровство, человѣкъ, омраченный гнѣвомъ и посягающій на жизнь себя подобнаго — великіе преступники, но, по крайней мѣрѣ, ужасная необходимость влечетъ ихъ къ злодѣяніямъ, а для супружеской невѣрности нѣтъ даже и этого страшнаго извиненія! Кто можетъ, кто осмѣлится оправдывать этотъ постыдный расчетъ — слѣдствіе праздности и избытка — попирающій ногами узы самыя священнѣйшія?...

Г-жа Жерм. Но я повторяю вамъ, сударь, и клянусь Богомъ, что дочь моя невинна! Все преступленіе ея состоитъ только въ томъ, что она писала эти письма, которые должны скорѣе оправдать, чѣмъ обвинить ее. Конечно, она говоритъ въ нихъ о любви своей, о своихъ страданіяхъ, жалуется на судьбу, которая могла бы сдѣлать ее счастливою и сдѣлала столь злополучною, но за то на каждой страницѣ, въ каждой строкѣ она говоритъ также, что не измѣнитъ никогда своимъ обязанностямъ и не забудетъ своего долга.

Эп. м. Повторяю вамъ, сударыня, что весьма часто осторожность заставляетъ прибѣгать къ подобнымъ уверткамъ.

Г-жа Жерм. (съ негодованиемъ). Ахъ! сударь, и это смѣете вы говорить? Для чего предполагать преступленіе тамъ, гдѣ невинность такъ очевидна.

Эп. м. (строго). Правосудіе должно вглядываться во всѣ подробности дѣла, и строгимъ окомъ разсматривать всѣ очевидныя факты, которые онъ могутъ скрывать въ себя.

Г-жа Жерм. Но развѣ поступокъ г. де Бонневаль, овладѣвшаго насильственно и въ ночное время этими письмами, подкупившаго человѣка г. де Сюрвилля, чтобы получить отъ него письма моеи дочери, не очевидныя факты? Развѣ это не доказываетъ

преднамереннаго желанія разорвать союзъ, который нѣкогда казался г. де Бонневаль столь счастливымъ и необходимымъ, и который теперь ему надобно?

Эп. м. Г. де Бонневаль имѣлъ полное право поступить такъ, какъ онъ поступилъ. Развѣ онъ не оскорбленъ въ томъ, что для человѣка всего дороже, — въ чести своей? Законъ, позволяющій оскорбленному мужу убить виновнаго въ посягательствѣ на честь жены, допускаетъ всякое доказательство. Каждое нѣжное выраженіе, заключающееся въ письмахъ вашей дочери, есть уже ужасное оскорбленіе для г. Бонневаль, и если даже мы предположимъ, что онъ измѣнилъ своему долгу, то развѣ это можетъ служить женѣ его извиненіемъ въ нарушеніи ея обязанностей? Не должна ли она, напротивъ, любовью и покорностью стараться привлечь къ себѣ заблудшагося?... Да, сударыня, если бы дочь ваша показала къ мужу своему на половину той нѣжности, какую она расточаетъ въ своихъ преступныхъ письмахъ, то я увѣренъ, что г. де Бонневаль сознался бы въ своихъ слабостяхъ и возвратился бы къ ней. Но вмѣсто того, что видитъ онъ? — Отвращеніе — можетъ быть, даже ненависть, скрытую подъ маскою притворной покорности! Тогда, сильный своими священными правами, справедливо оскорбленный преступными замыслами той, которая предъ лицомъ Бога и общества клялась ему въ вѣрности — онъ призываетъ ее къ неумолимому правосудію — и правосудіе окажетъ ему свою помощь!

Г-жа Жерм. (съ отчаяніемъ). И такъ, дочь моя кажется вамъ виновною?... И такъ по вашему призыву она будетъ приведена предъ судъ и посажена на скамью позора!... Ахъ! сжальтесь надъ нею, сжальтесь надъ бѣдною матерью... перечитайте эти письма...

Э п а м. (*съ нетерпѣливѣмъ*). Будьте увѣрены, сударыня, что я постараюсь вникнуть еще болѣе во всѣ подробности дѣла, но я долженъ вамъ сказать, что мнѣ теперь не время... минуты мнѣ дороги, и я долженъ...

Г-жа Жерм. (*встаетъ съ видимымъ глубокимъ отчаяніемъ*). Я вижу, сударь, что всѣ слова мои были напрасны — вы почитаете дочь мою виновною, и съ этой минуты всякая новая просьба была бы не достойна ни меня, ни моей дочери (*съ чувствомъ*). Я удалюсь, и полагаю всю мою надежду — только на справедливость судей...

(*Эпаллиондъ провожаетъ ее съ убійственнымъ холодною до дверей, и низко ей кланяется. Когда г-жа Жермель удалась, г-жа Грассетъ выходитъ изъ кабинета въ сильномъ волненіи и отираетъ слезы*).

Э п а м. (*возвращаясь*). Ну, вотъ, Эйлалиа — вы видѣли — соперница ли это?

Г-жа Грасс. О, какой же вы подлець!

Э п а м. Что вы хотите сказать, сударыня?

Г-жа Грасс. Принять такъ грубо, съ такою холодною эту несчастную мать! Осмѣлитесь съ такимъ безстыдствомъ проповѣдовать ей о нравственности вашими общими мѣстами, тогда, какъ здѣсь, въ вашей комнатѣ, была скрыта женщина, забывшая для васъ всѣ свои обязанности! О, это ужасно...

Э п а м. (*съ важностью*). Я не вижу, сударыня, что бы сказала я такого этой дамѣ, отъ чего могъ краснѣть.

Г-жа Грасс. Какъ? Все это по вашему ничто? Какъ? Возставать такимъ образомъ противъ тѣхъ, которые нарушили супружескую вѣрность, при мнѣ, и тогда, какъ вы... О, подите, подите! Такая живость, такая подлость ужасны... Я ненавижу васъ — теперь я васъ презираю!

Э п а м. (*съ важнымъ видомъ*). Если уже надобно признаться во всемъ, такъ знайте, сударыня, что все сказанное мною этой дамѣ совершенно сообразно съ моими мыслями. Я убѣжденъ въ истинѣ всего мною сказаннаго, и очень радъ, что вы слышали меня, тѣмъ болѣе, что я не безъ намѣренія говорилъ такъ громко.

Г-жа Грасс. (*пораженная удивленіемъ*). Вы смѣете сказать это мнѣ... мнѣ, и смотрѣть мнѣ прямо въ глаза?

Э п а м. (*съ трагическою важностью*). Да, сударыня, я осмѣливаюсь сказать вамъ горькую истину. Оба мы были преступны, преступны, сударыня, и такой соблазнъ не можетъ и не долженъ продолжаться... Преступная связь наша должна кончиться. Конечно, надобно было имѣть слишкомъ большую твердость, чтобы при васъ произнести приговоръ собственному моему поведенію, и я имѣлъ эту твердость духа... сударыня...

Г-жа Грасс. Что я слышу?

Э п а м. Да, сударыня, узнайте, что давно уже противорѣчіе частной моей жизни съ обязанностию поддерживать ежедневно въ публикѣ правила нравственности, раздирало мою душу и терзало меня стыдомъ и раскаяніемъ...

Г-жа Грасс. И вы вспомнили объ этомъ только послѣ пяти лѣтъ? Это довершаетъ все... О, какая ужасная подлость — какое лицемеріе!

Э п а м. Однимъ словомъ, сударыня — я твердо рѣшился перемѣнить образъ моей жизни, и хочу искать счастья въ союзѣ, освященномъ религіею и законами.

Г-жа Грасс. (*съ холодною скрытною лютостью*). Продолжайте, сударь, продолжайте. Самый отъявленный лицемеръ не могъ бы говорить лучше...

Э п а м. (*приготовляясь уйти*). Впрочемъ, вы можете быть увѣрены, сударыня, что я во всю жизнь свою не забуду всѣхъ вашихъ милостей, и благодарности заставляетъ меня признаться, что только вашему великодушному покровительству обязанъ я моимъ скорымъ повышеніемъ, которое такъ мало заслужилъ...

Г-жа Г р а с с. (*съ блыщенствомъ*). Вы подлець!... и я сію минуту иду сказать, что вы за человѣкъ! А, г. де Клервиль! Я отпущу за себя— берегитесь, берегитесь! (*уходитъ*).

Э п а м. (*потиралъ руки*). Уфъ! наконецъ - то я отъ нее отдѣлался!—Что же касается до Президента, то собственная его выгода ручается мнѣ за него. Да, какъ я славно сыгралъ свою роль... И стыдъ, и совѣсть, и раскаяніе!.. Если бы этотъ негодяй Симоно могъ все это слышать, онъ бы на цѣлую недѣлю имѣлъ надъ чѣмъ посмѣяться... Но главное состоитъ въ томъ, что я отдѣлался наконецъ отъ г-жи Грассетъ, и, кажется, что послѣ такой сцены, я вѣрно никогда уже не встрѣчусь съ нею, а что касается до ея угрозъ—онъ меня не пугаютъ!... Но, мнѣ пора въ ялату (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кабинетъ Президента. Президентъ и г-жа Грассетъ.

Г-жа Г р а с с. Ну, что вы на это скажете?

През. Что жъ вы хотите, чтобы я сказалъ? Г. Эпаминондъ де Клервиль имѣлъ какую-то интригу... Ну, что же? Сказать между нами, милая тетущка—многіе и получше его дѣлаютъ тоже.

Г-жа Г р а с с. И вы можете это говорить? Можно поддерживать и оправдывать подобное поведение?

През. Разумѣется, я говорю это вамъ, не какъ Президентъ Юстиціи, но какъ человѣкъ частный.

Поймите же, прошу васъ, хоть однажды, различіе между тѣмъ и другимъ. Конечно, если бы я сталъ проповѣдовать эти правила предъ палатой, меня бы обшкаркали (*съ усмѣшкой*), и обманутые мужья, вѣрно, стали бы шумѣть болѣе другихъ. Но здѣсь, между нами, мы можемъ смѣло говорить что думаемъ, и вы согласитесь, что никто не приметъ за преступленіе, если молодой 50-ти-лѣтній человѣкъ немножко шалить...

Г-жа Г р а с с. А!

През. Посмотрите вокругъ себя. У кого нѣтъ какойнибудь слабости? Одинъ видитъ въ ней минутное развлеченіе, другой средство къ возвышенію. Словомъ, свѣтъ всегда будетъ свѣтомъ, и мы напрасно стали бы мечтать о золотомъ вѣкѣ, и, сказать между нами, я не вижу причины, чтобы за подобную шалость можно было лишить Г. де Клервиля повышенія и разстроить женитьбу его на моей воспитанницѣ. Нѣтъ! это было бы глупо, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ вы сами говорите, расторгнулъ всѣ преступныя связи, и обратился на истинный путь.

Г-жа Г р а с с. (*съ досадой*) Вотъ и вы разсуждали теперь точно такъ же, какъ онъ.

През. (*съ улыбкой*) А какъ вы это знаете?

Г-жа Г р а с с. (*покраснѣвши*) Особа, о которой я вамъ говорила, и которую онъ такъ недостойно обманулъ, пересказала мнѣ весь его разговоръ...

През. Ахъ! милая тетущка! вѣрно, бѣдная отставленная очень близка къ вамъ, потому, что вы всегда такъ хлопотали о Г. де Клервилѣ. Вы были самою ревностнѣйшею его покровительницею, и только по просьбѣ вашей, пять лѣтъ тому, далъ я ему должность судьи, а теперь, отъ того, что я отдалъ за него мою воспитанницу, вы вдругъ на него возстааете... Ахъ, тетущка! тетущка! Если бы я менѣе былъ увѣренъ

въ вашихъ правилахъ, то могъ бы подумать...

Г-жа Грасс. (*съ негодованiемъ*). Какой ужасъ! Какъ смѣете вы это думать! Я только принимаю участiе въ той, которая была принесена въ жертву этимъ злодѣемъ. Если вы не оставите своихъ плановъ на счетъ его, всѣ станутъ кричать о вашей несправедливости и вашемъ пристрастiи. Вашъ любимецъ такой безнравственный, подлый человекъ!

През. (*съ усмѣшкой*). О, я вижу, какъ вы посылаете въ редакцiю *Корсера* и *Шарисари* грозную противъ насъ статью!

Г-жа Грасс. И вы можете смѣяться!

През. А почему мнѣ не смѣяться? Я знаю васъ, знаю себя, знаю Клервиля, знаю людей, и сказать правду, все это кажется мнѣ очень забавно, потому, что я вижу вещи такъ, какъ онѣ есть, и знаю, что заставлять дѣйствовать васъ, меня и Клервиля.

Г-жа Грасс. (*съ гнѣвомъ*). Право? Вы все это знаете?

През. Какъ нельзя лучше. И будьте увѣрены, что я буду умѣть устроить мои собственные дѣла, и дѣла мнѣ близкихъ людей, какъ нельзя лучше.

Г-жа Грасс. Нечего сказать: вы дѣлаете теперь славное дѣло, отдавая вашу воспитанницу за человека безнравственнаго!

През. Положимъ, что онъ былъ такимъ, но такъ, какъ онъ намѣренъ исправиться, то неужели я самъ помѣшаю ему въ этомъ, и не протяну руки утопающему?

Г-жа Грасс. (*съ нетерпѣливостью*). Здѣсь дѣло идетъ не объ утопающемъ, а о человекѣ, за котораго вы хотите отдать вашу побочную дочь, чтобы пристроить ее—вотъ что заставляетъ васъ не обращать вниманiя ни на его поступки, ни на его нравственность—это ясно.

През. Очень ясно, милая тетушка. Но такъ какъ мы дошли уже до такихъ объясненiй, то выслушайте меня: я не ребенокъ, я знаю все, и угадываю, какъ нельзя лучше, настоящую причину вашей внезапной переменны къ Клервилю. (*Г-жа Грассетъ краснѣетъ*.) Причина эта, конечно, весьма легка для злодѣя Клервиля, и весьма извинительна въ отношенiи васъ, но пусть же все это останется между нами; свѣтъ не долженъ мѣняться въ наши фамильные дѣла. И такъ, предупреждаю васъ, вы не успѣете переменить моихъ намѣренiй, и потому совѣтую вамъ остаться въ покоѣ, и не преслѣдовать Клервиля, потому, что вы сдѣлаете вредъ только самой себѣ—Объявляю вамъ, что Клервиль женится на моей воспитанницѣ и будетъ со-вѣтникомъ, а чтобы доказать, что это непременно такъ будетъ, то вотъ контрактъ и дипломъ. Я ожидаю только Клервиля, который долженъ подписать первый, чтобы получить второй.

Г-жа Грасс. О, какъ все это подло, какъ это безчестно! (*Швейцаръ входитъ*) Г. деКлервиль спрашиваетъ, можетъ ли онъ видѣть г. Президента.

През. Проси (*Швейцаръ уходитъ*).

Г-жа Грасс. (*остаесть*). Вы человекъ самый благодарный, и я никогда не увижусь съ вами. Прощайте!

През. (*погнителными тономъ*). До свиданiя, тетушка. Надѣюсь, что вы не откажете быть посаженной матерью моей Фелицин. (*Г-жа Грассетъ уходитъ*). Право, тетушка моя спятила съ ума! Ну, наконецъ я избавлюсь отъ моей Фелицин. Теперь я умываю руки, и пусть мужъ управляется съ этою упрямою головою. (*Эпалмиондъ входитъ*).

През. (*идетъ къ нему на встрѣчу, беретъ за руку*). Т. I. — Огд. II. 12

ку и подводитъ къ столу, гдѣ ищетъ контракта).
Ну, г. совѣтникъ?

Э п а м. Мой благодѣтель! какъ отблагодарить мнѣ?

През. (*съ притворными чувствами*). Сдѣлай счастливой бѣдную сироту, которую я отдаю тебѣ... Ахъ! другъ мой! вамъ вручаю я лучшее мое сокровище (*обнимаетъ Эпалимонда*), потому, что знаю, какъ вы этого достойны.

Э п а м. Ахъ! будьте увѣрены, что вся жизнь моя будетъ посвящена счастію...

През. И такъ завтра будетъ объявлено ваше повышеніе, а черезъ мѣсяцъ свадьба. Вы имѣете мое слово — я ваше!

Х О Р Ъ.

Нѣтъ, святое, великое правосудіе! ты, которые своимъ торжественнымъ голосомъ, громкимъ, какъ труба, произносятъ свои неумолимые приговоры, должны быть строги, безукоризненны, и возбуждать къ себѣ только одно благоговѣнное почтеніе... Они, о правосудіе! суть твои избранники! Они съ самой юности испытывали уже свои силы, и старались сдѣлаться достойными великаго назначенія, ожидавшаго ихъ! Зрѣлый возрастъ ихъ былъ ознаменованъ всѣми добродѣтелями, и старость ихъ, увѣчанная мудростью, и очищенная всякими пожертвованіями, привела ихъ наконецъ на высшую ступень храма истины, которую занимаютъ они съ такою честью!

ГОЛОСЪ.

Но ты забываешь великія слова: много званныхъ, а мало избранныхъ!

ХОРЪ УМОЛКАЕТЪ.

Конецъ комеди.

=

БИЛЬЯРДНЫЙ ИГРОКЪ.

=

Въ 1679 году, два бѣдные дворянина, уроженцы Нормандіи, вступили въ пятую палату Парижскаго Парламента, въ качествѣ совѣтниковъ, по праву преемничества послѣ отцовъ своихъ, умершихъ на одной и той-же недѣлѣ. Молодые люди избрали гражданскую службу, во-первыхъ потому, что не чувствовали въ себѣ ни довольно честолюбія, ни умѣнья интриговать, двухъ условій, необходимыхъ для успѣха при тогдашнемъ дворѣ, а во-вторыхъ потому, что не умѣли сочинять акростиховъ, мало нравились женщинамъ, и не были надѣлены тѣми проворными и стройными ногами, которыя посредствомъ курантовъ и сарабандъ, доходили до счастья и почестей. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей назывался *Дрѣ*, другой *Шалильяръ*. Тѣсная дружба связывала ихъ съ самаго дѣтства. Кротость, честность и прямотушіе, отличавшія ихъ, служили ручательствомъ, что они будутъ со временемъ примѣрными судьями. Судьба, указавъ имъ одинаковую дорогу и одинаковую возможность на успѣхъ, казалось, хотѣла, чтобы они были неразлучны до самой смерти. Оба они женились на одной недѣлѣ; оба взяли за женою одинаковое приданое—бѣдность, и были оба одинаково счастливы въ супружествѣ, потому, что каждый изъ нихъ нашелъ въ женѣ своей добрую подругу и хорошую хозяйку. Однако жъ совѣздія этихъ двухъ человекъ, которые, казалось, шли по одному пути, должны были скоро измѣниться, и одному изъ нихъ было предназначено совершить кругъ бо-

*

лѣе обширный. Судьба, прихотей которой никто предвидѣть не можетъ, хотѣла, чтобы одно изъ этихъ двухъ именъ было въ послѣдствіи часто упоминаемо на бронзовыя скрижали исторіи.

Дрѣ, получившій отъ природы важность истинно судейскую, вошелъ однажды въ кабинетъ своего друга съ такимъ грустнымъ видомъ, что Шамильяръ съ трепетомъ спросилъ его, не случилось ли съ нимъ какого несчастія, Г-жа Дрѣ начинала чувствовать первыя муки родовъ, и мужъ оставилъ ее на рукахъ врачей. Послѣ трехъ часовъ, проведенныхъ въ страхѣ и безпокойствѣ, Дрѣ узналъ наконецъ, что жена его благополучно родила сына.—Оба друга побѣжали къ постели родильницы, и Шамильяръ едва только успѣлъ поздравить больную, какъ испуганная служанка его прибѣжала объявить, что жена его также почувствовала первыя муки. Г-жа Шамильяръ родила дочь, и ввечеру этого достопамятнаго дня, въ то время, когда молодые матери успокоились сномъ, и когда ихъ малютки лежали у груди своихъ кормилицъ, Дрѣ и другъ его, сидя у пылающаго камина, предавались удовольствію мечтаній о будущности своихъ дѣтей и строили воздушныя замки.

— Мой сынъ — говорилъ Дрѣ — увѣрительнымъ тономъ, будетъ приказнымъ, а не военнымъ.

— А почему ты это знаешь, любезный другъ? Мальчишка будетъ, можетъ быть, нрава предприимчиваго и если у него не окажется склонности къ гражданскимъ дѣламъ, то онъ надѣнетъ шагу, а не судейскую мантію.

— Хотѣлъ бы я посмотреть, какъ бы онъ смѣлъ меня ослушаться! О, я скоро бы съ нимъ справился, но онъ будетъ кротокъ, какъ ягненокъ, какъ его мать.

— Совсѣмъ нѣтъ. Онъ будетъ настоящимъ демономъ и надѣлаетъ тебѣ кучу хлопотъ. Вотъ что значитъ имѣть сына! Дочь моя, напротивъ, будетъ кротка, послушна, и выйдетъ замужъ за какого нибудь парламентарскаго совѣтника.

— Ну, это еще не вѣрно. Дѣвчонка эта легко можетъ влюбиться въ какого нибудь повѣсу.

— Она не будетъ выходить изъ дому, и дверь моя останется всегда затворенною для мотыльковъ.

— Но вѣдь ее надобно же будетъ водить въ церковь, и тогда...

— Повторяю тебѣ, я не боюсь ничего. Надѣюсь, что г-жа Шамильяръ сумѣетъ воспитать свою дочь, и зятемъ моимъ будетъ добрый, хорошій судья.

— Какая славная мысль!.. Сынъ мой будетъ твоимъ зятемъ.

— Почему же нѣтъ, если только онъ будетъ вести себя хорошо.

— Да, вѣдь я буду его воспитателемъ. Ну, что же? Принимаешь ли ты мое предложеніе?

— Я предвижу одно препятствіе. У жены твоей есть въ провинціи богатые родственники. Легко можетъ случиться, что вы со временемъ будете имѣть большое состояніе, и я никогда не потерплю, чтобы изъ-за пустаго обещанія сынъ твой лишился выгодной и, можетъ быть, блистательной партіи.

— Если бъ я былъ даже богатъ, какъ Крезъ, то союзъ этотъ долженъ состояться — клянусь тебѣ. Впрочемъ, это богатство, о которомъ ты говоришь, одно только предположеніе, и я формальнымъ образомъ прошу у тебя руки дѣвicy Шамильяръ.

— Чтобы отстранить всѣ обстоятельства, я буду каждый годъ откладывать отъ моего жалованья по 4000 ливровъ.

— Прекрасно, и когда малютка твоя подрастетъ,

ты будешь въ состояніи дать ей довольно хорошее приданое. Ну, такъ по рукамъ — между нами все кончено!

— Кончено, съ условіемъ однако же, что если кто либо изъ нихъ будетъ имѣть непреодолимое отвращеніе...

— Разумѣется!.. Надобно, чтобъ они любили другъ друга.

— Они вѣрно будутъ любить другъ друга — я въ этомъ увѣренъ. Какихъ лѣтъ женимъ мы ихъ?

— Мы обвѣнчаемъ ихъ въ тотъ день, когда имъ исполнится 20 лѣтъ, а обручимъ завтра при крещеніи.

Такимъ образомъ все было устроено заранѣе, и если бы одинъ изъ юнѣхъ обрученныхъ, слѣдуя обыкновенному расположенію дѣтей, нашель дурнымъ распоряженію родителей, то между молодыми людьми неминуемо возродилось бы другъ къ другу самое глубокое отвращеніе, но сыну честнаго Дрѣ было очень трудно сдѣлаться упрямымъ или злымъ, а добродушіе Шамильяра перешло въ сердце его дочери, и сдѣлало изъ нея самую милую и добрую дѣвушку. — И такъ, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, дѣти эти нѣжно полюбили другъ друга. Воспитанный въ увѣренности, что ихъ скоро ожидаетъ брачный союзъ, они безъ боязни предались чувствамъ, поддерживаемымъ въ нихъ родителями. Иосифъ Дрѣ былъ неразлученъ съ Мишеллиною Шамильяръ; онъ сопутствовалъ ей въ церковь и на гулянья, и оба отца, слѣдовавшіе за ними въ отдаленіи, съ гордостью любовались ими, видя, какъ они росли и развивались, подобно двумъ прекраснымъ молодымъ дубамъ. Все шло какъ нельзя лучше, до дня, въ который молодые любовники достигли 18-лѣтняго возраста. Около этого времени, судьба, вѣроятно, для того, чгобы

ихъ тихая привязанность могла получить всю силу страсти, вздумала вдругъ воздвигнуть между ними тысячу препятствій.

Старшій братъ г-жи Дрѣ умеръ, оставя ей въ наслѣдство 12,000 ливровъ ежегоднаго дохода. Это обстоятельство позволило Дрѣ отцу жить лучше прежняго. Онъ нанялъ домъ гораздо обширнѣйшій противъ прежняго, завелъ двухъ ливрейныхъ слугъ, абонировалъ ложу въ театрѣ Французской комедіи, и имѣлъ три раза въ недѣлю наемную карету. Онъ давалъ обѣды своимъ парламентскимъ товарищамъ, и подружился съ нѣкоторыми придворными, такъ, что менѣе нежели въ три мѣсяца успѣлъ перейти въ большую палату и получилъ званіе президента. Всякой другой на его мѣсть увлекся бы жаждою честолюбія, но скромный Дрѣ, видя себя на такомъ мѣстѣ, котораго онъ никогда не смѣлъ надѣяться, не старался возвышаться еще болѣе. Онъ часто имѣлъ случай быть вмѣстѣ съ людьми изъ самыхъ знатнѣйшихъ фамилій. Вельможи и придворные нерѣдко приглашали его къ себѣ, но онъ, боясь быть не на своемъ мѣстѣ, въ присутствіи людей, столь неравныхъ ему по состоянію, благорааумно отклонялся всегда отъ подобныхъ приглашеній.

Однажды Графъ де-Жарнакъ, захватъ къ нему по случаю процесса своего съ Маркизами де Креки, удостоилъ обратить вниманіе на Иосифа, и спросилъ, кто былъ этотъ молодой человекъ? — Поздравивъ Дрѣ съ такимъ прекраснымъ и милостивымъ сыномъ, Графъ спросилъ президента, не имѣетъ ли онъ еще другихъ дѣтей, и получивъ въ отвѣтъ, что Иосифъ былъ единственный сынъ, повторилъ нѣсколько разъ съ задумчивымъ видомъ:

— Единственный сынъ! Хорошее состояніе! Мы думаемъ объ немъ.

Потомъ, рѣшась объяснить настоящую свою мысль, придворный сказалъ съ небрежностью:

— Любезный президентъ, если вы только можете назначить вашему сыну 40,000 ливровъ, то я отдаю ему руку третьей моей дочери, которая не имѣетъ склонности къ монастырю, и для которой я ограбю себя на 20,000 сфизмовъ.

— Графъ! — отвѣчалъ Дрѣ, кланяясь ему низко, — до глубины души тронуть такимъ лестнымъ для меня предложеніемъ, но этотъ союзъ...

— Я постараюсь доставить молодому человѣку какойнибудь полкъ, а до тѣхъ поръ онъ можетъ жить въ моемъ домѣ, гдѣ есть теперь цѣлый свободный этажъ, и гдѣ ему будетъ очень хорошо.

— Мнѣ очень жаль, Графъ, что на всѣ ваши, столь милостивыя предложенія — вижу я себя принужденнымъ отвѣчать отказомъ.

— Что это значитъ, любезный президентъ? Что вы говорите?

— Я говорю, что сынъ мой учился и пригото- влялся быть судьей. Къ тому же...

— Ну, такъ что жъ? Все это можно перемѣнить. Я беру его на свои руки.

— Невозможно. Я съ колыбели посвятилъ его гражданскому поприщу; онъ обрученъ съ дочерью одного изъ моихъ сослуживцевъ, и я ни за что въ свѣтъ не измѣню своему слову.

— Все это вздоръ! Подумайте хорошенько о моемъ предложеніи, любезный президентъ.

Прежде чѣмъ уѣхать, графъ потрепалъ Юсифа тихонько по щекъ, и пробормоталъ какъ будто про себя:

— Право, эта рожица недурна. Бьюсь объ закладъ, что розовый цвѣтъ этихъ щекъ очень понравится Королю, который не любитъ желтыхъ и

худыхъ лицъ. Онъ будетъ приглашенъ въ Марли и проложитъ себѣ дорогу ко всему.

Знатный баринъ сдѣлалъ потомъ пируэтъ на своихъ красныхъ каблукахъ, и потребовалъ свою карету.

Въ продолженіе этого разговора, Юсифъ нѣсколько разъ перемѣнялся въ лицѣ, потому, что выгодныя предложенія графа могли бы соблазнить всякаго не столь честнаго и упрямаго отца, какимъ былъ его отецъ; но за то сердце его билось отъ радости при рѣшительныхъ отвѣтахъ президента, имѣвшаго привычку не перемѣнять того, на что онъ однажды уже рѣшился. Къ несчастію, Шамильяръ былъ свидѣтелемъ этой сцены, и послѣ отъѣзда графа, онъ ходилъ по комнатамъ изъ угла въ уголъ, въ сильномъ волненіи.

— Другъ мой — сказалъ онъ наконецъ, остановясь предъ Дрѣ — похвально хранить свое обѣщаніе твердо и свято въ такомъ только случаѣ, если честь и разсудокъ тому не противятся, но могутъ встрѣтиться такія обстоятельства, когда упорство будетъ ложною и неблагоразумною деликатностью, и ты теперь находишься именно въ такомъ положеніи. Предложенія Графа де-Жарнака таковы, что ты по обязанности отца долженъ принять ихъ. Я во всю жизнь свою сталъ бы упрекать себя, если бы могъ сдѣлаться препятствіемъ счастію Юсифа. И такъ прошу тебя считать всѣ наши условія недѣйствительными и какъ бы никогда несуществовавшими.

«Нѣтъ, любезный другъ», отвѣчалъ Дрѣ — «ты далъ такое же торжественное обѣщаніе, какъ и я, а потому я не освобождаю тебя отъ него такъ легко. Я не потеряю, чтобы союзъ, задуманный и устроенный болѣе 18 лѣтъ тому, былъ уничтоженъ потому только, что сынъ мой немного богаче твоей

дочери. Я так же как и ты хочу заснуть съ спокойною совѣстью, а для этого ты долженъ оставить меня дѣйствовать, какъ прилично честному и благородному человѣку. Если же ты будешь еще упорствовать, то я подумаю, что ты самъ имѣешь какія нибудь причины, заставляющія тебя желать нарушенія нашего слова.

— Положимъ, что и такъ. Думай, что тебѣ угодно, только бы я самъ могъ быть спокоенъ совѣстью. Соглашаюсь на твое предположеніе, и измѣняю моему слову, потому, что это сообразно съ моими намѣреніями и планами.

— Ты, кажется, принимаешь меня за школьника, съ которымъ не хотятъ унизиться до разсужденій? Нѣтъ, чортъ возьми! Я не освобождаю тебя отъ твоей клятвы, я требую болѣе, чѣмъ когда нибудь ея исполненія, и мы увидимъ, осмѣлишься ли ты обмануть меня такимъ недостойнымъ образомъ!

«А вотъ увидимъ. Надьюсь, что безъ моего согласія свадьбы не будетъ, а я увѣряю тебя, что рѣшительно и на отръзъ откажу въ немъ.»

— Въ такомъ случаѣ ты будешь виновникомъ несчастія дѣтей нашихъ, потому, что мой сынъ останется неженатымъ до тѣхъ поръ, пока это глупое упрямство не оставитъ тебя. Не такъ ли, Иосифъ?

Бѣдный Иосифъ сдѣлалъ головою утвердительный знакъ, и отеръ крупныя слезы, выступившія на его глазахъ.

— Видишь ли — продолжалъ Дрѣ съ жаромъ — видишь ли, какъ онъ любить дочь твою!

— А развѣ ты думаешь, что дочь моя любить его меньше? Бѣдная дѣвушка! Она поплачетъ, погорюетъ немного, а потомъ утѣшится. Въ 18 лѣтъ горести не бываютъ продолжительны. Пройдетъ нѣсколько времени, и они позабудутъ другъ друга,

и будутъ сами довольны, что поступили благоразумно.

— Можно ли говорить такой вздоръ! Хорошо же: такъ ты рѣшительно не дашь своего согласія? И я въ свою очередь объявляю тебѣ торжественно и разъ навсегда, что откажу графу, такъ, что ему вѣрно не захочется возобновить свои предложенія.

— Если ты это сдѣлаешь — воскликнулъ разсерженный Шамильяръ, — то никогда не увидишь меня.

— Какъ вамъ угодно. Я непоколебимъ.

— И я также никогда не уступлю. Я очень люблю Иосифа, но такъ какъ отецъ его хочетъ противиться предопредѣленіямъ судьбы, то я, по крайней мѣрѣ, не хочу быть его сообщникомъ, и прошу Иосифа прекратить съ этой минуты свои намѣренія, и не стараться видѣться съ моею дочерью.

Шамильяръ вышелъ въ сильномъ гнѣвѣ, оставя Иосифа въ совершенномъ отчаяніи. Несчастный молодой человѣкъ зналъ, что упорство будетъ равное съ обѣихъ сторонъ. — Неудовольствіе Шамильяра увеличилось, когда онъ узналъ, что Дрѣ не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній Графа Жарнака. Проплацала цѣлая недѣля, въ продолженіе которой друзья ни разу не видались, а этого не случилось уже много лѣтъ. Мишелина сохла, какъ цвѣтокъ, лишенный жизни. Бьлокурлая ея головка печально склонялась на грудь. Отецъ начиналъ чувствовать безполезность своихъ усилій. Онъ скоро сталъ жалеть, что такъ рѣшительно произнесъ свое мнѣніе, не рѣшался однако же перемѣнить его, хотя первый шагъ къ примиренію слѣдовало бы сдѣлать ему. Онъ видѣлъ горестъ дочери, и какъ преступникъ потуплялъ передъ нею глаза. Однажды увидя Мишелину, стоящую у окна и погруженную въ глубокую задумчивость, по-

дошелъ онъ къ ней, обнялъ ее, и взявъ за руки сказалъ:

— Такъ по твоему я жестокой тиранъ? Ты такъ горда, что не хочешь даже просить меня, меня, который готовъ исполнить твое желаніе.

Молодая дѣвушка затрепетала и поблѣднѣла отъ волненія и надежды.

— Ну, полно, полно, успокойся. Чего добраго, она пожалуй упадетъ теперь въ обморокъ отъ радости. Перестань же плакать. Иосифъ прійдетъ сегодня — твоя мать пошла уже за нимъ.

Мишелина бросилась въ объятія отца, и скоро Дрѣ со всемъ своимъ семействомъ пришелъ отобѣдать у своего друга. Любовники снова могли предаваться мечтамъ о счастіи, но это счастіе было еще далеко; они должны были ожидать его еще цѣлые два года.

Одно обстоятельство, само по себѣ довольно ничтожно, но важное по послѣдствіямъ, имѣло значительное вліяніе на судьбу Шамильера. Дрѣ, для собственнаго своего удовольствія, и для развлеченія своихъ друзей, купилъ бильярдъ. Впослѣдствіи увидать, какъ долженъ былъ онъ радоваться этой покупкѣ. Участъ людей почти всегда зависитъ отъ самыхъ ничтожныхъ бездѣлицъ. Отецъ Мишелины, очень любившій карты, часто лишалъ себя этого слишкомъ дорогаго удовольствія. Съ самаго рожденія дочери, сталъ онъ копить, ливръ за ливромъ, для составленія капитала, обещаннаго имъ въ приданое, и избѣгалъ всякихъ бесполезныхъ издержекъ. — Бильярдная игра принадлежала къ числу тѣхъ, гдѣ нужна ловкость и искусство. Она заставила Шамильера, изъ экономіи, предпочесть ее всемъ прочимъ играмъ, и онъ скоро сдѣлался въ ней чрезвычайно силенъ. Надобно знать, что Лудовикъ XIV, въ то время уже

состарѣвшійся, часто страдалъ желудочною болью, происшедшею отъ дурнаго пищеваренія и не могъ садиться сейчасъ послѣ обѣда за карточный столъ, не почувствовавъ сильной головной боли. Докторъ Фагонъ рѣшительно запретилъ карты, и требовалъ, чтобы Король дѣлалъ послѣ обѣда умеренное движеніе, а какъ время, назначенное для маленькихъ игръ, не могло быть замѣнено чѣмъ нибудь другимъ, безъ совершеннаго разстройства всего Версальскаго этикета, то и придумали согласить церемоніаль съ приказаніями доктора, учредивъ игру въ бильярдъ. Королю это очень понравилось, а этого было достаточно, чтобы весь дворъ пристрастился къ бильярду. Парижъ сталъ подражать придворнымъ, и скоро бильярдъ получилъ ту же знаменитость, какую имѣлъ билбокетъ при Генрихѣ III.

Г. де Вильера, стараніями Дрѣ выигравшій весьма важный процессъ, сдѣлалъ однажды президенту честь, назвавшись къ нему обѣдать. Маршалъ, какъ настоящий придворный, былъ однимъ изъ искуснѣйшихъ игроковъ во все игры. За обѣдомъ президентъ очень хвалилъ искусство Шамильера, и маршалъ предложилъ ему партію. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что простой совѣтникъ побѣдилъ его, его, который давалъ Дофину четыре очка впередъ, и училъ Короля всемъ тонкостямъ игры! Маршалъ проигралъ еще одну партію, предложилъ сквитаться, и проигралъ опять. Раздосадованный неудачей, и увѣряя, что былъ не въ ударѣ, онъ отправился домой, и на слѣдующій день у Принца Конде говорилъ только о Шамильерѣ и объ искусной его игрѣ. — Герцогъ Граммонъ, хвастливый и тщеславный, какъ большая часть Гасконцевъ, подшучивалъ надъ маршаломъ, увѣряя, что будучи на его мѣстѣ, не далъ бы обыграть себя. Вильера, за-

дѣтый за живое, предложилъ привезти Шамильера и держать за него 1,000 экю, противъ всякаго, кому вздумается играть съ нимъ. Предложеніе было принято, и карета съ гербами Граммоновъ поскакала за совѣтникомъ.

Отецъ Мишелины явился во дворецъ Принца Конде; знатнѣйшіе герцоги королевства стали играть съ нимъ, и онъ каждый разъ выигрывалъ тому, кто держалъ за него. Принцъ Конде и Великій Пріоръ де Вандомъ, принявшіе на себя званіе посредниковъ, вздумали вмѣшаться въ игру, и Шамильеръ съ невѣроятнымъ искусствомъ и удивительною ловкостью дѣлалъ всѣ билии, которыя они назначали. Герцогъ Граммонъ проигралъ, но противникъ его умѣлъ вести себя съ такою скромностью, что всѣ эти вельможи полюбили его. Принцъ Конде пригласилъ Шамильера къ обѣду на слѣдующій день, для того, чтобы свести его съ знаменитымъ Данжо, самымъ страшнымъ изъ всѣхъ игроковъ, Данжо, которому счастье никогда не измѣняло, ни въ картахъ, ни въ костяхъ, и который оставался всегда побѣдителемъ тамъ, гдѣ дѣло касалось расчета или ловкости. Но и самъ Маркизь Данжо былъ побѣжденъ. Напрасно собиралъ онъ всѣ свои силы, напрасно призывалъ на помощь счастье, служившее ему всегда такъ усердно. Ни искусство, ни счастье, ничто не помогало — онъ былъ побѣжденъ! Его самонадѣянность, всегда столь неистощимая, поколебалась. Онъ потерялъ ту довѣренность на успѣхъ, которая приводила всегда въ смущеніе его противниковъ, и дѣлалъ свои билии съ такимъ стараніемъ, съ такою медленностью, что невольно выказывалъ свою слабость. Къ довершенію несчастія, высокіе свидѣтели его пораженія рукоплескали торжеству его соперника. Данжо умеръ бы съ отчаянія, если бы король находился при этомъ по-

раженіи. Съ яростью въ сердцѣ, возвратился онъ домой, клянясь никогда не подвергать себя новому позору, и не играть съ этими демонами, переодѣтыми въ платье парламентскаго совѣтника.

Его утѣшало только одно — незнатность рода его побѣдители, и онъ поскакалъ въ Версаль искать успѣховъ на благороднѣйшемъ поприщѣ. Но Маркизь не подумалъ о слѣдствіяхъ своей неудачи. Герцогъ Вандомскій прибылъ въ Версаль въ тотъ же вечеръ. Не обращая вниманія на умоляющіе взоры Маркиза, Великій-Пріоръ не хотѣлъ лишить себя жестокаго удовольствія посмѣяться, и всѣ пользовавшіеся правомъ присутствія при особѣ Его Величества, видя, что Король забавлялся смущеніями бѣднаго Маркиза, не пропустили случая, чтобы не посмѣяться въ свою очередь надъ Данжо. Несчастный едва не упалъ въ обморокъ, когда Король, снимая свой парикъ, спросилъ, могъ ли Шамильеръ по роду своему быть представленъ въ Версаль. Великій-Пріоръ, давъ удовлетворительный отзывъ, получилъ позволеніе привезти Шамильера въ Версаль, и представить его Королю въ маленькихъ апартаментгахъ. Можно себя представить, какъ ужасенъ былъ этотъ ударъ для Маркиза Данжо, который всѣми почестями своими и милостями величайшаго изъ Королей былъ обязанъ искусству своему въ карточной игрѣ и умѣнию составлять буриме? — Появленіе такого соперника, какъ Шамильеръ, было ужасно, и необыкновенное искусство этого новаго пришельца въ бильярдной игрѣ угрожало совершенно разрушить фортуна Маркиза, почитавшагося дотолъ искуснѣйшимъ игрокомъ въ Версали. Потому-то въ послѣдствіи, не смотря на кротость и добродушіе, заставшія всѣхъ полюбить Шамильера, только одинъ Данжо смотрѣлъ

на него всегда, какъ на челоуѣка честолюбиваго и скрытнаго.

Мишель де Шамильяръ былъ одаренъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, которые рѣдко встрѣчаются при дворѣ, и которые невольно привязываютъ къ себѣ всѣхъ. Онъ никогда не хотѣлъ первенства, и не старался овладѣть разговоромъ, а врожденное прядмудшіе и простота дѣлали его неопаснымъ. Поступки его не имѣли однако жъ въ себѣ ничего унизительнаго, и были всегда достойны хорошаго дворянина. Онъ не могъ бы нести ни какой дерзости, и потому старался всячески избѣгать споровъ, чтобы не быть принужденнымъ оставить дворъ. Въ людяхъ свѣтскихъ часто встрѣчаешь ту, дурно скрываемую гордость, которая заставляетъ ихъ, или быть невнимательными ко всѣмъ, или придавать самымъ ничтожнымъ своимъ словамъ особенную важность и произносить ихъ тономъ правоучителя. Во всю жизнь свою Шамильяръ не сказалъ ни одного слова, которое было бы особенно замѣчательно по своему остроумію, но такъ какъ онъ не имѣлъ ни какихъ претензій на остроуміе, то ему часто удавалось вызывать на уста Короля улыбку, отвѣтами, которые, будучи сдѣланы всѣми другими, показались бы, можетъ быть, пошлыми и даже глупыми. Вступленіе его ко двору Версальскому было ознаменовано тѣмъ, что онъ составлялъ партію Короля, а такимъ блистательнымъ началомъ были бы довольны самыя знатнѣйшіе изъ вельможъ Франціи. Надобно сказать также, что съ первыхъ билій, которыя онъ сдѣлалъ, искусство его оказалось во всемъ своемъ блескѣ. Казалось, шары повиновались ему безусловно, и Король два раза въ одно и то же утро воскликнулъ:

— Это удивительно!

Послѣ этого, могъ ли дворъ не восхищаться его

искусствомъ? Шамильяръ былъ однажды навсегда приглашенъ являться въ Версаль, по три раза въ недѣлю, въ опредѣленные часы. Тонкіе наблюдатели скоро замѣтили, что время, посвященное бильярду, заставляло Короля забывать всѣ прочія удовольствія, и даже дѣла государственныя. Часто случалось, что Лудовикъ XIV говаривалъ:

— Какъ досадно, что Шамильяръ не придетъ сегодня!

Все это заставляло предполагать, что совѣтникъ скоро сдѣлается Королю необходимымъ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени стали его приглашать въ Марли чаще самыхъ любимѣйшихъ фаворитовъ, и однажды, когда онъ поздравлялъ великаго Короля съ трудною и удачно сдѣланною биліею, дипломаты иностранныхъ державъ обмѣялись значительными взглядами, видя, что Его Величество вдругъ перешелъ въ отношеніи къ Шамильяру къ той фамильярности, которой бывали удостоиваемы только самыя любимѣйшіе изъ придворныхъ. Уста королевскія произнесли слѣдующія слова: «Любезный Шамильяръ!»

Вѣрный признакъ блистательной «фортуны», ожидавшей новаго любимца.

Благоразуміе, съ какимъ дѣйствовалъ Шамильяръ, ограничивался только сферою бильярда, заставляло Короля думать съ самой выгодной стороны о скромности и умѣ своего новаго друга. Нѣсколько разъ, гуляя по садамъ Версальскимъ, и въ то время, когда Его Величество приказывалъ герцогамъ надѣвать свои шляпы, эти знатные вельможи бывали принуждены стоять въ отдаленіи, чтобы оставить Короля разговаривать свободно съ новымъ своимъ любимцемъ.

Шамильяръ былъ также представленъ и г-жѣ Мент. I. — Отд. II.

тенонъ. Сюда позволялось являться только весьма малому числу придворныхъ, и эта неприступная королева также полюбила того, котораго Король отличилъ между тысячами. Въ то время, она только что учредила Сень-Сирское училище, и искала для этого заведенія управляющаго, который былъ бы ей преданъ. Выборъ палъ на Шамильера. Мѣсто это было не слишкомъ выгодно для чловѣка честнаго, и требовало большихъ трудовъ и затѣй отъ того, кто захотѣлъ бы совѣстнымъ образомъ исполнять свои обязанности, но оно было также перваго ступенью огромной лѣстницы.

Между тѣмъ двадцатая весна Юсифа и Мишелины приближалась, и имъ не доставало только одного мѣсяца до срока, назначеннаго ихъ родителями. Состояніе двухъ друзей было почти равное, и казалось, нельзя было ожидать ни какого препятствія къ счастью любовниковъ. Приданое Мишелины было уже скоплено, говорили уже о свадебныхъ приготовленияхъ. Юсифъ, пожираемый любовью и нетерпимостью, почти не покидалъ дома Шамильера, и съ грустью видѣлъ, какъ невѣста его предавалась тяжкимъ предчувствіямъ. Мишелина прибѣгала часто къ гаданью, ощипывала листочки цвѣтовъ, и почти всегда получала отрицательные отвѣты. Ничто однако же не давало повода ожидать какого нибудь несчастія.

Шамильеръ продолжалъ занимать въ парламентѣ мѣсто совѣтника, не смотря на частыя поѣздки въ Версаль, и на занятія свои по управленію Сень-Сирскимъ заведеніемъ. Однажды представилъ онъ парламенту одно весьма запутанное дѣло, которое было имъ не довольно внимательно рассмотрѣно. Слѣдствіемъ такого небреженія было то, что правый проигралъ дѣло, и едва только судъ успѣлъ произнести

свое рѣшеніе, какъ истецъ, проигравшій процессъ, прибѣжалъ къ Шамильеру.

— Мил. Гос. — сказалъ онъ ему съ отчаяніемъ; въ докладъ своею, вы не упомянули объ одной бумагѣ, которая рѣшала дѣло въ мою пользу. Справедливость была на моей сторонѣ, а между тѣмъ я поверженъ теперь въ совершенную нищету!

Дѣйствительно, на столѣ совѣтника нашлась та бумага, отъ которой зависѣла участь истца.

Въ первую минуту Шамильеръ не зналъ, что ему дѣлать, но скоро, уступивъ гласу собственной своей совѣсти, воскликнулъ онъ со вздохомъ:

— Я сдѣлалъ ошибку, непростительную ошибку, и долженъ поправить ее. Чего лишаетъ васъ этотъ процессъ?

— Двадцати тысячъ ливровъ.

— Двадцать тысячъ! Сумма значительная, но она есть у меня, я долженъ вамъ ее, и слѣдовательно, намъ не о чемъ толковать. Вотъ 20,000 ливровъ. Въ нихъ заключалось все мое состояніе — возьмите ихъ, сударь, возьмите!

Восхищенный истецъ благословляетъ благороднаго судью, проливаетъ слезы и клянется въ вѣчной благодарности, но слезы, выступившія на его глазахъ, не мѣшаютъ ему однако жъ присвоить себѣ приданое Мишелины, и онъ уходитъ, оставя Шамильера, котораго это неожиданное несчастіе поразило, какъ громомъ. Состояніе совѣтника было совершенно уничтожено, но честь его осталась неприкосновенною; оттого то мужество скоро возвратилось къ нему, и онъ, ободряя себя, какъ чловѣкъ, которому не въ чемъ себя упрекать, сошелъ въ комнату своей жены. Г. Дрѣ былъ въ то время тамъ, съ своимъ Юсифомъ, и отдавалъ своей будущей невѣстѣ прекрасную шелковую матерію, купленную имъ для

нее довольно дорого, за что г-жа Шамильяр дружески ему пеняла. Мишелина трепетала от удовольствия, и ласкала своего будущего вочима, тогда как глаза Иосифа горбли огнем радости и счастья. Сердце Шамильяра было готово разорваться на части, при мысли о томъ ударѣ, которымъ онъ долженъ былъ поразить свою дочь. Съ тяжкимъ вздохомъ привлечь онъ дочь къ себѣ на колѣни, и началъ, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ, предисловіемъ, которое никогда не общается ничего добраго. Чтобы лучше скрыть настоящей предметъ своей рѣчи, онъ сказалъ сердитымъ тономъ:

— Дочь моя! я не люблю этой излишней чувствительности, съ которою ты принимаешь все вещи. Ты теперь такъ смущена, такъ взволнована, какъ будто намъ всею угрожала смерть. Разумѣется, ты должна цѣнить вниманіе друга нашего Дрё, но этотъ избытокъ чувствительности не худо бы поберечь для случаевъ важнѣйшихъ. Въ жизни горести не рѣдки, и если бы съ нами случилось какое нибудь несчастіе, я право не знаю, какъ бы ты перенесла его, съ такимъ слабымъ здоровьемъ, и съ сердцемъ, готовымъ распасться на части при малѣйшемъ ударѣ судьбы.

При этихъ послѣднихъ словахъ Шамильяр видимо смягчился. Кровь охладѣла въ жилахъ Мишелины.

— Ахъ! — сказала она — старалась скрыть свой ужасъ — назовите же поскорѣе несчастіе, мнѣ угрожающее, и вы увидите, буду ли я уметь перенести его съ твердостью?

— Кто говорить тебѣ о несчастіи? Какой вздоръ заберегъ она теперь себѣ въ голову!.. Ужъ мнѣ эти женщины — бѣда съ ними! Однакожъ, дочь моя, не полагайся такъ много на свою твердость...

— О Боже! что-же такое случилось?..

— Право! — воскликнулъ Иосифъ — если вы не принесли намъ какой нибудь несчастной новости, то прибѣгайте къ самому странному средству успокоить вашу дочь.

— Говори прямо, другъ мой — сказала Дрё, — я очень хорошо вижу, что ты не даромъ пустился въ предисловіе.

Шамильяр, види, что не могъ откладывать далѣе объясненія, вспомнилъ объ остроумномъ оборотѣ, употребленномъ Аннибаломъ, для объявленія сенату о пораженіи Карфагенскаго флота. Онъ рассказалъ о несчастномъ процессѣ и о всѣхъ подробностяхъ сцены, бывшей между судьей и истцомъ, и потомъ оставя вдругъ рассказъ свой, обратился къ благородному, честному Дрё:

— Что бы ты сдѣлалъ въ подобномъ случаѣ? — спросилъ онъ его. — Что бы ты сдѣлалъ, если бы былъ причиной разоренія своего ближняго, и если бы въ сундукъ твоимъ была именно та сумма, какую несчастный потерялъ по твоей ошибкѣ?

— Я отдалъ бы ему ее въ ту жъ минуту.

— Такъ узнай же, что этотъ нерадивый, неосгрожный совѣтникъ — я, а капиталъ, отданный истцу — приданое моеи дочери!

— Другъ мой! ты поступилъ, какъ честный благородный человекъ. Поздравляю тебя съ этимъ. Такія несчастія не отнимаютъ у насъ ни покоя, ни сна. У Мишелины теперь нѣтъ приданого, но у тебя остается еще довольно, чтобы жить безъ нужды, а къ тому же мы довольно богаты, чтобы поправить эту бѣду. Я дамъ моему сыну лишнихъ 20,000 ливровъ, и все пойдетъ какъ нельзя лучше.

— Это значить — возразилъ Шамильяр, съ колкостью, — что ты заплатишься за мои глупости и

что я буду причиной разстройства моего друга? Забавно было бы, если бы другой продал свое серебро, желая поправить мои ошибки, и если бы я, видя это, молчал и жилъ въ избыткѣ.

— Кто тебѣ говоритъ, что я стану продавать мое серебро?.. Сумма эта для меня не такъ значительна.

— Ни одного слова болѣе объ этомъ, прошу тебя. Если я не успѣю пополнить этого жестокаго дефицита, то думаю, что дочь моя любить на столько отца своего, чтобы не потребовать отъ него въ приданое его чести. Мы отложимъ свадьбу на шесть мѣсяцевъ, на десять лѣтъ, если это необходимо. Дочь моя будетъ горевать, но твердость не оставитъ ея, когда она увидитъ, что я раздѣляю ея горести.

Мишелина закрыла лице руками, видя бездну, которая разверзалась предъ нею. Дрѣ начиналъ сердиться.

— Такъ-то, — ворчалъ онъ про себя — подъ предлогомъ чести, этотъ несносный человекъ повергаетъ въ несчастіе все что любить. Шамильяръ! ты станешь самъ когда нибудь раскаиваться въ этомъ глупомъ упрямствѣ.

— Никогда, сударь, никогда. Вы сами сказали сію минуту, что это такіа несчастія, которые не лишаютъ ни покоя, ни сна.

«Безумецъ! приготовься же заснуть на могилѣ твоей дочери!» воскликнулъ Дрѣ, бросаясь къ упавшей въ обморокъ Мишелинѣ.

Не смотря на тягостныя чувства, обременявшія Шамильяра, онъ былъ однакожъ принужденъ оставить свою несчастную дочь и огорченныхъ друзей, чтобы спѣшить въ Версаль, гдѣ его ожидалъ Король. Въ первый разъ въ жизни понялъ онъ все рабство придворныхъ, которымъ этикетъ повелѣваетъ скрывать свои горести, и съ веселымъ лицомъ являться

во дворецъ, гдѣ юпитеровскія брови властителя сморщивались и становились грозными для того, кто не умѣлъ скрыть своихъ внутреннихъ страданій. Въ этотъ день, Данжо, во всю жизнь свою незнавший, что такое горестъ сердца, привелъ въ восхищеніе великаго Короля чудесными ударами. Герцогъ де Лозанъ, самый отчаянный изъ всехъ придворныхъ игроковъ, проигралъ уже ему четыре тысячи экю, и появленіе Шамильяра не поколебало самонадѣянности счастливаго маркиза.

— А! любезный Шамильяръ! ты пріѣхалъ кстати. Этотъ дьяволъ Данжо обращается съ нами какъ съ имперцами. Мнѣ хочется отплатить ему, и ты будешь со мною въ половинѣ.

Въ ту же минуту началась самая интересная партія. Шамильяръ и Король были съ одной стороны; Данжо и Венеціанскій посланникъ съ другой. Фортуна довольно долго, казалось, благопріятствовала счастливому маркизу, но Шамильяръ, смѣлымъ и неожиданнымъ ударомъ, перетянулъ на свою сторону прихотливую богиню, и не оставяя кіа, сдѣлалъ двѣнадцать очковъ. Данжо, разгоряченный игрою, потребовалъ реванжа. Новая битва, съ большимъ противъ прежняго остревеніемъ, началась между противниками, но результатъ былъ тотъ же, потому что Король сбилъ маркиза, начавъ смѣяться надъ небольшою ошибкою, сдѣланною симъ послѣднимъ. Послѣ долгой и трудной борьбы, маркизъ былъ побѣжденъ; Король уступилъ своему половинчику весь свой выигрышъ, и Шамильяръ увидѣлъ себя обладателемъ почти тысячи ливровъ, или 80,000 ливровъ. Отецъ Мишелины, освобожденный такимъ образомъ отъ своихъ домашнихъ заботъ, сдѣлался опять веселымъ, какимъ бывалъ обыкновенно. Желая доставить удовольствіе Королю, пустился онъ въ длинную и уче-

ную диссертацию о бильярдной игрѣ. Данжо, старавшійся возстаать противъ его теоріи, сталъ его опровергать. Тогда Шамильяръ рѣшился сказать утвердительно, что для искуснаго игрока карамболь былъ всегда возможенъ. Въ то время, бильярдная игра не была еще доведена до такого совершенства, какъ нынче, и слова эти были, можетъ быть, парадоксомъ. Смѣлость Шамильяра очень понравилась Королю, а чтобъ показать, что онъ любилъ по-королевски награждать заслуги, подвергнувъ ихъ прежде испытанію, Лудовикъ XIV поставилъ три шара въ одну линію на діагонали бильярда, и сказалъ совѣтнику:

— Если ты сдѣлаешь по этимъ шарамъ карамболь, то тебѣ будутъ назначены комнаты во дворцѣ.

Всѣ присутствовавшіе взглянули другъ на друга. Зависть и досада отражались въ ихъ взорахъ, потому, что комнаты во дворцѣ Версальскомъ давались только самымъ знатнѣйшимъ вельможамъ, и, слѣдовательно, Шамильяръ въ день своего вступленія во дворецъ долженъ былъ неминуемо получить какое нибудь значительное мѣсто при особѣ Короля. Скоро увидать, въ чемъ состояли тайныя намѣренія Лудовика XIV, въ отношеніи къ своему новому любимцу. Шамильяръ, не подозрѣвавшій еще ихъ, призвалъ на помощь всю силу своей руки, всю вѣрность глаза и, потомъ прицѣляясь съ большею противъ обыкновеннаго тщательностію, ударилъ наконецъ съ силою, весьма искусно соразмѣренною. Шаръ его коснулся первой билии, описалъ совершенно правильный ромбъ, и ударился о вторую билию при громкихъ рукоплесканіяхъ Его Величества. — Этимъ ударомъ Шамильяръ уничтожилъ всѣ препятствія, которыя мѣшали его будущей фортунѣ; мракъ, окружавшій его, разсѣялся внезапно, и дорога широкая,

гладкая, прямая, какъ аллея парка, представилась его удивленнымъ взорамъ.

Ропотъ неудовольствія и безпокойства пробѣжалъ по галерее.

— Что-будетъ завтра? — говорили многіе. — Ничтожному парламентскому совѣтнику обѣщали комнаты во дворцѣ!

— Не хотятъ ли его сдѣлать маркизомъ — говорилъ съ презрительнымъ видомъ Данжо, забывая свое двусмысленное происхожденіе.

— Что касается до меня — говорилъ одинъ камеръ-юнкеръ — я не уступлю ему менѣе милліона мѣста моего въ гардеробѣ. Не думаю однакожь, чтобы онъ съ одного скачка могъ забраться такъ высоко.

— Онъ вѣрно получить какую нибудь должность по интендантской части...

— Замолчите! — сказалъ одинъ изъ придворныхъ, знавшій хорошо въ чемъ было дѣло. — Завтра будетъ онъ цѣлою головою выше всѣхъ насъ.

— Какой онъ славный человекъ!

— Какъ превосходно дѣлаетъ онъ карамболь!

Шамильяръ, видя, что вѣтеръ благопріятствовалъ его челноку, бросился въ свою наемную карету, съ легкостью и проворствомъ настоящаго придворнаго. Онъ потиралъ себѣ руки, потраховывалъ карманами, наполненными золотомъ, и съ восхищеніемъ думалъ о томъ, что везетъ въ домъ свой прежнее счастье и радость. Между тѣмъ, какъ онъ скакалъ по Версальской дорогѣ, семейство его составило совѣтъ о мѣрахъ, какія должно было принять, чтобы исторгнуть у него согласіе на свадьбу. Дрѣ, который въ цѣлую жизнь свою сердился едва ли три раза, выведенный изъ терпѣнія, бѣсновался, какъ дьяволъ, и произносилъ тысячи пелѣгнѣйшихъ угрозъ.

Онъ хотѣлъ продать свой домъ, собрать 100,000 франковъ, и похитивъ Мишелину, обвинять ее съ своимъ сыномъ. Иосифъ всячески старался подстрекать отца, и хотѣлъ ѣхать въ ту же минуту. Обѣ матери были благоразумны, и старались прислать какое нибудь другое, не столь отчаянное средство, а Мишелина молчала и плакала. Въ такомъ-то положеніи засталъ ихъ всѣхъ Шамильяръ.

— Прочь всѣ горести и слезы! — воскликнулъ онъ, входя въ комнату — я за одинъ разъ угожу всѣмъ вамъ. Иосифъ можетъ обвиняться съ моею дочерью, когда ему угодно, и такъ конецъ всѣмъ спорамъ и ссорамъ!

— Согласись однакожь, — отвѣчалъ Дрё — что ты совершенно напрасно промучилъ насъ цѣлый день.

— Пусть такъ, но я не хочу, чтобы со мной бранились, и позволяю идти въ церковь, когда вамъ вздумается.

— Стоило же такъ терзать дочь свою!

— Я буду умѣть заслужить прощеніе. Я знаю мою Мишелину, и увѣренъ, что она не будетъ неумолима.

— Ну, дѣлать нечего. На тебя нѣтъ возможности сдаться.

— Надѣюсь, любезный Дрё!.. Но, вы право престранныя созданья; вы даже не спросили, что заставило меня переменить свое намѣреніе! Вы принимаете меня за втреника или за упряма, который находитъ удовольствіе огорчать друзей своихъ. Будьте однако жъ, увѣрены, что я никогда бы не согласился выдать дочери моеѣ за челоуѣка богатого, если бы не могъ дать ей приличнаго приданаго.

— Опять!.. Ты опять принимаешься за старое?

— Терпѣніе! Терпѣніе!

Шамильяръ высыпалъ на столъ свертокъ блестящихъ и звонкихъ луидоровъ, которые до тѣхъ поръ знали только шелковые и бархатные карманы. Объяснивъ, какимъ образомъ досталось ему это богатство онъ, наконецъ, разсказалъ о чудесномъ карамболѣ, доставившемъ ему жилище во дворцѣ Версальскомъ. При этой новостѣ Дрё отступилъ на три шага.

— О! О! — воскликнулъ онъ — комнаты близъ Короля!.. Это не шутка! Знаешь ли, что ты сталъ наравнѣ съ самыми знатными вельможами королевства? Тебѣ, вѣрно, дадутъ какое нибудь почетное мѣсто.

Въ эту самую минуту у дома остановилась карета. Двери отворились съ шумомъ, и единственный слуга Шамильяра доложилъ о маршалѣ Герцогѣ де ла Фельядѣ.

Маршалъ, отличавшійся стройностью стана и прелестью лица, явился раздраженный, какъ принцъ; всѣ манеры его, преисполненныя какой-то особенной ловкости и щеголеватости, были замѣчательны даже во дворцѣ Версальскомъ; въ жилищѣ же простаго дворянина они казались чѣмъ-то необыкновеннымъ, и какъ будто разливали вокругъ себя блескъ другаго міра.

— Вотъ онъ! Вотъ этотъ милый Шамильяръ! — сказалъ герцогъ, поклонясь дамамъ. — Вы слишкомъ поспѣшно насъ оставили, любезный другъ, но я этому очень радъ, потому, что уѣзжая въ Парижъ, могъ принять на себя пріятное порученіе. Вы получаете портфель финансовъ.

— Я, герцогъ. Это вѣрно ошибка.

— Ошибка! Я извѣстенъ при дворѣ, какъ челоуѣкъ, знающій всѣ новости, лучше и прежде, чѣмъ кто нибудь. Прошу этому вѣрить. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мнѣ нельзя хвалиться проникаемостью, потому что это офиціальная новость.

Самъ Король поручилъ мнѣ увѣдомить васъ объ этомъ назначеніи.

— Вы приводите меня въ большое смущеніе, герцогъ. Я плохо знаю дѣла финансовыя. Ответственность огромная, и я, право, не могу принять такого милостиваго назначенія.

Слуга Шамильера перебилъ фразу герцога, доложивъ, что ужинъ поданъ.

— А! вотъ болванъ, котораго вы вѣрно не оставите у себя. Завтра подобная неловкость была бы непростительна. Сегодня она только заставляетъ васъ пригласить меня къ вашему фамильному ужину.

— Я боюсь, герцогъ, что онъ будетъ недостойнъ васъ.

— Какъ вамъ угодно, а я настанваю, чтобъ вы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ. Вы министръ, и мнѣ очень пріятно, что я могу съ нынѣшняго же вечера доказать вамъ все мое уваженіе. Эта прекрасная двушка, вѣрно, дочь ваша.

— Точно такъ, герцогъ.

— Примите же мое поздравленіе, она прелестна! Чортъ возьми! — Вы, кажется, лобезный де Шамильеръ, издавна начали хлопотать о славѣ Франціи: только этихъ прекрасныхъ глазъ не доставало при дворѣ. Сударыня! смѣю просить васъ удостоить меня чести быть моего дамой на первомъ балѣ, который вы украсите своимъ присутствіемъ. Выучите быстрый курашъ; танецъ этотъ теперь въ большой модѣ, и приличенъ рѣзвой юности. Мы произведемъ большой эффектъ,—я въ томъ увѣренъ.

Герцогъ подаль руку г-жѣ Шамильеръ, и всѣ отравились въ столовую. Во время ужина, маршалъ не умолкалъ ни на минуту. Онъ очень любилъ хорошо поѣсть, и тянулъ преисправно старое бургонское, вытасченное изъ погреба собственнo для него.

«Любезный другъ,» сказалъ онъ, наливая послѣдній стаканъ—примите мой совѣтъ, и старайтесь воспользоваться настоящимъ своимъ положеніемъ... Обратите вниманіе на существенное, и купите хорошія помѣстья. Вы человекъ честный, но вы еще молоды и имѣете семейство; чтобы уладить все какъ должно, выдайте вашу дочь, и потомъ дожидайтесь спокойно конца. Самыя блистательнѣйшія партіи представляются сами, такъ что вамъ не нужно будетъ и хлопотать объ этомъ. Дѣвица де Шамильеръ скоро увидитъ у ногъ своихъ самыхъ знатныхъ и самыхъ гордыхъ, и ей то будетъ назначено устроить вашу будущность на прочныхъ основаніяхъ. — Чортъ возьми! Я только шесть мѣсяцевъ, какъ овдовѣлъ, и если бъ позволяли приличія, то сію же минуту сдѣлалъ бы вамъ предложеніе.

— Герцогъ! честь имѣю представить вамъ моего зятя г. Іосифа Дрѣ. Прежде двухъ недѣль, дочь моя будетъ съ нимъ обвѣнчана. Я далъ уже слово.

— Если такъ, то забудьте мои слова. Я какъ будто и не говорилъ, и поздравленія мои отнесутся къ г. де... Какъ васъ зовутъ, молодой человекъ?

— Іосифъ Дрѣ, къ услугамъ вашимъ.

— Ну, г. Іосифъ Дрѣ, вамъ нельзя жаловаться на судьбу, и теперь вамъ остается только одно — постараться, чтобы г. де Шамильеръ не рассказывалъ, что отдалъ вамъ свою дочь.

Когда ужинъ кончился, ла Фельдъ простился съ хозяевами съ любезностью, ловкостью и благородною привѣтливостью, къ которой могъ быть способенъ только герцогъ, и которою онъ обладалъ болѣе, чѣмъ многіе герцоги.

Г. Дрѣ, не сказавшій въ цѣлый вечеръ ни одного слова, схватилъ сына своего за руку, и поспѣшно выпшелъ съ нимъ изъ дома своего друга. Проходи

по улицамъ города, Иосифъ съ трепетомъ внималъ отрывистымъ словамъ, вылетающимъ изъ устъ отца:

— Утромъ былъ онъ совершенно разоренъ, и такъ бѣденъ, что не хотѣлъ отдать дочери за моего сына; вечеромъ онъ вельможа; завтра будетъ онъ жить въ Версали, а чрезъ нѣсколько дней станетъ управлять всею Франціей. Право, есть отъ чего сойти съ ума! Маршалъ сказалъ правду. Мишелина должна блистательнымъ союзомъ упрочить на будущее время состояніе своего отца. Безъ этого — Шамильяръ, снова впалъ бы въ ничтожество. Этотъ чрезвычайный случай долженъ разлучить насъ, но надобно умѣть любить своихъ друзей, для нихъ самихъ и для себя. — Я знаю его. Изъ пустой романической деликатности, онъ испортитъ все свои дѣла, и будетъ опираться на слово, имъ данное, но на этотъ разъ я въ свою очередь буду непоколебимъ, какъ утѣсь. Но полно объ этомъ. Судьба смѣется надъ нашими планами, покоримся ея опредѣленіямъ!

Легко догадаться, что въ этотъ вечеръ, какъ у Дрё, такъ и у Шамильяра, все улеглось очень поздно, и что никто не могъ заснуть. На разсвѣтъ, Дрё вскопчилъ съ кровати и побѣжалъ въ комнату сына. Иосифъ держалъ въ рукахъ шляпу, и собирался идти со двора.

— Куда вы, сударь? — спросилъ отецъ строгимъ тономъ.

— Въ палату.

— Неправда. Ты идешь къ г-жѣ Шамильяръ! Ложь эта доказываетъ уже, что ты понялъ, въ чемъ состоятъ твои обязанности. Не надѣйся, чтобы я когда нибудь позволилъ тебѣ измѣнить имъ. Если сынъ мой негодяй, рассчитывающій по пальцамъ выгоды, которая онъ можетъ приобрести отъ неосторожнаго слова, даннаго другимъ, то у меня достанетъ довольно

твердости и чести не допустить его до такой подлости. Выслушай меня: положимъ, что кто нибудь продалъ тебѣ вчера домъ, и что сегодня утромъ, прежде чѣмъ ты успѣлъ вступить въ обладаніе своею покупкой, прежній хозяинъ нашелъ въ своемъ погребу значительное сокровище. Положимъ также, что продавецъ, по избытку честности, отдавалъ тебѣ домъ, уступаетъ также и сокровище. — Скажи, не безчестно, не подло ли было бы воспользоваться его великодушіемъ?

— Ахъ! батюшка, что такое домъ, что сокровище! Я не хочу богатства г. де Шамильяра — пусть онъ оставитъ его у себя; но Мишелина должна быть моею. Я люблю и никогда не перестану любить ее!

— Сынъ мой! ты могъ любить ее, когда она была тебѣ равною, а теперь долженъ отказать отъ нея. Съ совѣстью нельзя дѣлать ни какихъ условій, а эта любовь совершенно ей противна. Я не говорю тебѣ о толкахъ свѣта, который самую вѣрность твою приметъ за корыстолюбіе. Все эти вздоры не имѣли бы на меня ни какого вліянія, если бы честь позволяла мнѣ исполнить то, чего желаетъ твое сердце, но повторю тебѣ, спроси собственную свою совѣсть и покорись ея голосу.

— Батюшка — воскликнулъ Иосифъ съ жаромъ — я человекъ благородный и достоинъ носить ваше имя. Ни за что на свѣтѣ не захотѣлъ бы я запятнать его. Если Мишелина, если отецъ ея, или кто нибудь изъ ея семейства, обнаружатъ хоть малѣйшее желаніе, чтобы связи наши были разорваны, я не стану колебаться ни минуты, и принесу въ жертву мое счастье и спокойствіе. Но если разлука эта сдѣлала бы Мишелину несчастливой, если бы другъ вашъ и г-жа Шамильяръ огорчились ею, то не лучъ

ше ли будетъ сдѣлать насъ всѣхъ счастливыми, остави мнѣ жизнь? Да, батюшка, я говорю вамъ торжественно: лишая меня Мишелины, вы лишаете сына вашего жизни. . . .

— Ты добрый сынъ, Иосифъ. Обними меня, другъ мой. Я вижу, ты будешь имѣть довольно твердости и мужества. Вѣрь мнѣ, отъ любви не умираютъ, тѣмъ болѣе, когда совѣсть говоритъ намъ, что мы поступили благородно. Напротивъ, только спокойная совѣсть дѣлаетъ нашу жизнь счастливою и спокойною.

— Батюшка батюшка! я никогда не преступлю вашей воли; дѣйствуйте какъ вы хотите, но я сказалъ уже вамъ: дѣло идетъ о моей жизни. Если я лишусь Мишелины, у васъ не будетъ болѣе сына!..

— А было бы очень жаль потерять такого добраго, благороднаго сына,—сказалъ Шамильяръ, стоявшій за дверью.—Но мы сохранимъ его. Успокойся, Иосифъ вчеря я сознался въ своей винѣ, а Дрѣ сознается сегодня въ своей.

— Не надѣйся поколебать меня въ моей рѣшимости, Шамильяръ. Мое положеніе вовсе не похоже на твое. Десница Всемогущаго сама указываетъ тебѣ путь, по которому ты долженъ ити отъ меня, и ты не можешь отклониться отъ него ни на шагъ, не раздраживъ Предвѣчнаго противъ всего своего потомства. Богъ видимо противится нашимъ безумнымъ желаніямъ и разрываетъ наши связи. Я покорюсь его святымъ опредѣленіямъ, и возвращаю тебѣ твое слово.

— Этого только не доставало. Но нѣтъ, теперь моя очередь сказать тебѣ: несчастный! ты губишь своего сына! О, я не допущу тебя до этого.

— Иосифъ будетъ мнѣ повиноваться. Онъ далъ мнѣ слово.

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ оставитъ тебя!.. Я буду его

отцемъ; семейство его будетъ не здѣсь, а въ моемъ домѣ. Слышишь ли, Иосифъ, когда всѣ эти жестокости выведутъ тебя изъ терпѣнія, приходи ко мнѣ. Если чрезъ двѣ недѣли, въ день, назначенный для твоей свадьбы, болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, онъ откажетъ тебѣ въ согласіи своемъ—брось его, и приходи ко мнѣ. Ты найдешь у меня и приборъ за столомъ, и уголь для кровати. Да, чортъ возьми! Мы обвѣнчаемся на зло ему, и пусть буду я не Шамильяръ, если не сдѣлаю этого!

Отецъ Мишелины ушелъ, хлопнувъ дверью, и поспускалъ въ Версаль.

По прибытіи въ Версаль, съ откровенностью признался Шамильяръ Королю въ своихъ слишкомъ недостаточныхъ свѣдѣніяхъ по части финансовой; увѣрялъ, что такая трудная и важная обязанность пугаетъ его, и умолялъ Его Величество дать ему какую нибудь не столь высокую должность, въ которой онъ могъ-бы приучиться къ дѣламъ, и потому уже принять портфель финансовъ, если это только будетъ непременно угодно.—Онъ никакъ не подозрѣвалъ, что отзывался такимъ образомъ о своей неспособности, онъ только болѣе и болѣе укрѣпить Короля въ его намѣреніи.

«Другъ мой,» сказалъ ему Лудовикъ XIV, съ улыбкой: «эта недовѣрчивость къ самому себѣ доказываетъ твой умъ; ты конечно новичокъ, но я уже состарѣлся въ работѣ, и я буду твоимъ половинникомъ въ дѣлахъ твоего министерства.

— Государь! противиться долѣе такимъ милостямъ значило бы быть неблагодарнымъ. Я принимаю портфель, и если Ваше Величество обѣщаете помогать мнѣ совѣтами, то я чувствую въ себѣ теперь болѣе смѣлости.

Т. I. — Отд. II.

— Надюсь, что дѣла наши пойдутъ не совсѣмъ дурно. Во - первыхъ должно теперь похлопотать, чтобы тебя уважали при дворѣ. Правда, тебя всѣ любятъ, но этого недостаточно. Дано тебѣ 100,000 ливровъ на первое обзаведеніе. Постарайся устроить домъ свой приличнымъ образомъ, и не отклоняйся даже отъ роскоши. Найми для своего семейства въ городъ домъ. Говорятъ, что дочь твоя хороша; я не забуду объ ней.

Шамильяръ разинулъ уже ротъ, чтобы сказать Королю, что рука Мишелины была уже торжественно обѣщана, но Король заговорилъ въ эту минуту, и онъ былъ принужденъ молчать.

Мишелина съ грустью оставила Парижъ, и съ сожалѣніемъ промѣняла скромный свой домикъ на богатый Версальскій замокъ. — Разставаясь съ своею маленькою комнаткою, она дала сама себѣ клятву быть вѣрною бѣдному Іосифу посреди шума и оболъщенной новой своей жизни. — Грусть давила ей сердце, когда она садилась въ карету, присланную Шамильяромъ, но лошади несли такъ быстро, и дорога, отдѣлявшая Парижъ отъ Версаля, была такъ разнообразна, что грусть скоро уступила мѣсто любовиству. Комнаты Мишелины, обращенныя окнами къ дворцу, были обширны и меблированы роскошно. Искусныя швеи ожидали ея приказаній и шили ей множество богатыхъ платьевъ; самыя драгоценнѣйшія матеріи пищали подъ ножницами. Вечеру былъ назначенъ при дворѣ балъ, и г. де Шамильяръ долженъ былъ представить семейство свое Королю. Въ такой хлопотливый день можно ли было найти минуту, чтобы поплакать? Потому - то слезы и печали сердца были отложены до слѣдующаго дня. Часто бывало, въ городскихъ гостиницахъ, Мише-

лина въ минуту своего прибытія видѣла завистливые взоры женщинъ, старавшихся найти какойнибудь недостатокъ или въ ней самой или въ ея уборѣ; оттого - то мысль, что она должна явиться въ первый разъ при дворѣ приводила ее въ трепетъ; но она была пріятно удивлена, видя, что церемонія представленія не имѣла въ себѣ ничего страшнаго. Версальскія дамы такъ хорошо знали свѣтъ, что не позволили себѣ обратить нескромнаго вниманія на новое лице; къ тому жъ головы ихъ были заняты совсѣмъ не тѣмъ; дочь Шамильяра чувствовала себя даже гораздо болѣе свободно въ обществѣ красавицъ высшаго дворянства, нежели въ среднемъ кругу, незнакомомъ съ утонченными обычаями свѣта. Герцогъ де ла Фельдъ танцевалъ съ Мишелиной, а какъ онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ кадрилихъ, то красота и миловидность его дамы не ускользнули отъ общаго вниманія. Г-жа де Ментенонъ, была скупа на любезность, но посадила молодую дѣвушку рядомъ съ собою, и разговоривала съ нею, такъ долго и такъ ласково, что всѣ придворные были чрезвычайно удивлены. Мишелина оставила дворецъ послѣ полуночи, съ воображеніемъ полнымъ удовольствіями вечера. Взглянувъ въ зеркало, чтобы полюбоваться еще разъ своимъ богатымъ бальнымъ платьемъ, увидѣла она на каминѣ букетъ цвѣтовъ.

Въ Парижѣ, Іосифъ имѣлъ привычку приносить ей каждый день свѣжіе цвѣты; бѣдный молодой человекъ явился также и въ Версаль съ своимъ обычнымъ жертвоприношеніемъ, и оставя свой даръ въ комнатѣ своей подруги, танцовавшей въ то время на балѣ, удалился съ стѣсненнымъ и полнымъ горести сердцемъ.

Человѣкъ существо, подверженное вліянію мѣтно-

сти. Если вы хотите отвлечь его от какойнибудь постоянной идеи, увезите его из дома, где онъ жилъ, въ отдаленную сторону, къ людямъ совершенно ему чуждымъ, и вы увидите, какъ скоро онъ переменится. Мишелина почти уже свыклась съ новою своею жизнью, но цѣвты, оставленные Иосифомъ, напомнили ей дѣвственную ея компантку, и разбудили въ ея душѣ любовь, уснувшую на минуту. Она легла въ постель съ глубокимъ вздохомъ, и заснула съ именемъ Иосифа на устахъ.

Если читатель принимаетъ участіе въ Иосифѣ, то, конечно, страшится за его счастье. Мы должны однако жъ успокоить его на этотъ счетъ. Дочь Шамильера проснулась съ твердымъ намѣреніемъ прибѣгнуть къ какойнибудь рѣшительной мѣрѣ для соединенія съ другомъ своего сердца. Женщины всегда упрекали въ томъ, будто бы онъ подстрекаютъ насъ къ дурнымъ дѣламъ, но, сказать правду, какъ часто случалось намъ получать отъ нихъ добрые совѣты! Прекрасный полъ плодovitъ на выдумки, и мы не знаемъ еще, сколько счастливыхъ, великихъ идей внушали женщины людямъ знаменитымъ и славнымъ!

Мишелина вошла въ кабинетъ Шамильера, и склонивъ на плечо добраго отца своего, сказала ему тихонько:

— Неужели не найдемъ мы ни какого средства побѣдить упрямство г-на Дрѣ?

— Успокойся. Мы заставимъ его образумиться, а если онъ не захочетъ уступить нашимъ просьбамъ, такъ увеземъ у него сына.

— Лучше бы было получить отъ него добровольное согласіе, нежели прибѣгать къ отчаяннымъ

средствамъ. Иосифъ не можетъ жениться безъ позволенія своего отца, и если я не выйду за него замужъ въ тотъ день, когда намъ исполнится 20 лѣтъ, то всѣ ваши планы будутъ разрушены.

— Получить добровольное согласіе! — Это не легко.

— Во всю эту ночь придумывала я, какую бы намъ употребить хитрость, и, кажется, нашла довольно удачную, но я боюсь, что вы не одобрите ея.

— Говори, другъ мой — посмотримъ, въ чемъ состоитъ придуманная тобою хитрость.

— Нельзя ли вамъ будетъ повидаться съ вашимъ другомъ, дня за два до назначеннаго срока, и сказать ему, что ваша новая должность превосходить и ваши дарованія и ваши силы, что вы дурно успѣли въ первыхъ вашихъ работахъ, и что вы рѣшились подать Королю просьбу объ отставкѣ? Другъ вашъ подумаетъ, что вы обратились опять въ прежнею ваше состояніе, и не станетъ противиться свадьбѣ. А будучи уже разъ обвинчанъ, Иосифъ....

— Конечно, но вѣдь это будетъ ложь, а ты знаешь, что я не имѣю привычки лгать. Впрочемъ, я подумаю объ этомъ: кажется, хитрость эта не такъ преступна. Можетъ быть, совѣсть моя и позволить мнѣ прибѣгнуть къ ней.

Мишелина говорила такъ краснорѣчиво, что отецъ саркастично вздумалъ употребить это средство. И вотъ Шамильеръ отправился къ г. Дрѣ и сказалъ ему:

— Ну, любезный другъ я опять то же, кажется, что былъ прежде. Царствованіе мое миновалось.

— О Боже! немилость!

— Нѣтъ, мой другъ, чистая отставка. Я не чувствую въ себѣ способностей для высшихъ должностей, и уже надѣлалъ такое множество ошибокъ, что хочу просить Короля принять отъ меня просьбу объ отставкѣ. Я жалѣю о моей спокойной ничтожности, и негодовалъ на форуну, ставшую между нами для того только, чтобы разлучить насъ. Увѣренъ, что ты не долго станешь бы упорствовать въ своемъ намереніи на счетъ Иосифа, но теперь всѣ препятствія уничтожаются сами собою. Да, любезный Дрѣ, мы съ тобой скоро будемъ дѣдушками, и если дастъ Богъ, то попируемъ на свадьбѣ нашихъ внуковъ.

— Оставимъ пустыя мечты о будущемъ, и займемся лучше настоящимъ. Король, можетъ статься, будетъ недоволенъ твоимъ отказомъ.

— Ну, такъ что же? Его Величество не станетъ противиться моей отставкѣ, и чрезъ два дня мы сыграемъ свадьбу.

— Все это очень меня беспокоитъ. Часто бываетъ гораздо опаснѣе отказаться отъ величія, чѣмъ добиться его.

— Не бойся ничего, другъ мой, и поговоримъ лучше о нашихъ дѣтяхъ. Имъ на дняхъ исполнится 20 лѣтъ.

— Знаю, но подумаемъ лучше о твоемъ затруднительномъ положеніи.

— Мы обвиняемъ ихъ безъ шума въ церкви Спасителя. — На свадьбѣ не будетъ ни одного придворнаго — у воротъ ни одной кареты. Скажи: твой Иосифъ все еще попрежнему любить мою дочь?

— О! онъ любить ее до безумія!..

— И Мишеллина также!... Милыя дѣти!.. я буду давать имъ по 10 т. экю въ годъ.

— Ты сошелъ съ ума!.. Да гдѣ возьмешь ты денегъ?

— Я шучу. Они будутъ жить вмѣстѣ со мною, не такъ ли?

— Невозможно, любезный другъ. Вѣдь ты самъ подумай, что отставка твоя истощитъ твой кошелекъ. Я возьму ихъ къ себѣ въ домъ.

— Признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы они жили со мною. Ты вѣрно не станешь оспаривать ихъ у меня. Мой домъ просторенъ, и я дамъ имъ четверку лошадей.

— Клянусь Богомъ, Шамильяръ — ты боленъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я такъ радъ своей свободѣ, и тому, что могу сдѣлать Иосифа счастливымъ.

Люди благородные и честные, непонимающіе возможности обмануть своего ближняго, вообще очень легковѣрны. Не смотря на то, неумѣнье Шамильяра лгать пробудило въ душѣ друга его кой-какія подозрѣнія, и чтобы во всемъ хорошенько, увѣриться отправился онъ къ Герцогу Вильеруа, оттуда къ маршалу ла-Фельяду, и наконецъ къ Маркизу Данжо; всѣ они увѣрили, что Шамильяръ никогда не былъ въ такой силѣ, какъ въ это время. Можно себя представить, какъ великъ былъ гнѣвъ Г. Дрѣ, когда онъ узналъ объ обманѣ Шамильера! Возвратясь въ Парижъ, онъ написалъ къ нему слѣдующее письмо:

«Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ мы знакомы съ тобою, другъ мой, и вчера въ первый разъ рѣшился ты употребить ложь и обманъ, для того, чтобы сорвать меня съ пути, который указываютъ мнѣ долгъ и честь. Ты никогда не рѣшился - бы на подобное преступленіе, если бы не былъ придворнымъ. Съ горестью вижу, что воздухъ, въ которомъ ты жи-

вещь так недавно, произвелъ уже на тебя свое обыкновенное дѣйствіе. Радуюсь за дочь твою, что слухъ о твоей отставкѣ несправедливъ, но не знаю, долженъ ли радоваться за тебя, потому, что начинаю понимать невозможность сохранить въ величинѣ простоту сердца и искренность души. Ты, вѣрно, долго удержишься на мѣстѣ, которое занимаешь теперь, обладая всеми качествами, необходимыми человѣку придворному. Случается однако жъ, что и самые искусившіе люди попадаютъ въ сѣти, ими самими разставленныя, какъ это было теперь. Желаю, чтобы этотъ урокъ научилъ тебя, и послужилъ тебѣ въ пользу на будущее время. Не скрою отъ тебя, что сынъ мой въ отчаяніи отъ неудачи твоей хитрости, но любовь до того отуманиваетъ его разумъ, что я принужденъ простить его. Когда подумаю о могуществѣ страстей, угрожающихъ опасностью, то чувствую, какъ счастливъ Юсифъ, имѣя твердаго непоколебимаго отца, но въ то же время меня тяжело огорчаетъ увѣренность въ томъ, какъ трудно не совратиться съ пути чести и добродѣтели.»

Эти строгіе упреки сильно встревожили добраго, честнаго Шамильера. Къ счастью, Мишелина умѣла вразумить его, что хитрость, имъ употребленная, была простибельна, потому что имѣла благородное намѣреніе, и что г. Дрѣ въ свою очередь могъ быть не совсѣмъ правъ, измѣнивъ слову, данному имъ такъ торжественно за 20 лѣтъ. Къ тому же, она такъ горько плакала, что добрый отецъ рѣшительно отказался отъ излишней совѣстливости, и ломалъ себѣ голову, какъ-бы придумать какую нибудь новую, лучшую хитрость.

Кажется, было опредѣлено свыше, что день этотъ

долженъ рѣшить участь Мишелины. Шамильеръ, кончивъ работу свою съ Королемъ, нашелъ его въ веселомъ расположеніи духа, и готоваго говорить съ нимъ о постороннихъ вещахъ.

— Г. де Шамильеръ, — сказала Королю — мнѣ надобно поговорить съ вами о вещахъ, касающихся собственно до васъ. Честолюбцы, види, вашу фортуны, добиваются уже средствъ, какъ-бы раздѣлить ее съ вами. Они обратили вниманіе на вашу дочь, которая такъ мила и прекрасна, и Герцогъ ла-Фельдь поручилъ кой-кому развѣдать, можетъ-ли онъ просить у васъ ея руки. Герцогъ весь въ долгу; онъ хочетъ устроить свои дѣла богатою женитьбою. Къ тому же про него носятъ разные довольно невыгодные слухи. Думаю, что вы не пожелаете имѣть такого зятя. Дочь ваша выиграетъ немного въ отношеніи знатности, и потеряетъ гораздо болѣе. Я найду для нее лучшую и приличнѣйшую партію...

— Простите меня, Ваше Величество, если я осмѣлюсь перебить ваши слова. — Не могу скрывать долѣе, что рука моей дочери была уже обрѣчена, прежде чѣмъ удостоился я чести быть призваннымъ въ Версаль. Дочь моя обручена съ сыномъ простаго парламентскаго президента. Никогда не измѣнялъ я своему слову, и соглашусь скорѣе отказаться отъ всего, чѣмъ его нарушить. Мнѣ уже многіе говорили, что союзъ съ знатною фамиліею упрочилъ бы мою фортуны, но развѣ милости Вашего Величества для меня недостаточны? Если, бы по какому нибудь проступку, я имѣлъ несчастіе лишиться ихъ, то почелъ бы себя очень несчастнымъ, но что касается до моего мѣста и богатства, я отказался бы отъ нихъ безъ сожалѣнія.

— Все это прекрасно, и чувства эти дѣлаютъ вамъ честь, но вы забываете, что приносите дочь вашу въ жертву...

— Государь! дочь моя любить того, съ кѣмъ я обручилъ ее; она умерла бы, если бъ ее разлучили съ нимъ; я могъ уже увѣриться въ этомъ неразъ, потому, что обстоятельства часто разстроивали наши планы на счетъ этой свадьбы.

— Послѣ этого я не могу настаивать. Выдайте вашу дочь, какъ вамъ вздумается, но скоро ли это будетъ?

— Ахъ, государь, я самъ еще не знаю. Отецъ жениха забралъ себѣ въ голову, что новое мое званіе слишкомъ для него высоко, и что совѣтъ не позволяеть ему теперь желать родства со мною. Онъ съ такимъ упрямствомъ привязался къ этой мысли, что приводитъ всѣхъ насъ въ совершенное отчаяніе.

— Какой странный человѣкъ! Признаюсь, съ гордостью вижу, что парламентъ мой имѣетъ на своихъ скамьяхъ судей столь благороднаго характера. А какъ зовутъ этого президента?

— Его зовутъ Дрё. Онъ дворянинъ, и происходитъ отъ фамиліи известной въ Нормандіи своею безкорыстностью и честностью.

— А молодой человѣкъ, каковъ онъ?

— Добрый, честный, благородный малый, и вѣрно будетъ отмѣннымъ юристомъ.

— Такъ эти молодые люди очень другъ друга любить?

— До безумія.

— Расскажите мнѣ подробнѣе всѣ обстоятельства этой любви.

Шамильяръ разсказалъ о обрученіи Іосифа и

Мишелины въ самый день ихъ рожденія, и о томъ, какъ дѣти были воспитаны въ увѣренности, что назначены другъ другу. Когда же онъ дошелъ до обстоятельства, лишившаго Мишелину всего приданого, Король не могъ скрыть чувства удивленія къ такому подвигу, и воскликнулъ:

— У меня были такіе люди, и я не зналъ ихъ!

Наконецъ, когда Шамильяръ сталъ говорить о своихъ бесполезныхъ стараніяхъ побѣдить упрямство своего друга, когда онъ краснѣя признался въ тѣхъ упрекахъ, которые получилъ за свою невинную и неудачную хитрость, Его Величество не могъ воздержаться отъ смѣха, и сказалъ своему министру:

— Свадьбы часто расходятся, но я готовъ биться объ закладъ, что вѣрно ни одна свадьба не расходилась отъ такихъ препятствій. Попытаюсь, не успѣю ли я уладить все лучше вашего.

Король сталъ рыться въ бумагахъ, лежавшихъ у него на столѣ.

— «Вотъ,» продолжалъ онъ; «пѣхотный Бургонскій полкъ не имѣетъ полковника: мы назначимъ туда сына г-на Дрё, онъ будетъ получать въ годъ доходу 9,000 ливровъ... Пишите патентъ.»

Между тѣмъ, какъ Шамильяръ писалъ, Король звонилъ въ колокольчикъ.

— Прикажете приготовить ординарца, который отправится въ Парижъ, — сказалъ онъ дежурному камеръ-тонкеру.

Потомъ, подписавъ патентъ, Король прибавилъ:

— Я очень любопытенъ увидѣть этого президента Дрё. Онъ долженъ быть большой оригиналъ. Ты представишь его мнѣ при выходѣ изъ церкви.

При наступленіи вечера, блестящая толпа при-

дворныхъ насмѣшливо посматривала на какого-то человека, одѣтаго въ черное платье. Никогда въ дворцовыхъ галереяхъ не встрѣчалось такое истинно судейское, важное лице; въ походкѣ президента была какая-то суровость, которая, какъ не льзя болѣе, согласовалась съ твердымъ характеромъ и истинно древними добродѣтелями. Онъ напоминалъ собою лицо Алберта Дюрера, а окружавшіе его придворные казались щеголеватыми фигурами, которыя видимъ на картинахъ Миньяра. — Цвѣтъ самыхъ ловкихъ придворныхъ интригантовъ, знавшихъ всѣ мѣста, гдѣ надобно было стать, чтобы скорѣе обратиться на себя вниманіе Короля, и добиться отъ него ласковаго слова, съ презрѣніемъ посматривалъ на этого человека, вмѣшавшагося въ толпу любопытныхъ, и стоявшаго въ отдаленіи. Скоро двери растворились, и Король появился, сопровождаемый герцогами и министрами. Каково же было всеобщее удивленіе, когда Шамильяръ подозвалъ парламентскаго судью, и когда Король, голосомъ самымъ милостивымъ и ласковымъ, назвалъ его по имени!

— Ну, что же, г-нъ Дрѣ — сказалъ Король — неужели вы и мнѣ откажете въ согласіи на бракъ вашего сына съ дочерью г-на Шамильяра? Если совѣтъ ваша все еще не совѣтъ спокойна, скажите мнѣ, въ чемъ состоятъ ваши недоумѣнія, и я беруся разрѣшить ихъ.

— Ахъ, Государь! Если бъ я могъ еще противиться, то меня имѣли бы право назвать честолюбцемъ. Я и безъ того получилъ болѣе, чѣмъ заслуживаю, и если бъ я зналъ, что дѣла пойдутъ такъ далеко, то, конечно, не сталъ бы такъ упорствовать.

— Понимаю. Теперь совѣтъ ваша опять встревожена тѣмъ, что упорство ваше доставило вамъ нашу

милость. Чтожь дѣлать? Вы должны покориться необходимости, и позволить мнѣ награждать людей достойныхъ. У меня есть также обязанности, которыя я долженъ исполнять, какъ вы свои. Отвѣчайте же откровенно на вопросъ, который я вамъ сдѣлаю: если бы сынъ вашъ получилъ Бургонскій полкъ другимъ путемъ, а не чрезъ Г-на Шамильяра, или если бы ему досталось наследство въ 9,000 ливровъ, было ли бы это, по вашему мнѣнію, достаточно, чтобы свадьба его состоялась? Подумайте хорошенько. Шамильяръ на прекрасной дорогѣ. Онъ можетъ вступить въ родство съ герцогомъ, и слѣдовательно, доставить дочери своей табуретъ, тогда, какъ жена полковника Дрѣ не будетъ имѣть при дворѣ стула. Отвѣчайте съ вашею обыкновенною откровенностью. Прошу васъ объ этомъ, и даже приказываю.

— Право, Ваше Величество, я не знаю, что мнѣ дѣлать. Вы, Государь, чрезвычайно меня смутили. Могу ли сказать, на что бы я рѣшился?

— Я вижу, вы колеблетесь. Неравенство вашихъ состояній кажется вамъ все еще очень велико.

— Позвольте, Государь! Я самъ не могу отвѣчать рѣшительно. Можетъ быть, просьбы моего друга, слезы сына и дѣвницы де Шамильяръ, которую я люблю, какъ дочь, были бы довольно сильны, и могли бы смягчить меня!

— Нѣтъ! вы стали бы противиться — я въ этомъ увѣренъ, и сказать правду, между министромъ и парламентскимъ президентомъ разстояніе неизмѣримо; только я одинъ могу уменьшить его. На этотъ разъ я даю 100,000 ливровъ жениху. При дворѣ Герцогини Бургонской есть вакантное мѣсто дамы, невѣстка ваша займетъ эту должность. Найдемъ также мѣсто и для вашего сына.

— Государь! столько милостей!..

— Вотъ до чего довели васъ упрямство и рыцарская ваша честь.

— Върьте, Государь, что мое раскаяніе...

— Ваше раскаяніе! — воскликнулъ Король, съ громкимъ смѣхомъ: — клянусь честью, вы единственный человекъ г-нъ Дрѣ! Хорошо — если вы принимаете все это за наказаніе, то желая сдѣлать его еще болѣе строгимъ и примѣрнымъ, я прибавлю еще кое-что, собственно для васъ самихъ.

Король обернулся къ позлащенной толпѣ герцоговъ, и сказалъ:

— Господа! вотъ одинъ изъ самыхъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, какихъ мнѣ когда либо удавалось встрѣчать. Обидно будетъ, если онъ не сдѣлается родоначальникомъ богатой фамилии. Это славный рекрутъ для дворянства—рекомендую вамъ *Маркиза де Дрѣ!* Завтра сынъ его женится на дочери Г-на де Шамильяра, и тѣ изъ васъ, которые удостоятъ брачную церемонію своимъ присутвіемъ, сдѣлаютъ мнѣ большое удовольствіе. По случаю этой свадьбы, вечеромъ будетъ во дворцѣ балъ. Молодой супругъ будетъ мнѣ представленъ утромъ. До свиданія, Маркизъ!

Король удалился, оставя Маркиза де Дрѣ неподвижнаго отъ удивленія, и осыпаемаго градомъ поклоновъ и поздравленій. Шамильяръ, внѣ себя отъ радости, увлекъ друга своего изъ дворца.

Оба отца, входя въ домъ Шамильяра, встрѣтили на лѣстницѣ Іосифа.

— А, вы зачѣмъ, милостивый государь! — кричалъ Дрѣ, сердитымъ голосомъ. Я поймалъ васъ — вы приходили повидаться съ Мишелиной, не смотря на мое

запрещеніе? Слѣдуйте за нами, и вы увидите, что ваша любовь перевернула сегодня верхъ-дномъ весь дворъ.

— Не пугайся, Іосифъ! сказала Шамильяръ — все уладилось прекрасно. Завтра тебѣ исполнится 20 лѣтъ, и ты женишься на Мишелинѣ.

Надобно было употребить большую осторожность, чтобы увѣдомить обо всемъ Мишелину. Не смотря на перефразы своего отца, она такъ скоро догадалась о своемъ счастьи, что прежде окончанія рѣчи должно было прибѣгнуть ко всемъ скляночкамъ солей и спиртовъ, бывшихъ въ домѣ, и тѣмъ удержать ея душу, готовую отлетѣть въ другой міръ, отъ избытка радости и счастья. На слѣдующій день, любовники были обвѣнчаны въ Версальской соборной церкви. Вечеромъ они танцевали на придворномъ балѣ, и весь этотъ день съ избыткомъ вознаградили ихъ за терпѣнныя ими горести.

Если бы наша повѣсть не была истинной, мы съ удовольствіемъ кончили-бы ее, какъ оканчивались обыкновенно старинныя сказки, и сказали бы, что Іосифъ и Мишелина жили всегда счастливо и имѣли множество прекрасныхъ дѣтей. Но какъ имена нашихъ любовниковъ встрѣчаются въ запискахъ современныхъ той эпохѣ, то будетъ не лишнимъ разсказать читателю что случилось послѣ свадьбы.

Внука Лудовика XIV привязалась самою искреннею дружбою къ Маркизѣ де Дрѣ, которая всегда пользовалась при дворѣ именемъ любезной и благо-разумной женщины. Іосифъ также отличался умомъ и любезностью. Въ послѣдствіи купилъ онъ званіе оберъ-церемоніймейстера, которое г-нъ де Бленвиль уступилъ ему за 50,000 ефимковъ. Эта важная должность была прилична его характеру; за то всѣ паходили, что онъ исполнялъ ее съ большимъ умѣньемъ.

Г-нъ Дрё отецъ рѣдко прїѣзжалъ въ Версаль. Тамъ прослылъ онъ за чловѣка слишкомъ угрюмаго и строгаго къ недостаткамъ другихъ. Король принималъ его однако же всегда очень милостиво.

ПАВЕЛЪ МЮССЕ.

==

головочные данные и сведения об ответственности

История, политика, словесность, науки и искусства

а и место издания

Россия, Санкт-Петербург

ели: 1812-1817 не указано ; 1818-1820 издатель Н. Греч ; 1821-1822, ч. 75-
Воейков и Н. Греч ; 1822, ч. 77-82 - 1824 Н. Греч ; 1825-1837 Н. Греч. и Ф.
арин ; 1838-1840 А. Смирдин ; 1841-1844 не указано ; 1847 М. Ольхин и К.
аков ; 1848-1950 К. Жернаков ; 1851 не указано ; 1852 Р. П. Фурман;

од издания

1812 - 1852

одичность: **1812г.; 1838-1852гг. – ежемесячник;**
1813-1824гг.; 1829-1836гг. – еженедельник;
1825-1828гг. – выходил 2 раза в месяц;

ложения:

мечание: **Подзаг.:** 1814-1824: исторический, политический и литературный
нал ; 1834-1835: журнал словесности, политики и истории ; 1829-1833
нал литературы... ; 1834-1835 журнал словесности, политики и истории ;
3 журнал словесности, истории и политики ; 1841 не указан ; 1842-1850
нал истории, политики, словесности, наук и искусств ; 1851 обзор ; 1852
рия, политика, словесность, науки и искусства;
Изм. загл.: 1812-1813 Сын отечества : исторический и
итический журнал ; 1825-1828 Журнал литературы, политики и современной
ри ; 1829-1833 Сын отечества и Северный архив ; 1836-37 Сын Отечества ;
3, т. 1-2 Сын Отечества и Северный архив ; 1838, т. 3-6 - 1840 Сын
чества;

то хранения оригинала, шифр

ФГУ " Российская государственная библиотека "

А 139/36

XX 438/1

VI 15/2

Е 46/484

заглавие

Сын отечества

хронологический
охват материалов
на рулоне

1838, Т. 1 № 2

приложения

нет

отсутствуют
след. номера
(стр.)

нет

оригинал плохо
читается
(№ журн. и стр.)

**Бумага желтая, отдельные
страницы
отреставрированы.;**

Неправильный
переплёт
(№ журн. и стр.)

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

ПОСОЛЬСТВО

ОТЪ СТЕФАНА БАТОРИЯ КЪ ЮАННУ ГРОЗНОМУ, ЮРИЯ
ГРУДЕНСКАГО И ЛЬВА БУХОВЕЦКАГО,

въ 1576 году *.

=

Юрей Кгруденскій а Левъ Буховецкій, Дворане Его
Королевское Милости, вѣхали до Москвы року 76
мѣсяца Октября 27 дня, въ субботу; а потомъ то-
гожь Октября 31 дня, у среду, приѣхавши При-
ставы наши Василей Ивановичъ Пушкинъ а Елиза-

* Сообщеніемъ сего любопытнаго акта, мы обязаны почтенному
знатоку Русскихъ древностей, Князю М. А. Оболенскому. Это было
первое посольство Баторія къ Юанну. Карамзинъ описываетъ его крат-
ко и не обстоятельно (Ист. Гос. Росс. Т. IX, стр. 248 и прим. 449).
Здѣсь представляется собственноручное донесеніе Буховецкаго. Въ под-
линникъ оно написано на двухъ листахъ, и на оборотѣ втораго под-
писано другою рукою: «Мовень посланцевъ Короля его милости Сте-
фана, Кгруденскаго и Буховецкаго, передъ Московскимъ Княземъ и
Боярами его, року 76.» — Здѣсь видимъ Юанна въ домашнемъ быту,
слышимъ собственныя рчи его, узнаемъ личный его характеръ, чего
не передадутъ намъ статейные списки и бумаги дѣлъ посольскихъ. *Изданъ.*

рей Иванович Благгой, повѣдили: ижъ дей дня завтрышнего, Ноябра 1-го дня, у четвергъ, на день свѣтого Кузмы и Демьяна, казано вамъ быти на Дворѣ Государьскомъ у Болръ Думныхъ Князя Великого. Мы на тые слова отказъ вѣдали, ижъ намъ до Болръ Думныхъ дѣла никоторого нѣтъ, только до самого Государя. Повторе и потрете того дня прибѣждаючи, одно слово говорили, што инакъ быти не можетъ, только вамъ быти у Болръ Думныхъ на Дворѣ Господарскомъ по повелѣнью Государовъ. А на завтрый, у четвергъ, прибѣхали тыежъ Приставове и съ ними Дворанъ Князя Великого было челоувковъ дванадцать, велѣли намъ всѣдѣти въ городъ на Дворѣ Князя Великого ѣхати; а коли есмо пришли до Болръ въ полату, тамъ ихъ было особъ 5, на имя: Микита Романовичъ Юриовъ, Князь Василей Андреевичъ Ситской, Ованасей Федоровичъ Накгой, а Дьяки: Андрей а Василей Яковлевичи Щолкаловы, Андрей Посольской Дьякъ, а Василей Розрдной Дьякъ. Тые Болре помененные насъ привитали и съesty велѣли; а которые многіе люди на тогъ часъ тамъ были, всѣхъ своихъ и нашихъ вонъ выслали, почали мовить тытуль Государя своего велми широко, каждый съ нихъ отъ першого ажъ до послѣднего за тымъ насъ пытали: вы есте Посланцы отъ Короля Польского и Великого Князя Литовского, гдѣ есте Король своего одѣхали? повѣдилисмы: у Варшавѣ. За тымъ пытали: какъ его зовуть? повѣдили есмо: власное имя Государьское Стеванъ, Божью милостью Король Польскій и Великій Князь Литовскій и далей, якъся тытуль самъ въ собѣ маеть. Пытали: хто его батко былъ и которого родства? мы повѣдили: вѣдомо то вамъ, што мы дия вчорашнего, у среду, отказали до васъ черезъ Приставы Василья Ивановича Пушкина а Елизарья Ива-

новича Благого, што мы до васъ никоторого дѣла не маемъ; не до васъ есмо посланы, але до Государя вашего Великого Князя Ивана Васильевича, Государя всея Руси; коли намъ велить у себя бытъ, всякое дѣло, отъ Государя нашего черезъ насъ посланое до Государя вашего, на писмѣ и на устьномъ мовенью все тое водле пристойности объявлено будетъ. А по родствѣ Государьскомъ пытали: была ли обсылка Королю вашему съ Цесаремъ Хрестіянскимъ, и съ Королемъ Ческимъ, зу Шпанскимъ, съ Французскимъ и съ Солтаномъ съ Сулиманомъ Турецкимъ, или Крымскимъ? на то есми отказъ учинилъ, што я при Дворѣ Государьскомъ немного жилъ, толко пять дней, а шостого дня и отправлонъ здесе до Москвы до Государя вашего; про то есми несвѣдомъ, былили которые обсылки съ чужихъ земль до Государя нашего первѣи того, а при мнѣ никоторыхъ Пословъ съ чужихъ земль не было. А если ты невѣдаешъ, ино Юрей вѣдаешъ; всказывають, что онъ съ Королемъ изъ Семиградское земль прибѣхалъ? Юрей повѣдилъ: я челоувкъ молодой, бавилемся иншими послугами Государьскими, претомъ несвѣдомъ. На то поведили: коли вы о родствѣ Государя своего намъ всказывать не хочете, ино вамъ и очью Государьскихъ не видети. Съ тымъ отъ насъ до Государя своего пошли, а при насъ Приставовъ zostавили; а по годинѣ повторе пришли съ тымижъ словы, о чомъ было рокованъ велми много, наостатокъ поведиломъ имъ: ижъ я челоувкъ домовый, при Дворѣ Государскомъ немного мешкалъ, про тую причину не маю вамъ чого болшій того высказывать. Съ тымъ засъ до Государя своего пошли; а по годинѣ вже одинъ Василей Щолкановъ, пришедчи, то повѣдилъ: мы тые слова

до Государя своего Цара донесли, ино Царь и Государь вельѣ вамъ до подворья ѣхати.

тогожь Ноября 3-го дня, въ субботу, приѣждчали тыежь Приставове, повѣдаючи: ижъ де Бояре Думные и Дьяки Ближние Государьскіе били чоломъ о васъ Государу, штобы вамъ вельѣ у себе быти; ино вамъ Бояре то вельѣли звѣстити, ко вамъ завтра у Государя быти. А назавтрен, у недѣлю, четвертого часа тыежь Приставове приѣхали до насъ на дворъ Поселскій, а съ ними было Дворанъ Князя Великого человекъ 50; а коли-х-мы тамъ пришли до Князя Великого, выступивши, оповѣдалъ Федоръ Васильевичъ Шелеметовъ Околничой Цару: великіи Посланьники Короля Польского и Великого Князя Литовского Юрій Кгруденскій а Левъ Буховецкій тобъ Великому Государу чоломъ бьютъ. Тогда самъ закликалъ насъ, вытягнувши руку по два кротъ: *Юрей, Левъ, къ рукль!* а по привитанью, на тыхъ же мѣстьцахъ застановившися Юрей Кгруденскій поздравенье вдѣлалъ, листъ Государьскій отдалъ Дьяку Посольскому Андрею Щолканову. Дьякъ, листъ взявши, передъ нимъ держалъ, а потомъ самъ Князь Великій запыталъ: *Король вашъ Стеванъ здоровъли?* поведили-х-мы: зъ ласки Божое, Государя нашего Короля Польского и Великого Князя Литовского одѣхали есмо его милость въ добромъ здоровью. Потомъ перехрестився, и листъ до рукъ своихъ взялъ, переворочаючи, титулу и печати глядячи, головою стресалъ и засъ Дьяку отдалъ, запыталъ самъ: *есть ли вамъ што говорити?* на томъ повѣдилъ: есть, але по вычитанью листа Государя нашего. Тогда онъсамъ повѣдилъ на то: *вѣжо листъ взять, што надобѣ, говори;* тедымъ посельство достаточне водле инструкціи мовиль першый артыкуль, кды се мовиль: Государь нашъ

Король Польскій и Великій Князь Литовскій вельѣ вашей милости брату своему мовити, ижъ съ воли, ласки и прейзренья Божого, оседши столицу Королевства Польского и Великого Князства Литовского. На тые слова почаль мовити: *называетъ мене собѣ братомъ, ино невѣдаю, коимъ чиномъ; вѣсказуетъ, остьль столицу Королевства Польского и Великого Князства Литовского съ воли Божое, ино то есо знаю, что съ воли Божей и съ поданья съ Солтана Турецкого, и азъ дей готовъ и съ дѣтми своими на коня еседать противъ недруга своего.* А вымовивъши то, пшине слухалъ; а коли пришло до того артыкулу: и хотяжь Цесарь его милость не въспоминать, што самъ Цесару Турецькому дани дастъ, чога по десеть кротъ бошная сума, нижи съ земель Седмиградское выходить, а къ тому съ великимъ не безпеченствомъ Паньствомъ своихъ то окупуеть, — на тые слова Князь Великій мовиль: *сладко кговоришь и добръ млякко стелешъ, да не оманешъ.* А до конца выслухавши посельства, иньструкцію взяти томужъ Дьяку Анѣдрью Щолканову самъ вельѣ и запыталъ самъ: *еще ли бошей того што говорити есть?* повѣдиломъ: только, а за тымъ самъ же росказалъ: *нехай пдутъ до двора Посельского*

А потомъ тогожь мѣсяца Ноябра сегого дня, у середу, тыежь Приставове помененьные, приѣхавши, оповедили намъ отъ Бояръ Думныхъ: вельѣ вамъ Бояре Думные вѣсказати, што вамъ дня завтрашнего быти въ Господаря. А назавтрей, у четвергъ, четвертого часа на день светого Михаила приѣхали по насъ отъ Князя Великого съ Приставами Дворанъ его человекъ пятнадцать; а коли-х-мы пришли до Князя Великого, до тоежь избы деревеной, въ которой есмо его витали, уклонилися. За тымъ насъ оповедалъ тотъ же Шелеметовъ, тымижъ сло-

вы яко и первѣй; онъ самъ рекъ: идѣте съ ними въ полату, и шли-х-мы, ничего тамъ не мѣшкаючи, до тоежъ полаты, гдѣ Бояре и первѣй того заседали; мало погодивши, пришли отъ Князя Великого тотъ же Ованасѣй Ѳеодоровичъ Накгой, Андѣи а Василей Яковлевичи Щолькановы Дьяки, почали мовить съ писма широко тые слова, которые въ грамотѣ Московьской есть написаны.

А по вычитанью грамоты, на то-х-мы короткими словами повѣдили: слышали есмо и достаточне выrozumели широкое мовенѣе ваше, на што мы вамъ на такovie великіе рѣчи, а наибольшей безъ писма и паметовати трудно, никоторого отвѣту вчинити не можемъ; они на то повѣдили: дамо о томъ вѣдомость Государу своему, чаемъ, што тое все вамъ отъ Государя на писмѣ будетъ дано. Съ тымъ до Государя своего пошли; а мало пождавши, засъ тыежъ Бояре пришли, и съ тоежъ мовенья першого слова вырываючи водле подобанья своего мовили; а мы тежъ водле пристойности што намъ належаало, имъ отказывали, а за тымъ намъ казали до подворья отѣхати.

Мѣсяца Ноябра 13-го дня, у вовторокъ, казано намъ быти у Князя Великого; а коли-х-мы до него приици, тотъ же Шелеметовъ оповѣдалъ насъ, тымижъ словами, яко и первѣй; тогда самъ рекъ: *подите селѣ ближей*; а коли-х-мы до него близко приици, почаль до насъ мовити: *Юрей Керуденскій! Левъ Буховецкій! пришли есте до насъ Великого Царя и Государя Хрестьяньского отъ Государя своего Стефана, Короля Польского и Великого Князя Литовского, принесли есте до насъ грамоту и рѣшили мовили, што Государь вашъ Стефанъ жадное причины не даетъ на разлитие крови Хрестьяньское; ино Государь вашъ Стефанъ въ первомъ слови пи-*

*шетъ о разлитие крови Хрестьяньское, што въ насъ имѣлъ Царьскомъ тытуль насъ Царемъ не опишетъ, а о томъ много речей было съ Великими Государя, котырымъ мы обычаемъ зовемля и пишлемля еся руси цари. А што мы Бояромъ своимъ велѣли васъ о родствѣ Государя вашего спрашивать, и вы о родствѣ Государя своего прямо въсказать не хотѣли; а мы и сами родство Государя вашего вѣдаемъ, и мы потому Государя вашего, седли, о здорově спрашивали и васъ есмо не пожаждали у стола быти не велѣли: ино мы, какъ естеныи Государя Хрестьяньскіе, не хотя и ни жадал разлития крови Хрестьяньское, будучи ещо съ терпѣнью съ Государемъ вашимъ Стефаномъ, Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, згоды и доброго пожитья хотѣли, какъ пригоже, и свою опасную грамоту полную на его великіе Послы съ вами къ нему послаемля и вамъ въ вашихъ рѣчахъ вѣру даемъ. А по томъ мовенью листы до рукъ намъ даны и казалъ намъ състь; а скоро всѣли, самъ рекъ: *Юрей Керуденскій! Левъ Буховецкій! у насъ у стола хлѣба ести*; а по маломъ часѣ, казалъ намъ съ Приставами одѣйти до избы Посельское. Въ той есмо избѣ до тыхъ часовъ были, ажъ насъ до столу позвано; а кгда съли у столу, теды самъ Приставомъ нашимъ Василью а Елизарью по два кротъ указывалъ: *погитайте Посланиковъ Короля Польского, давайте имъ, которого питья похочутъ, а за другими потравами самъ рекъ: Левъ Буховецкій! зналъ ли ты Галишу?* повѣдиломъ: того ли, Государу, который у Литвъ гостилъ? Онъ повѣдилъ: того, и всказалъ на одного младенца, который передъ нимъ стоялъ, *отожъ то Галиши правнукъ, а то его батко, оно што седитъ подле Князя Ивана Ѳеодоровича Мѣстислав-**

ского. А скоро было по столъ, самъ Князь Великій насъ имени до себе позвалъ, съ руки своее ковшы немалые намъ пить подалъ; а давши мнѣ Лву ковшъ, одномъ былъ троха одъ него отступилъ, закричалъ: *Левъ Буховецкій! поиди здесе ближей*; а къдымъ до него приступилъ, повторе рекъ и вказалъ рукою: *тутъ стань, праве подле стола сего. Ты гораздо знаешь по-Руски: коли приѣдете до Государя своего Стевана, Короля Польского и Великого Князя Литовского, и вы говорите Государу своему, што насъ пишетъ братомъ собъ, а намъ Царю Великому и Государу искони вѣчному на Царьствѣ своемъ ему братомъ намъ менитися непригожо. Братъ мнѣ былъ Жигимонтъ-Августъ, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, который ужю съ сего свѣта жиолъ на судъ Божій безъ потомства, отгинный Господарь; а хотя бы Августа Короля брата нашего и сынъ былъ, ино бы и то мнѣ былъ не братъ, лжъ быхъ ему былъ дядя, а онъ бы сыну моему былъ братъ, — а вказалъ на сына нацѣмъ, бо подле него тужъ седълъ. А естли Богъ Стевана Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ угишилъ, и онъ бы насъ старшого брата тымъ постилъ въ тытулъ нашоумъ Царскоумъ, насъ царемъ писалъ, какъ намъ по великествию Царствя нашого пригоже, лжъ быхъ ему и за братство не постоялъ; а Послы свои великіе до насъ нехай бы слая не омешикала, и все тое исполнилъ, мене старшого черезъ Послы свои тымъ постилъ: а если намъ одъ него поготки той не будеть по достоянью нашоуму Царскоуму, ино и Послы его великіе съ чимъ прийдуть, съ тымъ и отойдутъ. Повѣдиломъ на то: Милостивый Государу! тые сълова, которые отъ тебе слышу, по наказу твоему говорить буду; а вымывиши то, отшедомъ на мястцѣ,*

а съ оныхъ ковшовъ коштовали и отдали; а онъ, руку вытягнувши, имени назвалъ: *Юрей Керуденскій! Левъ Буховецкій! пдте здорово, а Стефану Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, Государу своему, отъ мене кланяйтеся.*

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ КОЗЬМЫ МИНИНА.

=

I.

Письмо къ Н. А. Полювому.

И въ наше сельское убижище достигла молва, принесшая намъ пріятную вѣсть о вашемъ предпріятіи, собрать матеріалы для составленія жизнеописанія, защитой и спасеніемъ отечества прославившагося Нижегородскаго гражданина, Козьмы Минина Сухорукаго. Она выманиваетъ у меня для васъ небогатую долю моихъ мыслей и словъ, по предложенному вами предмету.

Вы указываете, М. Г., на два, въ публику истекшіе источника, изъ которыхъ надѣетесь почерпнуть свѣдѣнія о жизни и родѣ Козьмы Минина: журналъ, *Сынъ Отечества*, и *Статистическое описаніе Нижегородской Губерніи* (трудовъ Михайла Духовскаго). Частію можетъ служить къ тому пособіемъ и *Памятникъ событій въ Церкви и Отецествѣ*, составленный, Всеобщей и Церковной Исторіи профессоромъ, надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Яковомъ Орловымъ (вторымъ изданіемъ напечатанный въ 1818 году). Въ семь «Памятникъ», подъ 20 Января, упоминается о времени пожалованія грамоты Козьмѣ Минину на вотчину, и самая грамота прописана отъ слова до слова.

Еще болѣе, примѣтно, порадовало васъ письмо изъ Мурома, чаятельно, Муромскимъ гражданиномъ къ издателю упомянутого журнала Сынъ Отечества писанное, при которомъ доставлена была отъ него и копія съ грамоты, Козьмѣ Минину пожалованной. Главный интересъ въ письмѣ его тотъ, что онъ открываетъ другую рѣдкость: Муромецъ нашель въ живыхъ, по слуху, купца Нижегородца, который, лѣтъ съ пятьдесятъ тому, за отысканіе въ архивѣ упомятой жалованной Минину грамоты заплатилъ 120 рублей. И кто не порадуется съ вами этому значителюму для любопытныхъ открытію гражданина Муромскаго?

Хвала и честь счастливому посѣтителю города Нижняго, Муромцу! Вотъ что значить питать въ себѣ духъ кичуей дѣятельности! Напротивъ, какой стыдъ, какой позоръ для Нижегородцевъ. Пріѣзжій изъ Мурома преуспѣваетъ достать копію съ жалованной Козьмѣ Минину грамоты, отсылаетъ списокъ ея къ пріятелю въ Санктпетербургъ, для печатанія этой грамоты въ журналъ Сынъ Отечества, и тѣмъ славить имя Нижегородскаго гражданина Козьмы Минина, а сограждане сего великаго челоуѣка, Нижегородцы, дремлютъ непробудною дремотою, не радятъ о приведеніи въ извѣстность сказанной жалованной грамоты, и какъ бы чуждаются славы согражданина своего, отечество спасаго, дремлютъ они и не радятъ тогда, когда многія обстоятельства, событія и примѣры другихъ призывали ихъ къ пробужденію, когда память Козьмы Минина обновлена въ нихъ торжественными оглашеніями! Московское купечество, въ извѣлненіе признательности своей къ защитителю и освободителю столицы, въ 1797 году, или еще прежде, къ бывшему преосвященному Павлу, епископу Нижегородскому, послѣ архіепископу Ярославскому

Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену и кавалеру, прислало при письмѣ чрезъ почту 200 рублей, на украшеніе гробницы благодѣтеля предковъ ихъ и отцовъ. Въ 1798 году, блаженныя памяти Государь Императоръ Павелъ I, въ проѣздъ свой чрезъ Нижній Новгородъ въ Казань, посѣщая каѳедральный Спасопреображенскій Соборъ, почтилъ прахъ хранителя царства высокомонаршимъ поклоненіемъ гробницъ его. Что торжественнѣе сихъ обновленій памяти Козьмы Минина предъ Нижегородцами? И они не оживаютъ ревностію къ прославленію его....

Временный гость въ Нижнемъ Новѣгородѣ изъ Муромца, въ краткое время своего пребыванія въ отчизнѣ Минина, удачно и безъ затрудненія узнаеть о купцѣ, отыскателѣ грамматы, Минину жалованной, развѣдываетъ о благородномъ поступкѣ пожертвованія его для отысканія ея, и посредствомъ того же журнала Сынъ Отечества оглашаетъ поступокъ въ извѣстіе всѣмъ сынамъ Россіи, а Нижегородцы и въ семь случаевъ не прерываютъ своей несклонности, не знаютъ ни о купцѣ, отыскателѣ грамматы, ни о достохвальномъ поступкѣ пожертвованія его! Вотъ какъ рѣдки люди, славу Россіи патриотически чувствующіе и раздѣляющіе!

Я воспитанъ и обучался въ городѣ Нижнемъ; кончивъ ученіе, находился въ близкихъ и частыхъ съ городомъ Нижнимъ сношеніяхъ; знакомыми въ немъ людьми изобилывалъ, но долженъ признаться, къ большей славы гостя Муромца, что о купцѣ, столь благородно отличившемъ себя пожертвованіемъ для отысканія жалованной роду Мининыхъ грамматы, доживъ до шестидесяти лѣтъ, до извѣщенія вашего ни отъ кого не слышалъ.

И такъ чего не можемъ мы надѣяться отъ почтеннаго гостя Муромца? Чего не развѣдаетъ, чего

не возвѣститъ намъ сей любозыскательный изслѣдователь, которому посчастливилось застать въ живыхъ старца, искушителя отъ моли драгоценной грамматы, старца, который, по сему дѣянію его и собственною особою своею, не незначительную для насъ рѣдкость и находку составляетъ? Но многодѣятельному и счастливому развѣдателю о старцѣ въ то же время посчастливилось не видаться съ нимъ, не говорить съ нимъ и не извлечь отъ него ни единой буквы къ удовлетворенію нетерпѣливыхъ нашихъ ожиданій. Привѣтливая молва возвестила ему одними устами о бытіи въ живыхъ купца, подобнаго ему любителя и отыскателя древностей отечественныхъ, и ревнительный Муромецъ немедленно избралъ его въ предметъ повѣствованія своего, но личнаго свиданія съ нимъ онъ его не удостоилъ. Усердно принесенная дань славы согражданина и отечества восхитила духъ Муромца, и онъ со тщаніемъ навѣдался о числѣ прожитыхъ купцомъ лѣтъ, но не поискалъ въ восторженіи своемъ узнать, чѣмъ подвигнуть былъ купецъ къ принесенію значительнаго пожертвованія. Онъ положилъ на сердце — прославить поступокъ купца предъ соотечественниками оглашеніемъ его въ публику, но не счелъ за должное увѣриться въ справедливости его отъ того, кто предъявленъ ему исполнителемъ дѣла. Внутреннее влеченіе къ отечественнымъ древностямъ убѣдило его отыскать списокъ съ грамматы, и онъ терпѣлъ на то великія усилія, чтобы достать ее, но не помыслилъ обратиться для сего къ тому вѣрному источнику, откуда проистекла начальная извѣстность грамматы. Такимъ образомъ, открывъ обширное поприще къ ретивой дѣятельности, поспѣшилъ онъ связать ей и руки и ноги; отыскавъ пребога-

тую копъ нужнѣйшихъ драгоценныхъ извлеченій, не разсудилъ и заглянуть въ нее.

Мудрено ли изъ такого смѣшенія любознательности съ бездѣйствіемъ возникнуть мысли, невыгодной для гражданина Муромца? Мудрено ли заключить кому либо, что его сказаніе о купцѣ Нижегородцѣ есть необдуманнѣйшій эксперимтъ, на подобіе метеора изъ усть излетѣвшій, или напротивъ, красненькое словцо, къ возвышенію цѣны списка съ граммати и своей услуги пріятелю понадобившея?

Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе: «достала я копію съ граммати,» предъявляетъ и рѣдкость вещи и неудобства пріобрѣсть, и трату имѣнія, въ пріобрѣтеніи понесенную. Но жалованная Козьмѣ Минину граммата, въ 1812 году, составляла вещь для пріѣзжихъ любознательную, въ Нижнемъ не составляла ни какой рѣдкости, не затрудняла пріобрѣтенія и не требовала многого изживенія, кромѣ малой награды списавшему ее, по произволенію. Бывши рѣдкостью, она убѣдила бы, привлекла бы, понудила бы Муромца обратиться къ первоначальному отыскателю оной, дабы пріобрѣсть вѣрнѣйшій и исправнѣйшій списокъ, но пытливому Муромцу не встрѣтилось потребности ни видѣться съ купцомъ, ни о списокѣ предлагать и объ имени купца навѣдываться. Явно изъ всего, что граммата въ Нижнемъ не почиталась рѣдкостью.

Она вполне извѣстною сдѣлалась въ городѣ Нижнемъ еще съ 1799 и 1800-го годовъ. Составитель, въ началѣ письма упомянутого мною *Памятника событій*, Яковъ Васильевичъ Орловъ, поступивъ въ 1797 году въ должность учителя Всеобщей и Натуральной Исторіи при Нижегородскомъ Народномъ Училищѣ, которое въ послѣдствіи переименовано въ

Гимназію, не замедлилъ, по склонности своей къ занятіямъ учености, избрать для себя упражненіе по обоимъ помянутымъ предметамъ. По Исторіи Натуральной приступилъ онъ къ сочиненію статистическаго описанія Нижегородской Губерніи, по Исторіи Всеобщей къ составленію Памятника событій въ Церкви и Отечествѣ. Приготовляя матеріалы для сего послѣдняго, онъ, по доброму и дружественному ко мнѣ расположенію, прочитывалъ мнѣ многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и копію съ граммати, Козьмѣ Минину жалованной, какъ любознательный и интересный актъ въ славу Нижняго Новгорода. Вотъ случай, по которому жалованная Козьмѣ Минину граммата пришла въ особенную въ городѣ семь извѣстность и оглашеніе. Слѣдственно, въ 1812 году она не была диковинною рѣдкостью между Нижегородцами, и пріобрѣсть копію съ нея, многого труда и домогательства не требовалось, ибо и самый «Памятникъ событій» въ 1813 году первымъ тисненіемъ напечатанъ былъ.

Не могу понять причины, для чего Муромскій посѣтитель Нижняго принялъ на себя столько скромности, что и той особы, отъ которой слышался о купцѣ, отыскателѣ граммати, и отъ которой, можетъ быть, «достала» копію съ граммати, по имени объявить не разсудилъ, что въ настоящемъ собраніи свѣдѣній, по крайней мѣрѣ, первымъ слѣдомъ къ дальнѣйшимъ открытіямъ послужило бы, а теперь, когда двадцать это слишкомъ лѣтъ это упущено изъ вида, трудно пролагать стезю къ безошибочному разрѣшенію вашихъ вопросовъ, предложенныхъ любителямъ отечественной славы и старины почтенной.

Думаю, вы уже спрашиваете меня мысленно: откуда составитель *Памятника событій*, Я. В. Орловъ,

получили список Мининской грамматы? Вопросъ снова безъ разрѣшенія оставляемый. Г-ну Орлову, какъ статистику, историку, трудолюбивому изыскателю древнихъ актовъ и сочинителю на то время, съ приказанія Нижегородскаго Гражданскаго Губернатора, отворены были входы во всѣ въ Нижнемъ Новѣгородѣ хранилища таковыхъ актовъ, и онъ безпрепятственно могъ для себя брать списки со всего, что представлялось нужнымъ, и что любопытнаго нашель онъ уцѣлѣвшимъ отъ пожаровъ. Можно полагать съ большою вѣроятностію, что драгоценность найдена была имъ въ томъ же хранилище, на которое указалъ Г-нъ Духовской, въ своемъ статистическомъ описаніи Нижегородской губерніи; но подлинно ли отыскана она въ Нижегородскихъ, или въ иногороднихъ архивахъ, и въ какомъ именно, не зная достоверно, утвердить не могу, хотя слава сохраненія оной и по послѣдствію обстоятельство принадлежитъ городу Нижнему. Поелику жалованный ею былъ *Нижегородецъ*, который потомъ жилъ въ городѣ Нижнемъ до кончины, въ немъ скончался и погребенъ, въ немъ, слѣдственно, оставилъ и всѣ акты, грамматы и дипломы свои. Вамъ остается, М. Г., избирать вѣроятнѣйшее къ заключенію.

Вторые вопросы ваши, далѣе перваго предложенные, гораздо удоборѣшимѣе. Вотъ они:

1-й, «*Кому нынѣ принадлежатъ находившіяся въ Горбатовскомъ Уѣздѣ село Богородское и деревни Выбылово, Демидово, Песоинное?*»

Село Богородское, помянутыя три деревни, и другія двѣ, донныя существующія, *Крестелиха* и *Высоково*, (такъ нынѣ именуютъ ихъ), по кончинѣ Г. генераль маіора и разныхъ орденовъ кавалера Василья Сергѣевича Шереметева, съ 1831 года принадлежатъ дѣтямъ его, генераль маіору же и кавалеру

Сергію, Курляндскаго уланскаго полку маіору Петру, и штабсъ-капитану Николаю, Васильевымъ дѣтямъ Шереметевымъ вообще. По произведенному же между ними въ 1834 году полюбовному раздѣлу, село Богородское, за исключеніемъ 250 душъ старшему и 50 душъ младшему братьямъ, со всеми земляными дачами, пустошами и угодьями, и съ пятью вышепоименованными деревнями, жребій опредѣлилъ среднему брату, Г. маіору Петру Васильевичу Шереметеву.

2-й «*Нѣтъ ли при нихъ деревень, или урочищъ, подъ названіемъ: Окуловская, Орлова, Зеновова Дубрава, Цепелева, Высокая, Осиновка, Бакланова, Коростелева, Ралежье, что прежде были Погинокъ?*»

а) Пустоши *Окуловская, Орлова* и *Зеновова Дубрава*, издавна принадлежатъ къ землямъ села Богородскаго, вошли въ общій объемъ оныхъ, и утративъ прежнія свои названія, остаются въ общей купѣ дачъ села Богородскаго.

б) Деревня *Цепелева* нынѣ не существуетъ, однако въ качествѣ пустоши вошла въ объемъ дачъ существующей деревни Высокова.

в) Деревни *Песоинное* и *Коростелиха* существуютъ донныя, какъ и выше упомянуто.

г) Прочія же деревни, *Осиновка, Бакланова, Дикое Ралежье, Новое Ралежье, Погинокъ* тожь, учились пустошами, и вошли также въ общую купу дачъ села Богородскаго.

3-й. «*Когда вошли въ сіи лѣта во владѣніе нынѣшнихъ полплицковъ?*»

Время пожалованія Козьмѣ Минину села Богородскаго, число и названіе приданныхъ къ оному пустошей и деревень уже извѣстны вамъ изъ жалованной ему грамматы; время же преемства бывшихъ по немъ владѣльцевъ покажутъ вамъ нижеслѣдую-

ція извлеченія изъ письменныхъ, въ вотчинномъ Богородскомъ правленіи сохранившихся, документовъ.

Жалованная отъ Царя Михаила Ѳеодоровича, на владѣніе селомъ Богородскимъ съ деревнями, Козьмѣ Минину граммата должнаствовала бы, по надлежащему порядку, составлять главный крѣпостной документъ, какъ для перваго владѣльца села Богородскаго, такъ и для преемниковъ его, однако же оной, ни въ подлинникѣ, ни въ копіи, законнымъ порядкомъ засвидѣтельствованной, въ документахъ вотчиннаго Богородскаго правленія нѣтъ. Въ замѣнъ того, во всѣхъ прочихъ выписяхъ неопустительно повторяется царское пожалованіе Козьмѣ Минину села Богородскаго, пустошей и деревень. Въ выписи, данной сыну Козьмы Минина написано:

«Лѣта 7435-е, Іюля въ 8-й день.

«Выписъ съ Нижегородскихъ книгъ письма и мѣры Дмитрія Васильевича Лодыгина, да Василья Иванова Полтева, да Дьяка Дементья Образцова, 130-го году въ Березопольскомъ стану.

«За стряпчимъ за Нефедьемъ* Козминнымъ сыномъ Мининнымъ, съ матерью, со вдовою Татьяною, въ вотчинѣ отца ево, а отцу ево Думному Дворянину Кузмѣ Минину дано въ вотчину за службу, что онъ съ Болры и Воеводы и съ ратными людьми пришедь подь Москву, и Московское государство очистилъ, изъ государевыхъ селъ село Богородское,» и проч.

Въ выписи, данной на вотчинное владѣніе селомъ Богородскимъ съ деревнями Князю Михайлу Яковлевичу Черкасскому въ 178 году, о пожалованіи вот-

* Сынъ Козьмы Минина во всѣхъ крѣпостныхъ выписяхъ названъ *Нефедьемъ*, что означаетъ, думаю, *Необита*, или *Неофида*, а не *Меводія*, какъ нѣкии полагають и пишутъ, послѣду сего Святгаго простой народъ зоветъ *Меводиль*. *Прим. Сог.*

чины жены Козьмы Минина и сына ихъ, изъяснено обстоятельнѣе, такъ:

«А въ Государевой жалованной, въ вотчинной граматѣ 124-го года, Іюля въ 30-й день, за приписью Дьяка Герасима Мартемьянова написано: «Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ и всея Русіи, пожаловалъ Думнаго Дворянина Кузмы Минина жену вдову Татьяну, да сына его Нефедю отца его вотчиною, а Государь тою вотчиною отца его пожаловалъ за его службы, что онъ съ Болры и съ Воеводы и съ ратными людьми пришедь подь Москву и Московское государство очистилъ, въ Нижегородскомъ уездѣ селомъ Богородскимъ. Да къ селу жъ Богородскому припущено въ нашу пустошь Окуловская, пустошь Орлова, пустошь Зинова Дуброва; да къ селу жъ Богородскому деревни Цепелева, деревни Высокая, деревни Осиновка, деревни Песошная, Коврово тожъ, деревни Баконова, деревни Коростелиха, деревни Дикое Раменье, а Новое Раменье тожъ, что было Починокъ, деревни Выбьлюва.»

Изъ сего открывается: а) что въ 124 году Козьма Минина въ живыхъ уже не было, когда жена его названа *вдового*, и дано ей владѣть его вотчиною; б) что на общее съ сыномъ владѣніе вотчиною была дана особая граммата отъ того же Царя Михайла Ѳеодоровича, и в) что изъ владѣнныхъ мужемъ сей деревень ни одна не была отобрана отъ нея.

Въ данной же 7435 года Нефедью Минину выписи показано, что изъ числа деревень, Козьмѣ Минину пожалованныхъ, двѣ, деревни Цепелева и Высокая, по указу Государеву отписаны на Государя, и въ 131-мъ году отданы въ вотчину иноземцамъ *Яну Ролановскому*, да *Степану Стаиковскому*, обѣ по частямъ. Другія двѣ деревни, Дикое Раменье и Осиновка, показаны уже пустошами, а не деревнями. И потому въ выписи сей сказано:

«И всего за стряпчимъ за Нефедьемъ Мининнымъ въ вотчинѣ, что было за отца его изъ Государевыхъ селъ, опричь примѣрныхъ земли, что примѣрено сверхъ, да и на

Государя описано, село Богородское, да пять деревень, да две пустоши.»

И въ концѣ выписи означено тоже:

«А по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Русии указу стражному Неведью Кузмину, сыну Минина, платить съ живущаго съ вотчины, съ села Богородскаго, да съ пяти деревень, да съ двухъ пустошей, оиричь примѣрныя земли, съ полполтреды сохи, а не дойдеть въ сошное письмо пяти четвертей безъ третника пашни.»

Изъ сего явствуеть, что во 129 году и родительница Неведья Минина, вдова Татьяна скончалась, и Неведий одинъ остался владѣльцемъ жалованнаго отцу его недвижимаго имѣнiя, но со 130 года владѣль онъ только селомъ Богородскимъ, пятью деревнями: Демидовымъ, Выбыловымъ, Песочнымъ, Крастелихой и Баклановой, да двумя пустошами.

Древнее села Богородскаго положенiе въ обихъ выписяхъ показано таково:

«Село Богородское стоитъ на четыре усады *, а межъ усадъ и ключей прудъ съ заплотиною. А въ селѣ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, древяна съ папертью; да другая церковь Николая Чудотворца, съ папертью жъ **. А церкви и въ церквахъ образы, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строенiе вотчинново и мірское ***.

* Усадами наименованы четыре порядка домовъ обывательскихъ. Нынѣ въ селѣ Богородскомъ четыре улицы, а порядковъ домовъ по семь, простирающихся на двѣ версты, кромѣ многихъ малыхъ порядковъ.

Прилг. Сос.

** Церквей въ Богородскомъ нынѣ четыре: 1-я Рождества Богородицы; 2-я Обновленiя храма Воскресенiя; 3-я ружная, Успенiя Божiей Матери и 4-я кладбищенская, во имя всѣхъ Святыхъ, все каменныя, и все построены во время владѣнiя селомъ Богородскимъ покойнаго родителя нынѣшнихъ владѣльцевъ, Василья Сергѣевича Шереметева.

Прилг. Сос.

*** Поселку село Богородское было прежде село дворцовое, то, какъ церкви, такъ и все церковное имущество устроены были изъ казны Государевой, или и самое село съ крестьянами почиталось Государевымъ имуществомъ; для того, при пожалованiи оного въ вотчину Минину, церкви и имущество оныхъ объявлены вотчинными.

Прилг. Сос.

«Да въ селѣ Богородскомъ кабакъ, да торгъ, а торгуютъ два дня въ недѣль, въ пятницу да въ воскресенье *; а съ торгу и съ кабака собирають деньги на вотчинника на Неведья Минина **, люди его и крестьяне.»

Въ концѣ второй изъ сихъ двухъ выписей показано:

«И во 141 году та Неведья вотчина Козмина сына Минина, село Богородское съ деревнями и пустошами дана Болрину Князю Якову Куденетовичу Черкасскому въ помѣстье со всеми угоды. И во 175 году то Болрина Князя Якова Куденетовича помѣстье дано сыну его Князю Михайлу Яковлевичу Черкасскому на его помѣстье, по его челоубию, и по помѣть на выпискѣ дьяка Семена Румянцова для помѣстнаго владѣнiя съ нынѣшняго 178 году. Степанъ Венедиктовъ. Справиль Иванко Самойловъ.»

Изъ сего перехода недвижимаго имѣнiя Мининыхъ во владѣнiе Князей Черкасскихъ, посредствомъ царскаго же пожалованiя, надлежитъ заключать, что въ показанномъ 141 году Неведий Мининъ въ живыхъ не находился, а скончался во 140 году, или еще ранѣе, не оставя по себѣ наследниковъ ни мужскаго, ни женскаго пола ***, и былъ ли женатъ, неизвѣстно.

Въ третьей выписи, которой начало таково: «Выписъ съ Нижегородскихъ переписныхъ книгъ пе-

* Нынѣ въ Богородскомъ торгуютъ одинъ день въ недѣлю, въ субботу, а въ пятницу и въ воскресенье торги бывають въ селѣ Павловѣ.

Прилг. Сос.

** Денежный сборъ съ торга и кабака Богородскихъ уступленъ Неведью Минину, въ приполенiе ли милостей царскихъ, или въ замѣтъ описанныхъ на Государя двухъ деревень, Цепелева и Высокова, этого ни въ которой выписи не показано.

Прилг. Сос.

*** Это подтверждено въ *Дьямѣхъ Петра Великаго* (Ч. VIII. стр. 177). Тамъ описывается, что Монархъ сей, въ 1722 году, бывъ въ Нижнемъ, и у губернатора за столомъ не оставивъ спросить о потомкахъ славнаго и заслугами къ отечеству именитаго сего града гражданина Козьмы Минина, изъявляя сожалѣнiе свое, что ничего отъ рода его не осталось.

Прилг. Сос.

реписи Князя Шаховскаго, да подъяго Прокофья Сиклонова, 154 году», показанъ новый переходъ недвижимаго имѣнія Мининскихъ отъ Князей Черкасскихъ въ родъ господъ Шереметевыхъ. Въ ней по прочемъ написано :

«А въ 712 году Болрина Князя Михаила Яковлевича Черкасскаго Нижегородское ево недвижимое имѣніе, село Богородское, съ деревнями и съ другими ево недвижимыми имѣніи, по табели * ево Болрина Князь Михаила Яковлевича, досталось дочери ево, дѣвицѣ Княжнѣ Прасковѣ Михайловнѣ, и за нею то недвижимое имѣніе, въ 715 году Апрѣля въ 24 день, по иминному Его Императорскаго Величества указу справлено. А въ 1714 году дѣвица Княжна Прасковья Михайловна Черкасскаго, съ выписаннѣмъ имѣніемъ, съ селомъ Богородскимъ, съ деревнями и съ другими недвижимыми имѣніи вышла замужъ за полковника за Василья Петрова сына Шереметева, и то недвижимое за нимъ Шереметевымъ въ томъ же году справлено. А сего 1744 году Марта 2 дня, по опредѣленію Государственной Вотчинной Коллегіи, вѣлно вышписанное умершаго генераль-маіора Василья Петрова сына Шереметева, жены ево Прасковьи Княжнѣ Михайловнѣ, дочери Черкасскаго, Нижегородское ихъ недвижимое имѣніе, село Богородское съ деревнями **, справить за дѣтми ево, Лейбгардіи Преображенскаго полку за прапорщикомъ Ивановымъ, да Семеновскаго полку за сержантомъ Сергіемъ Васильевымъ, дѣтми Шереметевыми, и вѣлно имъ на то недвижимое имѣніе съ переписныхъ

* Члательно: по назначенію и расписанію. *Примл. Сов.*

** При наслѣдованіи имѣнія Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ деревня Баканово была, и къ нему поступила, уже пустошною, и дошшиъ подъ тѣмъ же названіемъ остана въ дачахъ села Богородскаго. Вы пожелаеъ можетъ быть, знать, отъ чего деревни Дикое Рамеиъ, Осиновка, Баканово сдѣлались пустошани. Причины полагаю слѣдующія: 1) Деревни тѣ и сами по себѣ были небольшія, малолодныя и малоземельныя; 2) жители оныхъ, сдѣлавшись изъ крестьянъ Государевыхъ помѣщичьими, по предрасудку принимали то за бремя и сбѣгали семьями въ мѣста неизвѣстныя; 3) въ несчастные годы вымпрали цѣлыми домами; 4) строения ихъ ветшали, а еще больше истреблялись отъ пожаровъ, и потому останаіся жители приселались къ Богородскому и деревнямъ существующимъ. *Примл. Сов.*

книгъ 154 году дать выписъ. А въ вышеписанномъ селѣ Богородскомъ съ деревнями и пустошани пашни двѣ тысячи семь сотъ тридцать пять четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жь. А дана сія выписъ изъ Государственной Вотчинной Коллегіи, по челобитію вышепоказанныхъ Ивана и Сергія Шереметевыхъ, впредь имъ для владѣній и сыску бѣглыхъ крестьянъ, по опредѣленію въ Государственной Вотчинной Коллегіи. Семень Лушнѣ.

У сей выписи Ея Императорскаго Величества печать на черномъ воскѣ.

И такъ, для опредѣленія времени, когда Мининское недвижимое имѣніе, состоя изъ села Богородскаго и деревень Демидова, Выбьлова, Песошнаго и Крестелнихъ, съ пустошани при оныхъ, вошло во владѣніе господъ Шереметевыхъ, достаточно, полагаю, настоящихъ извлеченій; поелику показанный выше сего Семеновскаго полку сержантъ Сергій Шереметевъ былъ отецъ покойнаго генераль-маіора Василья Сергіевича Шереметева, а нынѣшнимъ владѣльцамъ дѣдъ родной.

Деревни, отписанныя на Государи, потомъ въ 151 году отданныя иноземцамъ Яну Романовскому и Степану Станковскому, Цепелева и Высокая, по наслѣдствамъ, по раздѣламъ, по приданствамъ, по промѣнамъ и продажѣ по частямъ, будучи раздроблены на мелкіе участки, переходили отъ владѣльца къ владѣльцу, которыхъ и было много; наконецъ одинъ изъ владѣльцевъ, ротмистръ Корнило Максимовъ Крюковской, раздробленные участки тѣ, посредствомъ покупки собралъ воедино. Отъ г. Крюковскихъ въ 201 году поступили они во владѣніе Князю Ивану Князь Васильеву Бабичеву. А въ 1796 году деревни Высоково, уже съ пустошною, а не деревнею, Цепелевой, посредствомъ покупки отъ дочери Князя Ивана Ивановича Бабичева, дѣвицы Княжны Катерины Ивановны Бабичевой (а ей досталось по

раздѣлу имѣнія съ братомъ премьеръ-маіоромъ Николаемъ и сестрою Княжной Марьей Ивановыми дѣтьми Бабичевыми же) поступила во владѣніе Гг. Шереметевыхъ, гдѣ и состоитъ донинѣ. Вотъ достовѣрный переходъ недвижимаго имѣнія Мининскихъ во владѣніе нынѣшнихъ помѣщиковъ Гг. Шереметевыхъ.

На прочіе вопросы ваши, учинить надлежащіе отвѣты предоставляю Нижегородцамъ, жителямъ города, а въ краткости могу сказать слѣдующее: 1) Въ Кремль города Нижняго, по откритіи намѣстничества, всѣ строенія, не только на мѣстахъ казенныхъ, но и на мѣстахъ людей частныхъ, сломаны и уничтожены, а мѣста обращены на очищенную площадь, на которой въ послѣдствіи построены разныя каменные зданія, какъ-то: корпусъ присутственныхъ мѣстъ, въ длину саженьхъ на 26, казармы солдатскія на 22, кантонистскія на 26, для пожарной команды на 13, и еще корпусъ присутственныхъ мѣстъ, угольникомъ построенный на 95. Сверхъ сего много мѣста занято построениемъ службъ при корпусахъ, кухонь, сараевъ, погребовъ, амбаровъ, конюшенъ и другихъ зданій. Затѣмъ незастроенными оставшіяся мѣста составляютъ свободную площадь, на которой производится разводъ солдатъ, ученіе кантонистовъ и рекрутовъ, и на ней же находится памятникъ Князю Пожарскому и гражданину Козьмѣ Минину, поставленный по Высочайшему, въ 1826 году послѣдовавшему, повелѣнію.

Можетъ быть, излишне описывать самый памятникъ, по извѣстности оного, но думаю, лучше сдѣлать излишнее, нежели оставить недостатокъ въ извѣщеніяхъ, и потому скажу: памятникъ состоитъ изъ гранита, въ видѣ пирамиды, поставленной на такомъ же четырехугольномъ подножій, имѣющемъ

длины со всѣхъ сторонъ 25 четвертей, къ верху окарниженномъ; ширина его, или площадка, отъ карниза 20 четвертей, а высота камня 10 четвертей. Въ пьедесталѣ пирамиды вставлены съ двухъ сторонъ мѣдныя доски, съ изображеніями на одной Козьмы Минина, надъ которымъ два генія держатъ золотой вѣнокъ, на второй же Князя Пожарскаго, съ таковыми же геніями и вѣнкомъ. Повише, въ карнизахъ и съ тѣхъ же сторонъ, вставлены мѣдныя доски, съ надписями золотыми буквами: *Гражданину Минину! благодарственное потомство 1826 года. Князю Пожарскому! благодарственное потомство 1826 года.* Поверхъ всего возвышается шпиль пирамидный.

2) Церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы, каменная, и нынѣ въ Нижнемъ Новѣгородѣ существуетъ, однако въ ней ни какихъ памятниковъ и записей о Козьмѣ Мининѣ, ни прикладныхъ вещей отъ дома Мининскихъ, нѣтъ, и гдѣ былъ домъ его, неизвѣстно. Только молва отъ досуга ходитъ по приходу Похвалинскому и по Нижнему, и рассказываетъ, что Козьма Мининъ жилъ, скончался и погребенъ въ семь приходъ, но доказательствъ на подтвержденіе этого ни какихъ не предъявляется. О записяхъ и прикладахъ вообще заключаютъ, что они, въ бывшіе пожары, какъ и самая церковь деревянная, сгорѣли.

3) Нижегородскій, кафедральный, Преображенскій Соборъ перестроиванъ былъ въ 1654 году, что явствовало изъ бывшей на соборѣ надписи, которой нынѣ, по причинѣ перестройки собора вновь, уже не имѣется. Записей о томъ, когда останки Козьмы Минина перенесены въ сей Преображенскій Соборъ, при соборѣ не находится. Единственнымъ же того событія свидѣтелемъ остается гробница, останки прославленнаго гражданина Козьмы Минина крѣпко

къ сердцу своему прикаивная. На сей гробницѣ положена чугунная доска, съ вылитомъ на ней надписью таковою:

«Богъ Іаковль! Бывшее въ 1612 году, по освобожденіи Москвы содѣйствіемъ приспомятаемаго сына отечества Козьмы Минина, чрезъ собранныя полчища въ странахъ Нижняго сего Нова-Города, и руководимыя къ сокрушенію врага пламеннопоносимымъ Пожарскимъ, уже извѣстно Россіянину всякому. — И сіе послѣднее избавленіе Россіи отъ нашествія Галовъ въ 1812 году совершилося по занятіи уже врагами древнія столицы Москвы, остановленными на пути своихъ богопротивныхъ движеній, и внятыя обращенными при видѣ копечю новоявленныхъ сильныхъ ополченій, сосредоточиваемыхъ въ самъ же богоспасаемомъ городѣ Нижнемъ! Знаемаяся на насъ свѣтъ лица Твоего, Господи, и о имени Твоемъ возрадуется воевкы. — Ся надпись принадлежитъ къ гробницѣ Козьмы Минина, 1815 года.»

4) Поминовенія Козьмы Минину, и сыну его Меодію (а я полагаю, Неофиту), особеннаго, кромѣ вселенскихъ субботъ, и поминовенія по всѣхъ православныхъ христіанахъ, въ Преображенскомъ Соборѣ не видится.

Вотъ собранныя мною свѣдѣнія. Впрочемъ же въ недостаткѣ актовъ и записей вините не столько людей, сколько время и случай. Они ничего не щадятъ, и все тлѣтъ и глубяють. Въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ слишкомъ, не только вещи, но и людей не одно поколѣніе смѣнилось на театрѣ жизни, а съ ними и память и памятники о лицахъ, дѣлахъ, мѣстахъ и вещахъ, уваженія и храненія достойныхъ, прещія и нечезли. Пожалѣемъ, потужимъ и уступимъ силѣ сказанныхъ губителей.

Послуживъ симъ извѣщеніемъ, въ сходственность желанія вашего, съ достолюдинымъ къ вамъ почитаніемъ и уваженіемъ, честь имѣю быть, М. Г., и проч.

Апрѣля 18 дня 1854 года.

Горбатовскаго Уѣзда, села Богородскаго,
Рождественской церкви протоіерей

ТИМОФЕЙ ЕРЕМЕЕВЪ СЫНЪ РОЖАНСКІЙ.

II.

Предполагая продолжать *Русскую Вислѣтовку*, первый томъ которой напечатанъ былъ мною въ 1834 году, я хотѣлъ помѣстить въ ней все, что успѣлъ собрать отъ добрыхъ, признательныхъ къ памяти великаго Нижегородскаго гражданина соотечественниковъ. Вотъ почему, болѣе трехъ лѣтъ храняся у меня извѣстія, доставленные мнѣ отъ почтеннаго протоіерей Т. Е. Рожанскаго. Убѣжденный въ невозможности моего намѣренія, помѣщаю ихъ теперѣ здѣсь, изъясняя достопочтенному любителю древностей, хотя запоздалую, но искреннюю благодарность. Вслѣдъ за симъ напечатано въ С. О. и другія свѣдѣнія, какія имѣю въ рукахъ: долгъ каждаго Русскаго, долгъ священній обязываетъ насъ сберець для потомства все, что можемъ мы узнать и сохранить о великомъ нашемъ Мининѣ. Слѣды прошедшаго исчезаютъ такъ быстро... Прилагаю здѣсь еще выписку, которую имѣлъ я честь получить отъ Алексѣя Ѳеодоровича Малиновскаго, мужа столь извѣстнаго своимъ заслугами въ Русской Археографій. Д. Н. Бантъшъ-Каменскій писалъ къ нему изъ Нижняго, отъ 18-го Апрѣля 1807 года:

«Здѣсь познакомился я съ правнукомъ Минина, *Михайлою Алексѣевичемъ Подсѣвальчиковымъ*; отецъ его былъ родной внукъ сестры Минина, а онъ теперѣ *одиш* остается въ живыхъ изъ ея потомковъ. Жаль, что бездѣтенъ, и что съ нимъ рѣшительно кончится въ Нижнемъ родъ незабвеннаго избавителя Россіи. Настоящая фамилія его *Кастаревъ*, какъ именовался кунаецъ, мужъ сестры Минина, а его прапрадѣдъ, по прозванію Подсѣвальчикова дали дѣду его, отъ котораго перешло оно и къ потомкамъ.»

Вотъ родословіе, составленное по указанію М. А. Подсѣвальчикова:

«*Мина Сухорукой*, посадскій Нижняго Новгорода. У него

дѣти: *Козьма Мининъ*, избавитель Россіи, и *Дарья Микулина*, которая вышла за *Ивана Семеновича Каатарова*, посадскаго. Отъ нихъ сынъ *Петръ*, у котораго сынъ *Михайло* (онъ, оставя именованіе *Каатарова*, написалъ себя въ ревизіи *Подсваляцкиновичемъ*, потому, что имѣлъ сіе прозваніе по своему промыслу, подсывая хлѣбъ для разныхъ иногородныхъ купцовъ, отъ коихъ отправлялъ комиссію). Отъ Михайла былъ сынъ *Алексѣй*, отъ него сынъ *Михайло*, бездѣтный.

«Почтенный потомокъ Минина разсказывалъ мнѣ (прибавляетъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій), что *Козьма Мининъ*, по раздѣленію тогда Нижняго на Верхній и Нижній Посады, торговалъ на Нижнемъ Посады, въ мясной лавкѣ, а жилъ въ Благовѣщенской Слободѣ, которая потомъ была пожалована Императрицею Елисаветою помѣщику Рославлеву. Императрица Екатерина купила сію слободу у Рославлева за 73,000 рублей, и жителей ея причислила къ Нижегородскимъ купцамъ и мѣщанамъ, ибо они земли не имѣли, и торговали наравнѣ съ Нижегородцами, даже принадлежа Рославлеву.

Н. ПОЛЕВОЙ.

ВЫПИСКА

ИЗЪ ДНЕВНИКА МОСКОВСКАГО ПОХОДА

ЯНА ПЕТРА САПЕГИ,

съ 1608 по 1611 годъ *.

=

27 Юля 1608 года, Усвятскій староста Сапега, призвавъ на помощь Бога, выступилъ съ войскомъ къ предѣламъ Московскаго государства. Отправясь изъ *Ивановичъ* на *Басевъ*, въ трехъ миляхъ за границую, остановился онъ надъ селомъ *Звѣтловицали*; тамъ простоялъ съ 27 по 29 Юля; оттуда, пройдя съ войскомъ далѣе двѣ мили, расположился надъ рѣкою *Лосмлюго*.

30-го. Присоединились другія роты; видѣли стражу неприятеля, и были встревожены понапрасну.

2-го Августа. Все товарищество единодушно согласилось учредить конфедерацію, и условились въ статьяхъ; всѣ собственноручно подписались и поклялись взаимно, добрымъ, честнымъ рыцарскимъ словомъ, не покидать конфедераціи до послѣдней капли крови, и исполнять постановленія, данныя отъ Сапеги, во всемъ повинуюсь своему вождю.

3-го. Пройдя три мили, Сапега расположился станомъ при селѣ *Дядовъ*; отсюда немедли выслалъ на поиски Садков-

* Русскіе читатели имѣютъ уже записки Жолкевскаго и Мацкевича. Вотъ еще дополненіе къ матеріаламъ о времени Шуйскаго и Междоцарствія — дѣтчія замѣтки одного изъ отважныхъ неприятелей, терзавшихъ тогда Русскую землю, отчаяннаго наездника, знатнаго Ляха, не постыдившагося помогать хищникамъ. Впрочемъ, не мѣсто здѣсь судить о характерѣ тогдашней войны и ея дѣтелей. Знатоки отличатъ драгоценное для Исторіи въ запискахъ Сапеги, но не менѣе любопытна общія характеристика замѣтокъ этого *кондотьера* Польскаго XVII-го вѣка. *Изданъ.*

скаго, съ 200 казаковъ и 60 Петигорцами. Захвачено въ плѣнь нѣсколько знатныхъ людей; между ними находились двое дѣтей боярскихъ, *Иванъ Демитиѳъ* и *Федоръ Босвяковъ*.

4-го. Сапега прошелъ двѣ мили, и остановился надъ рѣкою *Обилою*.

5-го. Пройдя одну милю, расположился при *Лубинѣ*.

6-го. Сапега выслалъ на поиски Александра Рубиновскаго съ сотнею Петигорцевъ, который и захватилъ мельника и двухъ бояръ.

7-го. Сапега судилъ дѣло о разбоѣ, причиненномъ купцамъ отъ товарищей казацкой роты Боровскаго. Зачинщикомъ былъ Адамъ Рушковичъ, ибо онъ первый бросился къ замку за добычею, а Мильковскій ранилъ мальчика, и оба, какъ главные виновники, осуждены на смерть; остальныхъ преступниковъ исключили изъ службы.

8-го. Рушковичу отрубили голову; Мильковскому оставлена жизнь, по усильной просьбѣ товарищей. Онъ обѣщалъ за то свершить подвигъ во славу всего войска. Сапега двинулся съ войскомъ, и расположился надъ рѣками *Дубровскою* и *Днѣпромъ*, повывше Смоленска, у Св. Троицы. Прїѣзжали Москвитяне и съ нами разговаривали.

9-го. Талинскій, съ пѣхотою, переправясь чрезъ Днѣпръ, для безопасной переправы остальнаго войска, сдѣлалъ шанцы надъ Днѣпромъ.

10-го. Въ полдень начало переправляться войско. Сапега выслалъ Пржеворскаго на поискъ, и онъ поймалъ крестьянина Рубиновскій, посланный съ сотнею конницы, захватилъ трехъ дѣтей боярскихъ, *Щепанъ*, двухъ родныхъ братьевъ, Андрея и Елсаара Садиковыхъ, да еще Смолянина Данилка Агаокилина сына. Все согласно говорили, что Смоленскій воевода не показавъ грамоты, писанной Сапегою, и велѣлъ черни цѣловать крестъ Царю Димитрію; говорили еще, что стрѣльцовъ находится въ замкѣ тысяча, а въ посадѣ сто боярскихъ дѣтей, которыхъ не выпускаютъ въ замокъ, и 300 Смоленскихъ боярковъ, и что сотниками казаковъ Кокоскинъ и Безобразовъ. Посадскихъ людей, т. е. мѣщанъ, до 20,000 человекъ и болѣе, а простаго народа безчисленное множество.

12-го. Все войско переправилось за Днѣпръ. Сапега про-

шелъ полмили ближе къ Смоленску, и расположился лагеремъ надъ *Прадищами*. Наши выѣзжали на стѣнку подъ монастырь Св. Троицы. Москвитяне изъ монастыря стрѣляли въ нашихъ гарцовниковъ.

13-го. Сапега двинулся къ *Прадищамъ*, гдѣ Москвитяне заступили ему дорогу, не хотя пропустить его на посольскій трактъ, ведущій подъ самый городъ; тутъ они поставили орудія. Сапега, не опасаясь ихъ, шелъ прямымъ путемъ, въ разстояніи отъ города на одну версту, и хотя изъ замка налили изъ пушекъ, войско наше прошло безопасно. Татарины Тучинскій завѣдывалъ передовою стражею, а Ясинскій надиралъ надъ обозомъ. Они долго удерживали неприятеля, но видя, что не было возможности, поворотили весь обозъ влево отъ посольскаго тракта, стоя въ боевомъ порядкѣ, и не въ силахъ будучи болѣе сносить напора неприятельскаго. Превосходство Москвитянъ заставило другихъ выѣхать въ битву. Неприятель, видя, что не можетъ побѣдить нашихъ обыкновеннымъ образомъ, употребилъ хитрость, началъ отступать и наводилъ насъ на стрѣльцовъ, которые находились въ засадѣ. Наши знали объ этомъ очень хорошо, и вовсе ничего не опасаясь, нѣсколько разъ преслѣдуя неприятеля, врывались въ городъ, удерживая за собою мѣсто битвы. Москвитянъ легло нѣсколько десятковъ. Въ сумеркахъ, съѣхавъ съ поля битвы, Сапега расположился въ *Издѣбѣ*, въ верстѣ отъ Смоленска.

14-го. Сапега двинулся на $2\frac{1}{2}$ мили, выслалъ Тучинскаго и Ясинскаго въ передовые, чтобы безопасно переправить обозы. Расположился надъ *Прудниками*.

15-го. Пройдя $3\frac{1}{2}$ мили, Сапега остановился въ *Пшевои*.

16-го. Пройдя двѣ мили, расположился Сапега надъ Днѣпромъ, при устьѣ рѣки *Вопрека*. Переправилась половина войска за Днѣпръ, и стала при *Коровникахъ*.

17-го. Сапега пошелъ далѣе. Въ обѣдъ передовая стража извѣстила, будто появились многія толпы Москвитянъ. Переправилась другая часть войска.

19-го. Пройдя 6 миль, расположился Сапега на лугахъ прибрежныхъ у Днѣпра, близъ города *Дорогобужа*.

20-го. Пройдя $2\frac{1}{2}$ мили, остановился Сапега позади *Болдына монастыря Св. Троицы*.

23-го. Послѣ 6 миль дороги, остановился Сапега при

Шеломовъ и отдыхалъ цѣлый день, а потомъ переправилъ войско чрезъ рѣки *Русатку*, *Малую Осью* и *Калитку*, не считая множества другихъ.

25-го. Пройдя четыре мили, остановились надъ рѣкою *Русаткою*, въ ровномъ полѣ, подъ городомъ *Вязьмою*.

27-го. По весьма дурной дорогѣ *Санега* прошелъ 6 миль и расположился при *Царевомъ Займищѣ*.

28-го. Шуйскій отступилъ изъ Москвы Царицу * и другихъ плѣнныхъ, о чемъ осведомясь, Царь **, по прошествии нѣкотораго времени, выслалъ въ погоню три полка, которые въ четыре дни нагнали Царицу, промчавшись болѣе 50 миль.

31-го. Прощель *Санега* 5 миль, и остановился при *Сороки*. Сентября 1-го. Отъ *Сороки* пройдя 5 миль, расположился надъ рѣкою *Зетною*.

2-го. Расположился *Санега* станомъ подъ *Можайскомъ*. Царица отдѣлялась только одною милею отъ *Санеги*, ибо она остановилась въ замкѣ *Варановѣ*, который былъ основанъ Московскимъ Царемъ *Годуновымъ*. Въ этомъ замкѣ есть каменная церковь съ высокою колокольнею, весьма красивою. Замокъ стоитъ на горѣ, надъ озеромъ, и окруженъ дубовыми стѣнами.

6-го. Пройдя $1\frac{1}{2}$ мили, остановился *Санега* при *Брегагѣ*. Были у насъ *Малагосекскій* и *Князь Константинъ Вишневецкій*.

7-го. *Санега* прошелъ $3\frac{1}{2}$ мили и остановился лагеремъ при *Польвѣ*.

8-го. Прощедши 6 миль отсюда, остановился *Санега* съ войскомъ подъ замкомъ *Вишгорода*, надъ Московскою рѣкою, которую переѣзжаютъ здѣсь въ бродѣ. Царица провела въ *Вишгородскомъ* монастырѣ цѣлый день; тамъ собирали запасы и происходили различныя совѣщанія.

10-го. *Санега* прошелъ 5 миль, и остановился надъ селомъ *Глуховымъ*, надъ Московскою рѣкою. Была переправа чрезъ рѣку, впадающую въ Москву. Изъ царскаго стана дали знать, что съ Москвитянами происходили битвы въ продолженіе цѣлаго дня, и что Москвитяне пресѣдовали до самыхъ

* То есть, *Марину Мишиекъ*, по договору 25 Июля 1608 года.

** То есть, *Тушинскій самозванецъ*.

стѣны столицы. Люди *Зборовскаго* цѣлый день были на стражѣ Царицы. *Санега* также не спалъ, ожидая неприятеля, ибо полусно было извѣстіе, что *Шуйскій* выслалъ 30,000 войска, которое долженствовало ударить на насъ.

11-го. Двинувшись прежде Царицы, *Санега* прошелъ $1\frac{1}{2}$ мили. *Веламовскій*, *Стравинскій* и немало другихъ товарищей встрѣтили *Санегу* на разстояніи мили отъ царскаго стана, а потомъ онъ встрѣченъ былъ *Княземъ Ружинскимъ*, бывшимъ въ то время царскимъ гетманомъ, и нѣсколькими знатыми *Восводами*. *Санега* расположилъ свой обозъ на ровныхъ и сухихъ лугахъ подлѣ рѣки *Москвы*. Къ нему присоединилась Царица и остановилась въ его станѣ.

12-го. Царь прислалъ *Князя Ружинскаго* къ *Санегѣ*, прося его къ себѣ. *Санега* поѣхалъ и остался обѣдать у *Князя Ружинскаго*. Ночью произошла тревога, и войско *Санеги* до разсвѣта стояло подъ ружьемъ, ожидая неприятеля.

18-го. *Санега* проводилъ Царицу къ царскому стану, за что Царь благодарилъ его.

21-го. Отъ рѣки *Москвы* *Санега* прошелъ $\frac{1}{2}$ мили.

22-го. Расположился станомъ въ ровномъ полѣ, верстою ближе къ городу. Царь, проѣзжая мимо, былъ встрѣченъ съ почестію.

25-го. *Санега* двинулся отъ царскаго стана, и шелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва два *корнета* казаковъ, а въ каждомъ *корнетѣ* по 100 всадниковъ; потомъ казачья рота *Буровскаго*, 100 лошадей; голубой нѣхоты 100 человекъ, *Пятигорцевъ Дзевястовскаго* 120 чел.; всадниковъ *Мирскаго* 100 и *Кохецкаго* 150 чел., да двѣ роты красной нѣхоты 150 чел., среди коихъ пушки; полкъ *гусаровъ* съ двумя знаменами, да 250 казаковъ. Прощившись съ Царемъ и Царицею, *Санега* выступилъ съ войскомъ подъ *Шушировъ* и другіе замки слѣдующимъ образомъ: *Литовскій* полкъ съ Московскимъ войскомъ; при немъ шесть порядочныхъ пушекъ съ полукартечью; въ полку считалось 6000 человекъ. За нимъ слѣдовалъ полкъ *Стравинскаго*, состоящій изъ 5000 человекъ, *копейщиковъ Марка Веламовскаго* 700 человекъ, казаковъ 200, наконецъ полкъ *Санеги*, съ пушками, *Микулинскаго* 700 человекъ и казаковъ 500. Послѣ 2 миль пути, неприятель, нападая съ тыла, производилъ незначительныя стычки съ нашими. Руцкій едва не былъ захваченъ въ

платье. Сапега остановился при *Зенесколях*, в $1\frac{1}{2}$ мили от Москвы, по Троицкой дороге.

24-го. Пройдя от Зенеска 4 мили, Сапега расположился при *Братошнинь*. Поутру происходила тревога.

Октября 1-го. Отойдя 4 мили от Братошнина, обоз остановился при *Землинь*. Изъ Москвы прѣехали двое слугъ боярскихъ, и допели, что Шуйскій выслалъ своего брата, Кнзя Ивана Шуйскаго, вельдь за Сапегою, давъ ему 50,000 войска. Тотчасъ Сапегою были посланы лазутчики, узнать, гдѣ находится неприятель; они увѣдомили, что неприятель расположился станомъ при Братошнинь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за день стоялъ Сапега.

2-го. Извѣстили Сапегу, что неприятель быстро и смѣло приближается; не дожидаясь его прибытія, Сапега, оставивъ въ лагерѣ значительную часть пѣхоты и нѣсколько сотъ конницы, со всѣмъ своимъ отрядомъ пошелъ на встрѣчу Московскаго войска. Не доходя къ селу *Рахманцы*, настигъ онъ неприятеля, и послѣ мужественнаго нападенія, наши одержали побѣду. Преслѣдуя цѣлыя 4 мили, Сапега поражалъ враговъ безъ малѣйшей пощады. Тутъ схвачено въ плѣнъ около 20 значительныхъ ратмистровъ, не считая инжнихъ чиновъ. Многие иностранцы, сражавшіеся подъ Московскими знаменами, захвачены притою.

3-го. Сапега прошель 2 мили и остановился неподалеку отъ монастыря Св. Троицы *. Онъ объѣздивъ кругомъ всего монастыря, осматривалъ окружающую его позицію, и мѣста, удобныя для приступа. Замѣтивъ что было нужно, ввечеру Сапега приказалъ навести на монастырь двѣ пушки, и приветствовать чернцовъ паллою, желая имъ *доброй ночи* (на добга нос езегисом). Когда стемнѣлось, Сапега велѣлъ насыпать окопы и дѣлать укрѣпленія.

4-го. Сапега послалъ къ Царю и гетману, съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ.

6-го. Сапега велѣлъ дѣлать окопы съ другой стороны монастыря, примыкаясь ближе къ стѣнамъ онаго.

10-го. Двое дѣтей боярскихъ, Максимъ Муравювъ и Веснякъ Теремювъ, а вмѣстѣ съ ними Викторъ Тракменчинъ,

* Здѣсь начало славной осады Троицкой Лавры, по ст. ст. 25 Сентября 1608 года. *Пашинъ* стр. 70.

Историческія
1608
1609 а и 1608.

перейдя добровольно на сторону Сапегы, извѣстили, что Шуйскому дано сроку недалеко Покровскаго праздника, для примиренія съ Литвою, или уступленія государства, о чемъ и самъ онъ своихъ сенаторовъ просилъ, умоляя ихъ не отдавать столицы. Нѣсколько *товарищей* прѣехали изъ царскаго стана, и извѣстили Сапегу, что 7 Октября въ вечеру Кнзя Ружинскій убилъ Мховецкаго въ царской палаткѣ.

14-го. Къ Царю отправили пушку съ 300 казаковъ. Послы Вронскій и Кербецъ отпущены Царемъ.

16-го. Москвитяне сдѣлали вылазку изъ монастыря, и папалъ на окопы Лисовскаго не было тогда въ окопахъ. Онъ отправился подъ монастырь, съ намѣреніемъ захватить небольшую мельницу, съ которою Москвитяне имѣли сообщеніе посредствомъ тайнаго хода. Но предпріятіе оказалось безуспѣшно, по причинѣ свѣтлой ночи. Лисовскій раненъ въ руку, а также ранено нѣсколько человѣкъ Донскихъ казаковъ.

17-го. Какой-то молодой человѣкъ изъ монастыря передался нашимъ. Онъ сказалъ Сапегѣ, что Москвитяне намѣрены послать къ Шуйскому, съ извѣстіемъ, что они не въ силахъ сопротивляться. Въ вечеру была вылазка и нападеніе на окопы, въ которыхъ находилась пѣхота Сапегы. Сраженіе продолжалось 5 часовъ. Съ нашей стороны нѣсколько человѣкъ убито и ранено. Неприятель не получилъ успѣха; потерявъ около 30 чел., онъ бѣжалъ въ монастырь. Кроме того сдѣлана была еще другая вылазка, съ тою цѣлью, чтобы изъ монастыря пробраться въ Москву и просить помощи у Шуйскаго. Монастырскій служка *Сылавинъ* передался Сапегѣ.

24-го. Многія дѣти боярскія изъ Суздаля прибыли къ Сапегѣ, и именемъ всѣхъ бояръ и посадскихъ людей, цѣловали крестъ Царю Дмитрію.

25-го. Казаки, высланные Сапегою для приведенія въ подданство Царю Дмитрію Ростова и окрестныхъ крѣпостей, привели въ станъ Сапегы Кнзя Третьяка Сентова, который, вмѣстѣ съ митрополитомъ и чернымъ духовенствомъ, возмущивши народъ, выступилъ изъ города съ нѣсколькими тысячами и напалъ на приближавшихся къ Ростову казаковъ. Но, претерпѣвъ поражеше, онъ бѣжалъ въ городъ, и въ немъ упорно защищался три часа. Митрополитъ съ народомъ спрятался въ церковь; видя опасность, вынелъ онъ оттуда

съ хлѣбомъ и солью, въ знакъ повиновенія. Не смотря на то, разъяренные воины, приведенные въ бѣшенство упорнымъ сопротивленіемъ, схватили митрополита, въѣжали въ церковь, и не давая никому пощады, рубили народъ, чернецовъ, разбили серебряныя гробницы Св. Угодниковъ, истребили около двухъ тысячъ народа и дѣтей боярскихъ (со стороны нашей пало не болѣе 30 чел.), и вывели значительное количество денегъ, золота, серебра, дорогихъ камней и золотую раку Св. Леонтія чудотворца.

Ноября 4-го. Изъ Ярославля прибыло къ Сапегѣ нѣсколко посадскихъ людей и слуга Ярославскаго воеводы, Князя Боратынскаго, съ челобитнымъ.

5-го. Нѣсколько Татарскихъ мурзъ прибыли къ Сапегѣ съ челобитнымъ. Они были изъ числа 12,000 Татаръ, шедшихъ на помощь къ Шуйскому, но, узнавъ о сраженіи подъ Рахмацами, возвратились домой и выслали отъ себя двѣ роты солдатъ къ Царю, въ знакъ повиновенія и подданства. Пріѣхалъ къ Сапегѣ съ челобитною Сибирскій воевода Князь Романъ Троекуровъ.

19-го. Прибыли въ станъ Сапеги Польскіе пѣльняне; въ числѣ ихъ много было знатнаго происхожденія, а именно *Князь Схловскій*, съ женою и съ дѣтьми. Все они, по повелѣнію Шуйскаго, содержались въ Галичѣ.

21-го. Изъ *Зеромагъ* прибыло къ Сапегѣ нѣсколько мурзъ съ изъявленіемъ покорности.

26-го. Пріѣхали одиннадцать боярскихъ дѣтей и пять Донскихъ казаковъ, заключенныхъ отъ Шуйскаго по разнымъ крѣпостямъ, за преданность къ Царю.

Декабря 5-го. Пріѣхалъ Ѳеодоръ Боратынскій.

11-го. Изъ Сибири пріѣхали четверо воеводъ.

15-го. Прибылъ Владимірскій воевода.

14-го. Пріѣхалъ Князь Димитрій Масальскій, съ извѣстіемъ, что Галичане измѣнили Царю, и измѣнниковъ собралось тамъ нѣсколько тысячъ.

15-го. Сапега выслалъ Эразма Стравинскаго, чтобы онъ напалъ на этихъ измѣнниковъ и разбилъ ихъ, воспрепятствовавши имъ собираться и успѣваться.

18-го. Вылазка. Со стороны нашей убито нѣсколько, да раненъ десятскій и подъ нимъ убита лошадь.

20-го. Сапега выслалъ Лисовскаго вельдѣ за Стравинскимъ,

съ 2000 Донцовъ. Съ 22-го на 23-е ночью Сапега поѣхалъ къ Царю.

25-го. Почевалъ въ Дмитровѣ, въ 6 миляхъ отъ своего стана.

24-го. Послѣ ранняго обѣда, Сапега выѣхалъ изъ Дмитрова. Прѣѣхавъ 6 миль, почевалъ въ деревнѣ *Пески*.

25-го. Сапега выѣхалъ изъ деревни Пески, и обѣдалъ у гетмана.

29-го. Посѣтилъ Сапега Московскаго *Патріарха* (?) Филарета; потомъ простился съ Царемъ и Царицею, и уѣхалъ въ свой станъ. На пути повстрѣчался съ нимъ Рачковскій, ѣхавшій изъ Ярославля, съ извѣстіемъ, что вторженіе значительнаго числа мятежниковъ въ Кострому, причинило большую опасность. По дорогѣ, гдѣ ѣхалъ Сапега, Москвитяне разбивали обозную челядь, провожавшую живность въ царскій станъ, по примѣтнѣ приближающуюся пѣхоту, обратились они въ бѣгство и скрылись въ лѣсу. Сапега проѣхавъ безопасно сіи мѣста, почевалъ въ Петровѣ, вмѣстѣ съ Ярославскимъ воеводою Ѳеодоромъ, который ѣхалъ отъ Царя.

31-го. Москвитяне сдѣлали вылазку изъ монастыря, пробираясь рвами и лѣсомъ къ большой дорогѣ, гдѣ челядинки везли съѣстные припасы. Нечаяннымъ нападеніемъ схватили было десятка два лошадей съ овсомъ и сѣномъ, и хотѣли возвратиться вспять. Но солдаты Сапеги загородили дорогу, отняли все похищенное, и положили на мѣстѣ неспирителей убитыми 40 чел., а въ плѣнь захватили 7 стрельцовъ. Прибыли гонцы отъ Эразма Стравинскаго, съ извѣстіемъ, что въ *Великой Соли* разбилъ онъ 7000 мятежниковъ, и сжегъ посадь. Гонцы отъ Соболевскаго и Плазьева, что разбито ими 25,000 бунтовщиковъ.

==

1609 годъ.

Января 3-го. Сапега послалъ Царицѣ образъ Московскаго чудотворца Св. Леонтія, который поконится въ Ростовской соборной церкви. Москвитяне цѣнили эту драгоценность въ 50,000 злотыхъ.

5-го. Вылазка изъ монастыря, въ намѣреніи напасть на

лагерь Лисовского, по Москвитине возвратились безуспешно. Убито 70 дѣтей боярскихъ, и захвачено въ плѣнъ 8 монастырскихъ служекъ. Съ нашей стороны ранены два челюдики и захвачено трое Донцевъ.

8-го. Москваине сдѣлали вылазку, стараясь запастись дрo-вами. Наши, пропустивъ ихъ свободно въ лѣсъ, окружили потомъ. Убито болѣе 200 Москвитянъ, и взято въ плѣнъ нѣсколько стрельцовъ. Съ нашей стороны потеря значительная.

9-го. Вылазка, чтобы провести гошцовъ къ Шуйскому о поданіи помощи. Убито 20 Москвитянъ и двое захвачены въ плѣнъ. У насъ убито нѣсколько, да четыре Донца и множество лошадей.

12-го. По утру вылазка изъ монастыря. Когда уже смеркалось, вышедшіе изъ крѣпости, приблизившись къ большой дорогѣ, по которой наша челядь везла въ лагерь събитые припасы, отыли у ней нѣсколько сапей съ сѣномъ, и освидомились о расположеніи нашего войска.

15-го. Веламовскій, Быховецъ и нѣсколько другихъ товарищей избраны въ посланники къ Царю и къ его воинству.

19-го. Царь прислалъ къ Сапегѣ съ извѣстіемъ, что Димитрій Шуйскій, собравъ въ Москвѣ нѣсколько тысячъ боярскихъ дѣтей и стрельцовъ, намѣренъ идти къ Троицъ, и ночью напасть на нашу станъ. Сапега отрядилъ двѣ казацкія роты для развѣдываній. Все войско было готово къ сраженію.

20-го. Княжна Прозекурова прибыла въ лагерь Сапегина. Одна рота выходила изъ стана къ ней на встрѣчу, и потомъ проводила ее на $\frac{1}{2}$ мили за лагерь.

22-го. Вылазка изъ монастыря. Прибыло нѣсколько дѣтей боярскихъ, бѣжавшихъ послѣ програннаго сраженія, гдѣ съ царской стороны находилось нѣсколько тысячъ челоуѣкъ. Они остановились въ деревнѣ, за версту отъ Нижняго. Бунтовщики, видя ихъ безвѣность, напали на нихъ ночью, взяли значительное количество въ плѣнъ, и отвели въ Нижній.

23-го. Вылазка изъ монастыря, и среди смятенія одинъ товарищъ изъ Сумовской роты схваченъ, а трое убиты. Вскоръ подали помощь изъ стана. Мы гнали враговъ до самыхъ стѣнъ. Двое дѣтей боярскихъ изъ Переласлави перешли на нашу сторону. Въ полночь пришло извѣстіе о при-

ближающемся къ намъ Московскомъ войскѣ, и Сапега тотчасъ отправилъ нѣсколько десятковъ конницы для развѣдываній. Пройдя 3 мили, въ Оманатовѣ узнали, что нѣсколько конныхъ пробирается къ монастырю. Сапега послалъ около 20 ротъ окружить монастырь, не давая возможности всадникамъ пробраться туда. Замѣтивъ такую предосторожность, Москвитине повернули на большую дорогу, и наши не могли ихъ преслѣдовать.

25-го. Стрѣлецъ изъ монастыря, ночью, явился къ нашей стражѣ, и разсказалъ, что на завтра будетъ сильная вылазка, ибо Шуйскій обнадежилъ находящихся въ монастырѣ общинаемъ, что пришлетъ имъ подкрѣпленіе.

26-го. Вылазка изъ монастыря, довольно сильная. Наше войско было въ совершенной готовности. Нѣсколько конныхъ и пѣхота засѣли въ таборѣ Лисовскаго, а остальнымъ конникамъ вѣльно было выступить изъ лагеря, и ударить на непріятеля съ противоположной стороны. Поразивъ совершенно монастырскихъ, наши преслѣдовали ихъ до самыхъ стѣнъ монастырскихъ. Со стѣнъ бросали на насъ камнями, кирпичами и бревнами. Больъ и плачь отчаянія раздавались въ монастырь. Наконецъ непріятели посѣпшили запереться въ немъ. Наши были не безъ урона; убито множество лошадей. Упрямая лошадь занесла одного товарища изъ роты Мирскаго въ монастырскія ворота. Тутъ онъ былъ схваченъ во время битвы, ибо пѣхота не могла скоро подоспѣть къ воротамъ, и потеряла нѣсколько челоуѣкъ изъ челяди. Подъ стѣнами нѣсколько товарищей опасно ранены. Послѣ объѣда былъ общій совѣтъ, куда явились посланники отъ Царя и отъ его воинства.

27-го. Общій совѣтъ. Избраны въ посланники къ Королю, сенату и къ повѣтовымъ депутатамъ Димитрій Выховецъ и Хржаповскій.

28-го. Посланники отправились на сеймъ, и ѣхали на лошадахъ Сапегина изъ подъ Троицкаго монастыря до Можайска. Сапега далъ имъ наставленіе отъ имени всего воинства, бывшаго па то время подъ его начальствомъ подъ Троицею.

Февраля 3-го. Сапега отправилъ въ Москву боярскаго сына Кирилу Хвостова, для развѣдываній. Онъ далъ ему 100 злотыхъ и лошадей со всею сбруею. Хвостовъ долженъ былъ

увѣдомить Сапегу обо всемъ, что происходитъ въ Москвѣ, преимущественно же о томъ, каково согласіе между думными боярами и народомъ, богаты ли Москвитяне оружіемъ, много ли у нихъ людей, укрѣпляются ли ворота на ночь?

5-го. Сапегу увѣхалъ изъ Дмитрова, и для отдыха остановился въ Озеречкѣ; того же дня былъ онъ въ царскомъ станѣ. Товарищи изъ разныхъ ротъ бѣжали къ нему навстрѣчу. Сапегу ужиналъ у Гетмана; остановился же у Зборовскаго.

6-го. Сапегу привѣтствовалъ Царя и Царяцу.

7-го. Былъ депутатскій советъ, на который Царь прислалъ Князя Григорія Шаховскаго и думныхъ бояръ: Михаила Салтыкова и Федора Андропова, говорить объ уplatѣ денегъ войску и расчесть съ военными депутатами. Сапегу разослалъ товарищей по городамъ, покорившимся царской власти, чтобы они взяли съ тѣхъ городовъ деньги. Полковники и ротмистры убѣдительно требовали, чтобы Царь непременно платилъ по обѣщанію, данному имъ всему войску, за двѣ четверти, ибо оно отказывается служить безъ платы. Сапегу посѣтилъ Касимовскаго Царя, и остался имъ очень доволенъ.

8-го. Сапегу обѣдалъ у Царя. Часть его войска подъѣзжала къ Москвѣ, и вступала съ неприятелемъ въ небольшую схватку.

9-го. Общее собраніе. Царь прислалъ Князя Шаховскаго, вмѣстѣ съ думными боярами Михаиломъ Салтыковымъ и Федоромъ Андроповымъ. Они обѣщали именемъ Царя выдать большую сумму къ тѣмъ деньгамъ, которыя находятся въ рукахъ военныхъ депутатовъ, и объявили желаніе, чтобы Гг. Московскіе сенаторы и военные депутаты переговорили между собою и сдѣлали расчесть. Советъ отложенъ быть на три дня, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы войско, по приказанію всего собранія, достоверно узнало, что ему послѣ трехъ дней будетъ выдано жалованье.

11-го. Возобновлено общее собраніе. Не вида удовлетворенія, войско назначило гетмана Сапегу, Зборовскаго и важнѣйшихъ ротмистровъ, изъяснить Царю послѣднее требованіе войска, а именно, сказать, что прослуживъ четверть года, оно далѣе не намѣрено служить, а нѣкоторые не думаютъ даже служить болѣе двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ,

ежели Царь не уплатитъ денегъ за двѣ четверти года, они совсѣмъ его покинутъ.

16-го. Сапегу утромъ увѣхалъ отъ Царя, намѣревался отправиться съ войскомъ подъ Москву. Онъ почевалъ въ Дмитровѣ.

18-го. Сапегу послалъ Царю пару лосей, убитыхъ стрѣльцами въ Юглицкомъ лѣсу. Суздальскій воевода Вельяминовъ прислалъ купцовъ съ извѣстіемъ, что мятежники разбили его, неподалеку отъ Тулы (?), такъ, что самъ онъ едва могъ спастись съ нѣсколькими всадниками, а мятежники послѣ того сильно напали на Суздаль. Поздно вечеромъ была вылазка. Ночью Сапегу изъ полка своего выслалъ двѣ роты Петнгорцевъ, подъ предводительствомъ Мирскаго и Дзевалтовскаго, на помощь жителямъ Суздаля, ибо мятежниковъ собралось тамъ около 30,000.

19-го. Пріѣхало нѣсколько сотъ Москвитянъ, везущихъ дань Царю. Сапегу взялъ отъ нихъ 200 бочекъ меду на свои собственные расходы.

22-го. Пріѣхали гонцы изъ Серакова, съ челобитиемъ отъ тамошнихъ дѣтей боярскихъ, посадскихъ людей и всего народа. Они изъяснили свою преданность Царю.

23-го. Нѣсколько десятковъ подводъ ѣхали изъ Тимикова, изъясняя Сапегу, что они везутъ дань Царю. Отъ нихъ взяли 46 купчихъ мѣховъ, и раздали полковникамъ и ротмистрамъ.

24-го. Сапегу былъ на пиршествѣ у товарища изъ роты Стравинскаго, Гизицкаго. Около вечера сдѣлана вылазка. Сапегу отправился на неприятеля и самъ преслѣдовать его къ воротамъ. Пріѣхали гонцы отъ Мирскаго, съ извѣстіемъ, что мятежники, съ огромною силою, приближаются къ Суздалью. Въ ночь зажжены лагерь въ трехъ мѣстахъ, въ ротахъ Соболевскаго, Токарскаго и Семича.

26-го. Былъ общій советъ. Сапегу приказалъ раздать деньги по ротамъ и принять строгія мѣры противъ возмутителей.

27-го. Пріѣхали гонцы отъ Мирскаго и Суздальскаго воеводы, съ извѣстіемъ, что мятежники разбиты въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Суздаля. Пало неприятеля около 12,000. Конница Московская не понесла урона, бѣжавъ съ поля сраженія.

Марта 4-го. Прислалъ гонецъ изъ Зарзюмача (Арзамаса?),

съ известіемъ, что мятежники обложили городъ. Сапега отпустилъ гонца къ Царю.

8-го. Присланъ гонецъ къ Сапегѣ изъ царскаго стана, съ известіемъ, что 7 Марта, весь народъ въ Москвѣ взволновался и хотѣлъ было выдать Шуйскаго Царю Димитрію. Простершись на земль, Шуйскій умолялъ дать ему одну недѣлю срока. Народъ согласился, а между тѣмъ послано 200 дѣтей боярскихъ къ Царю, съ повинною грамматою отъ всѣхъ мірянъ, прося пощады Его Царскаго Величества. Были у Сапеги Князь Ѳеодоръ Мещерскій и Михайло Мойчановъ. Они прѣехали изъ Москвы, и предавался совершенно царскому помилованію, подтвердили известіе, что Москвитяне чуть не прислали къ намъ Шуйскаго, оковавъ его желѣзными цѣпями.

11-го. Изъ Романова прискакалъ гонецъ къ Сапегѣ, съ просьбою о подаіи скорѣйшей помощи его ротамъ, сражающимся съ превосходною силою мятежниковъ.

12-го. Трое служителей Князя Димитрія Шуйскаго передались къ намъ. Они извѣстили, что дѣти боярскіе, Шведы, Нѣмцы, черное и бѣлое духовенство, и почти весь, кто передается на нашу сторону, дѣлаютъ это измѣнически, а иные даже по наущенію Василия Шуйскаго.

14-го. Происходили совѣщанія. Послами къ Царю избраны были Микулинскій, Эразмъ Сравнискій и нѣкоторые другіе.

16-го. Прѣехалъ къ Сапегѣ Суздальскій архіепископъ. Пришли гонцы изъ Костромы, съ известіемъ, что отрядъ Сапегин разбилъ бунтовщиковъ; бѣжавшіе съ битвы въ городъ погибли тамъ, ибо городъ былъ зажженъ, потому, что не хотѣлъ добровольно покориться.

18-го. Двое стрѣльцовъ перешли на нашу сторону. Они объявили, что сегодня уже третій день, какъ Шуйскій просилъ народъ, чтобы повременили не болѣе трехъ недѣль, увѣряя въ томъ, что Скопинъ уже приближается съ Нѣмецкимъ войскомъ, а Шереметевъ съ Татарами и Москвитянами, конихъ число простирается до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Пришли къ нашимъ трое дѣтей боярскихъ и десятскій изъ Коломны. Извѣстія ихъ состояли въ томъ, что весь народъ и стрѣльцы доброжелательны къ Царю Димитрію, и что ежели бы войско Царя Димитрія явилось передъ Коломною,

то воеводы, поставленные Шуйскимъ, тотчасъ были-бы связаны и отданы въ руки Царя.

24-го. Прѣехали гонцы отъ Сычевскаго, посланнаго подъ Муромъ. Онъ увѣдомлялъ Сапегу, что разбилъ 6000 мятежниковъ подлѣ *Улова*, и 10,000 въ *Касиловѣ*, и что оба города имъ сожжены. Болѣе 50 человекъ Московскихъ посадскихъ людей перешло къ нашимъ. Сапега отправилъ ихъ въ Переславль.

27-го. Четверо Московскихъ крестьянъ перешли къ намъ. Прѣехали послы изъ Темникова, съ известіемъ, что около 100,000 Нагайскихъ Татаръ идутъ къ Темникову, и по дорогамъ жгутъ города и села, убиваютъ людей и многихъ захватываютъ въ плѣнъ.

28-го. Гонцы Владимірскаго воеводы Вельяминова прибыли съ известіемъ, что городъ Муромъ измѣнилъ нашимъ, въ слѣдствіе чего жители Владиміра просятъ помощи. Сапега уѣхалъ въ Александровскую слободу и тамъ ночевалъ.

29-го. Онъ возвратился въ свой лагерь.

30-го. Прѣехали гонцы изъ Костромы, съ известіемъ, что тысяча Петигорцевъ и казаковъ разбили мятежниковъ.

31-го. Гонцы, присланные изъ Владиміра, извѣстили, что мятежники вышли изъ Муромъ и направили путь къ Владиміру. Сапега отослалъ гонцевъ къ Царю.

Апрѣля 1-го. Посланный изъ *Рыбной Соли* извѣстилъ, что Галбовичъ истребилъ 700 мятежниковъ.

2-го. Сапега заболѣлъ сильнымъ колетьемъ.

3-го. Въ полночь Сапега отправилъ пять ротъ Петигорцевъ во Владиміръ. Захвачено 7 крестьянъ, которые изъ Москвы шли въ монастырь, съ грамотами отъ Шуйскаго, гдѣ онъ увѣщаваетъ не терять мужества и ожидать отъ него скорой помощи.

6-го. Гонецъ изъ Суздаля просилъ у Сапегин помощи. Сапега отправилъ Лисовскаго съ 3000 Донцевъ и нѣсколькими пушками.

9-го. До разсвѣта, вслѣдъ за Лисовскимъ, послано нѣскольکو хоругвей Петигорцевъ, которые, соединясь съ Донцами близъ *Турова*, вмѣстѣ вошли въ Суздаль. Вылазка изъ монастыря.

12-го. Двое Московскихъ дѣтей боярскихъ передались Сапегѣ. Они извѣщали, что весь Московскій народъ готовъ

покориться, по его удерживаютъ нѣсколько бояръ, родственниковъ Шуйскаго, старающаго ободрить чернъ увѣреніями, что Скопинъ идетъ съ 20,000 Нѣмцевъ отъ Новгорода, а Шереметевъ съ нѣсколькими десятками тысячъ Татаръ, отъ Казани. Они сказывали еще, что Шуйскій, написавши самъ къ себѣ исполненное надеждъ письмо, будто бы отъ Скопина, а другое отъ Шереметева, посылалъ съ ними гонцовъ въ одни городскія ворота, а принималъ ихъ въ другія, и потомъ письма эти публиковалъ и успѣлъ обмануть народъ.

15-го. Гонецъ изъ Суздаля, съ извѣстіемъ, что посланное Сапегою войско сражалось 13-го Апрѣля съ мятежниками, которые выступили изъ Суздаля. Ихъ пало убитыми 11,000, а 4000 бѣжало во Владимірскій замокъ. Наши гнали ихъ до самихъ воротъ замка, устилая дорогу трупами.

17-го. Гонецъ, посланный изъ Ярославля, съ извѣстіемъ, что Самуилъ Тишкевичъ, отправленный туда съ нѣсколькими ротами, разбилъ одинъ изъ передовыхъ таборовъ непріятеля близъ Горенска, гдѣ находилось 11,000, а потомъ второй таборъ, заключавшій въ себѣ 20,000 мятежниковъ. Не довольствуясь этимъ, онъ гналъ ихъ и прошелъ три засѣки, за которыми мятежники стояли въ готовности. Всего разбито слишкомъ 40,000 мятежниковъ.

22-го. Сапега отправилъ Микулинскаго съ однимъ полкомъ, придавъ ему въ помощь Лисовскаго, съ 5000 Донскихъ казаковъ, для истребленія находящихся въ Ярославлѣ мятежниковъ. Между посланными находился Иванъ Вольнскій, обещавшій безъ всякаго кровопролитія склонить жителей Ярославля къ цѣлованію креста Царю Дмитрію. Сапега велѣлъ не упускать изъ вида поступковъ Вольнскаго.

26-го. Дѣти боярскія изъ Костромы прислали къ Сапегѣ гонцовъ, съ просьбою о подаваніи имъ самой скорой помощи, въ случаѣ появленія мятежниковъ отъ Ярославля, о чемъ они немедленно извѣстятъ. Бывшій Казанскій воевода, *Иванъ Губиковъ*, привезешъ къ Сапегѣ и съ нимъ больше 15 дѣтей боярскихъ и около 20 слугъ, передавшихся Шуйскому изъ Коломны.

Малъ 5-го. Схвачены двое дѣтей боярскихъ, отправленныхъ изъ Новгорода Мих. Скопинимъ-Шуйскимъ въ Москву къ Василью Шуйскому, съ извѣстіемъ, что Шведскій Король Карлъ пришлетъ въ помощь Нѣмецкаго вонства 15,000,

что Понтусъ сдѣланъ предводителемъ рейтаровъ, а Сумма начальникомъ пѣхоты. «Со мною,» говоритъ Скопинъ-Шуйскій въ своей граматѣ, «есть людей Русскихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и всякаго рода служащихъ людей 12,000, и больше еще прибѣрается людей на твою государскую службу, а не можно изъ Великаго Новгорода безъ твоего государскаго наказа идти. Вели мнѣ, Государь, написать, какимъ путемъ я долженъ идти къ Москвѣ, и черезъ которые города, и тогда я пойду дорогою, тобою указанною, съ ратными людьми къ Москвѣ, противъ воровскихъ людей, на твою государскую службу.»

16-го. Казакъ прискакалъ изъ *Волохи*, съ извѣстіемъ, что нѣсколько сотъ мятежниковъ вышло изъ Владиміра и отправилось на судахъ по рѣкѣ Клязьмѣ, стараясь какъ нибудь пробраться въ Москву. Сапега послалъ 500 конныхъ и 200 чел. пѣхоты, съ приказаніемъ, чтобы они опередили посланныхъ тайнымъ образомъ, и внимательно наблюдали, въ которомъ мѣстѣ выйдутъ они изъ судовъ на берегъ.

17-го. Получено извѣстіе, что Шереметевъ пришелъ во Владиміръ и намѣренъ отправиться въ Москву.

18-го. Присланъ отъ Будына вѣстникъ, съ новостью, что 14 Малъ вонство его разбито совершенно 9000 мятежниковъ, не считая сгорѣвшихъ въ зажженномъ городѣ, и тѣхъ, которые утопили на судахъ, бѣжавъ во время пожара изъ города.

19-го. Гонецъ присланъ Турьевскимъ воеводою Болотниковымъ, съ извѣстіемъ, что мятежники вышли изъ Владиміра, и оставивъ въ сторонѣ Суздаль, прѣмо идутъ къ Турьеву.

Юни 4-го. Присланы къ Сапегѣ гонцы отъ Руцкаго, стоящаго близъ *Осинова*, съ извѣстіемъ, что Шведское вонство идетъ отъ Новгорода, и разбивъ на пути Керновицкаго, направилъ путь къ Торжку, а Серницкій отступаетъ къ царскому стану.

8-го. Суздальскіе гонцы дали знать Сапегѣ, что посланный имъ Суспенскій, съ нѣсколькимистами казаковъ, два раза сражался съ мятежниками. Убито нѣсколько сотъ мятежниковъ и нѣсколько десятковъ дѣтей боярскихъ знатнаго происхожденія. Захвачены многіе купцы изъ Нижняго, схваченные рѣкою Клязьмою во Владимірѣ, по причинѣ приближенія къ Нижнему царскихъ людей.

10-го. Привели къ Сяегъ крестьянина, псущаго отъ Скопина граматы въ Ярославль, въ коихъ Скопинъ извѣщаетъ Ярославцевъ о своемъ шествіи съ Нѣмецкимъ воинствомъ. Сверхъ того, присовокупляетъ онъ, что «Шереметьевъ съ многочисленнымъ ополченіемъ идетъ поспѣшно, и съ нимъ Крымскіе Татары, противъ Литвы.»

11-го. Привели къ Сяегъ одного изъ боярскихъ дѣтей, который, вмѣстѣ съ тремя другими, отправленъ изъ Москвы въ Коломну, съ граматами, къ воеводѣ и къ владыкѣ. Этотъ боярскій сынъ, примѣтивъ за собою погоню, сбросилъ граматы. При допросахъ онъ сознался, что всѣ мѣрныя держали тайный советъ, по которому опредѣлили, что въ случаѣ, ежели бы въ скоромъ времени не подоспѣлъ Скопинъ съ Нѣмцами, или Шереметьевъ, то выдать Шуйскаго и бить челомъ Царю Дмитрію. Послѣ совета пѣкто Матвей Мизинъ, съ 3-ми дѣтьми боярскими, передался на сторону Шуйскаго изъ царскаго стана. По наущенію Шуйскаго, онъ объявилъ всенародно, что Скопинъ приближается съ Нѣмцами и находится уже во Ржевь. Кроме того, онъ прочиталъ народу письма, будто бы полученныя отъ Скопина. Шуйскому удалось выпросить еще отсрочку до Петрова дня.

21-го. Гонецъ изъ Суздаля къ Сяегъ. Приятное извѣстіе, что Лисовскій близъ Клязьмы разбилъ нѣсколько тысячъ мятежниковъ, истребилъ Кинешму, и захватилъ въ плѣнъ тамошняго воеводу Барбаросскаго.

22-го. Привѣхали наши посланные отъ Царя. Во время общаго собранія, они извѣстили о привозѣ оружія изъ Псалы въ царскій станъ. Сяега послалъ за орудіемъ 200 подводъ съ двумя ротами казаковъ, чтобы лучше обезопасить привозъ его подъ Трошцу.

27-го. Гонцы отъ Мюцкаго изъ подъ Коломны, о томъ, что Ляпуновъ идетъ изъ Рязанскаго Переяславля, съ помощью жителямъ Коломны, а Мюцкій каждую минуту ожидаетъ его. Въ тотъ же день къ Сяегъ прискакали гонцы изъ подъ Зубцова, съ извѣстіемъ, что 30,000 мятежниковъ осадили Костромской Ипатьевскій монастырь, и что по показанію лазутчиковъ, мятежническое войско увеличивается безпрерывно, Вологжане посылаютъ на помощь 20,000 человекъ, а изъ Балахны выступило мятежниковъ 20,000. Всѣ

направляютъ путь къ Костромѣ. Изъ Ярославля прибыло туда 17 мятежничьихъ судовъ.

28-го. Гонцы отъ Сумы изъ Суздаля, что онъ 25 Іюня сражался съ мятежниками, неподалеку отъ Владимира. Мятежники совершенно разбиты. Около 13,000 ихъ пало на полѣ сраженія.

30-го. Переяславскіе гонцы, съ извѣстіемъ, что Микулинскій разбилъ близъ Углича 12,000 мятежниковъ и сжегъ тамошній замокъ, съ половиною посада. Сгорѣло множество людей, и множество потонуло на судахъ. Микулинскій освободилъ изъ тюрьмы *Чалмаханскаго Царевича*, заключеннаго Шуйскимъ, съ женою и дѣтьми. Онъ освободилъ также много Поляковъ, Нѣмцевъ, Венгровъ, Грековъ и другихъ иностранцевъ, содержавшихся въ заключеніи мятежниками.

Іюля 3-го. Извѣстіе отъ Зборовскаго, что имъ разбиты мятежники, не доходя до Старицы, и сожжены замокъ и городъ, со многими безвинными. Спустя недѣлю потомъ, Зборовскій отправился къ Торжку.

4-го. Общій советъ, въ которомъ Сяега имѣлъ совѣщанія съ воинствомъ на счетъ окончанія дѣла, и средствъ, необходимыхъ для того. Онъ письменно предложилъ воинству свои мнѣнія.

5-го. Все войско выступило въ поле. Сяега назначилъ каждому постъ во время атаки. Ночью сдѣланы окопы. Товарищи съ ротами стояли при нихъ на стражѣ.

7-го. Приведенъ къ Сяегъ въ *Городицкѣ*, изъ *Устозлы*, воевода Сулимень Отропеевъ отъ Микулинскаго, въ сопровожденіи 300 Московскихъ стрѣльцовъ. Сяегини люди напали на него изъ засады и захватили его въ плѣнъ. Городъ Городице сожженъ.

30-го. Гонцы изъ Основа отъ Рущаго, что мятежники пытались овладѣть Тверскимъ замкомъ.

31-го. Сяега двинулся изъ Дмитрова и сталъ съ своимъ войскомъ въ семи миляхъ, надъ рѣкою *Лютосьмою*. Здѣсь онъ узналъ, что Нѣмецкое войско и Скопинъ перешли за Волгу. Сяега двинулся назадъ отъ Лютосьмы рѣки, и расположился станомъ близъ села, въ виду монастыря. Здѣсь онъ соединился съ Зборовскимъ, и съ воинствомъ, принадлежащимъ къ главному стану.

Августа 1-го. Изъ Никольскаго села Сяега отошелъ

5 миль, и расположились на походе Дмитрова. Пришло известіе, что Василий Масальскій выступилъ изъ Москвы съ 14,000 войска, и отрядилъ 7000 къ Дмитрову, а 7000 къ Троицъ. Сапега отправилъ нѣсколько тысячъ всадинокъ изъ Дмитрова къ Братовицѣмъ. Освѣдомясь о положеніи непріятеля, отдалъ онъ приказъ войску быть въ готовности и занять позицію со стороны Москвы. Вскорѣ Сапега узналъ, что нѣсколько сотъ Нѣмецкаго войска перебралось къ Кимрѣ.

3-го. Сапега, съ войскомъ, отъ Дмитрова двинулся къ Троицъ.

5-го. Шпіоны прибыли къ Сапегѣ изъ Москвы, съ известіемъ, что 20,000 выступило къ Владиміру. Онъ получилъ письмо отъ гетмана, что войско Крымскихъ Татаръ спѣшитъ къ Шуйскому на помощь и находится не больше 20 миль отъ Москвы.

6-го. Сапега объѣзжалъ монастырь кругомъ, вмѣстѣ съ полковниками и ротмистрами, распределяя, при какой стѣнѣ и при какой башнѣ долженъ будетъ кто находиться, и въ какомъ порядкѣ приступать къ стѣнамъ, а также сколько человекъ будутъ приставлять лѣстницы, и въ какое время начнется приступъ.

7-го. За три часа до разсвѣта начался приступъ. Полки выступили изъ стана. Сапега объѣзжалъ ихъ и разставилъ по опредѣленнымъ мѣстамъ. Замѣтивъ рвеніе всего войска, онъ отдалъ приказъ выступать всѣмъ въ одно время. Послѣ перваго сигнала предписано, чтобы внимательно смотрѣли, покажется ли огонь или пѣть; въ первомъ случаѣ открыто дѣлать нападеніе, а во второмъ какъ можно тише подходить къ стѣнамъ. При второмъ выстрѣлѣ поступать такимъ же образомъ. При третьемъ всѣмъ вдругъ броситься на стѣны. Воины наши исполняли распоряженія безъ порядка, и потому не сдѣлали ничего добраго. Сапега двинулся 22-го на три мили отъ Кривушкина, и остановился на доходя до пустоши близъ Дробузина.

23-го. Отъ *Дробузина*, Сапега прошелъ 6 миль, и остановился лагеремъ на доходя до *Ожуръ*.

28-го. Сапега выступилъ съ войскомъ подъ Колзанинъ, намѣревался начать бой со Скопиннымъ. Изъ этого сраженія, Сапега, по милости Божіей, возвратился безъ урона. Онъ напугалъ непріятеля, и сжегъ деревни неподалеку отъ стана.

Сентября 9-го. Сапега видѣлъ гонцовъ отъ Суммы, съ известіемъ, что 7 Септ. разбилъ онъ близъ Суздаля 6000 Шереметева войска. Самъ Шереметевъ въ то время находился съ остальнымъ войскомъ во Владимірѣ. Сапега выступилъ въ походъ и разошелся на пути съ Зборовскимъ, шедшимъ прямо къ главному стану. Сапега остановился въ Переславскомъ замкѣ, не выпуская изъ вида движеній непріятеля.

11-го. Сапега отправилъ Лисовскаго, съ 2000 Донскихъ казаковъ и съ 300 Черкесовъ въ Борисоглѣбскій монастырь и къ Ростову, наблюдать движенія Скопина.

12-го. Получивъ достовѣрныя известія о намѣреніяхъ Скопина, Сапега укрѣпилъ замокъ, оставивъ въ немъ роты Стешикевича и Тарлыковского, множество казаковъ, дѣтей болгарскихъ, Переславцевъ, Нѣмцевъ, Московскихъ казаковъ и 350 стрельцевъ. Самъ съ войскомъ отправился на доходя *Духтой*, въ 6 миляхъ отъ Переславля.

17-го. Сапега получилъ известіе, что люди Скопина подкрались тайно подъ Переславль, разбили оставленныхъ въ немъ людей и овладѣли городомъ и замкомъ.

Октября 3-го. Пріѣхали шпіоны изъ Калазина, съ известіемъ, что Скопинъ разослалъ нѣсколько сотъ дѣтей болгарскихъ и стрельцевъ, собрать крестьянъ съ окружныхъ волостей и деревень, и заставить ихъ въ скорѣйшемъ времени починить мосты по Дмитровской дорогѣ въ Москву.

18-го. Одинъ изъ служителей Заруцкаго, который попался было въ руки Скопина и едва ускользнулъ отъ него къ нашимъ, сказывалъ, что Скопинъ 6 Октября оставилъ Переславль, и съ 15,000 Русскихъ и 7 Нѣмецкими ротами намѣревался идти на Троицу, освободить ее отъ нападеній съ нашей стороны. Въ случаѣ неудачи, онъ думаетъ пробраться въ Москву, между Александровской слободою и Турьевымъ. Кромѣ того, онъ сказывалъ, что Скопинъ не намѣренъ сражаться въ открытомъ полѣ, не имѣя достаточныхъ силъ, и потому рѣшился дѣйствовать укрядкою, въ ночное время.

20-го. На разсвѣтѣ прискакалъ къ Сапегѣ трубачъ отъ Тромчевскаго, съ известіемъ, что мятежники, подкравшись къ Александровской слободѣ, напали на четыре наши роты, которыя Сапега, будучи увѣренъ, что непріятель въ Перел-

славль, расположилъ въ сей слободѣ, для безопасныхъ переездовъ въ Суздаль и свободнаго отыскиванія съѣстныхъ припасовъ для войска.

28-го. Князь Ружинскій прибылъ съ войскомъ въ Сале-пинъ лагерь.

Ноября 1-го. Получили извѣстie изъ Братошныи, что Сольсанъ вдвоемъ ушелъ въ Москву. Сего дня ночью прѣехали челдники, и уведомили, что мятежники напали на Стромечу и сожгли ее.

6-го. Прибыли гонцы Мюцкаго, съ извѣстiемъ, что онъ на Коломенской дорогѣ разбилъ Василю Масальскаго. Къ вечеру, Салега отправился съ войскомъ для развѣдываній подѣ Александровскую слободу, гдѣ стоялъ въ то время Скопинъ.

7-го. Салега подступилъ къ Александровской слободѣ Скопинъ уже былъ въ готовности на битву.

15-го. Салега отправилъ нѣсколько десятковъ Татарскихъ Касимовскихъ всадниковъ, для развѣдываній въ войско Скопина.

23-го. Татары возвратились. Получено извѣстie отъ Вильчковскаго, что посланники отъ Короля приближаются и уже неподалеку отъ Вязьмы. Ружинскій ночью прѣехалъ въ станъ.

25-го. Приведенъ къ Салегѣ болгарскій служитель, который далъ знать, что 23 Ноября, въ полночь, Семень Головинъ прибылъ въ Рутюгъ съ 5000 дѣтей болгарскихъ и стрѣльцевъ. Между ними было 500 вооруженнымъ луками; прочіе же были самопальники. Они начали дѣлать укрѣпленія въ Рутюгѣ.

27-го, Салега отправилъ Сумму на большую дорогу къ Стромичу, для развѣдываній. Касимовскій Царь уѣхалъ.

==

1610 годъ.

Февраля 14-го. Извѣстили Салегу, что нѣсколько сотъ измѣнниковъ, укрывавшихся въ лѣсахъ, крадутся къ Дмитрову. Салега выслалъ 100 всадниковъ, узнать о движеніяхъ мятежниковъ. При сдѣланномъ неожиданно изъ лѣсу нападеніи, наши убили 20 человекъ и 2 взяли въ плѣнъ. Отъ

этихъ плѣнниковъ Салега узналъ, что Скопинъ, изъ мѣста своего пребыванія, неподалеку отъ Троицы, выдалъ уже два приказа, касательно укрѣпленія *Сестилова*.

15-го. Салега, съ тысячею конницы, подходилъ къ Сестилу, надѣясь истребить бунтовщиковъ, вмѣстѣ съ ихъ укрѣпленіемъ.

26-го. Царица прѣехала къ Салегѣ, подѣ предлогомъ, что она оставляетъ главный станъ, откуда Князь Ружинскій хотѣлъ выслать ее подѣ Смоленскъ къ Его Королевскому Величеству.

28-го. Салега отправилъ для развѣдываній казацкую роту, которая возвратилась не сдѣлавъ ничего замѣчательнаго. После ранняго обѣда, взявъ съ собою больше 50 всадниковъ, Салега отправился подѣ укрѣпленія бунтовщиковъ. Отѣхавъ полверсты отъ Дмитрова, послалъ онъ впередъ около 20 конныхъ. Эти лазутчики, встрѣтившись съ бунтовщиками, начали перепалку. Новья роты бунтовщиковъ подоспѣли на помощь. Салега двинулся самъ лично, предводительствуя Петигорцами.

Марта 1-го. Салега отрядилъ нѣсколько десятковъ конныхъ, для развѣдываній. Бунтовщики, примѣтивъ посланныхъ, погнались за ними къ Дмитрову. Узнавъ о томъ, Салега приказалъ вольной конницѣ, чтобы каждая рота удалилась въ назначенную для нея квартиру. Полковники, ротмистры и другіе чины единодушно объявили, что они не привѣкли сражаться изъ замковъ, горять нетерпѣніемъ выйти въ открытое поле и тамъ вступить въ дѣло съ непріятелемъ. Салега предлагалъ справедливыя причины для оправданія своихъ распорихеній, и между прочимъ указывалъ на безсиліе нашего отряда, стоящаго въ Дмитровѣ, ибо онъ не простирается свыше 400 нашихъ и 300 Донскихъ казаковъ. Не въ силахъ перевозмочь наставанія войска, Салега сказалъ: «Можетъ ли это статься, чтобы въ открытомъ полѣ могли въ сраженіи съ непріятелемъ, когда у него больше 12,000 войска?» Несмотря ни на что, войско непереставало просить, чтобы Салега позволилъ имъ выйти въ поле, съ тѣмъ условіемъ, что они будутъ только защищать Донской таборъ, отстоящій въ недалекомъ разстояніи отъ замка. Увѣрившись въ безсиліи нашихъ, непріятель дерзко наступалъ на насъ, желая вступить въ битву. Не имѣя достаточной силы отразить нападеніе непріятеля, Салега повелъ войско свое обрат-

но въ замокъ. Замѣтивъ такое движеніе, непріятель отрядить одинъ полкъ съ лѣваго фланга, занять позицію позади нашихъ, съ намѣреніемъ окружить насъ и не допустить къ замку; но Сапега счастливо уходилъ, когда Русскіи и Нѣмецкія роты напали на другіе наши отряды; одинъ изъ нихъ бѣжалъ въ замокъ, другіе оставили его въ сторонѣ, и все это такъ воспламенило непріятелей, что миновавъ Донской таборъ, пробрались они до самихъ воротъ замка. Нѣсколько десятковъ нашихъ конниковъ, не успѣвши скоро удалиться, обратились назадъ, напали на Нѣмецкія роты и принудили ихъ къ бѣству. Русскіе, вида, что Нѣмцы бѣжали, хотѣли было подоспѣть къ нимъ на помощь, но наши, разбивъ и этихъ Русскихъ, благополучно возвратились въ замокъ. Тѣ непріятели, которые намѣревались съ тыла напасть на насъ, повернули къ Донскому табору, и легко пробрались къ нему чрезъ замерзшую рѣку. Дошці не получали подкрѣпленія, и Нѣмцы овладѣли ихъ таборомъ, захвативши немалую добычу, причѣмъ сожгли прилежавшія хижинны и удалились къ своимъ укрѣпленіямъ.

2-го. Извѣстия Сапегу, что полчища бунтовщиковъ подходятъ къ Дмитрову. Онъ приказалъ нашимъ удалиться въ полевые квартиры, ожидать нападенія на замокъ. Какой-то боярскій служитель, родомъ изъ Смоленска, перешелъ къ намъ изъ непріятельскаго стана, и разсказалъ, что въ тотъ день всѣ Нѣмцы удалились къ Троицъ, потому, что съѣстными припасами запаслись не болѣе, какъ на три дня. Дѣти боярскіе, долженствовавшіе въ эту ночь дѣйствовать, по его разсказамъ, укрѣпивъ свои окопы и оставивъ въ нихъ лѣнниковъ, приказали имъ нападать по *Рохатской* дорогѣ на челядь, посланную изъ нашего стана за съѣстными припасами.....

Юли 25-го. Происходило общее собраніе, и по общему всего войска согласію определено просить Сапегу о принятіи имъ гетманскаго достоинства. Онъ хотѣлъ отказать по многимъ причинамъ, но несмотря ни на что, былъ избранъ въ гетманы.

Юли 4-го. Сапега прибылъ къ войску и расположился, вмѣстѣ съ Русскими людьми, по ту сторону р. Угры, не доходя до Мамчиловой деревни. Въ тотъ день наша конница

сражалась съ Нѣмцами. Сапега былъ раненъ. Наши одержали побѣду.

15-го. Нападеніе на монастырь Св. Пафутія. Войска убито 4000. Гусарская конница, сошедши съ коней, содѣйствовала къ овладѣнію монастыремъ, который разоренъ до основанія. Воевода Михаилъ Волконскій убитъ. Изъ пятидесяти черенцовъ осталось не болѣе десяти человекъ.

Августа 2-го. Лисовскій отправился требовать отвѣта отъ Москвитянъ. Онъ получилъ записку, въ которой было объявлено, что уже пора намъ перестать опустошать ихъ землю, и время возвратиться въ Литву. Созвано общее собраніе, по опредѣленію котораго выбраны посланники къ Королю, для извѣщенія ему дружественнаго расположенія Царя Дмитрія.

3-го. Отправлены къ Королю посланники. Сапега подступилъ къ Москвѣ, и сожжено имъ много деревень. Храбрый Витуйскій, бывший прежде монахомъ, сражался въ зашии товарища, съ честью палъ въ конной битвѣ. Въ тотъ же день, войско Его Королевскаго Величества съ другой стороны подступило къ Московской столицѣ.

10-го. Гетманъ раненъ изъ самопала, когда производилъ разбѣды съ своими конниками.

14-го. Бунтовщики намѣреваются вступить съ нашими въ переговоры, и желаютъ возвести на престолъ Московскій Королевича Владислава, присягнувъ ему въ вѣрности. Прибыли къ Сапегѣ посылаемые къ Королю, чрезъ коиъ Е. К. В. изъяснилъ свое благоволеніе войску за знаменитые его подвиги.

24-го. Царь отправился подъ Москву, съ Русскими людьми и съ нѣсколькими ротами Петигорцкое. Сраженіе продолжалось до самаго вечера. Сапега отозвалъ свое войско. Одна рота и Русскіе люди бросились на Москвитянъ, не смотря на запрещеніе Сапегі. Видя безсиліе нападающихъ, онъ велѣлъ двинуться впередъ всему войску. Нѣсколько нашихъ ранено, и между многими, Русскаго войска полковникъ Заруцкій и товарищъ Свицскій изъ Кербецовой роты. Со стороны Москвитянъ убито и ранено нѣсколько человекъ. Думные бояре и всѣ міряне цѣловали крестъ Королевичу Владиславу, признавая его своимъ Царемъ и повелителемъ.

28-го. Чернецы Симоновскаго монастыря послали къ Царю съ поклономъ, но онъ ихъ не принялъ. Гетманъ по-

саять къ Царю своего маршала, увещевая его, чтобы онъ ничего не опасался съ нашей стороны, а въ случаѣ, ежели онъ недоверитъ воинству, его окружающему, то по своей воли можетъ выбрать тѣхъ, кого онъ почитаетъ вѣрными. Царь рѣшился удержать при себѣ прежнее войско.

29-го. Боларе, узнавъ, что Царь находится въ монастырь, думали, что онъ намѣренъ бѣжать, а потому начали уходить изъ стана. За ними послѣдовали Татары. Между нашими боярами произошелъ раздоръ. Сапега, узнавъ объ этомъ, тотчасъ отправилъ въ станъ нѣсколько своихъ всадниковъ, отвратить гибельныя послѣдствія, а потомъ послалъ въ монастырь къ Царю, уговаривая его, чтобы онъ не оставлялъ войска. Посланные встрѣтили Царя, возвращающагося въ свой станъ. Онъ отвѣчалъ: «Полагаюсь на вашу честь, и увѣренъ, что вы сдержите данное мнѣ вами слово, а потому готовъ я оставаться въ станѣ.» Изъ Москвы выступило нѣсколько тысячъ человекъ. Царь повелѣлъ своимъ Москвитинамъ стрѣлять. Перестрѣлка затянута довольно долго. Четыре города, Суздаль, Владимиръ, *Тырово* и Галичъ, прислали къ Царю съ челобитнею.

Сентября 1-го. Сапега вторично держалъ совѣтъ съ своими, объ отвѣтъ коронному гетману Жолкевскому. Присланные отъ Царя боларе, *Николай Трековъ* и *Несгорги*, участвовали въ совѣтъ. Отвѣтъ, посланный къ Гетману, состоялъ въ слѣдующемъ: «Войска, предводимыя Сапегою, изъявляютъ истинную любовь къ отечеству и къ Его Корол. Величеству, увѣрляя, что никакіе иные виды, кромѣ желанія славы, приобретенной честнымъ образомъ, не вели ихъ въ Московскую землю, а что успѣли они въ такомъ благородномъ предпріятіи, кровавыми трудами, это извѣстно Богу и всему міру. Радуемся, что столичный Московскій городъ покорился нашему Королю, хотя мы не находимъ въ томъ прибыли для отечества, но имѣя въ памяти цѣль своего похода противъ Москвитянъ, состоявшую въ подаіи помощи и защиты Царю и Царицѣ, помня, сколь много уже великаго совершено, не рѣшимся мы оставить Московскаго Государя, да и съвѣсть и доброе имя Польши, непоруганное доселѣ чужеземцами, не дозволяютъ намъ поступать иначе. По такимъ причинамъ, не соглашаемся мы отступить отъ Москвы, ибо она служитъ основаніемъ кровавыхъ заслугъ, нами совершенныхъ.

Увѣремъ, что не хотимъ имѣть ни какихъ раздоровъ съ Москвитянами, но будемъ стараться отклонять отъ нихъ и своего Короля.»

2-го. Ростовъ присылалъ къ Царю и билъ ему челомъ.

4-го. Былъ у гетмана совѣтъ, съ намѣреніемъ примирить Царя съ Королемъ.

5-го. Сапега хотѣлъ собрать общій совѣтъ. Этому воспрепятствовала коронный гетманъ, выступивъ со всемъ своимъ войскомъ, а равно съ Москвитянами и Нѣмцами, противъ насъ. Когда Жолкевскій приблизился къ намъ, то выслалъ къ Сапегѣ грамату, въ которой обѣщала, ежели Царь прибѣгнетъ къ Королю, то ему отдадутъ въ полное владѣніе Самборъ, или Гродно, и на будущемъ сеймѣ подтвердятъ уступку согласіемъ всѣхъ чиновъ Польскаго Королевства.

6-го. Происходилъ общій совѣтъ. Положено вступить въ переговоры съ короннымъ гетманомъ, и склонить къ тому Царя. Съ такимъ намѣреніемъ отправлены къ Царю посланные Выховецъ и Побѣднскій. Они изъяснили ему, какъ трудно для него возсѣсть на Московскомъ престолѣ, когда Москвитяне предалися Королевичу Владиславу, и добровольно избрали его своимъ повелителемъ. При всемъ томъ, они увѣрили Царя, именемъ всего войска, что онъ останется доволенъ Его Королевскимъ Величествомъ, и что Король и коронный гетманъ, ежели Царь согласится на ихъ предложеніе, будутъ стараться о предоставленіи ему Самбора, или Гродно, по собственному его выбору.

11-го. Былъ общій совѣтъ, по опредѣленію котораго отправлено посольство къ коронному гетману. Кербецъ, присланный отъ гетмана, ничего не предлагалъ, кромѣ необходимости скорѣйшаго окончанія дѣлъ и переговоровъ, обращая вниманіе на время и на приближающуюся зиму. Вскорѣ прислано къ намъ формальное посольство, подъ предводительствомъ Казаковскаго и Бобовскаго, съ увѣреніемъ, что ежели бы Король не захотѣлъ обезпечить награды, принадлежавшихъ воинству, служившему за Царя Дигитрія, то онъ, Жолкевскій, совокупно со всемъ войскомъ, состоящимъ подъ его начальствомъ, торжественно будетъ требовать удовлетворенія за причиненную обиду Царю и всему вольному воинству, состоящему, на однихъ правахъ съ войскомъ его Жолкевскаго. Сверхъ того положено остаться на одномъ мѣстѣ до

Михайлова дня, и ожидать отъ Короля заслуженной платы.
16-го. Донскіе казаки, въ присутствіи Сапеги, цѣловали крестъ Королевичу Владиславу. Сапега ухажалъ къ коронному гетману.

22-го. Сапега видѣлъ у гетмана Ивана и Дмитрія Шуйскихъ. Московскіе бояре выдали ихъ Жолкевскому, желая отклонить отъ себя даже малѣйшую тѣнь подозрѣній въ пользу Польскому народу, которую навѣкала на нихъ безопасность Шуйскихъ. Царь Шуйскій постриженъ въ монахи и отвезенъ въ Осиновскую лавру.

24-го. Сапега двинулся отъ Москвы въ Сѣверскую землю. Онъ перешелъ не болѣе 2 миль и остановился въ 12 верстахъ отъ Трекова. Коронный гетманъ прислалъ Сапегѣ 1000 рублей, для больныхъ и раненыхъ товарищей.

Октября 2-го. Обозное войско пошло впередъ, а конница осталась. Сапега приказалъ разогнать общее собраніе, которое согласилось было воротить назадъ посланниковъ, отправленныхъ къ Царю. Прошли 3 мили и расположились лагеремъ подъ пустою каменной церковью, въ *Средискѣ*, при рѣкѣ *Мезихѣ*.

5-го. Войска расположились, пройдя 10 миль, неподалеку до *Кремленска*. Царь прислалъ письма къ некоторымъ изъ нашихъ чиновниковъ, съ просьбою, чтобы придерживались его стороны. Федоръ Плещеевъ, съ сотнею Русскихъ людей, прибылъ изъ Москвы къ Сапегѣ. Вскорѣ прискакалъ казакъ отъ Гетмана, съ уведомленіемъ, что Московскіе бояре согласились впустить войско Сапеги въ Москву, и что гетманъ немедленно отправляетъ къ нему, какъ Русское, такъ и Нѣмецкое воиство, которое Сапега долженъ присоединить къ своей дружинѣ, не выпуская изъ виду Царя Дмитрія.

6-го. Войско прошло 3 мили и расположилось неподалеку отъ Мидыни. Сапега писалъ къ гетману, изъявляя благодарность за услугу, ему оказанную, но какъ онъ не переговорилъ съ гетманомъ заблаговременно на счетъ его предложенія, то и не надѣется сладить съ своимъ войскомъ безъ посредничества Короля. Нѣсколько тысячъ Запорожскихъ казаковъ, служившихъ Королю, писали къ Сапегѣ, прося дозволить имъ сражаться подъ его знаменами.

8-го. Сапега прошелъ 4 мили, и остановился, неподалеку до двора, называвшагося *Захоги*, подъ рѣкѣ *Зворыгѣ*. Рот-

мистры Будзеновскій и Глуховскій отправились въ Калугу, обѣщавши гетману, что они не допустятъ ни до малѣйшаго вреда нашему войску, хотя и рѣшаются дѣйствовать совокупно съ прежнимъ ихъ Царемъ, стараясь какимъ нибудь образомъ склонить его, чтобы онъ примирился съ Королемъ. Происходило въ войскѣ смятеніе; чуть было наши другъ на друга не напали.

Ноября 6-го. Народъ, согласясь съ Царемъ тайнымъ образомъ, произвелъ бунтъ. Была тревога въ войскѣ, послѣдовали совѣщанія, и предложено было имѣть самое строгое вниманіе за малѣйшими движеніями Царя. Коронный гетманъ ухажалъ подъ Смоленскъ, оставивши начальство Гошевскому.

Декабря 14-го. Пріѣхали комиссары. Гетманъ встрѣтилъ ихъ въ полѣ. Прислалъ изъ Литвы Димиткѣ и извѣстилъ, что около 14,000 Царскихъ Донскихъ казаковъ ворвались въ Русь, опустошаютъ всю южную Украину и ограбили Усватъ.

19-го. На разсвѣтъ была тревога. Сказали, что Гедроць, посланный отъ Царя Дмитрія, идетъ противъ насъ и стоитъ недалѣе двухъ миль. Сапега разослалъ окружныя письма, приказывая съѣзжаться къ нему, ибо отъ Калуги угрожаетъ опасность.

20-го. Депутаты наши вели переговоры съ комиссарами.

23-го. Происходить общій совѣтъ, на коемъ положено уилатить войску слѣдующія ему деньги

24-го. Послы и комиссары получили деньги, по мѣрѣ заслугъ ихъ, относительно Короля. Пришло извѣстіе, что Царь Дмитрій, во время прогулки, убилъ Урусовымъ.

Декабря 22-го. Жители Калуги ходили за царскимъ тѣломъ и принесли его въ Калугу. Сапега, услышавъ о томъ, двинулся съ войскомъ къ Калугѣ, и пройдя 6 миль, остановился въ *Личинскѣ*.

26-го. Прошедъ 4 мили, остановились при устьѣ рѣки Угры, въ Спаскомъ монастырѣ. Сапега послалъ Лятовскаго, въ сопровожденіи одного Русскаго боярина, въ Калугу, съ письмами къ Царицѣ, народу и боярамъ, предлагая, чтобы они вступили въ переговоры и назавтра пріѣхали въ Спасскій монастырь.

27-го. Сапега совѣтовался съ ротмистрами. Будимо и

Ташкевичъ подъѣзжали къ Калугѣ. Нашимъ, находившимся въ Калугѣ, приказано на слѣдующій день прѣхать къ Сапегѣ, для совѣщанія.

28-го. Сапега подъѣзжалъ къ Калугѣ. Въ недалекомъ разстояніи отъ города, онъ встрѣтилъ посланнаго имъ Лятовскаго. Партизаны покойнаго Царя обещали выслать къ намъ пословъ въ назначенный день, съ окончательнымъ рѣшеніемъ.

29-го. Послы изъ Калуги не явились, и казаки, отряженные для безопасности должествовавшихъ прѣхать къ намъ пословъ, задержаны.

30-го. Сапега снова подъѣзжалъ къ Калугѣ. Какой-то крестьянинъ пришелъ къ нему письмо отъ Царицы. Одинъ изъ товарищей гетмана убить близъ Калуги. Лясковскій поѣхалъ въ Москву.

=

1611 годъ

Января 1-го. Сапега отъ Калуги двинулся съ войскомъ, и остановился въ Перемышль.

3-го. Отъ Перемышля, проѣхавъ 10 миль до Мещерска, Сапега извѣстилъ маршаловъ о своемъ прибытіи, и отдалъ приказъ всемъ ротмистрамъ явиться къ нему на слѣдующій день.

11-го. Сапега, въ частной бесѣдѣ, имѣлъ совѣщаніе съ полковниками и ротмистрами, гдѣ общимъ совѣтомъ положено: оставаться на прежнихъ мѣстахъ и ждать извѣстій отъ Е. В. Короля. Въ собраніи многіе домогались возстановленія конфедерации.

12-го. Прибыли послы отъ Запорожскихъ казаковъ, и извѣстили, что *Алекса* взять приступомъ.

24-го. Депутаты, выбранные въ общемъ собраніи, занимались назначеніемъ конфедерации. Получено письмо изъ Москвы отъ Гонсевскаго, гдѣ, извѣщая объ опасности, угрожающей со стороны Липунова, съ Московскимъ войскомъ подходящаго къ столицѣ, умоляетъ Сапегу о подааніи ему въ скорѣйшемъ времени нужной помощи.

25-го. Сапега отвѣчалъ на письмо, что онъ съ величайшею готовностію не замедлитъ бы подать помощь, и тѣмъ за-

служить благорасположеніе Е. В. Короля, но войско не соглашается, потому, что не видитъ ничего положительнаго и условнаго, а когда усмотритъ что нибудь сдѣланное въ награду его заслугъ, то всеми силами будетъ стараться истребить общаго врага.

Февраля 1-го. Сапега выѣхалъ въ Саваннинъ монастырь. Отправили пословъ къ Запорожскимъ казакамъ, приказывая имъ быть въ готовности къ бою и слѣдить всѣ движенія Липунова и Заруцкаго, имѣющихъ противъ Сапегина отряда вражескій умыселъ.

16-го. Было общее собраніе. Положено, чтобы гетманъ лично отправился къ Королю, ибо тамъ успѣшнѣе можетъ онъ представить затруднительность настоящей войны и испросить милости для войска.

17-го. Сапега отправился въ путь подъ Смоленскъ, на Янковъ, Ростворовъ, Гляцовъ и Перемышль.

Апреля 1-го. Сапега находился въ Усвятахъ, куда были присланы письма отъ войска, гдѣ, между прочимъ, упомянуто о томъ, что оно на прежнихъ мѣстахъ будетъ ожидать возвращенія Сапег. Извѣщали еще о разореніи Боровска. Получено извѣстіе отъ Войны, что Поптусъ, съ 7000 войска, находится около Новгорода.

3-го. Пребывая въ Усвятахъ, Сапега получилъ письма отъ Короля, отъ Канцлера и отъ другихъ знатныхъ людей, содержащія въ себѣ просьбы, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе къ войску, потому, что опасность угрожаетъ со стороны Липунова; воинство Короля, страшась бѣды и недовѣряя своей малой силѣ, сожгло нѣсколько Московскихъ замковъ, а именно Бѣлгородъ, и другіе, до нашествія Липунова, а само затерялось въ *Крыль-городѣ*. Московскаго народа погибло при томъ около 100,000, а патриарха заключили въ тюрьму.

29-го. Изъ Усвятъ Сапега отправился по рѣкѣ Усвату, и проѣхалъ 6 миль.

Мая 6-го. Сапега прибылъ въ Королевскій станъ. Войско обрадовалось его пріѣзду.

7-го. Обѣдалъ Сапега у Московскаго канцлера.

8-го былъ у Е. В. Короля и у Боболія, который сказалъ ему, что на слѣдующій день Король позволитъ ему отправиться.

17-го. Сапега выѣхалъ изъ подъ Смоленска. Писалъ къ

Сапегъ Литовскій канцлѣрь, что его Сапегины казаки содѣйствовали къ поражению Заруцкаго, который въ битвѣ потерялъ 12,000 человекъ.

Юня 1-го. Сапегъ почевалъ въ 3 миляхъ отъ Вязьмы. Прибыль Потоцкій съ войскомъ. Потомъ Сапегъ отправился къ Можайску.

Юля 1-го. Сапегъ съ войскомъ двинулся къ столицѣ Московской, и остановился въ виду неприятеля. Были небольшія схватки съ Московскимъ войскомъ и продолжались четыре часа, ибо Сапегъ не приказывалъ всему войску наступать на неприятеля. Длуновъ прислалъ къ нему гонца, прося отложить битву до завтрашняго дня, и не мѣшать въ совѣщаньяхъ, которыя имѣють целью водвореніе спокойствія въ землѣ Московской и уменьшеніе кровопролитія.

3-го. Сапегъ былъ подстрекаемъ отъ всего войска ко взятію приступомъ небольшой крѣпости, но онъ въ семь случаевъ поступалъ разсудительно, и вступилъ въ совѣщанія съ Гонсевскимъ, полковниками и ротмистрами, мнѣніе которыхъ было таково, что ежели войско Сапегина намѣревается ударить въ тылъ неприятелю, то никакъ не должно уничтожать крѣпости; если-же войско двинется прямо, то неприятель самъ оставитъ свою крѣпостцу, не имѣя въ ней надобности. Происходила небольшая стычка съ неприятелемъ, и съ полудня продолжалась она до вечера. Съ неприятельской стороны убито до 600 человекъ. Съ нашей, вмѣстѣ съ ранеными, непростиралась потеря болѣе 50 человекъ. Ротмистръ Шокерскій потерялъ хоругвь, и убитъ одинъ хорунжій.

4-го. Пришло извѣстіе, что Его Величество Сигизмундъ III, при благоприятномъ счастьи и храбрости мужественныхъ своихъ сподвижниковъ, взялъ могущественную и сильно-вооруженную крѣпость Смоленскъ, въ землѣ Сѣверской, 13 Юня.

5-го. Сапегъ находился въ Москвѣ, и тамъ имѣлъ совѣщаніе съ Гонсевскимъ, на счетъ движенія войскъ.

6-го. Двинулся Сапегъ и разослалъ предложеніе войску, чтобы посовѣтовались на счетъ принятія залога отъ своихъ сподвижниковъ (двухъ рогъ единороговъ и короны съ драгоценными камнями). Онъ присоединилъ къ тому, что необходимо послать къ Королю, чтобы онъ непременно уплатилъ слѣдующія за двѣ четверти деньги.

11-го. Окопъ Сапегина переправился на другую сторону Мо-

сквы, за Москву рѣку. Была значительная вылазка. Битва продолжалась довольно долго. Въ совѣщаніи съ Гонсевскимъ Сапегъ между прочимъ предложилъ, чтобы вблизи лагеря, для безопасности отъ неприятеля, построена была крѣпостца. Всѣ, согласившись на то, развѣхались. Руцкій, не дожидаясь ночи и не давая знать никому, отправился съ Нѣмецкою пѣхотою и началъ строить крѣпость. На него обратилась вся сила неприятеля. Часть Нѣмцовъ была выслана изъ начатой крѣпости. Хоругвь Нѣмецкая была взята. Извѣстяся о томъ, Сапегъ, выступилъ съ своимъ войскомъ и конница прискакала къ крѣпостцѣ, но уже было поздно.

13-го. Нѣсколько часовъ происходила битва. Сапегъ совѣтовался съ Зборовскимъ и съ Гонсевскимъ, что имъ надлежитъ предпринять и какимъ образомъ истребить неприятеля? Сапегъ предложилъ послать часть войска въ таборъ Заруцкаго и предложить ему дружбу; между тѣмъ собрать запасы, развлечь неприятеля; потомъ, когда все войско будетъ снабжено провіантомъ, всеми силами стараться истребить враговъ. Совѣтъ кончился тѣмъ, чтобы самому Сапегу идти для фуражировки и черезъ двѣ недѣли воротиться въ Москву.

14-го. Сапегъ выступилъ съ войскомъ, прошелъ 5 миль, и остановился при *Калъзьмѣ*. Наши взяли приступомъ *Братошино*, сильную крѣпостцу. Неприятелей убито около тысячи человекъ.

16-го. Изъ подъ Троицкаго монастыря Сапегъ пошелъ далѣе, и послѣ 6 миль дороги остановился на 1 милю отъ Александровской слободы. Приближался Просовецкій, испуганный нашею передовою стражею, бѣжалъ, и войско его частью ушло въ Переяславъ, а частью въ Суздаль. Наши взяли городъ и крѣпость Суздаль, кромѣ одной каменной колокольни, куда заперлось около 1500 враговъ.

18-го. Посадскіе люди, вмѣстѣ съ женщинами затворившіеся въ колокольнѣ покорились нашимъ. Одна дѣвушка бросилась съ колокольни, и ушиблась до смерти. Войско двинулось къ Зальскому Переяславию. Просовецкій встрѣтилъ его, выступивши изъ замка. Перестрѣлка продолжалась нѣсколько часовъ.

19-го. Сапегъ совѣщался съ своими ротмистрами, напастъ-ли на неприятеля. Всѣ желали битвы. Тысяча человекъ убито во время приступа.

25-го. Неприятель выступилъ изъ замка, намѣревался истребить нашъ лагерь. Происходило сильное сраженіе. Множество неприятелей погибло. Изъ нашихъ Вельмиръ Брещицкій и нѣсколько гетманскихъ товарищей ранены.

26-го. Разошлась молва, что Запорожскіе казаки пришли подъ Москву на помощь нашимъ.

30-го. Получено извѣстіе, что нѣкто Морозовъ, съ ополченіемъ, идетъ къ Перелаславу. Наши видѣли его и гнались за его солдатами.

Августа 6-го. Сапега двинулся съ лагеремъ, и пройдя $1\frac{1}{2}$ мили остановился, не доходя $\frac{1}{2}$ мили до Александровской слободы. Получено извѣстіе, что Москвитяне, во время нашего отсутствія, овладѣли Бѣлою стѣною, окружающею Москву, и заняли ворота въ ней своего стражею. Видѣли неприятеля со стороны Переласлава.

8-го. Сапега остановился надъ рѣкою *Каринею*.

9-го. Близъ села *Глотина*.

10-го. Подъ *Зачинска*.

12-го. Сапега прошелъ 2 мили, и остановился за $2\frac{1}{2}$ мили отъ Москвы, не доходя до *Тулинска*. Присланъ человекъ съ письмомъ отъ Гонсевскаго; этотъ посланный попался было къ неприятелю. Гонсевскій проситъ насъ, чтобы мы, подступивъ подъ Москву, осадили Рускихъ. Крестьянинъ при допросахъ объявилъ, что Москвитяне овладѣли всеми воротами Бѣлаго города, следовательно, нашимъ ускользнуть изъ Кремля довольно затруднительно. Сапега отправилъ обратно крестьянина, извѣщая Гонсевскаго, что онъ завтра же двинется съ войскомъ къ Москвѣ.

15-го. Сапега пошелъ подъ столицу. Неприятель выступилъ изъ крѣпостей, и сталъ на выстрѣль изъ лука. Сапега не могъ вызвать Москвитинъ въ поле, и прибѣгнувъ къ хитрости. Неподдалеку отъ нашего стана находилось довольное количество неприятельской конницы. Приказано нѣсколькимъ ротамъ вступить въ бой съ этою конницею, а самъ Сапега нарочно ретировался съ войскомъ, полагалъ, что въ то время, когда неприятельская конница начнетъ одолять эти, съ намѣреніемъ оставленныя, роты, неприятель, считая насъ побѣжденными, захочетъ раздѣлить побѣду съ своею конницею и выступить изъ крѣпостей. Наши быстро разогнали Московскую конницу, и планъ Сапегина не былъ исполненъ. Послѣ

такой неудачи Сапега послалъ съ другой стороны къ Москвѣ, болѣе 15 ротъ, съ казаками и челядью. Посланные истребили нѣсколько близъ лежащихъ укрѣпленій, а потомъ перешелъ чрезъ Москву рѣку. Тогда находившіеся въ Москвѣ наши, изнутри, бросились къ воротамъ, и всѣ они снова были заняты нашими. Множество неприятелей убито. Съ нашей стороны пушечнымъ ядромъ убитъ ротмистръ Кербець.

16-го. Войско сражалось во всю ночь. Утомленный неприятель безпрестанно бѣжалъ съ битвы, но то и дѣло снова возвращался.

17-го. Сапега былъ въ Москвѣ и совѣщался съ знатнѣйшими вельможами. Получено извѣстіе изъ стана, что неприятель строитъ укрѣпленія на томъ мѣстѣ, откуда прежде были выгнаны Нѣмцы. Сапега, не дожидаясь окончанія совѣта, уѣхалъ изъ Москвы и разогналъ конницу и пѣхоту неприятельскую. Онъ послалъ послѣ того Гонсевскому просьбу, чтобы уведомить его, какой былъ конецъ собранія вельможъ? Сапега въ письмѣ своемъ убѣждалъ Гонсевскаго, что теперь время истребить утомленнаго неприятеля. Отвѣта не было.

18-го. Совѣтъ между ротмистрами. По ихъ опредѣленію посланы въ Москву, гонцы съ вопросомъ: желаютъ ли Гг. предводители довершить начатое и истребить неприятеля? Если они согласны, то намѣрены ли уплатить воинству слѣдующія деньги за настоящую четверть, по приказанію Короля? Валиевскій и нѣсколько бояръ прѣвѣхали къ Гетману, съ извѣстіемъ отъ имени Заруцкаго и всего болгарскаго сословія, что они хотятъ согласія съ нами, и всѣ горятъ нетерпѣніемъ заключить мирныя договоры съ Королемъ и съ нашею Рѣчью Посполитою. Сапега отправился къ нимъ и опять возвратился. Положено было, чтобы отсрочить до завтра окончательные пункты. Во всю ночь Сапега держалъ войско въ готовности къ битвѣ, а 20-го съ полковниками и ротмистрами былъ въ Москвѣ, требуя войску денегъ за двѣ четверти. Рѣшено: выдать нашимъ всѣ деньги, находящіяся въ казнѣ, а въ случаѣ недонмки, дать залогъ на недостающую сумму.

24-го. Получено извѣстіе отъ Короля, что Литовскій гетманъ Ходкевичъ отправился съ войскомъ подъ Москву. Сапега созвалъ общее собраніе, для выслушанія посольства изъ Стрвижицы.

28-го. Общій советъ. Положено, при неплатежѣ денегъ, оставить Московію, и возвратиться въ Польшу. Съ извѣстіемъ объ этомъ отправленъ къ Гонсевскому Стравинскій. Отвѣтъ Гонсевскаго состоялъ въ томъ, что всего денегъ находится у него 40,000, что онъ охотно отдастъ войску эту сумму, а за подомку войско получить залогъ. Сапега заболѣлъ горячкою, неподалеку отъ Москвы.

29-го. Созванъ общій советъ. Положено, въ случаѣ уплаты слѣдующихъ денегъ до 15 Сентября, возвратиться въ отечество, и тамъ требовать надлежащей раздѣлки за службу изъ столовыхъ денегъ Короля. Сапега обѣщала свое содѣйствіе.

30-го. Лагерь двинулся, и перейдя Москву рѣку, остановился подлѣ Девичьяго монастыря. Рота Гермаповича, шедшая впереди, истребила нѣсколько десятковъ Татаръ и множество стрѣльцовъ. Изъ конныхъ болгаръ нѣмцы захвачены въ плѣнъ, а многіе убиты.

Сентября 1-го. Поданы Сапегою въ советъ ротмистрамъ пункты. Прибыли послы изъ Москвы.

3-го. Общій советъ. Все согласились на предложеніе Сапегі. Положено, послѣ 15-го Сентября оставить службу и возвратиться въ Польшу, ежели не будетъ уплачено, по крайней мѣрѣ, за одну четверть. Сапега, не смотря на свою болѣзнь, отправился въ Москву и остановился во дворцѣ Шуйскаго.

4-го. Упорное съ обѣихъ сторонъ сраженіе, въ стѣнахъ города и въ полѣ. Непритель потерялъ около 1000 человекъ. Наши овладѣли одними воротами и сожгли ихъ, истребили Москвитинъ, находившихся въ замкѣ, и быстро заняли вторую башню, но потомъ принуждены были отступить. Ротмистръ Сума рапсень въ руку, а поручикъ Побѣдинскій въ ротъ, и множество товарищей погибли. Убито значительное количество лошадей.

8-го. Созванъ военный судъ. Товарищъ роты Чарнецкаго осужденъ на смерть, за убійство сослуживца.

10-го. Тревога въ войскѣ. Приговоренный къ смерти товарищъ бѣжалъ изъ стана.

14-го. *Смерть Сапегі*, о чемъ будетъ особенное описаніе.....

Съ Польск. И. С.

ОЧЕРКИ

СЪВЕРО-ЗАПАДНАГО БЕРЕГА АМЕРИКИ *

I.

Письмо изъ Ситхи.

Прежде, нежели ты начнешь читать письмо это, прошу тебя вспомнить тѣ радужные годы жизни, которыми судьба надѣляетъ человѣка не надолго, тѣ годы, когда все передъ нами и свѣтло и заманчиво, все одѣто въ яркія краски, и шевелитъ сердце, когда оно волнуется отъ блестящей кисти поэта-живописца, и равнодушно прислушивается даже къ стариннымъ, заманчивымъ разсказамъ о чудесахъ *тридцатого царства и о хрустальныхъ полахъ*. Ты вспомнилъ это время? Садись же на мой *коверь-самолетъ*: онъ перенесетъ тебя далеко, далеко отъ Петрополя, отъ его златоверхихъ шпицовъ и многолюдныхъ проспектовъ; онъ перенесетъ тебя за *двадцать тысячъ верстъ*, и то самой близкой дорогой, и ты очутишься у меня въ гостяхъ, въ Америкѣ, на островѣ Ситхѣ, омываемомъ водами

* Долгомъ почитаемъ мы благодарить за сообщеніе сихъ любопытныхъ статей почтеннаго К. Т. Хлѣбникова. Читатели вспомнятъ при имени *Ротсева* молодого литератора съ дарованіями, и полюбознѣству прочитавъ вѣсти его изъ Новаго Свѣта. *Издат.*

Восточнаго Океана. А быть можетъ, ты, избѣжен-
ный столичный житель, предпочтешь дома выслу-
шать разсказъ мой? И такъ слушай. Смотри на
здѣшнюю природу:

Очарована отъ вѣка,
Есть громада дикихъ скалъ —
Взоръ и голосъ человѣка
Въ ихъ предѣлъ не проникалъ!

Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто нѣкій духъ стоялъ
здѣсь лагеремъ. Горы, убѣленные снѣгами, и какъ
передовой шатеръ, широко раскинулся *Эрколь*. Те-
перь онъ погасъ, но нѣсколько лѣтъ тому кратеръ
его еще дымился и освѣщалъ окрестность. Нынѣ
видны только красныя полосы, свидѣтельствующія
о потокахъ лавы. Въ ясную погоду онъ хорошо
замѣтенъ съ Океана за 60 и 80 миль. Отъ Эркома
тянется множество разнообразныхъ сопокъ; густой
лѣсъ покрываетъ ихъ отъ подошвъ. Я видѣлъ южный
берегъ Америки, но природа Рио-Жанейра не такъ
поразительна. Тамъ пальма, лимонное дерево, бан-
нанъ, роскошно разсаженные, такъ сказать, по вер-
шинамъ горъ, тѣшатъ и покоятъ глазъ, вмѣстѣ съ
зеркальною тишиною залива. Здѣсь — громадные ели,
сосны и кипарисы, какъ зеленая щетина, засвѣшил
на вершинахъ, и бьющійся въ *бурунахъ* заливъ, —
страшенъ глазу. Здѣсь своеобразно и своеобразно не-
бо; оно мало подчиняется законамъ и условіямъ.
Казалось бы, въ 57° сѣверной широты, надобно
быть глубокимъ снѣгамъ и сильнымъ морозамъ, но
нѣтъ — снѣгъ лежитъ только на горахъ; внизу
таетъ быстро, и среди зимы здѣсь часто можно
встрѣтить весну: на землѣ ни снѣжинки; заливъ,
Океанъ, и тихая, ясная погода при пяти граду-
сахъ тепла въ Январѣ, не сильны ли напомнить
весну? За то и наоборотъ: среди лѣта можно

встрѣтить туманный, холодный Октябрь. Съ поло-
вины Февраля очень часто отворплотся окна въ
домахъ; двойныхъ рамъ никто здѣсь даже не знаетъ.
Лѣтомъ грозы не бываетъ; зимою громъ и молнія
очень сильны. По совѣсти, въ Ситхѣ можно поми-
риться съ погодой — она не такъ страшна и дурна,
какъ носятся слухи. Впрочемъ, и старожилы здѣсь
замѣчаютъ улучшеніе климата. Предсказанія баро-
метра также очень своеобразны. Въ концѣ Марта
расцвѣтаетъ малина, а съ цвѣтомъ ея, въ Апрѣлѣ,
появляется южный, тропическій гость *колибри*
(какъ объяснить этотъ капризъ природы?) Здѣсь
перья ея блистательнѣе, нежели въ Бразиліи. Эта ра-
душная птичка летаетъ здѣсь до Юня, т. е. съ цвѣтомъ
малины и она исчезаетъ. Теперь пойдемъ далѣе. Гавань
Ново-Архангельскаго Порта весьма удобна по хоро-
шему грунту и закрыта множествомъ островковъ,
затрудняющихъ входъ для незнакомыхъ съ мѣст-
ностью; неосторожный посѣтитель можетъ запла-
тить дорого, ежели пойдетъ въ заливъ безъ лоцма-
на. Въ этой гавани стоятъ суда, принадлежащія
Россійско-Американской Компаніи. Суда сія, коман-
дуемые Русскими флотскими офицерами, часто дѣ-
лаютъ значительныя плаванія: въ Чили, Мексику,
каждогодно въ Калифорнію, къ Берингову Проливу
и въ Охотское Море. Въ колоніяхъ открыто моряку
обширное поле дѣятельности; въ школѣ опыта онъ
усиливается и упрочивается здѣсь свои свидѣнія. Дол-
жно замѣтить, что отъ Буэнос-Айреса, лежащаго
на юговосточномъ берегу Америки, и такимъ об-
разомъ къ югу, огибая мысъ Горнъ и Огненную
Землю, до сѣверозападныхъ береговъ, т. е. до
острова Ситхи, Ново-Архангельскъ есть единствен-
ный портъ съ адмиралтействомъ. Здѣсь полное ад-
миралтейство. Деревянный *элисъ*, гдѣ строится и

починиваются суда, не только компанейскія, но и чужія, нарочно для исправленія сюда приходящія. Такъ было въ 1834 году: бригъ *Dhaule*, принадлежащій негодянту Френчу, пришелъ въ Ситху съ Сандвичевыхъ Острововъ; здѣсь былъ поставленъ на штапели, перетимбированъ отъ кила, спущенъ на воду, и принявъ названіе *Леди Врангель*, ушелъ въ море. Въ корабельныя мастерскія: шлюпочная, токарная (въ которой вытачиваются блоки, колеса, помпы и многія металлическія вещи), купорная, слесарная, обширная кузнечная, мѣдная (въ которой отливаются рулевья петли, красивые рысчатые люки, поручни, и проч.), столярная, рѣзная, парусная, мачтовая, маллрная, оружейная — все это здѣсь есть, и по существующему порядку, каждое судно снабжается здѣсь боцманомъ, подъ надзоромъ командира, въ продолженіе зимы. Въ самомъ портѣ нѣсколько просторныхъ казармъ, гдѣ весьма удобно размѣщены рабочіе и матросы. Въ особливомъ большомъ домѣ, нарочно въ 1836 году построенномъ, живутъ женатые; каждая семья имѣетъ свой особый, чистый и просторный уголь. Въ Ново-Архангельскѣ есть училище, преобразованное въ 1832 году, бывшимъ главнымъ правителемъ Россійско-Американскихъ Колоній въ Америкѣ, Г. Барономъ Врангелемъ*. Ясно видна необходимость и важныя выгоды, могущія произойти отъ образованія Креоловъ, которые замѣняютъ по разнымъ отраслямъ людей, выходящихъ сюда изъ Россіи, главное правленіе Россійско-Американской Компаніи постановило штатъ на 28 малолѣтнихъ воспитанниковъ и 17 юнговъ. Они обучаются Закону Божію, Русскому языку,

* Первый женатый главный правитель. Здѣсь почтенная супруга его, Баронесса Елисавета Васильевна, урожденная де-Росильонъ, оставила о себѣ навсегда воспоминанія общаго уваженія и любви. Р.

арифметикѣ, теоретическимъ основаніямъ науки мореплаванія, церковному пѣнію, а въ послѣдствіи нѣкоторые назначаются на суда въ званіи юнговъ, гдѣ уже пріобрѣтаютъ практику, а потомъ и помощниковъ судовыхъ командировъ. Другіе, менѣе способные, размѣщаются по разнымъ мастерскимъ; иныхъ же назначаютъ къ лазарету, гдѣ они становятся искусными фельдшерами. Передъ училищемъ стоитъ модель шкуны, служащая для практическаго обученія мальчиковъ въ свободныя часы. Углубительно видѣть въ здѣшнемъ, отдаленномъ краю благодатныя сѣмена просвѣщенія, разсаженныя искусною рукою, пекущегося о будущемъ счастья людей. Ново-Архангельское училище и воспитанники содержатся въ порядкѣ и опрятности, къ которымъ мальчики привыкаютъ съ малыхъ лѣтъ. Это введеніе многимъ обяzano въ настоящемъ видѣ своемъ капитанъ-лейтенанту А. К. Этолину. Въ Ново-Архангельскомъ лазаретѣ, преобразованномъ также Г. Барономъ Врангелемъ, 30 мужескихъ кроватей и 6 женскихъ; женская больница въ особомъ домѣ, и учреждена при нынѣшнемъ главномъ правителѣ. Здѣсь оказываются страждущимъ помощь и отеческое попеченіе. Да и не одни Русскіе, Креолы и Алеуты находятъ облегченіе: дикіе сосѣди наши *Колложи*, толпами приходятъ въ лазаретъ, гдѣ получаютъ нужное вспомошествованіе, и нынѣ, узнавъ всю цѣну его, они съ радостью допускаютъ прививаніе оспы, когда еще нѣсколько мѣсяцевъ тому въ одномъ шаманствѣ искали спасенія отъ оспеннаго повѣтрія, уносившаго ихъ сотнями. Капитаны иностранныхъ судовъ, по дѣламъ торговли посылающіе портъ здѣшній, обыкновенно находятъ для больныхъ своихъ безвозмездную помощь и почетительный присмотръ. Само собою разумѣется

что при лазаретъ хорошо снабженная аптека, которая сдѣлала бы честь городу многолюднѣе Ново-Архангельска, и не столь отдаленному, ибо должно вспомнить его разстояніе отъ образованной Россіи, а также и рѣдкое сообщеніе. Почта получается здѣсь одинъ разъ въ годъ, чрезъ Охотскъ. Кругосвѣтныя же суда одинъ разъ въ три года посѣщаютъ наши колоніи. Надобно замѣтить, что въ Россійско-Американскихъ Колоніяхъ нѣтъ нищихъ, и названіе ихъ здѣсь совершенно неизвѣстно. Кто не порадуется этому рѣдкому явленію? Сама природа надѣлила край здѣшній цѣлительнымъ сѣрнымъ источникомъ: въ 15 миляхъ отъ Ново-Архангельска построены чистенный домикъ и казарма для больныхъ; въ ванны проведена горячая сѣрная вода. Степень ея температуры простирается до 50° по Реомюру; лѣнцо и рыба варятся въ ней чрезъ нѣсколько минутъ. Польза, приносимая сѣрнымъ источникомъ, очень значительна; особенно же успешно вода его исцѣляетъ застарѣлыя язвы и ревматизмы. Мильхъ въ тридцати отъ Ново-Архангельска, между высокими утесами, поставленъ Озерской редутъ, отдѣляющій обширное озеро отъ воды Ситхинскаго Залива. На пространствѣ, едва вмѣщающемъ сто квадратныхъ сажень, выстроены водяная мельница и мукомольная мельницы. Первая, поставленная при Баронѣ Врангелѣ, доставляетъ значительныя выгоды заготовленіемъ тесу для колоніальныхъ построеній и для продажи иностранцамъ, а мукомольная удовлетворяетъ мукою, ибо хлѣбъ получается сюда изъ Калифорніи не иначе, какъ зерномъ. Озерской редутъ замѣчательно еще тѣмъ, что въ немъ устроены рыбныя заколь; огромными массами, рыба, въ теченіе лѣта, стремится изъ Окена въ озеро; здѣсь она ловится и заготавливается

вырокъ. Красная рыба, горбуша, хайко и кижусь*, послѣдовательно являются съ Іюня до Октября. Въ Февраль и Мартъ приходятъ въ заливъ стада сельдей.

И на сѣверозападныхъ берегахъ Америки высится православный Русскій крестъ. Усердныя молебны за Русь и Русскаго Царя раздаются здѣсь при громѣ пушекъ, прежде нежели гдѣ нибудь во всемъ необъятномъ Русскомъ Царствѣ, ибо здѣшній крестъ освяляетъ послѣдній, самый восточный пунктъ владѣній Русскихъ. Деревянная церковь, во имя Св. Архистратига Михаила, довольно обширна, и въ послѣдній годъ (1856) значительно украшена. На вершинѣ кекура нынѣ идетъ окончательная постройка большого двухъ-этажнаго дома главнаго правителя, съ весьма красивымъ фасадомъ. На этой возвышенности, обстрѣливающей всю окрестность, заготовляется укрепленіе, на случай прихода безпокойныхъ посѣтителей, могущихъ заглянуть сюда въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, не говоря о сосѣдяхъ *Коложахъ*, противъ нападѣній которыхъ мѣры, донынѣ существующія, очень достаточны. Хотя Россійско-Американская Компанія употребляетъ всѣ средства для поддержанія давно уже установившейся дружбы и согласія съ этимъ дикимъ народомъ, но никто здѣсь не дремлетъ. При первомъ сигналь, какъ на исправномъ корабль при тревогѣ, днемъ ли, ночью ли, всѣ отъ мирныхъ занятій бѣгутъ вооруженные на извѣстные посты, и вся крѣпость принимаетъ видъ воинственный.

Нынѣшній главный правитель колоній, гвардейскаго экипажа капитанъ 1-го ранга Иванъ Антоновичъ Купрѣяновъ, предположилъ между прочими

* Названія рыбъ сихъ принадлежать собственно колоніямъ. Р.

намѣреніями, по разрѣшенію Главнаго Правленія Россійско-Американской Компаніи, устроить женскую школу для 20 дѣвушекъ. Благодѣтельная польза и выгоды для колоній отъ такого заведенія не описанно важны. Какъ о надеждѣ на будущее, упомяну еще, что въ колоніи ожидается присылка машины для парохода. Ежели надежда сія исполнится, сколько рукъ и времени замѣнить здѣсь пароходъ! Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ объ обществѣ. Человѣкъ повсюду съ собой носить свое счастье, свою радость; онъ вездѣ можетъ веселиться. Общество здѣсь большею частью состоитъ изъ офицеровъ Русскаго флота. Образованная дружеская бесѣда отличительная черта этого общества. Свободное отъ занятій по службѣ время проходитъ довольно быстро и по возможности разнообразно. Прибытіе кругосвѣтнаго судна истинный праздникъ, да и чье сердце не забьется сильно — кому не радостно обнять въ здѣшней грозной дали друга, знакомаго, земляка? Это слишкомъ понятно. А съ какимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ ждуть здѣсь возврата Охотскаго транспорта, этого единственнаго *Русскаго вѣстника!* Зимой, въ долгіе вечера святокъ, наряжаются, веселятся, потѣшаются, какъ могутъ, какъ умѣютъ. Въ домѣ главнаго правителя составляются маскарады, домашніе спектакли, живыя картины, и все это бываетъ выполнено отчетливо, даже можетъ удовлетворить взыскательному вкусу столичнаго знатока. Гости Американцы часто смотрятъ на Ситху, и дивятся, находя *на краю свѣта* и жизнь, и блескъ, и всѣ условія образованнаго общества. Прибавимъ, что общество здѣшнее оживлено небольшимъ числомъ Европейскихъ дамъ, изъ которыхъ три дамы рѣшились первыя предпринять сюда путешествіе вокругъ Свѣта на ко-

рабль Россійско-Американской Компаніи Елена, отправившемся въ 1835 году изъ Кронштадта. И въ этомъ смѣломъ предпріятіи наши Русскія дамы не раскаялись: ихъ путешествіе было одно изъ благополучнѣйшихъ.

Здѣсь есть время и возможность пожить съ самимъ собою, посмотреть на себя. Удовольствій, разнообразныхъ увеселеній, какъ заведенные часы, смѣняющіяся чередою въ шумныхъ городахъ, и въ вихрь своемъ уносящія людей, такъ, что *воздухъ, обѣдь, балъ, вечеръ, театр* — равно имъ необходимы; равно становятся условіями жизни — здѣсь не часты, но за то, не всегда же и не всѣмъ прислушиваться къ плеску бѣлогриваго буруна, смотреть на синеву моря, на шетинистыя, снѣжныя горы и припоминать Оссіана. Какъ и вездѣ, вистъ, бостонъ, билліардъ, шахматы, берутъ свое. Что до меня, скажу однимъ словомъ: перемѣна ли жизненныхъ декораций, такую яркою чертою обозначившася для меня, послѣ шума, вѣчнаго движенія и суетныхъ заботъ, а можетъ быть, ужь и привычка, но ежели судьба опять переброситъ меня отсюда, я сохранию невольное воспоминаніе о прихотливой, своеобразной природѣ Ситхи и о жизни въ Ново-Архангельскѣ.

=

II.

Плаваніе поручика флотскихъ штурмановъ Воронковскаго, для описи южнаго берега Аляски, въ 1836 году.

Каждый долженъ безспорно согласиться въ важности и необходимости описи береговъ, безъ которой невозможно безопасное плаваніе. Часто спасе-

ние моряка отъ вѣрной гибели зависитъ единственно отъ увѣренности въ мѣстности; часто неизвѣстность одной точки на морѣ бываетъ причиною невозвратной утраты судовъ, съ ихъ экипажами и грузами. Главное Правленіе Россійско-Американской Компаніи, всегда озабоченное благосостояніемъ колоній своихъ, не щади значительныхъ по разнымъ предметамъ издержекъ, предоставило главному правителю колоній въ Америкѣ посылать, по мѣрѣ возможности, опытныхъ офицеровъ для производства описей, въ мѣстахъ недовольно намъ извѣстныхъ. Г. Станюковичъ, совершившій путешествіе вокругъ свѣта на шлюпъ Молмеръ, описалъ въ 1828 году сѣверный берегъ полуострова Аляски. Опись южнаго берега была поручена, служившему въ колоніяхъ, Г. Васильеву, который сдѣлалъ ее въ 1831 и 1832 годахъ, до мыса Кумлюкъ, съ перваго байдарочною экспедиціею*.

Г. главный правитель колоній, капитанъ 4-го ранга Купреяновъ, желалъ имѣть сводъ сихъ двухъ описей, и тѣмъ окончить опись всего полуострова, что довольно важно для колоніальныхъ судовъ, ежегодно посѣщающихъ острова Унги и другіе, воспользовавшись позволеніемъ главнаго правленія, отправилъ на байдаркахъ Г. поручика Флотскихъ штурмановъ Воронковскаго, для окончательнаго опредѣленія южнаго берега и всего полуострова, отъ мыса Кумлюкъ. Не распространяясь въ подробномъ описаніи снабженія всѣмъ нужнымъ, и не доказывая пользы и благотельныхъ послѣдствій подобной экспедиціи, я имѣю только въ виду рассказать затрудни-

* Байдарка, по-Кадьякска — *кальк*, по Лисьевски *аюгтокъ*, лодка объ одномъ, двухъ, или трехъ люкахъ. Это самое умное и самое смелое произведеніе дикаго человѣка, введенное въ употребленіе въ полярныхъ Эскимосовъ, отъ береговъ Гренландіи до Острововъ Алеутскихъ. См. описаніе байдарки въ *Энциклопедіи. Лексиконѣ*, статья К. Х.) Р.

тельное происшествіе, случившееся съ Г. Воронковскимъ во время его плаванія на байдаркахъ, чрезъ все пространство его описи, отъ Сутхумской одиночки до мыса Хитхукъ, на разстояніи 300 Итальянскихъ миль. Для приведенія предназначенной работы въ исполненіе, Г. Воронковскій отправился съ острова Кадьяка, 9 Апрѣля 1836 года, съ экспедиціею, изъ 4 трехлючныхъ байдарокъ состоящею. Совершая начатое дѣло съ успѣхомъ, онъ отыскалъ хорошую гавань (которую называлъ *гаванью Купреянова*), могущую служить, при случаѣ, вѣрнымъ убѣжищемъ судамъ отъ крѣпкихъ южныхъ ветровъ прямо съ Океана. Однажды Г. Воронковскій выгналъ съ двумя байдарками, при благоприятной погодѣ, взявъ съ собою инструменты для опредѣленія астрономическаго пункта. Во время плаванія пожелалъ онъ изслѣдовать теченіе моря, и велѣлъ бросить якорь между мысомъ Кумлюкъ и группою камней Аягатъ, самъ взявъ выюжку и приступилъ къ дѣйствию. Между тѣмъ вѣтеръ нѣсколько усилился. Хотя глубина въ этомъ мѣстѣ не превышала 20 сажень, но Алеуты, всегда медленные въ работѣ, и здѣсь поддержали свой характеръ. Прежде нежели задержали якорь, Г. Воронковскій увидѣлъ, что байдарки его принесли въ *сулой**, мгновенно образовавшійся. — Не теряя времени, онъ приказалъ поднимать якорь; на верху байдарки лежали выюжка и якорный линь. Необходимо надобно было очистить мѣсто для якоря. Г. Воронковскій велѣлъ подплыть съ лѣвой стороны другой байдаркѣ, и въ ту минуту, какъ онъ передавалъ на нее выюжку Алеуту, изъ горныхъ ущелій пришелъ жестокой шкваль, дѣйствіе котораго было усилено расхлывшимся судосемъ. Быть

* *Сулой*, неправильное, скорое волненіе, отъ спорныхъ теченій происхожденіе. Р.

можетъ, передовой гребецъ способствовалъ бѣдѣ, поднимая якорь съ противной стороны сулоя. Байдарка мгновенно опрокинулась. Г. Воронковскій успѣлъ разорвать обтяжку, схватить въ зубы карманный хронометръ, завязанный въ платкъ, и вынырнуть изъ воды. Прибавимъ, что другая байдарка также перевернулась. Гребцы первой, желая удержаться, ее опрокинули. Находясь въ такомъ бѣдственномъ положеніи, на одинъ волосъ отъ вѣрной смерти, Г. Воронковскій замѣтилъ, что байдарки, освободясь отъ якорнаго каната, вынеслись изъ сулоя. Здѣсь показала возможность спасенія. Байдарки стало качать тише, и не такъ далеко разноситъ одну отъ другой. Это придало Г. Воронковскому и Алеутамъ больше бодрости: они стали дѣйствовать хладнокровнѣе, и упорнѣе держаться за байдарки, а между тѣмъ громко кричали двумъ другимъ двулучнымъ байдаркамъ, далеко стоявшимъ на проливѣ, и занимавшимся ловлею рыбы. Должно сдѣлать здѣсь легкой очеркъ оригинальнаго характера Алеутовъ. Находясь въ двулучной байдаркѣ, и видя погибающихъ товарищей, они никогда не бросятся къ нимъ на помощь, а только въ почтительномъ разстояніи останавливаются, прощаются и спрашиваютъ, что велѣтъ гибущіе сказать домашнимъ и знакомымъ. Потомъ обѣщаютъ извѣстить жену, что мужъ ея погибъ, раскланиваются и уплываютъ. Впрочемъ, это поясняется тѣмъ, что двулучная байдарка сама подвергается опасности. Часа черезъ полтора, одна байдарка услышала однако жъ голоса и подошла, но именно, на почтительное разстояніе. Старый Алеутъ сталъ кричать: «Начальникъ! ступай, пльви, я спасу тебѣ, а къ товарищамъ не подойду — они меня утопятъ!» — Много труда стоило Воронковскому уговорить старика, чтобы онъ взялъ его

ящичекъ, и принялъ двухъ умирающихъ отъ холода и истощенія гребцовъ его. Наконецъ, видя, что утопающіе не бросаются въ беспорядкѣ на его байдарку, а ждутъ приказанія начальника, Алеутъ рѣшился взять ящичекъ съ хронометромъ, который былъ до этого времени въ зубахъ у Воронковского; потомъ двумъ Алеутамъ, почти заостенѣвшимъ и едва державшимся на водѣ, Г. Воронковскій велѣлъ влѣзть въ люкъ. Черезъ нѣсколько времени подошла другая байдарка; онъ и три Алеута, бывшіе въ водѣ, вышли на верхъ и сплотили ихъ. Въ такомъ то положеніи стали они направляться къ берегу. Къ несчастью, въ этотъ день было такъ холодно, что вода въ лужахъ замерзала. Изъ трехъ Алеутовъ, сидѣвшихъ на верху, двое заостенѣли и свалились мертвые въ воду. Находясь въ столь бѣдственномъ состояніи три часа, Г. Воронковскій добрался наконецъ до берега; тамъ онъ увидѣлъ, что Алеутъ, сидѣвшій въ байдарочномъ люкѣ, замерзъ. Пришедшіе изъ селенія люди вынесли Воронковского на рукахъ, ибо застуженныя его ноги отказались отъ ходьбы.

«Быть можетъ», говоритъ Г. Воронковскій, «не потерѣя Алеуты присутствія духа, они могли бы, безъ большаго труда, переверотить перевернувшіяся байдарки и отлить изъ нихъ воду, потому, что воздухъ не вдругъ допустилъ бы ихъ налиться чрезъ люки, и тогда люди были бы гораздо менѣе времени въ водѣ.» Хотя Алеуты, по совѣту, желали переверотить байдарки, но растерявшись, отъ страха, они хватились за края небрежно и вертели только байдарки, будто вокругъ оси. Видя неудачу и боясь за инструменты, Г. Воронковскій велѣлъ оставить байдарки вверхъ килемъ, и Алеутамъ только держаться за края.

Послѣ жестокихъ страданій, бывшихъ неминуе-

мымъ слѣдствіемъ бѣдствія, изъ котораго Г. Воронковскій спасся такъ чудесно и съ такимъ совершеннымъ самоотверженіемъ, онъ снова отправился описывать берега Аляски, радуясь, что ему удалось сберечь свой хронометръ и инструменты, съ утра тою которыхъ долженъ бы онъ былъ отказаться отъ работъ, при самомъ ихъ началѣ. Далѣе, занимаясь описью, вышелъ онъ на утесъ у мыса Острова Поповскаго, близъ острова Унги, не предвидя такого буруна, который могъ бы покрыть камень вышиною въ шесть футъ. Стоя на камнѣ, онъ имѣлъ уже компанъ на штатифѣ, а самъ, оборотясь къ берегу, разсматривала мѣстность. Вдругъ слышитъ крикъ Алеутовъ, оборачивается къ морю и видитъ быстро несущійся на него бурунь. Онъ успѣлъ снять компанъ со штатифа и присѣсть; волна накрыла весь камень и сбросила Воронковскаго въ море. Счастіе и тутъ ему не измѣнило: бурунь откатилась и оставилъ его на берегу.

Послѣ многихъ трудностей и лишеній, часто встречаемыхъ при совершеніи работъ, ибо само собою разумѣется, что на байдаркахъ запастись всѣмъ и надолго нельзя, причемъ, имѣя ружья для звѣри и птицъ, и рыболовные крючья, должно было иногда довольствоваться кускомъ медвѣдя — сказать мимоходомъ, только въ столицахъ вкуснаго, — моржемъ, или сивучемъ, съ отважнаго боя взятыми, Г. Воронковскій пришелъ на своихъ байдаркахъ изъ Кадьяка въ Уналашку, и кончилъ начатое дѣло. Его успѣхъ доказалъ всю добросовѣстность чловѣка, дѣйствующаго съ пламенною любовью къ своимъ занятіямъ, и забывающаго всѣ преграды для достиженія цѣли.

РОТЧЕВЪ.

АББАТЪ ДЕЛИЛЬ,

ЖИЗНЬ ЕГО И СОЧИНЕНІЯ.

=

Ничего нѣтъ усладительнѣе, какъ послѣ торжества обратиться къ минувшей битвѣ, и быть справедливыми къ тѣмъ, кто былъ равенъ и палъ при нападеніи нашемъ. Такого рода прощенье врагамъ особенно увлекательно въ дѣлѣ литературномъ, и умъ, собственность котораго составляетъ отчетъ, наслаждается особеннымъ удовольствіемъ, разсматривая все, что онъ сначала оспаривалъ, и сколько могъ, потомъ уничтожилъ. Должно показаться инымъ — я это чувствую — слишкомъ горделивыми подобная снисходительность къ Деллию, и мысль наша — представлять себя кроткими побѣдителями этого поэта. «Гдѣ же побѣда ваша?» могутъ сказать намъ, «и что произвела ты, новая поэтическая школа, таково, что было бы выше и внѣ опасности паденія?» Не отвѣчая на справедливое въ этомъ вопросѣ, и затруднительное для гордости, или скромности нашей, мы позволимъ себѣ только утвердить, по всей очевидности, что побѣда новой школы доказывается, по крайней мѣрѣ, совершеннымъ уничтоженіемъ старой школы, и что послѣ сего можно судить безъ гнѣва и разбирать подробно эту старую школу, хотя бы какой нибудь приверженецъ прежнихъ Помпеевъ и сказалъ намъ: «О, какъ сладостно скорбѣть о жребіи непріятеля, котораго мы уже не боимся!»

Впрочемъ, не столько хочется мнѣ пожалѣть о Деллии, или посмотреть на него съ высоты современной точки зрѣнія, сколько перенестись въ его время, и оживить это время въ глазахъ нашихъ. Повѣрьте, что критики на Деллия найдутъ мы тамъ совсѣмъ готовыя, и тѣмъ убѣдительнѣе, что ихъ произносили уста его современниковъ. Вы увидите, что Деллия всегда судили, и порядочное количество острыхъ словъ

на счет его было сказано уже очень давно. Но живой, блестящий приятным умом, онъ былъ любимъ, и имъ наслаждались даже въ самыхъ его недостаткахъ, *dulcibus vitiis* (усладительныхъ порокахъ). Его особа, пріятность его бесѣды, чтенія его были нераздѣльны съ успехами его стиховъ. Умные поймать случай на стихъ, легкость выраженія и развѣтка, въ которой былъ онъ большой мастеръ — эти источники и средства его привычныхъ вдохновеній, приходились по чувству и по плечу его эпохѣ. Славу его составляла вся *лиала* и *утраивал* часть народа, долженствовавшая погибнуть съ нимъ и съ людьми его времени. Я былъ очевидцемъ благосклонности, избиравшей его себѣ предметомъ, я восхищался въ дѣтствѣ моимъ Делилемъ, и теперь безъ большихъ усилій могу войти въ тѣ понятія, по которымъ онъ нравился, въ память его владычества, и въ рѣшеніе о томъ, въ какомъ смыслѣ можно еще и теперь читать его.

Делиль властвовалъ, или, по крайней мѣрѣ, былъ княземъ между поэтами своего времени. Во Франціи, въ разные времена, бывали такіе *princes des poètes*, и любопытно было бы вывести ихъ родословную, довольно неправильную, довольно прихотливую. Не восходи далье Среднихъ Вѣковъ, эпохи Кретьена Труаскаго, *Короля* Аденаля и другихъ, бывшихъ владыками труверовъ, мы замѣтимъ на скатѣ этихъ старыхъ вѣковъ, уже съ нашей стороны, Жана де-Мѣна, Вильона, и особливо Маро, заслужившихъ почетный титулъ поэтическихъ владыкъ. Ронсаръ обладалъ имъ болѣе всѣхъ. «Мы оба равно носимъ вѣнцы,» говорилъ ему Карлъ IX-й. Малербъ царствовалъ потомъ; только это была власть другаго рода, въ которую сужденіе и грамматика входили столько же, сколько наслаженіе поэзіею и молва людская. Названія *князя поэтовъ* придаетъ что-то щеголеватое и свѣтское, что-то похожее на ленточный бантикъ, приколотый къ лавровой шапкѣ. Вуатюръ, истинный князь остроумцевъ, щегольски убранный такимъ образомъ, властвовалъ мнѣніемъ. Буало воцарился, но Малербовскимъ важнымъ образомъ, и объ немъ нельзя сказать, что онъ былъ *князь поэтовъ* — онъ болѣе являлся ихъ *оракуломъ* и *советникомъ*. Великіе поэты времени Лудовика XIV и ихъ прочная слава плохо подходили къ щегольству роли, какую предполагается изысканное названіе. Только Лафонтенъ годился бы, мнѣ кажется, въ

поэтическіе князья, по безпечности, по ласкѣ его къ Присамъ и Клименамъ, если бъ ему дали свободу. Фонтенель владычествовалъ надъ болтовней порядочныхъ домовъ, довольно живо и довольно долго, но какъ загостельный пастушокъ, тихомолкомъ. Вольтеръ, въ послѣднюю половину своей жизни, былъ настоящий поэтической царь, владыка, какъ философъ, какъ историкъ и какъ поэтъ. Въ некоторыхъ отношеніяхъ, Делиль былъ его преемникомъ, но наследовалъ только легкой и блестящей обломокъ его скипетра, связавши его подкрашенными лентами Фонтенелевскаго и Вуатюровскаго вкуса. Это былъ Вуатюръ важныхъ занятій, и Грессе, успѣвшій выолнѣ. Онъ сдѣлался въ свое время настоящимъ *княземъ поэтовъ*, какими бывали до времени Лудовика XIV, со всѣмъ тѣмъ, что мода и хвастливость соединяютъ съ этимъ именемъ. Свѣтъ льльлялъ его; женщины обожали; онъ былъ для всего, что только его знало, премная игрушка и драгоценная куколка.

Жакъ Делиль (Jacques Delille), родился въ Эгъ-Персѣ, въ Овернѣ (Aigue-Perse en Auvergne), отъ незаконной любви, 12-го Іюня 1758 года, былъ крещенъ въ Клермонѣ, и признанъ потомъ г-мъ Монтанье, адвокатомъ, вскорѣ умершимъ и оставившимъ ему небольшой доходъ. Мать Делиля, у которой плодъ тайнаго союза надобно было отнять при самомъ рожденіи, была дѣвушка значительнаго рода, потомокъ канцлера Лопитала. Кажется однако жъ, что младенчество поэта не было обременено слишкомъ печальными образами, и когда онъ пѣлъ потомъ свои первоначальныя воспоминанія, ему являлись они только веселыя.

«О, поля Лиманьскія! О счастливое мѣстопребываніе!... вопъ дерево, свидѣтель моихъ забавъ; здѣсь зефиръ, своимъ записаннымъ дыханіемъ, изглаживалъ мои чертоги, нарисованные на песокъ; шамъ камень, брошенный въ ручей, скользилъ, прыгалъ, скользилъ и прыгалъ снова: бездѣлка занимала меня. Но съ какимъ упоеніемъ обнималъ я, омывая слезами нѣжносни снарца, который предводилъ нѣкогда моими пренецищими спотами, женщину, молоко которой пинало мои первые годы, и мудраго пашпыра, образователя моего дѣтства!»

Изъ этой первоначальной школы, юный Делиль былъ посланъ въ Парижъ, и учился въ Лизьѣскомъ коллежумъ, гдѣ его приняли бурсакомъ. Тайному ли надзору своей матери, или покровительству какого нибудь опекуна, друга отца его, одол-

жесть онъ былъ такимъ счастливымъ направлениемъ? Это неизвѣстно. Онъ отличался блестящими университетскими успѣхами, и особенно во второй годъ риторическаго класса, когда получилъ всѣ первыя награды. Черезъ три года потомъ выигралъ онъ за Латинское краснорѣчье еще награду, предоставленную университетскимъ воспитанникамъ, готовившимся въ профессоры. Всѣ мѣста были однако жъ заняты, и Деллию надлежало удовольствоваться укромнымъ мѣстомъ учителя въ Бовескомъ коллегіумѣ, гдѣ находились тогда, также простыми учителями, землякъ его Тома, аббатъ Лагранжъ, въ послѣдствіи переводчикъ Лукреція, и Селнесъ, въ послѣдствіи переводчикъ Персія. Въ книжонкѣ Дефоржа, на которую многие не смѣютъ указывать, находимъ подробности о жизни Деллия въ то время. Названія, какія давали ему ученики, были: «бълака» или «сажажу», ad libitum. «Достоверно» говоритъ сочинитель *Поэты*, «что этотъ любезный молодой человекъ имѣлъ всю живость, всю рѣзвость быка и обезьяны, и скажемъ правду, немножко злости обезьянкой; но онъ былъ въ то же время невиненъ и пріятенъ. Собой былъ онъ очень недуренъ, и любилъ, чтобы въ красивомъ черномъ шелковомъ чулкѣ рисовалась нога его, маленькая и складная. Впрочемъ, почти такое же дитя, какъ мы, ученики его, онъ почиталъ удовольствіемъ, даже заслугою, быть только *primus inter pares* (первымъ между равными), и все отъ этого шло лучше, благодаря такому почти равенству.» Вечеромъ, передъ каминомъ, Делль предавался дружески своимъ ученикамъ на состязаніе переводъ стиховъ и мѣстъ изъ *Гезеріа*, которыми уже тогда занимался.

Мы узнаемъ фizioномію Деллия, и она будетъ только что рисоваться болѣе и болѣе передъ нами, но все въ этомъ одномъ направленіи. Несчастіе его дѣтства безъ матери, сиротское воспитаніе на счетъ чужой и бѣдная молодость не изменили ни одной черты его пріятнаго права. Все зависить въ насъ отъ основныя прориси характера, чуть только сдѣлана эта прорисъ природою хоть немножко опредѣлительно. Молодаго Вольтера бьютъ палками по волѣ знатнаго барина, а онъ все таки остается другомъ знати, большаго свѣта, противоположностью въ этомъ Жанъ-Жаку. Въ примѣръ не столь великомъ, но столько же разительномъ, Дебордъ-Вальморъ, молодая дѣвушка, отправляется въ Аме-

рику, и послѣ потерь и страшныхъ несчастій, возвращается расплаканною элетією, а Дезожа является оттуда, послѣ такихъ же бѣдствій, самымъ веселымъ пѣвунюмъ *Погребка* (du Caveau). Такъ Делль, побочный сынъ, воспитанный милосердіемъ другихъ, тѣмъ не менѣе, съ самаго перваго шага своего въ свѣтъ, наоборотъ желчному и угрюмому Шанфору, — самый рѣзвый аббатикъ и самый милый остроумецъ.

Во время и, можетъ быть, даже прежде своего пребыванія въ Бовескомъ коллегіумѣ, при первыхъ опытахъ своего перевода Георгикъ, Делль сдѣлалъ Лудовику Расину трогательное посѣщеніе, о которомъ говорить въ предисловіи къ своему «Жителю полей» (*L'Homme des Champs*). Съ первою рѣчью о переводѣ Георгикъ въ стихахъ, Лудовикъ Расинъ изумился. «Георгики!» сказалъ онъ угрюмо — «это самое дерзкое предпріятіе. Другъ мой, г-нъ Лефранкъ, дарованія котораго я уважаю, покушался на переводъ ихъ, и я предсказалъ ему, что онъ не успѣеть.» «Между тѣмъ,» продолжаетъ Делль въ своемъ разсказѣ, «сынъ великаго Расина позволилъ мнѣ имѣть съ нимъ свиданіе, въ маленькомъ домикѣ, куда уединился онъ по два раза въ недѣлю, проливать передъ Господомъ слезы, которыми оплакивалъ смерть единственнаго сына... Я отправился въ это убѣжище, и нашелъ Расина въ садовомъ кабинетѣ, одного, съ своею собакою, которую казалося, любить онъ чрезвычайно. Нѣсколько разъ повторилъ онъ мнѣ, какъ смѣло кажется ему мое предпріятіе. Съ величайшею робостью читаю десятка три стиховъ. Онъ ошанавливаетъ меня и говоритъ: «Не только не отвращаю васъ отъ вашего намѣренія, но даже прошу васъ продолжать»....

Женгене, разсуждалъ о «Жителѣ полей,» въ «Декадѣ,» показывая, что было любопытнаго въ этомъ свиданіи, связывавшемъ цѣль именъ и воспоминаній поэтическихъ. Онъ присовокупляетъ съ чувствомъ литературнаго благочестія: «Извѣстно, что поэтъ Лебрюнъ былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Лудовикомъ Расиномъ, и Лудовикъ, такъ сказать, посвящалъ его въ искусство стихотворное, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, молодымъ человекомъ прекрасныхъ надеждъ, тѣмъ самымъ, смерть котораго оплакивалъ отецъ, когда Делль получилъ отъ него позволеніе видѣться съ нимъ въ его уединеніи. Такимъ образомъ, два величайшіе поэта,

каких мы еще имеем, через одного посредника, вышли из школы Расина и Буало. Они теперь начальники школы в свою очередь. Различие, существующее в их дарованиях и в сечере их слога, отзовется когданибудь в их учениках; но все они, эти ученики, будут однако ж держаться, больше или меньше, великой первоначальной школы. И вот как продолжается прекрасное искусство, имющее потребность в изустных преданиях, ибо не все тайны его изучаются в книгах.» Делиль, действительно, сходится, без перерыва и потрясения, с великою школою, которую выродил онъ, сдѣлавши ее цветистою. Авторъ поэмы: *Ремисъ*, в некоторомъ отношеніи отецъ описательной поэзіи XVIII-го вѣка, долженъ былъ облакать щеголеватые стихи, самъ показавши счастливые ихъ примѣры, в своемъ описаніи гнѣзда ласточки, обращенія соковъ и въ другихъ мѣстахъ. Вольтеръ также долженъ былъ облакать ученика в этой поэзіи, легкой, остроумной и блестящей, хотя самъ онъ почти не понималъ ея, больше глубокой и больше строгій. Делиль, явившійся подъ ихъ привѣтомъ, въ милости, какъ будто въ полномочіи отъ своихъ учителей, былъ нововводителемъ, не думая о томъ, и скорѣе старался не быть имъ. Какъ Овидій, онъ получилъ уваженіе предшественниковъ, послѣ которыхъ промоталъ полученное наследство. Выходи изъ убѣжища ясениста, гдѣ слышалъ голосъ оракула изъ устъ сына Расинова, склоненнаго ко гробу, онъ могъ повторить съ восторгомъ *любовника музъ*:

Temporis illius colui fovique poetas,
Quotque aderunt vates, rebar adesse deos.

Строфы Делиля къ Лефранку, помѣщенные въ «Литературномъ Ежегодникѣ» (1758 г.), вѣроятно, слѣдовали за посвященіемъ Лудовику Расину, когда Делиль узналъ, что Лефранкъ подобно ему переводитъ Виргилія. Лефранкъ представляетъ Делиль огромнымъ *дубомъ*, вокругъ котораго вьется онъ, смиренный *плющъ*. Первые стихи Делилевы въ эту эпоху — его ода *Благовѣренію*, писанная на награду Французской Академіи, его посланіе о *Путешествіяхъ*, увѣчанное Марсельскою Академіею, его другія школьныя посланія, замѣчательны только легкостью, плодовитостью, нѣкоторою чистотою, но — въ нихъ нѣтъ ни одной новой идеи,

ни одной самобытной краски. Любовь къ искусствамъ, къ литературѣ, чувства ума живаго и честнаго, являются тутъ, и то по полученнымъ преданіямъ. Современные художники поименованы, расхвалены, но безъ всякой постепенности — Буше наряду съ Рембрандтомъ, и Вашлоо aux touches éflammées (съ пламенною кистью) рядомъ подъ Вольтера. *перу* Роллена, *лиръ* Коффена, двойной чести Бовескаго коллегіума, данъ полный участокъ похвалъ. Хорошо прочитанное, все это могло годиться при тезисъ, или раздачѣ наградъ. Въ посланіи къ г-ну Лорану, *по случаю искусственной руки, которую сдѣлалъ онъ для инвалиднаго солдата* (1761 г., находимъ уже мы чисто дидактическаго поэта, Чудеса промышленности и новѣйшей механики описаны тутъ въ цѣли перифразъ, сопровождаемыхъ неизбѣжными примѣчаніями:

Là le sable, dissous par les feux dévorans,
Pour les palais des rois brille en murs transparents!

Песокъ, расплещенный плавающими огнями,
Въ дворцахъ царей блещитъ прозрачными стѣнами!

Простору, это значить, что люди дѣлаютъ *стекло*. И вотъ стекло, ковры, письмо, типографія, вѣтряная мельница, насосы, шлозы, переносные мосты, Вокансоны автоматы, Марийская машина — все это перебирается *по случаю* искусственной руки. Не знаете даже, кто тутъ больше механикъ — г-нъ Лоранъ, или нашъ поэтъ? Посланіе къ г-ну Лорану, кажется, было для Делиля программою, которую онъ задалъ себѣ, или, если уже это сказано много, мотивомъ, которое вертѣлъ онъ всю свою жизнь.

Изгнаніе Іезуитовъ очистило много мѣстъ въ коллегіумахъ, и молодой учитель Бовескій поступилъ профессоромъ въ Амьенъ, отчизну Вуатюра, гдѣ жилъ и калѣя тогда Грессе. Делилю надобно было поѣхать бѣднаго поэта, къ которому былъ онъ гораздо ближе, нежели самъ полагалъ. Занятый Георгиками, онъ почиталъ свою музу важною, не зналъ, какой близкій родня былъ онъ шалостямъ Грессе, и какъ опасно для него всякое важничанье. Грессе пѣкогда ставили противъ Вольтера, и первые опыты его съ восторгомъ хвалилъ Ж. Б. Руссо, но онъ не обладалъ ни достаточною силою дарованія,

ни умнѣемъ размышлять, а потому не могъ выдержать борьбы и скоро былъ заброшенъ. Делиль, явился какъ второй Грессе, на закатѣ дней Вольтера, и въ нѣкоторомъ отношеніи занялъ роль, не удавшуюся его предшественнику. Блестящій, свѣтскій, не школьный, немного мыслившій, немного философъ, онъ успѣлъ сѣсть на опустѣлый тронъ поэзіи, еще славный именемъ прежняго вѣстителя, и скоро сдѣлавшійся для Деліа табулетомъ у королевы.

Въ ожиданіи будущаго, Делиль наследовалъ въ Аміенѣ іезуитамъ, у которыхъ занялъ Латинскій манеръ стиховъ, и столько умныхъ дидактическихъ описаній въ поэзію Французскую. Рапенъ, Ваньеръ, по предметамъ занятій и по манеру, были его учителями, и въ Делиль отзываются іезуитъ Сотель слишкомъ замѣтно.

Речь о *воспитаніи*, произнесенная Делилемъ въ 1766 году, при раздачѣ наградъ въ Аміенскомъ коллегіумѣ, показала, какъ мало идей давала проза щеголеватому говоруни въ предметѣ, уже обогащенномъ Руссо. Въ немногія прозаическія сочиненія Деліа, начиная съ похвалы Ла-Кондамину, при избраніи въ Академію, до статьи: *Ла-Бройеръ*, во *Всеобщей біографіи*, доказываютъ справедливость нашего замѣчанія: мнѣли по обороту и анекдотическому разсказу, все онъ чуть нестрѣютъ идеями. Самый огромный прозаическій трудъ — предисловіе къ Георгикамъ, большею частью, переведено Делилемъ изъ Драйдена, съ которымъ спорить Делиль въ одномъ мѣстѣ, не сказывая, до какой степени пользовался онъ чужею работою.

Изъ Аміенскаго коллегіума переезжалъ молодого профессора агрегаторомъ въ Парижъ, и назначилъ его въ третій классъ по Ла-Маршскому коллегіуму. Здѣсь оставался онъ, даже при избраніи его въ Академію, въ 1774 году. Но несообразность между литературною и свѣтскою славою Деліа и *таланта*, какія долженъ онъ былъ диктовать школьникамъ, сдѣлалось наконецъ столь вопиющею несправедливостью, что, по дружбѣ Лебо, профессора Латинскаго краснорѣчія въ коллегіумѣ Франціи, Деліа перевели сюда, и заставляли сначала, какъ адъюнкта, читать поэзію, причисленную къ сей кафедрѣ.

Переводъ *Георгикъ* явился зимою 1769 года. Его предварили многочисленныя чтенія отрывковъ по гостиннымъ, куда

уже весьма часто являлся Делиль. Успѣхъ былъ неслыханный. Природа была тогда въ страшной модѣ; деревню обожали во всѣхъ будаурахъ. Георгики явились на всѣхъ туалетахъ, какъ Энциклопедія, какъ Гельвеціяевъ книга *Объ Умѣ*. Думали, что читаютъ *Виргилія Великаго* Фридрихъ объявилъ переводъ Деліа «оригинальнѣйшимъ сочиненіемъ» (*une oeuvre originale*). Вольтеръ восхищался *Виргиліемъ-Делілемъ* (онъ былъ находчивъ на прилагательныя), и писалъ въ Академію Французскую, стараясь посадить въ нее Деліа: «Еще полезный чтеніемъ Георгикъ г-на Деліа, чувствую всю цѣну трудностей, столь счастливо побѣжденныхъ, и думаю, что нельзя оказать болѣе чести *Виргилію* и нации. *Времена* Сень-Ламбера и переводъ *Георгикъ* кажутся мнѣ двумя лучшими поэмами, какія видѣла Франція послѣ Буалова *l'Art poétique*» — Лагарпъ славилъ Деліа. Фреронъ не нападалъ на него, и если находилъ трудъ его часто невѣрнымъ, какъ переводъ Латинскаго подлинника, за то соглашался, что трудъ по лучше обернуть стихъ, и не побоялся сознать въ Делиль «Буаловскій ладъ» (*le faire de Boileau*). Только Клеманъ изъ Дижона, «немилосердый» Клеманъ (*Clément Pinclément*), какъ говорилъ Вольтеръ, своимъ томомъ *Observations critiques* (1771 г.), за которымъ послѣдовала еще томъ *Nouvelles observations* (1772 г.), воспротивился успѣхамъ переводчика *Георгикъ* и автора *Временъ*. у Сень-Ламбера были друзья, и онъ имѣлъ неосторожность выпросить повелѣніе, по которому бѣдняка Клемана посадили въ Форъ-Левекъ, а критику его, еще недопечатанную, захватили, потому будто бы, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Клемана на Дорнеу была сатира на г-жу Удето. Подозрительныя мѣста перепечатали, книга являлась, и тѣмъ охотнѣе ее прочитали.

Клеманъ говорилъ дѣльно, сказалъ все, что справедливаго сказать можетъ человекъ, изучившій Древнихъ, защитникъ прочнаго вкуса, но не проникнутый свѣтомъ поэзіи. Да, гдѣ, правда сказать, были тогда этотъ свѣтъ, это чувство поэтическаго слога, если исключимъ Лебрѣна, который безсознательно чувствовалъ ихъ, и Андрея Шенье, только начинавшаго, и которому суждено было найти то и другое снова! Впрочемъ, Лебрѣнъ не былъ чуждъ критикѣ Клемана, друга своего, которому доверилъ онъ, бывшій неизвѣстнымъ, переводъ эпизода объ Аристеѣ, для противоположности пе-

реводу Деллия. Деллий воспользовался въ слѣдующихъ изданіяхъ замѣтками Клемана, во всемъ, что казалось ему справедливо, и сдѣлалъ тѣмъ переводъ свой вѣрнѣе во многихъ мѣстахъ. То, чего онъ не исправилъ онъ, было такое, чему нельзя научиться отъ другихъ, если въ насъ самихъ нѣтъ сочувствія собственнаго, этого особеннаго искусства и особаго слога поэтическаго, при которыхъ, въ борьбѣ одного поэта съ другимъ, кромѣ вѣрности буквальной, отдѣляются и блестящія красоты первой степени отъ прочихъ мѣстъ, какъ будто менѣе отдѣланныхъ. Деллий щеголеватъ, легокъ, остроумень въ трудныхъ мѣстахъ, исправень вообще, и ласково лѣзетъ ухо читателя стихомъ своимъ, по живописи Виргилія, великіе очерки, столь у него пердкіе, эта величественность Римской природы.

....Magna parens frugum, Saturnia tellus,
Magna virum.....

Старые Сабинны, Умбрійскіе земледѣлы, ведущіе воловъ Клитумійскихъ, священнаа древность предмета (*res antiquae laudis et artis*), новостъ и непрерывное изобрѣтеніе выраженій, движеніе свободное, разнообразное, мысль всегда живая и готовая — все это исчезло, и даже не подозрѣвается въ переводчикѣ. Вы гуляете съ нимъ по дорожкѣ, усыпанной песочкомъ, между двумя рядами зелени, подстриженными и красивыми. Шатобрианъ лучше нашего сказалъ то, что мы хотимъ сказать: «Главный трудъ Делліа переводъ Георгикъ. Это все равно, если бы Расина пересказать лзыкамъ времяя Лудовика XV, а картины Рафаэля заставить списывать Мишляра.» Прибавимъ, что большой ландшафтъ Пуссена, списанный Ватто, для насъ все еще будетъ выше (по слогу) великихъ ландшафтовъ Виргилія, переписанныхъ пвдцомъ Садовъ, de Bagatelle, de Bel-Oeil и Трианона. Это что-то Пуссеневское, переданное Вагль, выла съ холмовъ Эвандра, перенесенная въ окрестности Парижа.

Перебитый вопросъ о стихогворныхъ переводахъ поэтовъ, для насъ кажется рѣшеннымъ. Нѣтъ сомнѣній, что если бы великій, истинный поэтъ рѣшился переводить Виргилія, Гомера, Данте, или кого другаго изъ великихъ геніевъ, то, при пособіи времени и стараній, онъ успѣлъ бы, если не въ буквальной передачѣ, по крайней мѣрѣ, въ чувствѣ и цвѣтѣ.

Но для чего это? Никогда поэтъ высокой закалки не прикуетъ себя къ колесницѣ другаго. Онъ можетъ на минуточку испытать силы свои, можетъ, юный, въ часъ досуга, спить съ стѣны щитъ, мечъ и зукъ Роланда, и поиграть ими. Но однажды испытавши и узнавши силы свои, онъ употребитъ ихъ на свой собственный счетъ, и напомнилъ намъ иногда великихъ своихъ соперниковъ, будетъ самимъ собою.

Въ Андрѣ Шенье, во многихъ поэтахъ XVI вѣка, подражавшихъ Древнимъ, или переводившимъ изъ нихъ отрывки, изящное чувство подлинника, это чувство, котораго такъ же нельзя изъяснить, какъ нельзя изъяснить самаго искусства, понятнаго тому, кто рожденъ его понимать. И слѣдовъ такого рода чувства нѣтъ въ Деллий, который имѣетъ впрочемъ въ своихъ переводахъ достоинство изящнаго, только въ простонародномъ смыслѣ сего слова, а также достоинство упрости въ своей работѣ. Онъ пріятно передалъ женщинамъ и свѣтскимъ людямъ прекрасныя поэмы, которыхъ безъ того не читали бы ни тѣ, ни другія.

Словомъ, Деллий оказалъ Георгикамъ такую услугу, какую аббатъ Бартеlemi оказалъ тогда Греціи. Въ переводѣ своемъ, онъ былъ Парижскимъ Анахаренсомъ, расказчикомъ о Римскихъ деревняхъ и поэзіи Римской.

Успѣхъ Георгикъ рѣшилъ призваніе Делліа, если оно не было рѣшено прежде: онъ обратился къ поэзіи *дидактической* и *описательной*. Недавно слушалъ, какъ г-нъ Амперъ, по случаю дидактическихъ поэмъ Средняго Времени, остроумно излагалъ исторію сего рода поэзіи, я думалъ, о Деллий, и говорилъ самъ себѣ: какъ то, что въ его время казалось столь новымъ, не было новымъ на блюмѣ свѣтъ! У Гезіода, Лукреція, Виргилія (въ Георгикахъ) простота, философское величіе, живописная красота этой поэзіи. Но и дидактическая и описательная поэзія являютъ одно злоупотребленіе, одни пороки рода своего при его паденіи, когда исчезла изъ него поэтическая душа. Уже въ Александрии составили поэму о «Драгоценныхъ камняхъ,» и осмѣлились приписать ее Орфею; въ Латинской литературѣ, поэмы о рыбной ловлѣ и охотѣ, безконечныя описанія городовъ, рѣкъ, рыбъ, столь часто находимыя у Авзонія, не представляютъ уже ни сколько красотъ живописи, и тѣхъ высокихъ взглядовъ и мыслей, въ которыхъ заключалось главное вдохновеніе поэмъ

Дюкреция и Виргиния. Сколько потом написано поэмъ о животныхъ, птицахъ, каменьяхъ, *bestiaires*, *volucraires*, *lapidaires*, поэмъ о верховой ѣздѣ, объ игрѣ въ шахматы особенно, что такъ ловко обдѣлалъ въ свое время Делиль, не знал о своихъ предшественникахъ до Вильона! Въ XVI вѣкъ Дюбартасъ, въ XVII Лемуанъ и иезуиты работали по части, то дидактической, то описательной поэзи. Что безпрерывно дѣлалось въ углу, за кулисами вѣка Лудовика XIV, явилось на сцену въ XVIII вѣкъ. Делиль всю жизнь ничѣмъ болѣе не занимался, какъ только обрабатывалъ, лощилъ, точилъ, лакировалъ, перебиралъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ предметы этого рода поэзи, выработывая изъ нихъ, такъ сказать, мебели Лудовику XV и Лудовику XVI, каминныя, туалетныя украшения, пригодныя для будуаровъ для *Васетели*, *Женевильера* и *Триана*. Онъ промышлялъ игрушками энциклопедической эпохи: Лавуазье, Монгольфье, Бюффонъ, Добантонъ, Лалаандъ, Доломьё, и Богъ знаетъ сколько еще народу, они и ихъ знанія, были выпылены имъ изъ воску и поставлены въ гостинныхъ, вмѣсто куволь. Такъ шелъ онъ, не думал о своихъ предшественникахъ, по этому поприщу технической поэзи. Последний триумфъ этого рода созданий былъ и послѣднй большимъ трудомъ Делиля: это *Три царства природы*, поэма, которую можно назвать перенявкой въ стихи всякой велчнны, животныхъ, прозобейей, ископаемыхъ, физики, химии, и проч.

Всѣ средства пріятности, легкости, бездѣлья и дѣла (по не истиннаго искусства), какія только можно придумать въ семь родѣ, все употребилъ Делиль, и очарованіе, не смотря на множество сомнѣній, продолжалось до самой его смерти. Первая, цвѣтущая половина бытія Дельиэва, не забудьте, длилась съ 1770 до 1789 года. Тутъ было для него цѣлыхъ двадцать лѣтъ успѣховъ, благосклонности публики, наслажденій, и ко вкусу этого времени XVIII вѣка принадлежить собетвенно Делиль. Если съ 1800 по 1815 годъ властвовали онъ своею извѣстностью, и многочисленными творсвйими добавлялъ, такъ называемую, поэзію *Иатеріи*, то совсѣмъ не былъ онъ однако жъ поэтомъ сей эпохи. Многія изъ его твореній, изданныя съ 1800 года, были пачаты и написаны гораздо прежде; онъ читывалъ отрывки изъ нихъ въ Академіи, въ коллегіумѣ Франціи, въ гостинныхъ; умъ этого блестя-

щаго свѣта одушевилъ ихъ и дѣлалъ при рожденіи. И тотъ же умъ, этого большого свѣта вновь начавшагося погѣбурь, встрѣтилъ Делильвы стихи при ихъ изданіи, съ восторгомъ, которому, надобно сознаться, политическія отношенія придавали новую жизнь и новую юность. *Страстное* у Делиля прибавлялось болѣе и болѣе къ *техничкѣ*, и болѣе и болѣе находило сочувствія въ той части общества, которая сначала видѣла въ поэтѣ только забаву на часъ досуга.

Назначенный въ 1772 году въ Академію, вмѣстѣ съ Сюаромъ, Делиль, подобно ему, не былъ утверждёнъ, подъ предлогомъ, будто онъ еще *очень молодъ* (ему было тогда 34 года), но въ самомъ дѣлѣ потому, что его подозрѣвали въ энциклопедическѣ. *Делиль энциклопедистъ!*..... Но вскорѣ вознаградили его за обидное подозрѣніе, и въ 1774 году онъ былъ избранъ на мѣсто Ла-Кондаммина. Графъ д'Артуа, сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ ревностныхъ покровителей поэта, доставилъ ему званіе каноника Муассакскаго, въ Керси, и потомъ аббата Сень-Северенскаго, зависѣваго отъ генеральства Артуакаго. Счастливый, сколько дозволялось быть счастливымъ въ то блаженное время, поэтъ знаетъ только усладженія жизни, едва прерываемыя кое-когда эниграмматическими критиками, и то на розовыхъ листочкахъ. Современныя записки, переписка Гримма, недавно изданныя «Воспоминанія» г-жи Лебрёнъ, показываютъ намъ Делиля во всей живности, во всемъ добродушіи его проказъ. Г-жа Ле-Кутё Дю-молей, у которой провелъ онъ часть жизни своей, въ Мальмезонѣ, оставила намъ остроумный портретъ его: «Ничто не можетъ сравниться съ пріятностью Делильева ума, его огнемъ, веселостью, выходками и противорѣчїями самому себѣ. Читая его, думаете, что онъ запятъ преважными вещами, а видя его, покланяетесь, что онъ никогда объ нихъ и не думалъ. Это поочередно учитель и школьникъ. Ему нѣтъ дѣла почти ни до чего, что занимаетъ общество; маленькія событія мало его трогаютъ; онъ не заботится ни о чемъ, ни о комъ, даже о себѣ; часто, ничего не выдавши, ничего не слыжавши, онъ вмѣшивается кстати; за то часто говорить уморительныя нелѣпности, и всегда миль..... Его фигура — одна дѣвочка сказала объ немъ, что онъ весь согнутъ зигзакомъ — женщины никогда не замѣчаютъ, какова его фигура, и всегда замѣчаютъ что она выражаетъ. Онъ просто дурень,

но занимателенъ, даже увлекателенъ. Ротъ у него огромный, но за то онъ читаетъ этимъ ротомъ прелесть какіе стихи. Глаза его сѣроваты, немножко удублены, но онъ дѣлаетъ ими все что захочетъ; подвижность чертъ лица его такъ быстро придаетъ физиономіи его чувство благородства, шаловливости, что лицу его нѣкогда даже показаться безобразнымъ. Онъ занимается этимъ, но такъ, какъ всѣмъ тѣмъ, что странно и что можетъ заставить смѣяться. Потому заботливость его никогда не ладится съ приличіемъ: онъ во фракѣ является къ герцогинѣ, и скачетъ на охоту въ платьѣ аббата. Душѣ его только пятнадцать лѣтъ, и потому ее легко узнать; она ласкова, подвижна вдругъ на двадцать манеровъ, и между тѣмъ покойна. Она никогда не терлется въ будущемъ, и еще менѣе заботится о настоящемъ. Чувствительный до изнищества, чувствительный всегда, онъ можетъ попасться вамъ всячески, и вы никогда его не побѣдите. Вангъ разговоръ привлекаетъ его—пиратда, но онъ такъ же будетъ ласкать два часа свою лошадь, которую иногда вовсе забываетъ, и такъ же охотно готовъ бродить по лѣсу, гдѣ, если только ничего не бонгся, мечтаетъ о луиѣ, о травкѣ, или лучше сказать, о своихъ мечтахъ. Это поэтъ Платоновъ, созданіе высоекое, легкое и летучее....»

По крайней мѣрѣ, это былъ самый любезный болтуны и самый непринужденный гость. Его рвали, отнимали другъ у друга. Иногда похищали его на цѣлую недѣлю, и онъ повиновался. Говорили про аббата Галини, что это была необходимая мебель въ деревнѣ, въ дождливое время. Еще болѣе и всегда былъ такою мебелью Делиль. Г-жа Лебрѣнь, описавшая его намъ превосходно, говоритъ что въ Мальмезонѣ, у г-жи Молей, было положено, для большей свободы, гулять по саду, держа въ рукахъ вѣтку, если кто хотѣлъ гулять отдѣльно и не говорить съ другими. «Почти никогда не ходила я гулять безъ вѣтки,» прибавляетъ она, «но тотчасъ бросала ее, когда появлялся въ саду Делиль.»

Сама г-жа Лебрѣнь, съ ея гибкостью характера, живымъ вкусомъ къ живописи и обольстительнымъ колоритомъ, кажется мнѣ, была *въ-то-легкомъ* (une chose légère), довольно похожимъ на Делиля. Она все рисовала съ особенною пріятностью --- людей, водопада, съ натуры, изъ памяти, быстро, свѣжо, такъ какъ рисовалъ Делиль. «Мы поняли

сперва смотреть Тивольскіе водопады,» говоритъ она, «и такъ была я восхищена ими, что спутники мои не могли оторвать меня. Тотчасъ сняла я ихъ карандашами и пастелью, стараясь выразить прелестьную радугу, раскинутую надъ этимъ чуднымъ паденіемъ воды.» Эти слова — истинное изображеніе ея дарованія и дарованія поэта, друга ея. Все было писано у него пастелью, все блистало яркими цвѣтами, и все полилило.

Въ обществѣ Водрѣйля, Шуазель-Гуффея, Князя де-Линя, Герцога Браганцскаго, Буфалеровъ, Нарбонновъ, Сегуровъ, въ очаровательной бесѣдѣ, гдѣ никто не блисталъ болѣе его, Делиль думалъ, что любить деревню, и мечталъ объ ея описаніи. Въ залахъ было тогда такъ хорошо (говоритъ Виллементъ), что на природу иногда подходили посмотреть къ окопку, и то еще со стороны сада. Между тѣмъ въ Делиль былъ запасъ добродушія подъ вѣншию кокетливостью, и онъ не шутилъ въривъ своей любви къ полямъ, какъ Лафонтена можно было увѣрить, что онъ тонкій придворный челоувѣкъ. Гольбахъ разсказалъ Волнею анекдотъ, равно обрисовывающій Делиля и Дидеро, фигуры столь различныя. «Хвалили блаженство сельской жизни. Голова Дидеро разгорѣлась; онъ хотѣлъ ѣхать въ деревню, но — куда ѣхать? Тогда прибылъ въ Парижъ губернаторъ Мёдонскаго замка; онъ зналъ Дидеро, услышалъ объ его желаніи и предложилъ ему квартиру въ Мёдонскомъ замкѣ. Дидеро ѣдетъ смотреть, восхищается — только здѣсь можетъ онъ быть счастливымъ! Онъ вернулся въ городъ, и лѣто прошло — онъ не ѣздилъ въ Мёдонъ. Другое лѣто, и таже исторія. Въ Сентябрѣ встречается онъ Делиля, и тотъ говоритъ ему: «Я искалъ васъ, мой милый Дидеро! Я занятъ теперь поэмою, и хотѣлъ бы уединиться для работы. Г-жа Удето говорила мнѣ, что у васъ въ Мёдонѣ хорошенькія комнаты, не заняты вами. Отдайте ихъ мнѣ.» — Полно-те, мой милый аббатъ — отвѣчалъ Дидеро — у всѣхъ насъ есть какая нибудь мечта, которую ставимъ мы далеко отъ себя, и чуть протянемъ руку схватить ее, она отодвинется далѣе, а въ томъ-то и вся прелесть. Я не ѣду въ Мёдонъ, но безпрестанно говорю: «Завтра поѣду.» Не имѣй я возможности говорить: «завтра поѣду» — я несчастнѣйшій челоувѣкъ! — Думаю, что въ самомъ дѣлѣ, Делиль не зналъ бы что дѣлать, если бы Дидеро согласился на его пред-

ложеиe, и онъ скоро соскучился бы въ своемъ Мёдонскомъ уединенiи. Деревня всегда оставалась *конькомъ* Делиля, даже слъвной говаривалъ онъ объ ней, какъ о прелести жизни. Бернарденъ де Сент-Шерръ, въ письмъ къ женѣ своей, рассказываетъ, что Делиль съ однажды подлѣ него въ Институтъ. «Я нашелъ его такимъ любезнымъ, и такъ влюбленнымъ въ деревню, и онъ наговорилъ мнѣ столько приятныхъ вѣжливостей, что я предложилъ ему ѣхать въ наше Эрэнби.» — Послѣ множества отрывочныхъ чтенiй, въ Академии и на ужинахъ, поэма *Сады* была первымъ плодомъ Делилевой уточенной любви къ деревнѣ. Она явилась въ 1782 году, и безъ труда обратила на себя общее вниманiе, тогда столь подвижное.

Намъ немного можно сказать такого, что не было бы лучше насъ сказано современниками. Лагарпъ, прослушавши нѣсколько отрывковъ, напередъ говорилъ, что въ этомъ творенiи Делиля «идеи избиты, но подробности прелестны.» Издатель Литературнаго Ежегодника, всегда смягчавшiй свою ферулу для Делиля, сказалъ, что поэма его настоящiй Англiйскiй садъ. «Можно бы подумать,» продолжалъ онъ, «что эта поэма составлена изъ раздѣльныхъ отрывковъ, и связана въ одно вставочными мѣстами. Идеи набросаны тутъ безъ разбора, разбиты маленькими куплетцами и затиснуты въ окончательныя сентенци.» Умно было сказано еще: «Всѣ соглашались, что манеръ Делиля ни великъ, ни широкъ, и что часто онъ даже холоденъ и тяжелъ. Прелестъ кажется отличнымъ его характеромъ, но она, больше остроумная, нежели естественная,—прелестъ Буше. Часто умъ замѣняетъ у поэта чувство, и еще чаще вслѣпываетъ и ослабляетъ онъ чувство умомъ. Довольно перѣдко придаетъ онъ слогу своему изысканныя обороты, похожiе на ужимки кокетки. Другой значительный порокъ въ манерѣ Делиля — пустая вышность богатства и обилiя, когда въ самомъ дѣлѣ это только наборъ словъ и утомительный перечеъ дробей (*Année littéraire, 1782, письмо VIII.*)» Все это сказано вѣрно, и доказывается даже самымъ образомъ Делилева писанья. Когда явился онъ въ свѣтъ, думали только объ *отрывкахъ*, и все зависѣло отъ успѣховъ чтенiя. Делиль пошелъ прямо по такой дорожкѣ, и успѣлъ. «Онъ заботится о судьбѣ каждаго стиха, и забываетъ о поэмѣ,» говаривалъ Ривароль о Де-

лиль. Кончивши что нибудь описательное, какой нибудь отрывокъ, Делиль обыкновенно спрашивалъ: «Ну, куда же мы вставимъ это?» — Видите, что онъ не *создавалъ*, а *строилъ* поэмы какъ дома, и украшалъ и мебелировалъ ихъ, смотря по прихоти, или надобности.

Меркурій, посвятившiй *Садамъ* дружескiй разборъ, слѣдующими словами показываетъ намъ, каково было тогда настоящее положенiе автора въ свѣтъ: «Вотъ теперь случай критикъ отмстить за *облаги души*, въ какой введены они были прелестнымъ чтенiемъ автора. Делиль уважаетъ всѣ извѣстности, рукоплещетъ каждому дарованно, щадитъ самолюбiе всѣхъ — что за дѣло? Не щадите его, если можно, да, такъ и надобно: какъ онъ смѣетъ быть самымъ любезнымъ и самымъ любимымъ поэтомъ?» — Смирный и ласковый характеръ Делиля дѣлалъ его всегда чуждымъ раздора. Онъ не былъ энциклопедистомъ, но выдѣлся съ Дидеро, читалъ стихи свои подлѣ Русе, котораго сравнилъ съ нимъ на завтракахъ у аббата Морелье. Онъ не былъ ни Глуккистомъ, ни Пиччинистомъ, къ большому неудовольствию Мармонтеля говорившаго въ своей *Гармонии*:

L'abbé Delille avec son air enfant
Sera toujours du parti triomphant.

Делиль, съ своимъ невнимнымъ видомъ,
Всегда за тѣхъ, кто побѣдилъ....

«Делиль,» говоритъ Мишо, «достаточно опровергъ эту эпигramму во второй половинѣ своей жизни, принявши сторону побѣжденныхъ.»

Самоу знаменитою критикою на *Сады* была критика Риваролева — жалобы *капусты* и *рыбы*, забытыхъ аббатомъ-поэтомъ въ его описанiяхъ роскоши:

«Въ землѣ Латинской, рыба не составляла-ли твоего единственнаго скромнаго стола, пока твоя холодная и чопорная Муза не засѣла за ужины князей и откупщиковъ?... Пусть въ будуръ, на козьяхъ красавицы, воснищая своими надутыми стихами, шеголеватый аббатъ краснѣетъ за знакомство съ рыбой и капустой, и никогда не говоритъ объ нихъ! Его слогъ-горожанскъ прелестно рисуетъ деревню, и какъ же не такъ? Развѣ онъ не выдалъ горъ, нарисованныхъ на тонкихъ бумажкахъ, морей въ оперѣ и львовъ въ Лоншанѣ, и всѣ такiе великiе предметы неужели не можетъ онъ благородить своими писаниями? Станетъ ли онъ послѣ того сходитъ съ величественныхъ высотъ, и изощан-

скими именами беззлатья свои рюмы, отказываясь от мускуса парюмерскаго, предпочитала ему запах капусты, своей прежней питательницы! Довольно, если онь, бабочка съ аббатскимъ воротничкомъ и красиво прическою, распустивши по волъ Эола свою шапечку, слегка перелетает по розовымъ боскетамъ Пифоса. Прихотливая мода, кажется, остановила для него свои вертушки, и на быстрой колесницѣ, гдѣ блистаютъ наши Лансы, побидителемъ возсълъ врагъ капусты и ршпы, и ты, которые мѣняютъ Преняла на паяца, подносятъ ему лавры Виргили....»

Еще злѣе эпиграмма ходила тогда по рукамъ, и жестоко оскорбила, какъ говорятъ, бѣднаго поэта. Можете прочесть ее въ *Mémoires secrets* (23 Декабря 1782 года). Пиропъ подписался бы подъ нею свое имя, если бь былъ тогда въ живыхъ. Въ ней заключался, немного пересоленный, протестъ *бога садовъ*, противъ мшшурнаго поэта. Дюсисъ писалъ къ Томъ, возвращался изъ прогулки по горамъ Дофинскимъ, еще полный великими впечатлѣніями природы: «Поэма *Сады*, о которой говорите вы мнѣ съ такимъ чувствомъ, чувствомъ души, всегда добрымъ, ни сколько не возбудила во мнѣ подобныхъ ощущений.» Немного прежде, выходя изъ засѣданія Академіи, гдѣ Делиль читалъ отрывки, Дюсисъ писалъ: «Поговоримъ немножко о поэмѣ *Сады*. Чтеніе автора было прелестно — тутъ нельзя ошибиться. Что за совершенство стиховъ, что за обороты, какое блестящее исполненіе! Точно *маленькая собачка играетъ драгоценными камнями*....»

Такъ, если станемъ вглядываться, то увидимъ, что въ каждую эпоху, въ мнѣніи о современныхъ дарованіяхъ бывають сказаны и представлены заживо. Это забывается потомъ, и мы почитаемъ судьями только себя, думая, что современники соглашались въ единодушномъ удивленіи, чего никогда не бываетъ.

Если пожелають знать наше собственное мнѣніе о Садахъ Делиля, мы скажемъ, что за всѣми уступками въ слогъ и искусство поэтическомъ, мы любимъ эту поэму, одно изъ свѣжихъ украшеній конца XVIII вѣка. *Самитметалльность*, видимая въ ней мѣстами, была тѣмъ, чего тогда требовали — частицей *меланхолии*, какъ лекарства отъ излишнихъ наслажденій тогдашнихъ. Всегда съ наслажденіемъ прочтаете эпизодъ о молодомъ Потавери, возгласъ къ Воклюзу, и въ полномъ изданіи 1800 года, прелестное воззваніе

къ опустошеннымъ лѣсамъ Версаля. Согласимся, что тутъ нѣтъ ничего подобнаго словамъ Андрея Шенье, также воспѣвавшего Версаль и «три свода ея въковыхъ вѣзювъ»:

Les chars, les royales merveilles,
Des gardes les nocturnes veilles,
Tout a fui: des grandeurs tu n'est plus le sejour....

«Колесницы, царственные чудеса, стражи, охранявшіе тебя по ночамъ — все бѣжало: ты уже не мѣстопрѣбываніе величія!...»

Эпизоду Галезскаго старца нѣтъ цѣны подлѣ поэмы Садовъ, и элизей Новой Элонзы, съ его всегда свѣжею живописью, остается священною рошею, изъ которой Делиль набралъ только прививокъ для своихъ Садовъ.

Лафонтенъ, въ *le Songe de Vaux*, вводитъ и заставляетъ говорить *Гортезіа*, или бога садовъ, оспоривая достоинства *Палламиданы*, *Апелланпиръ* и *Каллиопен* (зодчества, живописи, поэзіи). Хотя этотъ отрывокъ принадлежитъ къ его первому, тяжелому манеру, но въ немъ находятся черты, какихъ никогда не зналъ Делиль. Таково, напримѣръ, то мѣсто, когда Гортезій, приведенный передъ судьей, не говоритъ еще, но судьи съ трудомъ могутъ сохранить безпристрастіе, «очарованные самымъ молчаніемъ его.» Въ своей *Психеѣ*, Лафонтенъ также описываетъ чудеса раждающей Версаля; стихи тутъ болѣе техническіе, но ихъ освѣщаетъ по временамъ неожиданный отблескъ души, котораго никогда не замѣтите сквозь остроуміе Делиля:

L'onde, malgré son poids, dans le plomb renfermée,
Sort avec un fracas qui marque son dépôt,
Et plait aux écoutans, plus il les étourdit.
Mille jets, dont la pluie alentour se partage,
Mouillent également l'imprudent et le sage....

Не смотря на критики, какимъ подвергались Сады, Делиль оставался самымъ блестящимъ, самымъ избалованнымъ изъ всѣхъ современныхъ поэтовъ. Онъ не издавалъ ничего новаго до революціи, но работалъ, все отрывками, надъ многими сочиненіями, которые напечатать одно за другимъ съ 1800 года. Шуазель-Гуффе съазать, или лучше сказать, похитилъ его съ собою на корабль, отправляясь посланникомъ въ Константинополь. Делиль посылалъ Аэины, и составилъ въ

сколько отрывков своей поэмы: *Воображение*, на берегахъ Византійскихъ. Письма его отсюда во Францію были общественнымъ событіемъ; острое слово о пиратахъ переходило изъ устъ въ уста. Зрѣніе поэта уже ослабвало. Блестящее солнце и близина Левантскихъ утесовъ причинили ему болѣе страданій, нежели наслажденій. По возвращеніи во Францію, онъ снова началъ жизнь полусидячую, полурасвященную, и только революція могла прервать ее.

Делиль смотрѣлъ на революцію съ такими чувствами, которыя легко понять. «Политика все погубила; въ Парижѣ не бесѣдуютъ болѣе,» писалъ онъ къ г-жѣ Лебрёнъ, бѣжавшей въ Римъ. Онъ не поѣхалъ изъ Франціи, беззащитный, вообще любимый, укрываясь подъ именемъ *Монтань-Делилья*, болѣе и болѣе привязываясь къ своей управительницѣ, которую сперва назвалъ своею племянницею, и на которой потомъ женился, хотя аббатъ Трессанъ говорилъ ему послѣ дурнаго пріема этою женщиною: «Если ужъ надобно выбирать племянницъ, такъ выбирать лучше.» Делиль безмолвно преклонялъ свою голову во время самыхъ бурныхъ годовъ. Онъ оставилъ свое аббатское званіе, и назвался гражданиномъ. Впрочемъ, вся эта эпоха его жизни довольно темна, и духъ партій, вмѣшавшійся потомъ въ ея разгадку, только затемнилъ ее болѣе. Роялисты кричали о смѣлости Делилья, не бѣжавшаго отъ тирановъ и палачей. Амаръ сравнивалъ его съ Вернетомъ, привязавшимъ себя къ мачтѣ корабля, чтобы лучше быть свидѣтелемъ буйства моря, и потомъ описать его. Кричали о *Диогорѣ-аббѣ на безсмертій души*, котораго требовали у Делилья при торжествѣ праздника въ честь Всевышняго Существа (*fête de l'Être Suprême*), и гдѣ въ самомъ дѣлѣ много стиховъ надобно было почитать сатирою. Тиссо, по мнѣнію моему, справедливо судилъ объ преувеличеніяхъ, какія придали дѣлу въ послѣдствіи. Досто-вѣрно, что Шометтъ покровительствовалъ Делилью, а всего болѣе покровительствовали ему правъ его, слава, драгоценная всѣмъ кометіумамъ, его дѣтскій видъ, его легкой характеръ --- это была мышка, играющая въ пещерѣ льва, болонка, прыгающая черезъ львиные когти. Поэтъ, наводившій подозрѣніе, способный подать знакъ тревоги, не уцѣлѣлъ бы тогда. Андрея Шенье не лзя было оставить въ живыхъ. «Чижики поютъ и въ клеткахъ,» сказала Делилью другой

Шенье. По крайней мѣрѣ, чижицекъ, порхалъ въ жилищахъ, дымившихся кровью прежнихъ хозяевъ, когда и заставляли его притомъ пить, этотъ чижицекъ, къ чести его, грустилъ и --- не пѣлъ.

Делиль оставилъ Парижъ послѣ 9-го Термидора, то есть, когда лучше бы ему было остаться, и однажды ухвативши, онъ казался, старался воротиться какъ можно позже, какъ будто по неволѣ, какъ будто противъ своего сердечнаго убѣжденія. Такая странность осталась неизясненною. Говорили въ шутку, что ошибка противъ грамматическихъ правилъ, замѣченная въ разговорѣ съ однимъ изъ членовъ комитета общественного благоденствія, заставила его воскликнуть: «Можно ли жить съ такими людьми!» и ухать. Разсказывали также забавно, что аббатъ Курнанъ, другъ его на то время, и потомъ безсовѣстно подшутившій надъ нимъ своимъ новымъ переводомъ *Георгикъ*, стоялъ въ караулѣ подлѣ Тюле-ри, увидѣлъ Делилья, спокойно гуляющаго, не смотря на до-мовой арестъ, на него наложенный, показалъ видъ, что во имя закона хочетъ отвести его домой, и этимъ такъ напугалъ его, что Делиль началъ смертельно бояться національной гвардіи и аббата Курнана, и спѣшилъ ухать. Делиль былъ еще на публичномъ праздникѣ кометіума Франціи, 1-го Фримера 3-го года, и читалъ стихи, а 15-го Вантоза его присутствіе въ нормальной школѣ было приветствуюемо рукоплесканіями. Думали, что преимущество, отданное поэту Леблану при раздачѣ національныхъ наградъ (17-го Флореаля 3-го года), разсердило Делилья и заставило ухать. Можетъ быть, его управительница, совершенно имъ овладѣвшая, не допускала его къ побѣгу, пока онъ на ней не женился. Можетъ быть, полагалъ революцію оконченною, по крайней мѣрѣ, идущею къ концу, онъ хотѣлъ бѣствомъ своимъ поладить съ будущимъ, вѣря, что все прійдетъ въ прежній порядокъ. Какъ бы то ни было, но когда старался узнать причины удаленія Делилья и уговаривали его воротиться въ Парижъ, онъ спрашивалъ: «А аббатъ Курнанъ еще тамъ?» Такъ любилъ онъ отпучиваться на важные вопросы, и даже когда сложили званіе аббата и женился, то говорить шутилъ: «вѣдь я и въ аббаты-то поставленъ былъ епископомъ Нойонскимъ, а вы знаете, что онъ всегда шалитъ.»

Но изъ своего добровольнаго изгнанія, Делиль выпесъ чув-

ства, сильнѣйшія его обыкновенныхъ чувствъ, и право выражать вдохновеніе, котораго прежде въ немъ не знали. Прямое религиозное чувство никогда не сдѣлалось его удѣломъ; восторгъ, почерпнутый въ зрѣлищъ природы, былъ у него только мнимый и ошибочный. Делиль не зналъ любви, не зналъ и страстей сердца. Но крайней мѣрѣ, ничего похожаго не находимъ въ дроби его кокетствъ и шалостей большаго свѣта. Но отъ общественныхъ сотрясеній, отъ впечатлѣній, какія оставили они на его сердце, истинное вдохновеніе явилось къ нему: онъ сдѣлался пѣвцомъ *прошедшаго*, пѣвцомъ царственныхъ скорбей, поэтомъ несчастій и состраданія. Слезы, оросившія остальную половину его жизни, придали его политической извѣстности характеръ важный и трогательный, который съ восторгомъ видѣло возрождавшееся во Франціи общество, увѣнчивая хвалою старость поэта.

Изъ Сень-Деза, въ области Вожской, отчизны жены своей, куда сперва удалился Делиль, и гдѣ кончилъ свой переводъ Эпеды, отправился онъ въ Базель. Здѣсь былъ онъ самовидцемъ бомбардированія Гюннингена, и описалъ дѣйствіе бомбы, говоря:

И изъ горящихъ пѣдръ, хлопочущая бомба, и проч.

Живши въ мѣстечкѣ Глерессъ, одолженъ онъ прогулкѣ на островъ Св. Петра былъ эпизодомъ о Жанъ-Жакѣ, въ поэмѣ *Воображеніе*. Такъ на каждомъ шагѣ писалъ онъ, и вклеивалъ новыя вдохновенія въ заготовленные прежде рамы. Изъ Швейцаріи проѣхалъ Делиль ко двору Герцога Брауншвейгскаго, гдѣ обработалъ свою поэму: «*Состраданіе*.» Въ Гамбургѣ встрѣтилъ онъ Ривароля, и помирился съ нимъ. Они наговорили другъ другу множество милаго. Это было открытый бой остроумія, и конечно, въ четверть часа было сказано больше острыхъ словъ, нежели наговорили ихъ жители Гамбурга съ самаго начала своего Ганзеатическаго Союза.

Отличительною чертою Делилева характера и честью его дарованія было забвеніе всякой злости и нападковъ. Говорилъ о Фреронѣ, въ своемъ *Переселеніи души*, Лебрѣнъ сказалъ: «Онъ нападалъ на шегола Деліля, который, раздумлившись, выдалъ себя за Виргилія, и такъ опиравъ свой гладкій и тщедушный стихокъ, что Виргилій, изъ великаго человека, сдѣлался смазливѣмъ человѣч-

комъ. Закрывая себя небывальми прелестями, величественный авторъ сладенькихъ Георгикъ, слишкомъ переумничалъ и нагаль на себя успѣхи, отъ какихъ, да сохранить насъ Провидѣніе!»

Въ другой, позднѣйшей эпиграммѣ, Лебрѣнъ смягчился, и согласился, что, кромѣ Мармонтеля, Сень-Ламбера и Лемьера, «Делиль былъ лучшій изъ *академическихъ* поэтовъ» ---

Des poètes académiques
Delille est encore le meilleur.

Наконецъ, въ послѣдующихъ эпиграммахъ, Лебрѣнъ является совершенно укрощеннымъ, и имя Деліля возносить похвалами. Такъ Марію Іосефъ Шенье, въ своемъ посланіи къ возвратившемуся поэту, является злымъ насмѣшникомъ, говоря: «Ты грядешь, и Парижъ встрѣчаетъ тебя, торгашъ, стихами, нѣкогда поэтъ, аббатъ, лакей, старая кокетка,» потомъ измѣнилъ рѣчь, и въ своей «Картинѣ Литературы» отдалъ Делілю похвалы по совѣсти и справедливости.

Пока Делиль ѣздилъ по Германіи, и потомъ переправился въ Англію, во Франціи ждали отъ него и объ немъ извѣстій съ жадностью, и этому свидѣтелями всѣ тогдашніе журналы. Первый порывъ пробужденнаго литературнаго вниманія обратился къ Делілю. Лалаандъ помѣстилъ въ *Декадѣ* небольшое извѣстіе о его путешествіяхъ и поэмахъ, начатыхъ и оконченныхъ. Изъ *Нильскаго Меркурія* Виландова перевели статью Беттинера о поэтѣ, слава котораго возрастала непрерывно въ отдаленіи. Національный Институтъ три раза просилъ Деліля возвратиться, и только черезъ три года ожиданія, не получая отвѣта, замѣстивъ его другимъ въ отдаленіи поэзіи. Наконецъ, въ Лондонѣ, гдѣ въ 18 мѣсяцевъ перевелъ онъ «Потерянный Рай», Делиль напечаталъ второе изданіе *Садовъ* и *Жителя поляей* (1800 г.), затгнувшееся печатаньемъ три года. --- Тогда-же издали собраніе мелкихъ шестъ и отрывковъ Деліля; Мишо прибавилъ біографическія извѣстія, потому что публика хотѣла знать жизнь поэта. Выписки Фонтана въ *Меркурій* и Женене въ *Декаду* изъ Жителя поляей, были тутъ напечатаны, и безъ того почтительныя и умѣренные замѣчанія Женене были отдѣльно опровергнуты. Словомъ, Делиль явился во Франціи съ неопровергаемою еще при жизни славою, и воцарился надъ своими современниками.

Его владычество не обходилось, правда, без разных нападений, походивших, в маломъ видѣ, на тогдашніе заговоры противъ Наполеона. Среди кликовъ друзей, явилась брошюрка: «*Классическія и литературныя заливанія на Французскія Георгіи, сочиненіе профессора Иллиной Словесности*». Тутъ было сказано: «Какъ перемѣнитъ мнѣніе о такомъ созданиіи, которое еще до изданія удостоилось апотеоза? Но авторъ утверждаетъ, что въ 2642 Делиевыхъ стихахъ найдется:

643 повторенія,
558 антитезъ,
498 стиховъ симметрическихъ,
294 --- надутыхъ,
164 --- Леонинскихъ,

Всего 2157.

Въ началъ брошюрки была приложена картинка, по рисунку одного изъ учениковъ Давида: поэтъ, въ костюмѣ аббата, обернувшись спиной къ Природѣ, идетъ съ лорнетомъ въ храмъ Безвкусія. Палцы подають ему гремушки и бѣнки. Котъ его находится подлѣ. Зонтикомъ закрывается поэтъ, а вверху видны стихи изъ «Жителя полей»:

Majestueux Eté, pardonne à mon silence!
J'admire ton éclat, mais crains ta violence.

Эмиль Дешанъ, въ своемъ остроумномъ предисловіи къ «Изученіямъ Словесности Французской и иностранной», и въ мы, наследники насмѣшекъ надъ Делиемъ, пришли слишкомъ поздно, и лучше этого ничего не выдумаемъ.

Делиль возвратился во Францію въ 1802 году. Тогда печаталась его поэма: «*Состраданіе*». Появленіе этой поэмы было политическимъ явленіемъ. Отсутствующій, смѣлый издатель, Делиль рѣшился вызывать влстителей Европы на мщеніе за смерть Лудовика. Это было тогда не совсѣмъ ко времени. Но Делиль настоялъ, чтобы эти именно стихи остались; въ Парижѣ согласился онъ однако жъ на исключеніе ихъ. Одинъ пріятель Делиля замѣнилъ ихъ своими, принявши на себя обязанность увѣрять всѣхъ, будто поступилъ противъ воли поэта. Но и за всѣмъ тѣмъ, «Состраданіе» показалось твореніемъ слишкомъ роялистскимъ и Бурбонскимъ. Въ

письмахъ Фьеве къ Наполеону можно видѣть, какое негодованіе Консула возбудилъ успѣхъ поэмы. Каріонъ-Низасъ, поспѣшилъ съ брошюркой: «*Пять состраданій къ Состраданію!*» Онъ увѣрялъ, что во всей поэмѣ только шесть стиховъ хороши, указывая на замѣненную чужими полудюжиною стиховъ. Съ этого времени посыпались изъ португелей Делилевыхъ заготовленныя поэмы: въ 1804 году издана *Энеида*; въ 1805 г. изданъ *Потерянный Рай*; въ 1806 г. издано *Воображеніе*; въ 1809 г. напечатаны *Три царства природы*; въ 1812 г. *Бесѣда* (la Conversation). Все это копилось уже 20 лѣтъ; притомъ Делиль, слѣпой, почти нигуда не выходилъ, и подъ опекою жены своей риемовала безъ всякой милости.

Исключая последнюю поэму, все изданное тогда Делилемъ имѣло самый полный успѣхъ, и по продажѣ и по чтенію, такой успѣхъ, что объ немъ любопытно вспомнить. Первое изданіе каждой Делиевой книги печаталось въ числѣ 20,000 экземпляровъ. *Энеида*, не въ примѣръ, напечатана въ числѣ 50,000. Ее купили у переводчика на первое изданіе за 40,000 франковъ --- но тогдашнему, весьма важная сумма. И впрочемъ, вспомните, что это были два томика, раздутые примѣчаніями. Въ деревняхъ, въ семействахъ, въ городахъ, въ школахъ, вездѣ наводнено было Делилемъ. Подъ легкой и красивой формой, въ немъ находили все, что надобно было выучить или вспомнить: классическія воспомнанія, мечты учителя, эпизоды, трогательно романтическія, историческія имена, несчастія, славы, сдѣлавшіяся народными, описанія игръ, общественныхъ, физическихъ опытовъ, замѣтки анекдотическія и ученые, составившія родъ энциклопедій вокругъ поэмы, и дававшія читателю средство все знать не учась. Я помню, что въ осеннія вакаціи приносить бывало намъ въ залу, то игру *Solitaire*, то органъ съ новыми валіками, иногда микроскопъ, смотреть насъкомыхъ, либо картинки. Томикъ Делиля на каминѣ. Поглядѣвши насъкомаго, мы беремся бывало за поэта, читаемъ эпизодъ Пелиссонова паука, перевортываемъ нѣсколько страницъ --- вотъ портретъ Ж. Ж. Руссо:

Увы! онъ ихъ узналъ, тѣ странныя мечты,
Писатель, коего попеременно звуки,
То выражали умъ, то сердца страсти муки....

О! какъ при этомъ чтеніи возрастало общее умиленіе, какъ любили поэта, и того, кого описалъ онъ въ стихахъ столь близкихъ. Видный, чувствительный Жанъ-Жакъ дѣлалъ предметомъ разговора на цѣлый часъ. Развѣ кто нибудь случайно раскрывалъ лежавшія подъ «Три царства Природы,» попадавъ на описаніе игры мячемъ --- начинали играть въ мячъ, и вниманіе развлекалось....

И теперь еще, говорю, право, не шутя, въ деревнѣ, въ дождливое время, осенью передъ каминомъ, вамъ приходитъ на мысль прочитать, напримѣръ, le Coïn du feu у Делиля. Вы читаете --- оно такъ остроумно, такъ трогательно, что вы сами дивитесь, какъ можно быть строгимъ къ усладительному поэту; перечитываете страницу, и говорите: Son génie est là!

Не стану отдѣльно разбирать ни одной изъ книгъ Делиля, изданныхъ съ 1800 года: это значило-бы повторять прежнія критики и прежнія похвалы, да и печего мнѣ сказать послѣ говореннаго современниками. Женгене судилъ «Жителя поля», съ какою-то смѣшью строгости и снисхожденія, дѣлающею честь уму его и критикъ его времени. Жоффруа, однихъ мнѣній съ Делилемъ по политикѣ, явился гораздо строже въ новомъ *Année littéraire* своею, и паднулъ любезнаго поэта меньше, нежели старинный Фрероновъ «Ежегодникъ.» Фонтанъ, хоть другъ поэта и защитникъ поэмы, прикрылъ горькую критику широкою похвалою, но повторилъ почти все, что сказалъ Женгене, который жестоко попалъ на переводъ Энеиды въ *Декадѣ*. Тутъ не было гоизады ни какимъ недостаткамъ этого слабаго перевода. Находя безмыслицу въ описаніи бури подъ Сицилійскихъ береговъ --- «какова Анти-Виргиліева голова,» говорилъ Женгене, «въ которой тридцать лѣтъ обдумывался переводъ Энеиды, и у которой во второй сотѣ стиховъ проскочила такая пошлая нелѣпность!» --- Друзья Делиля укрывались за отрывки, гдѣ дивились заслугъ побѣжденныхъ трудностей, прятались за эпизодъ Эптема и Дареса, и особенно хвастали описаніемъ *игръ*. Вскорѣ *Декада* прекратилась; философская партія потеряла свой голосъ въ критикѣ, и свободное поле оставалось однимъ похваламъ. Хвалы торжествующихъ друзей Делиля были однако жъ порядочными критиками, и поэта прямо осуждали за отсутствіе чѣлости поэмы, склеенныхъ изъ клочковъ разнаго рода. «Осмѣиваюсь думать,» писалъ Фелетцъ, чуть не наканунѣ

смерти Делиля, «что онъ болѣе *умный человекъ*, нежели *великій поэтъ*.» Позволяя себѣ меньше оговорокъ, мы ничего не скажемъ болѣе; но намъ надобно здѣсь опереться на важное обстоятельство, относительно всѣхъ произведеній и общности дарованія Делилева: мы упрекнемъ его въ томъ, что у него вовсе не было ни искусства, ни слога стихотворнаго.

У Расина и Буало было то и другое въ высокой степени, хотя нѣлегко различить въ нихъ слогъ и искусство отъ самыхъ идей, когда еще онѣ прикрыты изяществомъ простаго выраженія, близкаго къ превосходной прозѣ. Это заставило ошибаться послѣдователей, думавшихъ, что они принадлежать къ школѣ Буало и Расина, и не видѣвшихъ, что имъ неизвѣстна тайна учителей, и что они суть, или неправые прозанки, или надутые поэты. Невѣроятный трудъ и ловкость употреблены Буало, чтобы возвысить свой стихъ, часто не заключавшій ничего кромѣ простой идеи здраваго смысла, и держать его надъ прозою, но не оскорбляя вкуса. Звучное слово, нѣсколько новое значеніе его, понятный изворотъ, множество мелкихъ тайнъ, исчезнувшихъ для насъ въ стихахъ, сдѣлавшихся пословицами, но бывшихъ разительною новостью въ свое время, служили Буало къ составленію его слога. Сказать:

De Styx et d'Achéron peindre les noirs torrens,

не казалось ему то же, что поставить: *Du Styx, dell'Acheron*, и онъ былъ правъ. Словомъ: Буало дополнилъ учеными средствами, потомъ забытыми, рѣдкое употребленіе имъ, и въ его время вообще, метафоръ и образовъ. Стихъ его, соеѣдъ прозѣ, но для Расина и для него столь отличный отъ прозы, уподобляясь, если смѣю такъ сказать, Голландской плотинѣ, по видимому, залптой моремъ, но между тѣмъ незатопляемой имъ. XVIII вѣкъ объ этомъ не подумалъ. Даже укорили Буало въ грамматическихъ ошибкахъ, когда онъ у него необходимость, или поэтическое расположеніе стиха. Согласенъ, что слогъ Расина и Буало надобно было уравнивать послѣ ихъ, для продолженія его истиннаго бытія. Для поэзии этого слога, когда проза съ Руссо и Бюффономъ возвысилась, надлежало измѣнить ладъ (ton) и повѣсить средства стихосложенія. Не сомнѣваюсь, что Буало, возродясь въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлалъ-бы такъ, и былъ бы основнымъ пороводителемъ въ поэтическомъ слогѣ, какимъ былъ въ свое время. Делиль ничѣмъ подобнымъ не

быть. Онъ не понималъ даже, о какомъ подвѣненіи шло дѣло. Вещественныя уравненія, внесенныя имъ въ стихотворство, его перерывы и перерѣзы стиха, были шалости безъ всякихъ оснований, не воспрепятствовавшія упадку его александрийскаго метра. Слога новаго, могущественно созданнаго, у Делля не было. Единственнымъ направленіемъ его было и осталось неопредѣленное чувство мелодіи и щегольства, и перо Делля легко скользило по этому направленію. Отъ знакомства съ Древними не получили онъ чувства величественнаго, и какъ-бы религіознаго выраженія, этого покрывала Минервы, гдѣ каждая точка, до которой касалась игла Музы, сушила необходимость.

Делля сравнивали съ Овидіемъ. «Ученый» и «изящный» творецъ *Превращеній*, какъ не побоялся назвать его де-Местръ, выше Делля изобретеніемъ и идеєю. Но по многимъ частямъ и дробямъ сходство точно есть. Овидій, напримѣръ, дошелъ до того, что Латинскіе дистихи склеивалъ только попарно, когда прежде, особливо у поэтовъ древнѣйшихъ, какъ-то Катувль, поэтическая фраза свободно развивалась черезъ двустипхіи. Делль и его школа то же дѣлали, связывая попарно стихи александрийскіе.

Различіе между Катувлюмъ и Овидіемъ осталось почти такое же, какое находимъ между А. Шенье и Деллемъ. У Овидія умъ, обиліе, красивый стихъ, красивая идея, но — проза и пусторѣчіе. Никогда, напримѣръ, не прійдетъ ему вдохновеніе окончить поэму, какъ кончить Катувль свое посланіе къ *Горталу*, этимъ образомъ, этимъ поэтическимъ стихомъ, неожиданнымъ оборотомъ, столь очерченнымъ, столь прелестнымъ, столь частымъ у А. Шенье—забывчивостію предшедшаго въ быстромъ, заключительномъ очеркѣ, заставляющемъ думать:

Hinc manat tristis conscius ore rubor.

Никогда А. Шенье не вздумалось бы наименовать первую пьесу поэмы «Воображеніе» — *Человѣкъ въ отношеніи умственному...*

Делль, по превосходству, былъ прелгатель въ стихи. Все, что могло войти въ стихъ, казалось ему законною добычею. Даже чужіе стихи, готовые, ловилъ онъ безсовѣстно и вста-

вила въ свои поэмы. Онъ бралъ въ Георгіки стихи Сегре и Мартена. Клеманъ это доказалъ. У Аббата Дюренеля взято Деллемъ много прекрасныхъ стиховъ въ «Жителя полей», какъ-то:

Quels qu'ils soient, aux objets conformez votre ton, и проз.

У Лудовика Расина много похищено въ «Потерянный Рай.» Иногда послѣ чтенія Делль говаривалъ: «*Ну! тутъ нечего взять!*» Но проза особливо, проза была для Делля неистощимой добычею: это былъ настоящій аббатъ-феодалъ, бѣда всякому прозаику! Свѣпой, не какъ Гомеръ и Мильтонъ, но какъ Ламоттъ, Делль молотъ въ стихи прозу друзей, подобно тому, какъ Ламоттъ передѣлывалъ стихи своихъ пріятелей въ прозу. Разъ какъ-то читала онъ Паресвалю-Граммезиону отрывокъ. Идея принадлежала Бернарденъ де-Сенъ-Пьеру. Паресвалъ замѣтилъ это. «Нужды нѣтъ!» отвѣчалъ Делль — «что сказано въ прозѣ, то еще не сказано.» Опасательные ученики Делля наслѣдовали у него такую привычку ловить чужое, эту страсть къ грабежу, и Шатобрианъ очень мило рассказываетъ, что Шендолье перерисовывалъ весь его лѣса и бури. «Оставь мнѣ хоть мои облака!» говорилъ ему Шатобрианъ.

Мелкія стихотворенія Делля не представляютъ ничего похожаго на мелкія пьесы Древнихъ, изъ которыхъ столь многія означены печатию особенной красоты. Это пріятныя мадригалы, легкія, остроумныя бездѣлки, ни сколько не подходящія къ живымъ, шаловливымъ бездѣлкамъ въ этомъ родѣ Вольтера. Можно вспомнить, напримѣръ, о милыхъ стишкахъ Делля двѣнцъ Б***, восьми-дневному дитяти, въ 1769 году, но знаете ли, что это перерисовано изъ вѣстной всѣмъ прозы Ж. Ж. Руссо? Барбье, въ своемъ *Examen critique des Dictionnaires historiques*, говоритъ, что Ремаръ, никогда книгопродавецъ, потомъ бібліотекаръ въ Фонтенбло, передалъ ему огромный реестръ безчисленныхъ присвоеній Делля. Любопытно было бы видѣть эту фактуру складнаго магазина поэзи словъ и мыслей.

Только одинъ разъ Делль встрѣтился съ Наполеономъ (въ 1803 году), былъ облаканъ имъ, и отвѣчалъ, какъ уваритъ, колкостью. Кажется, слишкомъ много поговорили по-

томъ о героизмѣ Деллѣ. Окруженный людьми, не любившими Наполеона, онъ не искалъ у него милостей и не выдалъ ихъ. Жена, которой Делль покорился совершенно, находила въ томъ свои выгоды. Она торговала книгами мужа, и продавала его дарованіе, нередко унижала даже тѣмъ старика-поэта. Его нанимали читать въ Лицеѣ стихи, какъ пѣвчихъ занимаютъ пѣть на вечеръ, и платили ему за чтеніе по 10 луддоровъ. Но очарованіе славы заглаживало все. Ожидаемый толпою, возвыщенный афшикою, въ коллегіумъ, въ академіи, Делль былъ встрѣчаемъ съ шумомъ и съ пяскомъ; его слушали со слезами; несли въ креслахъ, на рукахъ, при общихъ восклицаніяхъ. Это бывало похоже на торжество Вольтера послѣ *Ирснѣ*, и Делль оставался несправимою кокеткою, не смотря на свои морщины. Критикъ уже не печаталъ. *Энциклопедія* и *Воображенію* присудили единодушно первенство при десятилѣтнихъ раздачахъ наградъ. Когда, въ 1809 году, Волье-ле-Дюкъ осмѣлился косвенно намекнуть о Деллѣ несовсѣмъ благоприятно, такое дѣло почтено было почти преступленіемъ литературнымъ!

Делль умеръ отъ апоплексическаго удара, въ ночь съ 1 на 2-е Мал 1813 года. Нѣсколько дней, тѣло его стояло на парадной кровати во Французскомъ коллегіумъ, съ лицомъ немного подкрашеннымъ и съ завровымъ выномъ на головѣ. Похороны Бессіера, бывшія въ то же время, превзошли великолѣпнѣмъ Делльевы.

Все измѣнилось потомъ. Величайшее паденіе слѣдовало за величайшимъ торжествомъ. Теперь, мы, безпристрастные наблюдатели, уступая Деллю его настоящее мѣсто, осмѣливаемся говорить: «Нѣтъ! мы не ошиблись. Въ эпоху Деллѣ существовала только поэзія разурмяннаго многословія — она не была поэзіею ни ума, ни сердца. Новѣйшіе опыты нашей поэзіи были попытки истинной поэзіи, и современники наши еще не выразили ея своими твореніями; оно *понимаютъ* ее: она горитъ въ ихъ сердцахъ и душахъ, и искусство сдѣлало безмѣрный шагъ послѣ того, кто въ началѣ нашего вѣка считался *княземъ* поэтовъ и — *поэтомъ!*»

СЕНТЪ-ВЕРЪ.

ОПИСАНІЕ РИМА,

СОСТАВЛЕННОЕ РУССКИМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОМЪ, ВЪ КОНЦѢ XVII ВѢКА.

ГЛАВА I.

О ГРАДѢ РИМѢ, О КОСТЕЛАХЪ ВЪ РИМѢ СДѢИХЪ, НАЧАЛМЪВѢИИХЪ, КОТОРЫЕ СУТЬ ЧИСЛОМЪ СЕДМЪ; О АКАДЕМІАХЪ, ДВѢЦАХЪ, ОТРОКОВИЦАХЪ, ЖЕНАХЪ, О ЮНОШАХЪ РИМСКИХЪ, ВРАТАХЪ ГРАДА РИМА, МОСТАХЪ, ПРАВАХЪ КАКІЕ РИМЛЯНЕ ИМѢЮТЪ, И О ИНОМЪ ВРАТЦѢ.

Римъ градъ древнѣйшій, пространнѣй, пребогатѣй, поставленъ на седми холмахъ; отъ моря отстоитъ двѣнадцатю мильми Италинскихъ. Весь Римъ стѣлою каменною огражденъ; едва третія часть его осталась противъ древняго Рима; основанъ отъ Ромула и Рема братій, которые прежде сего въ томъ мѣсть, гдѣ нынѣ Римъ есть, были пастухи скота, которыхъ воспитала (какъ простая пословица носится) волчица, звѣрь, или, какъ иные говорятъ, волчица названа была жена-мамка, а не звѣрь волчица, но мощно вѣрнѣе, что волчица звѣрь вскормила Ромула и Рема, создателей Рима, потому что весь Римляне имѣютъ обычаи волчьихъ и больше причастницы суть звѣрству, нежели челоучеству. Посреди града Рима течетъ одна рѣка, которая называется *Тиверисъ*, отъ города Перужа даже до моря. А море отъ города Рима отстоитъ двѣнадцатю мильми, а вратъ наипаче девять, чрезъ сію Тиверисъ рѣку, которая течетъ посреди города. Изъ моря и изъ разныхъ мѣсть и странъ кораблями многіе и богатые товары приходятъ въ Римъ къ одному мѣсту, которое называется *Риппа*, недалеко отъ Святаго Апостола Варооломея, хлѣбъ всякій, вино разное, разные ароматы, или пріятные коренья и древа, которыя суть злыо немноги во владѣніи панежскомъ, соль, овощи рѣзные и иные многе, для Папы и двора его, для Кардиналовъ и Князей

Римскихъ, мархіоновъ, бароновъ, и иныхъ въ Римѣ пребывающихъ, и четырехъ великихъ пословъ, которые должны суть пребывать въ Римѣ, покаместъ похотятъ Государя ихъ, отъ которыхъ суть посланы, и Папа. Первый великій посолъ Цесаря Римскаго, второй Короля Французскаго, третій Короля Гишпанскаго, четвертый Речи Посполитой, Венецкой а иные не велики, и не имѣютъ толкаго почтенія и поваги, какъ сии четыре преждедеченные послы; сии всѣ четыре послы преждедеченные съ помпою гордо възжаютъ въ Римѣ, и живутъ въ великихъ и славныхъ палатахъ; великій изъ нихъ долженъ есть и повиненъ по сту дворянъ, кавалеровъ, при себѣ держать, для великолѣпія и красоты той речи посольства, отъ которой присланъ. Кареты изрядныя, позлащенные, красовито сдѣланныя, по шести, семи, по десяти, или по двѣнадцати должны суть держати, а когда который изъ нихъ долженъ есть принти къ Папѣ, тогда звонить въ малый колоколецъ въ той палатѣ, изъ которой оцъ долженъ принти къ Папѣ; шестью коньми, въ каретѣ славной, позолоченой, къ Папѣ для аудіенцій ѣздить, и иные двѣ кареты предъ ними ѣдутъ, и ни Кардиналамъ, ни князьямъ Римскимъ шестью коньми неволью есть ѣздить, хотя жъ и они позолоченыя кареты имѣютъ, кромѣ развѣ въ Римѣ, и то съ позволеніемъ Папнымъ. Всѣ преждедеченные послы пріступъ и аудіенцію съ превеликою трудностію у Папы имѣютъ, а когда коего посла Папа къ себѣ призываетъ, тотчасъ во мгновени ока долженъ прійти къ Папѣ. Преждедеченные четыре послы истинныя свои привеленія въ Римѣ имѣютъ, которыхъ ни Кардиналы и ни какіе князья Римскіе не имѣютъ, ибо если который изъ Римлянъ, послѣ какія великія бѣды, уйдетъ въ ту палату, въ которой живетъ кой посолъ изъ тѣхъ четырехъ, тогда никто изъ жолнеровъ его не смѣетъ поймать изъ палаты, безъ указа Папша, ниже жолнеры смѣютъ войти въ нхъ палаты, въ которыхъ преждедеченные четыре посла живутъ.

Жену свою въ Римѣ, наипаче и во всемъ владычій папескомъ, никому мужу, какого ни будь чину былъ бы, неволью есть бити и наказывать, чтобы имѣла какіе знаки побой, а если кто изъ мужей побьетъ свою жену, хотя въ дѣлѣ пацлась бы по грѣху, тогда если та жена битая отъ своего мужа пойдетъ въ приказъ и судъ, или къ губерна-

тору Римскому, которой всегда бываетъ Кардиналъ, говоря и оказавъ знаки побой отъ своего мужа: «вотъ меня мужъ мой билъ, худо меня держитъ, худо меня ѣмаетъ; и хочу такъ жить, такъ какъ мол природа жемаетъ,» и тогда судил, или губернаторъ Рима, учинивъ розыскъ, посылаетъ мужа на каторги, на семь лѣтъ.

Сей законъ есть въ Римѣ о женахъ, и ни какія жены никому не вольно есть бити въ Римѣ.

Каждая дѣвица, отроковица, жена, наипаче и молодые Римляне своею волею могутъ жить въ Римѣ, и не могутъ наказаны быть отъ родителей своихъ, для чего такъ, или не такъ живутъ, покаместъ разбоя, воровства, убійствъ не учиняютъ, и не говорятъ противъ вѣры Римскія и противъ Папы.

Пріступъ легкій къ Кардиналамъ и князьямъ, протопопамъ, и инымъ, по своей волѣ всѣ жены имѣютъ, а мужья съ трудностию.

Всякъ можетъ съ дѣвицею, или съ отроковицею, или съ женою чужею или со вдовою, безопасно, безъ страха и наказанія въ Римѣ ходить, и никогда никто не молвить, для чего сіе дѣлаешь, для чего съ дѣвицею, отроковицею, женою чужею или со вдовою ходишь.

Всѣ жены Римскія одежду пышную и гордую имѣютъ; ходятъ въ ноци и въ день, какъ хотятъ, по всѣмъ улицамъ, или съ мужьями, или одиѣ, такъ же въ корчмы ходятъ.

Мосты въ Римѣ суть три, четвертый посреди проломленъ, пятый за Римомъ на рѣкѣ Тиверѣ.

Первый мостъ называется *Святого Ангела*, идучи къ Святому Петру, въ Ватиканъ и въ замокъ Святого Ангела, которой весь есть изъ бѣлаго мрамора, кромѣ столповъ, на которыхъ стоитъ. На томъ мосту суть фигуры изъ бѣлаго мрамора вырзаны, божественнаго Петра и Павла Апостоловъ, съ страстію Исуса Христа, которую Ангелы, изъ бѣлаго мрамора вырзаные, объявляютъ.

Второй мостъ *Сикста Пятаго*, Папы Римскаго, который отъ него созданъ есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ есть нынѣ. Римляне иные переваживались судномъ чрезъ Тиверъ; прішель Сикстъ, еще не бывъ Папою, но законникомъ Францисканомъ, чтобы перевестися судномъ чрезъ Тиверъ, и какъ перевезлась, и не имѣлъ чѣмъ заплатить, то взяли у пе-

го молитвенникъ книжцу. А какъ Сиксть учинень Папоу, указалъ призвать къ себѣ того, который суденкомъ переваживалъ чрезъ Тиверь рѣку людей, и молвилъ ему: «Для чего ты не хотѣлъ меня даромъ чрезъ Тиверь рѣку судномъ перевести? Я былъ убогій законникъ, не имѣлъ чѣмъ заплатити, и ты взялъ у меня молитвенникъ, по которому я Богу молился,» и указалъ его коными разорвать, и на томъ мѣсть мость сотворить, и того ради называется мость Сикстовъ.

Третій мость въ *Ripite*, близъ города Иудейскаго, идучи къ Святому Варооломену.

Четвертый мость проломленный, котораго только середка, и въ то время есть проломъ, въ которое ведеть бѣль, яко же глаголють, божественный Павелъ Апостолъ на судъ и мученіе.

Пятый мость за Римомъ и стѣнами Римскими, аки на поль-версты.

Сіи мосты всѣ суть каменные, а палаты многія славныя и пространныя суть въ Римѣ, особливо сія первая палата Святаго Петра Апостола въ Ватиканѣ, которая Папина есть, и въ той избирается Папа отъ Кардиналовъ, живеть въ той только Папа послѣ избранія своего даже до вышания своего, а больше не живеть, для нездороваго воздуха, который ему вредитъ; садъ пространный и славный, устроенъ къ западу, сія палата имѣеть.

Вторая на горѣ Кавалло, или горѣ Квириналь, и въ той всегда Папа живеть, которая есть посреди города, и изъ той весь Римъ и море видится. Сія палата еще имѣеть пространный и славный садъ, въ которомъ Папа съ друзьями своими прохаживается и гуляетъ.

Третія Князя Памфонія, внука Климента Десятаго Папы Римскаго.

Четвертая, Князя Боргезія.

Пятая, Князя Парма. На той палатѣ есть одинъ быкъ вырванъ изъ мрамора бѣлаго, зѣло великъ.

Шестая, Князя Колонны.

Седьмая, Князя Савелія.

Восьмая, Князя Луциниана.

Девятая, Мархіана отъ Святаго Креста.

Десятая, рѣчи посполитыя Венеційскія, и нынѣ многія палаты славныя и пространныя въ Римѣ.

Всѣ Кардиналы живутъ въ великихъ и пространныхъ палатахъ, для своей пышности и гордости, которую имѣютъ.

Одннадцатая палата, именуемая *Коллизеумъ*, или амфитеатрумъ, въ которой никто не живеть, ни жить можетъ, для почитанія мучениковъ, которые многіе страдали въ немъ за Христа, и оной только есть середка, а изъ другія середки учинена есть палата Князя Пармы. Сей Коллизеумъ есть высотою зѣло дивенъ, и крупло изъ четверугольнаго камня учинень.

Монастыри многіе суть въ Римѣ, законниковъ и священниковъ есть превеликое множество, и гордо поступають, ходитъ безопасно по городу, съ женами говорятъ, отъ Папы Римскаго должны вслѣчески почитатися, никто не можетъ имъ противно слова молвить, и если молвить кто, то часть наказанъ будетъ отъ Папы, и вмѣнится за еретика и за непріятели Папъ, и всю власть имѣють законники.

Академія славныя, или школы, для всѣхъ панпаче суть три: Первая Академія *Сапленція романумъ*, сиречь мудрость Римская, тако названа, въ которой изъ всякаго чину и достоинства превеликое множество учителя и читатели всякимъ наукамъ и языкамъ учать, которые суть отъ самаго Папы избраны и уставлены къ такимъ чтеніямъ разныхъ наукъ и языковъ. Сія Академія есть самого Папы, имѣеть книгохранительницу, великую бібліотеку, въ которой всѣмъ волюно есть читать всѣ книги.

Вторая *Коллизеумъ романумъ*, въ которой только одни Іезуиты учать.

Третія *Мисерва*, въ которой одни Доминиканы учать.

Четвертая Академія о *умноженіи вѣры*, отъ Урбана Восьмаго, Папы Римскаго, построена и одарена великими богатствами и привилегіями, которая Академія только есть для страшныхъ, которые суть не Папскія вѣры, въ той только они учатся и живутъ. Сія Академія есть противъ Православныхъ Вѣры Греческія, чтобы удобнѣе прельщались и къ Вѣрѣ Римской обращались. Изъ той Академіи есть законникъ *Францискъ*, который живеть въ Кокуъ свободѣ, того ради посланъ есть отъ Папы, чтобы прельщати православ-

ныхъ закона Греческаго, и всеъ Иезуиты, которые отъ Папы во весь міръ отсюда посылаются.

Италія Академія *Голлежю-и-Назарель*, тако названа, въ той Академіи одни *Пиаристы*, которые называются *благочестивыхъ школъ законники*; учатся въ той Академіи только сродники Кардиналовы, дѣти князья, и иныхъ дворянъ Римскихъ учатся, а иныхъ нѣтъ.

Иудей многіе суть въ Римѣ; имѣютъ свой городъ къ рѣкѣ Тиверу поставленъ; весь кругомъ стѣною каменною огражденъ, имущій четверы ворота и во всякихъ караулы отъ Папы; безопасности ихъ никто ихъ не можетъ позамать, и если кто позамаетъ ихъ, тотчасъ отъ Папы наказаніе приметъ. Все могутъ продавать, кромѣ питья и съестнаго, такъ же и покупать, кромѣ поля, винницъ, деревень, домовъ, и Вѣрь Христовой не принуждаются; ко училищамъ Салищенъ романе и въ Минервѣ доущаются, даже догматамъ священныя богословіи могутъ учиться, и въ философій и медицинъ; все, какъ Римляне, бороды и усы брютъ; одежды тѣ же съ Римляны носятъ, только крещеніемъ и шляпами разнятся отъ Римлянъ, ибо Римляне черныя, а Жиды красныя, или китайкою красною покрыты носятъ, по указу Папы; Жидовки и женщины ихъ отъ Римлянъ ни въ чемъ не разнятся, кромѣ крещенія. Все въ день субботній, въ третьемъ часу послѣ полудни, должны суть приходитъ къ слушанію поученія у Святой Троицы близъ моста Сикстова, гдѣ есть страннопріемница, въ которой страннопріемницъ все страннныя три дни кормятся и поучютъ, а въ великій постъ на всякій праздникъ съ двадцать начальныхъ человекъ, въ разныхъ костелахъ, должны суть слушать поученіе, подѣ казнью великою. Торговъ великій со Христіанами въ среду на улицахъ по волю чинять.

Въ Римѣ изряднѣйшіе и начальнѣйшіе семь костеловъ суть: *до сѣи иер.*

Первый и начальнѣйшій костель есть *Святаго Иоанна Латеранскаго*, который называется глава и алтарь всехъ костеловъ, которые суть во всемъ мірѣ Христіанскомъ; былъ созданъ отъ Константина Великаго Цесаря Римскаго. Сей костель поставленъ къ востоку, аки за Римомъ нынѣшнимъ, но между стѣнами Римскими, а есть въ томъ костелѣ глава Святаго Панкратія мученика, изъ котораго въ три дни

выходила кровь, и волосы, какъ они сказываютъ, и преславныя Дѣвы Маріи срощца, которую прелажшая, яко глаголетъ, Дѣва Марія Иисусу Христу сыну своему своими руками ткала, да грязеза, на которой Иисусъ Христосъ со дванадесятью Апостолами послѣднюю вечерю имѣлъ, да ковчегъ Вѣтхаго Завета, жезлъ Ааронъ, да главы Святыихъ Апостолъ Петра и Павла, на башнѣ высокой, едва не на десять локтей надъ алтаремъ большимъ, подѣ желѣзнымъ затворомъ и рѣшетками желѣзными.

Близъ сего костела Латеранскаго на полдень поставленъ есть одинъ костель, въ которомъ костель Великій Константинъ, Цесарь Римскій, отъ Святаго Сильвестра, Папы Римскаго, который былъ изъ чину Блаженнаго Василія Великаго, принялъ крещеніе, и отъ Сильвестра, Папы Римскаго, построена предвѣна купель, въ которой Турки и Жиды, когда обращаются къ Вѣрѣ, крестятся, а иные вѣтъ Турки и Жиды до крещенія едва не полгода поучаются, чтобы были удобны и разумны ко пріятію крещенія, а до крещенія, въ третій или въ четвертый день, даютъ имъ одѣжды пышныя и бѣлыя, а послѣ крещенія по сту рублевъ отъ Папы, и чины честныя, по особамъ глядя, и всю волю даютъ Римляне новокрещеннымъ.

При костелѣ также Латеранскомъ, къ полуночи, есть одинъ костель, который называется *Льствица Святая*, въ которомъ костелѣ, или Святой Льствицѣ, есть образъ Спасителя нашего Иисуса Христа, который образъ есть величійю таковъ, какъ сія странница. Къ сему костелу идучи ступени изъ Иерусалима превезены, по которымъ ступенямъ ведишь былъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ къ Пилату и Каіафѣ, по снмъ ступенямъ. И къ сему костелу все должны идти поклонясь, безъ ружья и палки, и сн ступени и сей костель есть въ превеликомъ почитаніи и святости у народа Римскаго.

Сей костель Латеранскій есть престоль и епископія Папы Римскаго, и къ сему костелу вся Италійская земля принадлежитъ, и у сего костела есть великая палата Папына, которая нынѣ дана есть для житія убогихъ обоего пола.

Второй костель есть *Святаго Петра Апостола въ Ватиканѣ*, который костель называется *Ватиканъ*, и едва не весь изъ мрамора камня четвероугольнаго содѣланъ, пре-

дивенъ, страшный и великолѣпный поставленъ, а внѣ Рима, но между стѣнами Римскими къ западу.

Сей костель есть ко избранію, въначію и пребыванію Папину, при которомъ костель на правой рукѣ есть палата, съ садомъ, зело славнымъ и пространнымъ, и прекраснымъ, въ которой палатѣ рѣдко живетъ Папа, для нездравяго воздуха, которой его вредитъ, и для иныхъ бѣдствъ, которыя ему въ той палатѣ случаются, а наипаче разныя прихожденія разныхъ явленій, отвореніе незапное въ нощи врати, страхи превеликіе, и ныне, и въ сей палатѣ Ватиканъ избирается Папа отъ Кардиналовъ.

Въ семь костель Святаго Петра, который называется Ватикана, есть глава Святаго Андрея Апостола, тѣло Святаго Златоуста, въ костельнѣхъ великомъ поставлены, аки къ востоку подъ алтаремъ, который есть одинъ въ томъ костельнѣхъ, въ которомъ всегда прочитываются часы правильныя отъ канониковъ Святаго Петра, и литургіи многія отъ ранія утрени, даже до втораго часа послѣ полудни. Въ великой постѣ на всякъ день казанія и поученія чинятъ. Входи въ костель Святаго Петра Апостола, на правой рукѣ при дверяхъ, есть пресвятыи и преудотворный сударь отъ Иисуса Христа, и желѣзо отъ коня, которое прикоснулося ребру Господа нашего Иисуса Христа на крестѣ, которое далъ Султанъ Турскій Папѣ Римскому Иннокентію Восьмому. Тѣлеса святыхъ Апостолъ Петра и Павла, аки посреди церкви, подъ алтаремъ великимъ поставлены, окружены многими лампадами серебряными, горящими непрестанно; къ тѣмъ тѣлесамъ никто не входитъ и отъ никого не видится, и никого не сыскать въ Римѣ, ктобъ видѣлъ свята тѣ тѣлеса Апостоловъ, ниже Святаго Златоустаго тѣло видится. Сей костель есть великій, пространный, высокій, аки на четвероугольномъ камени поставленъ крестообразно, едва не весь изъ мрамора прекраснаго, четвероугольнаго состроенъ, и башню одну высокую крупную имѣетъ, и на башнѣ одинъ крестъ позолоченый.

Третій костель *Святаго Павла Апостола за Римомъ*, и за стѣнами Римскими, аки три мили Италиискіихъ, или версты, который костель былъ созданъ отъ Константина Великаго Цесаря Римскаго, и поставленъ есть къ востоку близъ Тивера рѣки. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ костель, суж-

день былъ Святой Апостолъ Павелъ отъ сената Римскаго, и чрезъ тотъ костель на востокъ моря суть три источника, текущіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ усѣчена бысть глава Святаго Апостола Павла, а отданы отъ костела тремя миль. Въ томъ костель обрѣтена бысть глава божественнаго Павла Апостола, есть же и вериги Святаго Павла Апостола, которыи была связаны, и распятіе чудотворное.

Четвертый костель *Святыхъ Маріи большіи*, или Святыхъ Маріи снѣжной, есть созданъ отъ нѣкоего гражданина Римлянина, который былъ безъ дѣтей и безъ сродниковъ, и Веры былъ Греческія, и сей гражданинъ Римскій въ нощи помышлялъ, что ему дѣлать съ сокровищемъ своимъ, понеже былъ зело богатъ, и привидѣлъ сонъ въ нощи тако, что гдѣ пойдетъ снѣгъ въ мѣсяцъ Августъ (понеже въ Римѣ никогда не бываетъ снѣгу); тамъ соизждетъ своимъ сокровищемъ церковь преблаженныя Дѣвы Маріи; послѣ сна зело рано въ первый день Августа нашель снѣгъ на пригоркѣ, а въ мѣсяцъ Августъ превеликіе жары бываютъ; на томъ мѣстѣ абие создалъ сей костель, который называется Святыхъ Маріи Большіи. Не далеко идуи къ Святому Иоанну Латеранскому и святому кресту въ Иерусалимъ, есть поставленъ на востокъ большой алтарь, къ западу, и въ томъ костель есть тѣло Святаго Матоея Евангелиста, подъ алтаремъ великимъ, который есть поставленъ къ западу, и если, въ которыхъ лежалъ Иисусъ Христосъ въ Виоленѣ, а недалеко отъ костела есть костель, какъ мнѣ видится, Святыхъ Праксиды, аки на востокъ поставленъ, большой алтарь, и въ томъ костель есть столпъ, къ которому былъ Иисусъ Христосъ привязанъ во время страданій. Тотъ столпъ есть изъ мрамора благо, высотою аки на полтора локтя, въ костель маломъ, къ полунощи поставленъ. Сей костель есть долгий, въ которомъ въ первый день Августа превеликое бываетъ моленіе (съ превеликимъ собраніемъ людей); и снѣгъ сверху, изъ бумаги дѣлаанный, бросаютъ, понеже инаго снѣгу Римляне не имѣютъ.

Пятый костель есть *Святаго Лаврентія*, за Римомъ и стѣнами Римскими, съ одну милю или версту, на дорогѣ Тибуртинѣ. Въ томъ костель есть тѣло Святаго Лаврентія мученика, и камень, въ которомъ былъ положенъ Святой Лаврентій мученикъ, и камень, которымъ былъ убитъ Святой

Стефанъ, и рѣшетка, на которой былъ мученъ Святый Лаврентій мученикъ. Сей костель Святаго Лаврентія есть каменный, яко же всѣ костели Римскіе и за Римомъ.

Шестой костель *Святаго Севастіана*, за Римомъ и за стѣнами Римскими съ одну милю Италинскую, или версту, на пути, именуемомъ Аннія. Послѣ мученія въ томъ костель Святаго Севастіана были утаены тѣлеса Святыхъ Апостоль Петра и Павла до нѣкотораго времени. Въ томъ костель есть книга Папы Каллиста и тѣло его. Въ томъ преждевременномъ костель Святаго Севастіана суть сто шестьдесятъ и четыре мученика. Сей костель есть каменный весь, и при костель есть кладезь, имущій воду студеную.

Седьмой костель начальный *Святаго Креста въ Иерусалимѣ*, тако названъ, при стѣнѣ Римской на полночь за Римомъ, по въ стѣпахъ Римскихъ, имущій большой алтарь къ полунощи. Въ томъ костель суть тѣлеса Святаго Анастасія и Цезарія, одинъ купанчикъ маленькой съ кровію, и губа, съ которою даны бысть оцель и желчь пити жаждущему на крестъ Иисусу Христу, Спасу нашему, и два терна отъ вѣнца терноваго, который былъ положенъ на главѣ Иисуса Христа, въ вѣнчаніи его, и древо Святаго Креста и одинъ гвоздь, съ титломъ, которое Пизатъ написалъ въ Иерусалимѣ, во время страсти Иисуса Христа на Крестъ, *Иисусъ Назаретинъ Царь Иудейскій*. Сіе титло Еврейски, Гречески, Италински написано было.

Сія о седми костелахъ Римскихъ преистинная и неложная написана суть, и никто не отперется, который искусенъ и ученъ былъ въ Римѣ.

Суть и иные многіе костели въ Римѣ великіе, славные и пространные и изрядные, яже суть сіи:

Въ Сабинѣ, тако названъ есть, костель великій и пространный, долгій, имущій алтарь къ полунощи, на горѣ поставленъ, къ Тиверу рѣкъ, *Святаго Алексія человека Божія*, который былъ Грекъ и закона Греческаго. Сей костель есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ Святаго Алексія Божія человека Божія, а отецъ его былъ Грекъ и закона Греческаго, и въ той церкви тѣло Святаго Алексія Божія человека Божія, и кладезь въ томъ мѣстѣ, гдѣ той преждевременный Святый, у вратъ отца своего лежалъ во убожество своемъ. ✕

Святаго Петра Апостола на горѣ, есть костель вели-

кій, пространный, тако названъ, понеже есть на горѣ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ сей костель есть, повѣшенъ бысть Святый Апостоль больше, а алтарь къ полунощи, отъ Святаго Григорія Великаго, Папы Римскаго, который былъ изъ чину божественнаго Василія Великаго, житія святого и великаго смиренія, всегда пѣшь, только съ однимъ діакономъ по Риму хаживалъ, всегда кожнцу только съ гороху ѣдалъ, и людей Вѣрь Христовъ учивалъ. Въ томъ костель есть тѣло Святаго Григорія Великаго Папы Римскаго, съ матерью его, и сей костель длиненъ, имущій большой алтарь къ востоку.

Четвертый костель великъ, пространный и широкъ въ Капитоліи Римскомъ, *арацели*, сиречь, *Храмъ Небеси*, такъ названъ во имя Преплаженныи Дѣвы Маріи, который арацели на горѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Цесари вѣнчались. Сей костелецъ бывалъ прежде сего законниковъ божественнаго Василія Великаго, а нынѣ Бернардины, или Кабулонцы, живутъ у того костела.

Недалеко отъ того костела, который именуется «Арацели», темница, Святыхъ Апостоль Петра и Павла та темница, а есть подъ горою, на которой поставленъ есть Капитоліумъ Римскій и Арацели, глубока, въ землю на полтора копыя, и въ той темницѣ глубокой на полтора копыя есть кладезь одинъ, который въ то время учиненъ и обрѣтенъ есть, и на время сидѣлъ здѣсь заключенъ святой Апостоль Петръ.

Пятый костель славный, и пространный и высокій, круглъ едва не весь изъ камня четверугольнаго и мрамора называется *Иисусове*, внутри весь позолоченъ, имѣетъ четверы хоры, ры высоки зѣло, позолочены, и въ томъ костель живутъ Іезуиты, и сей костель называется домъ *исповѣдниковъ духовныхъ*. Долгій алтарь великъ, къ полунощи поставленъ имѣетъ, и въ томъ костель суть тѣлеса Игнатія и Ксаверія которые суть основатели Іезуитовъ, и у костела того живеть Генераль Іезуитовъ, и токмо ученымъ и свидѣствованнымъ Іезуитомъ должно у того костела жити, а инымъ нѣтъ.

Прежъ сего въ Римѣ было церкви свидѣствуютъ, которыя нынѣ суть въ Римѣ, и самая живопись, которая скоблится не можетъ, и есть книга, на Италинскомъ языкѣ издана, отъ законниковъ, отъ Францишка Депауля, который мужъ Фран-

цишка Депауля жилъ по уставу Греческому божественнаго Василія Великаго, и тотъ законникъ повѣдывалъ мнѣ о церквяхъ Греческихъ, по имени Францискусъ Каловритяннинъ, называется, изъ Грековъ, потому, что прежде сего вся Кавалрія закона Греческаго была и называлась Великая Греція, а нынѣ Римляне.

Нынѣ въ Римѣ только суть три церкви Греческія, а прочія всѣ церкви Греческія Папа Римскій, послѣ собора Флоренскаго, въ костелы свои перемѣнилъ.

Первая церковь Греческая Святаго Аванасія, которая нынѣ Уніатамъ и Папѣ подвластна, и въ той церкви, еще повѣдываемъ Греческимъ, и нынѣ служба отправляется, и законники, которые живутъ, воздерживаются отъ мяса и брады не бръютъ.

Вторая церковь Греческая Великаго Василія, и въ той церкви всѣ законники Греческаго закона, по мяса ѣдятъ, и брады, и усы и головы бръютъ, аки монахи Римскіе, и службы отправляютъ обычаемъ Греческимъ и обычаемъ Латинскимъ, въ музыку въ церкви играютъ на разныхъ инструментахъ, и генералъ законниковъ божественнаго Василія Великаго живетъ, который Папу за главу имѣетъ, а не Патриарховъ.

Третья церковь Греческая Святаго Сергія и Вакха малал. Сія церковь для законниковъ и Уніатовъ Божественнаго Василія Великаго, которые изъ Польши прѣзжаютъ въ Римъ, и у той церкви живутъ тѣ законники и Уніаты, брады бръютъ и мяса ѣдятъ, и службу отправляютъ по-Гречески и по-Римски, и по Латинъ, какъ имъ угодно бываетъ.

Всѣ Греки и Русскіе люди, которые ѣздятъ въ Римъ, должны исповѣдываться и причащаться у священниковъ Римскихъ людей, а не у Грековъ Уніатовъ.

Въ Римѣ, или во дни, или въ ночи, и наначе во всю ночь, всякъ какого ни будь чина и пола, безопасно, свободно, безъ всякаго страха ходятъ, и никто, никогда, ничего не молвить.

Въ Римѣ ружье, ножи, пистолеты, пищальники не должны носить никто кромѣ сборовъ, или воиновъ града Рима, и если найдется кто съ ружьемъ, съ ножами, и съ пищально, поймается тотчасъ и посылается въ темницу, а съ пистоле-

тами если кто найдется, тотчасъ безъ суда повѣшенъ бываетъ на вислицѣ.

Сборы, или воины, во весь день и ночь съ ружьемъ, пищальми, пистолетами и ножами, по всѣмъ улицамъ ходятъ, для безопасности народа Римскаго, и никто кромѣ Римлянъ ихъ прикоснется; аще ли кто какимъ нибудь словомъ помянетъ, тотчасъ главную казнь приметъ.

Въ Римѣ всѣ законники и священники мірскіе, Римляне, не бръютъ бороды и усовъ, и о женахъ ничего не говорятъ, кромѣ Капуцциновъ законниковъ.

Римляне всѣ суть склонны къ роскоши тѣлесной, и когда чужеземцы спрашиваютъ у нихъ: «для чего вы вси естѣ склонны къ роскоши тѣлесной?» отвѣчаютъ тако: «зане есмь подлѣ такимъ оризономъ поставлены, который Афродитской странѣ и воздуху приближенъ». Въ Римѣ, и Венеціи и во Французской землѣ имѣть дружбу любовную не вмянется за грѣхъ смертный, по простительный, и доводъ разные приводятъ защища себя. Сей есть истинный образецъ Рима, сказаніе и описаніе, а прочая въ иной главѣ скажемъ.

ГЛАВА II.

О Папѣ Римскомъ, Кардиналахъ, дворѣ Папескомъ, протополахъ Римскихъ, четырехъ Патриархахъ, которые отъ Папы Римскаго избраны и о нихъ дѣлахъ, къ Папѣ принадлежавшихъ вкратцѣ.

Папа Римскій всегда живетъ посреди града Рима на горѣ Кавальской, или горѣ Квириналь. Съ Папою ниже въ палатѣ его живетъ одинъ Кардиналъ, который называется *патронъ* и ближній секретарь его. Пovyше духовникъ Папы; къ духовнику идучи ниже крестопосецъ, который передъ Папою крестъ носить, маистеръ священныя палаты, который всегда есть изъ чину Доминика, закона Предикаторовъ, и живетъ въ той палатѣ, гдѣ Швейцары живутъ близъ Сакристіана.

Сакристіанъ Папинъ есть тотъ, который раздаетъ реликвіи Католицкія, и онъ есть одинъ Авва.

Дворецкій Папинъ, который есть мірскій дворянинъ, а чинъ его есть караулъ, и смотрѣть весь дворъ Папинъ, такожде и жалованье всѣмъ давать, которые служатъ Папѣ.

И иные многие малаго чину, Епископы, Архимандриты, которые служат Папѣ, за дворомъ его живутъ, въ своихъ или данныхъ отъ Папы палатахъ; караулъ прѣблизкій и всегда у Папы суть свои швейцары также у всѣхъ вратъ и палатъ, которые стоятъ, и имѣютъ платье разноцвѣтное и короткое. Палата же Кавалла за дворомъ при фонтанѣ, на которой суть два коня великіе, изъ мрамора бѣлаго вырѣзаны, и тутъ жолнеры Италіянскіе, одно знамя имутъ съ пицальми и копьями, которые суть всегда послушные Папѣ Римскому.

Сии суть, первое, сбирь, или служивые, которыхъ есть превеликое множество; тѣ по всему Риму днемъ и ноцію съ пистолеты, съ пицальми, ножами великими и шпагами ходятъ для безопасности Римскому народу, и самому Папѣ съ Кардиналы, и тѣ сбирь великую мочь и вольность, имѣютъ и никого не боятся, кромѣ Папы; княземъ и народу Римскому превеликій страхъ являютъ, и всѣ ихъ боятся, которые живутъ въ Римѣ.

Второе, кавалеры Папинны; одно знамя ихъ красное; платье имутъ кармазиновое, и ѣздятъ на коняхъ добрыхъ, съ пистолеты и копья.

Сии живутъ подлѣ банъ, которыя были древнихъ Цесарей; они берегутъ Папу и при воротахъ его стоятъ, когда коего великаго посла допускаетъ Папа къ рукѣ, и въ четвертокъ, когда всѣ Кардиналы собираются къ Папѣ, и въ понедѣльникъ, когда всѣхъ допускаетъ онъ къ рукѣ, и когда Папа явно выходитъ къ своему костелу, то предъ нимъ ѣдутъ на коняхъ добрыхъ, съ пистолеты и копья.

Третье, Италіянскіе жолнеры, одно знамя ихъ; солдаты пѣшіе, имущіе платье и епанчи синія, съ пицальми и копьями, и тѣ живутъ не далеко отъ палаты Папиной, идучи къ законникамъ Капуцинамъ.

Четвертое, Италіянскіе жолнеры, одно знамя ихъ; солдаты пѣшіе, имущіе платье и епанчи синецвѣтныя, съ пицальми и копьями; живутъ подлѣ Святой Маріи, идучи къ Святому Петру къ Веригамъ.

Пятое, Италіянскіе жолнеры, одно знамя ихъ; воины пѣшіе, имущіе платье и епанчи синецвѣтныя, съ пицальми и копьями, и тѣ подлѣ Минервы и Коллегія Римскаго школь живутъ.

Шестое, Италіянскіе жолнеры, одно знамя ихъ; воины пѣшіе, имущіе платье и епанчи синецвѣтныя, съ пицальми и копьями, и тѣ живутъ у Святого Петра въ Ватиканѣ.

Седьмое, Италіянскіе жолнеры, одно знамя ихъ; воины пѣшіе, имущіе платье и епанчи синецвѣтныя, съ пицальми, и тѣ воины живутъ за Тиверомъ рѣкою, подлѣ моста Сикстова, и тѣ воины всегда живутъ въ Римѣ и караулъ есть Папинъ.

Приводятъ и иныхъ многихъ солдатовъ въ Римъ, когда есть опасеніе, а иные по морю скитаются на семи корабляхъ всегда, чтобы Турки не напали на Италію и Папу.

У стола съ Папою, хотя бѣ былъ Цесарь Король или иной какой Государь, никто не садится, ни Кардиналы когда ѣсть Папа, кромѣ его одного.

Когда въ четвертокъ, въ Великій Постъ и наканунѣ Рождества Христова ѣдятъ Кардиналы у Папы, тогда Папа только благословитъ трапезу, за которою сѣдятъ Кардиналы, и отходить тотчасъ.

Во время трапезы, когда ѣсть Папа, долженъ быть его дохтуръ съ Архимандриты и иными дворяны, и долженъ смотрѣть все ѣсты, овощи, вино, и долженъ Папѣ похваляти, которыя суть здоровыя и которыя не здоровыя. А Папа, которыя суть здоровыя, которыя ему покажутся ѣсть, ѣсть, а которыя не здоровыя отдвигаетъ, и больше единаго часа не сидитъ за столомъ.

Мясо едва не всегда ѣсть Папа, какъ ему покажется, а также и Кардиналы, и князья Римскіе, и иные дворяне, съ благословеніемъ Папиннымъ.

И когда немощенъ Папа, всегда ѣсть мясо, ни коего дня не избираетъ.

Немощные, такъ въ страннопримнищахъ, какъ въ домахъ, позволеніемъ дохтуровъ, или отъ самого Папы, или отъ иныхъ, всегда ѣдятъ мясо, и не даютъ иной ѣсты немощнымъ, кромѣ мяса.

Благословеніе всѣмъ даетъ Папа наипаче въ понедѣльникъ до обѣда, и погу свою правую даетъ цѣловать, которыя просятъ, а на ногахъ его обонхъ чулки суть сукошныя, красныя, или кармазиновыя, а на пятахъ чулковъ кожа, и на чулкахъ обонхъ крестъ красный, который цѣлуется отъ всѣхъ potentатовъ.

А руки никому не даетъ Папа цѣловать, хотя есть Цесарь, Король, или иной какой великій Государь, и которые цѣлуютъ ногу его, имѣють великое прощенье и всѣхъ грѣховъ своихъ оставление, и избавляютъ души ихъ, глаголють изъ чистительнаго огня.

Которые прѣзжаютъ къ Папѣ къ рукъ, должны итти чрезъ трои ворота, въ которыхъ воротахъ есть великій кауль.

Въ другихъ воротахъ должны снять шляпы свои, а въ третьихъ воротахъ, за порогомъ, должны колѣни поклонить, ожидаячи знака отъ маистра церемоній, и по данному знаку должны итти къ Папѣ, и идучи къ Папѣ должны паки колѣна наклонить, и какъ дастся знакъ должны вставать, и чинно съ превеликимъ смиреніемъ должны съ свои дѣла предлагати Папѣ, и совершивъ дѣла, и взявъ благословеніе у Папы, отходить чинно.

Судныя дѣла Папины таковыя суть: въ духовномъ чинѣ во вторникъ, на всякую недѣлю, въ Минервѣ Академіи, гдѣ живутъ законники Доминиканы, собираются Кардиналы истинные, назначенные отъ Папы, съ иными учителя, и въ томъ сборѣ разсуждаютъ о Вѣрѣ, обычаяхъ, книгахъ, которыя должно ирять или осуждать, и отличаютъ разныя предложенія отъ богослововъ, которыя книги надобны суть писать въ роспись книжную, а которыя негодны суть, почернить.

Сіи учителя, которые прѣзжаютъ съ Кардиналами, должны въ домахъ своихъ книги читать, и которыя книги обрѣтають, или противъ Вѣры Римскія, или противъ Папы, докладываютъ Кардиналамъ въ Академіи Минервѣ, такимъ повелѣніемъ: «Я такой и толкій, нашегъ сіе, въ такой, или такой книгѣ, или противу Папы, или противу вѣры Римскія,» а Кардиналы вписываютъ и судятъ сія рѣченая отъ учителей, и совершивъ сія вся, докладываютъ Папѣ.

Въ Приказъ *Умноженія Вѣры* собираются также Кардиналы въ указный день, отъ Папы назначенный, со иными учителя, и въ томъ сборѣ разсуждаютъ, какъ быть и какимъ повелѣніемъ Греки, Русаки, и иные, чтобы легче могли Вѣру Папину иряти, и подѣ послушаніемъ его быти. Также и четыре Патріархи, поставленные отъ Папы Римскаго, единъ всегда въ Академіи Умноженія Вѣры, и который непріятель

прелюбий православной вѣрѣ, тотъ называется Патріархъ Царегородскій.

Сіи всѣ Патріархи не суть Кардиналы, но или Епископы или Архимандриты.

Изъ Академіи Умноженія Вѣры, отъ Папы Римскаго по всему свѣту посылаются Іезуиты, Доминиканы, Францисканы, мірскіе священники и иные, которые называются посылщники, яко бы, апостольскіе. X

Сіи всѣ кланутся, что ни какихъ мукъ не бояся, ни какихъ увѣщаній не слушать, ни богатствами, ни достоинствомъ не растлѣваться, но чтобы всѣ, какимъ могутъ средствомъ превращали къ вѣрѣ Папной и къ послушанію его, и чтобы о всѣхъ дѣлахъ Папѣ Римскому сказывали и изъясляли, чрезъ писанія и иныя средства, которыя возмугутъ употребити о королевствахъ, о судахъ, о правѣ, и вѣрѣ, и обычаяхъ народа, или есть ученый или неученый народъ, и о книгахъ, которыя употребляетъ народъ тотъ, и что дѣлается и бываетъ въ томъ королевствѣ, въ которое посланы суть отъ Папы, и что у Государей, сенаторовъ и иныхъ дѣлается, и какую силу, державу, деньги, воинствъ имѣеть то королевство, въ которое суть посланы отъ Папы, а также должны знать тѣ книги, которыя употребляетъ то королевство, въ которое посланы суть, и иныя многія.

Въ *Санктѣ Оффиціи*, спрѣчь, во святомъ дѣлѣ, которое есть страшный приказъ противъ Вѣры Грековъ, и иныхъ, которые Православной Вѣрѣ послѣдуютъ, и противно говорятъ Папѣ, собираются Генералы законниковъ, думать како и какимъ повелѣніемъ и казнью должны тѣ наказаны быть, которые противно говорятъ Папѣ и не хотятъ ему послѣдовать, ни покоритися ему, и есть темница для тѣхъ, которые не покоряются Папѣ. Въ Римѣ которые живутъ до нѣкаго времени, а не отъ Вѣры Папины, тѣ ни добро, ни худо не могутъ говорить о своей Вѣрѣ, а если что молятъ, тотчасъ пойманы бываютъ въ Санктумъ Оффиціумъ, и въ темницу заключаются.

Не такъ въ Римѣ какъ на Москвѣ Папезники живутъ, и о Католической своей Вѣрѣ казанія править, ухрани Боже!

Въ Римѣ одно слово о своей Вѣрѣ проговорить бы кто тотчасъ поймаетъ въ Санктумъ Оффиціумъ.

Многіе лазутчики отъ Папы ходятъ и ищутъ тѣхъ, которые бы были чужія Вѣры, а не Римскія, также и изъ Санктъ Оффиціи такимъ же повелѣніемъ ищутъ.

Сія Санкутъ Оффиціумъ есть подлѣ Святаго Петра, въ Ватиканѣ, и въ той Оффиціи пребываетъ всегда одинъ Доминиканъ, который называется *Санкти Оффиціи Майстеръ*.

Сія суть Папныя суды во владѣніи Напежскомъ.

Совершивъ сія вся, о которыхъ раздумывали въ Академіи Мисервѣ, и Академіи Умноженія Вѣры называемой, и въ Санктъ Оффиціи, въ четвертокъ собираются къ Папѣ, и о всѣхъ Кардиналы искусно доносятъ Папѣ, а Папа, который суть ему угодныя приѣмлетъ, а которые нѣтъ не приѣмлетъ, или откладываетъ до ишаго времени.

Въ Капитоліи Римскомъ, гдѣ прежь сего Цесари Римскіе вышаны бывали, мирскій Сенаторъ Римскій, который отъ Папы посылается и послушень есть Папѣ и Губернатору града Рима, и суды мирскіе творить, и тѣ всѣ суды, которые чинить, должны ожидать указа отъ Папы, отъ Губернатора, Кардиналовъ Римскихъ, и позволенію Папшю послушествовать.

И Папа Римскій Православнаго нашего Московскаго и всей Россіи Государя не имѣетъ за Цесаря, но за Великаго Князя.

Причину сію одну даетъ Папа, для того, что не принимаетъ отъ отъ меня благословенія въ вышаніи своемъ, и сія есть его ложная причина, безъ великаго основанія.

Папа Римскій отъ народа Римскаго именуется Намѣстникъ Христовъ, и наследникъ Святаго Петра Апостола, и камень Церкви, и дверь, и ключепосецъ небесный, и пастырь всего народа Христіанскаго, и учитель и толкователь Священнаго Писанія.

Когда Папа ѣдетъ лвно въ какой костель, то съ великою славою выходитъ, и предъ выходомъ собираются Кардиналы и Князья, и вся шляхта Римская, и жолнеры всѣ выступаютъ, и нныя жолнеры на коняхъ, съ пистолеты, съ копьями, предъ выходомъ его приготовляя дорогу Папѣ, и отбивая народъ Римскій, часть ходи туда и сюда, часть по дорогамъ, по которымъ доведется Папѣ ити, а часть у того костела на коняхъ стоять, къ которому хочетъ Папа прійти.

А когда уже вышеть Папа, злыо огражденъ вошнами, какъ

на коняхъ, такъ пѣше, съ пистолеты, съ пицальми, копьями, знаменми, предъ нимъ, и за нимъ, и кругомъ его, а предъ нимъ клрики компаты Апостольскія, имущія шляпы зеленыя, великія, и Кардиналы, и пѣкіе князья Римскіе, и нпая шляхта Римская, а кавалеры его по бокамъ его, а кругомъ швейцары, съ копьями, а за нимъ нныя жолнеры, пѣшіе, и кареты славныя, и предъ нимъ и за нимъ играютъ въ трубы, бьютъ въ литавры большія воинскія, и нныя, и предъ нимъ держатъ крестъ, на посохъ серебряномъ.

А отъ самъ Папа ѣдетъ шестью коньми бѣлыми, въ каретѣ позолоченой, пышно, а если не ѣдетъ, несетъ бываетъ отъ четырехъ мужей въ кареткѣ малой, позолоченой, пышно, и сходитъ великой народа обоого пола высокими глазомъ кричить: «Блаженнѣйшій и Святѣйшій Отче! молимъ благословенія во время смерти, молимъ оставленія грѣховъ, молимъ благословити четки, по которымъ молится народъ Богу!»

А нныя говорятъ «Блаженнѣйшій, или Святѣйшій Отче! просимъ, что скуденъ хлѣбъ имѣемъ, и великою цѣною продается вино,» и прочая.

А Папа ихъ правою рукою знаменуетъ, имѣя пальцы сложенные. А во всю дорогу, по которой ѣдетъ Папа, дается всякому по копѣйкѣ, или по полугрошу, народу Римскому.

А когда входитъ Папа въ костель, ведутъ его два Кардинала, и одинъ Епископъ, одежды, которая есть епанча великая, багряная держитъ хвостъ за нимъ, и вошнами кругомъ, съ копьями Папа окруженъ, и въ органы играютъ, и музыка сладко играетъ на разныхъ инструментахъ.

Милостыню на недѣлю дважды Папа по всѣмъ приходамъ которыхъ суть съ двадцать, даетъ, иному по полтнѣ, кому, по четыре, по десяти, по двадцати рублей, по особамъ смотри, такъ и даетъ.

Имѣетъ Папа одного Архимандрита начальнаго милостынника своєю, и отъ того Архимандрита начальнаго милостынника Папшя, нныя канонники оберегатели денежные берутъ деньги, и раздѣляютъ по приходамъ тѣмъ, которые суть учинены отъ протопоповъ и выписываютъ въ росписъ.

Иногда у Святаго Петра вино и хлѣбъ Папа всѣмъ приходящимъ раздѣляетъ.

А младенцы незаконныя послѣ рожденія относятся къ

пріоту, подѣ Святаго Петра, и тамъ вскармливаются въ домахъ, у котораго пріота превеликое множество женщинъ къ воскорменію такихъ младенцевъ есть.

А младенцы тѣ потомъ, если суть добры, возводятся на всякое достоинство и священство, якобы и законныя.

Всѣ пришельцы, которые приходятъ, и которые въ Римѣ до нѣкотораго времени живутъ, должны описыватися отъ протопоповъ во всѣхъ приходяхъ, и оказываются Папѣ, и тѣ всѣ записанные отъ всякаго протопопа должны исповѣдыватися и причащатися по обычаю Римскому въ своихъ приходяхъ, у которыхъ живутъ, и въ то самое причащеніе даютъ образы того Святаго, подѣ котораго именовъ тотъ костель есть, въ которомъ причащаются.

Послѣ Пасхи, на третей недѣлѣ, ходитъ всякій протопопъ по своему приходу, и проситъ тѣ образы даные въ причащеніи отъ всякаго, и у котораго не нашель образа, то знакъ есть, что не былъ исповѣданъ, и записываетъ его, и отводитъ въ Санктумъ Оффиціумъ.

Тѣ, которые не исповѣданы суть и не причащены въ Римѣ въ Великій Постъ, записываются на таблицѣ динповъ, и объявляются на праздникъ Святаго Варооломея Апостола, у костела его, въ Римѣ поставленнаго, и потомъ наказаніе пріимають въ Санктѣ Оффиціи, если не исправятся.

Когда Папа умираетъ, тогда приходитъ одинъ Кардиналъ и Губернаторъ града Рима, и смотря, что уже мертвъ есть, запираетъ тѣ двери той палаты, въ которой Папа умеръ, и караулъ вездѣ ставитъ, и портитъ его печать большую, по гербу его учиненную, и запирають приказы вездѣ Папинны, и приходитъ одинъ докторъ, уже указной, отворяетъ и чиститъ Папу, выкидываетъ все изъ чрева его, чтобъ ни было, изъ трупа его, и помазуетъ Папу мазми благовошными, которыя раздають великое благовошніе. Кардиналы, Клязья, шляхта Римская жолнеровъ по своимъ воротамъ и дворамъ имѣють, чтобъ не было тогда ни какого бунта отъ народа Римскаго.

Грамматы вездѣ посылають, извѣщая, что Папа уже умеръ, что должны всѣ Кардиналы сходиться въ Римѣ, для избранія новаго Папы.

И спустивъ нѣсколько дней, везутъ Папу, уже не былыми конями, въ третью часу ночи, но иными конями, чер-

ными, къ Святому Петру, съ войскомъ великимъ и съ пушками, и полагають въ костель Святаго Петра, на западъ главою, а ногами на востокъ, а одѣтъ по-епископски, и приставляется караулъ служивыхъ, съ утра даже до вечера, и цѣлуютъ ногу уже мертваго, а на ногахъ крестъ, какъ у живаго Папы былъ, по три дни, и дѣлають пышную его гробницу, и на ней имя, прозвище, житіе и дѣла его описуются, и ни какого наказанія не бываетъ тогда, пока въ гробницѣ свинцовой поребается Папа у нѣкотораго столпа Святаго Петра.

Совершивъ вся, и уже Папу погребши, собираются Кардиналы въ палату Святаго Петра въ Ватиканѣ, и собравшись уже всѣ, запираются въ палатѣ Святаго Петра, и пребываютъ до того времени въ заперти, покаместъ изберутъ Папу новаго, а у вратъ всегда есть одинъ Клязь Римлянинъ, и солдаты вездѣ кругомъ той палаты, гдѣ Папу выбираютъ, и стоятъ висьлица недалеко отъ палаты, а духовника одного всѣ Кардиналы имѣють въ заперти, въ каморѣ, гдѣ избирають Папу, и порочатся межъ собою: «ты, такой и такой, не можешь быть Папою, для такихъ и такихъ причинъ,» и прочая.

Избравъ Папу, поклоняются ему: «вивать Папа, вивать Папа,» и народу возвѣщаютъ: «уже имѣемъ Папу, уже имѣемъ Папу!» а народъ по городу высокимъ гласомъ вопиетъ: «уже имѣемъ Папу, уже имѣемъ Папу,» и прочая.

Огни превеликіе возжигаютъ по всему Риму, и горятъ бочки смоляныя.

Въ краткомъ времени вичается Папа у Святаго Петра, въ Ватиканѣ, онъ ивѣнхъ Кардиналовъ, а въ вичаніе его поють обшдно великую, а на обѣднѣ чтесть Апостоль по-Гречески одинъ Кардиналъ, а послѣ вичанія уже, въ краткомъ времени, пріемлетъ власть, приходя отъ Святаго Петра въ канитоліи Римскомъ молиться у Иоанна Латеранскаго.

Когда пріемлетъ власть, дѣлають для его сводъ триумфальный, на той дорогѣ, по которой изъ капитоліи Римскаго переходитъ Папа ко Иоанну Латеранскому.

Отъ Иоанна Латеранскаго Папа ходитъ къ горѣ Каваллу и къ горѣ Квириналу, и тамъ живетъ до смерти.

Кардиналы не всѣ есть священники, но иныя діаконы,

служать сплавъ шляпу кардинальскую и одежду багряную, и которые не суть священники, тѣ могутъ жениться.

Всѣ Кардиналы должны почитатися и народу въ страхѣ быти, и законники должны имъ покорятися, и почитати ихъ, пожеже суть оберегатели Папшины и основанія Римскаго костела.

Когда Папа ихъ ставитъ, дѣлаеть ихъ Короли надъ Королями и Государи надъ Государями.

Когда грамота какая къ Папѣ пишется, и такъ начинается: *Блаженнѣйшій Отецъ*, или *Святѣйшій Отецъ*, и прочее.

На оборотѣ грамоты такъ:

Блаженнѣйшему, или Святѣйшему Отцу Папѣ Римскому, Иннокентію двенадцатому, Архіерею Крайнему, и ничего большаго того нѣтъ. *

(*) Благодаря почтеннаго любителя Русскихъ древностей, сообщившаго намъ сей *отрывокъ*, прибавимъ, что онъ находится при спискѣ Псковской летописи, писанъ скорописью, и долженъ относиться къ концу XVII вѣка, ибо описатель упоминаетъ объ Иннокентіи XII-мъ, какъ о современномъ Папѣ, (избранъ въ 1691 г., скончался въ 1700 году). Слогъ описанія принадлежитъ къ слогу, который образовался при Петрѣ Великомъ, и почитался тогда книжнымъ и дѣловымъ. Вероятно, это сочиненіе одно изъ посланныхъ въ то время въ Италію Русскихъ. Мы старались соблюсти всю оригинальность описанія, съ весьма малыми и необходимыми измѣненіями. Любопытно-бы было видѣть все сочиненіе вполнѣ, повидимому, большое, къ которому принадлежатъ предлагаемыя нами двѣ главы. *Ред. Сына Отецъ.*

РАЗБИТІЕ

НИДЕРЛАНДСКАГО ПАРОВОДА ВИЛЬГЕЛЬМЪ I-й,
въ Маѣ 1837 года, на отмеляхъ Луцинарскихъ, въ Индїи.

Предлагаемъ читателямъ нашимъ донесеніе Голландскаго Губернатора Молуккскихъ Острововъ, подполковника Стюерса Генераль-Губернатору Нидерландской Восточной Индїи, о разбитіи парохода Вильгельмъ I, точно въ томъ видѣ, какъ донесеніе это напечатано было въ *Javasche Courant*, 30 Августа, 1837 года, и потомъ переведено въ Англійскіе и Французскіе журналы:

— Я уже имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, что будучи удержаны цѣлый мѣсяць въ Сурабаѣ починкою парохода, наконецъ подняли мы якорь 26 Апрѣля, и я, вмѣстѣ съ семействомъ моимъ, нѣсколькими посторонними пассажирами и съ отрядомъ войска, отправился къ мѣсту моего назначенія.

Плаваніе наше было довольно благополучно, не смотря на противные вѣтры, ускорившее насъ теченіе и потерю времени въ починкѣ машины. На утро 5-го Маѣ мы уже находились въ виду острова Бурна, известнаго также подъ именемъ *Горлицкаго*. Это было въ пятницу, и съ нѣкоторою достоверностію могли мы предполагать, что на другой день вечеромъ будемъ въ Амбоинѣ. Но Провидѣнію угодно было иначе. Въ эту ночь, около половины втораго часу, пароходъ нашъ ударилъ о Луцинарскую коралловую отмель. Три килевые удара возвестили намъ ужасное событіе. Мы шли отъ 5 до 6 миль въ часъ. Въ полночь командиръ парохода направился къ востоку, предполагая, что днемъ теченіе слышкомъ увлекло насъ къ западу. Пароходъ сталъ на мель, онъ не двигался съ мѣста; всюду господствовала мертвая тишина; но еще не вовсе отнята была у насъ надежда на спасеніе.

Шумъ пароходныхъ колесъ, которыя вертѣлись въ противоположную сторону, мѣшало съ оглушающимъ всею бурною; въ темнотѣ мы не могли различить даже самыхъ волнъ. Тщетно принимали различныя мѣры, стараясь сдвинуть пароходъ съ мели; въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ мы нетерпѣливо ожидали утра, и только съ появленіемъ мѣсяца увидѣли весь ужасъ своего положенія. Передъ глазами нашими простиралась большая коралловая отмель, со всехъ сторонъ обставленная утесами и подводными камнями, на которые съ яростію напирали морскія волны. Въ четверти мили отъ парохода, на большомъ утесѣ, замѣтили мы площадку, возвышавшуюся надъ поверхностію моря, а на краю горизонта виднѣлось нѣсколько острововъ.

Печальная участь и вѣролпная гибель нашего прекраснаго корабля совершенно лишили командира парохода того присутствія духа, какое необходимо было въ нашемъ положеніи. Впрочемъ, я не смѣю сказать, чтобы упущено было какое либо средство спасти пароходъ съ мели, или спасти пассажировъ, но съ каждою минутою положеніе наше могло сдѣлаться еще хуже, потому, что всѣ пассажиры, и въ особенности солдаты, претерпѣли много лишеній во время плаванія. Мы потеряли бы всю надежду на спасеніе, если бы между солдатами, или экипажемъ, допущено было малѣйшее нарушеніе дисциплины и порядка.

Прежде всего, я тщательно прибралъ и заперъ всѣ спиртовыя баночки. Ежеминутно должны мы были ожидать, что пароходъ нашъ весь разщепится. Мѣсяцъ печально освѣтилъ насъ, и бурныя свирѣствовало съ ужасною силою. Въ шесть часовъ утра, жена моя и дѣти вышли на палубу; я увидѣлъ жену мою объ угрожающей намъ опасности; она казалась спокойною. Въ половинѣ седьмого, ее и дѣтей монхъ перевезли, вмѣстѣ съ нѣякою, а также Г-жу Фекманъ, съ двумя дѣтьми, и Г-жу фанъ-Шпревенбургъ, на маленькую площадку, которал, какъ я упоминалъ, возвышалась посреди пространный коралловой отмели. Не могу описать тѣхъ чувствъ, съ какими слѣдилъ я каждое движеніе шлюпки, въ которой заключалось все, что у меня было драгоценнаго въ свѣтъ; уже она была близка къ цѣли, какъ вдругъ ударилась о подводный камень. Матросы на рукахъ перенесли дѣтей на площадку, а жена моя, беременная, прিশуждена была, опи-

раясь на матроса, шгги по грудь въ водѣ; она изранила себя ноги, ступая по шероховатой поверхности коралловой скалы. На площадкѣ, первый предметъ, поразившій ея взоры, были обломки Индѣйскаго корабля; спаслись ли съ него несчастные плаватели, или погибли — неизвѣстно. Изъ парусины и обломковъ корабля наскоро сдѣлали маленькую хижинку, чтобы защититься, сколько можно, отъ дневнаго жара и ночной сырости.

Увидѣвъ, что первая высадка довольно благополучно достигла площадки, отправились съ парохода насторъ Фекманъ, Г-нъ фанъ-Шпревенбургъ, докторъ Голландеръ, нѣсколько солдатъ и молодая жена одного изъ унтеръ-офицеровъ; они взяли съ собою нѣсколько кусковъ парусины. Я остался на пароходѣ; узнавъ, что матросы, потерявшіе всю надежду на спасеніе и недовольные выданною имъ порціею воды, шшена и сала, стовариваются бунтовать, я твердо рѣшился употребить силу, если бы пришлось усмирять ихъ дерзость, но, къ счастью, дѣло обошлось и безъ того. Собравши на палубу всѣхъ солдатъ и матросовъ, я сталъ имъ говорить, что только порядокъ и повиновеніе могутъ спасти насъ; самымъ отчаяннымъ бунтовщикамъ представилъ я въ примѣръ, что женщины и дѣти, находившіяся на скалѣ, безъ всякаго пропитанія, сохранили видъ спокойный и не отчаявались. Общія имъ не скрывать ни какого распоряженія, ни какой мѣры, предпринятыхъ для нашего общаго спасенія, я стараясь убѣдить ихъ во всемъ положиться на меня. Громкое ура! заглушило мои послѣдніе слова. Пользуясь мгновеннымъ восторгомъ, я отвезъ на площадку сухарей, варенаго шшена и воды. Мы подвергались въ плаваніи нашему большой опасности, по случаю прилива, и если бы не ловкость одного изъ матросовъ, мнѣ, вѣролпно, не удалось бы попасть на площадку. Впрочемъ, мы довели не болѣе половины нашей провизіи. Я удостоверился, что на площадкѣ могъ помѣститься весь экипажъ. Въ полдень, прибывъ обратно на пароходъ, нашелъ я тамъ, вопротивнагося почти въ одно время со мною, штурмана. Онъ былъ посланъ по направленію къ замѣненнымъ островкамъ, но никакъ не могъ пробраться за черту буруна.

Ночью и на другое утро лейтенантъ Раусъ, храбрый и усердный офицеръ, пытался перевезти на площадку еще нѣсколько съѣстныхъ припасовъ. Въ одинъ изъ этихъ перевѣз-

довь, капраль Флигеръ спасъ отъ гибели сержанта Вурберга. Однакожь всѣ покушенія остались безуспѣшными: отъ сильнаго патиска волнъ, солдаты не могли удержать на плечахъ корзины съ припасами. Сорокъ восемь часовъ жена моя и дѣти принуждены были претерпѣвать всякаго рода лишения; они усноковали свои усталые члены на шероховатой почвѣ коралловой скалы; нѣсколько устрицъ и морскихъ раковъ составляли всю ихъ пищу; днемъ солнце пекло ихъ прямо въ темя; ночью, дождь и вѣтеръ пронизывали ихъ насквозь. Въ послѣдствіи, мы прожили такимъ образомъ 37 дней!

Положеніе наше было ужасно, и мы теряли всю надежду на спасеніе. Каждую минуту можно было ожидать, что пароходъ разобьется въ дребезги, и увлечетъ съ собою въ бездну всю нашу провизию, которую мы еще надѣялись спасти; маленькая площадка на скалѣ оказалась совершенно бесплодною: это была голая, иззубренная скала; сначала удалось найти на ней нѣсколько черепашекъ, но дальнѣйшіе поиски оказались совершенно тщетны. Къ тому же, изъ двухъ шлюпонокъ нашихъ только одна могла быть употреблена въ дѣло. Волны съ шумомъ прибивались къ скалѣ. Командиръ парохода былъ такого мнѣнія, что пользуясь переменными вѣтрами, которые весь Май господствуютъ въ здѣшнихъ моряхъ, можно было достигнуть Амбонна, находящагося въ пятидесяти морскихъ миляхъ отъ насъ. Одно изъ Португальскихъ поселеній было къ намъ ближе всѣхъ другихъ населенныхъ мѣстъ; руководясь попутными вѣтрами и теченіемъ, по словамъ его, легко можно было добраться до этой колоніи.

Надежда никогда не умираетъ въ сердцѣ человека, особливо, если онъ твердо уповаетъ на милосердіе Божіе. Строгое сохраненіе порядка, безпредѣльная довѣренность къ начальнику и безусловная покорность всѣмъ его распоряженіямъ, почти всегда имѣютъ самыя благоприятныя послѣдствія. Пока я придумывалъ средства, какъ спасти пароходъ, люди переносили всю нашу провизию изъ трюма на палубу; мы предполагали сложить ее всю на ютъ.

Въ воскресенье утромъ, мы отправили штурмана въ шлюпку, по направленію къ Амбонну. На случай, если онъ достигнетъ туда, ему поручено было увѣдомить тамошнее начальство въ какомъ положеніи мы находились, и просить помощи. Морьякъ пустился въ путь; цѣлый день онъ былъ

у насъ въ виду; при сильномъ дождѣ, тщетно противился онъ натиску волнъ, тщетно уклонялся отъ порывовъ вѣтра; никакъ не могъ онъ держаться къ востоку, а по мнѣнію командира парохода, только слѣдуя этому направленію, ему возможно было достигнуть мѣста своего назначенія. Подъ вечеръ штурманъ воротился на пароходъ.

Въ понедѣльникъ приняты были послѣдніи мѣры, сдвинуть пароходъ съ мели. Мы всѣ думали сначала, что онъ уже не можетъ болѣе держаться на водѣ. Въ послѣдствіи удостоверились въ противномъ, однако жъ теперь всѣ усилія пошевелить его остались тщетными. Къ утру развело сильное волненіе; вѣтеръ дулъ ужасными порывами; огромныя волны разбивались на палубѣ; онъ, патискомъ своимъ, каждую минуту надвигали пароходъ на скалу, несмотря на то, что колесы его вертѣлись въ противоположную сторону; мы принуждены были остановить ихъ дѣйствіе, чтобы сколько нибудь предохранить пароходъ отъ совершеннаго разбитія. Я тотчасъ же велѣлъ перенести всѣ съѣстные припасы со шканцевъ на переднюю часть корабля; мы ежеминутно ожидали, что пароходъ дастъ трещину въ серединѣ; густой туманъ началъ разстилаться по водѣ, и я спѣшилъ сдѣлать всѣ распоряженія для перевозки людей и провизии на скалу. Строго запрещено было спасать чье бы то ни было имущество, потому, что это неминуемо повлекло бы за собою ужаснѣйшіе беспорядки; мы даже могли лишиться черезъ то возможности сбережъ провизию. Переправа стоила намъ большаго трудовъ; мы безпрестанно подвергались гибели; днемъ невозможно было лускаться въ море, по причинѣ полноводія; мы перебирались только вечеромъ или ночью. Отъ мѣста, куда подходила шлюпка, до нашего убѣжища на скалѣ, я разставилъ солдатъ, шагахъ въ тридцати одного отъ другаго; такимъ образомъ намъ удалось спасти нѣсколько вещей, но всѣ тяжести мы принуждены были бросить, потому, что люди съ трудомъ ходили по острымъ камнямъ, и каждую минуту падали. Съ помощію одного матроса, я безпрестанно обходилъ всю цѣпь и старался ободрять солдатъ, но они не могли вынести болѣе часа работы. При мужественномъ содѣйствіи Г. ванъ-Шпренвелбурга, кондуктора Деркса, сержанта Визапа, рядоваго Дюмаре, и нѣкоторыхъ другихъ благонамѣренныхъ людей, мы успѣли, въ нѣсколько почей, перенести

на скалу часть съѣстныхъ припасовъ; но переходъ становился часть отъ часу труднѣе; солдаты, большею частію, растеряли башмаки, перервали себѣ ноги, и совершенно упали духомъ; намъ едва удалось спасти самую малую часть припасовъ и воды. Яванскіе матросы весьма усердно намъ помогали; часто днемъ съ отбѣтѣемъ воды, они пускались вылавъ на пароходъ, и почти всегда что нибудь успѣвали спасти.

Наблюденія показали намъ, что между дневнымъ и ночнымъ отливомъ выходила постоянная разность пяти и шести футовъ. По этому принуждены мы были работать ночью, и мнѣ наконецъ удалось сформировать на скалѣ маленькій магазинъ. Впрочемъ, запасъ нашъ, большею частію, уже былъ попорченъ морскою водою; мы не имѣли ни пшена, ни хлѣба, ни картофеля, ни водки; большею частію спасена была провизія, составлявшая собственность командира парохода; у насъ оказалось достаточное количество вина, солонины, сосисекъ, саго, пива, двѣ бочки муки, нѣсколько масла, сахару, чаю, и проч. — Мнѣ съ трудомъ удалось убѣдить монаха товарищей, чтобы изъ всѣхъ этихъ припасовъ составить общій магазинъ и учредить правильную раздачу порцій. Всякій думалъ заготовиться только для себя. У магазина учредилъ я караулъ, но удроченные лишеніями часовые не въ силахъ были противиться искушенію, и предавались пьянству. Тогда пассажиры зашли караулъ; они смѣнялись каждые два часа. Пасторъ Фекманъ, по своему званію столь далекій отъ военного дѣла, первый подаль собою примѣръ. Тутъ же выбрали мы смотрителя магазина, или, лучше сказать, комиссара; эта обязанность пала на кондуктора Торремана; онъ ежедневно принималъ изъ магазина определенное количество припасовъ.

Пока намъ попадалось въ руки нѣсколько черепахъ, у насъ варялся порядочный супъ, на прѣсной водѣ, поподаемъ съ морскою, но въ послѣдствіи мы имѣли самое скудное пропитаніе: на 140 человекъ оставалось всего 10 или 12 фунтовъ пшена, одинъ окорокъ и кусокъ солонины, фунтовъ въ десять. У насъ не было ни капли водки, и съ самаго начала, мы постоянно луждались въ водѣ, такъ что на судни выдавалось не болѣе, какъ по два, или по три глотка воды съ краснымъ виномъ. Въ сильные жары, или если случалась дождевая вода, я распоряжался такимъ образомъ: вода, съ ви-

номъ, или безъ него, выдавалась по три раза въ день; по списку вызывали каждого; онъ выпивалъ свой стаканчикъ; за нимъ слѣдующій, и т. д. Это правило распространялось на женщинъ и на дѣтей. Съ самаго начала, я предложилъ жень моей участвовать въ общей выдачѣ; она явилась за своего порціею, вмѣстѣ съ дѣтьми, которыя весело бѣжали въ кругу матросовъ; одинъ солдатъ приносилъ двухлѣтнюю дочь мою на рукахъ. Можетъ быть, такое строгое соблюденіе порядка способствовало къ сохраненію должнаго уваженія къ женщинамъ. Если бы допустить малѣйшее нарушеніе, жизнь наша могла бы быть каждую минуту подвержена опасности. Хотя пассажировъ отдѣляло отъ солдатъ и матросовъ разстояніе не болѣе 8 или 10 шаговъ, но правила дисциплины были строго соблюдаемы, и ни одинъ солдатъ не могъ прійти безъ позволенія къ намъ, если даже хотѣлъ попросить чего нибудь, или закурить сигару.

Сдѣлавъ 7-го Мая неудачную попытку дать о себѣ извѣстіе въ Амбоннѣ, посылкою туда нѣсколькихъ человекъ на шлюпкѣ, я занялся изысканіемъ новыхъ средствъ для достиженія сей цѣли, потому что въ случаѣ совершенной неудачи, намъ угрожала неминуемая гибель: кому бы пришло на умъ, что пароходъ нашъ могъ разбиться объ эту ничтожную коралловую отмель? Мы единогласно рѣшили, что лучше всего будетъ отправить единственную прочную шлюпку въ Делли (у насъ было двѣ шлюпки, но одна изъ нихъ весьма не прочно устроена). Вѣтеръ и теченіе, казалось, способствовали нашему предпріятію; если бы шлюпкѣ нашей удалось добраться до Делли, отуда могло прійти къ намъ на помощь какое нибудь китоловное судно; тамъ имѣли все средства дать знать въ Римъ, или въ Яву, о постигшемъ насъ несчастіи. Я собралъ весь свой экипажъ, и съ картою въ рукахъ, объявилъ предложенныя мною намѣренія; все единогласно одобрили ихъ, и просили меня, лично прійти начальство надъ экспедиціею. Однако жъ, я рѣшился поручить ее лейтенанту Раувсу, считая присутствие свое необходимымъ на скалѣ, для сохраненія порядка; къ тому жъ, жена моя объявила твердую рѣшимость всюду слѣдовать за мною. Зная по опыту, что для успѣха въ Делли нужно имѣть деньги, я предложилъ всемъ сложиться по мѣрѣ возможности, и вручить полученную такимъ образомъ сумму денегъ лейтенанту

Раувсу и штурману Мюллеру. Все единодушно участвовали в этой складнице. Я далъ золотомъ 750 фл. и банковыми билетами 1200 фл., насторъ Фекманъ пожертвовалъ 750, инженеръ Фанъ-Дейзель 100 фл., Г. Фанъ-Ширенвенбургъ билетами 170 фл. и 64 фл. монетою; лекарь 3-го класса Голландеръ 125 фл. билетами; жена моя, съ своей стороны, отдала жемчужное ожерелье и три брилліантовые перстни. Я написалъ письмо къ Португальскому Коменданту, на Англійскомъ и Французскомъ языкахъ, въ которомъ просилъ у него помощи, съ тѣмъ, что если собранная нами сумма денегъ не можетъ покрыть расходовъ на снаряженіе и отправленіе къ намъ на помощь корабля, то я обязуюсь, по прибытіи въ Батавію, выплатить ему остальные деньги.

Шлюпка наша подняла паруса въ самую благоприятную погоду; нѣсколько дней сряду стояло хорошее время, и по всемъ нашимъ соображеніямъ, лейтенантъ Раувсъ долженъ былъ прибыть въ Дели 15 или 16 Мая. Отличное усердіе, оказанное при семъ случаѣ лейтенантомъ Раувсомъ и штурманомъ Мюллеромъ, превосходитъ всякую похвалу. Увы! Намъ доселѣ неизвѣстна участь отважныхъ, пустившихся въ открытое море на утлой ладѣ. Тысяча причинъ заставляли насъ сомнѣваться въ успѣхъ предпріятія. * Грустныя мысли тревожили меня, можетъ быть, еще болѣе нежели другихъ, но я старался преодолѣть себя, чтобы исключительно заняться присканіемъ новыхъ способовъ для нашего спасенія. Прежде всего предложилъ я командиру парохода построить нѣсколько маленькихъ плотиковъ, поставить въ срединѣ каждаго изъ нихъ родъ мачты и прибить къ ней лоскутокъ Нидерландскаго флага; внизу этихъ мачтъ, я приказалъ привязать тщательно закупоренныя бутылки; въ нихъ полжены были записочки на Малайскомъ и на Голландскомъ языкахъ; мы извѣщали о постигшемъ насъ бѣдствіи, общими извѣстную награду союзнымъ намъ туземцамъ, и даже пиратамъ, если они дадутъ объ этомъ знать въ ближайшее Нидерландское поселеніе.

Когда у насъ не стало болѣе черепахъ, все упало духомъ; умбреныя порціи, раздаваемые ежедневно, едва утоляли

* Нынѣ извѣстно, что Лейтенантъ Раувсъ попалъ въ плѣнъ къ пиратамъ со всемъ своимъ экипажемъ; за исключеніемъ четырехъ уроженцевъ Явы, они все освобождены безъ выкупа.

голодь и жажду; всякій, у кого только были башмаки или подметки, подвязанныя веревками, пускался въ поиски. Иногда попадались большія морскія устрицы и раки, а въ трещинахъ утеса находили мы морскихъ угрей. Все это варили въ соленой водѣ, подбавляя не много масла. Лучшее всего ловились устрицы и солдатамъ были по вкусу, хотя они страдали сначала отъ этой пищи ужасными коликами и поносомъ; по сей причинѣ, нѣкоторые изъ нихъ вовсе не могли есть устрицъ. Я было пытался варить изъ нихъ супъ, но отъ него оказывалась нестерпимая вошь. Индійскія женщины съ особеннымъ искусствомъ отыскивали все, что только можно было употребить въ пищу. Когда наши солдаты, изнуренные жаромъ, усталостію и лишениями, падали въ изнеможеніи, эти женщины ходили за ними съ величайшимъ усердіемъ. Часто онѣ отправлялись на промыселъ еще при мѣлчномъ свѣтѣ, шли по плеча въ водѣ, вооруженныя длинными палками, и всегда возвращались съ добычею, но оставляли на свою долю самую малую часть. Индѣйцы гораздо воздержнѣе Европейцевъ, способны ихъ къ безкорыстнымъ жертвованіямъ въ пользу общую, и легче переносятъ всякаго рода лишенія. Мы хотѣлось употребить на что нибудь нашу остальную шлюпку, потому, что пуститься на ней въ море было совершенно невозможно; она едва могла держать на себѣ 6 или 8 человекъ.

Мы пришла въ голову мысль построить паромъ; по всему многими причинамъ, я тотчасъ же сдѣлалъ гласнымъ это предположеніе; во-первыхъ, это пробуждало угасшую мысль надежды, и притомъ я удобнѣе могъ сберечь провинцію, подѣ такимъ предлогомъ. Мы не давали покоя жалобами, что выдается слишкомъ мало воды. Теперь былъ готовый отвѣтъ: «А что мы станемъ дѣлать безъ припасовъ и безъ воды, когда поспѣетъ паромъ?» И все безъ ропота повиновались суровому закону необходимости.

У насъ было довольно большихъ, по опасныхъ не было; 15 Мая умеръ одинъ изъ Индѣйскихъ матросовъ. Онъ очень много претерпѣлъ въ первые дни, и по недостатку въ прѣсной водѣ, не могъ уже поправиться. У насъ не нашлось горсти земли, чтобы засыпать его бранные остатки; рано утромъ я велѣлъ привязать трупъ къ доскѣ и положить на подводную часть скалы; съ приливомъ пришла за нимъ роковая волна,

и унесла его въ море! Я беруъ лошадей своихъ до 15 Мая; все это время бѣдныя животныя были на самой скудной пищѣ; рѣдко доставался имъ потокъ дождевой воды. Хотя въ послѣдствіи оставались на нихъ только кожа да кости, мы за роскошь сочни ихъ грубое мясо; часть его посолили, часть высушили, на манеръ диндига.

Утопающій хватается за соломинку, говоритъ пословица, а погибающій во всемъ видитъ спасеніе. День былъ прекрасный; солнце стояло у насъ прямо надъ головами; ни одного облачка не было на небѣ, и передъ глазами нашими разстилалась безпредѣльная равнина моря. Вдругъ, матросы замѣтили на краю горизонта нѣсколько лодокъ; это былъ призракъ, но столь похожій на дѣйствительность, что трудно было не обмануться. Надобно сказать, что все это время продолжительные туманы скрывали отъ насъ вѣдьмо нѣсколько утесистыхъ шипелей; теперь они ясно обозначились на чистой лазурн неба; прибавьте къ этому стада бѣлоголовыхъ волнъ, освѣщенныхъ лучами троническаго солнца — намъ видѣлись вдали бѣлые паруса. Но скоро неподвижность мнимыхъ лодокъ заставила насъ разгадать печальную дѣйствительность. Накапнувъ этого дня, около восьми часовъ вечера, вахтенные закричали: ура! Мы все бросились изъ палатокъ, и должны были воротиться ни съ чѣмъ. Только на утро узнали мы, что они сочни падающія звѣзды за огни на корабль.

Командиръ парохода былъ того мнѣнія, что въ нашей остальной шлюпкѣ невозможно добраться до Амбонна, Бу-ро, или Амблага. Не смотря на то, солдаты безпрестанно толковали, какъ бы отправить эту шлюпку куда нибудь, съ извѣстіемъ о нашемъ положеніи. Такое обстоятельство родило во мнѣ мысль направить ее въ Бонтайнъ, или Бетекомъ. Такимъ образомъ, извѣстіе о нашемъ злополучіи могло дойти въ Макассаръ. Впрочемъ, я весьма далеко былъ отъ того, чтобы считать успѣхъ этой экспедиціи вѣрнымъ; при господствовавшихъ тогда пассатныхъ вѣтрахъ, отсюда не могли намъ подать скорой помощи. Однакожъ, я рѣшился на предирѣтіе, положивъ себѣ за правило не спорить съ общимъ мнѣніемъ; мнѣ еще хотѣлось попытаться сообщить въ Батавію извѣстіе о разбитіи нашего парохода. Я предварительно составилъ планъ путешествія по старинной лоціи конгръ-адмирала Ставоринуса.

Мая 18-го, съ полнолуніемъ, вода стала значительно прибывать; дулъ сильный вѣтеръ; я уже начиналъ бояться, чтобы волны не заплеснули нашей скалы. Съ невольнымъ страхомъ, все наблюдали постепенное возвышеніе волнъ, но къ счастью, море пощадило насъ. Въ ночи, пароходъ покачнулся на бокъ; черезъ нѣсколько дней, онъ треснулъ пополамъ, и все наши вещи сдѣлались добычею непасыпнаго моря. Впрочемъ, за день передъ этимъ намъ удалось спасти нѣсколько досокъ на постройку парома.

Машинистъ Моссельманъ былъ уже нѣсколько дней боленъ. Особенно я уважалъ его за отличное поведеніе и честность. Въ полдень, Моссельманъ изъяснилъ желаніе повидаться со мною; онъ объявилъ мнѣ, что во время службы своей, ему удалось скопить небольшую сумму денегъ, просилъ меня взять эти деньги и употребить ихъ по моему собственному усмотрѣнію. Я спросилъ, нѣтъ ли у него кого нибудь родныхъ. Онъ отвѣчалъ, что жена его живетъ въ Амстердамѣ, и согласилась отказать ей все свое имѣніе. — Онъ передалъ мнѣ кошелекъ съ деньгами, и трубочку, въ которой завернуто было нѣсколько банковыхъ билетовъ. Я возвратилъ ему кошелекъ, потому, что во всякомъ случаѣ, мнѣ трудно было сохранить его, но обѣщалъ сберечь банковые билеты. Пришедъ въ свою хижины, я вскрылъ трубочку, въ присутствіи пастора Фекмана и Г. Фанъ-Шпренвенбургга; мы нашли въ ней банковыи билетами 775 флор. Дни тонулись для насъ, какъ годы — мы все рѣшительно унаси духомъ.

Нельзя сказать, чтобы жена моя была нездорова, но въ ней замѣтны были признаки усталости и расслабленія; лицо ея чрезвычайно загорѣло; она страдала ужасно. Я перазъ удивлялся твердости духа этой благородной женщины; при-мѣръ ея подкрѣплялъ другихъ; она по временамъ вела дневникъ. Дѣти наши, свѣжъ всякаго чаянія, были также здоровы; у нихъ не стало башмаковъ, но, за сигарку и за потокъ вина, матросы сдѣлали имъ деревянные. Когда вода сбывала, они съ безпечностію, свойственною дѣтскому возрасту, пускались отыскивать раковины. Жизнь наша была прավильная, но чрезвычайно однообразная.

Я всегда самъ присутствовалъ при раздачѣ припасовъ; безъ меня не смѣли выдать ни одной капли воды.

За обѣдомъ, я довольствовался нѣсколькими глотками супа,
Т. I. — Отд. III. 11

который находилъ очень противнымъ; разумѣется, я не показывалъ виду, что ѣмъ его насильно; солдатамъ и матросамъ супъ этотъ казался очень вкуснымъ. Хижина паша была мала и низка; днемъ, въ ней было жарко, какъ въ раскаленной печи; при 2½ аршинахъ ширины и 1½ аршинъ вышины, она простиралась только на 4 аршина въ длину, и въ этой хижинѣ спали тринадцать человекъ! Днемъ собиралъ я, по возможности, въ пей, или около нея, большую часть пассажировъ. Не смотря на то, вездѣ господствовали порядокъ и чистота. Молодая супруга Г. Фанъ-Шпревенибурга помогала намъ очень много въ нашемъ несчастномъ состояніи. Она была родомъ изъ Батавіи, и все переносила съ удивительною твердостью; когда нужно было согрѣть воды для кофе или для чаю, она оставалась по нѣсколько часовъ на солнцѣ надъ пылающимъ огнемъ; безъ такой предосторожности, какъ ни дура была вода, которую мы употребили, матросы не упустили бы случая выпить ее, и наполнить котелокъ намъ около водою.

Не смотря на отвратительность нашей пищи, жена и дѣти мои, казалось, иногда были ею довольны. Впрочемъ, въ отношеніи жизненныхъ принасовъ, я принужденъ былъ обходиться довольно жестоко съ моимъ собственнымъ семействомъ и со всеми пассажирами. Часто отказывалъ я дѣтямъ въ черствомъ сухарѣ, но за то, какъ я былъ счастливъ, когда могъ удѣлить имъ что нибудь! Часто, уединясь на какомъ нибудь обломкѣ скалы, окруженный со всѣхъ сторонъ бушующими волнами, я съ тайною грустію смотрѣлъ на дѣтей моихъ, какъ они, безпечно, бѣгали за каждою блестящею раковиною, а жена моя устремляла молящій взоръ къ небу; будущность ихъ невольно занимала мои мысли; я терялъ всю надежду на спасеніе, и кака-же участь ожидала жену мою, въ ея положеніи, на этой безплодной скалѣ! Лишенная всѣхъ возможныхъ пособій, безъ лекарствъ, безъ доктора; — и если ей суждено умереть въ этомъ пустынномъ уголку земнаго шара, у насъ не было даже горсти земли — засыпать ея прахъ. Мои думы были ужасны! Только близъ нея, всегда спокойной, всегда твердой, находилъ я отраду и утѣшеніе, а мнѣ необходимо еще было сохранять присутствіе духа, потому, что на мигъ лежала участь всѣхъ моихъ товарищей несчастія. Они возлагали на меня всю

свою надежду. И такая довѣренность удвоила мои силы. Я благосклонно выслушивалъ все совѣты, но ничего не принималъ безъ общаго согласія. Мая 12-го отправлена была наша экспедиція по направленію къ пяти маленькимъ островкамъ, лежащимъ на востокъ отъ нашей скалы. Въ этой экспедиціи участвовали артиллеристъ Дерксъ и Г. Фанъ-Шпревенибургъ.

Напрасно представлялъ я всѣ опасности предпріятія; ветхая шлюпка наша должна была два раза выдержать натиски буруна; намъ неизвѣстно было, что это за острова; они могли быть населены враждебными намъ племенами. Но ничто не утратило отважныхъ моряковъ. Подштурманъ парохода Качъ взялъ на себя штурманскую должность. Путешественники наши возвратились черезъ 36 часовъ; мы были уже отчаливали ихъ видѣть. Жена моя пришла въ восторгъ, когда намъ принесли пару кокосовыхъ орѣховъ, нѣсколько листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ. Отраженіе огненного солнца на коралловомъ утѣсѣ ужасно утомляло глаза. Зрѣніе наше услаждалось давно невиданною зеленью; мы терли его тѣло, и это доставляло намъ отрадное чувство. Я слынилъ разгласить извѣстіе о благопріятныхъ послѣдствіяхъ предпріятія, и воспользовался этимъ лучемъ надежды, чтобы утѣшить сестры, возникшіи между моряками и солдатами; я отдалъ приказъ, который имѣю честь представить присемъ Вашему Превосходительству, въ копій, и съ сей минуты спокойствіе ни разу не было нарушено.

Теперь, по крайней мѣрѣ, извѣстенъ былъ ходъ нашей шлюпки, и смѣлый штурманъ Качъ готовъ былъ пуститься въ пей хоть на край свѣта; моряки и солдаты только и надеялись на эту шлюпку. Обходя рундомъ, въ десять часовъ вечера, я замѣтилъ, что нѣсколько утеръ-офицеровъ, штурманъ Качъ, и два, или три матроса, собрались вмѣстѣ, и объ чемъ-то совѣщались; увидѣвъ меня, они просили выслушать ихъ, и предложили мнѣ еще разъ снарядить экспедицію въ Амбоннъ.

Я отвѣчалъ, что совершенно согласенъ съ ихъ мнѣніемъ, но что, по увѣренію командира парохода, это предпріятіе не можетъ имѣть благопріятныхъ послѣдствій, и я не смѣю взять на себя одного отвѣтственность въ такомъ случаѣ.

На другой день, экспедиція въ Амбоннъ сдѣлалась предме-

томъ общихъ желаній; я внесъ всѣ обстоятельства дѣла въ свой журналъ, и послалъ за командиромъ парохода, за штурманомъ Качемъ и за всеми пассажирами.

У насъ сохранились двѣ морскія карты; мы тщательно измѣрили по нимъ долготу и широту, поѣ которыхъ лежала наша скала, и основываясь на этихъ наблюденіяхъ, я заключилъ, что теченіемъ легко можно отнести шлюпку гораздо далѣе Лудипарскихъ подводныхъ камней, около Амбонна, по что и въ такомъ даже случаѣ, экспедиція наша все еще будетъ находиться ниже Богерое, и что наконецъ эта земля собственно должна быть цѣлью нашего предпріятія, а оттуда уже легко будетъ сообщиться съ Амбономъ.

Выслушавъ нѣсколько различныхъ мнѣній, мы опредѣлили спарядить экспедицію, и какъ предпріятіе наше основано было на общественномъ согласіи, я рѣшился заглушить свои сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что самъ не считалъ еще успѣха путешествія вовсе невозможнымъ; мнѣ пришло на память, что одинъ Англичанинъ совершилъ переездъ изъ Амбонна въ Сурабаю на шлюпкѣ, употребилъ попеременно, то паруса, то греблю. Я приказалъ, сколько можно было, обшить шлюпку мѣдью; мы подняли борты ея, чтобы она представляла болѣе упора волнамъ; потомъ устроили маленькую палатку для отдыха матросамъ и для храненія съѣстныхъ припасовъ.

Стараясь сколько можно болѣе обезпечить успѣхъ нашей экспедиціи, я приказалъ заготовить нѣсколько объявленій, на Голландскомъ и на Малайскомъ языкахъ, о постигшей насъ гибели, присовокупивъ обѣщаніе денежной награды тому, кто уведомитъ объ этомъ которагонибудь изъ Губернаторовъ Нидерландскихъ поселеній въ Индіи. По всей вѣроятности, можно было предположить, что шлюпка наша не попадетъ прямо въ Амбоннъ, а должна будетъ пристать гдѣнибудь, и въ такомъ случаѣ, матросы могли разсыпаться въ разные стороны. Я обернулъ мои объявленія въ свинецъ, и велѣлъ матросамъ носить ихъ на шеѣ, увѣряя, что это *джиматъ* (талисманъ), и что даже въ случаѣ разбитія шлюпки, они спасутъ насъ всѣхъ.

Мал 26, въ 7 часовъ утра, послѣ прилива, шлюпка наша подняла парусъ. Я вручилъ штурману Качу письмо, на имя чиновника, исправляющаго должность Губернатора въ Амбоннѣ. Мы долго слѣдили шлюпку глазами. — Нужнымъ счи-

таю прибавить, что до того времени, вѣтеръ дулъ отъ N.E.E и S.E.

Вдругъ онъ подулъ съ запада, и цѣлый день не перемѣнялъ направленія; такое обстоятельство сочли мы за благоприятное предзнаменованіе, потому, что съ этимъ вѣтромъ шлюпка наша могла быстро идти къ востоку. На другое утро замѣтили мы паруса на западъ отъ нашей скалы. Мы приветствовали ихъ громкимъ кликомъ; слезы радости блистали у всѣхъ на глазахъ. Наканунѣ Г. Ламметъ отправился къ разбитому пароходу, чтобы заготовить тамъ доски для построенія плота; съ трудомъ преодолевъ стремленіе буруна, задыхаясь, приближалъ онъ къ намъ назадъ, и объявилъ, что мы спасены! Въ самомъ дѣлѣ, паруса становились явственными, а съ остатковъ парохода, по словамъ Г. Ламмета, видѣть было весь корабль.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали его приближенія, но какъ-ва жъ была наша горестъ, когда мы замѣтили, что онъ сталъ удаляться, вѣроятно, какъ полагали мы, чтобы не попасть подъ вѣтеръ пяти маленькихъ острововъ. Лишь только упалъ туманъ, мы разложили большіе огни и поддерживали ихъ всю ночь. Съ зарею, мы надѣялись снова увидѣть призракъ нашего спасенія.

Съ первымъ появленіемъ свѣта, всѣ мы съ жадностію искали глазами желаннаго корабля, но только бурное море разстилалось передъ нами пустынною пеленою; отчаяніе вѣстилось въ наши души. Надобно самому испытать всю горечь подобнаго разочарованія, и тогда можно понять весь ужасъ нашего положенія!

До 7 Іюня не случилось ничего особеннаго. Въ этотъ день жена моя по временамъ страдала ужаснѣйшими судорогами; ея страданія превосходили всякое описаніе; она кричала, просила помощи, а я ничѣмъ не могъ облегчить ея скорби . . . съ нами вовсе не было лекарствъ. На утро жестокая боль нѣсколько утихла. Плоть нашъ замѣтно прибавлялся; каждый день работали десять человѣкъ, и всякій изъ работниковъ получалъ ежедневно по стакану вина, по сигарѣ, и по порціи саго, изъ котораго варили супъ поподамъ съ морскими устрицами. Мы всѣ ходили собирать обломки нашего парохода, которые прибывало къ намъ моремъ; доски устроили на дрова, а желѣзо складывали въ одно мѣсто.

Около четвертаго часу по полудни, Юня 7-го, мы съ г. Фаапъ-Шпренвенбургомъ, наблюдая за работами, вдругъ замѣтили въ морѣ корабль. Онъ шелъ прямо къ намъ, и вскорѣ ясно можно было различить, что это былъ бригъ. Со всѣхъ сторонъ раздались радостные крики, но вспомнивъ однажды испытанное разочарованіе, мы испугались своей радости. Я тотчасъ побѣжалъ за женою и за другими пассажирами. Жена моя еще не совсѣмъ оправилась послѣ болѣзни, но я кое-какъ привелъ ее по неровной дорожкѣ на то мѣсто, откуда можно было видѣть паруса; ей хотѣлось знать, замѣтили ль насъ на бригъ. — Я еще сомнѣвался въ этомъ самъ, какъ вдругъ звукъ пушечнаго выстрѣла прокатился по безпредѣльн му пространству океана, и скала наша отвѣчала ему громкимъ отголоскомъ; черезъ минуту — другой выстрѣлъ.... не было сомнѣній — корабль шелъ къ намъ на помощь....

Наконецъ, часъ освобожденія наступилъ.... бригъ не перемѣнилъ своего направленія.... пушечные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ....

Матросы и солдаты пришли поздравить меня съ радостнымъ событіемъ, и просили позволенія ознаменовать его обѣдомъ; я считалъ себя совершенно счастливымъ, что могъ исполнить ихъ просьбу. Имъ выдали пшена и двойную винную порцію.

Вечеромъ приказалъ я зажечь огни и поддерживать ихъ во всю ночь. Мы таили дыханіе, чтобы явственнѣе слышать пушечные выстрѣлы; вѣроятно, думали мы, въ ночь бригъ дастъ намъ знать о своемъ приближеніи; въ самомъ дѣлѣ, черезъ каждые два часа слышался выстрѣлъ; звуки эти, то глухо раздавались въ пространство, то слышались явственно, смотря по тому, какъ судно удалялось или приближалось къ намъ. Всякій разъ какъ выстрѣлъ долеталъ вплоть до нашей скалы, у всѣхъ было одно восприимчивое на устахъ: «Сигналь!» и потомъ воцарялось опять мертвое, глубокое молчаніе.

Юня 8-го, прежде зари, мы уже всѣ были на ногахъ, и каждый старался первый увидѣть замѣченный на канушъ бригъ. Что касается до меня, хотя я и не сомнѣвался болѣе въ назначеніи его, но грустные думы невольно приходили мнѣ въ голову. Меня тревожила мысль: какъ трудно будетъ спастись намъ всѣмъ до одного, и то, что если не случится

благопріятной погоды, мы всѣ легко можемъ погибнуть посреди буруна! Въ этотъ день, около осьми часовъ вечера, мы ясно могли распознать военный бригъ, снаряжавшій шлюпку. Я тотчасъ же отрядилъ часового съ флагомъ, чтобы шлюпка могла пристать на самомъ безопасномъ мѣстѣ; но эта предосторожность оказалась вовсе безцѣльною, потому, что на шлюпкѣ увидѣли мы штурмана Кача и офицера; ясно было, что бригъ прислалъ былъ изъ Амбонна онъ назывался: *Nautilus*.

Съ неизъяснимымъ восторгомъ встрѣтили мы прибывшаго къ намъ лейтенанта Вивега. Жена моя могла только позвать ему руку, а дѣти осыпали его вопросами. Онъ вручилъ мнѣ письмо отъ Амбоннскаго Губернатора.

Тогда узналъ я, что штурманъ Качъ совершилъ переездъ въ Амбоннъ въ пятеро сутокъ, и единственно случайно былъ обязанъ тѣмъ, что вошелъ прямо въ заливъ. Сначала мы едва могли вѣрить нашему ушуху.

Резидентъ Келлеръ, въ письмѣ своемъ, уведомлялъ меня, какимъ образомъ все благопріятствовало нашему спасенію. Едва только пришло извѣстіе объ ужасномъ положеніи, въ какомъ мы находились, лейтенантъ Миллеръ, командиръ брига *Nautilus*, посвѣшилъ оснастить свое судно, которое стало разгруженное въ гавани. Экипажъ его работалъ во всю ночь, подъ проливнымъ дождемъ. Юня 1-го онъ поднялъ паруса, но едва успѣлъ выйти изъ гавани 2-го числа, ибо сильная буря заставила его снова воротиться на рейдъ; старая оснастка его судна не могла выдержать такой бури. 3-го, онъ опять вышелъ въ море, а 7-го уже находился у насъ въ виду.

Вошленіе такъ было сильно 8-го числа, что мы не могли начать переправы на бригъ; я условился съ лейтенантомъ Вивегомъ, что по первому выстрѣлу съ брига мы начнемъ приготовляться, а присмотрѣвъ за порядкомъ отправлять взыкъ я на себя.

Собравъ всѣхъ обитателей скалы, я объявилъ имъ, что на другой день мы вѣроятно освободимся изъ своего заточенія, но что при переправѣ строго должны соблюдаться порядки.

Я велѣлъ изготовить 140 нумерованныхъ билетомъ; мы должны были оставлять скалу въ порядкѣ вынутыхъ нумеровъ; всякому позволялось взять съ собою узелъ, величиною не

больше солдатскаго ранца. Вплоть увидѣли мы купеческій корабль Эрикъ, павитый для насъ, за недостаткомъ другаго военнаго судна. Эта мѣра была чрезвычайно предусмотрительна, потому что иначе переправа наша продолжалась бы нѣсколько дней.

Г. Римсеръ находился на Эрикъ, онъ изъявилъ желаніе участвовать самъ въ экспедиціи.

Но радость паша была омрачена смертью машиниста Мосельмана; онъ умеръ 8 Июля. Бранные остатки его зашли въ мѣнокъ, привязали къ доскѣ и пустили въ море. Несчастный перенесъ ужаснѣйшій страданій. Явное противорѣчіе этого печальнаго происшествія съ радостью, наполнившею наши сердца, вполне принадлежало къ числу тѣхъ необыкновенныхъ событій, которыми ознаменовано было все время пребыванія нашего на скаль.

9-го Июля погода была довольно благопріятна; въ 7 часовъ утра мы услышали сигналъ, и въ то же время бригъ пустилъ шлюпки; одною командовалъ лейтенантъ Вивенъ, другою лейтенантъ Мотте; Эрикъ также отправилъ къ намъ свои шлюпки.

Я распорядился такъ образомъ, чтобы прежде всего переправить женщинъ, дѣтей и пассажировъ; четверо матросовъ перенесли жену мою въ шлюпку на носилкахъ; она ужасно претерпѣла въ это время, но теперь собрала все свои силы, чтобы ни на минуту не потерять изъ виду дѣтей. Ихъ понесли вмѣстѣ съ нею.

У маленькаго магазина нашего, на скаль, поставилъ я чашовыхъ, изъ опасенія, чтобы во время моего отсутствія, матросы не нанустились на крѣпкіе напитки.

Самъ я отправился вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, и мы благополучно прибыли на бригъ; буриль свирѣпствовалъ съ ужасною силою; лишка дѣтей моихъ, опоздавъ нѣсколько минутъ, не могла уже попасть въ шлюпку, а дожидаться было невозможно, потому что море ужасно волновалось. Шлюпка, на которой находилась жена моя и дѣти, долго подвергалась опасности; матросы едва успѣвали выкачивать воду.

Жена моя съ трудомъ поднялась на палубу, вслѣдъ за дѣтьми, но изнуренная усталостію, безпокойствами, не имѣя силъ преодолѣть чувствъ материнской нѣжности, она упала въ обморокъ, хотя и скоро потомъ пришла въ себя, благо-

даря попеченіямъ капитана Миллера и лекаря Фанъ-деръ Геве; впрочемъ, ей оставалось еще много перенести! — Я возвратился на скалу, гдѣ присутствіе мое было необходимо; для сохраненія порядка и для наблюденія за больными, потому, что теперь всякій думалъ только о себѣ; въ заботливости, съ какою каждый старался попасть въ шлюпку, ни сколько не помышляя о страданіяхъ близкаго, видѣнь были эгонсмъ во всей своей наготѣ, такъ, что если бы не успѣли Г. Ламмета и не мои старанія, вѣроятно, нѣсколько большихъ, а можетъ быть, и нѣкоторые изъ пассажировъ, погибли бы въ волнахъ; особливо, опасность предстояла на послѣднихъ 15-ти шагахъ, ибо, для того, чтобы попасть въ шлюпку, надобно было пользоваться какими нибудь двумя секундами, пока волна отступала отъ берега, и пропустивъ это удобное время подвергались опасности быть опрокинутыми наступавшею волною. Нянька дѣтей моихъ и нѣкоторые другіе пассажиры подверглись величайшей опасности, промедливъ мгновеніе; къ счастью они успѣли еще воротиться на то мѣсто, гдѣ дѣйствіе буруна было не такъ сильно. Шлюпки плавали весь день. Однакожъ, около полудня, во время прилива, принуждены были прекратить перевозъ; волны были такъ велики, что не достигнувъ еще мели, шлюпки уже наполнялись водою.

Съ отливомъ море утихло немного; тутъ употреблены были все старанія, чтобы перевезти всѣхъ оставшихся еще на скаль. Насъ было тамъ еще 40 человекъ. Съ помощію лейтенанта Вивега, я раздѣлил всѣхъ на нѣсколько маленькихъ отрядовъ. Эти отряды направились къ шлюпкамъ, и съѣли на шхъ благополучно, что оказывалось тѣмъ затруднительнѣе, что въ числѣ оставшихся сорока человекъ было нѣсколько большихъ, а также и женщинъ, которая уже прежде пытались попасть на шлюпки, и со страхомъ видѣли опасность, о которой я упоминалъ выше.

Всего потеряли мы при перевозѣ одного матроса, уроженца острова Явы. Это было 9-го Июля, въ 5 часовъ вечера. Весь день бригъ маневрировалъ чрезвычайно искусно, стараясь облегчить причаливаніе шлюпокъ; уже сто человекъ изъ насъ были на бригъ, а на Эрикъ сорокъ человекъ. Со мною оставались на скаль Г. Фанъ-деръ-Дивенъ, Г. Ламметъ, сержантъ Швабъ и два матроса; мы ожидали воз-

вращения последней шлюпки, но вѣтеръ крѣпчалъ, и наконецъ, такъ усилился, что шлюпка должна была возвратиться къ бригу.

На другой день, 10-го Июня, не было ни какой возможности насъ перевезти; къ тому жъ все шлюпки были такъ повреждены, что никакъ не могли употребить ихъ для плаванія въ крѣпкую погоду.

Юня 11-го пытались насъ спасти, не смотря на ужасное волненіе; впрочемъ, надобно замѣтить, что мы находились въ Бандскомъ морѣ, которое всегда бываетъ чрезвычайно бурно. Благодаря стараніямъ Г. Римера, подкиперъ съ Эрика пріѣхалъ за нами въ надежной шлюпкѣ. Волненіе было такъ велико, что около 8 часовъ утра, шлюпка, подпавшись на гребень одной волны, какъ-будто съ неба упала на нашу отмель, когда волна отступила. Намъ нельзя было терять времени; море волновалось сильнѣе и сильнѣе. Я спросилъ у штурмана, можно ли намъ отправиться въ путь. Онъ отвѣчалъ утвердительно, однако жъ прибавилъ, что въ такомъ только случаѣ достигнемъ мы корабля, если его Явскіе гребцы осилитъ стремленіе буруна; ихъ было 8 человекъ. Я обещалъ имъ денегъ, если они благополучно доставятъ меня на бригъ; за то они употребили все свои силы, и наконецъ, не смотря на все трудности, мы вступили на палубу Наутилуса. Громкое ура приветствовало насъ.

Мы претерпѣли много, но все спаслись. Жена моя была очень нездорова; положеніе ея заставляло меня страшиться будущности. На палубѣ отдали мнѣ должныя почести; капитанъ сказалъ, что онъ ожидаетъ моихъ приказаній; я тотчасъ же просилъ его доставить меня въ Амбоннѣ.

Если съ одной стороны положеніе моей жены и потеря всего имущества побуждали меня возвратиться въ Батавію, то другія, не менѣе уважительныя причины, заставили меня отправиться къ мѣсту моего назначенія. Во весь переѣздъ, намъ оказывали всевозможное вниманіе; тѣснота на бригѣ была ужасная, и жена моя очень много пострадала во время краткаго, но тѣснотнаго нашего путешествія.

Юня 12-го, мы прибыли въ Амбоннѣ. Жители приняли насъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ, потому, что извѣстіе о постигшемъ насъ несчастіи, привело всѣхъ въ ужасъ. Всякому хотѣлось приласкать, поцѣловать дѣтей моихъ; ихъ

почти на рукахъ донесли до экипажей, которые ожидали насъ у пристани. Мы остановились у г-на Келлера. Этотъ почтенный человекъ и достойная супруга его, всячески старались изгладить изъ памяти нашей претерпѣнныя нами страданія.

Утромъ 14-го, я вступилъ въ должность. Бывшее по этому случаю торжество чрезвычайно меня тронуло, особенно, когда товарищъ моего несчастія, Г. Фанъ-Шпревбургъ, не могъ скрыть своего душевнаго волненія, и со слезами на глазахъ, заключилъ меня въ объятія.

На другой день, принялъ я начальство надъ войсками, расположенными на Молуккскихъ Островахъ.

Несчастія наши, краткій очеркъ которыхъ я здѣсь представлялъ, по всей вѣроятности, навѣки запечатлѣются въ моей памяти. Дай Богъ, чтобы онѣ не имѣли гибельныхъ послѣдствій*.

Однакожь, я считаю себя совершенно счастливымъ, что труды мои увѣчались такимъ блистательнымъ успѣхомъ, потому, что во время разбитія парохода и послѣ, при переѣздѣ на шлюпкахъ, мы потеряли, какъ я уже говорилъ, только одного человека. Моряки и военные изъявили желаніе поднести мнѣ благодарственный адресъ; имѣю честь представить его въ копіи Вашему Превосходительству, долгомъ считая прибавить, что я весьма высоко цѣню этотъ знакъ ихъ уваженія и благодарности.

Я уже имѣлъ честь поставить на видъ Вашему Превосходительству, въ прежнихъ рапортахъ моихъ имена тѣхъ лицъ, которые оказали особенное отличіе въ нашихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Въ заключеніе, долгомъ считаю просить Ваше Превосходительство, извинить меня, если я позволилъ себѣ лишія подробности; я надѣялся въ этомъ случаѣ на милостивое вниманіе ваше, которымъ лично имѣлъ счастье пользоваться досель, и руководился мыслию, что васъ займетъ исторія несчастной участи 140 страдальцевъ.

Подписано: *Стюерсъ Подполковникъ.*

Къ этому рапорту слѣдуютъ два приложенія подъ литерами А и В. Въ первомъ, приказъ, отданный Подполковникомъ Стюер-

* Въ Голландіи получено уже извѣстіе, что г-жа Стюеръ, 19-го Августа, благополучно развилась отъ бремени дочерью.

сомъ на коралловой отмели, во вторникъ 23 Мая 1837 года, по случаю возвращенія подштурмана Кача. Въ приказъ поставлено на видъ примѣрное мужество и самоотверженіе подштурмана, также Гг. Фагъ-Шпренвенбурга и артиллерійскаго кандидата Деркса; сверхъ того объявляется, что послѣдній производится отъ начальника въ кондукторы 2-го класса, а о подштурманѣ Качѣ будетъ сдѣлано особое представленіе въ морское министерство. Также упоминается въ немъ съ похвалою объ артиллерійскихъ сержантахъ Ясенѣ и Визанѣ, и артиллерійскихъ капралахъ Флигерѣ и Швабѣ. Второй изъ этихъ документовъ заключаетъ въ себѣ свидѣтельство уваженія и благодарности всѣхъ матросовъ и военныхъ великодушному ихъ избавителю. Этотъ адресъ подписанъ на коралловой отмели Луципарской, 8 Июня 1837 года.

О ЖЕЛѢЗНЫХЪ

И

ТОРЦЕВЫХЪ ДОРОГАХЪ

ВЪ РОССІИ.*

=

При слабости промышленности и народонаселенія въ государствѣ, сухопутная перевозка по дорогамъ едва устроеннымъ очень дешева, и провозная плата почти ничтожна; это видно теперь въ Сибири, и отчасти въ Южной Россіи. Прокормленіе лошадей стоитъ очень мало, по недостатку сбыта земледѣльческихъ произведеній. Зимній путь тогда еще очень хорошъ. Но съ увеличеніемъ народонаселенія и промышленности, внутренняя жизнь государства становится дѣлательнѣе; обращеніе богатствъ дѣлается скорѣе; дороги улучшаются, спрямляются; строятъ плотины, мосты; зимній путь ужъ не годится;** онъ

* Какъ доказательство совершеннаго нашего безпристрастія въ дѣлѣ, о которомъ не смѣемъ принять на себя рѣшенія, помѣщаемъ эту присланную къ намъ статью, замѣчательную по благонамѣренности, фактамъ и выводамъ сочинителя. Знаюкамъ рѣшить вопросъ, любопытный для каждаго просвѣщеннаго и любящаго отечество человека. *Ред. Сына Отец.*

** У насъ съ давнихъ временъ всѣ восхизаюта зимнимъ путемъ; многие называютъ его природною чугуною дорогою, и увѣрены, что это самое лучшее, самое дешевое средство сообщеній. Вслѣдъ за Русскими, иностранцы прославляютъ зимній путь, не имѣя объ немъ ни какаго понятія. Въ Россіи, говорить извѣстный Сей, существуетъ особенный родъ сообщеній, коимъ она обязана климату: это зимній путь. Лошадь, запряженная въ санн, можетъ по убитому снѣгу везти поклажу

при большомъ провъздѣ портится очень скоро. Мало по малу ощущается неудобство дорогъ, особенно въ дурное время года, и дороги мостятъ бревнами, камнями, и наконецъ дѣлаютъ шоссе.

До девятнадцатаго вѣка не знали другихъ дорогъ, но съ нынѣшняго столѣтія введены желѣзныя дороги. Съ 1834 составилаь у насъ компанія для постройки желѣзнаго пути. Не задолго до того изобрѣтены въ Россіи торцевыя дороги, которыя, по всей справедливости, должны быть названы, име-

явное болѣе той, которую она везетъ лѣтомъ по лучшей дорогѣ; перевозка быстрѣе и дорога короче, потому, что всякій прокладываетъ путь по произволу, по болотамъ и озерамъ, въ томъ направленіи какъ ему надобно. Зимой провозная плата втрое менше чѣмъ лѣтомъ. Если взять притомъ въ соображеніе, что товары испортятся отъ выбоинъ дороги и что можно перевозить съѣстные припасы и проч., которыхъ холоду предохранять отъ порчи, то легко понять, почему въ Россіи всѣ значительные транспорты отправляются только зимою. Верно ли это описаніе? Едва ли. Быстрѣе вѣда зимой возможна только въ началѣ оной, когда еще снѣга не глубоки. Но въ концѣ зимы, большія дороги, отъ выбоинъ и оттепелей, довольно дурны. Дилижансы между столицами ходятъ въ первой половинѣ зимы въ трое сутокъ, а во второй половинѣ въ пять сутокъ. Къ тому же на песчаной землѣ никогда почти нѣтъ снѣгу; мятели прерываютъ иногда сообщеніе на нѣсколько дней, наступившая оттепель можетъ вдругъ испортить припасы, привезенные за нѣсколько сотъ верстъ. Нельзя же согласиться послѣ всего этого, что мнѣніе объ удобствахъ зимняго пути преувеличено. Конечно было время когда зимняя дорога представляла большія выгоды, нѣсколько вѣковъ тому, когда Россія не имѣла почти ни какаго гражданского устройства, когда о дорогахъ никто не заботился, ни рѣкахъ и болотахъ не было плотинъ и мостовъ, и сообщенія производились болѣею частью по рѣкамъ. Тогда вѣда зимой была гораздо удобнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Но это время давно прошло. Не все то приносить пользу въ возмужалости народа, что было хорошо въ его младенчество. Огромные обозы, возражають иногда, портятъ зимнюю дорогу, а то дорога была бы всегда хороша. Но эти-то обозы доказываютъ увеличивающуюся внутреннюю дѣятельность государства; они-то неоспоримо свидѣлствуютъ о потребности въ другихъ, лучшихъ путяхъ сообщенія. Дешевизна зимней перевозки происходитъ не отъ удобства оной, а отъ того, что крестьянамъ нечего дѣлать зимой дома. Отъ большаго совмѣстничества ихъ, провозная плата понижается, и они иногда довольствуются тѣмъ, что могли въ теченіе зимы прокормить себя и лошадей.

немъ своего изобрѣтателя, Гурьевскою мостовою; такъ какъ изобрѣтенныя Макъ - Адамовъ шоссе носятъ его имя.

Общая благодарность встрѣтила Гг. Герстнера и Гурьева, посвятившихъ себя съ такимъ рвеніемъ великому дѣлу — общественной пользѣ; важность и нечисленные выгоды для Россіи, отъ введенія желѣзныхъ и торцевыхъ дорогъ, не подлежатъ сомнѣнію; но учредители оныхъ встрѣтятъ болѣе препятствій, нежели ожидали.

Легко можетъ быть, что мнѣніе мое ошибочно, но читатели, видя двѣ противоположныя стороны предмета, можетъ быть, скорѣе найдутъ истину.

Изобрѣтенія и усовершенствованія, служащія къ улучшенію общественнаго и частнаго быта, вводятся въ государства не вдругъ, а мало по малу, сообразно духу вѣка, потребностямъ и степени просвѣщенія. Просвѣщеніе, или, въ смыслѣ болѣе обширномъ, гражданственность (civilisation) имѣетъ различныя степени. Ни одно важное измѣненіе не должно быть введено въ государствѣ ранѣе эпохи, коей измѣненіе сіе соответствуетъ; въ противномъ случаѣ, оно, вмѣсто пользы, принесетъ вредъ, а часто и вовсе не можетъ быть введено. Предразсудки, невѣжество, частныя выгоды, всегда противятся нововведеніямъ; сіи препятствія тогда только могутъ быть преодолены, когда общество приготовлено къ принятію нововведенія, когда оно есть необходимость, или, по крайней мѣрѣ, потребность. Можно ли, напр., выучить чтенію и письму народы дикіе, которые, подобно нѣкоторымъ племенамъ въ Африкѣ и Новой Голландіи, стоятъ на низшей степени общественности, которые почти не имѣютъ языка, и весьма мало различаются отъ обезьянъ? — Кочующіе Монголы давно знаютъ грамоту, но не

могли бы оценить пользы книгопечатанія. Турки, народъ осѣдлый, стоятъ въ образованности выше ихъ; у Турокъ есть мануфактуры, торговли, но они не чувствуютъ нужды въ банкахъ, страховыхъ обществахъ, и другихъ заведеніяхъ, столь необходимыхъ Европейцамъ, при ихъ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Все хорошо въ свое время. Не всѣ Европейскія государства сдѣлали одинакіе успѣхи въ гражданственности; между многими изъ нихъ есть разница и довольно рѣзкая. Англія и Франція стоятъ бесспорно впереди всѣхъ, а Россія занимаетъ послѣ нихъ не первое мѣсто; эту истину не всегда у насъ имѣли въ виду, и часто перенимали различныя изобрѣтенія, не разсуждая, соответствуютъ ли они степени нашего просвѣщенія. Отъ того во всѣ времена было у насъ такъ много неудачныхъ предпріятій.

Паровая машина есть, безъ сомнѣнія, изобрѣтеніе всемірное, долженствующее измѣнить видъ земли. Первое примѣненіе силы пара было къ мануфактурной промышленности. Машины быстро распространились въ тѣхъ странахъ, гдѣ были потребностью. Въ Россіи, что весьма естественно, оныхъ гораздо меньше. Потомъ приспособили паровыя машины къ мореплаванію: въ Россіи, въ приморскихъ городахъ, пароходы заведены съ хорошимъ успѣхомъ, но на рѣкахъ, гдѣ они приносятъ также большую пользу, они почти не извѣстны. Въ последнее время сдѣлано примѣненіе, едва ли не самое важное изъ всѣхъ, силы пара къ перевозкѣ сухимъ путемъ. Для удобнѣйшей ѣзды паровозовъ, нужно строить желѣзныя дороги. Будутъ ли желѣзныя дороги имѣть успѣхъ въ Россіи? Вотъ вопросъ, который нынѣ всѣхъ занимаетъ. Основываясь на примѣрѣ Англіи, многіе рѣшаютъ вопросъ утвердительно.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ требуетъ большихъ

издержекъ; для покрытія оныхъ необходимо большое движеніе товаровъ и путешественниковъ, что предполагаетъ повсемѣстное просвѣщеніе, большое населеніе и сильное развитіе промышленности: это три стихіи гражданственности. Населеніе Россіи, сравнительно, меньше чѣмъ въ остальной Европѣ; промышленность наша, не взирая на большіе успѣхи, сдѣланные въ последнее время, еще слаба *. Легко въ семь удостовѣриться, если посмотрѣть, въ какомъ состояніи находятся у насъ рѣки, каналы и шоссе, пути сообщенія кои необходимо должны предшествовать, и во множествѣ, желѣзнымъ дорогамъ. Многія большія рѣки способны къ обширному судоходству, но этому препятствуютъ мелководіе, пороги, мели, и недостатокъ картъ лоцмановъ; со временемъ все это будетъ устранено, но теперь для сего производится еще весьма мало работъ.

При необширномъ нашемъ судоходствѣ и число капазовъ незначительно, за исключеніемъ однако жъ пространства между Финскимъ заливомъ и верхнею Волгою, на которое по справедливости обращали преимущественное вниманіе. Недостатокъ населенія, промышленности и просвѣщенія, также причиною, что въ Россіи потребность въ шоссе меньше ощутительна, чѣмъ въ другихъ государствахъ; шоссе у насъ существуютъ только между Петербургомъ и Москвою и границею. Весьма замѣчательно, что пе-

* Почему намъ не признаваться въ этомъ? Мы пришли такъ недавно въ соприкосновеніе съ Европою, и ужъ такъ много сдѣлали, особенно въ последнее время. За чѣмъ обманывать себя? лучше сказать правду, и стараться догнать въ образованіи тѣхъ, которые впереди, нежели заснуть на одномъ мѣстѣ, при льстивыхъ возгласахъ ложнаго самолюбія. — Намъ и безъ этого есть чѣмъ хвалиться. Мы должны гордиться своими подвигами, своею военною славою, и въ особенности преданностью къ престолу, которая есть наша народность, жизненная сила огромнаго тѣла Россіи, и въ этой преданности, говоримъ смѣло, нѣтъ у насъ соперниковъ.

ревозка товаровъ между столицами зимнимъ путемъ, т. е. когда нѣтъ надобности въ шоссе, вдвое дешевле перевозки лѣтомъ по шоссе. Причиною этого отчасти и слабое состояніе земледѣльской нашей промышленности. Въ южной и восточной Россіи нѣтъ надобности въ шоссе; движенія торговаго тамъ слишкомъ мало; провозная плата ничтожна; тамъ губернскіе города неспособны, а о дорогахъ и не думали.

Долго господствовало мнѣніе, слѣдствіе меркантильной системы, мнѣніе несовершенно еще избившееся, что новая дорога, гавань, или городъ могутъ создать, или привлечь промышленность и торговлю. Мнѣніе совершенно ошибочное. Здѣсь, какъ и часто бываетъ, принимали дѣйствіе за причину. Напротивъ того, просвѣщеніе и промышленность создаютъ города, вырываютъ гавани, проводятъ каналы, прокладываютъ дороги, и поверхъ домовъ, какъ въ Лондонѣ, и подъ землею, какъ въ Ливерпулѣ; однимъ словомъ, творятъ тѣ чудеса, коимъ удивляются въ Англіи и Голландіи.

У насъ, говоря о необходимости желѣзныхъ дорогъ, беспрестанно ссылаются на Англію и Соединенные Штаты. Обстоятельства совсѣмъ не тѣ. Географическое положеніе совершенно различно. Англія островъ; лежитъ подъ умѣреннымъ климатомъ; при небольшомъ пространствѣ, имѣетъ большое протяженіе береговъ и превосходные порты, приготовленные самою природою. Англія не имѣетъ ни горъ, ни пустынь, ни болотъ, которыя разъединили-бы ея части; отъ одного берега, до другаго сообщенія легки; просвѣщеніе, промышленность могли распространяться тамъ безъ помѣщательства. Конечно, есть и другія причины, не менѣе важныя, которыя объ-

снимаютъ благоденствіе и богатство Англіи, но здѣсь было только о физическихъ причинахъ.

Возьмите, напротивъ, Европейскую Россію. Какое невыгодное географическое положеніе! Огромное пространство, пролегающее на востокъ къ Сибирскимъ пустынямъ и ередиземному Каспійскому Морю, а на сѣверъ къ негостепримному Сѣверному Океану. Балтійское Море и Черное Море, служація для Россіи источникомъ ся богатствъ, имѣють устья, которыя не находятся въ ея владѣніи. Къ тому же Россія приобрѣла недавно сіи моря, и отъ того народонаселеніе по берегамъ еще бѣдно: оно все сосредоточено внутри края. Россія, государство довольно однообразное по своему климату и произведеніямъ, довольно бѣдно надѣлено природою, и позднѣе чѣмъ другія государства, вышло изъ борьбы съ Азією. Бѣдствія своими и двухъ-вѣковымъ рабствомъ, оно выкупило, можетъ быть, Европу отъ ига Исламизма. Удивительно ли, что мы отстали отъ Европы? Ни мало! Напротивъ, мы должны гордиться, что не такъ еще много отстали.

Цифры ясно показываютъ разницу въ успѣхахъ гражданственности Россіи.

	Въ Англіи.	Въ Европейской Россіи.
Просвѣщеніе	$\frac{1}{16}$	$\frac{1}{100}$ * часть народонаселенія обучается въ школахъ.

* Г. Крузенштергъ, въ краткомъ описаніи системы, успѣховъ и столетія народнаго просвѣщенія въ Россіи полагаетъ число учащихся въ Россіи въ 1,000,000, а народонаселеніе въ 48,000,000 (по свѣдѣніямъ, обнародованнымъ недавно Министерствомъ Финансовъ 60,000,000), что и выходитъ какъ 1: 48. Пропорція очень выгодная, которой никакъ нельзя было ожидать по прежнимъ статистическимъ свѣдѣніямъ. Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія (1837, Апрель), замѣчаетъ, что онъ не ручается за достовѣрность сихъ свѣдѣній, хотя авторъ при сочиненіи своей книги и пользовался оффиціальными пособиями. Погрѣшности, если какія могли вкрасться въ оную, читателямъ будутъ

	Въ Англіи	Въ Европейской Россіи.
Число жителей, на квадрат.		
милю	5600	600.
Купеческихъ кораблей.	25000	700—850.
Паровыхъ машинъ	15000, приблиз. 1000 (вър- ныхъ свѣдѣній нѣтъ).	
Длина каналовъ,		
въ верстахъ	4500	350.
Длина мощеныхъ		
дорогъ, въ верстахъ.	40000	менѣе. 2000.

Защитники желѣзныхъ дорогъ ссылаются на примѣръ Сѣверныхъ Штатовъ. Они говорятъ, что Сѣверные Штаты сходны съ Россією, и по безмѣрнымъ пространствамъ и по малому населенію. Намъ кажется, что Штаты именно то государство, которое наименѣе можно сравнивать съ Россією. Правда, пространства въ обихъ земляхъ чрезвычайныя, и народонаселеніе мало въ отношеніи ко всему пространству, но надобно знать при этомъ, что все народонаселеніе, вся промышленность, вся торговля въ Штатахъ сосредоточены на приморскомъ берегу — здѣсь все большіе города; внутренность же края горадо малолюднѣе. Географическое положеніе Штатовъ отменно выгодно. Океанъ омываетъ берега на огромномъ протяженіи; превосходныя гавани лежатъ при устьѣ широкихъ рѣкъ, судоходныхъ даже для кораблей; эти величественныя рѣки служатъ прекраснымъ средствомъ для сообщенія съ внутренностью края. Географическое положеніе много значить, но это не главное: важная тайна благоденствія народовъ заключается въ трудѣ, просвѣщеніи и промышленности. Надобно взять во вниманіе личный характеръ Англичанъ, Голландцевъ и Американцевъ,

имѣть случай исправить по статьѣ болѣе официальной, которую въ продолжительномъ времени предполагается помѣстить въ Ж. М. И. П.

ихъ трудолюбіе, бережливость, и въ особенности просвѣщеніе. Все прочее имѣетъ болѣе или менѣе вліянія, но это самое важное, а это-то и объясняетъ безмѣрные успѣхи Англіи, Голландіи и Америки.

Для Америки обстоятельства постороннія были особенно благоприятны, отъ того и успѣхи ея велики. — Извѣстно, что Американцы имѣли въ 1790 около 4,000,000 населенія а въ 1850 году 12,000,000. Какое государство можетъ похвалиться такимъ быстрымъ приращеніемъ? И вопреки господствующему мнѣнію, переселеніе изъ Европы очень мало способствовало сему; главное приращеніе есть дѣйствительное въ самыхъ Штатахъ. И точно, успѣхи ихъ едва вѣроятны. Штаты имѣютъ нынѣ болѣе дорогъ и каналовъ, чѣмъ Англія, Франція и Бельгія вмѣстѣ. И все это объясняетъ однимъ фактомъ самымъ важнымъ: изъ 4 жителей въ Штатахъ, одинъ получаетъ образованіе въ школахъ.

Въ 1855 году явился къ намъ просвѣщенный инженеръ, который предложилъ проектъ желѣзной дороги отъ Петербурга до Москвы. Нельзя не отдать должной благодарности его трудамъ, познаніямъ и дѣятельности. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Если строить желѣзную дорогу въ большемъ видѣ, то это только тамъ, гдѣ приходится наибольшее сообщеніе, гдѣ уже попеченіемъ правительства устроено превосходное шоссе, гдѣ ходятъ diligences, гдѣ лежитъ путь, соединяющій центръ управленія Россіи съ центромъ физическимъ и промышленнымъ. Выборъ этотъ основанъ на природѣ вещей. Составилась Компанія для сдѣланія опыта въ маломъ видѣ. Избрана дорога въ Царское-Село. Къ сожалѣнію, скорость сооруженія не соответствовала ожиданію. Предполагали и обѣщали кончить дорогу въ полгода, а устроеніе оной потребовало вторе болѣе

времени.— Учредители, как кажется, не приняли во внимание климата России. — Нельзя предполагать, по вышеизъясненному сообщению Петербурга съ Царскимъ, чтобы дорога давала значительныя выгоды, хотя многое говорило въ ея пользу, на примѣръ, и то, что компания не сломала ни одного строения на всей дорогѣ, и не покупала частныхъ земель. А это весьма важно. Известно, что въ Англии одно изъ величайшихъ затрудненій, которыя встрѣчали компании, происходило отъ частныхъ лицъ: владѣльцы земель просили за нихъ неимовѣрныя цѣны.— Но для перваго опыта, достаточно, если наша дорога будетъ и несовершенно неудачна. Г. Герстнеръ предполагалъ устроить и другія дороги въ видѣ опытовъ: изъ Петербурга въ Петергофъ, изъ Москвы въ Нижній Новгородъ и Коломну, и изъ Риги въ Митаву. Проектъ устройства всѣхъ сихъ дорогъ не основанъ на истинныхъ началахъ политической экономіи. Нижній Новгородъ важенъ по своей ярмаркѣ. Ярмарки значительны только въ младенствѣ промышленности; онѣ необходимы, когда народонаселеніе немногочисленно и бѣдно. Купецъ, продавши въ одномъ городѣ все сукно, или желѣзныя издѣлія, которыя городъ этотъ съ окрестностями можетъ потребить, ѣдетъ въ другой городъ искать другихъ покупателей. Потребители съ своей стороны распоряжаются сдѣлать свои закупки во время ярмарокъ. Ихъ привлекаетъ удобство выбора товаровъ и совмѣстничество купцевъ. Большіе города Европы, говоритъ Тюрго, суть вѣчныя ярмарки, ибо въ нихъ находится все и во всякое время. Въ Голландіи нѣтъ періодическихъ ярмарокъ; на всемъ пространствѣ государства, и въсь годъ, тамъ непрерывная ярмарка, потому что торговля вездѣ и всегда тамъ процвѣтаетъ. Изъ сего и видно, что ярмарки важны только въ первое время

развитія промышленности, и что напрасно многіе жалуются объ упадкѣ нѣкоторыхъ ярмарокъ, и видятъ въ нихъ признаки упадка торговли (у насъ, напр. Ирбитская). То же будетъ и съ Нижегородскою ярмаркою: со временемъ она потеряетъ свою значительность, и потому кажется не въ Нижній-Новгородъ должно строить первую желѣзную дорогу. Желѣзныя дороги суть предпріятія въковыя; онѣ строятся не для одного настоящаго, но и для будущаго. Нельзя также одобрить выбора для желѣзной дороги тракта изъ Москвы въ Коломну, и предпочтительнѣе вести дорогу на Серпуховъ къ Окѣ, въ Тулу, важный промышленный городъ, славный желѣзными издѣліями. Здѣсь производится самое дѣятельное сообщеніе; на станціяхъ лошадей болѣе чѣмъ по другимъ трактамъ; здѣсь ходятъ diligensы до самаго Харькова, важнѣйшаго послѣ Одессы города южной Россіи. Этимъ само собою опредѣляется направленіе желѣзной дороги. Самъ Г. Герстнеръ говоритъ, что сооруженіе дороги въ Москву и отъ Москвы до Чернаго моря есть самое важное для Россіи, и съ этимъ нельзя не согласиться; кажется, что рано или поздно, это направленіе будетъ предпочтено всякому другому. Приморскія страны бывають обыкновенно самыя населенныя. Берега моря и острова представляютъ болѣе средствъ къ существованію, нежели внутренность края. Такъ въ Даніи, острова Аррозъ, Зеландія, полуостровъ Айдерштедтъ, Дитмарсенъ, равняются мѣстностью народонаселенія съ Англіею и Ломбардіею, между тѣмъ какъ Ютландія, составляя болѣе значительное пространство твердой земли, населена немного лучше южной Швеціи; такъ во Франціи и въ Испаніи центральныя провинціи, Берри и Кастилія на примѣръ, населены слабѣ прочихъ. Складывая съ

одной стороны число жителей приморских провинцій Испаніи, а съ другой народонаселеніе внутреннихъ ея областей, найдемъ въ первыхъ 964 ж. на квадратную милю, а въ другихъ только 507. По общее правило это имѣеть исключенія, впрочемъ немногочисленныя. Такъ Россія представляла примѣръ совершенно противнаго. Въ ней народонаселеніе самое слабое въ приморскихъ губерніяхъ; но Россія въ XVI вѣкѣ была государство совершенно средиземное (о Бѣломъ морѣ, по неважности онаго, не стоитъ и упоминать) — и отъ того народонаселеніе болѣе стѣснено въ срединѣ. Югъ Россіи приобрѣтенъ только въ царствованіе Екатерины; южныя губерніи были тогда совершенными пустынями, и какъ пустыни эти населились? Въ 1792, по официальнымъ свѣдѣніямъ * считалось въ уѣздахъ, составляющихъ нынѣшнюю Херсонскую и Екатеринославскую губерніи:

Екатеринославскомъ	26,266
Новомосковскомъ	25,850
Алексопольскомъ	39,438
Бахмутскомъ	17,259
Донецкомъ	21,441
Мариупольскомъ	22,486
Павлоградскомъ	29,656
Херсонскомъ	9,655
Новомиргородскомъ	22,361
Елисаветградскомъ	29,853
Александрійскомъ	30,628
Съ женскимъ 556,000	278,500 м. п.

Въ Екатеринославской губерніи, по 8-й ревизіи, 781,000 ж., въ Херсонской, по статистикѣ Г. Зябловскаго (1833) 500,000, въ обѣихъ 1,280,000. И

* Хронологическое описаніе исторіи Новороссійскаго края.

такъ, въ сихъ губерніяхъ народонаселеніе, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, увеличилось болѣе нежели въ двое, какъ 100: 230, между тѣмъ, какъ народонаселеніе всей Россіи не сдѣлало такихъ быстрыхъ успѣховъ. По пятой ревизіи, число жителей въ государствѣ полагалось 36,000,000; въ 1837, по свѣдѣніямъ, обнародованнымъ Министерствомъ Финансовъ 60,000,000; слѣдовательно, увеличилось, какъ 100: 166. Весьма было-бы любопытно изслѣдовать, какія губерніи сдѣлали большіе успѣхи на поприщѣ гражданственности и просвѣщенія, и какія менѣе, но объ этомъ нельзя имѣть достовѣрныхъ свѣдѣній. Статистики наши, въ показаніяхъ своихъ, противоречатъ одна другой. Такъ, напримѣръ, число жителей на квадратную милю полагается:

По статистикамъ:		
Въ губерніяхъ:	г. Зябловскаго.	г. Булгарина.
Санктпетербургской	1,000	72 (*)
Калужской	2,500	1,358.
Екатеринославской	486	242.

О дорогѣ изъ Риги въ Митаву нечего распространяться. Въ Сѣверной Пчелѣ помѣщена была статья, гдѣ доказано, что устроеніе сей дороги невозможно.

Г. Герстнеръ удивляется слабому противодѣйствію, встрѣченному имъ въ журналахъ. Кажется, скорѣе можно удивляться равнодушію публики къ его славному предпріятію.

Въ газетахъ много писали о желѣзныхъ дорогахъ; но это были болѣею частью обыкновенныя газетныя извѣстія и похвалы, да выписки изъ отчетовъ правленія, настоящей же критики почти не было. Одна только брошюрка Г. Атрѣшкова возстала про-

(*) Вероятно не считая числа жителей столицы, ибо прилагая оное (450,000), выйдетъ 580 на квадратную милю.

тивъ желѣзныхъ дорогъ, и доказывала, что онѣ не могутъ имѣть успѣха. Въ ней было много дѣльнаго, хотя она основывала всѣ свои сужденія преимущественно на одной Манчестерской дорогѣ, а потому и вывела заключеніе слишкомъ рѣшительное.

Конечно, послѣ всего сказаннаго должно бы сомнѣваться въ успѣхъ Московской дороги. Но можетъ быть, есть обстоятельства, отъ насъ теперь скрытыя, которыя обезпечатъ успѣхи оной. Весьма вѣроятно, что компанія, устроивъ свои заводы для плавленія желѣза, найдетъ средства имѣть шины дешевле, нежели выписанныя изъ Англій; можетъ быть, компанія будетъ въ состояніи покупать земли по настоящей оцѣнкѣ, а не по произволу владѣльцевъ; покровительство мудраго правительства есть важное условіе. Впрочемъ, послѣдствія часто не оправдываютъ заключеній и предсказаній науки государственнаго хозяйства. Въ теченіе послѣдняго столѣтія публицисты предсказывали послѣ каждой войны, что Англія падетъ подъ бременемъ ужаснаго государственнаго долга. Не взирая на то, хотя долгъ Англіи и увеличивался вдвое, послѣ каждой войны, но, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, Англія не переставала процвѣтать.

Можетъ быть, то будетъ и теперь, и не смотря на всѣ неблагоприятныя предзнаменованія, мнѣніе мое окажется ложнымъ, и желѣзныя дороги будутъ имѣть самый блистательный успѣхъ. Да будетъ!

Во всякомъ случаѣ, дорога отъ Санктпетербурга въ Москву есть одна только, которая представляетъ надежды на успѣхъ.

Около половины 1837 года вышла книга Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Гурьева, объ учрежденіи торцевыхъ дорогъ, книга, которой давно уже ожидали съ нетерпѣніемъ. Кто въ Россіи не слышалъ о прекрасной деревянной мостовой, украшающей ны-

нѣ лучшія улицы Петербурга. Къ сожалѣнію, она мало распространилась въ другихъ улицахъ. Ее почти не видно на набережныхъ Невы, гдѣ живутъ богатые люди. Владѣльцы домовъ жалуются, что сооруженіе торцевой мостовой очень дорого. Вышедшая недавно книга Г. Гурьева предлагаетъ способъ дѣлать мостовую посредствомъ компаніи, употребляя для сего машины, разныя экономическія пособія, и проч. Если компанія составится, что довольно вѣроятно, то столица обязана будетъ изобрѣтательно торцевъ чрезвычайномъ благотвѣніемъ, и мостовая скоро повлится и въ другихъ городахъ Россіи. Книга о торцевыхъ дорогахъ очень важна для насъ въ этомъ отношеніи, и для всякаго любопытна въ высшей степени; въ ней собрано множество новѣйшихъ свѣдѣній какъ о Россіи, такъ и статистикѣ Англій, Франціи и Америки.

Каналы предшествовали вездѣ шоссе. Въ Россіи каналовъ мало, и вообще на рѣкахъ нашихъ судоходство не такъ дѣятельно, какъ бы должно было ожидать отъ государства чисто земледѣльческаго, и которому, слѣдственно, нужнѣе чѣмъ всякому другому дешевыя сообщенія. Волга важнѣйшая рѣка въ Россіи, но и на ней пароходство находится въ самомъ бѣдномъ положеніи. На Днѣпрѣ недавно только появились пароходы; на другихъ рѣкахъ и на озерахъ они вовсе неизвѣстны. Природа не щедра надѣлила Россію водою. Многія рѣки пересыхаютъ; устья всѣхъ большихъ рѣкъ мелководны. Посему, для устройства дѣятельнаго судоходства въ Россіи, потребно было бы слишкомъ много издержекъ. Самая зима ограничиваетъ пользу нашихъ каналовъ. И такъ, пусть Россія, при быстромъ развитіи ея промышленности, перейдетъ мимо каналовъ прямо къ шоссе и торцевымъ дорогамъ.

Какимъ же дорогамъ отдать преимущество?

Россія государство бѣдное камнемъ; это видно изъ того, что въ нашихъ городкахъ за исключеніемъ небольшого числа нѣтъ мостовой; въ самыхъ столицахъ всѣ каменные строения сдѣланы изъ кирпича. Въ Петербургѣ мосты, и набережныя изъ гранита, но зданія всѣ кирпичныя. Одесса, правда, богата мягкимъ известковымъ камнемъ; изъ него построены въ Одессѣ всѣ дома, но для мостовой камень этотъ вовсе не годится. Самый булыжникъ, изъ коего насыпаны наши шоссе, недовольно твердъ, отъ чего на шоссе бываетъ пыль и грязь.

Будучи бѣдна камнемъ, годнымъ для мостовой, Россія, за исключеніемъ южнаго ея пространства, избилуетъ лѣсомъ, и отъ того почти вездѣ выгоднѣе строить торцевыя шоссе вмѣсто каменныхъ.

Нельзя не согласиться на счетъ всего, что говорится въ книгѣ о торцевыхъ дорогахъ, о пользѣ торцевъ, о способѣ мощенія ихъ въ два и три проката, шириною въ сажень по обѣ стороны улицы, смотря по важности оной. Устройство большихъ торцевыхъ дорогъ для перевоза тяжестей было бы чрезвычайно полезно. Прекрасная также мысль обсадить торцевыя дороги лѣсомъ, чтобы въ послѣдствіи ремонтировать ее на мѣстѣ. Все это очень хорошо и не подлежитъ сомнѣнію.

Польза будетъ неисчислима, и авторъ достоинъ благодарности, наравнѣ съ тѣми изобрѣтателями, которые живутъ и будутъ вѣчно жить въ памяти благодарнаго потомства. Но съ чѣмъ нельзя согласиться, такъ это съ дальнѣйшими видами книги о *торцевыхъ дорогахъ*, съ предположеніями автора о направленіи путей по Россіи, и съ разсужденіями его о государственномъ и частномъ хозяйствѣ нашего отечества.

Осмѣлимся разобрать нѣкоторыя изъ главныхъ предположеній автора.

«Сама природа указала въ Россіи быть торцевымъ дорогамъ отъ Рыбинска до Санктпетербурга, отъ Архангельска и Вологды до Устюжны.»

Съ этимъ можно поспорить. Дороги торцевыя, какъ и всякія искусственныя, требующія большихъ издержекъ, должно прокладывать непременно чрезъ самыя населенныя и промышленныя мѣста. Архангельская губернія, хотя пользуется выгодами приморскаго положенія, и состояла въ торговыхъ сношеніяхъ съ Европою гораздо прежде, чѣмъ осталная Россія, есть одна изъ самыхъ бѣдныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вологодская также. Архангельская губернія имѣетъ 12,000 квадр. географическихъ миль, и 220,000 ж., т. е. по 18 на милю. Вологодская на пространствѣ 8,400 квад. миль, населена 850,000 ж. по 100 ч. на милю. Между тѣмъ Россія, не считая Сибири, имѣетъ около 600 ж. на квадратную милю. Лѣса суть единственное богатство сихъ губерній, а перевозка лѣса по торцевой дорогѣ никогда не окупишь оной. Надобно, кромѣ того, доставить лѣсъ и до торцевой дороги. Вся сѣверная Шотландія наполнена дремучими лѣсами, но сии лѣса, по неудобству доставлять оныя, сгниваютъ на мѣстѣ. Въ Эдмбургѣ нѣтъ ни одного дома, по увѣренію Адама Смита, который былъ бы построенъ изъ отечественнаго лѣса (*).

Размножить тонкорунное овцеводство въ суровомъ климатѣ не такъ легко, какъ предполагаетъ авторъ. Сѣверныя губерніи не выдержатъ въ этомъ отношеніи соперничества съ южными, гдѣ природа гораздо благопріятнѣе, гдѣ овцы могутъ ходить девять мѣсяцевъ подъ открытымъ небомъ. Суровый

(*). Статистика Арсеньева.

климатъ сѣверныхъ губерній совершенно противит-ся ихъ населенію; онъ всегда, во всѣхъ отношеніяхъ, будутъ назадъ губерній, лежащихъ подъ небомъ бо-льше благораствореннымъ. При равенствѣ всѣхъ дру-гихъ обстоятельствъ, сѣверныя страны вообще бѣд-нѣе южныхъ, ибо въ сихъ послѣднихъ больше средствъ къ существованію. Примѣры безчисленны. Шотлан-дія населена гораздо слабѣе Англіи. Норвегія, въ за-падной и южной части, гдѣ климатъ умѣренъ, на-селена довольно хорошо, между тѣмъ какъ сѣвер-ная ея часть почти безлюдна. Иногда мѣстныя учре-жденія подавляютъ всякое развитіе и въ странахъ, благоудѣльствованныхъ природою, въ Турціи, Си-циліи, напримѣръ. Но этого нельзя примѣнить къ нашимъ губерніямъ. Всѣ онъ находятся подъ одни-ми мудрыми законами, и если сѣверныя губерніи вообще бѣднѣе и малонаселеннѣе прочихъ, то это приписать должно единственно бѣдной физической природѣ сѣвера.

Нѣсколько разъ упоминаетъ авторъ о безчислен-ной пользѣ, какая произошла бы для Россіи отъ соединенія Рыбинска съ Петербургомъ желѣзо-тор-цевою дорогою. Это едва-ли не самое важное пред-пріятіе, къ которому слѣдуетъ приступить. «Рыбинскъ, Рыбинскъ, это наше Перу — счастливъ, кто овла-дѣетъ этою линіею быстрыхъ сообщеній!» Такъ ска-зано въ концѣ книги.

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Дѣло дру-гое, если бы предметы отпускной нашей торговли были бы предметы мануфактурные, или заключаю-щіе въ маломъ объемѣ большую цѣнность. Тогда можно было бы отправлять ихъ по торцевой доро-гѣ. Но извѣстно, что всѣ товары, провозимые во-дою въ Петербургъ, мимо Рыбинска, суть произ-веденія сырыхъ, грубыхъ, дешевыхъ. Доставка ихъ отъ

Рыбинска въ Петербургъ, водою, обходится 30 коп. съ пуда. По торцевой же дорогѣ, принимая расчесть Г. Герстнера для Царскосельской дороги, 6 коп. съ пуда и версты, за 600 верстъ отъ Рыбинска въ Петербургъ доставка съ пуда обойдется 1 руб. 60 коп., т. е., вдесятеро дороже.

Главные выгоды желѣзныхъ дорогъ отъ пассажи-ровъ, а не отъ товаровъ: это доказано опытомъ, а откуда въ Рыбинскъ возмущатъ пассажиры?

Авторъ обращаетъ особенное вниманіе на Керчь, и предрекаетъ ей самую блистательную будущность. Преимущества, которыя она имѣетъ, принадлежать ей по мѣстному положенію. Желѣзныя руды въ Тамань и Донской каменный уголь общаюга ей успѣхи Ливерпуля, Манчестера и Бирмингама. Со временемъ она будетъ южнымъ Петербургомъ, при своемъ превосходномъ камнѣ и артезіанскихъ ко-лодцахъ. Керчь можетъ выстроиться великолѣпнѣе Генуи и Венеціи.»

Генуя и Венеція строились въками. Всемирная торговля была долго въ ихъ рукахъ. Керчи далеко до этого. Притомъ обстоятельства сосѣмъ уже не тѣ. Когда мореплаваніе находилось въ младенствѣ, мѣстоположеніе Венеціи, Генуи, Константинопо-ля, доставляло симъ городамъ большія выгоды для торговли съ Востокомъ. Но съ изобрѣтеніемъ ком-паса и съ усовершенствованіемъ кораблевожденія, большія складочныя мѣста для торговли могли об-разоваться и внѣ торговыхъ путей, вездѣ, гдѣ толь-ко были большая промышленность, капиталы и мѣстныя удобства. Большіе капиталы накаплиются тамъ, гдѣ духу трудолюбія и бережливости благо-пріятствуютъ учрежденія и обычаи. Большая про-мышленность встрѣчается вездѣ, гдѣ люди могутъ развить свою дѣятельность и способности безъ опа-

сеня. Мѣстныя удобства суть предметъ не столь важный. Съ тѣхъ поръ, какъ мореходцы считаютъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ плаваніе въ другое полушаріе, товары изъ Восточной Индіи доставляются въ Европу чрезъ Лондонъ и Амстердамъ, которые находятся совсѣмъ съ другой стороны. Потребности народа, промышленность, трудолюбіе, вотъ что созидаетъ города, а не воля ихъ основателей. Никакая власть не можетъ создать города, тамъ гдѣ городъ не хочетъ быть. Министры самовластные, Ришелье и Помбаль хотѣли основать города, которые носили бы ихъ имя; но усилія ихъ остались тщетными. Городъ Бурбонъ-Венде уже забытъ, что онъ назывался Наполеономъ. Посмотрите на противъ того на Одессу: она возникла силою обстоятельствъ, безъ всякихъ пожертвованій и усилій.

Явившись позднѣ другихъ народовъ на поприщѣ образованности, и желая пересадить къ себѣ чужеземныя учрежденія, мы дѣйствуемъ иногда слишкомъ пылко. Многимъ изъ сихъ учрежденій противится нашъ климатъ; если нѣкоторыя изъ нихъ и могутъ быть перенесены къ намъ, то потребуютъ гораздо болѣе трудовъ для присмотра и содержанія и не вознаградятъ издержекъ. Вспомнимъ участь шелководства. Въ разныя времена правительство дѣлало опыты для разведенія шелководства въ Харьковской, Саратовской, Воронежской, и другихъ губерніяхъ. Невзирая на щедрыя награды (*), раздачу земель, денежныя пособія; не смотря на освобожденіе крестьянъ, занимавшихся шелководствомъ отъ государственныхъ повинностей; не смотря на самыя пеня которыя были взыскиваемы съ владѣльцевъ земель, не заботившихся о разведеніи тутовыхъ деревьевъ —

(*) Статистика Булгарина.

при всемъ томъ, намѣренія правительства не достигали предполагаемой цѣли. Продажа шелку не покрывала даже процентовъ суммъ, издержанныхъ для того.

Иностранецъ Кастелла — лѣтъ десять тому, получилъ привилегію на заведеніе шелководства за Кавказомъ, 80,000 руб. серебромъ въ ссуду, на 10 лѣтъ отъ правительства, и большія суммы отъ частныхъ лицъ. И все это окончилось ничѣмъ, хотя климатъ и благоприятенъ для разведенія тутовыхъ деревьевъ. Кастелла устремлялъ все свое вниманіе только на благодѣтельную природу края, и забывалъ, что страна оставлена въ добычу непросвѣщенному, празднующему народу.*

Почти то же происходитъ у насъ и съ винодѣліемъ. Въ Россіи есть превосходный виноградъ. Гумбольдтъ говорилъ, что онъ не видалъ винограда лучше Астраханскаго, но вина дѣлать у насъ не умѣютъ. Въмѣсто того, чтобы стараться объ усовершенствованіи винодѣлія, вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, какъ выписываютъ изъ Франціи лозы и сажаютъ ихъ, какъ будто въ этомъ главное. Качество вина зависитъ отъ природы и искусства. Природы, т. е., климата и почвы, нельзя пересадить. Во Франціи и повсюду, на самыхъ близкихъ разстояніяхъ, при одинаковомъ искусствѣ и способахъ производства, вина выходятъ совершенно разныхъ качествъ. Если почва неспособна производить хорошее вино, то промышленность эту труднѣе усвоить, чѣмъ всякую другую. Хорошій виноградъ въ Россіи есть мѣстами; нужно только искусство.

Такъ у насъ, вмѣсто посѣва хлѣба въ Камчаткѣ, и

* Но неудача перваго опыта ничего еще не доказываетъ, и дѣйствию вновь учрежденнаго общества шелководства, можетъ быть, покажутъ совсѣмъ другія слѣдствія. Ред. С. О.

въ некоторыхъ мѣстахъ Сѣверной Сибири, можетъ стать, лучше-бы было разводить тамъ овощи, которыя переносятъ климатъ. Всякая мѣстность имѣетъ свою особенную промышленность, упрочившуюся въ камнѣ, и которую пересадить въ другое мѣсто, въ короткое время, трудно, и часто невозможно. Въ Тулѣ давно уже укоренилась промышленность желѣзныхъ издѣлій. Весьма было бы понятно, если-бы предположили устроить въ Тулѣ большіе заводы для плоченія шинъ, для дѣланія паровозовъ, и проч. Но на какомъ основаніи предполагаетъ авторъ книги о торцевыхъ дорогахъ завести это въ Керчи, въ Бахчисараѣ, гдѣ вовсе нѣтъ желѣзныхъ заводовъ и фабрикъ, или тонкорунное овцеводство въ Архангельской Губерніи, въ которой, можетъ, быть нѣтъ теперь ни одного меринуса?

Такъ мы дѣлаемъ промахи, перенимая все безъ разбора у другихъ народовъ. А положеніе наше имѣетъ свои выгоды. Находясь въ некоторомъ отдаленіи отъ государствъ, опередившихъ насъ въ образованности, мы можемъ видѣть ихъ неудачи, ошибки, и пользоваться тѣмъ.

Въ книгѣ объ учрежденіи торцевыхъ дорогъ неоднократно говорится о покровительствѣ попечительнаго правительства. Правительство даетъ намъ примѣръ всего великаго и полезнаго. Къ сожалѣнію, мы не слѣдуемъ этому примѣру. Весьма хорошо будетъ, если оно станетъ покровительствовать и компаніи для торцевыхъ дорогъ. Но не все же намъ надѣяться на его вспомоцествованіе: не надобно быть неблагодарными; надобно-же и частнымъ людямъ что нибудь дѣлать. Дюнень, исчисливъ, въ введеніи къ путешествію своему въ Англію, всѣ чудеса, которыя составляютъ предметъ всеобщаго удивленія, продолжаетъ: «Что-жъ дѣлало при этомъ Ве-

ликобританское Министерство? . . . Ничего! — Оно оставило дѣйствовать торговлю, обезпечивъ ей защиту извнѣ, свободу внутри и справедливость вездѣ.»

Въ прошломъ только вѣкъ найдены истинныя правила государственнаго хозяйства, но все еще прежнія идеи распространены вообще, и понятія о причинахъ благоденствія народовъ не совсѣмъ точны. Такъ, на примѣръ, Бернардень де Сентъ-Пьеръ, нелюбившій впрочемъ политическихъ наукъ, приписываетъ причины благосостоянія Голландіи *ловль сельдей*. Сей утверждаетъ, что Голландія отчасти обязана своимъ богатствомъ умѣнью дѣлать веревки. По легкости и прочности веревокъ, говоритъ онъ, имъ нужно было менше экипажа для управленія кораблями, и перевозка товаровъ обходилась имъ дешевле чѣмъ другимъ. Многие находили причину могущества Англіи въ изобиліи каменнаго угля. Но все это частности, которыя, безъ другихъ причинъ, болѣе важныхъ, ничего не значатъ. Безспорно, что безъ угля, Англичане никогда не достигли-бы до нынѣшняго обширнаго мануфактурнаго производства, однако жъ, это не главное. Было много причинъ болѣе важныхъ и дѣйствовавшихъ постоянно въ теченіе столѣтій, и пока эти дѣйствители не будутъ у насъ, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться такихъ послѣдствій. Успѣхамъ нашимъ мѣшаетъ даже иногда самое прекрасное чувство — патріотизмъ, принимающій часто ложное направленіе. Не писали ли у насъ не упоминая о настоящемъ, что Шуя нашъ Манчестеръ, что Гумбольдтъ пришелъ въ изумленіе при видѣ нашей выставки? Авторъ книги о торцевыхъ дорогахъ утверждаетъ, что сельское хозяйство Франціи не лучше нашего.

Можетъ быть, многіе найдутъ сіи замѣчанія пу-

стыми, и обвинять меня въ пристрастїи къ старинѣ, въ желанїи противиться полезнымъ нововведенїямъ. Это будетъ несправедливо. Признавая вполнѣ пользу быстрыхъ сообщенїй вообще, и для Россїи въ особенности, смѣло думать только, что желѣзныя дороги не принесутъ намъ тѣхъ выгодъ, какъ за границую. Не отвергая возможности распространенїя со временемъ желѣзныхъ дорогъ въ Россїи, полагаю что теперь можетъ имѣть успѣхъ такая дорога только между столицами. И ее слѣдуетъ прокладывать, для сокращенїя расходовъ, въ возможно - прямой линїи, минуя Тверь и Новгородъ. Пространство между столицами не такъ важно, какъ среднїя Россїя, и не стоитъ увеличивать протяженїя дороги, дѣлая изгибы на вышеупомянутые губернскїе города. Товаровъ мало будутъ перевозить по желѣзной дорогѣ, и будутъ ѣздить одни пассажиры, но ихъ изъ центра Россїи будетъ всегда множество. Для товаровъ весьма была бы полезна торцевая дорога, и какъ хорошо было бы, если бы объ компанїи соединились, или сдѣлали сдѣлку; объ выиграла бы; одна широкая насыпь, одни мосты и плотины служили бы для обѣихъ дорогъ. О мощенїи городовъ торцами нечего много говорить. Это дѣло первостепенной важности, къ которому можно бы тотчасъ приступить. Для исполненїя же дальнѣйшихъ видовъ автора книги о торцевыхъ дорогахъ, и для сдѣланїя другихъ желѣзныхъ дорогъ, мы еще молоды: у насъ нѣтъ еще довольно промышленно-сти, трудолюбія и подробности.

АВРОРЪ ПРАВДИНЪ.

=

ЗНАКОМСТВО СЪ ТЕГНЕРОМЪ.

(Изъ записокъ Мармье).

=

Вексїо, маленькій городокъ Смаландскаго округа, съ тремя тысячами жителей, со всѣхъ сторонъ окруженный кустарникомъ и сосновымъ лѣсомъ; всѣ дома въ немъ деревянныя, какъ это бывасть въ большей части городовъ Швеціи. Никогда не забуду грустнаго впечатлѣнїя, какое произвелъ на меня видъ этого города, въ первый мой прїѣздъ. То было лѣтомъ и въ позднїй вечеръ. Весь день шелъ дождь; я совершалъ мое странствованїе по болотистымъ долинамъ и бесплоднымъ возвышенїямъ Смаландской области. Густыя облака покрывали небо; ни одна звѣздочка не свѣтила, и я едва могъ различать дорогу. Окрестъ все было тихо; только вѣтеръ завывалъ между деревьями, и дождевыя капли съ глухимъ шумомъ упали на ихъ листья. Въ городѣ всѣ дома были уже заперты, улицы безмолвны и покрыты глубокимъ мракомъ. Пробыло полночь, когда я проѣзжалъ мимо церкви. Посреди окружавшей меня тишины, каждый ударъ молотка по желѣзной доскѣ отдавался въ мое сердце. Тихо приближался я къ гостиницѣ, гдѣ намбрень былъ остановиться, и, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни сожалѣлъ, что мнѣ не попадается на встрѣчу ни одинъ изъ ночныхъ стражей, рѣзкіе возгласы и монотонное пѣніе которыхъ по улицамъ

Шведскихъ городовъ, такъ часто нарушаютъ тишину вечера и спокойствіе ночи. Усталая лошадь моя скользила на каждомъ шагу. Мальчикъ, служившій мнѣ проводникомъ, взявъ ее за узду, и такимъ образомъ, наконецъ подъѣхали мы къ воротамъ большаго деревяннаго дома съ тесовою кровлею. Едва можно было достучаться. Въ уединенныхъ городахъ Швеціи позже десяти часовъ не бываетъ проѣзжихъ. Мнѣ отвели огромную, холодную комнату. Постепенно замѣнялъ тутъ диванъ; на опрятныхъ стѣнахъ мѣстный живописецъ изобразилъ такіе цвѣты, которые поставили бы въ туникъ любого ботаника; полъ былъ усыпанъ сѣнникомъ. Все это показалось мнѣ превосходнымъ, потому, что съ самаго отъѣзда моего изъ Копенгагена не имѣлъ я случая быть сѣнникомъ разборчивымъ. Мудрено ли, что я заснулъ богатырскимъ сномъ, съ мыслью: «Въ Вексію живетъ Тегнеръ!»

Утромъ меня разбудили глухимъ шумомъ, который, казалось, предвѣщалъ мнѣ какое нибудь необыкновенное происшествіе. Въ этотъ день была ярмарка въ странахъ уединенныхъ, ярмарки сохранили еще всю свою перебытнующую торжественность. На Сѣверѣ онѣ замѣнили древнія народныя собранія. Ярмарка въ столицѣ округа есть важное событіе, о которомъ задолго начинаютъ толковать. Въ ярмарочный день приходятъ въ движеніе всѣ уединенныя жилища, разсѣянные окрестъ; крестьянинъ гонитъ свой скотъ или отправляется на тельгъ, нагруженной сѣномъ и рожью. Тутъ, у дверей кабака, встрѣчаются родные, живущіе далеко другъ отъ друга, и которымъ потому нѣтъ возможности сходиться ни на деревенскихъ праздникахъ, ни въ приходскихъ церквахъ. Тутъ идутъ взаимные спросы о житьи-бытьи. Выйдетъ какой нибудь споръ: всѣ

идутъ въ кабакъ на мировую; надобно выдать доче замужъ: тутъ похваляются приданнымъ, парюю крупныхъ быковъ. Не одна старинная вражда бываетъ забыта при стукѣ оловянныхъ стакановъ, наполненныхъ водкой. Часто молоденькіи Шведки приходятъ сюда невѣстами, и возвращаются съ мужьями.

Улицы, наканунѣ пустыя и уединенныя, были теперь наполнены народомъ: тельги, мужчины, верхомъ и пѣшкомъ, женщины, дѣти, все это было перемѣшано. Одни уже располагались обѣдать на порогѣ какого нибудь дома, и передъ ними стояли корзины изъ древесной коры, съ припасами; другіе преспокойно лежали на своихъ тельгахъ, и, казалось, пріѣхали на ярмарку только въ качествѣ наблюдателей. Тельга Шведскаго крестьянина настоящій домъ на колесахъ. Крестьянинъ рѣдко останавливается на постояломъ дворѣ; онъ и спитъ и ѣсть въ тельгѣ.

Большая часть пріѣзжихъ толпилась на площади; здѣсь-то красовались лавки Готенбургскихъ и Норкепингскихъ купцовъ; здѣсь-то прельщали взоръ разныя шелковыя матеріи, ленты и другіе предметы роскоши и вкуса. Я пробирался въ толпѣ, стараясь наблюдать фізіономіи. Вообще Смаландскія женщины высоки ростомъ, красивы собою и отличаются бѣлою лица. Онѣ обыкновенно ходятъ въ узкомъ суконномъ корсетѣ, а на плечи ихъ падаетъ длинная коса. Мужчины сохранили свои синія полукафтаны съ стальными пуговицами, длинные вышитые жилеты и шляпы съ широкими полями. Но ничто не прочно подъ луною. Женщины смотрѣли съ жадностью на шелковыя косынки разныхъ цвѣтовъ, и на ленты съ золотымъ отливомъ, которыя разложены были въ лавкахъ. Мужчины въ сторонѣ толковали о своихъ газетахъ. Мнѣ казалось,

что я уже предвижу то время, когда женщины промѣнятъ свой красивый національный костюмъ на ситцевыя платья и гризетокъ, а мужчины станутъ разсуждать объ Испанскихъ дѣлахъ. Здѣсь ярмарки служатъ проводникомъ просвѣщенію...

Насмотрѣвшись вдоволь на эти различныя группы, я вспомнилъ о главной цѣли своего прѣзда въ городъ, подошелъ къ одному крестьянину, и спросилъ у него: *гдѣ живетъ Тегнеръ?*

— «Нашъ епископъ?» отвѣчалъ онъ, снимая шляпу — «вонъ тамъ, на пригоркѣ, домъ его; въ концѣ этой аллеи.»

Тотчасъ отправился я по указанію, и скоро подошелъ къ дому; онъ выкрашенъ бѣлою краскою, и со всѣхъ сторонъ обсаженъ кустами акацій. Я вошелъ въ сѣни, и слуга проводилъ меня въ большую залу, роскошно меблированную. Тутъ встрѣтилъ меня мужчина лѣтъ пятидесяти, высокій, здоровый, весь въ черномъ, съ серебряною звѣздою на груди. Это былъ *Тегнеръ*. Мнѣ говорили, что онъ вообще очень задумчивъ, даже иногда печаленъ, и въ самомъ дѣлѣ, въ его взглядѣ, въ его голосѣ было что-то меланхолическое; но мало по малу глаза его оживились, разговоръ сдѣлался быстрой. Мы заговорили о поэзіи, и съ каждою минутою Тегнеръ говорилъ откровеннѣе, занимательнѣе. Онъ не снѣшилъ въ выборѣ выраженій, по въ его разговорѣ было много силы, и въ нѣсколькихъ словахъ, ясныхъ и определенныхъ, онъ выражалъ вѣрное сужденіе или возвышенную мысль. Изрѣдка шутилъ онъ, умно и остро, но такія выходки напоминали мнѣ нашихъ аббатовъ прошлаго вѣка, и Тегнеръ болѣе нравился мнѣ важный и задумчивый.

Мы поочередно разбирали съ нимъ всѣхъ поэтовъ Датскихъ, Шведскихъ и Германскихъ, и въ

этомъ разговорѣ обнаружилъ онъ большую скромность, къ которой такъ мало приучены мы современною литературою; о другихъ говорилъ онъ съ жаромъ, съ уваженіемъ, о себѣ — равнодушно. Намъ подали пуншу. Онъ отворилъ балконъ и взялъ меня за руку: «Сознайтесь, что въ нашей сѣверной природѣ много прекраснаго!» сказалъ онъ мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, видъ изъ его оконъ былъ очарователенъ. Передъ глазами нашими лежалъ весь городъ, окруженный цѣпью холмовъ, покрытыхъ кустарникомъ; далѣе зеленѣлся сосновый лѣсъ, перерѣзанный множествомъ озеръ. Лучи солнца едва пробивались сквозь облака, и весь этотъ ландшафтъ скрывался въ какомъ-то таинственномъ полусумракѣ — все дремало вокругъ насъ: все погружено было въ безмолвіе. Мнѣ казалось, что передо мною картина таинственной, унылой сѣверной поэзіи...

Съ сожалѣніемъ расстался я съ Тегнеромъ.

Isakъ Тегнеръ самый народный поэтъ Шведскій. Можно смѣло сказать, что въ Швеціи нѣтъ ни одного семейства, которое не имѣло бы полнаго собранія его сочиненій, и нѣтъ ни одной дѣвушки, которая бы, красѣя и опуская свои длинныя рѣсницы, не прочитала вамъ наизусть всѣхъ лучшихъ мѣстъ изъ его поэмъ. Музыканты, живописцы, ваятели Шведскіе черпали вдохновеніе изъ его стиховъ. Почти въ каждомъ домѣ, въ Швеціи, увидите вы на фортепіанѣ романсъ Тегнера, а на стѣнѣ гравюры и картины, изображающія лучшія сцены изъ его *Акселъ*, или *Фриттеюфъ-саги*. Простолюдины вполне раздѣляютъ это почтеніе къ поэту; крестьяне по воскресеньямъ читаютъ Тегнеровы стихи. Въ Упсалѣ купила при мнѣ одна бѣдная женщина, за 2 шиллинга, листъ сѣрой бумаги, на кото-

ромъ ужаснымъ шрифтомъ напечатана была одна пѣснь изъ Фритгюфъ-саги.

Будемъ безпристрастны. Этотъ человекъ, который приобрѣлъ такое громкое имя въ своемъ отечествѣ, за которымъ бѣгаютъ по улицѣ, желая взглянуть на него, или поднести ему душистый вѣнокъ, этотъ человекъ не принадлежитъ къ избранной семьѣ великихъ поэтовъ. По крайней мѣрѣ, по нашему убѣжденію, ему не достаетъ двухъ качествъ: избрѣгательности и силы. Тегнеръ собственно ничего не создалъ. *Аксель* его самая простая народная сказка, а *Фритгюфъ-сага* точный списокъ съ Исландской саги. Тегнеръ не изъ числа тѣхъ людей, которые исполнкою рукою созидаютъ великолѣпныя поэтическія зданія. Его нельзя поставить на ряду съ Шекспиромъ, или съ Гёте: онъ изъ тѣхъ писателей, которые находили поэзію въ тихихъ ощущеніяхъ своего сердца, а не въ порывахъ творческаго воображенія, создавали себѣ какой-то свой идеальный міръ, исполненный сладостной гармоніи, очаровательныхъ мечтаний и несбыточныхъ сновидній.

Но Тегнеръ превосходить выраженіемъ. Слогъ его чистъ, гладокъ, роскошенъ и богатъ образами. Стихъ правиленъ, легокъ и звученъ. Читая его сочиненія, можно подумать, что всё эти прелестныя строфы вдругъ вылились изъ подъ его пера, между тѣмъ какъ очевидно, что каждая изъ нихъ была тщательно выработана. Часто, по словамъ одного Шведскаго критика, поэзія Тегнера походитъ на мыльный пузырь, но этотъ пузырь отражаетъ въ себѣ лазурь неба и яркій лучъ свѣта. Въ прозаическихъ рѣчахъ, говоренныхъ имъ на разные случаи, господствуютъ прелесть языка и утонченность выраженій. Увлечательности своего слога Тегнеръ обязанъ

большою частію своею народности, но впрочемъ, здѣсь занимаетъ также весьма важное мѣсто выборъ предметовъ и идей. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, Тегнеръ постоянно оставался сыномъ Сѣвера и *Шведольдъ*. Съ восторгомъ воспѣвалъ онъ зеленые холмы, живописныя долины и свѣтлыя озера своей отчизны. Для эпической поэмы всегда бралъ онъ сюжеты изъ родной хроники, и описывая свои грустныя мечты, онъ былъ только изъяснителемъ, мысли общей, общаго расположенія духа, свойственнаго всемъ его соотечественникамъ. Каждый изъ нихъ внимаетъ ему съ восторгомъ, потому что стихи Тегнера, напоминаютъ каждому Шведу его собственные ощущенія. Кажется, что *народность* поэтотъ не столько зависитъ отъ возвышенности ихъ генія, сколько отъ направленія ихъ идей, и формы, въ которой онъ проявляется. Мы видимъ, что не все великіе поэты въ одинаковой степени пользуются народностію, и это доказываетъ, что эгоизмъ превозмогаетъ въ насъ высокое художническое чувство. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, Бюргеръ нѣсколькими балладами приобрѣлъ болѣе народности, нежели Клопштокъ своими одами и Мессядою, а Шиллера читаютъ болѣе, нежели Гёте. Въ Англій пѣсенки Томаса Мура затмѣваютъ глубокую поэзію Вордсворта. Еще далеко то время, когда мы будемъ судить о поэзіи, какъ о безотчетномъ произведеніи изычанныхъ искусствъ, не примѣшавая своихъ частныхъ отношеній и близорукихъ видовъ.

Тегнеръ писалъ мало, и не всё его сочиненія напечатаны. Теперь всё они пока заключаются въ двухъ томахъ, гдѣ помѣщены *Smøgte Dikler* (стихотворенія и небольшія поэмы) и *Фритгюфъ-сага* (пятое изданіе которой вышло въ 1831 году). Въ стихотвореніяхъ собраны лирическія сочиненія, печат-

таннья въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, стихи на разные случаи, патриотическія пѣсни и оды. Тегнеровы стихотворенія на разные случаи мало имѣютъ для насъ интереса. Прославляемыя ими событія намъ совершенно чужды, и люди, которыхъ имена хотѣлъ онъ сохранить, уже забыты. Патриотическія его пѣсни написаны съ силою и одушевленіемъ. Есть строфы, которыхъ ни одинъ Шведъ не прочтаетъ безъ душевнаго волненія, и которымъ суждено жить въ памяти народа. Элегическія оды Тегнера вѣрнѣе и полнѣе выражаютъ его самого. Здѣсь изливается вся душа его, и внутренняя жизнь его отражается какъ будто въ зеркалѣ. Поэзія его часто походитъ на одинъ изъ тѣхъ сѣверныхъ ландшафтовъ, въ которыхъ солнечный лучъ пробивается сквозь темную сѣть листьевъ. Она торжественна и задумчива, но никогда не теряетъ своей силы. Печальный Тегнеръ никогда не впадаетъ въ отчаяніе; сквозь слезу его блещитъ яркій лучъ надежды. Благородная гордость поддерживаетъ его, а религія возноситъ надъ житейскими превратностями. Онъ говоритъ юношѣ: «Опирайся на посохъ надежды, учись и размышляй! Потомъ возстань и подвизайся за дѣло человечества, словомъ и оружіемъ! Тебя возненавидятъ, но ты принимай въ объятія каждого изъ твоихъ собратьевъ (Till en yngling)!» Юноша размышляетъ о словахъ поэта, и устремляется взоръ свой къ небу, какъ будто прося у него помощи:

«Ты было сокрылось отъ меня, блестящее свѣтло, но теперь лучи твои опять позлащаютъ вершины горъ! Призываю тебя, вмѣстѣ съ мірадами существъ, населяющихъ природу! Внемли мнѣ, источникъ свѣта, источникъ вдохновенія!

«Научи меня дѣлать небесныя видѣнія земному міру; дай мнѣ языкъ и выраженія, которыми могъ бы я изъяснить въ живыхъ образахъ мои неясныя мечты!

«Дай мнѣ силу презирать надмѣнность невѣждъ и оскорбленія этого мнимо-ученаго міра, который такъ часто издѣвается надъ созданными поэтами!»

Въ поэзіи Тегнера мелькаетъ иногда идея мистическая, но прелестная. Кольбель дитяти, говоритъ онъ, не первая ступень жизни: есть міръ, въ которомъ душа наша живетъ еще прежде, а здѣсь она тоскуетъ только по своей небесной отчизнѣ. Въ шумъ листьевъ слышатся ей сладостные голоса небесныхъ существъ, и если въ тишинѣ ночи человѣкъ любитъся свѣтлымъ лучемъ отдаленной звѣзды, ему кажется, что онъ узнаетъ въ ней свою прежнюю отчизну.

Тегнеръ часто пѣвалъ любовь, съ жаромъ юности, съ полуденною страстью, но потомъ возвратился къ мечтамъ идеальнымъ, описалъ любовь таинственную, глубокую, то чувство, которое Нѣмцы называютъ Sehnsucht.

Вся поэзія Тегнера, нѣжная и религіозная, особенно развилась въ двухъ довольно большихъ его сочиненіяхъ: *Первое пригащеніе* (Nattwards Varnen) и *Аксель*. Въ первой поэмѣ господствуетъ религіозное чувство; это идиллія, гдѣ нѣтъ ни пастуховъ, ни пастушекъ, ни ручейковъ, нашептывающихъ знакомое имя, ни деревьевъ съ вырваннымъ на нихъ именемъ обожаемаго существа. Сельская церковь, благочестіе дѣтей, отеческое наставленіе престарѣлаго священника — вотъ въ чемъ состоитъ вся поэма. Тегнеръ написалъ ее послѣ своего посвященія въ пасторы. Она начинается прелестнымъ описаніемъ церковнаго праздника:

«Духовъ день наступилъ. Сельская церковь вся горитъ въ лучахъ весенняго солнца. Небо чисто. Май облачился въ свою великолѣпную зеленую одежду, надѣлъ на юное чело вѣнокъ изъ розъ; вѣтеръ своимъ шопотомъ, и ручейки радостнымъ журчаніемъ возвыщаютъ всеобщій мирь. Розовые листочки цвѣтовъ скрываютъ таинственные вздохи, и на возрожденныхъ вѣткахъ птицы поютъ похвальные гимны Всевышнему. Кладбище выметено, ворота его убраны зеленью, и на каждой гробницѣ, на каждомъ желѣзномъ крестѣ, положенъ душистый вѣнокъ. По срединѣ кладбища возвышаются солнечные часы; они измѣрили уже болѣе ста лѣтъ, пролѣтѣвшихъ надъ этою тихою обителью смерти, и эти часы обвиты цвѣтами. Внутренность церкви также великолѣпно убрана; дѣти должны въ этотъ день, при подножій алтаря, возобновить обѣты, сдѣланные за нихъ при крещеніи. Каждый уголокъ опрятенъ; нигдѣ не видно ни пылинки, ни на стѣнахъ, ни на сводѣ, ни на скамьяхъ, выкрашенныхъ масляною краскою. Церковь превратилась въ цвѣтникъ; зелень листьевъ освѣняетъ столпы. Библия положена на цвѣтахъ. Надъ алтаремъ повѣшена изъ нихъ роскошная византица, и головки ангеловъ выглядываютъ изъ густой зелени, какъ солнце изъ облаковъ.

«Раздался звонъ колокола; дѣти попарно входятъ въ церковь и становятся посрединѣ. На хорахъ раздаются псалмы; благочестивыя чувства наполняютъ души присутствующихъ. Пасторъ всходитъ на кафедру, обращаетъ слово къ прихожанамъ, съ кротостію поучая ихъ. Онъ говоритъ имъ о обязанностяхъ здѣшней жизни, объ успокоеніи, ожидающемъ насъ въ будущей; онъ представляетъ имъ силу вѣры и благодатное дѣйствіе любви и надежды. По-

томъ простираетъ руки надъ своими слушателями, благословляетъ ихъ и даетъ имъ причастіе.» Проповѣдь пастора прекрасна. Вся эта идиллія Тегнера есть одно изъ примѣчательнѣйшихъ поэтическихъ сочиненій, которыя произвелъ Сѣверъ въ послѣднее время.

Аксель, по содержанію своему, принадлежитъ къ числу рыцарскихъ романовъ среднихъ вѣковъ. Въ немъ нѣтъ ни какой завязки. Конечно, Тегнеръ содѣлалъ эту сказку безъ всякаго усилія воображенія, но за то подробности ея очаровательны. Каждое описаніе напоминаетъ вамъ одну изъ прелестныхъ винетокъ, искусно нарисованныхъ великимъ художникомъ и тщательно раскрашенныхъ; все сочиненіе ясно доказываетъ, сколько придаетъ важности самому посредственному сочиненію прелесть формы и выборъ выраженій. Шведы читаютъ Акселя съ наслажденіемъ; впрочемъ онъ имѣетъ для нихъ національную важность. Содержаніе его заимствовано изъ исторіи Карла XII. Вступленіе поэмы посвящено памяти этого безстрашнаго воина, который всегда представляется воображенію Шведскаго мужика въ исполинскихъ формахъ, съ яркимъ вѣнцомъ славы на головѣ:

«Люблю старые годы, какъ бывало во времена Карла XII-го, когда все дышало спокойствіемъ сердца и увлекалось прелестію побѣды. У насъ, на Сѣверѣ, еще не погухло зарево этихъ великихъ событий, и въ часъ вечерняго сумрака еще появляются въ пространствѣ ээира надъ нами величественные образы, въ синихъ полукафтаньяхъ съ желтымъ поясомъ. Съ благоговѣніемъзираю на васъ, герои другаго міра, смотрю на ваши длинные мечи и воинственные доспѣхи.»

«Въ юности моей зналъ я человѣка, хорошо по-

мнвишаго Карлово время. Онъ былъ забить смертью, какъ побѣдный трофей среди развалинъ. Голова его была съда, какъ лунь; лицо покрыто морщинами, какъ древняя гробница рунами. Онъ былъ бѣденъ, но привыкнувъ къ нуждѣ, не заботился онъ о томъ ни сколько, велъ свою прежнюю бивачную жизнь, имѣлъ пристанище въ маленькой хижинѣ посреди лѣса. Двумя драгоценностями обладалъ онъ, которыхъ не согласился бы промѣнить на всѣ сокровища міра: у него были библия и шпага, гдѣ вырѣзано было имя Карла XII-го. Этотъ старикъ былъ живая летопись всѣхъ подвиговъ великаго Короля; всѣ малѣйшія событія его жизни хранились у него въ памяти, какъ погребальныя урны воиновъ хранятся въ нѣдрахъ могильныхъ холмовъ. О! какъ сверкали его взоры, съ какою гордостію поднималъ онъ голову, когда рассказывалъ объ опасностяхъ Короля, или его сподвижниковъ! Каждое слово его раздавалось тогда, какъ звукъ отъ двухъ скрещенныхъ клинковъ! Часто до глубокаго вечера рассказывалъ онъ о былыхъ годахъ, и каждый разъ снималъ шляпу, произнося имя Карла. Упоенный его рассказами я не смѣлъ пошевелиться, и съ той поры сохранилъ въ душѣ своей преданіе о воинственномъ племени минувшихъ временъ.»

Карль въ Бендерахъ. Онъ поручаетъ Акселю доставить указъ Шведскому Сенату. Аксель былъ мужчиною совершенно сѣверной красоты, свѣжій, какъ роза, высокій и стройный, какъ дикая сосна его отчизны; чело его было открыто и возвышенно, какъ свѣтлая лазурь неба, когда облака не застилаютъ ее; всѣ черты лица были признакомъ прекраснаго сердца и свѣтлаго ума. Голубые глаза его, казалось, равно способны были обращаться съ надеждою къ небесамъ и взирать безтрепетно въ превсподнюю.

Онъ сдѣлался товарищемъ Короля, *братомъ его по оружію*. Всего оставалось такихъ братьевъ семеро, и никогда число ихъ не превышало девяти. Для того, чтобъ быть приняту въ этотъ сонмъ храбрыхъ, надобно было перенести испытаніе огнемъ и желѣзомъ. Братья не знали постели, разстилали плащи свои на голой землѣ, и если надъ ними шумѣли бури и непогоды, они спокойно спали подъ ихъ угрюмыми пѣни. Одною рукою гнули они подковы. Ни одинъ не зналъ домашняго очага; они согрѣвались сердцами въ пылу битвы. Членъ сего союза могъ сдаваться только семерымъ, и въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ отступать защищаясь, потому что запрещалось обращать тылъ. Доколь Карль не избересть себѣ невѣсты, ни одинъ изъ братьевъ не могъ искать взаимной любви. Имъ не были знакомы голубиыя очи красавицы, улыбки розовыхъ устъ, или волненіе дѣвственной груди; они всѣ были обручены со шпагою. Аксель радуется случаю доказать свое усердіе Королю; онъ спѣшитъ въ путь; на дорогѣ нападаетъ на него неприятельскій отрядъ; прислонясь къ дереву, онъ защищается до послѣдней крайности, но Аксель одинъ, а враги его многочисленны. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, онъ падаетъ, покрытый ранами и обогранный своею кровію. Молодая дѣвушка находитъ его въ такомъ положеніи; она приказываетъ перенести воина въ свое жилище. Сама она перевязываетъ раны его, ходитъ за нимъ, и онъ выздоравливаетъ. Когда Аксель пришелъ въ себя, первый предметъ, поразившій взоръ его, была молодая дѣвушка. Склонясь надъ постелью больнаго, она смотрѣла на него съ любовью и состраданіемъ.

«Она не принадлежала къ числу тѣхъ идиллическихъ...»

скихъ существъ, которыя омащаютъ дубравы своими вздохами и рыданіями; она не походила на тѣхъ прекрасныхъ дѣвъ, русые локоны которыхъ струятся, будто солнечные лучи, щеки подобны пылкимъ фіалкамъ, а глаза какъ двѣ незабудки. Она была дитя Востока. Волосы ея были черны, какъ покровъ осенней ночи, и какъ на щитахъ Валкирій сіялъ нѣкогда знакъ победы, такъ на возвышенномъ челѣ ея сіяли радость и непорочность. Щеки ея были подобны утренней зарѣ. Она была легка какъ Ореада, рѣзвая и игрива. Груды ея колебались, будто волны морскія; тѣло ея было соткано изъ розъ и изъ лилій; душа ея была огненная, какъ лѣтнее, южное небо, напоенное ароматами цвѣтовъ. То смотрѣла она гордо, какъ орелъ парящій подѣ облаками; то бросала взоръ одной изъ голубицъ, влекущихъ торжественную колесницу богини красоты.

Здоровье Акселя поправляется понемногу; онъ ходитъ, опираясь на плечо своей спасительницы; утро они проводятъ въ лѣсу, а вечеръ на соседнемъ пригоркѣ. Они уже чувствуютъ, что любить другъ друга, но еще не хотятъ въ томъ сознаться. Наконецъ торжественное слово любви вырвалось изъ ихъ сердецъ, глаза встрѣтились, уста слились; между ними заключенъ союзъ вѣчный. Но Аксель вспоминаетъ о своемъ порученіи, о своей клятвѣ. Онъ исполнить долгъ свой и выпросить у Короля позволеніе жениться на дѣвушкѣ. Онъ отправляется прѣзжаетъ въ Швецію, а между тѣмъ Марія одна, тоскуетъ о своемъ возлюбленномъ и страшится за будущее. Ее беспокоитъ внезапный отъѣздъ Акселя, и таинственная клятва, о которой онъ говорилъ ей. Можетъ быть, Аксель любить другую. Теперь онъ свидѣлся съ нею! Съ той минуты, ко-

гда мысль ревнивая вгнѣздилась въ сердце Маріи прощай спокойствіе! Она не можетъ дожидаться возвращенія Акселя. Она хочетъ ѣхать сама, хочетъ увѣриться, что онъ ее не обманываетъ. Русскіе вторгнулись тогда въ Швецію. Марія надѣваетъ солдатскую одежду, и съ мечемъ вступаетъ въ отчизну любовника. Аксель собираетъ стариковъ и дѣтей, бросается съ ними на непріятельскіе ряды. Русскіе отступаютъ въ безпорядкѣ. Аксель проводитъ ночь на полѣ битвы. Онъ слышитъ стонъ подлѣ себя: это предсмертный вздохъ Маріи.

Аксель предаетъ землѣ тѣло своей милой. Имъ овладѣваетъ отчаяніе. У него нѣтъ силъ оторваться отъ ея могилы, и —

«Его нашли на берегу рѣки, съ сложенными накрестъ руками, какъ будто для молитвы. Въ глазахъ его блистали двѣ замерзшія слезы, а взоръ его, казалось, искалъ еще могилы Маріиной.»

Но образцовое твореніе Тегнера, это его *Фригтіюфъ-сага*. Ни въ одной изъ всѣхъ его поэмъ нѣтъ такой силы, такой свѣжести мыслей, такихъ прелестныхъ и вѣрныхъ картинъ, какъ въ этой поэмѣ. Тутъ слогъ его возвышается до чрезвычайной глубины и изумительной гармоніи. Мужественный звучный языкъ древней Скандинавіи принимается всевозможные переливы подѣ рукою великаго художника. Читая Фригтіюфъ-сагу, можно сказать, что Тегнеръ обладаетъ дубовою арфою древнихъ Скальдовъ, и родной языкъ, которымъ онъ владѣетъ вполне, то звучитъ подѣ рукою его, какъ желѣзная струна, то вздыхаетъ, какъ юная дѣва.

Вся поэма состоитъ изъ нѣсколькихъ лирическихъ пѣсней, написанныхъ различными размѣрами, и вмѣстѣ составляющихъ одну изъ самыхъ романтическихъ и трогательныхъ лѣтописей, сохранныхъ

въ преданіяхъ Скандинавіи. Можно назвать ее картиною древняго Сѣвера, съ его кочующею по морямъ жизнью, народными собраніями и мифологіею. Тегнеръ заимствовалъ содержаніе изъ Исландской саги. Но съ неподражаемымъ искусствомъ развилъ онъ избранную тему. Какъ искусно разбросалъ онъ по этой грубой канвѣ свои художественскія арабески и свои поэтическія картинны. Я уже имѣлъ однажды случай говорить объ Исландской сагѣ Фриттіофа. Теперь займемся краткимъ разборомъ Тегнерова творенія.

Подъ руководствомъ одного изъ мудрыхъ старцевъ, такъ часто встрѣчаемыхъ въ Скандинавскихъ преданіяхъ, воспитываются два ребенка: *Ингеборга*, дочь Короля Бела, и *Фриттіофъ*, единственный сынъ богатаго крестьянина Торстена. Ингеборга настоящее дитя Сѣвера, блѣлая и тихая и покорная, какъ одна изъ тѣхъ лилій, которыя пускаютъ листочки свои отъ луча солнца и склоняютъ прекрасную головку отъ малѣйшаго вѣтерка. Фриттіофъ подобенъ дубу, который со временемъ вознесетъ главу свою къ небесамъ, и смѣло будетъ стоять противъ всѣхъ бурь. Еще юный, Фриттіофъ уже пускается въ ладѣ своей по пѣнистымъ волнамъ, и взбирается на утесы за орлиными гнѣздами. Еще юный, онъ уже любитъ Ингеборгу. Они вмѣстѣ гуляютъ по лѣсамъ и по горамъ; онъ переноситъ ее черезъ ручьи, и заступаетъ ей мѣсто брата. Ингеборга предается ему со всѣмъ пыломъ и довѣрчивостію своего возраста.

Король Белъ умираетъ; онъ раздѣляетъ царство между своими двумя сыновьями, и завѣщаетъ имъ любить Фриттіофа. Торстенъ умираетъ въ одно время съ старымъ Королемъ, которому былъ онъ вѣрнымъ другомъ и товарищемъ по оружію. Фриттіофъ

наслѣдуетъ все его имѣніе. Онъ проситъ руки Ингеборги, но два молодые Короля, Гелгъ и Гельфданъ, отвѣчаютъ ему съ презрѣніемъ, что они не могутъ отдать сестры за сына простаго мужика. Фриттіофъ рѣшается покинуть ихъ навѣки. Но двумъ Королямъ угрожаетъ опасная война. Они просятъ помощи Фриттіофа; онъ отказывается. Два брата выступаютъ въ походъ съ своимъ войскомъ. Фриттіофъ остается одинъ. Въ тишинѣ ночи, садится онъ въ ладью, переплываетъ заливъ, входитъ въ храмъ Балдера и встрѣчаетъ тамъ Ингеборгу. Онъ заключаетъ ее въ свои объятія, и клянется ей въ любви вѣчной. Ингеборга объята страхомъ. Она боится осквернить святыню храма, принимая въ немъ своего милаго. Фриттіофъ умоляетъ ее забыть всѣ опасенія, преодолѣть пустыя предрасудки; онъ срываетъ съ устъ ея первый поцѣлуй любви. Возвратясь изъ похода, Короли обвиняютъ Фриттіофа въ оскверненіи святыни храма. Всѣ возстаютъ на него. — Законы присуждаютъ ему смертную казнь. Его спасаютъ славное имя, храбрость его и народная любовь. Гельфданъ приказываетъ ему отправиться за податью къ одному непокорному яру.

Ингеборга клянется сохранить вѣрность. Фриттіофъ удалется съ сладкою надеждою на близкое свиданіе. Претерпѣвъ сильную бурю, онъ выходитъ на берегъ во владѣніяхъ Ангантира. На встрѣчу ему выѣзжаетъ одинъ изъ Скандинавскихъ вѣговъ, славный силою своею и храбростію, званіемъ *берсеркеръ*; вся обязанность его состояла въ томъ, чтобы на поединкахъ заступать мѣсто владѣтеля, которому онъ служилъ. Берсеркеръ вызываетъ Фриттіофа на бой. Фриттіофъ утомленъ труднымъ путемъ; одежда его обрызгана пѣною волнъ, но онъ прини-

масть вызовъ, обезоруживаетъ своего соперника; они вступаютъ въ ручной бой, и Фритгюфъ опрокидываетъ берсеркера.

«Жизнь моя принадлежитъ тебѣ,» говоритъ ему суровый воинъ, «я не прошу помилованія. Поди — возьми свой мечъ, я жду тебя!» Фритгюфъ возвращается съ мечемъ, и находитъ соперника неподвижнаго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ. Это мужество колеблетъ храбраго Фритгюфа. Онъ протягиваетъ руку, помогаетъ побѣжденному встать, и оба вмѣстѣ представляются ярлу.

Ангантиръ принимаетъ Фритгюфа, какъ друга. Онъ сажаетъ его за свой столъ, велитъ поднести кубокъ меду, предлагаетъ ему дочь свою въ замужество. Но Фритгюфъ не хочетъ измѣнить своей клятвѣ. Съ наступленіемъ весны, онъ снаряжаетъ корабль; ярлъ выдаетъ ему подать безпрекословно, и Фритгюфъ отплываетъ въ свою родную землю. Между тѣмъ, Гелъ и Гельфданъ, желая заключить миръ съ Королемъ Рингомъ, обѣщаютъ ему руку своей сестры. Ингеборга все еще помнитъ Фритгюфа, все еще любитъ его, но повинуется непреклонной волѣ своихъ братьевъ. Возвратясь на родину, юный ратникъ узнаетъ, что его Ингеборги уже нѣтъ тамъ. Онъ идетъ къ Гелгу, бросаетъ ему въ глаза привезенную подать, опрокидываетъ его на землю, зажигаетъ храмъ Валдера, и снова покидаетъ свое отечество. Туземные законы осуждаютъ его на изгнаніе на сей разъ. Горестно прощается Фритгюфъ съ родиною, съ тѣми мѣстами, гдѣ протекло его дѣтство, гдѣ онъ любилъ. Онъ пускается въ безпредѣльный океанъ, и тутъ начинается его кочевая жизнь, удалая жизнь викингра. То борется онъ съ другими викингами, то дѣлаетъ высадки

на берегъ, то грабитъ сильные племена и опустошаетъ многолюдныя страны.

Проходятъ мѣсяцы. Фритгюфъ пристаетъ къ берегамъ Греціи, благословенной страны, которую отецъ его называлъ землею баснословною, гдѣ небо вѣчно ясно, воздухъ напитанъ ароматами румяныхъ плодовъ и золотыхъ лимоновъ. Тамъ любовь приходитъ ему опять на память, и грусть тѣснится въ душу. Рука его слабѣетъ. Онъ хочетъ еще разъ увидѣть Ингеборгу, и сказать ей послѣднее — прости!

Король Рингъ сидѣлъ съ женою своею за великопльнымъ столомъ. Онъ былъ старъ, «отъ него вѣяло осеннимъ холодомъ,» говоритъ поэтъ, «а она была молода и свѣжа, какъ роза». Вдругъ въ залу пиршества вошелъ старикъ съ длинною бородою и въ изорванной одеждѣ. Юноши смѣются, глядя на него. Не говоря ни слова, онъ хватается одною рукою самаго дерзкаго изъ насмѣшниковъ и опрокидываетъ его на землю. Король приказываетъ ему приблизиться, и начинаетъ его разспрашивать. Пиршлецъ не хочетъ объявить своего имени и отчества. Но бѣдная одежда вдругъ спадаетъ съ него, и вмѣсто старика является прекрасный, стройный юноша.

Рингъ оставляетъ юношу у себя. Ингеборга, трепеща, подноситъ ему кубокъ съ виномъ. Рингъ узналъ Фритгюфа, но ему вздумалось испытать честь его и твердость души. Однажды Король съ женою переѣзжали черезъ озеро, только что замерзшее. Ледъ провалился подъ ними, но Фритгюфъ ихъ спасаетъ. Наконецъ, они вмѣстѣ ѣдутъ на охоту, и когда товарищи отъ нихъ отстали, Рингъ говоритъ Фритгюфу: «Я усталъ. Сядемъ у этого дерева, и я

немного успокоюсь.» Фритгиофъ разстилаетъ плащъ свой, и старый Король засыпаетъ у него на колыбельхъ. Во время сна его, черная птица, сидѣвшая на вѣтви дерева, говоритъ Фритгиофу: «Что-же ты медлишь? Мужъ Ингеборги въ твоихъ рукахъ, а свидѣтелей нѣтъ. Онъ похитилъ у тебя твою милую, разрушилъ всѣ твои мечты, все твое счастье. Не упускай случая возвратитъ потерянное!» Но другая птица, бѣлая, кричитъ ему: «Береги честь свою! Этотъ старецъ встрѣтилъ тебя, какъ брата. Онъ увѣренъ въ тебѣ. Не запятнай своего имени постыднымъ поступкомъ!» Фритгиофъ колеблется, выхватываетъ мечъ свой, и — бросаетъ далеко отъ себя. Черная птица улетаетъ съ ужаснымъ крикомъ; бѣлая поднимается къ небесамъ. Рингъ встаетъ: «Я не спалъ,» говоритъ онъ, «знаю какаа борьба въ тебѣ происходила! Я узналъ тебя, Фритгиофъ, въ ту минуту, когда ты въ первый разъ переступилъ черезъ порогъ моего дома; я только хотѣлъ испытать благородство твоего характера. Съ сей минуты ты мой сынъ и наследникъ!»

Проходитъ нѣсколько времени. Рингъ, чувствуя приближеніе смерти, призываетъ Фритгиофа, и завѣщаетъ ему Ингеборгу и свое царство. Но старый Король имѣлъ малолѣтняго сына. Фритгиофъ не хочетъ лишитъ его законныхъ правъ на престолъ. Онъ провозглашаетъ его Королемъ, а самъ довольствуется званіемъ правителя.

Фритгиофъ возвращается на родину. Одинъ изъ враговъ его умеръ, а съ другимъ онъ примиряется. Съ раскаяніемъ посвщаетъ онъ храмъ Балдера, вновь выстроенный. Старцы, жрецы Балдера, даруютъ ему прощеніе; онъ женится на Ингеборгѣ.

Таково содержаніе этой замѣчательной поэмы, о

которой нельзя судить по моему короткому разсказу. Надобно прочесть ее въ подлинникъ, и тогда только постигнете всю ея прелесть. *

Жизнь Тегнера не обильна событіями. Она вся протекла въ исполненіи мирныхъ обязанностей и въ поэтическихъ мечтахъ.

Тегнеръ родился 15-го Ноября 1782 года, въ Вермеландской области. Отецъ его былъ пасторомъ въ Миллезыкѣ. Въ 1799 году молодой Тегнеръ вступилъ въ Лундскій Университетъ, и тамъ кончилъ курсъ ученія. Этому университету посвящаетъ потомъ Тегнеръ труды свои. Сперва сдѣлалъ его бібліотекаремъ; потомъ онъ читалъ лекціи эстетики, и сдѣланъ секретаремъ философскаго факультета, адъюнктомъ, а въ 1810 году ординарнымъ профессоромъ. Онъ преподавалъ Греческую литературу, и отличался вѣрностію своего взгляда и красноречіемъ. Въ 1812 году, дали ему приходъ, въ силу университетскаго закона, по которому Лундскіе и Упсальскіе профессора могутъ имѣть приходы. Его посвятили въ пасторы, съ дипломомъ на званіе доктора Богословія, и въ 1824 году назначили епископомъ въ Вексію. Пастырскія обязанности занимаютъ теперь всю его дѣятельность. Давно просили его издать всѣ свои сочиненія, но до сихъ поръ онъ еще не можетъ на то рѣшиться. Въмѣсто стиховъ, онъ теперь пишетъ проповѣди, и вмѣсто того, чтобы издавать свои сочиненія, посвщаетъ приходскія школы. Теперь гордится онъ своимъ духовнымъ званіемъ, какъ нѣкогда гордился академическими лаврами. Я спрашивалъ его, написалъ-ли онъ что ни-

* Фритгиофъ-Сага была три раза переведена на Нѣмецкій языкъ. Г-жа Гарне прекрасно перевела ее на Англійскій языкъ. Теперь готовится Французскій переводъ.

будь съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался епископомъ. «Ничего,» отвѣчалъ онъ, съ улыбкою самодовольствія: «но за то я освятилъ двадцать церквей и произнесъ двадцать рѣчей въ крестьянскихъ собраніяхъ.»

Блаженъ, кто, отдавши дни юности своей золотымъ мечтамъ поэзіи, можетъ отдохнуть подъ старость у подножія алтаря, въ нѣдрахъ религіи!

IV.

КРИТИКА.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ:

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГРУЗИЮ,

ПОМѢЩЕННУЮ КОГДА-ТО ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

*Еще жалеть климатъ въ Грузіи, а иголка
стоитъ двѣнадцать копеекъ!*

(восклицаніе солдата.)

Русскіе искони не любили путешествій. Проникнуть чувствомъ любви къ родинѣ, они страшились покинуть Россію — Божію землю, опочивально Св. угодниковъ, не хотѣли поганить на чужбинѣ православную душу межъ нечистыхъ нехристей. У нихъ тогда языкъ водилъ «не далѣе Кіева»; къ тому жъ они любили спокойную ѣзду, на печкѣ, запряженной шучимъ вельнѣемъ и своимъ хотѣнѣемъ, а ѣздить въ такомъ экипажѣ удавалось не всякому.

Но съ тѣхъ поръ укатилось много времени, утекло немало воды. Соскучилось Русскому духу сидѣть сиднемъ; пустилъ онъ къ себѣ чужеземцину, и по ея разсказамъ взманило его самого прогуляться за море.

Онъ воротился не тѣмъ, что былъ прежде. Онъ не оплевывался и не творилъ молитвы при видѣ иноземца; ему не дремалось послѣ обѣда. Отходчивый и снисходительный, онъ легко принаравливался къ быту чужестранному. Въ немъ не было притязанія на то, зачѣмъ каждая страна не похожа на его отечество, притязанія, которое всегда болтается на языкѣ Француза, и торчитъ *годдемомъ* изъ горла каждого Англичанина.

Такого поведения нельзя зацѣпить укоромъ въ гибкости характера и въ страсти къ подражанію: нѣтъ—эта нехвастливость есть отличительная черта Русскаго ума. Гибкость стального клинка на мѣшаетъ давать удары; общезитительность не препятствуетъ говорить правду.

Жаль, что съ такими золотыми способностями онъ скоро опять сдѣлался домосѣдомъ. Путешествія не пришли по его праву: онъ и теперь мало ѣздитъ, и еще менѣе любитъ разсказывать. На этотъ разъ мы опять должны занимать книги у иностранцевъ, и сквозь чужіе очки, часто фальшивые и не по нашимъ глазамъ, смотреть на чужія страны и на свое отечество.

Отъ этого мы знаемъ всѣ чужія земли лучше, нежели свою собственную. Намъ болѣе известны работы въ тоннель, чѣмъ успѣхи нашего водянаго сообщенія. Отъ этого у насъ такіе смѣшанные, неясныя понятія о предметахъ самаго близкаго къ намъ интереса. Въ тридцать лѣтъ, напримѣръ, что мы узнали о Грузинъ? Многіе ли знаютъ даже географическое ея положеніе, пространство, границы? Остальные *воображаютъ*, что Грузія есть *городъ на Кавказскихъ водахъ*, въ который Горцы ни одного провѣзжаго не пропускаютъ безъ драки *, гдѣ Князь Па-

* Повѣрять ли, что еще недавно случались адресы на дѣловыхъ бумагахъ: *«На островъ Кубу, что въ Персіи, на Кавказской Линіи.»*—И это не сказка!.. *Прим. Сов.*

скевичъ сражался съ Персіянами и Турками, и въ награду отъ Государя Императора получилъ двѣ пунки. — У насъ мало писано о Кавказѣ, да и то, или невѣрно, или недостаточное. Недавно какъ-то перебиралъ я старье журнальное, что въ Закавказьѣ у насъ считается свѣжею еще новостью, и вотъ какъ-то попалась мнѣ статейка: *Путешествіе въ Грузію*. Статейка эта немного прибавляетъ новаго и ничего справедливаго къ имѣющимся свѣдѣніямъ.

Не желаніе поперечить обветшалымъ мнѣніямъ Г-на путешественника побудило меня писать на нее критику, а намѣреніе вывести изъ заблужденія людей, повѣрившихъ этой статейкѣ на слово, не знаю съ какой стати носящей на себѣ *классическое* названіе: *путешествіе*.

Начинается повесть тѣмъ, что путешественникъ отправляется въ дорогу. Сборы описаны очень подробно: «третное жалованье и прогоны», медвѣжья шуба, собственные дѣла, колеблемая рѣшимость и страхи, надежды и мечты—ничего не забыто! Это, вѣроятно, вещи необходимыя для ѣдущихъ на Кавказъ. Потомъ слѣдуетъ, за новостью, описаніе почтовой ѣзды натошакъ, вмѣстѣ съ пустыннымъ вѣтромъ.

И вотъ, Г. путешественникъ переѣзжаетъ Егорлыкь. Отсюда начинаются его страхи и опрометчивыя сужденія о Горцахъ и Кавказѣ, основанныя на разсказахъ станціоннаго смотрителя, выражающагося невнятными иероглифами, и Русской бабы, жены *Филиверкина*. Вотъ источникъ, откуда почерпнулъ Путешественникъ первоначальныя свои свѣдѣнія. Трудно вообразить, какъ несправедливо, съ какою самоувѣренностію говоритъ онъ о томъ, что видитъ прямо, вправо и влѣво. Мирные Черкесы первые подверглись его негодованію. По его мнѣнію, они переселились, или для того, чтобы грабить, или для того, чтобы пособлять грабежу. Все это су-

щая неправда. Во-первых, большая часть мирных Горцев состоит из туземцев, живущих на своих мѣстах со времени занятія этого края Русскими. Остальные переселены нами из наших видовъ, а не для ихъ разбойническихъ выгодъ. Во-вторыхъ, мирные Черкесы не могутъ грабить и по-творствовать разбою, имѣя надъ собою старшинъ и князковъ, поставленныхъ нашимъ начальствомъ. Всякая шалость и притонъ, данный хищникамъ, не проходить имъ даромъ. Въ-третьихъ, большая часть значительныхъ князей служитъ въ гвардейскомъ Горскомъ эскадронѣ, и всякій годъ нѣсколько десятковъ молодыхъ людей изъ лучшихъ Черкесскихъ фамилій отправляются въ Петербургъ воспитываться въ военныхъ заведеніяхъ. Если же кому изъ мирныхъ прійдетъ въ голову блажь посягнуть на Кубань, то онъ бѣжитъ за Кубань, и оттуда уже дѣлаетъ набѣги съ нѣсколькими удалцами.

Нашъ пугливый путешественникъ всѣхъ Горцевъ называетъ *Черкесами*, съ небольшимъ различіемъ горскихъ Черкесовъ, гнусныхъ Черкесовъ, мирныхъ Черкесовъ, отвратительныхъ Черкесовъ. Здѣсь надобно замѣтить, что *Черкесы* вовсе не существуютъ на Кавказѣ. Имъ это перешло къ намъ давно отъ Нагайскихъ племенъ, кочевавшихъ когда-то на степяхъ, гдѣ теперь Черноморье и Кавказская Область. Оно значить: *головорѣзъ*. Можно было бы пораспросить и узнать, что за Кубанью живутъ не Черкесы, а *Шапсуги*, *Котухайцы*, *Убыхи*, *Бзедухи*, *Абазехи*, и множество другихъ племенъ. Этими народамъ нѣтъ и не было физической возможности грабить Грузію, не бывшую никогда ихъ данницею, и отдѣленную отъ нихъ снѣговыми хребтами горъ и непроходимыми ущельями, которые населены многими племенами, непримиримыми въ своей враждѣ къ мнимымъ Черкесамъ.

Дорогою путешественникъ увидѣлъ плѣннаго Чер-

кеса. Здѣсь хлынулъ девятый валъ его негодованія. Недовольный одеждою, наружностью и душевными качествами, онъ едва соглашается назвать его чело-вѣкомъ. Обвиняя его въ сходствѣ съ отцеубійцей, хотя мы ни какихъ форменныхъ примѣтъ отцеубійцы не знаемъ, онъ не допускаетъ возможности имѣть съ нимъ какія либо сношенія. Удивительная политика, истинно Лафатеровское ясновидіе!

Одежда Горцевъ вовсе не такова, какою ее описываетъ путешественникъ. Горцы не носятъ «сапоговъ на высокихъ каблукахъ, съ загнутыми вверхъ носками», и «не обтягиваютъ ногу кожею». Они обуты въ сафьянные *череки* (родъ нашихъ ботинокъ), съ однимъ швомъ, безъ подошвы, красиво обтягивающіе босую ногу. На икрахъ носятъ они родъ чулковъ, спитыхъ изъ верблюжьяго сукна, и оканчивающихся накольничками изъ той же матеріи. Прибавьте къ этому *бешиметъ*, *черкеску* и красивую шапку. Все это надѣто на стройнаго мужчину, имѣющаго пріятный обликъ и правильныя черты лица, частію закрытаго черною бородою, тщательно подстриженною. Нашъ путешественникъ превращаетъ, подкапываетъ, опрокидываетъ всѣ вѣками доказанныя понятія о красотѣ Кавказской породы, но, кажется, въ этомъ случаѣ смотритъ онъ глазами судьи, который придирается къ каждому движенію обвиненнаго, стыдясь обнаружить свой страхъ, не скрыть ли гдѣ нибудь ножъ у скованнаго преступника! Напрасно злословить такъ свою роденку. Вѣдь, говорить, будто и мы, *Европейцы*, происходимъ отъ Кавказскаго племени.

Отвергать поэзію въ быту Горцевъ, и говорить, что это ложь, значить добровольно сознаться въ своемъ прозаизмѣ. Поэтъ нашелъ поэзію въ Аккерманскихъ степяхъ; Арабы восхищаются жгучими пустынями, верблюдами и своими сыпучими песками. Значить: поэзія есть тамъ, гдѣ чело-вѣкъ вдохновился.

Быть Горца стоит вниманія каждаго любознательнаго чловѣка. Онъ представляетъ собою ступень, на которой стояла нѣкогда Европа въ феодальныхъ путахъ. Изучая его, вы скорѣе поймете чловѣка, нежели читая исторіи, въ которыхъ все *сочинено*: и происшествія, и характеры лицъ, и нравы народовъ. Кавказскія племена можно сравнить съ живою геральдикую старинной Европы.

Путешественникъ утверждаетъ невозможность имѣть какія либо сношенія съ Горцами. Это болѣе чѣмъ несправедливо, и вотъ тому доказательства.

Черкесы изстари были союзниками Русскихъ. Русскіе искони торговали съ ними, вымѣнивали у нихъ сукна, оружіе, коней. Мало этого. Черкесы защищали отъ нападений степныхъ народовъ купцевъ нашихъ, вывозившихъ изъ Персіи шелкъ и пряности.

Время измѣнило наши отношенія: изъ союзниковъ, мы сдѣлались господами. Мы не ищемъ услугъ, но требуемъ повиновенія. А Горцу не легко покинуть свои привольныя привычки, и потому—то мы встрѣтили сопротивленіе, которое, за немѣнѣемъ цѣлости, превратилось въ частныя набѣги, раздробилось въ личную ненависть, поддерживаемую заповѣдями Корана. Но до сихъ поръ гостепріимный порогъ Черкеса надежнее всякаго оружія защитить странника отъ нападений врага, хотя бы онъ самъ былъ кровный непріятель хозяину. Онъ скорѣе пожертвуетъ семействомъ и жизнью, чѣмъ согласится выдать своего гостя. Имѣя одного надежнаго кунака *, вы можете провѣхать всю непріязненную гору, переходя съ рукъ одного кунака на другія, и спать спокойно на землѣ вашихъ враговъ по крови и по вѣрѣ. И теперь вся Горская торговля вращаетъ-

* *Кунакъ*, значить *другъ*, для котораго нѣтъ ничего завѣшнаго. Эта дружба не основана на интересѣ: часто свѣдѣльскій взглядъ и лакейскій привѣтъ дѣлаютъ кунаками. *Прим. Сов.*

ся на одномъ честномъ словѣ кунакомъ. Если бы оно не было надежно, то расчетливый Армянинъ и дальній Турокъ изъ Анатолиі не велили бы своихъ товаровъ мѣнять на скудныя произведенія Кавказскихъ Горъ. Гдѣ есть торговля, тамъ есть и доверіе.

Горцевъ ли укорять въ недостатокъ храбрости, людей, которые изъ бахвальства, или для ничтожной добычи, втроемъ, или *самъ-другъ*, рвутся за наши пикеты, и часто находятъ вѣрную смерть, не сдаваясь живыми! Если бы путешественникъ послужилъ въ военной службѣ, здѣсь на Кавказѣ, то узналъ бы, что Горцы не трусы, и что намъ не такъ-то легко достаются успѣхи въ стычкахъ съ Горцами; что каждый камень и кустъ, у нихъ отбитый, обходится намъ дорого. Мы ихъ бьемъ. Диво-ли? Мы Русскіе...

Да, мы, благодаря Бога, Русскіе, и такъ сильны, что грѣхъ намъ не отдавать должной справедливости своимъ непріятелямъ. Надобно быть очень напугану, чтобы оспаривать у Кавказскихъ Горцевъ все добрыя качества, даже названіе чловѣка, какъ нашъ новый путешественникъ по Грузіи.

Онъ приписываетъ особенному покровительству Божію, что онъ *заживо* пріѣхалъ въ Тифлисъ, считая это оплошностію Горцевъ, и приписывая то, что убрался за горы, только лѣности Горцевъ, грабителей проезжающихъ, которые, по словамъ его, для нихъ, самая легкая и вѣрная добыча.

Какъ не грѣшно писать такія несправедливости, позабывая, что есть начальство, пекущееся о безопасности провозда! Не лѣность Горцевъ, а мѣры начальства охраняютъ провозжихъ. На частыхъ разстояніяхъ устроены военные посты и редуты. Пѣхота и казаки провожаютъ всякаго. Ни разу почта, ни одинъ изъ курьеровъ, которые снуютъ днемъ и ночью, не были здѣсь ограблены. Откуда же взялись всѣ эти

страхи у путешественника, увеличившіе небывалыя до того опасности? Недаромъ, видно, говорятъ, что у страха глаза велики. Нѣсколько несчастныхъ случаевъ не укорь и не указъ: большая часть ихъ произошла отъ собственной оплошности проезжающихъ.

Въ заключеніе Г. путешественникъ предлагаетъ средство *покорить* Кавказъ. Вотъ оно: обезоружить всѣхъ жителей и отобрать у нихъ лошадей. Эта мѣра не нова. Когда мы были молоды, насъ учили ловить птицъ, посыпая имъ на хвостъ соли. Кажется, прежде надобно покорить, а потомъ обезоружить. А обезоружить 1,500,000 народа, растянутаго на 2000 верстъ, на скалахъ, въ ущельяхъ, не слишкомъ-то удобно. Къ этому надобно прибавить, что Горскіе народы не составляютъ ничего дѣлаго; не имѣютъ почти ни какого правленія; у нихъ воля одного не неволя другому. Въ одной деревнѣ двадцать домовъ мирятся, а три съ вами дерутся. Подите же отбирайте у нихъ оружіе! Просвѣщеннымъ нашимъ правительствомъ взяты инныя мѣры. Экспедиціи, особливо послѣднія, доказали Горцамъ, что нѣтъ неприступныхъ мѣстъ на Кавказъ, для *Русскаго штыка* и *Русской картечи*.

Усмиренные Горцы платяť намъ дань, незначащую по цѣнѣ, но важную въ моральномъ смыслѣ, для людей, которые никому ничего не платили. Аманаты ихъ строго отвѣчаютъ за поведеніе своихъ общинъ. Линіи нашихъ крѣпостей подвигаются къ подошвѣ горъ, и стѣсниютъ Горцевъ въ гольихъ ущельяхъ, отрѣзывая у непокорныхъ пашни и луга, лежащія на плоскостяхъ. Кавказская Область населяется деревнями и казацкими станицами, гдѣ прежде кочевали племена Горцевъ. Что теперь *Кабарда*, Кабарда, выставившая некогда 25 тысячъ всадниковъ? Горсть разбойниковъ — не больше. Линія наша перенесена съ Терека на Сунджу, и самая Кубань не долго будетъ служить защитою Горцамъ.

Вотъ, въхавъ путемъ дорогою, путешественникъ подъѣхалъ къ горамъ, и очутился въ ущельѣ, «на концѣ жизни, въ царствѣ смерти и жилищѣ Асмодеевъ, Мефистофелей и всѣхъ адскихъ силъ.» По сторонамъ висятъ камни, которые грозятъ раздвинуть міръ. Это мѣсто могутъ описать только три отчаянные челоуѣка: Мильтонъ, Данте, и самъ Г. путешественникъ.

Какъ можно такъ пугать добрыхъ людей! Послѣ этого ни одна трусливая маменька ни за что не отпуститъ сынка своего на службу въ такую землю, въ такое близкое сосѣдство съ чертями! И одинъ-ли добрый челоуѣкъ, въря всему печатному, войдетъ въ соблазнъ и подумаетъ: «какъ это отпускаютъ третное жалованье и прогоны чиновникамъ, вдуцимъ въ такую ужасную сторону!» Не пугайтесь, Мм. Гг., дѣло въ томъ только, что Г. путешественникъ ошибся квартирою: Г-да Мефистофель и Асмодей, наскучивъ перекачивать громомъ и стрѣлять молніей, за холодомъ и сыростью квартиры, перѣехали въ нижній этажъ нашей планеты. Они тѣшатся теперь людскою глупостью. Ихъ можно найти въ клятвѣ любовницы, въ совѣтъ друга, въ колодѣ банкомета, но всего скорѣе въ омутъ довременной опытности молодежи...

Но, вотъ Г. путешественникъ подвигается дальше: ужасы увеличиваются больше и больше; у него замираетъ духъ; каменныя громады заслонили міръ; чуть самое небо не кажется ему съ овчинку. Однако жъ то, что вамъ кажется *кладбищемъ природы*, Г. путешественникъ, на которомъ вы хороните жизнь въ каменномъ гробѣ — въ Божіей премудрости имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе. Гдѣ кончается мірская дѣятельность, тамъ на сторожѣ стоитъ Божіе Провидѣніе. Въ этихъ обнаженныхъ громадахъ дымятся туманы, зарождаются тучи, и на крыльяхъ

вѣтра, сдувшаго съ васъ фуражку, несется обильный дождь оросить труды миллионовъ людей.

Здѣсь, при рокотѣ грома снѣжныя глыбы точатъ изъ себя рѣки, съ шумомъ свергающіяся въ долины напоить цѣлыя области. Здѣсь надобно благоговѣть, а не мѣрять твореніе на аршинны, не жаловаться на неучтивость вѣтра, снявшаго съ васъ фуражку. Дивиться можно только тому, какъ вы сами не сняли ея предъ величіемъ Кавказской природы!

Дорогу черезъ Кавказъ Г. путешественникъ называетъ *ходомъ по дну пещеры, по пещеры съ отверстыми верхомъ*. Какія же мудренныя пещеры на Кавказѣ! Въ Европѣ бываютъ города безъ людей, лошади безъ хвостовъ, экипажи безъ лошадей; за частую читаемъ мы статьи безъ толку и смысла, но пещеръ безъ верха, кажется, на свѣтѣ нѣтъ. Это что-то въ родъ бѣлыхъ Араповъ и острововъ, соединяющихся съ материками. Но у Г. путешественника своя геологическая система. По его утвердительному мнѣнію, Терекъ, раздвинувъ первозданныя горы, прорылъ себѣ Тагауровское ущелье. Могла ли ничтожная нить воды, каковъ Терекъ, въ сравненіи съ громадами, коими онъ обставленъ, опрокинуть ихъ? Послѣ этого сваю можно разщепить цѣлый хребетъ горъ, и ушатомъ воды промочить насквозь землю! Здѣсь можно сдѣлать вопросъ, исполненный философіи: что прежде сотворено, человекъ или борода? Горныя рѣки очевидно явились въ позднѣйшіе періоды, когда земля охладѣла, и вершины ея покрылись снѣгомъ. Стало быть, онъ не могли раздвигать горъ, и рыть себѣ ущелья, являя послѣ образования тѣхъ и другихъ. Бока ущелья не могутъ представлять сердцевины земли. Извѣстно, что дно самыхъ глубокихъ пещеръ въ Альпійскихъ Горахъ едва достигаетъ поверхности Роны. Г. Путешественникъ, упоминая о трудахъ Раумера, изслѣдовавшаго перевороты Норвежскихъ горъ, происшедшіе отъ

вторженія моря, позабываетъ, или не знаетъ, что Гумбольдтъ, объѣхавъ оба полушарія, давно сказалъ тоже о горахъ цѣлаго міра.

Подъѣзжая къ Кавказскимъ Горамъ, Г. путешественникъ упадаетъ духомъ; имъ овладѣваетъ чувство горькое, препятствующее ему чувствовать свое достоинство, и показывающее всю ничтожность человека. Такъ мы рассуждали встарину, во времена язычества, а съ тѣхъ поръ, какъ мы окрестились въ Христіанскую Вѣру, мы думаемъ иначе, и знаемъ, что насъ, человекѣвъ, аристократовъ творенія, не отдадутъ подъ судъ, какъ бѣднаго Прометей, за счастливую мысль или новое открытіе. Съ тѣхъ поръ человекъ сдѣлался богатъ, а стало быть и смѣль. Съ тѣхъ поръ время и пространство принадлежатъ ему. Онъ роетъ тоннелемъ подъ Темзою; отодвигаетъ плотинами Океанъ въ Голландіи; смежаетъ отдаленныя материкки пароходами; Альпы пробуравливаетъ Симпленою. Ему столько же теперь извѣстно дно Океана, какъ поверхность отдаленной планеты. Обнимая Земной Шаръ руками промышленности, онъ высится въ небо своею философіею. Изъ раба природы онъ сдѣлался господиномъ природы, и въ ней изъ самыхъ препятствій творить себѣ средства. Самые перевороты земной поверхности послужили ему въ пользу: землетрясенія сохранили ему цѣлые города съ древнимъ бытомъ ихъ жителей; полярныя льды спасли ему въ цѣлости допотопныхъ животныхъ; самый потопъ разостлалъ для него тучныя почвы и покрылъ ихъ богатыми прозябеніями. Что недоступно мыслямъ человека, что невозможно для его алмазной воли, чего не проявилъ онъ въ себѣ, чего не понадеется, чего не посмѣетъ, чего онъ не сможетъ!! По крайней мѣрѣ, нельзя унизиться духомъ и «чувствовать свое ничтожество» при взглядѣ на Кавказъ, котораго красоты можетъ показать только Божій день, а увидѣть и

оцѣнить человѣческой глазъ. Тамъ, гдѣ роятся громамы и молніи, нельзя не чувствовать своего достоинства. Гордость наша возрастаетъ съ увеличивающимися размѣрами природы, и на могилѣ Прометей высокой удѣлъ челоѣка становится лицомъ къ лицу съ величіемъ творенія. Ему ли никнуть подъ гигантскими формами собственнаго чертога? Безконечному ли духу челоѣческому теряться въ безконечныхъ размѣрахъ природы? Челоѣкъ, проникнутый этимъ чувствомъ, всегда будетъ сознавать здѣсь свое достоинство, какъ и вездѣ, гдѣ велика и дивна природа. Поставьте его хоть на вершину Гиммалая, бросьте въ копи Велички, закиньте въ степи Африки, въ дебри и тундры Сибири. Не имѣть этихъ чувствъ, все равно, что путешествуя замѣчать разбитыя стекла во дворцѣ дождей, или въ коронѣ Наполеона считать выкатившіяся жемчужины.

Подвигаясь далѣе, Г. путешественникъ повторять безпрестанно слово: *заваль*, не объясняя почти, что это такое, откуда онъ берется и часто ли бываетъ? Объяснимъ, что такое «заваль», и причину его: снѣгъ, накопляясь на вершинѣ Казбека слоями, отъ собственной тяжести рушится, увлекаетъ съ собою камни, нерѣдко цѣлыя скалы, и пробѣжавъ по побочному ущелью 25 верстъ, впадаетъ въ главное. Здѣсь, встрѣти сопротивленіе, онъ ложится толстою массою поперегъ ущелья, загрожождая Терекъ, который разливается и топить берега, покуда не прососетъ себя пути подъ снѣгомъ. Такіе завалы случаются въ семь или восемь лѣтъ разъ.

Но до заваловъ-ли намъ! И безъ того путешественникъ нашъ, на каждомъ шагу, встрѣчаетъ новые ужасы и опасности: дорога узка, повороты круты, подъемы страшны, и враждебный Терекъ (вездѣ курсивомъ) весь въ пѣнь — *бризги вверхъ*, на каждомъ шагу мечется въ глаза и оглушаетъ ревомъ!

Если Г. Гамба перекрестилъ *Крестовую Гору* въ *mont St. Cristos*, то Русскому путешественнику стыдно не знать, что Петръ I-й никогда не проходилъ черезъ Кавказскія Горы, и потому не могъ поставить креста на Крестовой Горѣ, какъ утверждаетъ Г. путешественникъ. Извѣстно всякому Закавказцу, что Петръ I ходилъ на Дербентъ и Баку, но не черезъ горы, а по побережью моря, и что крестъ поставленъ какимъ-то рекрутомъ Петромъ Михайловымъ». То-то, Г. путешественникъ! Слышали мы звонъ, да не знаемъ, гдѣ онъ. А кажется, узнать это было очень легко: взобраться только на холмъ, и прочтать надпись.

Ужасный страхъ совсѣмъ забираетъ нашего путешественника при переправѣ черезъ Гужь-гору! Слѣва скала тѣснитъ его въ пропасть; несется бездна зіяетъ ему справа. Не бойтесь, Г. путешественникъ: эта бездна не требуетъ Курція — она довольствуется деревнею Оссетиновъ, спокойно живущихъ на гостепріимномъ днѣ ея. Откуда беретъ Г. путешественникъ опасности и препятствія — не понимаю! Ему кажется невозможнымъ переправить собственную свою осбу тамъ, гдѣ въ 1827 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, по рыхлому снѣгу перевезли осадную артиллерию. Эта дорога такъ хороша, что дайте намъ хоть храмъ славы, мы его, не крикнувъ, перетащимъ по ней черезъ Кавказскія Горы. Догадка Г. путешественника, будто дорога не проведена въ другомъ мѣстѣ для избѣжанія траты пороха, вовсе несправедлива. Провести дорогу въ иномъ мѣстѣ невозможно, и это уже доказано. Г. путешественникъ, вѣроятно, не знаетъ, что эта дорога военная, т. е. для прохода войскъ съ артиллеріею и обозами, и что она, какъ нельзя лучше, удовлетворяетъ своему назначенію. Причины, побудившія Наполеона проложить Симплонскую дорогу, обошедшуюся въ 80 милліоновъ, вѣроятно, стоили болѣе этой сум-

мы. Было бы что возить, а *какъ и куда* — проторять дорогу. Отъ этого, замѣтили ли вы, что всѣ большіе города не стоятъ на большихъ дорогахъ, а большія дороги пролегаютъ мимо большихъ городовъ?

Но, довольно — стать въ конецъ, и критикъ тоже. Развѣ замѣтить еще, что поспѣшный на всякія заключенія, Г. путешественникъ не бѣденъ и допотопными истинами, какъ напримеръ: «у дикарей обычай замѣняютъ законы,» какъ будто *обычай*, въ такомъ случаѣ, не есть уже законъ? Или: «*духань* есть лавочка, гдѣ продаютъ *за деньги*» — да, въ какой же лавочкѣ продаютъ за щелчки? — Разсказывать такія вещи не то-ли, что носить рѣшетомъ воду? Для примѣра ясности слога довольно будетъ и слѣдующей фразы: «судя по быстрому ходу просвѣщенія, можно надѣяться, что приближенность понятій о періодахъ измѣненій планеты нашей, укажетъ путь новымъ испытаніямъ къ открытіямъ совершеннѣйшимъ.» — Подумаете, что Кавказская дорога разстроила не только понятія, но и слогъ Г. путешественника.

Вообще въ этой статьѣ, которая, какъ-то, надосугъ, кинулась намъ въ глаза, замѣтно притязаніе на ученость; всѣ науки въ ней перещупаны, всѣ собраны на перекличку — и Геологія, и Политика, и Фортификація и Стратегія...

«Тутъ все есть, если нѣтъ обмана!»

Однако жъ, кто рѣшается писать въ нашъ отчетистый вѣкъ, отъ того требуютъ, либо мыслей, либо новыхъ взглядовъ, либо нагой правды, а не междоветій и сугубыхъ прилагательныхъ. Мы теперь болѣе смѣемся, чѣмъ удивляемся. Намъ наскучила прямизна восклицательнаго знака, и мы, изъ шалости, согнули его въ вопросительный, находя болѣе эстетическаго въ изогнутой линіи. Этимъ ключемъ мы отперли

много новыхъ истинъ. — Но Г. путешественникъ воинъ^о особой дружины: онъ колетъ навѣлетъ восклицательными, и конемъ топчетъ правду не оглядываясь. Испомать ему! — Жаль только легковѣрныхъ читателей, которые сочли его рыцаремъ справедливости, потому, что трудно въ такомъ маломъ объемѣ, какъ статья, о которой говоримъ мы, сколотить столько несообразностей, ложныхъ извѣстій и пустословія, какъ удалось Г. путешественнику. Взглядъ Г. путешественника на предметы похожъ на взглядъ больного желчью, а разсказъ его — заторможенная повозка, вдушая въ гору. Главное въ томъ, что статья его унижаетъ Русскихъ, и унижаетъ напрасно. Молчать, значило-бы соглашаться — я возразилъ. Авось возраженіе откликнется черезъ высь Кавказа. А если между тѣмъ, статья уже скончалась? Такъ, но, можетъ быть, ее вздумаютъ похоронить на кладбищѣ какой нибудь географин — и отъ волоса на землѣ тѣнь ложится! Вѣдь мы сметаемъ-же пылъ — сметемъ и географическую порошинку. Пусть будетъ чисто даже и на кладбищѣ, не только по улицамъ большихъ городовъ и въ людскихъ душахъ....

Тяпльскъ, 10 Марта.

МАРЛИНСКІЙ.

НѢМЕЦКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Изъ книги Вольфганга Менцеля. Часть I. (Переводъ В. К.) Спб., въ тип. А. Плюшара, 1837 г., въ 12, X и 309 стр.

Съ чего взяли ложное мнѣніе, будто Критика не была известна Древнимъ, потому, что ея не было въ числѣ девяти Музъ Парнасскихъ? Когда началась мѣръ человеческой мысли началась и критика, *повстрѣка* того, *сужденіе* о томъ что *мыслил* и *дѣлалъ* человѣкъ. Первый взглядъ создаващаго что нибудь на свое собственное созданіе есть уже *критика*, если художникъ не лишень здраваго разсудка. Первое слово зрителя, читателя: «хорошо, не хорошо, нравится, не нравится» — что это такое? — *критика*. Желать исключенія критики изъ міра вѣднѣй человеческихъ, все равно, что желать исключенія изъ силъ Природы «химизма», необходимаго для жизни всего живущаго. Древніе знали Критику хоть и не поселили ее на Парнассъ въ видѣ Музы. Она оставалась между людьми, жила съ ними, являлась въ Олимпійскихъ циркахъ, въ Аѳонскихъ театрахъ въ Академіяхъ мудрецовъ и Олеонахъ поэтовъ, и какъ часто созданное «божественными» Музами Софокловъ и Эврипидовъ подвергалось ея строгому суду и было объявляемо недостойнымъ своего Парнасскаго происхожденія. Этого мало. Вѣдныя Музы разбѣжались потомъ съ Парнасса, и умственная полиція до сихъ поръ не можетъ отыскать мѣста, гдѣ онѣ укрываются, а Критика уцѣлѣла и осталась на виду. Родная сестра уму человѣческому, она пошла объ руку съ нимъ гулять по всему міру, и вездѣ отдавали ей почетъ, гдѣ отдавали почетъ ея брату. Критика иногда говаривала не впадать, иногда ошибалась, но та и другая беда бывали и съ братомъ ея — умомъ человеческимъ. И здѣсь Критика оказывала во всемъ услу-

ги уму. Она первая сознавала свою и его ошибку, и начинала говорить, хоть часто грозили ей за то въ старыя времена кострами и темницами. Критика съ природы свойства нетрусливаго; она иногда убѣгала изъ одной страны въ другую, но только спасая не себя, а право человѣка *мыслить* и *судить*, ибо мысль безъ сужденія не существуетъ, и нѣтъ силъ такихъ, которыми можно бы было заставить человѣка не мыслить.

Самое плохое было состояніе критики въ то время, когда человѣкъ съ чего-то придумалъ, будто его теоретическая работа кончилась. Опредѣлили правила для изящнаго, заковали философію въ логическіе силлогизмы, подчинили условіямъ изящнаго искусства, объявили монополію школьнаго разума, и хотѣли лишить человѣка даже великой идеи неба и вѣры въ жизнь за гробомъ, залоговъ, оправдывающихъ наше непрерывное и безконечное стремленіе впередъ. Вѣдная критика, одѣтая въ парикъ и кафтанъ, занималась только примѣриваніемъ новаго на мѣрку стараго, восхищалась, если новое подходило подъ старую мѣру, ворчала, если было не такъ, и холодная, бездушная, она жалѣла даже, что Музы, которыя откуда-то явились на то время между людьми и пѣли изъ всѣхъ силъ, ей не сестры, что она не жила съ ними на Греческомъ Парнассѣ.

Но критика скоро опять сознала себя. Люди замѣтили, что ошибочно думаютъ они, будто Греческія Музы отыскались въ новой Европѣ; они прогнали этихъ самозванныхъ полубогинь. Критика смѣло и гордо заняла свое мѣсто въ области человеческихъ вѣднѣй, и пока разные отдѣльные вопросы разрѣшались между людьми пушками, начиная со времени Фридриха Великаго до драчливой памяти Наполеона, большаго пушечнаго философа Критика завязала въ свою очередь жестокой бой, свидѣтелями

и участниками котораго привелось быть и нашему поколѣнію.

Теперь этотъ бой конченъ, миръ заключенъ, побѣжденнымъ объявлено всепрощеніе, у побѣдителей требуютъ отчета въ издержкахъ, сдѣланныхъ на военныхъ предпріятія. Люди вновь созидаютъ разрушенное въ бою, и не отъ того ли является теперь у многихъ мнѣніе, что критика точно незаконная сестра уму человеческому? Ей приписываютъ много бѣдъ; ее опять упрекаютъ, что она не жила съ старушками Музами на Парнассѣ, и потому.

Ей Аполовъ не братъ
И Музы ей не сестры!

Критика хитра и ловка. Пожалуй, она прикинется смиренницей, начнетъ хвалить, а не судить, подтакивать, а не рассуждать, и люди помлюбятъ ее, забывши ея горячій, неукротимый нравъ.

Но, шутки въ сторону. Въ самомъ дѣлѣ, критику можно упрекнуть за многое, но многое ли найдете въ мирѣ такого, что могло бы принять извѣстный девизъ рыцаря Баярда: « безъ страха и упрека? » — Ограничивая область критики одною словесностью, и не распространяя ея на весь науки и знанія человеческія, скажите: не ей ли одолжены мы извлеченіемъ теоріи и правилъ по великимъ образцамъ созданий ума человеческого? Отвергнуть правила значить отвергнуть чувство нашего познанія, ибо можно ли чувствовать не соображая, и увѣриться въ чель нибудь, не судя предварительно?

Будемъ говорить просто. Сужденіе есть часть жизни ума человеческого, слѣдственно, критика, которая есть не что иное какъ *сужденіе*, находится въ самой природѣ чловѣка. *Сужденіе* можетъ, и по слабости нашей, должно отдѣляться отъ *изобрѣтенія*, или созданія человеческого. Отъ того является раздѣльность *судителей* отъ *производителей*, и критики отъ созданий. Но здѣсь тотъ же механизмъ бы-

тія, какой находите въ природѣ вещественной: созиданіе и подлѣ него разрушеніе, которое готовитъ новое созиданіе для новаго разрушенія. Возвысьтесь далѣе, на ту точку, гдѣ вещественное *созиданіе* и *разрушеніе* соединены, и вы увидите, что они составляютъ *единое*, и потому только кажутся намъ раздѣльными, что мы не поймемъ безразличнаго состоянія силъ природы, и понимаемъ ихъ только въ частныхъ явленіяхъ. Возвысьтесь къ идеалу критики, совлекитесь всѣхъ вашихъ страстей и условій вашей личности— вы увидите, что созданіе и сужденіе есть одно и то же, и только представляются намъ раздѣльно и частно. Виною всему наша ограниченность, послѣ чего идеаль становится намъ недостижимымъ. Что собственно значить вѣчное недовольство генія своими созданіями и непрерывное стремленіе ума нашего далѣе впередъ? Это путь къ безразличному умственному бытію, гдѣ сужденіе слито съ созданіемъ. Самодовольство всегда будетъ означать глудость, то есть, смерть ума, ибо только дуракъ можетъ быть совершенно доволенъ собою, а дуракъ и мертвецъ одно и то же.

Несовершенство наше также причину несовершенства нашего сужденія и частнаго разнообразія его. Нѣтъ двухъ мнѣній сходныхъ при взглядѣ на одинъ предметъ. Но именно это многообразіе составляетъ жизнь частную въ великомъ обществѣ. Безспорно, что чловѣкъ, сдѣлавшій себя изъ критики единственную цѣль занятій, кажется совершенною противоположностью творящимъ людямъ. И какъ притомъ не усомниться въ пользѣ критики, если этотъ denkender Handwerker, мыслящій ремесленникъ почитаетъ *осужденіе* цѣлью *разсужденій*? И вотъ, видя притомъ безконечное разнообразіе человеческихъ мнѣній, намъ говорить, что критика бесполезная игра ума человеческого, оскорбительница великихъ созданий, гибель для несовершеннаго, ко-

торое могло бы сдѣлаться когда нибудь великимъ и совершеннымъ.

Прибавимъ къ этому, что если не найдется двухъ мнѣній совершенно одинаковыхъ между двумя родными братьями, то вспомните, какъ велико должно быть различіе мнѣній между разными образованіями людей, народами, вѣками? Это море, кипящее разнообразіемъ воли, и гдѣ тутъ искать одинакой мѣры и вѣрныхъ правилъ?

Не скажутъ ли, что мы сами себя осуждаемъ, и подтверждаемъ словами нашими ничтожество критики, слѣдственно и бесполезность ея?

Напротивъ, здѣсь утвердительно скажемъ мы противное. Это разнообразіе есть необходимый законъ бытія природы и человека. Вы не найдете въ природѣ двухъ песчинокъ совершенно сходныхъ, и двухъ мыслей, даже двухъ звуковъ человеческого голоса, совершенно тождественныхъ одинъ другому. Между тѣмъ все это разнообразіе сливается въ стройныя общія системы единства—природа дѣлится на разряды; умъ человеческій систематически возсозидаетъ полноту природы въ умъ своею, и мѣръ мысли и созданія человеческого подчиняетъ также строгимъ правиламъ системы единства. Покажите мнѣ малѣйшее насъкомое, и я опредѣлю вамъ его мѣсто въ безконечной природѣ. Скажите мнѣ мысль, укажите мнѣ на созданіе какое нибудь, и имъ немедленно опредѣлится мѣсто въ безконечномъ мѣрѣ умственного бытія человеческого. Къ этому ведетъ насъ наука наукъ — *Философія*.

И это не оптической обманъ человеческой гордости, но вѣрный выводъ опыта и умозрѣнія, слѣдствие *изученія*, какое произвело человечество надъ человекомъ и природою. Искусство и критика Древнихъ будутъ понятны намъ, если мы знаемъ мѣръ Древнихъ. Искусство и критика современныя будутъ такъ понятны, если намъ известны условія бытія дан-

наго предмета. Разнообразіе служитъ только повѣрною и дополненіемъ уже вѣдомыхъ и непрѣмѣнныхъ законовъ необходимости въ этомъ бытіи. Такъ, напримеръ, три народа, которые дѣлятъ теперь между собою въ Европѣ область науки и критики, Англичане, Французы, Германцы, все являются правы по законамъ своего мѣстнаго и умственного бытія. Англичанинъ, практикъ полезнаго, судить о предметѣ по мѣрѣ его пользы и положительности. Французъ, наиболее подчиненный законамъ изящнаго, говорить по мѣрѣ наслажденія и удовольствія, приносимыхъ предметомъ. Германецъ видитъ совершенство созданія въ мѣрѣ приближенія предмета къ идеалу вѣчной истины.

Но мы ошибемся, если примемъ сіи общія категоріи всегда неизмѣнными. Надобно соображать время, мѣстность, личность творца и критика; надобно принять въ расчетъ частныя исключенія, а это весьма важное условіе! Природа, какъ будто уравниваетъ этими частными исключеніями общій недостатокъ. Среди Англійскаго практицизма являются Шекспиръ и Байронъ, величайшіе поэты. Въ Германіи родится Виландъ — Французъ по душѣ; во Франціи Декартъ—идеальность философъ. Италія, страна изящныхъ художествъ, произвела мыслителей Вико и Макіавеля, Беккариа и Филанджери. Вотъ *исключенія*.—Далѣе, Аддисонъ былъ уродливый классикъ между Англичанами, а Сульцеръ—Батте Нѣмецкій. Новѣйшіе критики и философы Франціи не Лагарпы, не Мармонтели, не Гельвеціи, не Кондильяки прежніе, но глубокая Нѣмецкая философія будетъ всегда недоступна Франціи, если ея не станутъ примѣнять къ Французскому уму Кузены, а философія Дюгамель-Стюартовъ всегда останется типомъ философіи Англичанъ. Фантастика Германца всегда останется недоступною Французамъ, и Англійскій юморъ Нѣмцамъ.

Есть, правда, умы, въ которыхъ, какъ въ точкахъ зажиганія, сосредоточиваются все сїи лучи разнообразія Въ такомъ случаетъ—счастливы тотъ, кто позднее другихъ пришелъ и болѣе можетъ имѣть средствъ повѣрки. Но есть судія всеобщій, всезнающій и не умирающій—это *человѣчество*. Ему запасы вѣковъ и поколѣній.

Мы смѣло можемъ сказать, что въ наше время искусство и критика взошли на совершеннѣйшую степенъ бытія своего, противъ всѣхъ прежнихъ періодовъ, и тутъ не хвастовство: мы старше всѣхъ нашихъ предшественниковъ, и потому люди между нами могутъ быть глупѣе и умнѣе, какъ всегда, но *нигишій человѣкъ* умнѣе прежняго—это безспорно.

Человѣчеству надлежало пережить изящный вѣкъ Древнихъ, схоластическій вѣкъ Среднихъ временъ, вырожденный вѣкъ классицизма, и новый вѣкъ, ознаменовавшій себя особенно духомъ критики. Сколько успѣй, трудовъ, работы, какіе подвиги, сколько страданій и безумства, какія страсти и волненія! Благословимъ жребій нашъ. Мы всего этого наследники; все это обратилось въ богатство наше.

Какъ оценить одно то счастливое преимущество, что исключительныя условія изящнаго и искусства для насъ уже не существуютъ! А богатство ученыхъ запасовъ и свѣдѣній? Для насъ доступно теперь все прекрасное, полезное и истинное во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ. Читая критику Француза, изумляетесь: неужели это потомокъ Баттѣ и Жофруа? Читая изслѣдованія Ньмца, не подумаете ли, что этотъ человѣкъ изучался мудрости въ пирамидахъ Египта и тайнамъ Индійскихъ мудрецовъ въ ихъ завѣтныхъ пагодахъ? Но, чего нельзя было сказать даже за нѣсколько лѣтъ, то можно сказать теперь: мы пережили время критическаго разрушенія, и достигли вѣка возсозданія искусства, въ лучшемъ и болѣе прекрасномъ видѣ. Въ то время, какъ съсынов-

него довѣренностию, народы предали общественный жребій свой избраннымъ Богомъ властителямъ, и съ ужасомъ отказываются отъ буйнаго безначалія политическаго—въ стройный міръ идей и сужденій сливается также всюду міръ науки и критики. Братски дѣлятся народы между собою дарами ума и генія. Европа беретъ плоды практической жизни Англичанъ; Нѣмцамъ становятся доступны обобщеніе философскихъ идей Французами, и Англичане невольно уступаютъ высокому умозрѣнію Нѣмцовъ.

Не вѣрите клеветникамъ на умъ человѣческій, будто онъ осужденъ вѣчно грызть гнилые орѣхи, и бѣгать по колесу времени какъ, бѣлка. Презирайте насмѣшливое полупросвѣщеніе, когда оно кричитъ вамъ, что наука человѣка представляетъ хаосъ нестройный. Говорить такъ значитъ отвергать неземное происхожденіе человѣка, не знать исторіи его — не вѣрить въ Провидѣніе Божіе, думать: что оно осудило насъ только на сомнѣніе и страданіе. Правда, частнымъ страданіемъ искупается общее благо, сомнѣніе умнаго ведетъ къ истинѣ, но указывать на частности не то ли, что по уродливой лягушкѣ судить о стройномъ и прекрасномъ мірѣ природы, видѣть свѣтъ и закрывать рукою отъ него глаза, боясь ослѣпнуть? Безумцы и безуміе были, суть и будутъ въ мірѣ, но это уродливости, хотя онѣ иногда столь страшны и непонятны, что приводятъ въ изумленіе самаго глупокомысленнаго наблюдателя.

Неужели мы ошибаемся, излагая сїи утѣшительныя мысли о современномъ состояніи науки и ума человѣческаго? По крайней мѣрѣ, съ этою идеею хотимъ мы ввести критику въ нашъ журналъ. Мы не хотимъ, чтобы критическія статьи наши походили на реестры дома сумасшедшихъ. Съ радостью будемъ мы указывать на все прекрасное, полезное и истинное, стараюсь и въ самыхъ ошибкахъ и заблужденіяхъ отыскивать сторону пользы и истины. Ошибаемся

ли мы еще и въ томъ, что мы, Русскіе, въ семь отношеніи поставлены въ самое завидное положеніе противъ всѣхъ другихъ Европейцевъ? Мы вступаемъ теперь на пиръ просвѣщенія Европы, послѣдніе гости, приносимъ свой Русскій умъ, свое крѣпкое и самобытное политическое образованіе, сильныя любовь къ мудрому правительству и славной отчизнѣ, исполненные истинъ нашей святой религіи. *Русскій умъ* — его уже сознаетъ Европа, взирая на насъ съ изумленіемъ, увѣряя себя, что мы проявляемъ собою только вещественную силу. Да, развѣ вещественная сила можетъ осуществиться безъ одушевленія умомъ?

Впрочемъ, этотъ предметъ такъ обширенъ, и такъ близокъ къ нашему сердцу, что объ немъ поговоримъ мы отдѣльно и подробно. Переходя отъ великаго къ малому, обращаемся къ *Русской критикѣ*, по крайней мѣрѣ, такъ какъ мы ее понимаемъ, и сколько силы наши позволятъ намъ, постараемся осуществить ее.

Намъ кажется, что при нынѣшнемъ состояніи нашего просвѣщенія, можно имѣть двѣ цѣли Русскому критику — всеобщность и самобытность. Для перваго, онъ долженъ разборчиво передавать сужденія чужеземцевъ землякамъ; для втораго имѣть *свой умъ въ голову*, какъ говоритъ Русская пословица. Въ первомъ случаѣ различіе мнѣній поясняетъ истину. Но какое основаніе положить для самого себя критикъ? Будетъ ли онъ только практикомъ прозаической пользы, какъ Англичанинъ, преобладаемъ изящностью удовольствія, какъ Французъ, или идеалистъ отвлеченной истины, какъ Нѣмецъ? Ни то, ни другое, ни третье. Онъ долженъ соединить всѣ три направленія, и пересоздать ихъ въ свое особенное Русское направленіе, упростить ихъ для себя, какъ наша промышленность упрощаетъ заимствованія у иностранцевъ, и показываетъ тѣмъ отличительную черту Русскаго ха-

рактера; наконецъ увеличить взглядъ и обзоръ, такъ, какъ наша Русь больше всѣхъ другихъ земель Европы.

«Стало выхотите эклектизма въ сужденіяхъ?» скажутъ намъ. *Нѣтъ*, если подъ эклектизмомъ вы понимаете ученое и литературное лоскутничество, и да, если эклектизмомъ называете желаніе изъ противоположностей выводить истину, и пересоздавать ее самобытно. Мы будемъ передавать сужденія иностранцевъ — пусть видятъ читатели критику Француза, Нѣмца, Англичанина. Такъ, въ этой книжкѣ С. О. помѣстили мы статью о *Делли*, Сентъ-Бѣва, одного изъ лучшихъ современныхъ Французскихъ критиковъ, умнаго, остраго, изящнаго, писателя, у котораго можно научиться писать, но все Французъ въ основаніи. Такъ въ слѣдующихъ книжкахъ помѣстимъ статьи критиковъ Нѣмецкихъ и Англьскихъ, своихъ равныхъ, часто неуклюжихъ, но у которыхъ можно научиться мыслить и смотреть на предметы съ своей самобытной точки зрѣнія.

Мы избираемъ теперь для первой статьи критики С. О. книгу, которая можетъ намъ дать случай сказать и свое самобытное мнѣніе. Это сочиненіе *Менцелла*, одного изъ новѣйшихъ критиковъ Нѣмецкихъ. Книгу его хвалятъ въ Германіи, похвалили Англичане и Франгузы. Мы — рѣшительно несогласны съ Менцелемъ; видимъ добрую сторону его книги, но осуждаемъ ее, какъ явленіе частное, мнѣніе превратное, и тѣмъ болѣе — пристрастное и одностороннее.

Прежде всего отдѣлимъ отъ Менцелла почтеннаго переводчика, передавшаго намъ Менцелеву книгу. Его трудамъ одолжены мы были прежде переводомъ книги Фридриха Шлегеля (*Исторія Древней и Новой Литературы*), гдѣ видѣли особенный взглядъ автора на обширный предметъ. Теперь въ книгѣ Менцелла, переводчикъ знакомитъ насъ съ новымъ воззрѣніемъ новѣйшей Нѣмецкой критики на Нѣмецкую Литературу собственно. Прекраснымъ, отчетливымъ

слогомъ передается намъ Нѣмецкій подлинникъ. Переводчикъ остается безпристрастенъ къ своему автору, не раздѣляетъ его мнѣній; сохраняя духъ и выраженіе автора, онъ избавляетъ насъ однако жъ отъ нѣкоторыхъ отдѣловъ Менцелевой книги, и передаетъ только то, что имѣетъ занимательность общую. «Главы о религіи, о педагогіи, о государственныхъ наукахъ, которыя имѣютъ интересъ домашній для Германца, не годились бы для Русскаго читателя,» говоритъ переводчикъ. Мы желали бы узнать подробнѣе, что разумѣетъ переводчикъ, говоря: «для Нѣмецкой словесности наступаетъ новая эпоха.» Далѣе: «Менцель, конечно лучший изъ современныхъ критиковъ Германіи, и ежели не онъ произвелъ новую литературную эпоху, то, по крайней мѣрѣ, онъ не мало къ тому содѣйствовалъ.» Желаемъ, чтобы переводчикъ исполнилъ свое предположеніе, о которомъ сказываетъ онъ слѣдующими словами: «можетъ быть, мнѣ удастся послѣ поговорить подробнѣе о началѣхъ литературнаго ученія Менцелева, объ отношеніяхъ его къ прежнимъ теоріямъ, въ особенности къ школѣ Шлегельской, и къ такъ называемой юной Германіи, съ которою теперь враждуетъ Менцель.» Повторимъ, что желаемъ видѣть изъясненія обо всемъ этомъ г-на К., а до тѣхъ поръ, пока неубѣдитъ онъ насъ, мы, признаемся, вовсе непочитаемъ Менцеля не только «лучшимъ,» но даже и хорошимъ критикомъ. Онъ умный софистъ не болѣе, если что ибудь не хуже. Мы не ценимъ также, что это за «новая литературная эпоха» въ Германской Литературѣ? Покушенія нѣсколькихъ молодыхъ крикуновъ и косвенное направленіе нѣсколькихъ горячихъ нововводителей не составляютъ еще ни какой эпохи. Это-припадокъ литературной лихорадки. Мы поговоримъ объ этомъ далѣе, а теперь, чтобы кончить за одинъ разъ все наши несогласія съ переводчикомъ, скажемъ, что рѣшитель-

но несогласны съ его мнѣніемъ, будто «искусство въ Германіи есть слѣдствіе науки.» Переводчикъ, какъ на авторитетъ, ссылается въ этомъ на г-на Шевырева!! Это «слова г-на Шевырева», говоритъ онъ. Изумляемся и умолкаемъ, ибо чьи бы ни были эти слова — они ниже всякаго опроверженія. Переводчикъ находитъ, что мысль эта одинакова съ мыслью Шлегеля, сказавшаго, что развитіе Германской Словесности всегда происходитъ въ критическихъ бореніяхъ. Во-первыхъ, Шлегель сказалъ не такъ, а во вторыхъ, даже и такъ, перевернувши мысль его, находимъ истину, а въ мысли г-на Шевырева (если она точно ему принадлежитъ) — обмолвку, или доказательство, что и г-нъ Шевыревъ можетъ ошибаться... Да, и нельзя безъ того: онъ хоть — умный человекъ, но все-таки человекъ...

Здѣсь кончатся все наши споры съ переводчикомъ. Мы снова благодаримъ его за передачу на Русскій языкъ отменно любопытной книги, и обращаемся къ самой книгѣ и ея сочинителю.

Не удивимъ ли мы незнакомыхъ съ Менцелемъ, если скажемъ, что книга его заключаетъ въ себѣ самую злую насмѣшку на Нѣмецкую Литературу, самое дерзкое и хвастливое порицаніе всего, что только до сихъ поръ дѣлали Нѣмцы, духа, въ которомъ они дѣйствовали, и характера литературы, ими образованной? Повѣрить этому трудно, но это точно такъ.

Сдѣлаемъ простое положеніе. Если нападаютъ на частности, на ошибки одного лица, даже одной школы, понятно, что въ нападеніи можетъ быть истина. Но можно ли повѣрить, чтобы въковое и общее направленіе какого-либо народа могло быть ошибочно и ложно? Нѣтъ, въ такомъ случаѣ должно видѣть уже не ошибку, но своеостороннее развитіе, необходимый выводъ изъ мѣстности и исторіи, или переходъ народа черезъ необходимыя

ступени бытія умственного. И если притомъ умственная жизнь народа, выражается въ литературѣ его явленіями великими, то здѣсь явное доказательство, что упрекъ этому народу есть, либо своекорыстное нападеніе, либо неумышленная ошибка наблюдателя, превратно смотрящаго на предметъ своего изслѣдованія.

Книга Менцеля представляет историческо-критическую картину всей вообще, но особенно новой литературы Нѣмецкой. Послѣ общихъ взглядовъ Менцель перебираетъ отдѣльно разные отдѣленія Литературы, *философію, историческую литературу Нильцовъ*. Этимъ заключается первая часть Русскаго перевода, нынѣ выданная.

Чѣмъ начинается Менцель? Статеею: «Словесность въ цѣломъ своемъ объемѣ.» Что излагается въ этой статьѣ? Передадимъ ея содержаніе въ краткомъ извлеченіи.

«Германцы мало дѣйствуютъ, за то они пишутъ много. У насъ болѣе книгъ, чѣмъ людей. Мы представляемъ Италіянамъ ихъ небо, Испанцамъ ихъ набожность, Французамъ ихъ подвиги, Англичанамъ ихъ мѣшки съ золотомъ, а сами только сидимъ за книгами. Вокругъ насъ навалена необъятная масса книгъ! По умеренному счету, мы печатаемъ ежегодно вновь, около 10,000,000 томовъ (?). Куда ни обратись, вездѣ книги и читатели. Мы все дѣлаемъ для книгъ и изъ книгъ — лечить, судить, управлять, варить, жарить — на все надобна намъ книга. Многопись болѣзнь наша. Мы сдѣлались сгорбленными уродами отъ сидѣчей книжной жизни. Мы живемъ только для того, чтобы писать, глаголемъ прежнюю письменность, для того, чтобы возродиться новою. вмѣстѣ счастливаго равновѣсія между практической и созерцательною дѣятельностью, мы впадаемъ въ пустое голоумство и книжное сумасбродство. Духъ слабеетъ подъ тяжестью книгъ.» Менцель рассказываетъ ска-

зочку, что уже и Древнимъ казалось изобрѣтеніе письма убійствомъ истиннаго знанія, ибо оно даетъ средства всякому легко пріобрѣтать его. «Книги дѣлаютъ жизнь и науку бездушною мумією. Мы тѣни книжныя, а не живые люди. Мы знаемъ теорію жизни, а не живемъ. Лепеть тысящеглавою гидры, именуемой «литературою», кружить голову всякому, или не даетъ свободы мыслить, или производитъ безобразное разномысліе. Прибавьте мелкость пишущаго народа, помойную литературу. Думаемъ мы не о потомствѣ, а о публикѣ. Барышники — книгопродавцы истребляютъ мерзавцевъ писать книги. Нѣтъ средствъ осмотрѣть всю громаду нашей литературы, которую непрерывно добавляютъ наши книжныя лавки — *скотниче дворы литературнаго стада*. Исторія нашей литературы невозможна. Вахлеръ и всѣ другіе историки Литературы Нѣмецкой не могли и не умѣли написать исторіи. Менцель рѣшился это исполнить.

Здѣсь слѣдуетъ второе отдѣленіе: *Національность*.

«У насъ нѣтъ ни какой національности, кромѣ книжнаго хлама. Наша Нѣмецкая Имперія сбивается на Лейпцигской книжной ярмаркѣ. Мы отъ природы склонны къ раздумью, и отъ того мы улетѣли въ міръ космополитисма, и не можемъ ни въ чемъ сосредоточиться. Все хотимъ мы узнать, и отъ того не знаемъ самихъ себя. Если это произвело сильное разнообразіе мыслей и явленіе гениевъ, то это же и раздробило насъ даже въ языкъ. Мы думаемъ каждый для себя, и говоримъ каждый по своему. Языкъ жертвуется для выраженія идеи, и отъ того идеи остаются темны и неясны.

Третье отдѣленіе книги: *Вліяніе школьной учености*.

Разрозненные съ практической жизнью, кромѣ того мы подчинились духу школьныхъ каствъ. Мы взрیمъ на слово учителю; ненавидимъ противника нашей ученой метода. Книги выписываются изъ книгъ, а не изъ природы. Главное у насъ — показать ученость

и форму учености, а потомъ уже думать объ истинѣ и наукѣ. Это грязное болото учености расшевеливается неистовою полемикою, и издаетъ отъ себя на все удушливые пары. У насъ нѣтъ учености общественной, но есть ученость школь, а великіе преобразования въ школахъ не рождаются.

Четвертое отдѣленіе книги: *Вліяніе словесности чужеземной.*

Изъ нашего космополитизма явилось желаніе Нѣмцевъ *подражать* всѣмъ и *перенимать* все, ибо своего ничего у насъ нѣтъ. Отъ этого явились уродливые люди, живущіе въ одномъ вѣкѣ, въ одномъ народѣ, и ничего болѣе незнающіе. Классики, романтики, ориенталисты, англоманы, не только наводнили, запленили насъ всѣмъ, что можно и чего не можно перевести, но и довели желаніе переселяться въ чужое, поддѣлывать даже языкъ свой подъ чужое, до послѣдней крайности смѣшнаго. Разнообразіе тутъ самое уморительное, въ мнѣніяхъ, взглядахъ и образѣ работы. Мы подражаемъ всѣмъ чужимъ формамъ, всѣмъ чужимъ мелочамъ безъ разбора. Наконецъ, изъ чужаго стали мы дѣлать смѣсь, и вотъ — Нѣмецкая Словесность сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ дома сумасшедшихъ, гдѣ нѣсколько сотъ людей, ума лишенныхъ, паряжаются въ костюмы, и передразниваютъ чужеземные обычаи; языкъ и мысли берутся у ста народовъ древняго и новаго времени. Всѣ эти Нѣмецкіе сумасброды сидятъ дружно и разыгрываютъ комедію самую смѣшную, хоть сами остаются притомъ очень серьезны и не думаютъ смѣяться.

Переходимъ къ пятому, и — слава Богу! — послѣднему общему отдѣленію: «*Книжная торговля.*»

Вы догадаетесь, что здѣсь главное обвиненіе падаетъ на книгопродавцевъ. По большей части, книгопродавцы Нѣмецкіе сузъ только торгоши, которымъ все равно торговать — хлѣбомъ или истиною, сахаромъ или романами, перцомъ или сатирами, только

бы выручить лишніи деньги. Книгопродавецъ бываетъ либо фабрикантомъ книгъ, либо поставщикомъ, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Книги для него *товаръ*. Цѣль его *барышъ*. Средства не доброта, но ходкость товара. Что легче сбывается съ рукъ, то для книгопродавца хорошій товаръ, хотя бы оно было позорнымъ пятномъ словесности. Стараются о заглавіи, объ угожденіи прихотямъ публики. Для этого откармливаютъ книгопродавцы литературную скотину въ хлѣвахъ, и заставляютъ ее писать. Съ безстыдствомъ хвалятъ потомъ товаръ, и обманываютъ другъ друга. Во зло употребляютъ теперь особенно стараніе опростить, обобщить знанія. Издаются мнѳологіи для дамъ, лекціи объ астрономіи для народа, домашнія аптеки и лечебники, всемірныя исторіи для дѣтей, лѣтомудріе, запятанное въ сръхъ и богословіе въ восьми томахъ. Какъ передъ праздникомъ Рождества Христова открываютъ повсемѣстный торгъ дѣтскими игрушками, такъ во всѣхъ лавкахъ книгопродавцевъ выложены кучи книгъ для высшаго свѣта, для народа, для образованныхъ сословій, для дамъ, для жепъ, для зрѣлаго возраста, для нѣжнаго, любезнаго юношества, для сыновей и дочерей благороднаго происхожденія, для мѣщанъ и поселянъ, для всѣхъ званій, для всякихъ читателей, короче сказать — для всѣхъ, кого только можетъ книгопродавецъ завзять въ свою лавку. Но многіе ли способны писать просто, и такъ знать предметъ, чтобы передавать его всякому? Новый источникъ плохихъ книгъ, пошлыхъ, шутовскихъ издѣлій! Могли бы всему этому пособить журналы, но они — либо поросшіе мхомъ листки, издаваемые университетами, или беллетрическіе листки, которые, по большей части имѣютъ въ виду однихъ женщинъ-читательницъ.

Разумѣется, что мы не могли передать всего, что говорится въ Русскомъ переводѣ Меццеля на 118-ти страницахъ, но — смѣемъ увѣрить, что содержаніе и

смысль статей Менцеля переданы нами верно, и что мы старались в выпискою показать и самый манер его выража тся.

Спрашиваемъ каждаго безпристрастнаго: можно ли такъ *начинать исторію литературы*, и такимъ возвращеніемъ на предметъ, возвращеніемъ близорукимъ, желчнымъ, оскорбит ельнымъ, начинать рѣчь вообще о чемъ бы то ни было? Въ чемъ главная претензія? Зачѣмъ пишутъ, зачѣмъ читаютъ люди? Подумаете, что это говоритъ не ученый литераторъ, не историкъ литературы, но какой-нибудь Фамусовъ, и мы готовы отвѣчать ему:

Отцы мои! ужь если зло пресечь —
Забрать бы книги все, да сжечь!

Не отвѣчая здѣсь на частныя отношенія къ Нѣмцамъ, спрашиваемъ: къ какой литературѣ, къ какой наукѣ, даже къ какому предмету человѣческихъ занятій нельзя примѣнить всѣхъ словъ и упрековъ Менцеля, если и предположить, что всѣ они справедливы? Такъ ужь видно суждено человѣку, что за всякое добро прили пасть къ нему и необходимое зло, какъ будто къ желѣзу ржавчина, и злоупотребленіе является почти пазъ всякаго дѣла человѣческаго. Уже давно вопили о вредѣ книжнаго ученія для свободнаго, полнаго развитія науки и ума человѣческаго, и ничего не можетъ быть пошлѣе этихъ воплей, хоть въ нихъ есть нѣкоторое основаніе. Дѣйствительно: съ книгами люди потеряли первобытную самобытность мышленія, и уровень учености, отдѣлившей ученье отъ жизни, разрознилъ бытіе общественное; да можно ли на это жаловаться? Жалобы на такую бѣду не походятъ ли на сѣтованіе, почему старикъ лишень разгула юношескаго возраста, а юноша кроткаго незнанія дѣтства? Другой верный примѣръ представляютъ намъ жалобы на умноженіе машинъ въ промышленности, замѣняющихъ у человѣка руки, ноги и глаза. Но какъ же не понимать и великихъ выгодъ отъ книгъ и отъ ма-

шинъ для человѣка? Теряя въ частной самобытности, чего не выигрываемъ мы въ общемъ образованіи, именно отъ доступности ученія, отъ того, что книга передаетъ намъ то, что безъ нея стоило ученій многолѣтнихъ? У насъ нѣтъ Дедаловъ, летающихъ къ солнцу, за то есть Ватты и Фультоны.

Положимъ, что *книжничество* и *многоніе* зло, но почему упрекъ въ нихъ обращать только на Нѣмецкую Словесность? Не страдаютъ ли отъ нихъ равно всѣ народы, ибо гдѣ нѣтъ дурныхъ писателей, аристократіи педантизма, корыстолюбивыхъ книгопродавцевъ, и гдѣ на книгу не рассчитываютъ и глупость и страсть и корысть? Смѣемъ вызывать г-на Менцеля побиться объ закладъ, что Французская, Англійская, и въ относителномъ размѣрѣ къ цѣлому объему, наша Русская Литература представляютъ литературнаго сору и дрождей не менѣе. Словомъ, безъ всякихъ частныхъ изъясненій о необходимости того хода, которымъ одеть Нѣмецкая Литература, безъ всякаго спора о безсмертныхъ заслугахъ Германской Литературы, въ общихъ обвиненіяхъ Менцеля мы не видимъ, просто, ни какой здоровой логики сужденія.

Еще менѣе найдемъ мы ея въ обвиненіи за Германскую отличительную и рѣзкую самобытность. Но самобытность эта обозначается у Нѣмца всеобщностью, и его народное отличіе исчезаетъ, а является какал-то вредная удобопріемлемость всѣхъ чуждыхъ впечатлѣній. Если это и въ самомъ дѣлѣ составляетъ отличительный характеръ Германца, какъ легкость Француза и практика Англичанина — тогда что дѣлать? Жаловаться, что рѣка не течетъ къ верху, трава зелена, а огонь красенъ?

Да, вѣрить ли намъ однако жъ на слово всему, что говоритъ Менцель? — Какъ: неужели въ самомъ дѣлѣ «по умѣренному расчисленію, въ Германіи печатается ежегодно вновь около десяти милліоновъ томовъ,» и со временемъ долженъ состоя-

виться «списокъ Нѣмецкихъ писателей, въ которомъ именъ будетъ болѣе числа живыхъ читателей (стр. 2 и 3)?» — Въри подробному каталогу, ежегодно въ Германіи издаваемому, мы полагаемъ, что книгъ выходитъ въ Германіи менѣе 4000 — положимъ, вдвое *восемь* — въ четверо 16000! Гдѣ же *милліоны*? Но зачѣмъ бѣгать далеко, взгляните на 35-ю страницу книги Менцеля! — Онъ самъ скажетъ вамъ, что въ 1816 году издано было въ Германіи болѣе 3000, въ 1822 году болѣе 4000, въ 1827 году болѣе 5000, въ 1832 году болѣе 6000 книгъ, а всего съ 1814 до 1836 года напечатано—100,000.

Какъ это называется? По нашему, по-Русски, мы называемъ . . . противорѣчіемъ самому себѣ, если кто нибудь на страницѣ 3-й говорилъ одно, а на страницѣ 35-й другое.

Не найдется ли какихъ нибудь противорѣчій самому себѣ и не въ арифметическихъ только выкладкахъ Менцеля? Думаемъ, что найдется, если сообразимъ все, что такъ горячо и сердито наговорено сочинителемъ. Но объ этомъ послѣ. Приступимъ къ частнымъ разсмотрѣніямъ Менцеля.

Философія. Послѣ всего сказаннаго въ общіяхъ статьяхъ, чего ожидать отъ Нѣмецкой Философіи, кромѣ нелѣпостей!

Менцель начинаетъ тѣмъ, что Германцамъ безспорно принадлежитъ первое мѣсто въ Философіи, и говоря такъ, онъ не шутить.

Философія необходима, говоритъ онъ, но между тѣмъ полная и совершенная наука Философіи невозможна, ибо она есть противорѣчіе самой себѣ. Стремленіе ея именно составляетъ въ ней всю цѣль, но конечная истина человѣку недоступна, и потому могутъ быть Философіи, а настоящая Философія существовать не можетъ. Это собственно рядъ вопросовъ, въ заключенія котораго остается

всегда нерѣшенный вопросъ. Начало Философіи Нѣмецкой видимъ въ мистику. Безумному безвѣрью, въ какое впали отвергнувшіе мистику, первый противосталъ Лейбницъ, отецъ Германской Философіи. Его послѣдователи пошли противнымъ путемъ, и выше всѣхъ сталъ Кантъ. Онъ показалъ невозможность судить о томъ, что такое міръ самъ по себѣ, и ограничился изслѣдованіемъ только того, какъ мы его понимаемъ. Кантова Философія была критикою разума, и основала школу сомнѣній, бесплодно доказывая возможность нравственнаго идеала. Критицизмъ Канта породилъ идеальный догматизмъ Фихте, и то и другое было применено философіею Шеллинга, которая пояснилась системами Окена и Гегеля. «Такимъ образомъ Нѣмецкая Философія до настоящаго времени представляетъ логически стройную и послѣдовательную систему системъ, и смыкается въ опредѣлительный кругъ (стр. 146).»

Менцель излагаетъ затѣмъ частности Философіи Нѣмцовъ и услуги, оказанныя ею въ приложенияхъ. Бекъ и Рейнгольдъ, Фризь и Кругъ, Калькеръ и Краузе, какъ послѣдователи Канта; Шиллеръ и Новалисъ, какъ послѣдователи Фихте; Геррель, Фр. Шлегель и Стеффенсъ, какъ послѣдователи Шеллинга, и далѣе Адамъ Мюллеръ, Астъ, Вагнеръ, Трокслеръ, Эшенмайеръ, Шубертъ упоминаются, какъ люди искавшіе истины, и оказавшіе достопамятную заслугу въдѣию человеческому. Исторія Философіи, написанная Теннеманомъ, сочиненія Аста, Виндишмана, Неандера, Риттера, Фихте сына, Рейнгольда могутъ доказывать это безспорно. Никогда Философія Нѣмецкая не вела къ буйству и безвѣрью, а напротивъ остановила губительный потокъ матеріальной Философіи Французской. «Веллчественная картина всѣхъ словѣческихъ философіи, вмѣстѣ съ тѣми картинами, которыя

раскрываютъ передъ нами исторія религій, искусства и самая исторія политическая, составляетъ самое занимательное и поучительное зрѣлище для человеческого духа. Мы ищемъ солнца (?), и оно ослабляетъ наши взоры, но ежели обратить ихъ назадъ, то увидимъ все неизмѣримое пространство, озаренное этимъ свѣтиломъ. Это солнце невредимое, и въ самомъ яркомъ сіяніи своемъ, есть истина, а этотъ прекрасный ландшафтъ есть Исторія Философій, дивная панорама оригинальныхъ умовъ, которые налагаютъ свое напечатлѣніе на цѣлый міръ» (стр. 218).

Вотъ чего мы не ожидали услышать! Стало быть, Нѣмецкая Философія не совсѣмъ-то безуміе? — Но Исторія въ Германской Литературѣ? Здѣсь Менцель находитъ единственное утѣшеніе Нѣмцевъ, при отсутствіи практики жизни, когда ни въ философіи, ни въ поэзій нѣтъ уже болѣе свѣжей силы живительной. Нѣмцы въ началъ были погружены въ схоластику Исторіи и лѣтописные сборники; Англичане показали имъ первый примѣръ настоящей Исторіи. Скептицизмъ Шлецера и Рюса не препятствовалъ явленію, послѣдней столь многое, великой идеи Гердера. Мозеръ первый оправдалъ отъ клеветы Средняго Вѣка. Затѣмъ развилась повѣйшая Исторія Германіи. Всеобщія Исторія Шмауса, Шрекка, Гаттерера, Ремеръ, Бекъ и Эйхгорнъ съ Герсеномъ и Шлюссеромъ, Лулень и Крузе, Роттекъ и Риттеръ пролили новый свѣтъ на бытописанія всемірныя. Изученіе Исторіи лязковъ Фатеромъ и В. Гумбольдтомъ; восточныя изслѣдованія Гаммера, Герреса и Крейдера, Боппа и Болепа; изысканія о мірѣ Древнихъ Вольфа, Тирша, Гротефенда, Ланге, Якобса, Бера, Гейне; географіи Маннерта и Уккерта; Исторія Греціи Оттфрида Миллера и Мансо; Римская Исторія послѣ трудовъ Нибура и Вахсмута; Исторія искусствъ послѣ Винкельмана и Беттихера —

вотъ почетныя титулы Германской науки. Далѣе Византійская Исторія, обрабатываемая Фольмерайеромъ; среднихъ вѣковъ Рюсомъ, Лео, Вилькеномъ, Гюльманомъ; новѣйшая Раумеромъ, Гормайеромъ, Мюнхомъ; Италіанская Лебретомъ; Русская Шлецеромъ, Миллеромъ; Венгерская Фессеромъ и Майцеромъ; наконецъ Германская-собственно Исторія, древности и части ея, чѣмъ занимались Гагертъ, Лудень, Гриммы, Моне, Пертцъ, Савиньи, Функъ, Штенцель, Раумеръ, Сарторій, Вольтманнъ, Эксле, Декепъ, Прейссъ, Мансо, Шнеллеръ, представили творенія, сколько важныя, столько и показывающія трудолюбіе и добросовѣстность писателей Нѣмцевъ.

Мы нарочно выписали нѣсколько главныхъ именъ, изъ множества упоминаемыхъ Менцелемъ, потому что, къ сожалѣнію, многія изъ нихъ остаются совершенно неизвѣстны Русскимъ читателямъ, а мы сердечно желали бы большаго ознакомленія съ ними нашихъ соотечественниковъ. Но не въ томъ дѣло: обратимся къ Менцелю, и спросимъ: можно ли объ литературѣ, которая по двумъ только отраслямъ представляетъ столько великихъ и полезныхъ трудовъ, говорить все то, что говорилъ Менцель въ началъ своей книги? Есть ли человеческій смыслъ въ различіи словъ его въ началъ и потомъ? Жалкое безсиліе Менцеля оканчивается на каждой страницѣ. Рѣшительно не понимая начала, цѣли и хода Философіи, онъ столь же мало понимаетъ цѣль и сущность Исторіи, и впадаетъ въ самыя забавныя, частныя противорѣчія самому себѣ. Эти противорѣчія будутъ нами выказаны потомъ, но чтобы не подумали читатели, что Менцель измѣняетъ свою манеру, говоря о Философіи и Исторіи у Германцевъ, и исчисляя ихъ услуги, мы должны прибавить, что воп-

ли и упреки его продолжают между тѣмъ безпрерывно, когда самое дѣло говорить противъ него. Вотъ онъ жестоко свѣтуетъ, почему Философія говорить особенными терминами и языкомъ не всякому понятнымъ, какъ будто языкъ какого нибудь знанія, даже простаго ремесла можетъ быть понятенъ, если мы предварительно не изучили его; да еще, почему философы говорятъ положительно, когда положительнаго въ нихъ наукъ нѣтъ, какъ будто (если бы и правда были слова Менцеля) философу надобно непременно начинать и оканчивать признаніемъ: «все, что я буду говорить вамъ, можетъ быть, и вздоръ, но мнѣ кажется вотъ что»; наконецъ страшный упрекъ: почему ученики философовъ, узнавши отъ нихъ кое-что, починаютъ себя всезнаями, какъ будто всѣ другія науки, всѣ дѣла человѣческія не представляютъ намъ гордыхъ и глухихъ полу невеждъ, считающихъ себя знающими и великими людьми! Хвастунъ корнетъ гусарскій рѣшаетъ нелѣпо важный стратегическій вопросъ, услышавши кое-что отъ своего генерала, но виноватъ ли въ этомъ генералъ его, вождь великій и опытный, и еще болѣе виновата ли стратегія!.... Не выписываемъ подобныхъ упрековъ и браней Менцеля на Нѣмецкихъ историковъ, потому что они не стоятъ даже опроверженій. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что историки Англійскіе были люди государственные (стр. 225), и возобновляетъ смѣшной споръ о томъ, что историкомъ долженъ быть дѣйствовавшій самъ на историческомъ поприщѣ....

Здѣсь останавливаемся мы, и на время расстаемся съ Менцелемъ, ожидая двухъ остальныхъ частей Русскаго перевода. Мы изложили содержаніе первой части, присовокупляя свои замѣчанія. Не приносимъ рѣшительнаго приговора Менцелю, пока читателямъ нашимъ не представимъ его книги впол-

нѣ. Впрочемъ читатели могутъ предвидѣть нашъ приговоръ этому литературному воителю новаго рода...

Предоставляя изложенное здѣсь суду ихъ, спрашиваемъ: не странное ли однакожъ явленіе книга Менцеля, и что думаютъ они объ этомъ странномъ литературномъ явленіи, объ этой смѣси истины и неправды, противорѣчій, браней и воплей, сужденій, рѣшеній и осужденій? — Разсматривая остальныя части Менцелевой книги, мы надеемся найти ключъ къ разгадкѣ и передать этотъ ключъ читателямъ нашимъ. Мы смѣемъ надѣяться, что безпристрастнымъ взглядомъ на Нѣмецкую Литературу, мы покажемъ вполне ложную точку зрѣнія, съ которой смотритъ на предметъ свой Менцель. Не только это, но и предварительное объясненіе съ книгою Менцеля, мы почли обязанностью и долгомъ совѣсти нашей. Легкость въ сужденіяхъ, вѣра на слово говорливому крикуну, новостъ, странность мнѣнія могутъ сбивать многихъ. Здѣсь долгъ критики предостеречь читателя, и особливо когда какія нибудь частныя отношенія заставляютъ другихъ собрать нашихъ встрѣчать книгу Менцеля безотчетною похвалою, даже какою-то непонятною радостью... Есть у насъ люди — литераторы, для которыхъ была бы только книга писана Нѣмцомъ, и на Нѣмецкомъ языкѣ, достаточно быль ей послѣ того негодною и смѣшною въ глазахъ ихъ...

По нашему мнѣнію, кромѣ глубокаго уваженія какое должна внушить каждому Литература Нѣмецкая, дивное и самое блестящее проявленіе ума человѣческаго, мы не должны и потому уже условно порицать ея, что большая часть нашей читающей публики не можетъ быть судьей въ дѣлѣ, мало ей извѣстномъ, при маломъ знакомствѣ нашемъ вообще съ Нѣмецкимъ языкомъ и Лите-

ратурой Нѣмецкой. Во всякомъ случаѣ, мы, Рускіе, будемъ особенно не благодарны, если не сознаемъ тѣхъ заслугъ, какія Нѣмецкая Литература успѣла уже принести намъ. Не въ Германіи ли образовался нашъ Ломоносовъ? Не Германцамъ ли былъ обязанъ Карамзинъ основою своего образованія? Не изъ Германіи ли почерпнулъ Жуковский ту поэзію, которая измѣнила нашу водяную классическую піитку конца XVIII вѣка? Положимъ, что наше подражаніе Германской Философіи въ новѣйшее время было смѣшно и странно, во многихъ отношеніяхъ, но не ему ли мы одолжены измѣненіемъ теоріи словесности, изгнаніемъ ложной Философіи Французской, новыми мнѣніями въ исторической критикѣ, когда самая Исторія наша трудамъ Нѣмцовъ была одолжена своимъ началомъ?

Мы повторимъ въ заключеніе, что книга Менцеля полезна уже и потому, что даетъ поводъ къ полсеніямъ истины. И потому повторяемъ мы благодарность нашу Г-ну К. за переводъ ея. Не одиѣ только догматическія книги обогащаютъ Литературу: она требуетъ разнообразія идей и живеть ими. Менцель ошибается, судить пристрастно, пишетъ неприлично ученому критику — что за дѣло? Будемъ учиться изъ его ошибокъ, извлечемъ безпристрастный смыслъ изъ его пристрастія, и убѣдимся въ неприличіи его манеры писанія.

Да — и это будетъ теперь заключительнымъ нашимъ словомъ — правъ или не правъ Менцель, но такъ говорить и выражаться, какъ онъ говоритъ и выражается, не должно никогда и ни въ какомъ случаѣ. Въ выпискахъ и извлеченіяхъ нашихъ изъ Менцеля читатели могли замѣтить вообще тонъ бранчивый, слова, недостойныя языка истинной критики, но только ли? Менцель непрерывно выдаетъ, просто, въ брань и ругательства. Такъ, на-

примѣръ (по своимъ особеннымъ причинамъ), онъ жестоко нападаетъ на извѣстнаго историка Швейцарскаго, Іоанна Миллера, и что-же говоритъ онъ? «Я презираю І. Миллера больше всѣхъ Нѣмецкихъ писателей; подъ личиною Швейцарскаго гражданина, онъ служилъ всякому милостивцу, и измѣнялъ вѣсть, былъ подлымъ льстецомъ, измѣнникомъ, отвѣленнымъ плутомъ, безъ умолку болталъ о свободѣ и пресмыкался передъ каждымъ изъ маленькихъ тирановъ Швейцаріи; какъ песъ ластился онъ къ каждому, и хвасталъ независимостью, отвѣшивалъ поклоны на всѣ стороны, продалъ себя Риму, потомъ Французской Республикѣ, потомъ Пруссіи» . . . «Этому презрѣнному Миллеру обязаны мы введеніемъ въ бытописаніе самаго напыщеннаго и искусственно-изысканнаго слога. Душа безъ чести могла только притворствоваться, прикрываясь красными словами. Напыщенный слогъ всегда бываетъ признакомъ нечестнаго образа мыслей. Бездѣльникъ всегда замѣтенъ изысканностью подогрѣтаго чувства, сырою теплотою грязи въ болотѣ. Слогъ Миллера отвратительная, разнородная смѣсь, всегда лживая, краснорѣчивость, которымъ мажутъ по губамъ, выдавая шизость за высокую добродѣтель» . . .

Смѣло скажемъ, что слова Менцеля клевета на одного изъ благороднѣйшихъ сыновъ Германіи, но какъ высказана эта клевета? Такъ, изрыгая ругательства на глубоко-мысленнаго Гегеля, онъ называетъ его философію «холоднымъ, бездушнымъ низкопоклонничествомъ, спѣсивою, важничающею пустотою, безуміемъ, изступленіемъ, крайнею вершинною ученаго сумасбродства, темною напыщенностью, скучною неуклюжестью, глуподержкимъ важничаньемъ, безотраднымъ, брызгливымъ, болтливѣйшимъ — ученымъ вередомъ, содрѣвшившимъ для окончательнаго прорыва» . . .

Если такъ будетъ выражаться ученость и посвященіе, что же остается площади и невѣжеству? Какъ забылъ Менцель старинную поговорку: «ты сердиться, следовательно, ты неправъ!» Холодное презрѣніе каждаго благомыслящаго чловѣка, конечно, будетъ наградою такихъ порывовъ гнѣва, неумѣстнаго, а брань и ругательства сами собою обращаются на того, кто ихъ произносить...

Н. ПОЛЕВОЙ.

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1837 ГОДЪ.

(16 ДЕКАБРЯ 1837 ГОДА).

=

Въ литературахъ бываютъ свои литературныя моды и обычаи, и эти моды и обычаи проходятъ, измѣняются, замѣняются новыми, возобновляются, забываются опять. Такъ нѣсколько лѣтъ тому, въ Русской Литературѣ былъ обычай, была мода, если угодно, на *обозрѣнія*, *полемику* и *альманахи*. Каждый *альманахъ* дѣлался тогда яблокомъ раздора; иногда раздоръ рождалъ альманахи, и почти каждый журналъ и альманахъ начинались *обозрѣніемъ* литературы, какъ предвѣстіемъ битвы. Это походило на приготовленіе полководцевъ къ сраженію, потому что послѣ каждаго *обозрѣнія* непременно следовала литературная война, иногда съ большимъ пролитіемъ чернилъ и жестокою гибелью перьевъ... «Дѣла давно минувшихъ дней!»...

Все это прошло, да и жалеть ничего, что прошло. Безполезнѣе подобныхъ литературныхъ модъ и обычаевъ едва ли что нибудь сыскать можно. Однако жъ виновата ли въ томъ сущность самага предмета? Хорошій *альманахъ* никогда не выйдетъ изъ моды. *Полемика*, если бы она не была злоупотребленіемъ критики, могла бы имѣть свою цѣну, и еще болѣе кажутся намъ полезными *литературныя обозрѣнія*.

Человѣку свойственно желаніе оглянуться на пройденный имъ путь, и даже иногда необходимо. Ничто

такъ не поучаетъ насъ, какъ спокойный, хладнокровный взглядъ на прошедшее. Живыя впечатлѣнія настоящаго прекрасны, но только спокойный отчетъ за минувшее рѣшаетъ намъ истинную цѣну впечатлѣній настоящаго, и даетъ средства судить о томъ, что истинно добраго и прекраснаго мы сдѣлали.

Избѣгая мелкой библіографической дробн, редакция предположила — представлять читателямъ въ каждой книжкѣ сего журнала краткій очеркъ современной Русской Литературы. Не исчисленіе всѣхъ литературныхъ явленій, но указаніе только на важнѣйшія и замѣчательныя по чему либо, будетъ притомъ цѣлью. Не вводя читателей въ сплетни литературы и за кулисы книжной торговли, мы, следуя правилу редакціи, постараемся указать только на то, что можетъ быть достойно вниманія читателя просвѣщеннаго и образованнаго.

При такомъ намѣреніи, взглядъ на литературу истекающаго года весьма естественно долженъ быть, такъ сказать, *вступленіемъ* въ очерки наши. Сличеніе такого взгляда съ новымъ, по прошествіи года, можетъ быть поводомъ къ любопытнымъ сравненіямъ и соображеніямъ. Тогда можно узнавать и оценывать умственное приобрѣтеніе наше въ теченіе года, дѣлать запасъ выводовъ и матеріаловъ для исторіи современной нашей литературы.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ теоретическихъ и историческихъ предувѣдомленій и изъясненій, приступаемъ къ дѣлу. Общать ли читателямъ безпристрастіе и безошибочность нашихъ мнѣній и выводовъ? Осмѣливаемся увѣрить въ одномъ, что по крайней мѣрѣ намъ хотѣлось бы удалиться отъ всякаго духа литературныхъ партій и расколовъ. За безошибочность мнѣній своихъ кто поручится? Только Мугаммедову алжорану было предоставлено такое счастливое преимущество; но мы напередъ знаемъ, что

угодить всѣмъ и думать нѣчего. И знаете ли мнѣніе наше въ этомъ отношеніи? Мы думаемъ такъ, что только презрѣнный такальщикъ и лстець можетъ угодить всѣмъ. Порадуемся, если голосъ избранныхъ соединится съ нашимъ мнѣніемъ, и напередъ просимъ извиненія въ невольныхъ ошибкахъ нашихъ. Пріять въ всѣмъ — плыви ладья наша по литературному морю! — Да, только море ли наша Русская Литература?

По отчетамъ ценсурныхъ комитетовъ, въ 1836 году было напечатано въ Россіи немного болѣе *восьми сотъ* оригинальныхъ и переводныхъ книгъ, всякаго разбора и размѣра. Число книгъ 1837 года теперъ еще не извѣстно, и притомъ такой *итогъ* не показываетъ мѣры литературной нашей дѣятельности. Здѣсь включается все *печатное*, и на всѣхъ языкахъ напечатанное въ Россіи, включая Еврейскій и Латышскій, Татарскій и Чухонскій. Если предположить и для 1837 года одинакій итогъ, слѣдуетъ весьма важный вопросъ: изъ этой груды бумаги, побывавшей въ типографскихъ станкахъ, многое ли составляло только обиходъ общегитія, многое ли дѣйствительную литературу, и многое ли изъ этого литературнаго обречено на жизнь, хоть кратковременную? Не беремся вычислять, и перескажемъ, что удалось намъ замѣтить при внимательномъ наблюденіи за литературою нашею въ истекающемъ годѣ.

Начнемъ съ *излиціи прозы* и *поэзіи*. Здѣсь самымъ грустнымъ и самымъ утѣшительнымъ явленіемъ считаемъ мы *Современника*, напоминавшаго намъ въ послѣдній разъ имя *Пушкина*. Ни по времени выхода, ни по содержанію, Современникъ не принадлежалъ къ журналамъ, хотя и названъ былъ такъ. Мы почитаемъ его собственно альманахомъ въ четырехъ частяхъ, изъ которыхъ до сихъ поръ вышли только двѣ. Тяжко и горестно вспомнить Пушкина, его именемъ начиная отчетъ о Русской поэзіи прошед-

шаго года, и воображая, что въ самомъ началѣ этого года нашъ соловей замолкъ навсегда! Изъ того, что напечатано въ Современникѣ, видно кака я кипящая сила кипѣла еще въ душѣ поэта, какъ много было имъ начато, предположено, и какъ зрѣло было его исполненное дарованіе? Читайте въ Современникѣ поэму его: *Мѣдный всадникъ*, отрывки изъ драматическаго сочиненія *Русалка*, стихи Давыдову, молитву, отрывокъ, лицейскую годовщину — это ли пѣсни наканунѣ смерти? Съ тяжелымъ чувствомъ скорби, невольно повторимъ здѣсь нѣсколько Пушкинскихъ стиховъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсно сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили все и легче и смѣльчій,
Мы шли все за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ,
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣлся;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенѣлся,
Сталъ глуше звонъ его задравныхъ чаши;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ,
И рѣже смѣхъ средѣ пѣсень раздается
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.
Всему пора: ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный.
Прошли года чредою незамѣтной,
И какъ они перемѣнили насъ!
Не даромъ — пѣть! промчалась четверть вѣка;
Не сѣуйте: таковы судьбы закошь —
Вращается весь міръ вокругъ человека,
Уже-ль одинъ недвижимъ будетъ онъ?
Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!...
Игралица таинственной игры,
Метался смущенные народы,
И высились, и падали цари,
И кровь людей, то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари....

Къ послѣднимъ пѣснямъ Пушкина присоединилось въ Современникѣ нѣсколько стихотвореній поэтовъ, его современниковъ, его друзей и спутниковъ. *Жуковский*, не старѣющей душою, является прежнимъ Жуковскимъ въ своемъ *Цѣптякѣ*. Голосъ *Баратынскаго* услышали мы въ *Осени*, и — почти не узнали его. *Языковъ* продолжаетъ рассказывать Русскую сказку объ *Иванѣ Царевичѣ*, и заставляетъ пожелать ея окончанія. Замѣтимъ еще стихи *Де-Ларю* и *Козлова*, и перейдемъ къ новому поколѣнію нашихъ поэтовъ. Тутъ является яркою звѣздочкой *Бенедиктовъ*: его *Горы* свѣтятъ мыслью и заставляютъ досадовать на невѣрность картины и изложенія, при стихѣ звучномъ и живомъ. Новое отрадное явленіе стихи *Губера*, дышащія сердечнымъ чувствомъ и свидѣтельствующія дарованіе сильное. Не страшась опасности, юный поэтъ смѣло берется за подвигъ огромный — онъ переводитъ *Фауста* Гетева, и, сколько намъ извѣстенъ этотъ переводъ, онъ составилъ бы почетное имя самому опытному поэту. Нѣсколько нумерованныхъ пѣснь *Тютчева* нельзя пропустить безъ замѣтки, хоть и странна мысль поэта клеймить ихъ, какъ будто товаръ для перевоза черезъ таможену....

Въ прозѣ Современника опять первое мѣсто Пушкину — началу его романа: *Арапъ Петра Великаго*, началу умному и живо рассказанному. — Объ *Отрывкѣ къ рукописи Карамзина* развѣ потому только можно упомянуть, что онъ былъ писанъ Карамзинымъ, и писанъ тѣмъ Бюфоновскимъ слогомъ, высшее и послѣднее проявленіе котораго видѣли мы въ «Исторіи Государства Россійскаго». *Сцены изъ рыцарскихъ временъ* еще разъ показываютъ разнообразіе дарованія нашего незабвеннаго Пушкина. Нѣсколько мелкихъ статей, оживленныхъ остроуміемъ и вѣрностью взгляда, кажется, были писаны Пушкинымъ для придачи журнальнаго колорита Современнику. Упомянувъ о маленькой повѣсти Кня-

зя В. О. Одоевскаго, *Сильфида*, мы заключимъ статью Жуковскаго: «*Послѣднія минуты Пушкина*». Здѣсь говорить не литераторъ, а другъ Пушкина, но поэтъ истинный всегда, вездѣ и весь поэтъ. Прочитайте разсказъ Жуковскаго о первой минутѣ послѣ кончины Пушкина — сколько поэзии въ этихъ простыхъ словахъ, изъ которыхъ ни одно не поставлено съ намѣреніемъ блеснуть, поразить, и всѣ слышатся въ какой-то мелодическій звукъ, вздохъ души, горюющей, скорбящей о родномъ собратѣ!

«Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое совершилось передъ нами во всей умирительной святинѣ своей. Когда всѣ ушли, я съѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ не видалъ я ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто унавіяны для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выразалось на его лицѣ, я не умю сказать словами. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не былъ ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое — нѣтъ! Какал-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворенное знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: «Что видишь, другъ?» И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть! Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполне достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное — лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! И какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ, но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти»...

Послѣ Современника самымъ замѣчательнымъ от-

зывомъ поэтической жизни въ нашей литературѣ была поэма Жуковскаго, *Ундина*. Еще разъ услышали мы звуки этой золотой арфы, трогательные, западающіе въ душу. — Подолжскій высказалъ, или хотѣлъ высказать, своими обыкновенными, серебряными стихами какую-то мысль, но въ его поэмѣ (*Смерть Пери*) мы видѣли мысль только неясно, въ туманѣ, сквозь прекрасные стихи. Идея поэмы осталась неразвитаю и неконченною. — Такъ г-нъ Бернетъ издалъ обломки какой-то мысли въ драматической поэмѣ: *Графъ Мецъ*. Г-да Якубовичъ и Тимофеевъ издали, одинъ небольшую книжку стиховъ, другой три огромныя книги, стиховъ и прозы, и у обоихъ мы нашли по нѣскольку страницъ съ признаками поэтическаго дарованія. — Упомянемъ о второмъ дополненномъ изданіи *Торквата Тасса*, Н. В. Кукольника, который импровизировалъ кромѣ того нѣсколько пѣсень въ журналахъ. Надѣмся, что этотъ замѣчательный поэтъ скоро выкупитъ свою импровизацию, и опредѣлитъ наконецъ себѣ почетное мѣсто новымъ, истинно-изящнымъ твореніемъ: его *Доминикинъ* уже печатается,

Если мы скажемъ еще о новыхъ изданіяхъ «Басень Крылова» «Басень Хемницера», и «Душеньки» Богдановича, въ крошечныхъ форматахъ — кажется, о поэзии Русской сказать болѣе ничего не придется...

Отдѣленіе изящной прозы было еще беднѣе. Безъ собранія повѣстей г-жи Жуковой, *Вечера на Карповкѣ*, и безъ записокъ г-жи Александровой, *Кавалеристъ-Дьявица*, которыя увлекательны, какъ романъ, намъ почти не о чемъ бы сказать. Нѣсколько пріятныхъ страницекъ г-на Масальскаго не искупаютъ слабой завязки и неполноты плана въ его *Бородолюбіи*. Говорить-ли о *Неправдоподобныхъ разказахъ* г-на Джигитова, гдѣ немного хорошее млохнеть въ необозримомъ бурлящемъ шороховатомъ многословіи? — Да, объ *Очеркахъ Восточнаго* г-на Базили

надобно вспомнить за нѣсколько живописныхъ описаній мѣстности. Надобно вспомнить и о томъ, что П. П. Сумароковъ издалъ четвертую часть своихъ *Повѣстей и разсказовъ*. М. Н. Загоскинъ собралъ въ отдѣльную книгу свои *Повѣсти*, прежде напечатанныя въ журналахъ. Ф. В. Булгаринъ издалъ три томка мелкой прозы, разсыпанной въ нѣсколькихъ годахъ разныхъ повременныхъ изданій, въ дополненіе къ прежде изданнымъ *Сочиненіямъ*. Но все это уже было извѣстно и не принадлежитъ къ прошлогодней литературѣ, хотя Загоскина и Булгарина, бесспорно, прочтутъ еще разъ съ удовольствіемъ; по крайней мѣрѣ, такъ судимъ мы по себѣ.

Драматическая словесность наша вертѣлась на водевиляхъ. Журналисты ихъ брали; водевиллисты мстили журналамъ куплетами; публика смѣялась, и — чего же вамъ еще? Но замѣчательно, что прошедшій годъ былъ достопамятенъ внезапнымъ обращеніемъ къ Шекспиру: его *Отелло* и *Гамлетъ* явились въ новыхъ переводахъ на сценѣ, а *Макбетъ* въ переводѣ г-на Вронченка, который можно назвать невѣрнымъ за его излишнюю вѣрность подлиннику. Если текстъ оперы входитъ въ словесность, мы не можемъ пропустить *Жизни за Царя*, оперы М. И. Глинки (слова Барона Е. Ф. Розена), надѣлавшей столько шуму, и за которую неумолкающій споръ pro и contra, до сихъ споръ еще не конченъ....

Переводная словесность явилась къ намъ съ нѣсколькими романами. Назовемъ *Пиччиолу* Сантина, *Квинтилию* (*Le Secretaire intime*) Жоржъ Зандъ, *Морскаго офицера*, Марриета, *Трость Бальзака* Эмиль Жиранденъ. Московскій книгопродавецъ Н. П. Глазуновъ издавалъ *Библиотеку Романовъ* и *Повѣстей*, и собраніе повѣстей Гофмана было напечатано въ Москвѣ (*Serapionovy братья*).

Болѣе могутъ порадовать насъ другія отдѣленія

прошлогодней литературы, особливо литература историческая: появленіемъ многихъ матеріаловъ для Отечественной исторіи, прошедшій годъ былъ удивительно счастливымъ.

Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь «Актамъ Археологической Экспедиціи Академіи Наукъ», матеріалу сколько богатому, столько же показавшему попечительность правительства обо всемъ, что касается отечественной исторіи. — Въ 7 и 8 частяхъ *Трудовъ* и *Лѣтописей*, изданныхъ отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, мы видали нѣсколько любопытныхъ статей. — Такъ называемая, *Супрасльская* (собственно сокращенная Кіевская) *Лѣтопись* издана на счетъ Общества Княземъ М. А. Оболенскимъ. — П. А. Мухановъ, послѣ напечатанія своего любопытнаго Сборника, издалъ, такъ называемую, *Филаретову Лѣтопись*. Оба почтенные знатока исполнили свое дѣло тщательно и добросовѣстно. — Этому нельзя сказать о *Пековской Лѣтописи*, изданной весьма небрежно г-мъ Погодинымъ; но хоть и плохо, однако жъ и эта драгоценная лѣтопись издана.

П. М. Строевъ напечаталъ свой *Ключъ къ Исторіи Карамзина* — трудъ, изумляющій дробью работы и систематикой отдѣлки. — П. И. Кеппенъ издалъ не менѣ заслуживающій вниманіе *Крымскій Сборникъ*, великолѣпно притомъ напечатанный. — А. Я. Терещенко кончилъ свои жизнеописанія Россійскихъ канцлеровъ, и издалъ ихъ подъ скромнымъ названіемъ *Опыта*. — Ему же обязаны мы изданіемъ разсказа Теофанова объ избраніи на царство Анны Іоанновны. Баронъ С. Шодуаръ началъ обширное и важное сочиненіе о Русской Нумизматикѣ (*Apercu sur les monnaies Russes*). — Трудолюбивый И. П. Сахаровъ явился съ двумя равно замѣчательными книгами: *Сказанія Русскаго народа*, и *Путешествія Русскихъ людей* — первой изданы уже три тома. — П. М.

Сивгиревъ напечаталъ начало своихъ изслѣдованій о «Русскихъ Праздникахъ»; историкъ Новороссійскаго края, г-нъ Скальковскій издалъ «Исторію Одессы» за первыя *тридцать лѣтъ* ея существованія, а Д. П. Бантышъ-Каменскому были обязаны мы любопытнымъ *Словаремъ достопамятныхъ людей Россіи*.

Переходя къ Статистикѣ и Географіи отечественной, находимъ превосходное сочиненіе: *Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ*, изданное Министерствомъ Финансовъ; описаніе «Оренбургской Губерніи», г-на Дебу; описаніе «Рыбинска», протоіерея М. Гомилевскаго; описаніе «Соловецкаго Монастыря», тамошняго архимандрита Доспоев. — Присовокупимъ къ этому небольшія брошюрки: *Записки о Сибири*, сочиненіе почтенной дамы, Сибирской урожденки; г-на Пушкарева о «Симбирской Губерніи» и — вотъ вамъ слишкомъ двадцать новостей по части Русской Исторіи и Статистики, изъ которыхъ труды г-дъ Строева и Кеппена, Акты Комиссіи Археографической и *Обозрѣніе Закавказскихъ Областей* заняли-бы почетное мѣсто въ самой богатой литературѣ.

Но здѣсь не оканчиваются наши пріобрѣтенія. Статистика найдетъ еще превосходные матеріалы въ *Отчетахъ*, изданныхъ Министеромъ Народнаго Просвѣщенія и Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ *Отчетъ* по благотворительнымъ заведеніямъ, состоящимъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Е. И. В. Государыни Императрицы, въ *Отчетъ* по Министерству Юстиціи, въ *Запискѣ* о сѣльскихъ въ Сибирь, въ *Précis du système, du progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie*, издани. г-мъ Крузенштерпомъ.

Говоря объ Исторіи, Географіи и Статистикѣ Русской, не забудемъ также двухъ замѣчательныхъ диссертацій: г-на Моронкина, *О владѣніи, по началамъ*

Россійскаго законодательства, и г-на Бодянскаго о *народной поэзіи Славянскихъ народовъ*. — Любимое чтеніе отцевъ нашихъ, книга, всегда достойная нашего вниманія: *Дѣянія Петра Великаго*, соч. Голыкова, начата печатаніемъ вновь, въ опрятномъ и дешевомъ второмъ изданіи. — Къ Исторіи Великихъ событій 1812—1815 г. прибавилось вновь нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ. «*Описание похода во Францію въ 1814 году*», А. П. Михайловскаго-Данилевскаго, подарилъ намъ совершенно новыми и драгоценными свѣдѣніями. — Ветеранъ Русской Словесности и *первый ратникъ* Московскаго ополченія, С. П. Глинки, горячо высказалъ въ *Запискахъ* своихъ, что видѣлъ онъ въ Москвѣ въ 1812 году, и Р. М. Зотовъ дополнилъ нѣсколько подробностей къ исторіи С. Петербургскаго ополченія, также въ *Запискахъ*. Нѣсколько подробностей объ исполненіи битвъ подъ Бородинымъ нашли мы въ любопытномъ *Разсказѣ артиллериста*.

Давно ожидаемое сочиненіе Э. В. Булгарина: «*Россія, въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*», начало выходить. Тысячи экземпляровъ его были раскуплены немедленно. Для разсмотрѣнія и отбѣлки этой любопытной во всѣхъ отношеніяхъ книги, должно ожидать ея окончанія.

Касательно Всеобщей Исторіи мы не видали ничего замѣчательнаго, кромѣ продолженія полезнаго труда г-на Шульгина: *Изображеніе характера Новой Исторіи*, и небольшой брошюрки г-на Куторги: *Политическое устройство Германцевъ* — обшчающей намъ большое и превосходное сочиненіе, судя по началу. По Статистикѣ и Географіи Всеобщей рѣшительно ничего не издано — вышла только новымъ изданіемъ *старая* «Статистика» г-на Зябловскаго. За тѣ всѣ сѣи предметы представили нѣсколько хорошихъ переводныхъ книгъ: *Исторія Литературъ*, Вахтера;

Исторія Колумба, Вашингтона-Ирвинга; *Исторія Иудеевъ*, Капфнга; окончаніе Вилльменовой *Исторіи Литературы Среднихъ Временъ*; *Нѣмецкая Словесность* (извлеченіе изъ книги Менцеля) — все это любопытно и замѣчательно. — *Исторія Наполеона*, соч. В. Скотта напечатана вновь, и еще двѣ новыя книги дополнили намъ сказанія о Наполеонѣ: переводъ «Записокъ» его о Тюренцѣ и Фридрихѣ Велкомѣ, и «о войнахъ Цесаря» — Последнія двѣ книги были драгоценнымъ подаркомъ особенно для военныхъ читателей, которые вообще не пожалуются на литературу прошлаго года. Для нихъ вышли: *Военная Географія*, Рудторфера, исправленная г-мъ Штукенбергомъ; *Обозрѣніе исторіи Военнаго Искусства* — сочиненіе Барона Медема, и наконецъ постоянно и тщательно издавались тетради *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*.

Читатели всѣхъ званій и всѣхъ образованій не могли, напротивъ, не пожалѣть, что *Энциклопедическій Лексиконъ* г-на Плюшара, выходилъ весьма неисправно. Желательно, чтобы редакторы этого истинно-полезнаго изданія принялись за него крѣпче и дѣятельнѣе. Помогите имъ Богъ!

Извѣстная книга Дюмонъ-Дюрвилля, которую можно назвать энциклопедіею путешествій по Южному Океану, продолжала выходить въ двухъ переводахъ, и въ обоихъ равно не кончилась. -- Кстати о путешествіяхъ: Н. И. Гречъ издалъ легкія, занимательныя замѣтки о своей четырехъ-недельной прогулкѣ за границу, а г-нъ Чертковъ второй и послѣдній томъ своего *Путешествія по Сициліи*. Кто-то въ Петербургѣ перевелъ описаніе Иерусалима изъ Путешествія Мишо и Пужола, и издалъ его очень опрятно и красиво. Подъ громкимъ названіемъ: *Путешествіе Барона Гумбольдта, Эренберга и Розе*, вышла брошюрка, гдѣ помѣщено нѣсколько любопытныхъ ученыхъ статей Гумбольдта и его товарищей.

Мы не можемъ исчислять книгъ по другимъ отраслямъ наукъ и знаній, укажемъ однако жъ на замѣчательнѣйшее, руководствуясь мнѣніемъ знатоковъ: *Математика* — «Лекціи» академика Остроградскаго, изданныя г-мъ Бурачкомъ и Зеленымъ; начало *Математическаго Лексикона*, академика Буныковского; продолженіе *Рукой Математической Энциклопедіи*, г-на Перевощикова; «Таблицы Логарифмовъ», изданныя имъ-же, на иждивеніе книгопродавца А. С. Ширяева; переводъ *Геометріи* Лезжандра, г-дѣ Баландина и Бутцова. *Изящныя художества* — переводъ *Мнѣологической галереи* Миллена, съ множествомъ рисунковъ. *Восточная Словесность* — новое исправленное изданіе библиографической книги г-на Аделунга о «Санскритской Литературѣ». *Ботаника* — прекрасное и полезное предпріятіе г-на Левина: «Рисунки С. Петербургской Флоры.» — *Земледѣліе и Сельское Хозяйство* — «Курсъ Земледѣлія», г-на Усова. — Укажемъ вообще на книги разнородныя, но равно замѣчательныя и полезныя: *Объ учрежденіи торцевыхъ дорогъ и сухопутныхъ пароходовъ въ Россіи*, г-на Гурьева, гдѣ авторъ занимается рѣшеніемъ чрезвычайно важнаго для насъ предмета; *Курсъ Практической Механики*, передѣланный изъ лекцій Понселе, г-мъ Ястржембскимъ; *Правила и руководство для управленія парходами*, Жанье, перев. г-мъ Глазенапомъ; *Военно-походная Медицина*, профессора Чаруковского; *Курсъ Скотоводства*, профессора Всеволодова, гдѣ Ветеринарія, едва ли не въ первый разъ, является у насъ не въ видѣ «опытнаго коновала», но принимаетъ систематическую важность знанія....

Мы были бы благодарны если бы не указали на лучшее по части учебной Литературы и педагогіи. Издана *Русская Исторія*, Н. Г. Устрялова — лучшее доннынъ учебное руководство для преподаванія отечественной исторіи, хоть — признаемся —

во многом несогласны мы съ его почтеннымъ авторомъ. Г-жа Ишимова издала также *Русскую Исторію* для малолѣтнихъ дѣтей — очень дѣльную выборку изъ Исторіи Карамзина. Г-нъ Язвинскій напечаталъ краткое извѣстіе о своей любопытной методѣ изученія хронологіи. — Г-нъ Каандеръ перевелъ (лучшее, по нашему мнѣнію, изъ всего, что написано по сему предмету) «Руководство» Геерена къ изученію Древней Исторіи, и жаль только, что переводъ весьма плохъ...

Родители и наставники могли поблагодарить г-на Ободовскаго за двѣ его книги о «Педагогикѣ» и «Дидактикѣ», по основаніямъ Нимейера; г-на Волкова, переводчика книги г-жи Годонъ о «Домашнемъ Воспитаніи»; г-на Ольдекопа за его «Разговоры Французско-Нѣмецкіе», расположенные по новой превосходной методѣ.

Насъ радовало еще появленіе нѣсколькихъ назидательныхъ книгъ, заключающихъ въ себя изъясненія и наставленія по важнѣйшей части педагогіи — говоримъ о книгахъ, касательно Закона Божія, Религіи и Священной Исторіи. Таковы были: *Священная Исторія для дѣтей*, г-жи Зоннтагъ; сочиненія протоіерей Мансветова: *Почуеніе, какъ стоять въ церкви во время литургіи*; *Краткое изъясненіе на литургію*, и пятое изданіе драгоценной книги — *Училище благочестія*. Причислимъ сюда еще сочиненіе протоіерей Дебольскаго: *Дни празднествъ*, и наконецъ *Письма о Богослуженіи* — А. П. Муравьева, печатаемая теперь уже вторымъ изданіемъ.

И вотъ, ММ. ГГ., кажется, все, что только можно было отмѣтить и замѣтить въ прошлогодней Литературѣ Русской. Если мы пропустили что нибудь, то развѣ немногое. — «Какъ: немногое?» — скажутъ намъ, можетъ быть — «да, мы исчислили вамъ много поэмъ, романовъ, книгъ историческихъ, философическихъ, поэтическихъ, даже такихъ, о которыхъ

писали и кричали въ газетахъ и журналахъ, а вы не говорите объ нихъ ни слова!» —

Мы знаемъ сами, что мы пропустили много книгъ безъ упоминанія, но — для чего вспоминать о грѣхахъ ближняго? Намъ хотѣлось исчислить только то, что болѣе или менѣе, но дѣйствительно прибавляетъ годовую сумму литературныхъ пріобрѣтеній нашихъ — остальное, да почиетъ въ миръ! — Мы стараемся дополнить еще нашъ *Очеркъ*, и въ заключеніе обращаемся едва ли не къ самому любопытному отдѣленію литературы — *Журналистикѣ*....

Журналистика наша въ прошломъ году... Но должно ли намъ говорить о журналахъ Русскихъ? Почему же не говорить? Молчаніе значило бы трусливую робость, или жалкую недовѣрчивость къ самимъ себѣ, если надобно молчать потому только, что *критикъ* самъ *журналистъ*.. Все говоренное нами могло показать, что редакція, вѣроятно, не захочетъ никого задобрить нашимъ обзоріемъ, и приступая къ Русскимъ журналамъ совсѣмъ не думаемъ и мы въ гордой самонадѣянности сказать: «Мы сдѣлали бы лучше всѣхъ». Просто высказываемъ свои *мнѣнія*, и выскажемъ ихъ съ полною откровенностью и обратимъ нашимъ, журналистамъ. Для чего всегда предполагать какую-то *jalousie de métier* съ одной стороны, и досаду съ другой? Не должно только брать тона немилостиваго судьи, и въ каждомъ собратѣ видѣть подсудимаго по *казу*скому дѣлу. Но есть молва, будто даже совѣтовать, даже слегка говорить о журналистѣ, все равно, что трогать челоуѣка, съ котораго содрана кожа? Что за вздоръ! Говорите и совѣтуйте, только искренно и отъ добраго сердца. Не послушанія добраго вашего совѣта — Богъ съ ними; скажете вы; не такъ -- вы челоуѣкъ и можете ошибаться. Но почему сужденіе о журналистѣ непременно должно налагать обязанность сдѣлать лучше? Изъ вина

дѣлается укусъ, но изъ укуса дѣлать вино никто не беретя, развѣ тѣ кто изъ изюму «варить мадеру».

Реестръ Русскихъ газетъ и журналовъ былъ въ 1837 году не малъ, но только не о многомъ придется намъ поговорить. Офиціальныя «Московскія» и «С. Петербургскія Вѣдомости» не принадлежатъ къ области литературной-собственно, какъ равно «Русскій Инвалидъ, Сенатскія Вѣдомости, Сенатскія Объявленія, Коммерческая Газета, Христіанское Чтеніе, Журналъ Общепользныхъ Свѣдѣній, Дѣтскій Журналъ, Художественная Газета, Одесскій Вѣстникъ» и «Другъ Здравія». -- Можно съ удовольствіемъ замѣтить здѣсь одно, что почти всѣ не литературныя, собственно газеты и журналы издаются у насъ отъ правительства. Немногія предпріятія частныхъ людей, при нынѣшнемъ состояніи нашего образованія, едва могутъ поддержаться. Слѣдовательно, правительство не щадитъ расходовъ на доставленіе полезныхъ свѣдѣній каждому по своей части, не скрываетъ и драгоценныхъ матеріаловъ касательно познанія отечества. Такъ исторія, географія, статистика, науки вообще могли пользоваться обильными свѣдѣніями въ *Горномъ Журналь, Журналь Мануфактуръ и Торговли, Военномъ Журналь, Военно-Медицинскомъ Журналь, Львномъ Журналь, Земледѣльческой Газетъ, Коммерческой Газетъ, Земледѣльскомъ Журналь, Журналь Овцеводовъ, Журналь Министерства Внутреннихъ дѣлъ*. Вездѣ тутъ мелькали и литературныя прибавки, начиная съ «Московскихъ Вѣдомостей» и оканчивая -- хоть «Другомъ Здравія», но литература, или была мимоходомъ, или состояла изъ статей, гдѣ литературное достоинство составляетъ послѣднее требованіе. Нельзя было не замѣтить нѣсколькихъ прекрасныхъ ученыхъ статей, особенно въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* (гдѣ также помѣщался единственный полный указатель всего, что только печаталось въ Россіи), и

полезной бібліографіи въ *Земледѣльческомъ Журналь*.

Переходимъ къ литературной-собственно журналистикѣ. И здѣсь встречаемъ мы всю нашу Русскую журнальную литературу только въ *двухъ* газетахъ и *трехъ* журналахъ. Газеты эти были: *Сѣверная Пчела* и *Литературныя Прибавленія*; журналы: *Сынъ Отечества, Московскій Наблюдатель* и *Библіотека для Чтенія*.

Мы ничего не можемъ говорить о *Сѣверной Пчелѣ* и *Сынѣ Отечества*, кромѣ одного: если они не были удовлетворительны въ прошедшемъ году, то постараются быть лучше въ нынѣшнемъ. -- О *Московскомъ Наблюдателѣ* сказать нѣчего по другой причинѣ: въ истекающемъ году онъ походилъ въ Русской Литературѣ на тѣ морскія растенія, которыя громадами плаваютъ по тропическимъ морямъ. Надобно плыть далеко, чтобы увидѣть ихъ, и ученые до сихъ поръ не рѣшили, растутъ ли они въ морѣ, или срываются съ береговъ и плаваютъ по морю. Многіе полагаютъ, что достиженіе ихъ до поверхности моря означаетъ уже смерть ихъ, и что плаваешь собственно только трупъ растенія. «Московскій Наблюдатель» — право, не знаемъ, живъ ли онъ, или умеръ съ нами ли, или съ отцами нашими обрѣтается — сколько понадалось намъ его книжекъ (а такая встреча можетъ въ Петербургѣ называться рѣдкостью), издавался, и содержаніе его составляли: кое-что переводное, кое-что оригинальное, кое-что стихотворное; къ этому присовокуплялись невинныя выходки на Библіотеку для Чтенія, Парижскія моды, черезъ три мѣсяца послѣ полученія изъ Парижа, и «все это кое-что, смѣшанное вмѣстѣ, составляло странное ничто,» какъ говоритъ Шекспиръ:

Where every something, being blent together,
Turns to a wild nothing. . .

Впрочемъ, отъ «Московского Наблюдателя,» какъ отъ скромной Московской красавицы, никто ничего и не требовалъ. А *Наблюдатель*, въ самомъ дѣлѣ, сбивался немного на застѣнчивую Московскую дѣвушку: онъ такъ рѣдко являлся въ свѣтъ изъ типографіи, и если являлся, то всегда такъ опрятно напечатанный, и всегда съ картинкой старенькихъ модъ... Живъ ли онъ, повторяемъ, неизвѣстно... Если живъ, дай ему Богъ добраго здоровья, а если умеръ — *sit ei terra levis...*

Совсѣмъ не таковы были сердитыя и огромныя *Литературныя Прибавленія*, начавшіяся только въ прошломъ году. Они явились сначала въ такомъ обширномъ форматѣ, что испугъ читателей заставилъ ихъ сжаться въ половину. То же, кажется, съдѣлалось и съ содержаніемъ ихъ: вступительная статья издателя, стихи Пушкина, разборъ философской книги, объявленіе о полной Русской библиографіи, и проч., общали намъ вполне литературную газету, съ критикой, взглядомъ на современное просвѣщеніе, свѣжестью, разнообразіемъ извѣстій, къ чему еженедѣльное появленіе Л. П. давало всѣ средства. Но, послѣ немногихъ листовъ, характеръ Прибавленій рѣзко обозначился, и былъ уже строго выдержанъ до конца года. Содержаніе ихъ составили: повѣсти, сказки и отрывки изъ Русскихъ романовъ; затѣмъ библиографія кое-чего и стихи; затѣмъ фейлетонъ, съ непремѣнными извѣстіями о театрѣ и небольшими переводными статейками, а въ заключеніе поллиста самой мелкой смѣси, самыми мелкими буквами. Отдадимъ справедливость издателю: листы его выходили исправно, и показанный нами планъ исполнялся постоянно и упорно. Но хороши ли были и для чего были такой планъ? Въместо того, чтобы на широкихъ листахъ Л. П. дать мѣсто изображенію современнаго просвѣщенія и литературныхъ новостей Россіи и Европы, что за радость

была издавать газету *повѣстей*, и непремѣнно повѣстей оригинальныхъ? Разумѣется, что не достанетъ ни какой силы человѣческой набрать такую громаду ихъ, когда и всѣхъ-то Русскихъ разскащиковъ, послѣ смерти Марлинскаго, остается не болѣе полудюжины — Князь Одоевскій, Загоскинъ, Павловъ, Булгаринъ, Лажечниковъ — *quand même*, и — *не забыли ли еще мы кой-кого?* Помѣстить въ журналъ и газету иногда можно и несовершенное — что дѣлать! — Но изъ несовершеннаго и плохаго *составлять газету* — странно, а мы полагаемъ, самъ почтенный редакторъ согласится, что трехъ четвертей напечатанныхъ имъ отрывковъ и повѣстей можно было не печатать вовсе. Не менѣе странно также давать пріютъ стихамъ, для того только, чтобы стихи *непремѣнно были* въ каждомъ листѣ! Библиографія Л. П. не имѣла ни цѣли, ни единства. Содержаніе ея составляли, или жестокая брань на такія книги, съ которыми словъ терять не надобно, тѣмъ болѣе, что полной библиографіи издатель не представлялъ намъ, или сухіе растянутые разборы и — опять-таки болѣею частью такихъ книгъ, съ которыми разсуждать нѣчего. О театральныхъ статьяхъ мы ни слова, такъ же какъ о похвалахъ пріятельскимъ книгамъ — тутъ, по крайней мѣрѣ, видна цѣль; но что за выборъ въ Л. П. былъ статейекъ иностранныхъ? Какъ будто нарочно издатель сметалъ соръ литературный изъ листковъ и фейлетоновъ Парижскихъ — пустыя смелыя журнальныя и ничтожныя новости! А между тѣмъ, можно бы, кажется, поживиться чѣмъ нибудь получше у Англичанъ, Нѣмцевъ и Французовъ! Прочитавши номеръ Л. П., вы ощущаете точно такое чувство, какъ просидѣвши часа два въ обществѣ молодежи, гдѣ говорили безъ умолку, а ничего не осталось ни въ душѣ, ни въ памяти. Мы не скажемъ, чтобы въ Л. П. не было ничего хорошаго — нѣсколько литературныхъ статей Князи В. О. Одоев-

шаго, музыкальные известія о концертахъ, (кажется) его же, нѣсколько статей о театрѣ, и нѣсколько критическихъ статей П. А. Плетнева, заслуживаютъ вниманіе; но за то остальное заставляетъ спросить, смотря на груды листовъ, какую составили въ концѣ года «Литературныя Прибавленія:» что это такое, что тутъ такое и для чего это? — Редакторъ общается на нынѣшній годъ перемѣнить форматъ. Надѣмся, что онъ перемѣнитъ и сущность и планъ своей газеты. Его ума и несомнительныхъ дарованій достанетъ на это, мы увѣрены. Кто молодежь не бывалъ? Годъ пошалили — довольно...

Мы приближаемся къ послѣднему, самому грозному и самому грузному явленію Русской журналистики — *Библиотека для Читенія*. Да, она была и толста и разнообразна въ прошедшемъ году, и не могла не быть такою, заключаая въ себя почти всю Русскую журналистику. Какъ тяжелая колесница яггернаутская, катилась она по тѣсному полю Русской Литературы, безжалостно давила встречныхъ и брызгала грязью съ широкихъ колесъ своихъ. Какъ тяжкій млатъ, каждый мѣсяцъ упала она толстою книгою на головы читателей, и разсыпалась стихами, прозою, науками, искусствами, земледѣіемъ, критикою, бібліографіею, смѣсью, чего хочешь, и чего не хочешь.

Съ самаго почти начала «Библиотеки» въ Русской Литературѣ завелась мода — у читателей покупать ее, у журналистовъ бранить ее, у издателя не отвѣчать на брани. Такъ шло дѣло и въ прошломъ году. Мы покажемъ первый примѣръ — не станемъ бранить «Библиотеки.»

Въ самомъ дѣлѣ, за что бранить ее? За то ли, что ее хорошо покупаютъ, что она выходитъ исправно, что она сама, не отвѣчая на брани, не кладетъ на языкъ охулы? За первое сердиться смѣшно, за второе странно, за третье — совѣстно....

Намъ кажется, что будучи самымъ разнообразнымъ и обширнымъ журналомъ въ Россіи, «Библиотека» была и единственнымъ журналомъ, имѣвшимъ журнальное содержаніе, характеръ, цѣль, единственнымъ, гдѣ были видны труды, заботливость редактора, единство работы и мысли: въ этомъ должны сознаться самые злые враги О. И. Сенковского, редактора «Библиотеки.»

Исполнила ли «Библиотека» въ прошломъ году содержаніе своей программы?

Прежде всего укажемъ на отдѣленіе «Наукъ и Художествъ,» какъ лучшее. Тутъ мы читали статьи о жизни и трудахъ Деви, Ампера, Непира, Бакона, Моруса. Причисляемъ еще сюда статьи о Борнсъ, Эленшлегерѣ, Куперѣ — Богъ знаетъ почему, перекинутыя въ отдѣленіе Словесности. Далѣе — статьи о путешествіяхъ Пеннига, Бака, Мармье, Мармона; объ электричествѣ, воздушныхъ камняхъ, паукахъ, движеніи солнца; объ архитектурной пестротѣ въ зодчествѣ Древнихъ и новой Германской живописи (двѣ превосходныя статьи), о Мексиканскихъ древностяхяхъ. Историческія статьи: Паденіе язычества; Помпей, Цезарь и Цицеронъ, Петръ Великій, какъ основатель Русскаго войска (Барона Медема); статья о трудѣ и деньгахъ въ Сѣверной Америкѣ. Если приσοкупимъ ко всему этому множество любопытныхъ мелкихъ статей въ *Смѣси*, то должно согласиться, что, «Библиотека» исполнила долгъ своей по ученой части.

Не такова была «литературная-собственно» часть. Въ отдѣленіи *Иностранной Словесности*, кромѣ статьи о перепискѣ Гете, милой пѣснки А. Мюссе и статьи изъ известныхъ записокъ доктора Гаррисона — былъ едва ли не одинъ наборъ статей весьма плохихъ и повѣстей, не стоившихъ перевода. Но еще тѣсудшнѣе являлось отдѣленіе *Русской Словесности*. Отрывки изъ Ундины, поэма Подолинскаго (Смерть Пе-

ри) и несколько пьесъ Бенедиктова и Кукольника не могли выкупить груды остальныхъ стихотвореній (Ведениктова, Тимофеева, Даргомыжской, Гребенки, Соколовскаго, Кропоткина, Кочубинскаго, Рахманнаго, и проч.), большею частью — ниже златой посредственности! Ничто также не выкупало Русскихъ повъстей, изъ которыхъ почти ни одна не подарила насъ ни мыслью, ни улыбкой, когда между тѣмъ оскорблялось ухо варварскимъ языкомъ, а вкусъ картинами въ родъ Теньера, чтобы не ходить далеко за сравненіемъ.

Не имѣя права судить объ отдѣленіи Критики и Библиографіи въ Б. для Ч. (по причинамъ, можетъ быть, известнымъ читателямъ нашимъ), мы отказываемся также говорить объ отдѣленіи Промышленности и Сельскаго Хозяйства. Знатки находили въ этомъ отдѣленіи несколько добрыхъ практическихъ статей, и желали менѣе многословія въ другихъ статьяхъ, менѣе брани, болѣе дѣла. Помилуйте: неужели ужъ и за пудреть надобно спорить, какъ будто за Елену Троянскую?

Любопытно было бы разрышии причину великаго неравенства ученой и литературной части въ «Библиотеку.» Намъ кажется, что оно происходитъ всего болѣе отъ страсти редактора шутить. Да, шутка болѣзнь его, страсть его. Читая «Библиотеку» увѣряетесь, что ему недоступны другія страсти и ощущенія — онъ безстрастенъ и безпристрастенъ, пока не вздумаетъ шутить, а къ несчастію, онъ только о томъ, по видимому, и думаетъ. Полагаемъ, что это заставляетъ его набирать въ Библиотеку статьи не изящныя, но шутливыя, которыя бываютъ иногда совсѣмъ не забавны. Библиографія Б. для Ч. непрерывная шутка. Редактору надобности нѣтъ, какова книга, хороша ли, дурна ли она — онъ смотритъ только, смѣшна ли она? — Редакторъ обѣщаль вамъ въ Смирси извѣстія о Парижскихъ спектакляхъ — не

вѣрите: онъ шутитъ! Обѣщаль извѣстія объ «иностранный литературъ» — ихъ нѣтъ: онъ шутитъ! Обѣщаль извѣстія о «Модахъ» — вы ихъ не дождетесь: онъ шутитъ! —

Но умная шутка рѣдкій даръ неба на землѣ, и согласитесь, что *нашутить* двѣнадцать толстыхъ томовъ въ годъ — нѣтъ ни какой возможности. Потому шутка дѣлается рѣшительнымъ зломъ для «Библиотеки», и рѣшительно вредитъ ей, потому, что страсть шутить обладаетъ въ Библиотеку даже и ученымъ отдѣленіемъ, гдѣ она дѣлается вовсе неумѣстною. Читаете, не вѣрите глазамъ своимъ, и съ удивленіемъ разгадываете, что редакторъ шутитъ! При глубокомъ уваженіи нашемъ къ дарованіямъ редактора, и желая добра его журналу, мы сердечно желаемъ, чтобы въ нынѣшнемъ году онъ шутитъ менѣе.

Вторая причина неравенства въ Б. для Ч. между ученою и литературною частью заключается, по мнѣнію нашему, въ *слогъ*. Не называя слога «Библиотеки дурнымъ», мы вообще назовемъ его *страннымъ*. Издатель, уже не шутя, не терпитъ несчастныхъ мѣстоименій *сіе* и *оное*. Но если гдѣ изгнаны эти два бѣдныхъ несчастливца, ему ни до чего болѣе дѣла нѣтъ, и оттого слогъ Библиотеки, большею частью — неправиленъ и неточенъ, и если сн недостатки могутъ еще быть терпимы въ ученой статьѣ, гдѣ главное въ дѣлѣ, то каково-же видѣть ихъ тамъ, гдѣ слогъ составляетъ почти главное — въ романѣ, повѣсти, литературной статьѣ? Отъ чего такой слогъ въ Б. для Ч. и что это значить? неужели опять шутки? -- Редакторъ началъ было прелюбопытную статью, гдѣ, какъжется, хотѣлъ оправдать свою теорію Русскаго слога (Б. для Ч. Май -- *Письмо Тверскихъ помѣщиковъ*); но -- мы ждемъ ея окончанія, и ничего не видимъ, а начала этой статьи мы рѣшительно не могли понять -- это шабашъ, Walpurgis-Nacht словъ и мыслей — шутка на шуткѣ, и только!

Если издатель Б. для Ч. покажет видъ, что онъ сердится на насъ за наши замѣчанія, мы не повѣримъ -- «онъ шутить», скажемъ мы. Но мы не шутя просимъ его сказать намъ, если мы ошибаемся, и вѣрить, что желаніе добра заставляетъ насъ говорить искренно. Обширный кругъ читателей «Библиотеки» не все шутливый народъ, не всѣ изъ него и понимаютъ шутку, и многіе ли даже разгадаютъ ее за тысячи верстъ отъ Петербурга, философствуя между овинкомъ и курятникомъ? -- Въ заключеніе скажемъ, что издатель не подарилъ насъ въ прошломъ году ни одною собственною статьею, ни ученою, ни литературною. Неужели онъ думаетъ, что *Московский Европеецъ*, *Идеаль*, *Женщина-писательница*, *Елена Т-ская красавица*, *Трактатъ о вистъ*, *Катенька* могли замѣнить прежнія остроумныя шалости Барона Брамбеуса? Неужели Баронъ Брамбеусъ ужъ все выписалъ и выписался? Сами разсудите, любезный Баронъ -- вы человекъ умный, а умному стоятъ только намѣкнуть -- онъ смѣкнетъ дѣломъ...

Оканчиваемъ -- свидѣтельствуя глубокое наше почтеніе прошлогодней Литературѣ Русской, и разстаемся съ нею не безъ благодарности. Отдѣленіе Словесности было въ ней не хуже многихъ прежнихъ годовъ, за то помсзнаго прошлый годъ родилъ болѣе другихъ своихъ предшественниковъ. Взглядъ на Русскую журналистику не отраденъ: за то мы были степеннѣе и богаче на ученье, а это признакъ добрый...

Есть ли надежды «лучшаго» на наступающій новый годъ? Но, ММ. ГГ., надежды не входятъ обзорнѣе *прош.годней* литературы! Если онъ былъ какія 1 Января 1837 года, мы ихъ пережили -- одно осуществились, другія обманули насъ. Вамъ должно быть извѣстно, что запасъ надеждъ у человека что *море-Окілнъ*: его невывчерпаете до скончанія вѣка. Что было, то видѣли; что будетъ, — увидимъ.

Н. ПОЛЕВОЙ.

==

EL THEATRE ESPANOL, ó colleccion de Dramas escogidas de Lope de Vega, Calderon de la Barca, Moreto, Roxas, Solis. y Moratin; precedida de una breva noticia de la escena Espanola y de los autores que la han ilustrado. ИСПАНСКІЙ ТЕАТРЪ, или СОВРАЩЕНІЕ ДРАМЪ ЛОПЕ ДЕ ВЕГИ, КАЛЬДЕРОНА ДЕ ЛА БАРКИ, МОРЕТО, РОХАСА, СОЛИСА И МОРАТИНА, ПРЕДШЕСТВУЕМОЕ КРАТКИМЪ ИЗВѢЩІЕМЪ ОБЪ ИСПАНСКОЙ СЦЕНѢ, И ОБЪ АВТОРАХЪ, ЕЯ ПРОСЛАВИВШИХЪ. *Лондонъ*, 1817 — 1820 гг., 4 тома, въ 8.

Исторія начала, возвышенія и упадка Испанскаго Театра заслуживаетъ полное вниманіе всякаго любителя драматическаго искусства. Испанскій Театръ есть тотъ богатый источникъ, изъ котораго произпшла первоначальная Европейская сцена, и которому она весьма много одолжена своимъ нынѣшнимъ совершенствомъ. Очевидно, что театральныя представленія не входили въ число увеселеній древнихъ жителей Пиренейскаго Полуострова, Иберіянъ, Финикіянъ и Карфагенянъ, и что начало ихъ на Пиренейскомъ Полуостровѣ было положено во времена Римскихъ Императоровъ. Когда Неронъ прислалъ въ Кадиксъ гонца, повелевая, чтобы тамошніе жители благодарили Геркулеса за успѣхи Императора на Олимпійскихъ играхъ, Гадесцы, совершенно незнакомы съ Греческими зрѣлищами, вообразили себѣ, что Неронъ побѣдилъ враговъ имперіи въ какомъ нибудь кровавомъ бою. Обширныя развалины театровъ въ Меридѣ и Сагунтѣ доказываютъ, что сценическія представленія введены потомъ, на Полуостровѣ, вмѣстѣ съ Римскимъ великолѣпьемъ.

Дебютъ классической музы на Испанской сценѣ произошелъ въ неблагопріятное для нея время, когда языкъ ея унизился до безнравственности и неблагопрістойности, и далеко отсталъ отъ древней

Греческой драмы, бывшей въ руках Софокла и Эврипида образцомъ чистой нравственности и высокаго красноречія. Тогда трагедія была важна и горделива, говорила языкомъ героевъ, и поддерживала дѣло религіи, служившей ей главнымъ основаніемъ. Безнравственность Аристофана и наглая пантомима Анаксандрида унизили благородство сцены, но послѣдній ударъ былъ ей нанесенъ Римлянами. Испорченные завоеваніями, пзвѣженные долговременнымъ миромъ и роскошью, не имѣя утонченности Греческаго вкуса, развращенные распутствомъ — Римляне предпочитали грубую веселость возвышеннымъ наслажденіямъ драмы, которыхъ, говоря въ строгомъ смыслѣ, они никогда не умѣли ощущать. — Римляне были главною причиною униженія и огрубленія всѣхъ удовольствій, заимствованныхъ отъ завоеванныхъ ими Грековъ, сладостолбцевъ и развратниковъ, по гораздо болѣе утонченныхъ. — Упавшая Римская сцена и распутные актеры вскорѣ сдѣлались предметомъ всеобщаго отвращенія, и подверглись строгости законнаго преслѣдованія. Ограниченіямъ, начатымъ Тиверіемъ и довершеннымъ Θεодосіемъ, ревностно помогало потомъ Христіанское духовенство, ибо Христіанское богослуженіе было осмѣivano языческими актерами. Благочестіе Христіанъ хотѣли они поколебать безнравственными представленіями комедій, о которыхъ, по словамъ Сальвиана, нельзя было упоминать безъ отвращенія, когда въ то же время прелюбодѣніе, отцеубійство и другія самыя черныя преступленія были предоставлены трагедіи. О тогдашнемъ состояніи сцены можно имѣть вѣрныя свѣдѣнія изъ проповѣдей Св. Исидора, столько же дышащихъ негодованіемъ, какъ и горькіе упреки Лактанція. Христіанъ умоляли наставники гнушаться театромъ, этимъ изобрѣтеніемъ Аполлона и Меркурія, точно такъ-же какъ убѣждали ихъ не вѣрить предметамъ поклоненія язычниковъ — «quod spectaculum odisse debes, Chris-

tiane, quorum odisti auctores.» — Готскіе цари, возбуждаемые прелатами, еще болѣе усилили строгость постановленій Римскаго Права противъ театровъ. Въ IV-мъ вѣкѣ актеры не допускались въ Христіанскія общества иначе, какъ отказавшись отъ своего предосудительнаго ремесла; въ VIII-мъ вѣкѣ, никто изъ являвшихся когда либо на сценѣ не могъ вступить въ монашество, ни даже быть допущеннымъ до священныхъ церковныхъ сосудовъ. Движимые подобнымъ чувствомъ, Римскіе жрецы приписали некогда пораженіе Варра при Каннахъ тому обстоятельству, что какой-то актеръ осквернилъ своимъ святотатственнымъ присутствіемъ жертвоприношеніе Юноны. Законамъ, которые были изданы Алонзомъ Мудрымъ, Испанскимъ Юстиніаномъ, слѣдовали все бывшіе послѣ него Короли Кастиліи. И долго потомъ Испанскому духовенству не дозволялось посѣщать театра, хотя театральныя пьесы сходствовали съ представляемыми въ монастыряхъ «мистеріями.»

Сіи религіозныя зрѣлища, проложившія путь къ возстановленію настоящей драмы, были начаты Греческимъ духовенствомъ около X-го столѣтія, отчасти для того, чтобы исправить развратную сцену, а отчасти и для того, чтобы это могущественное средство народнаго образованія имѣть въ своихъ рукахъ и обращать зрителей къ благочестію. Исторія, не касавшаяся религіозныхъ предметовъ, была тогда весьма мало вѣдома, или даже вовсе неизвѣстна, и для представленія избирались именно тѣ происшествія, которыя были бы отвергнуты въ вѣкѣ болѣе просвѣщенномъ, по невозможности представить ихъ публикѣ съ надлежащею торжественностію. Но такія понятія были не въ духъ тогдашняго періода. Олицетвореніе происшествій, заимствованныхъ изъ Св. Писанія, казалось совершенно согласно съ тогдашнимъ католицизмомъ, прибѣгавшимъ болѣе къ внѣшнимъ чувствамъ, нежели къ внутреннимъ понятіямъ,

къ религіи, исполненной символовъ, аллегорій, требовавшей пышности, наружнаго блеска и музыки. Все это оказывалось приличнымъ безопасному характеру и пылкому воображенію юныхъ народовъ Европы. Начало и успѣхи духовныхъ драмъ превосходно описаны въ «Исторіи Англійскаго Театра», Г. Коллиера. Мистеріи были распространяемы пилигримами.

Религіозныя зрѣлища, доставлявшія утѣшеніе пажонымъ и предлогъ для увеселеній всѣмъ, были началомъ повѣйшей драмы, такъ какъ мирные рассказы жителей Греческихъ деревень были основаніемъ старинной классической комедіи. Рѣзкая черта раздѣленія была проведена между дѣйствующими въ мистеріяхъ лицами и обыкновенными актерами; нѣчто въ родъ особенныхъ духовныхъ актеровъ существовало и у Римлянъ, также отличавшихъ людей, являвшихся въ *Fabellæ Atellanæ* отъ актеровъ, представлявшихъ на обыкновенной сценѣ.

Духовные храмы вскорѣ превратились въ театры; Священное Писаніе было переложено въ фарсы, — и открылось еще новое величайшее зло — смѣшеніе происшествій, взятыхъ изъ Св. Писанія, съ событіями изъ легендъ Католическихъ; оно заставило безграмотный народъ, немѣвший кромѣ сихъ представлений ни какого другаго способа образованія, придавать одинаковую важность чудесамъ Слова Божія и нелѣпымъ легендамъ; зрители смѣшивали то и другое, и не могли различить истины отъ лжи. Хитрости, допускаемая подлѣ священнымъ знаменемъ вѣры, положили основаніе необыкновенной смѣси величественнаго и смѣшнаго, высокихъ истинъ и грубыхъ вымысловъ, которыми наполнились обряды Католиковъ въ южныхъ Европейскихъ государствахъ, и особенно въ Испаніи. Реформація уничтожила мистеріи въ Англии; — послѣдняя, разыгранная у насъ мистерія, представляла *Страсти Господни*, и была дана въ Эли-Гоувъ, въ Гольбор-

нъ, въ Страстную Пятницу, передъ Гондомаромъ, Испанскимъ посломъ при Дворѣ Іакова I-го. Итальянцы, менѣе Испанцевъ удаленные отъ остальной Европы, и способные смѣяться даже надъ обрядами католицизма, вскорѣ замѣтили неприличную сторону своихъ религіозныхъ представлений, и постепенно прекращали ихъ. Нынѣ сдѣлались они въ Италіи рѣдкостью для любопытнаго путешественника. Спенсъ рассказываетъ въ своихъ «Анекдотахъ» объ одномъ, видномъ имъ въ Туринѣ зрѣлищѣ, «гдѣ душа проклятой женщины, одѣтая въ шелковое платье пламеннаго цвѣта», просила, какъ милости, чтобы ее передали огнямъ чистилища, не болѣе, какъ на столько лѣтъ, сколько капель воды въ океанѣ. Около 1540 года, монахи ордена Санъ-Фелипе-Нери дель-Ораторіо, въ Римѣ, изобрѣли музыкальную мистерію, болѣе сходную съ Италійскимъ вкусомъ, и музыкальныя мистеріи долго держались въ протестантской Англии; и хотя не показывали уже на сценѣ явленія Мессіи и Сотворенія міра, но все однако жъ разыгрывали мистеріи на скрипкахъ и распѣвали ихъ. Первобытныя мистеріи и теперь еще даются ежегодно въ Испаніи, хранилищъ всѣхъ обетнальныхъ предразсудковъ, — особенно въ Севильѣ, на Пасхѣ и въ Рождество, при степеніи безчисленной толпы зрителей. — Старые и молодые Испанцы смотрятъ съ восхищеніемъ на *Сотвореніе міра*, ожидаютъ съ непоколебимымъ терпѣніемъ окончанія длинныхъ, отвлеченныхъ казуическихъ споровъ между сатаной и архангелами, и громко хохочутъ надъ Андалузскими костюмами и провинціализмомъ первобытныхъ своихъ пастырей. Дѣйствующія лица мистеріи суть куклы, двигаемыя посредствомъ проволоки; люди говорятъ за нихъ за кулисами; зрители смотрятъ и слушаютъ, ни сколько не думая, что они оскорбляютъ этимъ величій религіи, — ихъ невѣжество такъ глубоко, что никакъ не могутъ они

понять несообразностей и сумасбродства, показываемых имъ сценъ.

Иностранцы смѣются надъ жалкимъ изувѣриемъ Испанцевъ, а между тѣмъ еще за сто съ немногимъ лѣтъ, Г. Повелль объявлялъ у насъ о «Сусаннѣ with a new pair of Elders (Spectator, 16 Марта, 1711 г.), драмъ, безъ всякаго сомнѣнія, все еще менѣе отвратительной, нежели то зрѣлище, гдѣ полуодѣтая, обтянутая узкимъ платьемъ тѣлеснаго цвѣта, Madame Begrand, восхищала образованныхъ Парижанъ, тому не болѣе 20 лѣтъ. Тѣмъ, кто видалъ Англійскія старинныя мистеріи въ Честеръ и Ковентри, Испанскія представленія этого рода могутъ быть интересны, напоминая имена нашихъ Вартона, Гакинса, Доуса, Маркланда и Коллера.

Первоклассныя Испанскія драматикки занимались составленіемъ различныхъ мистерій, подраздѣлявшихся на *autos*, *loas* и *entremeses*, то же, что Италійскія *representazione*, *laudas* и *intermedie*. — «Auto sacramental» было названіе, данное въ XV-мъ вѣкѣ разговору, представленному хористами Толедской соборной церкви

«Comedia a gloria y honor del Pan,»

не въ честь однако жъ языческаго Пана, — «Комедія», въ средніе вѣки имѣла первоначально гораздо высшее и обширнѣйшее значеніе, нежели наша нынѣшняя ограниченная комедія. Примѣромъ можетъ послужить Дантова *Divina comedia*. *Loas* были родъ прелюдій, или прологовъ. Словомъ: *Entremeses* означали междудѣйствія. Эти драматическія интермедіи легкаго характера, были усовершенствованы особенно Сервантесомъ, чтобы развѣселять ими однообразіе мистерій, которое зрители уже начинали чувствовать, сравнивая ихъ съ обыкновенными театральными представленіями, доставлявшими гораздо болѣе развлеченія. Для Пасхи избирались происшествія, касавшіяся Страстей Спасителя, а для Рождества отно-

сившіяся до рожденія Божественнаго Младенца. Последнія, подъ именемъ *Nacimientos*, то же, что Италійскія *presepi*, даются и нынѣ въ Испаніи, въ капеллахъ монастырей, для средняго и низшаго сословія публики, на которыхъ древніе обычаи оставляютъ болѣе неизгладимое впечатлѣніе, нежели въ образованномъ классѣ. Мѣстность дѣйствія изображается съ точностью: гроты, скалы, деревья и ясли, ангелы, пастухи и ихъ стада, дѣлаются изъ пережженной глины и бывають выкрашены; вся сцена освѣщена; комедія отправляется на ней ночью, и посвящается набожными и любопытными людьми. — Въ семействахъ *nacimientos* сдѣлались нынѣ у Испанцевъ забавою молодыхъ людей.

Возвратимся къ первобытнымъ Испанскимъ мистеріямъ. Алонзо Мудрый различалъ ихъ отъ «*juglarescas desaposturas*», Фессенскихъ стиховъ Провансальскихъ трубадуровъ, которые въ XII и XIII столѣтіяхъ ввели свою «веселую науку (*gaie science*)» въ Каталонію и Арагонію; она вообще процвѣтала болѣе въ областяхъ Испаніи, находящихся близъ Пиренейскихъ Горъ. — Знаменитый покровитель словесности Энрике де Виллена, котораго книги были сожжены однимъ фанатикомъ монахомъ, считавшимъ просвѣщеннаго гранда за чернокнижника, убѣдилъ своего двоюроднаго брата, Короля, присутствовать въ Сарагоссѣ при представленіи первой Испанской аллегорической комедіи. — Съ того времени, при могущественномъ вліяніи высокаго покровительства, юная драма Испанская начала развиваться, и наконецъ пробралась въ Кастильскія равнины. Въ 1474 году драма, сочиненная Жуаномъ де ла Энчина, была разыграна въ присутствіи Изабеллы и супруга ея, Фердинанда Арагонскаго. — Завоеваніе Гренады, избавившее Испанію, въ 1492 году, отъ внутреннихъ враговъ, было благоприятно возвышенію Испанской драмы. Въ Италіи, драматическое искусство

воскресло послѣ завоеванія Греціи Турками. Въ древней Испаніи началось оно по окончаніи междоусобныхъ войнъ Рима, а въ повѣйшей Испаніи послѣ изгнанія Мавровъ.

Не успѣла еще драма начать своего существованія, какъ ученые, болѣе знакомые со вкусомъ и обычаями древнихъ народовъ, нежели своихъ соотечественниковъ, и жившіе въ вѣкъ, когда высшее образованіе состояло главнѣйше въ томъ, чтобы знать, какъ думать и писали Греки и Римляне, вмѣсто изученія, какъ надобно хорошо думать и писать на своемъ природномъ языкѣ—эти ученые сдѣлали первую попытку вызвать изъ вѣковаго праха схоластическую древность Грековъ, и дать Испанской драмѣ единство дѣйствія и классическую форму. Самъ Сервантесъ, котораго мнѣніе выражаетъ его «Толедскій каноникъ» въ «Донъ-Кихотъ», сожалѣлъ, что не были назначаемы цензоры, для придачи правильности неправильно возрастающей народной драмѣ. Но соотечественники Сервантеса, не терпя чужаго посредничества и стѣснительныхъ правилъ духовенства, сами рѣшили, чѣмъ имъ надобно руководствоваться въ своихъ драмахъ. Въ слѣдствіе того, драма презираемая «учеными» и нелюбимая духовенствомъ, пробивала себе дорогу сама, и шла, какъ будто какой-нибудь *ragvanti*, добивающійся высшихъ степеней своимъ личнымъ достоинствомъ, безъ всякой протекціи. Если въ Испаніи была она потому менѣе прочихъ Европейскихъ драмъ классическою, за то она являлась оригинальнѣе, народнѣе и независимѣе ихъ всѣхъ.

Но, хотя Испанское духовенство сильно вооружалось противъ театра, первые Мадридскіе театры были собственностью духовныхъ собратій, и первые драматическіе писатели въ Испаніи были люди *духовнаго* званія. Многіе изъ нихъ, какъ, напримеръ, Херонимо Габріель Теллесъ, писали подѣ вымышлен-

ными именами. Первые правильныя пьесы были написаны Эстремадурскимъ священникомъ *Бартоломео Торресъ Иогарро*; онъ былъ сочиненъ въ Италіи, и разыгранъ въ первый разъ въ Неаполь, находящемся тогда подѣ владычествомъ Испанцевъ. Торресу послѣдовалъ *Лопе де Руэда*, сначала золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Севильѣ, а потомъ актеръ и авторъ высокаго дарованія. Сервантесъ, въ любопытномъ предисловіи къ своимъ комедіямъ, говорить о «великомъ Донъ Кихота описываетъ между прочимъ нищенство театральныхъ костюмовъ: платья и бороды цѣлой труппы помѣщались въ одномъ мѣшкѣ.

Улучшеніе костюмовъ, оркестра и декораций было приведено въ дѣйствіе другимъ актеромъ и авторомъ, *Нагарро Толедскимъ*, котораго не должно смѣшивать съ Нагарро Торресомъ; театральныя мѣшочки Руэды замѣнились тогда нѣсколькими чемоданами. Нагарро былъ превосходенъ въ комическихъ роляхъ, которыя онъ самъ для себя изобрѣталъ. Послѣ сихъ авторовъ явился *Сервантесъ*, и странно, что этотъ великій романистъ, столь драматическій, повидимому, упалъ въ драмѣ, потому именно, что вкусъ его въ семь родѣ сочиненій слишкомъ приближался къ классицизму, и не могъ имѣть успѣха въ Испаніи. Иберійскій Эсхиль помраченъ былъ восходящимъ солнцемъ дарованія *Лопе де Веги*; онъ уступилъ ему, какъ Вальтеръ Скоттъ Байрону, и забылъ о драмѣ, чтобы обезсмертить себя романами. — Лопе де Вега имѣлъ послѣдователями возвышеннаго и поэтическаго *Кальдерона де ла Барку* и пѣжнаго *Гильмена де Кастро*. Эти три писателя были почти современны, такъ, какъ Эсхиль, Софокль и Эврипидъ у Грековъ, и Шекспиръ, Бенъ Джонсонъ и Фордъ у Англичанъ. Они поставили свою отечественную сцену на высшую степень совершенства, съ которой она скоро склонилась, слѣдуя общей участи человѣческаго ве-

личія. Изъ драматическихъ авторовъ, писавшихъ послѣ упомянутаго нами великаго триумвирата, заслуживаютъ вниманіе весьма немногіе, исключая *Моратина*, остроумнаго Андалуца, прозваннаго Испанскимъ Мольеромъ. Въ наше время отличился *Мартинесъ де ла Роза*, который, для своего счастья и славы, гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы не покидалъ цвѣтущей дороги комедій, и не рѣшился предводительствовать на горестной сценѣ существенной жизни, въ кровавыхъ трагедіяхъ послѣднихъ Испанскихъ междоусобій..

Лучшая и вѣрнѣйшая картина Испаніи и ея нравовъ и обычаевъ въ царствованіе трехъ Филипповъ, заключается въ сочиненіяхъ вышеупомянутыхъ нами трехъ драматурговъ. Они не были-бы въ состояніи поставить себя въ положеніе, безопасное отъ недоброжелательства Испанскаго духовенства, если бы не были поддерживаемы, посредственнымъ и непосредственнымъ, покровительствомъ Королей. Испанскіе монархи не терпѣли вмѣшательства духовныхъ въ свои удовольствія. Даже суевѣрный Филиппъ II, когда духовенство обратилось къ нему съ просьбою объ уничтоженіи сцены, передалъ вопросъ на разрѣшеніе Саламанскаго и Пласенскаго университетовъ, которые, получивъ вѣролтно тайныя предписанія Короля, опровергнули доказательства негодующихъ священнослужителей. Гордый Филиппъ III, подозрительный и недоверчивый къ своимъ царедворцамъ, не имѣя друга, передъ которымъ бы могъ облегчить свою страждущую душу, находилъ удовольствіе въ грубыхъ шуткахъ и наглой лести своего *polichinello* Ганазы. Какковы бы ни были недостатки и пороки Филиппа III-го, онъ всегда оставался постояннымъ покровителемъ изящныхъ искусствъ. Внукъ его, Филиппъ IV-й, человекъ преданный чувственнымъ удовольствіямъ, ни во что не ставилъ предвѣщанія своего духовника, про-

рицавшаго паденіе государства отъ возвышенія театра. Испытывая постыдныя пораженія вѣнскихъ враговъ, когда голодъ и бѣдствія терзали королевство внутри, Филиппъ искалъ отрады въ закусныхъ приключеніяхъ.—Онъ выстроилъ театръ во дворцѣ, и, по увѣренію современниковъ, самъ написалъ драму подъ названіемъ «*El Conde de Sex.*» Это сочиненіе испытало участь Цесарева Эдипа, о которомъ Августъ шутилъ говорилъ, что губка пошадилъ въ немъ только неистоваго Аякса. Золотой вѣкъ Испанской драмы былъ свинцовою и самой тяжелой эпохою Испанской исторіи. Сынъ Филиппа IV-го, безумный Карлъ II, передалъ чужестранцамъ развалины своего злополучнаго королевства.

Вступленіе Бурбоновъ на Испанскій престолъ, хотя и благопріятное для драматическаго искусства вообще, было гибельно Испанской національной драмѣ. Потокъ Французскихъ модъ, повѣрьевъ и нововведеній хлынулъ черезъ Пиренейскія Горы къ испуганнымъ и удивленнымъ жителямъ полуострова.— «*P arrive de France*», писалъ тогда Жонвилль къ Горси, «*une infinité de femmes perdues, de gens de sac et de corde sans aveu, banqueroutiers, fripons, têtes sans cervelle.*» Между послѣдними явилась цѣлая ватага критиковъ, которые, не умѣя писать сами, начерчивали правила для другихъ, какъ дѣлалъ это Лагарпъ, хотѣвшій настронть лиру Испанской Талии, за которую, по его мнѣнію, Испанцы до тѣхъ поръ не умѣли взяться. Лопе де Вега объявленъ измѣнникомъ тремя неизмѣннымъ единствамъ; Кальдеронъ де ла Барка провозглашенъ варваромъ и невѣждою въ драматическомъ искусствѣ. Какой-то Французскій шеголь, находившійся при посольствѣ маршала Грамонта, въ 1659 году, за нѣсколько лѣтъ до вступленія на Испанскій престолъ Французской династіи, рассказываетъ о своемъ свиданіи съ Кальдерономъ: — «*A sa conversation, je vis qu'il ne savait pas grande*

chose, quoiqu'il était déjà tout blanc; nous disputâmes un peu sur les règles de la dramatique, qu'ils ne connaissent point dans ce pays là, et dont ils se moquent.» (Изъ разговора съ нимъ я увидѣлъ, что онъ мало знаетъ, даромъ что съдѣ. Мы поспорили съ нимъ немного о правилахъ драмы, которыхъ здѣсь вовсе не понимаютъ, и надъ которыми даже смѣются).

Когда истинная драма пришла въ упадокъ, «скаса le dégoût du beau amène le goût du singulier» (ибо отвращеніе отъ изящнаго приводитъ къ странному), еще новость явилась при Филиппѣ V-мъ, въ его преклонныхъ лѣтахъ: пѣвецъ Фаринелли доставлялъ ему музыкальную отраду. — Этотъ новый Орфей, также былъ любимъ сыномъ Филиппа, Фердинандомъ VI-мъ и его супругою, Королевою Барбарою. Душа Королевы была наполнена только двумя главными страстями—любовью къ Итальянской церкви и пристрастіемъ къ Итальянской оперѣ; она управляла своимъ слабымъ супругомъ, а Фаринелли управляла ею. Онъ былъ музыкальнымъ идеаломъ этой *fanatica per la musica*, ея *primo dono*, и первымъ министромъ ея супруга, занимаясь важнымъ дѣломъ управленія оркестра и мимоходомъ трудами въ государственныхъ совѣтахъ Кастиліи. — Духовенство примирилось съ *звучнымъ* увеселеніемъ Короля; съ этимъ *vox et praeterea nihil*. Театръ Испанскій походилъ тогда на изуродованное изданіе Лопе де Вега, и на изданія Шекспира, какія выдавали просвѣщенные операторы его, Боудлеръ и Плумптри. — Народъ Испанскій слушалъ хладнокровно искусственные произведенія своихъ Французскихъ управителей. Щебетанье ихъ не могло тронуть Испанскаго уха, и предметъ пѣнія, какъ равно и мелодія мотивовъ, не могли быть постигаемы черноусымъ Испанцемъ, думавшимъ подобно Лабрюйеру: — «Je ne sais pas comment l'opéra, avec une musique si parfaite, et une dépense toute royale, a pu réussir à m'ennuyer.»

(Не знаю отчего, опера, съ ея, столь совершенною музыкаю, и при расходахъ на нее, истинно королевскихъ, успѣла мнѣ наскучить.) Опера была изгнана изъ Испаніи наследникомъ Фердинанда, Карломъ III. Пріѣхавши изъ Неаполя, и зная, чего стоятъ Итальянскіе пѣвцы, онъ не обращалъ вниманія на убѣжденія своей супруги, и отказалъ въ ея просьбѣ вжельнымъ замѣчаніемъ: «los carones son buenos sobre la mesa.» Его страстью была охота, «это безвредное и безопасное подобіе войны.» Всѣ театры, исключая Кадикскаго, Барселонскаго и Мадридскаго были закрыты. Послѣ его смерти, расточительная супруга сына его, Карла IV-го, вышла изъ-подъ строгой опеки, наложенной на нее суровымъ тестемъ; совершеннымъ униженіемъ власти мужа, она продолжила путь вторженію Французовъ и новѣйшей Испанской политической мелодрамѣ, исполненной безумія и жестокости, мелодрамѣ, которая, разстроивая все, стремится между тѣмъ рывить споръ между давно враждующими сценою и каедрою. Много пройдетъ времени прежде, нежели театръ сдѣлается въ Испаніи опять народнымъ увеселеніемъ, и этому не быть, пока актеры не будутъ приняты въ общество, которое ихъ чуждаетъ.

Сопротивленіе Испанскаго духовенства, хотя, повидному, и получало довольно сильныя удары, но все таки всегда, съ постояннымъ стремленіемъ, старалось вредить театру. Покровительство Филиппа IV-го не простиралось за предѣлы его двора и стѣны его столицы. Провинціальное духовенство никогда не упускало случая воспользоваться каждымъ ураганомъ, каждаю эпидеміей, для того, чтобы возобновлять гоненія противъ театра, этого *привилегированнаго жилища нечистой силы*. Такъ, въ 1677 году, Донъ Тирсо Гонзалесъ, во время приближенія чумы, убѣдилъ Государя не ходить въ театръ въ Севильѣ, можетъ-быть, для того чтобы не подражать Римскимъ жрецамъ, введ-

шимъ *Ludi Scenici* съ совершенно противоположною цѣлью, для того, чтобы разсѣять уныніе. Хроника Севильи изобилуетъ примѣрами подобныхъ убѣжденій фанатическаго суевѣрія. По тѣмъ же причинамъ театры были закрыты въ 1800, и въ другой разъ въ 1809 годахъ. Передъ вторженіемъ Французовъ, духовники взяли съ благочестивыхъ жителей обѣтъ, что они не будутъ даже проходить по тѣмъ улицамъ, гдѣ выстроены театры. Нищенствующие монахи стали стражами у опаснаго вертепа разврата. Вскорѣ послѣ переворотовъ, въ 1823 году, театръ въ Кордовѣ былъ закрытъ, потому, что монахини противолежащаго монастыря утѣряли, будто видѣли ночью, какъ чортъ, вѣроятно какой-нибудь леконогий Асмодей, плясалъ *fandango* на крышѣ театра. Андалузцы какъ будто получили наследственное понятіе о сближеніи и короткомъ знакомствѣ актера съ дьяволомъ. Въ царствованіе Перона, когда Римскій актеръ прибылъ въ Севилью, простодушные жители были такъ испуганы его маскою, что разбѣжались, словно какой-нибудь демонъ поразилъ ихъ страхомъ. Старишныя законы и теперь еще гонять Испанскаго актера: ему не позволяютъ носить вышитаго платья и называться «дономъ», прозвищемъ, которое такъ драгоцѣнно въ глазахъ всякаго Испанца. Такія общественныя неудобства, въ странѣ, гдѣ потеря уваженія столь ошутительна, предупреждаютъ всѣхъ, имѣющихъ какой-либо другой способъ пропитанія, не приниматься за ремесло низкое и безчестное по общему мнѣнію; потому Испанія дониндѣ не произвела ни одного великаго актера, который могъ-бы стать на ряду съ Гаррикомъ или Тальмою, и силою могущественнаго генія пробиться сквозь непреодолимую преграду народныхъ предрасудковъ. — Испанскіе актеры и актрисы чувствовали эти невыгоды, и часто удалялись съ театральной сцены въ монастыри, жертвами «*el desengano*,» — этого

разочарованія къ жизни, которое столь свойственно Испанскому характеру. Такіе случаи еще болѣе увеличивали жалкое положеніе актеровъ; рукописканія останавливала совѣсть, настроенная закоренѣлыми суевѣрными понятіями, заставляя ихъ самихъ гнущать своею несчастнаго ремесла.

«En las sopas y amores
Los primeros son mejores.»

Актрисы грѣшили, каялись, и снова грѣшили, такъ часто, что на сценѣ вошло въ пословицу «*que las mugeres eran diablos de poco arrepentimiento*.» Впрочемъ, удаленіе со сцены двухъ знаменитѣйшихъ актрисъ Испанскихъ достойно примѣчанія. «*La Calderona*, любовница Филиппа IV-го, мать Донъ Жуана Австрійскаго, умерла игуменьей монастыря —

— «Un Fraile y una Corona,
Un Duque y un Cartalista,
Anduvieron en la lista
De la bella Calderona;»

другая актриса, *Бальтазара*, блиставшая своими прелестями, скончалась отшельницею близъ Картагены, изумляя святостью житія. Похвальному приѣзду этихъ двухъ знаменитыхъ прелестницъ послѣдовалъ *Себастьянъ дель - Прадо*, актеръ, столь прославившійся, что его посылали для показу къ Людовику XIV-му въ Парижъ. Онъ умеръ монахомъ. Во второмъ томѣ сочиненій Пеллицера находится подробное описаніе множества подобныхъ случаевъ, а здѣсь любопытнѣе будетъ упомянуть напротивъ, что *Косме де Овидо* былъ въ Испаніи изобрѣтателемъ театральныхъ билетовъ; что *Франциско Лопесъ* умеръ, въ 1677 году, подобно Мольеру и Пальмеру, на сценѣ; что «*el viage entretenido*», одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ образцовъ Испанской фарсы, былъ написанъ Августиномъ Рохасъ, котораго жизнь, на сценѣ и внѣ ея, была живымъ олицетвореніемъ *vida picaresca*.

Характеръ Испанской сцены, которой выше сего

упомянутые нами писатели были лучшимъ украше-
ніемъ, явится удобопонятнѣе послѣ краткаго разбо-
ра сочиненій Лопе де Вега, извѣстныхъ у насъ бо-
лье по наслышкѣ, нежели по чтенію. Песни его
можно назвать *архи-Испанскими*, потому, что хо-
тя иностранцы и часто выкрадывали изъ нихъ, но
весьма мало до сихъ поръ переведено ихъ на другіе
Европейскіе языки. Лопе де Вега, «звѣзда и фениксъ
Испаніи, чудо природы», и проч. и проч., родил-
ся въ Мадридѣ, 25 Октября 1562 года. Отецъ его
былъ поэтъ, и имя *Веги* принадлежитъ къ числу
блистательныхъ въ летописяхъ войны и поэзіи. Ло-
пе, одержимый слабостью, отъ которой не избавля-
ются и величайшіе люди, гордился *девятнадцатью*
башнями своего фамильнаго герба; онъ приказалъ
выгравировать ихъ подъ своимъ портретомъ, что до-
ставило ѣдкому Гонгоръ предметъ для колкаго сар-
казма. — Словомъ: *Vega* Испанцы называютъ свои
душистыя, восхитительныя долины Валенціи и Гре-
нады. — Лопе намѣкаетъ на это въ отвѣтъ своимъ
критикамъ —

Audax dum Vegae rumpit scarabaeus in hortos,
Fragrantis perit victus odore rosae.»

Наслѣдственное дарованіе обнаружилось въ Лопе
съ пятилѣтняго возраста; онъ диктовалъ стихи, пре-
жде нежели научился писать; эти произведенія юной
музы были не безъ достоинства; школьные товари-
щи платили за нихъ игрушками и гостинцами. Въ
послѣдствіи, ни собственное перо, ни перо перепис-
чиковъ не успѣвали за быстротою мыслей поэта. Въ
юности, онъ удостоился вниманія и покровительства
Герцога Альбы, который въ своихъ цвѣтущихъ са-
дахъ и въ литературныхъ занятіяхъ находилъ от-
дохновеніе отъ заботъ политики и могущества; этотъ
государственный человѣкъ, вступивъ со слезами на
трудное поприще, съ котораго долгъ вѣрноподдан-
наго и христіанина долгое время не позволялъ ему

сойти, оставилъ его потомъ съ радостію. — Говорятъ,
что Лопе такъ сильно былъ огорченъ смертію своей
первой супруги, что съ горя вступилъ въ число во-
иновъ непобѣдимой армады, столь безславно возвра-
тившейся въ Испанію; въ семь случаевъ онъ болѣе
подражалъ бѣгству Горация съ поля сраженія при
Филиппикахъ, нежели своему соименнику, Гарсилазо
де ла Вега—одному изъ немногихъ поэтовъ, лишив-
шихся жизни въ битвахъ. Ежели и не потеря пер-
вой супруги заставила поэта, бросивъ луру, при-
няться за мечъ, то смерть второй жены была глав-
ною причиною его удаленія въ монастырь. Въ про-
долженіе своей жизни, Лопе былъ ласкаемъ Коро-
лемъ, принцами и прелатами, и осыпанъ богатствомъ
и почестями. Имѣя отъ природы характеръ тщеслав-
ный, безпечный, и расточительный въ высшей степе-
ни, онъ былъ бѣденъ, когда его заваливали золотомъ,
и недоволенъ, когда былъ идоломъ публики, и ко-
гда имя его славилось въ народѣ синонимомъ совер-
шенства. Адвокатъ суеврія, даже изувѣрства, по
очереди всемъ этимъ, Лопе сдѣлался наконецъ рев-
ностнымъ Францисканцемъ и помощникомъ инкви-
зиціи, и былъ возведенъ на степень доктора теоло-
гій Папою Урбаномъ III. Потомъ онъ впалъ въ шо-
хондрическую меланхолію, «una continua passio me-
lancolica.» которой такъ часто подвержены поэтиче-
скіе характеры. Бичеваніе ускорило его кончину;
ствны кельи были забрызганы его кровью. —
Онъ умеръ 26 Мая 1635 года, на 63 году жизни,
и былъ похороненъ его покровителемъ, Герцогомъ
де Сесса, въ церкви Санъ-Себастіана, съ такимъ ве-
ликолѣпиемъ, что одна старуха, встрѣтивъ пышную
погребальную процессію, и не зная, кого хоронятъ,
воскликнула отъ удивленія, въ любимой фразѣ того
времени: «*Да, такъ хоронятъ только какого нибудь*
Lope!» — Духовенство, противъ котораго до всту-
Т. I. — Отд. IV. 7

пленія въ монастырь онъ столько вооружался, объявило въ надгробномъ панегирикѣ, что сочиненія его столько же превосходятъ сочиненія Горація и Виргілія, сколько католицизмъ превосходитъ язычество.

Лопе былъ истинный Испанецъ, въ мысляхъ, словахъ, дѣлахъ, народныхъ и религіозныхъ предразсудкахъ. Онъ совершенно сочувствовалъ съ тѣми, чьихъ милостей ему приходилось добиваться, тронуть чувствительную струну Испанскаго характера, и такимъ образомъ достигъ огромнаго вліянія на своихъ соотечественниковъ. Безпримѣрная легкость, съ какою онъ сочинялъ, была почитаема за чудо его обожателями, и вошла въ пословицу, Лопе былъ по истинѣ, какъ замѣчаетъ Сервантесъ, чудовище въ литературномъ мірѣ. Говорятъ, что онъ написалъ болѣе 2,000 театральныхъ пьесъ, изъ которыхъ 500 были напечатаны; мелкія его стихотворенія наполняютъ *двадцать два тома!* Гарсія высчитала, что число его стиховъ простиралось до—21,300,000, и было написано на 133,225 листахъ бумаги. Но, кажется, это уже образчикъ Кастильскаго преувеличенія, потому, что по такому огромному количеству, Лопе долженъ былъ, въ продолженіе 50 лѣтъ, писать по 500 стиховъ въ день, и сочинять по одной комедіи въ недѣлю, когда притомъ это, если вѣрить его льстецамъ, такъ же хорошо, какъ и многочисленно!—Конечно, ежели количество, а не качество стиховъ доставляютъ ввнѣдъ поэтическому дарованію, Лопе былъ величайшій изъ бардовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; но подобно Лукъ Джордану Эскуриальскому, онъ портилъ свое искусство этой *fa presto* и *stans pede in uno* торопливости, хотя Фрай Хайме де Ребуллозо, позволяя печатать «*Atmosfera de Angelica*,» искренно молилъ Бога внушить Лопе мысль—написать «*auto*» въ честь Одиннадцати Тысячъ Дѣвъ, мученицъ Кельскихъ. Легкости Лопе много способствовалъ употребляемый имъ восьми-

стопный метръ, съ которымъ можно быть расточительнымъ на стихи, какъ многіе гении новѣйшихъ временъ, а также и необыкновенная смѣсь всѣхъ предметовъ и матерій, приправляемая совершеннымъ пренебреженіемъ правилъ, системъ, историческихъ фактовъ, хронологіи и литературной критики, въ изобрѣтеніи плановъ. Во всѣхъ родахъ сочиненій, исключая драмы, Лопе былъ только слабый подражатель другихъ — былъ рѣмачъ, а не истинный поэтъ. Его эпосы, идилліи и романы признаны критикою сумасбродными, скучными и неестественными; вкусъ его дурнымъ, слогъ надутымъ и загроможденнымъ гиперболическими фигурами и несообразными шутками. Въ драматическихъ фарсахъ, гдѣ слогъ весьма нетруденъ, это еще сносно, потому, что если слогомъ важныхъ предметовъ описывать низкіе, то онъ будетъ забавенъ и смѣшонъ, по самому контрасту рѣчи съ дѣломъ. Многіе ловкіе куплеты его «*Gatomachia*», сочиненія Гудибрасо-Донъ-Кихотскаго рода, обратились у Испанцевъ въ пословицы и народные поговорки, но даже и это національное твореніе наскучило имъ, можетъ быть и потому, что Испанцы рѣдко знаютъ цѣну хорошаго. Истиннѣ, театральная сцена (о которой теперь и деть дѣло) была настоящимъ и единственнымъ поприщемъ торжества Лопе: въ другихъ отрасляхъ искусства онъ довольствовался подражаніемъ, а здѣсь шелъ къ славѣ самобытно и безъ соперниковъ. Великодушный Сервантесъ называлъ его драматическія пьесы «богатымъ, неистощимымъ магазиномъ, изъ котораго цѣлый свѣтъ можетъ почерпнуть все, что только придется по вкусу каждому.» и конечно, драгоценности были оттуда извлекаемы иностранцами, которые всегда обращались съ почтительнымъ вниманіемъ къ нравамъ, обычаямъ и языку народа, имѣвшаго нѣкогда огромное вліяніе на

политику всѣхъ государствъ Европы. * Драйденъ, по словамъ Спенса, увѣрялъ Лорда Болнброка, что онъ взялъ изъ сочиненій Лопе болѣе, нежели изъ всѣхъ Французскихъ и Италіянскихъ авторовъ. Лопе показалъ иностранцамъ дорогу къ совершенству; передъ своими соотечественниками былъ онъ блуждающимъ огонькомъ, совращавшимъ ихъ со стези истины и природы—«Magistrum rescipientes, Naturam ducem sequi desierunt.»—Онъ говорилъ, что правила писать комедію заключаются единственно въ томъ, чтобы описывать то, что является ежедневно передъ глазами, и что сцена должна показывать нравы и обычаи настоящаго времени, должна правиться низшему классу народа, которымъ театръ держится. Последнее онъ дѣлалъ по необходимости, ибо, подобно Горацию и Аріосту, онъ ни сколько не цѣнилъ рукописканій невѣжественныхъ глупцовъ — этихъ «profanum vulgus.» il volgo sciocco. Лопе подписалъ подъ своимъ портретомъ превосходное изрѣченіе Сенеки: «*Laudas et injurie vulgi in promiscuo sunt; habendae nec de his dolendum, nec de illis gaudendum.*» Въ своей «arte de hacer Comedias», онъ объяснялъ и защищалъ руководствованія имъ правила. Хотя каждая опубликованная имъ страница противорѣчила правиламъ «ученыхъ», но таково было уваженіе, отдаваемое имъ схоластической мудрости, что онъ старался примириться съ мнѣніями людей этой исключительной касты, извинялся передъ ними, что попираетъ ногами то, что уважалъ въ глубинѣ души, и чѣмъ истинно восхищался. Онъ признается чистосердечно, что садясь писать комедію, онъ прячетъ своихъ клас-

* Корнель взялъ своего «Сидя», признаннаго Вольтеромъ лучшимъ трагедіею, изъ всѣхъ написанныхъ во Франціи, изъ «Mucedades» Гильена де Кастро, и если вѣрить хвастливымъ Французамъ, онъ этимъ обезсмертилъ имя Испанскаго Перси! — Корнель доказалъ этою пьесой, вошедшую въ пословицу *историческую вѣрность* своихъ соотечичей, помнящая дѣйствіе въ Севильѣ, бывшей тогда, и долго послѣ того времени, подъ владычествомъ Мавровъ.

сиковъ за шесть замковъ, для того, чтобы они не возстали и не обвинили его въ святотатствѣ; онъ отказывается съ безнадежностью отъ трехъ единствъ, основываясь на томъ, что пылкая нетерпимость Испанца ждетъ въ театрѣ, чтобы ей представили въ продолженіе двухъ часовъ всѣ происшествія, начинающая отъ первой минуты Сотворенія міра до днѣ Страшнаго Суда.

«Une ample comédie à cent actes divers,
Et dont la scène est l'univers.»

Лопе сознается, что изъ его четырехъ сотъ осмидесяти трехъ лучшихъ пьесъ, только *шесть* коекакъ правильны, а какія именно *шесть* — этого критики до сихъ поръ не могутъ опредѣлить. Онъ беретъ девизомъ замѣчанія Цицерона: «*Comœdia est imitatio vitæ, speculum consuetudinis et imago veritatis;*» разобравъ въ подробности это выраженіе, намъ будетъ понятна тайна блистательныхъ успѣховъ Лопе въ продолженіе жизни и наступившей потомъ невнимательности Испанской публики къ его сочиненіямъ. — Свои картины людей и жизни вставлялъ онъ въ тѣсныя рамы; списывалъ эпоху, моду, нравительство самой коварной, лживой, жестокой и вѣроломной политики; наувѣрскую религіозную нетерпимость, дворъ самый себялюбивый, расточительный и тщеславный, не имѣвший ни какого отличительнаго характера, кромѣ своей порочности, и потому совершенно достойный забвенія. Онъ обрисовывалъ частный характеръ людей, показывалъ не человека, но испорченную передѣлку его, что-то искусственное, ограниченное и условное. Лопе и его сочиненія гремѣли въ свое время — теперь они уже забыты и болѣе не слышны, тогда, какъ Шекспиръ, изображавшій человѣчество, и соорудившій свой театръ на единственномъ прочномъ основаніи, человѣческой природы, неизмѣнной человѣческой природѣ, одна-

ковой во всякое время и во всякомъ мѣсть, живеть и будетъ жить въ нашемъ сердцѣ, такъ-же безсмертно, какъ правила, на которыхъ основано его искусство.

Можно привести въ оправданіе Лопе, что тогдашнее нравственное состояніе Испаніи дѣлало ее неспособною принимать высокія театральныя впечатлѣнія. Испанцы были въ такомъ-же отношеніи къ Италіянкамъ, какъ древніе Римляне къ Грекамъ; они заимствовали изъ чужестраннаго источника религію, искусства и литературу, не имѣя притомъ вкуса къ изящному, или чувства удивленія истинно высокому своимъ просвѣщенныхъ учителей. Къ такому недостатку прибавлялось еще положительное, гнетущее вліяніе инквизиціи и подозрительнаго правительства, стремившихся унижить національный характеръ. Ни какіе литературные образцы, способные вызвать изъ человеческого сердца страсти высокія и благородныя, которыя могли бы ободрить возвышенное самоотверженіе, или способны были внушить независимость мысли и совѣсти, не были терпимы въ Испаніи. Если бъ даже трагедія и была тамъ поощряема, она имѣла-бы весьма мало прелести въ глазахъ народа, не одареннаго отъ природы тонкимъ чувствомъ ощущенія жалости, восторга, или истинной нѣжности. Испанцы никогда не отличались утонченностію вкуса и своихъ страстей — они никогда не были страстными обожателями добродѣтели, или рѣшительными ненавистниками порока. Утонченныя благородныя чувства могутъ заставить биться сильнѣе только тѣ сердца, которыя способны ощущать ихъ; жестокое *auto-da-fe* и кровавое зрѣлище воловьей травли не могутъ внушить чувствъ благороднаго самоотверженія, и губять въ самомъ зародышѣ нѣжныя ощущенія сердца. Можетъ ли поддѣльное отчаяніе актера подѣйствовать на душу людей, слухъ которыхъ привыкъ къ раздражающимъ

воплямъ несчастнаго, гибнущаго на кострь, людей, которыхъ глаза насмотрѣлись на предсмертныя судороги насильственной смерти? — И еще одно: народъ угнетенный ищетъ съ большею жадностію веселыхъ и радостныхъ сценъ, нежели сценъ ужаса и страданія, которыми онъ приправляетъ свой насущный хлѣбъ; тотъ, кто видитъ каждый день трагедію существенной жизни, навѣрно не будетъ искать горестныхъ ощущеній въ театрѣ.

«Радости подобно горю, горести пужно веселье.»

Трагедія, представляя челоѣчество съ возвышенною точки зрѣнія, и придавая словамъ и дѣйствіямъ своихъ лицъ превосходство надъ обыкновенными людьми, имѣла для самолюбія гордаго Испанца гораздо менѣе прелести нежели комедія. Осмѣивая недостатки и слабости ближнихъ, комедія стремилась удовлетворить любовь къ смѣшному, столь близкую къ пренебреженію, и унижающуюся торжествомъ и величіемъ другихъ. Съ другой стороны, комедія, не вмѣшиваясь въ дѣла общественныя, давала полный ходъ насмѣшливости и сатиры, составлявшимъ отличительную черту Испанскаго характера; она списывала образъ жизни, въ модѣ своего времени, этотъ *gusto picaresco* вздорныхъ романовъ, писанныхъ Испанцами, служившими въ Неаполитанскихъ и Римскихъ походахъ. Испанская комедія, подобно этимъ романамъ энергическая и хлопотливая, приводитъ передъ глаза зрителей происшествія цѣлкомъ, и столько же исполнена дѣйствія, сколько скучная Французская сцена сумасбродныхъ описаній и натянутой декламаци.

Лопе де Вега былъ именно такой челоѣкъ, какого требовалось для того, чтобы вывести на сцену его время. Онъ не имѣлъ соперниковъ въ многосложности своихъ завязокъ, которымъ жертвовалъ всѣмъ, завязокъ до такой степени запутанныхъ, что иностранецъ слѣдуетъ съ трудомъ по этому лабиринту,

тогда, какъ Испанецъ схватываетъ здѣсь нить Аріадны въ одно мгновеніе. Лопе отличался гармоніей, бойкою фантазіей; онъ непобѣдимо владелъ языкомъ, имѣлъ живое, плодovitое воображеніе, и славился остроумною двусмысленностью выраженія. Онъ не столько замѣчательнъ описаніями характеровъ, сколько страшными и смѣшными положеніями и забавными приключеніями, которыя удивляютъ и веселятъ зрителя. Разговоръ его дышитъ эниграммою; онъ совершенно обладаетъ тайною—вести и безпрестанно поддерживать вниманіе и любопытство зрителя, и съ удивительною легкостью умѣлъ онъ превозмочь трудности языка. Его знаніе исторіи и человѣческаго сердца было ограничено — его портреты показываютъ печальную картину Испанской нравственности: собраніе интригъ и ревностей, рождающихся болѣе отъ тщеславія, нежели отъ истинной любви. Тутъ видно совершенное равнодушіе къ преступленію и убійствамъ, къ безчестию быть запятаннымъ самыми черными дѣлами; въ ролюство въ любви и въ политикѣ, неудержанное законами нравственности, чести, и даже чистаго вкуса; цѣлая куча ссоръ, выходокъ, силетней и противосплетней, приключеній и любовныхъ свиданій, которыхъ никто кромѣ Испанца не въ состояніи пройти и понять. Успѣху сочиненій Лопе много способствовалъ счастливый костюмъ того времени: *sapa* и *espada* (плащъ и мечъ)—мечъ, для встрѣчи всего на свѣтъ, а плащъ для того, чтобы скрыться. Такимъ образомъ Комедія была одѣта превосходно, тогда, какъ Трагедія была нага, или въ несообразномъ одѣянн; точность въ костюмахъ трагедій, основанныхъ на несовершенныхъ и чужеземныхъ происшествіяхъ, требуетъ познаній въ исторіи и древностяхъ, сношеній съ другими странами, и въ некоторой степени богатства, чего нельзя было ожидать отъ Испанской сцены этого времени. Таковъ былъ Лопе де Вега, живописецъ

преходящихъ обычаевъ и происшествій, котораго остроуміе (подобно остроумію Бенъ-Джонсона) не имѣетъ теперь цѣли, и творенія, некогда такъ ярко блиставшія, теперь гниютъ на запыленныхъ полкахъ. Лордъ Голландъ, искусный біографъ Лопе де Веги, прочиталъ только *пятьдесятъ шесть* изъ его піесъ; хвастливый Сисмонди *тридцать шесть*; мы не можемъ имѣть притязаній даже на это прилежаніе, а изъ Испанцевъ, вѣроятно, ни одинъ не прочиталъ даже и того, что мы прочли.

Таковъ былъ странный и самобытный характеръ Испанскаго театра. Въ свою очередь, онъ не избѣжалъ всеобщаго упадка драматическаго искусства въ Европѣ; и здѣсь, комедіи были замѣнены мелодрамами, легкими водевилями и фарсами, занимаваемыми большей частію изъ Парижа, имѣющаго темень въ сценическомъ отношеніи такое же вліяніе на Европу, какое въ старыя годы имѣлъ Мадридъ. Но, особенно образовался въ Испаніи новый родъ театральныхъ представленій, называемыхъ *Sainetes*. Эти «*Sainetes*» приспособлены къ національному характеру, вкусу и обычаямъ, и разыгрываются Испанцами превосходно, ибо ни одинъ народъ не обладаетъ столь глубокимъ и спокойнымъ юмористическимъ вкусомъ, какъ жители всѣхъ званій на полуостровѣ, начиная съ важнаго, степеннаго Кастильца до легкаго, веселаго Андалузца. Здѣсь они перестаютъ быть актерами: фарсы ихъ кажутся отрывками ихъ ежедневной жизни. Въ трагедіи Испанцы теперь совершенно ушли: они коверкаютъ игру и дѣлали изъ нея что-то среднее между Нѣмецкимъ кривляньемъ и надутою Французскою декламациею. Главный комическій характеръ въ новѣйшихъ Испанскихъ легкихъ піесахъ— *gracioso*, замѣнившій прежняго «*Introu*» (Шекспировскаго *clown*), который въ старинныхъ Испанскихъ комедіяхъ обращался къ зрителямъ, и рассказывалъ имъ что происходило на сце-

нъ—это было ничто въ родъ Греческаго «хора» — Грасіозо, величайшій пріятель райка, говоритъ и дѣлаетъ все, что ему заблагоразсудится, пересыпаетъ разговоръ піесы цвѣтами своего собственнаго остроумія, и пользуется всѣмъ смѣшнымъ на сценѣ и между зрителями, для того, чтобы вернуть острое слово—это самое забавное, занимательное и важное дѣйствующее лицо новѣйшей труппы.

Нечего и ожидать, чтобы Испанскіе театры, не удостоенные покровительства богатыхъ и знатныхъ, могли быть великолѣпны въ постройкѣ, или блистали отдѣлкою и декораціями. Театры Испанскіе малы, тѣсны, дурнаго акустическаго устройства, худо освѣщены и худо снабжены декораціями и костюмами; это совершенная противоположность Англіи, гдѣ издерживается такъ много денегъ для обстановки Шекспировыхъ піесъ. Въ Мадридѣ только два театра, и оба выстроены въ узкихъ, дурныхъ улицахъ, какъ наши Дриориленскій и Ковентгарденскій, и такъ-же какъ наши, на землѣ, бывшей прежде собственностью духовнаго ордена. Мадридскіе театры нынѣшніе занимаютъ мѣста первобытныхъ, воздвигнутыхъ въ царствованіе Филиппа II.

Внутреннее устройство Европейскихъ театровъ взято съ Испанскихъ образцовъ, и наши замѣчанія будутъ неполны, если мы не прибавимъ къ нимъ краткаго описанія постройки ихъ въ Испаніи, и улучшеній, сдѣланныхъ въ послѣдствіи.

Около 1567 года, нѣсколько благочестивыхъ людей составили общество для постройки богадельни, названное «La Cofradia de nuestra Senora de la Soledad;» другое, почти современное общество называлось «La Cofradia della Sagrada Pasion,» — это было сборище бичующихся, изъ которыхъ каждый держалъ поочереды свѣчу, для того, чтобы никто не избѣгъ бичеванія въ потемкахъ. Лопе де Вега былъ

членомъ этого общества. Въ 1572 году, кардиналъ Эспиноса отдалъ грубые театры того времени этимъ двумъ собратствамъ. Театры, любимыя обиталища прага человѣческаго рода, превратились въ больницы—и больной получалъ облегченіе, а нуждающійся одежду изъ сихъ проклятыхъ мѣстъ. Они состояли тогда изъ двухъ открытыхъ дворовъ, *corrales*; слово: *corral*, Испанское названіе мѣста для стада, окруженнаго заборомъ, и оно долго оставалось синонимомъ названія театра. Представленія, подобно древнимъ Греческимъ, происходили днемъ, на открытомъ воздухѣ, пока наконецъ степенію народа и огромныя деньги, вырученныя полишинелемъ Гаваза, не убѣдили смѣтливаго директора покрыть театральныи дворъ холстиннымъ обѣсомъ, и наконецъ соорудить каменное строеніе. Такимъ образомъ Лопе де Вега и Шекспиръ обязаны настоящею сценою фарсу, и въ знакъ благодарности затоптали его въ прахъ и выгнали изъ его собственнаго жилища.

Новый театръ раздѣлился на нѣсколько частей: самый дворъ, вымощенный и снабженный подвижными скамьями онъ назывался *Patio* — общее названіе открытаго двора всѣхъ Испанско-Мавританскихъ жилищъ; этотъ *Patio* служилъ мѣстомъ для партера и райка, куда женщины не допускались. Тутъ сидѣли обыкновенно записные критики, произносившіе приговоры надъ авторомъ и актерами; этой страшной братіи было дано прозвище «*los mosqueteros,*» мушкетеровъ — отъ гибельныхъ залповъ ихъ шиканій и глубокаго осужденія ихъ грознаго — «стой!» Гранды и богатые помѣщались по бокамъ надъ партеромъ, въ окнахъ домовъ, окружавшихъ дворъ; мѣста эти весьма часто принадлежали частнымъ владельцамъ и были собственностью хозяевъ домовъ. Даже нынѣ, когда на Мадридской Plaza Mayor дается королевская воловья травля, площадь превращается въ арену, и всѣ окна и комнаты, выходящія на

нее, принимаются на время во владѣніе правитель-ства; это же было сдѣлано въ 1833 году, когда въ день достопамятной *jura*, Испанскій народъ присягалъ въ вѣрности дочери Фердинанда VII. — Мѣста для зрителей въ театрахъ назывались по всему этому «*ventanas*» (окна), и «*apoyentos*» (комнаты); многія донинѣ сохранили свои *jalousies* и «гея», желѣзную рѣшетку, какія можно видѣть во всѣхъ старинныхъ Испанскихъ домахъ. — Отсюда происходятъ Французскія «*loges grillées*», и вотъ начало нашихъ театральныхъ ложъ.

Партеръ былъ окруженъ пространною, открытою галерею, сохранившею и до сихъ поръ названіе «*La Tertulia*» — прозвище данное Испанцами (которыя чрезвычайно любятъ и весьма ловки въ подобной номенклатурѣ) части театра, занимаемой «учеными,» потому, что между ними было тогда въ модѣ приводить изрѣченія изъ Тертуліана. Надъ ложами, направо и налѣво, были выстроены галереи, предназначенныя собственно для женщинъ; ни одинъ мужчина не имѣлъ права туда входить, и безъ сомнѣнія, участь дерзновеннаго нарушителя этого постановленія была-бы горестивѣе, нежели судьба Актеона или Орфея. Раздѣленіе пѣловъ и помѣщеніе женщинъ выше мужчинъ сходны съ уставомъ Августа въ Римѣ. — Женское мѣсто называлось «*la casuela*» (садокъ для живой рыбы), отъ смѣси состояній и возрастовъ, которыя тамъ собирались; его называли также «*la jaula de las mugeres*» (женская клетка). — Женщины отправлялись въ театръ, одѣтыя въ черное платье, въ живописныхъ мантильяхъ. Мрачное собраніе черныхъ платьевъ, черныхъ волосъ и, еще болѣе, черныхъ очей могло показаться сначала чѣмъ-то похожимъ на галерею женскаго монастыря. Но чуть только начинался антрактъ, или въ представленіи выходила остановка, въ темномъ гнѣздѣ голулицъ подымалось такое щебетанье и такое

кашлянье, сыпались такіе молніиные взгляды, начинался такой шорохъ мантилій и шелковыхъ платьевъ, такія телеграфическія дѣйствія опахалами и такія электрическія сообщенія съ партеромъ, откуда мужчины смотрѣли во все глаза вверхъ, на очаровательный цвѣтникъ, что всякая идея о затворничествѣ, покаяніи, и т. п., разлеталась въ одно мгновеніе. Ревнивыя жены патрицѣвъ глядѣли изъ своихъ ложъ весьма неблагопріятнымъ образомъ на глазныя вверхъ своихъ мужей, подобно какъ, во времена древняго Рима, Цинтія предостерегала своего Проперція —

«*Colla cave inflectas ad summum obliqua theatrum.*»

«*Cazuela*» открыта для женщинъ всѣхъ званій, которыя идутъ туда, одѣтыя совершенно одинаково, и потому считаются подлѣ строгимъ инкогнито. — Тамъ, гдѣ она не боится быть пойманною, и гдѣ она чувствуетъ себя затерянною въ толпѣ, вырывается во всей полнотѣ веселости, легкомыслія, смѣлости и пылкости черноокой Испанки; въ особенностях, когда она увѣрена, что найдетъ себѣ поддержку и одобреніе въ каждой изъ окружающихъ ее вѣтренницъ. — Эти театральныя галереи были настоящій ящикъ Пандоры, изъ котораго выходила большая часть любовныхъ проказъ — *spectaculum in spectaculo*. — Геній Лопе, плодовитѣй на выдумки интригъ и любовныхъ приключеній, долженъ преклониться передъ существенными комедіями и трагедіями, подготовляемыми въ *cazuela*. Испанцы говорятъ:

«*El hombre es fuego, la muger estopa,*
«*Viene el diablo y sopla.*»
Мушкетеръ огонь, а женщина порохъ,
Приходитъ чортъ и ихъ зажигаетъ.

Ничто не могло такъ сильно поддѣйствовать на *cazuela*, какъ звукъ кастаньетовъ. Болеро, этотъ восхитительный танецъ — «*La salsa de la Comedia*» —

это душа, отрада Испанки! Рвѣжій, расшевеливаю- щій душу звукъ раздастся за кулисами — дѣйствіе его мгновенно: языки безчисленнаго множества жен- щинъ умолкаютъ. Занавѣсь подымается; легкая, воз- душная пара вылетаетъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ сцены, какъ два любовника, встрѣчающіеся послѣ долгой разлуки! Андалузскій костюмъ, такъ хорошо приспособленный къ этому танцу, мелькаетъ въ воздухъ; блескъ золотыхъ и серебряныхъ галу- новъ еще болѣе выказываетъ эфирность движеній; прозрачная, обрисовывающая красивыя формы тѣла, *saya*, возвышаетъ стройность членовъ, которую на- прасно было-бы скрывать; ни какаѣ шнуровка не стѣсняетъ эластичности гибкости прелестнаго женскаго тѣла. Плясуны останавливаются, наклоняются впе- редъ разгибая руки — ударъ кастаньетъ, и они ле- тятъ другъ къ другу и оживляются въ быстромъ движеніи. Что можетъ лучше обозначить граціозность женской красоты и правильныхъ очерковъ муж- скихъ формъ! Хлопанье въ кастаньеты даетъ движе- ніе ихъ поднятымъ рукамъ — это пантомима любви, пылкость юности, увертливая кокетливость страстной дѣвы, и кто опишетъ его приближеніе и жадное преслѣдованіе, и ея стыдливое бѣгство! Теперь они смотрятъ другъ на друга — потомъ взоры ихъ опу- скаются, и вотъ они исполнены жизни, движенія, дѣй- ствія—но вдругъ остановка—они вдругъ, какъ будто прирастаютъ къ землѣ; потомъ движеніе дѣлается бы- стрѣе, быстрѣе! Вся чувства вырываются наружу; какаѣ-то могучая прелесть пересиливаетъ всякій кри- тичизмъ. Прочь отъ меня, изученная граціозность Французской танцовщицы, прекрасной, но искусствен- ной, холодной и самолюбивой, какъ ея выдѣлываю- щій антраша любовникъ — какое сравненіе съ стра- стнымъ *abandon* очаровательной Андалузянки! Вос- хитительная Севилья, безсмертная въ памяти истин- ныхъ любителей драмы, пѣсни и пляски Испанской,

отчизна Донъ Жуана и Севильскаго цырюльника.... Но, увы! бѣдный Фигаро — Испанцы, возставшіе отъ долгаго усыпленія, приближаются къ умствен- нымъ успѣхамъ нашего вѣка, и хотятъ уже брить- ся сами, ремесло трудное и опасное для неумбюющихъ; *montanes* * сдѣлались теперь оракулами бесѣдъ; *chalanes* ** исправляютъ должность легконогаго Мер- курія, и переносятъ любовныя посланія красавиц!

«Нашъ другъ Донъ Жуанъ» не вымышленное ли- це; онъ существовалъ въ Испаніи въ самомъ дѣлѣ, и былъ Андалузскій *majo* (щеголь) знатнаго проис- хожденія. Никто не будетъ великъ въ своемъ краю (*En su patria ninguno fu profeta*); бѣдный Жуанъ не удостоился памяти своихъ соотечичей, и ни одинъ Испанецъ не можетъ дать подробнаго свѣдѣнія о про- исхожденіи челоуѣка, котораго имя принадлежитъ Исторіи и Европѣ, послѣ Мольера, Моцарта и Бай- рона....

Донъ Жуанъ *Tenorio* происходилъ отъ хорошей дворянской фамиліи и былъ воспитанъ, какъ «истин- ный гидальго.»—Отецъ его, Алонзо Хуфре-Теноріо, извѣстный адмиралъ въ службѣ Алонза XI, умеръ въ битвѣ, подобно Нельсону, при Трафальгарѣ. Флотъ, состоявшій изъ двадцати семи парусовъ, дол- женъ былъ сразиться съ сѣмьюдесятью Мавритан- скими военными кораблями. Король, послыая въ подкрѣпленіе шесть судовъ, замѣтилъ, что если не- вѣрные избѣгнуть смерти или плѣна, вся ответ- ственность падетъ на адмирала; старый морякъ былъ такъ пораженъ словами Короля, что почти съ сво- имъ однимъ кораблемъ пустился на непріятеля, и былъ убитъ съ мечемъ въ одной и флагомъ въ дру-

* *Montanes* — мелочныя лавки Астуріи, въ которыхъ продаются сыръ и мыло.

** *Chalanes* — женщины, имѣющія свободный входъ во всѣ дома, подъ предлогомъ продажи духовъ, помады и другихъ мелочныхъ необ- ходимостей женскаго туалета.

гой руков. Онъ оставилъ отъ своей супруги, Донны Эльвиры, одиннадцать детей обоего пола. Алонзо Хуфре, старшій сынъ, былъ возведенъ Педромъ Жестокимъ (сыномъ Алонза XI) въ достоинство алгвазилазо, или губернатора Визагрскихъ воротъ въ Толедъ. Гарсія, другой сынъ адмирала, принялъ сторону Энрика де Трастамара, и былъ одинъ изъ многихъ пльнниковъ, преданныхъ Чернымъ Принцемъ мщенію законнаго Короля. Сестра его, Тереза, продолжала жить въ родовомъ помѣстьѣ близъ Севильи (подаренномъ семейству Теноріо послѣ завоеванія этого города) до 1369 года, когда оно было конфисковано Дономъ Педро, за то, что Тереза говорила объ немъ худо — наказаніе слишкомъ жестокое, за выраженіе, сорвавшееся съ женскаго языка! Донъ Педро отдалъ домъ и земли монахинямъ ордена Санъ-Леандро, которыя выстроили на томъ мѣстѣ монастырь. Можно доказать изъ довольно достоверныхъ источниковъ, что адмиралъ (отецъ Жуана) былъ братъ Жуана Теноріо, коменданта Эстепы, котораго сыновья, Жуанъ, Мелинда и Педро, были изгнаны Дономъ Педро. Послѣдній, Педро, былъ въ послѣдствіи знаменитымъ архіепископомъ Толедскимъ. Въ гербъ рода Теноріо, какъ описываетъ одинъ старинный манускриптъ ордена Банды, изображенъ ползущій левъ, съ тремя серебряными и лазоревыми полосами. Жуанъ, герой любви, родился въ Севильѣ, «родинѣ апельсиновъ и прелестныхъ женщинъ.»

In Seville he was born, a pleasant city,
Famous for oranges and women,

въ этомъ городѣ, по описаніямъ историковъ, болѣе роскошномъ, нежели древняя Капуа. Маленькій Жуанъ былъ любимымъ и болѣе прочныхъ избалованнымъ сыномъ стараго адмирала; онъ съ молодыхъ лѣтъ сдѣлался сотоварищемъ распутнаго Дона Педро. Сходство характеровъ и склонностей сблизили

властелина и подданнаго, и тѣмъ болѣе, что Жуанъ былъ родственникъ Маріи Падильи, первой любовницы Короля. Донъ Педро назвалъ его рыцаремъ Банды, и назначилъ своимъ *ripostero*, или главнымъ кравчимъ; такимъ образомъ Донъ Жуану былъ ввѣренъ главный надзоръ за погребомъ — мѣсто, которое онъ вполне умѣлъ оцѣнить. Главнымъ казначеимъ Дона Педро былъ Леви, богатый и хитрый Жидъ; изъ его сокровищницъ бывшныя юноши извлекали золото, до тѣхъ поръ, пока капиталъ казначея могъ выдержать — послѣ того они ворвались къ нему въ домъ и предали его жестокой смерти. — Донъ Хозе, Донна Инеса и Донна Юлія Лорда Байрона — чисто вымышленные характеры; надобно замѣтить, что Донна Инеса, по словамъ поэта, знала наизусть Кальдерона и Лопе, авторовъ, родившихся нѣсколькими столѣтіями послѣ. Байронъ обращалъ столь же мало вниманія на историческіе факты, какъ Бомарше или Россини. Число любовныхъ связей Донъ Жуана, «*Noch in Spanien ein tausend und drei*,» предупреждаетъ всякую попытку разгадать, кто такая была Донна Юлія; классъ женщинъ «*Bella mal tratidada*» никогда не выводился въ Севильѣ. Красота, добродѣтели и горячія чувства этихъ несчастныхъ дѣлаютъ ихъ предметомъ удивленія всѣхъ, исключая мужей.

Мы не нашли ни одного историческаго разсказа, который объяснилъ-бы намъ, что сдѣлалось наконецъ съ Дономъ Жуаномъ — былъ ли главный кравчій повѣшенъ, или, дѣйствительно, чортъ овладѣлъ своимъ достояніемъ прежде времени; подобное *auto-da-fé* было бы совершенно въ Испанскомъ вкусѣ. Первоначальная пѣса о Донъ Жуанѣ была сочинена Гавриломъ де Теллесъ, монахомъ Мерседскаго ордена, и опубликована подъ вымышленнымъ именемъ Тирсо де Молина. Она называлась: «*El Burlador de Sevilla o El Convidado de Piedra*» (Севильскій Развратъ

никъ, или Каменный Гость). Обломокъ Римской консульской статуи, находящейся въ старой Аламедъ, близъ Севильи, и теперь еще въ Испаніи называется «El convidado de Piedra», въ память статуи, пригласенной къ ужину. Комедія о Донъ Жуанъ съдѣлалась немедленно любимою между Испанцами. Она была сперва переведена на Италіянскій языкъ, а потомъ, съ нѣкоторыми исправленіями Мольера, на Французскій. Его «Festin de Pierre» разыгранъ въ Парижѣ, 15-го Февраля 1665 года. Мольеръ былъ такъ сильно разсерженъ критиками за безнравственность этой пьесы, что измѣняя по возможности самыя рѣзкія мѣста, онъ наконецъ нашелся вынужденнымъ написать *Тартюфа*, для того, чтобы заставить молчать своихъ недоброжелателей. Моцартъ содалъ изъ Донъ Жуана оперу, въ коей юморъ, патетическое и высокое соединены въ такой степени, которая почиталась до того времени невозможною; біографъ этого великаго композитора, Шлихтегроль, называлъ его за Донъ Жуана «музыкальнымъ Шекспиромъ.» — О превосходномъ, хотя нѣсколько неровномъ, *Донъ Жуанъ* Лорда Байрона не нужно и говорить, ни въ похвалу, ни въ укоръ автора.

Въ заключеніе нашей статьи скажемъ объ особенной отрасли драматическихъ увеселеній, чрезвычайно народной, и болѣе распространяющейся въ Испаніи въ последнее время; мы будемъ говорить о *карнавалѣ*.

Карнавалъ (carnival), слово Италіянскаго происхожденія. Испанское слово этого значенія «las carnes to'endas». Введеніе его относится къ весьма отдаленному времени; объ немъ упоминаетъ, подъ выраженіемъ *carnis privium*, одно церковное постановленіе, писанное до вторженія Мавровъ. — Карнавалъ въ Испаніи, какъ и вездѣ, нравственное и физическое приготовленіе къ постничанью и лишеніямъ Великаго Поста — и какъ вездѣ, онъ обращенъ въ самый бѣ-

шеный праздникъ. Испанцы сбрасываютъ съ себя во время карнавала степенность и все заботы жизни, предаваясь веселью не хуже всякихъ добрыхъ язычниковъ.

Даже въ дни Фердинанда, когда трусливое правительство трепетало при видѣ каждой народной толпы, и боялось, что заговоры составляются на каждомъ балѣ, или публичномъ собраніи — даже въ это время оно не осмѣливалось воспрещать шутокъ и увеселеній Барселонны, потому, что Каталонія есть отечество масокъ. Въ Испаніи маскарады не ограничиваются однимъ карнаваломъ: они составляютъ часть всѣхъ публичныхъ увеселеній, при рожденіи Инфанта, или при празднествѣ въ честь святаго патрона какого нибудь мѣста. Маскарады для Испанцевъ тоже, что сатурналіи были для Римскихъ рабовъ; вся важность, все этикетки, экономія, степенность — все это отбрасывается въ сторону, и все предаются странному веселью. Званія и возрасты безъ различія впадаютъ въ какую-то временную горячку, съ неподдѣльною, шумною радостью школьниковъ, освобожденныхъ отъ всякаго присмотра. То же самое видите во время карнавала и въ Лиссабонѣ.

Въ Гренадѣ маскарадъ начинается днемъ; замѣтельно видѣть тогда Мавританскую столицу и воздушную Алгамбру снова наполненныя Сарацинами, въ ихъ живописныхъ одеждахъ и красивыхъ чалмахъ, потому что Испанцы предпочитаютъ этотъ костюмъ всѣмъ прочимъ. Въ Севильѣ маскарадъ начинается ночью, и парчевыя платья и раскрашенныя маски производятъ еще болѣе эффекта. Театральный партеръ уравнивается на это время со сценою, и все двери открыты публикѣ настезь; стараются только установить сообщеніе внутренности театра съ какимъ нибудь кофейнымъ домомъ, или рестораціей. Степенность и благородство Испанскаго характера видны въ эти минуты непринужденности

и замаскирования, ибо свобода никогда и на самомъ карнавале не превращается въ неблагопристойность. Тутъ не бываетъ неумѣренного употребленія *осевъжителейныхъ*, ни грубости и нахальства въ обращеніи, ни неприличныхъ выраженій, ни нарушенія маскаранныхъ правъ, или обидныхъ замѣчаній на власти, которыхъ исполнители, хотя и не любимые народомъ, спокойно ходятъ съ открытымъ лицомъ среди толпы масокъ. Тутъ сходятся для того, чтобы забавляться съ добросердечіемъ и искренностью. Вартоизъ замѣчаетъ о старинныхъ маскарадахъ время Генриха VIII, «что увеселеніе состояло не въ томъ, чтобъ принять на себя и выдержать какой нибудь характеръ, но главная цѣль была — поразить карикатурностью маски и странностью костюма.» Такимъ же образомъ и въ Испаніи никто не старается составить себѣ какую нибудь роль; одинъ неизмѣнный вопросъ обращается поддѣльнымъ голосомъ ко всемъ и каждому: «*те conoces?*» (знаешь ли ты меня?) — всегда съ дружескимъ *ты*—вопросъ, на который трудно отвѣчать иностранцу, потому что онъ и безъ маски никого не знаетъ. Эти занимательные вопросы, среди жесточайшей давки, напоминаютъ замѣчаніе Г-жи Сталь на счетъ Лондонскихъ раутовъ: «*dans vos gants le corps fait plus de frais que l'esprit.*» Легко можно угадать, что между масками бываютъ также вопросы и пожатія рукъ совершенно понятные, исполненные остроумія, значенія, и гораздо болѣе сладостные для Испанца, нежели музыка Фаринелли. Испанская національность показывается въ костюмахъ: немного можно видѣть такихъ, которые бы не относились къ нимъ самимъ, или къ ихъ исторіи. Тутъ Римляне, Готы, Мавры, Испанскіе рыцари, Донъ Кихоты и т. п., или живописные костюмы разныхъ областей, особенно Андалузскаго *majo* — костюмъ, который даетъ сигналъ смѣху и веселію, «*sal canela y requiebros.*» — Удачная шутка

была однажды сыграна въ Гренадѣ надъ пограничными таможенными чиновниками. Цѣлая партія наряженныхъ въехала въ городъ верхомъ, въ маскахъ, въ полномъ костюмѣ Андалузскихъ контрабандистовъ, везущихъ богатый грузъ: это и дѣйствительно были контрабандисты, и безпрепятственно везли они весьма лакомый кусокъ, на который таможенные долго въ послѣдствіи точили зубы. Выставлятъ въ смѣшномъ видѣ то, что относится до правительства или религіи, строго запрещается, да никто и не думаетъ этого дѣлать, тогда, какъ у Римлянъ и самые важные предметы не избѣгали маскараднаго осмѣянія. Женщинамъ не дозволяется надѣвать мужское платье, но это считалось постыднымъ даже и въ Римѣ, во времена Ювенала. Прелестный, черноскій полъ въ Испаніи вообще оправдываетъ насмѣшливое замѣчаніе Поппе: «у большей части женщинъ нѣтъ ни какого характера» — онѣ думаютъ только о томъ, какъ-бы выбрать себѣ костюмъ къ лицу. Ихъ пламенные черные глаза горятъ за безвыразительными масками; маленькая, прелестная ножка, обутая въ вышитыя Сидерельскія туфли, выставляется изъ подъ темной *basquina*. Если лицо женщины бываетъ закрыто, то сердце ея отверзто: маска даетъ ей смѣлость, скрываетъ румянецъ стыдливости и заставляетъ откидывать жеманство въ сторону. Маскарадныя платья хранятся до радостнаго дня въ глубочайшей тайнѣ, для того, чтобы чья нибудь нескромность, нарушивъ довѣренность, не испортила шутки.

Тѣ, которые знаютъ городъ, и которые сами хорошо въ немъ известны, должны приготовиться выдержать цѣлую исповѣдь, рѣшаясь итти по улицамъ съ открытымъ лицомъ: они непременно встрѣтятъ множество пріятелей, которые самымъ добродушнымъ и совершенно нашимъ парламентскимъ образомъ выскажутъ имъ ихъ «*peccadillos*» и «*relacioncitas*», не полагая въ томъ ни малѣйшей обиды. Мужья ста-

раются быть как можно дальше от своих женъ, потому что если их увидятъ вмѣстѣ, то они непременно сдѣлаются предметомъ шутокъ цѣлаго маскарада, и выслушаютъ полный списокъ семейныхъ тайнъ, известныхъ цѣлому свѣту, исключая только тѣхъ, кого онъ наиболее касается. Маскарады, даваемые въ частныхъ домахъ, влекутъ за собою гораздо болѣе предосторожностей: испытанный другъ дома становится въ свѣняхъ, и корифей каждой партіи масокъ открываетъ ему свое лицо, объявляетъ имена тѣхъ, которые съ нимъ прибыли, и отвѣчаетъ своею честью за поведеніе cadaго изъ нихъ. Не смотря однако жъ на всѣ предосторожности, даже знатныя семейства не избѣгаютъ непріятныхъ случаевъ—волки пробираются подъ одеждою невинныхъ агнцевъ.

Многіе дома открыты для масокъ въ теченіе карнавала, и наряженные толпы переходятъ изъ одного въ другой, съ кастаньетами, тамбуринами, пѣніемъ и танцами, «*quien canta sus males espanta,*» пугая своимъ шумомъ никогда забывающихся совъ, которыя спрашиваютъ вмѣстѣ съ Овидіемъ:

«*Cur vagus incedat tota tibi cen in Urbe,
Quid sibi personæ, quid stola longa volunt?»*»

Хозяева ни сколько не заботятся объ угощеніи замаскированныхъ, развѣ хотятъ покрыть себя славой, «*Salir muy lucido;*» мѣсто, освѣщеніе и нѣсколько дрянной музыки достаточны для того, чтобы составить «*funcion de carnaval*», полное удовольствіе веселымъ, неприхотливымъ шалунамъ. Англичанамъ, которые подъ словомъ «гостепримство» разумѣютъ, что не только надобно накормить и напоить до упаду гостей, слугъ и лошадей, на которыхъ они пріѣхали, странно Испанское голодное угощеніе, но все зависитъ отъ географической широты и долготы. Желудокъ требуетъ своей доли въ нашей дымной, холодной и сырой Англии—отечествѣ ростбифа, пива

и парламентскихъ преній, которыя (если вѣрять одному великому авторитету) «все-таки жалкая и бѣдная замѣна прелестнаго климата»—и мы прибавимъ со всевозможнымъ уваженіемъ—и веселаго Севильскаго карнавала.

Quien no ha visto a Sevilla,
No ha visto una maravilla.

(*The Quarterly Review,*
№ СХVII, 1857, Июль.)

Чтенія о Словесности. Курсъ первый и Курсъ второй. Москва, въ типографіи Университетской, 1837 года, въ 8, VIII, 259, IV, 327 стр. — *Курсъ первый*, изданіе второе, исправленное. Москва, въ типографіи Университетской, 1837 года, въ 8, XXX и 259 стр.

Поставляя непреложнымъ правиломъ: отдавать справедливость всякому полезному усилію, и оцѣняя каждый трудъ, не только по его внутреннему достоинству, но и въ отношеніи къ *времени и мѣсту*, мы отнюдь не скажемъ, чтобы у насъ ничего не было издано хорошаго касательно теоріи и науки Изыщнаго и Изыщной Словесности. Обозрѣвая Русскую Литературу, мы видимъ цѣлый рядъ руководствъ и книгъ, изъ которыхъ каждое и каждая имѣли свою цѣну въ свое время. Начавши съ Риторики Рижскаго, даже съ руководствъ, прежде нея изданныхъ, до новѣйшихъ книгъ г-дъ Кошанскаго и Плаксина, гдѣ говорится о теоріи Словесности, мы найдемъ много поучительныхъ наставленій даже и теперь, если не положительно, такъ отрицательно полезныхъ.

Но такая похвала даетъ уже намъ полное право сказать, что если изданныя прежде руководства и книги имѣли и имѣютъ свое частное, относительное достоинство, за то теперь нѣтъ у насъ ничего, что удовлетворяло бы, хоть сколько нибудь вполне, современному идеалу о теоріи Изыщнаго и о наукѣ Изыщной Словесности.

Къ намъ обратятся съ вопросомъ: «но гдѣ же, въ какой литературѣ укажете вы намъ на книгу, которая удовлетворяла бы вполне вашимъ современнымъ требованіямъ, соединяя въ себѣ всѣ новѣйшія понятія о теоріи Словесности?» Ответъ нашъ будетъ коротокъ: «такой книги нигдѣ еще нѣтъ.» Да, нѣтъ такого сочиненія, которое могло бы для

насъ составить то, что для прошлаго вѣка составляли курсы Баттѣ и Сульцеровъ — полную удовлетворительную, по требованіямъ современниковъ, теорію и приложеніе ея къ практикѣ. Ни Французы, ни Пѣмцы, ни Англичане не написали еще такого курса. Въ этомъ отчасти наше извиненіе передъ нашими отцами: у нихъ были подъ рукою готовыя Пѣмецкія и Французскія сочиненія, изъ которыхъ передѣлывали и переводили они руководства для себя, и мы отнюдь не лѣнивѣе, но только осторожнѣе ихъ, можемъ быть, и разборчивѣе на выборъ. Мы дождемся и молчимъ.

И въ самомъ дѣлѣ: на что прикажете намъ опереться? На чемъ утвердиться? Взять ли въ основаніе нынѣшнихъ Пѣмцовъ, переводить ли современныхъ Французовъ? Но, похвальные опыты Галича и переводы Бахмановыхъ и Вильяменовыхъ книгъ показали намъ, что и то и другое слишкомъ односторонно, и потому неудовлетворительно.

И такъ, мы дождемся и молчимъ. Жаль только, что время-то насъ не дожидается и не молчитъ. Множество разнородныхъ идей и явленій во всѣхъ Европейскихъ, и въ собственной нашей литературѣ, вызываютъ насъ на объясненіе. А наше молодое поколѣніе, развѣ оно не требуетъ отъ насъ руководства и наставленія, кипя юною, но не опытною силою, и вида въ насъ *модеи опыта*? Мы никогда не скажемъ, чтобы теорія могла руководствовать генія на его поприщѣ, и чтобы наука вела къ явленіямъ изыщной практики. Нѣтъ — геніямъ свой путь, какъ орлу въ поднебесьѣ, и образцовъ Словесности нельзя заказывать поволью по мѣркѣ теоретической. Однако жъ, польза, скажемъ болѣе — необходимость законовъ теоретическихъ, безспорны, если сообразить, что ими устанавливается общій порядокъ въ идеяхъ, и ими руководствуются умы, неперешагнувшіе за черту генія, слѣдовательно,

многочислѣннѣйшая часть дѣлателей, не говоря уже о простыхъ зрителяхъ. Здѣсь долженъ опредѣлитель законъ критики изящнаго, образоваться *общій вкусъ*, безъ того неопредѣленный, косвенный. Въ этомъ отношеніи заслуга Баттѣ и Сульцера была велика и неоспорима. Ихъ теоріи были то-же для литературы, что курсы воспитанія для педагогій. Они проясняли идеи, вели къ новымъ идеямъ — если угодно, — вели на собственную свою гибель, ибо законъ измѣненія и хода впередъ есть неизбежный законъ всего человѣческаго, а они двигали, по этому общему закону, сами оставаясь на одномъ мѣстѣ.

Но къ чему-же такая теорія, преходящая и временная — скажутъ намъ — и что это за законы, которые, какъ печеный хлѣбъ, годятся только для насущнаго употребленія? Видно, что истинной теоріи Изыщнаго нѣтъ и быть не можетъ. — Слѣдовательно, она и не нужна?

За временное и преходящее вините уже не насъ, потому, что въ мірѣ ничего *абсолютно неизмѣннаго* нѣтъ, кроме самаго міра и идей вѣчной истины, и въ этомъ мы ни сколько не виноваты. Условіе нашихъ теорій есть только наблюденіе многообразныхъ временныхъ явленій нашего міра, и изысканіе черезъ нихъ вѣчной истины. Бренный, слабый, человекъ не сноситъ лучей солнца, если прямо и вдругъ осмѣливается смотрѣть на него, но онъ призмю различиваетъ лучъ его, и опредѣляетъ и сущность и законы сего великаго свѣтила и его свѣта. Взгляните на ничтожный треугольникъ въ рукѣ геометра — онъ вымѣрлялъ имъ земной шаръ; посмотрите на трубу астронома — онъ сосчиталъ ею свѣтила небесныя; устремите взоръ на обломокъ корабли — человекъ объѣхалъ на немъ кругомъ свѣта!

Такъ вѣчная истина во всемъ достигается постепенно, и основаніе ея лежитъ даже въ самомъ на-

шемъ заблужденіи. Мы говоримъ, что прескія теоріи Изыщнаго не годятся для насъ, что онъ были невѣрны и несправедливы. Но мы не скажемъ, чтобы онъ рѣшительно и совершенно былъ ложны и негодны. Нѣтъ! онъ были только односторонни и неполны собственно. Можетъ быть, вся задача заключается въ томъ, что должно придать имъ болѣе полноты, подняться повыше и передвинуться на другую точку зрѣнія. Что такое сдѣлалъ Кантъ съ своею философіею? Говоря выводомъ, онъ *почалъ* идею съ другого конца, перенесъ точку зрѣнія на другую сторону предмета, и вотъ слѣдствіемъ сего великаго подвига было совершенное измѣненіе въ системѣ мышленія человѣческаго, а въ системѣ-то и состоитъ вся задача науки.

Въ чемъ состояла прескія теорія Изыщнаго? Полагая, что человекъ все получилъ *опытомъ*, что умъ его есть скопленіе опытныхъ наблюденій, эту мысль прилагали и къ Изыщнымъ Искусствамъ. Говорили, что языкъ нашъ состоялъ первоначально изъ неопредѣленныхъ звуковъ, которымъ постепенно придавали умственные понятія, и раздробляя эти понятія, образовали наконецъ изъ нихъ цѣлую систему мыслей, выражаемыхъ звуками, какъ Китайцы составили себѣ письменный языкъ героглифовъ. И вотъ человекъ умѣетъ уже говорить; онъ прикрываетъ отъ голода и холода, сытъ, одѣтъ, обутъ. Ему иногда скучно; у него много времени проходитъ въ бездѣльи: что дѣлать ему? Отъ нѣчего дѣлать, онъ замышляетъ свистъ вѣтра въ дудочкѣ тростника; онъ слышитъ пѣніе птичекъ, журчанье ручейка — и узнаетъ мелодію; видитъ свою тѣнь на стѣнѣ, свой образъ въ водѣ, находитъ обломки камней, похожіе на изображеніе разныхъ предметовъ и человека, и вотъ *Изыщныя Искусства* найдены. Человекъ употребляетъ свой голосъ на пѣніе, соединяетъ съ нимъ слова, чертитъ, изсѣкаетъ свой образъ, и здѣсь на-

чало музыки, живописи, ваянія. Разными сказками изъясняли потомъ раздѣленіе родовъ поэзіи (кто не слыхалъ о происхожденіи трагедіи отъ козла?) и выводили, что постепенно переходя отъ грубаго къ лучшему, человекъ возсоздалъ наконецъ великій міръ искусствъ, а въ слѣдствіе сего выводили правило, что Искусства суть умственные подражанія природѣ, но посліку природа груба, то искусства стремятся украшать ее. Отдѣляли особый міръ предметовъ, которые получаютъ названіе: *изящныхъ* (*belles, shones*), въ этой тѣсной сферѣ заставляли человека производить изящное. Но какъ изъяснить эстетическія силы творенія? Такъ же легко можно было изъяснить послѣ сего *творщицею*, какъ и *творимое*. Умъ человѣческой руководствуется въ семь случаевъ особымъ чувствомъ, которое назвали *вкусомъ*, и которому велики опредѣлять *условія теоримости*, а когда опредѣлены были однажды эти условія, то ими оковали человека, и подобно Геркулесу, поставили передъ нимъ: *ne plus ultra*. Самый же *процессъ*, такъ сказать, творенія объяснялся темнымъ понятіемъ о *восторгѣ*, особенной способности, которая у генія весьма велика, а у другихъ меньше и больше, чѣмъ и опредѣляется степенъ дарованія. Выходило, что человекъ могъ воснитываться для Изящныхъ Искусствъ, какъ воснитывался онъ для военной и статской службы, и дѣйствительно было такъ. Начинали изученіемъ языка, какъ орудія словесности; потомъ говорили о простомъ и фигурномъ, или искусственномъ синтаксисѣ, и отъ троновъ и фигуръ словъ переходили къ фигурному ихъ соединенію, составленію и раздѣленію *словозовъ*, что вело къ родамъ прозы и поэзіи.

Мы говоримъ здѣсь о полномъ проявленіи теоріи словесности, какъ изящнаго искусства, въ томъ видѣ, въ какомъ явилась она у Французовъ, и была принята Нѣмцами и Англичанами. Теорія эта обра-

зовывалась постепенно, претерпѣвала множество измѣненій. Начало ея у Древнихъ. Дѣйствуя безсознательно сами, не зная ничего внѣ себя, они обрели имени *варваровъ* всѣхъ другихъ народовъ, и начали мыслить о теоріи, когда уже имѣли великіе практическіе образцы. Многами объясняли они происхожденіе искусствъ, давали лиру Аполлону, сиринксу Пану, флейту Меркурію, и правила ихъ составляла собственно *критика подробностей изящнаго*, выводимыхъ изъ *образцовъ*, или разборъ красотъ по условнымъ понятіямъ. Живя въ міръ Изящнаго, такъ, что мы едва можемъ составить себѣ о томъ идею, сливая искусства съ своею общественною и частною жизнью, такъ, что мы едва можемъ имѣть о томъ понятіе, они приложили къ нимъ идею пользы и нравственной цѣли, и въ слѣдствіе сего, они имѣли назидательные частные уроки, а теоріи у нихъ не было. Такъ въ Италиі, гдѣ дышать, жить музыкаю, менѣе всего объ ней судять. Даютъ оперу, и зрителямъ нѣтъ надобности ни до общности, ни до цѣли. Они не обращаютъ даже вниманія на сцену, ѣдятъ, пьютъ, говорятъ, и только при извѣстныхъ, условныхъ красотахъ, все поетъ само, и восторгъ доходитъ до безумія, умоляетъ, и ждетъ новой минуты мгновеннаго энтузіазма. Астрономія и Исторія переходили у Грековъ въ число Музъ, и именовались Уранією и Клію. Геродота вѣнчали на Олимпійскихъ играхъ, какъ ловкаго бойца. Читайте Лонгина, Квинтиліана, Горація, Цицерона—вы убѣдитесь въ словахъ нашихъ.

Человѣку было потомъ время *подумать*, въ Среднія Времена. Но и тутъ прежняя беда: одни думали отдѣльно отъ дѣлателей; другіе *дѣлали* не спрашиваясь мыслителей. Дума была принадлежностью школы и класса; *дѣло* составляло занятіе общества, съ которымъ школа не имѣла ни какого сношенія. Школа ухватилась за творенія Древнихъ, и изъ об-

ломковъ ихъ создавала науку, и когда она встрѣтилась потомъ съ жизнью дѣйствительности, то сперва онѣ побранились, поссорились, а потомъ испуганная жизнь начала мириться съ *магистерами*, въ которыхъ привыкла видѣть учителей. Вольно и исполнински, между тѣмъ какъ развивались новый мѣръ духовный и новый мѣръ политическій, развивался и новый мѣръ изящнаго, въ христіанскихъ созданіяхъ живописи, готическихъ произведеніяхъ зодчества, и въ народныхъ поэзіяхъ Юга, Сѣвера и Германіи, не зная Древнихъ и ихъ міра изящнаго. Когда школа открыла передъ новыми людьми драгоценныя свои находки, новые эти люди изумились, какъ неопытный юноша изумляется и удерживаетъ гениальную идею передъ систематическою опытностью старика. Политическія и весьма многія другія причины, на которыхъ утвердилось ученое тщеславіе, придали въкамъ Медичи и Лудовика XIV значеніе вѣка Перикла, и все преклонилось послѣ того передъ классическою теоріею, которую мы изложили выше, и передъ классическою словесностью, вѣвъ которой, какъ клялись теоретики, нѣсть спасенія.

Но неполному, натянтому и невѣрному нельзя было удержаться. И вотъ классическая теорія стала немедленно разрушаться въ основаніи, хоть сначала и незамѣтно. Страшная натяжка была въ самомъ ея началѣ: она исключила изъ правилъ все, что создавалось *внѣ міра Древнихъ*, и обрекла все это на варварство. Востокъ, Сѣверъ, трубадуры, Испанія, Італія, миннезингеры, Данте, Кальдеронъ, Шекспиръ стали внѣ теоріи. Но какъ же можно было отвергнуть вовсе ихъ достоинства, и кромѣ того, какъ помирить *новую* словесность классическую, когда она явно не походила на *древнюю*? Положено, что новая классическая есть *усовершенствованная* древняя, и что если можно брать изъ природы и украшать ее, то можно брать и у варваровъ и украшать ихъ.

Слѣдствіемъ былъ чистый грабежъ у Испанцевъ, у Англичанъ, у всѣхъ, съ придачей ограбленнымъ эпитета *мужиковъ* (или *непросвященныхъ*, какъ говорилъ нашъ Сумароковъ о *Шекспирѣ*). Начали работать. Открылось новое неудобство: правила были прекрасны, но произведенія плохи и не выдерживали строгости правилъ, не смотря на разныя уступки (такъ, напримѣръ, для единства дѣйствій, растянули наконецъ дѣйствіе на сутки, хоть казалось-бы, допуская *сутки въ три часа*, можно допустить и *сто лѣтъ въ два часа*, и за всѣмъ тѣмъ ни одна классическая трагедія въ сутки не укладывалась). Но когда уже пошло дѣло на уступки, то оно было уже совершенно потеряно. Со страхомъ видѣли классики, что отступая и отступая понемногу, они непримѣтно уступили многое и ушли очень далеко. Ознакомленіе съ самобытными, народными литературами Германіи и Англіи, ближайшее знакомство съ литературою Італіанскою и Испанскою среднихъ вѣвовъ, передача ихъ вполне, причѣмъ общій голосъ находилъ красоты новыя и превосходныя, все это вело классицизмъ къ гибели. Каждое новое пріобрѣтеніе, каждый новый замѣчательный человекъ губили классицизмъ. Летуриеръ, Тальма, Андрей Шенье, добрый Дюссель, самый Вольтеръ, все они вели свою теорію къ бѣдѣ и напасти.

Но что же сдѣлалось, когда черезъ плотину правилъ, потокъ нововведеній хлынулъ съ потокомъ новыхъ идей? когда узнали теоріи Нѣмцевъ и ихъ великія, самобытныя произведенія? когда Шекспиръ и Данте объявлены царями Словесности, когда ознакомились съ произведеніями Востока и Сѣвера? когда въ глазахъ классиковъ образовалась новая Англійская Словесность? Еще нѣсколько времени держались за теоріи, еще спорили о разнорѣчій теоріи Нѣмцевъ и Англичанъ, ссылались на то, что сами Нѣмцы и Англичане долго были покорны класси-

камь. Тщетно все! Идеи Германской философии соединились (странное соединеніе!) съ усиліями нововодителей, которые не принимали уже ни какихъ законовъ, и стремленіе съ двухъ противоположныхъ сторонъ соединилось на одну точку — классицизмъ; онъ палъ, и съ нимъ пали всѣ его теоріи, его кутурны, единства, украшеніе природы, и надъ безобразною грудю, составившеюся изъ всего этого, намышники положили распудренный парикъ XVIII вѣка, какъ символъ всего прошедшаго.

Человѣкъ такъ созданъ, что анализъ не можетъ существовать для него безъ синтеза, новая критика требуетъ новаго созданія, а практика теоріи. Мы сказали выше, что положительнаго закона, кодекса изящнаго искусства, такой книги, гдѣ-бы онъ былъ изложенъ положительно, нѣтъ теперь ни у одного народа въ Европѣ. Чѣмъ же довольствуются теперь Европейцы, и какъ объяснить такое неопредѣленное состояніе теоріи Изящнаго?

Правда, что книги, на которую можно указать, нѣтъ, условій на бесспорную теорію также нѣтъ, но теорія есть, и понятна она для того, кто хорошо знакомъ съ современнымъ состояніемъ Изящнаго Искусства.

Во-первыхъ, Французы показали намъ примѣръ, сами уничтоживши свой классицизмъ, открывая новыя стороны искусства, и отъ беззаконія своего въ изящномъ обращаясь къ требованіямъ закона.

Во-вторыхъ, Нѣмцы, глубокою своею философіею, опредѣливъ законы всему міру ума человеческого, указали надлежащую точку воззрѣнія на Изящное, открыли настоящее мѣсто его въ міръ мышленія человеческого, гениальными опытами показали съ своей стороны новыя стороны искусства, и всеобъемлющею ученостію дали намъ громадный запасъ фактовъ для рѣшенія задачи. Они не согласились въ приложеніяхъ общихъ идей ума къ частнымъ иде-

ямъ искусства. Но въ эстетикахъ Шиллеровъ, Астотъ, Жанъ-Полей, Бахмановъ, мы уже видимъ цѣлыя категоріи истинъ частныхъ, несомнительныхъ.

Во-третьихъ, Англичане, новыми опытами искусства, показали, какъ можетъ создать искусство въ наше время. Ихъ Байроны, В. Скотты, Т. Муры, удаленные отъ темнаго идеализма Нѣмецкихъ новѣйшихъ дѣятелей, и отъ безумнаго стремленія къ безотчетному созданію, какое показали новѣйшіе Французы, не суть ли опыты новѣйшихъ образцовъ?

Наконецъ, практической, или лучше сказать, обобщающей умъ Французовъ, въ наше время показываетъ уже, какъ могутъ опроститься идеи Германскія и быть приложены къ частной практикѣ.

Утомленный гений человечества отдыхаетъ теперь на развалинахъ прошедшаго, и созерцаетъ безконечный путь, который лежитъ передъ нимъ вперед. Не видите ли въ настоящей минутѣ какой-то минуты безсилія, усталости? Въ Англіи нѣтъ Байроновъ и В. Скоттовъ, и ихъ современники исчезаютъ одинъ за другимъ. Въ Германіи нѣтъ Гёте, Шиллера, Шеллинга (говоримъ объ немъ, какъ объ умершемъ), Гегеля, Канта Фихте — нѣтъ даже въ числѣ художниковъ — поэтовъ Вернера, Мюльнера — ихъ заступили Раупахи и Уланды — пигмеи заняли мѣста великановъ! Проблески Франціи въ В. Гюго, въ Ламартинѣ — кончились Дюмасомъ и Мери какимъ нибудь. Но, посмотрите и на другія земли: Монти, Манцони въ Италіи, Тегнеръ Шведскій, Эленшлегеръ Датскій, даже наши поэты Пушкинъ и Жуковскій, они всѣ были дети какого-то пробужденія человечества въ изящномъ, и всѣ они, или умерли, или замолкли. Кажется, что человечеству остается въ наше время только бѣдный, слабый лепетъ искусства, или унылая элегія изящнаго....

Но не думайте, чтобы человечество умерло, или болѣло — нѣтъ — оно только отдыхаетъ — это вре-

мы отчета и расчета съ прошедшимъ, приготовленія на новые подвиги, и съ какою-то отрадною надеждою отецъ долженъ теперь смотреть на сына, и думать, что онъ будетъ великимъ подвигополкникомъ будущаго, долженъ радоваться, что своею жертвою искупаетъ онъ своему потомству великое. Дѣйствительно: въ некоторомъ смыслѣ, говоря объ Изящныхъ Искусствахъ, мы жертвы прошедшаго и будущаго. Мы потомки, мы дѣти великихъ художниковъ, и между тѣмъ осуждены на бездѣйствіе мелкостью нашихъ дарованій и сбивчивостью нашихъ идей. Мы видѣли разрушеніе прежнихъ теорій, понимаемъ возможность новой теоріи, и бродимъ однако жъ среди обломковъ прошедшаго, среди великихъ понятій современныхъ, среди новыхъ образцовъ, и ничего не дѣлаемъ, какъ будто мы только проснулись послѣ Эпименидова сна, рассказываемъ сны свои, и съ удивленіемъ видимъ смѣшеніе этихъ сновъ съ дѣйствительностью, и не различимъ, что тутъ былъ сонъ, что была дѣйствительная жизнь. И въ однихъ-ли это искусствахъ? Вамъ указываютъ на развалины дома въ Москвѣ, и говорятъ: «Онъ сгорѣлъ во время нашествія Наполеонова.» Указываютъ на слѣды батарей на Монмартрѣ, и говорятъ: « Отсюда Русскіе подарили Францію миромъ передъ вступленіемъ въ Парижъ.» Да, гдѣ-же ты, кто все это совершилъ? *Когда* и *какъ* это было? Неужели это исторія дѣйствительной жизни, а не рассказъ о небываломъ снѣ?

Если хотите видѣть и понять *наше дѣло*, то что мы теперь дѣлаемъ, посмотрите внимательно, и вы найдете, что мы совершаемъ свой, предопредѣленный намъ, подвигъ. Мы помирили прошедшее съ настоящимъ; мы обобщили великія идеи съ нашею жизнью; мы неутомимо мыслимъ о возсозданіи и возрожденіи прежняго въ новомъ видѣ, въ новой формѣ, возрожденіи мирномъ, тихомъ, съ отчетомъ совѣсти и ума.

Если отцы наши были Коломбы, Васки-де-Гамы, Магелланы — мы Куки, Парри, Ванкуверы. Природа и человечество въ началѣ всегда являються отдѣльными бытіями въ великихъ явленіяхъ. Такъ природа первобытная гремитъ огненными вулканами, шевелится базальтовыми столпами, проявляется ихтиосаурами. Такъ человечество первобытное создаетъ Индійскую Философію, Гомерову поэму, но такая отдѣльная жизнь цѣлаго немногими переходитъ потомъ въ дробь частнаго, и въ ней проявляется общая, настоящая жизнь. Періодъ новѣйшаго современнаго переворота въ теоріяхъ изящнаго ознаменовался Кантомъ, Гете, Байрономъ; явленіе ихъ теперь невозможно, именно потому, что ихъ бытіе раздробилось, разлилось въ бытіе общее; ихъ идеи, ихъ мысль стали идеями и мыслями всехъ насъ.

И именно, теперь идетъ время частныхъ опытовъ созданія, испытанія подробностей, и устройства въ то же время теорій, которыя показали бы собою, что человечество уже поняло все новыя прибавки идей и дѣлъ, *переварило* ихъ, если можно такъ выразиться, и готово на новое дѣло, на приложеніе теорій на практикѣ. Теорія — это бронея генія. Древній воинъ съ его панцыремъ и шоломомъ теперь не годился-бы на бой противъ пушекъ и ружей. Эпохи возрожденія сливаются непримѣтно съ эпохами разрушенія. Пока оружейники — теоретики куютъ новое оружіе, богатыри-практики подрастаютъ на бой этимъ оружіемъ. Мы уже сказали, что теорія не раждаетъ образцовъ, геній есть однако жъ произведеніе своего вѣка, ума своего вѣка, науки своего вѣка. Разсмотрите Рафаэля, Шекспира, Гете, и вы увидите, что въ другомъ дѣлѣ, въ другихъ обстоятельствахъ, они не могли явиться, *не были возможны*, и что они проявили собою мысль общую, воспитанную умомъ, ученьемъ, теоріею, или что все равно, наукою, имъ современными. Современная намъ школа художествъ

готовить будущих Рафаэлей; современные намъ критика и наука готовить будущихъ Шекспировъ. Имена Корнелиуса и Шлегеля погибнуть, но они будутъ сѣменемъ изъ котораго вырастетъ сѣнолиственный, величественный дубъ.

Кажется, что мысль наша справедлива — безъ того, мы не стали бы и излагать ее. Если же справедлива она, то она мрритъ насъ съ несовершенствомъ прошедшаго, бездѣйствіемъ и косностью настоящаго, и ведетъ къ тому, что мы должны обратиться теперь къ теоріи и наукамъ преимущественно, какъ назначенію нашего времени, и — осмѣлимся на смѣлую гипотезу — мы предрекаемъ, что вскорѣ должны явиться сильные мужи ученія и опыта, наши современные Батте (принимая имя это, какъ имя теоретика, удовлетворяющаго своимъ ученіемъ своему вѣку), наши Квинтиліаны.

Но при такихъ требованіяхъ, тѣмъ опаснѣе теперь являться на судъ нашъ съ наукою недостаточною, съ теоріею близорукою. Снисхождение наше къ прошедшему-несовершенному предполагаетъ уже требованіе на болѣе совершенное-современное.

Обратимся послѣ общихъ нашихъ объясненій къ частному явленію, какое представляеть намъ изданная теперь на Русскомъ языкѣ книга Г-на Давыдова.

Несмотря на неопредѣленное названіе: «Чтенія о Словесности», она берется изложить намъ теорію Словесности — она не критика, и ея требованія простираются на полный объемъ науки *Изящнаго* (или *Изящнаго*, какъ говоритъ сочинитель ея). Мы не обратили бы, можетъ быть, на эту книгу особеннаго вниманія, если бы — 1-е не чувствовали необходимости и крайней надобности въ теоріи, и въ такой книгѣ, гдѣ она излагалась бы вполне и удовлетворительно; 2-е, если бы книга не носила на себѣ имени чловека, котораго мы привыкли уважать и считать въ числѣ почетнѣйшихъ нашихъ ученыхъ,

и наконецъ, 3-е, если бы не видѣли мы, что едеа въ прошломъ году явилась эта книга, какъ уже издается она *вторично*, и авторъ, съ увѣренностью и самодовольствіемъ говорить, что онъ убѣдился «въ вѣрности началъ, принятыхъ имъ за основаніе.»

Да, онъ именно говоритъ такъ, и говоритъ безъ оговорокъ. Послѣ этого, дѣло стоитъ вниманія.

«Въ урокахъ Блера находимъ *важнѣйшія изслѣдованія по предмету Философіи Словесности*... Въ преподаваніи Словесности, для развитія изящнаго вкуса и образованія дара слова (?), уроки Блера *предпочитаются* всѣмъ другимъ руководствомъ... Англійскіе писатели преимущественно занимаютъ средину между двумя крайностями, идеализмомъ и эмпиризмомъ въ изящномъ. Таково въ этомъ отношеніи сочиненіе Блера... Прислушиваясь къ различнымъ мнѣніямъ и толкамъ о Чтеніяхъ, съ желаніемъ воспользоваться благонамѣренными замѣчаніями, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ *вѣрности началъ, принятыхъ мною за основаніе при изученіи Словесности*. Начала въ науку составляютъ главное... Начала вззрѣнія на Словесность, какъ на науку *Изящнаго* въ словѣ, остаются неизмѣнны, потому, что неизмѣнимы законы искусства... Было время, когда и самъ издатель Чтеній почиталъ Блера *между писателями о Словесности старымъ*, но изучивъ писателей, и предшествовавшихъ ему, и послѣдовавшихъ за нимъ, онъ снова обратился къ Блеру, *болѣе всѣхъ выполняющему требованія науки*... Законы *Изящнаго* не старѣютъ — они вѣчны, какъ законы безсмертнаго духа чловека, всегда юнаго, всегда одинаго въ сущности... Все, что открыто изъ этихъ законовъ древности, и *въ новыя времена* наблюдавшими явленія духа чловека въ словѣ, мы находимъ въ Блерѣ; оставалось присоединить къ нему то, что замѣчено *послѣ него*... Если въ Философіи Словесности *высказано* (?) все то, о чемъ говорили древніе и новыя мнѣ-

слителн (?), если общія истины изящнаго слова вѣрно приложены къ писателямъ отечественнымъ (?), то условія науки выполнены»....

Послѣ всего этого, намъ надлежало бы испугаться, что мы не знали, не понимали до сихъ поръ генія столь первокласснаго, какъ Блеръ, испугаться, говорить, отказаться отъ всего, что мы сказали предварительно, указать на книгу Блера, и сказать, что, послѣ приѣзда къ ней Русскаго переводчика, или пересочинителя, мы обладаемъ драгоценною книгою, теоретическимъ кодексомъ Изящнаго и Изящной Словесности, тѣмъ, чего донынѣ не находили мы ни у одного народа. Мы и готовы бы на все это, если бы, къ несчастью, давно сами не знали и не изучали Блера, и если бы понимали мы сколько нибудь великолѣпную похвалу Блеру нашего автора. Изъясните — мы ея не понимаемъ!

«Законы Изящнаго вѣчны и неизмѣнны.» Такъ, да открылъ-ли ихъ вполне человекъ? «Но довольно, если мы знаемъ все, что говорилъ, объ нихъ человекъ.» Такъ, да цѣлый хаосъ противорѣчій открывается намъ въ говоръ человека объ Изящномъ. «Блеръ примирилъ весь этотъ хаосъ въ себѣ, и достигъ крайней точки совершенства науки.»

Неужели? — Прежде всего историческая повѣрка. Кто былъ гдѣ и когда жилъ, и что сдѣлалъ Блеръ?

Шотландецъ Блеръ, родившійся въ 1718-мъ, умершій въ 1800 году, принадлежалъ къ числу тѣхъ достойныхъ всякаго уваженія мыслителей, которые, въ половинѣ прошедшаго столѣтія, составили отдѣльную школу практическихъ приложеній мышленія къ разнымъ предметамъ науки и общежитія. Тамъ и тогда образовались Робертсонъ, Адамъ Смитъ и Блеръ, первый практической историкъ, второй практической изъяснитель науки народнаго богатства, третій эстетической мыслитель. Воспитанники ложно понятой

ими, практической философіи Бакона, развитой идеологомъ Локкомъ, и породившей наконецъ Дюгальдъ-Стюартову философію Шотландскую, Шотландскіе мыслители въ теоріи Изящнаго и приложеній его были практиками, принимавшими въ основаніе пинтику и эстетику Французскую. Отличіе ихъ состояло то, что они почти оставляли теорію, и говорили о частныхъ подробностяхъ Изящнаго и Изящной Словесности.

Собственно — это были учителя рисованія въ Словесности, поставлявшіе во главу всего изученіе Древнихъ, какъ иные учителя заставляютъ учениковъ живописи, для пріобрѣтенія вкуса, рисовать съ бюстовъ и антиковъ, ограничивая тѣмъ всю науку.

Спрашивается: можетъ-ли послѣ сего быть Блеръ, и естественно-ли Блеру, одному изъ такого рода, такой школы мыслителю, писавшему за семьдесятъ лѣтъ, когда и не подозрѣвали великихъ переворотовъ въ теоріи Словесности, когда въ Англіи царствовалъ чопорный классицизмъ, когда и имени Германской Философіи не было слышно, возможно-ли ему быть нашимъ учителемъ, и сосредоточить въ себѣ всю философію Изящнаго и теорію его? Но нашъ почтенный авторъ берется дополнить то, что замечено послѣ него.» Да, не будетъ ли это одно и то же, если бы кто сказалъ, что въ Робертсоновой «Исторіи Карла V-го» заключается вся Исторія новой Европы, и остается только «присоединить къ ней то, что случилось послѣ Карла V-го до нашихъ временъ?»

Историческая повѣрка не говорить въ пользу Блера. Посмотримъ однако жъ, что къ Блеру «присоединилъ» нашъ авторъ. Можетъ быть, онъ совершенно передѣлалъ Блера.

По крайней мѣрѣ, этого не было въ «первомъ» изданіи «Чтеній о Словесности:» эти «Чтенія» были почти голословнымъ переводомъ Блерова курса, который нашъ авторъ раздѣлилъ на три части. При

второмъ изданіи первой части, перваго курса, нашъ авторъ присоединилъ, вмѣсто введенія, вступительное чтеніе о частяхъ словесности и вспомогательныхъ для нея наукахъ.» Кажется, что всѣ прибавки ограничились этимъ *введеніемъ*.

По тѣмъ оно любопытнѣе. Следовательно, здѣсь увидимъ мы современную намъ теорію и науку Изящнаго, со всѣмъ тѣмъ, что должно присоединить къ Блеру. Ждемъ многого.

Авторъ начинаетъ тѣмъ, что слово: «Словесность», принимается различно, и что «слово, это могущественное орудіе ума, воли и чувства, даже въ наше время не можетъ похвалиться точностью системы.»

Желаемъ знать опредѣленіе и систему нашего автора. Вотъ они: человекъ, или *постигаетъ* сотворенное и Творца его, или творить самъ; произведеніе творчества его есть *искусство*, посредствомъ котораго міръ мыслей и чувствованій переходитъ въ міръ явленій. *Наука* сводитъ дѣйствительное въ возможное, изъ явленій открываетъ законъ. *Искусство* противопоставляется наукѣ, производя изящное въ явленіяхъ, и *Словесность*, какъ *искусство*, есть даръ претворять идеи въ словесные образы. Но когда идея перешла въ явленіе, она становится предметомъ *науки*. Отсюда наука, или теорія изящнаго — постиженіе Изящнаго въ словѣ, когда искусство Словесности есть творчество въ Изящномъ словѣ. Словесность, какъ *наука*, ограничивается постиженіемъ законовъ, при которыхъ возможно творческое произведеніе духа въ словѣ. Цель науки — постигать; цель искусства творить. Вмѣсто извѣстнаго изреченія: *poetae nascuntur, oratores fiunt*, правильнѣе говорить: *poetae et oratores nascuntur, viri docti fiunt*. Ученые — жрецы науки; художники — жрецы искусства.

Это ясно и правильно, хоть и не ново. Далѣе: Какъ *наука*, ученіе, система творчества изящна-

го, Словесность имѣетъ свою *философію* и *исторію*. Цель философіи усмотрѣть творящій духъ въ его производимости, къ чему матеріаломъ служитъ исторія. Одна есть синтезисъ изящнаго, отъ начала его идеи до явленія, а другая анализъ, восходящій отъ явленія къ идее. Исторія есть наведеніе (*inductio*), философія выводъ (*eductio*). Изъ обѣихъ слѣдуетъ *критика*. Она не есть особая наука, но *приложеніе философіи и исторіи* къ изящнымъ произведеніямъ, развитіе и *облагородствованіе* (?) чувства изящнаго, преобразованіе его въ способность наблюдать степень приближенія словесныхъ твореній къ идеаламъ, ибо истинное знаніе во всякой наукѣ возможно только при пособіи обѣихъ способовъ, философіи и исторіи, синтезиса и анализа.

И противъ этого не станемъ спорить, хотя, кажется намъ, авторъ не точно употребляетъ названіе: *философія* и *исторія*. По нашему мнѣнію, здѣсь слѣдовало поставить: *теорія* и *Практика*. Слово: *философія*, смѣшиваетъ понятія, ибо здѣсь оно выражаетъ только часть философіи, занимающуюся синтезомъ изящнаго и его явленій. Также сбивчиво слово: *исторія*, ибо здѣсь оно принимается, какъ аналитическое изслѣдованіе явленій относительно къ идеямъ изящнаго. Отъ этой сбивчивости понятій вышло, что у нашего автора, критика проглотила философію и исторію изящнаго, составила науку, и между тѣмъ осталась не наукою. Но что спорить о словахъ, и тѣмъ еще болѣе, что нашъ авторъ упорно отвергаетъ названія теоріи и практики, говоря: «неправильно названіе теоретическаго ученія, *хотя мы сами употребляемъ это названіе*, потому что оно собственно противопоставляется практическому, а не историческому.» Положимъ, что такъ, хотя удивляемся, что авторъ видитъ въ своемъ опредѣленіи *довершеніе труда шестнадцати вѣковъ*. «Шестнадцать столѣтій (съ Квинтилиана, у котораго авторъ

находить свою мысль) потребно было для того, чтобы умъ открылъ *истинное воззрѣніе*, омраченное схоластикою. Столь труденъ путь къ истинѣ!» Въ самомъ дѣлѣ — не легко.

Далѣе, авторъ опредѣляетъ *полную науку Словесности*, какъ началъ, *философіей* (по нашему, *теоріей*, *исторіей* (по нашему, *практикой*) и *критикой* (чему не находимъ мы соответственной идеи). Значеніе и цѣль философіи изящнаго, какъ *прикладной эстетики*, или *науки объ изящномъ*, или какъ части *теоріи изящныхъ искусствъ*, опредѣляютъ *содержаніе и форму*.

Здѣсь мы останавливаемся и возражаемъ. Систематическое изложеніе ученаго предмета требуетъ строгой постепенности, и потому авторъ не правъ, вводя новую категорію понятій, и не объяснивъ предварительно значенія и отношенія ихъ къ предложенному прежде. Онъ говорилъ намъ о *философіи*, *исторіи*, *критикѣ* Словесности, и вдругъ мы слышимъ имя *прикладной эстетики*, когда объ *эстетикѣ* не было ни одного слова. Далѣе увидимъ мы, въ какую нескончаемую цѣпь ошибокъ повело это автора!

Онъ различаетъ затѣмъ *объективную* (внѣшнюю, матеріальную) и *субъективную* (внутреннюю, идеальную — опять новое, необъясненное слово) стороны науки, и переходитъ къ объекту науки, который находитъ въ *словѣ*. Слѣдуетъ толкъ о словахъ, языкѣ, слогѣ, и объектѣ науки. Словесность ограничивается *теоріею языка, изящной рѣчи и слога!*...

Новое обращеніе автора къ *изящному вообще*. Оно проявляется во времени и пространствѣ, образомъ, звукомъ, словомъ, отъ чего выходятъ искусства образовательныя (пластика и живопись), искусства тоническія (музыка), искусства словесныя (поэзія). Последняя выражаетъ *идеальное* (поэзія-собственно) и *дѣйствительное* (краснорѣчіе), отъ того и дѣленіе *формъ*, въ которыхъ оно выражается: *идеальное* —

эпосомъ, *лирою*, *драмою*; дѣйствительное — *исторією*, *философією*, *эпихействомъ*.

По нашему мнѣнію, если здѣсь не ошибка на ошибку, то по крайней мѣрѣ совершенная сбивчивость идей и понятій!

Если слово есть предметъ науки изящнаго, какимъ образомъ *формы слова* — эпосъ, лира, драма, и проч., становятся *субъектомъ* его? Если же они проявленіе *идей духа человеческого*, почему ученіе объ изящномъ, какъ *идей*, еще непереходящей въ слово, не входитъ въ философію Словесности?

Отъ чего дѣлитъ авторъ изящныя искусства на три только части, а не на пять, сливая совершенно разнородныя, пластику и живопись, въ одно, и все забывая мимическія искусства? Очеркъ и цвѣтъ развѣ *образы*? *А мимика* развѣ не изящное искусство?

Авторъ забываетъ потомъ основное дѣленіе Словесности на прозу и стихъ, чѣмъ опредѣляется форма поэзіи и ораторства.

А дѣленіе автора? Эпосъ и — *исторія!* Лирика и — *философія!* Непостижимо....

Много надобно бы говорить, если бы пришлось изъяснять все, что поражаетъ здѣсь безотчетностью и несообразностью. Пойдемъ далѣе. Можетъ быть, авторъ объяснится еще....

Жаль только, что итти далѣе некуда: авторъ нашъ кончилъ. Онъ говоритъ мимоходомъ, что въ объективную часть науки входятъ грамматика и риторика («имѣютъ въ ней принадлежащее имъ завѣдываніе»), а *пѣнтика* входитъ въ субъективную часть, какъ равно и теорія краснорѣчія. Авторъ советуетъ этомъ ни какого изъясненія нѣтъ. Авторъ советуетъ кромѣ того предварительно учиться психологіи, логикѣ, эстетикѣ, исторіи изящныхъ искусствъ, языкомъ иностраннымъ, и особенно *Славянскимъ*, какъ роднымъ намъ, что весьма, какъ уверяетъ онъ, полезно, для образованія поэта и оратора.

Изложение науки Словесности кончено нашим авторомъ. И это называютъ *введениемъ*? И это называютъ *наукою*?

Что же мы тутъ видѣли? Речь начата общими мѣстами, что и въ Словесности есть *теорія и практика*; далѣе говорится, что теорія дѣлится на знаніе внутреннихъ формъ Словесности и высшихъ формъ. Слово есть высшая форма, и вдругъ, и ни изъ чего, показывается потомъ совершенно ложное дѣленіе произведеній Словесности, а въ заключеніе намъ говорятъ, что сюда же принадлежать (а какъ и почему, неизвестно) грамматика, пѣтика, риторика, и советуютъ учиться психологій, логикъ, эстетикъ, Славянскимъ языкамъ, увѣряя, что все это очень хорошо и полезно. Авторъ упоминалъ объ исторіи Словесности, и уклонилъ ее въ сторону; упоминалъ о критикѣ, и также уклонилъ ее. Иное прочее сказано было мимоходомъ. При чемъ же мы остались? При *словѣ*, и неужели *наука слова* есть *наука Словесности*?

Вы еще сомнѣваетесь, а авторъ точно такъ думаетъ, и весь слѣдующій за тѣмъ курсъ Словесности Блера, къ которому авторъ нашъ придалъ свое *введение*, есть не что иное, какъ *наука о словѣ*, или; говоря словами Шекспира, не наука, а «*слова, слова, слова*» о *словѣ*.

Какъ же почтенному автору не уважить хоть необходимыхъ *условій* каждой науки!

Наука начинается опредѣленіемъ. Затѣмъ опредѣляется мѣсто ея въ міръ человѣческихъ знаній; потомъ излагается предварительная часть знанія, и затѣмъ слѣдуютъ теорія, практика науки, ея идеи и явленія, а въ заключеніе объясняются вспомогательныя знанія.

Мы изложили сбивчивое введеніе нашего автора. Хотите ли видѣть и узнать послѣ сего сущность Блерова курса, или того, что выдаютъ намъ за курсъ

Блеровъ? Это любопытно. Вотъ кратчайшій очеркъ его содержанія.

Человѣкъ обладаетъ даромъ слова и письма. То и другое стоитъ изученія. Польза изученія, для забавы, для нравственности, и проч.

Слово—собственно какъ звукъ, выражающей идею. Письменна и буквы, гласныя и согласныя.

Порядокъ словъ. Исторія письменъ, склады, выраженіе звукомъ и очерками.

Части речи, имя, глаголъ, и проч., какъ стихій слова.

Сродство языковъ. Языкъ Русскій и исторія его.

Устарѣлыя (извините!) мысли о богатствѣ, обиліи, красотѣ, характерѣ языковъ. Богатство Русскаго языка. Этими оканчивается отдѣленіе, которому авторъ далъ названіе: *языкъ*. Далѣе слѣдуетъ отдѣленіе: *речь*. Здѣсь идутъ пространныя толки о правильности, порядкѣ, чистотѣ, метафорахъ, гиперболахъ, фигурахъ. Наконецъ говорится о *слогахъ*—краткость, обиліе; *слогъ* средній, простой, высокой, и проч., и первый курсъ, или *философія Словесности*, кончится. Но спрашиваемъ: что-же это такое? грамматика, синтаксисъ, риторика? гдѣ тутъ *наука Словесности*? Начинать науку Словесности *словомъ*, этою оболочкою идей, излишнее выраженіе которыхъ въ словахъ составляетъ будто-бы *Словесность*, все равно, что говорить о краскахъ въ началѣ курса живописи, о приготовленіи кирпича въ архитектурѣ, о закалкѣ сабель въ тактикѣ. Во второмъ курсѣ слѣдуютъ приложенія *слова* и *слога* къ витійству, философскимъ сочиненіямъ, исторіи. Третій курсъ еще не изданъ. Разумѣется, что въ немъ увидимъ мы приложеніе слова и слога къ поэтическимъ произведеніямъ.

Если мы прибавимъ къ этому, что разсматриваемая нами книга добродушно повторяетъ все то, что уже давно признано невѣрнымъ, всѣ эти риториче-

скія и общія мѣста, отвергнутыя истинною наукою какъ-то: различіе слоговъ на простой, средней, и высокой, синонимы, украшеніе слога фигурами, и проч.; если скажемъ, что она исполнена притомъ ошибокъ лвныхъ и странныхъ, то читатели уволятъ насъ отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія «Чтеній о Словесности.»

Скажемъ, что мы нашли въ нихъ нѣсколько взятыхъ у Блера, нѣсколько прибавленныхъ переводчикомъ, или передѣльвателемъ, полезныхъ практическихъ замѣчаній. Благодарность за то. Но какъ наука Словесности, какъ книга, долженствующая удовлетворить современныя требованія на науку, показать теорію Словесности, мѣсто ея въ ряду другихъ человѣческихъ знаній — «Чтенія о Словесности» не выдерживаютъ критики! Они составляютъ явленіе въ нашей литературѣ, въ нашемъ вѣкѣ — непостижимое! Гораздо лучше намъ приняться снова за курсъ Баттѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, находимъ ложное основаніе, но логическую систему и полноту предмета.

Если однако жъ мы сказали выше, что до сихъ поръ не издано еще нигдѣ новѣйшаго удовлетворительнаго курса Словесности, то не должны ли мы изъяснить здѣсь нашихъ требованій, и тѣхъ формъ, въ какихъ желали-бы мы видѣть современное изложеніе сей науки? Мы почитаемъ это нашею обязанностью тѣмъ болѣе, что изъясненія наши будутъ основнымъ началомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій нашихъ, къ какимъ представить намъ поводъ отдѣленіе критики въ журналъ нашемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, различіе основаній и началъ съ изложенными въ «Чтеніяхъ о Словесности,» различіе корней, радикальное, такъ сказать, покажетъ читателямъ, почему не хотѣли мы входить въ подробности, касательно упомянутой книги, указавъ только на ложную точку зрѣнія автора ея и основныя ошибки развитія ея системы. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы должны просить читателей нашихъ, да извинятъ они

насъ, если предѣлы статьи нашей не позволяютъ намъ полноты въ изложеніи нашихъ идей. Не присвоиваемъ также себѣ понятій, которыя хотимъ изложить: они суть плоды изученія и наблюденія надъ трудами многихъ, и особливо новѣйшихъ мыслителей Европейскихъ, и практической критики, которая образовалась въ такомъ блескѣ въ новѣйшее время.

Начнемъ съ понятій предварительныхъ, общихъ. Природа и человѣкъ представляютъ намъ единое цѣлое, и въ слѣдствіе того, должна быть единая, всеобъемлющая наука, наука наукъ, по преимуществу, наука природы и человѣка вмѣстѣ. Это *философія*.

Но умъ человѣческой постигаетъ только раздѣлять понятія. Въ слѣдствіе сего дѣлится философія на части, и распадается на множество наукъ, знаній и вѣдѣній.

Наукою называется то, что имѣетъ предметомъ познаніе *непреложной истины*, вѣчной, не зависящей отъ времени и воли человѣка. Такова *математика* — наука пространства и предметовъ, его наполняющихъ, и частная философія, наука жизни этого пространства.

Но всякій предметъ, болѣе или менѣе, можетъ восходить на степень науки, по мѣрѣ его возвышенія. Такъ *исторія* — если она представляетъ только факты и событія — это простое вѣдѣніе, матеріалъ грубый. Приведенная въ систему — она уже *знаніе*. Сведенная на чистое познаніе идей, на высшій синтезисъ, она дѣлается наукою, и принимаетъ великое названіе «философіи исторіи.» — Въ обратномъ ходѣ, всякая наука имѣетъ свое *знаніе* и свое *вѣдѣніе*, или свой грубый матеріалъ. Изученіе явленій жизни человѣческой въ *психологіи*, есть философическое частное знаніе, а *логика* — изученіе формулъ, посредствомъ коихъ мы достигаемъ философскихъ истинъ — есть простое вѣдѣніе.

За симъ слѣдуетъ частное приложеніе знаній, иногда одного и немногихъ, но почти всегда многихъ соединенно съ другими, для известной, особенной цѣли. Здѣсь начинается область *искусства*, область практическаго приложенія. Такъ, напримѣръ, *медицина* есть познаніе природы и чловѣка, съ цѣлью—употребить это познаніе на здоровье чловѣка; *военное искусство* есть собраніе знаній и вѣдѣній для защищенія чловѣческаго. То и другое соединяють въ себя множество разнородныхъ знаній, а высшія части ихъ переходятъ въ достоинство науки, восходя къ основной ихъ идѣе.

Философія и *математика* суть только двѣ единственныя науки по преимуществу, науки—собственно. Онѣ не имѣють ни какой цѣли, кромѣ безкорыстнаго изысканія истины; онѣ не имѣють ни какого частнаго предмета — онѣ всеобъемлющи, и потому заключаютъ въ себя всю науку, и во всю науку входятъ, какъ атмосфера объемлетъ землю, и дѣлается необходимою для жизни всего живущаго.

Искусство имѣетъ уже определенную цѣль — это *польза*, или благо чловѣка. Математика и философія не созданы чловѣкомъ — онѣ родились съ идеями времени и пространства. Вся другія науки и знанія *создалъ чловѣкъ*, а искусство есть преимущественно область его твореній. Науки и знанія суть его идеи, обращенныя на познаніе его самого и природы. Искусство — пересозданіе, такъ сказать, природы и себя самого для собственной пользы.

Но есть цѣлая область искусствъ, гдѣ чловѣкъ не искалъ ни какой пользы, но гдѣ его идеи развились наибильше и его творимость оказалась наибольше. Это область *прекраснаго*, область духовнаго наслажденія чловѣческаго. Здѣсь свободно и безгранично развился духъ чловѣчскій, какъ развилась природа въ твореніи, несвязанный шпѣтъ, и проявилъ себя въ самыхъ великихъ и прекрасныхъ

созданіяхъ. Міръ видимый составляютъ природа и чловѣкъ—вещественность и духъ. Если математика есть высшая область истинъ природы, то область прекраснаго есть высшая область ума чловѣческаго, и потому она образуетъ для чловѣка третью категорию, равносильную истинѣ и пользѣ. Эту категорию составляютъ искусства, превосходно выражаемая Русскимъ словомъ: *изящныя*, и называемыя у другихъ народовъ *прекрасными* (beaux arts, schöne Wissenschaften).

Область ихъ распространилъ чловѣкъ на природу и на самого себя. Такъ изъ природы взялъ онѣ формы и вещественные предметы, схватилъ ея цвѣты и очерки, присвоилъ себя ея звуки. Изъ нихъ образовались три отдѣленія искусствъ изящныхъ: пластическія—*зодчество* и *скульптура*; начертательныя—*живопись*; тоническія—*музыка*. Но высшая степень искусствъ изящныхъ проявлена чловѣкомъ въ *словѣ*—этомъ *вещественномъ* отличіи чловѣка отъ всей природы, какъ умъ его есть *духовное* отличіе отъ силъ всей остальной природы. Въ словѣ чловѣчскомъ сливаются формы, цвѣты, звуки. Здѣсь является *Словесность*, между тѣмъ, какъ чисто вещественная сторона чловѣка образуетъ искусства *математическія*—систему живыхъ формъ и ихъ тѣлодвиженій.

Подобно всемъ искусствамъ и наукамъ (кромѣ математики и философіи, у которыхъ нѣтъ теоріи и практики) изящныя искусства имѣють свою теорію и практику — ученіе и приложеніе. Подобно всемъ, они нисходятъ въ самую низшую степень — матеріаль, вѣдѣніе, и восходятъ въ высшую степень, составляя науку.

Для простаго ваятеля, зодчаго, живописца, музыканта, словесника, актера—искусство ихъ простое ремесло, практическое занятіе. Основаніе изящныхъ искусствъ и приложеніе его составляетъ знаніе.

Разсмотрѣніе въ высшей степени идеи являетъ науку.

Изящныя искусства не имѣютъ ни какого отдѣльнаго предмета, и у нихъ нѣтъ ни какой корыстной цѣли. Предметъ ихъ — прекрасное. Но что такое «прекрасное?» Ничто, мечта, или все, что нравится человѣку, ибо вся цѣль изящныхъ искусствъ есть услажденіе человѣка. Многіе хотѣли *опредѣлить* прекрасное, и говорили о томъ, что *правилось* въ то или другое время, но то же самое не нравится въ другое время и перестаетъ быть прекраснымъ. Вкусъ опредѣляетъ это, но вкусъ чувство частное, знаніе приличій временныхъ. Степень прекраснаго, приближающаяся болѣе другихъ къ идеалу, опредѣляется продолженіемъ времени, большинствомъ голосовъ и высшимъ просвѣщеніемъ. Что продолжительнѣе въ исторіи, и у просвѣщенныхъ народовъ вмѣняетъ большую похвалу, то выше и лучше. Но между тѣмъ, нельзя осуждать Китайца за его фигурный кіоскъ, ни порицать Мавра за его пеструю альгамбру, и нельзя сказать, чтобы и Парѳенонъ Аѳинскій былъ лучше Страсбургскаго собора. Поэмы Віазы, Данта, Гомера, Нибелунги и Магабхарата совершенно хороши, если вполне удовлетворяютъ своему вкусу. Иерусалимъ и Ганриада Вольтера потому хуже ихъ, что не удовлетворяютъ, одна требованіямъ героическо-христіанской эпохи, а другая требованіямъ новѣйшаго эпоса.

Изящныя искусства врожденны душѣ человѣка, и такое необходимое дополненіе его бытія, что нѣтъ ни одного народа въ мірѣ, у котораго бы они не существовали, и гдѣ бы вѣчныя, основныя формы ихъ не были одинаковы. Отсюда явно, что они не *искусственное подражаніе природы*, такъ, какъ и прекрасное не есть *украшенная природа*, но они свободное проявленіе духа человѣческаго, и прекрасное, перешедшее въ вещественныя формы идеальнаго человѣческаго духа. Потому, если нѣтъ здѣсь ни истины

ни пользы положительной, то есть истина и польза духовныя, чѣмъ изящность становится наряду съ истинною и благомъ. Для полноты истины, надобно ей быть благою и изящною; для полноты блага, быть ему истиннымъ и изящнымъ; для полноты изящнаго, быть ему истиннымъ и благомъ. Это треугольникъ, у котораго все углы равны — символъ высочайшаго и таинственнаго.

Но, можетъ ли быть *наука изящнаго*? Вопросъ нелѣпый, если явленіе и предметъ существуютъ. Но наука научить ли насъ *дѣлать изящное*? Опять нелѣпость! Ни какая наука не научить быть ни ученымъ, ни художникомъ — «таланты отъ Бога!» И это разумѣетъ самый грубый ремесленникъ, говоря: «ученье малому не дается!» Наука есть только *система наблюдений надъ предметомъ и явленіемъ*. Выходя отъ явленія къ идеѣ, она есть *анализъ*, или практика; нисходя отъ идеи къ предмету, она есть *синтезисъ*, или теорія. Исторія дополняетъ то и другое, принимая значеніе систематической критики. Такъ во всемъ—такъ и здѣсь.

Послѣ всего, что мы говорили, понятно, что наука изящнаго, отдѣляясь отъ другихъ, отнюдь не начинается матеріальнымъ изслѣдованіемъ орудій, коими изящное дѣйствуетъ. Языкъ человѣческой, такъ какъ мраморъ, краска, звукъ, изслѣдуемые въ психологическомъ и фізіологическомъ отношеніяхъ, не принадлежатъ къ изящному, и потому, не все то, что *говоритъ и пишетъ* человѣкъ, относится къ изящному. Изящное беретъ у грамматики и логики языкъ уже готовый, и слово человѣческое тогда только входитъ въ область науки изящнаго, когда оно выражаетъ изящное.

Слѣдовательно, наука Словесности, то есть *изящнаго выраженія словомъ*, начинается не съ слова, но съ *идеи изящнаго*. Приведемъ здѣсь въ форму науки

нашъ предметъ, или, какъ говорится, займемся построениемъ науки.

Эстетика есть та высшая точка, изъ которой развивается здѣсь все. Она есть *ученіе объ изящномъ безразличномъ и безусловномъ*. Но чтобы проявиться изящному, оно изъ безразличной идеи чловѣка должно перейти въ явленіе, и это явленіе необходимо будетъ *вещественное*, ибо духъ чловѣка проливается зримо, осязаемо, слышимо только въ вещественности. Вещественность являетъ намъ чловѣка и природу. Они представляются въ формѣ, цвѣтѣ и звукѣ. И вотъ начало *изящныхъ искусствъ*.

Идея прекраснаго въ формахъ породила *искусство ваянія и искусство зодчества* (не какъ простаго построенія жилища чловѣческаго, но какъ изящнаго созданія ихъ).

Идея прекраснаго въ цвѣтахъ породила *искусство живописи*.

Идея прекраснаго въ звукахъ породила *искусство музыкальное*.

Все это произошло при обращеніи чловѣка къ природѣ. Но вотъ онъ обращается къ самому себѣ. Идея прекраснаго въ вещественной, тѣлесной его сторонѣ являетъ ему *искусство мимическое*.

Идея прекраснаго въ духовной, безтѣлесной его сторонѣ являетъ ему *искусство словесное*.

У всѣхъ одна цель — наслажденіе; у всѣхъ одинъ предметъ — проявить изящное, или прекрасное. Бсякое стараніе ихъ исключительно къ пользѣ, или къ истинѣ, вредитъ имъ, хотя они также могутъ быть прилагаемы прямо къ пользѣ и истинѣ, но тогда они уже уклоняются отъ своего истиннаго назначенія.

Эстетика изслѣдуетъ далѣе *творящее и творимое*. Кто здѣсь творитъ? Чловѣкъ. Она изъясняетъ средства творенія, гений и умъ. Кто подвергается творе-

нію? Природа, куда входитъ и самъ чловѣкъ, какъ часть природы. Эстетика изъясняетъ процессъ творчества, и средства доставляемыя творимымъ.

Двѣ категоріи понятій представляются намъ всюду: *пространство* и *время*, первое какъ прошедшее, второе какъ будущее. Они сливаются въ настоящемъ и являютъ жизнь его. Куда бы вы ни обратились, вы не выйдете изъ этихъ трехъ понятій. Въ математикѣ, онѣ точка и линія; въ физикѣ, тяжесть и свѣтъ; въ чловѣкѣ, духъ и тѣло; въ природѣ, положительное и отрицательное, свѣтъ и тѣнь. Изящное слѣдуетъ симъ общимъ законамъ. Въ живописи это очеркъ и цвѣтъ; въ ваяніи, линія и поверхность; въ мимикѣ, движеніе и покой.

И вотъ что составляетъ основаніе всеобщей теоріи изящнаго, эстетики. Явно, что если перейдемъ къ теоріи каждаго отдѣленія эстетики, теоріи каждаго *искусства изящнаго*, мы увидимъ повтореніе всеобщихъ законовъ въ частномъ.

Мы найдемъ теорію, практику, исторію; найдемъ дѣленіе на духовное, вещественное и соединеніе ихъ. Приложимъ это къ *наукамъ Словесности*.

Она *выражаетъ изящное словомъ*. Изящное дѣлится въ словѣ на *духъ* (поэзію) и *вещество* (прозу); первое выражается гармонією рѣчмической, второе гармонією прозодической. То и другое выражаютъ пространство, время и соединеніе ихъ. Въ поэзіи это *драма, лирика, эпопея*. Въ прозѣ *исторія, краснорѣчіе, романъ*. Настоящее выражаетъ здѣсь чистое, безотчетное наслажденіе — лирика (пѣсня, гимнъ, ода, элегія) и краснорѣчіе (рѣчь оратора). Прошедшее знаменуется здѣсь истинною — драма и исторія (изящная). Будущее сливаетъ обѣ категоріи въ благо, и уноситъ чловѣка внѣ прошедшаго и настоящаго, въ эпопею и романъ.

Такъ, какъ все можетъ восходить къ высшему, и все соединяется одно съ другимъ, и все можетъ опять

прилагаться къ частной пѣли, отсюда слѣдуетъ безчисленное множество измѣненій частныхъ. Философія Платона — это была поэзія; поэзія Браминновъ — это была философія. Краснорѣчіе обращается на юридическую защиту челоуѣка. Проза восходитъ къ высокой поэзіи, и поэзія беретъ языкъ простой прозы. Драма соединяетъ эпопею и элегію; эпопея переходитъ въ драму и правоученіе. Отсюда безчисленное множество разныхъ сторонъ прекраснаго — печальное, смѣшное, высокое, простодушное; безчисленное множество родовъ поэзіи — идиллія, эклога, сатира, эпиграмма, эпитафія. Здѣсь нѣтъ ни мѣры, ни числа, потому что нѣтъ ни времени, ни пространства, ни пѣли, ни предмета.

Но гдѣ-же законы слышетъ здѣсь наука? Ихъ опредѣляетъ условіе необходимости при воли челоуѣка. Они являютъся, или духовно — гениемъ, или вещественно — вкусомъ. По ограниченности нашей, и то и другое неполно, преходяще, и потому-то являютъся здѣсь на пособіе наука и исторія.

Исторія исчисляетъ, рассматриваетъ всѣ явленія Словесности, указываетъ на ихъ мѣсто и время. Ея исчисленія беретъ себѣ наука, и если она переходитъ въ теорію, то, опредѣливъ возможность и предѣлы созданнаго, и повѣряя его съ приближеніемъ къ высшей идее, приводитъ все многообразіе въ систему, а творящая воля челоуѣка сознаетъ въ этомъ великіе уроки, отличаетъ гениальное, осуждаетъ ничтожное.

Приведемъ теперь въ логическія формулы, какъ можетъ быть послѣ сего составлено ученіе Словесности, курсъ Словесности.

Идея Изящнаго. Условія перехода ея въ явленіе. Искусство и дѣленіе его. Мѣсто Словесности въ Изящныхъ Искусствахъ; ея общія силы и средства; ея частныя силы и средства.

Изящное, перешедшее въ Слово. Дѣленіе на стихъ

и прозу — поэзія и проза. Непзмѣнныя формы того и другаго: драма — исторія, лирика — ораторія, эпопея — романъ. Сліяніе родовъ и частныя отдѣлы (въ драмѣ — трагедія, комедія, опера; въ лирикѣ — элегія, ода, пѣсня, и проч.) Особыя дѣленія поэзіи и прозы. Условія сихъ дѣленій и соединенія ихъ.

Исторія Словесности у всѣхъ народовъ; критическая повѣрка всѣхъ явленій, какъ анализъ теоретическихкихъ выводовъ.

И здѣсь кончится все. Научить тому, какъ надобно творить художнику — этого не возьметъ на себя ни какаѣ наука. Показать условія творенія, и критически рѣшить преимущество одного передъ другимъ, послѣ историческаго изслѣдованія объ относительномъ каждомъ достоинствѣ, и тѣмъ руководить вкусъ современній, указывать путь дарованію, научать его при мѣрамъ и ошибками другихъ — это исполняетъ наука Словесности, въ тѣхъ предѣлахъ, и съ тѣми условіями, какихъ мы отъ нея требуемъ.

Здѣсь уничтожается ложная теорія, искавшая абсолютно — прекраснаго, какъ химія искала философскаго камня. Уничтожается ложная мысль о механическомъ происхожденіи искусства. Уничтожается исключительное сужденіе классицизма объ условіяхъ и красотахъ, по условнымъ, исключительнымъ правиламъ, и всѣмъ твореніямъ всѣхъ народовъ дается свое мѣсто. Исторія опредѣляетъ судъ критики, и для творчества указываетъ впереди путь безконечный, говоря однако жъ: «Смотри! вотъ какъ шли до тебя люди; вотъ до чего простирается до сихъ поръ предѣлъ творимости челоуѣка; вотъ что почитали тогда-то и тамъ-то прекраснымъ; вотъ отъ какихъ причинъ происходило то или другое явленіе; вотъ средства, какія даютъ тебѣ умъ и природа; вотъ побужденія приготовиться на трудъ; вотъ условія жизни, мѣста и времени, гдѣ ты находишься — вотъ, на-

конец идеаль, куда стремится искусство. . . Иди и твори!»

Если наука Словесности изложится по предложенному нами плану (котораго, повторяемъ, мы отнодемъ себя не приписываемъ, и который есть выводъ изъ того, что проявили намъ повѣйшее мышленіе и новая критика), спрашиваемъ: не будетъ ли она тогда наукою, не будетъ ли истинно полною, истинно удовлетворительною? Мы уже почитаемъ ненужнымъ присовокуплять, что она также превзойдетъ ограниченную науку классиковъ, какъ и то, что представляетъ намъ почтенный передаватель Блеровыхъ уроковъ, подъ названіемъ науки, или «Чтеній о Словесности.»

Обращаясь снова къ книгѣ, подавшей поводъ къ изложенію нашихъ мыслей (которыя постараемся мы пространнѣе и болѣе изложить въ другихъ статьяхъ) скажемъ здѣсь, что книга эта рѣшительно несправедлива въ своихъ началахъ, ограничена въ объемъ предмета, невѣрна въ подробностяхъ, а доказывать все это, мы, какъ уже говорили, почитаемъ излишнимъ. Мы сказали свое мнѣніе, показали, какъ смотримъ на предметъ. Пусть судятъ и рѣшаютъ другіе — это уже не наше дѣло.

Н. ПОЛЕВОЙ.

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-й ГОДЪ.

(10 Февраля 1838 г.)

=

Мы опять начнемъ наше обзорнѣе современной нашей литературы *Современникомъ*, на которомъ въ послѣдній разъ видимъ имя Пушкина. Въ Декабрѣ вышли двѣ остальные его части, и тѣмъ кончилось изданіе *Современника* за 1837 годъ. Онъ будетъ продолжаться и въ нынѣшнемъ году, П. А. Плетневымъ. Не сомнѣваемся въ достоинствѣ почтеннаго издателя, но—уже Пушкина мы въ немъ не увидимъ. Тѣмъ драгоценнѣе для насъ все то, что его напоминаетъ. И какъ нарочно, на послѣднее воспоминаніе, издатель *Современника* подарилъ насъ превосходнымъ отрывкомъ, можетъ быть, одного изъ великихъ твореній, если бы Пушкинъ успѣлъ его кончить. Говоримъ объ его «Египетскихъ Ночахъ.» Что-то новое, необыкновенное заключалось въ этой мысли, которую только что началъ излагать поэтъ. Завлекательное описаніе характера Чарскаго, и этотъ импровизаторъ Италіанскій, шарлатанъ, бѣднякъ, геній, и все подробности, которыми все это обставлено, все это чудная прелесть! А импровизація Италіянца, когда жребій выпалъ ему изобразить сладострастную Царицу Египта, предлагающую смерть и наслажденіе въ своихъ объятіяхъ?..

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы, при звукѣ флейтъ и лиръ;

Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ;
Сердца неслись къ ея престолу . . .
Но вдругъ, надъ чашей золотой,
Она задумалась, и долу
Поникла дивною главою . . .

И пышный пиръ, какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ.
Но вновь она чело подымлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
«Въ моей любви для васъ блаженство —
Блаженство можно вамъ купить;
Вспомните мнѣ—могу равенство
Межъ нами я возстановить!
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни почъ мою?»

Трое собесѣдниковъ вызываются. Одинъ изъ нихъ,
Критонъ—

Младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ, едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый пѣжно отыгаль;
Восторгъ въ очахъ его силъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ,
И съ умилениемъ на немъ
Царица взоръ остановила . . .
И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоты
Покрываетъ сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампы,
Курится легкій ѳиміамъ,

И сладострастные прохлады
Земнымъ готовятся богамъ;
Въ роскошномъ, золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ съпно пупурныхъ завѣсъ
Блеститъ ложе золотое . . .

Нѣтъ! такихъ стиховъ ужъ долго не слышать намъ!
И послѣ нихъ, какъ блѣдны, какъ безцвѣтны ка-
жутся все тѣ, которые помѣщены въ Современникъ.
А ихъ тутъ немало, и не шутя, между ними есть
достойныя особеннаго замѣчанія. Послушайте, напримѣръ, это описаніе Таврическихъ боръ, Подолинскаго:

. . . И равнодушно смотришь,
И грудь твоя восторгомъ не взываетъ,
А между тѣмъ передъ тобою море
Кипящее бросаетъ поцѣлуй!
На грудь земли, и дышитъ грудь земли
Къ нему взаимной, пѣжкой, жаркой страстью,
И внутреннимъ волненіемъ своимъ,
Садовъ, и нивъ, и виноградныхъ лозъ,
Зеленое колеблетъ покрывало. . .
Но если ты *исколнуй* рано сердцемъ,
И сладкій даръ сочувствія утратишь,
Ты здѣсь найдешь для мысли новой пищу.
Разсѣль Богъ во всей природѣ мудрость,
Чтобы вести бесѣду съ человекомъ:
Куда ни *глядь*, вездѣ *благой* урокъ,
И примѣнить его не трудно къ жизни. . .

Отличимъ особенно среди другихъ стиховъ прелестную піесу Г. Е. Р., названную: *Мсть*. Вотъ мысль, изложенная въ ней: все мститъ обиду. . .

Все мститъ! Но женщины, безгласной, безоружной!
Чѣмъ ей воздать обидамъ клеветы?
Что дѣлать женщинѣ, когда кумиръ ненужный,
Развѣичанный кумиръ забывчивой мечты,
Она, съ подножія минутныхъ поклоненій,
Измѣной свержена. . . когда, безъ сожалѣній,
Слѣпой досадою тщеславной суеты
Она вдругъ брошена на судъ хмѣльныхъ сужденій,

На смѣхъ язвительный ничтожной остроты?
 Что можетъ женщина, когда изъ устъ порока
 Хула печистал ей издали шипить?
 Неправду-ль дерзкую она изболочить?
 Она ль унижится до пошлаго упрека?
 Нѣтъ! совѣсть за нее! Спокойна и горда,
 Вѣрна самой себѣ, она вездѣ, всегда,
 Пусть на злорѣчїе въ ней сердце негодуетъ:
 Духъ кротости въ ней сердце уврачуетъ.
 Духъ мудрости ей душу освѣжить!..

Она презрѣнемъ наказуешь,
 Она забвѣнемъ караетъ и казнить! . . .

По другимъ причинамъ, намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ объ отрывкахъ изъ двухъ большихъ предпрїятїй литературныхъ: перевода изъ *Энеиды*, г-на Деларю, и трагедїи, *Князя Шуйскіе*, г-на Ободовскаго. Мы удивляемся, что такими тяжелыми стихами, и такъ невѣрно, хотѣтъ намъ передавать *Виргилїя*; удивляемся и тому, что опять *Ллунуовъ* является у Г-на Ободовскаго, и является героемъ и великимъ человекомъ... Подумаете, что наши поэты не читаютъ Русской Исторїи, и что это за привязанность такая къ одному лицу? Довольно бы о *Ллунуовѣ* и того, что говорили до сихъ поръ...

Въ прозѣ порадовалъ насъ отрывокъ изъ новаго романа М. Н. Загоскина: *Искуситель*. По отрывку, съ надеждою ждемъ романа вполнѣ. — Въ *Льтовиски села Горохина*, дарованїе Пушкина ловко умѣло передѣлать на Русскіе нравы сатиру Рабенера.—Замѣчательны еще *Драматическіе очерки* Виллера, переведенные, по просьбѣ Пушкина, съ Англїйскаго, г-жею Ишимовою, хоть мы и не понимаемъ, чѣмъ тутъ особенно восхищался Пушкинъ.—*Письма совоспитанницъ*, неизвѣстнаго, очень милы. Наконецъ для разнообразїя, кажется, издатели помѣстили нѣсколько полезныхъ, дѣловыхъ статей: письма о Тамбовской выставкѣ, Я. Карамаскаго; отрывокъ изъ книги о Тульской Губернїи, И. П. Сахарова; раз-

боръ замѣчательной книги: «Статистическія свѣдѣнія о С. Петербургѣ»; о паровыхъ машинахъ, Князя Козловскаго.—Любопытны также извѣстія о книгѣ Кёнига: *Litterarische Bilder aus Russland*. Издатели увѣряютъ, что это книга «не бранная, не лживая, а благонамѣренная, безпристрастная, писанная не наобумъ, а съ знанїемъ, съ добросовѣстностью,» и что они поспѣшатъ сообщить разборъ ея своимъ читателямъ. Поздравляемъ издателей *Современника* съ дорогой находкой, но только совѣсть кажется, намъ, едва ли не дороже статьи, которую можно потѣшить праздною лѣнь читателей. — Кстати сказать, что разнообразїе *Современника* дополняется еще тремя весьма полезными статьями: «Свѣтскїй человекъ», дипломатъ, литераторъ, воинъ,» и «Восточная жизнь» — объ г-на Тита Космокротова («всеядонимъ», прибавляютъ издатели), и «Нѣсколькими словами о современной поэзи,» г-на В. Единickaго (опять: «псевдонимъ», прибавляютъ издатели). Повторяемъ, что всѣ эти три статьи очень полезны: если у васъ будетъ бессонница, примите ихъ страницы по двѣ, и вы крепко заснете. Полная благодарность издателямъ *Современника*! Они не забыли Горациева правила: *utile dulci*.

Обратимся къ другому—легкому, красивому и прїятному гостю—*Альманаху*, изданному г-мъ Владиславьевымъ. Не предвѣщаетъ ли намъ эта литературная ласточка литературной весны, или ей прїдется оправдать собой пословицу, что «одна ласточка весны не дѣлаетъ»? Какъ-бы то ни было, а мы—вотъ что значитъ приближенїе старости, и какъ правъ былъ поэтъ, сказавшїй—

Утѣшно вспоминать подъ старость прежнїи лѣты»

мы встрѣтили *Альманахъ*, какъ давно небывалаго гостя, и съ думой о бываломъ пересмотрѣли его хорошенькія картинки и красивые листочки. Повѣ-

сти И. И. Панаева, П. П. Каменскаго, Князя В. О. Одоевского, мелкія статьи самого издателя, и стихи Н. В. Кукольника, О. Н. Глинки, И. И. Козлова, Л. А. Якубовича, Барона Е. О. Розена, и проч. и проч., все это дѣлаетъ новый Альманахъ премилою литературною игрушкою. *Демонъ сомнѣній*, Кукольника; *Элегія* Барона Розена; *Отрывки изъ Фауста*, Губера; *Къ большой дамѣ*, Графини Е. Р...ой—все это выдвигается изъ уровня другихъ пѣсней, гдѣ остается еще за тѣмъ много хорошаго. Особенно любопытны показались намъ замѣтки И. И. Дмитріева въ альбомѣ Л. А. Якубовичу. За два мѣсяца до кончины, вотъ что сказалъ маститый поэтъ юному: «Поэзія, порожденіе неба, хоть и склоняетъ взоръ свой къ землѣ; но здѣсь она пронизываетъ въ глубину сердець, наблюдаетъ сокровенныя ихъ изгибы и живописуетъ страсти, держась всегда нравственной цѣли, воспламеняетъ къ добродѣтели, ко всему изящному и высокому, а тамъ изливается въ удивленіи къ мірозданію и въ трепетномъ благоговѣніи къ Непостижимому. Вотъ назначеніе истинной поэзіи, вотъ почему называется она органомъ боговъ, а вдохновенный ею поэтъ».—Блаженъ, кто въ душѣ своей сознавалъ такое чувство, стоя уже надъ могилою!

Вышли вторая книжка *Стихотвореній* г-на Бенедиктова и *Елена*, поэма г-на Бернета. Мы поговоримъ отдѣльно о томъ и о другомъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о повлеченіи первой части *Доменикино*, драматической фантазіи Н. В. Кукольника, напечатанной въ 1-й книжкѣ Библиотеки для Чтенія. Ждемъ ея окончанія, и теперь скажемъ только, судя по началу, что напрасно, по какой-то поэтической прихоти, авторъ выдалъ часть своего прекраснаго созданія. Это значитъ играть нетерпимѣемъ публики. Бойтесь разсердить ее—вѣдь публика женщина...

А. О. Вельтманъ явился съ двумя новыми рома-

нами: *Сердце и Думка*, и *Виргинія*. Если вы ищете романа въ смыслѣ Англійскомъ, или въ смыслѣ по-вѣсти о томъ, какъ любить, какъ живутъ люди, какъ они бываютъ счастливы и несчастны, и отъ чего и почему; если вы любите все это въ разсказъ стройномъ, романическомъ, то лучше не читайте романовъ Вельтмана. Но если хотите видѣть самую прихотливую фантазію поэта, то веселую, то печальную, то игривую, какъ красавица Востока, то милую, какъ дочь Сѣвера, если хотите съѣсть на коверъ-самолетъ, и перебивать вдругъ, и на шабашъ вѣдьмъ, и въ свѣтлой гостиниой, и въ обществѣ провинціаловъ—читайте Вельтмана...

Подъ именемъ *Новаго Нѣмецкаго Театра*, кто-то напечаталъ двѣ комедіи одной изъ Нѣмецкихъ Принцессъ, имѣвшія, какъ говорятъ, необыкновенный успѣхъ въ Германіи. Что же? Мы рады знакомству съ милою, скромною Нѣмецкою Музою старинной Нѣмецкой комедіи. Право, эти бышенныя мелодрамы намъ такъ надоели...

Говоря о новостяхъ театра, порадуемся, что охота на Шекспира у насъ не проходить. Видно, что это не мгновенная прихоть публики. *Лиръ* Шекспировъ былъ игранъ на С. Петербургскомъ театрѣ, въ новомъ переводѣ, съ величайшимъ успѣхомъ. Еще новостъ, хоть также ненапечатанная: дали Испанскую пѣсню Рохаса (*Никому кромѣ Короля*), переведенную Княземъ А. А. Шаховскимъ, но переводъ ли былъ плохъ, пѣса ли выбрана неудачно, только ея не замѣтили среди кучи новыхъ водевилей, о которыхъ мы ни слова не скажемъ, хоть съ десятокъ ихъ даже напечатано. Лучше упомянуть о пріятныхъ вѣстяхъ, будто Шекспировъ *Сонъ въ лѣтнюю ночь* переведенъ А. О. Вельтманомъ, и что *Виндзорскихъ кумушекъ* Шекспира располагаютъ дать на Московскои сценѣ.

Перейдемъ къ литературѣ содержанія болѣе угрю-

маго, и скажемъ что нибудь о книгѣ С. Н. Глинки: *Записки о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 года до половины 1813 года, служащей продолженіемъ прежде изданныхъ имъ Записокъ о 1812 году.* Немногое дополнила къ историческимъ матеріаламъ, книга г. Глинки важное дополненіе къ характеристикѣ незабвенныхъ прошедшихъ событій, какъ Плавтовы творенія дополненіе къ характеристикѣ древняго Рима. Впрочемъ, многое имѣеть въ ней достоинство историческое. Какъ, напримѣръ, не замѣчательно письмо *Lessena*, которое писалъ онъ въ Москвѣ къ генералу фанъ-Дедену, посылая ему нѣсколько свѣжихъ лицъ и двѣ бутылки вина. Невольно задумаетесь, читая эти строки Наполеонова интенданта, которому велѣла же судьба спастись, и отъ коралловыхъ скалъ Океаніи съ *Лаперузомъ*, и отъ Русскихъ снѣговъ съ Наполеономъ, провхать отъ Камчатки до Петербурга, и управлять обгорѣлыми развалинами Москвы....

Нѣсколько замѣчательныхъ книгъ выдано кромѣ того въ Декабрѣ и Январѣ:

Словарь Русскихъ святскихъ писателей, Митрополита Евгенія, часть I. Дополненіе и редакцію его принялъ на себя, по желанію незабвеннаго архипастыря, еще при жизни его, И. М. Снегиревъ, а изданіе А. С. Шляевъ. Это будетъ драгоценное дополненіе къ изданному прежде Словарю духовныхъ писателей, и богатый источникъ для фактовъ Русской литературы.

Военнаго Энциклопедическаго Лексикона выдана 4-я книжка, чѣмъ и окончился первый томъ. Вотъ истинно полезная книга, составленная съ Русскимъ усердіемъ къ добродѣлу, съ Русскою ревностью — исполнить передъ глазами Царя и Отечества принятую обязанность.

Мы не упоминали прежде о *Военной Библиотекѣ*, переводѣ известной *Bibliothèque militaire*, издаваемой

съ успѣхомъ въ Парижѣ Лискеномъ и Саваномъ. Упомянуть развѣ о Русскомъ переводѣ только для того, чтобы подвинуться небрежности, съ какою исполняютъ Редакторы ея обязанность, взятую ими у почтеннаго издателя И. П. Глазунова, который не жалеть издержекъ на печатаніе, и печатаетъ книгу прекрасно, и продаетъ весьма умеренною цѣною. Да что въ этой красиво напечатанной книгѣ — Боже великій! Несчастный Фукидидъ, бѣдный Ксенофонтъ.. вы ли это?

Говоря о словаряхъ, упомянемъ о вышедшей программѣ обширнаго и полезнаго предпріятія: *Библиотека коммерческихъ знаний*. Предложенныя для образчика статьи превосходны. Мы только одного боимся: не слишкомъ-ли обширно предпріятіе, и найдеть ли оно себѣ подкрѣпленіе въ читателяхъ? Впрочемъ, это будетъ уже вина не издателей, которые, какъ по всему видно, хотятъ добросовѣстно исполнить свое предпріятіе.

И. М. Снегиревъ продолжаетъ свое сочиненіе о *Русскихъ народныхъ праздникахъ*. Во 2-й тетрадь онъ описалъ три наши Русскія веселья: *Святки*, *Асень* (Васильевъ вечеръ, канунъ Нового Года) и *Масляницу*. — И. П. Сахаровъ издалъ 2-ю книгу 3-й части *Сказаній Русскаго народа о семейной жизни предковъ*. Тутъ нашли мы драгоценное собраніе Русскихъ свадебныхъ пѣсень (числомъ 226), и, право сердцу весело было читать эту игру неподдѣльнаго Русскаго ума! Истинно не понимаемъ, какъ за такой трудъ платить насмѣшкой, и какой еще насмѣшкой? Пародіей на одну изъ пѣсень, помѣщенныхъ въ книгу г-на Сахарова! Хотѣ-бы умно было — умную эпиграмму читать весело, напримѣръ, вотъ эту Пушкинскую, что начинается такъ:

Не вѣрю я Француза дружбѣ....

Критикъ спѣлъ пѣсенку; — пожалуй ему споютъ
Т. I. — Отд. IV. 11 9/8

другую, взятую изъ книги г. на Сахарова—вотъ эту напирмъръ:

Поѣхалъ критикъ воевати,
Вокругъ печи, на полати,
Со лютыми со звѣрями,
Съ таракапами, со сверчками;
Пятой годъ онъ воевалъ,
Ни одного не поймавъ...

Окончаніе пѣсни можете прочесть въ книгѣ: *Сказанія Русскаго народа*, Т. III-го, части 2, стр. 153.

Мы готовы отдавать справедливость труду, даже и тогда, если бы видѣли въ немъ что нибудь противъ насъ самихъ и противъ трудовъ нашихъ. Вотъ, напирмъръ, мы съ удовольствіемъ упомянемъ о небольшой полемической брошюркѣ г. на Савельева: *Димитрій Иоанновичъ Донской*. Онъ не соглашается съ нами, даже бранить насъ, но въ изысканіяхъ своихъ показываетъ тщательность, усердіе, начитанность—мы въ сторонѣ, а труду автора почетъ, если бы намъ издумалось даже и поспорить съ нимъ.— Скажемъ о другой любопытной брошюркѣ молодого литератора, Г. на Стрекалова: *Очеркъ Русской Словесности XVIII-го столѣтія*, гдѣ есть мысли и замѣчанія верныя, не смотря на легкость взгляда.— И вотъ еще пять брошюрочекъ, болѣе или менѣе полезныхъ для Русской Исторіи и Географіи: *Историческое извѣстіе о жизни и дѣлахъ Димитрія, протоіерей Зарайскаго* (сочиненіе г. на Аверина); авторъ полагаетъ, что протоіерей Димитрій былъ сотрудникомъ Пожарскаго, и старается доказать свою мысль; *Воспоминанія о селѣ Измайловѣ*, И. М. Снегирева, гдѣ говорятъ объ исторіи и древностяхъ этой старинной отчины Царскаго рода Романовыхъ; *Историческія извѣстія о Костромскомъ Боголюбленскомъ Монастырѣ*, гдѣ нынѣ помѣщается Костромская Семинарія; *Историческое описаніе Монастыря Св. Николая Чудотворца что на Пъсношѣ* (близъ Москвы), за-

имствованное изъ записокъ К. Ѳ. Калайдовича; *Родословное древо Государей Россійскихъ*, описаніе старинной стѣнной живописи въ Новоспасскомъ Московскомъ Монастырѣ, изданное настоятелемъ сей обители, Архимандритомъ Аполлосомъ.

Философскія книги у насъ такое *пѣщико*, что появленіе каждой можно отмѣчать красными чернилами. Краткое, но дѣльное извлеченіе изъ книги Рейнгольда издано Г-мъ Надежнимъ (*Очеркъ исторіи Философій*). Къ несчастью, языкъ переводчика—ужасенъ! Мы не станемъ утверждать, что книги ученые надобно писать слогомъ романа, однако жъ ММ. ГГ. вспомните, что—*est modus in rebus*. Можно подумать, что принимаясь за Философію, нѣкоторые писатели наши думаютъ, будто обязанность ихъ говорить такъ, чтобы у читателей голова трещала.

Изъ переводныхъ книгъ надобно вспомнить о небольшомъ Барантовомъ сочиненіи: *Французская литература XVIII-го столѣтія*. Подлинникъ книги извѣстенъ; переводъ не дуренъ.

Четыре книги, равно, или почти равно, достойныя вниманія, дополнили ученую нашу литературу: первая изъ нихъ, безспорно, сочиненіе профессора Московскаго Университета, г. на Брашмана—*Теорія равновѣсія тѣлъ твердыхъ и жидкихъ, или Статика и Гидростатика*, гдѣ науки изложены сообразно нынѣшнему развитію этого отдѣленія математическихъ знаній; *Декадолево, Введеніе къ изученію Ботаники*, за которое говоритъ имя автора, и гдѣ изложены органографія, фізіологія, методологія, географія, обзорніе растений ископаемыхъ, ботаники врачевной и исторія ботаники, переведено докторомъ Шиховскимъ; вышелъ только 1-й томъ. *Аналитическая Химія*, Розе, переведена, съ дополненіями и измѣненіями г-мъ Евреиновымъ.—Докторъ Павелъ Нараневичъ издалъ переводъ *Начальныхъ основаній Анато-*

мий, Гемпеля—краткаго, но превосходнаго руководства для учащихся.

Дѣтская и учебная литература у насъ не спитъ. Вотъ, напримеръ, неутомимый пріятель дѣтей, г-нъ Бурьяновъ, подарилъ имъ съ подложки новыхъ книгъ къ новому году, изъ которыхъ особенно замѣтимъ: *Прогулки съ дѣтьми по С. Петербургу*, гдѣ авторъ занимательно рассказываетъ исторію и достопамятности нашей сѣверной столицы и ея окрестностей. Подъ именемъ *Древней исторіи для юношества*, изданъ переводъ небольшой книжечки Флери, гдѣ въ нѣсколько разказовъ, приспособленныхъ къ дѣтскому, понятію мастерски, сжата исторія Египта, Ассиріи, Вавилона и Персіи.—Для военно-учебныхъ заведеній нашихъ предпринимають издавать систематическія руководства учебныя, и изъ числа ихъ уже вышла теперь *Географія*, составленная г-мъ Соколовскимъ. — Наконецъ, къ числу назидательныхъ книгъ отнесемъ переводъ *Дяди Симона*, извѣстнаго сочиненія Жюлье, романа, предназначеннаго для чтенія простолюдиновъ, о которыхъ, кажется, у насъ слишкомъ забываютъ. Переводомъ этой полезной книги одолжены мы Б. М. Федорову.

Нѣсколько извѣстныхъ уже всемъ Русскимъ читателямъ книгъ напечатано вновь, вторыми изданіями. *Письма о Богослуженіи*, А. Н. Муравьева, имѣвшая такой успѣхъ, и вполне заслуживающія его, напечатаны вновь А. С. Шляевымъ, и дешевою цѣною (по 5 рублей) дано средство распространить эту драгоценную книгу между многочисленнѣйшими читателями.—А. Ф. Смирдинъ напечаталъ вновь *Исторію шестствъ Наполеона*, сочиненіе Д. П. Бутурина, перваго изданія которой давно уже не было въ книжной торговлѣ.—Напечатаны также вновь *Переписка и разказы Русскаго Инвалида*, сочиненіе нашего воина-писателя И. Н. Скобелева; ко второму изданію прибавлены его прекрасныя статьи, которыя были

разсыяны въ разныхъ журналахъ.—Н. Г. Устряловъ издалъ вновь, безъ перемѣнъ, три первые тома своихъ *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*. —Книгопродавецъ Н. Н. Глазуновъ напечаталъ въ компактномъ видѣ, въ большую четвертку, въ двѣ колонны, новое изданіе *Сочиненій фонъ-Визина*.—Разныя статьи г-на Степанова собраны въ двѣ небольшія книжечки, и изданы подъ именемъ *Повѣстей и повѣдки въ Маймачинѣ*. — Полное собраніе *Сочиненій А. С. Пушкина* скоро поступитъ въ продажу; мы видѣли два первые его тома.—*Курсъ Философій*, Жерюзе, напечатанъ вновь—такъ онъ пришелъ видно по вкусу тѣхъ, кто любитъ немножко философствовать, а вдалѣ забиваться не хочетъ. Г-нъ Бодянский продолжаетъ переводъ книги Шафарика, *Славянскія Древности*, а г-нъ Болотовъ выдалъ 2-й и послѣдній томъ своей превосходной *Геодезіи*.

Наконецъ, упомянемъ о двухъ книгахъ, хотя по языку и непринадлежащихъ къ Русской литературѣ, но писанныхъ Русскимъ. Г-нъ Демидовъ напечаталъ въ Москвѣ замѣчательное ясностью идей и благонамѣренною цѣлью сочиненіе: *Du principe de la justice*.—Нѣсколько литераторовъ предположили издать въ С. Петербургъ, обращая выручку въ пособіе многочисленнаго, бѣднаго семейства сиротъ, собраніе повѣстей, сказокъ, статей о нравахъ, и проч., подъ общимъ названіемъ: *Sebile*. Мы видѣли первую часть, и пожалѣли, что наши соотечественники не издали этого по-русски. Такъ хорошо, такъ занимательно составлена первая часть.

Вотъ все, что могли мы замѣтить послѣ нашего отчета за Русскую литературу 1837 года, въ остальное время Декабря и въ Января, ибо хотя многія книги носятъ на заглавномъ листѣ означеніе 1837 года, но появились уже въ нынѣшнемъ году. Намъ кажется, что если бы за всѣ мѣсяцы нашего обзоръ-

ниѣ могли мы представлять то, что представляеть теперь читателямъ взглядъ нашъ на Русскую Литературу, по 10 Февраля, намъ нельзя было-бы жаловаться. Да, впрочемъ, и на что жаловаться? Будемъ надѣяться хорошаго, а что не такъ—будемъ снисходительны, окончивая маленькія несогласія и споры въ своей семьѣ. Надежда, безъ которой не обойтись никому на свѣтъ, да будетъ девизомъ и нашей литературы!

Н. ПОЛЕВОЙ.

У.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ОБОЗРѢНІЕ 1837 ГОДА.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

Читатели нашего журнала видѣли въ прошлогоднихъ книжкахъ его постоянную статью: «Обозрѣніе главнѣйшихъ событій.» Въ ней старались издатели представлять все, что только замѣчана достойнаго совершалось въ современной Исторіи. Но непрерывные переходы событій и отдѣльныя объ нихъ извѣстія не могли дать читателямъ полныхъ, совокупныхъ обзорнѣй и взглядовъ. Вотъ почему рѣшаемся мы теперь представить здѣсь Исторію истекшаго года въ одной общей картинѣ, чтобы съ болѣе стройною системою продолжать наше «обозрѣніе» въ слѣдующихъ книжкахъ, стараясь по возможности излагать въ нихъ только дѣйствительно совершившіяся и достовѣрныя событія, и удаляя газетные, часто неосновательные и невѣрные слухи и новости. Здѣсь невольно пришла намъ мысль, что такъ за двадцать пять лѣтъ мы начинали журналъ нашъ обзорнѣемъ событій современныхъ. Какое различіе тогда и нынѣ! Былъ тогда страшный міру 1812

годъ, и кто могъ предвидѣть въ то время, что это былъ годъ рѣшенія великихъ судебъ Божіихъ, великаго перелома событій, послѣ которыхъ должна была ярко отдѣлиться *Новая Исторія* Европы. Не подумаете-ли, что дѣйствительно столѣтія отмежевали насъ отъ прежняго періода, начавшагося въ концѣ XVIII-го вѣка, кончившагося изумительнымъ видѣніемъ браней, какъ въ чародѣйствѣ Макбетовыхъ вѣдьмъ, и разрушеніемъ этого призрака, исчезнушаго, будто легкое облако, отемнявшее летописи міра? — Расколыхавшіяся страсти кипѣли потомъ бурно и мятежно еще нѣсколько лѣтъ. Онѣ утихли наконецъ, и прежняго слѣдовъ нѣтъ. Гдѣ бывшія тогда царства? Гдѣ люди, тогда потрясавшіе судьбами народовъ? Все кончилось, изгладилось, даже до малѣйшихъ отношеній...

Но время и послѣ того, неужели не являло намъ также великихъ судебъ Божіихъ, событій памятныхъ, рѣшеній необыкновенныхъ и неожиданныхъ? И послѣ того падали и высились царства. Но отличительнымъ характеромъ Исторіи послѣ 1815 года было какое-то стремленіе къ возсозданію, къ умиренію, къ уравненію, когда характеръ предшествовавшего времени являлъ признаки разрушенія, вражды народовъ, измѣненія насильственнаго, даже подъ самою личиною мира. И послѣ 1815 года совершались испытанія въ бѣдствіяхъ, смятеніяхъ и войнахъ: образованіе Королевства Бельгійскаго, Королевства Греческаго, ослабленіе Оттоманской Порты, возвышеніе Египта, произошли среди тревогъ и браней общественныхъ и государственныхъ. Но мудрыми стражами общаго благоденствія стояли притомъ Монархи Европы, и дружественный союзъ Государей щадилъ заблужденіе, останавливалъ новое буйство страстей, утверждалъ незыблемость основныхъ на-

часть, олицетворялъ собою царство порядка и закона....

Осмѣлимся ли сказать нашу мысль, не боясь упрека въ народной гордости? Исторію новую, съ 1812 года, не должно ли назвать исторіею возвеличенія, возвышенія Россіи — спасительницы Европы, умирительницы чуждыхъ народовъ, не должно ли назвать исторію означеннаго времени — летописью могущественнаго проявленія силъ Русскихъ въ дѣлахъ Европы и Азіи, когда въ то же время слово мира всегда было въ основаніе полагаемо Монархами Россіи?

И въ минувшемъ году, первую степень важности исторической являла *Россія*, твердая вторю, любовью къ Царю своему, постоянствомъ политической системы своей, гениемъ своего Царя. Какъ съ неизблемой скалы, спокойно смотрѣли мы, Русскіе, на порывы бури, колеблющей другіе народы, и укрѣплялись познаніями, трудами промышленности, богатствами торговли, устройствомъ различныхъ частей государственнаго управленія. Благо намъ: самыя достопамятныя событія въ Россіи были благотельныя путешествія нашего Государя и Наслѣдника Его по обширнымъ областямъ Русскимъ. Отдаленныя края Сибири и Закавказья видѣли и привѣтствовали вождельныхъ гостей, и древняя Москва радовалась ихъ пребыванію въ столицѣ предковъ.

Не столь отрадную картину представляли два другія сильныя Европейскія государства, *Франція* и *Англія*. Старанія Монарха Франціи не могли еще рѣшить распрей между различными отношеніями подвластныхъ ему, хотя общій голосъ людей благонамѣренныхъ, желающихъ добра, способствовало его усиліямъ. Успѣхи оружія Французскаго въ Африкѣ и бракосочетаніе наслѣдника Французскаго пре-

стола могли также порадовать Францію. — Англія была опечалена кончиною престарѣлаго Монарха, и неизвѣстностью, какой оборотъ примутъ многіе политическіе и финансовыя вопросы, тревожащіе ее при вступленіи на престоль юной Королевы.

Съ горестью видѣлъ другъ челоѣчества въ прошедшемъ году несчастное состояніе Иберійскаго Полуострова. Междоусобія терзали несчастную *Испанію*, и тревожили *Португалію*.

Переносъ взоры за Атлантическій Океанъ, мы видѣли одно изъ тамошнихъ государствъ — *Соединенные Штаты Сѣверной Америки*, въ тяжкомъ состояніи торговаго и промышленнаго перелома.

Вотъ что составило очерки Исторіи прошлаго года, которые можно назвать *общи́ми* въ нашей современности. Но картина была бы не полна, если бы мы упустили многія частныя событія. При тишинѣ и общемъ спокойствіи остальной Европы, мы встрѣчаемъ однако жъ много замѣчательнаго, и не можемъ оставить безъ вниманія различныхъ происшествій и въ другихъ частяхъ Свѣта.

Все это постараемся мы изобразить въ систематическомъ разсказѣ, устраняя всякое произвольное сужденіе, и не дерзая, ни проникать въ будущность, ни повторять догадки и толки мнимыхъ, какихъ бы то ни было, политиковъ. *Исторія* — то что совершилось, должна быть предметомъ нашимъ, а не мнимая *политика*, которая всегда будетъ ошибочна и произвольна, ибо тайны дѣлъ государственныхъ недоступны частному наблюдателю, а толки о томъ, что *можетъ быть* — недостойны вниманія челоѣка благоразумнаго. Въмѣсто безполезной пытливости любопытства, поставимъ *надежду* на мудрость избранныхъ Богомъ правителей и владыкъ, и крѣпкую *вѣру*, что судьбы Божіи все ведутъ ко

благу, какъ-бы ни казались намъ косвенными частныя уклоненія отъ хода событій обыкновенныхъ.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОВОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ СВѢТА.

Желая изображать въ журналѣ нашемъ современную исторію, и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать его собраніемъ свѣдѣній о всѣхъ новѣйшихъ событіяхъ въ общественномъ и умственномъ мірѣ челоѣчества, мы почли необходимымъ предварительно представить читателямъ нашимъ, въ прилагаемой таблицѣ, современностатистическое изображеніе Свѣта.

На приложенномъ при семъ листкѣ, читатели видятъ наименованія всѣхъ государствъ въ мірѣ, съ означеніемъ при каждомъ пространства его, числа жителей, числа войскъ, государственнаго дохода и государственнаго долга. Такимъ образомъ они получаютъ идею объ относительной важности каждаго изъ государствъ въ политическомъ отношеніи.

Но *Статистика* — не *наука*, и даже не *знаніе*, какъ называютъ ее многіе: она просто матеріаль, или *вѣдѣніе*, и одно изъ самыхъ несовершенныхъ познаній челоѣческихъ. Необходимость ея безспорна, но предметъ занятія такъ дробенъ, сложенъ, многообразенъ и измѣнчивъ, что до сихъ поръ мы едва имѣемъ начала вѣрныхъ выводовъ статистическихъ, по которымъ можно бы было дать ей высшее мѣсто въ нашей энциклопедіи. Невѣрность, несовершенство, неполнота статистическихъ замѣтокъ слишкомъ явны, и потому мы предупреждаемъ, что

и представляемые нами здѣсь выводы изъ новѣйшихъ статистическихъ описаній суть только *приблизительныя*, по возможности, *данныя* настоящаго положенія государствъ и земель.

Не говоримъ уже о томъ, что безъ дополненій географическихъ и практическаго приложенія политической экономіи невозможно судить о силѣ и бытій государствъ, только по статистическимъ учетамъ. Громада, представляемая итогами Китайской Имперіи, представляется подавляющею другія, напримѣръ, Австрію, или Францію, но это итоги только *вещественной* громадности, которой нельзя оцѣнить безъ соображенія силы умственной.

Въ поясненіе представляемой нами таблицы, мы должны присовокупить слѣдующія замѣчанія:

1. Пространство государствъ означено въ ней *квадратными* *мильями*, а доходы и долги государственныхъ *франками*, что почти равняется рублямъ, ибо франкъ противъ нашего четвертака считается, какъ 1, 01, 76, то есть, съ прибавкою около двухъ сотыхъ долей лишняго.

2. *Россия* не включена въ нашу таблицу: намъ совѣстно казалось повторять невѣрные выводы иностранцевъ, и мы постарались потомъ представить объ отечествѣ нашемъ болѣе вѣрныя приближительныя цифры.

3. Области, показанныя подъ названіемъ *Швейцарскаго Союза*, образующія нынѣшнюю *Швейцарию*, состоятъ изъ 22-хъ федеральныхъ участковъ, управляющихся каждый отдѣльно, и имѣющихъ въ то же время общее управленіе союза. Такъ надобно отдѣльно и объединить *Германскій Союзъ*, куда принадлежатъ различныя государства Европы, участвуя въ общемъ сеймѣ, но управляясь самобытно.

4. Двѣ показанныя нами маленькія республики:

Санъ-Маринская и *Андорская*, находятся въ Италіи и въ Испаніи. Существованіе этихъ политическихъ пещинокъ, такъ сказать, уцѣлѣвшихъ среди столькихъ переворотовъ въ теченіе столѣтій, достойно любопытства.

5. *Республика Ионическая*, или *Селии Острововъ* должна быть почтена принадлежащею къ Англіи, ибо состоитъ подъ непосредственнымъ ея управленіемъ, хотя и считается отдѣльною областью.

6. *Сербія*, *Молдавія*, *Валахія* показаны отдѣльно отъ Турціи, ибо, признавая власть Султана, онѣ составляютъ собственно самобытныя области.

7. Въ Турецкія владѣнія въ Азіи включены *Аравійскія области*, *Палестина* и *Сирія*, хотя собственно онѣ управляются отчасти независимо, отчасти переданы Портою Нашею Египетскому.

8. Въ Англійскихъ Азіатскихъ владѣніяхъ нераздѣльно показаны, какъ владѣнія собственно коронныя, такъ и земли Остъ-Индской Компаніи, и зависяція отъ нея самобытныя государства, каковы: Аудъ, Джейпуръ, Деканъ, Нагпуръ, Майсеуръ, Траванкоръ, и другія.

9. Въ числѣ Португальскихъ владѣній въ Азіи считаемъ мы, кромѣ Вице-Королевства Индійскаго (*Vice-regnado de India*), Макао въ Китаѣ и Архипелагъ Сумбава-Тиморскій въ Малезіи.

10. Датскія владѣнія въ Азіи состоятъ изъ областей Транквебарской и Серамшурской въ Индіи.

11. Подъ болѣе извѣстнымъ именемъ *Кохинхины*, мы означаемъ царство *Аннаиское*.

12. Въ Персіи полагается только собственно *Иранъ*, не включая части Афганистана и другихъ областей, хотя нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ считаются принадлежащими Персіи.

13. Именемъ *Кабула* означены здѣсь бѣдные остат-

ки знаменитого царства Афганскаго, которое пора исключить изъ географій, ибо оно перестало уже существовать, особливо послѣ побѣдъ хитраго Ренджитъ-Синга, Царя Лагорскаго, о которомъ такъ много говорили въ Европѣ, послѣ новѣйшихъ извѣстій Аллара и Ружемона.

14. Въ Аравіи показаны нами только иманства *Еменское* и *Маскатское*, ибо нѣтъ возможности подвести подъ учетъ остальную Аравію.

15. *Белуджистанъ*, сильное царство Назиръ-Хана, теперь также можно почесть почти уничтоженнымъ: оно отчасти раздѣлилось, отчасти принадлежитъ Ренджитъ-Сингу.

16. Изъ Индійскихъ независимыхъ царствъ здѣсь показаны только *Синдіа* (Sindhia) и *Пенангуль*. Мы не упомянули объ остальныхъ, по величайшей не точности новѣйшихъ извѣстій. Власть Англии и междоусобія безпрерывно измѣняютъ области, которыя остаются въ географіяхъ, подъ именами *Сеиковъ*, *Синда*, *Герата*. Такъ не упомянуть нами, потому что мы не имѣемъ даже приблизительныхъ свѣдѣній, *Туркестанъ* (Хива, Бухара, Балхъ, Коканъ, и проч.), полуостровъ Малакка, острова: Суматра, Маладивскіе, Андаманскіе, Никобарскіе, и проч. — Самое царство Ренджитъ-Синга, составившееся главнѣйше изъ союза Сеиковъ, за разнорѣчіемъ извѣстій, не введено нами въ таблицу.

17. Подъ именемъ *Абиссиніи*, мы разумѣемъ только царство *Тигре*. *Мадагаскаръ* показанъ принадлежащимъ вполне сильному царству Говасекому, ибо, дѣйствительно, остальные независимые участки его незначительны.

18. Подъ именемъ Турецкихъ владѣній въ Африкѣ, разумѣемъ Вице - Королевство Египетское, ибо, хотя грозный Мегемедъ-Али является почти незави-

симъ въ политическомъ значеніи, но признаетъ верховную власть Султана.

19. Владѣнія *Португальцевъ* въ Африкѣ составляютъ (кромѣ Острововъ Асорскихъ), острова Мадера, Зеленаго Мыса, Санъ-Тома, До-Принсепо, и часть береговъ Анголы и Мозамбика.

Французскія — земли по Сенегалу, Алжиръ, островъ Бурбонъ, колоніи на Мадагаскарѣ.

Англійскія — земли по Сенегалу, Сьерра-Леоне, колоніи на Золотомъ и Невольничьемъ берегахъ, острова: Фернандо По, Вознесенія, Св. Елены, Тристанъ д'Акунья, Иль-де-Франсъ, или Мавриція, Амирантскіе Сейшельскіе и Мысъ Доброй Надежды.

Испанскія — Президію, или земли въ Мароккскомъ царствѣ, и острова Канарскіе.

Голландскія — колоніи на Золотомъ Берегу и въ землѣ Ашантиевъ.

Датскія — колоніи въ тѣхъ же мѣстахъ.

Сѣверо - Американскія — колонія Либерія, около мыса Мезурадо.

Аравійскія — островъ Сокотора, и часть противоположащихъ въ Африкѣ земель.

20. Мы не исчисляли именъ всѣхъ варварскихъ государствъ и народовъ внутренней Африки, и также живущихъ по восточному и западному берегамъ, и къ Мысу Доброй Надежды.

21. Подъ именемъ *Океаніи* полагаемъ мы весь острова, лежащіе по Южному Океану, между Азією и Америкою, причисляя сюда и юго-восточные Азіятскіе архипелаги: Филиппинскій, Маріанскій, и проч., кромѣ Суматры, Формозы, Лю-Чу и Японіи.

22. *Голландскія* владѣнія въ Океаніи составляютъ такимъ образомъ — Ява, Молуккскіе и другіе Острова. — *Испанскія* — Острова Филиппинскіе, Маріанскіе

и другіе.—*Англійскія*: Австралія и Тасманія (Новая Голландія и земля Фанъ-Дименова).

23. Мы не ввели въ таблицу многочисленныхъ архипелаговъ Океанійскихъ, хотя острова *Гавайскіе* и *Тонскіе* представляютъ уже стройныя монархіи, просвѣщенныя христіанствомъ, и на многихъ другихъ архипелагахъ дикари образуютъ общества, вышедшія изъ первобытнаго варварства, въ какое погружена часть Океаніи, именуемая *Меланезією*, и обитаемая Океанійскими Неграми.

24. Подъ именемъ *Гватималы*, мы разумѣемъ отдѣлившуюся въ 1824 году отъ Мексики федеральную республику, именуемую Republica-federale-del-senfo-America (Гватимала, Санъ - Сальвадоръ, Гондурасъ, Никарагуа и Коста-Рика).

25. Не упоминая имени *Колумбіи*, мы слѣдуемъ новѣйшему раздѣленію сей страны на три федеральныя республики, составляющія *Юго - Американскіе Сосединныя Штаты*, а именно: Новую Гренаду, Венесуэлу и Экваторіальную (Escuador).

26. Подъ именемъ *Уругвая* разумѣется преждебывшая Буэнос-Айресская область *Банда Восточная*, присвокупленная потомъ къ Бразиліи, подъ именемъ области Сисплатинской, и объявленная наконецъ независимою.

27. *Англійскія* владѣнія въ Америкѣ составляютъ: Канада, Лабрадоръ, Ньюфаундлендъ, обширныя пустыни къ сѣверу, Ямайка, Антильскіе и другіе Острова, часть Гондураса, часть Гвіаны, и проч.

Испанскія—островъ Куба и другіе острова.

Французскія — часть Гвіаны и нѣсколько острововъ (Мартиника, Гваделупа, Сенъ - Пьерръ и Микелонъ близъ Ньюфаундленда).

Голландскія — часть Гвіаны (Суринамъ, или Па-

рамарибо) и нѣсколько острововъ (Курасао, Св. Евстафія, и проч.)

Датскія — Исландія, Гренландія, и изъ Антильскихъ Острова Св. Креста и Св. Тومی.

Шведскія — Островъ Св. Варооломея.

28. Земли независимыхъ дикарей въ Южной и Сѣверной Америкѣ не поименованы нами.

Все это можетъ показать, какъ много еще статистическихъ вопросовъ остается вовсе нерѣшенными для науки. Мы постараемся передавать нашимъ читателямъ все, что только будетъ способствовать ихъ рѣшенію. Путешествія и ученія изслѣдованія новѣйшія дадутъ намъ къ тому обильныя средства.

Изложивъ современное состояніе земель и государствъ, какъ статистическое поясненіе современной исторіи, мы полагаемъ особенно любопытнымъ исчислить здѣсь также избранныхъ Провидѣніемъ людей, которымъ ввѣрено нѣтъ правленіе судьбами народовъ. Die Weltgeschichte ist nicht ohne eine Weltregierung verständlich, сказала глубокомысленный В. Гумбольдтъ. Здѣсь представляются три *исчисленія* — одно Европейскихъ Государей по старшинству лѣтъ ихъ отъ рожденія; другое, по старшинству вступленія ихъ на престолъ; въ третьемъ исчисленіи старались мы собрать возможныя свѣдѣнія о владѣтеляхъ другихъ частей Свѣта.

I.

Карль XIV, Король Шведскій, род. 26 Января, 1764 г.

Григорій XVI, Папа, род. 18 Сентября, 1765 г.

Фридрихъ VI, Король Датскій, род. 28 Января, 1768 г.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, Король Прусскій, род. 3 Авг. 1770 г.

- Людвигъ*, Ландгр. Гессенъ - Гомбургскій, род. 29 Августа, 1770 г.
- Эристъ Августъ*, Король Ганноверскій, род. 5 Июня 1771 г.
- Эристъ Константиновъ*, Ландграфъ Гессенъ - Филлпсталъскій, род. 8 Авг. 1771 г.
- Вильгельмъ I*, Король Нидерландскій, род. 24 Авг. 1772 г.
- Людвигъ Филиппъ*, Король Французскій, род. 6 Октяб. 1773 г.
- Фридрихъ*, Князь Гогенцолернъ - Гехингенскій, род. 22 Июля 1776 г.
- Вильгельмъ II*, Курф. Гессенъ-Кассельскій, род. 28 Июля 1777 г.
- Людвигъ II*, Великій Герц. Гессенъ - Дармштатскій, род. 26 Дек. 1777 г.
- Гейнрихъ*, Герц. Ангальтъ-Кетенскій, род. 30 Июля 1778 г.
- Георгъ*, Вел. Герц. Мекленбургъ - Стрелицкій, род. 12 Авг. 1779 г.
- Францъ IV*, Герц. Моденскій, род. 6 Окт. 1779 г.
- Вильгельмъ I*, Король Виртембергскій, род. 27 Сентября 1781 г.
- Карлъ Фридрихъ*, Вел. Герцогъ Саксенъ-Веймарскій, род. 2 Февраля 1783 года.
- Павелъ Фридрихъ*, Вел. Герцогъ Голштейнъ-Ольденбургскій, род. 13 Июля 1783 г.
- Эристъ Антонъ*, Герц. Саксенъ - Кобургскій, род. 2 Январ. 1784 года.
- Георгъ*, Князь Липпе-Шаумбургскій, род. 20 Дек. 1784 г.
- Карлъ Антонъ*, Князь Гогенцолернъ - Зигмарингенскій, род. 26 Февр. 1785 г.
- Гейнрихъ LXII*, Князь Рейсъ - Шлейцкій, род. 31 Мая, 1785 г.
- Махмудъ II*, Адил (Справедливый), Султанъ Турецкій, род. 20 Июля 1785 г.
- Людвигъ*, Король Баварскій, род. 25 Мая, 1786 г.
- Гейнрихъ LXIII*, Князь Рейсъ-Кестрицкій, род. 31 Марта 1787 г.
- Иосифъ*, Герц. Саксенъ - Альтенбургскій, род. 27 Августа, 1789 г.
- Георгъ*, Князь Вадекскій, род. 20 Сентября 1789 г.
- Леопольдъ*, Вел. Герц. Баденскій, род. 29 Авг. 1790 г.

- Марія Луиза*, Герцогиня Пармская, род. 12 Дек. 1791 г.
- Вильгельмъ*, Герцогъ Нассау-Вейльбургскій, род. 14 Июня, 1792 г.
- Фердинандъ I*, Императоръ Австрійскій, род. 19 Апрель, 1793 г.
- Фридрихъ*, Князь Шварцбургъ-Рудольштатскій, род. 6 Ноября 1793 г.
- Гейнрихъ XX*, Князь Рейсскій, род. 29 Июня 1794 г.
- Леопольдъ*, Герц. Ангальтъ-Дессаускій, род. 1 Окт. 1794 г.
- Алонзій*, Князь Лихтенштейнскій, род. 26 Мая 1796 г.
- НИКОЛАИ I-й*, Императоръ Всероссийскій, родился 25 Июня 1796 года.
- Павелъ*, Князь Липпе-Детмольдскій, род. 6 Ноября, 1796 г.
- Гейнрихъ LXXXII*, Князь Рейсъ - Эберсдорфскій, род. 27 Марта 1797 г.
- Фридрихъ Августъ II*, Король Саксонскій, род. 18 Мая, 1797 г.
- Леопольдъ*, Вел. Герц. Тосканскій, род. 3 Окт. 1797 г.
- Карлъ Альбертъ*, Король Сардинскій, род. 2 Окт. 1798 г.
- Густавъ*, Герц. Голштейнъ - Готторпскій, род. 9 Ноября, 1799 г.
- Карлъ*, Герцогъ Луккскій, род. 22 Дек. 1799 г.
- Павелъ Фридрихъ*, Вел. Герц. Мекленбургъ - Шверинскій, род. 15 Сентября 1800 г.
- Бернардъ*, Герц. Саксенъ-Мейнингенскій, род. 17 Декабря, 1800 г.
- Гиттеръ*, Князь Шварцбургъ-Зондсгаузенскій, родил. 24 Сентября 1801 г.
- Александръ*, Герцогъ Ангальтъ-Берибургскій, род. 2 Марта, 1805 г.
- Вильгельмъ*, Герцогъ Браунтвейгъ-Вольфенбиттельскій, род. 25 Апрель 1806 г.
- Марія Христиана*, Королева - Правительница Испанская, род. 27 Апрель 1806 г.
- Фердинандъ II*, Король обѣихъ Сицилій, род. 12 Января 1810 г.
- Оттонъ I*, Король Греческій, род. 1 Июня 1815 г.
- Марія*, Королева Португальская, род. 4 Апрель 1819 г.
- Викторія*, Королева Великобританская, род. 24 Мая 1819 г.
- Петръ II*, Императоръ Бразильскій, род. 2 Дек. 1825 г.

II.

ВОШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛѢ.

Георгъ (Липпе - Шаумб.)	съ 13 Февраля 1787 г.
Вильгельмъ III (Пруссія.)	» 16 Ноября 1797 «
Павелъ (Липпе-Детмольд.)	» 4 Апрѣля 1802 «
Бернгардъ (Сакс. Мейн.)	« 24 Декабря 1803 «
Эристъ (Саксенъ - Кобр.)	« 8 « « 1806 «
Фридрихъ (Шварц. Рудол.)	« 28 Апрѣля 1807 «
Фридрихъ (Данія.)	« 15 Марта 1808 «
Махмутъ II (Турція.)	« 28 Июля 1808 «
Фридрихъ (Гог. Гех.)	« 2 Ноября 1810 «
Георгъ (Вадекъ.)	« 9 Сентября 1813 «
Вильгельмъ I (Нидерланд.)	« 6 Декабря 1813 «
Марія Луиза (Парма.)	« 30 Мая . . 1814 «
Гейнрихъ (Рейсъ-Кестр.)	« 22 Сентябр. 1814 «
Францъ IV (Модена.)	« 8 Июня . . 1815 «
Вильгельмъ (Насс. Вейльб.)	9 Января . 1816 «
Вильгельмъ I (Виртемберг.)	« 30 Октябр. 1816 «
Георгъ (Мекленб. Стрел.)	« 6 Ноября . 1816 «
Леопольдъ (Анг. Дессау.)	« 9 Августа . 1817 «
Карлъ XIV (Швеція.)	« 5 Февраля. 1818 «
Гейнрихъ (Рейсъ-Шлейцъ.)	« 17 Апрѣля . 1818 «
Вильгельмъ (Гесс.-Касс.)	« 27 Февраля. 1821 «
Гейнрихъ (Рейсъ-Эберсдор.)	« 10 Июля . . 1822 «
Карлъ (Лукка)	« 13 Марта . 1824 «
Леопольдъ (Тоскана) . . .	« 18 Июня . . 1824 «
Лудовикъ (Баварія)	« 13 Октябр. 1825 «
НИКОЛАЙ ИМПЕРАТОРЪ	
ВСЕРОССИЙСКІЙ, царств.	съ 20 Ноября . 1825 «
Алоизій (Лихтенштейнъ.)	« 20 Апрѣля . 1826 «
Карлъ (Сакс.-Веймаръ) . .	« 14 Июня . . 1828 «
Лудовикъ (Гесс.-Гомбург.)	« 2 Апрѣля . 1829 «
Павелъ (Голшт.-Ольденб.)	« 28 Мая . . 1829 «
Леопольдъ (Баденъ)	« 30 Марта . 1830 «
Лудовикъ (Гесс.-Дармшт.)	« 6 Апрѣля . 1830 «
Лудовикъ (Франція)	« 9 Августа . 1830 «
Гейнрихъ (Анг.-Кетенъ). . .	« 23 Августа . 1830 «

Фердинандъ II (Объ-Сицил.)	« 8 Ноября . 1830 г.
Григорій XVI (Папа) . . .	« 2 Февраля . 1831 «
Петръ II (Бразилія)	« 7 Апрѣля . 1831 «
Вильгел. (Брауншв.-Вольф.)	« 25 « « . 1831 «
Карлъ (Сардинія)	« 27 « « . 1831 «
Карлъ (Гог.-Зигмарингенъ)	« 17 Октябр. 1831 «
Оттонъ (Греція)	« 7 Мая . . 1832 «
Александр. (Анг. Берибург.)	« 24 Марта . 1834 «
Марія (Португалія)	« 24 Сентябр. 1834 «
Тосифъ (Сакс.-Альтенб.) . .	« 29 Сентября. 1834 «
Фердинандъ (Австрія)	« 2 Марта . 1835 «
Гинтеръ (Шварц. Рудол.)	« 21 Августа . 1835 «
Фридрихъ (Саксонія)	« 6 Июня . . 1836 «
Павелъ (Мекл.-Шверинъ). . .	« 1 Февраля . 1837 «
Эристъ (Ганноверъ)	« 20 Июня . . 1837 «
Викторія (Великобрит.)	» « « « . 1837 «

III.

ЗАВИСИМЫЕ ОТЪ ТУРЦІИ ВЛАДѢТЕЛИ.

<i>Михаилъ Стурдза</i> , Господарь Молдавскій, съ 1822 года.
<i>Григорій Гика</i> , Господарь Волошскій, съ 1822 г.
<i>Милошъ Обреновичъ</i> , Князь Сербскій, съ 1815 г.
<i>Магометъ-Али</i> , Паша Египетскій, съ 1805 года, (род. въ 1769 г.)
<i>Мехмедъ-Паша</i> , вѣлитель Трипольскій, съ 1835 г.
<i>Мустафа-Бей</i> , вѣлитель Тувиса, съ 1835 г.

АЗІЯТСКІЕ ГОСУДАРИ.

<i>Мугалимедъ</i> , Шахъ Персидскій, съ 1834 г.
<i>Мугалимедъ-Ханъ</i> , вѣлитель Кабула, съ 1809 г.
<i>Махмутъ-Ханъ</i> , вѣлитель Бедуджистана, съ 1795 г.
<i>Сейдъ-Саидъ</i> , иманъ Маскатскій, съ 1804 г.
<i>Раджсидра Викрамзанъ</i> , раджа Непанулскій, съ 1816 г.
<i>Миръ-Мурадъ-Али</i> , вѣлитель Синда, съ 1811 г.
<i>Ренджитъ-Сингъ</i> , вѣлитель Лагорскій, около 72 лѣтъ отъ рожденія.

Туркестанскіе владетели: въ *Балхъ*, Миръ Мурадъ-Бей, съ 1825 г.; въ *Бухаръ*, Батхаръ-Ханъ съ 1826 г.; въ *Кокандъ*, Эмиръ Ханъ; въ *Бадахшанъ*, Мирза Абдуль-Гафуръ; въ *Хивъ*, Рахманъ-Кули-Ханъ, съ 1826 г.

Крола-Монъ-Читъ, властитель Сіама, съ 1824 г.

Мингъ-Мингъ, властитель Кокинхины, съ 1822 г.

Имя Императора Китайскаго неизвѣстно при жизни его. Нынѣшній Богдыханъ, до вступленія на престолъ въ 1820 году, именовался *Мингъ-Мингъ*, а свое царствованіе назвалъ онъ *Тао-Коангъ*, по-Манджурски *Дорой-эль-деггъ* (блескъ разума).

Имена Японскихъ *Даири* и *Кубо* при жизни ихъ неизвѣстны. Нынѣшній Даири царствуетъ съ 1817 года. Почетный титулъ его, или *негъ*, перемѣняется съ каждымъ годомъ; въ 1826 году именовали его *Бунъ-зіо*. Почетный титулъ нынѣшняго Кубо—*Гофюнь-Мару*.

ВЪ АФРИКѢ:

Императоръ Мароккскій *Мулей Абдарахманъ*, царствуетъ съ 1822 года.

Властитель Тигрейскій, въ Абиссиніи, *Собгадисъ*.

Властительница Мадагаскара *Рапавала-Манджоска*, царствуетъ съ 1828 года.

ВЪ ОКЕАНИ:

Кау-ипо-ули, царь Острововъ Гавайскихъ, властвуетъ съ 1824 года.

Ачмата, царица Тантскал, властвуетъ съ 1827 года.

=

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ СВѢТА.

	Пространство.	Число жителей.	Войско.	Доходъ.	Долгъ.		Пространство.	Число жителей.	Войско.	Доходъ.	
ЕВРОПА.						АЗІЯ.					
Австрійская Имперія	200,000	52,000,000	270,000	450,000,000	1,700,000,000	Турекія владѣнія	550,000	12,000,000			
Французское Корол.	155,000	52,000,000	280,000	990,000,000	3,900,000,000	Англійскія —————	850,000	115,000,000	200,000	525,000,000	
Великобританское Корол.	91,000	25,500,000	100,000	1,600,000,000	20,000,000,000	Португальскія —————	3,500	500,000			
Прусское Корол.	80,000	12,500,000	200,000	215,000,000	700,000,000	Французскія —————	400	200,000			
Данское Корол.	16,500	2,000,000	50,000	35,000,000	500,000,000	Датскія —————	70	35,000			
Шведское Корол.	225,000	4,600,000	45,000	50,000,000	80,000,000	Китай	4,000,000	170,000,000	1,000,000	1,000,000,000	
Нидерландское Корол.	10,000	2,600,000	25,000	85,000,000	3,000,000,000	Японія	150,000	25,000,000	120,000	250,000,000	
Греческое Корол.	14,000	700,000	6,000	6,000,000	165,000,000	Кохинхина	200,000	10,000,000	100,000		
Бельгійское Корол.	8,000	3,500,000	50,000	90,000,000	850,000,000	Сямъ	150,000	4,000,000	30,000		
Испанское Корол.	157,500	14,000,000	100,000	180,000,000	4,000,000,000	Бирманія	150,000	4,000,000	30,000		
Португальское Корол.	50,000	3,500,000	50,000	55,000,000	160,000,000	Персія	350,000	10,000,000	80,000		
Сардинское Корол.	21,000	4,500,000	45,000	70,000,000	100,000,000	Кабуль	110,000	4,000,000	150,000		
Объединенный Корол.	34,500	7,500,000	50,000	100,000,000	500,000,000	Темель	40,000	2,500,000	5,000		
Баварское Корол.	22,000	4,000,000	35,000	70,000,000	265,000,000	Маскапъ	40,000	1,500,000	3,000		
Виртембергское Корол.	6,000	1,500,000	14,000	20,000,000	60,000,000	Белуджистанъ	140,000	2,000,000	150,000		
Ганноверское Корол.	11,125	1,500,000	13,000	27,000,000	65,000,000	Синдъ	30,000	4,000,000	20,000		
Саксонское Корол.	4,350	1,500,000	12,000	28,000,000	70,000,000	Непаль	40,000	3,000,000	20,000		
Панскія владѣнія	13,000	2,500,000	7,000	45,000,000	350,000,000						
Швейцарскій Союзъ	11,200	2,000,000	34,000	10,500,000		АФРИКА.					
Пармское Герцог.	1,600	450,000	1,800	6,500,000	12,000,000	Марокко	150,000	6,000,000	25,000		
Моденское —————	1,600	400,000	1,800	5,000,000		Тунисъ	40,000	1,500,000	6,000		
Луккское —————	500	150,000	800	1,500,000		Триполь	200,000	600,000	4,000		
Монако Княж.	40	6,500	...	120,000		Абиссинія	150,000	2,000,000			
Тосканское Герцог.	6,400	1,500,000	4,000	17,000,000		Мадагаскаръ	120,000	2,000,000			
Сень-Марино республ.	17	5,000	40	50,000		Турекія владѣнія	350,000	3,000,000			
Андорская республ.	150	15,000				Португальскія —————	390,000	1,500,000			
Ионическая республ.	750	175,000	1,200	3,500,000		Французскія —————	75,000	1,500,000			
Ваденское Вел. Герц.	4,500	1,150,000	10,000	20,000,000	40,000,000	Англійскія —————	90,000	300,000			
Гессенъ-Дармштадтское В. Г.	2,800	700,000	6,000	12,000,000	25,000,000	Испанскія —————	2,500	200,000			
Кассельское Курф.	3,500	600,000	5,700	11,000,000	5,000,000	Голландскія —————	80	15,000			
Гомбургское Ланд.	125	20,000	200	400,000	1,000,000	Датскія —————	480	30,000			
Мекленбургъ-Шверинск. В. Г.	3,600	440,000	3,600	6,000,000	20,000,000	Свъ. Американск. —————	3,000	25,000			
Спрингк.	600	80,000	700	1,500,000	3,000,000	Аравійскія —————	4,000	100,000			
Гольштейнъ-Ольденбург. —————	1,900	250,000	2,200	4,000,000							
Нассауское Герц.	1,500	340,000	3,000	6,000,000	10,000,000	ОКЕАНІЯ.					
Брауншвейгское Герц.	1,100	250,000	2,000	6,000,000	8,000,000	Голландскія владѣнія	200,000	9,500,000			
Саксенъ-Кобургское Герц.	750	150,000	1,400	2,500,000	11,500,000	Испанскія —————	40,000	2,500,000			
Мейншгенск. Гильдб.	700	150,000	1,300	2,000,000	8,000,000	Англійскія —————	1,500,000	400,000			
Альштенбургское	400	100,000	1,000	1,500,000	3,000,000	Португальскія —————	8,000	150,000			
Веймарское Вел. Герц.	1,000	230,000	2,100	3,000,000	16,000,000						
Ангальтъ-Дессауское Герц.	260	55,000	500	1,400,000	1,600,000	АМЕРИКА.					
Бернбургск.	250	40,000	370	1,100,000	1,700,000	Соединенные Штаты	1,500,000	12,000,000	6,000	140,000,000	
Кепенское —————	240	35,000	325	600,000	3,000,000	Мексика	1,250,000	8,000,000	25,000	75,000,000	
Рейсъ-Грецкое Княж.	400	25,000	200	350,000	500,000	Гванизмала	140,000	1,500,000	3,500	10,000,000	
Шлейнк. —————	150	30,000	300	300,000		Новая Гренада	245,000	1,500,000			
Лобениц. —————	180	28,000	250	600,000		Венецуэлла.	300,000	1,000,000			
Шварцб. Рудольшт. Княж.	506	57,000	559	800,000	600,000	Эквадор. республ.	280,000	700,000			
Зондерсг. —————	270	48,000	451	600,000	500,000	Перу	375,000	2,000,000	7,500	30,000,000	
Липпе-Детмольдское	350	76,000	691	1,500,000	1,500,000	Боливія	300,000	1,500,000			
Шамбургское —————	157	26,000	240	500,000	1,000,000	Чили	130,000	1,500,000			
Вадекское Княж.	347	55,000	518	1,000,000	3,000,000	Буэносъ-Айресъ	650,000	1,000,000			
Гогенцолл. Зигмарингенское	293	38,000	356	500,000	2,500,000	Уругвай.	60,000	100,000			
Гехингенское	82	15,000	145	300,000	700,000	Парагвай	65,000	250,000			
Лихтенштейнское Княж.	40	6,000	55	50,000		Бразилія	2,250,000	5,000,000	30,000	60,000,000	
Франкфуртъ, вольн. городъ	69	55,000	473	1,600,000	17,000,000	Гаити	20,000	800,000	45,000		
Бременъ	51	50,000	385	1,000,000	8,000,000	Англійскія владѣнія	1,950,000	2,000,000			
Гамбургъ	114	150,000	1,298	5,500,000	40,000,000	Испанскія —————	35,000	1,000,000			
Любекъ	88	45,000	406	1,000,000	10,000,000	Французскія —————	30,000	250,000			
Турецкая Имперія	110,000	7,000,000	300,000	400,000,000		Голландскія —————	30,000	100,000			
Сербія Княж.	9,000	400,000	...	4,000,000		Датскія —————	325,000	400,000			
Валахія	21,000	1,000,000	...	12,000,000		Шведскія —————	45	15,000			
Молдавія	11,500	500,000	...	6,000,000							

НЫНѢШНІЙ АНГЛІЙСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ.

(Статья первая).

Ничто такъ не поясняетъ намъ событій историческихъ, какъ познаніе характера дѣйствующихъ лицъ. Вѣрный очеркъ характера въ Исторіи, оправдываемый глубокимъ наблюденіемъ, можетъ быть, вѣрнѣе всякихъ дипломатическихъ актовъ показывать намъ сущность дѣлъ, приводя къ выводамъ несомнительнымъ. Такъ и въ современной исторіи. Очеркъ характера дѣйствующихъ и мѣсть ихъ дѣйствій можетъ показывать намъ многое, что кажется неяснымъ въ самыхъ событіяхъ.

Вотъ почему хотимъ мы по временамъ передавать читателямъ нашимъ біографіи и характеристики замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи современнаго намъ Свѣта. Мы постараемся изображать все, что только въ этомъ отношеніи можетъ занять вниманіе просвѣщеннаго современника; будемъ переходить отъ забавныхъ говоруновъ Французской Палаты ко Двору Махмута, въ чертоги Мегемед-Али и въ шатры Ренджитъ-Синга, отъ Французской Палаты Перовъ въ кабинетъ Меттерниха, Англійскіе Парламенты и кочующій таборъ Донъ-Карлоса. Слава Богу, мы живемъ уже не въ то бышеное время необузданныхъ страстей и страшныхъ переворотовъ, когда народы тонули въ рѣкахъ крови и слезъ. Много прекраснаго и утѣшительнаго можетъ представить намъ характеристическая галерея знаменитыхъ и замѣчательныхъ современностей.

Для перваго очерка представляемъ мы читателю

лямя нашимъ остроумную и мастерски составленную характеристику главныхъ дѣйствователей въ Верхнемъ Англійскомъ Парламентѣ, извлекаемую нами изъ Англійскихъ журналовъ. Передаемъ здѣсь слова самихъ Англичанъ, съ нѣкоторыми необходимыми измѣненіями.

Если захотимъ изобразить отличительную черту, какую означается высшее мѣсто государственнаго управленія Великобританніи, то должно сказать, что важность и степенность составляютъ въ немъ эту черту. Не ищите здѣсь прежнихъ раздѣленій на тори и виговъ: отношенія измѣнились. Парламентъ Англійскій скорѣе можно раздѣлить нынѣ на приверженцовъ неизмѣнности стараго порядка дѣлъ, и на членовъ, которые хотятъ ихъ измѣненія. Но тѣ и другіе чужды буйнаго волненія споровъ, тѣ и другіе строги въ рѣчахъ, осторожны въ идеяхъ; здѣсь не увидите тѣхъ шумныхъ сценъ, какими волнуется Нижній Парламентъ. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ членовъ только Лордъ Брумъ и Маркизь Лондондерри нарушаютъ иногда торжественное спокойствіе своими спорами; только они двое увлекаются горячностью преній. Но важность мѣста мгновенно поддерживается напоминаніемъ ихъ товарищей, и ораторская горячность спорщиковъ умолкаетъ; преніе принимаетъ прежнюю свою величественность и тишину. Не смотря однако жъ на такое однообразіе порядка, характеристика членовъ Парламента выказывается рѣзкимъ различіемъ.

Такъ, разсматривая Великобританскій Парламентъ въ отношеніи двухъ, вышеозначенныхъ нами дѣльных, мы недавно еще видѣли во главѣ защитниковъ неизмѣнности прежняго порядка дѣлъ, дядю нынѣшней Британской Королевы: это братъ покойна

го Короля, *Эрнстъ Августъ*, Герцога Кумберландскій. Обстоятельства возвели его теперь на престолъ Ганноверскій. Но его многочисленные товарищи остались неизмѣнны въ парламентѣ.

Герцогу Веллингтону, безспорно, принадлежить изъ нихъ первое мѣсто. Какъ о полководцѣ и государственномъ чловѣкѣ, объ немъ судили различно, и нельзя иначе. Онъ вышелъ изъ обыкновеннаго круга людей. Если не великій, то необыкновенный характеръ удѣлъ его, и то, чѣмъ обладаетъ онъ, находится въ немъ въ высокой степени. Его твердость, его воля непоколебимы, крѣпки при всякомъ сопротивленіи. Таковъ онъ бывалъ на поляхъ битвъ, таковъ онъ и въ Парламентѣ, презираетъ мнѣніе другихъ, устремленъ къ своей цѣли, не думаетъ о слѣдствіяхъ. Насмѣшка, угроза, разсужденіе, краснорѣчіе — онъ ничему не внемлетъ. Друзей у него нѣтъ; онъ никого не знаетъ, и не боится общаго мнѣнія, потому что не хочетъ вѣдать его. Трудность его положенія умножается именно тѣмъ, что онъ не умѣетъ ни уступить, ни измѣнить своихъ движеній къ цѣли, какую себѣ назначилъ. Его физіономія совершенно выражаетъ его характеръ. Большой лобъ, большой носъ, выдавшіеся кости, блѣдность лица, сѣдые волосы, живые глаза высказываютъ вамъ, что это чловѣкъ, понимающій важность своей особы и своего мѣста. Министерство Веллингтона, столь странно разрушенное, именно, по непреклонности его характера, показало однако жъ его обширныя способности. Пока не принималъ онъ портфеля, всѣ считали его неспособнымъ играть важную политическую роль, и всѣ обманулись. Одинокій среди своихъ товарищей, послушный только своему убѣжденію, онъ неоднократно побеждалъ въ жаркихъ преніяхъ,

имѣя въ виду только пользу отечества. Строгий расчетъ, ловкая тактика отличаютъ Веллингтона. Никогда не согласится онъ съ другими, въ чемъ не увѣренъ самъ, и это часто возбуждало противъ него общее негодованіе. Онъ никогда не ошибается вполнину. Выразительный, простой, даже до грубости, въ рѣчахъ своихъ, часто горячій, мало прибивающій къ слову движеній, но часто достигающій цѣли ораторства — убѣжденія, онъ между тѣмъ не ораторъ. Въ послѣднее время лишился онъ нѣсколькихъ зубовъ, и рѣчь его сдѣлалась совсѣмъ невнятною; притомъ онъ вовсе не помышляетъ оъ ея изящности. Но въ его словахъ является что-то стройное, и его видъ показываетъ такую увѣренность въ истинѣ его мнѣній, что невольно вниманіе всѣхъ обращается къ нему.

Лордъ Эдмонъ (Eldon) былъ предметомъ общественнаго вниманія почти въ теченіе полувѣка. Теперь онъ забытъ молвою и журналами. Такое забвеніе есть слѣдствіе не только старости, но и того, что Эдмонъ пережилъ свои мнѣнія. Съ 1800 по 1825 годъ, никто болѣе его не былъ видѣнъ на поприщѣ парламентскомъ; бурныя измѣненія дѣла должны были изнурить силу Эдмона. Послѣ смерти Питта онъ былъ главою торри. Подлѣ перваго министра, онъ всегда видѣнъ былъ, какъ всегдашняя опора, голосъ, правитель его. Къ дарованіямъ его присовокупилось еще уваженіе къ его высокому званію. Великій канцлеръ, горячій защитникъ всего прежняго, онъ не зналъ теорій, былъ чуждъ идеямъ — онъ любилъ свою увѣренность, какъ любятъ друга, безотчетно. Противное, чужое мнѣніе было личнымъ оскорбленіемъ канцлеру. Но въ теченіе пятнадцати послѣднихъ дѣтъ незаметно уступалъ онъ, и съ горестью видитъ теперь, какъ

далеко отвлекли уже его отъ того, что почиталъ онъ неизмѣннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Уступая Веллингтону и Пиллю въ уравненіи Католиковъ, и тщетно надѣясь на защиту товарищей, могъ ли онъ воображать, что за тѣмъ послѣдуетъ реформа парламента? Борьба его съ Греємъ показывала при семъ случаѣ видъ изумленія, и когда реформа совершилась, лордъ канцлеръ казался уничтоженнымъ. Слезы блеснули въ глазахъ его, и горестно воскликнулъ онъ: «Погибла слава Англій!» Нынѣ онъ мало говоритъ, и иногда только невнятные сѣванія вырываются изъ устъ его. Всѣ увѣрены въ благородствѣ мнѣній и поступковъ Эдмона, но его холодный характеръ, природное безстрастіе и всегдашнее спокойствіе всегда мѣшали ему быть ораторомъ. При обширныхъ знаніяхъ, большихъ способностяхъ, въ его умѣ есть какая-то медлительность, мѣшающая ему находить средства для рѣчи, мгновенно опровергать ложные доводы и схватывать слабыя стороны противника. Его выраженіе рѣчи, открытое изъясненіе его мнѣній, всегда показываютъ при противорѣчьи какъ будто удивленіе какое-то, что не всѣ безспорно согласны съ его идеями. Онъ не произносилъ рѣчей — онъ разговаривалъ, какъ будто убѣждая въ частной бесѣдѣ несогласныхъ съ нимъ людей. Ласковый, пріятный въ жизни, онъ сурово привязанъ къ старымъ обычаямъ, и ничего въ нихъ измѣнять не хочетъ. Не доверяя своему познанію дѣла, медленный въ работѣ, онъ по цѣлымъ годамъ откладываетъ рѣшеніе, и за то събиветъ у многихъ нечувствительнымъ, немилостивымъ, но это несправедливо. Довольно взглянуть на его доброе, почтенное, украшенное волнистыми, сѣдыми волосами лицо, и вы убѣдитесь въ противномъ. Съ нѣкотораго времени, онъ даже мало яв-

ляется въ Парламентъ, какъ будто сознаваясь, что его время уже прошло.

Упомянувъ о двухъ самыхъ знаменитыхъ членахъ, обращаемся къ самому искусному, ловкому члену — это *Лордъ Линдгерстъ* (Lynnhurst). Только Брумъ можетъ ему противиться, и потому они не терпятъ другъ друга, наблюдаютъ, замѣчаютъ другъ за другомъ, подстерегаютъ одинъ другаго, съ совершенною въжливостью, но и съ упорною ненавистью. Линдгерстъ изъ всего Парламента сражается только съ Брумомъ, и изъ 350 членовъ, составляющихъ Парламентъ, только Линдгерста опасается Брумъ. Они не только противники — они соперники; оба они шли одинакимъ путемъ къ почестямъ; оба сначала были адвокатами. Возвышеніе Линдгерста совершилось быстро. Едва явился онъ въ судъ, подъ именемъ Синглетона Коплея, Лордъ Ливерпуль и его товарищи угадали дарованія молодого адвоката, ввели его въ Нижній Парламентъ, и не ошиблись въ надеждѣ. Бѣдный, ничтожный Коплей предался имъ душено. Онъ родился въ Америкѣ; отецъ его былъ какой-то живописецъ, назначавшій сына въ духовное званіе. Съ 1813 по 1827 годъ Коплей перешелъ всѣ ступени, былъ адвокатомъ, совѣтникомъ, генераль-адвокатомъ и наконецъ великимъ канцлеромъ. Если умъ Брума обширише, способности, сильнѣе, Линдгерстъ беретъ разнообразіемъ, легкостью, свѣтлостью своего ума — у него рысьи глаза открытъ ошибку своего противника. Удивительный софистъ — онъ вѣчно идетъ противъ софисмовъ другаго, и опровергаетъ ихъ удивительнымъ сплетеніемъ фразъ безъ всякаго смысла. Какъ будто испытывая свое дарованіе, онъ заставлялъ иногда соглашаться на самыя странныя предложенія. И какъ не быть обезоружену спокойствіемъ, просто-

току, откровенностью рѣчи Линдгерста? Онъ не нападаетъ, не гремитъ — онъ бесѣдуетъ, такъ вкрадчиво, такъ тихо и увлекательно. Онъ такъ вѣренъ своей логикѣ, кажется такъ безкорыстенъ, любезенъ. Никогда не вспылитъ онъ, никогда не разсердится, какъ бы ни раздражалъ его Брумъ. Совершенное хладнокровіе даетъ ему важныя преимущества. Однажды, преслѣдуемый Брумомъ, всталъ и заговорилъ онъ съ такою кротостію, но столь насмѣшливо, столь зло, столь искусно извлекъ доказательства изъ Брумова, изданнаго тогда памфлета, указалъ на такія слабыя стороны его, и умѣлъ уколотъ противника такъ больно, что Брумъ невольно закричалъ: «въ порядокъ! въ порядокъ!» Онъ забылъ, что самъ Линдгерстъ, какъ канцлеръ, наблюдаетъ за порядкомъ, и слѣдовательно, что онъ проситъ пощады у самого Линдгерста. Излишняя тонкость расчетовъ иногда заводитъ въ ошибку. Такъ Линдгерстъ споспѣшествовалъ паденію Греева министерства, но тѣмъ умножилъ только торжество враговъ, ошибочно полагая возможнымъ существованіе министерства тори. Онъ высокъ, важнаго вида, и когда встаетъ онъ, всѣ почтительно умолкаютъ. Никто не помнитъ его молодымъ, и потому никто не увидитъ его старикомъ; онъ оставился на какой-то свѣжей бодрости среднего возраста. Ему чрезвычайно шелъ его судейскій парикъ; скинувши его, онъ кажется теперь моложе.

Лордъ Элленборо (Ellenborough) дѣлалъ много шуму въ свое время, но впрочемъ, это самый обыкновенный человекъ. Ясность его мысли и выраженія уничтожается незначительностью его идей и пошлостью языка. Чистая фраза, звонкій голосъ, изученіе дѣла, присутствіе духа — ничто не помогаетъ ему, и рѣчь его всегда оканчивается общему

скукою. Его называютъ Грандиссономъ краснорѣчія. Каждый годъ Элленборо говоритъ очень красиво часа два, и кончить какимъ нибудь незначительнымъ требованіемъ. Его никто не слушаетъ, кромѣ министра, и то по обязанности. Густые волосы Лорда Элленборо всегда тщательно завиты.

Вотъ имя почти неизвѣстное теперь — это *Лордъ Абингеръ* (Abinger) но всѣ знали его, когда онъ былъ сиромъ Джемсомъ Скарлетомъ. Нѣкогда дѣлательный, живой, этотъ человѣкъ замолчалъ, уснулъ безопасно, достигнувши званія пера. Онъ богатъ, онъ знатенъ; его не терпятъ виги, которымъ онъ измѣнилъ; его боится тори, къ которымъ онъ присоединился. Оно защищало свободу тисненія, но когда при Веллингтонѣ сдѣлался генераль-прокуроромъ, преслѣдовалъ ее съ особеннымъ ожесточеніемъ; въ три года отдалъ онъ подъ судъ болѣе, нежели его предшественники въ тридцать лѣтъ. Все это устранило отъ него общественное мнѣніе, и съ паденіемъ Веллингтона его забыли всѣ партіи, а потому онъ почти не посѣщаетъ нынѣ Парламента, и со времени избранія въ перы, конечно, не сказалъ еще пятидесяти словъ. По способностямъ своимъ, это болѣе адвокатъ, дѣловой, но не государственнѣй человѣкъ и не ораторъ. «Онъ болѣе обязанъ своему учителю, нежели отцу,» говаривалъ объ немъ Вальтеръ Скоттъ. Онъ умѣетъ пояснить и затемнить вопросъ, и его ораторство всегда было адвокатскою ловкостью, но не краснорѣчіемъ. Такъ искусно умѣлъ онъ уговаривать присяжныхъ, лаская страстямъ ихъ и запутывая ихъ сужденіе, что самъ Брумъ не могъ иногда оспоривать у него побѣды. Но рѣчь Скарлета однообразна, и ему вредитъ еще его толщина, его неспособное къ измѣ-

ненію, всегда смѣющееся лицо, съ красными щеками, противоположностью его сѣдымъ волосамъ.

Отъ адвоката, сдѣлавшагося перомъ, перейдемъ къ одному изъ знатнѣйшихъ феодаловъ древней Англіи, вокругъ котораго всегда собирается множество тори, между которыми видны Герцогъ Нортумберландскій и Графъ Арундель — это *Герцогъ Буккингемъ* (Buckingham). Невозможно имѣть болѣе тѣлесной силы и мужества въ шестьдесятъ лѣтъ. Онъ великанъ ростомъ, круглолицъ, съ черными глазами, блестящимъ презрѣніемъ и насмѣшкою. Нападеніе на другихъ его забава, шутка; онъ, кажется, любитъ себя самъ собою, сражаясь съ Брумомъ, и истощая на него метафоры безъ идей, цитаты изъ Шекспира и Попа, и выраженія, которыя Богъ знаетъ гдѣ удалось подслушать знаменитому герцогу. Забавно, что одинъ изъ журналистовъ, не помѣстивши въ газетѣ рѣчи герцога, извинялся, что ея нельзя было разслушать.» Въ самомъ дѣлѣ, своды парламента трещать, когда герцогъ начинаетъ говорить.

Маркизь Лондондерри (Londonderry) отличился въ послѣднее время своею ревностью къ дѣлу тори, и неосторожностью, оказанною имъ по сему предмету. Его убѣжденіе въ торрисмъ похоже на фанатизмъ. Онъ губитъ свою партію, стараясь услужить ей. Друзья охотно заплатили бы ему за его молчаніе, но онъ хочетъ говорить и дѣйствовать, и ни какія усилія не могутъ удержать его безмѣрной ревности. Грозно смотритъ онъ на тѣхъ, кто хочетъ остановить его. Чернь два раза угрожала ему на Лондонскихъ улицахъ, но ничто недоступно маркизу, когда притомъ, къ несчастію, онъ не умѣетъ отдавать отчета въ своихъ идеяхъ; чѣмъ болѣе убѣжденъ онъ въ чемъ нибудь, тѣмъ менѣе его

понимають. Изъ всѣхъ рѣчей его вы запомните одну — защиту Донъ Мигуеля и Донъ Карлоса, и гнѣвъ на ихъ противниковъ. Онъ заплатилъ ученому Глейгу за сочиненіе толстой книги о войнѣ на Испанскомъ Полуостровѣ, и выдалъ ее за свое твореніе. Съ тѣхъ поръ, все начинаютъ смѣяться, когда маркизъ говоритъ о *войнѣ на Испанскомъ Полуостровѣ*, а онъ безпрестанно говоритъ объ ней...

Англиканская Церковь имѣетъ жаркихъ защитниковъ въ *Лордахъ Винчелси* (Wincelsea) и *Роденъ* (Roden), особливо въ первомъ. Въ 1829 году, онъ лучше хотѣлъ сражаться съ Велиннтономъ, нежели извиниться въ словахъ своихъ: «Вы врагъ нашей Церкви!» Въ другой разъ онъ воскликнулъ: «пусть отнимутъ у меня все, но я не соглашусь на реформу!» Съ трудомъ могли уговорить его воротиться въ Парламентъ послѣ уривненія католиковъ; онъ клялся, что нога его не ступитъ въ собраніе, оскверненное еретиками. Его неумѣренной пылкости боялся друзья, такъ же, какъ горячки Лондондерри. Главное доказательство его въ рѣчахъ: «Тотъ врагъ отечеству, кто не согласенъ со мною.» Впрочемъ, онъ произноситъ слова плохо, читаетъ вяло и часто смѣшивается совершенно.

Лордъ Роденъ производитъ, по крайней мѣрѣ, болѣе наружнаго впечатлѣнія. Высокій, плотный, съ большими черными бакенбардами, онъ гремитъ и плачетъ въ одно время, говоря противъ католиковъ, которые, въ глазахъ его, хуже всякаго разбойника. Рѣчь его оглушительна, но вниманіе слушающихъ скоро утомляется крикливыми фразами безъ основанія, и многіе изъ стариковъ перовъ спокойно дремлютъ, пока говоритъ Роденъ.

Графъ Абердинъ (Aberdeen), напротивъ, кажется, не думаетъ вовсе о томъ, чтобы произвестъ впечатлѣ-

ніе. Онъ съ честью занималъ мѣсто государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ, и его книга объ Аѳинскихъ древностяхъ доказала его вкусъ въ изящныхъ художествахъ. Но, при чистомъ, ясномъ голосѣ, правильной, щегольской фразѣ, слушающіе остаются холодны, какъ ледь, и зѣвая соглашались, что графъ «говоритъ очень умно и очень хорошо.» Притомъ онъ всегда разсѣянъ, какъ бываетъ это съ людьми учеными, и всегда очень дурно одѣтъ; его уважаютъ — и только.

Философская холодность Шотландца особенно отличается *Графа Гаддингтона* (Haddington), самаго сухаго, произанческаго оратора; но онъ имѣетъ значеніе въ Парламентѣ, съ отличіемъ занимавши нѣкогда мѣсто лорда намѣстника Ирландіи. Важная ошибка повредила ему много въ дѣлѣ реформы. Онъ утверждалъ, что Шотландія не хочетъ реформы. Какая неосторожность! Едва произнесли въ Парламентѣ эти слова — вся Шотландія, дотогѣ молчавшая, заговорила о реформѣ. Такимъ образомъ, защитникъ дѣла было, что чѣмъ меньше говорить о чемъ нибудь Шотландецъ, тѣмъ болѣе онъ о томъ думаетъ!

Вотъ человекъ, который былъ бы великимъ ораторомъ, если бы идеи его равнялись съ живостью рѣчи, и слогъ имѣлъ столько же силы, сколько имѣетъ красоты — это *Лордъ Фицджеральдъ-Вези* (Fitzgerald-Vesey), одинъ изъ самыхъ юныхъ членовъ парламента; ему только 44 года. Торжественная важность красивыхъ словъ не можетъ закрыть въ нихъ совершеннаго отсутствія мыслей. Руки оратора притомъ непріятно и однообразно поднимаются и опускаются, какъ машина. Впрочемъ, если судить членовъ Англійскаго Парламента по тѣлодвиженіямъ, то можно увѣриться, что они не учились теоріи кра-

соты у Греческихъ риторовъ, и не думаютъ объ изяществѣ движеній, что въ Греціи считалось необходимою для хорошаго оратора.

Лордъ Ашбуртонъ (Ashburton) — узнаете-ли вы подъ этимъ именемъ знаменитаго Александра Беринга, одного изъ первыхъ богачей Англiи? Какъ банкиръ — это великій человекъ; какъ государственное лицо, онъ вовсе незначителенъ. Но его богатство составляетъ его силу въ Парламентѣ, и журналисты забавно называли его «представителемъ своихъ кармановъ». Двадцать разъ перемѣнялъ онъ мнѣнія, и всегда былъ въ пользу своихъ выгодъ. Однажды онъ говорилъ противъ, и подалъ голосъ свой въ пользу билля: онъ получилъ неожиданно письмо о перемѣнѣ цѣны на биржѣ. Въ 1815 году народъ обожалъ его, какъ защитника свободы хлѣбной торговли, но купивши большое помѣстье, онъ сдѣлался врагомъ этой свободы. Никто лучше его не умѣетъ запутать вопроса. Два часа будетъ онъ говорить, и вы не узнаете, что такое онъ опровергаетъ и что поддерживаетъ — самъ Кастльре уступилъ бы ему въ искусствѣ говорить много, и не сказать ничего. Но у Ашбуртона не менѣе искусства распутывать узы другихъ, и онъ изумляетъ въ такомъ случаѣ простотою, добродушіемъ, съ какими разбираетъ дѣло, навязываетъ противникамъ, чего они и не думали, заставляя ихъ отказываться отъ своихъ настоящихъ требованій. При такихъ свойствахъ ума, вы забываете, что Ашбуртонъ плохой ораторъ, что онъ бормочетъ и заикается. Удивительно также искусство его — увѣрить всѣхъ, что онъ не ошибся. Никогда не смутится его спокойное, довольное лицо: онъ такъ увѣренъ въ своихъ средствахъ, и слишкомъ хорошо знаетъ, что всего опаснѣе дать другимъ

замѣтить смущеніе и недовѣрчивость къ самому себѣ. Онъ говоритъ рѣдко.

Но не таковъ *Лордъ Викло* (Wicklow) — не сберегая себя для важныхъ случаевъ, онъ бьется изъ тридцати споровъ, по крайней мѣрѣ, при двадцати. Никогда не считаетъ онъ себя побѣжденнымъ, и увѣренъ, что Брумъ по краснорѣчію ни сколько не выше его; но этому не вѣрятъ другіе, и не смотря на неутомимость говорливаго лорда, слогъ рѣчи чистый и пріятный, слушающіе остаются холодны, и, кажется, что надежда имѣть когда нибудь сильное вліяніе въ Парламентѣ обманетъ Лорда Викло.

Лордъ Лиллимерикъ (Limmerick) не даровите его на слово, но у этого менѣе требованій. Горячій торі, онъ обыкновенно мститъ насмѣшкой и сатирой людямъ, его превышающимъ, хотя часто насмѣшка обращается на него самаго, особливо при невыгодной его фигурѣ — добраго, разсерженнаго фермера.

Вмѣстѣ надобно упомянуть о трехъ престарѣлыхъ членахъ: *Лордъ Гарробей* (Harrowby), *Лордъ Росслейнъ* (Rosselyn) и *Лордъ Мансфильдъ* (Mansfield). Ихъ прежнее поприще, ихъ старость и богатство дѣлаютъ ихъ приверженцами партіи торі. Но Гарробей, долго бывшій президентомъ совѣта при Графѣ Ливерпуль, умѣренный торі. Это человекъ, котораго политикъ научила практика. Его сѣдые волосы, почтенный, важный видъ, звучный голосъ, легкость рѣчи, сжатость фразы, заставляютъ другихъ слушать его, столько же, сколько уваженіе къ его старости, его прежней жизни и значительности. Напротивъ, Лордъ Росслейнъ, слабый здоровьемъ, отличается только своею горячностью къ дѣлу торі, но онъ вовсе не важенъ. Герцогъ Мансфильдъ давно уже привыкъ молчать. Ему болѣе 60-ти лѣтъ, но онъ

кажется еще старѣе, съ своими морщинами, согбеннымъ тѣломъ, едва слышнымъ голосомъ. Прежде онъ бывалъ риторомъ, но не ораторомъ, готовясь тяжкимъ трудомъ бороться съ пылкою импровизаціею другихъ. Иногда забавно было, какъ онъ входилъ въ искусственный восторгъ, когда все знали, что рѣчь его приготовлена. Въ 1834 году, когда Мансфильдъ вдругъ напавъ въ рѣчи своей на министерство и потомъ, какъ будто опомнившись, сказалъ: «Надѣюсь, что жаркое преніе и увлеченіе предметомъ не заставили однако жъ меня произнести ни одного слова, которое могло бы поразить чѣмънибудь» — «Будьте спокойны!» отвѣчалъ ему Мельбурнъ — «мы не чувствуемъ себя пораженными.»

Лордъ Вейнфордъ (Wynford), подобно другимъ, черезъ скамью адвоката перешелъ въ Парламентъ, отъ бѣдности къ богатству, отъ безвѣстности къ успѣхамъ. Жестоко больной, онъ согнутъ и едва ходитъ, но его уважаютъ; умъ его не обширный, но здравый; рѣчь его ясна, но суха, и все это вмѣстѣ вредитъ ему — слушалъ его, бывають невнимательны; великіе вопросы ему недоступны, но малые его дѣло, и при каждомъ спорѣ, онъ всегда уничтожается. Иногда онъ осмѣливается однако жъ нападать, и Брумъ нерѣдко и безжалостно поражаетъ слабого противника.

Обращаясь къ знатымъ людямъ, составляющимъ аристократію Парламента, но неподдерживающимъ своего мѣста отличными дарованіями, мы найдемъ *Герцога Гаррингтона* (Harrington), вѣрующаго, что честный человекъ не можетъ не быть тори, и *Лорда Гордона* (Gordon), никогда неговорящаго въ Парламентѣ, но имѣющаго большое вліяніе въ обществѣ. Благородный характеръ начертанъ на его благородномъ лицѣ. Паденіе Мельбуерна есть вожделѣнная мечта его.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ.

За Январь, 1838 года.

Желая удалить Лѣтопись нашу, какъ уже мы сказали, отъ всѣхъ «газетныхъ, часто неосновательныхъ и невѣрныхъ слуховъ и новостей», и «излагать въ ней только дѣйствительно совершившіяся и достоверныя событія,» представляемъ здѣсь, по предположенному нами плану, краткій очеркъ *событій*, о которыхъ извѣстія наполняли Европейскіе журналы и газеты въ теченіе Января, и которыя постунають уже въ область Исторіи изъ области слуховъ и газетныхъ новостей. Мы присовокупляемъ къ нимъ разныя статистическія подробности и извѣстія о необыкновенныхъ явленіяхъ природы и общежитія. Этому плану будемъ мы слѣдовать въ лѣтописи *каждаго* мѣсяца, удаляясь отъ всякихъ сужденій и замчаній, которыми столь безразсудно позволяютъ себѣ дополнять свои статьи иностранныя журналисты. Обзорніе прошедшаго года будетъ продолжаемо отдѣльно въ слѣдующихъ книжкахъ Сына Отечества. Мы удаляемъ также отъ нашихъ извѣстій все мелочныя подробности, стараясь, чтобы они составляли, такъ сказать, только *систематическій переѣхъ* важнѣйшаго и замѣчательнѣйшаго.

Россія.

Первая мысль и первое слово *Отечеству* и *Отцѣ* его. Благоговѣйнымъ моленіемъ за Великаго Царя, за то, да продолжитъ Царь Царей драгоцѣнную жизнь Его, начала Россія *новый годъ*. И мирно, благословенно протекъ *первый* мѣсяць сего 1838 года для

могущаго Русскаго Царства, знаменуясь только мурдыми попеченіями правительства, мирными гражданскими подвигами, общественнымъ вѣссьемъ и дѣятельнымъ трудомъ. — Въ памятный день 25 Декабря, сѣверная столица Россіи украсилась двумя новыми памятниками чести народа и благодарности отечества героямъ Кутузову и Барклаю де-Толли. Бронзовыя изваянія ихъ открыты на площади противъ Казанскаго Собора. Декабря 29-го Императоръ Русскій самъ провелъ воиновъ своихъ мимо памятниковъ героямъ, при кликъ: *ура!* — Бѣдствіе, постигшее столицу 17-го Декабря — пожаръ Зимняго Дворца — послужило только новымъ поводомъ показать усердіе и преданность подданныхъ Монарху. Изъ огня исхищены были всѣ драгоценности руками Русскихъ воиновъ. Трогательное изъявленіе благодарности увидѣли они въ рескриптѣ Императрицы, отъ 24-го Января, который читанъ былъ на другой день по всему Гвардейскому Корпусу. Еще умильтельнѣе былъ Высочайшій указъ, отъ 25-го Января. Отвсюду готовы были Русскіе жертвовать Царю своему достояніемъ на сооруженіе вновь чертога его. Милліоны посыпались-бы по одному его слову: «Приношенія не будутъ нужны, и мы не принимаемъ ихъ» — изрекъ Царь Русскій своимъ подданнымъ, слыша о повсюдныхъ, усердныхъ желаніяхъ на приношенія. — «Но чувства, къ нимъ побуждающія, чувства вѣрноподданческой привязанности къ Намъ и Престолу, всегда, при всякомъ, болѣе или менѣе важномъ событіи обнаруживающіяся съ новою силою, глубоко трогаютъ Наше сердце... Они Намъ драгоценнѣе вещественныхъ сокровищъ и изычнейшихъ произведеній искусства. Мысль о нелицемерной, ни въ какихъ обстоятельствахъ неперемѣняющейся любви Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, облегчаетъ для Насъ

бремя заботъ и трудностей правленія, ибо въ сей любви Мы видимъ залогъ и будущаго благоденствія и славы любезнаго Отечества Нашего.» Исторія запишетъ на скрижаляхъ своихъ сіи приснопоматныя слова Монарха! — Января 27-го обнародовано положеніе о Комиссіи, долженствующей заняться возобновленіемъ Зимняго Дворца. Архитекторами для сего назначены Г-да Штаубергъ, Стасовъ и Брюловъ. На штатъ Комиссіи опредѣлено по 130,000 рублей. Работы быстро послѣ того начались, и вскорѣ, съ новымъ великолѣпьемъ, возникнетъ изъ пепла чертогъ Русскаго Царя. — Декабря 26-го утверждена новая и важная государственная мѣра для благоустройсва внутренняго: Великій Хозяинъ Россіи подписалъ Учрежденіе новаго *Министерства Государственныхъ Имуществъ*, отдѣльнаго отъ Министерства Финансовъ. Сюда относятся собственно-хозяйственныя попеченія о всѣхъ казенныхъ земляхъ, оброчныхъ статьяхъ, лѣсахъ (исключая удѣльных), крестьянахъ государственныхъ, свободныхъ хлѣбопашцахъ, иностранныхъ поселенцахъ, Калмыкахъ, Сибирскихъ инородцахъ, и предметахъ государственной экономіи, каковы: сельское хозяйство, огородничество, разведеніе полезныхъ растений, садоводство, винодѣліе, шелководство, скотоводство, овцеводство, звѣроловство, морскіе промыслы, компанія, училища и капиталы по всѣмъ сѣмъ частямъ. Штатъ новаго Министерства составляютъ 618 человекъ, и расходы, на него опредѣленные, 1,216,694 рубля ежегодно. — Другія новыя учрежденія были слѣдующія: устройство отдѣленія при Θεодосійской Градской Думѣ, для распоряденія 100,000 суммою, пожалованною на устройство города Θεодосіи (обнар. 15 Января); распорядженіе о произведствѣ въ офицерскіе чины урядниковъ Донскаго Казачьяго Вой-

ска (обн. 15 Января); учрежденіе въ Москвѣ Округа артиллерійскихъ гарнизоновъ, вмѣсто бывшаго тамъ Артиллерійскаго Депо (обн. 15 Января); освобожденіе избранныхъ обществами оспопрививателей отъ податей и повинностей, для успѣшнѣйшаго производства и поощренія сей важной мѣры къ охраненію народнаго здоровья (Декабря 15-го); правила для принятія въ Гатчинскій Воспитательный Домъ воспитанниковъ (до 500 человекъ) и пансіонеровъ (до 25, съ платою по 400 рублей), на новыхъ положеніяхъ воспитательныхъ домовъ, замѣняя въ нихъ прежнихъ незаконнорожденныхъ питомцевъ дѣтьми бѣдныхъ чиновниковъ, съ обязанностью шести-лѣтней службы за благодѣтельное образованіе и воспитаніе ихъ, и съ наименованіемъ такихъ заведеній *Сиротскими Институтами Воспитательныхъ Домовъ* (Января 4-го); правила для управленія Еврейскими колоніями въ южной Россіи (ихъ заселено уже въ Херсонской Губерніи девять), (обн. 16-го Декабря); положеніе объ управленіи Военной Чесменской Богадѣльни (обн. 18-го Декабря); дополненіе къ правиламъ о Суздальскомъ богадѣльномъ домѣ, основанномъ на пожертвованія благодѣтельнаго Московскаго гражданина Блохина, вновь принесшаго въ даръ 50,000 рублей на сіе богоугодное заведеніе, за что почтенный благодѣтель всемилоостивѣе награжденъ орденомъ Св. Станислава 4-й степени (обн. 4 Декабря); указъ о сужденіи Киргизовъ, кочующихъ внѣ предѣловъ Имперіи, за ихъ грабежи и преступленія, военнымъ судомъ (обн. 8 Декабря); учрежденіе въ Москвѣ, при тамошней биржѣ, Биржеваго Комитета (Декабря 20-го); уставъ новоучрежденнаго въ Вѣзостокъ Института для благородныхъ дѣвицъ (числомъ 30-ти), съ штатомъ, по которому на содержаніе Института опредѣляется по 24,000 рублей

серебромъ (обн. Декабря 21-го); положеніе о Комитетѣ, для ревизіи книгъ и отчетовъ по управленію Черноморскимъ Флотомъ и портами, съ 1829-го по 1840 годъ, съ штатомъ, на содержаніе котораго полагается 134,420 рублей (обн. Декабря 31-го); штатъ Главнаго Медицинскаго Управленія Морскаго Министерства, по которому опредѣляется 15 человекъ, и на расходы по 24,060 рублей ежегодно (обн. Декабря 31-го); правила для опеки надъ малолѣтними дѣтьми Татарскихъ поселенъ въ Крыму (обн. Декабря 24-го); указъ о награжденіи нижнихъ чиновъ 1-го Финскаго флотскаго экипажа, за 20-лѣтнюю безпорочную службу, знакомъ отличія ордена Св. Анны (Января 7-го); указъ объ открытіи генеральнаго межеванія земель въ Астраханской Губерніи (Января 7-го); объ учрежденіи карантинныхъ заставъ по берегу Чернаго моря, въ городахъ Геленджикъ, Пицундѣ, Бомбарахъ и Гаграхъ, съ положеніемъ на каждую заставу 12-ти человекъ, и съ ежегоднымъ расходомъ по 3800 рублей серебромъ (Января 8-го); наконецъ, правила и штатъ Комиссіи для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, чѣмъ Монархъ Россіи исполняетъ обѣтъ Державнаго Брата своего, воздвигая въ древней Москвѣ великій памятникъ 1812 года; по штату опредѣлено на Комиссію по 70,160 рублей, ежегодно.

Англія.

Бѣдственное возмущеніе Канады составляло нынѣ предметъ общаго вниманія въ Англіи. Засѣданія Парламентовъ начались вновь 16 Января. Лордъ Гленельгъ представилъ подробные акты, касательно дѣль въ Канадѣ. Брумъ вооружился жестоко противъ администраціи Англійскихъ колоній въ Америкѣ, и даже напомнилъ Парламенту о событіяхъ 1775 года. Онъ также сильно спорилъ 17-го Января и въ

послѣдующихъ засѣданійхъ противъ всѣхъ распорядженій министровъ, касательно Канады. Билль, представленный министрами, произвелъ неменьшіе споры въ Нижнемъ Парламентѣ, гдѣ особенно шумѣлъ противъ него Пилль, но большинство голосовъ утвердило билль, и 31-го передали его въ Верхній Парламентъ. Между тѣмъ опредѣленъ Королевою въ званіе генераль-капитана всѣхъ Англійскихъ областей въ Сѣверной Америкѣ Дж. Георгъ Графъ Дургамъ. Общій голосъ одобрилъ сей выборъ, и не смотря на то, что извѣстія о прекращеніи бунта въ Канадѣ успокоили умы, Графъ Дургамъ отправляется въ Канаду, а помощниками его будутъ генераль-маіоры Кемпбель, Гервей и Колборнъ. — Между тѣмъ, новыя, строгія мѣры правительства возбудили негодованіе жителей Ямайки, и тамошніе представители изъявили свое несогласіе на предписанія, сдѣланныя имъ отъ генераль-губернатора. — Въ Лондонѣ явились кромѣ того, съ представленіями, депутаты отъ Нью-Фундлендской колоніи, требуя разныхъ льготъ, уменьшенія податей, контроля чиновниковъ, и проч. — Въ Ирландіи продолжаютъ волненія черни, споры противъ сборщиковъ податей, особливо въ Графствѣ Арнимскомъ, гдѣ многіе комиссары правительства были прибиты буйными негодяями. — Декабря 28-го, пожаръ истребилъ въ Лондонѣ огромные масляные магазины, и въ пламени погибло нѣсколько кораблей и судовъ, подлѣ нихъ находившихся; убытокъ полагали болѣе нежели въ три милліона рублей. — Почти тогда-же сгорѣлъ, только что отстроенный, огромный домъ Графа Купера, а на 11-е Января весь Лондонъ ужаснулся отъ страшнаго пожара: загорѣлась биржа Лондонская, старинное великолѣпное зданіе, построенное въ 1669 году, и не смотря на усилія потушить огонь, сдѣлалась жертвою

пламени. — Королева намѣрена учредить новый орденъ, вмѣсто бывшаго Ганноверскаго, который уничтожается въ Англии отдѣленіемъ Ганновера. На одной сторонѣ креста будетъ надпись: *Отличіе*. На другой буквы: V. R. (*Victoria Regina*).

Ф р а н ц і я .

Послѣ открытія засѣданій Палаты Перовъ и Палаты Депутатовъ, начались жаркія пренія объ адресѣ, или отвѣтѣ на рѣчь, которою Король открылъ засѣданія обвѣхъ Палатъ. Главнымъ предметомъ спора было разсужденіе о томъ, должно-ли Франція вступаться въ дѣла Испаніи. Тьеръ говорилъ положительно о посредничествѣ, но его возраженія были отвергнуты, и адресъ Палаты Депутатовъ Королю поднесенъ 15 января. Обѣ Палаты занялись затѣмъ разсмотрѣніемъ представленныхъ проектовъ различныхъ постановленій, государственнаго бюджета, толками о парадной одеждѣ для депутатовъ, и различными представленными прошеніями и проектами. Между прочимъ, издательница *Газеты женщины*, г-жа Путре-де-Мошанъ проситъ утвердить особеннымъ закономъ, что *Король Французовъ* есть также и *Король Француженокъ*, чего не видно изъ его титула: *Roi des Français*. — Декабря 31-го закрыты въ Парижѣ игорные дома; полиція едва могла прогнать отчаянныхъ игроковъ, которые заключили упорною битвою на зеленыхъ столахъ уничтоженіе этихъ безславныхъ мѣстъ разоренія и гибели. — Января 16-го, сгорѣлъ въ Парижѣ старинный Италіанскій театръ, огромное зданіе, построенное въ 1782 году, и прежде извѣстное подлѣ именемъ *театра Фавара*, а съ 1825 года занимаемое Италіанскою оперою. Тутъ погибъ директоръ оперы Северини, спасаясь отъ огня, и сгорѣла часть драгоценной библіотеки

Кларота. Вообще пожаромъ этимъ причиненъ большой убытокъ.

Несогласія, бывшія между Франціею и Папою, прекращены, и Папа обвинялъ отнынѣ строго воспретить непріязненные поступки, какими ознаменовывало себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ противъ Короля Французское Католическое духовенство.

Принцъ Антонъ Мусиньяно, сынъ Луціана Бонапарте, находится теперь въ Парижѣ, гдѣ уже давно живутъ Королева Каролина, вдова Мюрата, и г-жа Вейссъ, дочь Луціана. — Января 11-го происходило въ Рюльскомъ замкѣ погребеніе Гортензіи, бывшей Королевы Голландской, дочери Иозефинной. Суета суетствій! Эти слова можно было всего справедливѣе повторить при тихомъ опущеніи въ могилу гроба той женщины, сынъ которой, нѣкогда, назначаемъ былъ отъ Наполеона наследникомъ его испанской имперіи.

Бельгія.

Декабря 31-го началось въ Палатахъ представителей рассмотрение государственнаго бюджета. — Вниманіе Бельгійцевъ увлечено теперь устройствомъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. — Духовенство Бельгійское подтвердило о строжайшемъ исключеніи отъ св. причащенія всѣхъ членовъ тайныхъ обществъ, и особенно масонскихъ.

Испанія.

Здѣсь продолжались прежнія событія, столько уже времени разрушающія спокойствіе обитателей Пиренейскаго Полуострова. Несогласія и споры между членами правительства, смутенія въ народѣ, раздоры партій и междоусобная война. Новый первый министръ Испаніи, Графъ Осалія нерышительно объяснилъ планы свои въ засѣданіи Совѣта 21 Декабря. Главнокомандующій войсками Королевы, Эс-

партеро также не могъ образовать плана военныхъ дѣйствій. Партія *изступленныхъ* (exaltados) восторжествовала, когда узнали, что Донъ Карлосъ снова двинулся въ средину королевства, съ усиленными войсками. Храбрый наѣздникъ его, *Базиліо Гарсія*, первый перешелъ рѣку Эбро 29 Декабря, и Эспартеро не могъ воспрепятствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ Карлистовъ. Они заняли область Валенсійскую и отрѣзали сообщенія Мадрида съ Андалузіею. — Волненія оказались при выборахъ въ Магонь, на островѣ Миноркѣ. — Въ Кадиксѣ народъ волновался, изливляя негодованіе противъ иностранцевъ. — Карлистскія партіи захватываютъ почты, эстафеты, дилижансы, и Испанія не видитъ конца своимъ бѣдствіямъ.

Португалія.

Гораздо несчастіе Испаніи нынѣшнее положеніе Португальцевъ. Ужасное затрудненіе финансовъ, митежи приверженцевъ Донъ Мигуэля, и совершенное разстройство внутренняго порядка въ управленіи, не прекращаются. Министры предлагаютъ только новыя налоги для содержанія войскъ и уплаты государственнаго долга. Для прекращенія разбоевъ по дорогамъ, рѣшено учредить особенное милиціонное войско. Можно судить о необходимости такой мѣры по донесенію правительству, что въ прошломъ году совершено было въ Португаліи по дорогамъ до 1442 убійствъ и 5219 грабежей!

Германія.

Января 5-го скончался въ Дрезденѣ родитель Саксонскаго Короля, *Принцъ Максимилианъ*, родившійся въ 1759 году.

Января 14-го открыты засѣданія чиновъ Виртембергскаго Королевства, которые займутся многими новыми государственными постановленіями.

Король Ганноверскій утвердилъ, прокламаціею отъ 7-го Января, собраніе государственныхъ чиновъ къ 20 му Февраля, намѣревался предложить проекты различныхъ государственныхъ перемѣнъ и установленія.

Января 20-го, Принцъ Баварскій Максимилианъ отправился въ предположенное имъ путешествіе на Востокъ, намѣревался посетить Сирію и Египетъ.

Императоръ Австрійскій объявилъ собственноручнымъ письмомъ церемоніймейстеру двора своего, Князю Коллоредо, о приготовленіи къ совершенію Императорской присяги въ Инсбрукъ, въ Августъ мѣсяцъ, и коронованію въ Миланъ въ Сентябрь.

Съ будущею весною положено открыть постоянное сообщеніе пароходами между Галацомъ и Одессою, какъ двумя главными пунктами торговли и плаванія по Дунаю.

ШВЕЦІЯ.

Срокъ торговой конвенціи съ Россіею, заключенной въ 1834 году, кончился въ Декабръ 1837 года, но, по согласію Правительствъ обоихъ государствъ, она оставлена и впредь въ полномъ дѣйствіи, на неопредѣленное время.

ДАНІЯ.

Королевскимъ повелѣніемъ уничтожены всѣ истязанія, какія еще оставались отъ ужаснаго обычая пытокъ при судебныхъ изслѣдованіяхъ. — Другимъ повелѣніемъ, отъ 27 Декабря, опредѣлено уничтожить всѣ привилегіи Датской Азіатской Компаніи, къ 1-му Мая 1843 года, и открыть всѣмъ Датчанамъ свободную торговлю въ Азіи.

ИТАЛІЯ.

Холера снова явилась въ Калабріи. Впрочемъ, сомнѣваются еще въ достовѣрности извѣстія. —

Въ Римскомъ Коллегиумъ Propaganda Fide было испытаніе учениковъ, предназначаемыхъ въ званіе миссіонеровъ. Между ними находились два природныя Китайца. Донъ Мигуэль былъ въ числѣ побѣдителей.

ГРЕЦІЯ.

Изданы новыя законы касательно книгопечатанія. Король самъ присутствовалъ при пяти засѣданіяхъ совѣта, бывшихъ по сему случаю. — Г-нъ Рудгардтъ, министръ королевскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, уволенъ отъ своей должности, и вскорѣ оставитъ Грецію. Мѣсто его заступилъ г-нъ Зографо, бывшій посольскій королевскій при дворѣ Султана, мѣсто котораго займетъ г-нъ Спиридонъ Трикупи. — Г-нъ Спаниолахи назначенъ министромъ финансовъ, вмѣсто г-на Потози. Новымъ постановленіемъ опредѣлено содержать 8,000 человекъ постоянного войска, изъ природныхъ Грековъ. Срокъ службы опредѣленъ для каждаго солдата четыре года, такъ, что войско ежегодно будетъ пополняемо комплектомъ 2,000 конскриптовъ.

ТУРЦІЯ.

Повелѣніемъ Султана опредѣлено устроить новыя маяки въ Дарданеллахъ и въ Босфорѣ. Другимъ повелѣніемъ, всѣмъ улемамъ, вмѣсто чалмы, велѣно носить *фески*.

Новый Хариджіе-Назири (министръ иностранныхъ дѣлъ) Решидъ-Бей, прибылъ изъ Лондона, и 19 Октября вступилъ въ свою должность. Онъ отлично говоритъ по-Французски, такъ, что не имѣетъ надобности въ драгоманѣ.

Ноября 26-го, въ присутствіи Султана спущенъ на воду пароходъ, построенный Роддесомъ, Американскимъ инженеромъ. Онъ во сто лошадиныхъ силъ, и назначенъ для капитана-паша. Роддесъ заложилъ теперь другой пароходъ для самого Султана, въ 120 силъ.

Султанъ строго запретилъ разгонять народъ палками, какъ дѣлалось это донынѣ при каждомъ выѣздѣ повелителя правовѣрныхъ. Всякому Музульманину отнынѣ позволяется подавать лично просьбы и говорить съ Султаномъ.

Новость неслыханная: къ Прусскому Двору отправляется Турецкій посоль, который постоянно останется въ Берлинѣ. Посломъ назначенъ Хіамиль-Паша. Въ объявленіи Султана сказано, что взаимная польза обонхъ государствъ требуетъ такого установленія, которое наблюдается между всеми образованными народами.

А з я.

Капитанъ Коганъ, которому поручено было отвѣсти Маскатскому Иمامу въ подарокъ прекрасную яхту, возвратился черезъ Египетъ въ Англію. Имамъ такъ былъ восхищенъ подаркомъ, что подарилъ капитану богатую саблю, наименовалъ его ханомъ, и далъ ему полномочіе заключать отъ его имени какіе угодно торговые и дружескіе договоры съ Англіею.

Англичане ревностно занимаются теперь устройствомъ пароходства въ Индіи, гдѣ оно принесетъ особенную пользу. Четыре парохода назначены для сношеній съ Бирманіею, Малаккою и Сингапуромъ. Изъ Калькутты въ Мадрасъ и Цейланъ будутъ ходить пароходы новой компаніи, которая составила въ Калькуттѣ для сего предмета капиталъ въ 350,000 ф. с. — Но важнѣйшія предпріятія Англичанъ въ

семь отношеній суть плаваніе пароходами по Эвфрату въ Месопотамію, и по Черному Морю до Суэца. Древній путь въ Индію возобновляется въ наше время. У острова Сокотору учреждается мѣсто торговой складки и остановки. Паша Египетскій уступилъ Англичанамъ островъ Камаранъ, лежащій на сѣверъ отъ Мокки, между Лоде и Годайда. Новый торговый трактатъ заключенъ въ Декабрѣ между Персіею и Англіею, по которому Англичанамъ дозволяется всюду въ Персіи заводить конторы и магазины, производить транзитную торговлю, и ввозить всякіе товары, съ платежемъ 4-хъ процентовъ.

Знаменитая Индійская царица Сердана, *Солрубе-суль*, скончалась, оставя наследникамъ болѣе нежели на 50 милліоновъ рублей золота и драгоценностей. Ей было около 96 лѣтъ.

Анамскій царь Мингъ-Мангъ строжайше подтвердилъ запрещеніе принимать Христіанскую Вѣру своимъ подданнымъ. Европейцамъ опредѣлено изгнаніе, и позволено посѣщать только Туранскую гавань.

Властитель Бирманіи объявилъ Англичанамъ, что по причинѣ истеченія мирныхъ договоровъ, заключенныхъ между ними, онъ намѣренъ объявить войну, если не удовлетворить его требованій, ибо стѣсненія Англичанъ даютъ къ тому справедливый поводъ.

Можетъ быть и не замѣтили многіе извѣстія о кончинѣ Делійскаго властителя въ Индіи Акбара-Сени, последовавшей 28-го Сентября. Это бѣдный остатокъ, послѣдняя тѣнь величія и славы Великихъ Моголовъ, нынѣ ничтожный владѣтель полуразрушеннаго города Дели и пенсіонеръ Остъ-Индской Компаніи. Сынъ Акбара, *Суруай-Багадуръ-Ханъ*, возведенъ теперь на мѣсто отцовское. При коронаціи его присутствовалъ Англійскій чиновникъ.

А Ф Р И К А.

Мегемедь-Али соединяетъ все усилія для новыхъ предприятий въ Абиссиніи, и противъ непріятелей своихъ въ Сиріи и Аравіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Египта, изъ 100 человекъ вѣльно 15-ти приниматься за оружіе.—Между тѣмъ, ужасный голодъ опустошаетъ Египетъ, и Паша позволилъ безпошлинный ввозъ хлѣба иностраннаго. Еще болѣе страшныхъ послѣдствій недостатка надлежитъ ожидать въ нынѣшнемъ году, ибо наводненіе Нила было вовсе недостаточное и самое малое, а это повергаетъ весь Египетъ совершенному безплодію.—Молодые Египтяне, посланные во Францію, для обученія медицинѣ, отправились на родину, кончивъ съ успѣхомъ курсы свои. Они просили дать имъ предметы для ученыхъ изслѣдованій въ Египетъ, и своимъ поведеніемъ приобрѣли себѣ въ Парижѣ общую любовь.

Извѣстія о набѣгахъ Ахмета-Бей и предприятий грознаго Абдель-Кадера противъ Французовъ, не подтверждаются. Завоеваніе Константины поразило ужасомъ умы Аравійскихъ племенъ.

Принцъ Жуанвильскій, третій сынъ Короля Французскаго, отправился путешествовать по берегамъ Западной Африки, и въ Декабрь прибылъ благополучно въ Сенегальскую колонію, Горею.

На Мысѣ Доброй Надежды начались расселенія колонистовъ на востокъ къ Натальскому берегу. Здѣсь, въ пустыняхъ, доннынъ бывшихъ безлюдными, или занятыми кочевьемъ Кафровъ, будетъ основанъ городъ Новый Амстердамъ. По изслѣдованіямъ, страна представляетъ все удобства для заселенія.

Царица Мадагаскарская объявила жестокое гоненіе противъ Христіанъ. Смертная казнь опредѣлена каждому Говасцу, который приметъ Христіанство. Полагаютъ, что всему причиною были интриги Ан-

глійскихъ миссіонеровъ, которые возмутили противъ царицы ея подданныхъ.

А М Е Р И К А.

Послѣ нѣсколькихъ покушеній на открытый бой, возмутители Канадскіе уступили Правительству и дѣятельнымъ распоряженіямъ начальства. Поспѣшно образовались противъ нихъ повсюду милиціи. Лордъ Госфордъ объявилъ цѣну 1000 ф. с. за голову главнаго зачинщика бунта Папино, и по 500 за выдачу другихъ его товарищей, Нельсона, Броуна, О Каллагана, Кота, Дроле, Жируара, Скотта, Родье, Амури Жирода, Чинсера. Многіе изъ нихъ убиты; иные захвачены; другіе скрываются; Маккензи успѣлъ убѣжать въ Соединенные Штаты, и за достовѣрное сообщить, что бунтъ Канадскій можно почитать оконченнымъ. Колонисты, увлеченные дерзкими начинаніями, возвращаются въ свои дома, и отдаютъ оружіе, ибо всѣмъ объявлено прощеніе, кромѣ главныхъ мятежниковъ.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ объявило строжайшій нейтралитетъ въ дѣлахъ Канады, и постоянно соблюдало его. Несогласія открылись однако жъ, когда Англичане захватили пароходъ Американскій, который тайнымъ образомъ доставлялъ бунтовщикамъ запасы, въ убѣжище ихъ на островѣ Неви гдѣ укрывался Маккензи, и гдѣ былъ главный пригонъ ихъ.

Декабря 3 открыты въ Вашингтонѣ засѣданія Конгресса рѣчью Президента. Онъ извѣстилъ Конгрессъ о дружескихъ сношеніяхъ со всеми государствами Европы; коснулся затруднительнаго распределенія границъ съ Англіею; сказалъ, что замѣшательства по Американской торговлѣ безпрерывно устраняются; упомянулъ о приготовленіи войска для покоренія дикихъ Американскихъ туземцовъ, обез-

покоивающихся въ некоторыхъ области Штатовъ, и извѣстия о благопріятномъ положеніи государствен-ныхъ финансовъ. Народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ умножилось съ 1800 года $4\frac{1}{2}$ милліонами. Привозъ товаровъ въ Штаты въ прошломъ году составилъ 21,729,861 долл., а вывозъ 95,185,199 долл. Полагаютъ, что сумма долговъ Американскаго купечества Англійскимъ и Французскимъ купцамъ составляетъ до 225 милліоновъ, изъ которыхъ половину полагаютъ заплатить въ 1858 году, а другую разсрочить въ 18 и 24 мѣсяца. Ручательствомъ за платежи поставляютъ запасъ хлопчатой бумаги на 250, акцій банковъ, каналовъ и дорогъ на 75, и разнаго товара на 150 милліоновъ.

Правительство Хили, или Чили, отвергло посредничество Англичанъ, и отправило флотъ противъ Перу, гдѣ приготавлиются къ упорной защитѣ.

Несогласія между Гаити и Франціею, касательно уплаты 45 милл. франковъ, назначенныхъ на удовлетвореніе Франціи за признаніе независимости Гаитяна, приняли весьма непріязненный видъ. Переговоры прерваны, и Французская эскадра отправляется къ Гаити. Президентъ Бойе призываетъ своихъ черныхъ подданныхъ къ защитѣ.

Кажется, что между Соединенными Штатами и Мексикою также скоро дойдетъ до кровопролитія. Мексиканское Правительство не удовлетворило требованіямъ Штатовъ за обидное обнародованіе актовъ касательно Техаса. Конгрессъ Штатовъ намѣревается рѣшительно признать независимость сей области которая умножитъ, можетъ быть, собою число Штатовъ Сѣверной Америки.

Разныя извѣстія.

Если что составляетъ теперь предметъ разговоровъ, журнальныхъ статей и всяческихъ замѣчаній, то, безъ сомнѣнія, это не битвы Карлистовъ съ Христиносами, не Канадское возмущеніе, не споры Палаты во Франціи и Парламентовъ въ Англіи, но жестокая зима нынѣшняго года. Холоды доходятъ повсюду до чрезмѣрности. Зундъ замерзъ. Гавань Цареградская покрылась льдомъ. Везувій курится засыпанный снѣгомъ. Во Франціи часовые замерзаютъ на своихъ постахъ, а прохожіе умираютъ по дорогамъ. Въ Швейцаріи морозы доходятъ до 20°. Можно вообразить себѣ, что терпятъ теперь въ Западной Европѣ, при легкой одеждѣ жителей, неустройствѣ домовъ для холода, и непривычкѣ обитателей къ морозамъ! Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ холодовъ были повсюдные пожары. Газеты и журналы наполнены теперь извѣстіями о пожарахъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Биржа въ Лондонѣ, театръ въ Парижѣ, какъ мы уже упоминали, сдѣлался добычею пламени. Въ Пестѣ сгорѣли обширныя фабрики и магазины. Въ Парижѣ число небольшихъ пожаровъ, особенно отъ каминовъ, доходитъ иногда до 50-ти въ день.—Театръ du Gymnase едва успѣли спасти отъ огня скорою помощью.—Въ Готѣ огонь съ такою быстротою вспыхнулъ во дворцѣ Герцога Александра Виртембергскаго, 26-го Января, что самъ Герцогъ и его супруга едва успѣли спастись, а великолѣпное зданіе дворца обратилось въ развалины.—Въ Бриссели сгорѣлъ обширный военный госпиталь, а въ Гентѣ 20-го Января загорѣлась фабрика, и отъ нея сгорѣлъ древній и богатый Августинскій монастырь, основанный въ 1299 году.—Въ Царьградѣ сгорѣло въ одинъ пожаръ болѣе 30 домовъ и лавокъ.—Исчислили, что

въ Парижъ съ 1804-го по 1837-й годъ было пожаровъ всего 25,327, большихъ и малыхъ.

Къ 1-му Января 1838 года, въ Бельгійскомъ Королевствѣ считалось жителей 4,262,600 человекъ. Народонаселеніе умножилось въ 1837 году 76,674 человекъми. Въ Брисселѣ полагаютъ жителей до 103,400 человекъ.

Въ прошедшемъ году, въ Лондонъ прибыло 2244 корабля *больше*, противъ числа кораблей, прибывшихъ въ 1836 году. Чистый доходъ Великобританскихъ таможенъ составилъ въ 1837 году 21,448,741 ф. с.

Число купеческихъ банкротствъ въ Англии въ прошломъ году восходило до 1364-хъ; въ томъ числѣ въ Лондонѣ было 629.—Въ Парижѣ число банкротствъ простерлось до 545.

Доходы Дании въ прошломъ году составили до 14,884,121 рейхсдалера, и превзошли предположенный для нихъ бюджетъ суммою 959,121 рейхсдалера, такъ что при неожиданномъ увеличеніи дохода и экономіи въ расходѣ, въ казначействахъ Датскихъ осталось 656,790 рейхсд., вмѣсто 321,000 недостатка, какъ выходило по бюджету.

Косвенныя подати во Франціи, въ 1837 году, составили сумму 626,630,000 франковъ; въ 1835 г. они не превышали 583,942,000 а въ 1836 году 610,387,000 франк.—Увеличеніе въ 1837 г. замѣчено наиболѣе въ сборѣ почтовомъ и въ подати на табакъ, питья и соль. Таможни принесли 29,000 фр. менше противъ 1836 года.

Въ началѣ 1837 года, число свекловично-сахарныхъ заводовъ во Франціи умножилось до 582. Они выдѣлываютъ до 49 милліоновъ килограммъ сахара, почти 19-ю милліонами *больше* противъ 1836 года. Вообще полагаютъ, что свеклы надобно 20—

25 килограммовъ для выдѣлки *одного* килограмма сахару свекловичнаго.

Въ засѣданіи Французской Палаты Депутатовъ 9-го Января, Лоруа, префектъ Морбинганскаго Департамента, вызвалъ на дуэль депутата Сивре, за оскорбительныя выраженія, касательно выборовъ. Полиція захватила на мѣсть поединка обонхъ соперниковъ, и префекту велѣно отправиться немедленно къ своему мѣсту. — Другой дуэль былъ накануне, между издагелемъ газеты *Мода*, г-мъ Люфужере, и извѣстнымъ литераторомъ Леве-Веймаромъ, котораго оскорблялъ издатель статьими. Храбрый журналистъ не струсилъ вызова, стрѣлялся, и Леве-Веймаръ былъ раненъ въ руку.

Ужасный ураганъ свирѣпствовалъ на островѣ Кубѣ, разрушилъ совершенно городъ Казильду, погубилъ много скота, разорилъ плантаціи, и до 30 человекъ погибло притомъ; берегъ былъ потомъ усыпанъ остатками разбитыхъ кораблей.

Въ Минхенѣ оконченъ для Пулковской нашей обсерваторіи, оптикомъ Георгомъ Мерцомъ, рефракторъ—величайшій въ мірѣ изъ всѣхъ, какіе только донинѣ были извѣстны. Онъ имѣетъ 21 футъ въ длину, и 14 дюймовъ въ діаметръ.

Въ Шербургѣ, съ 22-го на 23 Января, ужасный бурунъ опустошалъ берега. Явленіе это повторялось по нѣскольку дней, хотя бури притомъ не было.

Въ концѣ Ноября свирѣпствовали на Черномъ и Мраморномъ Моряхъ жестокія бури, причинившія множество вреда; много кораблей потонуло. Число ихъ полагаютъ до 30.

Южная Россія испытала необыкновенное въ томъ краю явленіе природы—землетрясеніе. Оно чувствовалось въ Кишиневѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Курскѣ, Полтавѣ, Черниговѣ, Каменцѣ—

Подольскомъ и Кіевѣ, почти въ одно время, 11-го Января. По извѣстіямъ изъ-за границы, въ Сербіи, Венгріи и Трансильваніи, оно было чувствуемо въ тотъ же день, и весьма значительно, но нигдѣ не причинило вреда.

Декабря 29-го Санктпетербургская Академія Наукъ торжествовала публичнымъ собраніемъ 112-й годъ своего бытія.

Въ Чумалхѣ, въ Томскомъ округѣ, послѣ холодовъ и снѣговъ, 11-го Декабря пошелъ проливной дождь и продолжался почти двои сутки, а 14-го наступилъ жестокой морозъ въ 24°.

По отчетамъ Санктпетербургской полиціи, число жителей въ С. Петербургѣ къ 1838 году оказалось 468,625 (328,719 муж. и 139,906 женск. пола). Въ теченіе 1837 года было въ С. Петербургѣ 30 пожаровъ.

Пароходъ Килларнъ, шедшій изъ Корка въ Бристоль, разбился, и едва могли спастись съ него на ближнюю скалу нѣсколько человекъ.

Января 5-го, въ полдень, въ Лондонѣ сдѣлался такой туманъ, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Люди ходили съ фонарями; экипажи сталкивались одни съ другими, и многіе пѣшеходы утонули въ Темзѣ. Мошенники безнаказанно пользовались случаемъ для воровства и грабежа.

Въ Эрфуртѣ, 8-го Января, развалился древній, знаменитый готическій соборъ, построенный за шесть сотъ лѣтъ, и составлявшій первое украшеніе города.

Привозъ товаровъ къ С. Петербургской таможнѣ въ 1836 году составлялъ сумму въ 180,913,929 р., а отпускъ въ 129,601,862 рубл. Въ 1837 году привозъ превзошелъ означенную сумму 18,131,914 рублями, а отпускъ 6,909,079 рублями. Доходъ та-

можни составили сумму 55,175,642 рубля — больше противъ 1836 года 6,266,851 рубль.

Въ 1823 году вымѣнено было на Кяхтѣ у Китайцевъ чаю 130,256 пудовъ, и съ тѣхъ поръ ежегодно вымѣнъ умножался. Въ 1836 году получено чаю уже 213,063 пуда, а въ 1837 году, по 1 Декабря, вымѣнено 166,602 пуда.

Ноября 15-го выдана отъ Правительства привилегія Одесскому купцу Иснару на машину для выдѣлки искусственныхъ камней. Ноября 9-го утверждено положеніе о новомъ Обществѣ для пареходовъ между Риготою, Любекомъ и Свиномюнде. Ноября 30-го утверждено товарищество для тканья и механическаго вышиванья тюли. Января 13-го Надв. Совѣт. Пономареву выдана привилегія на спиртогонный снарядъ, или кубъ, особеннаго устройства. Декабря 30-го выдана привилегія иностранцу Макеру на машину и устройство приготовленія крупни.

Едва совершился *льслыцъ*, и уже многихъ не стало изъ тѣхъ, чьи имена были означены въ мирѣ большею или меньшею извѣстностью!

Графъ Эдмонъ, знаменитый вельможа Англіи, ревностный торн и противникъ всѣхъ реформъ въ государственныхъ постановленіяхъ Англіи, скончался въ Лондонѣ, на 87 году жизни. Перъ съ 1799 года, членъ Верхняго Парламента съ 1801 года, онъ былъ болѣе 25 лѣтъ канцлеромъ Англіи, едва не погибъ въ смятеніяхъ 1815 года, и до 1827 года находился почти безсмынно въ своихъ высокиихъ должностяхъ.

Графъ Клонмелъ, перъ Англіи, скончался въ своихъ Оксфордскихъ помѣстьяхъ, на 56 году жизни. Имѣніе и титулы его переходятъ къ сыну, Виконту Карлсфурту.

Коммандоръ *Берлингеръ*, Тосканскій посланникъ

при Французскомъ дворѣ, скончался въ Парижѣ на 76 году жизни.

Графъ *Сергей Петровичъ Румянцовъ*, послѣдняя отрасль знаменитаго рода Румянцовыхъ, сынъ Задунайскаго героя, скончался въ Москвѣ, Января 15-го дня.

Графъ Соллмариса, картинная галерея котораго считалась первою изъ всѣхъ, принадлежащихъ частнымъ людямъ, умеръ въ Парижѣ.

Естествоиспытатель *Гедело*, посланный для собранія произведеній природы на берегахъ Сенегала, и совершившій многія путешествія во внутренность Африки, погибъ тамъ новою жертвою убійственнаго климата Африканскаго.

Отличный археологъ и нумизматикъ нашъ *Е. Е. Келлеръ*, сорокъ лѣтъ занимавшій должность смотрителя монетъ и медалей, и библіотекаря въ Эрмитажѣ, скончался на 73 году жизни.

Знаменитый естествоиспытатель Голландскій, *Докторъ франъ Маркулъ*, скончался въ Гарлемѣ, на 84 году жизни.

Извѣстный литераторъ Русскій, *А. И. Полежаевъ*, нѣкогда подававшій прекрасныя надежды на поэтическій даръ, скончался въ Москвѣ, 16 Января.

Извѣстный ваятель Русскій, *Б. И. Орловскій*, дарованіями достигшій славы великаго художника и званія Академика, крестьянинъ происхожденіемъ, скончался 16 Декабря. Только *десяти дней* не дожилъ онъ до открытія изваянныхъ имъ памятниковъ Кутузова и Барклая де Толли...

НЫНѢШНІЙ АНГЛІЙСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ.

(Статья вторая.)

Реформисты Англійскаго парламента, поддерживаемые извнѣ многочисленною партією, также видятъ во главѣ своихъ парламентскихъ дружинъ августѣйшую особу, какъ и соперники ихъ, защитники неизмѣнности прежнихъ правилъ. Ими предводительствуетъ также членъ Королевскаго семейства, шестидесятилѣтній старецъ, любимый, уважаемый народомъ. Это *Августъ Фридрихъ, Герцогъ Суссекскій*, дядя нынѣшней Королевы Великобританской, братъ покойнаго Короля. Онъ еще крѣпкаго здоровья, и по своимъ способностямъ весьма замѣчательнъ; онъ много знаетъ, много читалъ. Его мысль свѣтла; какъ членъ парламента, онъ быстро обнимаетъ спорные вопросы, и хорошо выводитъ изъ нихъ слѣдствія. Добродушіе и простота дышатъ въ его рѣчахъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ краснорѣчивъ; его слово довольно ловко, но невозвышенно. Ему не достаеъ страсти, гордости, всего того, что нужно для пламеннаго воодушевленія. Но его выраженія кратки, выводы правдивы; онъ говоритъ свободно, какъ человекъ, увѣренный въ томъ, что хочетъ добра и стремится къ нему. Вообразите себѣ Геркулеса, съ веселымъ лицомъ, на которомъ морщинъ мало; съ полными щеками, на которыхъ видно хорошее состояніе здоровья; ротъ оживленъ улыбкою, и эта улыбка непринужденная, заманчивая и привлекательная; волосы черные, на челѣ довольно возвышенномъ; во всемъ слѣды природнаго достоинства, про-

стоты жизни, и ни малѣйшаго слѣда жизни придворной, — вотъ Герцога Суссекскій. Онъ всегда жилъ въ деревнѣ, и ни въ пріемахъ, ни въ одѣждѣ его ничего нѣтъ изысканнаго. Его синій длиннополюй сюртукъ, бѣлый жилетъ, желтые нанковые панталоны не показываютъ въ немъ ни щеголя, ни человека богатаго, а тѣмъ менѣе прища. Въ послѣднее время онъ рѣдко посѣщалъ Парламентъ.

Простота и какое-то добродушіе, отличающія Герцога Суссекскаго, были такъ-же достояніемъ покойнаго Короля, который, своимъ открытымъ характеромъ и видомъ, похожъ былъ на веселаго моряка. Его малый носъ, высокій, хотя и неровный, лобъ, сѣрые глаза — все показывало доброту и простодушіе, что оказывалось во всѣхъ его поступкахъ. Любопытно было видѣть его при открытіи Парламента въ 1856 году. День былъ пасмурный; тронъ былъ поставленъ такъ, что это затруднило Короля при чтеніи рѣчи. Остановки его, мышканье, досада, внезапный перерывъ, когда онъ, указывая на пергаментъ, сказалъ Мельбурну: «Тутъ ничего разобрать невозможно —» все это могло показаться забавнымъ, если бы не было просто и естественно. Спѣша вывести его изъ затрудненія, Мельбурнъ приказалъ подать двѣ свѣчи; ихъ поставили на столъ, и Король произнесъ голосомъ довольно торжественнымъ слова, которыя мы приводимъ здѣсь со всею точностію:

«Милорды и Господа! по недостатку свѣта, я не могъ читать моей рѣчи такъ, какъ заслуживала ея важность, но вотъ подали свѣчи, и я прочту ее вамъ хорошенько съ начала до конца, чтобы вамъ ничего не оставалось непонятнаго.»

Обратимся теперь къ главнымъ дѣйствующимъ партиямъ, соперничающей съ тою, которую опи-

сали мы въ первой нашей статьѣ. Здѣсь главное мѣсто принадлежитъ Мельбурну.

Лордъ Мельбурнъ (Melbourne), долгое время, почти, или и вовсе неизвѣстный, быстро возвысился до перваго мѣста въ государствѣ. Едва знали прежде, что онъ существуетъ подъ именемъ Вилліама Лемба. Нѣкогда рѣшительный тори, теперь, будучи первымъ министромъ, онъ поддерживаетъ трудное предпріятіе, согласитъ выгоды аристократовъ, упорныхъ въ защитѣ, съ выгодами демократовъ, столь жаркихъ въ нападеніи. Тѣмъ, которые упрекали его въ отступничествѣ, онъ отвѣчалъ, что прежде всего онъ человекъ политическій, что вѣкъ идетъ впередъ, а онъ идетъ за вѣкомъ, и что такую покорность общему движенію, необходимую для человека должностнаго, должно отличать отъ непостоянства и вѣроломства. Теперь его причисляютъ къ самымъ оппозиционнымъ членамъ министерства. Ему 57 лѣтъ. Онъ твердъ и рѣшителенъ; съ виду привѣтливъ и добродушенъ; человекъ придворнаго въ немъ не видно ни сколько, но въ его фізіономіи есть доброта, выраженіе умное и благородное. Не приписывайте ему ни самобытнаго генія, ни высокой философіи, ни увлекательнаго краснорѣчія: это человекъ съ здравымъ смысломъ и свѣтлымъ умомъ, съ яснымъ выраженіемъ слова и умѣнемъ замѣчать и объяснять самые затруднительные пункты вопроса, просвѣтлять ихъ и дѣлать понятными. Чуждался уточненности, изысканности, нарядности слова, онъ всегда говоритъ то, что думаетъ. Всеобщая увѣренность въ личной его честности много придаетъ вѣсу роли, имъ занимаемой. Многіе думаютъ, что онъ обманывается, но никто не скажетъ, чтобы онъ обманывалъ. Говоритъ онъ мало; отвѣчаетъ только по требованію; скупой на слова, онъ не прислушивается къ своей рѣчи съ

тѣмъ гордымъ самоуслажденіемъ, которое такъ смѣшно во многихъ политическихъ ораторахъ. Получивъ отъ природы голосъ довольно пріятный, онъ не старается ни о смягченіи, ни объ исправленіи его; врожденная скромность даже затрудняетъ его въ роли общественной, и въ буряхъ, которыя онъ желаетъ утишить. Врагъ округленныхъ періодовъ, цвѣтстаго слога, плавности, ссылокъ — всего того, чѣмъ обнаруживаются ученость и трудъ, онъ не знаетъ ни ораторскихъ оговорокъ, ни риторическаго пустословія. Онъ проникаетъ въ сущность дѣла, пренебрегаетъ распространеніями, выражаетъ свою мысль краткимъ словомъ, идетъ прямо къ цѣли и не заботится объ остальномъ. Первая фраза его рѣчи есть уже полное выраженіе его мысли; въ цѣломъ ея составъ мало заманчивости, изворотовъ, увлекательности, но она внушаетъ довѣріе и вынуждаетъ уваженіе. Прибавьте къ качествамъ Лорда Мельбурна мужество нравственное, которое удовлетъ его дѣятельность политическую. Вездѣ, гдѣ только надобны нападеніе, отвага, битва — онъ тамъ, и впереди. Чѣмъ больше не пріятностей, огорченій, препятствій, тѣмъ онъ отважнѣе. Онъ смѣло бросается въ пылъ сраженія; ему невозбранноютъ, и даже ему удивляются; на него смотрятъ, какъ на отчаяннаго передоваго воина. Мнѣніе, которое онъ, какъ бомбу, бросаетъ посреди парламентскаго собранія, есть точно *его собственное мнѣніе*, единственное, какое онъ считаетъ полезнымъ для блага государства. У него нѣтъ отступленія, нѣтъ робости; онъ однимъ взглядомъ измѣряетъ препятствіе и бѣжитъ къ нему навстрѣчу. Этотъ робкій, по видимому, человѣкъ, всегда съ такою безпечностію разваливающейся на своей скамьѣ, въ бѣлой своей шляпѣ, столь небрежно на дѣтой назадъ, что боишься, какъ бы она не упала —

это МельбуРНъ. Онъ встаетъ, его блѣдное лице оживляется — губы дрожатъ; онъ заикается, утишаетъ волненіе чувствъ; его занимаетъ и пожираетъ желаніе и трудность побѣды. Тутъ является много истинной страсти, дѣйствительнаго движенія, и нѣтъ нужды въ эффектѣ. Польза, какую онъ видитъ въ томъ, что хочетъ сказать, побуждаетъ и одолеваетъ обыкновенную простоту его пріемовъ. Онъ воспаляется, и приближаясь къ столу, отдѣляющему его отъ скамей оппозиціи, стучитъ рукой, такъ сильно и такъ громко, что трясутся своды. Часто онъ опирается и совершенно наклоняется на столъ. Кажется, онъ бросился бы на своихъ противниковъ, если бъ не препятствовалъ столъ. Не смотря однако жъ на дерзкія выходки, къ которымъ уже привыкли члены парламента, никогда, въ самыхъ сильныхъ рѣчахъ Мельбурна, не услышите личностей. Онъ занимается только дѣломъ. Пренебрегая колкостями и сарказмомъ, онъ съ каждымъ порознь говорить вѣжливо, а съ сословіями почтительно. Соединеніе снисходительности и честности часто составляетъ ему такіе успѣхи, въ которыхъ отказываютъ дарованіямъ, краснорѣчію и генію. Много значитъ прослыть человѣкомъ честнымъ и безъ притязаній!

Подъ него, вотъ человѣкъ съ большимъ открытымъ лбомъ, отличающимъ не совсѣмъ обыкновенныя умственныя способности, высокаго роста, довольно толстый, съ побѣлѣвшими волосами, съ лысною, и съ живою, смѣющеюся физиогномією: это извѣстный во всей Европѣ *Лордъ Голландъ* (Holland). Онъ долго былъ сотрудникомъ Эдмбургскаго Обозрѣнія, много занимался изученіемъ Испанскихъ поэтовъ, и его обширной, но не поверхностной начитанности было бы достаточно для извѣстности не

одного литератора. Наблюдайте его: огненный слѣдъ жизни политической также замѣтенъ въ его увидѣнныхъ чертахъ, какъ и на блѣдномъ лицѣ Лорда Мельбурна. Подобно ему, онъ безстрашенъ, безукоризненъ. Въ 1794 году онъ впервые явился между членами парламента, и тогда же принялъ мнѣнія, которыхъ никогда потомъ не оставлялъ. Его блистательные и безразсудные ораторскіе дебюты послѣдовали спустя два года. Проповѣдуя реформу государственныхъ установленийъ и древнихъ прданій, онъ воскликнулъ: «Да, почтенный членъ, защищающій достоинства нашей старинной конституціи, напоминаетъ мнѣ арлекина, который хвалилъ свою лошадь — лошадь удивительную, превосходную, но имѣющую одинъ недостатокъ, именно тотъ, что она издохла!» — Съ какимъ страхомъ и негодованіемъ должны были слушать его товарищи! Но сколько переменъ съ того времени. . . . Сколько разъ до 1817 года, Лордъ Голландъ одинъ поддерживалъ свои смѣлыя мнѣнія, и какая сила души нужна была для того, чтобы не упасть, чтобы устоять противъ общаго востанія и одолѣть единодушное презрѣніе всѣхъ членовъ! Зять Карла Фокса, имъ воспитанный, преемникъ ему въ дарованіяхъ, достигъ своей цѣли безстрашіемъ въ сопротивленіи и силою краснорѣчія. Время увѣчало его привязанность къ своей идѣ. Лордъ Голландъ видѣлъ торжество парламентарской реформы. Его домъ долго былъ мѣстомъ свиданія тайныхъ и явныхъ поборниковъ новаго порядка — тамъ начертывали планы сраженія, тамъ изыскивали средства для нападенія и для защиты. Старость не только не ослабила, но еще усилила его ревность; сдѣлавшись побѣдителемъ, онъ не уснулъ на лаврахъ. Будучи особенно привязанъ къ Лорду Мельбурну, еще недавно, когда слабость здо-

ровья должна была удержать его дома, онъ велѣлъ вести себя въ парламентъ, и опершись на свой костыль, цѣлые полчаса говорилъ въ пользу муниципальной реформы, съ такою же силою, какъ и краснорѣчиво. Но упорность старца, которую можно назвать геройскою, по ея продолжительности, твердости и безкорыстію, часто дасть ему довольно забавный отбѣнокъ. Вспомните о любопытной сценѣ, въ которой онъ былъ первымъ дѣйствующимъ, въ тотъ день, когда Лордъ Мельбурнъ говорилъ о допущеніи разновѣрцовъ въ университеты. Лордъ Мельбурнъ всталъ. Глубокое молчаніе показывало общее скрытное неудовольствіе. Лордъ Голландъ тотчасъ оставилъ мѣсто, сѣлъ ближе къ оратору, какъ будто для того, чтобы лучше насладиться отвагою его словъ, и привалившись къ одной изъ шерстяныхъ скамей, составляющихъ историческое украшеніе Палаты Лордовъ, слушалъ рѣчь Мельбурна съ веселымъ лицомъ и полуоткрытымъ ртомъ. Первые выраженія товарища показались ему столь удивительными, что его изумленіе разразилось внезапнымъ взрывомъ: «Браво, браво!» Эти восклицанія потерялись въ неодобрительномъ молчаніи другихъ. Лордъ Мельбурнъ одушевлялся. Лордъ Голландъ отвѣчалъ на каждое его слово новыми восклицаніями, которыя усиливали напряженіе оратора. Одобреніе слѣдовало за одобреніемъ. Голландъ не уставалъ, но палата молчала, между тѣмъ, какъ двое друзей попеременно истощали, одинъ свое краснорѣчіе, другой восторги. Наконецъ Лордъ Мельбурнъ, уставши отъ слишкомъ шумнаго дружескаго одобренія, никѣмъ не подкрѣпленнаго, устремилъ на своего друга продолжительный и умоляющій взоръ, какъ будто прося пощады, и это призвело общій смѣхъ. Особенныя обстоятельства жизни Лорда Гол-

ланда, его наступательная позиция и его независимость запечатлѣваютъ драматическимъ характеромъ каждое его слово, доводятъ его запальчивость до крайности, порывъ его ораторскаго воодушевленія до дерзости, быстроту его движеній до декламационной актерской. Не смотря на то, его особенно уважаютъ; частныя его добродѣтели снижали ему почтеніе отъ всѣхъ. Когда старость и дряхлость еще не тяготили его, онъ обезсиливаль своихъ противниковъ легкостію слова, а его быстрое соображеніе, разоблачавшее предъ нимъ всѣ софисмы соперниковъ, помогало ему поражать ихъ. Громкій и ровный голосъ, и рѣдко соединяющіяся быстрота, сила дикціи и изящество выраженія придавали ему много важности. Его недостатки — чрезвычайная раздражительность и необузданная горячность, — объясняются враждебными обстоятельствами, какія всегда его окружали. Отъ раздраженія, голосъ его сталъ крикливъ, и въ жару страсти онъ иногда сбивается и путается въ своихъ доказательствахъ. Но когда внутренняя буря въ немъ утихаетъ, онъ выходитъ на бой могущественнымъ, блестящимъ — достойнымъ зятемъ великаго Фокса.

Если Лордъ Голландъ представляеть собою самую яркую черту оппозиціонной партіи, то *Маркизь Лансдоунъ* (Lansdownen) есть самый слабый ея отъѣнокъ. Каково бы ни было его честолюбіе, природа прозвела его на свѣтъ не для того, чтобы повѣлывать и предводительствовать. Его рѣчь легка, но часто слишкомъ обыкновенна; у него слова замѣняютъ мысли, фразы доказательства. Хорошій членъ администраціи, онъ поддерживаеть ее, но не можетъ управлять ею. Самыя его мнѣнія суть мнѣнія слабого вигисма. Потому онъ не можетъ управлять ни торіями, которыхъ терпѣть не можетъ,

ни вигами, которымъ онъ кажется слишкомъ перфидительнымъ въ своихъ мнѣніяхъ. Безъ оригинальности и безъ генія, онъ говоритъ всегда много, и никогда не лучше прежняго; по присутствію духа онъ превосходенъ въ защитѣ, но по недостатку силы, онъ слабъ въ нападеніи. Когда онъ хочетъ предложить мѣру новую, вы не узнаете въ немъ человека съ дарованіемъ: онъ теряется въ пустословіи, въ неслыханномъ разливѣ словъ. Но когда онъ что нибудь отстаиваетъ, онъ могущественъ, становится гибкимъ, искуснымъ, необыкновеннымъ, находитъ тысячу средствъ поставить въ замѣшательство своего противника — здѣсь его торжество! Рѣдко кто изъ членовъ палаты можетъ оспорить у него побѣду такого рода. Въ нападеніи непредвидѣнная смѣлость всегда большая подмога; при защищеніи это мѣра самая слабая. Маркизь Лансдоунъ не горячится; его трудно запутать, и въ этомъ вся выгода бываетъ на его сторонѣ, и этимъ онъ полезенъ для товарищей. Впрочемъ, онъ измѣнилъ блестящимъ надеждамъ, которыя подавалъ о себѣ въ молодости. Раннее развитіе ума, изящество рѣчи, всегда счастливый, еще и доселѣ неутраченный имъ даръ импровизаціи, скромность въ нападеніяхъ и въ языкѣ, вообще заставляли думать, что изъ него выйдетъ счастливый соперникъ Брума. Но, увы! скоро замѣтили пустоту подъ обиліемъ гармоническихъ словъ, и вполнѣ оцѣнили истинныя способности Маркиза — участь многихъ оболоченій, на которыхъ основываются преждевременныя надежды! Нельзя думать, чтобы Маркизь Лансдоунъ когда-либо возвысился до высшихъ степеней. — Ему уже около 57 лѣтъ. Длинныя рѣсницы освѣняютъ его глаза; густыя и большія брови придаютъ выразительность его физиогноміи, безъ того весьма

обыкновенной, и обличающей полезную, но не блестящую посредственность.

Лордъ Донканнонъ (Duncannon) человекъ пятидесяти лѣтъ, праводушный, кроткій и уважаемый, по способностямъ еще нѣсколькими степенями ниже Лансдоуна. — Мы упоминаемъ только мимоходомъ о двухъ Лордахъ: *Гленелгъ* (Glencelg) и *Минто* (Minto), которые мало имѣютъ вѣсу въ палатѣ, и совершенные въ ней новички. Что касается до Лорда Донканнона, то характеръ его, какъ частнаго человека, и вѣрность въ дружбѣ, привлекли на него вниманіе, на которое онъ не имѣетъ права какъ ораторъ и человекъ общественный. Палата, слушая его, доказываетъ не больше, какъ только свое терпѣніе. Стоя неподвижно, бормоча какія-то слова, онъ заикается и подбираетъ фразу къ фразѣ, или лучше сказать, слово къ слову. Но министерству, сословіямъ, самому обществу надобно обставать такими людьми свои главныя дѣйствующія лица; нули придаютъ вѣсь цифрамъ.

Превосходство дарованій не есть преобладающая стихія министра. Онъ поддерживается честностію, чувствомъ тайнаго уваженія, которое внушаютъ его умѣренность и праводушіе.

Если вы ищете высокаго ума, смотрите на Лордовъ Грея, Дургама, Мюльгрева и Брума. Мы начнемъ съ сего послѣдняго (Brougham).

Безъ сомнѣнія, это самый могущественный, самый твердый и самый необыкновенный человекъ, какой только есть, не только въ Палатѣ Лордовъ, но и въ цѣлой Англійской націи. Всѣ портреты его невѣрны. Ему теперь 57 лѣтъ; онъ свѣжъ и здоровъ, любить бурю, битву, тревоги. Босць слова, исторгающій похвалы изъ всего, къ чему ни прикасается, онъ привыкъ властвовать. Онъ всегда сча-

стливъ въ борьбѣ, въ натискѣ, среди проклятій и ругательства; настоящий атлетъ, онъ живетъ своими врагами — покой убьетъ его. Для него довольно тонкаго намъка, самаго ничтожнаго слова — онъ встаетъ и гремитъ, ибо слова его — это громъ! Онъ никогда не падаетъ другихъ; его раздражительность доходитъ до крайности, иронія до личностей; онъ такъ оскорбляется самымъ призракомъ нападенія, тѣнью эниграммы, что двухъ часовъ декламации, мало ему для полной мести за одно обидное слово.

Вы видите его спокойнымъ — онъ слушаетъ. Но вотъ несомнѣнные признаки, что Лордъ Бругамъ встанетъ и начнетъ говорить: онъ оборачивается спиною къ президенту, складываетъ ноги, опускаетъ на грудь свою странную голову, будто ни къ чему не готовится, но онъ повертывается на своемъ *лыжку*, быстро поднимаетъ руку къ затылку и торопливо чешетъ его. Буря бушуетъ въ немъ и скоро разразится. Вдругъ онъ встаетъ; *онъ на ногахъ* какъ говорятъ, по известной парламентской поговоркѣ, и ваше вниманіе совершенно поглощаетъ его странная физиогномія. Вы едва слышите его слова. Съ перваго взгляда, въ немъ поражаетъ васъ особенно то, что онъ очень некрасивъ. Не знаете, что подумать объ этомъ безобразномъ существѣ: смуглая кожа, густые, сѣдые, включенные волосы, неправильныя черты, въ которыхъ угловатыя формы выражаютъ вмѣстѣ и дикую дерзость и отчаянную твердость и оригинальность въ характерѣ. Но этотъ лобъ, суженный къ верху, но зорь, который сверкаетъ въ этомъ смугломъ лицѣ, они ругаютъ васъ, что этого человека, на котораго скудно смотреть, будетъ весело слушать. — Слушайте его, и, если вамъ угодно знать его вполнѣ, изберите од-

но изъ тѣхъ великихъ сраженій, въ которыхъ пробуждается вся буря его страсти. Когда онъ занимается дѣломъ законнымъ, судебнымъ, парламентскимъ, вы находите его въ уровень съ своимъ предметомъ, но не выше его. Когда же онъ отвѣчаетъ на личное нападеніе — тогда совсѣмъ другое дѣло! Тутъ онъ гладиаторъ; не ожидайте пощады; противникъ будетъ наказанъ, какъ говорятъ боксеры, и наказанъ съ звѣрскою жестокостію. Его взоръ воспаляется, брови хмурятся, ноздри раздуваются отъ гнѣва, углы его большаго рта раздвигаются; личности, обидные намѣки, язвительныя оскорбленія, острия эпиграммы, колкости — ничто не забыто, ничто не упущено. Онъ соединяетъ подъ одинъ ударъ всѣхъ своихъ противниковъ; ихъ многочисленность доставляетъ ему удовольствіе — его слово дубина дикаря! Невольно пожалѣешь о множествѣ жертвъ, которыхъ онъ осыпаетъ ядомъ эпиграммы; его сатира безъ възливости и умѣренности, — иронія безъ граціи. Часто, когда требуютъ отъ него порядка — онъ идетъ впередъ, разрушая все встречающееся ему на пути; онъ тѣмъ болѣе становится дерзкимъ, грубымъ, обидчивымъ, чѣмъ шумнѣе сопротивленіе его противниковъ; онъ радъ этимъ перерывамъ, которые даютъ время зрѣть его гнѣву. Грубый сарказмъ готовъ для всякаго, кто бы захотѣлъ усмирить его и когда всеобщій крикъ удерживаетъ его, онъ вдругъ останавливается, молчитъ нѣсколько минутъ, и снова говоритъ только для того, чтобы довершить пораженіе. Тогда слово его, какъ граната, прыгаетъ и бьетъ вдругъ всю оппозицію; онъ борется со всею массою, и осыпаетъ ее проклятіями. И этотъ гнѣвъ есть гнѣвъ дѣйствительный, а не поддѣльный. Никогда частный человѣкъ, мстя за свою обиду, не ужасаетъ своего про-

тивника болѣе громовымъ голосомъ, болѣе сверкающими взорами, болѣе неумолимою яростію....

Иногда, впрочемъ рѣдко, Лордъ Брумъ понижается, слабѣетъ, смягчается до ироніи, но — Юпитеръ только гремитъ, Геркулесъ счастливъ, только поражая чудовищъ. Однажды, когда вся палата призвала его къ порядку, онъ закричалъ: «Вы бунтуете — это забава площадной сволочи!» Слово: «площадная сволочь» было, конечно, одно изъ самыхъ странныхъ прозваній, какія когда-либо получали члены парламента. — Въ умѣ Лорда Брума есть двѣ стороны, особенно отличающія его: сила сжимающая и всеобъемлемость знанія. Онъ соединяетъ и обнимаетъ самыя отдаленныя вѣтви предмета, а его начитанность, почти невѣроятная, никогда не изменяла ему. Его выводы, какъ-бы ни были отдаленны, всегда удачны. При рѣшеніи частнаго вопроса, онъ первоначально полагаетъ общія основанія, которыхъ частное отношеніе еще сокрыто отъ васъ подъ непроницаемыми покровами; но въ дальнѣйшемъ развитіи рѣчи, всѣ сіи покровы снимаются одинъ за другимъ. Скоро лучъ свѣта расширяется, начала общія сдѣлались частны. Что вамъ казалось темнымъ и запутаннымъ, становится яснымъ и неотразимымъ. Васъ удивляетъ то, что вы давно не поняли цѣли оратора, изумляетъ сила мысли, какаѣ нужна была для того, чтобы выбраться изъ такой дали и получить столь важные результаты. Но вотъ онъ касается самой сущности своего предмета: философъ исчезаетъ, является партизанъ. Онъ одушевляется, гремитъ. Вотъ онъ пустился въ самое странное отступленіе. Гдѣ это онъ? Не бойтесь: онъ скоро явится гораздо могущественнѣйшимъ, съ доказательствами новыми и рѣшительными. Математика, поэзія, классики, исторія — все

для него годится. Часто, и какъ бы случайно, онъ справа и слева разить оскорбившихъ его противниковъ, и ни одно его слово не пройдетъ даромъ. Видали, какъ онъ, живая энциклопедія, въ продолженіе трехъ часовъ краснорѣчивой импровизаціи, пробѣгалъ кругъ всѣхъ знаній человѣческихъ; каждый шагъ его былъ завоеваніемъ, каждое слово — побѣдою. Онъ говоритъ *не хорошо*, въ смыслѣ классическомъ этого слова; у него мало краснорѣчія, мало изысканности, и ни сколько нѣтъ нѣжности и плавности. Онъ не взвѣшиваетъ своихъ фразъ, не старается, поставляя рядышкомъ то длинныя, то короткія слова, дѣлать ихъ гармоническими, или пріятными. При построеніи періодовъ, составляемыхъ имъ на свой манеръ, онъ ставитъ парентезу въ парентезѣ, подраздѣленіе въ подраздѣленіи, и каждое изъ нихъ продолжаетъ и тянетъ. Но необыкновенное построеніе не затемняетъ смысла, и вы вмѣстѣ любуетесь и удивляетесь, когда продолжительная драпировка словъ, или лучше мыслей, ни сколько не затрудняетъ васъ, и пламенная буйность, исключаящая всякое понятіе объ изысканности, жеманствѣ, блескѣ, потокомъ извергаетъ массу словъ, образовъ, понятій и доказательствъ. Ничто его не останавливаетъ. Онъ не прибѣгаетъ къ хитрости, а нападаетъ на неприятеля въ его крѣпости; никогда онъ не угавариваетъ, но беретъ васъ силою, не старается угодить, но низпровергаетъ, увлекаетъ все, пугаетъ самою своею дерзостью.

Его умъ, дѣятельность, безпредѣльный трудъ, легкость, съ какою онъ понимаетъ и рѣшаетъ всякіе вопросы, быстрога его дѣйствій, наслажденіе, какое онъ находитъ въ побѣдѣ, его огонь, которому нужна пища, его безчисленныя познанія, составляющія для него украшеніе, а не бремя, вездѣсущность, съ

какою онъ поспѣваетъ вездѣ, его сила, которая переливается черезъ край, и можетъ быть удовлетворена только дѣйствіями во всѣхъ родахъ, наконецъ необыкновенное искусство въ распоряженіи временемъ, по которому онъ умѣетъ *утроить* часы и дни, лишать себя покоя и наслажденія, находить отдыхъ въ трудѣ — все это что-то исполненное! Этому существу, истинно чудному и единственному, помогаетъ необыкновенная мощь физическая. Въ качествѣ судьи, просидѣвши съ десяти до четырехъ часовъ за дѣлами самыми запутанными, въ пять онъ очутился на шерстяномъ мѣшкѣ лордовъ, принимаетъ участіе во всѣхъ спорахъ до восьми часовъ, проситъ позволенія говорить, оканчиваетъ день двухъ-часовой импровизаціей, а на завтра, ровно въ десять часовъ утра, опять онъ на своемъ судейскомъ стулѣ, и опять является въ парламентѣ, такимъ же свѣжимъ, проворнымъ, живымъ и блестящимъ, каковъ былъ вчера.

Гнѣвъ источникъ его воодушевленія а безразсудный порывъ словъ его гибель. Если онъ, по своему политическому поприщу, идетъ путемъ законнымъ, то сила страстей увлекаетъ его въ безчисленныя противорѣчія. Рабъ своего гнѣва, онъ не упустилъ ничего, что можетъ ему пригодиться. Запасливость доводитъ его иногда до величайшихъ странностей. Господствующая стихія въ немъ чувство. Кажется, что его ранили на смерть, но онъ возражается, говоритъ все, что ни прійдетъ ему въ голову, и это бывають его счастливейшія минуты. Онъ не дорожитъ людскимъ уваженіемъ — во всемъ полагается на себя. Въ послѣднемъ припадкѣ его гнѣва раскрывается и увеличивается все, что есть свѣтлаго и громкаго въ его душѣ. Никогда онъ не былъ такъ необыкновененъ въ этомъ

родъ, какъ въ тотъ день, когда значительное большинство голосовъ отвергнуло предложенный имъ билль о мѣстныхъ судахъ. Онъ вышелъ минутъ на десять освѣжиться, потомъ возвратился твердыми шагами, и бросалъ, или лучше вонзалъ сверкающіе взгляды въ членовъ оппозиціи. Онъ разразился потомъ, такъ страшно, такъ неожиданно и такъ ѣдко, что Лордъ Вейнфордъ, терпѣвши нѣсколько времени, наконецъ всталъ съ блѣднымъ лицомъ и требовалъ, чтобы привели въ исполненіе 15-ю статью регламента, которою опредѣленъ публичный выговоръ члену, виновному въ оскорбленіяхъ парламента. Могушественный подвижникъ, любившій битвы не за победы, но за наслаженіе, какое онъ доставляють ему, онъ лишился многого съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Нижній Парламентъ. Эта бурная арена была по немъ. Теперь, когда его гордость часто оскорбляютъ великіе аристократы, онъ ищетъ места, но рѣдко ее находитъ. Чѣмъ рѣже его прерываютъ, тѣмъ онъ несчастнѣе; онъ привязывается къ словамъ, и старается ужъ какъ нибудь вывести изъ нихъ поводъ къ битвѣ. «Послушайте, послушайте,» кричить онъ — «слушайте, не прерывайте меня, вы, которые не заботитесь о народномъ благосостояніи, вы, которыхъ нелѣпныя предположенія влекутъ насъ къ гибели. Слушайте»...

«Я не согласенъ,» говоритъ другой ораторъ, еще не вида убѣдительности въ доводахъ Лорда Брума, и Брумъ обращается къ нему: «*Нить,*» отвѣчаетъ онъ — *нить* можетъ сказать только глупецъ, а я говорю да» — и онъ доказываетъ это. — «Вамъ можно смѣяться,» — закричалъ онъ другому члену, позволившему себѣ улыбку, какъ знакъ неодобренія, и объясненіе того, *что такое смѣхъ*, повело безжалостнаго оратора къ ѣдкому отступленію. За такую

желчь, за такое открытое самолюбіе и постоянную гордость, Брума не любили, да онъ этого не уважаетъ. Непріязнь другихъ есть его жизненная стихія. Онъ плаваешь въ ней, чувствуя свою силу. Ненависть оживляетъ и усиливаетъ въ немъ сознаніе собственного достоинства. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить важнаго вида, какой онъ принялъ на себя, когда былъ наименованъ канцлеромъ и хранителемъ печати. Можно было подумать, что Брумъ поддерживаетъ тяжесть цѣлаго міра, и что онъ обладаетъ всею міромъ. Кумиръ въ собственныхъ глазахъ, презираемый всеми, поднявши брови, закинувъ голову, онъ съ величіемъ, важною и небрежностью, достойными государей Восточныхъ, принималъ депутаціи. Въ этой надмѣнности эгонсма было немного: Лордъ Брумъ не воскурять оміама самому себѣ; онъ не существовалъ болѣе; онъ уважалъ въ себѣ символъ правосудія, и хотѣлъ, чтобы всѣ чтли въ немъ этотъ символъ. Въ огромномъ парикѣ, съ своимъ безобразіемъ, съ угрюмымъ, ничѣмъ не разглаживаемымъ лицомъ, въ длинной развѣвающейся одеждѣ, онъ былъ смѣшонъ при всемъ усилии казаться торжественнымъ. Однажды, принимая изъ рукъ О' Коннеля билль, отнесенную дѣль Ирландскихъ, онъ улыбнулся — происшествіе достопримѣчательное, котораго главныя причины извѣстны были только Лорду Бруму. За три дня, онъ далъ О' Коннелю обидное прозваніе «*великаго шизаго,*» которое осталось за нимъ навсегда. Теперь — быть съ чловѣкомъ, котораго злословилъ, видѣть его веселымъ, смѣющимся, въ полномъ здоровьи, послѣ ударовъ, нанесенныхъ ему — не могло-ли это называться улыбкой на уста политика? — Черезъ недѣлю потомъ, противники снова встрѣтились въ Лондонской тавернѣ. Лордъ Брумъ, смѣясь, поднесъ ко

рту стаканъ воды, и приглашалъ Ирландца выпить съ нимъ, какъ говоритъ Англійское присловье, *она праотца нашего Адама*. О' Коннелъ не заставилъ долго просить себя, и улыбка снова показалась на мужественныхъ лицахъ людей, дышащихъ взаимными враждебными чувствами. Лордъ Брумъ обыкновенно импровизируетъ, но никто не сравнится съ нимъ въ богатствѣ средствъ, въ изобрѣненіи ораторскихъ пособій, въ обиліи эффектовъ, въ умѣньи говорить обо всемъ, и всегда быть краткимъ, въ огненной быстротѣ дикціи, текущей необузданнымъ потокомъ. Въ случаяхъ важнѣйшихъ, онъ старается написать нѣсколько строкъ своей рѣчи, но это составляетъ для него безконечный трудъ. Онъ четырнадцать разъ переписывалъ свою рѣчь въ пользу Королевы Каролины. Движенія безъ граціи, голось, звучащій подобно трубъ, чрезвычайное разнообразіе положеній гѣла составляютъ то, что называется дѣйствіемъ этого оратора, въ которомъ такъ много силы, такъ мало пріятности. Когда онъ разгорячается, его движенія становятся чрезвычайно сильны, и никому нельзя посовѣтовать быть у него подъ руками. Крѣпость физическая много помогаетъ его дарованію и вліянію на умы другихъ. Это природа, не знающая покоя, природа, которую мучитъ покой. Часто пытались описать эффекты его краснорѣчія, и никогда не успѣвали въ томъ. Его ужасная дѣятельность становится еще страшнѣе, когда дѣятельность другаго истощается. Однажды онъ говорилъ рѣчь въ продолженіе семи часовъ. Большая часть людей способны къ порыву быстрому, къ удару мгновенному, а не къ этой продолжительной борьбѣ, для которой требуются бронзовый темпераментъ и стальные нервы. Къ довершенію противорѣчій, онъ упоренъ, хотя и наглъ,

постояненъ, такъ же, какъ и горячъ, терпѣливъ, не смотря на свою запальчивость. Онъ самый прилежный членъ Палаты Лордовъ; вѣрный своей старой привычкѣ къ прилежанію и точности, онъ всегда тамъ; онъ совершенно несчастливъ, когда рѣчь идетъ тихо; быстро хватается за самый пустой предлогъ воздвигнуть бурю, и живетъ, какъ нѣкоторыя птицы, только посреди противныхъ вѣтровъ и сильныхъ волнъ. Прибавить ли къ этому, что если бы собрать всѣ статьи, писанныя имъ для Эдмбургскаго Обзоренія, онъ составили бы *двѣнадцатъ* томовъ, и что, по крайней мѣрѣ, столько же онъ написалъ для другихъ періодическихъ изданій? Слѣдующее за нимъ отдѣленіе Палаты Лордовъ идетъ со вниманіемъ, но не безъ страха блестящимъ путемъ этого необыкновеннаго человѣка. Буйная горячка его характера, наглыя приходы, которыя отъ того происходятъ, гнѣвъ, которому онъ предается проклятія, которыя онъ съѣтъ на пути своемъ, заключаютъ въ себѣ нѣчто опасное для партіи, и потому *Лордъ Грей* (Grey) наслаждается гораздо большимъ уваженіемъ своихъ друзей и товарищей. По всегдашней основательности въ своемъ поведеніи, по привязанности къ умереннымъ началамъ, по вѣрности въ связяхъ, по неизмѣнной твердости въ своихъ правилахъ, онъ образецъ государственнаго человѣка, который знаетъ, что ему нужно, и прямо идетъ къ своей цѣли. Онъ размышлялъ о своей роли задолго до того времени, когда сталъ играть ее. Въ тишинѣ кабинета, онъ распознавалъ важнѣйшія движенія Европейской политики, стремленія новѣйшихъ народовъ, неизбежные перевороты, ихъ ожидающіе. Его идеи устоялись, планъ отдѣланъ, политика начертана; онъ никогда не отступалъ, ступивши шагъ впередъ. Стоя среди

бурь, свою непреклонную твердость противопоставляет онъ измѣчивости мнѣнія общественнаго. Человѣкъ государственной, достойный такого названія, онъ не измѣнилъ первымъ своимъ идеямъ и первымъ началамъ. Онъ соглашается на мѣры, противныя его убѣжденію, но внушаемыя большинствомъ голосовъ, не прежде какъ послѣ тысячи усилій одолѣть ихъ. Его уступки имѣютъ извѣстный предѣлъ, даже котораго онъ не могъ бы преступить безъ угрызенія совѣсти. Задача его политической жизни: какъ помочь движенію реформы безъ безразсудства и опасностей? Гдѣ можно уступить? Какое мѣсто поля битвы можно оставить? Какимъ второстепеннымъ требованіемъ можно пожертвовать? Какъ, наконецъ, обезпечить торжество жизненныхъ началъ? Будучи уступчивъ и снисходителенъ въ малостяхъ, онъ непоколебимъ въ основныхъ пунктахъ; здравый смыслъ, главное его качество, научаешь его дѣйствовать не прежде, какъ взвѣсивши результаты дѣйствія. Онъ всегда знаетъ, какую встрѣтитъ степень сопротивленія, и однимъ взоромъ усматриваетъ препятствія. Онъ быстро измѣряетъ опасность, отвергаетъ предположенія, съ удивительнымъ хладнокровіемъ видитъ рго и contra, пособія и опасности. Остановленный, онъ вступаетъ въ переговоры, убѣждаетъ и идетъ впередъ; онъ смѣлъ, но не дерзокъ, тихъ, рѣшителенъ, строгъ.

Такъ успѣлъ онъ въ важномъ дѣлѣ реформы. Съ удивительнымъ умьнемъ уступать необходимости въ мелочахъ, не подвергал опасности основанія своихъ мѣръ, съ осторожностію и уступчивостію, скрывающими его непреклонность, онъ въ глазахъ страшной оппозиціи предложилъ и совершилъ мѣры ненавистныя большинству голосовъ. Лордъ Мельбурнъ,

съ своею честностію и кротостію, ниже Грея во всѣхъ важныхъ спорахъ. Министерство Лорда Мельбурна отважнѣе Греева. Но оно робко остановится передъ препятствіями, которыя силился преодолѣть первый. Предусмотрительность болѣе точная, мѣры болѣе вѣрныя, осторожность болѣе полезная, взоръ болѣе внимательный, болѣе проникающій, смѣлость болѣе осмотрительная въ соединеніи съ личнымъ уваженіемъ къ Лорду Грею, съ довѣренностію къ нему, съ его сношеніями, съ важностію его связей семейственныхъ и общественныхъ, обезпечивали ему на поприщѣ политическомъ успѣхи, какихъ не можетъ имѣть Лордъ Мельбурнъ.

Истинную помѣху для Лорда Грея въ его политической жизни составляють его излишняя точность и честность. Не разъ мелочи препятствовали его побѣдамъ, и отнимали ихъ у него. Руководясь благородною гордостію, и уважая свое достоинство, какъ достоинство правительства, которое онъ представляетъ и которымъ управляетъ, онъ скорѣе готовъ ослабить свои пособія, нежели унизиться до средствъ не совѣмъ честныхъ. Въ то время, когда онъ чрезвычайно нуждался въ помощи О'Коннели и его Ирландской шайки, ему предлагали помощь этой буйной арміи, требуя только, чтобы онъ изливилъ желаніе, по крайней мѣрѣ, смилчичить притѣсненія Ирландіи. Грей съ негодованіемъ отвергнулъ предложеніе, и когда потомъ требовали у него отчета въ переговорахъ съ О'Коннелемъ, воскликнулъ: «Ни одинъ изъ членовъ кабинета не долженъ имѣть сношеній съ *этими человѣчками!*»...

Физиономія Грея, такъ же, какъ поведеніе, есть типъ важности строгой, смѣшанной съ рѣшительностію и задумчивостію. Онъ хочетъ успѣха, мало довѣряетъ людямъ, рѣшается на все и идетъ

прямо къ цѣли; онъ ораторъ не краснорѣчивый, но убѣждающій. Сначала рѣчь его бываетъ слаба, почти робка, или, лучше сказать, сжата. Онъ, повидимому, погружается въ самого себя и разсуждаетъ съ своею совѣстью, прежде нежели говорить другимъ. Одушевляясь собственною рѣчью, онъ оживляется, идетъ, спѣшитъ, бѣжитъ, ворочается, движется, и въ этомъ состояніи его руки принимаютъ только три позиціи, чинныя и смѣняющія одна другую—то онъ складываетъ ихъ на груди, то опускаетъ на бедра, то закидываетъ на спину—положенія послѣдовательныя одно за другимъ, изъ которыхъ каждое продолжается около пяти минутъ, и окончивши, онъ снова повторяетъ ихъ. Съ хладнокровіемъ, съ привычкою размышлять, съ пытливостію, даже съ силою и пронизательностью ума, онъ докапывается до корня каждаго доказательства своего противника. Прежде засѣданія, онъ уже приготовился ко всему, вооружился всѣмъ; его опроверженіе, всегда краткое, пресѣкаетъ нить вопросовъ; никто лучше его не владѣетъ тѣмъ, что Монганъ называетъ un arrêt court, net et ferme. Въ частномъ обращеніи сухость можетъ вредить ему, ибо аксіомами не разговариваютъ, но въ парламентѣ она заграждаетъ уста его противникамъ. У него ничего нѣтъ излишняго, вездѣ ясность, много доказательствъ, ничего темнаго, изысканнаго, ложнаго. Ему не достаетъ жару, увлекательности, красоты слога, но потому самому, быть можетъ, онъ и силенъ. Онъ дѣйствуетъ, говоря его же словами, не для того, чтобы блистать и нравиться, но чтобы побѣждать. Онъ никогда не говоритъ страсти, не знакомъ съ ея пріемами, чувствуетъ отвращеніе отъ интригъ, по своимъ аристократическимъ привычкамъ чуждается всякаго желанія народности, не умѣетъ

плѣнять, оболыщать, затемнять свой предметъ, колесить около своей мѣры: за то его бояться и уважаютъ. Человѣкъ прямой, съ умомъ разсудительнымъ, онъ не можетъ сравниться съ Чатамомъ, Каннингомъ, Пилемъ; онъ не умѣетъ хорошенько играть людьми, ихъ страстями и выгодами. Твердость, строгія привычки, умѣренность характера—все въ немъ противорѣчитъ тактикѣ обыкновенныхъ министровъ. Изъ членовъ своего кабинета, Лорду Алторпу довѣрялъ онъ болѣе, нежели всѣмъ другимъ вмѣстѣ, за его честность. Во глубинѣ души Грея есть нѣжность, простота и чувствительность, смѣсь личной смѣлости, республиканскаго стоицизма, упорной твердости кальвинизма и умственной утонченности, какъ произведенія усовершенствованнаго образованія, все это напоминающее Росселей и Сиднеевъ. Когда онъ, возведенный въ министры, говорилъ прощальную рѣчь въ Нижнемъ Парламентѣ, на его глазахъ показались слезы, и легкій трепетъ пробѣжалъ по его членамъ. Его хладнокровіе пріобрѣтено временемъ; онъ не хочетъ унизиться предъ своими непріятелями и показывать свою раздражительность. Такимъ образомъ, онъ сбѣдлся какимъ-то мраморнымъ; онъ молчитъ на бесчисленныя личности, которыми ни сколько не оскорбляется, и самъ нападетъ на предметы, а не на людей. Когда оскорбленіе неволью выводитъ его изъ себя, онъ привязывается къ мѣрамъ, а не къ людямъ. Посреди перелома, потрясшаго общество, въ которомъ онъ предвидѣлъ другую, еще страшнѣйшую революцію, будучи оскорбляемъ революціей, которой онъ гнушался, дворомъ и его приверженцами, неограниченныя требованія которыхъ были для него ненавистны, онъ погибъ отъ двухъ разнообразныхъ нападеній. Съ одной стороны противъ

него были интриги дворянства богатого и имѣвшаго вліяніе, съ другой натискъ народной массы, и однако-жъ министерство Грея разстроено было не силою дѣлъ, но внутренними несогласіями. Тѣ, которые видали его вблизи, знаютъ, сколь сильно упадокъ здоровья, слабость физическая и склонность къ семейной жизни заставляли его желать окончанія власти, къ которой считали его столько привязаннымъ. Этотъ человѣкъ, провозгласившій реформу парламента, этотъ великій атлетъ оппозиціонныхъ мнѣній, идетъ впереди отряда аристократовъ. Отъ четырехъ до пяти сотъ человѣкъ, которымъ онъ способствовалъ уничтожить ихъ власть, не имѣютъ защитника усерднѣе его. Опираясь на свое происхожденіе и на свой санъ, онъ безстрашно сказалъ въ полномъ собраніи Нижняго Парламента: «Я буду жить съ привилегіями дворянства, или умру съ ними.» Онъ терпитъ партіи, но не мѣшается въ ихъ интриги; ему нравится независимость, и даже въ парламентѣ онъ нарочно садится такъ, чтобы нельзя было говорить съ товарищами — предосторожность, которая имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Занимаясь наблюденіемъ, или лучше изученіемъ движеній другихъ и начатаго спора, онъ рѣшительно погружается въ молчаніе и во вниманіе самое продолжительное. Нѣтъ легкомыслія, нѣтъ противорѣчій, но также ни шагу ни впередъ, ни назадъ. Онъ чувствуетъ свою ответственность, не только предъ своими согражданами, но и передъ потомствомъ; никогда его укоризна не тяготѣла надъ министромъ, который лучше его знаетъ свою важную обязанность; никогда не обвиняли его въ поступкахъ необдуманныхъ или дерзкихъ. Можно не принять за истинныя тѣхъ началъ, которымъ онъ слѣдовалъ, но разсматривая сіи на-

чала, должно дивиться твердости его правленія и строгости его выводовъ. Лицо этого государственнаго человѣка задумчивое и меланхолическое; его правильныя и нѣжно обрисованныя черты, кажется, говорятъ о нѣжности души и твердости разсудка, которую ему все приписываютъ. Взоръ его небольшихъ глазъ живъ и быстръ. Многія занятія, заботы, труды и дѣла провели нѣсколько морщинъ на его челѣ; нельзя сказать, каковъ первоначально былъ цвѣтъ его посѣдѣвшихъ волосъ; онъ ходитъ согнувшись; здоровье его очень слабо, и нельзя думать, чтобы онъ когда либо еще принялъ участіе въ дѣлахъ политическихъ, которыми управлялъ столь долгое время.

Зять Лорда Грея, уважаемый своимъ тестемъ, и одинъ изъ самыхъ молодыхъ членовъ палаты, теперь устремляетъ полные надежды взоры на знамена партіи, гдѣ написано: *движеніе впередъ*. Это *Лордъ Дургамъ* (Durham). Ему только 44 года. Слѣшкомъ, быть можетъ, дерзкій въ своихъ дѣйствіяхъ, болѣе вспыльчивый, нежели Лордъ Грей, онъ покрываетъ такой недостатокъ силою, какой не обнаруживаетъ никто изъ его товарищей. Лордъ Грей поручалъ ему редакцію перваго билля о реформѣ, гораздо болѣе смѣлаго, нежели тотъ, который былъ принятъ, и котораго начала еще поддерживаетъ Лордъ Дургамъ. Врагъ уступокъ, отступленій, всего того, что отличается трусостью, онъ требуетъ парламента ежегоднаго, голоса посемейнаго (household suffrage), выборовъ по баллотировкѣ. Впрочемъ, онъ согласенъ и на трехгодовой парламентъ, только съ двумя послѣдними условіями. Отъявленные радикалы чрезвычайно уважаютъ Лорда, который въ своей партіи играетъ ту же роль, какую Герцогъ Нью-кестльскій въ своей, и онъ несогласенъ отказаться

ни отъ одного изъ своихъ началъ, не хочетъ сдѣлать малѣйшаго измѣненія въ своихъ правилахъ, допустить какой бы то ни было посредствующій способъ.

Между тѣмъ, посмотрите на этого радикальнаго члена, послушайте его женскаго голоса: въ немъ нѣтъ ничего согласнаго съ его отвагою, простотою, непринужденностью и народною грубостью. Онъ строенъ и красивъ; въ его физиогноміи есть кротость и грація; его голубые глаза полузакрыты длинными черными рѣсницами. Подумаете, что онъ робокъ, но это страшный атлетъ! Если онъ не владѣетъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, которое противъ воли увлекаетъ васъ, за то у него есть строгая послѣдовательность, которой помогаетъ замѣчательная легкость импровизаціи. Подобно Грею и Мельбурну, онъ кажется убѣжденнымъ въ томъ, что говоритъ. Подобно имъ, онъ отдается на судъ своихъ слушателей. Не смотря на изящную нѣжность пріятнаго голоса и на выговоръ, быть можетъ, уже слишкомъ мягкій для государственнаго чловѣка, въ немъ замѣтите ту упорную твердость, которая никогда не ослабѣвала, съ того времени, какъ Лордъ Дургамъ въ первый разъ явился въ парламентъ, подъ именемъ *Іоанна Георга Далбтона*. Нельзя указать ни на одну его рѣчь скучную, или плохую. Въ мнѣніи, онъ никогда не доходитъ до гнѣва, до громовыхъ ударовъ, которые такъ часто вырываются у Лорда Брума. Ясность, отличающая его, доставляетъ силу діалектикѣ, которую онъ владѣетъ въ совершенствѣ. Часто, обдѣланныи, но естественныя выраженія, текуція отъ сердца, большое умѣнье располагать части рѣчи, чрезвычайная ясность въ идеяхъ; память, съ которою онъ удерживаетъ основные пункты, на коихъ опираютъ

ся его противники; искусство открывать смѣшное или неосновательное, у своихъ соперниковъ, утверждаютъ его ораторское могущество. Онъ всегда кротокъ; разсуждая хорошо, онъ не гоняется за эффектами, и риторикѣ считаетъ достойно презрѣнія, а шарлатанство и уловки искусственнаго краснорѣчія недостойными государственнаго чловѣка; избѣгая преувеличенныхъ изображеній и звучныхъ словъ, онъ не подвергается тѣмъ безславнымъ паденіямъ, которыми несчастливо оканчиваются успѣхи многихъ людей съ дарованіями. У него нѣтъ тѣлодвиженій, мало разнообразія, мало изысканности, есть какос-то однообразіе, и въ важныхъ случаяхъ замѣтенъ недостатокъ одушевленія. Въ его политическомъ поведеніи часто не достаетъ стойкости. Онъ пытается отклонить мнѣніе непріятелей, которыхъ не могъ побѣдить. Воля Короля и плохое состояніе здоровья удалили его на нѣкоторое время съ труднаго поприща, которое онъ проходилъ съ такимъ блескомъ. По окончаніи своего посольства, онъ, безъ сомнѣнія, снова явится въ палату.

Лордъ Радноръ (Radnor) ультра-либераль, чловѣкъ пятидесяти семи лѣтъ, молодой по своимъ пріемамъ и щегольству, обожатель Лорда Коббета и личный другъ его, противоположенъ выгодамъ своей партіи. Коббетъ въ краснорѣчіи ставитъ его выше Брума, а въ логикѣ выше Грей. Въ 1828 году Лордъ Радноръ ассигновалъ 50 ф. с. на издержки, по случаю избранія Коббета, которое не состоялось. Впрочемъ, любимецъ Коббета выше посредственности. Его спасаетъ сила убѣжденія; его рѣчи никогда не бываютъ длинны, и скоро идутъ къ дѣлу. Его высокій ростъ и мужественная фигура производятъ впечатлѣніе. Въ немъ нѣтъ чертъ гениаль-

ныхъ, блестящихъ, оригинальныхъ, но онъ ясно понимаетъ положеніе своей партіи, никогда не темень, не удаляется отъ вопроса, и говорить такъ медленно, что нельзя пропустить ни одного его слова. Онъ преимущественно проповѣдуетъ преобразование церковныя, и когда встаетъ, то епископы всегда смотрятъ на него съ ужасомъ, что показываютъ ихъ сверкающіе взгляды. Но онъ не обращаетъ на нихъ вниманія; католики и разновѣрцы видятъ въ немъ самаго усерднаго друга, за что Лордъ Винчельси, Лордъ Роденъ и всѣ жаркіе защитники протестантизма осыпаютъ его проклятіями.

Мы пересмотрѣли всѣ знаменитости. Бросимъ бѣглый взглядъ на остальныхъ членовъ, придерживающихся оппозиціонныхъ мнѣній. Вотъ *Маркизь Вестминстеръ* (Westminster) почти радикаль; у него больше 550,000 ф. с. дохода, то есть почти 1000 ф. с. въ день; щедрая Фортуна, при повышеніи цѣны въ его безчисленныхъ домахъ Пимликскихъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ возвыситъ доходъ его до исполнинской суммы 500,000 ф. с. (12,500,000 рублей) въ годъ, что будетъ превышать доходъ королевскій. Ему шестьдесятъ лѣтъ; онъ больше разсудителенъ, нежели уменъ, удивительно робокъ, но ведетъ себя порядочно и прямо въ жизни политической. Чрезвычайная простота въ его всегда небрежномъ нарядѣ ни сколько не обличаетъ въ немъ одного изъ первыхъ богатей въ Европѣ.—Этотъ другой Лордъ съ деревянной ногой, воинскимъ видомъ, блѣдною фигурой, часто мучимый припадками подагры, это *Маркизь Англеска* (Anglesca), бывшій не давно вице-королемъ Ирландіи, посредственный ораторъ, но пользующійся большимъ уваженіемъ отъ своихъ товарищей. Известно, что онъ велъ филологическую переписку съ Лордомъ Брумомъ.—Подлѣ этого по-

чтеннаго старика, вы видите *денди*, которому можно бы освободить себя отъ излишняго щегольства и изысканности и положиться на природное благородство чертъ лица. Это молодой *Маркизь Кланрикардъ* (Clanricarde), одинъ изъ красавцевъ въ парламентѣ и зять Лорда Каннинга. Холодность рѣчи и часто чрезмѣрная точность мало подаютъ надежды на его, еще несовершенно развившійся талантъ. Его соперникъ по щегольству, правильности чертъ и изысканности туалета, *Маркизь Коннинггамъ* (Cunningham), одинъ изъ современныхъ модниковъ Лондонскихъ, сдѣлался радикаломъ — Богъ знаетъ для чего. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не говорятъ, не принимаютъ на себя ролей политическихъ, а свою роль играютъ довольно искусно. Нѣкогда онъ былъ тори; потомъ, послѣ вторичнаго чтенія билля о реформѣ, очутившись въ оппозиціи, неизвѣстно какъ попалъ онъ въ почтовую дирекцію, которою управлялъ Герцогъ Ричмондъ (Richmond). Спрашивали: что это такое называется Маркизомъ Коннинггамомъ? Скоро министры стали тяготиться такой подпорой, и мѣсто камергера было предложено къ отставкѣ Маркиза, который считаетъ для себя счастьемъ такое почетное изгнаніе. Онъ рѣдко показывается въ парламентѣ — столько, сколько нужно для того, чтобы его не забыли и считали между Лордами.

Графъ Кернарвонъ (Carnarvon) испыталъ судьбу противоположную судьбѣ Коннинггама. Защищая сначала радикаловъ, теперь онъ преслѣдуетъ выговъ, не оставая однако жъ ихъ рядовъ. Отпечатокъ на его фizioноміи странный: природа надѣлила его сухощавостью, близорукостью, малымъ ростомъ, выдавшимся носомъ, непривлекательного наружностию. Между тѣмъ, онъ человѣкъ съ дарованіемъ;

помнить, что его первая рѣчь потрясла все собраніе, и онъ не измѣнилъ надеждамъ, которыя подалъ о себѣ. Онъ не многословенъ; мысль предпочитаетъ словамъ, силу эффекту, а удачныя его изображенія всегда объясняютъ то, что онъ хочетъ сказать; наконецъ онъ больше исполняетъ, нежели общается — вещь рѣдкая. — *Лордъ Мюльгревъ* (Mulgrave), генералъ-губернаторъ Ирландіи, 39 лѣтъ отъ роду, хотя съ виду ему кажется лѣтъ 45, или 50, защитникъ католиковъ, которые питаютъ къ нему высокое уваженіе. Его умъ глубокий и тонкій. Извѣстно, что онъ авторъ многихъ пріятныхъ романовъ, какъ-то: *Матильда*, *Да и нѣтъ*, и проч. Онъ рѣдко показывается въ парламентъ, и при увлекательности пріемовъ и языка, кажется, вредитъ себѣ, посыпая политическую арену цвѣтами и красотами романическими и поэтическими. Конечно, онъ нравится, и его слушаютъ охотно, но въ то же время говорятъ, что въ немъ есть что-то искусственное и не парламентское. — *Лордъ Борлингтонъ* (Burlington), совершенно новый человѣкъ на поприщѣ политическомъ, но на него обращаютъ уже вниманіе. Сила, какую ему можно будетъ приобрести, наследовавши титулъ и имѣніе Герцога Девонширскаго, должна сдѣлать его однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ эпохи. Въ его первоначальной рѣчи (maiden speech) было много слѣдовъ академическихъ привычекъ и предварительной работы, и потому мы не станемъ заблаговременно судить объ его дарованіяхъ и средствахъ.

Что касается до Лорда *Фейфа* (Fife), которому теперь шестьдесятъ шестой годъ отъ роду, и который въ бывшей войнѣ на Испанскомъ Полуостровѣ оказалъ важную услугу — это человѣкъ извѣстный, хотя говорить мало и рѣдко; онъ зани-

маетъ особенную позицію въ палатѣ: всегда сидитъ на концѣ скамьи, мѣстѣ самомъ далекомъ отъ мѣста министерскаго; ни съ кѣмъ не говоритъ; погруженъ въ размышленія; подобно Робинсону Крузе, наслаждавшемуся своимъ уединеніемъ, онъ обнаруживаетъ свое присутствіе только подачею голоса, и иногда замѣчаніями; онъ приходитъ и уходитъ всегда одинъ, идетъ по улицамъ съ видомъ важнымъ и занятымъ, какъ будто-бы его товарищей вовсе не было на свѣтѣ. Бывши членомъ Нижняго Парламента и придворнымъ, онъ присоединилъ свой голосъ къ голосамъ оппозиціи, и Лордъ Кастельре отставилъ его. Каламбуръ трактирной вывѣски увеличилъ тогда извѣстность его имени. Fife значитъ дудку, а fifer играть въ дудку. Хозяинъ какой-то гостиницы грубо нарисовалъ портретъ Лорда Фейфа, и повѣсилъ его надъ дверьми, съ надписью: The disbanded fifer (уволенный флейщикъ). Такъ иногда приобрягается извѣстность! Его краснорѣчіе любопытнѣйшая вещь въ свѣтѣ; онъ мало представляетъ образецъ его, и этого жаль: никогда и ни отъ кого не услышите ничего подобнаго. Человѣкъ умный, знатокъ математики, довольно ученый, онъ чудный ораторъ. Не говорю уже объ его суровомъ голосѣ, о его быстрыхъ, неровныхъ и многосложныхъ тѣлодвиженіяхъ, его дикой и горганной рѣчи — непрерывный маскарадъ образовъ и понятій пляшетъ по его нестройнымъ фразамъ. Никогда въ его рѣчахъ нѣтъ начала, середины и конца. Сперва онъ смѣется надъ какиминибудь своими товарищами, занимающимися охотою въ лѣсахъ Шотландскихъ, или рыбной ловлей въ тамошнихъ озерахъ; потомъ однимъ скачкомъ, однимъ прыжкомъ падаетъ онъ на парикъ президента, и буклями его играетъ съ четверть часа. Переходя, ни откуда не выте-

кающій и ни къ чему не ведущій, увлекаетъ его къ войнѣ, бывшей на Испанскомъ Полуостровѣ, и онъ рассказываетъ о бывшихъ тамъ сраженіяхъ. Вамъ кажется, что онъ отдыхаетъ въ Алпухарѣ, но онъ уже возвращается опять къ несчастному парикю президента и развиваетъ его съ великимъ жаромъ. Это ведетъ къ отступленію о древнихъ философахъ, гдѣ онъ касается мраморовъ Эльгинскихъ, для того, чтобы остановиться наконецъ предъ дивными прелестями Шотландскихъ пастушекъ и ихъ небесноголубыхъ глазъ. Всѣ такія прекрасныя вещи ничего не доказываютъ, ничего не выражаютъ, ни къ чему не ведутъ, и однако жъ нельзя не согласиться, что подобное разнообразіе очень забавно, и что эта смѣсь не утомляетъ вниманія: словомъ, что Лордъ Фейфъ одинъ изъ самыхъ странныхъ ораторовъ въ свѣтѣ. Трудно сыскать чловѣка, который лучше его умѣлъ бы злоупотребить отличнымъ, многосторонній, оригинальный умъ свой.

Лордъ Милтонъ, нынѣшній Графъ Фицъ-Вилліамъ (Fitz-William), ораторъ напоминающій собою Евангелическихъ ораторовъ и проповѣдниковъ церковной кафедрѣ: онъ преимущественно занимается законами касательно торговли хлѣбомъ. Не проходить года безъ того, чтобы онъ не предложилъ своего закона о томъ, что называется хлѣбною монополіею. Онъ такой же мономанъ въ этомъ случаѣ, какой мономанъ Томасъ Атвудъ на ассигнаціи, изъ которыхъ каждая, по его мнѣнію, непременно должна составлять билетъ въ фунтъ стерлинговъ, причемъ онъ готовъ доказывать необходимость ассигнацій у Гуруновъ и Самоѣдовъ. Ни памфлетовъ, ни разговоровъ, ни дѣйствій, ни усилій, онъ ничего не забываетъ, чтобы обратить вниманіе на монополію хлѣбомъ. Чловѣкъ безъ ориги-

нальности, безъ воображенія, чрезвычайно положительный, онъ здравымъ смысломъ и нравственною силою вознаграждаетъ качества, которыхъ не имѣетъ, и его упрямство равно его дерзости. Онъ споритъ противъ торіевъ, радикаловъ и виговъ. Изъ двадцати его товарищей, девятнадцать смотрятъ на его предложенія, какъ на стремленіе къ безстыдному грабежу, какъ на разбой на большой дорогѣ, но ему и нужды мало. Онъ говоритъ, и — что у него на умѣ, то будетъ и на языкѣ. Однажды онъ привлекъ на себя проклятіе отъ всѣхъ духовныхъ Лордовъ, назвавши Евангелическую церковь *сектою*.

«Нѣтъ — воскликнулъ Архіепископъ Канторберійскій — нѣтъ, никогда лордъ, членъ парламента не употреблялъ еще подобнаго выраженія! Смѣю сказать, что подобныя выраженія такъ же незаконны, какъ и неуважительны для чести парламента.»

— Достопочтеннѣйшій прелать — отвѣчалъ Фицъ-Вилліамъ — да позволить мнѣ въ отвѣтъ указать ему на латинскую грамматику и словарь. Достопочтеннѣйшій прелать, по видимому, не понимаетъ значенія слова: *секта*. Что такое «секта?» Подраздѣленіе какой-либо религіи на различныя общества. Я смотрю на Церкви Римскую, Анабаптистскую, Пресвитеріанскую и Унитарійскую, какъ на столько же различныхъ сектъ.

«Нѣтъ, нѣтъ!» закричали со всѣхъ сторонъ. — Я имѣю право — возразилъ Фицъ-Вилліамъ — объяснить смыслъ, который соединяю съ своими словами. И я утверждаю за собой такое право! — Въ самомъ дѣлѣ, онъ продолжалъ свое изъясненіе и заставилъ себя слушать самыхъ раздраженныхъ противниковъ. — Члены Палаты Лордовъ, которыхъ фізіономія и наружность представляютъ мало пріятностей, обнаруживаютъ наиболѣе дарованія въ сло-

въ. Назовемъ, для примѣра, *Лорда Плуикетта* (Plunkett). Маленькій лобъ, впадые глаза, густыя брови, худо обозначенныя черты лица, почти всегда опущенная голова, не общающа въ немъ ни какой дѣятельности умственной. Между тѣмъ, это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ парламента у него нѣтъ ни одной фразы, гдѣ не было-бы мысли и основательнаго сужденія; крѣпостію, сжатостію, силою, онъ прикрываетъ свой грубый голосъ, сбивчивое произношеніе и природное занканье. Совершенно лишенный граціи, онъ умѣетъ привлечь и обратить на себя взоры своихъ товарищей; — столько глубины, жизни и силы въ его словахъ! Приступъ кажется ему ненужнымъ для хорошей рѣчи; выговоривъ два, три слова, въ родѣ извиненія въ своей дерзости, и въ томъ, что отнимаетъ время у своихъ собратій, онъ быстро проникаетъ въ глубь своего предмета, и выказываетъ вдругъ обширность ума, которой нельзя не удивляться.... Онъ не любитъ мѣсть общихъ, дѣлаетъ всегда вѣрное приложеніе, и владѣетъ рѣдкимъ даромъ оригинальности въ доказательствахъ. Кажется, предметъ истощенъ; десять, двѣнадцать человѣкъ говорили объ немъ, но онъ находитъ въ немъ новые выводы. Привыкнуши къ битвамъ адвокатскимъ, искусно употребляетъ онъ ихъ въ качествѣ человѣка политическаго; самый софисмъ дѣлается столь приятнымъ подъ украшеніями, которыя онъ сообщаетъ ему, что нельзя не принять даже и софисма. Этой способности онъ много обязанъ тѣмъ, что ему прощаютъ измѣнчивость его поведенія. Напрасно стали бы противопологать рѣчи, которыя онъ говорилъ въ однихъ обстоятельствахъ, рѣчамъ, говореннымъ въ другихъ: онъ умѣетъ доказывать, что это одно и то же. Когда онъ говоритъ что нибудь, вы готовы побожиться,

СМЪСОЪ И НЪЧТО.

Читалъ-ли ты въ журналѣ *Смѣсь* и
ничто....

О чемъ бинь «ничто?....» Обо
всѣмъ!

Грибодовъ.

НОВЫЙ ГОДЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Было золотое время, когда поэты писывали элегіи. Они провожали каждый годъ заунывною пѣсню.

Нынѣ, во время владычества *суровой прозы*, отсюду раздаются восклицанія: «Еще одинъ годъ опочилъ на лонѣ вѣчности! Жаль стараго года! Много унеситъ онъ съ собой! Еще цѣлый годъ вычеркнуть изъ жизни!» Къ чему все эти сожалѣнія? Чѣмъ лучше можемъ мы почитать старый годъ, какъ не радостною встрѣчею его юнаго преемника? Несись, время! смѣняйтесь, годы! Пусть каждый изъ васъ лучше промелькнетъ передъ глазами нашими легкою, воздушною Сильфидою, чѣмъ протянется длинною вереницею замогильныхъ тѣней!

Оглянитесь на старый годъ, господа философы. Ужели во все прошедшіе триста шестьдесятъ пять дней, сердце ваше ни разу не билось сильнѣе обыкновеннаго? Ужели вы не уносились въ счастливое царство мечты, или умъ вашъ не озарялся новою мыслью, какъ возитъ цѣлые міры на паровыхъ машинахъ, опосать весь земной шаръ непрерывною

лентою желѣзныхъ дорогъ, и ужели золотой дождь ни разу не сыпался въ ваши карманы, и водевилльная актриса не улыбкулась вамъ ни разу?... Не будьте же неблагодарны!...

Лондонъ однихъ мыслей со мною. Не смотря на морозъ, все живетъ, все веселится, все блещетъ. Все, наперерывъ, стараются украшать цвѣтами увидяющее чело дряхлаго старика, сопровождаютъ послѣднiе вздохи его пѣснями радости и веселюю пляскою! — Славные задаютъ тебѣ похероны, бѣднѣйка старый годъ!

Напрасно улицы застилаются туманомъ. Мы станемъ вѣселиться на зло туману. Опустимъ шторы, велимъ подать свѣчей, и къ чорту все туманы и туманныя философи въ свѣтъ! И вотъ, нирожники бѣгаютъ по всему городу со своими зелеными корзинами на головѣ. По улицамъ мчатся кареты, нагруженныя лавками, табуретами, лапшами. Лондонъ въ праздничномъ платьѣ; вы не узнаете этого заботливаго, меркантильнаго Лондона; подумаете, что жизнь его рѣзво несетъ подъ звуки бышеваго галонада! Всякая хозяйка дома считаетъ обязанностью встрѣтить новый годъ баломъ. Иначе быть дурному году! Взгляните на этотъ укротный домикъ, черезъ улицу — здѣсь будетъ балъ. Я самъ видѣлъ, какъ утромъ снимали ковры; одна изъ дочерей прибирала комнаты и зашпательла косу своей сестрѣ. Будетъ, непременно будетъ балъ! Повѣдмте со мною на этотъ балъ. Хозяинъ дома чиновникъ, служить въ министерствѣ; это точасъ видно по покрою его платья, по его галетуху, по горделивой походкѣ. Все у него вычищено, выглажено, вымыто, вытерто и — скучно. Ковры чисты, но ужасно подержаны, а зеленныя шторы страхъ полиняли.

У подъѣзда останавливается кабриолетъ. Посмотрите на этого молодого чиновника, какъ онъ доволенъ собою! Онъ въ сапогахъ, по большыя башмаки у него въ карманъ, онъ выдвѣстъ ихъ въ передней. Одинъ лакей стоитъ у подъѣзда и докладываетъ о прѣѣжающихъ; другой у дверей салона; оба эти лакеи — передѣтые канцеляристы.

Вниманiе! Приготовьтесь видѣть любонитныя сцены! Здѣсь все на аристократическую ногу. Можетъ быть, ни въ одной странѣ въ мiрѣ, мѣщанство не имѣетъ такихъ претензiй на хорощий тонъ, какъ въ Англии, и особенно, въ Лон-

донъ. Въ послѣднемъ трактирѣ вы найдете обезьяну, которал корчить dandy.

Канцеляристь провожаетъ вновь прѣѣхавшаго гостя до дверей салона, и кричитъ:

«Г. Туппль!»

«Каково поживаетъ, Туппль?» говоритъ хозяинъ, прерывая весьма важный политическiй разговоръ, чтобы заняться своимъ новымъ гостемъ.

«Моя милая..... Г. Туппль, одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ!.....»

Хозяйка дома присѣдаетъ. Хозяинъ отвѣчаетъ на привѣтствiе.

Все условiя этикета соблюдены. Туппль улыбается и потираетъ руки. Хозяинъ на зенигъ своего счастья; супруга его улыбается; безопечная нить кланяющихся головъ и пререкстный огонь улыбокъ! Трижды благословенъ тотъ аристократическiй салонъ, гдѣ все эти условiя общепитiя ни сколько не стѣсняють гостей, гдѣ разговоръ веселъ и свободенъ, гдѣ вѣтъ этой падутой принужденности, которая остается на долю мѣщанскихъ обезьянъ!

Туппль искусно пробирается между гостями, садится подлѣ камина, и вступаетъ въ разговоръ съ чиновничьиными женами и дочками; они толкуютъ о погодѣ, о театрахъ, о старомъ годѣ и новыхъ модахъ.

Если бы хотѣлъ, если бы могъ каждый классъ народа ограничиться своими понятiями, кругомъ своего горизонта! Но просвѣщенiе соблазняетъ насъ. Отъ чего не быть намъ върными самимъ себѣ? Умѣренное благосостоянiе не хуже роскоши выскочекъ.

Еще звать! О великолѣпный, чудесный вечеръ! Какой концертъ хриплыхъ голосовъ и приторныхъ голосковъ! Какой стукъ чашками и чайными ложечками! Туппль, герой, красавецъ, dandy, теперь въ апогѣе своей славы. Онъ блистаетъ, сыплетъ искры острогъ, торжествуетъ! Онъ передаетъ лакею чашку этой дамы въ красномъ атласномъ платьѣ съ черными цвѣтками. Потомъ бѣжитъ, летитъ, какъ огненная комета, хватаетъ подносы изъ рукъ лакея, или канцеляриста, и подбиваетъ дамъ плодами и конфектами, съ

приправою своей любезности. Одной значительный взгляд, другой ласковое слово, третьей отчаянный комплимент.... Ловкий, развязный, святский молодой человек! Вездь есть типы этой любезности, только они мѣняются по кварталамъ. Тупиль, дамскій кавалеръ, въ заштонанныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, смѣется безпрестанно, говоритъ каламбуры, пробавляется забытыми острогами, въжничаетъ, и усмѣхъ его несомнителенъ. Всѣ юности ему завидуютъ; матушки просятъ его къ себѣ; онъ необходимая принадлежность каждаго обѣда; краснорѣчие его льется рѣкою между рыбою и жаркимъ; онъ любезничаетъ у рабочаго столика. Удержите свою улыбку при взглядѣ на нашего франта: этотъ типъ, съ некоторыми измѣненіями, повторяется на всѣхъ ступеняхъ общества, до самыхъ отдаленныхъ закоулковъ. Я встречалъ *данди* въ лохмотьяхъ, и узнавалъ ихъ съ перваго взгляда.

За ужинкомъ Г. Тупиль еще авантюристъ.

«Выпьемъ въ честь новаго года!» восклицаетъ хозяинъ.

«Выпьемъ!» повторяетъ Тупиль.

Посмотрите: теперь онъ упрасиваетъ дамъ откушать вина, не смотря на всѣ ихъ увѣренія, что онъ не въ состояніи проглотить ни одной капли. Тогда мѣщанскому *лаву* открывается новое поприще. Онъ проситъ позволенія говорить, и произносить рѣчь «на новый годъ.» И вдругъ изъ Ловеласа превращеніе въ Канинга. Известно, что коренной Англичанинъ не можетъ жить безъ рѣчи; онъ не проглотитъ куса ростбѣфа, не выпьетъ рюмки джину, не сказавъ рѣчи на этотъ случай. Между тѣмъ, какъ аристократическое общество изгнало изъ своего круга этотъ странный обычай разглагольствовать, пить такого ничтожнаго мѣщанскаго собранія, или сокнеу, которое не гордилось бы своимъ собственнымъ ораторомъ, витійствующимъ послѣ обѣда, на самыя пустѣйшія темы, но восторженные слушатели платятъ ему обильную дань рукоплесканій. Послушаемъ Тупиля. Не успѣли дамы выйти изъ столовой, онъ встаетъ и обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на это блестящее созвѣздіе жепскихъ головокъ, которымъ украшенъ былъ салонъ почтеннаго хозяина. Если послушать его, жепскій полъ прислать сюда своихъ блестятейшихъ представительницъ.

«Крики: Вниманіе! Вниманіе!»

«Какъ ни печалитъ меня отсутствіе дамъ, я спѣшу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы предложить тостъ, котораго никакъ не осмѣлился бы провозгласить въ ихъ присутствіи.»

Единодушные и продолжительные рукоплесканія.

«*Дамы*—продолжаетъ нашъ ораторъ—въ числѣ ихъ находятся прелестныя дочери нашего благороднаго хозяина, отличающіяся своею красотою, талантами и любезностію. Пожелаемъ счастья на новый годъ нашимъ дамамъ!»

Громкія рукоплесканія потрясаютъ стѣны цѣлаго дома. Но дамы не слушаютъ витійства ихъ поклонника; онъ въ это время предаются не менѣ шумнымъ утѣхамъ. Шарканье ихъ раздается изъ другой комнаты; онъ танцуютъ галопадъ.

Едва утихаютъ рукоплесканія, сопровождавшія тостъ, предложенный Тупилемъ, молодой человекъ, въ розовомъ жилетѣ, помѣщенный на другомъ концѣ стола, показываетъ несомнѣнные знаки ужаснаго волненія. Онъ желаетъ бы *говорить* въ свою очередь. Сердце его грызетъ ядовитая змѣя зависти. Онъ открываетъ ротъ, хмуритъ брови, готовъ разразиться рѣчью, но Тупиль во-время подстерегаетъ его намѣреніе. Онъ продолжаетъ вдохновенную рѣчь свою. Видъ его поситъ на себѣ печать величія и торжественности.

«Надѣюсь,» говоритъ онъ, «мнѣ позволено будетъ предложить еще одинъ тостъ.»

Всеобщее одобреніе. Тупиль продолжаетъ.

«Я увѣренъ, что сердца ваши, господа, проникнуты глубокою благодарностію къ нашему достойному хозяину и его достопочтенной супругѣ, за ихъ радушное гостепримство, и, можно сказать, великолѣпное угощеніе. (Громкія рукоплесканія). Хотя я въ первый еще разъ имѣю честь и удовольствіе находиться въ этомъ домѣ, мы уже давно знакомы съ Г. Добблемъ; мы имѣли съ нимъ частыя сношенія по дѣламъ. О, еслибы каждый изъ присутствующихъ могъ знать Г. Доббля, какъ легко знаю. (Увы! союзъ ихъ основанъ на ссудахъ, которыя Доббль дѣлаетъ Тупилю, правда, не очень охотно. Хозяинъ откачивается. Тупиль продолжаетъ). Да! свѣтъ не производилъ лучшаго человека, такого вѣрнаго друга, неопытнаго отца семейства.....»

Вниманіе! Вниманіе!

«Вы его видели сегодня въ семейномъ кругу. Надобно посмотреть его утромъ, когда онъ исполняетъ свои трудныя обязанности по службѣ. Онъ съ твердостью отдаетъ приказанія, отвѣчаетъ съ достоинствомъ, ласково принимаетъ просителей, всегда почтителенъ къ начальникамъ, простъ и внимателенъ съ своими подчиненными.»

Громкія рукоплесканія.

Потомъ онъ обращается къ достопочтенной супругѣ и ихъ богатому надеждами сынку, и оканчиваетъ рѣчь провозглашеніемъ тоста: «За здоровье хозяина и хозяйки!»

Восторгъ сообщается всему обществу, какъ электрическая искра. Тунпль собираетъ обыкновенную дань зависти и удивленія. Торжество его несомнѣнно.

У всякаго народа есть свой конекъ. Въ Италіи на каждомъ шагу встрѣтите *знатока*, а въ Германіи—философа. У Французовъ — въ крови страсть строить несбыточные политическія теоріи. Англичанинъ поминаетъ на рѣчахъ. На этомъ только поприщѣ можно стяжать неувядаемую славу. Нить клуба, гдѣ не повторялись бы ежедневно рѣчи, подобныя краснорѣчивому «слову» Г. Тунпль. Праду сказать, и Парламентъ часто попадаетъ въ эту колею: общія мѣста, громкія слова, высокопарныя фразы, пустые эпитеты, составляютъ сущность очень многихъ, весьма важныхъ рѣчей. Журналы ихъ перепечатываютъ и цѣлый свѣтъ читаетъ.

Такъ пролетаютъ первыя минуты этого новаго года, въ пеленкахъ надутости и глупости. Тунпль кончаетъ. Всѣ гости идутъ въ залу.

Кто прежде ужина застычиво становился въ кадрили, теперь отличается въ бѣшеномъ вальсѣ.... Музыканты фальшивить. Танцы до утра. Старый годъ скончался. *De profundis!*

Рука моя устала. Какой шумъ, стукъ! Раздается первый бой полночнаго часа! Ужасная минута невольнаго туманить мысли, наносить на сердце тоску! Вотъ я началъ за здравіе, а свель за упокой! Еще однимъ годомъ ближе къ вѣчности. Въ будущемъ году, этотъ часъ, можетъ быть, уже не застанетъ насъ на землѣ. Мы съядаемся спѣвлю червей.

Но колокола заводятъ радостную пѣсню. Они вьютъ отрадою на душу христіанина. — Да здравствуетъ новый годъ!

==

РАХЕЛЬ ВАРНГАГЕНЪ ФОНЪ ЭНЗЕ.

Едва ли не въ первый разъ Русскій журналъ удѣляетъ здѣсь нѣсколько страницъ женщины, составившей одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашего столѣтія, женщины, которая хотя сама ничего не печатала, но о которой составилась теперь цѣлая литература въ Германіи. О Рахели знаютъ Франція, Англія, Италія, вся просвѣщенная Европа, но не знаютъ только Россія — и не мудрено: мы зрители, и въ многосложной драмѣ, развивающейся предъ нами, довольствуемся только замѣчаніемъ главныхъ действующихъ лицъ, а такія тайныя пружины, каково вліяніе женщины, которая, хотя была въ близкихъ сношеніяхъ со всѣмъ, что въѣхъ ея имѣлъ значительнѣйшаго въ области наукъ и искусствъ, но которая никогда не выходила изъ тѣснаго круга друзей и знакомыхъ, никогда не являлась въ мірѣ публично, печатно — намъ еще извинительно было не знать. Теперь, когда перенеска ея явилась въ свѣтъ, Рахель сдѣлалась общимъ, Европейскимъ явленіемъ, къ которому и мы вѣрно не останемся равнодушными.

Говоря о Рахели, нельзя анализировать это рѣдкое существо по тѣмъ началамъ, по которымъ мы оцѣниваемъ женщину, своимъ умомъ, талантами или положеніемъ въ свѣтъ, сдѣлавшуюся центромъ общества, или женщину, выказывающуюся печатно, женщину-писательницу: ни Рекамье, ни Сталь, ни одна изъ известныхъ царицъ салоновъ, или писательницъ, не могутъ быть сравнимы съ Рахелью — она не была ни тѣмъ, ни другимъ, и чтобы понять ее, надобно прежде отказать отъ нашихъ условныхъ понятій о женщинѣ. Рахель владѣла качествами того и другаго рода женскихъ знаменностей, но была выше всѣхъ известныхъ въ наше время женщинъ, уже потому, что соединяла въ себѣ все дары, какіе мы видимъ въ тѣхъ — не принадлежала ни къ какому разряду—была просто *женщина*. Въ этомъ титулѣ Рахели есть лучшее ея опредѣленіе, сильнѣйшее право на наше вниманіе. Что такое женщина? — говоримъ объ идеалѣ женщины. — Афеа, на которой природа разыграла все свои дивныя гармоніи, начиная отъ высшихъ умственныхъ созерцаній дѣ легкаго, пѣжнаго трепета, производимаго въ душѣ; однимъ изъ тѣхъ неопредѣленныхъ, неуловимыхъ оттѣнковъ тончай-

шаго чувства, для которыхъ нѣтъ даже имени на языкѣ человѣческому. Такова была Рахель. Жизнь ея была такъ полна, такъ обильна всѣмъ тѣмъ, что только есть прекраснаго въ природѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ, въ обществѣ, что эта полнота не дозволяла ей быть чѣмъ-либо, кромѣ женщины. Женщина-авторъ, женщина-художникъ есть уже шагъ ниже отъ своего идеала; она входитъ въ частность, въ определенность, теряетъ свой, всему сочувствующій, всему содѣйствующій, но не дѣйствующій характеръ; ее можно классифицировать, дать ей отдѣлъ въ этомъ мірѣ, гдѣ все, даже явления души, подраздѣлены на участки; Рахель же была общность всего, и ея молчаніе есть признакъ ея высоты, есть сила. «Существо столь высокое — говорить о ней Маркизъ де Кюстинъ — имѣлъ нѣсколько болѣе тщеславія, искало бы для себя слушателей, читателей, но Рахель хотѣла только друзей; она говорила для того, чтобы сообщить жизнь, ее наполнившую, а не для того, чтобы возбуждать удивленіе.» Въ послѣднемъ случаѣ она утратила бы свое величіе.

О Рахели никогда нельзя бы было говорить равнодушно; но здѣсь, въ Берлинѣ, среди общества, котораго она была душою, украшеніемъ, отрадою, бесѣдуя съ людьми, исполненными къ ней высочайшаго благоговѣнія, не возможно удержаться отъ порывовъ энтузіазма къ этому необыкновенному существу, и какъ грустно думать, что только немногіе могли любоваться этою дивною жизнью, что она пролетѣла для толпы незамѣтно! Уже сама по себѣ, какъ явленіе, Рахель заслуживаетъ извѣстность и вниманіе, но мало ли прекрасныхъ явленій мелькаютъ незамѣченными! Человѣчество отчасти эгоистъ: оно интересуется тѣмъ только, что ознаменовало себя въ немъ, что оставило по себѣ очевидный слѣдъ. Въ этомъ смыслѣ, Рахель также имѣетъ права на его вниманіе; прекрасная жизнь ея прозвучала не безплодно: она оставила отголосокъ въ перенискѣ, которая теперь сдѣлалась достояніемъ всего образованнаго міра.

Рахель Антоія Фридерика Левинъ, извѣстная также подъ именемъ Рахели Робертъ, сестра извѣстнаго писателя Людвига Роберта, родилась въ Берлинѣ въ 1771 году. Дѣтство ея — говорить Маркизъ де Кюстинъ — было продолжительною борьбою организаци, общающей силу и здоровье, съ живымъ и пламеннымъ воображеніемъ, нарушившимъ равновѣсіе силъ

правственныхъ съ тѣлесными.» Эта борьба имѣла результатомъ тѣ страшныя и неопредѣльныя болѣзни, которыя называютъ первическими, и которыя происходятъ болѣе отъ души, нежели отъ тѣла. Не смотря на это дисгармоническое состояніе, Рахель, одаренная умомъ глубокимъ, пытливымъ, душою возвышенною и пламенною, развила то, что дала ей природа, и обогатила себя самыми разнообразными свѣдѣніями. Вскорѣ рѣдкія качества ума и души ея доставили ей извѣстность въ столицѣ Пруссіи, безъ тѣхъ средствъ, которыя обыкновенно способствуютъ женщинамъ стать впереди общества — знатности, богатства, рѣдкой красоты. Рахель, съ помощію своей богатой души и рѣдкаго ума, сдѣлалась душою лучшаго и блистательнѣйшаго Берлинскаго общества, въ эпоху, когда Берлинъ былъ мѣстомъ аристократіи — все собралось вокругъ Рахели; все стекалось черпать нравственное наслажденіе въ этомъ богатомъ источникѣ высшей жизни. Довольно, если мы скажемъ, что Принцъ Лудвигъ Прусскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ герцоговъ великой эпохи Наполеона, и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ царственныхъ особъ своего времени, былъ ревностнѣйшимъ посѣтителемъ скромныхъ вечеровъ Рахели Левинъ, на которыхъ, время отъ времени, являлось все, что имѣла Германія замѣчательнѣйшаго, въ эпоху, когда въ ней происходила умственная и поэтическая реакція. «Изучать Рахель Варнгагенъ — говорить одинъ изъ ея биографовъ — значитъ изучать Германію, и преимущественно Пруссію, въ блистательнѣйшую эпоху ихъ умственнаго развитія и въ несчастнѣйшее время ихъ исторіи — именно въ началъ текущаго столѣтія, потому, что Рахель, какъ существо, одаренное высшими дарами, была вѣрнымъ отраженіемъ своихъ современниковъ и соотечественниковъ.»

Съ этою эпохою совпадаетъ высшее развитіе ея духа. Она на минуту выступила изъ частнаго круга на поприще общественной дѣятельности, разлила тысячи благодѣлій, и опять сокрылась въ толпѣ, чтобы уклониться отъ благодарности и почестей, долженствовавшихъ быть наградою ея подвиговъ. Въ 1813 году, когда Пруссія вооружилась на избавленіе себя отъ иноземнаго ига, Рахель Варнгагенъ начертила планъ женскаго патриотическаго общества (Frauenverein). Величайшая изъ женщинъ Германіи первая принесла на жертву

отечеству часть своего достоянїя, и взяла въ свое попеченіе бѣдныхъ и рапеныхъ. Въ продолженіе всей кампанїи, Рахель была пѣусынна: собирала пожертвованїя, вела переписку съ членами общества, посѣщала больницы и лазареты, снабжала бѣдныхъ пищею, платяемъ. Благотворительность была ея стїхїею; она всегда отличалась этимъ прекраснымъ качествомъ своего пола, и когда, по окончанїи войны, ей хотѣли назначить орденъ Луизы, она не только не согласилась, но даже со всею своею энргїею военротивилась принять награду за то, что почитала своимъ долгомъ.

Не смотря на положеніе свое въ центрѣ лучшаго общества Германїи, на личныя дружественныя отношенїя къ величайшимъ умамъ ея, къ царю современныхъ поэтовъ — Гѣте, Рахель такъ была далека отъ чувства тщесалїя — столь впрочемъ естественнаго въ подобномъ положенїи — что не увлеклась страстію эпохи, и не оставила даже записокъ. Между тѣмъ ни одна женщина въ мїрѣ не владѣла въ такомъ изобилїи матеріалами для того, чтобы сдѣлаться знаменитѣйшею писательницею своего вѣка. Какое богатство идей! Какая сила фантазїи! Какая мѣткая, пѣкная и вмѣстѣ глубокая оцѣнка событїй, людей и произведенїй! Сколько знанїя — и какая дивная душа! Все это вы найдете въ перепискѣ, собранной и изданной по смерти ея. Соберите всѣ мысли, всѣ чувства, всѣ идеи, разсыпанныя въ этихъ письмахъ, никогда не предназначавшихся для свѣта, и укажите на книгу послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, въ которой бы столько было ума, поэзїи, сколько въ перепискѣ Рахели Варнгагенъ — и со всемъ тѣмъ она никогда ничего не печатала и не писала для печати. Пишала для публики, и слѣдовательно, желая дѣйствовать на толпу, надобно покориться условїямъ формы, безъ которой ничто не можетъ быть принято и усвоено другими; но Рахель, какъ существо, въ высокой степени оригинальное и вполнѣ самобытное, не могла подчинить внутренняго своего богатства этимъ внѣшнимъ условїямъ; писать же лишь для того, чтобы сообщить нѣсколько любопытныхъ подробностей объ эпохѣ, нѣсколько замѣчанїй, наблюденїй, словомъ, писать Записки или подобнаго рода сочиненїя, гдѣ вы, не заботясь о стройности формъ, можете вписывать все, что попадетъ вамъ подъ перо — такого рода занятїе не существуетъ для такихъ душъ, какъ Рахель Варнгагенъ. «Внутри ея вра-

щалась и созидалась творящая жизнь — говоритъ Теодоръ Мундтъ, въ статьѣ: *Rahel und ihre Zeit* — она была художникъ въ душѣ, но у ней поэзїя была только какъ внутреннїя сила, безъ художническаго стремленїя выразить высшимъ образомъ, а потому Рахель никогда не чувствовала наклоности къ поэтическому выраженїю своихъ мыслей. Словомъ, какъ истинная женщина, она имѣла въ себѣ все: и мыслительность писателя, и вдохновенїе поэта, безъ мужескаго стремленїя, передавать то и другое толпѣ, дѣлиться тѣмъ съ нею. За то, бесѣда ея имѣла необыкновенную, чарующую прелесть, которая еще больше возвышалась благородствомъ, *внутреннею* красотою ея паружности и очаровательнымъ голосомъ. Какъ уловить влїенїе, которое имѣла такая женщина на умы ученыхъ и поэтовъ, искавшихъ ея бесѣды и повѣрившихъ въ ея мыслихъ свои собственныя! Какъ отгадать въ сочиненїяхъ ихъ то, что они выносили съ вечеромъ этой дивной женщины. Бесѣда была истинный кругъ ея дѣйствїя, настоящее ея поприще. Кроме бесѣды изустной, Рахель высказывала себя въ бесѣдѣ письменной. Письма были любимымъ ея занятїемъ въ минуту покоя и свободы. Это былъ второй родъ ея дѣятельности. Какъ скоро ее тревожила какая нибудь мысль, волновало чувство, она брала перо, и свободно начинала высказываться въ письмѣ къ кому нибудь изъ многочисленныхъ друзей своихъ, писала много, но безъ всякаго прїязанїя на внѣшнїя достоинства своихъ писемъ, оттого-то они имѣютъ такую невыразимую прелесть: въ нихъ все жизнь, все душа. Переписку Рахели превосходно умѣлъ оцѣнить Вильгельмъ Гумбольдтъ. Онъ говоритъ: «Дочь моя читаетъ мнѣ эту дивную книгу, которую слушаешь съ такимъ интересомъ, какъ будто видишь передъ собою вѣчную борьбу ума и чувства. Жаждешь развязки этой борьбы, а потому спѣшишь окончить книгу, и въ то же время чувствуешь столь сильную привязанность къ сей послѣдней, что не хочешь выпустить ее изъ рукъ. Множество идей, особенно оригинальныхъ отдѣльныхъ мыслей, подають поводъ къ продолжительному размышленїю, по всего болѣе замѣчательна жизнь, которою проникнуты всѣ эти письма; въ нихъ нѣтъ ни одной мертвой буквы—не знаю ни какой другой книги, о которой могъ бы то же рассказать».

При всемъ желанїи ознакомить Русскую публику съ столь

редкимъ явленіемъ, какова переписка Рахели Варнгагенъ, я не рѣшусь перевести здѣсь ни одного письма ея. Что выбрать? Какъ выбирать тамъ, гдѣ каждое слово такъ полно, такъ многозначительно, такъ живо въ цѣломъ, и вмѣстѣ все такъ просто, естественно, кажется обыкновенно! Нѣтъ, выбирать изъ этой книги не возможно; ее надобно читать, читать, не какъ романъ, для препровожденія времени, но для душевной пищи, для нравственнаго наслажденія. Лучше передать здѣсь еще нѣсколько подробностей о дивномъ авторѣ.

Рахель Левинъ вышла въ 1814 году замужъ, за известнаго и уважаемаго въ Германіи писателя и дипломата, Варнгагена фонъ-Энзе. Одинъ уже этотъ бракъ свидѣтельствуеетъ о необыкновенныхъ свойствахъ этой женщины: Г-ну Варнгагену было 29 лѣтъ; со всѣмъ тѣмъ, онъ непоколеблался избрать себѣ въ спутницы жизни Рахель, имѣвшую около 44 лѣтъ отъ роду. Но прекрасная душа этой женщины могла ли когда нибудь состариться? 19 лѣтъ ихъ брачной жизни составляли единственный примѣръ счастья нравственнаго, высокаго, для котораго не существовали ограниченныя пренятствія неравенства возрастовъ. Рахель Варнгагенъ, до самой кончины своей, послѣдовавшей въ 1853 году, оставалась тою дѣлательною, живою, глубокомыслящею и глубоко чувствующею Рахелью, коей друзьями были Принцъ Лудовикъ Прусскій, Принцъ де-Линъ, которой удивлялись Гете, Жанъ-Поль, Тикъ, оба Гумбольдта, Шлегели, Шейермахеръ, Новалисъ, Генцъ, всѣ литературныя и художественныя знаменитости Германіи, которые знали ее лично, и для которыхъ открыты были сокровища ея бесѣды. Даже тяжкія страданія, претерпѣваемая ею въ предсмертную болѣзнь свою, не въ силахъ были ослабить этой полноты и высоты внутренней ея жизни. Какаѣ необыкновенная судьба этой женщины! Она сама, на смертномъ одрѣ своемъ, въ высокомъ провидѣніи, дивилась своей участи. «Страница изъ Египта и Палестины,» говорила она, стоявшему у ея изголовья Г-ну Варнгагену—«я шла здѣсь, у васъ, и помощь, и любовь, и попеченіе.»

«Провидѣніе послало меня тебѣ, любезный Августъ, и тебѣ мнѣ. Съ высокимъ восторгомъ вспоминаю я о моемъ происхожденіи, и о всей судьбѣ моею, въ коей, не смотря на отдаленія, соприкасаются древнѣйшія воспоминанія человѣчества съ новѣйшимъ порядкомъ вещей. Я не отказалась бы теперь ни

за какую цѣну отъ того, что было для меня во всю жизнь мою величайшимъ стыдомъ, тѣчайшимъ страданіемъ и бѣдствіемъ—отъ моего Еврейскаго происхожденія. Не будетъ ли когда нибудь того же и съ этими тѣлесными страданіями? Не возвышусь ли я и до нихъ съ такою же радостію, что не захочу ни за какую цѣну отъ нихъ отказаться?—О любезный Августъ! какаѣ утѣшительная надежда, какое многозначительное сближеніе! Этою-то дорогою мы пойдемъ въ путь!..... Августъ! сердце мое освѣжилось въ глубинѣ своей: я думала о Иисусѣ и плакала о его страданіяхъ. Никогда еще я такъ вполнѣ не чувствовала, какъ онъ близокъ ко мнѣ.»... Не видна ли въ этихъ словахъ душа женская, по душѣ высокая, и при этой любознательности, при этомъ свѣтломъ и глубокомъ умѣ, какаѣ чистая религіозность! Кто хочетъ вполнѣ узнать эту дивную женщину, тотъ пусть, прочтя ея письма, прочтетъ также, напечатанную въ 1856 году, въ Лейпцигѣ, книгу: О религіозности Рахели (Ueber Rahel's Religiosität). Можно бы было указать на многіе подобныя трактаты о ней, но лучше было указать на многіе подобныя трактаты о ней, по лучше изучать ее въ ней самой, въ ея письмахъ: каждое изъ нихъ, по внутреннему своему богатству, можетъ подать поводъ къ особымъ трактатамъ.

Я не могъ знать лично Рахели, а ее могъ узнать и оценить вполнѣ только тотъ, какъ замѣчаетъ г-нъ Варнгагенъ, кто въ теченіе долгаго времени былъ близокъ къ ней, наблюдалъ за нею въ различныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ жизни. Кто же могъ въ такомъ случаѣ лучше знать ее, какъ не самъ г-нъ Варнгагенъ?—А потому я заимствую здѣсь портретъ, нарисованный имъ въ введеніи къ ея письмамъ: «Самыя эти письма—говорить онъ—не смотря на то, что въ нихъ душа и умъ ея различны богатымъ самобытнымъ потокомъ, не могутъ дать полного и совершеннаго понятія о ней самой. Главная черта, главное отличие ея богатой души состояло въ самобытной, свободной внутренней жизни, и въ протекавшей отсюда безпрерывной духовной дѣлательности. Эта чистота и свобода души, и эта дѣлательность давали всѣмъ ее мыслямъ видъ повѣи, освѣщали и отбѣляли предметы, оживляли ихъ, и увлекали слушателей, такъ, что ни какое изображеніе, ни какой разсказъ не въ силахъ представить вѣкъ свойствъ этого высоко-оригинальнаго созданія. Въ присутствіи ея—продолжаетъ г-нъ Варнгагенъ—я испытывалъ чув-

ство совершенно новое: мнѣ казалось, что я вижу предъ собою первобытный типъ человека, во всей его чистотѣ и совершенствѣ, такимъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца. Въ каждомъ словѣ и движеніи ея, природа нравственная и физическая выказывалась во взаимномъ, свободномъ дѣйствіи; повсюду видны были образы вѣрные, струны звучныя и стройныя, прямое сочувствіе природѣ; умъ оригинальный и плавный всегда свободно выражалъ свои мысли, и соединялъ въ себѣ тонкость съ простодушіемъ, являлся высокимъ и величественнымъ, что все соединено было съ быстротою въ словахъ и дѣйствіяхъ, потому что присутствіе духа, пронизательность, ловкость и чрезвычайная прозорливость не оставляли ея ни на минуту. Все эти качества согрѣты были чистѣйшею добротою, прекраснѣйшею, всегда дѣлательною и бдительною любовію къ человечеству, живѣйшимъ участіемъ въ горѣ и радостяхъ ближняго. Все прекрасное, что до сего времени я встрѣчалъ въ людяхъ раздѣльно, нашель въ ней соединеннымъ: умъ, остроуміе, глубокомысліе, любовь къ истинѣ, воображеніе, пропія—все это, сплавленное вмѣстѣ, проливалось рядомъ, то смѣлыхъ, то кроткихъ и граціозныхъ мыслей, этихъ колебаній внутренней жизни, которыя у ней, какъ слова Гёте, касаясь предметовъ, проникали ихъ собою, становились сами предметами, и дѣйствовали своею глубокою внутреннею силою. Рядомъ съ этимъ величіемъ и глубиною истекала также женская кротость и грація, которыя сообщали особенную прелесть ея глазамъ и пріятному рту, не препятствуя впрочемъ являться въ нихъ выраженію одушевленія и страсти. Сомнѣвался, чтобы можно было тотчасъ представить себѣ ясно такое соединеніе противоположныхъ даровъ и враждебныхъ элементовъ; я самъ по крайней мѣрѣ долго находился въ сомнѣніи, и не довѣрялъ, пока наконецъ не убѣдился въ дѣйствительности того, что изложилъ здѣсь. Въ одномъ только я убѣжденъ былъ съ перваго съ нею свиданія, что она была необыкновенное и рѣдкое явленіе.».....« Ни какой предразсудокъ, ни каюс предубѣжденіе противъ нея не могли устоять предъ вліаніемъ, производимымъ ее присутствіемъ; свѣтъ и истина являлись тотчасъ въ полномъ своемъ блескѣ. Ея простые и естественныя пріемы, невысказанная легкость и плавность разговора, сначала обыкновенно падавшего на

вседневныя темы, уничтожали то настроеніе духа, съ которымъ вступали съ нею въ бесѣду, и мѣсто этого принесеннаго расположенія, мало по малу, заступало другое, вытекавшее изъ бесѣды, принадлежавшее именно настоящей минутѣ. Она тѣмъ легче овлаживала душою собесѣдниковъ, что каждое слово ея было чисто и свѣтло, какъ источникъ, истекающей изъ скалы, и сообщало даже обыкновеннымъ предметамъ какую-то прелесть жизни, характеръ истины и свѣжести душевной. Такъ вблизи ея ощутилъ я новую атмосферу, павъ-вавию на меня поэзіей, и именно чрезъ то, что обыкновенно называется совершенно противнымъ поэзій — чрезъ дѣйствительность, замѣтливую у ней иллюзію, чрезъ сущность, заступающую мѣсто вышности и вида.».....

Къ дополненію портрета это дивной женщины, мы приведемъ здѣсь сужденіе о ней великаго знатока человеческого сердца, Гете, ея любимца, идола, высокое мѣсто коего въ поэзій она заняла и предсказала одна изъ первыхъ. Гете зналъ ее, когда она была еще Рахелью Левинъ, и говорилъ о ней Фейту: «Эта дѣвушка съ необыкновеннымъ умомъ; она всегда мыслитъ, и притомъ въ ней столько чувства! Гдѣ найти подобную? Это что-то необыкновенное. Мы были всегда вмѣстѣ, и проводили время дружески и откровенно; она одарена такими сильными чувствами, какихъ я никогда не замѣчалъ въ другихъ, и притомъ имѣетъ такую власть надъ ними, что можетъ заставить ихъ молчать, когда захочетъ». — Онъ же сказалъ объ ней Горну: «Она (Рахель) сколь сильно чувствуетъ, столь же легко выражается. Первое качество даетъ ей высокое значеніе, второе дѣлаетъ ее пріятною; первое заставляеть насъ удивляться въ ней оригинальности, второе заставляеть любить эту оригинальность, и находить въ ней удовольствіе. Должно согласиться: мы много встрѣчаемъ людей, которые кажутся оригинальными, но что же намъ порукою, что это не обманъ, что то, что мы почитаемъ вдохновеніемъ высокаго духа, есть не что иное, какъ простое дѣйствіе какойнибудь случайности, минуты? Но объ ней нельзя того сказать: она, сколько я ее знаю, каждую минуту равна себѣ самой, всегда одушевлена совершенно оригинальнымъ, ей только свойственнымъ образомъ, и притомъ спокойна. Короче, она то, что я называю бы прекрас-

ною душою. Чѣмъ ближе узнаешь ее, тѣмъ сильнѣе къ ней влечешься, болѣе любишь ее. . . .»

Вотъ какъ думалъ Гете о Рахели. Мнѣніе его избавляетъ насъ отъ труда приводить мнѣнія другихъ знаменитыхъ современниковъ этой дивной женщины. Окончимъ статью двумя стихами изъ стихотворенія къ ней Г-на Функа, въ которыхъ очень удачно выражена вся ея характеристика:

Es ist des Geistes Majestät,

Im Rahm der Weiblichkeit erschienen!

Мнѣ остается пожелать, чтобы мои соотечественники, особенно соотечественницы, обратили вниманіе на три тома писемъ Рахели Варнгагенъ, изданныхъ по смерти ее ея супругомъ: *Rahel, ein Buch des Andenkens für ihre Freunde*, (Berlin, 1834) и на сочиненіе, служащее дополненіемъ и объясненіемъ къ этимъ томамъ: *Gallerie von Bildnissen aus Rahel's Umgang und Briefwechsel 2 Bde.* (1836). Переписка Рахели есть не только лучшая книга изъ лившихся въ последнее десятилетіе, но книга, стоящая наряду съ замѣчательнѣйшими явленіями Европейской литературы въ текущемъ столѣтіи. Въ ней увидать женщину во всей ея чистотѣ, величіи и совершенствѣ, не ту женщину, которую намъ представляютъ Французскіе романы, женщину, разрываемую страстями, въ дисгармоніи съ обществомъ, своими обязанностями, религіею, не женщину свѣтскую, легкую, тщеславную, и вмѣстѣ граціозную—пѣть, женщину такую, какую хотѣло Провидѣніе послать человѣку въ помощь, въ утѣшеніе, въ отраду, женщину, все раздѣляющую, всему сочувствующую, высокую, граціозную, спокойную, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда одушевленную. Не должно ожидать отъ писемъ Рахели блесковъ ума и краснорѣчія, игривой говорливости Французскихъ писательницъ—пѣть, Рахель писала не для свѣта, не изъ тщеславія. Письма ея изліяніе души; они такъ же глубоки и спокойны, какъ она сама; въ нихъ повсюду истина, мысли и чувство. Все, что близко и дорого сердцу человѣка, все нашло въ нихъ мѣсто: и величіе и мышленіе, и вопросы жизни настоящей, и тайны судьбы человѣка, и искусство, и жизнь всеневная, все это перемѣшано съ дивною нестроготою. Пусть соѣвуются съ этой книгой, думаютъ надъ нею; чрезъ это получаютъ къ ней любовь, какъ къ другу, къ высокому наставнику. Если три тома устрашать читательницъ, не привыкшихъ къ та-

кой долгой умственной бесѣдѣ, мы укажемъ имъ на маленькую книжку: *Rahel, Toiletengeshenk für die Gebildeten des weiblichen Geschlechts, herausg. von Funck* (Bamberg 1835) въ которой помѣщены замѣчательнѣйшіе отрывки и изрѣченія, заимствованныя изъ переписки Рахели. Но можно ли дѣлать извлеченія изъ книги, въ которой, какъ говоритъ Гумбольдтъ, нѣтъ ни одной мертвой буквы! Лучше читайте полную переписку Рахели, откажитесь отъ мишуры, въ которую обыкновенно одѣваютъ мысль, пуская ее въ странствованіе по человечеству, попробуйте надъ книгою Рахели войти въ прямое соприкосновеніе съ великою душою, въ бесѣду духа, въ которой форма, слово дѣлаются ничтожными. Если душа не утратила небесныхъ даровъ своихъ, она полюбитъ эту бесѣду, свякнется съ нею, и дивный образъ Рахели оживетъ передъ вами, и воодушевитъ васъ ко всему прекрасному.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ узнали Москвичи, что Сѣверная Пчела принимаетъ съ новаго года въ число сотрудниковъ многихъ литераторовъ, не только Петербургскихъ, но и Московскихъ. Этого давно желали всѣ и надѣлялись;— потому что Сѣверная Пчела, до сихъ поръ была нѣсколько одностороннимъ журналомъ. Мы надѣемся, что Сѣверная Пчела не откажетъ намъ, Москвичамъ, въ помѣщеніи нашихъ статей, тѣмъ болѣе что мы уже видѣли у васъ кое-что изъ Москвы. Но съ чего же начать слово свое, рѣчь Московскую? Да попросту съ того, какъ поживаемъ здѣсь. Слава Господу, по-тихопѣку, по-маленьку. А вѣдь золотое правило, Московское: кто живетъ прытко, тотъ живетъ скоро, и проживетъ, не успѣвъ ни въ чемъ, а тише вѣдешь—дальше будешь.

И такъ, слава Богу, поживаемъ мы по-тихопѣку. И точно, говоря въ литературномъ отношеніи, — у насъ все тихо, смирно, не шелокнетъ, слышно какъ снѣгъ падаетъ. Два раза въ недѣлю, по средамъ и субботахъ, всеобщее безмолвіе нарушается выходомъ Московскихъ Вѣдомостей. Онѣ на широкихъ крыльяхъ своихъ разносятъ по Москвѣ новости о

продажъ домовъ, о вызовъ кредиторовъ, о новой продажъ старыхъ книгъ изъ библиотеки Г. Логинова и. т. п.

Влетѣвъ въ свѣтъ, Московскія Ведомости тотчасъ являются повсюду, и въ креслахъ барина, и въ анбарѣ торговца, всѣ ихъ читаютъ, всѣ радуются. Это самое утѣшительное изданіе. Къ числу старыхъ повостей въ Москвѣ принадлежатъ продолжающееся изданіе Московскаго Наблюдателя. Журналъ Земледѣльческій идетъ съ постепенностью, дѣлающею честь трудолюбивымъ издателямъ. Журналъ Сахароваровъ также. Вновь прибылъ къ числу подобныхъ изданій Журналъ Садоводства. Прибавьте къ этому Журналъ Овцеводовъ — вотъ и всѣ періодическія изданія. Въ царствѣ книжномъ все обстоитъ попрежнему, и только два романа Г. Вельмана, *Сердце и душка*, и *Виржинія*, имѣютъ право обратить на себя вниманіе публики. О нихъ будетъ особо статья, если только дозволите.

О паружности Москвы хотѣлось бы кое-что поговорить, по кто-то предупредилъ насъ, въ № 2 Сѣверной Пчелы, и прибавлять въ зимнюю пору ичего. Лишь только растаетъ снѣгъ, и окрестности откроются, не преминемъ сообщить о нихъ, что узнаемъ.

Позволите теперь обратиться къ одному изъ самыхъ занимательныхъ въ настоящее время предметовъ въ Москвѣ, — именно къ театру. Начнемъ съ того, что вкусъ публики къ сему роду удовольствій постоянно усиливается. Цифры годовыхъ отчетовъ ежегодно прибавляются, а это лучшее доказательство сказаннаго нами. Декабрь прошлаго года, какъ говорится, «перевыручилъ», противъ Декабря 1836, до 5000 рублей — хотя репертуаръ не заключалъ много занимательнаго, и хотя ни одна изъ пьесъ, вновь поставленныхъ на бенефисъ, не имѣла успѣха замѣтнаго. Бѣдность нашей оперы, съ развивающимся вкусомъ публики къ этому роду зрѣлищъ, день ото дня замѣтнѣе, и нѣтъ надежды на ея исправленіе. Старые пѣвцы поютъ по старому, ничего не прибавляя новаго, Новыхъ пѣвцовъ нѣтъ. Г. Миллеръ, басъ лучше Лаврова по голосу, что можно доказать нотами, дебютировалъ безуспѣшно, потому, что не знаетъ языка. Обстоятельство, конечно, неспрѣтное, по которое можно преодолѣть терпѣніемъ, трудомъ и любовью къ искусству. Аскольдова Могила одна, прекрасно обставленная, выдерживаетъ постоянно свои представленія, хотя, по общему

театральному закону, сдѣлалась пѣсью воскресною, а это не бездѣлица. Г. Фельцманъ, капельмейстеръ нашего театра, давалъ въ свой бенефисъ оперу Маршнера, *Царь Дугловъ*, но она рѣшительно упала — тайна, но не загадка для любителей оперы.

Теперь о балетѣ. Въ ту пору, когда васъ восхищаетъ неподражаемая Таліони, и у насъ была танцовщица, одна изъ лучшихъ: Грековская — отличавшаяся на Вѣпскомъ театрѣ. Она молода, хороша, стройна, граціозна, превосходна въ мелкихъ па, была лестно принята публикою, но, по своимъ расчетамъ, не осталась на нашей сценѣ, и молоденькая Санковская удержала за собою первенство. Танцы ея хороши, но все вмѣстѣ не весьма живописно — не достаетъ роста. Драма и комедія... не шевелится. Ожидаемъ повостей изъ Петербурга. Слышно у насъ, что у васъ готовится кое-что новое...

Кстати о театрѣ. Извините: въ № 4 Сѣверной Пчелы напечатана статья о театрѣ, безъ подписи, названная *первое*, и эта статья показалась, какъ бы сказать, странною. Многіе и очень многіе дивятся ей, и думаютъ: это первал — стало быть будетъ вторая, и т. д., но и въ первой уже столько необыкновеннаго, что она обратила на себя вниманіе странною своихъ мнѣній. Надѣмся, что вы будете стольнисходительны и безпристрастны, что позволите сдѣлать нѣсколько замѣчаній на статью, вовсе не заводя спора, потому, что великіе споры непріятны, а литературные даже и скучны притомъ.

По мнѣнію напечатавшаго статью, «множество фактовъ доказываетъ, что эстетическое образованіе нашего общества, не болѣе какъ мода, привычка, или обычай.» Не такъ, кажется, потому, что мода, привычка или обычай, во всякомъ обществѣ и во всякое время, происходятъ изъ столь различныхъ началъ, что никогда и нигдѣ не могутъ имѣть одного и того же послѣдствія, а какія же послѣдствія, у насъ? Образованность. Воля ваша, по этотъ лакъ, которымъ покрыто наше общество, и который происходятъ отъ моды, привычки или обычая, никогда не можетъ быть названъ образованностью. Истинное образованіе, какъ развитіе мыслительной способности, не можетъ быть по модѣ, привычкѣ или обычаю. Это кажетъ

ея понятно, и следовательно, мнѣніе автора неправильно логически.

Датье: «Темная атмосфера нашей эстетической жизни освѣщается, хоть пярѣдка, самыми яркими проблесками дарованій, и въ нашемъ обществѣ есть все элементы и потребность изящнаго.» — Если это такъ, то къ чему же предыдущее, и что же оно доказываетъ? Вопросъ въ томъ: точно ли въ нашей жизни есть эстетическое образованіе, или оно дѣло случая, моды, привычки? Говорите прямо, если знаете, то или другое? То и другое вмѣстѣ — не клеится! — Да, и что разумеется подь словами: *наше общество?* Кто эти *мы*, которые все называютъ *нашими*? Если говорите искренно, и хотите сказать то, что думаете, а не вернуться общими мѣстами отъ точности, и завалить невѣрную мысль пышными фразами, употреблите не мѣстоименія, а имя. Что оно такъ пугаетъ васъ? Говорите прямо: Россія, Москва кажутся образованными, или точно образованы. Но къ чему же, спросить шше, такое длинное вступленіе, и какое зерно въ мысли, столь издалека развиваемой! Зернышко очень некрупное — представленіе на Московской сценѣ Шекспирова Гамлета, *которое есть одинъ изъ удивительныхъ фактовъ, которые такъ богато настоящее время*, и которое доказываетъ, что «нану публику несправедливо винять въ ея мнимои холодности къ изящному вообще, и къ отечественной литературѣ въ особенности.» Стало быть, переводъ Гамлета Шекспирова принадлежитъ къ литературѣ отечественной? Вы какъ думаете?

Кто не любитъ хорошаго? Но отдавалъ справедливость одному, справедливо ли унижалъ другаго, и къ извѣстію о успѣхѣ Гамлета, конечно пріятному, должно ли примѣшивать мысли ложныя, и доказывать, что только въ слѣдствіе сихъ мыслей, Московская или Русская публика, называемая въ статьѣ *наше общество*, оцѣнила высокое произведеніе Шекспира. И какія же это мысли, послушайте: «Къ свѣжему и мощному Русскому духу слабо приниалъ Французскій безсильный классицизмъ.»

Классицизмъ есть вовсе не такой вздоръ, который бы не заслуживалъ вниманія. Каждая литература, въ свою очередь и въ свое время, имѣла эту форму, которая не лишала ея ни дарованій, ни писателей. Все, что писано по-Русски до Ка-

рамзина, что образовало зерно литературы нашей, положило основной камень ея, все было классическое, по формѣ или направленію. Карамзинъ первый романтикъ Русскій, хотя по формѣ, обязанъ предшествовавшему своимъ настоящимъ, какъ и все литераторы послѣдующіе суть слѣдствіе предыдущихъ. Карамзинъ, въ свою очередь, произвелъ Жуковского и Пушкина, и они сами, съ чувствомъ глубокой благодарности, говорили это, а Карамзинъ, безспорно плодъ литературы предшествовавшей. Да и не странно ли нападать намъ на все преждее за то, что формы его несходны съ нашими? У кого достанетъ духу смѣяться надъ отцемъ, за то, что онъ ходилъ въ шитомъ камзолѣ? Что за раздѣль по табели о рапгахъ прекрасному? Форма и самое направленіе могли и должны были замѣняться, сообразно духу времени, но хорошее было и будетъ хорошимъ, въ какой бы формѣ ни являлось человѣку толковому. Справедливо ли порицать бывшее, создавшее настоящее? Согласно ли съ здравымъ смысломъ думать, что мы, Русскіе, поздравивъ другихъ начавшіе свое образованіе, должны отречься отъ началъ нашихъ, непрерывнугь къ современному безъ постепенности? Это-то и будетъ образованіе по модѣ, привычкѣ или случаю. Народъ, подобно чловѣку, постепенно образуется, а это связано неразрывно съ отдачею справедливости предшествовавшему. Кто не уважаетъ его, тотъ только переменчивъ, а не образованъ.

«Въ короткое время и тѣсно сроднились съ Русскимъ духомъ живыя вдохновенія Германіи и Англій.»

Гдѣ же и какъ произошло это *сродненіе*? Какіе плоды его? Какіе изъ писателей Германіи, основавшіе и создавшіе литературную славу ея, переведены у насъ? Кто, кроме Жуковского, знакомилъ насъ, сблизжалъ съ Германскою литературою, и точно роднилъ съ нею своими творческими переводами? Но много ли ихъ? Нѣсколько піесъ Гѣте и Шиллера — только! Чѣмъ же мы *тѣсно сроднились* съ литературою Англій? Какіе писатели ея переведены нами, прочтаны? Да и тѣ понятія, которыя имѣемъ о литературахъ Германіи и Англій, не отъ Французовъ ли достались намъ? Будемъ, по крайней мѣрѣ, искренни, не назывимъ въ этомъ дѣлѣ нашему Русскому характеру. Говорить ли еще объ этомъ? Доказывать ли, что эта мысль ложна? Если Жуковскій началъ прекрасно, что подражать

ему? А подражатели, верный признак потребности времени. Какіе историки Германіи и Англіи переведены у нас? Наконецъ, возьмите цифры, четыре первыхъ правила арифметики, Сличите-ка, какал пропорція учащихся и знающихъ языкъ Французскій и Нѣмецкій, не говоря объ Англійскомъ. Посмотрите на ввозъ иностранныхъ книгъ — какихъ привезено больше? Сочтите по пальцамъ!

«Французскій романтизмъ имѣлъ еще менше вліянія на свѣжую Русскую жизнь.»

На какую же изъ Европейскихъ литературъ имѣлъ онъ вліяніе сильнѣйшее? Въ вещи познаются изъ сравненія. Возьмемъ наши. Рядъ историческихъ романовъ, такъ недавно лившихся у насъ, не есть ли плодъ общаго направленія, даннаго Вальтеръ-Скоттомъ, и узаннаго нами изъ изданій Французскихъ? А наши послѣднія повѣсти? А Марлинскій, столь близкій къ Жюль-Жанену? А толпы бездарныхъ подражателей? А самыя журнальныя статьи наши по Французской выкройкѣ? Будьте же искренни и скажите, что ни одна литература иностранная не имѣла и не имѣетъ большаго вліянія на Русскую, какъ литература Французовъ, — начиная съ конфетнаго билета до послѣдней лучшей повѣсти. А кстати, какія повѣсти у насъ во всѣхъ журналахъ переводятся? Не Французскія? Нѣмецкія? Англійскія?*) Рѣшительно можно сказать, что литература Французовъ имѣла и имѣетъ, можетъ быть, къ сожалѣнію, огромное вліяніе на литературу Русскую, которую только благоразуміе вѣншее сохраняетъ отъ подражаній юной словесности, хотя въ эти выходы противу прежнихъ писателей суть направленіе совершенно во вкусъ юной словесности. Разрушивъ уваженіе къ прежнему, но неволь создадимъ мы идолопоклоненіе чему нибудь современному. Дайте каждому долю свою. Требуйте отъ современности, чтобы она шла впередъ, совершенствовалась, но не топчите въ грязь прошлаго, изъ котораго возникло настоящее. Еще разъ: лучшія произведенія Германіи и Англіи не переведены у насъ; переводятся только Французскія, и мысль, что мы тѣсно еродились съ вдохновеніями Германіи и Англіи, есть ошибка,

*) Есть Журналы въ которыхъ переводятъ ихъ съ Французскаго, изъ Revue Britanique, а подписываютъ подъ ними, будто онѣ переведены съ Англійскаго.

положимъ; хронологическая. Есть люди, которые смотрятъ далеко впередъ, и не видятъ настоящаго, — люди не глубые, но только ошибающіеся.

«На равнодушіе нашего общества къ созданіямъ Державина, Озерова и Батюшкова есть право. Наше общество, вмѣстѣ со временемъ, самый непогрѣшительный критикъ, и если оно часто принимаетъ *мишуру за золото*, то не больше какъ на минуту.»

Не простѣ ли такъ: мы имѣемъ полное право не уважать Державина, Батюшкова и Озерова, потому что они мишура? Неужели подобныя слова заслуживаютъ опроверженія! По какому праву винить общество въ равнодушіи къ Державину или Батюшкову? По *собственному убѣжденію*, будутъ отвѣчать намъ, какъ это обыкновенно дѣлается. Но что такое ваше убѣжденіе? Не предубѣжденіе ли? Основано ли оно на глубокомъ наблюденіи, знаніи современныхъ наклонностей, понятій, направленія, даже образованія? Сомнительно, очень сомнительно, если слава Державина, его дарованія, талантъ, поэзія—мишура! Это ужъ не мысли, а болѣзненное произведеніе головы. Тутъ нельзя спорить и доказывать. Кто воспѣлъ Бога, Феліну, все, что дорого сердцу благородному, мишура! — Тотъ, чьимъ благословеніемъ гордился Пушкинъ—мишура? Кого Жуковскій чтитъ, какъ праотца—мишура? Возражать на подобныя выходы, значить истощать терпѣніе каждаго. Довольно. Письмо становится длинно, какъ рѣчь того, кто возстаегъ противу убѣжденія и истины, чтобы только сдѣлаться замѣтнымъ. О Гамлетъ въ будущій разъ, если позволите.

А. М.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОВЪЯСНЕНИЯ.

Отвѣтъ сочинителя книги: «Димитрій Иоанновичъ Донской, первоначальникъ Русской славы»

И аще будещи мудръ, въ тиши: Критика есть дыханіе литературы, и всякое покушеніе достигнуть критики дѣльной, должно, по крайней мѣрѣ, быть извѣщено людьми безпристрастными. Мысль Н. А. Полеваго. Моск. Телегр. 1829, ч. 27.

Въ Декабрѣ прошедшаго года, я издалъ историко-критическое изслѣдованіе объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ жизни Русскаго народа. Привѣтно, радушно встрѣченная многими литераторами и учеными, приобретенными *прав*о на уваженіе къ себѣ своихъ соотечественниковъ, книга моя должна была подвергнуться общему суду, тѣмъ болѣе, что, взявъ въ эпизодъ слова партизана-поэта, Д. В. Давыдова, я вызывалъ всѣхъ *знающихъ дѣло* оспаривать мои положенія и выводы, если они кому нибудь покажутся неправильными. Критики, подробнаго разбора еще не было ни въ одномъ изъ нашихъ журналовъ; краткія рецензіи — явились, и первая въ «Библіотекѣ для Чтенія» (Янв. 1838, т. XXVI, отд. VI, стр. 12.)

Объ этой рецензіи — я ни слова, потому что — эту великую истину провозгласила сама Б. для Ч. (1834, т. II, отд. V, ст. 12): «Нѣтъ ничего неумѣстнѣе, какъ грозно возставать на *милли* критики, по охотѣ, *разсѣять* или *необходимости* помѣщаемыя въ журналахъ.» Въ самомъ дѣлѣ, чего не сдѣлаетъ необходимость? Пословица правду говоритъ: нужда пльнетъ, нужда скачетъ, нужда пьсенки поетъ! Къ тому же, расшутившись, — а извѣстно, что «редакторъ Библіотеки любить *шутить*, и «библіографія Библіотеки есть безпрерывная шутка (Сынъ Отечества 1838, т. I, отд. V, стр. 64.) — Библіотека сдѣлала, вовсе не думая о томъ, самый неожиданный комплиментъ, приписавъ *мнѣ* великую мысль гениальнаго человѣка, которымъ гордится XIX вѣкъ, и который видѣтъ въ будущемъ подаѣе кого-нибудь иного. За это мнѣ остается только благодарить Библіотеку.

Совсѣмъ другое дѣло рецензія, помѣщенная въ «Сѣверной Пчелѣ» (Янв. 1838, № 6, стр. 22.) Скромно, благородно изложилъ свое мнѣніе неизвѣстный рецензентъ, и на такую рецензію я всегда готовъ отвѣчать съ удовольствіемъ; въключивъ въ тоя и взаимное уваженіе — вѣрные признаки высокой образованности, а съ человѣкомъ образованнымъ даже и спорить пріятно.

Не опровергая *ни одного* моего положенія, рецензентъ Сѣв. Пчелы утверждаетъ только то, что я «не правъ, придавая мысли Полеваго видъ какой-то злонамѣренности; далее, приводить сокращенно нѣкоторыя мѣста изъ послѣдствія, *относить ихъ къ г. Полевоу*, и прибавляетъ: по нашему мнѣнію, все это неприлично говорить при unseremъ спорѣ. *Говорите о дѣлѣ, но для чего трогать гостя* своего противника, драгоценную собственность каждаго человѣка?» Въ заключеніе, рецензентъ утверждаетъ, что если авторъ дѣйствительно *правъ*, а Полевой *виноватъ*, то онъ *неправъ* въ томъ, *что онъ* говоритъ о Полевоу, и оканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Надѣмся, что съ нами согласится каждый безпристрастный и благомыслящій человѣкъ.»

И я первый отдаю полную справедливость благонамѣренности и благородному образу мыслей почтеннаго рецензента, и вмѣстѣ съ нимъ думаю совершенно одинаково, что въ *утомъ спорѣ не прилично* вмѣшиваться ни какихъ личностей и трогать *гостя* своего противника, драгоценную собственность каждаго человѣка. *Доказательствомъ* тому служатъ *все* мѣста моей книги, въ которыхъ я разбираю мнѣнія г. Полеваго. Пусть рецензентъ со вниманіемъ перечтетъ *все* книгу, и тогда онъ перестанетъ говорить, будто бы я придаю мысли г. Полеваго видъ какой-то злонамѣренности, не будетъ опрометчиво, по первому взгляду, относить къ г-ну Полевоу того, что сказано... о другихъ.

Повѣримъ это самую книгою.

Въ предисловіи (нѣсколько словъ отъ сочинителя) у меня сказано: «Излагая свои мысли, е діаметро противоположныя мнѣніямъ послѣдняго историка Россіи, Н. А. Полеваго, авторъ почелъ за необходимое подробно разобрать тѣ главы Исторіи Русскаго народа, которыя сюда относятся; и нѣкоторыя мѣста изъ другихъ сочиненій, въ которыхъ г. Полевой говоритъ о теоріи Исторіи вообще и о сущности

событій того времени.» Потомъ, исчисливъ пункты, въ которыхъ пельзя согласится съ г-мъ Полевымъ (Димитрій Донской, Святой Алексій Митрополитъ, политическое значение Русскаго Духовенства), я продолжаю: «Самъ г-нъ Полевой желалъ слышать *безпристрастныхъ* мнѣнйя о трудѣ своемъ, просилъ указать на его *погрѣшности*, дополнить *неполное*, посылить *тепное* и исправить все это своимъ указаніемъ» (*); говорилъ, что охотно готовъ сознаться въ своихъ *ошибкахъ* (**); обещалъ печатать, и дѣйствительно печаталъ обличенія своихъ собственныхъ ошибокъ, какъ выразился онъ, прибавивъ, что *истина всего дороже* (***). Выдавая первый томъ своей Исторіи, г-нъ Полевой сказалъ: болѣе всякаго другаго я чувствую смѣлость своего предпріятія, трудность его, и *исповершество* своего труда... Замѣчанія о частныхъ *ошибкахъ*, *неточностяхъ*, *несогласіяхъ* долгомъ почту принимать съ *благодарностью*, такъ что при каждомъ вновь выходящемъ томѣ буду *исправлять* доказанныя ошибки въ прежде изданныхъ (****). И мы, уважая и трудъ г-на Полеваго, не смотря на все *недостатки*, составившія *замыслительное явленіе въ современной Русской литературѣ*, и самого г-на Полеваго, какъ *полезнаго для Русской литературы дѣятельнаго*, рѣшились откровенно высказать ему *тѣсную истину*, въ полной увѣренности, что онъ, какъ историкъ, *любитъ истину*, покорится ей: исключить, по своему обещанію, все несправедливое, укоризны мужу котораго величіе доказано дѣлами, и признано единодушно и современниками его и потомствомъ. Таково наше искреннее желаніе!» (Д. Т. Д. стр. 15).

Спрашиваю жъ «каждаго безпристрастнаго и благомыслящаго человѣка»: можно ль изъясняться умѣреннѣе и добросовѣстнѣе? есть ли въ словахъ моихъ что-либо оскорбительное для *гести* г-на Полеваго, какъ человѣка, гражданина и писателя! Кромѣ *одного желанія добра* г-ну Полевому, какъ писателю, ничего не лзя вывести изъ словъ моихъ.

Пойдемъ далѣе.

Въ отдѣленіи IV, стр. 30, я говорю, что «г-ну Полевому хотѣлось выставить на первомъ планѣ характеръ Алексія, какъ *единаго* главнаго дѣятельнаго, и, въ особенности, какъ

(*). Москов. Телеграфъ, 1854, ч. 55, стр. 314; (**). *ibid.* (***) М. Т. 1831, ч. 40 ст. 282; (****) М. Т. 1829, ч. 30, ст. 468.

главную причину успѣховъ Димитрія» и тотчасъ же выставлю свое мнѣніе объ Алексіи, не говоря болѣе ни одного слова о мнѣніяхъ г-на Полеваго, которые разбираются въ отдѣленіяхъ VII, VIII и XI. Пусть почтенный рецензентъ прочтеть еще разборъ мнѣній объ удаленіи Димитрія изъ Москвы, о походѣ на Новгородъ, о характеристикѣ правленія Димитрія вообще (отдѣленія: XVIII, XXIV, XXX, XXXI) и потрудится указать не только *хотя малѣйшій намѣкъ на злонамѣренность*, но даже *хоть одну какую нибудь выходку*. Относительно всего этого я несогласенъ съ г-мъ Полевымъ; но его мнѣнія вездѣ опровергаю *только фактами*, почтала пасмышки, а тѣмъ болѣе личности, вовсе неприличными и неумѣстными въ ученомъ спорѣ: здѣсь должно говорить за себя само *дѣло*, а не личности и пасмышки.—Особенно выисалъ на доказательствахъ, утверждая, что г-нъ Полевой «не понималъ Димитрія *единственно* отъ *излишняго пристрастія* къ Алексію Митрополиту» (стр. 103), а придавъ особенную важность мнимымъ дѣйствіямъ Митрополита «для оправданія мысли своей, будто бы святитель Московскій былъ то же что *первосвященникъ Римскій*» (стр. 44), и съдѣственно для подтвержденія не только въ основаніи, но *во всяхъ* подробностяхъ о тождествѣ Крестовыхъ походовъ съ *нашествіемъ Татаръ* мысли (ст. 45), что по моему мнѣнію, несправедливо, однимъ словомъ, утверждать и *доказывать*, что такой-то писатель *ошибается*, значить ли оскорблять *гестъ* своего противника, какъ человѣка, гражданина и даже—какъ писателя! Ясно и положительно говорить, что эта ошибка происходитъ отъ желанія подтвердить подробностями двѣ другія мысли, о тождествѣ *первосвященника* Московскаго съ Папою Римскимъ, и Крестовыхъ походовъ съ *нашествіемъ Татаръ* = значить ли придавать мысли своего противника видъ *злонамѣренности*?... Говорить правду, которая по пословицѣхъ хоть и глаза колетъ, кажется, не всегда значить оскорблять честь: въ противномъ случаѣ, не лзя бъ ни съ кѣмъ даже и разговаривать, не только пера въ руки брать.

Наконецъ рецензентъ долженъ бы замѣтить, что среди самыхъ опроверженій, я вездѣ отдаю *полную справедливость личности и вѣрности сужденій г-на Полеваго* тамъ, гдѣ онъ не *увлекается пристрастіемъ* къ Алексію Митрополиту: прочтите отдѣленіе XVI, въ отд. XXIII страницу 90 въ

отд. XXVII стр. 96 и 97 и примѣчанія 52 и 54, въ отд. XXXI примѣчаніе 69, и даже, если угодно, примѣчаніе къ 12 страницѣ въ предисловіи. Выписывать все это было бы слишкомъ долго и заняло бы слишкомъ много мѣста: любопытные могутъ сами просмотрѣть страницы, здѣсь означенныя.

И такъ, совершенно правѣй относительно моихъ историческихъ понятій, по сознанию моего рецензента, я совершенно правъ и относительно того, что я говорю о г-нѣ Полевомъ. Скажу болѣе: только въ моей книгѣ встрѣчается г-нъ Полевой критику дѣльную и хладнокровную, гуждую всѣхъ партій, благонамѣренную и справедливую, хотя, можетъ быть, и строгую. Правда я не станомлюсь и не думаю становиться на колѣни передъ «Исторіею Русскаго народа»; говорю, что она замѣчательное явленіе только въ современной Русской литературѣ; но, утверждая это, я вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаю, что все-таки она явленіе замѣчательное, не смотря на всѣ недостатки. И этому отзыву чловѣка совершенно безпристрастнаго, самъ г-нъ Полевой навѣрное отдастъ иренумщество передъ папыщенными похвалами однихъ и безусловною бранью другихъ. Прибавлю: мое мнѣніе такъ вѣрно, что въ письмѣ къ покойному Марлинскому (1834 г.) г-нъ Полевой, говоря о Русскихъ литераторахъ, опредѣляетъ свое мѣсто въ современной литераторѣ почти такимъ же образомъ.

Оправдавшись отъ обвиненія, будто-бы я придаю мысли г-на Полеваго видъ какой-то злонамѣренности, я имѣю полное право спросить почтеннаго рецензента, по какому праву онъ далъ моимъ словамъ изъ «посвященія» смыслъ какой-то слугу угодно? Можетъ быть, рецензентъ скажетъ, что это слова мои, слѣдственно относится къ г-ну Полевому. Согласенъ: это слова мои; но слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ они относились къ г-ну Полевому? Или: все что ни писано въ моей книгѣ—неужели относится только къ нему? На страницѣ 26, напримеръ, я говорю о недостаткахъ Исторіи Карамзина; на страницѣ 154 сказано, что «повѣствованія, находящіяся въ книгахъ Львова, Яковкина, Иларіона Васильева и многихъ другихъ — грубыя компиліціи, о которыхъ и упоминать не стоить»: все это напечатано въ моей книгѣ; но слѣдуетъ-ли отсюда, чтобъ все это относилось къ г-ну Полевому единственно потому, что напечатано въ моей книгѣ?...

А вѣдь таковъ силлогизмъ рецензента... Но, если не къ Полевому, пожалуй спросить рецензентъ,—то къ кому же, именно относится приведенный слова изъ посвященія? коего называю я мнимыми космополитами? мнимыми потому, что истинный космополитизмъ не чуждается своей родины: истинно-всѣмїрный гражданинъ равно любитъ всѣ народы, всѣ страны, слѣдственно и ту, къ которой принадлежить онъ, какъ мѣсту своего рожденія... Чтобъ кончить всѣ недоумѣнія и разрѣшить этотъ вопросъ, должно было бы назвать по именамъ всѣ эти книги, а это пенничею вовлекло бы въ личности, которыхъ я стараюсь избѣгать...

Я высказалъ свое мнѣніе, не называя никого по имени; не стану называть и теперь. И «каждый благомыслящій чловѣкъ», надѣюсь отдастъ моему молчанію въ этомъ случаѣ полную справедливость. Sapienti sat!

Въ заключеніе, чтобъ ничего не оставлять необъясненнымъ, прибавлю: не принадлежа ни къ одной изъ партій, раздѣляющихъ, или точнѣе, раздражающихъ Русскую литературу, и слѣдственно гуждый всѣхъ литературныхъ предразсудковъ, я былъ совершенно безпристрастенъ къ г-му Полевому. Полагал, что Исторія, написанная Н. А. Полевымъ, «не смотря на всѣ недостатки, составляетъ замѣчательное явленіе въ современной Русской литературѣ» (Д. Т. Д. стр. 15), и видя, что большая часть этихъ недостатковъ заключается въ излишнемъ увлеченіи, заставлявшемъ автора быть слишкомъ пристрастнымъ относительно однихъ лицъ и оттого несправедливымъ относительно другихъ, я желалъ показать историкѣ, что приговоръ цѣлаго народа никогда не бываетъ несправедливымъ, потому что въ своей общности, цѣлости, онъ всегда разумно-сознательнъ, и оспаривать этотъ приговоръ всегда бесполезно, потому что цѣлый народъ всегда умнее одного лица, и сужденіе цѣлаго народа, который не можетъ увлекаться пристрастіемъ, всегда истиннѣе и справедливѣе сужденія одного лица. Показавъ истинную точку зрѣнія на отношенія историческихъ лицъ къ народу, и на сужденія народа о такихъ лицахъ, я желалъ остановить увлеченіе историка, и тѣмъ отстранить въ слѣдующихъ томахъ, съ такимъ петербургскимъ ожидаемымъ всеми подписчиками, множество ошибокъ, неизбѣжныхъ, когда историкъ пристрастенъ; я желалъ, поэтому, заставить историка быть осмотрительнѣе,

потому что «страсть удѣлъ поэта, а не историка» это собственныя слова г-на Полеваго. Я *долженъ* былъ выяснитъ г-ну Полевою истинное понятіе о народности историческихъ лицъ, потому что изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей г-нъ Полевой *самъ пользуется народностью*: дѣйствуй, повидимому, противъ историка, *въ самолюбъ дѣлалъ я дѣйствоваель въ пользу сео*, указывала ему, *до него* можетъ довести это увлеченіе къ некоторымъ лицамъ, и въ *какія* отношенія поставить къ народу, хотя бы и неумышленно, безъ намѣренія. Откровенно высказавъ мои мысли объ этомъ предметѣ въ «послѣсловіи» я напомнилъ (въ предисловіи) г-ну Полевою его обещаніе «при *каждомъ* вновь выходящемъ томѣ *исправлять доказанія ошибки въ прежде изданныхъ*». Государственными актами, которыхъ *не лзя оспорить*, и доказала несправедливость мнѣній г-на Полеваго о Донскомъ, и, надѣюсь, что г-нъ Полевой, какъ человекъ *благородно мыслящій, сознаеть истину*; какъ историкъ, *ищущій истины, любящій истину*, покорится ей, и, *жертвуя пустьль самолюбиль, исполнитъ* свое обещаніе: *перепечатаетъ* всѣ страницы пятаго тома своей «Исторіи», которыя даютъ несправедливое понятіе объ одномъ изъ величайшихъ людей своего вѣка, «*дѣлами* приобрѣтшемъ право на величіе, которое приписываетъ ему *не произволь одного лица*, могущаго ошибаться, но разумно сознательный приговоръ *цѣлаго народа*, единодушная, некрепная любовь *цѣлой Руси*;» о томъ истинномъ *первоначальникъ* новой славы Русской, которому *благодарный народъ* уже воздвигъ памятникъ вѣчный, тверже всякаго гранита и металла, изъ любви и воспоминанія дѣлъ его.

И прежде, въ замѣчаніяхъ на «Исторію Русскаго Народа» въ моей книгѣ, и теперь въ этомъ поясненіи къ рецензій на мою книгу, одно *искреннее желаніе добра г-ну Полевою*, какъ писателю, *руководило перомъ моимъ*. Видѣть, по моему мнѣнію, ложное направленіе и не сказать ни слова,—тогда какъ самъ г-нъ Полевой просилъ «*указать* на его погрѣшности, *дополнить* неполное, *пояснить* темное, *исправить* все это своимъ указаніемъ», было бы непростительно. Можно не говорить, даже не нужно говорить правды такому человеку, который свое Я цѣнитъ выше всего въ мірѣ; но, когда писатель говоритъ, что «*истина* всего дороже», что онъ охотно *готовъ признаваться* въ ошибкахъ, каждый кто только до-

рожить истинною, *долженъ* доставить такому литератору средства усовершенствовать трудъ свой; *обязанъ* исполнитъ благородное желаніе его, *указать* ему на его погрѣшности, *дополнить* неполное, *пояснить* темное, *исправить* все это своимъ указаніемъ. Такъ думалъ, я почелъ обязанностью удобно выговорить желанію историка Русскаго народа, который также, съ своей стороны, вѣрно, оцѣнитъ доброе намѣреніе, и при седьмомъ же томѣ сдержитъ свое слово: отказаться отъ своего мнѣнія, въ пользу истины, ни для кого и никогда не стыдно!

Послѣ такого объясненія, увѣренъ, что «каждый безпристрастный и благомыслящій человекъ», слѣдовательно и почтенный рецензентъ Сѣверной Пчелы, согласится—со мною.

«Мудрому довѣгетъ» какъ сказалъ некогда Курбскій.

**ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА.**

(Январь и Февраль 1858 года).

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

<i>Александрова. Нада</i>	147
— — — Звѣзды	147
<i>Бенедиктова В. П. К</i> — му	22
<i>Бернета. Пѣсня воспоминанія</i>	23
<i>Граф. Е. Р. Балъ</i>	145
<i>Грибовдова. А. С. Отрывокъ изъ поэмы: «Кальяччи»</i>	19
<i>Губера. Э. И. Посвященіе изъ Фауста</i>	18
— — — — Художнику	143
— — — — Могильные цвѣты	155
<i>Кукольника Н. В. Сцена послевъ, изъ трагедіи: «Гене- раль-Поручикъ Паткуль»</i>	7
<i>Пагалази Н. Пѣснь матери</i>	149
<i>Сулжова Д. П. Элегія</i>	148
<i>Тимофеева А. И. Пловцы</i>	26
<i>Шаховскаго Князя А. А. Лѣнь. (Притча).</i>	154
<i>Якубовича Л. И. Бура на Балтійскомъ морѣ</i>	142
<i>Л. Н. Судьба Вавилона</i>	1
— — — Правда на судѣ	141
*** Адлерская пѣсня	150
*** (Другаго сочин.) Дума	156
— — — (Другаго сочин.) Памяти Дельвига	153

СМѢСЬ И НѢЧТО.

Новый годъ въ Лондонѣ	1
Рахель Варнгагенъ фонъ Энзе (<i>Я. Невстрова</i>)	7
Письмо изъ Москвы	17
Литературныя объясненія:	
I. Овѣтъ Сочинителя книги: Дмитрій Иоан- новичъ Донской	24

При ссль толь приложены ноты Испанскаго танца Кагуа.